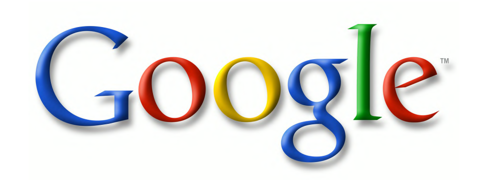
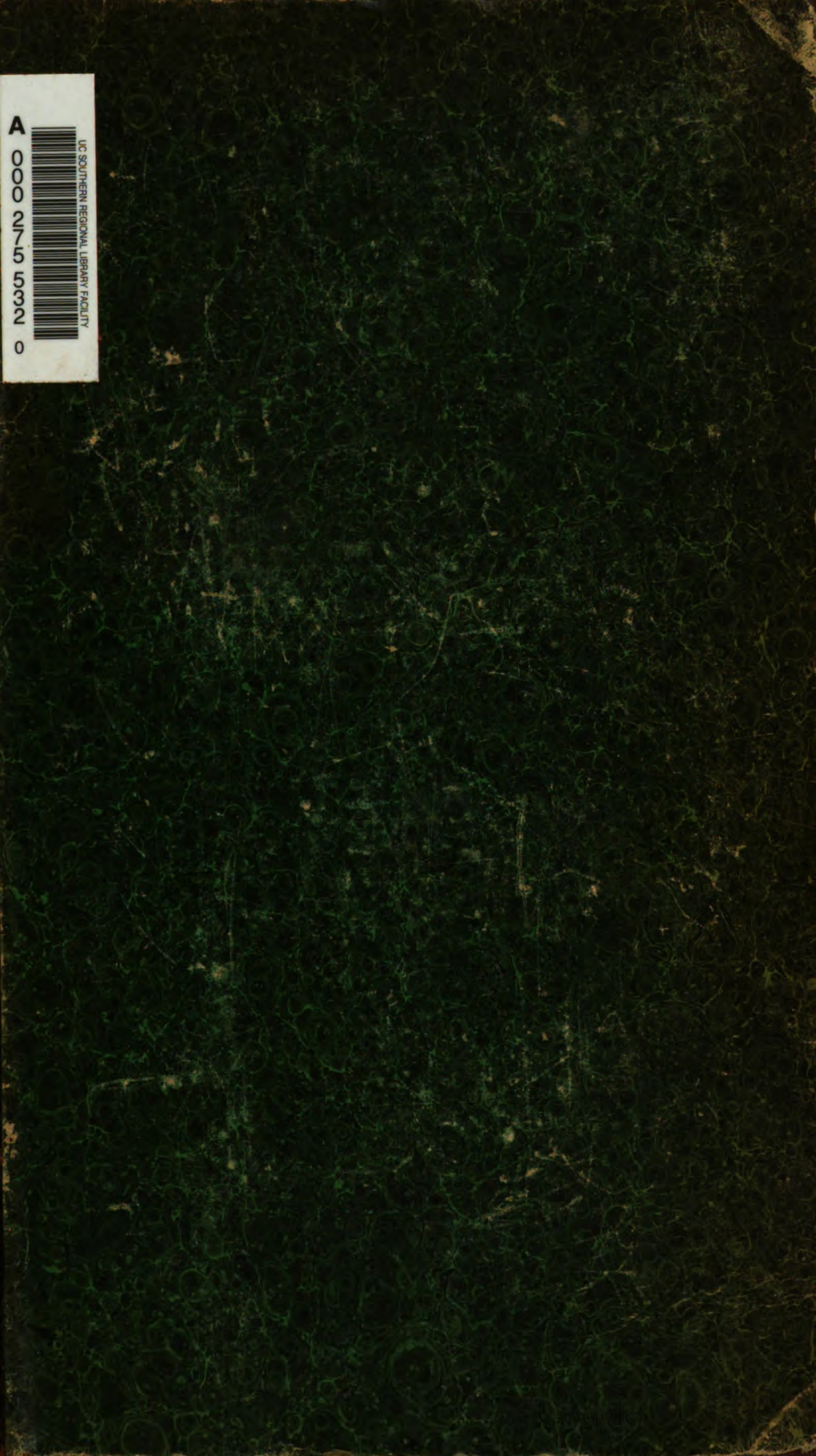
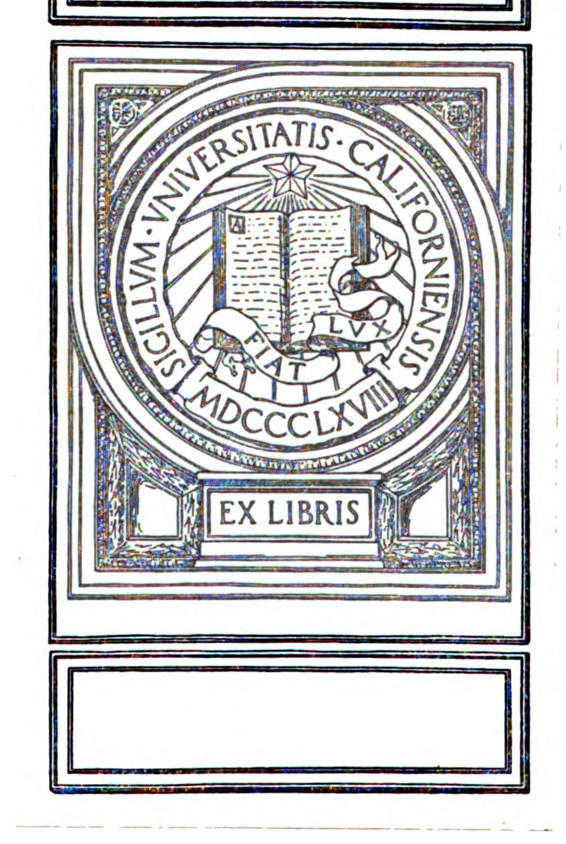

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
A 000 275 532 0

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
AT LOS ANGELES
SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
AT LOS ANGELES
SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXI

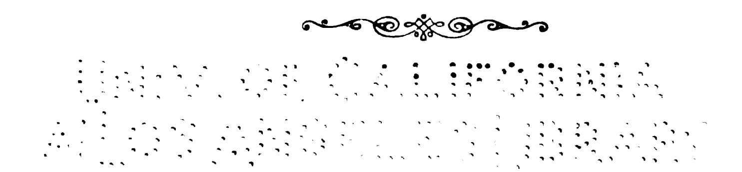
ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXI

1895

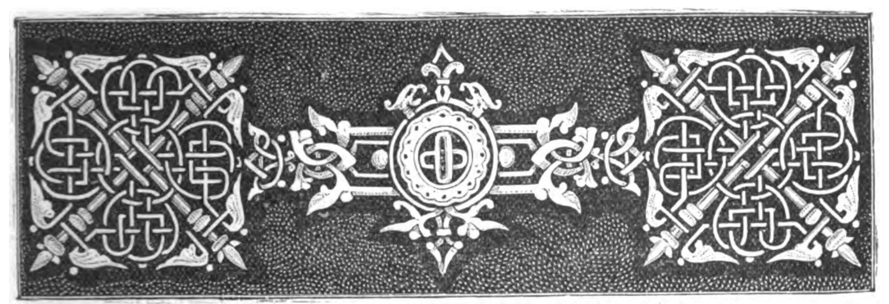
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1895

ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПОЛТОРАЦКІЙ

Дозв. ценз. спб., 16 іюня 1895 г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ [1].

XXVIII.

УТЕШЕСТВІЕ длилось долго, ѣхали куда-то далеко. А куда именно — не все ли равно! Вездѣ сумѣетъ «она» найти Клавдію и отъ всякихъ бѣдъ ее избавить, значитъ, надо только благодарить Бога за ниспосланную милость и уповать на Него во всемъ.

Съ часу на часъ воздухъ дѣлался мягче, теплѣе и душистѣе, а на десятый день ихъ путешествія, мимо оконъ кареты, изъ которыхъ она любовалась прелестными пейзажами, замелькали зеленыя рощи съ апельсинными, миндальными и вишневыми деревьями въ полномъ цвѣту, первыя даже съ плодами.

А была зима, когда они пустились въ путь, было холодно, и шелъ снѣгъ. Ѣхали быстро, останавливались только для того, чтобъ перепрячь лошадей, и, пользуясь луннымъ свѣтомъ, путешествовали и ночью.

Миновали они такимъ образомъ множество городовъ, большихъ и маленькихъ, деревень и мѣстечекъ, густо заселенныхъ народомъ въ чужеземной одеждѣ, съ домами оригинальной архитектуры. Люди

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LX, стр. 665.

эти, кажется, говорили поитальянски, если судить по отрывкамъ разговора, долетавшимъ иногда до ушей Клавдіи, во время остановокъ у постоялыхъ дворовъ, между обитателями и прислугой путешественниковъ.

Выходить изъ кареты Клавдіи было запрещено, а на вопросъ ея, скоро ли они пріѣдутъ, Октавіусъ отвѣчалъ, что ему это неизвѣстно. Графъ никому не сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ. Можетъ быть, они останутся въ Италіи, а, можетъ быть, поѣдутъ дальше.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, графъ самъ подошелъ къ каретѣ своей супруги, чтобъ объявить ей, что къ вечеру того же дня они пріѣдутъ въ монастырь, гдѣ ее ждутъ, и гдѣ она должна будетъ прожить года два, чтобъ окончить свое образованіе.

О приключеніи, повлекшемъ за собою ихъ отъѣздъ изъ Германіи, онъ не сказалъ ни слова, и Клавдія, разумѣется, не напомнила ему про этотъ эпизодъ, она сама была бы рада про него забыть.

Въ монастырѣ Клавдію продержали два года, въ отдѣльномъ помѣщеніи, комфортабельно и даже роскошно устроенномъ.

Прислугу ей дали ловкую и внимательную, но дѣвушка эта ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, не говорила, и Клавдія должна была объясняться съ нею знаками.

Воспитаніемъ ея занялись двѣ монахини, одна гречанка, другая итальянка, обѣ очень умныя и разносторонне образованныя. Хорошаго стариннаго рода, онѣ знали французскій и англійскій языки, какъ свой собственный, выглядѣли истыми аристократками, много путешествовали, видѣли всѣ достопримѣчательности Европы, прочитали все выдающееся въ литературѣ, и не было такого предмета, о которомъ онѣ не имѣли бы понятія, и такого вопроса, на который не сумѣли бы отвѣтить.

Одна изъ нихъ съ годъ времени занималась съ Клавдіей и музыкой, а затѣмъ, когда голосъ ея ученицы окончательно развился, въ монастырь сталъ ѣздить учитель,—важный, толстобрюхій итальянецъ, въ напудренномъ парикѣ и нарядномъ, модномъ кафтанѣ, въ жабо и манжетахъ изъ дорогихъ кружевъ.

И, должно быть, пріѣзжалъ сюда издалека этотъ франтъ и бралъ за уроки не дешево. Являлся онъ въ монастырь на почтовыхъ лошадяхъ, но въ своемъ экипажѣ, всегда подъ вечеръ, и пускался въ обратный путь рано утромъ, на разсвѣтѣ, переночевавъ въ павильонѣ, предназначенномъ для знатныхъ посѣтителей мужскаго пола.

Однако, надзоръ надъ Клавдіей, въ началѣ очень строгій, мало-по-малу сталъ ослабляться. Прискучило ли монахинямъ обращаться съ нею, какъ съ узницей, и нарушать исключительно для нея

одной порядокъ, установленный въ обители, убѣдились ли онѣ въ томъ, что порученное ихъ попеченіямъ молодое существо не способно злоупотребить ихъ довѣріемъ, а, можетъ быть, имъ показалось опаснымъ, какъ для ея здоровья, такъ и для нравственнаго ея развитія, лишать ее общества подругъ и развлеченій, свойственныхъ молодости, такъ или иначе, но настоятельница, съ мѣсяцъ спустя послѣ ея поступленія въ обитель, познакомила ее съ своими племянницами, дѣвицами де-Рошнуаръ, и рѣдкій вечеръ не приглашала ея въ комнаты этихъ дѣвицъ, которыя, не готовясь поступить въ монахини, занимались музыкой, чтеніемъ свѣтскихъ книгъ и разговорами о мірскихъ интересахъ, какъ въ любомъ салонѣ Сенжерменскаго предмѣстья.

Антуанета и Клара, маркизы де-Рошнуаръ, обѣ молоденькія, хорошенькія, остроумныя и любопытныя болтушки, съ первой встрѣчи полюбили Клавдію и наслушаться не могли ея разсказовъ про родительскій домъ и дальнюю родину. Клавдіи же не было больше наслажденія, какъ говорить про то, что было ей дороже всего на свѣтѣ. Наговорившись про милыхъ сердцу досыта, ей становилось легче на душѣ, точно она ихъ всѣхъ повидала.

И у Антуанеты съ Кларой было что поразсказать. Ихъ сюда привезли, благодаря смутамъ во Франціи. Воспитывались онѣ въ Парижѣ, тоже въ монастырѣ, но какая разница съ здѣшнимъ! Тамъ все было на модную ногу; ихъ учили танцовать; по пріемнымъ днямъ блестящая свѣтская молодежь являлась съ комплиментами и любовными признаніями, въ великолѣпную залу, предназначенную для свиданій юныхъ затворницъ съ родственниками. Впрочемъ, степени родства тутъ плохо соблюдались. Достаточно было познакомиться съ братомъ или кузеномъ которой нибудь изъ пансіонерокъ, чтобъ проникнуть въ монастырь. Тутъ завязывались любовныя интриги, кончавшіяся нерѣдко браками. Бывали примѣры, что бѣдныя дѣвушки, которымъ въ свѣтѣ негдѣ было бы и встрѣтиться съ богатыми женихами, прельщали красотой и любезностью посѣтителей знатнаго происхожденія, и такимъ образомъ судьба ихъ устроивалась такъ прекрасно, какъ никогда бы не удалось имъ устроиться дома.

Но то было въ Парижѣ, здѣсь же, въ обители, среди дикой гористой мѣстности, вдали отъ города, нечего было и мечтать о чемъ нибудь подобномъ. Кромѣ поселянъ да грубыхъ фермеровъ, даже и на богослуженіяхъ изъ постороннихъ никто не присутствовалъ. Да и кому была охота, безъ особенной надобности, заглядывать въ мурье, къ которому и дорога-то отъ города вела такая скверная, что, только рискуя на каждомъ шагу сломить себѣ шею, лавируя между утесами и обрывами, можно было сюда проникнуть. А еслибъ даже въ обитель и заѣхалъ какой нибудь предпріимчивый воздыхатель, то все равно его дальше церкви не пустили бы.

Уставъ былъ суровый, и соблюдался онъ строго; кромѣ отцовъ и мужей затворницъ, какъ, напримѣръ, виконта де-Монтелика (который заперъ сюда жену за какую-то провинность, и время отъ времени навѣщалъ свою несчастную жертву, чтобъ читать ей скучнѣйшую и длиннѣйшую мораль), затворницамъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не удавалось видѣть людей изъ общества. Впрочемъ дѣвицы Рошнуаръ не очень этимъ сокрушались. Онѣ были увѣрены, что затворничество ихъ долго продолжаться не можетъ. Какъ только порядокъ во Франціи возстановится, родители ихъ сами пріѣдутъ, или пришлютъ за ними довѣренныхъ лицъ, и онѣ снова возобновятъ сношенія съ парижскими своими подругами и кавалерами.

Поклонниковъ у каждой изъ сестеръ было такъ много, что Клавдія изумлялась объемистости ихъ сердецъ. Онѣ же смѣялись надъ ея наивностью и увѣряли, что у нихъ, въ Парижѣ, семилѣтнія дѣти опытнѣе ея.

— Да неужели вы въ самомъ дѣлѣ замужемъ?—допытывались новыя пріятельницы Клавдіи.—Ни за что невозможно этому повѣрить! Разскажите-ка еще разъ, какъ это случилось.

И Клавдія разсказывала, какъ она жила спокойно въ родительскомъ домѣ съ отцомъ, который весь день молился и читалъ святыя книги въ маленькой, скромной, какъ монашеская келья, комнаткѣ, въ то время, какъ мать наряжалась, принимала гостей и выѣзжала съ старшими дочерьми. Клавдію всѣ считали ребенкомъ, да и она сама думала только о куклахъ да объ играхъ съ меньшимъ братомъ, какъ вдругъ ей совершенно неожиданно объявили, что она взрослая дѣвица, и что ее везутъ на балъ. А потомъ, точно также внезапно и безъ всякихъ подготовленій, провозгласили ее невѣстой графа Паланецкаго и стали поспѣшно готовиться къ свадьбѣ. Графъ ѣздилъ къ нимъ каждый день, привозилъ ей богатые подарки, но ни о чемъ съ нею не разговаривалъ. Она его очень боялась. На ея сестеръ мать давно гнѣвалась, и ихъ обѣихъ отвезли въ монастырь. Маленькому брату взяли гувернера, который всюду за нимъ слѣдовалъ по пятамъ; впрочемъ Клавдіи было строго внушено, что, какъ невѣстѣ, ей неприлично играть съ мальчикомъ, и что она должна держать себя серьезно и важно, какъ будущая графиня Паланецкая. Въ новомъ своемъ положеніи ей было такъ тоскливо и жутко, что ей ужъ и самой захотѣлось скорѣе выйти замужъ. Все-таки перемѣна и, можетъ быть, къ лучшему. Можетъ быть, графъ окажется снисходительнѣе матери и дозволитъ ей хоть съ сестрами повидаться. Но онъ въ тотъ же день, тотчасъ послѣ вѣнчанія, увезъ ее далеко изъ родного гнѣзда, сначала въ Варшаву, потомъ за границу, и вотъ съ тѣхъ поръ она все одна среди чужихъ и о своихъ ничего не знаетъ.

— И графъ дѣйствительно сдѣлался вашимъ мужемъ?—спрашивали съ недовѣрчивой усмѣшкой ея слушательницы.

Клавдія, краснѣя до слезъ, просила не касаться этого щекотливаго вопроса. Она инстинктивно чувствовала, что ей еще тяжелѣе будетъ переносить загадочное существованіе, на которое обрекъ ее мужъ если посторонним будетъ извѣстна ея тайна, и обѣ дѣвушки, тронутыя ея печалью и смущеніемъ, давали ей слово исполнить ея просьбу Но это было очень трудно; любопытство ихъ было такъ сильно возбуждено, что при первомъ удобномъ случаѣ онѣ не выдерживали и снова пугали и конфузили ее какимъ нибудь неосторожнымъ намекомъ на загадочность ея положенія.

Клавдіи это наконецъ прискучило; она стала отдаляться отъ своихъ новыхъ пріятельницъ и, не прекращая съ ними дружескихъ отношеній, подъ предлогомъ занятій, опять стала проводить большую часть времени въ одиночествѣ.

Прошло около двухъ лѣтъ. За это время графъ навѣстилъ ее два раза и, повидимому, для того только, чтобы собственными глазами убѣдиться въ ея успѣхахъ. Онъ внимательно просматривалъ ея тетради, рисунки, рукодѣлья, заставлялъ ее пѣть и играть на клавесинѣ и на арфѣ, прислушивался къ каждому ея слову и, убѣдившись, что она пріобрѣтаетъ навыкъ къ пріятному обращенію и свѣтскимъ разговорамъ, не утрачивая ни своей милой простоты, ни достоинства молодой женщины хорошей фамиліи, выражалъ ей свое удовольствіе богатыми подарками и цвѣтистыми комплиментами.

Должно быть, онъ обдаривалъ и ея учительницъ, потому что въ монастырѣ ожидали съ нетерпѣніемъ его посѣщеній и радовались имъ, превознося его любезность и щедрость.

Супругѣ его завидовали.

— На такого кавалера, какъ графъ Паланецкій, не жаль трехъ молодыхъ щеголей промѣнять, настоящій вельможа,—говорили племянницы игуменьи.

Что же касается Клавдіи, ей было жутко въ его присутствіи, и смутныя опасенія, одно другого ужаснѣе, навертывались ей на умъ, но послѣ его отъѣзда она мало-по-малу успокоивалась. Въ шестнадцать лѣтъ трудно жить одними мрачными предчувствіями, даже и въ угрюмой обстановкѣ, а среди мирной жизни, съ привѣтливыми людьми, въ чудной, живописной мѣстности и мягкомъ климатѣ, нельзя было не отдохнуть душой, нельзя было постоянно помнить о непріятныхъ событіяхъ, предшествовавшихъ ея пріѣзду сюда и сокрушаться мыслями о будущемъ. Молодость брала свое. Клавдія начинала даже забывать про странную встрѣчу съ таинственной женщиной, назвавшей ее сестрой, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, за обѣдней, она услышала голосъ, отъ котораго у нея сердце забилось и духъ захватило отъ волненія.

Точно невидимой рукой перебросило ее изъ настоящаго на два года назадъ, въ ту комнату, съ бѣлыми, голыми стѣнами и съ свер-

кавшимъ огнями алтаремъ, гдѣ подъ звуки родного напѣва она лишилась сознанія, чтобъ очнуться въ объятіяхъ названной сестры.

Это она поетъ! Какъ она сюда попала? Извѣстно ли ей, что Клавдія здѣсь? И какъ ей дать объ этомъ знать, если она этого еще не подозрѣваетъ?

Вопросы эти всю обѣдню не давали ей ни на секунду сосредоточиться въ молитвѣ и, какъ ни повторяла она себѣ, что сколько ни терзайся, все равно до конца богослуженія ничего не узнаешь, воображеніе ея продолжало работать все въ томъ же направленіи. Ужъ не для нея ли, не для того ли, чтобъ спасти ее отъ какой нибудь опасности, явилось сюда это странное существо?

О, какъ ей хотѣлось ее видѣть, послушать ее, исповѣдаться ей!

Но до конца обѣдни нечего было объ этомъ и мечтать. Не говоря ужъ о томъ, что пансіонерки присутствовали при богослуженіяхъ на хорахъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ монахинями, и что оглядываться имъ было строго запрещено, высокій органъ, задернутый зеленой тафтой, скрывался отъ публики въ углубленіи стѣны. Къ нему вела потайная дверь, такъ что проникнуть туда можно было, не попадаясь никому на глаза.

Этимъ потайнымъ ходомъ пользовались тѣ проѣзжіе артисты и артистки, которые въ благодарность за гостепріимство, оказанное имъ обителью, предлагали пропѣть обѣдню или вечерню.

Однако голосъ, заставившій затрепетать сердце Клавдіи, заинтересовалъ и подругъ ея.

— Кто это сегодня за органомъ? Новенькую привезли? Откуда? Надолго ли?

На вопросы эти, которыми отрывистымъ шепотомъ перекидывались украдкой пансіонерки и молоденькія бѣлицы, тѣ, что стояли ближе къ монастырскому начальству, въ томъ числѣ и Антуанета съ Кларой, отвѣчали, что пѣвица близкая пріятельница игуменьи, пріѣхала сегодня ночью съ горничной и лакеемъ, и, должно быть, издалека. Но откуда и надолго ли — этого никто не зналъ. Прислуга ея объясняется съ посторонними знаками, какъ нѣмая, а между собою говоритъ на непонятномъ языкѣ.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала Клавдія окончанія службы.

Желанная минута наконецъ настала; обѣдня кончилась, органъ смолкъ, молящіеся начали расходиться черезъ среднюю большую дверь, растворенную для мірянъ обоего пола, а молодыя затворницы, въ сопровожденіи надзирательницъ, спустились съ хоръ по темной винтообразной лѣстницѣ въ длинный корридоръ съ кельями по сторонамъ, чтобъ пройти въ чинномъ порядкѣ и попарно въ высокую и со сводами комнату, служившую столовой для бѣлицъ и пансіонерокъ.

Но нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ, въ томъ числѣ графиня Паланецкая, кушали у себя и, благодаря этой привиллегіи, Клавдія еще съ часъ времени оставалась въ неизвѣстности насчетъ пріѣзжей. Знаетъ ли она, что названная ея сестра здѣсь? Найдетъ ли она возможнымъ съ нею повидаться? О, какъ жаждала Клавдія этого свиданія!... Съ замирающимъ сердцемъ прислушивалась она къ шагамъ, раздававшимся по гулкому корридору, въ трепетномъ ожиданіи, что вотъ сейчасъ дверь растворится, и она увидитъ свою таинственную покровительницу.

Наконецъ прибѣжала одна изъ бѣлицъ, прислуживавшихъ игуменьѣ, и объявила, что настоятельница проситъ графиню къ себѣ.

Клавдія поспѣшно поднялась съ мѣста и послѣдовала за посланной. Но въ молельнѣ, куда ее провели, кромѣ игуменьи, никого не было.

— Садитесь, графиня,—сказала настоятельница, когда дверь затворилась за Клавдіей. — Я должна вамъ передать привѣтъ и подарокъ отъ особы, которая принимаетъ горячее участіе въ вашей судьбѣ. Въ нашей обители провела нѣсколько часовъ леди Мери Филипсъ... Она только что уѣхала, — поспѣшила она прибавить, замѣтивъ невольное движеніе Клавдіи къ двери въ сосѣднюю комнату, — и, къ величайшему ея сожалѣнію, не повидавшись съ вами, но на то были важныя причины, и вотъ она просила вамъ передать, чтобъ вы не сомнѣвались въ ея участіи и дружбѣ. И то и другое она вамъ еще докажетъ на дѣлѣ, и не разъ втеченіе вашей жизни, но теперь обстоятельства такъ сложились, что она должна скрываться и, для ихъ же пользы, держать втайнѣ свои сношенія съ друзьями. На свѣтѣ много злыхъ людей, дочь моя, и, къ несчастію, могущество ихъ превышаетъ силу добра,—продолжала она со вздохомъ.—Добродѣтель преслѣдуется яростнѣе порока, когда она является обличительницею грѣха. Правда колетъ глаза, и удѣлъ праведниковъ во всѣ времена—гоненія и муки. Но блаженъ тотъ, кто избираетъ узкій и тернистый путь къ достиженію царствія небеснаго, и только претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ.

Долго говорила она все въ томъ же восторженномъ духѣ, навѣянномъ на нее, безъ сомнѣнія, посѣщеніемъ загадочной личности, выдававшей себя то за русскую, то за англичанку. Клавдія слушала ее молча, понуривъ голову и съ болью въ сердцѣ. Марья Филипповна уѣхала, не повидавшись съ нею! Она не сумѣла отгадать ея душевное настроеніе, она не подозрѣваетъ, какъ Клавдіи нужно съ нею посовѣтоваться, чтобы знать, какъ ей поступать, когда ее увезутъ отсюда и снова бросятъ, безпомощную и одинокую, въ жизненный водоворотъ. Разумѣется, мужъ ея не безъ цѣли тратился цѣлыхъ два года на ея образованіе и на развитіе ея талантовъ. У нея морозъ подиралъ по кожѣ при мысли объ этой цѣли. Кому разсчитываетъ онъ уступить свои права надъ нею?

Можетъ быть, злодѣю какому нибудь!? И что ей тогда дѣлать, у кого искать защиты и убѣжища?

— Она поручила мнѣ вамъ сказать, графиня, чтобы въ трудныя минуты вы разсчитывали на нее, какъ на сестру,—сказала игуменья, точно угадывая мысли, кружившіяся въ головѣ ея слушательницы.

— Но гдѣ же я ее найду?—вырвалось у этой послѣдней.

— Вооружитесь терпѣніемъ и выслушайте меня до конца, дочь моя. Вотъ подарокъ, который она мнѣ для васъ оставила, вы, безъ сомнѣнія, въ немъ найдете отвѣтъ и на вашъ послѣдній вопросъ.

Съ этими словами она подала Клавдіи маленькій, плоскій футляръ изъ чернаго дерева съ серебряной отдѣлкой, въ родѣ игольника, и, пожелавъ ей найти утѣшеніе въ молитвѣ, вышла изъ комнаты.

Клавдія прижала чуть замѣтную кнопку въ верхней части футляра, онъ открылся, и передъ ея глазами сверкнула золотая медалька съ вырѣзаннымъ на ней всевидящимъ окомъ въ треугольникѣ и изображеніемъ какихъ-то странныхъ предметовъ, похожихъ на орудія, употребляемыя плотниками, кругомъ же шла надпись славянскими буквами: «Не ввѣряйся человѣческому предстательству, а уповай на Бога».

Поцѣловавъ благоговѣйно медальку, Клавдія вдѣла ее на шелковый снурокъ съ ладонкой, въ которой была зашита записка отъ Марьи Филипповны съ изреченіемъ изъ Евангелія, золотой крестикъ, надѣтый на нее при крещеніи, а также другой деревянный, которымъ благословилъ ее отецъ; и когда она почувствовала новый подарокъ своей покровительницы на груди, ей сдѣлалось такъ спокойно и радостно на душѣ, точно ее обнадежили не вѣсть какими прекрасными обѣщаніями, точно она обрѣла защиту отъ всѣхъ напастей. А между тѣмъ она все еще не знала, гдѣ ей найти свою покровительницу въ случаѣ надобности, и увидится ли она съ нею когда нибудь. Но разсматривая футляръ, въ которомъ лежала медалька, ей показалось, что на днѣ его что-то такое бѣлѣется; это былъ клочокъ бумажки съ надписью: «Genève. Pré l'Évêque. 30», а дальше порусски: «запомни и уничтожь».

Не задумываясь, исполнила она это приказаніе . . . .

. . . .

— И что-жъ обращались вы когда нибудь къ Мари Филипсъ по этому адресу?—спросилъ принцъ Леонардъ.

— Обращалась, когда такъ заскучала по родинѣ, что чуть не умерла отъ тоски,—отвѣчала она.

Это было въ Парижѣ, съ полгода послѣ того, какъ графъ увезъ ее изъ монастыря. Прошло болѣе трехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она покинула родину и не получала вѣстей изъ дому. Скучала она по близкимъ и раньше, но въ ту зиму тоска ея усилилась до такой степени, что она ужъ ничѣмъ не могла развлечься. Чтеніе, занятія музыкой, рисованіемъ—все опротивѣло. По цѣлымъ ночамъ

плакала она, а когда засыпала на разсвѣтѣ, то такимъ тяжелымъ сномъ, что разбуженная ея стонами камеристка въ испугѣ прибѣгала въ спальню, чтобы узнать, что случилось съ ея госпожей.

Все это отзывалось на ея здоровьи, она блѣднѣла и худѣла не по днямъ, а по часамъ, и приводила этимъ въ бѣшенство своего супруга. Время шло, жизнь въ Парижѣ при роскошной обстановкѣ, которой онъ считалъ необходимымъ окружить красавицу жену, стоила графу ужасно дорого, а между тѣмъ невозможно было никуда съ нею показаться. Разъ какъ-то онъ рѣшился вывезти ее въ театръ, но въ ту самую минуту, когда въ ихъ ложу вошла та особа, которой онъ хотѣлъ ее показать, съ Клавдіей сдѣлался такой сильный истерическій припадокъ, что ее безъ чувствъ должны были вынести изъ театра.

Когда она очнулась, въ спальнѣ прохаживался взадъ и впередъ ея властелинъ. Замѣтивъ, что она открыла глаза, онъ подошелъ къ кровати и, устремивъ на нее суровый взглядъ, отъ котораго ей стало такъ жутко, что она не въ силахъ была пошевельнуться, онъ объявилъ ей твердымъ, холоднымъ тономъ, что если она не выздоровѣетъ, онъ принужденъ будетъ заключить ее въ дальній монастырь или въ домъ умалишенныхъ.

— О Россіи и о вашемъ прошломъ совѣтую вамъ совершенно забыть. Вы слишкомъ долго со мною жили и слишкомъ много про меня знаете, чтобы я могъ отпустить васъ на родину. Никогда не вернетесь вы въ Россію и никогда не услышите о вашихъ родныхъ, пока я живъ; помните это и смиритесь; вы въ моей власти, зависите отъ меня одного, а у меня тысяча средствъ заставить васъ мнѣ повиноваться,—прибавилъ онъ съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

И, повидимому, онъ былъ правъ, защиты ей было ждать неоткуда. Развѣ они не были формально обвѣнчаны? Кто же рѣшится впутаться между мужемъ и женой, даже и въ такомъ случаѣ, если бы она пожаловалась кому нибудь на свое положеніе, а ей и разсказать про свои страданія некому. Какъ вездѣ, такъ и въ Парижѣ она была окружена шпіонами и вела болѣе одинокую жизнь, чѣмъ въ монастырѣ; тамъ у нея были подруги, съ которыми можно было дѣлиться мыслями, а здѣсь ее ни съ кѣмъ не оставляли одну, кромѣ русской княгини, съ которой графъ познакомилъ ее тотчасъ по пріѣздѣ, но дама эта была такъ предана ея мужу, что Клавдія опасалась ея почти столько же, сколько его.

Что тутъ было дѣлать?

Какъ всегда, въ минуты отчаянія, она вспомнила про свою таинственную покровительницу и написала ей, по указанному адресу, длинное письмо съ описаніемъ всѣхъ своихъ бѣдствій и опасеній, умоляя о совѣтѣ и поддержкѣ.

Письмо это она отправила по почтѣ черезъ приказчика, принесшаго изъ магазина какія-то вещи, купленныя графомъ.

Человѣкъ этотъ, должно быть, очень удивился, когда, уславъ подъ первымъ попавшимся предлогомъ ливрейнаго лакея, который ввелъ его въ комнату, богатая и знатная графиня, краснѣя и запинаясь отъ волненія, передала ему запечатанное письмо и золотое колечко съ рубиномъ, умоляя со слезами въ голосѣ, отправить письмо, а колечко оставить у себя за труды и издержки. Онъ, навѣрное, подумалъ, что письмо было къ любовнику, но плату за услугу предлагали слишкомъ щедрую, чтобы отказаться отъ порученія (кольцо стоило около двухсотъ франковъ), и онъ его исполнилъ. Письмо дошло по назначенію, и вскорѣ Клавдія получила на него отвѣтъ.

Отвѣтъ этотъ, какъ все, что исходило отъ ея названой сестры, достигъ до нея очень страннымъ и неожиданнымъ образомъ, черезъ цвѣточницу, явившуюся къ ней съ букетомъ отъ графа.

Мужъ ея всегда заботился о томъ, чтобы у нея были живые цвѣты въ гостиной, и нерѣдко самъ заходилъ въ оранжерею заказывать ихъ, но какимъ образомъ попалъ ему въ руки именно этотъ букетъ съ запиской Марьи Филипповны, это такъ и осталось для Клавдіи тайной. Содержаніе же записки было слѣдующее: «Родные твои здоровы. Молитвами родителя, сестры твои обрѣли путь ко спасенію. Крѣпись и уповай на Всевышняго, искусъ твой близится къ концу, скоро и тебя озаритъ свѣтъ истины и любви».

Клавдія по-своему поняла таинственный смыслъ этихъ словъ. Наканунѣ она познакомилась у княгини Зборской съ принцемъ Леонардомъ, который съ перваго же взгляда произвелъ на нее сильное впечатлѣніе, и вотъ не прошло и трехъ мѣсяцевъ, а они ужъ такъ близки другъ къ другу, какъ братъ и сестра по духу, какъ же послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что пророчество сбылось? Свѣтъ любви и истины ее озарилъ, и наступилъ конецъ ея страданіямъ.

На это, слушатель ея, внѣ себя отъ восторга, цѣловалъ ея руки и клялся всѣми святыми, что посвятитъ ей всю свою жизнь.

XXIX.

Въ блаженномъ упоеніи, они, какъ невинные младенцы, жили однимъ только настоящимъ, забывая о прошломъ и не заглядывая въ будущее. Свиданіямъ ихъ никто не мѣшалъ; графъ изъ своего путешествія не возвращался, а принцесса Тереза была слишкомъ поглощена своимъ лѣченіемъ и мечтами о предстоящей для нея новой жизни, чтобы попрежнему интересоваться любовными похожденіями своего супруга.

Она совершенно переродилась какъ нравственно, такъ и физически съ тѣхъ поръ, какъ подружилась съ княгиней Зборской. Отъ разговоровъ съ новой своей пріятельницей, да отъ лѣкарствъ, которыми эта послѣдняя ее лѣчила въ ожиданіи пресловутаго жизненнаго эликсира, она на столько поправилась, что могла мечтать о такихъ наслажденіяхъ, о которыхъ знала раньше только по наслышкѣ и къ которымъ относилась прежде съ глубокимъ негодованіемъ.

Наконецъ, ингредіенты, необходимые для составленія чудеснаго снадобья, были получены, и княгиня принялась за его изготовленіе.

Дѣло это хранилось въ строжайшей тайнѣ. Принцесса запиралась со своей пріятельницей въ молельнѣ, чтобъ толковать о своихъ надеждахъ и намѣреніяхъ.

Прежде всего она, разумѣется, поѣдетъ въ Парижъ, и не съ мужемъ, а съ княгиней, которая посвятитъ ее во всѣ прелести этого чуднаго города, гдѣ женщины нашли секретъ оставаться всю жизнь красавицами и до преклонныхъ лѣтъ прельщать мужчинъ и наслаждаться любовью.

Столько новаго и интереснаго открыла ей княгиня Зборская, что ей было смѣшно вспомнить, какой она была дурой до сихъ поръ. Мужъ измѣнялъ ей безсчетное число разъ, а ей даже и въ голову не приходило платить ему той же монетой. Жизнь ея проходитъ въ средѣ выжившихъ изъ ума стариковъ и старухъ, тогда какъ она могла бы быть окружена блестящей молодежью, веселиться, тѣшиться одержанными побѣдами надъ красивыми и остроумными поклонниками, какъ другія принцессы, королевы и императрицы, которыя отлично умѣютъ пользоваться выгодами высокаго положенія для счастья.

Изумительно ловко и искусно сумѣла княгиня Зборская открыть глаза на жизнь супругѣ принца Леонарда,—потому, можетъ быть, что эта послѣдняя никогда не слыхивала такихъ рѣчей, и что пересыпались онѣ хитрыми комплиментами насчетъ ея красоты и ума. Такъ или иначе, но элексиръ былъ изготовленъ вѣ-время, именно тогда, когда принцесса Тереза узнала какъ нельзя лучше, какъ воспользоваться здоровьемъ и силами, которыя онъ долженъ былъ ей доставить.

Результаты вышли блистательные; послѣ первыхъ же трехъ капель, принятыхъ въ какомъ-то густомъ и необыкновенно вкусномъ винѣ, принцесса Тереза почувствовала необычайный подъемъ духа и приливъ бодрости и силъ. Сердце ея забилось, какъ у здоровой, пятнадцатилѣтней дѣвочки; мысли, одна другой радостнѣе и веселѣе, зарождались въ мозгу. Ей захотѣлось бѣгать и рѣзвиться, пѣть, плясать. Нечаянно взглянувъ въ зеркало, она себя не узнала въ румяной, молодой женщинѣ, смотрѣвшей на нее сверкающими

лихорадочнымъ блескомъ глазами. Весело захлопала она въ ладоши, посылая воздушные поцѣлуи своему изображенію.

Ей все казалось теперь возможнымъ и приличнымъ, все, что только могло доставить ей удовольствіе. Почему и ей тоже не путешествовать, не повидать свѣта и людей, какъ другіе? Она богата, знатна, всюду ей будетъ оказанъ почетный пріемъ, и теперь, когда болѣзнь, единственное препятствіе, мѣшавшее ей наслаждаться жизнью, устранена, почему же не наверстать потеряннаго времени?

Про ребенка ей и вспоминать не хотѣлось; все такой же блѣдный и худой, какъ и прежде, съ тупымъ выраженіемъ въ выцвѣтшихъ, какъ у старика, глазахъ, онъ напоминалъ ей то время, когда она и сама была такая же.

Впрочемъ, княгиня обѣщала и имъ заняться послѣ, когда здоровье его матери будетъ окончательно возстановлено, чего отъ одного пріема эликсира нельзя было ждать.

Она предупредила свою паціентку, что дѣйствіе ея снадобья непродолжительно.

По истеченіи извѣстнаго времени должна произойти реакція.

— Но вы не пугайтесь, ваша свѣтлость, — сказала она ей, — я уложу васъ въ постель, какъ только вы почувствуете утомленіе, и дамъ вамъ порошокъ, отъ котораго вы заснете крѣпкимъ сномъ, а утромъ я буду въ вашей спальнѣ раньше, чѣмъ вы успѣете открыть глаза, и послѣ новаго пріема эликсира вы опять будете себя чувствовать прекрасно.

Все вышло такъ, какъ она предсказывала; часа черезъ три принцесса ощутила большую слабость и впала въ тревожное состояніе духа, но это длилось недолго; проглотивъ порошокъ, приготовленный княгиней, она заснула, какъ убитая, а на слѣдующій день послѣ пріема эликсира снова почувствовала себя бодрой и здоровой.

Но на этотъ разъ принцессѣ непремѣнно захотѣлось показаться въ своемъ новомъ видѣ домашнимъ, и какъ ни уговаривала ее княгиня подождать, чтобъ дѣйствіе лѣкарства окончательно укрѣпило ея организмъ, она настояла таки на своемъ, позвала своихъ фрейлинъ, приказала имъ вынуть изъ кладовой, гдѣ хранились ея сокровища, драгоцѣнныя украшенія и наряды, предназначенные для высокоторжественныхъ случаевъ, и причесать ее по послѣдней модѣ, а пока ее убирали передъ зеркаломъ, она съ странною пристальностью всматривалась въ свое лицо, болтая безъ умолку такой неприличный вздоръ, что и фрейлины, и старыя ея тетки, Оттилія и Розалія, съ испугомъ переглядывались, въ полной увѣренности, что принцесса сходитъ съ ума.

И онѣ были правы: то, что происходило съ принцессой Терезой, ничему иному, кромѣ остраго умопомѣшательства, нельзя было приписать.

Съ каждой минутой рѣчь ея становилась сбивчивѣе и неприличнѣе. Выраженія, срывавшіяся съ ея языка, были такъ циничны, идеи, высказываемыя ею, такъ безстыдны, что старыя дѣвы, окружавшія ее, блѣднѣли отъ страха и стыда.

И вдругъ, въ самый разгаръ бѣшенаго припадка, овладѣвшаго ею, она вспомнила про мужа и стала кричать, чтобъ его немедленно къ ней позвали.

— Принцъ со вчерашняго вечера въ замокъ не возвращался,— объявила одна изъ фрейлинъ.

Принцесса побагровѣла отъ гнѣва, затѣмъ дико вскрикнула, схватилась за сердце и упала мертвая на руки окружающихъ.

Когда первая минута ужаса и замѣшательства миновала, когда прибѣжавшій на зовъ старый докторъ констатировалъ смерть отъ неизвѣстной причины, а капелланъ съ секретаремъ осторожно сообщили герцогу о постигшемъ его несчастіи, вспомнили и про русскую княгиню, находившуюся послѣднее время неотлучно при покойницѣ.

Но ея въ замкѣ не оказалось. А между тѣмъ многіе видѣли, какъ она въ то утро пришла по обыкновенію на половину принцессы. Вышла, вѣрно, потайнымъ ходомъ задолго до катастрофы; при туалетѣ принцессы она не присутствовала.

Ужъ не отъ снадобьевъ ли, которыми она ее пользовала, приключилась бѣда?

Подозрѣніе это, передаваемое изъ устъ въ уста сначала шепотомъ, а потомъ все громче и громче, достигло, наконецъ, и до ушей стараго герцога.

Какъ ни былъ этотъ послѣдній удрученъ печалью по любимой внучкѣ, онъ, однако, съ негодованіемъ вспомнилъ, что русскую княгиню не кто иной, какъ самъ супругъ принцессы, ввелъ въ ихъ замокъ, и послѣ бурной съ нимъ сцены приказалъ произвести тщательный обыскъ въ жилищѣ подозрительной иностранки, а ее арестовать и засадить подъ строжайшій караулъ въ городскую тюрьму.

Но приказаніе это оказалось неисполнимымъ; княгиня уже съ недѣлю какъ покинула замокъ Ротапфель, со всѣмъ своимъ штатомъ и имуществомъ.

Изъ какого убѣжища продолжала она являться каждый день въ герцогскій замокъ и гдѣ проводила ночь послѣ свиданія съ принцессой,—никто этого не зналъ.

Отъ посѣщавшихъ ее раньше эмигрантовъ тоже ничего нельзя было узнать; всѣ они считали ее уѣхавшей за границу. Нѣсколько дней тому назадъ она распростилась съ своими друзьями, и многіе видѣли, какъ ея дорожная карета выѣхала изъ замка Ротапфель.

День клонился къ вечеру, но ночи были лунныя, и если не жалѣть лошадей, легко было доѣхать до границы къ разсвѣту.

Все это разсказывалось съ такими подробностями и такъ единогласно, что сомнѣваться въ правдивости разсказчиковъ было трудно; скорѣе можно было предположить, что обитатели замка сдѣлались жертвой мистификаціи, и что не княгиня Зборская, а какая нибудь другая, ловкая авантюристка втерлась въ довѣріе къ несчастной принцессѣ Терезѣ.

Но какую же роль игралъ тутъ принцъ Леонардъ?

Стали всплывать наружу и его тайны.

Заговорили про знатную иностранку, поселившуюся мѣсяца три тому назадъ въ городѣ. Послѣднее время принцъ проводилъ у нея всѣ ночи. Это могли подтвердить и сторожъ у городскихъ воротъ, пропускавшій его въ городъ каждый вечеръ послѣ десяти часовъ, а также и тѣ изъ обывателей, которые вставали рано и видѣли его выходящимъ изъ дома, занимаемаго графомъ Паланецкимъ, на разсвѣтѣ каждаго утра, не говоря ужъ про камердинера, отъ котораго принцу трудно было бы скрыть свои шашни.

Давно ужъ подданные герцога Карла забавлялись романомъ его сіятельнаго зятя. Но знатная иностранка, плѣнившая его, была такъ прекрасна и такъ щедро помогала бѣднымъ, а принцъ такъ ласковъ и великодушенъ, что къ любовнымъ похожденіямъ этой интересной парочки одни только брюзгливые старики относились сурово. Однако скоропостижная смерть несимпатичной принцессы заставила всѣхъ призадуматься, въ томъ числѣ и приверженцевъ ея мужа и прекрасной иностранки. Подозрѣніямъ, поднятымъ противъ этой послѣдней, трудно было найти отпоръ: смерть явилась такъ неожиданно, такъ внезапно и такъ кстати для влюбленныхъ.

Что же касается Клавдіи, она ничего не подозрѣвала и о катастрофѣ, обрушившейся на герцогскій замокъ, узнала позже всѣхъ.

Ничего не предчувствовалъ и принцъ, разставаясь съ нею, какъ всегда, рано утромъ послѣ ночи, проведенной въ мечтахъ о предстоящемъ имъ счастьи. Онъ былъ веселъ, покоенъ и обѣщалъ прійти вечеромъ раньше обыкновеннаго. Супруга его сдѣлалась такъ снисходительна и такъ мало интересовалась имъ, что можно было уйти изъ замка, не простившись съ нею, она этого и не замѣтитъ. Характеръ ея совсѣмъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря новому лѣченію, здоровье ея стало поправляться. Она иначе стала ко всему относиться; очень можетъ быть, что она сама предложитъ супругу разводъ.

Въ упованіи этомъ поддерживала ихъ и княгиня Зборская, послѣднее время часто навѣщавшая Клавдію и все съ хорошими вѣстями. Сочувствіе ея къ влюбленнымъ не охладѣвало; напротивъ, видѣть ихъ вполнѣ счастливыми сдѣлалось, какъ будто, цѣлью ея

жизни, такъ она за нихъ хлопотала. Пользуясь вліяніемъ своимъ на графа Паланецкаго и дружественными сношеніями съ принцессой Терезой, она ловко пускала въ ходъ какъ краснорѣчіе свое, такъ и знаніе человѣческаго сердца, для достиженія цѣли.

Понятно, что при этомъ и слабости представителей противнаго лагеря не были забыты; черезъ нея у принца шли переговоры съ франкфуртскими евреями насчетъ покупки принадлежащихъ ему лѣсныхъ участковъ въ Тиролѣ; благодаря ея энергіи, дѣло это близилось къ благополучному концу, и двѣсти тысячъ талеровъ, достаточныхъ, по ея словамъ, для выкупа Клавдіи, должны были быть доставлены графу Паланецкому надняхъ. Взамѣнъ этой суммы онъ обязывался дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается отъ всѣхъ своихъ правъ на дѣвицу Клавдію Курлятьеву, русскую дворянку, которая, хотя и обвѣнчана съ нимъ по обрядамъ русско-греческой церкви, но de facto женой его не сдѣлалась.

Само собою разумѣется, что все это производилось помимо Клавдіи, которую въ эти коммерческія сдѣлки ни княгиня ни принцъ не находили удобнымъ посвящать; она знала только одно, что въ скоромъ времени будетъ жить неразлучно съ своимъ милымъ, а гдѣ и какъ—объ этомъ ей и въ голову не приходило заботиться.

Въ тотъ день, какъ ужъ сказано выше, принцъ Леонардъ покинулъ ее въ особенно радостномъ настроеніи духа, а потому и сама она была веселѣе и спокойнѣе обыкновеннаго. Проспавъ послѣ его ухода крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ часа четыре, она проснулась, когда солнце было уже высоко, и, вспомнивъ послѣднія слова принца, съ счастливой улыбкой позвонила и спросила у горничной, вошедшей на ея зовъ: какова погода?

— Прелесть, графиня. Былъ дождь, но теперь небо ясно, солнышко свѣтитъ, и въ саду цвѣты чудесно пахнутъ,—отвѣчала съ заискивающею поспѣшностью камеристка, среднихъ лѣтъ, худощавая дѣва, желчнаго темперамента, но такая хитрая и ловкая, что у кого бы она ни служила, всѣ ею были довольны.

Клавдія поспѣшно одѣлась и вышла на террасу. Ей сказали правду: теплый, лѣтній дождь освѣжилъ зелень и прибилъ пыль, а цвѣты пахли сильнѣе обыкновеннаго. До завтрака Клавдія любовалась ими и дѣлала букеты для украшенія террасы, на которой принимала своего возлюбленнаго. Входя въ столовую и увидавъ одинокій приборъ на роскошно сервированномъ столѣ, она вспомнила, что княгиня Здорская обѣщала завтракать съ нею въ этотъ день, и спросила у прислуживавшаго ей лакея, не было ли для нея письма отъ княгини. Ей отвѣчали, что никто не приходилъ, и она преспокойно стала завтракать одна, не придавая особеннаго значенія неаккуратности своей пріятельницы. У нея столько дѣлъ, мало ли что могло ее задержать.

Однако наступили и сумерки, а княгини все не было. Клавдія

сѣла за клавесинъ и стала пѣть. Голосъ ея, очень большой и звонкій, гулко раздаваясь по комнатамъ съ высокими потолками, достигалъ черезъ растворенныя окна до улицы. Но въ этотъ вечеръ, не для того, чтобъ восхищаться имъ, останавливались прохожіе у запертыхъ воротъ. Въ домѣ съ минуты на минуту суматоха усиливалась; прислуга толпилась по угламъ, чтобы таинственнымъ шепотомъ передавать другъ другу зловѣщіе слухи о смерти принцессы и о подозрѣніяхъ на ихъ госпожу. Паника усилилась еще больше, когда стало извѣстно, что домоправитель и секретарь графа, панъ Октавіусъ, скрылся неизвѣстно куда. Утромъ приходилъ къ нему какой-то незнакомецъ, съ которымъ онъ довольно долго бесѣдовалъ на непонятномъ языкѣ, вѣроятно, попольски, а потомъ онъ съ нимъ вышелъ, захвативъ съ собою маленькую шкатулку чернаго дерева съ серебряной отдѣлкой, что̀ стояла всегда на бюро у графа; съ тѣхъ поръ прошло болѣе пяти часовъ, но онъ не возвращался, и отсутствіе его усиливало зловѣщія подозрѣнія людей, привыкшихъ во всемъ ему повиноваться и ничего не предпринимать безъ его приказанія.

Утромъ, когда онъ былъ еще дома, никто не предвидѣлъ ни катастрофы, случившейся въ замкѣ, ни ея послѣдствій; вѣсть объ этомъ дошла сюда съ улицы только къ вечеру, и всеобщее смятеніе, усиливаясь съ минуты на минуту, достигло, наконецъ, и до виновницы переполоха.

Открыть глаза госпожѣ на предстоящую опасность вызвалась горничная Мальхенъ. Ее больше всѣхъ приводило въ негодованіе невинное невѣдѣніе Клавдіи.

— Прилично ли ей распѣвать, какъ ни въ чемъ не бывало, когда весь городъ въ одинъ голосъ галдитъ, что принцессу для того отравили, чтобы она не мѣшала ей амурничать съ принцемъ! Да это просто срамъ,—повторяла она. А на замѣчаніе, что графинѣ, безъ сомнѣнія, ничего неизвѣстно, Мальхенъ объявила, что быть этого не можетъ.

— Изъ-за нея человѣка отравляютъ, и, чтобы она ничего не знала, да кто же этому можетъ повѣрить?—рѣшила она, пожимая плечами. И не колеблясь отправилась въ гостиную. Дверь она распахнула съ такой силой, что Клавдія вздрогнула и оборвала пѣніе на полунотѣ.

— Что тебѣ, Мальхенъ?—спросила она, невольно смущаясь подъ пристальнымъ, вызывающимъ взглядомъ вошедшей.

— Принцесса Тереза умерла.

Клавдія поблѣднѣла. Но въ волненіи своемъ и испугѣ она не замѣтила, какимъ страннымъ тономъ ей было сообщено роковое извѣстіе, и, вставъ съ мѣста, стала осыпать вѣстовщицу разспросами. Когда это случилось? Какимъ образомъ? Вѣдь принцесса чувствовала себя прекрасно...

— Вамъ лучше знать,—грубо перебили ее.

— Мнѣ?!

— Ну, да, вамъ, весь городъ говоритъ, что изъ-за васъ ее отравили...

На этомъ она остановилась, хотя ея и не прерывали, но на лицѣ ея слушательницы выразилось такое изумленіе, глаза ея такъ широко раскрылись отъ ужаса, что сомнѣваться въ ея невинности не было никакой возможности.

— Можетъ быть, это и неправда, но всѣ это говорятъ,—пробормотала Мальхенъ, понижая голосъ и отвертываясь, чтобы не встрѣчаться взглядомъ съ госпожей.

Клавдія и на это не вымолвила ни слова. Ей перехватило спазмой горло, въ глазахъ мутилось, и какъ ни усиливалась она собрать мысли, ей это не удавалось; безпорядочнымъ вихремъ проносились онѣ въ мозгу, одна другой ужаснѣе и безнадежнѣе.

Простоявъ съ минуту неподвижно, точно въ столбнякѣ, она зашаталась, упала въ кресло, случайно очутившееся за нею, и зарыдала.

Мальхенъ не ждала такихъ послѣдствій отъ ея заявленія, и чувство, похожее на раскаяніе и жалость, зашевелилось въ ея душѣ. Постоявъ передъ нею съ минуту и не зная, что сказать, она вернулась въ сѣни, гдѣ люди продолжали толковать объ опасности, угрожавшей ихъ госпожѣ, и разсказавъ, какъ было принято графиней извѣстіе о внезапной смерти принцессы, прибавила къ этому:— Принцъ, можетъ быть, и причастенъ къ этому дѣлу, но что наша госпожа тутъ не при чемъ, я въ этомъ готова поклясться на Евангеліи...

На нее со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія.

— А ты, прежде чѣмъ за нее распинаться, послушала бы, что̀ народъ толкуетъ по всему городу. Ну-ка, сунься на улицу, да повтори тамъ во всеуслышаніе то, что ты здѣсь говоришь, да тебя въ клочья разорвутъ, вся улица запружена народомъ,—объявилъ поваренокъ.

— Тутъ и смотрѣть нечего, отсюда слышно, какъ галдятъ,—замѣтилъ на это лакей.

Они были правы; шумъ голосовъ, съ минуты на минуту усиливаясь, какъ рокотъ бушующихъ волнъ, разливался на далекое пространство.

— Не ворвались бы сюда, долго ли разнести ограду,—вымолвила, блѣднѣя отъ ужаса, одна изъ женщинъ.

— Зачѣмъ ограду ломать, прикажутъ ворота отпереть, мы отворимъ, а то вѣдь, чего добраго, и насъ съ нею убьютъ...

— Понятно, чего ее жалѣть, своя-то шкура ближе къ тѣлу...

— Это какъ есть. Распинаться намъ изъ-за нея нечего, она намъ не мать, не сестра...

— Не для насъ она съ принцемъ-то развратничала...

— Вотъ теперь и расхлебывай... Мужъ-то не даромъ заранѣе убрался...

— Да и Октавіусъ-то не промахъ, зналъ вѣрно, что никому тутъ изъ нихъ несдобровать.

Кто-то напомнилъ, что и любимца своего, пажа Товія, графъ во время укрылъ отъ бѣды, взявъ его съ собой. Остались въ домѣ одни только чужіе, которымъ нѣтъ никакого дѣла до иностранки, явившейся сюда изъ невѣдомой земли, неизвѣстно съ какими цѣлями.

Что наружность у нея красивая, и что она милостыню щедро раздавала, такъ это ровно ничего не значитъ; служители дьявола всякую личину на себя могутъ принять, чтобы соблазнять людей. Связать бы ее, вѣдьму, заковать въ цѣпи, да въ тюрьму засадить, тамъ подъ пыткой во всемъ сознается.

Однако, не взирая на эти злыя намѣренія, всѣ попятились назадъ, а не кинулись отпирать ворота, когда народъ съ криками ярости сталъ колотить въ нихъ палками, кулаками и бросать грязью и камнями. Выдать ослѣпленной бѣшенствомъ толпѣ беззащитную и невинную женщинну никто первый не рѣшался.

XXX.

А тѣмъ временемъ вотъ что происходило въ комнатѣ, гдѣ Клавдія, наплакавшись на просторѣ послѣ ухода Мальхенъ, пребывала въ какомъ-то странномъ душевномъ оцѣпенѣніи. Самыя разнородныя чувства боролись въ ея сердцѣ. Послѣ безумнаго страха, отъ котораго она холодѣла съ ногъ до головы и дрожала какъ въ лихорадкѣ, преступная радость стала заползать ей въ душу, рисуя въ воображеніи картины счастья, одну соблазнительнѣе другой. Чего имъ бояться, когда они ни въ чемъ не виноваты! Если принцесса умерла не своей смертью, то пусть казнятъ тѣхъ, кто ее отравилъ или другимъ какимъ нибудь образомъ сократилъ ей жизнь, а они тутъ не при чемъ. Завоевать себѣ свободу они надѣялись не преступнымъ способомъ, а либо путемъ развода, либо бѣгствомъ въ далекую страну, гдѣ они прожили бы всю жизнь подъ чужими именами. Разумѣется, то, что случилось, развязываетъ имъ руки и самымъ простымъ, самымъ естественнымъ образомъ приближаетъ ихъ къ завѣтной цѣли, но они и пальцемъ не шевельнули для этого. Кто же можетъ ихъ обвинять, если они воспользуются тѣмъ, что предоставляется имъ судьбой?

Ничто не мѣшало Клавдіи предаваться грезамъ. Гулъ толпы, неистовствовавшей у воротъ, достигалъ сюда такъ слабо, что его можно было принять за шелестъ листьевъ, вздымаемыхъ вѣтромъ.

Наступила ночь, теплая, душистая, озаренная серебристымъ свѣтомъ луны, выплывающей изъ-за вѣтвистыхъ деревьевъ.

Уголокъ этотъ своимъ неземнымъ спокойствіемъ и мирной красотой представлялъ странный контрастъ съ бушующимъ народомъ, осыпавшимъ угрозами и проклятіями молодую безпомощную женщину, погруженную въ думы, не имѣющія ничего общаго съ поднятой противъ нея бурей. Здѣсь тишина нарушалась однимъ только монотоннымъ плескомъ воды, падающей алмазной струею въ мраморную чашу, поддерживаемую наядами, да легкимъ шорохомъ насѣкомыхъ въ травѣ и листьяхъ, но когда ворота стали подаваться подъ напоромъ сотенъ рукъ, пытающихся ихъ выломать, въ отдаленномъ концѣ сада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ ограда особенно густо поросла вьющимися растеніями, маленькая калитка, скрипя заржавленными петлями, растворилась, и вошла женщина, закутанная съ головой въ длинный темный плащъ съ капюшономъ, какъ у монаховъ.

Быстрой и увѣренной походкой, но избѣгая залитыхъ луннымъ блескомъ аллей, проскользнула она тѣнистыми тропинками къ террасѣ, безшумно, какъ тѣнь, поднялась по ступенямъ и подошла къ растворенной двери. Тутъ она остановилась и, отыскавъ глазами Клавдію, продолжавшую лежать неподвижно въ креслѣ у клавесина, устремила на нее пристальный и властный взглядъ своихъ большихъ черныхъ глазъ.

Тотчасъ же почувствовала Клавдія этотъ взглядъ и безъ борьбы покорилась его силѣ.

Проникая ей все глубже и глубже въ душу, онъ леденилъ ей кровь и сковывалъ ей члены. Ни единымъ мускуломъ не въ силахъ она была шевельнуть, но сознаніе не покидало ея. Это былъ не обморокъ, а полнѣйшее подчиненіе всего ея существа чужой волѣ. Въ мозгу точно отъ дуновенія могучаго духа разсѣивался туманъ сомнѣній, и испарялись, одно за другимъ, колеблющіяся грезы и двусмысленныя представленія; мѣсто ихъ заступала ясность и спокойствіе.

Она пришла, значитъ, все будетъ такъ, какъ должно быть. Клавдіи не о чемъ больше заботиться, ей остается только слѣпо предать себя ея волѣ, превратиться въ живой трупъ.

Ни страха, ни удивленія она не ощущала, и одного только страстно желала ея душа—еще сильнѣе, еще глубже проникнуться таинственной силой, охватывавшей ее со всѣхъ сторонъ могучей и, какъ воздухъ, невидимой, неуловимой струей. Хотѣлось утонуть въ этихъ волнахъ, чтобъ очнуться не здѣсь, а тамъ, высоко надъ землею, въ самомъ источникѣ свѣта, изъ котораго онѣ исходили.

А между тѣмъ взглядъ незнакомки становился все повелительнѣе и повелительнѣе. Рѣзкимъ движеніемъ головы откинулся назадъ капюшонъ. Продолговатое худощавое лицо, съ рѣзкими чер-

тами и сверкающими глазами, производило впечатлѣніе призрака; оно было блѣдно, какъ полотно, и казалось еще безцвѣтнѣе отъ черныхъ какъ смоль волосъ, окаймлявшихъ его. Узкія губы судорожно сжимались; лѣвая рука, съ длинными тонкими пальцами, повисла, какъ плеть, правая же начала конвульсивно подергиваться, а затѣмъ ее вдругъ точно невидимой силой приподняло въ уровень съ лицомъ Клавдіи; пальцы вытянулись, одеревенѣли въ воздухѣ, и изъ нихъ сталъ исходить серебристыми лучами блѣдный фосфорическій свѣтъ.

Проникая все глубже и глубже въ сердце Клавдіи, свѣтъ этотъ гасилъ въ ней постепенно и волю, и сознаніе. Она переставала ощущать свое «я» и расплывалась все больше и больше въ чуждомъ и могущественномъ элементѣ, притягательной силѣ котораго не было возможности противостоять.

— Смерть!—простонала она чуть слышно.

— Не смерть, а возрожденіе,—вымолвила ея повелительница.

И вынувъ изъ-подъ широкаго плаща, окутывавшаго ее съ ногъ до головы, флаконъ изъ горнаго хрусталя, она пахучей жидкостью янтарнаго цвѣта, которой онъ былъ наполненъ, потерла виски Клавдіи. Лицо молодой женщины вытянулось и окаменѣло, какъ у мертвой; глаза сдѣлались стеклянные, съ остановившимся взглядомъ, а дыханіе стало вылетать изъ груди съ трудомъ, точно подъ давленіемъ страшнаго кошмара.

— Гляди!—отрывисто произнесла незнакомка, не спуская съ своей жертвы повелительнаго взгляда широко раскрытыхъ огненныхъ глазъ.

Клавдія не шелохнулась, только мускулы на лбу и между бровями сдвинулись отъ напряженія воли, да блѣдныя губы судорожно сжались.

Прошла минута въ молчаніи.

— Видишь?—спросила незнакомка.

— Вижу!—вырвалось изъ сдавленнаго спазмой горла ея жертвы, вмѣстѣ съ глухимъ болѣзненнымъ стономъ.

— Человѣкъ, который называетъ себя твоимъ мужемъ, въ двухъ шагахъ отсюда, на мельницѣ Каспара. Онъ все время тутъ жилъ и руководилъ всѣми дѣйствіями княгини...

— Да,—прошептала Клавдія.

— И она теперь съ нимъ. Ихъ связываетъ множество содѣланныхъ сообща преступленій. Она жена его брата, котораго они свели съ ума и держатъ въ подвалѣ на цѣпи, какъ злую собаку, въ томъ самомъ замкѣ, гдѣ онъ родился и выросъ хозяиномъ. Убить его они до сихъ поръ не рѣшаются, потому что Господь этого не попускаетъ, но то, чему они его подвергаютъ, хуже смерти. Теперь они сговариваются, какъ имъ поступить дальше, ждать ли здѣсь послѣдствій смерти принцессы или бѣжать за границу. Сей-

часъ до нихъ дойдетъ вѣсть о возмущеніи въ бургѣ и про то, что народъ жаждетъ съ ними и съ тобой расправиться, и они убѣгутъ сначала во Францію, а оттуда въ Америку. Цѣль ихъ будетъ достигнута; въ то время, какъ она медленнымъ ядомъ отравляла принцессу, онъ, по довѣренности принца, получалъ деньги отъ франкфуртскихъ жидовъ за лѣсъ въ Богеміи, и деньги эти теперь при немъ,—продолжала ясновидящая пояснять видѣнія, проносившіяся передъ духовными очами несчастной Клавдіи.—Деньги эти онъ получилъ за тебя, за твою проклятую красоту. И принцессу умертвили изъ-за тебя, чтобъ мужу ея удобнѣе было съ тобою развратничать. Вотъ какой цѣной куплено грѣшное счастье, которымъ ты наслаждалась эти три недѣли! Душа вашей жертвы вопіетъ къ небу о мщеніи, и всюду, куда бы вы ни бѣжали отъ людского правосудія, она за вами послѣдуетъ, вездѣ ея блѣдная тѣнь будетъ становиться между вами, какъ бы крѣпко ты къ нему ни прижималась, у кого бы ни искала защиты и пристанища, нигдѣ ты отъ нея не спасешься, вездѣ она тебя найдетъ, ибо она духъ, а «духъ, идѣже хощетъ, вѣетъ». Одно у тебя теперь осталось убѣжище— Тотъ, Который помиловалъ разбойника на крестѣ.

— О, Боже! помилуй меня! — простонала Клавдія.

А повелительница ея между тѣмъ продолжала:

— Смотри, въ какомъ душевномъ смятеніи твой сообщникъ. Карающая рука Всемогущаго и на него опустилась. Онъ уже чувствуетъ себя во власти князя тьмы, и тоскою отравлено его сердце и его любовь къ тебѣ. Вотъ онъ стоитъ у гроба той, для которой онъ клялся передъ алтаремъ быть вѣрнымъ мужемъ, и которую умертвили, чтобъ ему черезъ ея трупъ перешагнуть къ союзу съ тобой, и какъ ни старается онъ отогнать черныя подозрѣнія, слетающія на него, подобно стаѣ зловѣщихъ вороновъ, они съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе угнетаютъ его. Вотъ онъ вспомнилъ свое первое свиданіе съ тобой у вашего злаго генія-княгини, какъ она искусно разжигала въ немъ страсть къ тебѣ, какъ обнадеживала васъ лживыми представленіями, какъ заглушала въ васъ совѣсть... Теперь передъ трупомъ той, что̀ служила вамъ помѣхой, онъ все вспоминаетъ, и каждое твое слово, каждый взглядъ, каждый поцѣлуй жгучею болью отзывается въ его сердцѣ. Видишь ли ты его? Слышишь ли ты его? Понимаешь ли, что близка минута, когда онъ проклянетъ тебя за смертный грѣхъ, въ который ты его вовлекла? — спросила она, грозно возвышая голосъ.

— Все вижу, все слышу, спаси меня! — вымолвила Клавдія.

— Встань и иди искуплять преступленіе, содѣянное изъ-за тебя, — сказала незнакомка.

Клавдія автоматически, какъ нагальванизированный трупъ, поднялась съ мѣста и послѣдовала за своей повелительницей въ спальню.

— Возьми ключи, отопри ящики, гдѣ хранятся твои драгоцѣнности, вынь ихъ и передай мнѣ, — продолжала повелѣвать незнакомка отрывистымъ голосомъ.

Когда и это было исполнено, она приказала ей сѣсть къ столу и написать прощальное письмо принцу Леонарду, въ которомъ заклинала его не розыскивать ея. Въ письмѣ этомъ Клавдія отнимала у него всякую надежду увидѣться съ нею на землѣ.

И этому требованію графиня Паланецкая безпрекословно повиновалась.

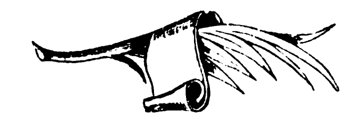
— Теперь надѣнь эту рясу,—скомандовала ея повелительница, указывая на монашеское платье, неизвѣстно какимъ образомъ очутившееся на постели.—Опусти на лицо капюшонъ, измѣни походку, тебя должны принять за монаха, и иди рядомъ со мной, не поднимая глазъ съ земли и не останавливаясь, что бы вокругъ тебя ни происходило.

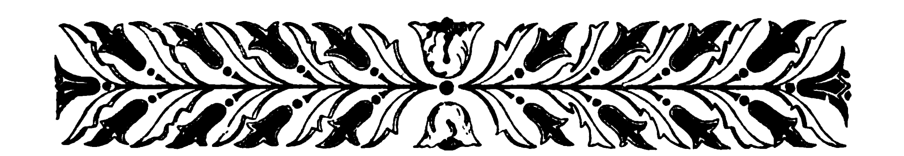
Минутъ черезъ десять, въ то самое время, когда толпа, вооруженная палками, топорами и ножами, врывалась съ улицы въ разбитыя ворота, по узкому переулку, тянувшемуся съ противоположной стороны, вдоль изгороди, окружавшей тѣнистый садъ, два монаха поспѣшно пробирались къ городскимъ воротамъ.

Останавливать ихъ и допрашивать, при господствующей въ городѣ паникѣ, никому не приходило въ голову, и они благополучно добрались до большой дороги, гдѣ ихъ ждалъ крытый экипажъ, запряженный парой лошадей, который къ разсвѣту довезъ ихъ безъ препятствій до границы герцогства.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВА [1].

VIII [2].

Грустныя думы по возвращеніи изъ путешествія по Амуру.—Заботы объ искорененіи взяточничества въ Восточной Сибири.—Моя борьба съ подспудными силами.—Переписка по вопросу о дѣленіи Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами.—Мѣры къ сокращенію злоупотребленій на золотыхъ пріискахъ.—Внезапный вызовъ въ Петербургъ.—Обѣдъ у московскаго генералъ-губернатора въ присутствіи государя.—Засѣданіе въ комитетѣ министровъ.—Темные поборы въ цифрахъ, платимые Восточной Сибирью въ мое время.—Мѣры къ поднятію нравственности народа и его экономическаго положенія.—Вопросъ о каторжномъ людѣ.—Устройство быта Забайкальскихъ бурятъ.—Заботы о народномъ образованіи.—Амурское пароходство.—Контръ-адмиралъ К., губернаторъ Приморской области, и его противодѣйствія моимъ распоряженіямъ. — Пріѣздъ въ Сибирь великаго князя Алексѣя Александровича. — Странныя дѣйствія забайкальскаго губернатора генералъ-маіора Д.—Иркутскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Ш. и его служебныя доблести.—Переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о сибирскихъ губернаторахъ и по вопросу: полезна ли вообще гласность?—Мнѣнія министра и мои мысли объ этомъ предметѣ.—Письмо мое къ государю объ увольненіи меня отъ должности генералъ-губернатора.—Мое увольненіе.—Итоги моей дѣятельности въ Сибири.—Факты послѣдней моей жизни.—Милость ко мнѣ государя Александра Николаевича. — Особая благосклонность, оказанная мнѣ императоромъ Александромъ III.—Заключительныя слова записокъ.

ЗНАКОМИВШИСЬ, насколько возможно, съ отдаленными частями края, я вступилъ вновь въ управленіе генералъ-губернаторствомъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что, для приведенія и поддержанія въ немъ порядка, прежде всего, нужны люди усердные и честные, въ которыхъ оказывался большой недостатокъ.

Еще предъ отъѣздомъ изъ Петербурга ко мнѣ являлось много желающихъ служить въ Восточной Сибири, но я воздерживался отъ принятія ихъ. Я опасался парализовать усердіе къ службѣ мѣстныхъ чиновниковъ, особенно туземныхъ уроженцевъ. Въ нихъ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LX, стр. 693.

[2]) Восьмая глава, самая интересная по своему внутреннему содержанію, къ сожалѣнію, является передъ читателемъ въ сокращенномъ видѣ. Это обстоя-

я надѣялся найти людей, знающихъ и любящихъ свою родину. Къ сожалѣнію, не то вышло на дѣлѣ.

Въ описываемое время возвратился изъ Петербурга забайкальскій губернаторъ генералъ Д. Къ нему, какъ и къ иркутскому губернатору Ш., я обратился съ личною просьбою о прекращеніи противозаконій въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностяхъ. Я не могъ отрицать ихъ мнѣній, что главная причина неустройствъ Сибири кроется въ недостаткѣ благонадежныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ и въ крайне ограниченномъ ихъ содержаніи. Объ этомъ печальномъ явленіи еще моими предшественниками неоднократно было представляемо министерству. Я не могъ не поставить на видъ одного управляющимъ областями: что, если изъ десятковъ тысячъ рублей, составляющихъ темные поборы съ населенія, съ вѣдома начальства, шла значительная доля на обезпеченіе чиновничества, то, по крайней мѣрѣ, отъ него должно требовать полнаго вниманія къ благоустройству народа и его нуждамъ. Наконецъ, если уже допущенное зло необходимо, то оно должно быть въ предѣлахъ возможности жить, но не наживать состояній. Мои откровенныя объясненія съ губернаторами привели къ сдержанному обѣщанію съ ихъ стороны стараться о водвореніи законнаго порядка въ странѣ съ смутнымъ пониманіемъ закона. На лицахъ администраторовъ какъ бы читалась мысль, что не легко отдѣлаться отъ глубоко укоренившихся привычекъ. Особенно жалокъ былъ генералъ-лейтенантъ Ш., человѣкъ добрый, но безъ воли, и чуждый умственныхъ занятій. Послѣ моихъ бесѣдъ съ нимъ и генераломъ Д., оба губернатора продолжали у себя хозяйничать на прежнихъ основаніяхъ. Д., на мои требованія представить отчетъ о большихъ суммахъ, собранныхъ имъ съ бурятъ на училище въ Читѣ, упорно отмалчивался. Всё сказанное вынудило меня составить всеподданнѣйшій отчетъ обо всемъ видѣнномъ мною въ Восточной Сибири. Отчетъ былъ отправленъ въ Петербургъ съ состоявшимъ при мнѣ чиновникомъ по дипломатической части, княземъ Трубецкимъ. Послѣдній уже не возвращался болѣе въ Иркутскъ. Онъ примкнулъ въ министерствѣ къ партіи, недовольной моими дѣйствіями въ Во-

---

тельство произошло не отъ воли редактировавшаго «Записки». Драматизмъ изложенія сибирской жизни, борьба съ открытымъ зломъ, защищаемымъ сильными людьми, достигаютъ въ настоящей главѣ своей высшей точки. Мы не приняли, однако, на свою отвѣтственность опубликовать нынѣ во всей полнотѣ переписку по поводу злоупотребленій сибирскихъ администраторовъ, между генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Настанетъ время и для подробнаго изображенія дѣйствій послѣдняго. Но и того, что̀ нынѣ печатается въ восьмой главѣ «Записокъ» Н. П. Синельникова, довольно для выясненія той мрачной картины, среди которой ему приходилось насильственно водворять въ Сибири правду, какъ неразлучную спутницу нашихъ монарховъ, не понятую ихъ неудачными исполнителями.

П. Суворовъ.

сточной Сибири. Орудовалъ партіей г. К., который занималъ въ Иркутскѣ высокое мѣсто члена совѣта главнаго управленія краемъ, а самъ беззаботно проживалъ въ Петербургѣ, покровительствуемый министромъ. На меня сыпался рядъ газетныхъ статей съ выдуманными фактами; на меня клеветали, извращая лучшія мои начинанія, предпринятыя для блага ввѣренной мнѣ монархомъ страны. И мнѣ долго приходилось безпомощно созерцать полную распущенность чиновничества, эксплуатацію евреями сибирскихъ богатствъ, ихъ безнаказанное спаиваніе беззащитнаго народа. Все упоминаемое совершалось подъ отеческимъ покровительствомъ вліятельныхъ лицъ. Но, благодареніе Богу, я не опускалъ рукъ отъ безсилія, не падалъ духомъ въ борьбѣ съ одолѣвающими кругомъ препятствіями. Вмѣсто утомительной переписки я сталъ печатать циркуляры о своихъ распоряженіяхъ въ краѣ и лично ихъ разсылалъ не только по начальствующимъ лицамъ, но въ сельскія и станичныя правленія.

Вся моя дѣятельность по Сибири объяснена во всеподданнѣйшихъ отчетахъ моихъ за 1871, 1872 и 1873-й годы. Она была направлена преимущественно, какъ я говорилъ уже выше, на улучшеніе быта служащихъ, на благоденствіе населенія, на устройство ссыльно-каторжныхъ и на сокращеніе вреднаго вліянія евреевъ. Что же касается до непроизводительныхъ издержекъ правительства, въ родѣ предполагавшагося раздѣленія Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами, то взгляды мои на такія дѣла выясняются слѣдующею перепискою.

Во время обратнаго слѣдованія моего на пароходѣ въ Иркутскъ, я писалъ 29-го іюля 1871 года къ гг. министрамъ: военному, внутреннихъ дѣлъ и управляющему морскимъ министерствомъ, о результатахъ моей амурской поѣздки и, между прочимъ, присовокупилъ, что «по обозрѣніи Амурской и Приморской областей я затрудняюсь уяснить себѣ: для чего нужно дѣленіе Восточной Сибири между двумя министерствами? На опытѣ вижу только необходимость освѣжить край честными и усердными дѣятелями, прибавить чиновникамъ содержаніе, ввести новыя реформы въ судопроизводствѣ и упрочить уваженіе къ закону, а потомъ уже совершить остальныя переформированія, если они необходимы въ видахъ правительственныхъ». На такое заявленіе я получилъ отвѣтъ отъ военнаго министра 5-го августа, 1871 года, за № 262-мъ, что письмо мое государь императоръ изволилъ читать съ особымъ любопытствомъ; что изложенныя въ немъ мнѣнія будутъ имѣться въ виду при будущемъ обсужденіи вопроса объ устройствѣ Приморскаго края. Управляющій морскимъ министерствомъ и министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтами меня не удостоили.

Генералъ-адъютантъ Тимашевъ вообще не баловалъ меня вниманіемъ къ моимъ представленіямъ. Но, не пріостанавливая по-

слѣднихъ, я исполнялъ только долгъ, возложенный на меня обязанностями и согласный съ требованіями моего сердца. Упомяну здѣсь другой фактъ, важный для Сибири и оставленный безъ исполненія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. На основаніи свѣдѣній, лично мною собранныхъ, о безобразіяхъ, совершавшихся на частныхъ золотыхъ промыслахъ, я предложилъ циркулярно губернаторамъ и начальникамъ областей принять мѣры къ ихъ прекращенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ возвращеніемъ рабочихъ съ пріисковъ въ 1871 году, мною былъ командированъ для наблюденія надъ ними состоящій при мнѣ полковникъ Купенковъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ донесъ, что торговля виномъ на золотыхъ промыслахъ распространена до крайнихъ предѣловъ и доводитъ рабочихъ до уголовныхъ преступленій. Вслѣдствіе приведеннаго, я рядомъ печатныхъ циркуляровъ огласилъ всѣ безпорядки и злоупотребленія, открытыя командированными мною чиновниками. Я предписалъ по принадлежности внимательно и энергично предупреждать злыя дѣянія на будущее время. Но замѣчательно, что, какъ только я тронулъ въ моихъ циркулярахъ еврейскій элементъ, въ лицѣ перваго эксплоататора, 80-тилѣтняго старца Домбровскаго, сосланнаго въ Сибирь, какъ говорили, «за проступки», нажившаго въ ней большое состояніе и достигшаго званія «почетнаго гражданина», тотчасъ полетѣли телеграммы въ Петербургъ съ жалобами на мои притѣсненія. Ожили еврейскіе происки и капиталы.

О безпорядкахъ на пріискахъ я писалъ не только министру внутреннихъ дѣлъ, но и министру финансовъ. Я доказывалъ, что отъ пьянства на золотыхъ пріискахъ народъ гибнетъ тысячами; что при откупномъ управленіи въ Восточной Сибири было винныхъ оптовыхъ складовъ 75, питейныхъ домовъ 1.267. Въ 1870 году подваловъ объявилось 402, а питейныхъ домовъ 4.675; что винокуреніе, развитое въ столь широкихъ размѣрахъ, тяжело отражается на благосостояніи населенія отдаленнаго края, въ который стекается все, что, по нравственному растлѣнію, не можетъ быть терпимо въ крестьянскихъ обществахъ Европейской Россіи. Я просилъ сократить число питейныхъ домовъ и подваловъ въ Сибири, а на разстояніи 50-ти верстъ отъ золотыхъ пріисковъ закрыть ихъ вовсе. Въ мое время въ подвалахъ засѣдали исключительно евреи.

По всей вѣроятности, мои неустанныя писанія надоѣли двумъ министрамъ, не внимавшимъ моимъ справедливымъ настояніямъ. И вотъ, 8-го апрѣля 1872 года, я получилъ телеграмму отъ шефа жандармовъ, что государю императору угодно, чтобы вопросы, возбужденные мною въ разныхъ министерствахъ, были обсуждены комитетомъ министровъ въ моемъ присутствіи. Графъ Шуваловъ просилъ меня увѣдомить генералъ-адъютанта Тимашева, къ какому времени я сочту болѣе удобнымъ прибыть въ Петербургъ.

Поѣздки генералъ-губернаторовъ въ столицу по высочайшимъ

повелѣніямъ обыкновенно возбуждаютъ въ обществѣ толки о смѣнѣ ихъ. Къ тому же въ данномъ случаѣ вѣсти изъ министерства были не въ мою пользу. Поэтому иркутяне, думая, что прощаются со мною навсегда, дали мнѣ большой обѣдъ. На немъ, по обыкновенію, говорились рѣчи. Одинъ изъ ораторовъ, генералъ Ш., началъ свою рѣчь сперва произносить изустно, затѣмъ читать, потомъ сбился совсѣмъ и, наконецъ, не кончивъ рѣчи, извинился и замолчалъ. Признаюсь, мнѣ тяжело было слушать лживыя слова человѣка, исполнявшаго высокія обязанности военнаго губернатора Иркутской губерніи и совершенно чуждаго ея интересамъ и разумнымъ заботамъ о ней.

Грустный я удалился на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Восточной Сибири, терзаемый ея тяжелыми судьбами. Въ дорогѣ, среди однообразныхъ равнинъ, меня радовали большія толпы народа, встрѣчавшіяся на станціяхъ и, не преувеличивая говорю, громко благословлявшія мой далекій путь.

Въ Москвѣ мнѣ пришлось остановиться на нѣсколько дней по усилившейся болѣзни жены. Въ это время, по случаю пріѣзда государя императора, я былъ приглашенъ генералъ-губернаторомъ Долгоруковымъ къ обѣденному столу, даваемому имъ его величеству.

Послѣ обѣда, въ кабинетѣ князя, государь изволилъ осчастливить меня продолжительною бесѣдою о положеніи Восточной Сибири. Я откровенно обрисовалъ видѣнныя мною въ ней картины. Императоръ тутъ же повелѣлъ присутствовавшему при нашемъ разговорѣ шефу жандармовъ, графу Шувалову, телеграфировать предсѣдателю комитета министровъ не задерживать меня въ Петербургѣ, но въ моемъ присутствіи разобрать всѣ дѣла, возбужденныя мною по разнымъ отраслямъ сибирской жизни.

Знаменательно было засѣданіе комитета министровъ. Всѣ вопросы, поднятые мною ко благу забытаго края, рѣшены отрицательно. Генералъ-адъютантъ Тимашевъ уклонился отъ личнаго прибытія въ комитетъ. Министръ финансовъ Рейтернъ долго говорилъ въ защиту существовавшей питейной системы и о томъ, что нѣтъ возможности перевести винные подвалы за пятьдесятъ верстъ отъ золотыхъ пріисковъ.

Предвидя гибель всѣхъ своихъ проектовъ, я обратилъ вниманіе комитета на то, чтобъ была воспрещена новая постройка винокуренныхъ заводовъ, хотя на три года, чтобы дать возможность сибирякамъ пополнить хлѣбомъ сельскіе запасные магазины. Но и этотъ полезный вопросъ остался безъ желаннаго отвѣта. Чрезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго засѣданія комитета министровъ, я получилъ отъ его предсѣдателя, генералъ-адъютанта Игнатьева, письмо, которое объяснило, что государь соизволилъ мнѣ объявить за мою службу высочайшее благоволеніе и разрѣшилъ выѣхать во ввѣренный мнѣ край.

Получивъ горькій урокъ въ Петербургѣ, я возвратился въ Иркутскъ съ полуразрушенною энергіею. Что̀ я могъ совершить для нравственнаго и экономическаго возрожденія Сибири, когда главные вопросы, возбужденные мною, не удостоились вниманія господъ министровъ? Правда, генералъ-адъютантъ Тимашевъ утѣшилъ меня разъ телеграммою, что проектъ новыхъ штатовъ для сибирскаго чиновничества будетъ внесенъ имъ въ государственный совѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени, но это были только благородныя обѣщанія безъ благороднаго исполненія. Восточно-сибирскій край продолжалъ стонать въ рукахъ взяточниковъ. Вотъ добытыя мною поучительныя цифры темныхъ поборовъ, платимыхъ въ годъ сибиряками администраціи въ мое время:

Губерніи:

Иркутская	246.000	рублей
Енисейская	178.000	»

Области:

Забайкальская . .	231.000	рублей
Якутская	22.000	»

Съ стѣсненнымъ сердцемъ я смотрѣлъ на эти грозныя суммы противозаконныхъ поборовъ, парализовалъ ихъ, на сколько могъ, но искоренить ихъ изъ нѣдръ сибирскихъ былъ не въ силахъ. Дороговизна мѣстной жизни сама вопіяла о томъ, что необходимо было обезпечить существованіе служилаго люда, и тѣмъ снять тяготу его содержанія съ народа. Всестороннее устройство послѣдняго всегда составляло для меня священную обязанность. Въ Иркутскѣ болѣе двадцати циркуляровъ было объявлено мною по этому важному предмету. Я предлагалъ мѣстному начальству усугубить наблюденіе за народною нравственностью. Я просилъ архіереевъ, для облегченія приходскихъ священниковъ въ сочиненіи проповѣдей, собрать ихъ сводъ для чтенія въ храмахъ Божіихъ. Проповѣди я обѣщалъ отпечатывать безвозмездно въ губернскихъ типографіяхъ.

Къ моимъ циркулярамъ прилагались выписки изъ закона, карающаго пьянство и безпорядки, отъ него происходящіе. Я обращалъ вниманіе начальства на поднятіе земледѣлія въ краѣ и исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе о наградахъ крестьянъ за усердіе подарками, нарядными и почетными кафтанами. Я предлагалъ губернаторамъ наблюдать: а) за исправнымъ содержаніемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и законной выдачей изъ нихъ заимообразно хлѣба; б) за правильностью торговли водкою, за упорядоченіемъ сбора податей съ иновѣрцевъ; в) за строгимъ распредѣленіемъ по волостямъ ссыльно-поселенцевъ; г) за соблюденіемъ

условій между нанимателями и нанимающимися. Я требовалъ, чтобы всѣ циркуляры мои были читаны народу по праздникамъ въ церквахъ послѣ богослуженія.

Результатомъ моихъ посильныхъ, трехлѣтнихъ трудовъ было то, что до 40 селеній въ Енисейской губерніи, въ собственномъ сознаніи вреда отъ пьянства, прекратили торговлю въ питейныхъ заведеніяхъ. Равно было получено донесеніе, что крестьяне нѣкоторыхъ волостей Иркутскаго уѣзда, по мірскому приговору, закрыли до 50 кабаковъ. Что же касается до улучшенія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, то къ 1 сентября 1872 года въ нихъ состояло хлѣба на лицо 438.693 четверти, а къ 1 февраля 1874 года 884.645 четв.

Я раньше, кажется, упоминалъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты мною, въ видѣ опыта, къ прекращенію побѣговъ каторжныхъ. Чтобы имѣть возможность употреблять ихъ на разныя работы по устройству края, я заботился объ уменьшеніи побѣговъ съ каторги и платилъ крестьянамъ за поимку бѣглыхъ преступниковъ. Такимъ образомъ, съ іюля 1871 года по январь 1874 года, ихъ было переловлено 1.581 человѣкъ. Но вдругъ неожиданно я получилъ частное свѣдѣніе, что предположенія мои о поимкѣ бѣглыхъ каторжныхъ не пройдутъ въ государственномъ совѣтѣ.

Дѣйствительно министръ внутреннихъ дѣлъ, 1-го декабря 1873 года, писалъ мнѣ, что государственный совѣтъ основалъ отказъ свой на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, трудно надѣяться, чтобы денежныя награды могли привлечь мѣстное населеніе къ дѣятельному преслѣдованію бѣглыхъ, которые не останавливаются ни предъ какими средствами для отомщенія. Возвышеніе наградныхъ денегъ за поимку едва ли будетъ имѣть значеніе. Во-вторыхъ, не приведутъ ли эти мѣры къ особаго рода промыслу, отъ котораго страдать будутъ лица неповинныя, по отсутствію достаточныхъ способовъ къ распознанію бродягъ и бѣглыхъ, ибо отлучки въ краѣ совершаются безъ всякихъ формальностей? Въ-третьихъ, нельзя не ожидать, чтобы, при особомъ поощреніи поимки бѣглыхъ, подобныя преслѣдованія не совершались съ цѣлью получить выкупъ отъ преслѣдуемаго лица. Въ-четвертыхъ, могутъ явиться и такъ называемые ложные поимщики, которые будутъ представлять такихъ бѣглыхъ, которые съ наступленіемъ холодовъ являются сами. На основаніи изложеннаго, государственный совѣтъ поручилъ министру, по сношеніи со мною, изыскать другія, болѣе дѣйствительныя средства къ поимкѣ бѣглыхъ.

Достойно вниманія, что эти соображенія разсматривались и рѣшались именно въ то время, когда уже болѣе половины пойманныхъ бродягъ были благополучно отправлены мою на островъ Сахалинъ. Слѣдовательно, опытъ говорилъ самъ за себя.

Поимка бѣглыхъ, большею частью, производилась при переправахъ ихъ чрезъ рѣки. Бѣглые, изъ опасенія быть пойманными,

устраивали переправы на сплоченныхъ бревнахъ въ сторонѣ отъ дороги, гдѣ ихъ и задерживали поставленныя, по распоряженію земскихъ властей, партіи изъ ссыльно-поселенцевъ, не имѣющихъ ни осѣдлости, чтобы опасаться мщенія, ни на столько средствъ къ пропитанію, чтобы пяти рублей не считать значительнымъ для себя пособіемъ. По доставленіи пойманныхъ въ сельскіе арестантскіе дома, ихъ допрашивали, и, если они оказывались неповинными, то ихъ немедленно отпускали. Въ попутныхъ городахъ съ пойманныхъ снимали формальные допросы, а въ Иркутскѣ допросы провѣрялись самымъ тщательнымъ образомъ. Доказывается сказанное тѣмъ, что за все мое время имѣлось лишь пять ошибокъ въ неправильномъ задержаніи бѣглецовъ. Съ другой стороны, представляется возмутительною мысль, что 1580 задержанныхъ каторжниковъ могли бы воспользоваться во зло своей свободою.

Уже при возвращеніи моемъ въ октябрѣ 1872 года изъ Петербурга начальство Тобольской и въ особенности Томской губерніи заявляло, что, вслѣдствіе ловли каторжныхъ въ Восточной Сибири, число арестантовъ въ тюрьмахъ этихъ губерній значительно убавилось, и уголовныхъ происшествій стало менѣе. Впослѣдствіи, по отмѣнѣ государственнымъ совѣтомъ моего мѣропріятія, опять появилось бродяжничество, и съ нимъ насилія и убійства. Объ этомъ, кромѣ оффиціальныхъ донесеній, неоднократно сообщали газеты («Голосъ», 8-го іюля 1874 г., № 93, «Петербургская Газета», № 104). Между прочимъ, въ нихъ отмѣчалось, что городъ Омскъ находится какъ бы въ осадномъ положеніи чрезъ грабежи и насилія, производимые бѣгло-каторжными. Я уже упоминалъ въ VII главѣ о томъ, что, не смотря на ловлю бѣгло-каторжныхъ, мною принимались серьезныя мѣры къ тому, чтобы дать несчастнымъ преступникамъ какое либо утѣшеніе, какой либо просвѣтъ въ ихъ неприглядной жизни. Такимъ просвѣтомъ, по моему мнѣнію, было допущеніе каторжниковъ къ работамъ на частные золотые пріиски. Уже въ 1872 году каторжные, допущенные на пріиски, за всѣми расходами на свою одежду и продовольствіе, доставили чистаго заработка 17.395 рублей 73 коп. На второй годъ результаты ихъ дѣятельности были слѣдующіе: работало 750 человѣкъ, заработокъ былъ 57.920 рублей, а чистый остатокъ 35.994 рубля.

Я полагаю, что изъ приведенныхъ суммъ не мало пошло на дѣйствительную пользу арестантовъ. Многіе изъ нихъ исправились, видя предъ собою обезпеченную будущность; многіе переженились, открыли торговлю и вступили смѣло и честно на тотъ жизненный путь, съ котораго они сбились по какимъ либо роковымъ причинамъ.

Не мало мнѣ доставило хлопотъ улучшеніе быта инородцевъ и ихъ духовенства. Надобно здѣсь замѣтить, что бурятское населеніе въ Забайкальской области, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, дости-

гало почти до семидесяти тысячъ душъ. Образъ жизни этого населенія рѣзко отличается отъ жизни бурятъ Иркутской губерніи. Тогда какъ въ ней инородцы давно занимаются земледѣліемъ, промыслами и охотно принимаютъ православіе, буряты по ту сорону Байкала рѣдко переходятъ въ христіанство и къ осѣдлости. Ихъ свѣтлыя желанія парализуются многочисленнымъ, но невѣжественнымъ ламайскимъ духовенствомъ, непрестанно прибывающимъ изъ нѣдръ Монголіи.

Съ самаго вступленія моего въ управленіе краемъ языческіе инородцы занимали меня не менѣе другихъ народностей. Усмотрѣвъ изъ производившихся дѣлъ, что для поселенія обращающихся въ православіе инородцевъ положено отмежевывать каждому миссіонеру, кажется, около пяти сотъ десятинъ земли, я составилъ особую комиссію для разработки положенія объ устройствѣ инородческаго быта. Въ особенности я заботился о принимающихъ православіе.

Въ городѣ Селенгинскѣ я видѣлся съ Хамбо-Ламою, высшимъ духовнымъ лицомъ у бурятъ. Онъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи многочисленныхъ ламъ и представилъ вѣдомость, въ которой было показано: количество духовенства, дацановъ и другихъ молитвенныхъ сооруженій. Послѣднихъ оказалось болѣе числа, опредѣленнаго закономъ. На вопросъ мой, почему это допущено, со стороны Хамбо-Ламы послѣдовалъ неумѣстный отвѣтъ черезъ переводчика:

— То была воля народа.

Глава ламъ оказался, вопреки установленіямъ, незнающимъ русскаго языка и допустившимъ обученіе дѣтей исключительно тибетской грамотѣ. Онъ же позволялъ заштатнымъ ламамъ ходить въ духовной одеждѣ, отправлять богослуженіе, не смотря на воспрещеніе закона.

Усмотрѣвъ изъ его дѣйствій вообще враждебное отношеніе къ русской власти, я не замедлилъ увольненіемъ кичливаго бурята и закрылъ не положенные по штату молитвенные дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я принялъ мѣры къ ознакомленію инородцевъ съ русскимъ языкомъ и ввелъ его обязательное изученіе въ ихъ школахъ. Я понималъ, что послѣднія составляютъ краеугольный камень личнаго человѣческаго благоденствія, и распространялъ школы всѣмъ зависящимъ отъ меня вліяніемъ и въ нашихъ коренныхъ русскихъ селеніяхъ.

Но прежде чѣмъ разсылать циркуляры о народномъ образованіи, я призналъ необходимымъ основательно вникнуть въ сущность поднимаемаго мною важнаго жизненнаго вопроса.

Еще изъ бесѣдъ моихъ съ народомъ при объѣздахъ Восточно-Сибирскаго края я замѣчалъ въ немъ стремленіе къ устройству школъ и изученію грамотности. Но мнѣ представлялись въ испол-

3*

неніи вопроса и вѣскія затрудненія: дальность разстояній между селеніями и недостатокъ учителей. По долгомъ раздумьи, я предоставилъ право обитателямъ деревень самимъ открывать школы, сообразуясь съ своими средствами. Я позволилъ имъ непосредственно обращаться ко мнѣ при всѣхъ затрудненіяхъ въ школьномъ вопросѣ. Простые сибиряки вскорѣ уяснили всю пользу моихъ усилій для ихъ блага. Въ свою очередь, купечество пришло къ нимъ на помощь съ своими капиталами на столько скоро, что когда явился мой циркуляръ о необходимости знанія грамотности каждому подданному, то открылось почти разомъ 120 сельскихъ училищъ. Купечество пожертвовало дома для мужскаго и женскаго училищъ въ селѣ Балаганскѣ и на содержаніе перваго въ теченіе трехъ лѣтъ по 1.000 рублей, а для втораго единовременно 5.000 рублей. Почетный гражданинъ Кузнецовъ внесъ 6.000 рублей на постройку новаго корпуса красноярской гимназіи и изъявилъ желаніе пожертвовать домъ для красноярской учительской семинаріи. Коллежскій совѣтникъ Базановъ внесъ 25 тысячъ рублей на покупку дома для иркутской учительской семинаріи. Служащіе и почетные инородцы Якутской области пожертвовали 1.750 рублей съ тѣмъ, чтобы капиталъ назывался Синельниковскимъ, а проценты съ него употреблялись на стипендіи въ якутской прогимназіи. Якутскіе купцы и мѣщане пожертвовали 1.000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ выдавались бѣднымъ ученикамъ города Якутска.

Крестьяне и инородческія общества Иркутской губерніи изъявили желаніе содержать при иркутской губернской гимназіи 7 воспитанниковъ, именуя ихъ стипендіатами Синельниковыхъ.

Такимъ образомъ, главная цѣль моихъ стремленій распространить грамотность въ народѣ хотя вполнѣ не осуществилась, но ей былъ положенъ при мнѣ прочный фундаментъ. Въ народномъ сознаніи утвердилась мысль о пользѣ умственнаго развитія дѣтей, прежде осужденныхъ на безусловное невѣжество. Наградами, нравственной поддержкою, административнымъ вліяніемъ я будилъ въ сибирякахъ лучшія чувства, стремленія къ свѣту и правдѣ. Я уже считалъ себя счастливымъ и тѣмъ, что открылъ въ свою бытность въ Иркутскѣ учительскую семинарію и опредѣлилъ нѣсколько дѣвицъ учительницами въ сельскія школы.

Касаясь въ своихъ запискахъ разнообразныхъ бытовыхъ сторонъ восточно-сибирской жизни, какая была при назначеніи меня генералъ-губернаторомъ, я не могу умолчать здѣсь и о томъ состояніи, въ которомъ находился единственный водный путь къ Восточному океану. Пароходство по Амуру было въ самомъ жалкомъ видѣ. Казенные грузы въ срокъ не доставлялись къ мѣстамъ назначенія. О грузахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, не приходится и говорить. Грузы валялись на пристаняхъ, ничѣмъ не по-

крытые. Они мокли отъ дождя и портились отъ непогоды. Пароходы не имѣли понятія о точной доставкѣ товаровъ. Кромѣ того, на нихъ было и не безопасно плавать. Я понималъ, что пароходство по Амуру могло возродиться при сильной конкуренціи богатыхъ предпринимателей или цѣлыхъ компаній съ солидными капиталами. Такія мысли я вложилъ и въ высочайшій докладъ. Неожиданный отвѣтъ министра финансовъ парализировалъ и на водахъ мои полезныя начинанія. Статсъ-секретарь Рейтернъ сообщилъ мнѣ, что амурское пароходство высочайше утверждено за товариществомъ Бенардаки. Послѣднее создалось какъ-то странно, на какихъ-то особыхъ началахъ, не признававшихъ экономическихъ потребностей тѣхъ мѣстъ, среди которыхъ совершалось плаваніе судовъ товарищества. Оно задалось преслѣдованіемъ «всемірной торговли»,—идеи, несбыточной для людей, живущихъ въ краѣ, гдѣ не было никакого торговаго развитія, и гдѣ даже хлѣбъ покупался у сосѣднихъ китайцевъ. Товарищество затратило крупный капиталъ на постройку въ Англіи двухъ морскихъ пароходовъ: «Николай» и «Александръ», а о заведеніи добропорядочныхъ рѣчныхъ пароходовъ не заботилось. Амурскія суда безпрестанно то становились на мель, то пробивали дно, то разбивались о камни. Чайные грузы не достигали въ одну навигацію до Срѣтенска, а ящики съ чаемъ валялись въ Хабаровкѣ, въ Благовѣщенскѣ, въ Албазинѣ въ ожиданіи будущаго лѣта. Я объяснялъ въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ о неудовлетворительномъ веденіи дѣла товариществомъ и поручилъ генералу Симонову и адъютанту моему, полковнику Депрерадовичу [1]), осмотрѣть въ зимнее время въ разныхъ мѣстахъ на Амурѣ пароходы и доставить заключенія о степени ихъ годности. Изъ донесеній полковника Депрерадовича, генерала Симонова и начальника штаба округа Мосолова видно было, что пароходство находилось въ такомъ положеніи, что въ предстоявшую навигацію не могло перевезти и необходимыхъ казенныхъ грузовъ. Волей не волей, я вынужденъ былъ непосредственно вмѣшаться въ дѣятельность амурскаго товарищества, даже ходатайствовалъ предъ государемъ о дарованіи товариществу субсидіи, лишь бы сохранить срочныя сообщенія съ далекими морскими окраинами Восточной Сибири. Такъ легкомысленно совершались въ ней дѣла, имѣвшія глубокое государственное значеніе.

Обращусь теперь къ другому любопытному вопросу, къ моему невольному столкновенію съ военнымъ губернаторомъ Приморской области, контръ-адмираломъ К. Занося этотъ эпизодъ въ свои записки, я не обвиняю адмирала въ умышленномъ желаніи противодѣйствовать власти генералъ-губернатора. Но, очевидно, выступая открыто противъ моихъ распоряженій, контръ-адмиралъ К. являлся

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-маіору и коменданту Владивостока.

слишкомъ откровеннымъ исполнителемъ чьихъ-то постороннихъ внушеній. Еще въ бытность мою въ Петербургѣ онъ получилъ распоряженіе, по предположенію о раздѣленіи Сибири между морскимъ и военнымъ министерствами, объѣхать со мною восточно-приморскія сибирскія прибрежья. Адмиралъ К. не пріѣхалъ въ назначенное время во Владивостокъ, а позже представилъ мнѣніе свое о раздѣленіи Сибири помимо меня, какъ генералъ-губернатора и командующаго округомъ, прямо въ особо высочайше назначенное совѣщаніе. Въ мнѣніи своемъ адмиралъ доказывалъ, что только подъ вѣдѣніемъ морскаго министерства возможно достигнуть благоденствія Приморскаго края и расположенныхъ въ немъ войскъ. Почтенный морякъ умалчивалъ, что край этотъ, фактически управлявшійся чинами морскаго министерства въ теченіе десятковъ лѣтъ, не ознаменовался никакими полезными административными устройствами, а пароходство на Амурѣ, какъ сообщено мною выше, достигло совершеннаго разстройства.

Имѣя въ виду, что Приморская область, при осмотрѣ ея мною, была найдена въ войсковомъ отношеніи въ самомъ печальномъ видѣ, и неизвѣстно даже было количество ея населенія, я рѣшился командировать въ помощь контръ-адмиралу К. полковника Черняева. Послѣднему вмѣнено было въ обязанность: 1) возможно чаще осматривать линейные батальоны и постовыя команды; 2) слѣдить за точнымъ выполненіемъ начальниками частей требованій закона и распоряженій командующаго войсками Приморской области, 3) наблюдать за правильнымъ веденіемъ строеваго образованія и хозяйства, и 4) удостовѣряться какъ въ своевременномъ отпускѣ нижнимъ чинамъ, положеннаго отъ казны, довольствія, такъ и въ надлежащемъ качествѣ самыхъ предметовъ довольствія. Полковникъ Черняевъ долженъ былъ о результатахъ своихъ осмотровъ и о войсковыхъ безпорядкахъ подробно доносить командующему войсками Приморской области и представлять на его усмотрѣніе мѣры, необходимыя для устраненія замѣченныхъ упущеній.

Къ удивленію моему, чрезъ нѣкоторое время я получилъ телеграмму отъ адмирала К., отъ 20 января 1872 года, въ которой говорилось, что отъ командировки полковника Черняева предвидятся пререканія. Черняевъ [1]), въ свою очередь, доносилъ мнѣ, что военный губернаторъ области пріостановилъ исполненіемъ всѣ мои распоряженія. Вслѣдъ затѣмъ контръ-адмиралъ К. не постѣснился прислать мнѣ копію съ своей телеграммы управляющему морскимъ министерствомъ, Краббе, въ которой г. К. заявлялъ, что онъ совершенно несогласенъ съ вводимой генералъ-губернаторомъ системой управленія Уссурійскимъ краемъ. Само собою разумѣется, что приводимый мною документъ крайне

[1]) Впослѣдствіи генералъ и губернаторъ Якутской области.

занимателенъ, какъ исключительное и почти неслыханное нарушеніе подчиненнымъ правъ своего высшаго, но непосредственнаго начальника. Кромѣ того, это нарушеніе ничѣмъ не было вызвано съ моей стороны, а возволновало двухъ другихъ губернаторовъ, генераловъ Шелашникова и Д., творившихъ открыто беззаконія. Они окрылились, они были обрадованы нетактичнымъ поступкомъ своего коллеги и ждали, что вотъ-вотъ меня вызовутъ навсегда въ Петербургъ.

Для обсужденія дѣйствій энергичнаго адмирала я созвалъ совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири. Онъ усмотрѣлъ въ поступкахъ военнаго губернатора Приморской области явное ослушаніе власти генералъ-губернатора и полагалъ представить дѣло правительствующему сенату.

Я не рѣшился такимъ грознымъ урокомъ наносить непоправимый ударъ человѣку, не имѣвшему со мною никакихъ личныхъ, частныхъ отношеній, а потому удовольствовался тѣмъ, что 10 февраля 1872 года телеграфировалъ обо всемъ министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ. Государь императоръ, во всякомъ случаѣ, узналъ о поведеніи контръ-адмирала К., а управлявшій морскимъ министерствомъ сообщилъ мнѣ телеграммою 18 марта, что онъ далъ знать г. К., что находитъ переписку его со мною и образъ дѣйствій заслуживающими полнаго порицанія и требуетъ отъ него повиновенія моей власти.

Среди такихъ непріятныхъ для меня душевныхъ испытаній отраднымъ, солнечнымъ лучемъ явилось прибытіе въ Восточную Сибирь великаго князя Алексѣя Александровича въ маѣ 1873 года. Ко времени его прибытія во Владивостокъ изъ Японіи, по моему предписанію, въ этотъ городъ долженъ былъ явиться изъ города Николаевска, своего постояннаго мѣстопребыванія, военный губернаторъ Приморской области. На границѣ области Забайкальской встрѣтилъ его высочество мѣстный губернаторъ, а я ожидалъ дорогого гостя по ту сторону Байкала въ селѣ Посольскомъ. Оно расположено на самомъ берегу грознаго озера, и въ немъ постоянно проживалъ иркутскій викарій епископъ Мартиніанъ. Въ Посольскѣ находится мужской монастырь, въ которомъ великій князь отслушалъ молебенъ и остался на ночлегъ.

На другой день была вѣтренная погода, Байкалъ волновался и не давалъ пароходу подойти къ берегу. На всякій случай были заготовлены лошади и экипажи для кругобайкальскаго объѣзда. Но августѣйшій путешественникъ изъявилъ желаніе продолжать дорогу на пароходѣ. Когда мы подвинулись къ срединѣ озера, то вѣтеръ сталъ утихать; вокругъ насъ лишь раздавался глухой рокотъ бурливой стихіи. Небо прояснилось. Чрезъ нѣсколько часовъ мы благополучно очутились у пристани Лиственичной, отъ которой до Иркутска всего шестьдесятъ верстъ. Къ нему тянется прекрас-

ная грунтовая дорога вдоль рѣки Ангары, окрестности которой чрезвычайно живописны.

Великій князь, радостно встрѣченный иркутянами, пробылъ среди нихъ четыре дня, осматривалъ войска, учебныя заведенія, посѣтилъ тюрьму. Городъ давалъ блестящій балъ въ благородномъ собраніи его высочеству, не оставившему безъ визитовъ почтенныхъ и уважаемыхъ лицъ сибирской столицы. Онъ провелъ одинъ вечеръ въ лѣтнемъ театрѣ, устроенномъ въ общественномъ саду.

Милостивое и крайне привѣтливое обращеніе высокаго посѣтителя не могло не отразиться на сердцахъ добрыхъ сибиряковъ. Со стороны ихъ явились крупныя пожертвованія на народное образованіе. Въ Хабаровкѣ купцы открыли школу имени великаго князя. Въ Благовѣщенскѣ устроились двѣ ремесленныхъ школы: мужская и женская. Для нихъ по подпискѣ собрано 12.500 рублей, а городъ положилъ отчислять на ихъ содержаніе по одной тысячѣ рублей съ доходовъ недвижимаго имущества. Кяхтинскіе купцы основали въ сосѣднемъ городѣ Троицкосавскѣ реальное училище, названное «Алексѣевскимъ», на которое собрали 21.000 рублей и отчислили изъ своего ссуднаго капитала 30.000 рублей. Кромѣ того, ежегодно они стали выдавать училищу 2.000 рублей изъ доходовъ кяхтинскаго гостинаго двора.

Иркутское общество поднесло его высочеству восемь стипендій его имени въ женской гимназіи и въ техническомъ училищѣ. Статскій совѣтникъ Хаминовъ пожертвовалъ 7.750 рублей на учрежденіе также стипендій имени великаго князя въ гимназіяхъ мужской и женской.

Величественъ былъ переѣздъ августѣйшаго путешественника чрезъ широкій Енисей у города Красноярска. По обоимъ берегамъ его были устроены красивые павильоны. Богато убранный катеръ управлялся избранными купцами роскошно, и одинаково одѣтыми. Народъ, собравшійся на противоположной сторонѣ рѣки, пестрѣлъ праздничными костюмами. При приближеніи катера раздались громовые крики «ура», разносившіеся далеко по пространству великой рѣки.

Я разстался съ великимъ княземъ на границѣ Западной Сибири, въ городѣ Маріинскѣ. Въ память пріятнаго путешествія, кромѣ личной благодарности, я удостоился получить отъ его высочества портретъ съ собственноручною надписью: «въ воспоминаніе проѣзда чрезъ Восточную Сибирь отъ Алексѣя».

Не весело встрѣтилъ меня Иркутскъ. Я нашелъ у себя въ кабинетѣ нѣсколько жалобъ отъ жителей Забайкальской области. Въ нихъ говорилось, что по случаю проѣзда великаго князя чиновники страшно притѣсняютъ народъ поборами. Эти просьбы глубоко возмутили меня, такъ какъ онѣ были соединены со столь дорогимъ именемъ для Россіи. Немедленно я предписалъ чиновнику

особыхъ порученій Корбуту 1-му строжайше разслѣдовать правильность просьбъ, а въ концѣ іюля самъ отправился въ Забайкалье съ членомъ совѣта главнаго управленія Падеринымъ.

Предо мною открылись непонятныя дѣйствія мѣстнаго губернатора, генерала Д. Совѣтникъ читинскаго окружного управленія, Козаковъ, растратилъ около 2.000 рублей казенныхъ денегъ, а былъ опредѣленъ исправникомъ въ Баргузинъ. Здѣсь онъ утаилъ 1.700 рублей народныхъ податей и, тѣмъ не менѣе, вновь былъ назначенъ совѣтникомъ.

При осмотрѣ мною работъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ оказались сильные безпорядки и недостача денегъ. Завѣдывавшій промыслами полковникъ Марковъ представилъ на пополненіе своей растраты росписку генерала Д. въ 1.200 рублей, занятыхъ имъ въ послѣднюю бытность на Карійскихъ промыслахъ.

Въ свою очередь, по разслѣдованію чиновника Корбута, оказалось, что на исправленіе трактовой дороги весною 1873 года взыскано съ бурятъ Хоринскаго вѣдомства 32.671 рубль, и, вопреки закона и безъ разрѣшенія начальства, натуральныя повинности у нихъ замѣнены денежною въ количествѣ 60.379 рублей.

Самъ забайкальскій губернаторъ отправился вслѣдъ за великимъ княземъ въ Петербургъ. На время его отсутствія я назначилъ управлять Забайкальскою областью члена совѣта главнаго управленія Сибири, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Милютина, родного брата бывшаго военнаго министра. Отъ 2-го октября 1873 года онъ донесъ мнѣ, что генералъ Д. неправильно показывалъ расходъ на читинское училище въ 61.633 рубля 65 копеекъ, а приходъ въ немъ суммъ въ 45.156 рублей 29 копеекъ. На самомъ дѣлѣ приходъ на училище былъ въ 85.182 рубля 76 копеекъ. Къ своему донесенію Б. А. Милютинъ прибавилъ, что слѣдствіе по приведеннымъ злоупотребленіямъ едва ли къ чему нибудь приведетъ, такъ какъ всѣ счеты по училищу находятся въ хаотическомъ состояніи.

Иркутскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Ш., въ служебной безпечности своей мало чѣмъ отличался отъ своего забайкальскаго товарища. Бездѣятельностью своей по управленію губерніей онъ вынудилъ меня на написаніе ему слѣдующаго конфиденціальнаго предложенія отъ 18-го сентября 1873 года. Я требовалъ объясненія: а) Почему, вопреки распоряженій моихъ объ уменьшеніи числа питейныхъ домовъ, въ циркулярѣ по губерніи говорилось, что лучше имѣть болѣе кабаковъ, чѣмъ допускать корчемство? Почему не было объявлено народу о томъ, что корчемство будетъ безпощадно преслѣдуемо? Почему подлежащія выписки изъ закона по данному предмету не были разосланы по волостямъ, согласно моему распоряженію? б) Почему губернаторъ, найдя въ одномъ волостномъ правленіи безпорядки по письменной части, увеличилъ самовольно сборъ съ крестьянъ на содержаніе упомянутаго правленія

до 4.800 рублей, тогда какъ по журналу главнаго управленія Восточной Сибири опредѣлено было собирать на каждое волостное правленіе не болѣе 1.700 рублей? в) Почему губернаторъ противорѣчилъ оффиціально устройству дороги, способствовавшей къ снабженію города Иркутска хлѣбомъ, и доказывалъ, что она невозможна для проѣзда? На самомъ дѣлѣ дорога фактически и подробно изслѣдована партіею землемѣровъ и найдена удобною.

Циркуляръ мой о безпорядкахъ по Забайкальской области и копію съ приведеннаго предложенія моего генералу Ш. я отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ 18-го сентября 1873 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ я настаивалъ на перемѣнѣ губернаторовъ.

Не буду распространяться, что приведенные факты, съ прибавленіемъ къ нимъ ослушаній приморскаго губернатора контръ-адмирала К., глубоко подрывали мою энергію. Я всегда считалъ себя вѣрнымъ слугою престолу и моей родинѣ, и, по совѣсти говорю, никогда не измѣнялъ упоминаемымъ святымъ принципамъ. Въ Восточную Сибирь я пріѣхалъ съ самыми благими желаніями послужить, по мѣрѣ силъ, на ея духовное и экономическое возрожденіе. Я думалъ, что въ оглашеніи чрезъ циркуляры мѣстныхъ злоупотребленій кроется великая польза и поучительный урокъ для безсовѣстныхъ расхитителей народной и казенной копейки. Но я не зналъ, что встрѣчу противоположные взгляды на эти вопросы въ государственномъ человѣкѣ, поставленномъ выше меня. А вотъ что сообщилъ мнѣ генералъ-адъютантъ Тимашевъ отъ 3-го декабря 1873 года.

«Генералъ Ш., — писалъ министръ, — представилъ мнѣ, съ своей стороны, объясненія и, какъ бы въ оправданіе себя, приложилъ къ онымъ тотъ же циркуляръ «Иркутскихъ Вѣдомостей». Я обращаю ваше вниманіе вообще на неудобства оглашенія путемъ печати такихъ циркуляровъ о злоупотребленіяхъ, какъ общаго явленія; что такой способъ дѣйствія никогда еще не входилъ въ систему нашего управленія и едва ли можетъ быть допускаемъ и въ настоящее время, какъ могущій имѣть даже вредныя послѣдствія, если оглашаемыя высшими начальниками свѣдѣнія касаются или ненормальнаго состоянія страны, или порицанія образа дѣйствій тѣхъ лицъ, коимъ непосредственно ввѣрена охрана внутренняго порядка и спокойствія». Министръ спрашиваетъ: «Къ кому же, какъ не ко всей нисходящей отъ генералъ-губернатора администраціи, должно отнести эти тяжкія обвиненія? И въ какое положеніе ставятся административныя лица предъ подчиненными и цѣлымъ обществомъ?». Генералъ Тимашевъ закончилъ свое письмо слѣдующими замѣчательными строками: «Циркулярныя печатныя заявленія высшей администраціи, нося на себѣ характеръ полемики и не принося явной пользы дѣлу, лишь нарушаютъ тотъ законный способъ сношеній между правительственными лицами имперіи, ко-

торый, не тревожа общественнаго мнѣнія, имѣетъ одну цѣль—содѣйствовать искорененію злоупотребленій и лучшему благоустройству государства».

Имѣя счастіе неоднократно лично слышать мысли въ Бозѣ почившаго государя Александра II о благѣ народномъ, о пользѣ гласности, въ границахъ умѣренности, когда она не подрываетъ основныхъ законовъ имперіи, чувствъ долга и вѣры, я не могъ согласиться съ узкими толкованіями генерала Тимашева вопроса о гласности, дѣлающими всякаго служебнаго взяточника особою неприкосновенною и отражающею будто бы въ себѣ величіе высшей правящей власти. Поэтому, оставаясь вѣрнымъ своимъ исконнымъ убѣжденіямъ, подтвержденнымъ опытомъ всей жизни, я отвѣчалъ отъ 14-го января 1874 года министру внутреннихъ дѣлъ, что: «Управляя внутренними губерніями и Восточной Сибирью около 15-ти лѣтъ, я относился съ полнымъ вниманіемъ къ служебному дѣлу и не ошибался въ средствахъ къ поддержанію въ народѣ порядка, повиновенія и преданности своему монарху. Министерство взглянуло на дѣло съ одной стороны, но другая, по моему мнѣнію, важнѣе. Если главное начальство, побуждаемое частыми жалобами народа, предписываетъ и подтверждаетъ о законномъ и не разорительномъ взиманіи податей, а мѣстное начальство не обращаетъ на такое распоряженіе вниманія, то ясно, что оно само разрушаетъ довѣріе къ себѣ общества, продолжая беззаконное требованіе на добытую кровавымъ потомъ копейку. Если допустить, что уѣздныя власти будутъ народъ обирать, а губернское начальство имъ потакать, то главное начальство, скрывая злыя дѣйствія подчиненныхъ, тѣмъ лишаетъ низшіе классы государства послѣдней надежды на защиту своихъ справедливыхъ желаній. Такъ можно дойти до серьезныхъ безпорядковъ. Сибирскій народъ смѣтливѣе народа Европейской Россіи, и жалобы его всегда основываются на законѣ».

Я не буду распространяться о дальнѣйшей перепискѣ между мною и генераломъ Тимашевымъ, очевидно, не раздѣлявшимъ мои взгляды на отношенія власти къ народному голосу и къ дѣйствіямъ подчиненныхъ мнѣ начальниковъ. Съ сердечной болью я присѣлъ за письменный столъ и на бумагѣ, омоченной старческими слезами, написалъ письмо возлюбленному государю. Въ немъ я излилъ мою душу, мои вѣрноподданническія печали и просилъ увольненія меня отъ поста, на которомъ я не могъ приносить той пользы, которую искало мое сердце. Спустя долгое время, по неполученіи отвѣта на письмо, мною отправлена была шифрованная депеша монарху съ моленіемъ дать покой измученной душѣ.

На этотъ разъ просьба была услышана, и государь милостиво соизволилъ на увольненіе мое отъ должности генералъ-губернатора, съ сохраненіемъ ея прерогативъ вплоть до пріѣзда моего въ Петербургъ.

Озирая свою трехлѣтнюю дѣятельность въ краѣ, которому отданы мои лучшія чувства, мои горячія заботы, я позволю сгруппировать теперь тѣ улучшенія, которыя мнѣ удалось провести, не смотря на разныя препятствія, въ сибирскую жизнь и въ среду ея мѣстнаго чиновничества:

1) Увеличеніе сельскихъ и городскихъ школъ распространилось отъ Якутска до Кяхты и отъ Ачинска до Благовѣщенска, на пространствѣ четырехъ тысячъ верстъ въ ширину и въ длину.

2) Пьянство въ народѣ уменьшилось; цѣлыя волости уничтожили кабаки по собственнымъ приговорамъ добровольно.

3) Въ запасныхъ магазинахъ количество хлѣба увеличилось на 445.952 четверти.

4) Бѣжавшихъ съ каторги поймано и отправлено на островъ Сахалинъ и въ Приморскую область 1.581 человѣкъ. Особенно замѣчательно, что упомянутый фактъ совпалъ съ временемъ полученія мною увѣдомленія, что государственный совѣтъ нашелъ неудовлетворительными мои распоряженія о поимкѣ каторжныхъ бѣглецовъ.

5) Взиманіе податей приведено въ опредѣленную норму и приняло видъ гласный и законный. Убавлено взысканій съ населенія подъ названіемъ «темныхъ поборовъ» ежегодно болѣе, чѣмъ на 180 тысячъ рублей. Убавились казенныя недоимки безъ принятія насильственныхъ мѣръ, разоряющихъ народъ.

6) Результаты работъ каторжныхъ арестантовъ на золотыхъ пріискахъ превзошли ожиданія. По просьбамъ золотопромышленниковъ число каторжанъ на пріискахъ увеличилось до 600 человѣкъ. Заработокъ арестантовъ, за всѣми расходами на ихъ пищу и одежду, дошелъ до 50 тысячъ рублей. Отъ государства содержаніе каторжниковъ не потребовало никакого расхода, и ихъ нравственность повысилась.

7) Не могу не присовокупить къ сказанному, что въ инородцахъ стали чаще проявляться желанія къ принятію православія.

Все приведенное въ пунктахъ совершилось не только при содѣйствіи, но при полномъ сочувствіи населенія Восточной Сибири, не избалованнаго вниманіемъ административной власти.

Въ сношеніяхъ моихъ съ высшими правительственными лицами, писанныхъ начерно всегда мною собственноручно, я никогда не дозволялъ себѣ выходить изъ рамки закона, приличія и правды. Это строго соблюдалось мною и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ. За что же мнѣ писались генераломъ Тимашевымъ упреки, доводимые имъ и до высочайшаго свѣдѣнія? Въ предѣлахъ служебной дѣятельности, какъ мнѣ казалось, я могъ быть обвиняемъ только въ охраненіи государственной казны, но вѣдь означеннаго требовали отъ меня законъ и совѣсть.

Правда, могли быть недовольны моимъ управленіемъ еще гг. мѣстные чиновники, въ особенности желавшіе нажить себѣ состоянія, но я имъ помогалъ, сколько было возможно, не оставлялъ безъ помощи нуждающихся. Уже когда я былъ отозванъ отъ генералъ-губернаторства, то сибиряки поднесли мнѣ званіе почетнаго гражданина города Иркутска, написали адресъ, полный искренней признательности за все сдѣланное мною для ихъ родного края. Позже они прислали мнѣ чрезвычайно цѣнный альбомъ съ фотографическими карточками почтившихъ меня вниманіемъ сибирскихъ обитателей. Альбомъ я имѣлъ счастіе вручить государю Александру Александровичу, въ бытность его наслѣдникомъ, 1-го мая 1880 года.

Ужели все сказанное не говоритъ о томъ, что мои служебные труды не были безплодны для отечества, для подданныхъ нашего монарха, управляемыхъ мною по его личному довѣрію? Я не могу не вспомнить безъ отрады пріема меня императоромъ Александромъ II-мъ послѣ окончательнаго возвращенія изъ Восточной Сибири. Въ собственномъ кабинетѣ Зимняго дворца его величество меня поцѣловалъ и сердечно произнесъ:

— Я управленіемъ твоимъ вполнѣ доволенъ и увѣренъ, что оно отразится на будущности Сибири.

Со слезами на глазахъ я слушалъ благосклонную бесѣду моего добраго царя, снабдившаго меня, безъ моей просьбы, продолжительной арендой и назначившаго меня неприсутствующимъ сенаторомъ. Мои, упоминаемыя въ запискахъ, идеи по раздѣленію Восточной Сибири между военнымъ и морскимъ министерствами явились препятствіемъ къ желаемому императоромъ зачисленію меня въ члены государственнаго совѣта.

Удалившись на покой отъ слишкомъ пятидесятилѣтней службы, я вынесъ въ сердцѣ своемъ и горячую любовь къ нашему простому народу. Какая у него широкая душа, открытая для всего добраго и честнаго! Какъ мало ему нужно для того, чтобы онъ считалъ себя счастливымъ! Я видѣлъ нашъ народъ въ большихъ городахъ, видѣлъ его въ отдаленныхъ деревняхъ, занесенныхъ снѣгомъ; видѣлъ его въ тѣсныхъ тюрьмахъ; видѣлъ его въ кандалахъ, на безотрадной каторгѣ,—и вездѣ онъ являлся предо мною то готовымъ на какой либо высокій подвигъ по голосу своего природнаго государя, то несущимъ терпѣливо и смиренно свой крестъ.

Велико счастье послужить такому народу; велико счастье родиться и числиться русскимъ гражданиномъ!

Оканчивая свою докучливую лѣтопись, считаю святымъ долгомъ занести въ нее слѣдующіе знаменательные факты, свидѣтельствующіе о необыкновенномъ величіи императора Александра III. Не удалось мнѣ ему послужить, а въ 1882 году вотъ что случилось со мною. На георгіевскомъ праздникѣ, происходившемъ въ Гатчинѣ, подошелъ ко мнѣ россійскій самодержецъ и,

среди многочисленныхъ кавалеровъ, подалъ мнѣ руку и громко произнесъ:

— Васъ до сихъ поръ вспоминаютъ въ Восточной Сибири, о чемъ говорилъ мнѣ и великій князь Алексѣй Александровичъ. Мнѣ пріятно объявить вамъ объ этихъ воспоминаніяхъ съ благодарностью за вашу полезную службу.

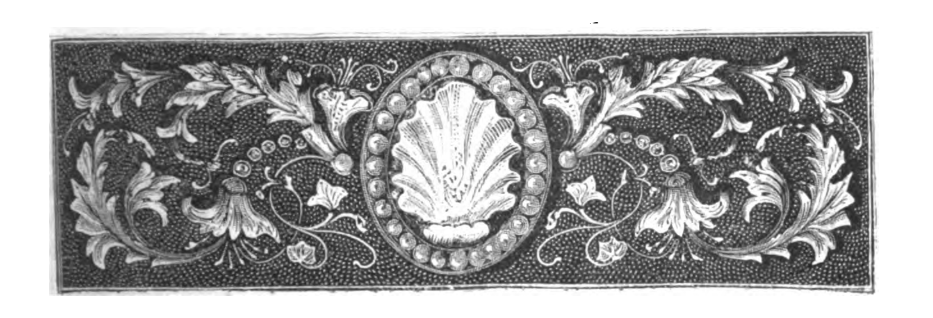
Спустя нѣсколько лѣтъ, государь опять вспомнилъ меня. Ко мнѣ явился свиты его величества генералъ-маіоръ, графъ Игнатьевъ [1]), и передалъ, что императоръ изволитъ желать меня видѣть. Я былъ принятъ въ Петергофѣ и въ продолжительной бесѣдѣ имѣлъ счастіе изложить безгранично любознательному монарху свои воспоминанія о значительныхъ событіяхъ моей жизни.

Такъ, по милости Божіей, я достигъ высшаго человѣческаго счастія: видѣть государей, довольныхъ трудами своего вѣрноподданнаго; слышать благодарный голосъ народа за попеченіе о его жизненномъ благосостояніи.

Н. П. Синельниковъ.

[1]) Нынѣ кіевскій генералъ-губернаторъ.

ЗА ЧИНШЕВОЕ ПРАВО.

(Этюдъ съ натуры).

I.

РАФЪ Янъ Брыкевичъ, владѣлецъ историческаго мѣстечка Логовище, одного изъ тѣхъ глухихъ, заброшенныхъ и поражающихъ своею нищетой мѣстечекъ, какими такъ богата Бѣлороссія, сидѣлъ въ маленькой гостинной своего стариннаго палаццо, не отличающагося ни особой обширностью, ни изяществомъ архитектуры, въ огромномъ старинномъ креслѣ, обитомъ мягкимъ малиновымъ сафьяномъ. Онъ только что позавтракалъ и, возсѣдая здѣсь, на этомъ креслѣ, какъ и вчера, какъ и позавчера, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, въ это же самое время дня, похлебывалъ изъ огромной старинной фарфоровой чашки густой черный кофе, потягивая отъ времени до времени изъ своего длиннѣйшаго чубука и пробѣгая разложенный на столѣ номеръ газеты «Curier Warszawski», вышедшій уже около мѣсяца тому назадъ, ибо почта приходила въ мѣстечко изъ уѣзднаго города лишь разъ въ недѣлю, да, кромѣ того, ясновельможный и не торопился особенно освѣдомляться, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Графъ Янъ, потомокъ древняго бѣлорусскаго рода, одного изъ тѣхъ немногихъ,

которые сравнительно очень поздно приняли католицизмъ и ополячились,—мужчина довольно высокаго роста, плотнаго тѣлосложенія, съ блѣднымъ, гладко выбритымъ, продолговатымъ лицомъ, съ большими темносѣрыми глазами, съ длинными, свѣтлорусыми славянскими усами. Не отрывая глазъ отъ «Curier'a», онъ пускалъ изо рта табачный дымъ цѣлой шеренгой большихъ колецъ и снова принимался за кофе. Но вотъ чашка допита, первая страница газеты дочитана. Графъ откидывается на спинку кресла и глядитъ въ окно. Осенній листъ тихо опадаетъ на землю, и сквозь порѣдѣвшій старинный садъ виднѣется его родовое мѣстечко, исконное достояніе его прадѣдовъ и дѣдовъ, неизмѣнное мѣстопребываніе графовъ Брыкевичей: вотъ на довольно высокомъ холмѣ хорошенькая православная церковь, построенная около двадцати лѣтъ тому назадъ, съ двумя большими голубыми куполами, усѣянными мелкими звѣздами; вонъ далѣе на другомъ холмѣ, еще повыше, старинный костёлъ съ высокой башней впереди въ готическомъ стилѣ, украшенной часами и составляющей притворъ, къ которому примкнуто подковообразное, гораздо пониже ея, зданіе костёла; съ его конусообразной крышей, на заднемъ концѣ которой еле виднѣется небольшой, потемнѣвшій мѣдный крестъ; вотъ узкая, быстротечная рѣка Гайна по твердому, каменистому руслу несется мимо палаццо и серебристой лентой исчезаетъ вдали; вонъ вокругъ, тамъ и сямъ, сосновые и еловые лѣса, зимой и лѣтомъ гордо стоящіе въ своемъ неизмѣнномъ зеленомъ покровѣ. Въ старинномъ палаццо царитъ полное безмолвіе. Отчетливо доносится сюда, въ панскіе покои, рѣзкій стукъ поварского ножа, и еще отчетливѣе разносится по нимъ протяжный звонъ огромнаго мѣднаго маятника столѣтнихъ часовъ. Графъ снова погрузился въ чтеніе «Curier'a» и началъ уже впадать въ сладкую дремоту, какъ въ большой гостинной раздались вдругъ сдержанные, чуть слышные шаги, и въ маленькую гостинную вошелъ къ нему низенькій, толстенькій старичекъ, съ лукавыми голубыми глазами и розовыми щеками, Владиславъ Тумановичъ, графскій управляющій.

— Ясновельможнему пану грабешу добраго здрòвья!—тихо произнесъ старикъ, останавливаясь у двери и отвѣшивая низкій поклонъ.

— А ты вернулся уже! — протянулъ графъ, вскинувъ на него глазами.

— И не съ добрыми вѣстями, пане грабе! — доложилъ управляющій.

— А что тамъ такое?—съ затаенной тревогой спросилъ графъ, какъ бы просыпаясь отъ глубокаго сна.

— Законъ новый вышелъ: чиншевикамъ вѣчнымъ нашу землю совсѣмъ отдаютъ, за которую они платятъ теперь чиншъ,—серьезно и съ разстановкой произнесъ управляющій.

— Какъ отдаютъ!?—вскричалъ графъ, отбросивъ газету и какъ-то растерянно глядя на старика.

— А такъ вотъ что: до сихъ поръ намъ они ежегодно платили чиншъ, и земля оставалась нашей же, а теперь они будутъ платить немножко больше, и земля будетъ понемногу дѣлаться ихней: этими платежами, значитъ, будутъ выкупать землю себѣ въ собственность.

— А, это въ родѣ того, какъ было съ нашими крѣпостными и съ государственными крестьянами: они вѣдь съ панщины и съ оброка перешли на выкупъ.

— И мнѣ кажется, что въ родѣ того.

— Но вѣдь наши крѣпостные въ былыя времена ка̀къ на насъ работали, а чиншевики что? Никакой они намъ особенной пользы не приносили: за что же имъ земли, на которыхъ они сидятъ, отдавать?

— Насъ не спрашиваютъ, ваше сіятельство!—съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ управляющій.

— И съ какой стати, съ какой стати! Тѣ хоть крестьяне были, хлопы, наши же хлопы,—ну, отъ насъ взяли и имъ дали, а это что же, чиншевики эти—сбродъ всякій: сколько между ними шляхты, голаго дворянства, бездомныхъ праздношатаевъ, голодранцевъ проклятыхъ! Я ему сдѣлалъ когда-то большую милость, что за чиншъ его пустилъ на свою землю, а теперь, на-жъ тебѣ, отдай ему эту самую землю, а!

Графъ поднялся съ кресла и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ.

— Кто меньше десяти лѣтъ сидитъ на чиншу, тому нѣтъ выкупа, ваше сіятельство,—какъ бы въ утѣшеніе ясновельможнаго съ разстановкой произнесъ Тумановичъ.

— Что десять лѣтъ, что этихъ десять лѣтъ!—кипятился графъ:—я не очень-то ихъ на чиншъ пускалъ; за десять лѣтъ немного ихъ у меня на чиншѝ сѣло, а вотъ прежде, прежде-то, въ особенности при покойномъ панѣ отцѣ моемъ, царствіе ему небесное, сколько ихъ посадилось—полчище цѣлое! Да еще земли вѣдь всё хорошія норовили занять, получше выбирали, а мы и давали, а мы и давали: крѣпостные хлопы всё равно и похуже земли обработаютъ—больше будетъ хорошихъ земель, а теперь эти хорошія земли вотъ надо и отдать всякимъ голодранцамъ.

— Можно и не отдать, ваше сіятельство,—вкрадчивымъ и пониженнымъ голосомъ заговорилъ управляющій, и по лицу его промелькнула лукавая улыбка.

— Какъ не отдать?—графъ остановился и въ упоръ взглянулъ на старика.

— Сами изволите знать, ваше сіятельство: кто противъ пана грабего пойдетъ? Никто не пойдетъ, ни одинъ не осмѣлится изъ чиновниковъ. Чиншевыя права опредѣлять будетъ чиншевое присутствіе: это — то же крестьянское присутствіе, какъ мнѣ доска-

нально объяснилъ нашъ повѣренный въ городѣ Габерманъ, только съ прибавленіемъ одного новаго члена отъ министерства юстиціи и одного изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Если бы панъ грабя не былъ уже членомъ нашего крестьянскаго присутствія отъ министерства юстиціи, какъ почетный мировой судья, то былъ бы, безъ сомнѣнія, членомъ отъ этого же министерства въ новомъ чиншевомъ присутствіи, а такъ какъ это теперь невозможно, то, очень быть можетъ, панъ грабя попадетъ въ члены этого присутствія отъ землевладѣльцевъ. Если же этого и не случится, то во всякомъ случаѣ рѣшать чиншевыя дѣла будетъ почти то же крестьянское присутствіе, въ которомъ панъ грабя свой человѣкъ. Развѣ до сихъ поръ кто нибудь шелъ противъ ясновельможнаго пана грабего? А не шелъ до сихъ поръ, то, смѣю думать, и впередъ никто не пойдетъ.

Озабоченное лицо графа Яна нѣсколько прояснилось, и въ немъ заиграло слегка выраженіе внутренняго самодовольства.

— Ну, ты не говори всего этого чиншевикамъ, — сказалъ онъ серьезно, снова опускаясь въ то же кресло.

— Развѣ я на старости лѣтъ съ ума сошелъ!—съ горечью отозвался управляющій, разглаживая свои сѣдые усы.

Наступило молчаніе. Графъ понемногу оправился отъ только-что испытаннаго имъ внезапнаго потрясенія. Онъ перебросилъ ногу на ногу, откинулся на спинку своего огромнаго кресла и пристально глядѣлъ на старика Тумановича, точно ожидалъ отъ него какого-то наставленія, разрѣшенія внезапно нахлынувшихъ на него недоумѣній, облегченія охватившихъ его треволненій. Блѣдное лицо его, исполненное только что тревожнаго унынія, стало мало-по-малу принимать выраженіе какой-то озлобленной рѣшимости, точно этотъ почетный мировой судья и членъ крестьянскаго присутствія самъ замышлялъ совершить какое-то преступленіе, либо готовился къ отчаянной схваткѣ съ давнишнимъ врагомъ. Управляющій вопреки установившемуся въ палаццо этикету заговорилъ первымъ. Серьезность и исключительность момента были таковы, что онъ рѣшился на подобное нарушеніе, а графъ даже и не замѣтилъ его.

— По дорогѣ изъ города сюда я пугнулъ таки многихъ изъ нашихъ чиншевиковъ, чтобы сейчасъ ѣхали въ экономію выбрать срочные контракты на свои участки, потому, молъ, что теперь не дозволяется уже на чиншу сидѣть безъ такого контракта, и кто не выберетъ въ двѣ недѣли, будетъ выселенъ изъ своего чинша.

— Ну, и что-жъ они? — съ нетерпѣніемъ подхватилъ графъ.

— А чортъ ихъ знаетъ, что они думаютъ, ваше сіятельство! Развѣ ясновельможный панъ грабя не знаетъ нашего народа? Онъ чешетъ себѣ за ухомъ и говоритъ: добре, добре! а докопайтесь-ка, что онъ въ самомъ дѣлѣ себѣ тамъ думаетъ или хочетъ дѣлать.

Ужъ такой народъ треклятый! Еще мужикъ иной разъ по простотѣ своей сболтнетъ, а эта шляхта проклятая такъ умѣетъ прикинуться, такъ ловко притворяется, что самъ чортъ не раскуситъ, что шляхтичъ на умѣ держитъ.

— Какъ вороны на стерво, набросятся теперь всѣ эти чиншевики на мои земли! — мрачно воскликнулъ графъ, потрясая кулакомъ.

— Надо не терять времени, ваше сіятельство: слѣдуетъ сейчасъ же разослать всѣхъ нашихъ экономовъ и ихъ помощниковъ по нашимъ чиншевикамъ—пусть настоятельно требуютъ, чтобы всѣ они ѣхали тотчасъ сюда въ Логовище, въ нашу канцелярію, и выбрали срочные контракты на свои участки,—иначе будутъ немедленно выселены. Для вида вызовемъ сюда къ намъ судебнаго пристава Сяновича. Онъ живо прилетитъ: онъ такъ любитъ нашу водку и наши закуски. Стоитъ только отпускать ему ежедневно, кромѣ водки, еще бутылку добраго вина, и онъ такого страху на нашихъ чиншевиковъ нагонитъ, что и самый упрямый подастся и выберетъ контрактъ. Можно, пожалуй, даже и двѣ бутылки вина отпускать ему въ день: вѣдь это не пропадетъ напрасно. Только надо все это дѣлать безотлагательно, сейчасъ!

— Ну, ну, ступай, посылай! Знай только, что околицу Гущичи я ни за что не отдамъ этому Околовичу. Чтобы ты ее вырвалъ у него! Слышишь? Чтобы непремѣнно вырвалъ! Какъ тамъ себѣ хочешь, дѣлай, а ее отбери.

— Ясновельможнаго пана грабего найнижайшій слуга,—низко поклонился старикъ Тумановичъ и поспѣшно нацыпочкахъ удалился изъ палаццо.

II.

Полицейскій урядникъ Барановичъ, худощавый, долговязый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, верхомъ на своей худой, огромной рыжей кобылѣ, воплощавшій Донъ-Кихота на его Россинантѣ, подъѣхалъ къ старой мельницѣ подъ околицей Гущичи и, привязавъ лошадь у наружной двери, вошелъ въ мельницу. Мельникъ Хаимъ Гликманъ, низенькій, толстенькій, сѣдовласый еврейчикъ съ коротенькой сѣдой бородой, въ старенькой бѣличьей шубѣ, покрытой чортовой кожей, и въ затасканной черной бараньей шапкѣ, засыпавъ подъ жернова мѣшокъ ржи, привезенной Степаномъ Околовичемъ, только что спустился въ нижнее отдѣленіе своей мельницы, какъ вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ полицейскимъ урядникомъ. По лицу старика проскользнула тѣнь безпокойства: онъ недоумѣвалъ, по какой надобности могъ пожаловать къ нему, да еще на мельницу, самъ полицейскій урядникъ, въ распоряженіи котораго имѣется столько сотскихъ, десятскихъ и тысяцкихъ.

— Степанъ Околовичъ тутъ?—спросилъ урядникъ.

— Тутъ, тутъ, господинъ урядникъ!—отвѣтилъ Хаимъ, совершенно повеселѣвъ, такъ какъ тотъ пріѣхалъ, очевидно, не къ нему.

— Пане Околовичъ, пане Околовичъ! — закричалъ онъ вслѣдъ за этимъ, поднявъ голову вверхъ,—иди сюда, поскорѣй иди: дѣло къ тебѣ есть.

По маленькой лѣстницѣ, ведущей изъ нижняго отдѣленія мельницы въ верхнее, сталъ спускаться, съ пустымъ мѣшкомъ подъ мышкой, высокій, довольно плотный мужчина, лѣтъ за 30, съ продолговатымъ, бѣлымъ, румянымъ лицомъ и большими синими глазами, гладко выбритый, съ длинными свѣтлыми усами.

— Околовичъ, получи-ка вотъ повѣстку! За тебя росписались уже тамъ на первомъ экземплярѣ—тебѣ только получить,—сказалъ урядникъ, протягивая графскому чиншевику четверку сѣрой бумаги, представлявшую печатную повѣстку мироваго судьи.

— Откуда, какая повѣстка? — испуганно спросилъ Околовичъ, со страхомъ взглянувъ на урядника и не рѣшительно протянувъ руку за повѣсткой.

— Отъ зубинскаго судьи на счетъ твоей графской аренды.

— У меня нѣтъ никакой графской аренды, я не держу у него аренды: я на вѣчномъ чиншу сижу.

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю: судья васъ разсудитъ.

— Не объ чемъ судьѣ насъ судить: теперь вѣдь заведено для этого чиншевое присутствіе—присутствіе насъ разберетъ.

— Присутствіе—присутствіемъ, а у графа большая сила: у него въ рукахъ цѣлыхъ десять присутствій; что ни палецъ—то и присутствіе.

— Развѣ царское присутствіе меньше графскаго пальца!—вскрикнулъ Околовичъ, весь вспыхнувъ, такъ громко, что Хаимъ отшатнулся, а урядникъ на него покосился.

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю,—отвѣтилъ онъ уклончиво и вышелъ изъ мельницы.

Въ тотъ же день, сумерками, Околовичъ въ низенькихъ ярко раскрашенныхъ саняхъ, запряженныхъ сытымъ, рыжимъ мериномъ, подъѣхалъ къ большому, старому деревянному дому у базарной площади въ мѣстечкѣ Логовищѣ. Здѣсь проживалъ первостатейный мѣстный адвокатъ Мошко Розенблюмъ. Услышавъ слово «съ графомъ», онъ заперся съ Околовичемъ въ угловой отдѣльной комнатѣ. Прежде всего онъ прочелъ повѣстку, которая гласила: «Мировой судья 3 уч. N—скаго мироваго округа вызываетъ въ камеру свою въ м. Зубинѣ дворянина Степана Николаевича Околовича на 28 января 188* года къ 10 часамъ утра въ качествѣ отвѣтчика по иску графа Ивана Станиславова Брыкевича о выселеніи изъ арендуемаго участка за незаключеніемъ аренднаго контракта».

— Что это будетъ?—спросилъ Околовичъ, пытливо глядѣвшій на серьезное лицо Розенблюма, пока тотъ читалъ повѣстку.

— Нехорошо будетъ,—отвѣтилъ тотъ, откинувшись на спинку стула и возвращая повѣстку своему кліенту.

— Да какъ это дѣло попало къ мировому судьѣ, когда для этого есть теперь чиншевое присутствіе?

— Такъ-то оно такъ. Какъ вышелъ законъ о выкупѣ чиншевыхъ земель, мировые судьи вовсе не имѣютъ права принимать и рѣшать дѣла между землевладѣльцами и чиншевиками, хотя бы даже чиншевое присутствіе еще и не открылось. Разъ кто сидитъ на землѣ больше десяти лѣтъ безъ контракта и заявляетъ чиншевыя права, мировой судья не можетъ рѣшать спора, а когда тамъ откроется чиншевое присутствіе—это вовсе не его дѣло. Да только, самъ знаешь, сколько графъ выселилъ уже чиншевиковъ. Мировые судьи и слушать не хотятъ, когда кто заявляетъ чиншевыя права, и живо выдаютъ пану грабему исполнительные листы на выселеніе. Панъ грабя пишетъ въ прошеніи—«аренда», и они говорятъ—«аренда», пана грабего повѣренный говоритъ—«арендаторъ», и они говорятъ—«арендаторъ», а когда человѣкъ говоритъ имъ и пишетъ въ прошеніи, что я не арендаторъ, а «чиншевикъ», они, наши мировые судьи, того какъ будто не читаютъ и не слышатъ. Они такъ дѣлаютъ, какъ графъ хочетъ.

— Какъ же присутствіе? присутствіе какъ? скажи, пане, по правдѣ, на милость Божью!—растерянно воскликнулъ Околовичъ.

— Да что ты затвердилъ одно и то же, точно сорока: присутствіе, присутствіе! Говорятъ тебѣ: не смотрятъ они на новый законъ—не станутъ смотрѣть и на присутствіе. А что станетъ дѣлать присутствіе, я не знаю: вѣдь я не предсѣдатель. А коли просишь, панъ, сказать по правдѣ, то я тебѣ скажу. Не сомнѣваюсь, что чиншевое присутствіе будетъ во всемъ за графа руку тянуть. Коли всѣ наши присутствія, всѣ начальники, всѣ судьи дѣлаютъ, что только панъ грабя захочетъ, то и чиншевое присутствіе станетъ дѣлать то же. Самъ панъ дóбре знаешь: на кого бы о чемъ графъ ни подалъ мировому судьѣ, сейчасъ же судья по пана грабего волѣ присуждаетъ, сейчасъ же тутъ и предварительное исполненіе назначаетъ, тутъ же сейчасъ пріѣзжаетъ судебный приставъ Сяновичъ и мигомъ выселяетъ отвѣтчика, а не выселяетъ, то еще и того хуже: все продастъ до послѣдней рубашки.

— Мошко Лазаревичъ, возьмись за мое дѣло! Я хорошія деньги тебѣ заплачу — возьмись только, — задыхаясь, проговорилъ Околовичъ, большимъ ситцевымъ платкомъ вытирая раскраснѣвшееся, потное лицо.

— Напрасно, панъ, просишь. Я бы радъ взяться, да развѣ пану грабему долго и меня съѣсть. Нѣтъ, ты уже лучше поѣзжай въ городъ и тамъ сыщи себѣ ходатая. Думаю только, что не выйдетъ

изъ этого никакого толку: выселитъ тебя графъ, какъ и всѣхъ выселялъ. Конечно, по закону этому, если бы даже присутствіе и не признало за тобой чиншевыхъ правъ, дается тебѣ пять лѣтъ жить на твоемъ участкѣ, но у пана грабего свои законы: коли захочетъ онъ, и пяти недѣль не проживешь ты въ своей околицѣ.

III.

Графъ Янъ Брыкевичъ, заложивъ руки въ карманы, расхаживалъ по своей огромной столовой, слушая убѣдительную рѣчь логовищенскаго мѣщанскаго старосты Давида Рудермана, сопровождавшуюся сильнѣйшей и чрезвычайно выразительной жестикуляціей. Въ передней, на длинной лакированной скамьѣ, приставленной къ стѣнѣ за платяной вѣшалкой, сидѣло нѣсколько сѣдовласыхъ стариковъ, мѣстныхъ мѣщанъ. Они пришли въ палаццо просить у его милости ясновельможнаго пана грабего того самаго выкупа своихъ чиншевыхъ участковъ, который имъ былъ уже дарованъ новымъ закономъ, ибо волю графскую они привыкли считать высшимъ и непреложнымъ закономъ своего бытія. Они тихонько разговаривали между собой и съ графскимъ лакеемъ Стасемъ, низенькимъ, толстенькимъ брюнетомъ лѣтъ подъ 40, въ крайне непринужденной позѣ развалившимся у двери въ большую гостинную, на вмѣстительномъ стулѣ, между тѣмъ какъ старый Рудерманъ, безсмѣнный мѣщанскій староста втеченіе почти десяти лѣтъ и безсмѣнный же откупщихъ графской пропинаціи, предстательствовалъ о нихъ предъ его сіятельствомъ. Вдругъ наружная дверь съ шумомъ распахнулась, и въ переднюю вошелъ, почти вбѣжалъ, Борухъ Гуровичъ, молодой человѣкъ, довольно высокаго роста, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, въ котиковомъ городскомъ пальто и черной бараньей шапкѣ. Онъ поспѣшно раздѣлся и, подойдя къ Стасю, сказалъ скороговоркой, еле переводя духъ, съ крайней непринужденностью: «мнѣ надо сейчасъ же видѣть графа». Эта непринужденность тона, эта развязность обращенія, наконецъ этотъ русскій языкъ, никогда не раздававшійся доселѣ въ палаццо, до того ошеломили Стася, что онъ съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ на Гуровича и не тронулся съ мѣста.

— Ступай и доложи пану грабему, что мнѣ крайне необходимо его видѣть,—довольно громко повторилъ Гуровичъ, надвигаясь на ошеломленнаго лакея, которому никогда и во снѣ не снилось быть обезкураженнымъ простымъ логовищенскимъ еврейчикомъ. Безпрекословно, точно загипнотизированный, медленно поднялся Стась со своего стула и черезъ гостиныя направился въ столовую. Борухъ Гуровичъ, единственный сынъ и наслѣдникъ прежняго откупщика графской пропинаціи Самуила Гуровича, умершаго около 8-ми лѣтъ тому назадъ, до совершеннолѣтія, исполнившагося ему

всего лишь прошлой весной, состоялъ подъ попечительствомъ графа, скромно и уединенно проживая въ своемъ домѣ съ малолѣтней сестрой и матерью, страдавшей тихимъ умопомѣшательствомъ. Въ эту минуту онъ былъ сильно взволнованъ. Его смирные голубые глаза бѣгали изъ стороны въ сторону, а длинные курчавые волосы, которые онъ, самъ того не замѣчая, безпощадно теребилъ обѣими руками, свились въ какую-то косматую гриву. Старики, которыхъ онъ даже не замѣтилъ, глядѣли на него съ любопытствомъ и нѣкоторымъ изумленіемъ.

На порогѣ показался графъ. Стась пробѣжалъ впередъ и сталъ около выходныхъ дверей въ передней. Староста Рудерманъ выглядывалъ изъ-за графскаго плеча. Блѣдное лицо ясновельможнаго дышало гнѣвомъ и негодованіемъ.

— Что тебѣ здѣсь нужно? Что у тебя тамъ загорѣлось? Какъ ты смѣешь врываться подобнымъ образомъ въ мое палаццо! Ты съ ума сошелъ, жидъ паршивый!—закричалъ графъ попольски.

— Нѣтъ, ваше сіятельство,—съ достоинствомъ и повышеннымъ голосомъ отвѣчилъ Гуровичъ порусски, — я имѣю еще на столько ума, чтобы помнить, что вотъ уже скоро годъ, какъ исполнилось мое совершеннолѣтіе, а панъ грабя до сихъ поръ не возвращаетъ мнѣ пяти тысячъ, оставленныхъ мнѣ моимъ отцомъ и находящихся у пана на храненіи. Я не могу такъ долго ждать своего капитала, мнѣ нужны мои деньги. Но пану грабему мало моихъ денегъ. Не успѣлъ я отлучиться по своему дѣлу въ городъ, какъ прибѣгаетъ къ моей сумасшедшей матери графскій управляющій и подсовываетъ ей подписать арендный контрактъ на нашу мельницу, нашу собственную мельницу! Вѣдь землю, на которой стоитъ эта мельница, панъ грабя отдалъ навѣчно моему покойному отцу за маленькій чиншъ, который мы платимъ аккуратно болѣе 20-ти лѣтъ. По новому закону мы имѣемъ даже право выкупить этотъ кусокъ земли. А мельница вѣдь нами же строена, наша собственная. Я хозяинъ въ своемъ дворѣ, а моя мать умалишенная — чего же къ ней обращаться?

— Да ты не смѣй кричать здѣсь у меня! Гдѣ ты это научился такъ скоро всѣмъ законамъ? Что это ты вздумалъ меня учить! Ахъ, ты, мальчишка ты этакій, молокососъ паскудный! Да я тебя за это такъ научу, что тебѣ и во снѣ не снилось! — крикнулъ графъ попольски же въ совершенномъ изступленіи, сквозь которое пробивалось, однако, чуть замѣтное безпокойство.

— Меня нечего учить, пане грабе, нечего, — въ свою очередь закричалъ Гуровичъ порусски: — я и самъ научился, чему слѣдовало. Отдайте только мнѣ мои собственныя деньги и не трогайте моей мельницы, моей собственной мельницы, на которой вы столько работали для себя, когда я былъ еще малъ и состоялъ подъ вашей опекой и вашимъ попечительствомъ. Я не стану терпѣть болѣе

вашихъ притѣсненій. Я не мужикъ и не шляхтичъ, которыхъ вы выбрасываете изъ фольварковъ, на которыхъ работали ихъ дѣды и отцы, которые они имѣютъ право выкупить. Я не боюсь вашихъ мировыхъ судей. Я не такой дуракъ! Не трогайте моего! А не то я обращусь къ прокурору, къ судебному слѣдователю. Пусть узнаютъ всѣ, какъ панъ грабя истрачиваетъ на себя сиротскія деньги и отбираетъ подписи отъ сумасшедшихъ. Пусть узнаютъ всѣ, всѣ—суды, присяжные засѣдатели, губернаторъ, вся губернія!...

Гуровичъ, задыхаясь, постепенно подступалъ къ графу. Смѣлость рѣчи, рѣзкость обличенія, угрозы уголовщиной и въ особенности русскій языкъ, этотъ совершенно необычайный въ палаццо русскій языкъ, до того поразили и ошеломили графа, что онъ совершенно опѣшилъ и окончательно растерялся. Гнѣвъ и надменность внезапно исчезли съ лица его, и оно приняло какое-то растерянное и угнетенное выраженіе.

— Чего онъ хочетъ, чего онъ хочетъ?—высокимъ тембромъ прокричалъ онъ, широко разставивъ руки и безпомощно обводя глазами стариковъ, Стася, Рудермана... Всѣ они бросились внезапно на Гуровича и потащили его къ выходу, они набросили ему на плечи пальто, нахлобучили на лобъ шапку и пропихнули въ раскрытую наружную дверь.

— Я этого такъ не оставлю! Я потребую слѣдствія! Слѣдствіе будетъ, настоящее слѣдствіе!—кричалъ онъ по лѣстницѣ.

Слово «слѣдствіе» отчетливѣе всѣхъ донеслось до графскаго уха. Совершенно потрясенный, онъ опустился въ первое попавшееся кресло и крикнулъ Стасю: «всѣхъ прогнать!».

Чрезъ минуту въ палаццо воцарилось полное безмолвіе. Графъ никакъ не могъ прійти въ себя послѣ случившагося. Этотъ молокососъ, этотъ мальчишка, этотъ ничтожный жидокъ вдругъ врывается въ его палаццо, кричитъ на него самого, смѣетъ даже грозить ему. А вѣдь деньги его дѣйствительно растрачены, и отъ сумасшедшей матери этотъ старикъ управляющій не сумѣлъ требовать подпись на контрактъ такъ, чтобъ никто этого не замѣтилъ. А что если онъ и въ самомъ дѣлѣ заведетъ дѣла́? Вотъ скандалъ, вотъ скандалъ! Конечно, въ его рукахъ всѣ чиновники, все уѣздное управленіе, все уѣздное правосудіе: онъ ничего не боится, но—скандалъ, скандалъ! Графъ постепенно впадалъ въ болѣе и болѣе мрачное настроеніе духа. Съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ этотъ законъ о выкупѣ чиншевыхъ земель, онъ не знаетъ ни минуты покоя. Не доставало еще только, чтобы кто либо прямо ворвался къ нему въ палаццо. Теперь и это есть. Чего же больше, чего больше, что же будетъ дальше? И онъ почувствовалъ вдругъ, что его безграничное могущество въ своемъ уѣздѣ, его полное въ немъ самодержавіе какъ будто начинаетъ рушиться. Когда это было

въ самомъ дѣлѣ, чтобы всѣ эти хлопы, всѣ эти чиншевики не только уклонялись подъ разными предлогами отъ соблюденія его воли, но даже и прямо, открыто отказывались отъ исполненія его приказаній? А теперь вотъ уже одни изъ нихъ не ѣдутъ сюда выбрать срочные контракты на свои участки, отговариваясь тѣмъ, что лошадь больна, денегъ нѣтъ на покупку актовой бумаги, саней еще не успѣли сколотить и т. п., а другіе такъ ужъ прямо заявляютъ, что ѣхать не желаютъ и будутъ искать свои права въ чиншевомъ присутствіи. Откуда все это, зачѣмъ все это? Не одинъ годъ работалъ онъ, пока сталъ почетнымъ мировымъ судьей, потомъ членомъ крестьянскаго присутствія, утвердилъ свое вліяніе надъ всѣми чинами своего уѣзда, сталъ наконецъ командовать всѣми ими, и вдругъ все это его вліяніе, все это его значеніе, этотъ плодъ долгихъ происковъ и стараній какъ-то колеблется и ускользаетъ изъ его опытныхъ рукъ. Отъ угнетенія духа графъ переходилъ къ бѣшенству, отъ бѣшенства къ отчаянію, отъ отчаянія къ изнеможенію...

IV.

Огромная корчма у базарной площади въ мѣстечкѣ Логовищѣ была ярко освѣщена, т. е. кромѣ одной старой закоптѣлой лампы, спускавшейся съ почернѣвшаго потолка надъ самой стойкой, въ этомъ громадномъ сараѣ горѣло по стѣнамъ еще нѣсколько небольшихъ лампочекъ. Въ этотъ день была въ мѣстечкѣ ярмарка, и по этому случаю главное общественное учрежденіе мѣстечка было освѣщено полнымъ свѣтомъ. Онъ проникалъ во всѣ уголки и закоулки корчмы и обнаруживалъ всю неприглядность помѣщенія во всей ея наготѣ. Безконечныя стѣны, пестрѣвшія при обычной полутьмѣ необыкновенными, грязносѣрыми цвѣтами, отливали теперь грязной зеленью, похожей на тину стоячихъ водъ, а потемнѣвшій, грязночерный потолокъ ушелъ теперь куда-то въ высь и темной бездной разверзался надъ головами смертныхъ, предававшихся Бахусу. Старые, грязные столы и скамьи глядѣли теперь всѣми своими пятнами, всѣми своими изъянами. Нестройными группами и сплошными кучами сидѣли за ними сѣрые посѣтители—со сверкающими глазами, раскраснѣвшимися лицами, взъерошенными волосами, попреимуществу безъ шапокъ, распахнувъ или сбросивъ свои кожухи. Нестройный гамъ и неопредѣленный гулъ множества голосовъ переливался по корчмѣ изъ конца въ конецъ, замиралъ на мгновеніе и вдругъ снова подымался, точно прибой волнъ. За стойкой, кромѣ хозяйской дочки, Сары Рудерманъ, обходительной и миловидной блондинки, по случаю необычайнаго наплыва посѣтителей стоялъ самъ хозяинъ Давидъ Рудерманъ, мѣстный мѣщанскій староста. Они вдвоемъ едва успѣвали отпускать бутылки и стаканы

пива и водки, которые поспѣшно и суетливо разносили между посѣтителями двѣ молоденькія евреечки, принанятыя спеціально на время ярмарки. Старикъ Давидъ отъ времени до времени безпокойно косился на ближайшій столикъ, за которымъ среди десятка «пановъ», немного почище прочихъ, возсѣдалъ Борухъ Гуровичъ, громко крича и размахивая руками.

— Такъ ты ему прямо и сказалъ?! — загоготалъ пьяный голосъ.

— Ай да молодецъ, Берка, ей-Богу! Хоть и жидъ, але молодчина!—подхватилъ распьянѣвшій высокій-превысокій теноръ, внезапно оборвавшійся и перешедшій въ сиплый басъ.

— Такъ и сказалъ,—продолжалъ между тѣмъ Гуровичъ:—я вашихъ мировыхъ судей не боюсь, совсѣмъ не боюсь, наплевать мнѣ на нихъ! А не отдадите мнѣ сейчасъ мои деньги и будете касаться моего добра, я тогда къ судебному слѣдователю, къ прокурору: пусть всѣ узнаютъ, какъ панъ грабя тратитъ на себя сиротскія деньги и отбираетъ подписи отъ сумасшедшихъ. Вотъ какъ!

Этотъ шумный разговоръ, сопровождавшійся и прерывавшійся взрывами хохота и бурнаго одобренія, происходилъ на бѣлорусскомъ языкѣ, богато уснащенномъ польскими словами и выраженіями. Чутко прислушивался къ нему Давидъ Рудерманъ, все ближе и ближе подвигаясь къ самому краю своей стойки и наконецъ почти свѣсившись черезъ нее. Въ этой же компаніи сидѣлъ и Степанъ Околовичъ. Его бѣлое, румяное лицо какъ-то потемнѣло, поблѣднѣло и осунулось; большіе синіе глаза потускнѣли и ввалились; пилъ онъ мало и какъ-то нехотя; когда взрывъ хохота подымался вокругъ него, онъ лишь улыбался грустно и какъ-то неопредѣленно.

— Я прямо пошелъ на него,—кричалъ Борухъ Гуровичъ, залпомъ осушивъ стаканъ пива,—прямо пошелъ: вѣдь онъ мои деньги истратилъ, а не я его; вѣдь онъ хотѣлъ подлогъ сдѣлать противъ меня, а не я противъ него—чего мнѣ бояться! Онъ тутъ совсѣмъ перетрусилъ и растерялся.

— Ой, не кричи такъ дуже, Берка, не кричи такъ!—возможно громче иронически крикнулъ Гуровичу старый корчмарь и староста, не выдержавъ болѣе и совсѣмъ свѣсившись черезъ стойку.

— Зачѣмъ не кричать, почему не кричать?—задорно возразилъ Гуровичъ, схватившись со своего мѣста и смѣривая старика вызывающе пренебрежительнымъ взглядомъ.

— Затѣмъ, что оборветъ тебѣ панъ грабя хвостъ; ой, какъ оборветъ!

— Ты думаешь, какъ ты ему тесть, такъ я ужъ и долженъ его очень бояться?—дерзко крикнулъ Гуровичъ, показывая старику шишъ.

Взрывъ хохота пронесся по корчмѣ. Сарра Рудерманъ вспыхнула до корней волосъ, опустила глазки и попятилась въ глубь стойки. Старикъ сверкнулъ глазами на разошедшагося Гуровича и крикнулъ озлобленно:

— И съ кѣмъ ты вздумалъ тягаться, неразумный, съ кѣмъ! Ты простой мѣщанинъ, сидишь на графской землѣ и хочешь быть больше него! Немного, видно, у тебя ума, хотя ты и много хвалишься.

— А ты думаешь, что нѣту на пана грабего уряду? а? я не холопъ и не шляхтичъ: я живо найду на него урядъ; я поѣду къ прокурору, къ самому губернатору; я и министру въ Петербургѣ сумѣю пожаловаться!

— Ну, скажи мнѣ, Берка, кто когда нибудь выигрывалъ дѣло противъ пана грабего? Покажи мнѣ хоть одного такого, покажи! Всѣ начальники въ нашемъ уѣздѣ въ графскихъ рукахъ—всѣ, какъ есть! Бѣда тому, кто вздумаетъ съ нимъ тягаться—плохой ему бываетъ конецъ...

— Каррраулъ! Ратуйте! Ратуйте!—дико заревѣлъ сиплый баритонъ въ самомъ краю корчмы, и вся толпа хлынула туда. Одинъ только Околовичъ не всталъ съ своего мѣста и даже не обернулся: онъ впился глазами въ старика Давида, точно читалъ въ лицѣ его продолженіе его словъ и мыслей...

V.

День явки въ камеру мироваго судьи приближался. Околовичъ ничего не сказалъ объ этомъ вызовѣ въ своей семьѣ. Убитый и растерянный сидѣлъ онъ за ужиномъ. Это замѣтили не только жена его Марія, высокая стройная шатенка, лѣтъ 27, обладавшая прекрасными карими глазами и длинными свѣтлорусыми волосами, всюду выбивавшимися изъ-подъ красной шерстяной головной повязки, но и пятнадцатилѣтній работникъ его Янко изъ села Юрьева и даже семилѣтній сынишка его, Михась, любимецъ отца. Онъ неподвижно сидѣлъ на своемъ угловомъ мѣстѣ подъ иконами, опершись подбородкомъ на плотно сложенныя руки и не прикасаясь къ ужину. Большіе синіе глаза его совсѣмъ ввалились и потускнѣли; лицо совсѣмъ осунулось, поблекло и пожелтѣло; губы чуть замѣтно оттопыривались впередъ, взъерошивъ слегка его длинные, свѣтлорусые, блестящіе усы; на лбу легли три глубокихъ морщины. Онъ уставился глазами въ «запечекъ», и въ этомъ неподвижномъ сосредоточенномъ взглядѣ свѣтилась какая-то глубокая, подавлявшая всего его, дума.

— Что это ничего не ѣшь, Стефанъ?—спросила Марія.

— Такъ чего-то не хочется,—отвѣтилъ онъ не шелохнувшись.

— Можетъ быть, ты нездоровъ?

— Нѣтъ, такъ чего-то не по себѣ.

Онъ всталъ изъ-за стола, когда ужинъ уже давно окончился, и Марія, уложивъ Михася и покормивъ грудную дѣвочку, стала молиться на образа, подъ которыми онъ сидѣлъ. Онъ машинально перекрестился, какъ всегда, послѣ ужина и ушелъ спать на чистую половину. Долго не спалось ему въ эту ночь. Онъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами, въ совершенной темнотѣ. Мысль его была угнетена представленіемъ «выселенія», вся натура его была подавлена ужасомъ «разоренія». И вспомнилъ онъ, какъ выселяли Семена Карповича, Викентія Бруевича, Павла Боярскаго, Кузьму Довнаровича, Петра Жуковича; какъ описали и продавали на логовищенской площади имущество Филиппа Селяха, Феликса Круковича, Сергѣя Зубковича... Вотъ стоитъ у большихъ лавокъ среди базара въ холодный осенній день Сергѣй: въ коротенькихъ старыхъ шароварахъ и изорванной курткѣ, безъ сапогъ, безъ шапки, блѣдный, какъ полотно, дрожитъ и молчитъ. Рядомъ съ нимъ молодая дочь его Ксенія, въ истрепанной юбкѣ и старенькой кофточкѣ, въ поношенномъ платочкѣ, босая; она закрыла лицо руками и всхлипываетъ. Судебный приставъ Сяновичъ сидитъ на стулѣ за большимъ крашеннымъ столомъ среди площади и кричитъ, распоряжается. Вотъ подводятъ къ аукціонному столу добраго, сытаго коня, и Сяновичъ выкриваетъ: «меринъ рыжій, пяти лѣтъ, оцѣнка въ три рубля, кто больше?»; вотъ онъ снова выкрикиваетъ: «разъ, два, три! четыре рубля—никто больше!» «За мерина моего, за коня такого четыре рубля!»—вскрикиваетъ, не выдержавъ, Зубковичъ и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ. Въ толпѣ пронесся глухой ропотъ. Мѣщанскій староста Давидъ Рудерманъ, стоящій рядомъ съ аукціоннымъ столомъ, какъ-то заморгалъ глазами; стоящій рядомъ съ нимъ псаломщикъ Лука Соловьевичъ отвернулся и украдкой вытираетъ глаза концомъ рукава... Вспомнилъ все это вѣчный чиншевикъ земли графской и содрогнулся... Онъ впалъ въ какое-то сонное забытье. И снилось ему: стоитъ онъ среди своего поля и любуется прекраснымъ урожаемъ; рожь стоитъ кругомъ высокая-высокая и гнется подъ полнымъ колосомъ. Вдругъ несутся по дорогѣ отъ мѣстечка Логовища три дикія степныя лошади: онѣ врываются въ его поле, топчутъ его чудную рожь и устремляются прямо на него, разинувъ свои пасти съ огромными зубами. Вдругъ исчезаютъ у нихъ конскія головы и выростаютъ человѣчьи,—узнаетъ онъ въ первой лицо графа Брыкевича, въ другой--лицо мирового судьи Обноскова, а въ третьей—грубое и подлое лицо судебнаго пристава Сяновича. Являются вдругъ у Сяновича человѣческія руки, и машетъ онъ предъ нимъ исполнительнымъ листомъ. Вотъ обращается этотъ листъ въ огромное бѣлое полотенце, и Сяновичъ ему обмоталъ его вокругъ шеи,— обмоталъ и стягиваетъ все силь-

нѣе и сильнѣе. Ужъ онъ задыхается и хрипитъ; чуетъ уже сердце его, что не жить ему больше на этомъ свѣтѣ, и онъ читаетъ поспѣшно: «помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей!»...

VI.

Околовичъ проснулся поздно. Онъ еле поднялся съ постели — усталый, разбитый, полубольной. Но въ кроткомъ лицѣ его свѣтилась какая-то рѣшимость. Онъ завтракалъ съ аппетитомъ и сказалъ сынишкѣ: «ну, Михась, пойдемъ въ лѣсъ курочекъ пострѣлять и дровъ нарубить!». «Пойдемъ, пойдемъ; мама, одѣвай меня!» — закричалъ мальчикъ, прыгая отъ радости и хлопая въ ладошки. Околовичъ прочистилъ ружье, зарядилъ его и надѣлъ на курокъ новенькій пистонъ. Потомъ онъ, долгонько покопавшись въ «запечкѣ» чистой половины своей хаты, вытащилъ оттуда небольшую бѣлую водочную бутылку съ продолговатымъ горлышкомъ, до половины наполненную водкой нѣсколько темноватаго цвѣта, и сунулъ ее въ карманъ своей куртки. Янко вытащилъ изъ-подъ навѣса санки для дровъ. Михась появился на дворѣ съ своими салазками. Хозяинъ съ ружьемъ за плечами, Янко съ топоромъ на плечѣ и санками въ рукѣ и Михась со своими салазками, сопровождаемые сѣрой дворняшкой Жучкой, направились въ березовую рощу, находящуюся верстахъ въ двухъ отъ околицы. Въ рощицѣ тамъ и сямъ валялись срубленныя ели и березы.

— Ну, Янко, руби ихъ на дрова, разрубай только помельче! А мы пойдемъ съ Михасемъ, курочекъ поищемъ, — сказалъ Околовичъ и направился съ сыномъ и Жучкой въ глубь рощицы. Онъ нѣсколько разъ украдкой взглянулъ на сынишку, внимательно и суетливо выискивавшаго всюду курочку: въ большихъ синихъ глазахъ его свѣтилась теперь необычайная нѣжность, и на нихъ навернулись слезы.

— Ну-ка, отдохнемъ малость, Михась! — сказалъ онъ, пройдя съ полверсты, и легъ на огромную кучу сухой листвы, чуть присыпанную тонкимъ слоемъ снѣга. Михась сѣлъ на низенькій пень около него. Онъ вытащилъ изъ кармана водочную бутылку, взболтнулъ ее и сталъ разсматривать водку черезъ стекло. Михась съ любопытствомъ глядѣлъ на бутылку.

— Это проѣзжали у насъ здѣсь городскіе купцы, потеряли вотъ эту водку: хорошая водка. Ты, вѣрно, смерзъ, Михась, а не смерзъ, такъ смерзнешь: на-ка, выпей!

И онъ подалъ мальчику откупоренную бутылку. Михась приложилъ ее къ губамъ, пропустилъ нѣсколько глотковъ и, сморщившись, отнялъ ее ото рта.

— Что не нравится тебѣ! Да ты пей сразу, а не понемножку!

Мальчикъ быстрымъ движеніемъ руки опрокинулъ почти бутылку дномъ кверху и откинулъ голову назадъ. Широко раскрытыми глазами глядѣлъ на него отецъ: въ нихъ блеснулъ внезапный испугъ, и свѣтилось жестокое душевное страданіе. Михась вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, прыснулъ губами и отдернулъ бутылку. Околовичъ поспѣшно взялъ ее, закупорилъ и спряталъ въ карманъ.

— Татко, татко!—вдругъ зашепталъ мальчикъ, указывая пальцемъ на близъ лежащее дерево.

Околовичъ взглянулъ вверхъ по направленію его руки. Большая бѣлка тихонько перепрыгивала съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево; ея золотистая шерсть и пушистый хвостъ рельефно оттѣнялись на бѣломъ снѣгу.

— Поймаемъ, татко, ее, поймаемъ! — тихо говорилъ мальчикъ, присѣвъ на корточки и слѣдя глазами за миловиднымъ животнымъ.

— Какъ же ты ее поймаешь? Руками голыми вѣдь не поймаешь!—протянулъ Околовичъ. Онъ взглянулъ на Михася, и глаза его заволокло слезами. Онъ быстро поднялся со своего мѣста и большими шагами направился въ другую сторону. Мальчикъ въ недоумѣніи побѣжалъ за нимъ, таща свои салазки.

— Нигдѣ не видать курочки!—сказалъ отецъ, не оборачиваясь, когда они прошли довольно значительное разстояніе.

— Ни бѣлки не хотѣлъ поймать, ни курочки не можемъ найти!—вздохнулъ сынишка и ударилъ прутомъ Жучку по спинѣ. Собака завизжала и стала прыгать вокругъ мальчика, виляя хвостомъ.

Околовичъ поспѣшно вытиралъ рукавомъ своей дубленки лившіяся изъ глазъ слезы и прибавилъ шагу. Мальчикъ еле поспѣвалъ за нимъ.

— Янко! Я-а-а-анко!—закричалъ онъ, не останавливаясь.

— Го-о-о-овъ!—откликнулось вблизи.

Они вышли на просѣку. Санки были уже наполнены дровами, и Янко лишь увязывалъ ихъ толстыми древесными прутьями.

— Ну, везите-ка сейчасъ дрова домой, а я еще похожу немного: поищу лисицы, либо зайца.

Мальчикъ привязалъ свои салазки къ санямъ и вмѣстѣ съ Янкомъ направился домой. Околовичъ быстро исчезъ въ глубинѣ рощи. Не скоро двигались они по узкой проселочной дорогѣ, почти не уѣзженной. Жучка бѣжала впереди поѣзда, виляя хвостомъ и безпрерывно оборачиваясь. Неподалеку отъ околицы Михась внезапно споткнулся: онъ былъ очень блѣденъ.

— Чего это ты? Вѣдь дорога совсѣмъ гладкая!—изумился Янко.

— Чего-то въ животѣ стиснуло!—глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ Михась.

У самыхъ воротъ онъ снова споткнулся, да такъ сильно, что чуть не упалъ. Янко подхватилъ его за руку.

— Чего это ты? Слабосильный какой: всего съ двѣ версты протащилъ и уже падаешь!—воскликнулъ работникъ и распахнулъ ворота.

— Не можется чего-то! — упавшимъ голосомъ протянулъ Михась: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Едва они стали подыматься на пригорокъ, на которомъ стояла ихъ хата, Михась зашатался вдругъ и упалъ лицомъ на землю. Въ эту минуту въ рощѣ грянулъ выстрѣлъ: пронесся по окрестности и отдался тамъ далеко за графскими лѣсами.

— О, татко курочку застрѣлилъ! — воскликнулъ Янко, съ недоумѣніемъ глядя на упавшаго. Тотъ старался подняться, но не могъ. Изъ хаты выбѣжала Марія Околовичъ, глядѣвшая черезъ окно, какъ они въѣзжали въ ворота околицы, и съ озабоченнымъ лицомъ подбѣжала къ сыну.

— Что съ тобой, Михась, что съ тобой!

— Въ животѣ сперло, и голова кружится! — прерывисто отвѣтилъ мальчикъ, свѣшиваясь на плечо матери, которая взяла его на руки и понесла въ хату.

Его раздѣли и уложили въ постель. Янко поѣхалъ верхомъ въ фольваркъ Бересневичи за Иваномъ Хруцкимъ, роднымъ братомъ хозяйки. Мальчикъ метался въ постели, жалуясь на сильныя боли въ груди и животѣ. Онъ посинѣлъ весь и отъ времени до времени вздрагивалъ. Его живые синіе глазенки потухли, потускнѣли, стали какъ-то стеклиться. Когда пріѣхалъ дядя, его вырвало, и ему стало какъ будто легче. На разспросы матери онъ разсказалъ, какъ отецъ давалъ ему пить водку, потерянную городскими купцами. Марія Околовичъ переглянулась съ братомъ въ мучительномъ недоумѣніи. Къ вечеру ему стало совсѣмъ худо: онъ лежалъ безъ движенія, безъ сознанія, съ закрытыми глазами, еле дыша.

Степанъ Околовичъ не возвращался. Янъ Хруцкій собралъ сосѣдей съ окрестныхъ фольварковъ и съ ними поѣхалъ розыскивать шурина въ рощѣ. Подъѣхавъ къ ней и ставъ у опушки, онъ долго изо всей силы кричалъ: «Стефанъ, Стефанъ!». Но отвѣта не было. Тогда они, оставивъ Якуба Проховича у лошадей и зажегши смоляные факелы, плотной кучкой пошли по рощѣ. Человѣческіе слѣды отчетливо виднѣлись тамъ и сямъ, пересѣкались, спутывались. Вдругъ Симонъ Селяхъ, шедшій впереди всѣхъ, отшатнулся назадъ, сталъ креститься и вскрикнулъ, указывая пальцемъ вправо: «вонъ, вонъ!». На маленькой прогалинѣ, подъ огромной елью лежалъ на бѣломъ снѣжномъ покровѣ матери-земли Степанъ Околовичъ. Лежалъ онъ на спинѣ; его баранья шапка валялась вблизи головы; голова и обѣ руки были отброшены вправо; правая нога согнута, а лѣвая вытянулась, точно одеревенѣла, упершись въ ружье вблизи спущеннаго курка; ружье лежало на колѣнѣ дуломъ, направленнымъ въ голову; лѣвый високъ раздуло, и изъ него сочилась кровь,

еле замѣтно мелькая по черной запекшейся гущѣ, чрезъ ухо и щеку расползшейся по волосамъ и далеко по снѣгу; открытые глаза застыли съ выраженіемъ какого-то дикаго испуга и нѣмаго отчаянія.

— Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!—громко зашепталъ Петрò Холева, и всѣ они поспѣшно ушли изъ рощи. Когда они пріѣхали въ околицу, Михась уже скончался.

Тотчасъ дано было знать уряднику, и на разсвѣтѣ у мертваго тѣла былъ уже поставленъ караулъ. Утромъ пріѣхалъ становой и поглядѣлъ самолично на обоихъ покойныхъ Околовичей, отца и сына. Онъ нашелъ, что нѣтъ надобности сообщать о случившемся судебному слѣдователю, и черезъ три дня пріѣхалъ съ уѣзднымъ врачемъ для вскрытія труповъ. Трупъ Степана Околовича лежалъ въ томъ же положеніи, въ какомъ нашли ночью его сосѣди, но правый карманъ его шароваровъ, въ которомъ находилась роковая повѣстка, мироваго судьи 3 уч. N-скаго округа, угрожавшая ему выселеніемъ изъ околицы, оказался вывороченнымъ. Кто именно позаботился скрыть отъ глазъ земныхъ это непреложное доказательство земнаго неправосудія, съ которымъ уже предсталъ покойный предъ престоломъ Великаго и Правосуднаго Судіи, не знаетъ никто, кромѣ графа Яна Брыкевича и его управляющаго. Уѣздный врачъ вскрылъ оба трупа и пришелъ къ заключенію, что Степанъ Околовичъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, а малолѣтній Михаилъ Околовичъ отравленъ какимъ-то сильно дѣйствующимъ наркотическимъ веществомъ, но какимъ именно, опредѣлить невозможно. Тотчасъ послѣ вскрытія оба трупа были погребены въ одной могилѣ на логовищенскомъ православномъ кладбищѣ. Не мало народу провожало большой гробъ радушнаго, пріязненнаго, смирнаго, работящаго, подѣльчиваго Степана Околовича и маленькій гробъ ласковаго, рѣзваго и умненькаго Михася Околовича, и не одна горячая слеза упала на ихъ свѣжую могилу.

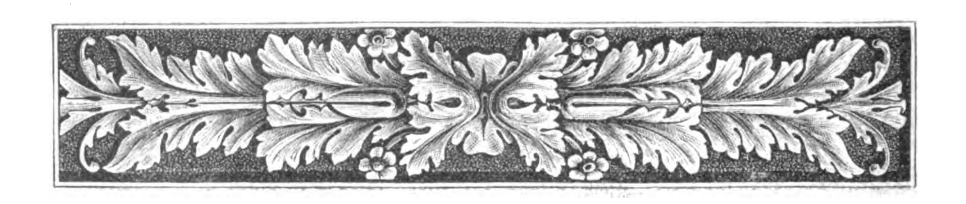
Марія Околовичъ, заболѣвшая молочной горячкой, безсильная, еле держащаяся на ногахъ, была прогнана графомъ изъ околицы Гущичи съ своей грудной дѣвочкой. Земля, взлелѣянная руками и политая потомъ нѣсколькихъ поколѣній вѣчныхъ чиншевиковъ Околовичей, отдана была въ аренду по хорошей цѣнѣ какому-то мѣщанину изъ города, который и принялся строить себѣ на этой землѣ хату, ибо старая, добрая, просторная хата Околовичей, красующаяся на высокомъ пригоркѣ, была тотчасъ же отдана графомъ въ наймы еврейчику изъ города подъ корчму, которая тотчасъ же и открылась, чтò и составляло главный предметъ графскихъ вожделѣній. Скоро позабыли объ ужасной кончинѣ Околовичей. Лишь старикъ Владиславъ Тумановичъ, графскій управляющій, котораго все сильнѣе и сильнѣе клонитъ къ землѣ, иногда въ долгія безсонныя ночи вдругъ вспомнитъ объ нихъ. Ему грезится въ старче-

скомъ полуснѣ самоубійца Степанъ Околовичъ: онъ стоитъ предъ нимъ, глядитъ на него своими широко раскрытыми очами, полными ужаса и отчаянія, и машетъ передъ нимъ роковой повѣсткой.

И вѣчный чиншевикъ земли графской, отданной ему на выкупъ закономъ, спитъ вѣчнымъ сномъ, со своимъ единственнымъ сыномъ и правопреемникомъ, подъ некрашеннымъ деревяннымъ крестомъ.

Е. Н. Матросовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ПОЛТОРАЦКАГО[1].

XV.

Прикомандированіе меня къ Московскому военному округу.—Поѣздка въ Скерневицы.—Свиданіе съ княземъ А. И. Барятинскимъ.—Любезный пріемъ, оказанный мнѣ Барятинскимъ.—Жизнь въ Скерневицахъ.—Разсказы князя Барятинскаго.—Возвращеніе мое въ Москву.—Назначеніе въ Крымъ формировать крымско-татарскіе эскадроны.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ служить въ Туркестанъ я по многимъ причинамъ не хотѣлъ и потому, впредь до какого либо особаго назначенія, съ удовольствіемъ принялъ прикомандированіе мое къ Московскому военному округу, что̀ давало мнѣ возможность пожить съ семьей въ Москвѣ и устроить свои личныя дѣла. Пользуясь же даннымъ мнѣ отпускомъ, я рѣшилъ навѣстить своего бывшаго начальника, князя А.И. Барятинскаго, и въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ посовѣтоваться насчетъ дальнѣйшей моей службы.

Недолго думая, послалъ я въ Скерневицы слѣдующую телеграму: «Давнишній подчиненный Куринскаго полка проситъ разрѣшенія представиться вашему сіятельству», на что̀ черезъ четыре часа получилъ отвѣтъ: «Очень буду радъ вашему посѣщенію. Барятинскій».

Въ 12 часовъ дня 11-го февраля (1874 г.) сѣлъ я въ вагонъ курьерскаго поѣзда и послѣ тридцати-одного часового пути пріѣхалъ въ Варшаву. Съ дебаркадера въ омнибусѣ отправился я въ

[1]) Окочанніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LX, стр. 759.

Европейскую гостинницу, гдѣ, поужинавъ довольно рано, уже въ 10 часовъ завалился спать, разсчитывая на слѣдующій же день продолжать свой путь въ Скерневицы, всего въ двухъ часахъ ѣзды отсюда. Всю дорогу до Варшавы, не встрѣтивъ души знакомой, я могъ, конечно, обдумать, что и какъ стану говорить фельдмаршалу, но остановился на томъ, что скажу ему, какъ Богъ на сердце положитъ, а загадывать впередъ всю нить объясненій рѣшительно не могъ. Къ тому же я вѣдь робокъ по натурѣ (вотъ чему бы не повѣрили враги мои!), и малѣйшее шиканье можетъ окончательно меня сбить съ толку.

На слѣдующій день, во второмъ часу, подкатываю я въ Скерневицы и прямо съ вокзала собираюсь идти во дворецъ къ фельдмаршалу, какъ объявляютъ мнѣ, что князь только-что уѣхалъ въ Варшаву на встрѣчу австрійскаго императора и пробудетъ въ отсутствіи болѣе сутокъ. Не зная сначала, на что рѣшиться, я пустился отыскивать Витгенштейна, такъ какъ и Кузнецовъ, по свѣдѣніямъ на станціи, уѣхалъ съ фельдмаршаломъ, и засталъ его въ суетѣ и хлопотахъ по случаю переѣзда его въ новое въ саду помѣщеніе. Дѣло въ томъ, что князь Барятинскій переломалъ всю внутренность дворца и передѣлывалъ его заново; во флигелѣ онъ помѣщался самъ съ княгиней и съ многими у него живущими, а всѣ остальныя комнаты завалены были ящиками, сундуками, мебелью, посудой и проч., до окончанія работъ во дворцѣ.

Витгенштейнъ любезно предложилъ мнѣ представиться княгинѣ Барятинской и затѣмъ дожидаться возвращенія князя Александра Ивановича; но я за лучшее счелъ съ первымъ же поѣздомъ ѣхать за его сіятельствомъ въ Варшаву. Такъ я и сдѣлалъ и въ тотъ же день, въ седьмомъ часу пустился въ Лазенки, мѣстопребываніе генералъ-фельдмаршала.

«Его сіятельства нѣтъ дома»,—было первое извѣстіе; но полковникъ Кузнецовъ, услышавъ о моемъ появленіи, приглашаетъ меня войти къ нему, объявивъ при этомъ, что князь непремѣнно обѣщалъ вернуться къ 7½ часамъ.

Въ числѣ нѣсколькихъ ожидающихъ тамъ же возвращенія фельдмаршала былъ управляющій Варшавскими театрами, Мухановъ, съ которымъ хозяинъ и познакомилъ меня, и только когда онъ, не дождавшись князя, уѣхалъ, я вспомнилъ, что давно былъ съ нимъ знакомъ въ Москвѣ, когда еще былъ уланомъ.

Кузнецовъ, прочитавъ привезенное мною къ нему письмо Фадѣева, засыпалъ меня любезностями, при чемъ поспѣшилъ объяснить, что всякія рекомендаціи для меня лично совершенно излишни, такъ какъ онъ, Кузнецовъ, много наслышался о службѣ моей на Кавказѣ и даже неоднократно тамъ видѣлъ меня, когда еще былъ при штабѣ писаремъ, о чемъ онъ не разъ съ достоинствомъ заявлялъ. Теперь же Кузнецовъ былъ полковникъ, личный адъю-

тантъ генералъ-фельдмаршала, довѣренный и совершенно свой человѣкъ въ домѣ князя Александра Ивановича, а что всего удивительнѣе—вполнѣ развитой, интеллигентный членъ общества, бѣгло объясняющійся на французскомъ и англійскомъ языкахъ и, что всего достойнѣе, пользующійся общимъ уваженіемъ, какъ личность разумная, милая и вполнѣ заслуживающая симпатіи по уму и умѣнью съ достоинствомъ всюду держать себя.

Въ началѣ 9-го часа послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа, и, минуту спустя, въ передней раздался нетерпѣливый голосъ: «Дайте мнѣ поскорѣе взглянуть на него!»,—а затѣмъ спѣшными шагами, не снявъ съ себя шинели, вошелъ въ комнату Кузнецова фельдмаршалъ и, схвативъ меня за руку, повлекъ ближе къ освѣщенію, чтобы, какъ выразился онъ, «хорошенько разсмотрѣть стараго пріятеля». Князь, любезно замѣтивъ, что я мало измѣнился, выразилъ полное удовольствіе меня видѣть, а когда я ему сказалъ, что сейчасъ изъ Скерневицъ, онъ воскликнулъ, что, не ожидая меня такъ скоро, не сдѣлалъ на мой счетъ никакихъ распоряженій.

Пригласивъ все общество къ себѣ на верхъ пить чай, князь усадилъ меня возлѣ себя и спросилъ, узналъ ли бы я его послѣ 18 лѣтъ, въ которыя будто бы онъ такъ страшно измѣнился и постарѣлъ. Я нашелъ противное: не то, чтобы князь помолодѣлъ, нѣтъ—но, слыша объ его болѣзняхъ и дряхлости, я по правдѣ не представлялъ себѣ его такимъ молодцомъ. Когда я выразилъ ему это мнѣніе, онъ очень любезно замѣтилъ: «видно, что Полторацкому я нуженъ, онъ противъ правилъ своихъ мнѣ льститъ!» И тутъ же, какъ бы изъ опасенія, что этимъ замѣчаніемъ мнѣ причинилъ неудовольствіе, усугубилъ свою привѣтливость и вниманіе. До десяти часовъ вечера, прерывая общій разговоръ съ присутствующими, князь неоднократно обращался ко мнѣ съ подробными разспросами о моей отставкѣ, женитьбѣ, дѣтяхъ, предводительствѣ и въ особенности объ опредѣленіи вновь на службу и хивинскомъ походѣ. Въ свою очередь князь разсказалъ всему обществу о разныхъ продѣлкахъ моей юности, не упустивъ, изъ ихъ перечня, эпизода на Гоитѣ и сумасброднаго прыжка въ тифлисскомъ театрѣ.

— Однако, послушайте, мой милѣйшій сослуживецъ, въ какомъ я передъ вами положеніи! Весь дворецъ переломанъ, и какъ ни странно оно покажется всѣмъ, но у князя Барятинскаго нѣтъ теперь свободнаго угла, и мы сами помѣщаемся, какъ сельди въ боченкѣ. Кузнецовъ, придумайте, какъ бы намъ устоить Полторацкаго.

Изъ Петербурга къ тому же надняхъ ожидали они родственницъ князя С. М. Воронцова (англичанокъ—мать съ дочерью), съ которыми послѣдніе дни въ Петербургѣ я встрѣчался у княгини Марьи Васильевны.

— Я полагалъ, — при этомъ замѣтилъ князь,—что вы, Полторацкій, ѣдете къ намъ именно съ этими дамами; вашу депешу я одновременно получилъ съ увѣдомленіемъ князя Семена Михайловича о проѣздѣ и посѣщеніи Скерневицъ его родственницами, и зная, въ какихъ короткихъ отношеніяхъ вы всегда были съ семействомъ Воронцовыхъ, я вообразилъ себѣ, что вы любезно вызвались проводить путешественницъ... Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, ласково обнявъ меня, — я васъ скоро не выпущу. Ахъ, да, вѣдь бывшія Витгенштейновскія комнаты свободны!

И сейчасъ же онъ послалъ приказаніе привести ихъ въ приличный видъ и пригласилъ меня расположиться въ нихъ хорошенько «пожить» въ Скерневицахъ... Какъ ни любезенъ былъ до самой мелочи пріемъ князя Александра Ивановича, но слово «жить» въ Скерневицахъ и разные его планы играть съ нимъ въ пикетъ, ходить въ русскую баню, охотиться на кабановъ и фазановъ и проч., и проч. меня испугали. Нельзя и думать было къ воскресенью вернуться въ Петербургъ. Уже около полуночи, послѣ самыхъ привѣтливыхъ фразъ и пожатій, мы разстались, а на слѣдующій день ему рано нужно было вставать для встрѣчи императора Франца-Іосифа. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій физически очень мало измѣнился: волосы на головѣ были съ просѣдью, усы и баки бѣлые, но цвѣтъ лица и вся фигура его еще живо напоминали красавца сороковыхъ годовъ. Жаловался онъ на свои ноги, отъ подагры будто бы плохо ему служащія при подъемахъ на лѣстницы, но при ходьбѣ по комнатѣ, въ мягкихъ бархатныхъ сапогахъ, ущербъ этотъ былъ не замѣтенъ, и вообще онъ смотрѣлъ бодро и свѣжо. Не то впечатлѣніе произвело его нравственное настроеніе. Когда онъ упомянулъ, что въ прошломъ году онъ «въ послѣдній разъ» ѣздилъ въ Петербургъ, въ его рѣчи проскользнуло явное неудовольствіе на свое бездѣйствіе. Видимо, честолюбіе съѣдало князя, и онъ только по неволѣ разыгрывалъ роль Цинцината, не соотвѣтствующую ни наклонностямъ его, ни вкусамъ... Не смотря, однако, на это, князь такой же былъ, если не болѣе, милый хозяинъ и очаровательнѣйшій собесѣдникъ.

Разсказывая о стѣсненномъ положеніи своемъ въ Скерневицахъ, Александръ Ивановичъ не разъ повторилъ qu' il était bien mieux logé à Hassaf-urt, comme colonel et chef du régiment au Caucase», но тутъ же прибавлялъ, что черезъ шесть недѣль у него все устроится, и, кромѣ великолѣпнаго расположенія дворца, гдѣ ему можно будетъ принять и помѣстить на временное пребываніе до ста гостей, онъ отдѣлываетъ прелестный театръ, въ который трупа варшавскаго императорскаго театра два раза въ недѣлю будетъ пріѣзжать на представленія. Да и теперь въ Скерневицахъ, помимо безконечныхъ гостей и временныхъ посѣтителей князя, ютилось множество

проживающихъ на его иждивеніи, и постоянно содержался значительный почетный караулъ.

Однако, до моего переѣзда въ Скерневицы, avec tous mes paquets, какъ приглашалъ князь, я тщетно прорыскалъ по непривѣтливымъ улицамъ Варшавы, не найдя знакомой души. Усталый отъ безполезнаго шатанья, я, наконецъ, сѣлъ обѣдать въ общемъ залѣ Европейской гостинницы, гдѣ совершенно случайно наткнулся на личность нѣсколько мнѣ знакомую — Гоголя, бывшаго преображенца, а въ то время проживавшаго въ своемъ по близости маіоратствѣ. Онъ былъ товарищъ по полку покойнаго брата Алексѣя, но если я былъ доволенъ встрѣчей съ нимъ, то потому, что имѣлъ случай поговорить о почтенномъ отцѣ его, Иванѣ Ивановичѣ, и милѣйшей женщинѣ, его матери, Марьѣ Дмитріевнѣ, рожденной Есаковой. Обоихъ ихъ уже не было на свѣтѣ, но память о нихъ останется священной для всѣхъ ихъ знавшихъ. Въ тотъ же день вечеромъ встрѣтилъ я въ театрѣ Андрея Корфа, своего однокашника по Пажескому корпусу, командовавшаго въ Варшавѣ л.-гв. Литовскимъ полкомъ.

Пріѣхавъ на слѣдующій день въ Скерневицы, я нашелъ уже помѣщеніе, и при томъ прекрасное, готовымъ и, приведя себя въ порядокъ, немедленно отправился черезъ садъ во дворецъ князя. Фельдмаршалъ встрѣтилъ меня съ изысканнымъ радушіемъ и тотчасъ же подъ руку повелъ меня въ столовую, гдѣ поочередно представлялъ меня княгинѣ и прочимъ дамамъ, какъ стараго пріятеля и боеваго своего товарища. Не смотря на слабость ногъ своихъ, князь при появленіи всякаго экземпляра прекраснаго пола вскакивалъ съ кресла и повторялъ со мною ту же процедуру, но наконецъ, когда въ сборѣ оказался весь наличный комплектъ гостей его, онъ предложилъ мнѣ вести къ столу прелестную женщину, графиню Клейнмихель (рожденную гр. Келлеръ), его племянницу, и сѣсть между ней и княгиней, хозяйкой дома. Во временной, очень небольшой столовой флигеля, занимаемаго теперь княземъ, усѣлись за столъ: красивая Б., затѣмъ пріемная сестра княгини, совершенная красавица южнаго типа, Тебро, и мужчины: графъ Потоцкій (Морицъ), князь Витгенштейнъ, графъ Клейнмихель и Кузнецовъ. Самъ хозяинъ за общій столъ не садился, по запрещенію доктора, во избѣжаніе соблазновъ, что̀, однако, не мѣшало ему изъ сосѣдней комнаты, гдѣ стоялъ приборъ его, ежеминутно появляться къ намъ, угощать гостей и даже смачивать губы свои различными винами, появляющимися ежеминутно въ рукахъ мажоръ-дома. Со мною и хозяинъ и хозяйка были чрезвычайно милы. Я нѣсколько расчитывалъ на радушный пріемъ, но, признаюсь, и во снѣ не ожидалъ ничего подобнаго. Послѣ обѣда и кофе фельдмаршалъ, гр. Клейнмихель, Витгенштейнъ и я усѣлись играть въ пикетъ, la chouette, а хозяйка на диванѣ занимала разговоромъ старика

Потоцкаго. Какъ только графъ раскланялся, за нимъ поднялась и княгиня Елизавета Дмитріевна и, пожелавъ намъ всѣмъ счастья въ картахъ, ушла на покой, въ свои комнаты.

— Теперь мы можемъ свободно курить!—объявилъ князь, вынимая портъ-сигаръ свой.

Не могу воздержаться, чтобы не отмѣтить этого, какъ бы казалось съ перваго взгляда, пустаго обстоятельства, но въ сущности служащаго неопровержимымъ доказательствомъ той степени почтительнаго вниманія и уваженія, которыя во всемъ, даже въ мелочахъ, выказывалъ онъ женѣ своей. Она не любила табачнаго дыма, и онъ, этотъ избалованный съ колыбели бояринъ, никогда не признававшій ни въ чемъ стѣсненій и препятствій, смиренно покорялся ея вкусамъ, не позволяя себѣ, точь въ точь, какъ благовоспитанный юноша, въ ея присутствіи закурить папироску... Игра въ chouette, сама по себѣ довольно занимательная, но мы невольно отвлекались отъ нея, вслушиваясь въ остроумныя вводныя предложенія краснорѣчиваго князя Александра Ивановича. Не помню, по какому поводу названа была фамилія Ш.

— A propos, cher ami,—обратился ко мнѣ князь,—знали ли вы Ш., онъ вѣдь, кажется, участвовалъ въ хивинскомъ походѣ?—На утвердительный отвѣтъ мой,—онъ продолжалъ:—Я очень интересуюсь этимъ молодымъ человѣкомъ, и вотъ вслѣдствіе какого обстоятельства, — и тутъ фельдмаршалъ, сложивъ свои карты на столъ, сталъ разсказывать, какъ въ прошломъ году, за границей, если не ошибаюсь, въ Эмсѣ или Баденѣ, сидя за высочайшимъ столомъ рядомъ съ государемъ, былъ внезапно удивленъ вопросомъ, громко сдѣланнымъ его величествомъ молодому человѣку, сидящему на противоположномъ концѣ стола: «а что, Ш., я слышалъ, ты вчера много выигралъ?» Слова эти привлекли мое вниманіе, и я съ любопытствомъ взглянулъ на незнакомаго мнѣ юношу, въ адъютантскомъ мундирѣ, ожидая почему-то отъ него бравурнаго отвѣта. «Да, государь, мнѣ дѣйствительно вчера улыбнулось счастье, и я выигралъ до 40 тысячъ талеровъ»,—послѣдовалъ совершенно скромный и глубокопочтительный отвѣтъ баловня судьбы. «Кто такой?»—спросилъ я своего сосѣда справа. Онъ назвалъ фамилію. «Смотри же, Ш., воздержись», — милостиво посовѣтовалъ государь, ласково улыбаясь Ш., который, не обѣщая ничего, глубоко поклонился въ отвѣтъ. Toute la tenue du jeune homme à l'occasion dite мнѣ очень понравилась. На другой день, опять также за обѣдомъ, императоръ на этотъ разъ съ сожалѣніемъ обратился къ Ш.: «Ты не послушался меня и вчера за то наказанъ судьбою». — «Точно такъ, ваше величество, и своихъ даже 30 тысячъ прибавилъ»,—безъ малѣйшей афектаціи возразилъ молодой человѣкъ на милостивое къ себѣ участіе своего государя. Этимъ онъ еще больше понравился мнѣ, но впослѣдствіи, къ великому сожалѣнію, я узналъ о его другихъ сла-

бостяхъ. Господа, скажите, онъ дѣйствительно такъ кутитъ? Опроверженія сказанному отъ насъ не воспослѣдовало, и князь Александръ Ивановичъ внушительно продолжалъ: «да, молодежь не хочетъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ, предается невоздержанію и тѣмъ губитъ не только карьеру свою и репутацію, но и самое дорогое въ жизни—здоровье. Если бы она понимала... Ахъ, ахъ!»—вдругъ вскрикнулъ фельдмаршалъ, отчаянно схвативъ подъ столомъ свою ногу, конвульсивно дергающуюся отъ внезапнаго приступа подагры. Князь перемѣнился въ лицѣ, на которомъ крупными каплями выступилъ холодный потъ, и отчетливо отразились нестерпимыя страданія. Мы всѣ переполошились и растерянно глядѣли другъ на друга. Прошло минуты двѣ... и вдругъ веселый хохотъ князя разразился на всю комнату. «Voilà ce que c'est, quand le diable s'avise à faire morale!»—пояснилъ онъ удивленному его мужествомъ обществу. И дальше мучительная боль въ ногѣ князя не унималась; онъ страдалъ сильно, о чемъ можно было заключить изъ поддергиванія подъ столомъ бархатнаго сапога и по нерѣдкимъ гримасамъ на прекрасномъ лицѣ его, но онъ пересилилъ упрямую подагру и хотя съ меньшимъ увлеченіемъ въ разсказахъ, но добросовѣстно слѣдилъ за игрою въ chouette и прекратилъ ее только въ часъ ночи. За четверть часа до окончанія партіи застучалъ по стекламъ оконъ гостинной крупный дождь. Фельдмаршалъ всталъ и, не смотря на больныя ноги свои, вышелъ изъ комнаты, для чего?—чтобы распорядиться, какъ это оказалось нѣсколько времени спустя, объ экипажѣ для моей особы... Какъ, подумаешь, при сравненіи съ Барятинскимъ, этимъ во всемъ широкомъ значеніи, большимъ бариномъ, мизерны parvenus, съ ихъ заносчивостью и напыщенной гордостью.

Наутро я явился во дворецъ по приглашенію хозяевъ пить утренній чай въ десятомъ часу и затѣмъ до завтрака подъ руку (въ сущности для поддержки слабаго ногами фельдмаршала) прогуливался съ нимъ по парку и придворнымъ постройкамъ, гдѣ князь Александръ Ивановичъ являлъ собою типъ отжившихъ свое время крупныхъ помѣщиковъ, еще такъ недавно угощавшихъ дорогихъ гостей своихъ осмотромъ всѣхъ затѣй въ ихъ богатыхъ усадьбахъ. Но здѣсь, въ Скерневицахъ, было на что посмотрѣть. Помимо великолѣпнаго дворца, уже въ третій разъ нынѣ раставрируемаго, со времени владѣнія имъ княгиней Ловичъ, и всѣхъ соотвѣтствующихъ надворныхъ жилыхъ помѣщеній для штата царскаго, чего-чего не настроено было въ этой бывшей резиденціи въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Павловича и въ краткій срокъ настоящаго временнаго владѣльца князя Барятинскаго. Кромѣ массы строеній этого маленькаго городка, существовавшихъ съ давнихъ временъ, недавно воздвигнуты были обширныя помѣщенія для почетнаго при фельдмаршалѣ караула, въ составѣ 2-го

стрѣлковаго, имени князя Барятинскаго батальона и команды лейбъ-казаковъ собственнаго его величества конвоя, и производились усиленныя работы при ломкѣ зданія бывшей желѣзнодорожной станціи для перестройки ея въ прелестный, судя по рисункамъ и плану, театръ, для котораго два раза въ недѣлю будутъ возить артистовъ императорскаго театра, а за неимѣніемъ достаточнаго на лицо количества живущихъ въ Скерневицахъ и зрителей.

По поводу настоящей резиденціи здѣсь фельдмаршала, князь по возвращеніи со мною во дворецъ разсказалъ мнѣ любопытный эпизодъ этотъ со слѣдующими подробностями.

— Надо вамъ, милый другъ, сказать, — такъ началъ хозяинъ, усѣвшись въ покойныя кресла гостинной,—что, получивъ въ наслѣдство отъ покойнаго дяди, графа Толстаго, маіоратство «Деревеньки» въ Курской губерніи, я нашелъ тамъ до того ветхій домъ и всѣ прочія постройки, что буквально рисковалъ быть задавленнымъ ими, en un mot c'étaient des ruines. Что дѣлать? Свободнаго капитала для сооруженія всѣхъ необходимыхъ зданій у меня тогда не было, а согласитесь, что мнѣ, въ моемъ положеніи, при обязательномъ большомъ пріемѣ и,не скрываю,свойственныхъ мнѣ привычкахъ жить не какимъ нибудь байгушемъ, а широко и открыто,— помѣщаться въ полуразрушенныхъ лачугахъ было бы неудобно и даже неприлично для генералъ-фельдмаршала всероссійской имперіи! Bref, tous ces ennuis me forcèrent à la longue de prendre une décision,—j'écris une lettre à sa majesté! Вотъ этотъ самый Кузнецовъ,— сказалъ онъ, указывая на Вавила Алексѣевича,—и повезъ государю письмо мое, въ которомъ я, отчетливо объяснивъ свое безвыходное положеніе, просилъ его величество заимообразно, entendons nous, заимообразно триста тысячъ рублей. Государь, вникнувъ въ дѣло et à fin de me tirer d'embarras, предложилъ министру финансовъ удовлетворить мою просьбу, mais R. avait des obstacles et force fut à l'Empereur de me la refuser! Вотъ тутъ-то, мой другъ, и слѣдуетъ достойно оцѣнить великодушіе и безпредѣльную деликатность по отношенію ко мнѣ возлюбленнаго нашего монарха! Его величеству благоугодно было, во-первыхъ, написать мнѣ собственноручное, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ, соболѣзнованіе въ необходимости отказа, а, во-вторыхъ, почтить меня высочайшимъ предложеніемъ принять въ полное пользованіе и пожизненное владѣніе Скерневицы, гдѣ климатическія условія, лучшія, чѣмъ въ Курской губерніи, по мнѣнію его величества, должны были возстановить мое разстроенное здоровье. Но этимъ исторія не кончилась! Въ прошломъ году государю угодно было совершить путешествіе на возлюбленный нами Кавказъ. Намѣстникъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, въ виду посѣщенія края державнымъ гостемъ, возымѣлъ прекрасную мысль—громадными маневрами воспроизвести движенія, приступы и взятіе Гуниба, съ участіемъ въ нихъ именно тѣхъ войскъ, которыя такъ

славно совершили великій подвигъ, при плѣненіи Шамиля, въ 1859 году. Въ день штурма, совпавшій съ тѣмъ же числомъ, 26-мъ августа, государь императоръ, въ прекрасномъ настроеніи отъ чудной картины величественной мѣстности и молодецкаго духа безподобной кавказской арміи, за большимъ завтракомъ на вершинѣ Гуниба, изволилъ многихъ присутствующихъ осыпать своими щедротами и соблаговолилъ провозгласить тостъ въ мою честь, при чемъ тутъ же былъ отправленъ фельдъегерь съ высочайшимъ министру финансовъ повелѣніемъ о препровожденіи мнѣ трехсотъ тысячъ рублей! Что вы на это скажете?»—Послѣ небольшой паузы князь продолжалъ:—«Ну, и, конечно, я почти всю сумму употребилъ на постройки здѣсь, въ Скерневицахъ!».

Сидѣвшая на диванѣ княгиня дѣлала въ это время знаки по моему адресу, знаменательно указывая головой на мужа, и когда онъ вышелъ изъ комнаты, Елизавета Дмитріевна въ полголоса объяснила мнѣ, что не «почти», а давно уже всѣхъ 300 тысячъ не существуетъ, и что на затѣи здѣсь князя Александра Ивановича убито еще чуть не столько же.

Когда насъ позвали въ столовую, князь Барятинскій взялъ меня подъ руку и увелъ въ сосѣднюю комнату.

— В. кое-что передалъ мнѣ о васъ, а вы сами, милый другъ, конфузились прямо говорить со мною. Знайте же, что я такъ расположенъ къ вамъ, что счелъ бы за личное себѣ оскорбленіе, если бы вы, имѣя въ томъ надобность, не обратились откровенно ко мнѣ... Впрочемъ теперь, une fois la glace rompue, мы успѣемъ все устроить. Поживите у меня, съ толкомъ поговоримъ и увидимъ, что надо дѣлать.

На мое возраженіе, что я не смѣю болѣе злоупотреблять его гостепріимствомъ, князь съ недовольной миной перебилъ меня и поспѣшно увлекъ въ столовую, поручивъ вести къ столу княгиню Елизавету Дмитріевну.

Вечеръ, какъ и раньше, посвященъ былъ chouette, за которой горячилась и серьезно распекала дядюшку за разсѣянность живая и очень умненькая племянница, графиня К.

Когда на слѣдующій день появился я въ прихожей княжескаго флигеля, мнѣ сказали, что его сіятельство два раза уже обо мнѣ спрашивалъ и приказалъ, какъ только я приду, пригласить меня къ нему въ спальную. Фельдмаршалъ ночью испыталъ сильнѣйшій приступъ подагры и теперь, слабый и страждущій, лежалъ на широкой постели, среди комнаты. Подходя къ двери, я отчетливо разслышалъ его стоны и жалобы сидѣвшей около него княгинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ, но, когда я ему раскланялся, онъ подозвалъ меня къ себѣ, довольно крѣпко пожалъ руку и, пригласивъ занять уступленное мнѣ княгиней кресло, слабымъ голосомъ сталъ было описывать свои страданія, но княгиня его остановила, напомнивъ о строгомъ запрещеніи доктора, отнюдь не разговаривать.

— Владиміръ Алексѣевичъ будетъ говорить, а ты, Alexandre, пожалуйста, только слушай!—съ милѣйшей улыбкой внушила князю заботливая жена и вышла изъ комнаты больного.

— Садитесь вотъ тутъ, поближе ко мнѣ,—прошепталъ князь,— и разскажите мнѣ подробно всѣ перипетіи хивинской экспедиціи. Молодой Меллеръ-Закомельскій кое-что мнѣ сообщилъ, онъ очень неглупъ, но я бы...

— Вамъ, князь, вредно разговаривать,—перебилъ я словоохотливаго больного.

— Хорошо, я буду молчать, но прежде встаньте и позвоните de grâce.

Я поспѣшилъ исполнить его желаніе, вполнѣ увѣренный, по судорожнымъ движеніямъ подъ простыней, о требованіи посторонней помощи, но когда на зовъ явился камердинеръ, я былъ не мало удивленъ приказаніемъ князя поставить около меня столикъ и принести графинъ съ портвейномъ, такого-то № и года.

— Faites, mon cher, honneur à ce liquide, il est très potable, — добавилъ онъ, когда мнѣ налили объемистую рюмку ярко-золотистаго вина.

По знаку хозяина, камердинеръ поставилъ около меня графинъ и неслышными шагами исчезъ за дверь, а я, осушивъ рюмку (причемъ невольно вспомнилъ изреченіе кузена моего Павла Александровича Полторацкаго, когда онъ, садясь писать письма и выпивая предварительно спирта, приговаривалъ: «это для бойкости пера!), приступилъ къ разсказу. Князь все время внимательно слушалъ и хотя, при началѣ моей повѣсти, отъ усиленныхъ страданій, при одномъ прикосновеніи тончайшей простыни къ пальцамъ ноги, стоналъ и зачастую жалобно вскрикивалъ, а я въ этихъ случаяхъ прерывалъ рѣчь мою, князь спѣшилъ убѣждать меня «que ce n'est rien du tout, continuez, je vous prie», и я вновь наэлектризованный продолжалъ повѣствованіе. Долго князь молча слушалъ меня, но мало-по-малу и онъ сталъ оживляться, задавать вопросы и вставлять свои разсужденія. Среди нашей бесѣды фельдмаршалу подали телеграмму изъ Варшавы. Нетерпѣливо пробѣжавъ ее, князь просіялъ, ухмыльнулся и съ плохо скрытою улыбкой самодовольствія, молча ее мнѣ передалъ.

Она гласила: «Вчера прибывъ въ Варшаву, осмѣливаюсь просить позволенія въ четвергъ, 23-го, явиться въ Скерневицы вашему сіятельству. Коцебу».

— Voici, cher ami, ce que c'est que le sort ici bas! Помните въ 1848 году,—lui, aide de camp général, chef d'état major de l'armée, grand personnage, en un mot, — moi, petit colonel, un rien du tout! Et à l'heure qu'il est??.. Онъ разразился непритворно-счастливымъ смѣхомъ.—Il n'a qu'à venir, le petit homme!.. и тутъ же черкнулъ очень любезную отвѣтную телеграмму.

— Mais voilà une idée,—вдругъ сообразилъ князь:—не согласитесь ли вы принять мѣсто и какое именно при Коцебу, въ Варшавѣ? Въ четвергъ онъ здѣсь обѣдаетъ... Хотите?..

Какъ снѣгъ на голову, свалилось мнѣ это внезапное предложеніе, я задумался, но вскорѣ, взвѣсивъ за и противъ, выразилъ князю мою глубокую благодарность, но отъ службы въ западномъ краѣ по многимъ причинамъ отказался. Князь обнялъ меня и тотъ часъ же перемѣнилъ разговоръ. Съ этой минуты роли наши измѣнились: фельдмаршалъ заговорилъ, а мнѣ оставалось только слушать. Изъ большинства предметовъ, краснорѣчиво имъ затронутыхъ, конечно, Кавказъ почти исключительно служилъ исходною точкой. Многое я зналъ и прежде, но были и очень любопытные эпизоды, еще мнѣ вовсе незнакомые про Евдокимова, Врангеля, Вревскаго, Бебутова, Веревкина, Іедлинскаго и др., изъ числа которыхъ уже многіе сошли съ жизненнаго поприща. Князь Барятинскій съ увлеченіемъ и полнѣйшей откровенностью вспоминалъ о живыхъ и мертвыхъ. Иныхъ восторженно восхваляя, а другихъ снисходительно щадя, онъ перенесся въ хорошее прошлое, ожився, воскресъ!..

За обѣдомъ въ тотъ же день я увидѣлъ новую для меня личность, старика кн. Орбельяни, Димитрія, отца княгини Барятинской. Познакомясь со мною, онъ поспѣшилъ объявить мнѣ, что только что вернулся изъ Варшавы, куда на три дня ѣздилъ «повеселиться». Выраженіе это, въ устахъ едва ли не 70-ти-лѣтняго старца, меня покоробило, но когда черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ и услышалъ обращеніе съ нимъ нѣкоторыхъ, я былъ просто возмущенъ.

Какъ бы ни былъ простъ, наивенъ жалкій представитель грузинской аристократіи, но въ уваженіе его лѣтъ почему бы не извинить безвредныхъ выходокъ впавшаго въ дѣтство старика, тѣмъ болѣе, когда онъ при этомъ и отецъ всѣми уважаемой хозяйки дома.

Сидя съ ней рядомъ и внимательно слѣдя за выраженіемъ ангельски-добраго лица ея, я безошибочно утверждаю, что она далеко не равнодушно выносила «милыя» шутки со старикомъ отцомъ ея...

На мой взглядъ, княгиня Елизавета Дмитріевна далеко не красавица и ею прежде не была; но рѣдко встрѣчалось существо наружности болѣе симпатичной, обходительной и довѣріе внушающей, чѣмъ она. При всемъ высокомъ своемъ положеніи, она замѣчательно проста была въ обращеніи и творила неисчислимыя благодѣянія, за что̀, разумѣется, ее боготворили въ краѣ... Княгиня представляла собой идеалъ доброты, скромности и благодушія, передъ которыми не преклонить колѣнъ было бы просто грѣшно.

Утро слѣдующаго дня я опять провелъ съ княгиней, и она совсѣмъ сумѣла обворожить меня своимъ умомъ, сердечнымъ тактомъ и теплымъ участіемъ, съ которымъ она меня разспрашивала

про жену, дѣтей, настоящее положеніе и надежды на будущее. На этомъ насъ засталъ фельдмаршалъ, только что вернувшійся съ прогулки. Смѣясь вошелъ онъ въ гостинную и тотчасъ же весело разсказалъ про своего любимца, безсмѣннаго ординарца изъ лейбъ-казаковъ, урядника (фамиліи не помню).

— Представьте себѣ, до какой степени эти наивные люди заблуждаются, взирая на меня, не какъ на простого смертнаго, а какъ на что-то особеннее. Шутки въ сторону, mon cher, они себѣ ничего почти не представляютъ выше ихъ фельдмаршала, къ которому, по ихъ пониманію, они приставлены, чтобы ограждать, беречь, сдувать съ него пылинки, отнюдь не обращая вниманія на прочихъ. J'en ai eu mille preuves et en voilá de nouveau une! Ecoutez-donc! Сейчасъ подали къ подъѣзду тюльбери. Урядникъ подсадилъ меня, и пока я разбиралъ возжи, онъ перебѣжалъ на ту сторону экипажа, какъ я полагалъ, чтобы оправить платье моей спутницы, madame Бутурлиной. Совсѣмъ нѣтъ!.. Казакъ безцеремонно потыкалъ ее и, насильственно всунувъ ей въ руку мой портъ-сигаръ, внушительно скомандовалъ въ полъ-голоса: «Смотри, дорòгой будетъ спрашивать, подавай ему!» N'est ce pas sublime?—залился смѣхомъ фельдмаршалъ...

Многіе изъ недоброжелателей князя А. И. Барятинскаго, какъ прежде, такъ и теперь, обвиняютъ его въ спеси, чванствѣ и чудовищномъ тщеславіи. Отрицать въ немъ ихъ существованіе было бы явнымъ пристрастіемъ, но ставить ему ихъ чуть ли не въ преступленіе—другая крайность, тѣмъ болѣе, если на вѣсы положить его достоинства, какъ полководца, какъ вельможи, какъ рыцаря, какъ честнѣйшаго человѣка... Пригласивъ меня въ свой кабинетъ «тряхнуть стариной», по его выраженію, князь много и мастерски разсказывалъ намъ (за нами вслѣдъ пришли и другіе гости князя) объ экспедиціи на Гунибъ, увѣнчавшейся плѣненіемъ Шамиля и умиротвореніемъ всей восточной части Кавказа, о торжественномъ въѣздѣ его въ Тифлисъ, когда у тріумфальной арки встрѣтило князя и забросало цвѣтами и лавровыми вѣнками все высшее общество города, а на разукрашенныхъ коврами улицахъ, вплоть до дворца намѣстника, шпалерами стояли войска, восторженнымъ «ура» привѣтствовавшія покорителя Кавказа и его имама, въ то время, какъ несмѣтныя толпы народа буквально ломились прорвать эту живую стѣну, чтобы только приблизиться къ нему... Послѣдовательно познакомивъ насъ съ главнѣйшими событіями послѣднихъ годовъ его пребыванія на возлюбленномъ Кавказѣ, онъ перешелъ къ описанію испытанныхъ имъ чувствъ упоенія и высшаго благополучія, при счастливомъ извѣстіи о всемилостивѣйшей наградѣ, фельдмаршальскомъ жезлѣ, а затѣмъ вызовѣ его въ Петербургъ. Здѣсь, по свойственному князю чистосердечію, онъ не скрылъ отъ насъ, что во все время длиннаго пути этого онъ не переставалъ

заботиться и опасаться, какъ бы подъ вліяніемъ его опьянившаго счастья не впасть въ невольную ошибку, въ непредвидимый промахъ въ минуту, когда при пріемѣ его взоры всѣхъ будутъ устремлены на него одного. Здравый смыслъ подсказывалъ мнѣ,—пояснилъ князь,—крайнюю необходимость для самолюбія, чести и достойной поддержки высшаго званія, возложеннаго на меня державною милостью, всячески отстранить тѣ чувства зависти и досады, которыя неминуемо должны были преобладать въ высшихъ сферахъ петербургской бюрократіи къ молодому, сравнительно съ многими изъ нихъ, чуть ли не къ мальчишкѣ, но уже достигшему верховнаго въ военной іерархіи значенія, власти и почета. И знаете ли, господа, какимъ несложнымъ путемъ разрубилъ я этотъ Гордіевъ узелъ?

— Послѣ парадной, пышной и небывало-торжественной мнѣ встрѣчи въ Петербургѣ, гдѣ со станціи желѣзной дороги и до Зимняго дворца, предназначеннаго для моего помѣщенія, тріумфальный въѣздъ мой, среди духовенства, войска и народа, сопровождали всѣ высшія военныя и гражданскія власти и дипломатическій корпусъ,—наконецъ, самъ государь императоръ осчастливилъ меня своимъ посѣщеніемъ, изволивъ объявить, что онъ высочайше повелѣлъ на другой же день представиться мнѣ, какъ генералъ-фельдмаршалу, всѣмъ чинамъ министерствъ и гвардіи, арміи и флота; однако, я всеподданнѣйше испросилъ всемилостивѣйшаго соизволенія его величества, во вниманіе моей усталости и нездоровья, отложить означенный пріемъ до послѣзавтра. Государь соблаговолилъ пожаловать просимое разрѣшеніе, а я на другой же день, съ утра натянувъ на себя парадную форму, сѣлъ въ карету и объѣхалъ всѣхъ почетныхъ сановниковъ. Эффектъ былъ блестящій. Польщенные моимъ первымъ къ нимъ визитомъ, они растаяли et ça va sans dire, m'ont généreusement pardonnés le baton de maréchal, qu'une heure avant ils n'étaient que trop disposés à me jeter entre les roux!— Князь очень довольный послѣднимъ bon mot своимъ, разразился смѣхомъ и продолжалъ: но въ сущности, согласитесь сами, эта... какъ бы назвать? ну, хоть дипломатическая уловка, была съ моей стороны вызвана крайней необходимостью? Могъ ли я допустить, чтобы высокопоставленные въ государственномъ строѣ, заслуженные старцы, какъ Горчаковъ, Орловъ, Киселевъ, Меншиковъ и другіе, qui à la lettre m'avaient vu naitre et par conséquent me traitaient encore en gamin, явились бы первыми ко мнѣ въ шарфахъ?

— Особенно мнѣ врѣзался въ память пріемъ меня княземъ Орловымъ, когда-то нянчившимъ меня ребенкомъ на своихъ колѣнахъ. Послѣ самыхъ теплыхъ его изліяній въ любви, дружбѣ, уваженіи и проч., когда я, раскланявшись съ нимъ, вышелъ, маститый князь А. Ѳ. бросился за мною въ переднюю, собственноручно подалъ мнѣ шубу, и когда я, озадаченный этой выходкой, энергически

откланялся, старикъ насильственно протестовалъ, шепнувъ мнѣ на ухо: «Taisez-vous, imbecile que vous êtes! Je sais bien ce que je fais!» и тутъ же подъ руку свелъ меня съ лѣстницы въ одномъ сюртукѣ, безъ шапки проводилъ до кареты, при столпившемся у подъѣзда любопытномъ народѣ. Il va sans dire qu'à la grande reception du lendemain, je n'ai plus aperçu le moindre indice d'hostilité, tous me témoignèrent éstime, respect et devouement!

Къ обѣду явились съ поѣзда приглашенные изъ Варшавы командиры: бригады — Эссенъ и полковъ лейбъ-уланскаго — князь Шаховской и Гродненскаго гусарскаго — де-Бальменъ. Прохаживавшійся кругомъ насъ фельдмаршалъ (хотя въ тѣхъ же бархатныхъ сапогахъ, но въ лейбъ-гусарской венгеркѣ, съ алмазными жезлами и шифромъ Е. В. на плечахъ) вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Cher Poltoratsky, узнали ли вы этотъ столъ?—при чемъ указалъ мнѣ на стоящій въ углу складной ломберный столъ съ инкрустаціей.

— Нѣтъ, князь, — удивленно отвѣтилъ я, — стола этого я не знаю.

— Да знаете ли, откуда онъ? Отъ вашего покойнаго дяди Константина Марковича Полторацкаго и пріобрѣтенъ мною, конечно, не отъ него самого, а отъ какой-то личности, въ наслѣдство его получившей въ числѣ прочей мебели. Мнѣ, какъ страстному любителю всякихъ рококо, и сообщили объ этомъ. A j'en ai fait l'acquisation pour une misére, 200 roubles à peu près; вѣдь прелестный столъ, съ чудной инкрустаціей временъ Елизаветы, подаренный дѣду вашему императрицей Екатериной II.

Когда черезъ нѣсколько дней я прощался съ радушнѣйшими хозяевами, фельдмаршалъ, обнимая меня, успѣлъ шепнуть: «будьте спокойны, я свято исполню обѣщаніе». Но не пришлось мнѣ воспользоваться такъ любезно предложеннымъ содѣйствіемъ въ устройствѣ дальнѣйшей моей карьеры: пріѣхавъ въ Москву, А. И. Гильденштубе, мой непосредственный начальникъ, вручилъ мнѣ слѣдующую телеграмму:

«Генералу Гильденштубе.

«Въ Крыму формируется эскадронъ изъ крымскихъ татаръ. Строй драгунскій, вооруженіе легко-кавалерійское, сѣдловка казачья. Желаетъ ли полковникъ Полторацкій и не имѣется ли препятствія къ назначенію его формировать и командовать означеннымъ эскадрономъ?

«Графъ Гейденъ».

Оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, что государю императору угодно было избрать меня изъ числа многихъ представленныхъ на выборъ его величества, и что высочайшее повелѣніе обо мнѣ состоялось въ Югенгеймѣ, отъ 12-го іюня. Предполагалось формировать сперва первый, потомъ 2-й и 3-й эскадронъ и такъ до полка. Часть эта въ Крыму впервые создавалась изъ мѣстныхъ татаръ, никогда еще не отбывавшихъ въ Россіи воинской повинности. Государь желалъ, чтобы Крымскій эскадронъ, хотя и регулярной кавалеріи, былъ сформированъ и обученъ непремѣнно по образу и подобію лихаго казачьяго линейнаго войска, словомъ, чтобъ въ немъ совмѣщалось молодечество, подвижность и наѣздничество линейныхъ кавказцевъ. Что касается избранія офицеровъ, то государь изволилъ представить оное личному усмотрѣнію командира. На состоявшемся затѣмъ представленіи моемъ государю, его величество милостиво, какъ всегда, обласкалъ меня.

— А, старый знакомый, здравствуй!—привѣтливо обратился ко мнѣ государь.—И въ новой формѣ! Ну, какъ-то, Полторацкій, ты справишься съ своими татарами?

— Надѣюсь, ваше императорское величество!

— Ты надѣешься, а я такъ увѣренъ, что ты справишься непремѣнно, — и съ этими словами государь сошелъ со ступенекъ крыльца (это происходило въ Красномъ Селѣ передъ общимъ всей кавалеріи ученьемъ) и, подойдя ко мнѣ, милостиво подалъ мнѣ руку.

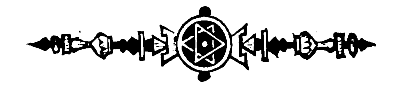
— Ну, я не надолго съ тобой прощаюсь, скоро ли ты собираешься?

— Надняхъ ѣду на Кавказъ, ваше величество!

— Да, но ненадолго, конечно, и мы скоро увидимся въ Крыму и тамъ будемъ видѣться часто! До свиданія!—вторично подавъ мнѣ руку, проговорилъ государь.

Участь моя была рѣшена, и съ этого времени наступила новая эра моей служебной дѣятельности.

В. А. Полторацкій.

ХАРАКТЕРЪ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА I.

Очеркъ второй [1]).

НАКОМЯСЬ съ литературой по вопросу о значеніи личности и дѣятельности Петра I-го въ общемъ ходѣ русской исторической жизни и сопоставляя его реформаторскую дѣятельность съ запросами народной жизни и преобразовательными идеями, бродившими въ сознаніи лучшихъ представителей московскаго общества XVII-го вѣка, невозможно не прійти къ заключенію, что въ исторической литературѣ успѣли выработаться вполнѣ научные взгляды по интересующему насъ вопросу. Жизнь московскаго общества и государства въ эпоху, предшествовавшую Петру, уже давала возможность лучшимъ передовымъ людямъ своего времени довольно ясно и отчетливо сознавать разнообразные недостатки мѣстнаго государственнаго и общественнаго устройства и выработывала въ ихъ сознаніи не только смутныя и туманныя идеи, но и опредѣленные планы желательныхъ измѣненій и необходимыхъ преобразованій. Критическое отношеніе лучшихъ людей московскаго общества къ современной имъ государственной и общественной жизни, ясное сознаніе ея разнообразныхъ недостатковъ и опредѣленные планы всевозможныхъ преобразованій обусловливали собою извѣстный характеръ дѣятельности Петра и намѣчали тотъ путь, по какому долженъ былъ идти преобразователь Россіи,

1) См. «Историческій Вѣстникъ» 1894 г., ноябрь: «Личность Петра I-го въ исторической литературѣ».

принадлежавшій къ той же категоріи передовыхъ лучшихъ московскихъ людей своего времени.

Мысль, что русскіе передовые люди XVII-го вѣка не только создали атмосферу, какою дышалъ преобразователь, но и подсказали ему важнѣйшія изъ его преобразованій, является довольно обще-признанной истиной въ лучшей части исторической литературы и съ различными оттѣнками варьируется у значительнаго числа ея представителей; но въ исторической литературѣ не было сдѣлано попытки детально сопоставить преобразовательную дѣятельность Петра съ идеями, планами и проектами, выработанными уже сознаніемъ лучшихъ московскихъ людей предшествовавшаго времени, хотя нужно замѣтить, что отдѣльныя реформы Петра и ставились иногда въ связь съ тѣмъ, что было сдѣлано въ данной области жизнью предшествовавшей эпохи; между тѣмъ подобная параллель едва ли можетъ быть признана лишенною всякаго интереса.

Довольно важное затрудненіе, неизбѣжно возникающее при изученіи дѣятельности преобразователя и сопоставленіи каждаго отдѣльнаго ея проявленія съ идеями, планами и проектами его предшественниковъ, создается вполнѣ естественнымъ вопросомъ о наиболѣе удобной системѣ изученія Петровскихъ реформъ. Повидимому, наиболѣе естественной системой является порядокъ изученія, указываемый самымъ временемъ введенія реформъ; но разсматриваемыя въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣрѣ того, какъ издавались разнообразные преобразовательные указы, различныя проявленія дѣятельности Петра могутъ показаться во многихъ отношеніяхъ лишенными внутренней связи и послѣдовательности; нерѣдко въ одно и то же время перестраивались, подвергались преобразованіямъ самыя разнообразныя стороны государственной и общественной жизни, и одна реформа слѣдовала за другой, не имѣя съ нею, на первый, поверхностный взглядъ, никакой внутренней связи. Между тѣмъ такое впечатлѣніе, получающееся отъ знакомства съ дѣятельностью Петра, не можетъ быть признано отвѣчающимъ исторической дѣйствительности; если не представляется невозможнымъ и невѣроятнымъ предполагать существованіе извѣстнаго плана, довольно опредѣленной программы преобразованій въ сознаніи предшественниковъ Петра, то тѣмъ болѣе невозможно думать, чтобы самъ Петръ не руководился въ своей дѣятельности опредѣленною программой. И дѣйствительно различные акты преобразовательной дѣятельности Петра, поставленные въ тѣсную связь съ жизненной обстановкой, въ какой находился преобразователь, уже утрачиваютъ характеръ отрывочности, безсистемности и представляются слѣдствіями одной и той же причины, результатами вполнѣ опредѣленныхъ стремленій царя-реформатора.

Неудобства системы изученія дѣятельности Петра,—системы,

находящейся въ прямой зависимости отъ одного времени изданія преобразовательныхъ указовъ, позволяютъ намъ не стѣсняться хронологическими данными при проведеніи параллели между отдѣльными актами дѣятельности реформатора и преобразовательными идеями его предшественниковъ.

Едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію, что самымъ первымъ и однимъ изъ наиболѣе важныхъ нововведеній Петра, имѣвшимъ громадное значеніе въ жизни Русскаго государства, было преобразованіе московскаго войска: заведеніе регулярныхъ полковъ, введеніе рекрутскихъ наборовъ и окончательная замѣна регулярною арміей стрѣлецкаго войска. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, играя въ потѣшные, Петръ сформировалъ образцовые полки, явившіеся ядромъ будущей регулярной арміи; во время Азовскихъ походовъ новые полки перешли уже отъ потѣхи къ дѣлу, а первымъ рекрутскимъ наборомъ, предъ объявленіемъ Шведской войны, было положено начало и преобразованію всего русскаго войска въ регулярную армію.

Но регулярныя войска, окончательно вытѣснившія и замѣнившія собою при Петрѣ старую московскую армію, не представляли изъ себя совершенно новаго явленія, не имѣвшаго мѣста въ жизни русскаго народа предшествовавшаго времени. Сознаніе недостатковъ московскаго войска, являвшихся слѣдствіемъ самой организаціи военнаго дѣла, и стремленіе устранить ихъ, путемъ введенія реформъ въ организацію войскъ, были нечужды московскому правительству еще задолго до Петра. Значительные же успѣхи военнаго дѣла на западѣ Европы и несомнѣнное превосходство западно-европейскихъ войскъ предъ русскими полками указывали московскому правительству и готовый образецъ для руководства, при введеніи измѣненій и улучшеній въ организацію русскихъ войскъ.

Первоначальное появленіе въ рядахъ московской арміи полковъ, обученныхъ иноземному военному строю, относится ко временамъ Бориса Годунова; при Василіи Шуйскомъ московское правительство слѣдило за успѣхами военнаго дѣла въ западно-европейскихъ странахъ и позаботилось перевести съ нѣмецкаго и латинскаго на русскій языкъ «Уставъ ратныхъ дѣлъ», гдѣ подробно трактовалось объ образованіи и раздѣленіи войскъ, о строѣ, походахъ, станахъ, обозахъ, движеніяхъ пѣхоты и конницы, стрѣльбѣ пушечной и ружейной, осадахъ и приступахъ. Издавая на русскомъ языкѣ «Уставъ ратныхъ дѣлъ», правительство мотивировало переводъ подобной книги желаніемъ доставить возможность русскимъ людямъ «знать всѣ новыя хитрости воинскія, коими хвалятся Италія, Францція, Испанія, Австрія, Голландія, Англія, Литва», чтобы они «могли не только силѣ силою, но и смыслу смысломъ противиться съ успѣхомъ». Современникъ Василія, Скопинъ-Шуйскій, какъ видно, примѣнялъ уже на практикѣ новыя

воинскія хитрости, обучая правильному строю состоявшія подъ его начальствомъ русскія войска. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ правительство, убѣжденное, что «умъ человѣческій всего болѣе вперенъ въ науку, необходимую для благосостоянія и славы государствъ: въ науку побѣждать враговъ и хранить цѣлость земли своей», признаетъ недостаточнымъ, отсталымъ, неудовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ изданный при Василіи переводъ «Устава ратныхъ дѣлъ» и озабочивается пополненіемъ его, посредствомъ извлеченія изъ различныхъ иностранныхъ военныхъ книгъ свѣдѣній о новыхъ «воинскихъ хитростяхъ» [1]).

Въ то же время въ составѣ московской арміи появляются новые регулярные полки, организованные по образцу европейскихъ войскъ рейтары—регулярная конница и солдаты—регулярная пѣхота. И хотя они пополняются изъ мѣстныхъ московскихъ дворянъ, вольныхъ и даточныхъ людей, но начальниками рейтарскихъ и солдатскихъ полковъ, въ большинствѣ случаевъ, назначаются различные иностранцы. Существуютъ даже основанія предполагать, что иностранцы управляли не только рейтарскими и солдатскими полками, но, въ качествѣ начальниковъ, составляли довольно обычное явленіе и въ другихъ частяхъ русскаго войска; Юрій Крижаничъ, трактуя въ своемъ сочиненіи «Русское государство въ половинѣ XVII-го вѣка» о качествахъ и свойствахъ, необходимыхъ для главнаго военачальника, между прочимъ, предъявляетъ требованіе, чтобы онъ былъ непремѣнно туземецъ, и констатируетъ полнѣйшее пренебреженіе подобнымъ требованіемъ въ современномъ ему Московскомъ государствѣ; «здѣсь на Руси ся дѣетъ, — замѣчаетъ Крижаничъ [2]),—чесо на всемъ свѣту нѣсть, было и не будетъ: нѣмцы держатъ... мало не всю власть и заповѣдничество надъ войскомъ».

Иностранцы, состоявшіе въ чинѣ полковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ, ротмистровъ, начальниками различныхъ частей московскаго войска, обучали находившихся въ ихъ вѣдѣніи ратныхъ людей новому усовершенствованному военному строю. Число полковъ, обученныхъ иностранными офицерами новымъ военнымъ пріемамъ и вооруженныхъ по образцу западно-европейскихъ войскъ, постепенно увеличивалось, и ко времени Петра регулярныя войска составляли уже значительную часть московской арміи [3]).

Мысль о необходимости крупныхъ реформъ и даже коренной реорганизаціи всей московской арміи сдѣлала даже настолько значительные успѣхи въ сознаніи лучшей части московскаго общества, что въ немъ явилось мѣсто проектамъ объ образованіи регу-

---

[1]) Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и др. дѣлъ... Спб., 1777 г.

[2]) Русское государство въ половинѣ XVII в., часть I, раздѣлъ 5-й, стр. 89.

[3]) Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ В., ч. II, вып. 2-й, раздѣлъ 1-й.

лярной арміи, комплектуемой посредствомъ всесословныхъ рекрутскихъ наборовъ. Подобный проектъ, какъ извѣстно, предлагался Ордынъ-Нащокинымъ, признававшимъ необходимымъ радикальное переустройство русскихъ военныхъ силъ и замѣну старыхъ нерегулярныхъ войскъ правильно организованной арміей изъ «даточныхъ» людей, т. е. изъ людей, вербуемыхъ посредствомъ рекрутскихъ наборовъ.

Даже такія второстепенныя, мелочныя реформы, введенныя Петромъ въ русскихъ войскахъ, какъ измѣненія въ формѣ военной одежды, еще ранѣе Петра признавались желательными и необходимыми нѣкоторыми русскими людьми. «Русскій строй воинскаго платья,—замѣчаетъ Крижаничъ[1]),—никаковыя ядрености и рѣзвости, ни слободы не показуетъ; но паче рабскую неволю, тугу и безсердіе глядающимъ людемъ оповѣдаетъ. Наши вояки ходятъ въ тѣсныхъ сукнахъ стишнены, будто въ мѣхъ каковъ втокнены и обшиты... и въ брадахъ запущенныхъ кажутся сподобнѣи дивьимъ лѣсякомъ, неже рѣзвымъ храбрымъ ратникомъ».

Въ тѣсной и неразрывной связи съ преобразованія московскаго сухопутнаго войска, обязаннаго Петру своимъ окончательнымъ превращеніемъ въ регулярную армію, вербуемую посредствомъ рекрутскихъ наборовъ, стояли и мѣры преобразователя, направленныя къ созданію, новой на Руси, военной морской силы. Одновременно съ дѣтскими играми Петра въ потѣшные, превратившіеся впослѣдствіи въ образцовые регулярные полки, довольно опредѣленно проявлялась и страсть молодаго царя къ водѣ, къ морю, къ постройкѣ кораблей,—страсть, обусловливавшая собою появленіе русскаго флота. Но и русскій флотъ также, какъ и регулярная армія, не былъ всецѣло обязанъ своимъ происхожденіемъ Петру; правда, регулярные полки предъ эпохой преобразованій составляли уже значительную часть московской арміи, тогда какъ въ то же время Россія не имѣла еще ни одного военнаго корабля, однако же самая мысль о необходимости военнаго флота для Московскаго государства и даже разнообразныя попытки къ практическому осуществленію подобной мысли имѣли мѣсто и ранѣе петровскаго времени.

Можно думать, что и самъ Петръ признавалъ извѣстную связь между созданіемъ своего флота и стремленіями предшественниковъ къ постройкѣ кораблей; по крайней мѣрѣ, составители «Морскаго устава», изданнаго по распоряженію Петра, считаютъ несомнѣнною подобную связь. Указавъ, что первоначально идея о заведеніи военнаго флота явилась у царя Алексѣя Михайловича, задумавшаго построить флотилію для Каспійскаго моря, и упомянувъ о печальной судьбѣ первыхъ судовъ, выстроенныхъ по распоряженію Але-

---

[1]) Русское государство въ пол. XVII в., ч. I, раздѣлъ VI, стр. 94.

ксѣя, «Уставъ» замѣчаетъ: «и хотя намѣреніе Алексѣя Михайловича не получило конца своего, однакожъ достойно оно есть вѣчнаго прославленія, понеже... отъ начинанія того, аки отъ добраго сѣмене, произошло нынѣшнее дѣло морское» [1]).

Замѣчательно, что въ первое время и у Петра также, какъ и у его предшественника Алексѣя Михайловича, является идея объ устройствѣ флотиліи для Каспійскаго моря; на подобное намѣреніе Петра указываетъ Лефортъ въ своемъ письмѣ отъ 13-го сентября 1694 года, адресованномъ на его родину: въ немъ авторъ сообщаетъ своему адресату, что будущимъ лѣтомъ русское правительство намѣревается выстроить пять большихъ кораблей и двѣ галеры, чтобы отправить ихъ въ Астрахань для заключенія важныхъ договоровъ съ Персіей.

Азовскій походъ измѣнилъ первоначальные планы Петра и побудилъ его соорудить флотъ для Азовскаго и Чернаго морей, но отдаленность южнаго моря отъ центра Московскаго государства и безпокойное, враждебное сосѣдство турецко-татарскихъ народностей дѣлали малополезнымъ русскій черноморскій флотъ и заставляли искать болѣе удобнаго пункта для созданія русскаго флота. Такимъ пунктомъ и было признано Балтійское море.

Обращаясь къ эпохѣ, предшествовавшей появленію русскаго флота на берегахъ Балтійскаго моря, нельзя не видѣть, что и мысль о Балтійскомъ морѣ, какъ о наиболѣе удобномъ и желательномъ пунктѣ для образованія русскаго флота, уже не была чужда сознанію московскихъ людей-предшественниковъ Петра. Правительство Алексѣя Михайловича, измышляя разнообразныя средства къ увеличенію доходности страны, еще въ 1662-мъ году задавалось вопросомъ, не можетъ ли служить однимъ изъ средствъ для достиженія подобной цѣли построеніе собственныхъ кораблей для Балтійскаго моря, дающаго возможность вступить въ непосредственныя торговыя сношенія съ богатыми иностранными государствами. А такъ какъ въ то время Россія не располагала собственными гаванями на берегахъ Балтійскаго моря, то у московскаго правительства явился довольно оригинальный проектъ: воспользоваться въ своихъ интересахъ дружескими отношеніями съ ближайшимъ и наиболѣе слабымъ сосѣдомъ, герцогомъ Курляндіи, и получить у него позволеніе эксплуатировать курляндскія гавани для нуждъ и потребностей русскихъ кораблей. Правда, оригинальный проектъ московскаго правительства былъ отклоненъ курляндскимъ герцогомъ, нашедшимъ, что великому государю пристойнѣе заводить корабли у Архангельска, но мысль о важномъ значеніи Балтійскаго моря для интересовъ Русскаго государства уже не покидала москов-

---

[1]) Уставъ морской государя Петра Великаго..., Спб., 1720 г., предисловіе, стр. 32—33.

скихъ людей, неудачный же опытъ переговоровъ съ Курляндіей о возможности пользоваться чужими гаванями для русскаго флота, побуждалъ ихъ признавать необходимымъ насильственное пріобрѣтеніе какого либо пункта на берегахъ Балтійскаго моря, чтобы доставить, наконецъ, возможность Россіи завести свой флотъ и вступить въ прямыя, непосредственныя сношенія съ Западной Европой. Такой проектъ и предлагалъ московскому правительству одинъ изъ предшественниковъ Петра, начальникъ посольскаго приказа Ордынъ-Нащокинъ.

Сознаніе важности и необходимости для Московскаго государства Балтійскаго побережья, заставившее Петра вступить въ борьбу съ Швеціей, отвоевать у нея берега Финскаго залива и завести балтійскій флотъ, побуждало даже русское правительство, еще задолго до эпохи преобразованій, покушаться на то, что успѣлъ сдѣлать только Петръ, т. е. силою оружія отнять у своихъ сосѣдей какой либо пунктъ на берегахъ Балтійскаго моря.

Иванъ Васильевичъ Грозный воюетъ изъ-за прибалтійскихъ областей съ Польшей и Швеціей, требуетъ отъ Польши Ливоніи, предлагая за нее отвоеванный Полоцкъ со всею его волостью, покушается отнять у Швеціи Эстонію, самъ вступаетъ съ русскими войсками въ польскую Ливонію и овладѣваетъ ея городами. Алексѣй Михайловичъ въ 1656 году посылаетъ московскіе полки для занятія Балтійскаго побережья, а затѣмъ и самъ отправляется въ Ливонію во главѣ русскаго войска, беретъ шведскіе и польскіе города и осаждаетъ приморскій городъ Ригу. Ордынъ-Нащокинъ, лучше другихъ государственныхъ людей понимавшій всю важность пріобрѣтенія приморскихъ областей, энергично дѣйствуетъ въ пользу русскихъ интересовъ при заключеніи мира съ шведскимъ правительствомъ; онъ желаетъ доставить возможность Московскому государству стать твердою ногою въ Прибалтійскомъ краю, употребляетъ всевозможныя дипломатическія средства, чтобы заставить герцога курляндскаго побудить Ригу, отбившую нападенія московскихъ войскъ, добровольно признать надъ собою русское подданство, и убѣждаетъ Алексѣя Михайловича воспользоваться смертью Делагарди и занять Лифляндію прежде, чѣмъ Швеція успѣетъ замѣнить умершаго такимъ же способнымъ и опаснымъ для Москвы полководцемъ, какимъ былъ Делагарди.

Мы не будемъ выяснять причины, обусловливавшія собою неудачу, безрезультатность всѣхъ попытокъ предшественниковъ Петра завладѣть берегами Балтійскаго моря; для нашей цѣли важенъ самый фактъ существованія подобныхъ стремленій у московскаго правительства,—фактъ, достаточно ясно говорящій, что идея о важности и необходимости Балтійскаго побережья для Русскаго государства уже давно созрѣла и окрѣпла въ сознаніи московскихъ

людей и даже настойчиво требовала своего осуществленія въ практической жизни.

Практическое осуществленіе идеи о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря было возможно только подъ условіемъ счастливой борьбы съ сильною Швеціей, располагавшею образцовою арміей и значительнымъ флотомъ, а счастливый исходъ борьбы съ такимъ государствомъ, безъ сомнѣнія, былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы и Россія сформировала и выставила противъ своего политическаго соперника образцовую армію и сильный флотъ. Созданіе же регулярной арміи и сильнаго флота во время войны Петра съ Швеціей не представляло ничего невозможнаго для Московскаго государства, такъ какъ Петръ уже сформировалъ нѣсколько образцовыхъ полковъ и рекрутскими наборами положилъ начало преобразованію всего московскаго войска въ регулярную армію, а постройкою кораблей для Чернаго моря и командировкою за границу русскаго посольства для изученія морскаго дѣла подготовилъ и средства для устройства сильнаго балтійскаго флота.

Улучшеніе военнаго дѣла и превращеніе московскихъ войскъ въ регулярную армію, имѣя своею ближайшею цѣлью не только успѣшную защиту русскихъ границъ онъ нападеній враговъ, но и наступательныя дѣйствія противъ сосѣдей, въ то же время содѣйствовали и осуществленію Москвою нѣкоторыхъ пунктовъ преобразовательной программы предшественниковъ Петра; создавъ сильную регулярную армію, Петръ получилъ возможность присоединить къ Москвѣ приморскія, прибалтійскія области, завести русскій флотъ и открыть русскому народу прямую дорогу для сношеній съ Западной Европой.

Мысль о необходимости сношеній съ Западной Европой съ цѣлью заимствованія результатовъ европейской культуры,—мысль, побудившая Петра снарядить русское посольство и даже лично отправиться съ нимъ въ наиболѣе образованныя европейскія государства, явилась еще задолго до Петра въ сознаніи лучшихъ представителей московскаго общества. Уже Борисъ Годуновъ, намѣреваясь открыть московскій университетъ, чтобы дать возможность русскимъ людямъ обучаться иностраннымъ языкамъ и изучать европейскія науки, посылалъ уполномоченнаго въ Германію съ порученіемъ разыскать и пригласить въ Москву необходимое количество профессоровъ и докторовъ для проектированнаго университета. Неудача, постигшая неосуществившійся проектъ объ открытіи русскаго университета, заставила Годунова воспользоваться для своей цѣли иностранными университетами, пославъ за границу для изученія европейскихъ наукъ нѣсколько молодыхъ людей, избранныхъ изъ высшаго московскаго общества.

Смутное время и тяжелыя послѣдствія «великой разрухи», хотя и задержали на долгое время осуществленіе идеи о заимствованіи

съ запада европейскаго просвѣщенія, однако же не уничтожили въ сознаніи лучшихъ московскихъ людей самой мысли о необходимости подобнаго заимствованія. Котошихинъ въ своемъ сочиненіи «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича» говоритъ тономъ глубокаго сожалѣнія, что московскіе люди «для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ» [1]); Юрій Крижаничъ настаиваетъ на необходимости для русскихъ людей учиться мудрости у западно-европейскихъ народовъ: «влаховъ и нѣмцевъ» [2]); правительство Θеодора Алексѣевича выработываетъ проектъ учрежденія высшаго училища или академіи; В. В. Голицынъ, по словамъ французско-польскаго дипломатическаго агента Невиля, говоритъ послу о своемъ намѣреніи отправлять русскихъ людей за границу для изученія европейскихъ наукъ. Но только Петръ получаетъ возможность осуществить стремленія лучшихъ московскихъ людей и удовлетворить настоятельной потребности русскаго народа имѣть въ своей собственной средѣ европейски-образованныхъ и просвѣщенныхъ людей. Онъ посылалъ за границу значительное число русскихъ людей, самъ отправляется въ наиболѣе образованныя страны Западной Европы и по возвращеніи изъ-за границы употребляетъ всевозможныя средства для распространенія просвѣщенія среди своихъ подданныхъ и предпринимаетъ цѣлый рядъ преобразованій, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной и общественной жизни русскаго народа.

Русскій народъ, познакомившійся, въ лицѣ Петра, съ западно-европейской жизнью, оцѣнившій ея превосходство и выработавшій себѣ твердое убѣжденіе въ необходимости учиться у болѣе образованныхъ европейцевъ, естественно и неизбѣжно долженъ былъ начать сближеніе съ иностранцами и преобразованіе своей жизни съ подражанія внѣшнему, наружному виду учителей-иностранцевъ, съ уничтоженія внѣшнихъ признаковъ, рѣзко отличавшихъ москвичей отъ жителей Западной Европы. И дѣйствительно Петръ, по возвращеніи изъ-за границы, начинаетъ свою преобразовательную дѣятельность прежде всего съ измѣненія внѣшняго вида русскихъ людей, насколько послѣдній находится въ зависимости отъ покроя платья и отъ ношенія бороды. На другой же день по возвращеніи въ Москву изъ заграничнаго путешествія реформаторъ вооружается ножницами и обрѣзаетъ бороды у русскихъ вельможъ, явившихся во дворецъ привѣтствовать своего государя; чрезъ нѣсколько времени та же участь постигаетъ и русское длиннополое платье. Петръ издаетъ указы о сбриваніи бородъ и обязательномъ ношеніи европейскаго платья.

Стремленіе къ подражанію внѣшнему виду иностранцевъ,—стре-

---

[1]) Ст. 43.

[2]) Русское госуд. въ пол. XVII в., кн. I, стр. 108.

мленіе, вполнѣ естественное и неизбѣжное при томъ различіи, какое существовало между культурностью русскаго народа и западно-европейскаго населенія, дѣлается замѣтнымъ среди высшихъ классовъ московскаго общества при первой же попыткѣ русскаго правительства войти въ сношенія съ наиболѣе образованными европейцами, что̀ имѣло мѣсто еще въ царствованіе Бориса Годунова. Сильное пристрастіе Бориса къ иностранцамъ побуждало нѣкоторыхъ москвичей, имѣвшихъ доступъ къ царскому двору и желавшихъ какимъ бы то ни было образомъ заслужить расположеніе Годунова, «премѣняться въ юношей», какъ иронически выражались ревнители старины, соблазнявшіеся новшествами, начинавшими проникать въ московское общество, то-есть стричь и сбривать свои бороды и по внѣшнему виду приближаться къ иностранцамъ. Въ глазахъ отдѣльныхъ представителей московскаго общества борода начинаетъ уже утрачивать значеніе необходимой принадлежности образа Божія, и бояре, подчинившіеся распространявшемуся на Руси западно-европейскому вліянію, позволяютъ себѣ «премѣняться въ юношей» даже и тогда, когда подобное «премѣненіе» не только не доставляетъ отступнику отъ исконнаго древняго обычая расположенія государя, но и вызываетъ иногда серьезныя неудовольствія со стороны правительства [1]). Брадобритіе, видимо, распространяется среди московскаго общества въ значительной степени, такъ какъ побуждаетъ патріарховъ Іоакима и Адріана сильно ратовать противъ «гнуснаго, блудническаго обычая, противъ еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ». Оно находитъ себѣ одобреніе у лучшихъ московскихъ людей, критически относившихся къ современному имъ строю русской государственной и общественной жизни и вырабатывавшихъ опредѣленные планы необходимыхъ преобразованій; Юрій Крижаничъ, разсматриваемый нами съ точки зрѣнія представителя передовыхъ московскихъ людей, описывая внѣшній видъ западно-европейскихъ народовъ, между прочимъ, останавливливаетъ вниманіе и на ихъ отношеніи къ своимъ бородамъ, высказывая мысль, что и русскимъ людямъ слѣдовало бы въ данномъ случаѣ брать примѣръ съ своихъ западныхъ сосѣдей. «Хиспаны и влахи,—говоритъ онъ [2]),—не цѣнятъ бородъ, но брѣютъ ихъ. Нѣмцы имаютъ всякую разность въ брадехъ... и разновито брады носятъ: овы брѣютъ паче, овы менѣ, ины стригутъ, ины гоятъ. Тако же бы ся и нашимъ людямъ чинить».

Одновременно съ «блудническимъ, гнуснымъ обычаемъ брадобритія» среди передовой части русскаго общества развивается убѣ-

---

[1]) Въ правленіе Алексѣя Михайловича кн. Кольцовъ-Мосальскій пострадалъ по службѣ за то, что подстригъ у себя волосы. Полное Собраніе Законовъ, т. I № 607.

[2]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, т. I, разд. IV, стр. 125.

жденіе въ недостаткахъ длиннополой національной одежды, въ явномъ преимуществѣ предъ нею короткаго нѣмецкаго платья, и является вполнѣ естественное стремленіе замѣнять старую неудобную одежду, стѣсняющую свободныя движенія, стройными, короткими нѣмецкими кафтанами и камзолами. Крижаничъ уже очень неодобрительно отзывается о русскомъ платьѣ, находитъ его неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, замѣчая, что, если бы кто нарочно и намѣренно захотѣлъ придумать худшій строй платья: некрасивый, дорогой, непрочный и непригодный для мѣстности, занимаемой русскими, то не могъ бы измыслить ничего лучше той одежды, какая употребляется въ Московскомъ государствѣ [1]).

Вполнѣ естественно, что такой взглядъ на недостатки русской національной одежды велъ за собою признаніе необходимости замѣнить свое платье другимъ, болѣе удобнымъ и практичнымъ, а въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей московскаго общества сопровождался и дѣйствительною перемѣной русской одежды на западноевропейскую. Выставивши на видъ всѣ недостатки русскаго національнаго платья, Юрій Крижаничъ признаетъ безусловно необходимымъ измѣнить покрой одежды, употребляемой въ Московскомъ государствѣ; «рѣшительно необходимо,—утверждаетъ онъ [2]),—поправить премерзкое обличіе русскихъ свитъ».

Существуютъ основанія утверждать, что и дѣйствительно нѣкоторые изъ представителей московскаго общества, подчиняясь развивавшемуся на Руси западно-европейскому вліянію, переставали носить національный костюмъ и начинали уже одѣваться и даже одѣвать своихъ людей въ иностранныя платья. Правительство Алексѣя Михайловича, подъ вліяніемъ духовенства, ревниво оберегавшаго московскую старину отъ всевозможныхъ новшествъ, въ 1675 году нашло себя вынужденнымъ запретить ношеніе иностраннаго платья, входившаго въ употребленіе среди русскаго общества; «стольникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ московскимъ, и жильцомъ,—читаемъ въ указѣ Алексѣя Михайловича отъ 6-го августа 1675 года [3]),—указалъ великій государь свой государевъ указъ сказать, чтобы они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали,... платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людемъ своимъ потому-жъ носить не велѣли». Но при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и московское правительство, въ своихъ отношеніяхъ къ національной одеждѣ, начинаетъ уже замѣтно подчиняться взглядамъ передовой части русскаго общества; въ 1681 году само правительство запрещаетъ являться въ московскій Кремль въ старинномъ длиннополомъ платьѣ и приказываетъ всѣмъ служи-

---

[1]) Тамъ же, часть I, стр. 142.
[2]) Тамъ же, § 16.
[3]) Полное Собраніе Законовъ, т. I, № 607.

лымъ людямъ носить короткіе кафтаны. По вліянію первой супруги Ѳеодора Алексѣевича, польской уроженки, при дворѣ и въ высшихъ слояхъ московскаго общества развивается обычай брить бороды и носить польское платье.

Уничтоживъ внѣшніе признаки, рѣзко отличавшіе москвичей отъ жителей Западной Европы, сбривъ русскія бороды и одѣвъ своихъ подданныхъ въ европейскіе костюмы, Петръ приступилъ и къ болѣе важнымъ существеннымъ реформамъ, касавшимся самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной и общественной жизни русскаго народа. Осуществленіе сложной преобразовательной программы и выполненіе задуманныхъ военныхъ предпріятій, уже заставившихъ Петра реформировать военныя силы и положить начало русскому флоту, требовали большихъ матеріальныхъ средствъ, какими не располагало московское правительство; естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ реформаторъ долженъ былъ обратить самое серьезное вниманіе на увеличеніе государственныхъ доходовъ, что̀ въ свою очередь могло быть достигнуто только при условіи поднятія благосостоянія податныхъ классовъ.

Значительная часть прямыхъ и почти всѣ косвенные налоги, составлявшіе наибольшій процентъ государственныхъ доходовъ, собирались правительствомъ съ городскаго торгово-промышленнаго населенія; между тѣмъ, недостатки московскаго управленія городскими торгово-промышленными классами, дававшіе возможность различнымъ чинамъ администраціи «гостямъ и гостинныя сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ... и въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинить большіе убытки и разоренье» [1]), обусловливали собою обѣднѣніе многихъ горожанъ. Отъ злоупотребленій администраціи «иные изъ горожанъ торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудали», чрезъ что̀ явились большіе недоборы въ пошлинныхъ сборахъ и другихъ поборахъ, и учинились въ доимкѣ многіе окладные доходы [2]). Охраняя интересы государственнаго казначейства и заботясь объ увеличеніи всевозможныхъ доходовъ и сборовъ, Петръ указами отъ 30-го января 1699 года [3]) и производитъ реформу въ управленіи городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, освобождая его изъ вѣдѣнія администраціи и возлагая обязанности управленія и собиранія государственныхъ доходовъ на выборныхъ изъ среды самихъ горожанъ; въ видахъ же аккуратнаго поступленія своихъ сборовъ правительство связываетъ городскихъ плательщиковъ круговою порукой и стремится централизовать собираніе государственныхъ доходовъ въ рукахъ наиболѣе бо-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. III, № 1674.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, №№ 1674 и 1675.

гатой части городскаго населенія, располагающей собственнымъ имуществомъ, достаточнымъ для обезпеченія исправности въ поступленіи государственныхъ сборовъ. Сосредоточивая управленіе всѣми дѣлами и сборъ всѣхъ доходовъ, въ предѣлахъ каждаго города, въ рукахъ мѣстныхъ выборныхъ бурмистровъ, составлявшихъ городскія ратуши, преобразованныя впослѣдствіи въ магистраты, Петръ объединяетъ все городское управленіе, учреждая въ Москвѣ Бурмистерскую Палату и подчиняя ея вѣдѣнію всѣ областныя городскія ратуши.

Реформа городскаго управленія, введенная Петромъ, представляетъ собою возстановленіе, въ значительно измѣненномъ видѣ, земскаго самоуправленія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ правительству Іоанна IV и почти исчезнувшаго въ первой половинѣ XVII вѣка. Какъ разнообразныя злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей, обусловливавшія собою обѣднѣніе многихъ горожанъ и дѣлавшія ихъ неспособными выплачивать государственные сборы, побудили Петра освободить городское населеніе отъ власти администраціи и передать управленіе мѣстными дѣлами въ руки выборныхъ изъ самихъ горожанъ, такъ и злоупотребленія намѣстниковъ и волостелей, вредно отзывавшіяся на благосостояніи подчиненнаго имъ населенія и на интересахъ самого государства, подали мысль правительству Іоанна IV отмѣнить намѣстниковъ и волостелей и поставить на ихъ мѣсто земскія учрежденія, предоставивъ и городскимъ и сельскимъ общинамъ почти полное самоуправленіе. Правда, самоуправленіе, предоставленное правительствомъ Іоанна IV городскому и сельскому населенію, вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ не получило широкаго распространенія въ Московскомъ государствѣ, а въ скоромъ времени было или совершенно вытѣснено, или въ значительной степени стѣснено администраціей воеводъ, но характеръ управленія воеводъ вновь заставилъ правительство постепенно суживать сферу дѣятельности представителей администраціи, отстранять ихъ отъ завѣдыванія финансовымъ управленіемъ и поручать сборъ различныхъ государственныхъ доходовъ самимъ посадскимъ и уѣзднымъ жителямъ.

Какъ намѣстники и волостели сильно злоупотребляли своимъ положеніемъ и заставили московское правительство реформировать областное управленіе, такъ и злоупотребленія воеводъ побуждали правительство употреблять разнообразныя мѣры для огражденія интересовъ государства и населенія отъ областной администраціи. Угрозы, слѣдствія, наказанія, практиковавшіяся правительствомъ по отношенію къ воеводамъ, злоупотреблявшимъ своею властью, не достигали своей цѣли; злоупотребленія не прекращались, а попрежнему приносили значительный вредъ народному хозяйству и замѣтно отражались на интересахъ казначейства, обусловливая собою происхожденіе государственныхъ недоимокъ. Естественнымъ

слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явилось стремленіе правительства къ раздѣленію власти, къ ограниченію сферы дѣятельности воеводъ и къ передачѣ нѣкоторыхъ изъ ея функцій органамъ земскаго самоуправленія.

Правительство Алексѣя Михайловича частными указами освобождаетъ жителей отдѣльныхъ городовъ отъ власти воеводъ въ сферѣ финансоваго управленія и предоставляетъ имъ право, независимо отъ воеводъ и приказныхъ людей, производить сборы различныхъ государственныхъ налоговъ и доставлять ихъ въ царскую казну [1]). Въ то же время въ 60-хъ годахъ XVII-го столѣтія, подъ вліяніемъ извѣстнаго Ордынъ-Нащокина, одного изъ передовыхъ московскихъ людей-предшественниковъ Петра, выработывается проектъ реформы городскаго управленія. По иниціативѣ и подъ руководствомъ Нащокина, посадскіе люди Пскова, имѣвшіе возможность, по самому географическому положенію своей родины, познакомиться съ муниципальнымъ строемъ западныхъ городовъ, проектируютъ избирать для завѣдыванія всѣми городскими дѣлами на извѣстный срокъ опредѣленное количество лучшихъ людей; по мысли проекта, выбранные для управленія городомъ завѣдуютъ всѣми финансовыми дѣлами, пользуются полицейскою властью надъ посадскимъ и уѣзднымъ населеніемъ, разбираютъ всѣ судебныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ о разбоѣ, душегубствѣ и измѣнѣ, подсудныхъ воеводской власти, и располагаютъ правомъ, помимо воеводъ, «бить челомъ» обо всякихъ дѣлахъ непосредственно самому государю.

Проектъ преобразованія городскаго управленія, обязанный своимъ происхожденіемъ Ордынъ-Нащокину, встрѣтилъ одобреніе со стороны государя и былъ даже временно проведенъ въ практическую жизнь въ предѣлахъ города Пскова, гдѣ роль воеводы исполнялъ самъ Нащокинъ. Но осуществленіе проекта реформы въ болѣе широкихъ размѣрахъ было признано еще несвоевременнымъ и отложено до наступленія благопріятныхъ условій; послѣдовавшее же въ скоромъ времени перемѣщеніе Ордынъ-Нащокина на новый постъ и назначеніе въ Псковъ другаго воеводы, несочувственно отнесшагося къ реформѣ своего предшественника, а также и враждебное отношеніе къ автору проекта со стороны всѣхъ московскихъ чиновныхъ людей обусловливали собою то, что введенныя реформы были отмѣнены и въ предѣлахъ города Пскова.

Проектъ Нащокина, какъ сильно затрогивавшій интересы ад-

---

[1]) Акты историческіе, томъ V, № 274. Помѣщенная здѣсь царская грамота Петра Алексѣевича «о предоставленіи земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ сбора стрѣлецкихъ, оброчныхъ и другихъ денегъ и о невмѣшательствѣ въ распоряженія по означеннымъ сборамъ воеводъ» упоминаетъ, что еще въ 160-мъ, т. е. въ 1652 году, указомъ Алексѣя Михайловича были предоставлены подобныя права жителямъ Тотьмы и Тотемскаго уѣзда.

министраціи, не привился къ практической жизни, но заключавшаяся въ немъ мысль о раздѣленіи и распредѣленіи власти, управляющей областями, между двумя группами учрежденій вполнѣ совпадала съ стремленіями самого московскаго правительства отобрать завѣдываніе различными частями финансовой администраціи у своихъ воеводъ и передать его въ руки выборныхъ земскихъ учрежденій. Особенно замѣтной является подобная тенденція московскаго правительства въ крупной финансовой реформѣ 1679—1681 годовъ, устранившей воеводъ отъ сборовъ съ подчиненнаго имъ населенія большей части государственныхъ доходовъ и поручившей завѣдываніе финансовыми дѣлами выборнымъ лицамъ изъ среды самихъ же мѣстныхъ жителей. Заботясь объ интересахъ государственнаго казначейства, сильно страдавшихъ отъ непосредственнаго участія воеводъ въ дѣлахъ финансоваго управленія, правительство реформою 1679—1681 годовъ стремилось обезпечить казну отъ всевозможныхъ недоборовъ и съ этою цѣлью, поручая сборы прямыхъ и косвенныхъ налоговъ выборнымъ представителямъ обществъ, связывало круговою, коллективною отвѣтственностью самихъ избирателей—городскихъ плательщиковъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Московское правительство, какъ видно изъ царскаго указа отъ 20-го іюля 1681 года [1]), даже имѣло намѣреніе централизовать наблюденіе за городскими сборами въ рукахъ наиболѣе зажиточной части московскаго купечества, поручивъ московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ, располагавшимъ собственнымъ имуществомъ, достаточнымъ для покрытія возможныхъ недоимокъ, выборъ головъ для завѣдыванія финансовымъ управленіемъ въ провинціальныхъ городахъ.

Нельзя не видѣть, что жизнь Московскаго государства успѣла уже выработать всѣ составные элементы новаго устройства городскаго самоуправленія, введеннаго реформою Петра, и что разсматриваемая нами реформа преобразователя представляла собою лишь осуществленіе и завершеніе того, что существовало или въ сознаніи московскихъ государственныхъ людей, или даже въ дѣйствительности. Въ реформированномъ Петромъ городскомъ управленіи встрѣчаются и черты проектированнаго Ордынъ-Нащокинымъ городоваго устройства, и дальнѣйшее развитіе идей финансовой реформы 1679—1681 годовъ, и осуществленіе намѣреній московскаго правительства, отмѣченныхъ нами въ царскомъ указѣ отъ 20-го іюля 1681 года. Новое названіе бурмистровъ, поставленныхъ Петромъ во главѣ городскаго самоуправленія, представляетъ собою переименованіе на голландскій образецъ ранѣе существовавшихъ земскихъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ головъ; учрежденіе же въ Москвѣ центральной бурмистерской палаты и ратуши, вѣдавшей всѣ

---

[1]) П. С. З., томъ II, № 880; Акты Арх. Эксп., томъ IV, № 246.

областныя городскія ратуши, является осуществленіемъ стремленій московскаго правительства, констатированныхъ нами въ указѣ отъ 20-го іюля 1681 года.

Выдѣливъ изъ всей массы областнаго населенія городскихъ, посадскихъ жителей, освободивъ ихъ отъ власти воеводъ, представителей московской областной администраціи, и организовавъ городское самоуправленіе, Петръ реформируетъ и организацію областнаго управленія, существовавшую въ Московскомъ государствѣ. Все пространство Русской земли, вмѣсто прежняго подраздѣленія на множество мелкихъ уѣздовъ, дѣлится на ограниченное число крупныхъ областей, получающихъ новое названіе губерній; старые представители областной администраціи, воеводы, теряютъ свое прежнее значеніе и замѣняются губернаторами; при особѣ начальника губерніи образуется сословный совѣтъ изъ выборныхъ отъ дворянства,—совѣтъ, гдѣ губернаторъ играетъ лишь роль президента, предсѣдателя, располагающаго правомъ имѣть два голоса при рѣшеніи всевозможныхъ вопросовъ, обязательно обсуждаемыхъ имъ совмѣстно съ своими совѣтниками, получающими иностранное названіе ландратовъ.

Учрежденіе ландратовъ дѣлаетъ несомнѣннымъ стремленіе Петра ввести коллегіальныя начала и въ областное управленіе, но, признавая несомнѣнными подобныя стремленія преобразователя, довольно трудно опредѣлить, насколько удалось ему осуществить ихъ въ новой организаціи областнаго управленія, такъ какъ въ 1719 году ландраты были замѣнены воеводами, отношенія которыхъ къ губернаторамъ не могутъ быть съ точностью формулированы на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ.

Наказъ воеводамъ и губернаторамъ 1719 года [1]) дѣлаетъ несомнѣнною и другую тенденцію Петра, давая основаніе утверждать, что преобразователь имѣлъ въ виду отдѣленіе суда отъ администраціи въ сферѣ областнаго управленія, такъ какъ инструкція лишала губернаторовъ и воеводъ права суда, предоставляя его особымъ спеціальнымъ органамъ. Но и мысль объ отдѣленіи суда отъ администраціи также, какъ и стремленіе къ введенію коллегіальныхъ началъ въ областное управленіе, далеко не была осуществлена Петромъ во всей полнотѣ и во всемъ ея объемѣ; уже самая инструкція 1719 года, устраняя губернаторовъ и воеводъ отъ вмѣшательства въ производство суда, въ то же время уполномочиваетъ ихъ останавливать своимъ протестомъ приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, указомъ же отъ 12 марта 1722 года [2]) Петръ вновь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соединяетъ судъ съ областной администраціей.

---

[1]) П. С. З., томъ V, №№ 3294 и 3381-й.
[2]) П. С. З., томъ VI, № 3917-й.

Стремленіе Петра ввести коллегіальныя начала въ организацію областнаго управленія не представляетъ собою совершенно новаго явленія, не имѣвшаго мѣста въ дѣятельности московскаго правительства предшествовавшаго времени. Правда, въ исторической литературѣ не существуетъ установившагося и всѣми раздѣляемаго мнѣнія по вопросу о коллегіальныхъ началахъ въ организаціи московскаго управленія, но даже и представители отрицательныхъ взглядовъ по данному вопросу чувствуютъ себя вынужденными признавать, что практиковавшееся въ московскій періодъ назначеніе нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія областнымъ управленіемъ скрывало уже въ себѣ зародыши будущаго коллегіальнаго устройства, введеннаго Петромъ [1]).

Защитники же противоположныхъ воззрѣній не безъ основанія утверждаютъ, что, хотя и не сохранилось никакихъ опредѣленныхъ постановленій объ отношеніяхъ главныхъ представителей областной администраціи, воеводъ, къ ихъ товарищамъ, однако же многочисленныя увѣщанія московскаго правительства, предписывавшаго воеводамъ промышлять о всякихъ дѣлахъ «съ товарыщи», «вопче», «за одинъ», заставляютъ признать несомнѣннымъ примѣненіе принципа товарищества съ коллегіальнымъ оттѣнкомъ къ областному управленію Московскаго государства [2]). Конечно, невозможно утверждать, не становясь въ противорѣчіе съ фактами, что принципъ коллегіальности послѣдовательно, систематически проводился московскимъ правительствомъ въ сферѣ областнаго управленія и не смѣшивался съ принципомъ единоличнаго правленія, но указъ отъ 29-го мая 1719 года объ устройствѣ губерній [3]) отнимаетъ у насъ возможность говорить о систематическомъ, послѣдовательномъ проведеніи коллегіальныхъ началъ и въ областномъ управленіи Петра. Несомнѣнное же примѣненіе принципа товарищества съ коллегіальнымъ оттѣнкомъ къ московскому областному управленію позволяетъ думать, какъ и утверждалъ изслѣдователь «Областныхъ учрежденій въ Россіи» [4]), что Петръ I-й не ввелъ никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе, а только стремился и отчасти привелъ въ болѣе систематическій порядокъ существовавшее до него.

Идея о раздѣленіи судебной и административной власти, объ отдѣленіи суда отъ областной администраціи, — идея, несомнѣнно существовавшая въ сознаніи Петра, организовавшаго въ сферѣ областнаго управленія особыя отъ административныхъ судебныя учрежденія, едва ли можетъ быть признана чуждою и сознанія московскаго правительства.

---

[1]) Сочиненія Кавелина, часть I, стр. 51.
[2]) Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI вѣка», стр. 12.
[3]) П. С. З., томъ V, № 3380.
[4]) Чичеринъ, «Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII в.», стр. 590.

Правда, главные представители допетровской областной администраціи, воеводы, въ большинствѣ случаевъ соединяли въ своихъ рукахъ всѣ отрасли мѣстнаго управленія, но и въ московскій періодъ правительство уже находило нужнымъ выдѣлять изъ вѣдѣнія воеводской администраціи опредѣленный кругъ судебныхъ дѣлъ и поручать его особымъ губнымъ учрежденіямъ. Выдѣливъ въ первое время въ пользу губныхъ учрежденій одни только разбойныя дѣла, московское правительство съ теченіемъ времени постепенно расширяло ихъ вѣдомство, устраняя воеводъ отъ непосредственнаго участія во многихъ судебныхъ дѣлахъ и передавая ихъ въ исключительное завѣдываніе губныхъ учрежденій; подъ вліяніемъ подобной политики правительства губныя учрежденія въ XVII вѣкѣ отнимаютъ у областной администраціи судъ надъ большей частью уголовныхъ преступленій, разбирая не только разбойныя дѣла, но и множество другихъ правонарушеній, не состоящихъ въ тѣсной связи съ разбоемъ: убійства, воровство, поджоги, насилія надъ женщинами, непочтеніе къ родителямъ и т. п. Правительство, выдѣляя цѣлый кругъ судебныхъ дѣлъ въ исключительное вѣдѣніе губныхъ учрежденій, по временамъ совершенно устраняетъ воеводъ отъ всякаго вмѣшательства въ судебныя дѣла извѣстной категоріи [1]). Правда, и съ выдѣленіемъ извѣстной категоріи судебныхъ дѣлъ въ исключительнсе завѣдываніе губныхъ учрежденій не проводится еще рѣзкой грани между администраціей и судомъ; воеводы, вмѣстѣ съ обязанностями административной службы, продолжаютъ вѣдать и нѣкоторыя судебныя дѣла, не подходящія подъ категорію уголовныхъ, въ свою очередь и губныя учрежденія не ограничиваются только одною сферою судебныхъ дѣлъ, а несутъ на себѣ и нѣкоторыя полицейскія и административныя обязанности, но мы уже видѣли, что и въ областномъ управленіи, реформированномъ Петромъ, напрасно было бы искать послѣдовательнаго проведенія и осуществленія идеи объ отдѣленіи суда отъ администраціи.

Стремясь внести коллегіальныя начала въ сферу областного управленія, Петръ долженъ былъ положить тѣ же самыя начала и въ реформируемое имъ центральное управленіе. И если реформы Петра въ сферѣ областного управленія, не смотря на несомнѣнныя

---

[1]) П. С. З., томъ I, № 441-й. Новоуказными статьями о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ отъ 22-го Января 1669 года правительство Алексѣя Михайловича постановило: «вѣдать въ городѣхъ разбойныя и татиныя и убивственныя дѣла сыщикомъ и губнымъ старостамъ, а воеводамъ въ городѣхъ такихъ дѣлъ ничѣмъ не вѣдать». Ст. 2-я.—П. С. З., томъ II, № 1,062-й; именнымъ царскимъ указомъ отъ 18-го февраля 1684 года опредѣлялось: «во всѣхъ городѣхъ быть губнымъ старостамъ, и въ тѣхъ городѣхъ разбойныя и убійственныя и татиныя и всякія губныя дѣла вѣдать имъ по-прежнему, а воеводамъ тѣхъ дѣлъ не вѣдать».

стремленія преобразователя къ введенію коллегіальныхъ началъ въ организацію мѣстнаго управленія, не даютъ права говорить о послѣдовательномъ проведеніи подобныхъ началъ въ практической жизни, то въ организаціи центральныхъ учрежденій, замѣнившихъ собою прежніе московскіе приказы, нельзя уже не видѣть послѣдовательнаго проведенія коллегіальныхъ началъ.

Говоря объ учрежденіи коллегій вмѣсто старыхъ московскихъ приказовъ, обыкновенно принято ставить появленіе новыхъ коллегіальныхъ учрежденій въ прямую и непосредственную зависимость отъ совѣтовъ Лейбница и считать Петровскія коллегіи организованными по образцу шведскихъ государственныхъ учрежденій. Не имѣя никакихъ основаніи отрицать существованіе извѣстной зависимости преобразованія центральныхъ учрежденій отъ совѣтовъ Лейбница и отъ шведскихъ коллегій, мы не можемъ, однако же, не видѣть и несомнѣнной связи реформы Петра съ естественнымъ ходомъ развитія самой приказной системы, постепенно утрачивавшей свой первоначальный бюрократическій характеръ и принимавшей складъ и организацію коллегіальныхъ учрежденій.

Считая несомнѣннымъ фактомъ существованіе единоличнаго управленія въ приказныхъ учрежденіяхъ за первое время послѣ ихъ основанія, въ то же время невозможно, не становясь въ противорѣчіе съ ясными и положительными данными, не признавать значительныхъ перемѣнъ, происходившихъ въ организаціи приказовъ, подъ вліяніемъ измѣнявшихся условій государственной жизни; подобныя перемѣны, состоявшія въ назначеніи для завѣдыванія приказными дѣлами нѣсколькихъ личностей, вмѣсто одного лица, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ все приказное управленіе, не отрицаются и историками, считающими приказы бюрократическими учрежденіями и не допускающими присутствія коллегіальнаго начала въ ихъ организаціи. Но историки послѣдней категоріи не признаютъ никакого самостоятельнаго значенія за дѣятельностью лицъ, называвшихся «товарищами» главноуправляющаго приказомъ, утверждая, какъ, напримѣръ, поступаетъ Неволинъ [1]), что «хотя по закону въ тѣхъ приказахъ, гдѣ было нѣсколько членовъ, дѣла надлежало рѣшать всѣмъ судьямъ вмѣстѣ, но на самомъ дѣлѣ первенствующій судья имѣлъ такую силу, что онъ дѣлалъ, что хотѣлъ». Такое превращеніе «товарищей» главноуправляющихъ приказами въ простыхъ канцелярскихъ секретарей, лишенныхъ возможности принимать активное участіе въ приказномъ управленіи, не имѣетъ за себя достаточнаго количества несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ; между тѣмъ, оно находится въ прямомъ противорѣчіи съ яснымъ и прямымъ предпи-

[1]) Полное собраніе сочиненій, томъ VI-й, стр. 141.

саніемъ «Соборнаго уложенія» [1]), узаконявшаго совмѣстное обсужденіе приказныхъ дѣлъ, не дѣлавшаго различія между приказнымъ бояриномъ и его товарищами въ смыслѣ ихъ компетентности въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ, но напротивъ позволявшаго, за отсутствіемъ боярина, рѣшать дѣла и однимъ товарищамъ и требовавшаго выдачи рѣшеній приказныхъ дѣлъ за обязательною подписью всѣхъ членовъ приказа.

Въ практикѣ московскихъ приказовъ имѣли мѣсто и такія явленія, которыя были бы прямо невозможны, если бы ихъ члены, извѣстные подъ именемъ товарищей, играли совершенно пассивную роль въ рукахъ главноуправляющихъ приказами; боярской думѣ довольно нерѣдко приходилось имѣть дѣло съ поступавшими въ нее многочисленными докладами различныхъ приказовъ, гдѣ по большей части излагалось два различныхъ мнѣнія по поводу вопроса, разбиравшагося приказомъ, и испрашивалось разрѣшеніе государя на какое либо одно изъ нихъ. Едва ли можетъ существовать какое либо сомнѣніе, что два различныя мнѣнія могли возникать при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ только при условіи относительной равноправности членовъ приказовъ, т. е. при дѣйствіи коллегіальныхъ началъ въ организаціи приказнаго управленія, такъ какъ древняя судебная и административная русская практика не знала рѣшеній, основанныхъ на большинствѣ голосовъ, и учрежденія съ коллегіальнымъ характеромъ должны были или единогласно рѣшать всѣ свои дѣла, или же въ случаѣ несогласія во взглядахъ своихъ членовъ, представлять различныя мнѣнія на усмотрѣніе высшей инстанціи, какою и являлась для приказовъ боярская дума.

Мысль о коллегіальномъ устройствѣ значительной части московскихъ приказовъ за послѣднее время ихъ существованія является настолько естественной и законной при изученіи многочисленныхъ данныхъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности приказовъ, что даже представители исторической литературы, отрицающіе существованіе коллегіальнаго управленія въ московской Руси, чувствуютъ себя вынужденными высказывать замѣчанія, не вполнѣ гармонирующія съ ихъ основнымъ воззрѣніемъ на характеръ началъ, лежавшихъ въ основѣ организаціи всей системы управленія Московскаго государства. Такъ, напримѣръ, Кавелинъ, заявивъ самымъ категорическимъ образомъ, что коллегіальнаго управленія въ московской Руси не существовало [2]), замѣчаетъ, что въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія приказами скрывался уже зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства [3]), такъ какъ управленіе приказами не одними, а многими лицами, de facto, ослабляло

---

[1]) П. С. З., томъ I, № 1-й, гл. X, ст. 23.
[2]) Сочиненія Кавелина, часть I, стр. 50—51.
[3]) Тамъ же, стр. 51.

власть главнаго начальника, чѣмъ и подготовляло появленіе новаго въ настоящемъ смыслѣ коллегіальнаго устройства, введеннаго Петромъ. Правда, замѣняя приказы коллегіями, Петръ замѣтилъ въ одномъ изъ указовъ [1]), изданныхъ по поводу открытія новыхъ учрежденій, что въ коллегіяхъ всѣ дѣла будутъ рѣшаться по голосамъ, а не такъ, какъ было въ старыхъ приказахъ, гдѣ «судьи (т. е. главноуправляющіе приказами) дѣлали, что хотѣли», но подобное замѣчаніе, какъ вполнѣ справедливо разъяснено въ историко-юридической литературѣ [2]), слѣдуетъ понимать, какъ жалобу Петра на злоупотребленія сильныхъ своимъ положеніемъ бояръ, а не какъ указаніе на нормальное состояніе приказнаго управленія.

Признавая существованіе извѣстной связи между коллегіями Петра и естественнымъ ходомъ развитія московской приказной системы, постепенно утрачивавшей свой бюрократическій характеръ, принимавшей складъ и организацію коллегіальныхъ учрежденій и наконецъ совершенно реформированной преобразотелемъ, замѣнившимъ старые приказы новыми коллегіями, необходимо признать существованіе такой же связи между упрощеніемъ, внесеннымъ въ систему центральнаго управленія замѣною приказовъ новыми учрежденіями, и стремленіями московскаго правительства предшествовавшаго времени, — стремленіями, имѣвшими въ виду ту же самую цѣль упрощенія сложной и запутанной системы приказной администраціи. Стремленія московскаго правительства къ упрощенію запутанной системы приказнаго управленія дѣлаются наиболѣе замѣтными во времена Алексѣя Михайловича и Θеодора Алексѣевича, когда болѣе или менѣе однородные приказы начинаютъ соединяться въ отдѣльныя группы. Въ царствованіе отца и брата Петра соединяются въ одну группу почти всѣ областные приказы: великороссійскій, малороссійскій, литовскій, смоленскій, новгородскій, устюжскій, володимірскій, галицкій и подчинены вѣдѣнію посольскаго приказа; въ то же время московскій и владимірскій судные приказы сливаются съ челобитнымъ и холопьимъ приказами, составляя изъ себя одно судебное вѣдомство; въ сферѣ военнаго управленія происходитъ объединеніе, подъ главнымъ надзоромъ разряда, рейтарскаго, иноземскаго и другихъ приказовъ, завѣдывавшихъ различными отраслями военнаго дѣла.

Но, не смотря на несомнѣнное стремленіе московскаго правительства къ возможному упрощенію сложной системы приказной администраціи, послѣдняя не успѣла получить правильной организаціи, тѣмъ болѣе, что попытки московскаго правительства къ

---

[1]) П. С. З., томъ V, № 3,261.

[2]) Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, 1883 г., стр. 842.

объединенію однородныхъ приказовъ въ особыя группы нерѣдко производились на личной почвѣ, вслѣдствіе чего даже не уничтожалась самая возможность возстановленія отдѣльности приказовъ. Реформа Петра, поставившаго коллегію на мѣсто приказовъ, и была дальнѣйшимъ шагомъ правительства на пути упрощенія запутанной системы центральнаго управленія.

Реформируя центральное управленіе и замѣняя старые московскіе приказы коллегіями, Петръ не оставляетъ безъ измѣненій и высшее центральное учрежденіе—боярскую думу, стоявшую во главѣ управленія всѣмъ Московскимъ государствомъ. Въ 1711 году, на случай частыхъ отлучекъ государя, временно учреждается сенатъ, получающій право, въ отсутствіе Петра, выполнять всѣ правительственныя функціи, лично принадлежащія самому государю [1]). Возникшій подъ вліяніемъ случайныхъ, исключительныхъ условій— по поводу частыхъ отлучекъ государя, вызывавшихся потребностями военнаго времени, сенатъ, однако же, въ скоромъ времени превращается въ постоянное учрежденіе и окончательно замѣняетъ собою московскую боярскую думу. Въ 1718 году административныя функціи сената передаются вновь учрежденнымъ коллегіямъ, а въ 1722 году [2]) Петръ еще разъ реформируетъ высшее государственное учрежденіе, поручая ему контроль надъ разнообразными органами администраціи.

Сравнивая первоначальный сенатъ, возникшій подъ вліяніемъ временныхъ исключительныхъ условій, съ сенатомъ за послѣднее время его существованія въ правленіе Петра и разсматривая ихъ власть и значеніе въ общей системѣ государственнаго управленія, нельзя не видѣть значительнаго различія между ними. Въ то время, какъ при самомъ образованіи сената и въ первые годы его существованія Петръ предоставляетъ сенату широкія полномочія, не останавливаетъ его обширной дѣятельности, хотя бы она и вторгалась въ сферу законодательства, не опредѣляетъ никакихъ граней для проявленій власти высшаго государственнаго учрежденія, въ концѣ своего царствованія преобразователь въ значительной степени ограничиваетъ полномочія сената, отнимаетъ у него законодательныя функціи и, хотя оставляетъ за нимъ значеніе учрежденія, одновременно выполняющаго роль и высшей судебной инстанціи, и высшаго правительственнаго органа, наблюдающаго за всею сложною системой государственнаго управленія, но въ то же время организуетъ особый надзоръ и за дѣятельностью самого сената; сенатъ объединяетъ, направляетъ къ одной общей цѣли дѣятельность спеціальныхъ центральныхъ учрежденій, вѣдающихъ различныя отрасли государственнаго управленія, и разрѣшаетъ недо-

[1]) П. С. З., томъ IV, № 2321.
[2]) П. С. З., томъ VI, № 3877.

разумѣнія, столкновенія, возникающія между разнообразными правительственными органами, входящими въ сферу его вліянія.

Въ то время, какъ одни представители историко-юридической литературы утверждаютъ, что боярская дума оказалась неспособной выполнять ту роль, какую желалъ предоставить Петръ высшему государственному учрежденію, почему преобразователь и не предпринималъ никакихъ попытокъ приспособить старую думу къ новымъ потребностямъ, а совершенно уничтожилъ ее и замѣнилъ новымъ иностраннымъ учрежденіемъ [1]), другіе съ большимъ правомъ высказываютъ совершенно противоположныя мнѣнія: сенатъ разсматривается, какъ учрежденіе самобытное, оригинальное, русское, получившее лишь одно иностранное названіе, но созданное Петромъ изъ боярской думы, на основаніи тѣхъ потребностей и нуждъ, какія испытывалъ преобразователь въ дѣлѣ управленія государствомъ [2]).

Высшее государственное учрежденіе, обыкновенно функціонировавшее при московскихъ царяхъ въ присутствіи самихъ представителей верховной власти, иногда, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, вызывавшихъ отлучки государей изъ столицы, занималось обсужденіемъ и рѣшеніемъ своихъ дѣлъ и вдали отъ государя; правда, отправляясь изъ Москвы или въ военные походы, или въ загородныя мѣстности, русскіе цари нерѣдко брали съ собой и бояръ, образовавшихъ изъ себя наличный думскій составъ, такъ что засѣданія думы и въ такихъ случаяхъ могли происходить при государѣ и въ его личномъ присутствіи, но совмѣстныя путешествія думскаго персонала и московскихъ царей не были обязательны, и иногда, оставаясь въ Москвѣ, боярская дума продолжала функціонировать и въ отсутствіе государя. При Алексѣѣ Михайловичѣ, вслѣдствіе частыхъ отлучекъ государя изъ своей столицы, въ Москвѣ образуется постоянное отдѣленіе думы, занимающееся разборомъ и рѣшеніемъ текущихъ тяжебныхъ дѣлъ, восходившихъ изъ центральныхъ приказныхъ учрежденій на усмотрѣніе высшей инстанціи. Въ правленіе Өеодора Алексѣевича новое постоянное отдѣленіе думы превращается въ Расправную золотую или Разрядную палату, замѣняющую собою боярскую думу во время отсутствія царя. При Петрѣ дѣятельность Разрядной палаты постепенно сокращается и, наконецъ, новое постоянное думское отдѣленіе совершенно исчезаетъ; уничтоженіе Расправной золотой палаты, разбиравшей въ обычное время судныя дѣла въ качествѣ высшей судебной инстанціи и выполнявшей въ отсутствіе государя роль высшаго государственнаго учрежденія, не сопровождается, однако же, уничтоженіемъ и самой боярской думы; правда, послѣ 1700 года въ памятникахъ Петровскаго времени не встрѣчается уже стараго

---

[1]) Петровскій, «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», стр. 24.

[2]) Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія»..., 1883 г., стр. 833.

названія боярской думы, а начинаетъ фигурировать Ближняя канцелярія, считающаяся нѣкоторыми изслѣдователями [1]) высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, замѣнившимъ собою московскую думу, но едва ли не будетъ справедливѣе видѣть въ Ближней канцеляріи только новое названіе старой боярской думы, собиравшейся при Петрѣ въ помѣщеніи канцеляріи и усвоившей себѣ названіе даннаго присутственнаго мѣста [2]).

Собиравшаяся въ Ближней канцеляріи боярская дума при частыхъ отлучкахъ Петра должна была во многихъ случаяхъ дѣйствовать довольно самостоятельно и независимо отъ отсутствующаго государя. Но самостоятельно рѣшая текущія дѣла, возникавшія по докладамъ изъ центральныхъ приказныхъ учрежденій, боярская дума въ то же время должна была разработывать и различныя порученія государя, руководясь или именными царскими указами, или письмами Петра къ кому либо изъ вліятельныхъ московскихъ сановниковъ. А такъ какъ, находясь вдали отъ Ближней канцеляріи, Петръ, однако же, желалъ знать, какъ дума разработываетъ и исполняетъ его порученія, и какъ она рѣшаетъ текущія дѣла, то онъ и сдѣлалъ ее отвѣтственною за свои дѣйствія, вмѣнивъ ей въ обязанность вести свое дѣлопроизводство такимъ образомъ, чтобы государю всегда было возможно и удобно контролировать дѣйствія членовъ боярской думы.

Такъ постепенно, подъ вліяніемъ разнообразныхъ потребностей и нуждъ, какія испытываетъ верховная власть въ дѣлѣ управленія государствомъ, преобразовывается московская боярская дума, пока, наконецъ, въ 1711 году, не получаетъ новаго названія сената. Какъ и непосредственная предшественница сената—Ближняя канцелярія, новое высшее государственное учрежденіе руководитъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, не вмѣшиваясь во внѣшнюю политику и военныя дѣйствія, исполняетъ особыя порученія государя и, выполняя свои разнообразныя функціи въ отсутствіе представителя верховной власти, такъ же, какъ и Ближняя канцелярія, является отвѣтственнымъ предъ государемъ за свои дѣйствія. Даже наличнымъ составомъ своихъ членовъ сенатъ въ первое время во многомъ напоминаетъ Ближнюю канцелярію, реформа же 1718 года, произведенная Петромъ въ организаціи сената, состоявшаго теперь, въ силу новаго царскаго указа, изъ президентовъ коллегій, представляетъ собою возстановленіе старой особенности московской думы, гдѣ, въ качествѣ членовъ, также засѣдали бояре, стоявшіе во главѣ управленія центральными приказными учрежденіями.

Развивая, дополняя и реформируя, подъ вліяніемъ нуждъ и потребностей времени, разнообразныя части сложнаго механизма го-

[1]) Петровскій, «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго», стр. 26.
[2]) Ключевскій, «Боярская дума древней Руси», стр. 432.

сударственнаго управленія, Петръ не оставляетъ безъ измѣненій и положеніе различныхъ классовъ русскаго общества. При знакомствѣ съ организаціей городского самоуправленія, мы уже видѣли, какія измѣненія внесли реформы Петра въ положеніе городского торгово-промышленнаго населенія, и въ какой связи находились подобныя перемѣны съ естественнымъ ходомъ развитія русской жизни предшествовавшаго времени. Но преобразовательная дѣятельность Петра отразилась извѣстнымъ образомъ не только на положеніи городского торгово-промышленнаго населенія, но и на состояніи высшихъ, служилыхъ классовъ общества, а также и на судьбѣ низшаго сельскаго крестьянскаго населенія. И какъ чисто государственныя, экономическія соображенія—стремленіе увеличить правительственные доходы, оказавшіеся недостаточными для удовлетворенія потребностей военнаго времени, побудили Петра позаботиться о поднятіи благосостоянія податныхъ классовъ и съ этою цѣлью реформировать управленіе наиболѣе зажиточною частью податнаго населенія, доставлявшею казначейству главную массу разнообразныхъ доходовъ, такъ тѣ же потребности военнаго времени заставили Петра внести нѣкоторыя измѣненія и въ жизнь служилыхъ классовъ. А такъ какъ характеръ отношеній къ государству податнаго населенія и служилыхъ классовъ существенно отличался между собою, и послѣдніе были нужны правительству для удовлетворенія потребностей военнаго времени, не какъ источникъ пополненія государственнаго казначейства, а какъ непосредственные защитники и борцы за интересы государства, то и сословныя реформы Петра, имѣвшія своимъ объектомъ служилые классы, носили своеобразный характеръ, совершенно отличный отъ реформъ, затрогивавшихъ положеніе городского торгово-промышленнаго населенія.

Служилые классы, являясь главнымъ орудіемъ московскаго государственнаго управленія и владѣя значительною частью государственной территоріи съ населявшими ее крестьянами, въ то же время составляли и главную вооруженную силу страны. Вызванныя потребностями времени, военныя реформы, завершившія преобразованіе стараго московскаго войска въ регулярную армію, побудили Петра нѣсколько измѣнить порядокъ отбыванія дворянствомъ обязанностей военной службы.

Признавая, по примѣру своихъ предшественниковъ, обязательность государственной служебной повинности для всѣхъ членовъ дворянскаго сословія, Петръ, вслѣдствіе значительно измѣнившихся условій военной и гражданской службы, не могъ уже позволять отправленіе и той и другой службы однимъ и тѣмъ же лицамъ, что было обычнымъ явленіемъ въ Московской Руси; регулярная армія неизбѣжно должна была состоять изъ людей, спеціально и исключительно занимающихся военнымъ дѣломъ, въ свою очередь и гражданская, административная служба требовала извѣстной подготовки

и также могла болѣе успѣшно отправляться только людьми, спеціально посвящавшими ей свои силы. Выходя изъ подобныхъ соображеній, преобразователь и раздѣлилъ государственную службу на двѣ области, признавъ обязательной для двухъ третей каждой дворянской фамиліи военную службу и для одной трети—службу гражданскую. Уклоненія отъ обязательной государственной службы энергично преслѣдовались правительствомъ, лишавшимъ виновныхъ всѣхъ общегражданскихъ человѣческихъ правъ.

Каждый дворянинъ, вынужденный избрать военный родъ государственной службы, по достиженіи 15-ти-лѣтняго возраста, долженъ былъ поступить въ полкъ, гдѣ и обязывался, въ качествѣ простого рядоваго, пройти военно-практическую школу, подготовлявшую его къ занятію офицерскихъ должностей въ войскѣ. Но и являться на военную службу, въ качествѣ простого рядоваго, дворянинъ не имѣлъ права безъ предварительнаго прохожденія обязательнаго для дворянъ курса школьнаго обученія.

Раздѣливъ обязательную для дворянства государственную службу между военною и административною дѣятельностью и осложнивъ ее учебною повинностью, Петръ не оставилъ безъ всякихъ измѣненій и условій служебнаго повышенія, поставивъ послѣднее въ большую зависимость отъ заслугъ и личныхъ качествъ служащихъ.

Мы уже видѣли, что московское правительство еще задолго до Петра должно было убѣдиться въ существованіи очень многихъ и существенныхъ недостатковъ въ мѣстной организаціи военнаго дѣла, не удовлетворявшей нуждамъ и потребностямъ новаго времени, сознало настоятельную необходимость военныхъ реформъ и даже начало постепенно, по частямъ, преобразовывать свою армію; вполнѣ естественно, что, преобразовывая нѣкоторыя части своего войска въ регулярные полки, требовавшіе отъ лицъ, посвящавшихъ себя военному дѣлу, исключительнаго занятія своей спеціальной дѣятельностью, правительство должно было прійти къ убѣжденію въ неудобствахъ старыхъ московскихъ порядковъ, позволявшихъ пользоваться одними и тѣми же лицами для отправленія и военной и административной службы. Если были необходимы постоянныя войска, постоянные воеводы, полковники, офицеры, и если для государства было очень полезно образованіе постояннаго спеціально-военнаго служилаго класса, то такой же пользы можно было ожидать и отъ отправленія функцій гражданской службы людьми, исключительно только ей одной посвящавшими свои силы. Такимъ вполнѣ естественнымъ соображеніямъ лучшихъ московскихъ людей и самого московскаго правительства и былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ проектъ отдѣленія высшихъ гражданскихъ чиновъ и должностей отъ чиновъ и должностей военныхъ,—проектъ, явив-

шійся въ царствованіе предшественника Петра—Ѳеодора Алексѣевича [1]).

Какъ произведенное Петромъ отдѣленіе военныхъ обязанностей отъ обязанностей гражданской, административной службы было лишь осуществленіемъ проектовъ московскаго правительства, такъ и перемѣщеніе центра тяжести въ положеніи служилыхъ людей отъ родовитости, знатности происхожденія къ личнымъ качествамъ и заслугамъ человѣка являлось лишь дальнѣйшимъ развитіемъ воззрѣній московскаго правительства, уже успѣвшаго отчасти осуществить ихъ и въ практической жизни; еще правительство Ѳеодора Алексѣевича, уничтожая мѣстничество, открыто признало несостоятельность старыхъ принциповъ, опредѣлявшихъ собою служебное положеніе московскихъ бояръ и дворянъ, выполнявшихъ тѣ или иныя обязанности по отношенію къ государству.

Государственныя соображенія, побудившія Петра внести разнообразныя измѣненія въ положеніе городского торгово-промышленнаго населенія и служилыхъ классовъ, заставили преобразователя поставить и низшее сельское населеніе въ нѣсколько измѣненныя жизненыя условія, болѣе отвѣчавшія государственнымъ интересамъ. Первой ревизіей 1719 года, имѣвшей своею ближайшею цѣлью обезпечить правительству правильный сборъ государственныхъ податей, необходимыхъ для содержанія войскъ, было уничтожено различіе между крестьянами и холопами; крестьяне и холопы поставлены въ одинаковыя отношенія къ государству и помѣщикамъ [2]) и обложены однообразною податью [3]); самый сборъ податей и отвѣтственность за ихъ поступленіе окончательно перемѣщены съ сельскаго податного населенія на землевладѣльцевъ [4]), а такъ какъ старая податная московская система не допускала обложенія государствен-

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду «Проектъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей по 34 степенямъ», составленный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; въ немъ управленіе одними и тѣми же городами раздѣляется между двумя лицами, изъ которыхъ одно носитъ титулъ намѣстника и исполняетъ обязанности гражданской службы, а другое, съ званіемъ воеводы, исключительно завѣдуетъ находящимися въ его распоряженіи войсками (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова, кн. I, отд. II, стр. 19—40). Помѣщенный въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній проектъ устава, составленный при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, имѣетъ еще очень важное значеніе для уясненія происхожденія извѣстной табели о рангахъ, обязанной своимъ существованіемъ преобразовательной дѣятельности Петра; онъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что московское правительство еще до Петра пришло уже къ сознанію необходимости создать опредѣленную градацію чиновъ, хотя, въ видахъ достиженія своей цѣли, правительство Ѳеодора Алексѣевича и хотѣло попользоваться не тѣми источниками, какими успѣлъ воспользоваться преобразователь Россіи.

[2]) П. С. З., томъ V, № 3287; томъ VI, № 3481.

[3]) П. С. З., томъ VI, № 3901.

[4]) Тамъ же, стр. 506, ст. 3.

ными налогами холоповъ или рабовъ, то одновременно съ первой ревизіей и подати, по необходимости, были переложены съ земель на души [1]).

Повидимому, московское правительство въ періодъ, предшествовавшій преобразовательной эпохѣ Петра, не должно было предпринимать никакихъ мѣръ къ уравненію крестьянскаго населенія съ съ холопами или рабами, такъ какъ въ то время послѣдніе не платили государственныхъ податей, и правительство, отнимая у крестьянъ общегражданскія личныя и имущественныя права, тѣмъ самымъ лишало бы себя значительной части государственныхъ доходовъ, получаемыхъ съ крестьянъ. И дѣйствительно, закрѣпощая крестьянъ, московское правительство преслѣдовало, главнымъ образомъ, свои государственныя и преимущественно финансовыя цѣли и не имѣло никакихъ прямыхъ, непосредственныхъ побужденій радикально измѣнять ихъ общественное положеніе; оно заботилось только о томъ, чтобы крестьяне не переходили съ однѣхъ земель на другія и такимъ образомъ не уклонялись отъ платежа государственныхъ податей. Но, не смотря на несомнѣнное отсутствіе стремленій московскаго правительства къ лишенію крестьянскаго населенія общегражданскихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, безвыходность изъ крестьянскаго состоянія, установленная законодательствомъ XVII вѣка, вполнѣ естественно и неизбѣжно должна была повести и дѣйствительно повела за собою постепенное усиленіе зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, утрату крестьянами многихъ общегражданскихъ правъ, что̀ въ свою очередь должно было постепенно приравнивать положеніе крестьянъ къ положенію холоповъ.

Зависимыя отношенія крестьянъ къ своимъ землевладѣльцамъ, создававшіяся пользованіемъ чужою землею, задолженностью сельскаго населенія со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями и безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, усиливались еще болѣе подъ вліяніемъ различныхъ законодательныхъ мѣръ, принимаемыхъ московскимъ правительствомъ въ тѣхъ или иныхъ государственныхъ видахъ. Правительство Алексѣя Михайловича предоставило землевладѣльцамъ довольно важное право по нѣкоторымъ дѣламъ являться на судѣ представителями интересовъ своихъ крестьянъ; «за крестьянъ своихъ,—читаемъ въ «Соборномъ уложеніи» [2]),—ищутъ и отвѣчаютъ дворяне и дѣти боярскіе во всякихъ дѣлахъ, кромѣ татьбы и разбою, и поличнаго и смертныхъ убійствъ». Правда, признавая землевладѣльцевъ законными представителями интересовъ своихъ крестьянъ на судѣ, «уложеніе» избавляло крестьянъ отъ многихъ непріятностей, соединенныхъ съ судебною волокитой, но,

[1]) Тамъ же.

[2]) П. С. З., томъ I, № 1, гл. XIII, ст. 7.

какъ уже вполнѣ справедливо замѣчено въ исторической литературѣ [1]); въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи такое положеніе дѣлъ легко могло привести крестьянъ къ полной потерѣ права обращаться въ государственный судъ безъ разрѣшенія землевладѣльца. Развитіе же привиллегій помѣщиковъ пускать или не пускать крестьянъ на судъ, гдѣ бы они могли найти защиту отъ посягательствъ на свои права, неизбѣжно должно было сильно отразиться на правоспособности крестьянъ.

Одновременно съ опредѣленными юридическими правами, отстранявшими крестьянъ отъ непосредственныхъ отношеній къ государственному суду, московское правительство передавало землевладѣльцамъ и извѣстныя финансовыя права надъ крестьянскимъ населеніемъ, также неблагопріятно отражавшіяся на правоспособности крестьянъ. Уже «Соборное уложеніе» позволяетъ думать, что распоряженіе Петра, окончательно устранившаго администрацію и самихъ крестьянъ отъ сбора наложенныхъ на нихъ государственныхъ податей и возложившаго всю отвѣтственность за поступленіе подушныхъ денегъ на мѣстныхъ землевладѣльцевъ, не представляло собою чего либо новаго, не имѣвшаго мѣста въ жизни московскаго общества и государства предшествовавшаго времени. Предписаніе 10-й статьи XI главы «уложенія» [2]) взыскивать съ укрывателей бѣглыхъ крестьянъ «за государевы подати и за помѣщиковы доходы... за всякаго крестьянина по 10 рублевъ въ годъ и отдавать истцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли», даетъ основаніе предполагать, что землевладѣльцы, неся податную отвѣтственность за бѣжавшихъ крестьянъ, въ то же время располагали и правомъ собирать государственныя подати съ населявшихъ ихъ земли крестьянъ. И дѣйствительно Котошихинъ, говоря о правахъ землевладѣльцевъ надъ своими крестьянами, замѣчаетъ, что помѣщики и вотчинники «подати царскія съ крестьянъ своихъ велятъ собирати старостамъ и людямъ своимъ и отдавать въ царскую казну, по указу царскому» [3]). Не трудно понять, что финансовыя права землевладѣльцевъ надъ своими крестьянами должны были еще болѣе усиливать власть первыхъ надъ послѣдними и содѣйствовать развитію безправнаго положенія крестьянъ.

Неоплатные долги крестьянъ землевладѣльцамъ, потеря правъ, помимо воли господъ, пользоваться защитой государственнаго суда и обязательное посредничество помѣщиковъ въ уплатѣ крестьянами государственныхъ податей, все это, вмѣстѣ взятое, при безвыходности изъ крестьянскаго состоянія, установленной законодательствомъ, должно было поставить крестьянъ въ полную зависимость отъ землевладѣльцевъ. Полнѣйшая же зависимость крестьянъ отъ

---

[1]) Дьяконовъ, «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія», 1893 г., стр. 36.
[2]) П. С. З., томъ I, № 1.
[3]) Котошихинъ, «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Мих.», изд. 2-е, стр. 117.

своихъ помѣщиковъ, предоставлявшая просторъ произволу послѣднихъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянскому населенію, неизбѣжно должна была отразиться въ практической жизни крайне неблагопріятно на положеніи крестьянъ и постепенно приравнять его къ положенію холоповъ.

Злоупотребленія помѣщиковъ, возросшія на почвѣ безусловной зависимости и безвыходнаго положенія крестьянъ, постепенно утрачивали въ глазахъ общества и правительства свой незаконный характеръ и пріобрѣтали смыслъ и значеніе явленій обычныхъ, нормальныхъ. Землевладѣльцы получали возможность дѣлать оффиціальныя распоряженія своимъ управляющимъ о примѣненіи «нещадныхъ» тѣлесныхъ наказаній по отношенію къ крестьянамъ [1]) и даже мѣняли и продавали своихъ крестьянъ не только съ землею, но и безъ земли, то-есть обращались съ ними, какъ съ своими холопами [2]). Администрація не преслѣдовала подобныхъ проявленій помѣщичьяго произвола и преспокойно регистрировала въ правительственныхъ документахъ сдѣлки съ крестьянами, по закону возможныя только съ холопами. Такимъ образомъ, первая ревизія Петра, сравнявшая крестьянъ съ холопами, явилась лишь окончательнымъ, оффиціальнымъ признаніемъ безправія крестьянъ, выработаннаго практическою жизнью и правительственными мѣрами предшествовавшаго времени.

Затрогивая разнообразныя стороны государственной и народной жизни и, внося въ нихъ различныя преобразованія и реформы, вызывавшіяся естественнымъ ходомъ развитія русской жизни и запросами, требованіями времени, Петръ, постоянно измышлявшій всевозможныя средства къ увеличенію государственныхъ доходовъ, необходимыхъ для веденія продолжительныхъ войнъ, долженъ былъ позаботиться и о поднятіи производительныхъ силъ страны. И дѣйствительно мы видимъ, что преобразователь во время своихъ заграничныхъ путешествій внимательно изучаетъ главные промышленные центры Европы, не жалѣетъ большихъ денежныхъ суммъ для найма и вызова въ Россію иностранныхъ заводчиковъ, фабрикантовъ и мастеровъ, посылаетъ за границу цѣлыя группы русскихъ людей для изученія европейской промышленности, предоставляетъ всевозможныя льготы и привиллегіи мѣстнымъ заводчикамъ и фабрикантамъ и стремится облагородить, въ глазахъ русскаго общества, занятія промышленною дѣятельностью выясненіемъ того значенія, какое имѣютъ промышленность и торговля въ жизни каждаго государства.

Но, не говоря уже о томъ, что московское правительство еще задолго до преобразователя охотно предоставляло иностранцамъ зна-

---

[1]) Акты Археогр. Эксп., томъ IV, № 67.

[2]) П. С. З., томъ VI, № 3.770. «Обычай былъ въ Россіи,—свидѣтельствуетъ указъ,—что крестьянъ... шляхетство продаетъ врознь, ...какъ скотовъ...».

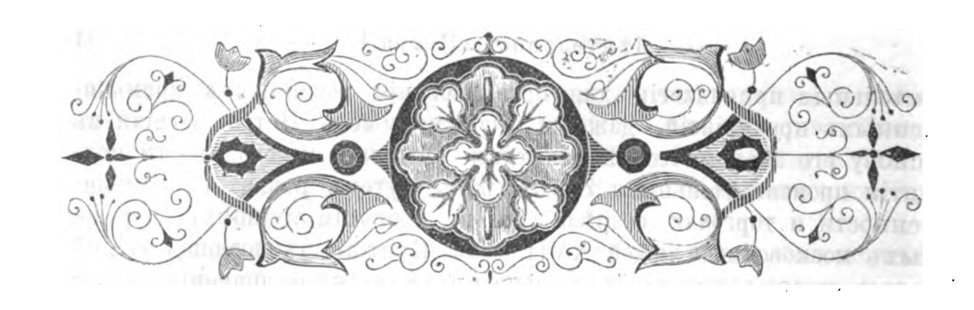
чительныя привиллегіи для организованія различныхъ промышленныхъ предпріятій, даже и главная мысль Петра, легшая въ основу его экономической политики,—мысль о необходимости поднятія производительныхъ силъ страны путемъ развитія промышленности и торговли, созрѣла уже въ сознаніи лучшихъ, передовыхъ московскихъ людей XVII вѣка. Крижаничъ посвящаетъ двѣ главы своего сочиненія [1]) выясненію громаднаго значенія, какое имѣютъ торговля и промышленность въ жизни каждаго государства, и настаиваетъ на томъ, что намъ, русскимъ, «наиболѣ, и паче всего иного, есть потребно промыслить, да добудемъ (призовемъ) всякихъ ремесленниковъ»; онъ считаетъ необходимымъ призвать опытныхъ и искусныхъ мастеровъ-спеціалистовъ во всѣхъ разнообразныхъ отрасляхъ европейской промышленности, чтобы русскіе, научившись у нихъ, получили возможность эксплоатировать естественныя, природныя богатства своей страны и обрабатывали ихъ у себя дома, а не покупали бы въ готовомъ видѣ различныя произведенія иностранныхъ ремесленниковъ [2]); Крижаничъ указываетъ на невыгодныя условія, въ какія поставлена русская промышленность, не имѣющая возможности конкуррировать съ иностранною [3]), и рекомендуетъ поощрять развитіе отечественной промышленности предоставленіемъ льготъ за занятія всевозможными ремеслами [2]). Ордынъ-Нащокинъ былъ уже не чуждъ сознанія, что усиленію правительственной эксплоатаціи населенія должно предшествовать развитіе производительныхъ силъ страны; онъ придавалъ важное значеніе торговой и промышленной дѣятельности и считалъ заботы о развитіи промысловъ и торговли одной изъ главныхъ и существенныхъ обязанностей государства; «лучше всякой силы промыслъ,—говорилъ онъ, указывая на Швецію въ доказательство справедливости своего мнѣнія:—всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе шведъ, а промысломъ надъ всѣми верхъ беретъ; у него никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ, половину рати продать, да промышленниковъ купить—и то будетъ выгоднѣе».

Мы разсмотрѣли преобразовательную дѣятельность Петра во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, касавшихся самыхъ различныхъ сторонъ государственной и общественной жизни русскаго народа, и детально сопоставили ее съ планами, проектами, идеями и опытами осуществленія подобныхъ идей у предшественниковъ преобразователя; заключеніе, что реформаторская дѣятельность Петра была вызвана естественнымъ ходомъ развитія русской жизни и проектовъ лучшихъ, передовыхъ людей своего времени, является неизбѣжнымъ результатомъ такой детальной параллели.

Ѳ. Благовидовъ.

---

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, часть I, разд. 1 и 2.
[2]) Тамъ же, стр. 38. [3]) Тамъ же, стр. 39. [4]) Тамъ же, стр. 40.

НАШЪ ПЕРВЫЙ СКЕПТИКЪ.

ЕРѢДКО въ обществѣ и печати раздаются сѣтованія на то, что прежняя наша литература изучается нами неохотно, вяло, безъ достаточнаго уваженія къ великимъ заслугамъ творцовъ нашей словесности. Сѣтованія эти далеко не безосновательны, но въ одномъ отношеніи они сильно преувеличены. Работъ по изслѣдованію прежней нашей литературы является не мало; но вѣрно то, что эти работы возбуждаютъ въ обществѣ лишь очень слабый интересъ, и надо сказать, что читающая публика, можетъ быть, имѣетъ нѣкоторое основаніе относиться къ нимъ довольно безучастно. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что наши литературные критики пріучили ее относиться свысока къ старой нашей литературѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, настоящая литература у насъ началась только въ текущемъ столѣтіи, да и то лишь во второй его четверти или во второй половинѣ; литература же прошлаго вѣка можетъ интересовать развѣ только ученыхъ изслѣдователей, а для широкой публики никакого интереса не представляетъ. Само собою разумѣется, что это—взглядъ тенденціозный, ибо въ основѣ его лежитъ мысль, что прежняя наша литература не можетъ возбуждать интереса, потому что ея представители въ политическомъ отношеніи люди отсталые, еще не дозрѣвшіе до передового политическаго міросозерцанія. При такой постановкѣ вопроса, однако, очевидно, что предубѣжденіе противъ прежней нашей литературы можетъ быть устранено лишь однимъ путемъ: надо именно выяснить, дѣйствительно ли первые творцы

русской словесности были въ идейномъ отношеніи люди незрѣлые, мысли которыхъ не заслуживаютъ теперь уже вниманія, то-есть представляютъ интересъ лишь съ исторической точки зрѣнія. Между тѣмъ именно эта сторона вопроса рѣже всего изучается учеными изслѣдователями прежней нашей литературы. Если и появляются весьма цѣнныя въ филологическомъ и узко-историческомъ отношеніи работы по прежней нашей литературѣ, то авторы почти никогда не задаются благодарною задачею выяснить тѣсную, неразрывную связь между прошлымъ и настоящимъ, между идеями, нынѣ обращающимися въ обществѣ, и тѣми идеями, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ очень отдаленныхъ отъ насъ писателей. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что нѣтъ никакой возможности сколько нибудь сознательно отнестись къ міровоззрѣніямъ современныхъ русскихъ людей, если не продумать идей, возвѣщенныхъ великими нашими писателями за послѣдніе два вѣка. Но именно эта преемственная связь разныхъ міровоззрѣній, вслѣдствіе которой мы въ настоящее время въ значительной степени еще живемъ на проценты съ капитала, завѣщаннаго намъ великими творцами русской словесности, постоянно оставляется въ тѣни, и мы очень склонны думать, что новѣйшіе наши писатели творили совершенно самостоятельно, появлялись на свѣтъ Божій, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и что ихъ главная заслуга заключается именно въ томъ, что они смѣло, рѣшительно, безповоротно порвали съ прошлымъ и проложили совершенно новые пути нашей общественной мысли. Странное, почти непонятное заблужденіе, вызываемое именно недостаточнымъ нашимъ знакомствомъ съ идейнымъ содержаніемъ прежней нашей литературы!

Всѣ эти мысли пришли намъ на умъ при чтеніи новѣйшаго труда, посвященнаго отцу нашей комедіи, Фонвизину. Мы говоримъ о посмертномъ трудѣ покойнаго Тихонравова, въ которомъ онъ установилъ точный текстъ нѣкоторыхъ произведеній Фонвизина, въ томъ числѣ «Бригадира» и «Недоросля». Этотъ посмертный трудъ, конечно, имѣетъ большое научное значеніе, такъ какъ устраняетъ искаженія въ текстѣ произведеній, составляющихъ славу нашей литературы. Но можно поручиться, что посмертный трудъ покойнаго Тихонравова найдетъ себѣ весьма мало покупателей, что широкая публика отнесется къ нему совершенно безучастно именно потому, что онъ мало двигаетъ для обыкновеннаго читателя пониманіе и вѣрную оцѣнку истиннаго творца современной нашей комедіи. Чтобы въ этихъ видахъ воспользоваться трудомъ Тихонравова, требуется большая предварительная работа: надо опять самостоятельно продумать идейное содержаніе произведеній Фонвизина и устранить все то, что является послѣдствіемъ недостаточнаго знакомства съ ними. Правда, къ провѣренному тексту произведеній Фонвизина приложена біографія его, принадлежащая перу покой-

наго Тихонравова, но написанная имъ еще въ началѣ его ученой дѣятельности, въ пятидесятыхъ годахъ, и не представляющая почти никакого интереса съ точки зрѣнія вѣрной оцѣнки идейнаго содержанія твореній великаго нашего драматурга прошлаго вѣка, потому что для этой оцѣнки требуются не простыя историческія изысканія, а сопоставленіе міросозерцанія Фонвизина съ міросозерцаніемъ его предшественниковъ и преемниковъ въ русской словесности. А между тѣмъ этой работы, которая болѣе всего могла бы заинтересовать широкую читающую публику, никто на себя не принимаетъ, хотя она уже и при теперешнемъ историческомъ матеріалѣ вполнѣ возможна. Еще въ послѣднихъ книжкахъ «Вѣстника Европы», въ статьѣ, посвященной «Первому времени послѣ Петра Великаго», г. Пыпинъ лишь вскользь упоминаетъ о непосредственномъ предшественникѣ Фонвизина, Кантемирѣ, на томъ де основаніи, что его труды «не были литературнымъ фактомъ той эпохи», а «только личнымъ трудомъ любителя». «Его сатиры,—поясняетъ г. Пыпинъ,—переписывались (хотя, повидимому, все-таки въ довольно ограниченномъ кругу), но онѣ не стали нормальнымъ литературнымъ явленіемъ». При такомъ взглядѣ на дѣло, конечно, можно говорить вскользь о Кантемирѣ. Но если стать на другую точку зрѣнія, если имѣть въ виду, что Кантемиръ является не только любителемъ, но и выразителемъ идей лучшихъ людей своего времени, что онъ былъ представителемъ цѣлой эпохи, что онъ вложилъ въ свои литературные труды богатое идейное содержаніе, которое постепенно разработывалось, въ тѣсной связи съ требованіями смѣняющихся поколѣній, всѣми преемниками знаменитаго нашего сатирика, то взглядъ г. Пыпина представится намъ и невѣрнымъ, и чрезвычайно узкимъ. Кантемира читали лучшіе люди его времени; они не только его читали, но и восторгались имъ. Читателей, правда, у него было мало, но велико ли было тогда число грамотныхъ вообще? Вѣдь на этомъ основаніи можно отрицать и Ломоносова, и Пушкина, и Тургенева, какъ «литературный фактъ». Допустимъ, что Кантемира читали только сотни людей, Ломоносова тысячи, Пушкина десятки тысячъ, а Тургенева сотни тысячъ, хотя опасаемся, что это будетъ значительное преувеличеніе относительно послѣднихъ двухъ писателей, если имѣть въ виду ихъ эпохи, а не позднѣйшее время. Но что составляютъ десятки или сотни тысячъ въ сравненіи съ многомилліонною русскою народною массою? Вся наша интеллигенція, которая до сихъ поръ далеко не въ полномъ составѣ интересуется великими нашими писателями, составляетъ только ничтожную часть русскаго народа, а въ началѣ нынѣшняго вѣка, не говоря уже о прошломъ, она была въ численномъ отношеніи каплею въ морѣ. Неужели можно цѣнить значеніе писателя по количеству его читателей? Очевидно, при такой точкѣ зрѣнія упускается изъ виду суть вопроса, то-есть идейное содер-

жаніе писателя и связь его міросозерцанія съ міросозерцаніемъ его преемниковъ, а если принять эту точку зрѣнія, то, можетъ быть, окажется, что появленіе Кантемира было болѣе крупнымъ литературнымъ фактомъ, чѣмъ появленіе Ломоносова, потому что вся позднѣйшая русская литература вплоть до нашихъ дней гораздо сильнѣе проникнута идеями Кантемира, чѣмъ идеями Ломоносова.

Какъ бы то ни было, одинъ изъ двухъ наиболѣе видныхъ представителей нашей литературы послѣ Кантемира и Ломоносова, творецъ русской комедіи, Фонвизинъ, былъ непосредственнымъ ученикомъ Кантемира и съ новою силою воплотилъ въ своихъ безсмертныхъ трудахъ то настроеніе, которымъ такъ сильно былъ проникнутъ нашъ первый сатирикъ. Остановимся же на немъ и посмотримъ, какъ Фонвизинъ разработалъ основныя идеи Кантемировой музы, что онъ внесъ новаго въ русскую общественную мысль, и что онъ завѣщалъ своимъ знаменитымъ преемникамъ на литературномъ поприщѣ.

Обиходныя свѣдѣнія русскаго интеллигентнаго человѣка на этотъ счетъ поражаютъ своею скудостью. Да, былъ въ прошломъ столѣтіи извѣстный писатель Фонвизинъ, авторъ «Бригадира» и «Недоросля». Комедіи его, имѣвшія для своего времени довольно большое значеніе, теперь устарѣли и если появляются на сценѣ, то только изъ уваженія къ заслугамъ ихъ автора. Бригадиръ, Иванушка, г-жа Простакова, даже Митрофанъ, Скотининъ, Кутейкинъ, Цыфиркинъ и т. д. не возбуждаютъ уже искренняго смѣха: они слишкомъ архаичны. Тѣмъ не менѣе, конечно, Фонвизинъ--писатель съ несомнѣннымъ дарованіемъ, но онъ давно сдѣлалъ свое дѣло, поэтому и состоитъ въ отставкѣ. Къ тому же комедіи его не особенно либеральны; отъ его положительныхъ типовъ, всѣхъ этихъ Добролюбовыхъ, Стародумовъ, Правдиныхъ, Милоновъ отдаетъ чѣмъ-то ужъ очень закорузлымъ. Извѣстно, кромѣ того, что Фонвизинъ въ сохранившихся послѣ него письмахъ, въ его автобіографіи и въ другихъ произведеніяхъ совершенно опровергъ самого себя, то-есть покаялся въ либеральныхъ прегрѣшеніяхъ своей молодости, такъ что его «Опытъ Сословника», знаменитые «Вопросы», «Всеобщая придворная граматика» и т. д. должны быть внесены въ активъ Фонвизина лишь съ оговоркою. Въ сущности онъ оказался отступникомъ, и нѣкоторымъ извиненіемъ служитъ для него только болѣзненное его состояніе. Его отношеніе къ Франціи и французской революціи попросту возмутительно. Можно ли послѣ его отзыва о французахъ считать его вообще просвѣщеннымъ человѣкомъ, въ особенности если принять во вниманіе, что онъ жилъ въ эпоху Вольтера и Руссо? Ну, что еще сказать о Фонвизинѣ? Пожалуй, этимъ и ограничивается все, что знаетъ о немъ большинство русскихъ интеллигентныхъ людей. И надо признаться, что въ исторіяхъ русской словесности съ идейной стороны о Фон-

визинѣ сообщается немногимъ больше и сообщается преимущественно именно въ томъ же духѣ. Трудъ Вяземскаго мало кто читаетъ. Къ тому же онъ теперь значительно устарѣлъ. Всѣ позднѣйшія изслѣдованія идейнаго содержанія произведеній Фонвизина почти не касаются. Изслѣдуются такіе вопросы, какъ, напримѣръ, списывалъ ли Фонвизинъ своихъ героевъ съ провинціаловъ или съ жителей столицы, хотя у самого Фонвизина есть на этотъ счетъ прямыя указанія. Затѣмъ нашимъ словесникамъ представляется очень интереснымъ вопросъ, насколько Фонвизинъ самостоятеленъ, при чемъ высказывается категорическое мнѣніе, что комедіи Фонвизина скроены по образцамъ французской сцены, написаны въ подражаніе Мольеру (интересно бы знать, откуда Мольеръ могъ бы взять Митрофана, г-жу Простакову, бригадира или Цыфиркина?). Нѣкоторые доводятъ свою ученость даже до того, что указываютъ на цѣлыя фразы и даже длинные періоды, выкраденные Фонвизинымъ у иностранныхъ писателей. Но все это насъ, понятно, мало подвигаетъ въ дѣлѣ уразумѣнія идейнаго содержанія трудовъ Фонвизина. Допустимъ,—и этого не допустить нельзя—что онъ кое-что заимствовалъ у иностранныхъ писателей, но почему онъ заимствовалъ одно, а не заимствовалъ другого? Эта сторона вопроса опять-таки остается не затронутой, а между тѣмъ въ ней вся сила. Рѣдкій писатель (если такой писатель вообще существуетъ) обходится безъ заимствованій, и весь вопросъ въ томъ, насколько эти заимствованія, такъ сказать, органически сливаются со всей физіономіею автора, или же просто механически пристегнуты къ его самостоятельнымъ мыслямъ и образамъ? Творецъ «Бригадира» и «Недоросля» проявилъ такое необыкновенное творчество, что его, несомнѣнно, слѣдуетъ признать сильнымъ умомъ и, конечно, онъ прибѣгалъ къ заимствованіямъ только тогда, когда онъ встрѣчалъ въ нихъ вѣрный откликъ собственнаго настроенія.

Даже поверхностному читателю Фонвизина бросаются, однако, въ глаза болѣе интересныя стороны его творчества, а эти-то стороны обходятся полнымъ молчаніемъ изслѣдователями трудовъ нашего драматурга. Мы сейчасъ укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся выяснить основное идейное содержаніе Фонвизина. Но, кажется, то, что мы до сихъ поръ сказали, достаточно подкрѣпляетъ нашу мысль, что въ сущности значеніе Фонвизина, какъ одного изъ крупныхъ дѣятелей въ области развитія нашей общественной мысли, еще очень мало выяснено, и печально то, что мы собственно похоронили его раньше, чѣмъ съ нимъ основательно познакомились. Поэтому неудивительно, что, когда три года тому назадъ мы вспомнили о немъ по поводу столѣтней годовщины его смерти, оказалось, что наиболѣе интереснымъ вопросомъ, дѣятельнѣе и горячѣе всего обсуждавшимся нашей повременной печатью, былъ вопросъ о томъ, какъ собственно

слѣдуетъ писать имя прославленнаго дѣятеля нашей литературы. Этимъ дѣло и ограничилось. Выяснилось только, что по прошествіи ста лѣтъ послѣ смерти знаменитаго писателя мы даже не знали, какъ онъ въ точности называется; мы не установили начертанія его фамиліи.

Я только что упомянулъ, что есть такія стороны въ творчествѣ Фонвизина, которыя бросаются въ глаза даже поверхностному читателю, и которыя, не смотря на громадное ихъ значеніе, до сихъ поръ никѣмъ еще не были затронуты. Остановимся же на нѣкоторыхъ изъ нихъ, потому что это введетъ насъ, такъ сказать, въ центръ идейнаго содержанія нашего знаменитаго драматурга. Уже изъ ходячаго представленія о Фонвизинѣ, какъ о писателѣ, находившемся въ разладѣ съ самимъ собою, исповѣдывавшемъ либеральныя и въ то же время консервативныя воззрѣнія, можно сдѣлать нѣкоторые выводы во многихъ отношеніяхъ весьма поучительные, бросающіе не мало свѣта на все дальнѣйшее развитіе нашей изящной словесности. Собственно говоря, въ примѣненіи къ Фонвизину слово «либерализмъ» далеко не вполнѣ выражаетъ его душевное настроеніе. Оно слишкомъ слабо. Фонвизинъ въ молодости былъ не столько либераломъ, сколько скептикомъ: его раннія произведенія проникнуты духомъ разъѣдающаго скептицизма, ничего не щадившаго, ни передъ чѣмъ не останавливавшагося. Положительные типы въ «Бригадирѣ» совершенно слабы и безцвѣтны; общество же наше изображено въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Просто страшно становится за человѣка, когда знакомишься съ бригадиромъ, его почтенною супругою и сынкомъ, совѣтникомъ и совѣтницею, и когда подумаешь, что отъ подобныхъ людей зависѣли многіе другіе, что подобные люди вершили и судебныя, и административныя дѣла. Правда, Добролюбовъ утѣшаетъ зрителя слѣдующими словами: «Мы счастливы тѣмъ, что всякій, кто не находитъ въ учрежденныхъ мѣстахъ своего права, можетъ идти, наконецъ, прямо къ высшему правосудію». Но совѣтникъ разрушаетъ и эту надежду словами: «До Бога высоко, до царя далеко». Да и самъ Фонвизинъ въ своей знаменитой баснѣ «Лисица-Казнодѣй» постарался разрушить иллюзію на этотъ счетъ. Скончался царь. Лисица восхваляетъ его въ надгробной рѣчи:

Въ его правленіе невинность не страдала,
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала;
Онъ скотолюбіе въ душѣ своей питалъ,
Въ немъ трона своего подпору почиталъ;
Былъ въ области своей порядка насадитель,
Художествъ и наукъ былъ другъ и покровитель.

Но кротъ дѣлаетъ слѣдующую поправку:

Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;

И словомъ, такъ была юстиція строга,
Что кто кого смога, такъ тотъ того въ рога...
Тронъ кроткаго царя, достойна алтарей,
Былъ сплоченъ изъ костей растерзанныхъ звѣрей.

Но скептицизмъ Фонвизина не останавливался на этомъ. Нарисованная имъ ужасная картина состоянія нашего общества и администраціи его еще не удовлетворяла. Отъ общества и государства онъ перешелъ къ вѣрѣ, началъ задаваться вопросомъ: что такое жизнь вообще, чѣмъ управляется свѣтъ? Стоитъ ли напоминать, какъ Фонвизинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ. Оказывается, что свѣтъ неправдою живетъ:

Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя...
За деньги самого всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца.

Вотъ какъ живетъ свѣтъ! На что же онъ созданъ? Предрѣшая знаменитый стихъ Лермонтова, что «жизнь... такая пустая и глупая шутка», Фонвизинъ отвѣчаетъ устами Петрушки:

Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяческа игрушка,

а отъ себя въ заключеніе говоритъ:

И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ.

Итакъ, скептицизмъ Фонвизина ни предъ чѣмъ не останавливался, все подвергъ сомнѣнію: и общество, и государство, и міровой порядокъ. Наука также для него въ значительной степени утратила свой ореолъ. «Вѣрь мнѣ,—говоритъ Стародумъ,—что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло... Я боюсь... нынѣшнихъ мудрецовъ... Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель». Однако, мы видимъ, что этотъ скептицизмъ, это отрицательное отношеніе Фонвизина къ людямъ, къ жизни, къ вѣрѣ все ослабѣваетъ и довольно быстро замѣняется совершенно противоположнымъ настроеніемъ... Въ «Недорослѣ» онъ выводитъ типы положительные. «Ты знаешь,— говоритъ Правдинъ Милону,—образъ мыслей нашего намѣстника. Съ какою ревностью помогаетъ онъ страждущему человѣчеству! Съ какимъ усердіемъ исполняетъ онъ тѣмъ самымъ человѣколюбивые виды высшей власти! Мы въ нашемъ краю сами испытали, что, гдѣ намѣстникъ таковъ, каковымъ изображенъ намѣстникъ въ учрежденіи, тамъ благосостояніе обитателей вѣрно и надежно». (Такимъ образомъ намѣстникъ Фонвизина является прямымъ предшественникомъ генералъ-губернатора въ концѣ второй части «Мертвыхъ душъ»). Но отреченіе отъ скептицизма становится у Фонвизина постепенно все сильнѣе и, наконецъ, доходитъ до полнаго раскаянія; онъ не только раскаивается въ безвѣріи, но даже прямо осуждаетъ

всю свою литературную дѣятельность. «Природа,—пишетъ Фонвизинъ въ своей автобіографіи,—дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка... Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка такъ-сказать ни капли». А въ «Разсужденіи о суетной жизни человѣческой» онъ восклицаетъ: «Въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ, когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость, тогда Всевидецъ, зная, что таланты мои могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самого способы изъясняться словесно и письменно и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самого. Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не престану до конца моей жизни восклицать: Господи, благо мнѣ, яко смирилъ мя еси». Послѣ этого Фонвизину оставалось только сжечь свои сочиненія. Онъ этого не сдѣлалъ, но пытался это сдѣлать другой нашъ великій писатель, Гоголь, душевное настроеніе котораго прошло точь въ точь тѣ же фазисы, какіе мы только что отмѣтили въ душевномъ настроеніи Фонвизина. «Ревизора» и «Мертвыя души» можно сопоставить съ «Бригадиромъ» и «Недорослемъ». Основныя произведенія Гоголя и Фонвизина представляютъ нескончаемое число общихъ родовыхъ чертъ, въ высшемъ своемъ синтезѣ сводятся къ безпощадному осмѣянію русскаго общества, и оба автора втеченіе своей жизни все болѣе начали сомнѣваться въ пользѣ великихъ своихъ твореній и пришли въ концѣ концовъ одинъ—къ «Чистосердечному признанію», а другой къ «Авторской исповѣди». Казалось бы, что эта параллель должна была бы обратить на себя вниманіе нашихъ словесниковъ. Во всякомъ случаѣ полное совпаденіе душевной жизни Фонвизина и Гоголя бросается въ глаза. А между тѣмъ у насъ не обращаютъ вниманія на это поразительное совпаденіе, какъ будто совершенно безразлично, почему русская жизнь порождаетъ такія тождественныя явленія въ столь отдаленныя другъ отъ друга эпохи, почему у насъ большіе писатели начинаютъ съ скептицизма или безпощаднаго осмѣянія всего и затѣмъ произносятъ приговоръ надъ собственною литературною дѣятельностью, почему этотъ переломъ въ душевномъ настроеніи встрѣчается у насъ чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Знаменитые предшественники Фонвизина, Кантемиръ и Ломоносовъ, были чужды скептическаго настроенія: съ чего они начали, тѣмъ и кончили; съ первыхъ шаговъ литературной дѣятельности и до послѣдняго вздоха ихъ воодушевляло одно чувство; вѣра въ плодотворность ихъ начинаній никогда имъ не измѣняла. Какъ ни различны были формы ихъ литературныхъ трудовъ, они по существу не расходились въ основныхъ своихъ

вѣрованіяхъ, въ конечной цѣли. Они одинаково твердо и непоколебимо вѣрили въ науку, въ европейскую цивилизацію, въ свѣтлую будущность своего отечества, Россіи, въ великую просвѣтительную задачу русскихъ царей; вѣрили они, наконецъ, и въ то, что ихъ литературная дѣятельность является государственнымъ служеніемъ. Всѣ ихъ помыслы, всѣ ихъ силы были направлены къ одной великой цѣли: цѣль эта была просвѣщеніе, какъ единственное средство обезпеченія благополучія и величія отечества. Главнымъ же факторомъ въ этомъ святомъ дѣлѣ они признавали государственную власть и нисколько не сомнѣвались, что великая цѣль, которой они посвящаютъ всѣ свои силы, будетъ достигнута. Мощный образъ Петра стоялъ еще живымъ передъ ними; они видѣли, что Петръ могъ сдѣлать, что онъ сдѣлалъ для Россіи, и такъ сильно было обаяніе его личности, что никакія сомнѣнія не вкрадывались въ душу ни Кантемира, ни Ломоносова: ихъ дѣятельность сливалась съ дѣятельностью Петра. Послѣ смерти этого великаго человѣка могли временно наступить неблагопріятныя обстоятельства, но дѣло Петра воскреснетъ съ новою силою, и снова Россія двинется исполинскими шагами на пути просвѣщенія и обезпеченія своего благополучія и величія. Когда Кантемиръ осмѣивалъ русское общество, онъ твердо зналъ, во имя чего онъ его осмѣиваетъ; когда Ломоносовымъ овладѣвало поэтическое вдохновеніе, когда онъ воспѣвалъ въ страстныхъ стихахъ единственную свою возлюбленную Россію, онъ не сомнѣвался, что ея «вознесенная глава», «огонь въ небесныхъ очахъ», «брови, выведенныя дугою», «важность въ бесѣдѣ» предвѣщаютъ великую будущность. Такимъ образомъ и глубокое религіозное чувство первыхъ свѣтилъ нашей литературы находило себѣ опору въ довѣріи къ грядущимъ судьбамъ Россіи, и все это создавало настроеніе, чуждое всякаго скептицизма, бодрое и бодрящее, увѣренное, не смотря на всѣ временныя неудачи...

Но годъ смерти Кантемира совпалъ съ годомъ рожденія Фонвизина; начало литературной дѣятельности послѣдняго совпало съ концомъ жизни Ломоносова. Когда Фонвизинъ началъ писать, прошло почти уже сорокъ лѣтъ со дня смерти Петра. Не будемъ напоминать тѣ историческія событія, которыя раздѣляютъ дѣятельность великаго русскаго преобразователя и первые шаги отца нашей комедіи на литературномъ поприщѣ. Никто, однако, не станетъ отрицать, что эти событія могли возбудить многоразличныя сомнѣнія, которыя подавлялись въ душѣ Кантемира и Ломоносова мощнымъ образомъ все еще для нихъ живого Петра, но которыя пріобрѣтали все большую власть надъ тѣми, кто Петра не видѣлъ, для кого его государственный подвигъ служилъ лишь отдаленнымъ воспоминаніемъ. Эти сомнѣнія, конечно, зародились въ душѣ не одного Фонвизина, какъ прежняя твердая вѣра воодушевляла не одного Кантемира или Ломоносова. Всѣ эти три писателя были

дѣтьми своего вѣка и жили его настроеніемъ; тысячи нитей связывали ихъ съ обществомъ, въ которомъ они жили и дѣйствовали, тысячи вліяній отражались на нихъ, воспринимались ихъ мозгомъ, ихъ сердцемъ: умомъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ умы согражданъ ихъ, чувствомъ болѣе воспріимчивымъ, чѣмъ чувства

Д. И. Фонвизинъ.

ихъ согражданъ. Но они были дѣтьми своего народа, и все, что въ немъ развивалось, зрѣло, все, что его волновало, въ чемъ онъ сомнѣвался, во что вѣрилъ, все это находило себѣ откликъ, все это воодушевляло, печалило, радовало лучшихъ представителей общественной мысли, творцовъ нашего родного слова, Кантемира, Ло-

моносова, Фонвизина. Если Кантемиръ и Ломоносовъ были созданіями одной эпохи,—эпохи твердой увѣренности въ себѣ и Россіи, то Фонвизинъ былъ созданіемъ другой эпохи, когда сомнѣнія овладѣли русскимъ обществомъ. Вѣкъ великой Екатерины еще только нарождался, когда Фонвизинъ началъ свою литературную дѣятельность; Россія представляла зрѣлище во многихъ отношеніяхъ печальное: шесть царствованій не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и каждое изъ нихъ было болѣе или менѣе крупнымъ разочарованіемъ въ возможности осуществленія завѣтовъ Петра.

Только на фонѣ этихъ историческихъ событій мы уяснимъ себѣ, чѣмъ могъ и долженъ былъ сдѣлаться Фонвизинъ, вступая на литературное поприще, еле достигнувъ гражданскаго совершеннолѣтія. «Бригадиръ» написанъ имъ въ 1764 году, а оконченъ въ 1766 году, то-есть когда Фонвизину было 22 года. Въ такомъ же раннемъ возрастѣ написалъ и Кантемиръ свою знаменитую сатиру: «На хулящихъ ученія». Какъ ни велики были дарованія Кантемира и Фонвизина, но думать, что они въ такомъ раннемъ возрастѣ могли быть уже вполнѣ самостоятельными, конечно, нельзя. Чуткая ихъ душа, громадный ихъ талантъ воспринимали только то, что носилось въ воздухѣ, и давали господствовавшимъ вѣяніямъ наиболѣе яркое выраженіе. Первая Кантемирова сатира была встрѣчена съ такимъ же восторгомъ лучшими людьми той эпохи, какъ и первая комедія Фонвизина, которую всѣ наперерывъ желали прослушать, начиная съ самой императрицы. Все это показываетъ, какимъ вѣрнымъ отголоскомъ взглядовъ и стремленій своего времени были труды и Кантемира, и Фонвизина, и въ то же время было бы совершенно произвольно утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые словесники, что эти труды какъ бы оторваны отъ русской почвы и представляютъ собою только мимолетные метеоры на нашемъ литературномъ небосклонѣ прошлаго вѣка. Мы даже склонны, наоборотъ, утверждать, что самостоятельность какъ Кантемира, такъ и Фонвизина проявилась только въ блестящей формѣ выраженія извѣстныхъ идей, а не въ самыхъ этихъ идеяхъ, которыя составляли общее достояніе передовыхъ дѣятелей соотвѣтственныхъ эпохъ.

Мы только что указали, каково было основное міросозерцаніе Кантемира и Ломоносова. Посмотримъ теперь, что внесъ новаго въ это міросозерцаніе Фонвизинъ. Если великіе родоначальники нашей словесности были люди глубоко религіозные, если они твердо вѣрили, что благополучіе и величіе Россіи зависятъ преимущественно отъ широкаго распространенія образованія, если они нисколько не сомнѣвались въ плодотворности, скажемъ болѣе, въ спасительности науки, если они были непоколебимо убѣждены, что успѣхи просвѣщенія могутъ быть лучше всего обезпечены го-

сударственною властью, и если они поэтому всецѣло посвящали и себя государственному служенію, то приступая къ оцѣнкѣ идейнаго содержанія литературной дѣятельности Фонвизина, мы должны прежде всего себя спросить, какъ онъ отнесся къ этимъ основамъ міросозерцанія своихъ предшественниковъ. И восемнадцатый вѣкъ имѣлъ свои шестидесятые годы. Екатерина II вступила на престолъ въ 1762 г., и вскорѣ нашимъ обществомъ овладѣло такое же возбужденное настроеніе, какимъ ознаменовались шестидесятые годы истекающаго нынѣ столѣтія. Послѣ долгихъ томительныхъ лѣтъ съ мимолетными надеждами и горькими разочарованіями наступила, казалось, заря новой жизни. Но эти разочарованія оставили въ умахъ глубокій слѣдъ. Прежней вѣры уже не было; не было ея и въ началѣ царствованія Екатерины II. Сомнѣнія коснулись и религіи, и политики, и науки: религіи—подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя проникали къ намъ съ запада; политики—отчасти вслѣдствіе той же причины, отчасти вслѣдствіе испытанныхъ тяжелыхъ разочарованій; науки—вслѣдствіе вынесеннаго опыта, что, не смотря на распространеніе ея въ высшихъ сферахъ русскаго общества, все остается по-старому, и успѣховъ что-то не замѣтно. Чѣмъ сильнѣе были возбуждены надежды при Петрѣ, тѣмъ глубже должно было проявиться разочарованіе при его преемникахъ. Все это отразилось на идейномъ содержаніи первыхъ произведеній Фонвизина. Самъ Фонвизинъ подтверждаетъ, что его скептицизмъ не былъ самостоятельнымъ проявленіемъ его душевной жизни, что онъ увлекся только примѣромъ другихъ, тѣмъ настроеніемъ, которое господствовало въ образованныхъ, свѣтскихъ кружкахъ тогдашняго общества. Такимъ образомъ Фонвизинъ сдѣлался «вольтерьянцемъ» не вслѣдствіе того или другого происшедшаго въ немъ душевнаго процесса, а изъ подражанія. Да и трудно было ожидать, какъ мы уже указывали, отъ 20-ти-лѣтняго молодого человѣка самостоятельнаго отношенія къ жизни и выработки самостоятельнаго міросозерцанія. Но Фонвизинъ воспринялъ не только идеи своего вѣка, тѣхъ кружковъ, въ которыхъ онъ вращался, знакомился не только съ Мольеромъ, но и съ своими предшественниками въ русской литературѣ, съ Кантемиромъ и Ломоносовымъ. Всѣмъ извѣстно, что Фонвизинъ отъ природы былъ одаренъ большимъ остроуміемъ, склонностью къ насмѣшливому отношенію къ людямъ, удивительною способностью подмѣчать въ нихъ все смѣшное и воспроизводить подмѣченное мимикою, интонаціею голоса, тѣлодвиженіями. Этимъ способностямъ онъ отчасти и былъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ петербургской великосвѣтской средѣ и даже при дворѣ. Поэтому его произведенія, естественно, приняли сатирическую форму, и онъ всецѣло примкнулъ не къ лирическому паѳосу Ломоносова, а къ сатирической жилкѣ, такъ сильно звучавшей въ Кантемирѣ. Фонвизинъ долженъ быть признанъ прямымъ

послѣдователямъ Кантемира: только благодаря прирожденному драматическому дарованію, онъ ограничился началомъ сатиры, характерно озаглавленной, какъ и первая сатира Кантемира: «Къ уму своему», и центръ тяжести своей литературной дѣятельности перенесъ въ комедію. Но съ точки зрѣнія идейнаго содержанія трудовъ Фонвизина это не имѣетъ значенія. Одно совершенно несомнѣнно, что не у Мольера или Вольтера взялъ Фонвизинъ выведенные имъ безсмертные типы, и что эти типы, если ихъ считать уже не взятыми изъ жизни, а заимствованными изъ книгъ, болѣе всего походятъ на типы, выведенные Кантемиромъ. Такимъ образомъ въ бытовомъ отношеніи комедіи Фонвизина являются прямымъ продолженіемъ сатиръ Кантемира, а самъ Фонвизинъ—прямымъ ученикомъ Кантемира, только ученикомъ, далеко превзошедшимъ своего учителя по пластичности и жизненности осмѣянныхъ имъ типовъ. Но не въ этомъ только Фонвизинъ является прямымъ послѣдователемъ Кантемира. Уже съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности Фонвизинъ, подобно Кантемиру, поставилъ себѣ цѣлью всячески содѣйствовать успѣхамъ «благонравія» и искоренять «злоправіе», формулируя свою цѣль въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя были введены въ нашъ литературный обиходъ Кантемиромъ. Если во внѣшнемъ построеніи своихъ комедій Фонвизинъ слѣдовалъ иностраннымъ образцамъ, то по ихъ духу, по ихъ тенденціи онъ былъ прямымъ послѣдователемъ Кантемира, такъ что изучать обоихъ надо всегда въ связи, какъ изучаютъ труды учителя и ученика. Походятъ они другъ на друга еще и въ томъ отношеніи, что оба они главнымъ образомъ переводили съ иностранныхъ языковъ, и переводили именно такія произведенія иностранной литературы, которыя могли служить къ исправленію нравовъ, къ искорененію, какъ они оба выражались, «злонравія» въ русскомъ обществѣ. Но если ученикъ значительно превзошелъ своего учителя по силѣ художественнаго дарованія, то въ тѣ молодые годы, когда тотъ и другой начали свою литературную дѣятельность, учитель былъ несравненно образованнѣе своего ученика. Такое тщательное образованіе, какое получилъ Кантемиръ подъ руководствомъ своихъ просвѣщенныхъ родителей, рѣдко кому выпадало на долю. Правда, и отецъ Фонвизина очень сильно заботился объ образованіи своего сына; но онъ самъ былъ далеко не такъ образованъ, какъ князь Дмитрій Кантемиръ, а «въ университетѣ,—разсказываетъ Фонвизинъ:—мы учились весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей: ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу, латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ». Самъ Фонвизинъ восполнялъ свое образованіе, какъ могъ, съ рѣдкимъ прилежаніемъ, съ желѣзною выдержкою. Но все это

не могло на первыхъ порахъ придать его уму ту самостоятельность, какой отличался, благодаря тщательному образованію, Кантемиръ, воспринимавшій въ окружавшемъ его обществѣ только то, что дѣйствительно могло содѣйствовать поставленной имъ себѣ возвышенной жизненной цѣли. Фонвизинъ же подчинялся безъ разбора разнымъ теченіямъ и, отрѣшаясь отъ вліянія своего учителя, отъ вліянія родительскаго дома, впалъ въ безвѣріе и въ полный скептицизмъ, ища только всюду пищи для своего сатирическаго настроенія. Такимъ образомъ появились его первыя знаменитыя произведенія, въ которыхъ онъ осмѣялъ на ряду съ тѣмъ, что осмѣивалъ уже Кантемиръ, и то, что нашъ знаменитый сатирикъ признавалъ для себя священнымъ. Скептическое настроеніе общества цѣликомъ отразилось въ произведеніяхъ Фонвизина и нашло себѣ въ нихъ такое яркое, художественное выраженіе, что они навсегда сохранились въ нашей литературѣ, какъ ея перлы. Къ этимъ произведеніямъ слѣдуетъ преимущественно причислить «Бригадира», «Посланіе къ слугамъ моимъ» и «Лисицу-казнодѣя».

Въ чемъ же заключалось идейное содержаніе этихъ трехъ произведеній? Въ «Бригадирѣ» Фонвизинъ является даровитымъ ученикомъ своего учителя Кантемира, то-есть бичуетъ «злой нравъ» нашего общества; въ «Лисицѣ-казнодѣѣ» онъ, прямо отступая отъ завѣта Кантемира, расшатываетъ монархическій принципъ, а въ «Посланіи» подрываетъ вѣру въ Провидѣніе, то есть религіозное чувство. Мы указываемъ преимущественно на послѣднія два произведенія, не мирящіяся съ настроеніемъ Кантемира, потому что въ нихъ рѣзче всего обозначился скептицизмъ Фонвизина. Но проявился этотъ скептицизмъ и во многихъ другихъ его произведеніяхъ, написанныхъ въ ранній періодъ его литературной дѣятельности. Обыкновенно изображаютъ дѣло такъ, будто бы отреченіе отъ этого скептицизма произошло только подъ конецъ жизни Фонвизина, когда онъ былъ уже разбитъ параличемъ и, слѣдовательно, плохо владѣлъ своими умственными способностями. То же говорятъ и о Гоголѣ: нѣкоторые критики, въ томъ числѣ весьма извѣстные, не колеблясь, утверждаютъ, что и «Переписка съ друзьями», и «Авторская исповѣдь»—плодъ больного ума. По отношенію къ обоимъ писателямъ это глубокая неправда, неправда потому, что и относительно Фонвизина, и относительно Гоголя можно въ точности прослѣдить, какъ они постепенно перешли отъ одного настроенія къ другому, можно прослѣдить всѣ фазисы душевнаго процесса и всѣ умственные выводы, которые заставили обоихъ писателей осудить свою первоначальную дѣятельность. Попытаемся, насколько намъ позволяютъ размѣры нашего этюда, сдѣлать это по отношенію къ Фонвизину. Прежде всего мы должны отмѣтить, что между «Лисицею-казнодѣемъ», этимъ произведеніемъ, написаннымъ Фонвизинымъ еще на школьной скамьѣ, и «Бригадиромъ»

существуетъ уже большая разница. Если первое произведеніе свидѣтельствуетъ о крайнемъ вольномысліи, то второе въ политическомъ отношеніи уже гораздо благонамѣреннѣе. Тутъ уже не можетъ быть рѣчи о шатаніи монархическаго принципа: наоборотъ, личность монарха прямо выгораживается, и авторъ устами своего добродѣтельнаго героя выражаетъ твердую увѣренность, что всякому въ концѣ концовъ будетъ оказано «высшее правосудіе». Было бы слишкомъ утомительно выписывать здѣсь всѣ мѣста изъ писемъ Фонвизина, которыя такъ ясно свидѣтельствуютъ о постепенной перемѣнѣ въ настроеніи Фонвизина. Но остановимся хотя бы на его «Словѣ» по случаю выздоровленія цесаревича Павла Петровича. «Слово» это написано въ 1771 году, когда Фонвизину было 27 лѣтъ. По своему тону оно гораздо болѣе напоминаетъ ломоносовскія похвальныя оды, чѣмъ скептическія произведенія юношескихъ лѣтъ нашего драматурга. «Ты не будешь отлучена отъ слова сего,—восклицаетъ Фонвизинъ:—о, великая монархиня, матерь чадолюбивая, источникъ славы и блаженства нашего»; или: «Насталъ конецъ страданію нашему, о, россіяне! Исчезъ страхъ, и восхищается духъ весельемъ... Вострепетала Россія, неизреченный ужасъ объялъ душу, и жестокая печаль пронзила всѣхъ сердца» и т. д. Но рядомъ съ этими патетическими возгласами въ томъ же «Словѣ» Фонвизинъ начертываетъ идеалъ правителя. Онъ восхваляетъ воспитателя Павла, который «просвѣтилъ познаніями разумъ его, явя въ немъ человѣка», и затѣмъ уже прямо обращается къ Павлу: «Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей... Не ищи, великій князь, другія себѣ славы. Любовь народа есть истинная слава государя... Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ». Словомъ, Фонвизинъ въ этомъ произведеніи является ученикомъ Ломоносова: восхваляя, онъ говоритъ властелинамъ правду, наставляетъ ихъ. Но всякому извѣстно, что не только въ этомъ произведеніи, но и во многихъ другихъ (назовемъ: «Опытъ россійскаго сословника», знаменитые «Вопросы», «Челобитную россійской Минервѣ» и т. д.) онъ уже вполнѣ отрекается отъ первоначальнаго своего скептическаго настроенія и вступаетъ на другой путь, на путь поученія; другими словами, онъ не расшатываетъ уже монархическаго принципа, а старается воспользоваться имъ, какъ мощнымъ орудіемъ, для достиженія все болѣе выясняющейся для него жизненной цѣли—искорененія въ русскомъ обществѣ «злонравія» или, выражаясь современнѣе, исцѣленія замѣченныхъ имъ соціальныхъ недуговъ, преимущественно же невѣжества и продажности нашего общества. Проникаясь этимъ новымъ настроеніемъ, вступая на этотъ новый путь, онъ уже прямо принимаетъ на себя наслѣдство, завѣщанное ему и Кантемиромъ, и Ломоносовымъ: онъ отрекается отъ безвѣрія, съ негодованіемъ вспоминаетъ

о своихъ кощунственныхъ рѣчахъ, усматриваетъ въ государственной власти наиболѣе надежное средство къ распространенію въ странѣ истиннаго просвѣщенія. «Дворянинъ можетъ взять отставку,—говоритъ онъ въ «Недорослѣ»: — въ одномъ только случаѣ, когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству пользы не принесетъ». И его отношеніе къ печатному слову становится уже совершенно инымъ. «Я думаю,—говоритъ онъ устами того же Стародума:—что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованной намъ свободой, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ съ перомъ въ рукахъ быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества». Это писалъ Фонвизинъ подъ конецъ своей жизни. Но тотъ умственный процессъ, который привелъ его къ этимъ словамъ, обозначился, какъ мы видѣли, въ немъ гораздо раньше и не могъ не обозначиться уже вслѣдствіе вынесеннаго имъ личнаго опыта. Противъ его комедій, какъ извѣстно, ополчалось общество, и если они увидѣли свѣтъ Божій, если онѣ появились на сценѣ, то только благодаря защитѣ, оказанной имъ верховною властью. Восторженнѣе всего отнеслись къ «Бригадиру» приближенные императрицы—Потемкинъ, Панинъ. Въ этомъ отношеніи съ Фонвизинымъ буквально произошло то, что впослѣдствіи повторилось съ Гоголемъ. Такимъ образомъ, между писателемъ и правящими сферами возникла солидарность. Фонвизинъ не принадлежалъ къ числу людей, которые жертвуютъ своими убѣжденіями для личныхъ выгодъ. Бичуя «злонравіе», онъ чувствовалъ самъ сильную потребность оставаться человѣкомъ честнымъ и всегда выставлялъ честность первою человѣческою добродѣтелью, которою обусловливаются всѣ остальныя. Но онъ сознавалъ, что ему нужны въ его борьбѣ съ «злонравіемъ» союзники,—союзники сильные, которые могли бы справиться съ тѣмъ моремъ взяточничества, продажности, всякаго рода злоупотребленій, которое представляла собою тогдашняя Россія. Его походъ противъ «злонравія» встрѣчалъ полное сочувствіе со стороны верховной власти. Сама императрица писала комедіи, по тенденціи своей вполнѣ соотвѣтствовавшія комедіямъ Фонвизина; она была составительницею «Наказа», основная тенденція котораго также совпадала съ жизненною цѣлью Фонвизина. Конечно, не со стороны Скотининыхъ, Простаковыхъ, Иванушекъ и Митрофановъ нашъ писатель могъ ожидать себѣ поддержки. Это были его враги, съ которыми онъ велъ борьбу на жизнь и смерть. Опереться на интеллигенцію,—да вѣдь она составляла каплю въ великомъ морѣ лжи, продажно-

сти и всякихъ «подлыхъ пороковъ»; она еще была слишкомъ безсильна, и къ тому же вся она почти ушла въ правительство. Отвергнуть содѣйствіе послѣдняго значило обречь себя на безсиліе; вступить съ нимъ въ союзъ значило до безконечности увеличить шансы на успѣхъ въ трудной борьбѣ. И вотъ мы видимъ, что Фонвизинъ тотчасъ послѣ первыхъ своихъ шаговъ на литературномъ поприщѣ уже всецѣло принимаетъ на себя наслѣдство, завѣщанное ему Кантемиромъ и Ломоносовымъ. Онъ отрекается отъ систематической оппозиціи, отъ скептицизма и избираетъ путь практическій, но, конечно, не въ смыслѣ достиженія личныхъ цѣлей, а въ смыслѣ болѣе вѣрнаго осуществленія той великой идеи, которая воодушевляла его на ряду съ его предшественниками. Онъ поступаетъ на государственную службу въ этомъ высшемъ значеніи слова, онъ чувствуетъ себя призваннымъ быть «совѣтодателемъ» царей, вмѣстѣ съ ними приложить руку къ «спасенію своихъ согражданъ и отечества». Читая Фонвизина, мы не можемъ не поразиться полнымъ совпаденіемъ его мыслей съ мыслями, высказанными столько лѣтъ спустя Гоголемъ. «Я увидѣлъ ясно,— говоритъ Гоголь:—что больше не могу писать безъ плана, вполнѣ опредѣлительнаго и яснаго», надо, «чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя твореніе свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что, исполняя это, онъ служитъ въ то же самое время также государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился на государственной службѣ. Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала». Затѣмъ Гоголь разсказываетъ, какъ онъ еще до начала своей литературной дѣятельности постоянно помышлялъ о томъ, чтобы поступить на государственную службу, но чувствовалъ себя къ ней не подготовленнымъ. «Но какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общество близкихъ душѣ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое твореніе, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей». Раньше Гоголь поясняетъ, что тотчасъ послѣ «Ревизора» онъ почувствовалъ непреодолимую потребность «сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться».

Такимъ образомъ душевный процессъ и умозаключенія, приведшія и Фонвизина, и Гоголя къ перелому въ воззрѣніяхъ, совершенно совпали, а жили они въ разное время, но внѣшнія условія, при которыхъ они дѣйствовали, во многомъ были сходны,—и эти-то условія наложили свою властную руку на обоихъ нашихъ писателей. Еще Гоголь, какъ Фонвизинъ, какъ раньше Кантемиръ

и Ломоносовъ, были убѣждены, что ихъ литературная дѣятельность является дѣломъ государственнымъ, и что ихъ служба родинѣ должна имѣть характеръ государственный. Другими словами, всѣ эти наши писатели, глубоко и честно задумываясь надъ своимъ призваніемъ, надъ тѣми средствами, при помощи которыхъ вѣрнѣе всего могутъ быть достигнуты воодушевлявшіе ихъ идеалы,— пришли къ заключенію, что помимо государства имъ своей цѣли не достигнуть, что только въ союзѣ съ нимъ они могутъ доставить торжество благороднымъ и возвышеннымъ своимъ стремленіямъ. Послѣ мимолетнаго періода скептицизма Фонвизинъ пришелъ къ этому убѣжденію и уже не отступалъ отъ него до конца жизни. Для него, какъ и для Кантемира и Ломоносова, вопросъ заключался не въ томъ, чтобы помимо государства или вопреки ему достигнуть своей жизненной цѣли, а въ томъ, чтобы воспользоваться государствомъ, тою мощною культурною силою, какимъ оно имъ представлялось, для достиженія этой цѣли. И какъ только Фонвизинъ пришелъ къ этому убѣжденію, мы видимъ, что онъ всецѣло посвящаетъ себя разъясненію тѣхъ путей, на которые государство должно вступить, чтобы исполнить великую свою культурную миссію. Государственные вопросы начинаютъ почти исключительно его занимать. Онъ переводитъ похвальное слово Марку Аврелію, слово о покровительствѣ, оказываемомъ владѣющими особами наукѣ и художествамъ, разсужденіе о торгующемъ и военномъ дворянствѣ, пишетъ политическое сочиненіе для прочтенія наслѣднику и т. д. Его знаменитые «Вопросы», «Челобитная», «Сословникъ», «Придворная грамматика», «Разговоръ у княгини Халдиной», журнальныя его статьи,—все это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что его умъ почти исключительно былъ занятъ государственными вопросами. Вся его обширная корреспонденція проникнута этимъ духомъ, этимъ настроеніемъ: за границей его также почти исключительно занимаютъ общественные и государственные порядки; о нихъ онъ преимущественно переписывается, ихъ онъ обсуждаетъ и критикуетъ, они же вызываютъ самыя горячія и остроумныя его письма. Наконецъ и самъ «Недоросль» является прямымъ свидѣтельствомъ этого полнаго поглощенія ума Фонвизина государственными вопросами.

Итакъ, мы видимъ, что въ основномъ воззрѣніи на роль русскаго писателя существуетъ полное единодушіе между Фонвизинымъ и его предшественниками. Съ другой стороны мы выяснили, что и въ другихъ отношеніяхъ между Фонвизинымъ, Кантемиромъ и Ломоносовымъ существуетъ полное совпаденіе во взглядахъ. Спрашивается теперь, остановился ли Фонвизинъ на точкѣ зрѣнія своихъ предшественниковъ, или сдѣлалъ шагъ впередъ на пути того идейнаго содержанія, которое внесли въ нашу литературу ея родоначальники? По роду своего дарованія Фонвизинъ

былъ прямымъ послѣдователемъ Кантемира, и въ идейномъ отношеніи онъ больше заимствовалъ у нашего сатирика, чѣмъ у нашего перваго лирика. Кантемиру основнымъ государственнымъ зломъ представлялося «злонравіе»; Фонвизинъ всецѣло раздѣляетъ эту точку зрѣнія. И онъ находитъ, что главный недугъ Россіи,—это, выражаясь современнымъ языкомъ, недостатокъ нравственныхъ качествъ и культурности. Но Кантемиръ, какъ и Ломоносовъ ставили выше всего науку, признавали, что для Россіи есть одно только спасеніе, именно всевозможное распространеніе знаній. Фонвизинъ, ближе присматриваясь къ жизни, вникая въ тѣ условія, которыя препятствовали благополучію отечества, пришелъ къ заключенію, что одно распространеніе знаній еще не можетъ быть спасительнымъ. «Имѣй сердце,—говоритъ Стародумъ:—имѣй душу и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы... Безъ души просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь, а невѣжда—звѣрь». Соотвѣтственно съ этимъ Фонвизинъ придаетъ гораздо меньше значенія образованію, чѣмъ воспитанію. Изучая Францію, онъ говоритъ: «Все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобы одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ». Правда, ужъ у Кантемира есть аналогичныя указанія, но Фонвизинъ первый формулировалъ эту мысль съ такою отчетливостью и возвращался къ ней съ такою настойчивостью, и въ этомъ отношеніи онъ, несомнѣнно, уклонился нѣсколько отъ пути, указаннаго его предшественниками. Ни Кантемиръ, ни Ломоносовъ не сомнѣвались въ громадной пользѣ, которую Россія можетъ извлечь перенесеніемъ западной науки на свою почву. Фонвизинъ начинаетъ уже критически относиться къ западной наукѣ, начинаетъ сомнѣваться въ пользѣ того способа ея заимствованія, который у насъ практиковался. Онъ выразилъ это въ мѣткихъ словахъ: «на умы мода, на знанія мода», другими словами онъ убѣдился, что мы заимствуемъ съ запада модное, а не то, что намъ дѣйствительно полезно. Подражаніе западу дѣйствительно вызвало у насъ очень уродливыя явленія, такъ художественно осмѣянныя Фонвизинымъ еще въ его Иванушкѣ, торжественно заявлявшемъ, что «тѣло мое родилося въ Россіи», но что «духъ мой принадлежитъ коронѣ французской». Въ перепискѣ Фонвизина, въ его наблюденіяхъ надъ заграничною жизнью постоянно чувствуется это его стремленіе разграничить, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ заимствовать у иностранцевъ. Только ставъ на эту точку зрѣнія, мы поймемъ, почему онъ такъ скептически относился къ Франціи, почему онъ иногда прямо издѣвался надъ французами. Въ немъ говорилъ патріотизмъ; онъ старался всячески предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія Франціею. Между тѣмъ, наши критики ставятъ

сужденія, высказанныя Фонвизинымъ относительно Франціи, ему въ особенный грѣхъ. Значитъ, Фонвизинъ не оцѣнилъ по достоинству Францію наканунѣ революціи? Однако, его сужденія о Франціи и французахъ совпадаютъ съ сужденіями большинства серьезныхъ изслѣдователей, посѣтившихъ Францію наканунѣ революціи, а если онъ высказывается нѣсколько пренебрежительно о національномъ характерѣ французовъ, то онъ въ этомъ отношеніи буквально предрѣшаетъ судъ Лермонтова, которому хотѣлось «сказать великому народу: ты жалкій и пустой народъ». И не видимъ ли мы, что Фонвизинъ, назвавъ разъ Руссо «уродомъ» за его отшельничество и непривѣтливый нравъ, въ другихъ своихъ письмахъ постоянно его называетъ: «нашъ любимый Руссо», и оплакиваетъ его смерть, отзываясь о немъ, какъ о самомъ «почтенномъ и честномъ философѣ XVIII вѣка». Этотъ отзывъ, какъ и многіе другіе о выдающихся иностранныхъ дѣятеляхъ его времени, подтверждаютъ нашу мысль, что, если Фонвизинъ осмѣивалъ французовъ, то въ немъ говорила любовь къ отечеству, опасеніе, что пристрастіе къ модному исковеркаетъ нашу жизнь, отвлечетъ вниманіе отъ того, что намъ дѣйствительно полезно. Прославляетъ же онъ во французахъ любовь къ отечеству и признаетъ, что она искупаетъ всѣ ихъ недостатки. Наконецъ, не видимъ ли мы, что онъ еще несравненно язвительнѣе казнилъ своихъ соотечественниковъ, почти все русское общество, гдѣ бы оно ни дѣйствовало, въ деревенской глуши или у подножія трона великой Екатерины? Если Фонвизинъ грѣшилъ въ своемъ судѣ надъ другими и собственнымъ народомъ, то единственное чувство, затемнявшее иногда данный ему отъ природы необычайный даръ наблюденія, былъ пламенный патріотизмъ. Когда его не ослѣпляла любовь къ отечеству, онъ писалъ: «достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю»; когда же онъ чрезмѣрно увлекался патріотическимъ своимъ пыломъ, онъ писалъ: «Если здѣсь (т. е. за границею) прежде насъ жить начали, то, по крайней мѣрѣ, мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которые здѣсь вкоренились. Nous commençons, et ils finissent. Я думаю, что тотъ, кто родится, посчастливѣе того, кто умираетъ». Какъ бы мы ни относились къ этимъ патріотическимъ увлеченіямъ Фонвизина, мы должны будемъ признать, что онъ этими словами въ значительной степени предрѣшилъ возникшее у насъ столько лѣтъ спустя славянофильское ученіе о превосходствѣ положенія, въ которое поставлена Россія, и о «гніющемъ», умирающемъ западѣ. Но у Фонвизина нѣтъ позднѣйшаго нашего пренебреженія къ западу; онъ только старается подчеркнуть то, что на западѣ заслуживаетъ подражанія, и чего мы должны избѣгать. Если онъ не чуждъ патріотическихъ увлеченій, то онъ еще и далекъ отъ позднѣйшей нашей заносчивости.

Но если Фонвизинъ старался точнѣе установить, что такое истинное просвѣщеніе, и если въ этомъ отношеніи въ его трудахъ получили дальнѣйшее развитіе идеи Кантемира, то онъ сдѣлалъ сравнительно съ послѣднимъ еще болѣе крупный шагъ впередъ въ анализѣ отрицательныхъ явленій нашей общественной жизни. Тутъ Фонвизинъ далеко оставилъ за собою своего учителя. Быть можетъ, онъ не прибавилъ по существу много новаго, но онъ сумѣлъ придать такую жизненность отрицательнымъ типамъ, что неизмѣримо больше содѣйствовалъ общественному нашему самопознанію и при томъ въ яркой, строго художественной формѣ, наиболѣе доступной, наиболѣе вразумительной для широкой публики. Тутъ между Фонвизинымъ и Кантемиромъ огромная дистанція, такъ что ихъ даже сопоставлять трудно: у второго мы находимъ только зародыши того, что съ такимъ блескомъ проявилось у перваго. Комедіи Фонвизина являются безпощаднымъ приговоромъ надъ нашимъ обществомъ. Знакомясь съ нимъ по безсмертнымъ произведеніямъ Фонвизина, вдумываясь въ такіе типы, какъ бригадиръ, совѣтникъ, Простакова, Иванушка и Митрофанъ, мы должны признать этотъ приговоръ тѣмъ болѣе безпощаднымъ, что въ жизненности этихъ типовъ не можетъ быть сомнѣнія, что они составляли заурядное явленіе или по крайней мѣрѣ ихъ столь выпукло намѣченныя художникомъ особенности встрѣчались на каждомъ шагу. Бригадиры, совѣтники, Иванушки, недоросли подверглись общему осмѣянію, вызвали взрывъ хохота, и этотъ смѣхъ, конечно, вѣрнѣе исцѣлялъ наши общественные недуги, чѣмъ всякія теоретическія соображенія. Однако и онъ не предупредилъ нарожденія Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, городничихъ, Чичиковыхъ, Собакевичей. Значитъ, не смотря на всю его силу, на все его значеніе, и онъ оказался недостаточно цѣлительнымъ. Почему? Не потому ли, что читатели или зрители смѣялись не однимъ смѣхомъ съ авторомъ, какъ не однимъ смѣхомъ смѣялись Гоголь и его читатели, хотя нашъ великій юмористъ и заявлялъ громогласно, что онъ «смѣется сквозь слезы». Авторы смѣялись надъ нашимъ обществомъ, а общество смѣялось, надо полагать, не надъ самимъ же собою. Если бы у нихъ смѣхъ былъ одинаковый, то не могло бы случиться, что мы до сихъ поръ въ общемъ сочувствуемъ «Бригадиру» и «Недорослю», но не сочувствуемъ разсужденіямъ Стародумовъ и Правдиныхъ, что мы охотно еще перечитываемъ «Ревизора» и «Мервыя души», но возмущаемся «Перепискою съ друзьями» и «Авторскою исповѣдью». Несомнѣнно, между авторами и читателями существуетъ какая-то рознь, какое-то взаимное непониманіе: смѣхъ Фонвизина и Гоголя намъ милъ, но источникъ этого смѣха намъ чуждъ, или же мы даже съ негодованіемъ его отвергаемъ. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься. Какая странная и почти трагическая участь лучшихъ представителей родного слова! Мы ихъ признаемъ часто даже для ихъ времени людьми отсталыми и не

хотимъ спросить себя, дѣйствительно ли они люди отсталые, больные душою и тѣломъ, или же, можетъ быть, они при данныхъ условіяхъ рѣшали жизненную свою задачу полнѣе и глубже, чѣмъ можетъ казаться намъ, ослѣпленнымъ «модою на умы или модою на знанія»? Что это въ самомъ дѣлѣ за странный разладъ между цвѣтомъ нашей литературы и обществомъ? Вѣдь тотъ основной вопросъ, который занималъ Фонвизина, переданъ имъ по наслѣдству великимъ его преемникамъ на литературномъ поприщѣ и продолжаетъ до сихъ поръ волновать лучшихъ русскихъ людей. Надъ нимъ глубоко задумывались и Пушкинъ, и Гоголь, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Гончаровъ, и многіе другіе писатели вплоть до нашихъ дней; имъ жили самые выдающіеся представители родного слова. Но ихъ рѣшенія этого вопроса насъ не удовлетворяютъ. Не служитъ ли это доказательствомъ, что мы прилагаемъ къ оцѣнкѣ нашихъ великихъ писателей мѣрку слишкомъ узкую, что два основныхъ теченія въ нашей литературѣ, представителями которыхъ являются съ одной стороны Кантемиръ, Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, съ другой—Ломоносовъ, Державинъ, отчасти Пушкинъ, имѣютъ собственно одинъ источникъ, или лучше сказать, что эти два теченія, которыя могутъ казаться на первый взглядъ столь различными, въ сущности воплощаются въ каждомъ изъ перечисленныхъ нами писателей, и что если мы ихъ разграничиваемъ, то только потому, что изъ-за формы забываемъ однородное содержаніе. По отношенію къ Фонвизину это, какъ мы видѣли, вполнѣ оправдывается. Онъ не расходился въ своихъ основыхъ стремленіяхъ ни съ Кантемиромъ, ни съ Ломоносовымъ и всецѣло завѣщалъ эти стремленія своимъ преемникамъ на литературномъ поприщѣ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что какъ Кантемиръ и Ломоносовъ были выразителями одной идеи, хотя и взятой съ разныхъ сторонъ, такъ и Фонвизинъ съ Державинымъ были выразителями той же идеи и передали ее по наслѣдству Пушкину и Гоголю. Эта идея вкратцѣ можетъ быть формулирована такъ: если наше общество дѣйствительно таково, какимъ его изображаютъ наши великіе писатели: Кантемиръ, Фонвизинъ, Пушкинъ (Евгеній Онѣгинъ), Гоголь, Тургеневъ (Рудинъ, Базаровъ, Неждановъ) Салтыковъ, если положительные типы, выведенные тѣми же писателями (Стародумы, Правдины, Костанжогло, Штольцы, Соломины и т. д.), насъ не удовлетворяютъ, то гдѣ же та сила, которая можетъ настолько же обезпечить внутреннее процвѣтаніе Россіи, насколько обезпечено внѣшнее ея могущество, воспѣтое Ломоносовымъ, Державинымъ, Пушкинымъ? Слѣдуетъ ли ее искать исключительно въ протестѣ, или въ чемъ-то иномъ? Надъ этимъ вопросомъ глубоко задумывались всѣ большіе наши писатели прошлаго и истекающаго вѣка. Фонвизинъ также весь въ него ушелъ, и мы старались въ этомъ этюдѣ показать, какъ онъ его рѣшилъ.

Р. Сементковскій.

МИХАИЛЪ СУСЛОВЪ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ АГЕНТЪ XVII ВѢКА.

I.

ОСКОВСКОМУ правительству XVII вѣка стоило немалыхъ усилій и трудовъ собирать свѣдѣнія о положеніи Польши, Турціи, Швеціи и другихъ сосѣднихъ странъ, борьба съ которыми, явная и тайная, шла непрерывно. Непосредственныя сношенія правительства съ своими заграничными послами и резидентами были крайне рѣдки и очень затруднительны. Приходилось прибѣгать къ инымъ мѣрамъ, чтобы добыть политическія и военныя «вѣсти» о сосѣдяхъ. Воеводамъ порубежныхъ городовъ предписывалось всякими мѣрами и постоянно собирать вѣсти и сообщать ихъ въ Москву, въ Разрядный и Посольскій приказы. Воеводы обязательно опрашивали всѣхъ «выходцевъ» изъ сосѣднихъ государствъ, переходившихъ въ московское подданство, и всѣхъ русскихъ «полонениковъ», возвращавшихся на родину изъ турецкой и крымской неволи, изъ Польши и проч. Не освобождены были отъ обязательнаго сообщенія вѣстей и русскіе «торговые люди», посѣщавшіе сосѣднія страны «для торговыхъ промысловъ».

Но всѣхъ этихъ путей для добыванія вѣстей было недостачно, и московское правительство завело своихъ спеціальныхъ «вѣстовщиковъ», или «лазутчиковъ», состоявшихъ при воеводахъ пору-

бежныхъ городовъ, откуда ихъ и посылали въ сосѣднія государства въ поиски за вѣстями. Лазутчики избирались воеводами какъ изъ служилыхъ людей, такъ и изъ жилецкихъ—изъ посадскихъ, крестьянъ и проч. Оставаясь постоянно въ роли лазутчиковъ эти лица становились съ теченіемъ времени очень полезными и толковыми политическими агентами московскаго правительства. Хорошо ознакомившись съ своей профессіей, лазутчики основательно понимали требованія правительства и собирали для него именно тѣ вѣсти, какія требовались въ данный моментъ, а не несли разную околесицу и не сообщали такихъ пустяковъ, какіе сплошь и рядомъ попадаются въ вѣстяхъ случайныхъ вѣстовщиковъ—у выходцевъ и полонениковъ. Только вѣсти торговыхъ людей приближаются по степени достовѣрности къ вѣстямъ спеціальныхъ лазутчиковъ. Тѣ и другіе въ своихъ частыхъ и продолжительныхъ поѣздкахъ за рубежъ успѣвали основательно изучить положеніе посѣщаемыхъ ими странъ и завязать сношенія съ зарубежными жителями—завести тамъ «знакомцевъ», отъ которыхъ и узнавали интересующія ихъ политическія и другія новости. Помимо прямыхъ сношеній съ зарубежными «знакомцами», лазутчики прибѣгали и къ другимъ пріемамъ для добыванія вѣстей—къ подкупу полезныхъ въ этомъ отношеніи лицъ, къ собственному переодѣванью, чаще всего «въ нищемъ образѣ», и проч. Процессъ собиранія вѣстей не всегда проходилъ для лазутчиковъ безнаказанно: иностранныя правительства усердно ихъ выслѣживали и нерѣдко ловили и наказывали [1])...

Служебное положеніе лазутчиковъ и предъявляемыя къ нимъ требованія правительства довольно ясно обрисовываются въ воеводскихъ «наказахъ». Напримѣръ, въ наказѣ великолуцкому воеводѣ стольнику О. В. Бутурлину, отъ 23 февраля 1630 г., находимъ слѣдующія предписанія относительно лазутчиковъ.

Воеводѣ предписывается «выбрать на Лукахъ изъ посадскихъ людей и изъ пашенныхъ крестьянъ и изъ всякихъ людей—лазутчиковъ, добрыхъ людей и разумныхъ, которые къ тому государеву дѣлу пригодятся, кого пригоже, и привести ихъ къ государеву крестному цѣлованью на томъ, что имъ государю служить—въ литовскіе города лазучить ходить и вѣстей всякихъ провѣдывать подлинно, а московскихъ никакихъ вѣстей на смуту и никакого дурна литовскимъ людямъ, опричь добра [2]), ничего не сказы-

[1]) Подробности объ организаціи собиранія вѣстей въ XVII вѣкѣ и о значеніи послѣднихъ см. въ моей статьѣ «Воеводскія вѣстовыя отписки XVII вѣка, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи»: «Кіевская Старина», 1885 г., № 7, стр. 1—52. Спеціально о лазутчикахъ см. стр. 3—5, 19—27.

[2]) «Добро и «дурно» разумѣются здѣсь, конечно, не въ прямомъ смыслѣ, а въ политическомъ... Лазутчики могутъ говорить въ Литвѣ о московскихъ событіяхъ только то, что «добро», т. е., что полезно московскому правительству...

вать, и въ подаркахъ ничего не имать, и литовскихъ людей къ государевымъ городамъ измѣною не привесть, и во всемъ государю служить въ правду, безъ всякой хитрости».

«А приведши ихъ ко кресту, государева жалованья дать имъ по чему доведется, смотря по человѣку и примѣряясь къ прежнимъ дачамъ, изъ тамошнихъ (то-есть мѣстныхъ) доходовъ. И тѣхъ лазутчиковъ имена прислать къ государю» (то-есть въ Разрядный приказъ).

Воевода долженъ «посылать тѣхъ лазутчиковъ въ литовскіе города, куда пригоже, а велѣть про вѣсти провѣдывать всякими обычаи» и «накрѣпко» (то-есть основательно и точно) «про короля и королевича», о сборахъ и движеніяхъ литовскихъ ратныхъ людей, о сеймахъ, объ отношеніяхъ Польши къ Турціи, Крыму и Швеціи и проч. Но самая главная задача для лазутчиковъ собирать вѣсти о томъ, нѣтъ ли у короля «какого умышленья на московское государство»...

Лазутчики должны отправляться въ Литву «почасту», и объ ихъ вѣстяхъ воевода отписываетъ въ Москву «почасту же». Тѣмъ лазутчикамъ, «которые придутъ съ прямыми (то-есть достовѣрными) вѣстями изъ литовскихъ городовъ, давать за вѣсти (то-есть сверхъ годоваго жалованья) государева жалованья по полтинѣ или по рублю, и смотря по вѣстямъ» [1])...

II.

Въ числѣ подобныхъ политическихъ агентовъ XVII вѣка довольно видное мѣсто занимаетъ кіевскій лазутчикъ Михаилъ Яковлевъ Сусловъ, дѣятельность котораго относится ко второй половинѣ вѣка. Сусловъ состоялъ при кіевскихъ воеводахъ, игравшихъ въ то время едва ли не самую крупную роль среди другихъ порубежныхъ съ Польшею воеводъ. Да и время, въ какое дѣйствовалъ Сусловъ въ этомъ бойкомъ политическомъ пунктѣ, было очень бурное: справедливо замѣчаетъ Сусловъ, что онъ былъ лазутчикомъ «въ самыя нужныя и въ тревожныя времена»... Все болѣе и болѣе разгоравшаяся борьба съ Польшей, неурядицы и броженія въ Малороссіи, натянутыя или прямо враждебныя отношенія къ Крыму, Турціи и проч.—все это требовало самаго бдительнаго наблюденія за жизнью этихъ старыхъ враговъ Москвы и самаго аккуратнаго собиранія вѣстей о нихъ. И если эти вѣсти приносили пользу московской дипломатіи, въ чемъ нельзя сомнѣваться, хотя бы въ виду той настойчивости, съ какою Москва собирала вѣсти, — то весьма значительный вкладъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ именно скромному и малоизвѣстному политическому

---

[1]) Ibid., 20—21.

агенту Михаилу Суслову. Въ «вѣстовыхъ отпискахъ» кіевскихъ воеводъ послѣдней четверти XVII вѣка (частью напечатанныхъ въ актахъ археографической комиссіи и въ другихъ изданіяхъ, но большею частію еще не извлеченныхъ изъ нашихъ московскихъ историческихъ архивовъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ) имя лазутчика Суслова встрѣчается очень часто, наряду съ добытыми имъ политическими и военными вѣстями, отличающимися почти всегда новизною, достовѣрностью и точностью. Видно, что эти вѣсти собиралъ человѣкъ, хорошо знакомый съ политическимъ положеніемъ Польши и другихъ сосѣднихъ странъ и съ дипломатическими видами московскаго правительства, человѣкъ умный, бывалый, имѣвшій значительныя связи въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ лазучилъ.

Да и не мудрено, что Сусловъ пріобрѣлъ значительную опытность въ своей профессіи: лазучилъ онъ болѣе 25 лѣтъ. Именно за 25 лѣтъ, съ 1669 г. по 1694 г., мы имѣемъ его автобіографическія показанія о своей политической службѣ (см. ниже).

Главнымъ полемъ дѣятельности Суслова была Польша, особенно въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка. Рѣдкій годъ проходилъ, чтобы онъ не совершилъ въ Польшу 2—3 экскурсій. Удивительно, какъ при такихъ частыхъ поѣздкахъ въ Польшу Суслова не заподозрѣли тамъ въ лазутчествѣ и не поймали на немъ. Очевидно, это надо отнести къ искусству его скрывать свою личность и цѣли... Изъ нѣкоторыхъ данныхъ можно судить, что онъ почти всегда маскировалъ свои цѣли разными торговыми предпріятіями.

Вообще, онъ былъ человѣкъ довольно денежный (между прочимъ имѣлъ въ Кіевѣ на Подолѣ свой дворъ) и велъ торговыя дѣла какъ отъ себя лично, такъ и отъ разныхъ московскихъ торговыхъ людей. Въ своихъ лазутческихъ похожденіяхъ онъ деньгами не стѣснялся и часто прибѣгалъ къ этому вѣрному средству для добычи вѣстей... Въ 1686 г. онъ просилъ правительство выдать ему огромную для того времени сумму 1.327 рублей, кои онъ будто бы истратилъ на «дачи и почести», добывая вѣсти въ Польшѣ во время своего многолѣтняго лазутчества. Нельзя не пожалѣть, что Сусловъ не оставилъ обстоятельной росписи такого крупнаго расхода на подкупъ поляковъ и на другіе расходы по лазутчеству: получилась бы весьма поучительная картинка!...

Кромѣ добыванія вѣстей, Сусловъ постоянно доставлялъ въ Кіевъ (откуда пересылались въ Москву) изъ Польши «печатные авизы», то-есть европейскія газеты того времени. Такъ, въ 1693 г. онъ привезъ въ Кіевъ «300 овизовъ печатныхъ да 3 листа о всякихъ нѣмецкихъ и цесарскихъ и турскихъ и крымскихъ и польскихъ поведеніяхъ»...

Кромѣ Польши, Суслова посылали, но рѣже, еще въ Волошскую и Цесарскую землю, былъ онъ даже въ «Венецыйской землѣ».

Зналъ онъ языки всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ приходилось лазучить, но лучше всего владѣлъ польскимъ и латинскимъ языками. Нечего говорить, что онъ былъ человѣкомъ грамотнымъ. Возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ въ Кіевъ, Сусловъ и здѣсь не сидѣлъ сложа руки, но исполнялъ отвѣтственную и полезную роль переводчика при кіевской приказной палатѣ. Всѣ «тайныя письма» изъ Польши и другихъ странъ,—говоритъ онъ въ своей челобитной царямъ въ 1693 г. (см. ниже),—письма, написанныя «польскимъ и латинскимъ письмомъ, я холопъ вашъ тѣ письма на русской языкъ переводилъ самъ, а иноземцы тѣхъ надобныхъ писемъ не переводили, чтобъ было тайно и въ дѣлахъ было правдиво»... Видно отсюда, какимъ довѣріемъ пользовался Сусловъ у кіевскихъ воеводъ... Когда приходили въ Кіевъ полоненики и выходцы изъ Польши и Валахіи, воеводы призывали Суслова въ приказную палату «для роспросу и для всякихъ вѣдомостей и переводовъ, денно и нощно, непрестанно»...

Вообще, служба Суслова была не изъ легкихъ, а во время лазутчества—положительно опасная... Достаточно, напримѣръ, указать на разсказываемый самимъ Сусловымъ (см. ниже) случай разбойничьяго нападенія на него въ 1693 г. въ окрестностяхъ Кіева не разбойниковъ, но представителей малороссійской «старшины»—орены (sic!) «генеральнаго есаула» Андрея Гамалѣя съ сыновьями и съ зятемъ-сыномъ Прилуцкаго полковника Лазоренка... Эти блестящіе грабители, предводительствуемые г-жей Гамалѣй, хотѣли ограбить важныя дипломатическія бумаги, кои Сусловъ везъ въ Москву, но бумагъ не нашли у опытнаго лазутчика и ограничились грабежемъ денегъ, да нѣсколькихъ рубахъ съ «портками» Суслова, при чемъ самого владѣльца «портковъ» избили самымъ жестокимъ образомъ...

И такіе случаи были, вѣроятно, не рѣдки въ практикѣ Суслова. Но онъ ревностно служилъ на избранномъ имъ поприщѣ «со всякимъ великимъ опасеніемъ, не щадя головы своей», которой дѣйствительно часто угрожала самая явная опасность... Видно, онъ любилъ свое дѣло и отдавалъ ему всѣ свои силы...

Кто же былъ Михаилъ Сусловъ по своему происхожденію? Въ актахъ XVI—XVII вв. встрѣчается фамилія Сусловыхъ среди дворянъ и дѣтей боярскихъ [1]). Но имѣлъ ли къ нимъ родственное отношеніе нашъ Сусловъ—не знаю. Въ послѣдней четверти XVII в въ кіевской приказной и разрядной избахъ были подьячіе Осипъ и Тимоѳей Сусловы [2]); это несомнѣнно родственники Михаила Суслова, можетъ быть, его родные братья. Объ отцѣ же его есть пря-

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист., I, 99,100; Ак. Ист., IV, 18, 82, 96 и др.

[2]) Доп. къ Ак. Ист., X, 103; см. мое «Обозр. ист.-географ. матер. XVII в.» («Опис. докум. Моск. архива мин. юст.», 10), 196.

кое документальное извѣстіе: въ «отпискѣ» кіевскаго воеводы кн. Гр. Козловскаго, въ іюлѣ 1671 г.[1]) сообщаются вѣсти, доставленныя изъ Польши добровольцемъ-лазутчикомъ «Гоголевскимъ попомъ» Исакіемъ Васильевымъ и изъ Волошской земли «кіевскаго пушкаря Якушки Суслова сыномъ ево Мишкою»... Врядъ ли Яковъ Сусловъ былъ уроженцемъ Кіева. Когда Михаила Суслова въ 1686 г. поверстали въ службу, велѣно было его «написать въ дѣти боярскіе по Стародубу, а жить и служить ему попрежнему въ Кіевѣ»... Очевидно, у Сусловыхъ были какія-то отношенія къ Стародубу, если Михайло пожелалъ быть внесеннымъ въ списки служилыхъ людей именно этого города: вѣроятно, Стародубъ былъ родиною его отца. Впрочемъ извѣстно, что потомство Михайлы Суслова осталось въ Кіевѣ и современемъ перешло въ сословіе купеческое [2]).

Перехожу къ изложенію двухъ любопытныхъ челобитныхъ дѣлъ Михаила Суслова, производившихся въ концѣ 1693 г. и въ началѣ 1694 г. въ Приказѣ Малой Россіи [3]). Первое дѣло возникло по челобитной Суслова о томъ, чтобы за долголѣтнюю его службу «учинить придачу» къ его денежному и хлѣбному жалованью и «написать по московскому списку», т. е. въ «дворяне московскіе»... Во второй челобитной онъ жалуется на грабежъ и насилія, учиненныя надъ нимъ Гамалѣями и Лазоренкомъ. Оба дѣла, особенно первое, сообщаютъ много данныхъ о лазутческой службѣ Суслова, объ ея условіяхъ, пріемахъ, о взглядахъ правительства на дѣятельность Суслова и проч., и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія.

III.

Первая «челобитная» подана Михаиломъ Сусловымъ въ ноябрѣ 1693 г. въ приказъ Малой Россіи (въ Москвѣ). Сусловъ говоритъ, что лазутческая служба его началась еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Какъ при немъ, такъ и при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и при нынѣшнихъ государяхъ (Иванѣ и Петрѣ) его «многажды» посылали, «по грамотамъ» изъ приказа Малой Россіи и «по приказу» кіевскихъ воеводъ, преимущественно въ Польшу—въ Варшаву, Краковъ, Львовъ и въ другія мѣста. Служба его происходила «въ самыя нужныя и въ тревожныя времена»... Посылали его и съ открытыми порученіями—съ государевыми грамотами и съ «ли-

---

[1]) См. въ Моск. архивѣ мин. юст. Малоросс. приказа столбецъ № 81, лл. 21—23.

[2]) См. жалобу Ивана Суслова (внука Михайла) на кіевскій магистратъ— въ ст. А. А. Андріевскаго «Нѣсколько данныхъ о великоросс. купечествѣ въ Кіевѣ» («Чтенія истор. общ. Нестора лѣтоп.», VI), стр. 177, 190—191.

[3]) Малоросс. приказа столбецъ № 81, лл. 1—14 и 15—20.

стами» къ московскимъ резидентамъ и «къ корунымъ и вольнымъ гетманамъ въ обозъ» и къ другимъ польскимъ властямъ, но главнымъ образомъ его посылки имѣли тайную цѣль—провѣдывать «всякіе непріятельскіе замыслы». Для собиранія вѣстей онъ завелъ близкія сношенія съ разными лицами въ Польшѣ, при чемъ приводитъ только имя—шляхтича Юрія Попары. Повидимому, панъ Попара просто состоялъ московскимъ шпіономъ... По крайней мѣрѣ Сусловъ говоритъ, что онъ «многажды» и «тайно» получалъ отъ Попары «письма» съ вѣстями, которыя доставляли разные «проходцы».

Точно также и въ Волошской землѣ у Суслова были такіе «знакомцы», доставлявшіе ему вѣсти при личныхъ свиданіяхъ и въ письмахъ чрезъ «проходцевъ»: это были «вистярникъ» и «приколабъ». Если не ошибаюсь, это не личныя имена, а названія какихъ-то должностей и едва ли не центральнаго управленія Валахіи. Если такъ—значитъ, Сусловъ владѣлъ искусствомъ втираться и въ высшія сферы изучаемыхъ имъ странъ...

Кромѣ того, Сусловъ постоянно прибѣгалъ и къ подкупу полезныхъ ему лицъ: «радѣя великимъ государямъ истиною», онъ давалъ разнымъ лицамъ въ Польшѣ и другихъ странахъ «почести» (подарки и деньги), чтобы они «писали правду»... Ему приходилось тратить на это собственныя деньги, такъ какъ «государева жалованья изъ Кіева къ нимъ ничего не посылано». Да и самъ Сусловъ съ 1669 г. (когда началась его лазутческая служба) и до 1686 г. ничего не получалъ государева жалованья (т. е. постояннаго, годоваго, но единовременныя выдачи за вѣсти получалъ). Только въ 1686 г. учинено ему «годового жалованья чеками 15 рублевъ, хлѣба противъ того-жъ, и велѣно мнѣ служить по Стародубу, а помѣстья и вотчинъ за мною нѣтъ нигдѣ, и тѣмъ мнѣ вашимъ жалованьемъ прокормитца съ женишкою и съ дѣтишками нечимъ»...

Между тѣмъ, съ 1686 г. служебныя посылки Суслова увеличились. Ежегодно, а то и по два и по три раза въ теченіе года, посылали его изъ Кіева «въ польскіе и цесарскіе города» къ московскимъ резидентамъ, для провѣдыванія «тайныхъ дѣлъ». Когда въ 1687 г. онъ былъ въ Польшѣ, его дворъ въ Кіевѣ сгорѣлъ, «со всѣми пожитками», «и за то пожарное разореніе ничего мнѣ вашего жалованья на дворовое строеніе не дано»...

Въ 1693 г. кіевскій воевода стольникъ кн. Лука Ѳедоровичъ Долгоруковъ послалъ Суслова въ Гродню «на великой сеймъ», къ «посланнику» Борису Михайлову, котораго онъ въ Гроднѣ не засталъ и «по указу королевскаго величества» поѣхалъ къ Михайлову въ Варшаву, при чемъ на эту поѣздку—на наемъ подводъ и «на прокормленіе»—«исхарчилъ» своихъ денегъ больше 100 рублей.

Въ томъ же 1693 г. онъ вторично ѣздилъ къ Борису Михайлову, въ Варшаву, съ отписками кіевскаго воеводы боярина кн. Петра

Ивановича Хованскаго. Михайловъ отправилъ съ Сусловымъ и однимъ подьячимъ въ Кіевъ, для пересылки въ Москву, весь архивъ русскихъ резидентовъ въ Польшѣ: государевы грамоты къ Михайлову и его предшественникамъ и разныя «дѣла о самыхъ нужныхъ о всякихъ дѣлахъ». Сусловъ благополучно доставилъ бумаги въ Кіевъ, «со всякимъ великимъ опасеніемъ, не щадя головы своей». Везъ онъ дѣла «на своихъ подводахъ, и проторяхъ, и харчахъ», за кои ничего не получилъ изъ государевой казны.

О всей службѣ его съ 1669 г., сколько «какихъ дѣлъ и вѣдомостей о непріятельскихъ замыслахъ и авизей учинено» Сусловымъ, «по вся годы» писали къ государю кіевскіе воеводы, представляя въ приказъ Малой Россіи и всѣ его «допросныя рѣчи», «письма» и проч. Точно также извѣстна государю и его служба въ роли переводчика кіевской приказной палаты (см. выше).

Въ концѣ своей челобитной Сусловъ говоритъ: отъ «многихъ дальнихъ посылокъ въ разныя государства и отъ дачи и почестей я, холопъ вашъ, оскудалъ и одолжалъ многими неокупными долгами и пришелъ въ убожество и въ совершенную нищету, и нынѣ государь, питаюсь, съ женишкою и съ дѣтишками своими мало что не Христовымъ именемъ, и дворишка построить мнѣ нечемъ — за скудостью скитаюсь по чюжимъ дворамъ»... Когда посылаютъ его въ Польшу и другія государства, воеводы даютъ ему «на подъемъ» денегъ «самое малое число, что и поднятца нечемъ»...

Сусловъ проситъ: за «многія службишки и непрестанныя посылки дальнія», за «пожарное разоренье» и за всѣ «протори» во время лазутчества учинить ему «придачу» къ его окладу денежнаго и хлѣбнаго жалованья и «поденной кормъ давать противъ дворянъ московскихъ и кормовыхъ иноземцевъ, изъ кіевскихъ доходовъ, и велите, государи, меня холопа своего написать по московскому списку».

Эта челобитная была подана Сусловымъ 17 ноября 1693 г. Приказъ Малой Россіи составилъ «выпись», въ которой сообщаются новыя подробности о лазутческой службѣ Суслова.

Первое извѣстіе документовъ приказа о службѣ Суслова относится къ 1672 г., когда кіевскіе воеводы, окольничій князь Григорій Аѳанасьевичъ Козловской съ товарищи, писали, что два раза посылали Суслова въ Польшу и Валахію «для провѣдыванья всякихъ вѣдомостей». Съ 1672 г. по 1686 г. былъ онъ въ посылкахъ въ Польской, Волошской, Цесарской, Венеціанской и др. земляхъ «по вся годы, многажды».

Въ aпрѣлѣ 1686 г. билъ челомъ Сусловъ, чтобъ государи пожаловали его «за многія службы и непрестанныя волокиты», велѣли выдать изъ казны 1.327 рублей, кои онъ издержалъ изъ «своихъ пожитковъ» на разные расходы по лазутческой службѣ. Просилъ

онъ также—«учинить ему денежной и хлѣбной окладъ и поденной кормъ противъ переводчиковъ и поверстать въ чинъ».

Понятно, эта просьба не могла быть исполнена въ полномъ ея объемѣ: слишкомъ уже велика была для того времени запрошенная Сусловымъ сумма... Да, вѣроятно, онъ и не представилъ никакихъ оправдательныхъ документовъ по своимъ расходамъ: по крайней мѣрѣ выпись приказа Малой Россіи ничего объ этомъ не говоритъ. Голословному же утвержденію Суслова не могли повѣрить...

Во всякомъ случаѣ Суслову выдали не 1.327 р., а всего 100 р. чехами, «изъ кіевскихъ доходовъ», въ вознагражденіе всѣхъ его расходовъ по лазутчеству («за харчи и за издержки»).

Въ выдачѣ «поденнаго корма противъ переводчиковъ» отказано Суслову. Но годовое жалованье учинено ему по окладу—денегъ 15 рублей, ржи 15 четей, кои велѣно выдавать ему «въ Кіевѣ во вся годы». Исполнена наконецъ его просьба о поверстаніи «въ чинѣ»: по государеву указу и «по помѣтѣ на выпискѣ» думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова велѣно Суслова «написать въ дѣти боярскіе по Стародубу, а жить и служить ему попрежнему въ Кіевѣ». Грамота о всѣхъ этихъ пожалованіяхъ Суслову послана кіевскимъ воеводамъ окольничему князю Василію Өеодоровичу Жирового-Засѣкину съ товарищи.

Съ 1686 года по 1691 годъ Сусловъ «многажды» посылался въ Польшу, къ московскимъ резидентамъ Ивану Волкову и Борису Михайлову, а также въ Цесарскую, Волошскую и Венеціанскую земли.

20-го октября 1692 года подалъ онъ новую челобитную о пожалованіи ему «придачи» къ денежному и хлѣбному окладу и поденнаго корма «противъ дворянъ московскихъ»...

Но и это челобитье было отклонено и вмѣсто увеличенія окладнаго жалованья и дачи кормоваго жалованья Суслову выдали только единовременное пособіе въ 15 рублей: за его «службы и за польскую посылку» дано ему «въ приказъ денегъ 15 рублевъ, изъ Новгородскаго приказу». Въ грамотѣ кіевскимъ воеводамъ по этому поводу велѣно Суслова «посылать впредь въ Польшу и въ иные городы (государства) для провѣдыванія вѣдомостей, потому что онъ для того въ Кіевѣ и живетъ и даетца ему по всѣ годы жалованье денежное и хлѣбное»...

Въ этихъ словахъ виденъ намекъ на причины, заставлявшія правительство отказывать Суслову по его челобитьямъ... Дѣятельность Суслова оно цѣнило и награждало по возможности, но не могло вполнѣ удовлетворять всѣ его желанія, такъ какъ находило ихъ чрезмѣрными. И дѣйствительно Сусловъ былъ слишкомъ требователенъ: то онъ требуетъ выдачи ему болѣе 10 тысячъ рублей (1.327 р. конца XVII вѣка по самому скромному переводу на современныя деньги нужно увеличить въ 10 разъ) за невѣдомыя

«протори», то онъ, сынъ простого пушкаря, только что поверстанный въ боярскія дѣти, изъявляетъ претензію пробраться въ рангъ высшихъ служилыхъ людей—«московскихъ дворянъ»... Какъ ни полезна была служба Суслова, но вѣдь въ основѣ ея лежало шпіонство, и московское правительство отлично понимало, что нельзя шпіона награждать также, какъ оно награждало военныя и другія доблести своихъ служилыхъ людей... Какъ увидимъ ниже, и послѣднее челобитье Суслова, поданное въ 1693 году, о написаніи въ дворяне московскіе также было отклонено правительствомъ, какъ и всѣ предыдущія попытки Суслова втереться «въ московской списокъ»... Нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ такому такту московскаго правительства XVII вѣка...

Далѣе выпись приказа Малой Россіи перечисляетъ послѣднія посылки Суслова за 1693 годъ. Въ февралѣ кіевскіе воеводы писали о посылкѣ Суслова въ Польшу на сеймъ и о привозѣ имъ въ Кіевъ отъ резидента дьяка Бориса Михайлова «подлинныхъ вѣдомостей о всякихъ польскихъ и турецкихъ и цесарскихъ поведеніяхъ». Вѣсти эти, какъ и всегда, отосланы въ Москву. Въ маѣ воеводы снова посылали Суслова въ Польшу.

5-го октября писалъ изъ Польши резидентъ Михайловъ, что въ іюлѣ онъ отправилъ въ Москву черезъ Кіевъ свой резидентскій архивъ—«самыя государственныя нужныя дѣла». Дѣла повезъ Сусловъ, на своихъ «подводахъ и харчахъ», съ подьячимъ посольскаго приказа Никифоромъ Ивановымъ и въ сопровожденіи 3 рейтаръ и одного стрѣльца. Повезъ Сусловъ и новѣйшія «вѣсти».

Въ октябрѣ писали кіевскіе воеводы о пріѣздѣ изъ Польши Суслова и прислали въ Москву доставленные имъ «300 овизовъ печатныхъ» и проч. (см. выше).

«У выписки» (т. е. при составленіи выписи въ приказѣ) челобитчикъ М. Сусловъ показалъ, что въ послѣднія двѣ посылки въ Польшу онъ издержалъ своихъ денегъ 101 рубль.

Въ заключеніе выпись подсчитываетъ, что съ 1686 года по декабрь 1693 года Сусловъ былъ въ 12 «посылкахъ»: въ 1686 году его 3 раза посылали въ Польшу, въ 1687 году—3 раза, въ Польшу и въ Цесарскую землю—«къ великимъ и полномочнымъ посломъ», въ 1691 году—2 раза, къ резиденту въ Польшѣ и разные польскіе города, въ 1693 году—4 раза, туда же. За пропущенные здѣсь года приказъ, очевидно, не нашелъ свѣдѣній. Точнаго количества посылокъ за предыдущіе года лазутческой службы Суслова—за 1672—1685 гг.—приказъ не опредѣляетъ и говоритъ, что за это время Сусловъ «многажды» былъ «въ разныхъ посылкахъ».

На «выписи» [1]) стоитъ помѣта: «выписать на перечень въ докладъ».

---

[1]) Отмѣчаю для спеціалистовъ одно мѣсто «выписи», ясно показывающее, что выраженіе о дачѣ денегъ «въ приказъ» слѣдуетъ понимать, какъ едино-

«Докладъ», представляющій сокращенное изложеніе «выписи», оканчивается обычнымъ заключеніемъ, что «нынѣ бьетъ челомъ» Михайло Сусловъ о «придачѣ» и «кормѣ противъ дворянъ московскихъ» и о внесеніи его въ «московской списокъ»: «и о томъ великіе государи... что укажутъ?»

Докладъ былъ представленъ уже въ февралѣ 1694 года. Приговоръ былъ такой: «202 году, февраля въ 7 день, великіе государи пожаловали Михайла Суслова—велѣли ему дать своего великихъ государей жалованья за ево волокиту, что онъ посыланъ для провѣдыванья вѣстей изъ Кіева въ Польшу, въ приказъ 20 рублевъ чехами, изъ кіевскихъ доходовъ, и о томъ послать въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ ихъ великихъ государей грамоту» (л. 14).

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ правительство отдѣлалось отъ назойливости Суслова выдачею ему единовременной денежной награды. Мечты Суслова о «московскомъ дворянствѣ» опять не осуществились...

IV.

Перехожу ко второй челобитной Михаила Суслова, также лично имъ поданной въ приказъ Малой Россіи въ ноябрѣ 1693 года и передающей любопытный эпизодъ объ ограбленіи и избіеніи Суслова Гамалѣями и Лазоренкомъ.

Исторія эта находится въ связи съ извѣстнымъ уже дѣломъ о привозѣ Сусловымъ изъ Варшавы русскаго посольскаго архива. Какъ извѣстно, осенью 1693 года Сусловъ и подьячій посольскаго приказа Никифоръ Ивановъ благополучно доставили въ Кіевъ отъ «посланника» Бориса Михайлова разныя посольскія «дѣла». Кіевскій воевода бояринъ князь П. И. Хованской немедленно отправилъ Суслова съ «дѣлами» въ Москву, давши ему «для всякаго опасенія» въ провожатые того же подьячаго Н. Иванова и нѣсколькихъ рейтаръ и «почтарей».

Изъ Кіева выѣхали они 10-го сентября и не успѣли отъѣхать 2½ верстъ, какъ «въ бору» (Броварскомъ) на той сторонѣ Днѣпра остановила ихъ группа всадниковъ: «стояли 3 корѣты да вершниковъ черкасъ человѣкъ съ 30-ть»... Какъ узналъ потомъ Сусловъ, это были съ своими казаками и «челядниками»—«поддан-

---

временную выдачу. Въ 1686 году дано было Суслову «изъ кіевскихъ доходовъ» 100 рублей. Въ 1692 году онъ получилъ «въ приказъ денегъ 15 рублевъ изъ Новгородского приказу» (л. 5). «Всего,—подсчитываетъ выпись,—ему, Михайлу, дано ихъ великихъ государей жалованья (т. е. не окладного, а особаго, наградного,—окладное же жалованье онъ получалъ ежегодно съ 1686 года) со 180 (1672) г. по нынѣшней 202 (1694) г. 115 рублевъ» (л. 12). Значитъ 15 р. «въ приказъ» Сусловъ получилъ только одинъ разъ—въ 1692 году.

ного вашего... гетьмана Ивана Степановича Мазепы осоулова его енарального жена Гамалеина (Андрея Гамалѣя) съ дѣтьми своими и съ зятемъ — бывшего Прилуцкаго полковника сынъ меньшей Лазоренко»...

Казаки и челядники, по приказанію сына Гамалѣя и Лазоренка, бросились на сопровождавшихъ Суслова рейтаръ и «почтарей» и стали ихъ бить. Сусловъ выскочилъ «изъ телѣги»—сталъ тѣхъ рейтаръ отнимать... Тогда черкасы набросились на него и «саблею учали рубить и щоку перерубили въ 3-хъ мѣстахъ, и отъ такихъ великихъ ранъ и обліянія крови я, холопъ вашъ, и свѣту не взвидѣлъ»... Но Лазоренко этимъ не удовольствовался: велѣлъ своимъ людямъ сойти съ коней «и бить до смерти» уже лежавшаго безъ сознанія Суслова.

Затѣмъ черкасы «рейтаръ и почтарей отъ моей телѣженки отогнали и взяли переметныя сумки: надѣялися, что въ тѣхъ сумкахъ ваши великихъ государей дѣла, которыя со мною... посланы отъ вашего... посланника и резидента Бориса Михайлова. А въ тѣхъ переметныхъ сумкахъ вашихъ великихъ государей дѣлъ не было, а были товарныя деньги», принадлежавшія «гостямъ» Кондратью Маркову и сыну его Логину Добрынинымъ, въ количествѣ 200 р. «серебряныхъ денегъ» и 173 р. «золотыхъ червонныхъ». Кромѣ того, въ переметныхъ сумкахъ были собственныя деньги Суслова и польскими чехами на 5 рублей 6 алтынъ 4 деньги, да нѣсколько штукъ бѣлья его же: «4 пары рубашекъ съ портками, 4 полотенца утиральныхъ, 15 платковъ шапочныхъ». Все это пограбили Гамалѣи съ Лазоренкомъ... Были еще въ сумкахъ 2 бумаги: «проѣзжей листъ» Суслову и «отписка» кіевскихъ воеводъ черниговскимъ о дачѣ подводъ и провожатыхъ Суслову. Но все это было не то, чего искали грабители: «государевы дѣла» были искусно припрятаны Сусловымъ на днѣ телѣги и не найдены черкасами.

Захвативши переметныя сумки, черкасы ускакали. Подьячій Ивановъ не рѣшился продолжать путь дальше, справедливо опасаясь, что Гамалѣи, не найдя въ сумкахъ государевыхъ дѣлъ, сдѣлаютъ новое нападеніе и отобьютъ дѣла. При томъ же, Сусловъ лежалъ «замертво» и требовалъ врачебной помощи. Ивановъ вернулся въ Кіевъ и сдалъ «дѣла» и Суслова въ приказную палату. На другой день дѣла были отправлены въ Москву съ тѣмъ же подьячимъ Н. Ивановымъ и съ «капитаномъ московскихъ стрѣльцовъ», подъ охраною значительнаго отряда ратныхъ людей.

Сусловъ остался въ Кіевѣ и 5 недѣль «лежалъ при смерти». Его «бой и раны досматривали московскіе лекари», состоявшіе на службѣ при войскахъ кіевскаго гарнизона. Воеводы сняли допросныя рѣчи» о грабежѣ Гамалѣевъ съ Суслова, Иванова, рейтаръ и почтарей, и тѣ допросы отправили въ Москву.

Оправившись, Сусловъ поѣхалъ туда же и тамъ подалъ челобитную, въ которой проситъ послать къ гетману Мазепѣ грамоту, чтобы онъ, «розыскавъ тотъ мой грабежъ, отдалъ мнѣ, чтобъ мнѣ отъ того ихъ разоренія съ женишкою и дѣтишками своими въ конецъ не погибнуть. А о вашихъ великихъ государей дѣлахъ, что она осоулова жена (т. е. жена Андрея Гамалѣя, «генеральнаго есаула») съ сыновьями своими и съ зятемъ... Лазоренкомъ поруку хотѣли надъ вашими великими государственными посольскими тайными дѣлами и надъ моею холопа вашего головою кровопролитія учинить, какъ вы, великіе государи, укажете, чтобъ мнѣ, холопу вашему, было мочно впредь служить вамъ, великимъ государямъ, и съ вашими великихъ государей дѣлами ѣздить. Великіе государи, смилуйтеся, пожалуйте!».

Въ приказѣ Малой Россіи сняли новые допросы съ М. Суслова, Н. Иванова, съ рейтаръ и почтарей. Всѣ спутники Суслова подтвердили его показанія.

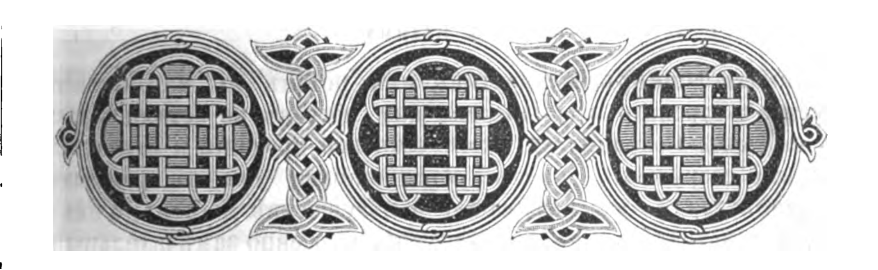
Суслова «досматривали» въ приказѣ, и «по осмотру» оказалось: «на головѣ во многихъ мѣстахъ пробито, и правой глазъ зашибенъ, и подъ глазомъ на щекѣ порублено саблею, и лице опухло» и проч.

18 декабря 1693 г. состоялся такой приговоръ по второй челобитной Суслова: «великіе государи указали: съ вышеписаннаго челобитья Михайла Суслова послать свою великихъ государей грамоту къ гетману къ Ивану Степановичю Мазепѣ — велѣть ему о томъ розыскавъ и указъ по розыску учинить по войсковымъ правамъ, а что учинено будетъ, и о томъ къ нимъ, великимъ государямъ, писать».

Чѣмъ кончилось это дѣло и какова вообще была дальнѣйшая судьба кіевскаго лазутчика Михайлы Суслова,—свѣдѣній не имѣю.

Н. Оглоблинъ.

РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНЯГО ГОРОДА

въ Уфимской губерніи.

БШИРНАЯ Уфимская губернія представляетъ чрезвычайно богатый и совсѣмъ еще неизслѣдованный въ археологическомъ отношеніи край, гдѣ встрѣчаются памятники старины какъ чудскаго народа, такъ и ногайскихъ племенъ, смѣнившихъ другъ друга въ поступательномъ движеніи, совершавшемся въ разные вѣка.

Древними обитателями этого края, какъ говорятъ иностранные и русскіе историки, были болгары, угры, югра или чудь, башкиры, ногаи и разныя славянскія племена.

Многочисленный югорскій народъ обиталъ по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта и еще въ XII столѣтіи былъ извѣстенъ новгородцамъ, которые заводили здѣсь колоніи. Великій Новгородъ посылалъ сюда своихъ «ушкуйниковъ» брать дань звѣриными шкурами и моржевыми клыками. Новгородцы старались обратить югру въ христіанство, но безуспѣшно. Съ паденіемъ Новгорода на чудь ходили войска великаго князя московскаго Ивана III Васильевича, въ 1471, 1483 и 1489 годахъ, и покорили Югорскую страну, но народъ бѣжалъ въ Сибирь и тамъ смѣшался съ туземными племенами. Воспоминаніями послѣ насельниковъ остались только курганы да остатки земляныхъ укрѣпленій, извѣстные подъ именемъ «чудскихъ», курганнаго періода, всѣ одной «кольцеобразной» формы.

Почти одновременно съ исчезновеніемъ чуди, на Пріуральскія земли надвинулись монголы, побѣдивъ скоро коренныхъ жителей,

язычниковъ-башкиръ, и обративъ ихъ потомъ въ магометанство. Времена татарскаго владычества или ногаевъ не остались также безъ слѣдовъ. Сохранилось много устныхъ преданій и масса капитальныхъ сооруженій, частію обратившихся уже въ развалины, которыя наглядно разсказываютъ о могуществѣ ногаевъ, о ихъ богатствѣ и познаніяхъ въ архитектурѣ. Особенно замѣчательны ногайскія городища близъ гг. Уфы и Бирска, остатки каменнаго дворца ногайскаго хана Тура-хана и каменный мавзолей надъ прахомъ магометанскаго миссіонера Хусейнъ-Бека, изъ Багдада [1]).

Иногда между ногайскими памятниками встрѣчаются, напримѣръ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ, валы и надгробныя надписи на плитахъ—«болгарскія».

Мѣстность эта была частію царства Болгарскаго, и земляные валы, тянувшіеся на нѣсколько верстъ, служили будто бы защитою онъ набѣговъ башкиръ.

Изъ надгробій временъ болгаръ обращаетъ на себя особенное вниманіе одна плита съ куфическою надписью на берегу рѣки Зая, близъ деревни Кизилъ-Кипчакъ, у подножія горы Лысой. Надпись ея гласитъ, что здѣсь погребенъ Хасай-Билюкъ, сынъ Халима Раби, 1-го мѣсяца, знакъ кончины лѣта угнетенія. что̀ означаетъ 623 годъ гиджры, или 1226 годъ нашего счисленія, въ который произошло первое нашествіе монголовъ на болгаръ.

Чудскіе курганы представляютъ еще болѣе интереса. Въ 1867 г., около самой Уфы, на городской выгонной землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь магометанское кладбище, раскопанъ былъ одинъ изъ такихъ кургановъ, и на глубинѣ трехъ аршинъ найденъ былъ выложенный бѣлымъ плитнякомъ склепъ, въ которомъ сохранились мѣдныя бляхи и пряжки, даже съ остатками ремней, употреблявшихся, какъ видно, для сѣделъ и уздечекъ, серебряная серьга, серебряный перстень съ краснымъ камнемъ, дѣтскія кости и останки обитаго листовымъ серебромъ гроба.

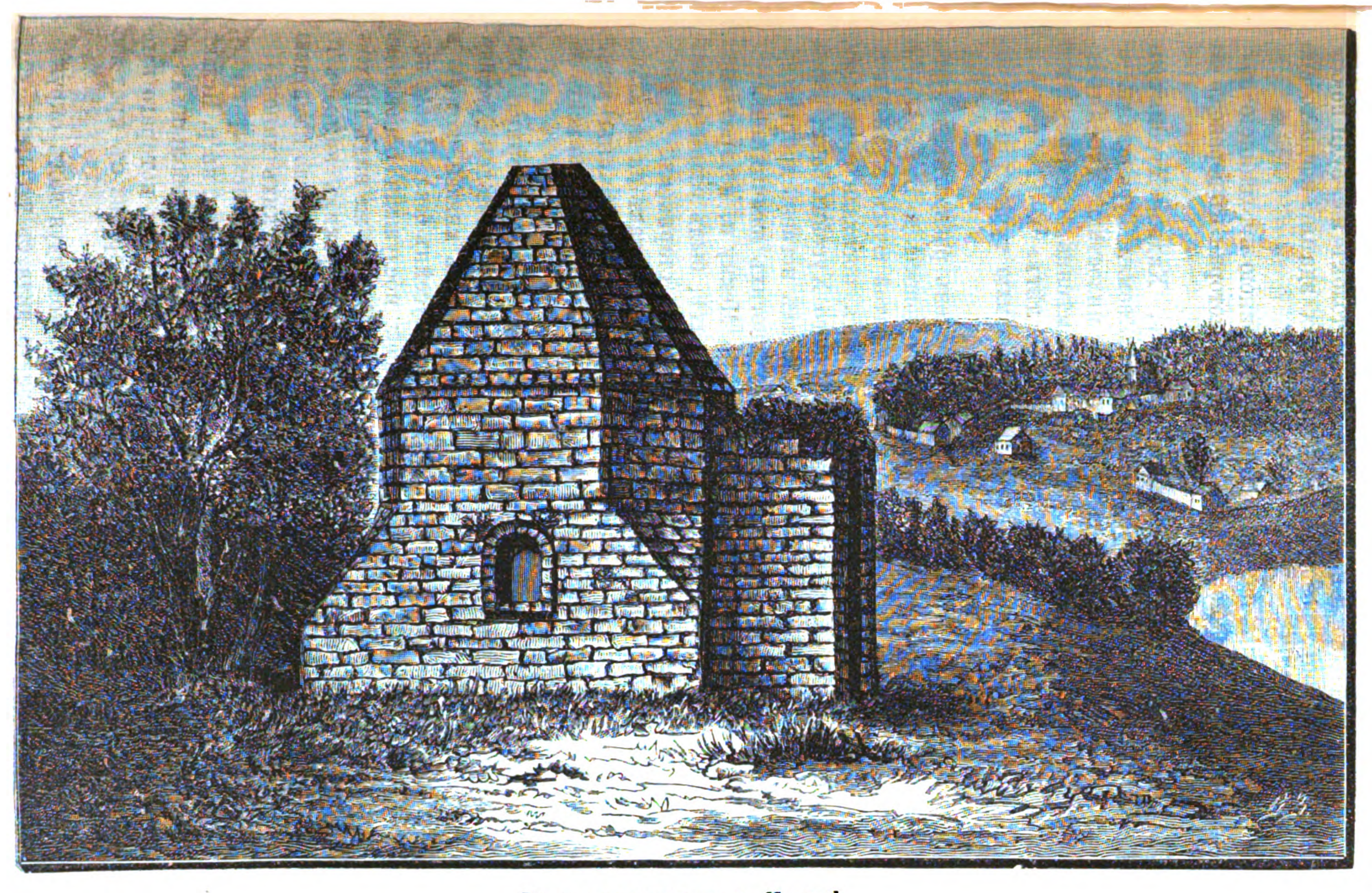
Много чудскихъ кургановъ находится въ Златоустовскомъ уѣздѣ, но всѣ они не только не изслѣдованы, но даже достаточно не описаны, чтобы можно было судить, къ какому періоду отнести эти памятники древности.

Болѣе ясныя свѣдѣнія имѣются въ мѣстныхъ архивахъ о ногайскихъ развалинахъ. Изъ нихъ точнѣе описаны—дворецъ Тура-хана и мавзолей ногайскаго имама Хусейнъ-Бека.

Послѣдній находится въ 50 верстахъ отъ г. Уфы, близъ рѣки Демы, при озерѣ Акviратѣ, или Бѣлой могилѣ, около башкирской деревни Чишмы. Это не большое четырехъ-угольное зданіе изъ дикаго камня, длиной и шириной въ $2^1/_2$ сажени, съ тремя окнами и входомъ съ южной стороны. Пола и потолка не сохранилось.

---

[1]) См. «Памятная кн. Уфим. губ. 1883 г.», стр. I—III.

Видъ мавзолея на р. Ислакѣ.

Пола, какъ видно, и не было никогда. Потолокъ же, судя по остаткамъ сводиковъ, возведенныхъ по угламъ зданія, когда-то существовалъ.

Внутри зданія находится камень шириною и толщиною въ 3¹/₄ аршина, съ арабскою на немъ надписью, которая въ переводѣ означаетъ слѣдующее:

«По истинѣ на свою отвѣтственность, Хаджи Хусейнъ-бекъ, сынъ Измеръ-бека, изъ рода Тарасъ, изъ земли Туркестанъ.

«Господи Боже, не оставь его своею милостью! Хусейнъ-бекъ, сынъ Измеръ-бека, скончался въ 7 день мѣсяца Мухаррема, послѣ Магомета въ 444 году, имѣя отъ роду 76 лѣтъ» [1]).

О томъ, какъ попалъ въ Ногайскую землю туркестанецъ, башкирское преданіе говоритъ слѣдующее:

«Ногаи, покорители башкиръ, были очень развратны и дурные магометане; слухъ объ ихъ беззаконіяхъ дошелъ до Бухары и Туркестана, гдѣ въ то время царствовалъ святой мужъ Хузя-Ахметъ-Ясовей-ханъ. Узнавъ, въ какихъ порокахъ погрязли единовѣрцы, онъ послалъ въ Башкирію ученика своего Хусейнъ-бека, и этотъ набожный мусульманинъ не только сдѣлалъ ногаевъ добрыми правовѣрными, но обратилъ къ Магомету многихъ язычниковъ.

«Хусейнъ-бекъ послѣ того ходилъ въ Мекку и, возвратившись оттуда, снова поселился на озерѣ Акзиратѣ; былъ главнымъ имамомъ всей Башкиріи и умеръ еще бодрымъ старикомъ.

«Магометане признавали его святымъ, такъ какъ на могилѣ его появлялся свѣтъ, и слава о праведникѣ послѣ кончины распространилась еще больше. Мусульмане стали стекаться со всѣхъ сторонъ поклониться праху своего святого.

«Когда Тамерланъ шелъ на Россію, онъ также завернулъ сюда и, проживъ здѣсь полгода, воздвигнулъ этотъ мавзолей Хусейну-беку. Тутъ Тамерланъ потерялъ шесть своихъ князей, которые и были похоронены рядомъ съ мавзолеемъ Хусейнъ-бека. Шесть надгробныхъ камней только безъ надписей послужили основаніемъ кладбищу, сохранившемуся до сихъ поръ. Камень же надъ прахомъ Хусейнъ-бека, какъ говорятъ, присланъ бухарскимъ эмиромъ Темиръ-Ленгомъ, на 12 волахъ. Роскошная мѣстность около памятника служила долгое время лѣтнимъ кочевьемъ ногайскихъ хановъ».

Недалеко отъ этого мавзолея, по тому же Казанскому тракту, на Салиховой станціи, близъ деревни Нижніе-Термы, на р. Ислакѣ, раскинулись развалины Тура-ханскаго дворца съ небольшимъ похожимъ на мечеть зданіемъ около него, рисунки котораго находятся въ дѣлахъ оренбургскаго центральнаго архива съ краткимъ описаніемъ.

На невысокомъ бугрѣ (возвышеніи), командуя надъ окружающей мѣстностью, стоитъ конусообразнаго вида, съ четырехъ-уголь-

---

[1]) См. «Памятн. кн. Уфим. губ. 1883 г.», стр. 334.

нымъ основаніемъ изъ дикаго камня, строеніе, вышиной около пяти саженъ, шириной и длиной въ три сажени. Съ западной стороны его имѣется порталъ, служившій сѣнями. На сѣверной и восточной пробито по одному большому окну. На верху зданія площадка съ балюстрадой. Пола нѣтъ, но сводчатый потолокъ въ видѣ купола, оштукатуренный довольно чисто, сохранился безъ признаковъ трещинъ.

Около зданія чуть замѣтно торчитъ изъ земли широкій камень съ куфическою надписью:

«Богъ безсмертенъ; всякій, повинующійся Богу, долженъ по волѣ Божіей умереть, когда наступитъ тому время.

«Всѣ, кто на семъ свѣтѣ, по волѣ Божіей, пойдутъ на тотъ свѣтъ, и каждый долженъ дать тамъ отвѣтъ, что сдѣлалъ хорошаго или худого.

«На семъ мѣстѣ погребена Схибъ-Зималъ, жена хана».

Обширныя развалины около гробницы этой указываютъ на значительной величины городъ съ признаками магометанскихъ мечетей. Преданіе башкирское [1]) называетъ владѣтелемъ этого города Тура-хана, потомка Чингисъ-хана, который (т. е. Тура-ханъ) былъ подъ властью сибирскаго хана Кучума, но потомъ, поссорившись съ послѣднимъ, онъ со всей ордой, въ числѣ 8.000 кибитокъ, откочевалъ къ рѣкѣ Уфѣ; затѣмъ, простоявъ 4 мѣсяца около Тура-тау [2]), Тура-ханъ удалился на Ислакъ и тамъ основалъ городъ, признавъ власть царя казанскаго.

Свѣдѣнія же, значащіяся въ топографіи Рычкова [3]) и подтверждающіяся позднѣйшими изслѣдованіями и архивными данными, говорятъ совсѣмъ другое.

«Задолго до покоренія Россіей Казанскаго царства и башкиръ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Уфа, былъ великій городъ, который простирался вверхъ по рѣкѣ Бѣлой до устья рѣки Уфы, верстъ на десять. Послѣдній владѣлецъ его, ногайскій ханъ Тиря-Баба-ту-Клюсовъ [4]) жилъ въ немъ только зимой, а лѣтомъ уходилъ на берега рѣки Демы, верстъ на 50 отъ Уфы, и кочевалъ въ двухъ мѣстахъ: при озерѣ большомъ Азиратѣ и на рѣчкѣ Ислакѣ, гдѣ были не малыя жительства, да и понынѣ на томъ озерѣ мечеть, и на рѣкѣ Ислакѣ мечеть и дома каменные видны».

Послѣднимъ даннымъ, намъ кажется, слѣдуетъ дать больше вѣры, чѣмъ первымъ. Разрѣшить же вопросъ съ точностью могутъ только наши археологи.

П. Юдинъ.

---

1) Преданіе это напечатано въ «Памятн. книжкѣ Уфимской губ. за 1883 г.», стр. 333.

2) Тура—городъ, тау—гора, т. е. городская гора.

3) Топографія Рычкова, 1887 г., стр. 373.

4) Въ дѣлахъ Оренбургск. центральн. архива (см. «сношенія министерскія») онъ называется Искуръ-Бабату-Кулясовъ.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

(Матеріалы для исторіи провинціальной печати).

ИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ», основанный въ 1869 году, считается первою частною русскою газетою въ Прибалтійскомъ краѣ. Фактически это не совсѣмъ вѣрно: еще за десять лѣтъ до «Рижскаго Вѣстника» была сдѣлана попытка основать въ Ригѣ русскую газету. Но объ этой попыткѣ въ самой Ригѣ забыли такъ основательно, что когда ставили памятникъ на могилѣ Евграфа Вас. Чешихина, перваго издателя и редактора «Рижскаго Вѣстника», то въ надписи на памятникѣ назвали Чешихина основателемъ первой русской газеты на прибалтійской окраинѣ. Это выраженіе слѣдовало бы дополнить—«первой русской газеты, утвердившейся и пустившей корни».

Кто былъ редакторъ и издатель перваго русскаго листка въ Ригѣ—«Остзейскаго Вѣстника», намъ ничего опредѣленнаго не извѣстно, кромѣ имени и фамиліи его—Александръ Иверсенъ. Самый листокъ, выходившій съ января 1859 года по 4-е апрѣля того же года, пріобрѣтенъ нами случайно въ антикварномъ складѣ Киммеля въ Ригѣ, и намъ не удалось собрать объ основателѣ газеты никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Какъ первый опытъ изданія въ Ригѣ русской газеты, «Остзейскій Вѣстникъ» безспорно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Онъ былъ затѣянъ въ ту пору, когда въ Россіи напряженно ожидали крестьянской реформы, и новые органы «благодѣтельной гласности», какъ говорили тогда, возникали то и дѣло. «Остзейскій Вѣстникъ», какъ увидимъ, также не остался чуждъ тогдашняго ликованія по поводу русскаго прогресса, ликованія, которое тогда же было осмѣяно

Добролюбовымъ въ его пародіяхъ на тему: «въ настоящее время, когда...». Однако, къ сочувствіямъ «Остзейскаго Вѣстника» прогрессу, по формѣ довольно наивнымъ, было примѣшано не мало посторонняго... Редакторъ-издатель, человѣкъ явно совершенно чуждый литературѣ, едва ли не надѣялся сдѣлать выгодную аферу своею газетою. Исторія его борьбы съ равнодушіемъ публики вслѣдствіе этого не внушаетъ особой симпатіи къ нему, но порою забавна и поучительна пріемами издателя, нынѣ уже не возможными.

Въ концѣ 1858 года въ Ригѣ, въ городѣ, тогда совершенно нѣмецкомъ, появилось предварительное объявленіе на «Остзейскій Вѣстникъ», «газету новостей, общеполезныхъ свѣдѣній, литературы, торговли и промышленности», и открыта подписка. Архаическимъ слогомъ сообщалось, что «Остзейскій Вѣстникъ» будетъ издаваться «на тотъ конецъ, дабы доставить образованной части жителей Остзейскихъ губерній русскую газету, заключающую любопытное, пріятное, разнообразное и назидательное чтеніе обо всемъ, что касается до здѣшняго края и вообще до любезнаго нашего отечества. Поэтому, предпринимая это дѣло, редакторъ, обѣщая съ своей стороны непрерывное и самое добросовѣстное стремленіе къ усовершенствованію газеты во всѣхъ отношеніяхъ и увеличенію, смотря по возможности, ея объема, надѣется на благосклонное къ его труду вниманіе начальства и публики тѣмъ болѣе, что въ настоящее время въ Остзейскихъ губерніяхъ не издается ни одного русскаго періодическаго изданія, между тѣмъ какъ въ нѣмецкихъ, латышскихъ и эстонскихъ газетахъ здѣсь нѣтъ недостатка». Газета должна была содержать обычные отдѣлы: современную лѣтопись, новости политическія и заграничныя, литературу, смѣсь, корреспонденцію, объявленія, и выходила три раза въ недѣлю въ 4 страницы (очень крупнаго шрифта) формата теперешнихъ еженедѣльныхъ изданій. Редакторъ выражалъ надежду, что ему удастся превратить листокъ въ ежедневную газету. Надѣясь на поддержку со стороны русскаго рижскаго купечества, онъ «вмѣнялъ себѣ въ пріятнѣйшій долгъ упомянуть о купцахъ Купріянѣ Меркульевичѣ Наумовѣ, Аѳеногенѣ Абрамовичѣ Лебедевѣ, Петрѣ Ивановичѣ Бочаговѣ и приказчикѣ Григоріи Филипповичѣ Рудаковѣ, которые, любя искренно родной языкъ, сочувствуя вполнѣ всякому общеполезному патріотическому дѣлу и понимая существенную пользу, могущую произойти отъ этой газеты для мѣстной торговли и промышленности, съ благороднымъ одушевленіемъ поспѣшествуютъ по собственному побужденію увеличенію числа подписчиковъ, чѣмъ и доставили значительное облегченіе началу этого дѣла». Подписка на «Остзейскій Вѣстникъ» открывалась не только въ Ригѣ и другихъ городахъ края, но и въ столицахъ и въ Кіевѣ, Харьковѣ, Казани, Саратовѣ, даже въ Тифлисѣ. Цѣна была назначена 5 рублей безъ доставки, 7 рублей съ пересылкою по почтѣ. Желавшіе получать газету въ

Ригѣ на домъ чрезъ разносчика, какъ это дѣлается теперь, должны были сами платить разносчику газеты по рублю въ годъ.

Въ пробномъ номерѣ «Остзейскаго Вѣстника», приложенномъ къ объявленію, сообщалось о полученіи какою-то купчихою золотой медали, объ отъѣздѣ тогдашняго генералъ-губернатора князя Суворова въ Петербургъ, о придворномъ балѣ въ Петербургѣ, да перепечатана была корреспонденція изъ «Сѣверной Пчелы» о томъ, что въ такомъ-то городѣ распространяется просвѣщеніе, жители собираются выписывать въ свой клубъ журналы и газеты, что̀ «дастъ всѣмъ одинаковую возможность слѣдить за современностью, столь интересною и поучительною въ настоящее время». Такихъ корреспонденцій въ тогдашнихъ русскихъ газетахъ бывало въ каждомъ номерѣ по нѣскольку. Далѣе редакторъ помѣстилъ собственное свое стихотвореніе «Признаніе», помѣченное «Крымъ, 1850 г.», подъ громкимъ заголовкомъ «Литература».

Не могу не любить васъ, хотя-бъ и желалъ не любить;
Нѣтъ власти забыть васъ, хотя и желаю забыть, и т. д.

Стихотвореніе оканчивается патетически:

Любовь безъ надежды, разлука—мой скучный удѣлъ;
Но ангелъ молитвы и вѣры со мной:
Мы встрѣтимся нѣкогда снова съ тобой,
Тамъ, гдѣ положенъ разлукѣ и грусти предѣлъ.

Затѣмъ шла реклама новооткрытой фотографіи, двадцать строкъ фельетона о погодѣ и нѣсколько объявленій.

Все это врядъ ли могло возбудить особую симпатію и интересъ къ новому органу среди русскихъ рижанъ.

3-го января 1859 года вышелъ первый номеръ, содержавшій нѣсколько оффиціальныхъ извѣстій, передовицу редакціи о томъ, что въ Ригѣ дрова можно замѣнять съ удобствомъ торфомъ, и съ приглашеніемъ основать общество для разработки торфа,—далѣе нѣсколько строкъ заграничныхъ извѣстій и отдѣлъ «литературы», въ которомъ на протяженіи многихъ номеровъ печаталась скучная біографія тогдашняго прибалтійскаго генералъ-губернатора князя А. А. Суворова (въ расчетѣ, вѣроятно, возбудить благосклонное вниманіе начальства). Въ отдѣлѣ смѣси находимъ курьезное приглашеніе отъ редактора къ читателямъ жаловать къ нему въ гости по воскресеньямъ въ 5 часовъ по полудни на Эйфонійскую улицу, № 19: любители просвѣщенія и русской литературы толкуютъ де у него за чашкою чая и сигарою о новой газетѣ. Предпріятіе заинтересовало кое-кого, и въ заключеніи номера мы находимъ отвѣты редакціи. Петербургскому корреспонденту П. И. Д. редакторъ отвѣчалъ, что главное его стараніе будетъ придать газетѣ мѣстный прибалтійскій интересъ. Дерптскому, г. П. Л., сообщалось, что его сочиненія для «Остзейскаго Вѣстника» оказались слишкомъ обширны

и учены: «наше же главное дѣло не ученость и не литература, а торговля, промышленность, хозяйство, общепонятныя свѣдѣнія, спекуляціи-съ, а не философія: такова атмосфера нашего города, и чуть ли не нашего времени».

Столь же пестро и случайно было содержаніе и послѣдующихъ номеровъ газеты. Редактору не удалось придать газетѣ мѣстнаго интереса, чтò при тогдашней цензурѣ было, конечно, понятно. Мѣстный строй стоялъ въ то время еще совершенно твердо, и его не коснулась та ломка, что уже началась на Руси (редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу были тогда въ разгарѣ работы). Редакторъ «Остзейскаго Вѣстника» могъ только перепечатывать извѣстія о внутренней жизни Россіи, оживлявшейся повсемѣстно, чтò онъ и дѣлалъ довольно усердно, выбирая изъ русскихъ газетъ «отрадныя явленія», обличенія откуповъ, сѣтованія о губительномъ невѣжествѣ и т. д.

Двѣ-три корреспонденціи, напримѣръ, о гибели корабля въ Либавѣ и т. п. происшествіяхъ, замѣтка о сборникѣ латышскихъ пѣсенъ, выраженіе сожалѣнія, что въ Ригѣ нѣтъ русскаго театра, переводныя замѣтки изъ мѣстныхъ газетъ, офиціальныя извѣстія изъ губернскихъ вѣдомостей да краткій биржевой отдѣлъ—вотъ и все, что было въ «Остзейскомъ Вѣстникѣ» мѣстнаго. Уже въ третьемъ номерѣ, заводя биржевой отдѣлъ, редакторъ повторялъ читателямъ: «я ожидаю отъ купечества всякаго по этому предмету поспѣшествованія и дѣятельнаго участія, безъ которыхъ мнѣ невозможно обойтися... Дѣтище мое требуетъ воспитанія и здоровой крѣпительной русской пищи, безъ которой оно не можетъ возрости и умретъ у меня за пазухой, не принеся Русской землѣ ни малѣйшей пользы и разоря въ корень своего родителя».

Въ этихъ цѣляхъ съ номера десятаго газета сократила заграничныя извѣстія, скромно заявляя: «нельзя не согласиться, что доставленныя нами въ девяти уже вышедшихъ въ свѣтъ нумерахъ «Вѣстника» заграничныя политическія новости никого не удивили ни полнотою, ни обширностью». Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращено было сообщеніе извѣстій о перемѣщеніяхъ чиновниковъ остзейскихъ губерній. Эту мѣру редакторъ оправдываетъ въ слѣдующемъ заявленіи: «Въ нынѣшнее время всеобщаго преобразованія Россіи каждая почта приноситъ намъ много истинно-занимательнаго и новаго не только изъ нашихъ столицъ, но и вообще со всѣхъ возможныхъ странъ обширной, оживляющейся изъ глубокаго усыпленія, драгоцѣнной родины. Сверхъ того, мы и сами имѣемъ огромный запасъ всякаго рода свѣдѣній, имѣющихъ чисто практическую, капитальную, такъ сказать, для всякаго мыслящаго человѣка пользу». Читатели этихъ свѣдѣній въ газетѣ, однако, не находили.

Съ 18-го номера заграничныя извѣстія были прекращены почти совершенно. Газета наполнялась въ теченіе нѣсколькихъ нумеровъ

перепечатками изъ русскихъ газетъ о пользѣ просвѣщенія, о пользѣ гласности, о вредѣ откуповъ и т. д. Было напечатано нѣсколько собственныхъ корреспонденцій изъ Петербурга, подписанныхъ «Леонидъ Недоумко» и составленныхъ въ обычномъ немного наивномъ, радужномъ тонѣ какимъ нибудь студентомъ. Авторъ ихъ заявлялъ себя сторонникомъ прогресса и реальнаго направленія, причемъ высказывался, какъ за органъ наиболѣе разумный, за «Экономическій Указатель» Вернадскаго, отстаивавшій въ ту пору споровъ объ общинѣ частное землевладѣніе; Недоумко писалъ въ «Остзейскій Вѣстникъ» о женскомъ вопросѣ, о воскресныхъ школахъ, о лекціяхъ университетскихъ профессоровъ и т. д. Перепечатки изъ либеральныхъ тогда газетъ: «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостей», вторили этимъ извѣстіямъ.

Очень скоро оказалось, что это не въ коня кормъ; рижская русская публика, то-есть купцы и немногочисленные русскіе чиновники, очевидно, были совершенно равнодушны къ тому матеріалу, который съ интересомъ читался бы гдѣ нибудь въ Тулѣ или Смоленскѣ.

Въ № 23 и слѣдующихъ редакторъ помѣстилъ слезный фельетонъ подъ заглавіемъ «Сонъ, похожій на дѣйствительность», гдѣ горько плакался на равнодушіе публики къ его дѣтищу. Со времени приглашенія къ читателямъ-друзьямъ являться въ гости къ редактору, по его словамъ, у него было «уже пятеро любителей русской литературы, одинъ съ тѣмъ, чтобы попросить взаймы денегъ, трое съ неоплаченными счетами за печать, бумагу и проч., и наконецъ одинъ, промотавшійся гусаръ, въ надеждѣ, что ему удастся покутить». Изъ фельетона узнаемъ, что редактора упрекали именно за изгнаніе политическихъ новостей и за невзрачный, неопрятный видъ газеты.

Въ это время, «по личной просьбѣ нѣкоторыхъ весьма почтенныхъ церковныхъ пастырей Рижской епархіи», редакторъ начинаетъ перепечатывать такія вещи, какъ длиннѣйшее описаніе чудеснаго исцѣленія какой-то купчихи, помѣщенное въ «Духовной Бесѣдѣ», или разсужденія Аскоченскаго изъ «Домашней Бесѣды». Въ то же время онъ начинаетъ печатать нелѣпый французскій бульварный романъ «Креолка», начинаетъ помѣщать анекдоты изъ «Искры» и т. д.

Въ № 27 находимъ большое открытое письмо редакціи къ «Леониду П—вичу Бл—ру въ С.-Петербургѣ»; это, какъ видно, и есть упомянутый собственный корреспондентъ, получившій, быть можетъ, это письмо вмѣсто гонорара. Оно цѣликомъ состоитъ изъ горькихъ жалобъ на печальное положеніе въ Остзейскомъ краѣ русской газеты среди процвѣтающихъ нѣмецкихъ.

«Редактору русской газеты плохая нажива,—пишетъ редакторъ на своемъ своеобразномъ жаргонѣ:—не разъ вспомнишь гусара Пушкина:

Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

«Вотъ вамъ списокъ моихъ подписчиковъ, чтобы судить о томъ, часто ли мнѣ достается кушать горѣлку.

Въ	Ригѣ	93	подписчика.
»	Дерптѣ	7	»
»	Лифляндск. губ.	4	»
»	Митавѣ	4	»
»	Курляндской губ. . . .	3	»
»	Ревелѣ	0	»
»	Эстляндской губ.	0	»
»	С.-Петербургѣ	20	»
»	Нарвѣ	2	»
»	Москвѣ	2	»
»	Одессѣ	1	»
»	Тифлисѣ	1	»
»	Рязани	1	»
»	Бѣломъ (Смоленск. губ.)	2	»

«Всего 140 человѣкъ. Мимоходомъ будь еще замѣчено,—продолжаетъ редакторъ свое откровенное признаніе:—что около половины билетовъ на полученіе газеты роздано и разослано частію безмездно, частію въ обмѣнъ на другіе журналы и газеты. Прошу васъ издавать, при этой роскоши подписчиковъ, газету, годичный расходъ которой простирается до 1.200 рублей. Общее число жителей Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній простирается до 1.666.400; число здѣшнихъ моихъ подписчиковъ, совокупно съ двумя эстляндскими нулями, составляетъ 111; извольте счесть, на сколько душъ читателей приходится каждый нумеръ газеты».

Далѣе редакторъ говоритъ, что, за малымъ распространеніемъ въ краѣ русскаго языка, онъ увидѣлъ себя въ необходимости приноравливаться къ потребностямъ и интересамъ неученыхъ сословій и понялъ, что первые годы газета не можетъ вестись иначе, какъ въ убытокъ; убѣдившись въ этомъ, онъ, не имѣя собственныхъ капиталовъ, обратился въ петербургскій торговый домъ Струговщикова, Пахитонова и Водова (книгоиздательская фирма, основавшаяся въ то время и скоро лопнувшая) съ предложеніемъ взять на себя издательство, относительно чего и ожидаетъ отвѣта.

«Пусть умные и благонамѣренные русскіе люди,—писалъ редакторъ,—порѣшатъ общимъ судомъ, быть ли въ остзейскихъ губерніяхъ русской газетѣ, или нѣтъ, и нужно ли попеченіе о распространеніи здѣсь посредствомъ этой газеты русской грамотности. Пусть порѣшатъ, хватитъ ли у нашихъ столичныхъ патріотовъ

столько предпріимчивости и капитала, чтобы поддержать словомъ и дѣломъ предпріятіе, силу и важность коего можетъ вполнѣ выразить одно лишь только время».

Послѣ этого признанія дни газеты были сочтены. «Столичные патріоты» въ эту пору оказались равнодушны къ газетѣ, и предложеніе А. Иверсена не было принято. Только чрезъ 10—12 лѣтъ, когда въ Ригѣ «Рижскій Вѣстникъ» подобнымъ же образомъ боролся съ равнодушіемъ публики, столичное, именно московское, купечество поддержало газету въ первые наиболѣе трудные годы ея существованія.

«Остзейскій Вѣстникъ» былъ менѣе счастливъ. Находясь уже при послѣднемъ издыханіи, онъ дѣлалъ тщетныя усилія, чтобы угодить читателямъ, снова ввелъ заграничныя извѣстія и добавилъ въ названіи газеты къ словамъ: «газета новостей, общеполезныхъ свѣдѣній, литературы, торговли и промышленности», еще: «и юмора». Но все было напрасно.

Въ № 36, отъ 31-го марта, во время открытія навигаціи и съѣзда въ Ригу русскихъ купцовъ со стругами и плотами, въ «Остзейскомъ Вѣстникѣ» во всю послѣднюю страницу было напечатано воззваніе, озаглавленное: «Искренняя просьба, нижайшій поклонъ, рукожатіе и челобитная русскимъ читателямъ моимъ». Редакторъ умолялъ своихъ читателей рекомендовать его газету «изъ одолженія и участія къ нему», «дружескимъ образомъ», пріѣзжимъ знакомымъ, друзьямъ и родственникамъ и просилъ раздавать имъ подписные билеты. «Если бы каждому изъ настоящихъ моихъ здѣшнихъ подписчиковъ угодно было взять подъ свою опеку одинъ, два или три билета, то въ такомъ случаѣ изданіе газеты къ предстоящей Пасхѣ на весь настоящій годъ было бы обезпечено, и мнѣ оставалось бы только сидѣть, спокойно заниматься съ перомъ въ рукахъ, за письменнымъ столомъ, не зная горести и скуки и разлуки съ юнымъ, общимъ нашимъ, первороднымъ въ здѣшнемъ краѣ, русскимъ литературнымъ дѣтищемъ. Отъ степени распродажи въ этотъ срокъ билетовъ будетъ зависѣть участь «Остзейскаго Вѣстника», т. е. должно рѣшиться, заснуть ли ему съ Пасхою навѣки, или же процвѣсти на пользу, радость, смѣхъ (sic), веселіе и утѣшеніе русскихъ людей, въ настоящее время всеобщаго стремленія къ успѣхамъ просвѣщенія. Ужели мы не сможемъ посадить и возростить въ саду нашего общества древо, въ тѣни котораго будетъ сладко отдохнуть и намъ и юнымъ нашимъ поколѣніямъ?... Ужели мы одни будемъ пребывать, сложа спокойно руки, въ наше благословенное время, — время, когда и самые отдаленные жители нашего отечества, жители Восточной Сибири, Кавказа, Сѣверной Финляндіи, Урала, Украйны и Амура, сотряхая съ крыльевъ своихъ бездѣйствіе и пошлые предразсудки, съ ужасающимъ (sic) Европу самоотверженіемъ слѣдуютъ благо-

дѣтельному зову отца-монарха,—зову, приглашающему всякаго изъ насъ къ подвигамъ добра и просвѣщенія? Да благословитъ Господь не пережить намъ этого посрамленія въ виду всего нашего отечества».

Рижане русскіе не вняли, однако, этому воззванію и посрамились... №№ 38 и 39 газеты были наполнены цѣликомъ вышеупомянутою французскою повѣстью «Креолка», можетъ быть, потому, что, вѣроятно, редакторъ-издатель тщетно бѣгалъ по Ригѣ, отыскивая денегъ и убѣждая типографію Эрнста Платеса, гдѣ печаталась газета, подождать еще немного, такъ что и не успѣлъ приготовить другого болѣе разнообразнаго матеріала. № 39, послѣдній номеръ газеты, закончился слѣдующими многозначительными строками:

«Имѣю честь покорно просить всѣхъ почтенныхъ моихъ читателей, принимающихъ участіе въ «Остзейскомъ Вѣстникѣ», благоволить посѣтить меня въ воскресеніе, 5-го апрѣля, для дружескаго совѣщанія по этому дѣлу, въ квартирѣ моей, въ Эйфонійской улицѣ Петербургскаго форштадта, въ домѣ подъ № 19, въ полдень или позже. Редакторъ».

Состоялось ли это совѣщаніе, и насколько остались довольны кредиторы А. Иверсена, не знаемъ. Мы слышали только, будто онъ, когда дальше вести газету оказалось совершенно немыслимо, ходилъ по лавкамъ русскихъ купцовъ, умоляя хоть за двугривенный купить у него по экземпляру газеты съ ея основанія, и затѣмъ куда-то исчезъ.

Въ одномъ изъ номеровъ своей злосчастной газеты редакторъ перепечаталъ откуда-то корреспонденцію, гдѣ жаловались на то, что «на писателей и литераторовъ все еще продолжаютъ смотрѣть подозрительно, чтобъ не сказать прямо, недоброжелательно», —и сопроводилъ эти слова примѣчаніемъ отъ себя: «эта пѣсня и намъ знакома!» Но, конечно, причиною гибели газеты было не столько недоброжелательство публики, которой редакторъ всячески старался угодить, или «независящія обстоятельства», сколько равнодушіе публики. Чтобъ вести въ Прибалтійскомъ краѣ русскую газету, нужно было въ то время больше таланта и искренней преданности своему газетному дѣлу, чѣмъ это было у редактора «Остзейскаго Вѣстника».

У. Вѣтринскій.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

Анекдотъ временъ императора Николая I [1]).

РАВДУ ГЛАСИТЪ ПОСЛОВИЦА: у страха глаза велики. Я разскажу фактъ, имѣвшій мѣсто въ царствованіе императора Николая Павловича, нагляднѣйшимъ образомъ подтверждающій справедливость народной поговорки.

Въ сороковыхъ годахъ императоръ Николай предпринялъ поѣздку по Россіи. Маршрутъ высочайшаго слѣдованія былъ составленъ съ такимъ расчетомъ, что государь, объѣхавъ Юго-Западный край, посѣтивъ Кіевъ и Харьковъ, предполагалъ чрезъ Бессарабскую область проѣхать на Вѣну, за границу.

Обозрѣніе городовъ Юго-Западнаго края оставило въ государѣ впечатлѣніе самое благопріятное. Образцовый порядокъ, прекрасное состояніе дорогъ, проявленіе искренняго народнаго чувства любви къ монарху—все это вызвало въ государѣ чувство признательности и благоволенія и до извѣстной степени сглаживало въ немъ трудности самаго путешествія. Я говорю—трудности, и не напрасно; вы поймете, что я нисколько не преувеличиваю, упоминая о трудности, если припомните, что въ тѣ времена не было желѣзныхъ дорогъ, переносящихъ человѣка на тысячи верстъ, почти не лишая его тѣхъ удобствъ, къ которымъ онъ привыкъ у себя дома. Поэтому, если намъ, простымъ смертнымъ, путешествіе на сотни верстъ въ экипажѣ казалось труднымъ и неудобнымъ, то каково же было

[1]) Этотъ разсказъ записанъ со словъ генералъ-лейтенанта К. П. Дубельта.

государю ѣздить тысячи верстъ, днемъ и ночью, въ дормезѣ, во всякую погоду; если мы стремились поскорѣе отдѣлаться отъ несносныхъ остановокъ, для перемѣны лошадей, и были недовольны всякой задержкой достигнуть цѣли, то легко себѣ представить, какъ тяжело было государю, котораго во всякомъ городкѣ обременяли торжественными встрѣчами, поднесеніями хлѣба-соли и официальными представленіями властей по многоразличнымъ вѣдомствамъ.

Немудрено поэтому, что государь Николай Павловичъ ночь считалъ за отдыхъ отъ всякихъ встрѣчъ и очень рѣдко останавливался на ночлегъ, тѣмъ болѣе, что его желѣзная натура выносила тяжесть путешествія довольно легко. Ѣздилъ онъ обыкновенно въ большомъ дормезѣ, приспособленномъ такъ, что можно было, откинувъ внутреннюю переднюю стѣнку, устроить довольно сносную, походную кровать.

Впрочемъ, надо замѣтить, что государь никогда не любилъ особенно мягкой постели и даже у себя во дворцѣ почивалъ на походной кровати. Позади дормеза былъ прикрѣпленъ одномѣстный кузовъ, съ поднимавшимся на случай непогоды вѐрхомъ. Это помѣщеніе обыкновенно занималъ одинъ изъ приближенныхъ къ царю генераловъ, а въ томъ случаѣ, о которомъ я веду рѣчь,— всесильный тогда графъ Бенкендорфъ.

Такой же кузовъ, но двухмѣстный, спереди дормеза занимали кучеръ и камердинеръ государя.

Итакъ, въ концѣ марта или началѣ апрѣля мѣсяца, государь Николай Павловичъ выѣхалъ изъ Кишинева, направляясь на сѣверо-западъ, къ австрійской границѣ, для слѣдованія на Вѣну. Оставляя Кишиневъ и выражая милостивое свое благоволеніе властямъ, государь приказалъ, чтобы никто изъ губернскихъ или уѣздныхъ полицейскихъ чиновъ не сопровождалъ царскаго экипажа. Поэтому наступившая южная теплая ночь застала государя въ пути только съ тѣми лицами, которыхъ я назвалъ.

Долго не могъ заснуть государь; ночь навѣвала на него мысли; усѣянное звѣздами южное небо и безконечныя степи придавали окружающей мѣстности фантастическій характеръ. Государь спустилъ стекло и любовался дѣйствительно роскошной картиной. Задремалъ убаюканный равномѣрной качкой эластичныхъ пружинъ задняго кузова графъ Бенкендорфъ; дремалъ, вѣроятно, утомленный дневными трудами камердинеръ; не спали только государь, кучеръ да форейторъ. Катится царскій дормезъ по дорогѣ, какъ по паркету; нигдѣ не шелохнетъ; уже дремота клонитъ и самого царя, какъ вдругъ, когда только-что государь сомкнулъ глаза, страшный толчекъ нарушилъ его покой; разгнѣванный, онъ крикнулъ въ окно «исправника»; разумѣется, кромѣ проснувшагося какъ отъ толчка, такъ и отъ громоваго голоса царя, графа Бенкендорфа, никто не слыхалъ царскаго зова. Дормезъ продолжаетъ свой путь; усталость и

качка дѣлаютъ свое дѣло, и государь заснулъ такъ крѣпко, что даже не просыпался на ближайшей остановкѣ при перемѣнѣ лошадей. На станціи все уже было давно готово; лошади въ полной упряжи и ямщики ожидали прибытія царя, и менѣе чѣмъ въ три минуты перепрягли коней, такъ что графъ Бенкендорфъ едва успѣлъ сдѣлать распоряженіе о вызовѣ исправника, по царскому приказанію. Съ двадцати - верстовой быстротой государь поѣхалъ дальше, и остальной путь до австрійской границы прошелъ безъ какихъ либо выдающихся случаевъ.

Между тѣмъ, вызванный по царскому повелѣнію, исправникъ прибылъ на ту станцію и узналъ, что государь уѣхалъ дальше. Приходилось догонять высочайшій поѣздъ по пути слѣдованія его, разсчитывая только на тотъ случай, что государю гдѣ нибудь случайно угодно будетъ остановиться на нѣсколько часовъ. Этого, однако, не случилось, и государь благополучно выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи.

Волей-неволей исправникъ долженъ былъ обратиться къ пограничнымъ властямъ съ просьбою о выдачѣ паспорта и такимъ образомъ задержаться на нѣсколько времени на границѣ.

Получивъ паспортъ, исправникъ выѣхалъ за границу и направился къ Вѣнѣ, едва успѣвъ сообщить своимъ домашнимъ о причинахъ, вызвавшихъ столь экстренную и оригинальную поѣздку.

Первые дни дорога исправника хотя была легкой, но нравственное состояніе его, неизвѣстность того, что можетъ его постигнуть царскій гнѣвъ, о которомъ онъ хотя навѣрно и не зналъ, такъ какъ графъ Бенкендорфъ никому не сообщилъ, зачѣмъ именно вызывается исправникъ, но могъ догадываться; наконецъ, просто физическая усталость, почти изнеможеніе отъ бѣшеной скачки на перекладной по Бессарабіи; всѣ эти причины разрушительно на него подѣйствовали, и добравшись до какого-то городка въ двухъ-трехъ перегонахъ отъ Вѣны, исправникъ, измученный, заболѣлъ и слегъ почти на мѣсяцъ. Положеніе его было тѣмъ болѣе критическое, что онъ почти не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и, кромѣ того, у него уже были на исходѣ наскоро захваченныя съ собою деньги. Поправившись настолько, что можно было пуститься въ путь, онъ узналъ, что государь уже вернулся въ Россію и находится въ Петергофѣ. Оставалось только ѣхать ближайшимъ путемъ въ Петербургъ, что исправникъ и сдѣлалъ. Само собой понятно, что въ теченіе этихъ полутора мѣсяцевъ ѣзды и болѣзни графъ Бенкендорфъ совершенно забылъ объ исправникѣ, такъ что, когда ему доложили о его прибытіи, онъ выразилъ удивленіе, и пришлось возстановлять въ его памяти обстоятельства и мѣстность, гдѣ вызовъ произошелъ. Не желая губить человѣка семейнаго, понесшаго уже столь тяжкое наказаніе за недосмотръ, графъ Бенкендорфъ выждалъ удобный моментъ и довелъ до свѣдѣнія государя о прибытіи исправника,

когда государь былъ въ духѣ, и не безъ юмора сообщилъ государю о бѣшеной скачкѣ и о болѣзни исправника. Легко себѣ представить, что чувствовалъ исправникъ, когда его поставили въ пріемной петергофскаго дворца, гдѣ въ этотъ день должно было происходить офиціальное представленіе государю прибывшаго только-что изъ-за границы посольства. Прежде всего на него подѣйствовалъ блескъ убранства амфилады комнатъ и придворныхъ мундировъ камергеровъ и расшитыхъ золотомъ церемоніймейстеровъ. Онъ, всю жизнь проведшій въ глуши степей Бессарабіи и не видавшій никого изъ сильныхъ лицъ, кромѣ губернатора, вдругъ оказался среди знатныхъ особъ и даже стоялъ рядомъ съ однимъ придворнымъ въ полной парадной формѣ и орденахъ, тоже представлявшимся по какому-то случаю. Впрочемъ, врядъ ли даже онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, гдѣ онъ. Въ такомъ состояніи ему пришлось пробыть болѣе часу. Но вотъ изъ внутреннихъ комнатъ появилась величественная фигура императора; рядомъ съ нимъ шелъ графъ Клейнмихель, съ другой стороны свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, а нѣсколько позади графъ Бенкендорфъ.

Поровнявшись съ исправникомъ, графъ едва слышно шепнулъ государю: «Ваше величество, исправникъ».

— А! Исправникъ! Хорошо! — произнесъ государь и, проходя мимо нашего героя, только погрозилъ пальцемъ, обративъ къ нему гнѣвный взоръ.

Затѣмъ послѣдовало представленіе посольства; кто-то изъ придворныхъ, сжалившись надъ совершенно растерявшимся исправникомъ, успокоилъ его и, въ ожиданіи распоряженія графа Бенкендорфа, пригласилъ его къ себѣ позавтракать.

Распоряженіе графа не заставило себя ждать и чрезъ часъ исправникъ получилъ приказаніе ѣхать назадъ къ мѣсту служенія и впередъ лучше смотрѣть за дорогами.

Все это событіе вынудило нашего исправника пробыть внѣ дома болѣе двухъ мѣсяцевъ, даже около трехъ мѣсяцевъ. Его домашніе съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія, тѣмъ болѣе, что какимъ-то образомъ причина вызова его стала извѣстною, и слѣдовательно можно было предположить непріятный исходъ поѣздки.

Наконецъ онъ возвратился. Едва давъ ему время сойти съ перекладной, жена и дѣти обступили его и полились вопросы:

— Ну, что, какъ Богъ помиловалъ? Видѣлъ ли царя? Гнѣвался ли онъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нашъ исправникъ:—государя не видѣлъ. Палецъ видѣлъ. Вотъ какой! Большой, большой! И все грозилъ! И посейчасъ вижу передъ собой.

Такъ и не добились отъ него какихъ нибудь подробностей о государѣ.

Мой разсказъ былъ бы не полнымъ, если бы я не разсказалъ еще слѣдующаго.

Находившійся, какъ я сказалъ, въ свитѣ государя свѣтлѣйшій князь Меншиковъ обратилъ вниманіе на блѣднаго исправника, стоявшаго въ скромной своей формѣ среди блестящей массы золотомъ шитыхъ мундировъ, и поинтересовался узнать причину его появленія во дворцѣ. Графъ Бенкендорфъ, насколько могъ припомнить, объяснилъ ему; но князь этимъ не удовлетворился и послалъ губернатору письмо съ просьбою изложить со словъ исправника эпопею его поѣздки за границу. Губернаторъ не преминулъ, конечно, исполнить желаніе князя, при чемъ къ подробностямъ путешествія, уже намъ извѣстнымъ, пріобщилъ еще юмористическую встрѣчу исправника съ его домашними и далъ о службѣ его самый прекрасный отзывъ. Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ былъ, какъ извѣстно, самъ большой острякъ и юмористъ и любилъ всевозможные смѣшные случаи. Этотъ же былъ особо выдающимся, и князь не упустилъ разсказать его со свойственнымъ ему остроуміемъ въ присутствіи государя.

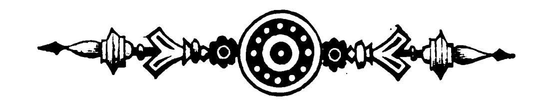
Государь много смѣялся, но, вдругъ принявъ серьезный видъ, спросилъ:

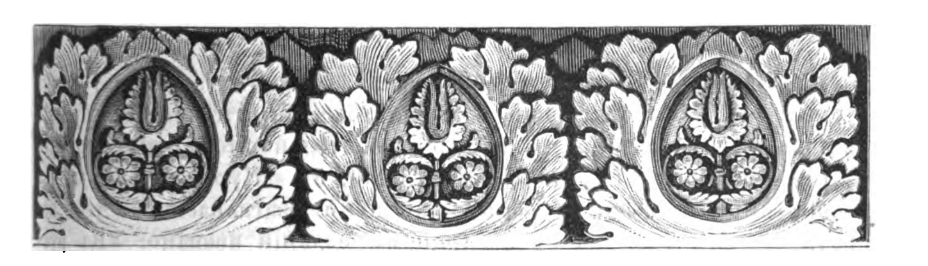
— Однако, ты говоришь, что этотъ исправникъ заболѣлъ и прохворалъ съ мѣсяцъ гдѣ-то около Вѣны?

— Такъ точно, ваше величество! Губернаторъ мнѣ пишетъ, что этотъ исправникъ былъ всегда исправенъ, и если на этотъ разъ и виноватъ, то безвинно, такъ какъ вина не пьетъ совсѣмъ. Послѣ такого случая и болѣзни, вовлекшей его въ расходы, хотя и не по карману, но изъ своего кармана, онъ, конечно, совсѣмъ исправился.

Государь разсмѣялся. Но когда князь Меншиковъ разсказалъ встрѣчу исправника домашними и показалъ, какой именно величины палецъ видѣлъ исправникъ, государь сказалъ: «Ну, если мой палецъ надѣлалъ ему столько бѣды, то пусть вся моя рука исправитъ эту бѣду», и приказалъ послать исправнику тысячу рублей на покрытіе расходовъ по поѣздкѣ за границу. Такъ и по этому поводу еще разъ проявилось истинно рыцарское великодушіе незабвеннаго монарха.

Г. Миллеръ.

КЪ БУДУЩЕМУ ИЗДАНІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ В. А. ЖУКОВСКАГО.

I.

ИЗЪ ЧИСЛА нашихъ первоклассныхъ писателей Жуковскому менѣе всего посчастливилось: мы до сихъ поръ не имѣемъ хорошаго, полнаго, научно-обработаннаго собранія его сочиненій. Послѣднія (7-е и 8-е) изданія Глазунова оставляютъ желать очень многаго какъ въ редакціонномъ, такъ и въ библіографическомъ отношеніяхъ. Варіантовъ вовсе не приведено; пунктуація, при сличеніи стихотвореній въ редакціяхъ первоначальной и позднѣйшей, во многихъ случаяхъ возбуждаетъ сомнѣнія; исторія отдѣльныхъ произведеній Жуковскаго и изданій его сочиненій изложена очень неполно и не всегда точно; библіографическія указанія при провѣркѣ оказываются тоже не всегда точными и недостаточно полными. Такъ, напр., стихотвореніе, озаглавленное въ послѣднихъ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго: «Къ русскому великану», первоначально напечатано было безъ заглавія, подъ тремя звѣздочками, въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1848 г., № 197, 7-го сент., стр. 785, въ фельетонѣ, а не въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», какъ сказано въ V-мъ т. VIII-го изд. (стр. 519). Ссылка на «С.-Петербургскія Вѣдомости» даже совсѣмъ непонятна, такъ какъ въ этой газетѣ прямо сказано въ примѣчаніи: «Съ согласія редакціи «Русскаго Инвалида» заимствуемъ изъ этой газеты но-

вое произведеніе ветерана русской поэзіи» («Спб. Вѣд»., 1848 г., сент. 8, № 201, стр. 805). Измѣненіе заглавія тоже не отмѣчено въ примѣчаніяхъ VIII-го изданія, не только относительно этого стихотворенія (которое появилось сначала безъ заглавія, въ «Журналѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній» озаглавлено: «Утесъ посреди бурнаго моря», а въ послѣднемъ изданіи названо: «Къ русскому великану»), но и нѣкоторыхъ другихъ [1]), что чрезвычайно затрудняетъ справки.

Но обо всѣхъ этихъ недостаткахъ послѣднихъ изданій сочиненій Жуковскаго я надѣюсь сообщить вскорѣ подробнѣе въ особомъ библіографическомъ обзорѣ произведеній Жуковскаго, для котораго у меня собрано достаточно печатнаго матеріала.

А пока сообщаю два напечатанныхъ стихотворенія Жуковскаго, пропущенныхъ въ послѣднемъ VIII-мъ изданіи, и одно, могущее съ достаточною вѣроятностью быть приписаннымъ Жуковскому.

1. Народная пѣсня.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Строемъ станьте, пѣсню гряньте
Про Царя и про народъ.
Царь державный, Русью славной
Правь на славу въ родъ и родъ.
  Были годы, непогоды
Поднимались и на насъ;
Съ громомъ брани, въ наши грани
Темный врагъ вбѣгалъ не разъ.
Но проснулся, развернулся
Нашъ орелъ вождемъ полковъ;
Свѣтъ дивится, Русь гордится
Славой дѣдовъ и сыновъ.
День Полтавы—праздникъ славы;
Измаилъ, Кагулъ, Рымникъ;
Бой Московскій, взрывъ Кремлевскій,
И въ Парижѣ русскій штыкъ.
За Балканомъ русскимъ станомъ
Устрашенный старый врагъ,
И въ ограду Царю-граду
На Босфорѣ Русскій флагъ.
  Величайся-жъ, Русь святая;
Славься, доблестный народъ,
Отъ Камчатки до Дуная
Наше все и все поетъ:
«Многи лѣта, многи лѣта,
«Православный Русскій Царь»!

Жуковскій.

---

[1]) Напр., стихотвореніе, озаглавленное въ послѣднихъ изданіяхъ «Пѣсня» («Гдѣ фіалка мой цвѣтокъ?»), было напечатано въ журн. «Славянинъ» 1827 г., № XXXV, стр. 350, подъ заглавіемъ «Фіалка», о чемъ въ примѣчаніяхъ вовсе не сказано; поэтому отыскать его въ послѣднихъ изданіяхъ очень трудно. Ф. В.

Напечатано въ полномъ видѣ въ «Журналѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній» 1847 г., т. LXIV, № 253, стр. 22—23. Первые два куплета, до стиха: «Славой дѣдовъ и сыновъ» включительно, были напечатаны въ «Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1884 г.» (Спб., 1887), стр. 72, въ «Бумагахъ Жуковскаго», при чемъ встрѣчаются два варіанта: вмѣсто «Были годы, непогоды» въ «Отчетѣ Публичной библіотеки» напечатано: «Въ древни годы, непогоды»; а въ стихѣ «Темный врагъ вбѣгалъ не разъ» вмѣсто «вбѣгалъ» напечатано «входилъ».

2. 12-го декабря.

Тебя поемъ, герой вѣнчанный,
Въ сей день землѣ во благо данный
Благотворящимъ Божествомъ—
И день отнынѣ сей вселенной торжествомъ!

***

Молчали правда и законы!
Свирѣпой власти легіоны
Сбивали честь съ главы царей—
И міръ вертепомъ былъ рабовъ и палачей!

***

И въ прахъ растоптаны оковы!
Земля пріяла образъ новый!
И царь нашъ, давъ народамъ миръ,
Ты съ ними празднуешь свободы братскій пиръ!

***

Свершай великое начало!
Твой тронъ царямъ земнымъ зерцало!
Во правдѣ, твердостью великъ,
Стражъ блага, предсѣдай въ судилищѣ владыкъ.

***

И мы среди торжествованья
Свою любовь и упованья
Приносимъ здѣсь на твой алтарь—
Прими отъ братій дань, миротворитель царь!

***

Будь долго намъ въ залогъ спасенья!
Святой дорогой Провидѣнья
Ко благу насъ и міръ веди—
Звѣзда прекрасная землѣ не заходи!

***

Стихотвореніе это напечатано безъ подписи на отдѣльномъ листкѣ бумаги (съ водяными знаками 1816 г.) и, судя по раз-

мѣру, предназначалось, вѣроятно, для пѣнія на какомъ нибудь торжествѣ. Оно отнесено къ числу произведеній Жуковскаго, въ каталогѣ Императорской Публичной библіотеки.

3. Загадка.

(стихотвореніе, по всей вѣроятности, принадлежащее В. А. Жуковскому).

Ты хочешь знать меня? я все и ничего?
Бываю видимъ я для взора твоего
Лишь только въ темнотѣ, въ такую только пору,
Когда не зрящему ничто не видно взору!
Я въ посѣщеніи невидимомъ своемъ
Безъ слова говорю; кто слышитъ, тѣмъ не внятенъ;
А тѣмъ, чей запертъ слухъ, мой разговоръ понятенъ!
Творю изъ ничего, не будучи творцемъ;
Кажуся истиннымъ, когда бываю ложнымъ;
Все отъ могущества зависитъ моего;
Все невозможное могу явить возможнымъ;
Все дать могу и дать не властенъ ничего!
Къ тебѣ я прихожу неслышною стопою;
Я часто у тебя; я былъ вчера съ тобою;
А можетъ быть, что я съ тобою и теперь!
Лица мнѣ не дано, зато имѣю лица!
Хоть я не человѣкъ, не птица и не звѣрь,
Однако, я и звѣрь, и человѣкъ, и птица!
Безъ грома я гремлю; пылаю безъ огня;
Бываю тьмой безъ тьмы, бываю днемъ безъ дня;
Короче, я въ моихъ явленьяхъ неприметныхъ
Могу передъ тобой быть въ образахъ несчетныхъ!
Но знай, когда твоимъ являюся очамъ,
Не существую я и этотъ я—ты самъ!
Не будучи ничѣмъ, я все въ себѣ имѣю,
Безъ свойства, свойства всѣ я принимать умѣю!
Я легокъ и тяжелъ, безуменъ и уменъ,
То веселъ, то угрюмъ, то тихъ, то возмущенъ,
То долгій черезчуръ, то странно скоротечный,
Бываю мертвый я, но быть могу и вѣчный,
И, обнимая всѣхъ, себя не дамъ обнять!
Однако же, легко меня тебѣ поймать:
Переверни меня, и буду подъ глазами,
Тогда схватить себя позволю я руками!

Стихотвореніе это помѣщено въ «Собраніи новыхъ русскихъ стихотвореній», вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 г., служащемъ дополненіемъ къ «Собранію образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ», ч. 1-я (Спб., 1824), стр. 95—96. Такъ какъ въ этомъ сборникѣ помѣщены были произведенія русскихъ писателей, уже напечатанныя раньше въ журналахъ, то и стихотвореніе «Загадка» перепечатано изъ какого нибудь журнала, но изъ какого именно, мнѣ разыскать не пришлось.

Подписано оно буквой *Ж*. А такъ очень часто подписывался Жуковскій подъ разными своими переводными и оригинальными произведеніями, помѣщавшимися въ тогдашнихъ журналахъ.

Такъ, буквой Ж подписаны слѣдующія произведенія Жуковскаго: Въ «Вѣстникѣ Европы»: 1809 года—повѣсть: «Марьина роща» (№№ 2 и 3); статья: «Басни Ивана Крылова» (№ 9, стр. 35—67); стихотвореніе «Пѣсня» («Счастливъ тотъ, кому забавы», № 18, стр. 92—93); стихотвореніе «Мысли надъ гробомъ Каменскаго» (№ 18, стр. 145—148); стихотвореніе «Счастье» (№ 19, стр. 191—195); стихотвореніе «Кассандра» (№ 20, стр. 258—263); стихотвореніе «Плачъ Людмилы» (№ 20, стр. 263—264); статья: «Московскія записки» (№ 22, стр. 156—171); статья: «Дѣвица Жоржъ въ Дидонѣ Лефрана де-Пампиньяна» (№ 23, стр. 247—267); статья: «Московскія записки» (№ 24, стр. 342—349); 1810 года: Баснь («Перунъ мой изостри», № 3, стр. 188); стихотвореніе «Къ Деліи (№ 3, стр. 188—189); стихотвореніе «На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи» (№ 3, стр. 189—190); статья: «О переводахъ вообще, и въ особенности о переводахъ стиховъ» (№ 3, стр. 190—198); статья: «Критическій разборъ Кантемировыхъ сатиръ, съ предварительнымъ разсужденіемъ о сатирѣ вообще» (№ 3, стр. 199—214; № 5, стр. 42; № 6, стр. 126); стихотвореніе «Путешественникъ» (№ 4, стр. 288—289); стихотвореніе «Пѣснь араба надъ могилою коня» (№ 7, стр. 190—192); статья: «Нѣсколько писемъ Іоанна Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонстеттену, другу его» (№ 15, стр. 263—285); статья: «Тимей ваятель» (№ 17, стр. 3—18); статья: «Путешествіе Шатобріана въ Грецію и Палестину» (№ 17, стр. 19—47); рецензія пьесы: «Радамистъ и Зенобія» (№ 22, стр. 102—122). Въ «Сынѣ Отечества»: стихотвореніе «Ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ» (1821 г., ч. 67-я, № 1, стр. 21—31); стихотвореніе «Жизнь» (1821 г., ч. 67-я, № 6, стр. 271—274); стихотвореніе «Цеиксъ и Гальціона» (1821 г., ч. 68-я, № 9, стр. 73—92); стихотвореніе «Вѣрность до гроба» (1821 г., ч. 69-я, № 17, стр. 137—139); стихотвореніе «Пери и Ангелъ» (1821 г., № 20, стр. 243—265); стихотвореніе «Къ княгинѣ А. Ю. О.....ой» («Княгиня, для чего отъ насъ», 1822 г., ч. 75-я, № 1, стр. 30—37); стихотвореніе «Къ княгинѣ А. Ю. О.....ой (И такъ еще намъ суждено», 1822 г., ч. 76-я, № 10, стр. 127—129); стихотвореніе «Пѣсня» («Отнимаетъ наши радости», 1822 г., ч. 77-я, № 15, стр. 35—36). Въ журналѣ «Славянинъ»: стихотвореніе «Къ Эммѣ» (1828 г., № XL, стр. 31); стихотвореніе «Къ ***» (1828 г., № XLIII, стр. 149). Наконецъ, этой же одной буквой Ж подписано стихотвореніе Жуковскаго «Князю Д. В. Голицыну», напечатанное на отдѣльномъ листѣ (Москва, въ типографіи Авг. Семена, 4°; цензурная помѣтка: 11-го апрѣля 1833 г.).

Этотъ перечень произведеній Жуковскаго, относящихся къ про-

межутку времени болѣе, чѣмъ въ 20 лѣтъ (съ 1809 по 1833 гг.), и подписанныхъ буквой Ж, даетъ намъ основательный поводъ предполагать, что и стихотвореніе «Загадка», подписанное также буквой Ж, принадлежитъ Жуковскому, тѣмъ болѣе, что и по стиху, и по чрезвычайно удачной аллегорической формѣ, въ которой Жуковскій часто выражалъ свои взгляды и вѣрованія, вполнѣ подходитъ къ произведеніямъ Жуковскаго. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что изъ писателей того времени подпись Ж принадлежала только одному Жуковскому (см. В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ: «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей»).

II.

Въ письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, напечатанныхъ въ VI-мъ томѣ собранія его сочиненій, встрѣчаются упоминанія объ исторіи съ профессорами Дерптскаго университета, незаконно присудившими докторскіе дипломы Вальтеру, Веберу и другимъ. За это университету грозила какая-то серьезная бѣда, заставившая Жуковскаго (жившаго въ это время въ Дерптѣ и хорошо, конечно, знавшаго изнанку дѣла) горячо заступиться за университетъ.

Такъ, въ письмѣ отъ 21-го октября 1816 года онъ писалъ Тургеневу (служившему въ то время при исправлявшемъ должность министра народнаго просвѣщенія, князѣ А. Н. Голицынѣ):

«За что ты въ неудовольствіи на Петерсена? Онъ не долженъ быть помѣщенъ въ число Вальтера и Вебера. Его докторство законное такъ, какъ и Тидебеля. И тотъ, и другой были экзаменованы, какъ должно. Они хорошо учились и знаютъ свое дѣло. Будетъ очень больно, если ихъ не отличатъ отъ прочихъ. Это пятно будетъ незаслуженное. Осуждая виноватыхъ, щадите университетъ! Онъ и безъ того упадаетъ, и упадаетъ потому, что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться? Неужели Россіи должно быть грудою развалинъ, покрытыхъ лаврами, которые засохнутъ?» (Сочиненія Жуковскаго, изданіе седьмое, томъ VI, стр. 401—402).

Черезъ десять дней, 31-го октября, онъ опять писалъ:

«Слово о Петерсенѣ: я не знаю, что называешь ты s'encanailler! Ему нужно было докторство. Онъ экзаменовался, **какъ должно**, и получилъ дипломъ. Какъ должно, увѣряю тебя, ибо я это очень хорошо знаю. Если нѣкоторыя формы были упущены, то это не его вина; по крайней мѣрѣ онъ не требовалъ этого упущенія. Другой товарищъ его по докторству, Тидебель, человѣкъ извѣстный по своимъ знаніямъ, благороднаго характера и всѣми вообще уважаемый, также точно былъ экзаменованъ, и также точно при его произведеніи въ доктора, безъ его требованія, упущены нѣкоторыя

формы, упущены потому, что были и въ другихъ случаяхъ упускаемы. Бѣда ихъ въ томъ, что они произведены вмѣстѣ съ Вальтеромъ и Веберомъ. Это обратило и на нихъ вниманіе, для нихъ оскорбительное. Я слышалъ, что въ совѣтѣ университетскомъ положено уничтожить и ихъ дипломы наравнѣ съ Вальтеромъ за несоблюденіе формъ. Вообще справедливо, но для нихъ жестокая и несносная несправедливость. За что̀ же стоять имъ на одной доскѣ съ Вальтеромъ? Если виноватъ юридическій факультетъ, то за что̀ имъ страдать невиннымъ образомъ? Такой приговоръ непремѣнно произведетъ ложное мнѣніе, что и ихъ дипломы купленные! Сносно ли это? Мнѣ больно за Петерсена и Тидебеля! Это поношеніе незаслуженное! Спрашиваю у тебя, будетъ ли противно справедливости, если вмѣсто того, чтобы уничтожить дипломы, министръ опредѣлитъ имъ только дополнить то, чего не достаетъ въ формѣ, а не уничтожить дипломы по представленію совѣта? Прошу тебя объ этомъ подумать! Прошу также повѣрить, что я все это пишу безъ вѣдома Петерсена и Тидебеля (одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ); ты можешь самъ понять, что въ такое дѣло вмѣшиваться мнѣ неприлично, и что никто не будетъ знать о томъ, что я теперь пишу къ тебѣ. Но если можно спасти честныхъ людей отъ тяжкаго, незаслуженнаго поношенія, не нарушая справедливости, то ты это сдѣлать долженъ. Обвиняй профессоровъ (виноватыхъ), называй ихъ, какъ хочешь, но чтобы эта анаѳема не падала на всѣхъ безъ изъятія и на весь университетъ. Здѣсь есть прекрасные люди. И изъ первыхъ для меня, даже по убѣжденію сердца, Парротъ, съ твердымъ умомъ, съ благороднымъ чувствомъ. Назову другого, Эверса,—не историка Эверса, это—святой, а молодого, историка, оцарапаннаго обветшалыми когтями Шлёцера. Это честный и прямодушный человѣкъ, уважающій свое званіе. О Майерѣ говорить нечего. Еще есть и другіе. А самъ университетъ долженъ быть для васъ святымъ: за что разрушать его? Отвѣчай, прошу тебя, на это и возьми къ сердцу честь двухъ честныхъ людей» (тамъ же, стр. 403—405).

Наконецъ, въ письмѣ, писанномъ въ началѣ 1817 года, онъ написалъ Тургеневу слѣдующія многозначительныя строки:

«Знаешь ли, братъ, что̀ можетъ быть черезъ полгода, если ничто не будетъ сдѣлано для университета? Парротъ, лучшій его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домишки и искать учительскаго мѣста, то-есть послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка, и за все, что̀ имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностію, съ разрушенными надеждами и прочими тому подобными конфектами. Это сжимаетъ мнѣ сердце

и, признаюсь, заставляетъ коситься на мой пенсіонъ: я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ семьи! И что-жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писалъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею,—что-жъ ему наградою? Та же бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ суммы не давайте! Поберегите честь государя! Европа заговоритъ языкомъ, для него непріятнымъ, и будетъ—права» (тамъ же, стр. 407—408).

Въ какой мѣрѣ это горячее и краснорѣчивое заступничество Жуковскаго повліяло на смягченіе приговора—неизвѣстно, но въ іюнѣ 1817 г. состоялся слѣдующій сенатскій указъ:

«По случаю незаконнаго производства юридическимъ факультетомъ Дерптскаго университета въ докторы правовѣдѣнія Вальтера, Вебера и другихъ, высочайше повелѣно было произвесть университетскому совѣту о поступкѣ сего факультета судъ. Совѣтъ, исполнивъ таковое порученіе, представилъ приговоръ, въ которомъ изъяснилъ, что факультетъ найденъ виновнымъ въ томъ, что при экзаменѣ и производствѣ упомянутыхъ лицъ не соблюденъ высочайше утвержденный уставъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) юридическій факультетъ, не учинивъ означеннымъ лицамъ предписаннаго въ уставѣ университетскомъ экзамена на магистерскую степень, произвелъ экзаменъ прямо на докторское достоинство; 2) вопросовъ для словесныхъ и письменныхъ отвѣтовъ не задавалъ столько, сколько въ уставѣ предписано; 3) вмѣсто положенныхъ трехъ лекцій факультетъ удовольствовался одною, и 4) не требовалъ, какъ по законамъ надлежало, представленія себѣ диссертацій для публичнаго защищенія оныхъ прежде производства [1]). Государь императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) нынѣшняго ректора Дерптскаго университета, профессора Штельцера, который, будучи ректоромъ, не можетъ оправдываться незнаніемъ университетскаго устава, и какъ членъ юридическаго факультета, коимъ учинены сіи производства, долженъ былъ знать о противозаконности онаго, а какъ ректоръ имѣлъ всю власть въ то же время остановить таковое производство; равнымъ образомъ декана, профессора Кехи, котораго долгъ былъ распоряжать экзаменомъ и наблюдать, чтобы во всемъ поступаемо было согласно съ законами, удалить вовсе изъ университета и впредь никуда къ должности не опредѣлять; 2) прочимъ членамъ юридическаго факультета, оставивъ ихъ при занимаемыхъ ими профессорскихъ мѣстахъ, сдѣлать въ присут-

---

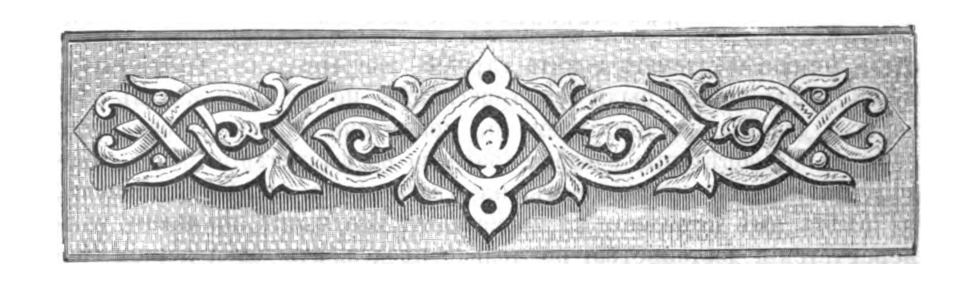
[1]) Изъ вышеприведеннаго письма Жуковскаго видно, что всѣ эти нарушенія установленнаго порядка допущены были потому, что дипломы были купленные.
Ф. В.

ствія университетскаго совѣта строгій выговоръ, съ подтвержденіемъ, дабы впредь были осмотрительнѣе; не избирать ихъ въ ректоры и деканы до того времени, когда они впредь оправдаютъ себя къ пріобрѣтенію совершеннаго во всемъ довѣрія, и до опредѣленія новыхъ профессоровъ, на мѣста двухъ нынѣ удаляемыхъ, не имѣть имъ дозволенія ни производить испытаній, ни давать университетскія достоинства, но только продолжать свои лекціи попрежнему». (Постановлено: О такомъ рѣшеніи увѣдомить всѣ присутственныя мѣста и всѣхъ, завѣдующихъ отдѣльными частями. См. «С.-Петербургскія Сенатскія Вѣдомости» 1817 г., № 27, іюля 7, стр. 223—224; также въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXXIV, стр. 424, 25 іюня 1817 г.).

Интересно было бы знать: удалось ли Жуковскому спасти дипломы Петерсена и Тидебеля, или лица эти попали въ число «другихъ», незаконно получившихъ докторскіе дипломы? Не найдется ли какихъ либо свѣдѣній по этому дѣлу въ архивѣ Дерптскаго (теперь Юрьевскаго) университета, въ которомъ и вообще могли сохраниться какія либо свѣдѣнія о Жуковскомъ. Въ книгѣ Зейдлица объ этой исторіи съ профессорами Дерптскаго университета, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ.

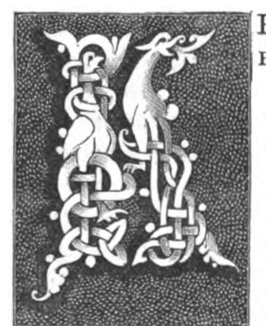
Ф. Витбергъ.

ОДНА ИЗЪ ЕКАТЕРИНИНСКИХЪ МОРДАШЕКЪ НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ.

I.

РУГЪ МОЙ, князь Григорій Александровичъ, въ американской войнѣ именитой англійскій подданный, Паулъ Жонесъ, который, служа американскимъ колоніямъ, съ весьма малыми силами, сдѣлался самимъ англичанамъ страшнымъ, нынѣ желаетъ войти въ мою службу. Я, ни минуты не мѣшкавъ, приказала его принять и велю ему ѣхать прямо къ вамъ, не теряя времени; сей человѣкъ весьма способенъ въ непріятелѣ умножать страхъ и трепетъ; его имя, чаю, вамъ извѣстно; когда онъ къ вамъ пріѣдетъ, то вы сами лучше разберете, таковъ ли онъ, какъ объ немъ слухъ повсюду. Спѣшу тебѣ о семъ сказать, понеже знаю, что тебѣ не безпріятно будетъ имѣть одной мордашкой болѣе на Черномъ морѣ» [1]).

Такъ писала Екатерина II князю Потемкину 13-го февраля 1788 года, и нельзя не признать, что данный ею эпитетъ мордашки, или бульдога, какъ она вообще называла англійскихъ моряковъ на русской службѣ, вполнѣ подходитъ къ Полю Джонсу. Это дѣйствительно былъ настоящій морской бульдогъ, и громкая слава предшествовала его прибытію въ Россію. Сама Екатерина говорила о немъ во второмъ

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII, стр. 474—475.

письмѣ къ Потемкину отъ 22-го февраля: «Паулъ Жонесъ у самыхъ англичанъ слыветъ вторымъ морскимъ человѣкомъ: адмиралъ Годъ (Гудъ) первой, а сей второй; онъ четырежды побилъ, бывъ у американцевъ, англичанъ» [1]), а въ письмѣ къ Гримму того же числа: «Ну, ваши рекомендаціи не проваливаются; другъ Поль Джонсъ будетъ принятъ хорошо и радушно, отъ такихъ людей не отказываются, но будьте добры, не поднимайте объ этомъ шума, чтобъ не помѣшали нашему соединенію» [2]). Князь А. А. Безбородко сообщалъ графу С. Р. Воронцову отъ 4-го апрѣля и 5-го мая: «Мы приняли контръ-адмираломъ славнаго Паулъ Джонеса», и «славный командоръ Поль Джонъ вошелъ въ нашу службу на Черное море» [3]). Съ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ славнаго моряка, о чемъ свидѣтельствуютъ письма Екатерины къ Потемкину, такъ какъ она постоянно упоминаетъ о немъ, говоря то: «Паулъ Жонесъ пріѣхалъ уже въ Копенгагенъ, и думаю, что скоро поѣдетъ къ тебѣ» [4]), то «о Паулѣ Жонесѣ не имѣю снова извѣстій» [5]). Наконецъ, въ дневникѣ А. В. Храповицкаго записано отъ 24-го апрѣля: «Получено извѣстіе, что 20 числа выѣхалъ изъ Ревеля Павелъ Іонесъ; онъ вступаетъ въ нашу службу; онъ проберется въ Константинополь» [6]), а на слѣдующій день: «Представленъ Павелъ Іонесъ и пожалованъ въ генералъ-майоры» [7]). О своемъ первомъ свиданіи съ Полемъ Джонсомъ въ день его пріѣзда, Екатерина писала Гримму: «Поль Джонсъ пріѣхалъ, и я видѣла его сегодня; я думаю, что онъ намъ придется чудесно» [8]), а Потемкину: «Паулъ Жонесъ пріѣхалъ сюда и дня черезъ два или три поѣдетъ къ вамъ; онъ ищетъ переводчика, котораго дать ему приказала; онъ охотою къ нашей службѣ пылаетъ; онъ мнѣ говорилъ, что для нашего флота полезно бы было имѣть Синопъ, либо гавань на другой сторонѣ, ради случиться могущихъ бурь; я на сіе ничего не отвѣчала, чтобъ тебѣ ничѣмъ руки не связать, а ты расположишь къ лучшему» [9]). Несмотря на любезный пріемъ императрицы, назначеніе на службу Поля Джонса встрѣтило какія-то странныя препятствія, между прочимъ, со стороны того же князя Безбородко, который въ своей частной переписке называлъ его «славнымъ командоромъ», но Екатерина энергично положила конецъ этимъ интригамъ, какъ видно изъ записи въ дневникѣ Храповицкаго отъ 9-го мая: «Встали рано. Примѣтно

---

1) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII, стр. 475.
2) Тамъ же, т. XXIII, стр. 438—439.
3) Тамъ же, т. XXVI, стр. 405—407.
4) Тамъ же, т. XVII, стр. 483.
5) Тамъ же, т. XVII, стр. 485.
6) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 77.
7) Тамъ же.
8) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXIII, стр. 446.
9) Тамъ же, т. XXVII, стр. 487.

безпокойство... они въ совѣтѣ все останавливаютъ; сбили было Поль Жонеса, на силу поправила. Теперь набиваютъ голову Грейгу. Я не знаю, кто дѣлаетъ каверзъ, но могу назвать канальей, потому что вредятъ пользѣ государства; сказала сіе гр. Без—ѣ (графу Безбородкѣ) qu'il dise à qui voudra l'entendre» [1]). «Канальи» замолчали», и «мордашка», произведенный въ контръ-адмиралы, отправился въ армію съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ императрицы къ Потемкину:

«Другъ мой, князь Григорій Александровичъ, вручителю сего письма, контръ-адмиралу и кавалеру Паулу Жонесу, я долженствую отдать справедливость, что онъ показываетъ великую охоту оказать свое усердіе, служа подъ вашимъ предводительствомъ или руководствомъ, гдѣ заблаго найдете его употребить. Письма ваши отъ 28 апрѣля получила и на нихъ вскорѣ отвѣтствовать буду. Пребываю къ вамъ доброжелательна и прошу быть здоровымъ.

«Екатерина.

«Царское Село, 7 мая 1788 г.

«Прочтя сіе письмо, мнѣ показалось, очень чинно написано, и для того заблагоразсудила сказать, что я тебя, мой другъ, очень люблю запросто» [2]).

Но прежде чѣмъ послѣдовать за Полемъ Джонсомъ на новый театръ его морскихъ подвиговъ, бросимъ взглядъ на его предыдущую жизнь, которая, по мнѣнію однихъ, покрыла его славой, а другихъ—позоромъ, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлала его имя извѣстнымъ во всемъ свѣтѣ. Его необыкновенные морскіе подвиги въ войнѣ съ Англіей за освобожденіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ были такимъ фактомъ, противъ котораго спорить было нельзя, и всѣ одинаково, враги и друзья, превозносили храбрость, смѣлость и отвагу Поля Джонса, но расходились въ оцѣнкѣ его удальства. Одни, именно англичане, называли его пиратомъ, корсаромъ и измѣнникомъ, такъ какъ онъ воевалъ съ своей старой родиной Англіей, а французы и американцы считали его благороднымъ героемъ и пламеннымъ патріотомъ, энергично, преданно служившимъ своему второму отечеству, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, гражданиномъ которыхъ онъ всегда называлъ себя. Чтобъ сказать безпристрастно, чей приговоръ справедливъ, надо подробно познакомиться съ жизнью Поля Джонса и его морской дѣятельностью, а это довольно трудно, такъ какъ матеріалы для подобнаго знакомства очень скудны. Не существуетъ основательной, большой біографіи этого «пѣнителя морей», а свѣдѣнія о немъ разбросаны по различнымъ историческимъ сочине-

---

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 80.
[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII, стр. 483.

ніямъ и словарямъ; поэтому какъ нельзя болѣе кстати появилась любопытная о немъ статья въ апрѣльской книжкѣ «Century Magazine» американской писательницы Молли Эллiотъ-Сивель, которая безпристрастно собрала все, что̀ извѣстно до сихъ поръ о Полѣ Джонсѣ, и добавила эти данныя новыми фактами и чертами изъ многочисленной его переписки съ друзьями, сохранившейся до сихъ поръ и состоящей изъ 1,300 писемъ. Такимъ образомъ съ помощью этого обстоятельнаго очерка и прежняго матеріала, преимущественно біографій въ «Biographie Universelle» Мишо и въ энциклопедіяхъ Ларусса, Джонса и Чемберса, можно возстановить интересный образъ этого оригинальнаго героя XVIII вѣка. Что касается до его мемуаровъ, изданныхъ въ 2 томахъ въ Парижѣ и Эдинбургѣ въ 1798 году, то они съ самаго начала возбуждали сомнѣніе въ своей достовѣрности, а теперь вполнѣ доказано, что это не что болѣе, какъ поддѣлка и даже не очень ловкая. Въ области фантазіи, предметомъ которой служилъ знаменитый морякъ, наиболѣе заслуживаютъ вниманія два извѣстные романы Дюма «Поль Джонсъ» и Купера «Лоцманъ» (Pilote). Упомянемъ здѣсь же, что относительно пребыванія Поля Джонса въ Россіи имѣется еще менѣе свѣдѣній и они главнымъ образомъ разбросаны въ письмахъ Екатерины къ Потемкину и Гримму (Сборникъ И. Р. И. О.), въ дневникѣ Храповицкаго, въ книгахъ: А. Н. Петрова—«Вторая Турецкая война», т. I.; Ф. Веселаго—«Краткая исторія русскаго флота», вып. I; А. Висковатова—«Взглядъ на военныя дѣйствія россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ въ 1787 и 1791 гг.»; Богдановича—«Война Россіи съ Турціей»; въ мемуарахъ гр. Сегюра, 3 томъ; въ письмахъ принца Нассау-Зигена (Le prince Nassau-Siegen par le marquis d'Aragon), и въ статьѣ «Берега Нижняго Дуная» въ № 7 «Библіотеки для Чтенія» 1844 г.; отдѣльный же біографическій очеркъ Поля Джонса до сихъ поръ появился только одинъ и помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1878 г. съ подписью Н. Боева.

II.

Джонъ Поль Джонсъ родился въ Шотландіи, въ Арбигландѣ, 6-го іюля 1747 г. и былъ сыномъ бѣднаго садовника. Нѣтъ свѣдѣній, чтобы онъ учился въ какой нибудь школѣ, кромѣ приходской, но онъ отличался съ юныхъ лѣтъ любовью къ чтенію. Проведя дѣтство на берегу моря, онъ пристрастился къ мореплаванію и на тринадцатомъ году поступилъ матросомъ на коммерческое судно, которое занималось торговлей съ Америкой. Черезъ нѣсколько времени шкиперъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ судна, обанкрутился, и Джонъ Поль, какъ онъ тогда назывался по фамиліи своего отца, нанялся третьимъ штурманомъ на корабль, который велъ торговлю невольниками, но онъ не могъ долго вынести позора по-

добнаго торга живымъ мясомъ и поступилъ на другое судно уже шкиперомъ и нѣсколько разъ ходилъ на немъ въ Вестъ-Индію. Во время одного изъ своихъ возвращеній въ Шотландію онъ былъ привлеченъ къ суду за то, что подвергъ тѣлесному наказанію на своемъ суднѣ, не исполнившаго его приказанія, столяра. Хотя на судѣ выяснилось, что шкиперъ былъ вполнѣ правъ по закону, который дозволялъ тогда подобныя наказанія, и что онъ не обнаружилъ при этомъ никакой жестокости, а потому онъ былъ оправданъ, но сосѣди стали на него коситься, что̀ повело къ непріятнымъ пререканіямъ между нимъ и даже родственниками. Обладая очень горячимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злопамятнымъ характеромъ, онъ никогда не могъ простить такого несправедливаго, по его мнѣнію, обращенія своихъ соотечественниковъ и затаилъ противъ нихъ глубокую злобу, а когда, неожиданно, онъ получилъ извѣстіе о смерти своего брата Вильяма, эмигрировавшаго въ Виргинію и оставившаго ему въ наслѣдство значительное помѣстье, то онъ съ большой радостью отряхнулъ прахъ старой родины со своихъ ногъ и переселился навсегда въ новое отечество. Два года онъ мирно жилъ въ Виргиніи и, обладая порядочнымъ состояніемъ, имѣлъ доступъ въ лучшее общество Виргиніи, при чемъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Томасомъ Джефферсономъ. Хотя англійскіе біографы и увѣряютъ, что онъ въ это время предавался самому грубому разврату, но эти свѣдѣнія также бездоказательны, какъ и передаваемыя этими біографами обвиненія Джона Поля въ томъ, что онъ бѣжалъ изъ Шотландіи, боясь, что его повѣсятъ за какое-то преступленіе. Несмотря на скудость извѣстій о немъ въ эту эпоху его жизни, можно, однако, сказать на основаніи сохранившихся писемъ различныхъ представителей виргинскаго общества того времени, что Джонъ Поль, принявшій тогда фамилію Джонса, считался всѣми за достойнаго уваженія джентльмена, а самъ онъ, повидимому, думалъ провести всю свою жизнь мирнымъ земледѣльцемъ. Но судьбѣ было угодно иначе, и какъ только вспыхнула война за освобожденіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отъ англійскаго ига, онъ поспѣшилъ въ Филадельфію и чрезъ своего пріятеля Джозефа Гьюза, члена конгресса отъ Сѣверной Каролины, предложилъ свои услуги новому правительству и былъ принятъ въ только-что образовавшійся американскій флотъ съ чиномъ лейтенанта. Такимъ образомъ жизнь Поля Джонса собственно начинается съ жизнью американскаго флота, 22-го декабря 1775 года.

Ему тогда было двадцать восемь лѣтъ, и онъ отличался среднимъ ростомъ, худощавой фигурой и, по словамъ знавшихъ его лицъ, «смѣлой, удалой, чисто офицерской физіономіей». Лицо его было смуглое, загорѣлое, черные глаза ярко блестѣли, хотя иногда заволакивались меланхоліей. Манеры его были приличныя, полныя достоинства, и онъ необыкновенно умѣлъ плѣнять простыхъ

матросовъ и женщинъ. Что касается послѣднихъ, то онъ, повидимому, часто влюблялся въ красавицъ и даже, подобно Вашингтону, писалъ въ честь ихъ стихи, но никогда не подчинялся ихъ вліянію. Онъ очень любилъ писать письма и выражался довольно правильно не только по-англійски, но и по-французски. Вотъ каковъ былъ новый офицеръ американскаго флота, поступившій сразу лейтенантомъ на флагманскій корабль начальника первой американской эскадры Гопкинса и имѣвшій удовольствіе лично поднять впервые во всемъ американскомъ флотѣ флагъ новаго государства. «На мою долю выпало счастье,—говоритъ онъ въ письмѣ къ Роберту Морису,—собственноручно поднять флагъ Америки въ тотъ моментъ, когда онъ впервые началъ развѣваться, и хотя это обстоятельство маловажно, но я считаю его за большую честь для себя». Служба подъ начальствомъ Гопкинса не принесла Полю Джонсу ожидаемой славы, такъ какъ этотъ командиръ эскадры постоянно избѣгалъ опасности и, спустя годъ, былъ удаленъ отъ службы за совершенную неспособность къ морскому дѣлу. Тогда Поль Джонсъ получилъ начальство надъ маленькимъ военнымъ судномъ «Провидѣніе» и сначала на немъ, а потомъ во главѣ маленькой эскадры, перевозилъ людей и провіантъ изъ Родъ-Айленда въ Нью-Іоркъ къ Вашингтону, который очень сочувственно отзывался объ оказанныхъ имъ услугахъ. Ловко избѣгая англійскихъ крейсеровъ, гонявшихся за нимъ, какъ ищейки, Поль Джонсъ впервые заслужилъ славу храбраго, смѣлаго моряка, которая навсегда осталась за нимъ. Эта слава стала быстро распространяться, и молодые офицеры начали выражать желаніе служить подъ его командой въ такомъ большомъ количествѣ, что онъ не могъ уважить всѣхъ просьбъ; сохранились нѣкоторые изъ его письменныхъ отвѣтовъ по этому предмету и самая замѣчательная въ нихъ черта, что Поль Джонсъ прямо выражалъ свое нежеланіе сманивать офицеровъ отъ другихъ командировъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалъ, что естественно молодые офицеры желаютъ служить у человѣка, который питаетъ самые смѣлые планы. Какъ Поль Джонсъ первый поднялъ американскій флагъ, такъ онъ и первымъ былъ произведенъ въ капитаны американскаго флота; но, по какому-то случайному обстоятельству, приказъ объ этомъ назначеніи былъ потерянъ, а въ спискахъ американскаго флота онъ оказался не первымъ капитаномъ, а тринадцатымъ. Это взбѣсило горячаго, самолюбиваго моряка, и онъ поклялся, что никогда не будетъ служить подъ начальствомъ тѣхъ лицъ, которымъ несправедливо дано старшинство надъ нимъ. Конгрессъ хотя и не счелъ нужнымъ уважить его требованія насчетъ исправленія этой ошибки, но изъ осторожности не сталъ назначать Поля Джонса подъ чью либо команду. Въ 1777 году на военномъ суднѣ «Разбойникъ», ему поручено было отправиться въ Европу, для принятія начальства надъ строившимся въ Амстердамѣ для Америки фрегатомъ «Индѣецъ».

Прежде чѣмъ онъ отправился въ путь, онъ снова первый поднялъ, принятый конгрессомъ и остающійся донынѣ, новый звѣздный американскій флагъ. Благополучно прибывъ во Францію, Поль Джонсъ прямо отправился въ Парижъ и передалъ американскимъ комиссарамъ рекомендательныя письма отъ морского комитета, который отзывался о немъ, какъ «о храбромъ и энергичномъ офицерѣ». Но его ожидало тамъ большое разочарованіе: амстердамскій фрегатъ послужилъ пререканіемъ между Франціей и Голландіей, такъ что американское правительство было вынуждено отказаться отъ него, и онъ былъ переданъ французскому правительству, а Полю Джонсу пришлось провести нѣсколько скучныхъ мѣсяцевъ въ Брестѣ въ тщетномъ ожиданіи лучшаго корабля, чѣмъ его маленькій, дрянной «Разбойникъ». Въ это время онъ основательно изучалъ французскую морскую тактику, которую признавалъ лучше англійской, и пользовался дружбой адмирала французскаго флота, Ла-Моттъ-Пикэ. Замѣчательно, что этотъ адмиралъ, по настоянію Поля Джонса, первый изъ начальниковъ иностраннаго флота салютовалъ американскому флагу. Хотя онъ и отдавалъ преимущество морской тактикѣ французовъ, но такъ какъ англичане одерживали надъ ними побѣды, несмотря на менѣе блестящую тактику въ теоретическомъ отношеніи, то Поль Джонсъ, подготовляясь къ борьбѣ съ ними, основательно ознакомился съ составомъ всего англійскаго флота. Существуетъ подробный, составленный имъ собственноручно, списокъ всѣхъ тогдашнихъ англійскихъ судовъ, съ обозначеніемъ мѣста ихъ постройки, числа и именъ экипажа, количества орудій и лодокъ, водоизмѣщенія и т. д.; по мнѣнію американскихъ его біографовъ, онъ могъ добыть эти точныя свѣдѣнія только отъ какого нибудь высокопоставленнаго лица въ англійскомъ адмиралтействѣ, съ которымъ онъ, вѣроятно, находился въ тайныхъ сношеніяхъ.

Наконецъ, видя, что ему не добиться лучшаго судна, Поль Джонсъ рѣшился и на маленькомъ «Разбойникѣ», о которомъ Франклинъ говорилъ, что это судно «слабое, гнилое, съ медленнымъ ходомъ», вступить въ бой съ могущественнымъ англійскимъ флотомъ. Отказавшись вступить во французскую морскую службу, какъ ему предлагали, онъ смѣло началъ свои военныя дѣйствія противъ старой родины. Онъ прямо направился къ берегамъ Шотландіи и поднялся по рѣкѣ Клайдѣ, гдѣ захватилъ нѣсколько призовъ. Затѣмъ 22-го апрѣля совершилъ знаменитую высадку въ Вайтгевенѣ. Отправившись на берегъ въ двухъ лодкахъ съ тридцатью двумя матросами, онъ явился на разсвѣтѣ въ гавань, гдѣ стояло до ста судовъ, заперъ часовыхъ въ фортѣ, заклепалъ орудія и поджегъ всѣ суда. Несмотря на то, что послѣ минутнаго испуга, многочисленная толпа бросилась за американцами къ ихъ лодкамъ, они благополучно вернулись на свое судно. При этомъ достойно вниманія, что въ

своемъ донесеніи начальству, Поль Джонсъ говоритъ: «я поджегъ англійскія коммерческія суда, чтобы отомстить за весь вредъ, нанесенный англичанами американскому торговому флоту, и былъ очень доволенъ, что въ этомъ дѣлѣ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ съ обѣихъ сторонъ». Затѣмъ Поль Джонсъ пробрался къ острову св. Маріи, гдѣ находился зáмокъ лорда Селькирка, съ намѣреніемъ захватить этого лорда, для вымѣна его на плѣнныхъ американскихъ гражданъ. Но лорда не оказалось дома, и Поль Джонсъ хотѣлъ вернуться на свое судно, не тронувъ въ зáмкѣ ничего, и если ему пришлось дозволить своимъ людямъ взять родовое серебро лорда Селькирка, то лишь вслѣдствіе настоятельныхъ требованій матросовъ, которые считали наравнѣ съ такими знаменитыми англійскими адмиралами, какъ Дрэкъ и Гокинсъ, что грабежъ былъ законной привилегіей побѣдителей. Однако, согласившись на взятіе серебра изъ боязни открытаго мятежа среди матросовъ, Поль Джонсъ ограничилъ этимъ реквизицію, а вернувшись на свой корабль, взялъ себѣ все серебро, уплатилъ матросамъ его стоимость, а самое серебро отослалъ обратно леди Селькиркъ. Франклинъ читалъ письмо Поля Джонса къ леди Селькиркъ по этому случаю и прямо говоритъ, что оно было «очень деликатное, дававшее ей полное понятіе о благородствѣ и великодушіи американскаго офицера». На это письмо отвѣчалъ самъ лордъ Селькиркъ, отказываясь принять серебро иначе, какъ по уплатѣ той суммы, которую Поль Джонсъ отдалъ матросамъ. Въ сущности, Поль Джонсъ заплатилъ за серебро гораздо дороже, чѣмъ оно стоило, именно тысячу фунтовъ, а стоимость серебра не равнялась и половинѣ, но онъ и слышать не хотѣлъ о взносѣ денегъ лордомъ Селькиркомъ, и послѣдній кончилъ тѣмъ, что принялъ серебро даромъ. Спустя нѣсколько времени, онъ понялъ все благородство поступка Поля Джонса и написалъ ему письмо, въ которомъ признавалъ рѣдкую дисциплину его матросовъ, не позволившихъ себѣ ни малѣйшаго насилія и взявшихъ только то серебро, которое имъ дали, а также заявлялъ, что хотѣлъ печатно засвидѣтельствовать этотъ фактъ, но считалъ достаточнымъ и то, что онъ объ этомъ говорилъ нѣкоторымъ представителямъ англійской націи. Такимъ образомъ, первый подвигъ человѣка, называемаго англичанами пиратомъ и корсаромъ, стоилъ ему тысячу фунтовъ, уплаченныхъ только для того, чтобы спасти домъ англійскаго вельможи отъ грабежа. Какъ бы то ни было, появленіе американцевъ въ помѣстьѣ лорда Селькирка навело страхъ на весь окрестный берегъ, и когда «Разбойникъ» подошелъ къ маленькому городку Киркальди, то всѣ жители выбѣжали на берегъ въ ужасѣ, а мѣстный пасторъ произнесъ импровизованную молитву, прося небо обратить въ бѣгство враговъ. Повидимому, эта молитва возымѣла чудодѣйственную силу, и поднявшійся вѣтеръ помѣшалъ высадкѣ Поля Джонса. Но онъ задумалъ бо-

лѣе самолюбивое предпріятіе, чѣмъ наведеніе страха на женщинъ и дѣтей, именно открытый бой съ большимъ англійскимъ военнымъ кораблемъ «Дрэкъ». Англичане такъ были увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что когда американское суденышко вышло навстрѣчу ихъ кораблю, то вслѣдъ за послѣднимъ отправились въ море пять мелкихъ судовъ, чтобы быть свидѣтелями пораженія дерзкаго непріятеля, и съ тою же цѣлью весь берегъ переполнился зрителями. Но результатъ геройской борьбы маленькаго корабля съ большимъ оказался совсѣмъ противоположнымъ. На вызывающіе крики англичанъ съ «Дрэка» самъ Поль Джонсъ отвѣчалъ: «мы американское судно «Разбойникъ» и давно ждемъ васъ; солнце уже взошло болѣе часа, пора вступить въ бой». Они дѣйствительно вступили въ бой, который, по словамъ Поля Джонса, въ запискѣ, представленной французскому королю, былъ «горячій, тѣсный и упорный». Онъ продолжался часъ и четыре минуты, а затѣмъ англійскій корабль былъ приведенъ въ невозможность продолжать борьбу и спустилъ флагъ; при этомъ англичане потеряли убитыми и ранеными 42 человѣка, въ томъ числѣ капитана, а американцы только 9. Англійскіе историки намѣренно унижаютъ эту первую громкую побѣду Поля Джонса и увѣряютъ, что «Дрэкъ» было старое, никуда негодное судно, а напротивъ ложно увеличиваютъ силу своего противника. Въ сущности же, англійскій корабль былъ если не новый, то вполнѣ пригодный къ дѣлу, двадцати-пушечный фрегатъ, съ отличнымъ экипажемъ въ 160 человѣкъ и вполнѣ исправными орудіями, а американское суденышко, напротивъ, было дурно оснащено, плохо вооружено 18-ю старинными пушками, и его экипажъ въ 130 человѣкъ состоялъ изъ всякаго сброда: мальтійцевъ, португальцевъ, малайцевъ и т. д., не признававшихъ никакой дисциплины. Такое сравненіе обоихъ противниковъ говоритъ только въ пользу побѣдителей, а никакъ не побѣжденныхъ. Поэтому во всѣхъ странахъ, кромѣ Англіи, подвигъ Поля Джонса былъ вознесенъ до небесъ, и его послѣдующее поведеніе еще болѣе утвердило его славу. Съ трудомъ приведя свой призъ въ Лоріанъ, Поль Джонсъ долженъ былъ цѣлый мѣсяцъ кормить на свой счетъ плѣнныхъ англичанъ, а офицеровъ онъ отпустилъ на честное слово, возвративъ имъ шпаги и предложивъ явиться свидѣтелями на военномъ судѣ, въ доказательство того, что они вели себя геройски и сдали судно только когда уже нельзя было его болѣе защищать. При этомъ не лишне замѣтить, что Полю Джонсу уже американское правительство было должно болѣе 1,500 фунтовъ стерлинговъ за вооруженіе «Разбойника» и, кромѣ того, не платило еще ни копейки жалованья ни ему, ни экипажу. Но если въ финансовомъ отношеніи его побѣда оказалась болѣе, чѣмъ скудной, то она увѣнчала его лаврами. Французское правительство просило американское правительство оставить его

въ Европѣ и обѣщало дать ему хорошій французскій корабль, а при дворѣ и въ свѣтскомъ обществѣ его носили на рукахъ. Королева Марія Антуанета, въ апогеѣ своей красоты и славы, осыпала его державными ласками, и онъ писалъ о ней съ грубымъ добродушіемъ моряка: «королева прелестная дѣвочка и заслуживаетъ полнаго счастія». Герцогъ Шартрскій, принцъ Нассау-Зигенъ, его будущій соперникъ въ Россіи, и въ особенности Лафайетъ находились съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Но соловья баснями не накормить, и морской герой настоятельно требовалъ, чтобы ему дали корабль и отпустили на новые подвиги.

III.

Наконецъ, Полю Джонсу удалось образовать подъ своимъ начальствомъ маленькую эскадру, но самаго страннаго, диковиннаго вида. Флагманскимъ кораблемъ, названнымъ въ честь Франклина «Bon Homme Richard» (Добрякъ Ришаръ, по имени его извѣстной книги), было старое коммерческое судно, столь дряхлое, что нельзя было его даже исправить; на немъ было сорокъ пушекъ, но такихъ старыхъ, что онѣ разрывались при стрѣльбѣ, а его экипажъ, по словамъ Поля Джонса, былъ такой дрянной, котораго никогда еще не видывалъ ни одинъ военный корабль; только тридцать американцевъ, въ томъ числѣ смѣлый и храбрый помощникъ Поля Джонса, Ричардъ Дэль, составляли единственную силу этого, никуда не годнаго, судна. Кромѣ него, въ эскадрѣ находились американскій фрегатъ «Союзъ» съ тридцатью двумя орудіями, подъ начальствомъ капитана Ландэ, который долженъ былъ выйти изъ французской службы по подозрѣнію его въ сумасшествіи, и три французскихъ судна: «Паллада» съ тридцатью двумя орудіями, «Олень»—съ восемнадцатью и «Месть»—съ двѣнадцатью. Во главѣ такой разношерстной флотиліи и связанный въ своихъ дѣйствіяхъ навязанными ему условіями франко-американскаго союза, согласно которымъ онъ долженъ былъ прибѣгать во всемъ къ совѣтамъ своихъ французскихъ товарищей, которые сдерживали его порывы и отличались тѣмъ, что только мѣшали ему, появляясь не кстати, и отсутствуя, когда они были нужны,—Поль Джонсъ вышелъ въ море 14-го августа 1779 года. Болѣе мѣсяца онъ тщетно бороздилъ волны, только забирая коммерческія суда въ видѣ призовъ и не находя достойнаго для себя врага. Чтобы не вернуться во Францію безъ всякихъ лавровъ, онъ, наконецъ, убѣдилъ французовъ войти въ Фортскій заливъ и наложить контрибуцію на Эдинбургскій портъ, но и тутъ судьба была противъ него, и буря заставила удалиться его суда. Но все-таки онъ нагналъ страхъ на столицу своей старой родины, и сэръ Вальтеръ Скоттъ, бывшій тогда десятилѣтнимъ ребен-

комъ, сохранилъ на всю жизнь воспоминаніе о томъ ужасѣ, въ который пришли всѣ обитатели города отъ приближенія храбраго американца. Но онъ такъ смѣло крейсировалъ у самыхъ береговъ Шотландіи на своемъ маленькомъ суднѣ, на которомъ обыкновенно былъ поднятъ англійскій флагъ для того, чтобы сбить съ толку непріятеля, что многіе изъ англичанъ принимали его за свой крейсеръ, а одинъ членъ парламента даже послалъ лодку къ нему, съ просьбой одолжить пороха и пуль для защиты отъ нападенія пирата Поля Джонса. Онъ очень любезно отправилъ депутату боченокъ съ порохомъ и велѣлъ сказать, что, къ сожалѣнію, лишнихъ пуль у него нѣтъ. Время такимъ образомъ шло, и пора уже было, согласно полученнымъ приказаніямъ, идти обратно во Францію, безъ всякой славы, когда неожиданно, въ 12 часовъ дня, 23-го сентября 1779 года, Поль Джонсъ увидалъ на горизонтѣ близъ мыса Фламборо большой англійскій военный корабль, а прежде чѣмъ наступила полночь, онъ уже одержалъ одну изъ самыхъ славныхъ и геройскихъ побѣдъ во всей исторіи морскихъ битвъ.

Замѣченный Полемъ Джонсомъ корабль оказался большимъ фрегатомъ «Сераписъ», подъ начальствомъ капитана Пирсона, который, вмѣстѣ съ другимъ фрегатомъ «Графиня Скарборо», подъ начальствомъ капитана Пирси, конвоировалъ коммерческій флотъ изъ сорока судовъ, шедшихъ изъ Балтійскаго моря. «Сераписъ» былъ совершенно новымъ, прекраснымъ военнымъ судномъ, съ четырьмястами отборными матросами и пятьюдесятью орудіями, такъ что, по словамъ Поля Джонса въ письмѣ къ Франклину, «онъ никогда въ жизни не видалъ такого славнаго корабля». Но, несмотря на неравенство силъ, онъ смѣло вступилъ въ бой, одинъ на одинъ, такъ какъ остальныя суда его эскадры разбрелись во всѣ стороны и не оказали ему ни малѣйшей помощи, кромѣ одной «Паллады», которая исполнила его приказаніе и взяла въ плѣнъ «Графиню Скарборо». Прежде чѣмъ началась битва, противники, какъ водилось въ тѣ времена, обмѣнялись вызовами. «Кто вы такіе? Что у васъ за судно?» спросили съ палубы «Сераписа». — «Подойдите ближе, мы вамъ скажемъ», отвѣчали американцы. — «Вы какой везете товаръ?» презрительно кричали англичане. — «Ядра и бомбы», отвѣчали американцы. Долго маневрировали оба судна, прежде чѣмъ связаться въ кровавой борьбѣ, и она началась только въ семь часовъ вечера. Первый залпъ былъ данъ Полемъ Джонсомъ, а затѣмъ англичане открыли огонь. Черезъ нѣсколько минутъ никуда негодное суденышко Поля Джонса дало течь во многихъ мѣстахъ, на немъ произошелъ значительный пожаръ, и вообще его положеніе было отчаянное: пушки разрывались, въ трюмѣ находилось до ста плѣнныхъ, которые всякую минуту могли возмутиться, и многіе изъ экипажа стали требовать сдачи. Поль Джонсъ видѣлъ, что единственный для него выходъ былъ въ абордажѣ, и

крикнувъ одному изъ своихъ помощниковъ, который громко ругалъ англичанъ всякими неприличными словами: «не ругайтесь, мистеръ Стаси, черезъ минуту всѣ мы можемъ перейти въ вѣчность, а потому исполнимъ свой долгъ»,—онъ принялъ мѣры, чтобы подойти совершенно близко къ англійскому судну и сцѣпиться съ нимъ. Когда, благодаря этому смѣлому шагу, якоря обоихъ судовъ

Поль Джонсъ.

и даже снасти перепутались, а пушки почти касались другъ друга, такъ что матросы, для забивки снаряда, должны были высовываться на чужую палубу, то онъ съ торжествомъ воскликнулъ: «хорошо! молодцы! теперь наша взяла!». Изумленные англичане подняли крикъ: «проклятые янки, помните, честный бой!», на что американцы отвѣчали: «чортъ тебя возьми, Джонъ Буль, береги свою шкуру!» Свалка произошла неописанная, особенно послѣ того,

какъ американцы, по приказанію Поля Джонса, забрались на мачты англійскаго корабля и стрѣляли оттуда, сами почти находясь въ безопасности. Среди постояннаго огня и рукопашной схватки англичане, наконецъ, рѣшились сдѣлать смѣлый натискъ: они выстроились въ колонну и бросились на палубу американскаго судна, но тамъ встрѣтили такой отпоръ, что принуждены были ретироваться. Однако, этотъ успѣхъ нисколько не помогъ американцамъ, которые начинали приходить въ отчаяніе, видя, что долго имъ не продержаться, и одинъ изъ офицеровъ даже крикнулъ англичанамъ, что они хотятъ сдаться. Но на восклицаніе со стороны англичанъ: «ну, спускайте флагъ!», самъ Поль Джонсъ отвѣчалъ классическими словами: «рано, я только-что началъ бой!». Но въ эту минуту, къ его ужасу, подошелъ «Союзъ» и, по приказанію сумасшедшаго капитана, сталъ стрѣлять не во врага, а въ своихъ, а затѣмъ преспокойно удалился, убивъ и ранивъ значительное число американцевъ. Но Поль Джонсъ не унывалъ и на замѣчанія своихъ помощниковъ, что его судно не можетъ держаться на водѣ отъ сильной течи, отвѣчалъ со смѣхомъ: «ничего, мы вернемся домой на лучшемъ кораблѣ», а чтобы откачать воду, быстро прибывавшую въ трюмъ, онъ приказалъ поставить на эту работу плѣнныхъ, рискуя окончательно погубить себя. Но этотъ смѣлый шагъ оказался вполнѣ удачнымъ, и плѣнные были такъ перепуганы угрожавшей имъ опасностью, что стали энергично выкачивать воду, спасая тѣмъ своего врага, хотя они легко могли заставить его сдаться своимъ соотечественникамъ. Тутъ наступилъ рѣшительный кризисъ боя, и конецъ его былъ ускоренъ отважной выходкой одного американскаго матроса, который набралъ гранатъ въ ведро, влѣзъ на мачту англійскаго корабля и сталъ преспокойно бросать ихъ сверху, при чемъ одна попала въ груду снарядовъ, лежавшихъ на палубѣ, и произвела страшный взрывъ. Англичане поддались паникѣ и въ половинѣ одиннадцатаго спустили флагъ.

Въ результатѣ англичане потеряли болѣе ста убитыхъ и столько же раненыхъ, а американцы—сорокъ два убитыхъ и сорокъ раненыхъ. Такъ какъ англійскій флагъ былъ прибитъ къ мачтѣ, то самъ капитанъ Пирсонъ, хотя тяжело раненый, сорвалъ его и, сдѣлавъ два шага, такъ какъ больше не требовалось, чтобы перейти на палубу американскаго корабля, отдалъ шпагу Полю Джонсу, который тотчасъ ее возвратилъ ему. Англичане потомъ разсказывали, что капитанъ Пирсонъ, отдавая шпагу, сказалъ, что ему тѣмъ больнѣе это униженіе, что его шпагу беретъ преступникъ, сорвавшійся съ висѣлицы; по свидѣтельству очевидцевъ, это безсмысленная басня, и Пирсонъ не говорилъ ничего подобнаго. «Но моя побѣда была не полная, говоритъ Поль Джонсъ въ описаніи этой славной битвы, представленномъ французскому королю:—мнѣ приходилось бороться съ еще злѣйшими врагами: огнемъ и водой. «Се-

рапись» долженъ былъ защищаться только противъ огня, а моему приходилось имѣть дѣло и съ водой, которой набралось въ трюмѣ до пяти футовъ. Бывшія у меня три помпы едва могли удерживать воду отъ дальнѣйшей прибыли, а, кромѣ того, необходимо было и заливать постоянно возникавшіе въ разныхъ мѣстахъ пожары, которые только къ десяти часамъ утра слѣдующаго дня удалось совершенно погасить. Что касается до положенія судна, то оно было совершенно безнадежно; безъ руля, безъ мачтъ и съ многочисленными повсюду поврежденіями оно рѣшительно не было въ состояніи достичь до ближайшаго порта. Поэтому я приказалъ перенести всѣхъ раненыхъ на англійскій корабль и долженъ сказать, что кто не видалъ страшной сцены, которую представляла палуба моего судна, тотъ не можетъ имѣть понятія, какую страшную рѣзню и гибель порождаютъ роковыя послѣдствія войны, отъ которой человѣчество не можетъ не отвернуться съ ужасомъ». Два дня еще держался на водѣ «Bon Homme Richard», но, наконецъ, вода дошла до нижняго дека, и Поль Джонсъ, удаливъ весь экипажъ, оставилъ на мачтѣ развѣвающимся американскій флагъ, такъ что его славное судно исчезло въ волнахъ, гордо неся знамя Соединенныхъ Штатовъ. Оцѣняя этотъ необыкновенный подвигъ Поля Джонса, морскіе авторитеты признаютъ, что хотя въ немъ не обнаружено никакого новаго принципа, или новой тактики, но что онъ составляетъ единственный примѣръ въ морской исторіи, чтобы судно, слабѣйшее и погибающее съ самаго начала борьбы, одержало побѣду надъ сильнѣйшимъ и менѣе пострадавшимъ врагомъ. Англійскіе историки и самъ капитанъ Пирсонъ въ своемъ официальномъ донесеніи увѣряютъ, что англійскій флагъ былъ спущенъ только въ виду прибытія помощи къ американцамъ, но въ сущности эта помощь состояла въ томъ, что «Союзъ» стрѣлялъ не во врага, а въ своихъ, послѣ чего онъ удалился. По свидѣтельству трехъ офицеровъ на этомъ суднѣ, его сумасшедшій капитанъ прямо сказалъ имъ: «пусть «Bon Homme Richard» спуститъ флагъ, а я потомъ на свободѣ возьму и его обратно и «Сераписъ». Вся ошибка капитана Пирса, очень храбраго, но неспособнаго офицера, заключалась въ томъ, что онъ не понималъ, въ какомъ отчаянномъ положеніи находился его противникъ. Какъ бы то ни было, англичане стали прославлять его храбрость, ему былъ пожалованъ титулъ баронета, а лондонскіе купцы поднесли ему серебряный сервизъ въ сто фунтовъ стерлинговъ. Услыхавъ о почестяхъ, которыми осыпали побѣжденнаго имъ противника, Поль Джонсъ остроумно сказалъ: «онъ этого вполнѣ заслужилъ, и если мнѣ удастся его еще разъ встрѣтить, то я произведу его въ лорды».

Пока побѣжденный увѣнчивался лаврами, побѣдителю приходилось терпѣть однѣ непріятности. Тяжело раненый, хотя объ этой ранѣ онъ ничего не говоритъ въ своихъ донесеніяхъ, Поль Джонсъ

отвелъ призъ и остатки эскадры въ Голландію, гдѣ народъ принялъ его чрезвычайно сочувственно, но дворъ и правительство дѣлали ему всякія каверзы подъ вліяніемъ англійскаго посланника, котораго Поль Джонсъ ехидно называлъ: «эта маленькая штучка, сэръ Джозефъ Іоркъ». Эта «маленькая штучка» открыто называла Поля Джонса пиратомъ и мятежникомъ, а также требовала, чтобы голландское правительство выдало ему «Сераписъ» и «Графиню Скарборо». Хотя голландское правительство до этого и не дошло, но оно увѣдомило Поля Джонса, что онъ долженъ или отдать «Сераписъ» французамъ, или поднять на немъ французскій флагъ, предварительно вступивъ на французскую службу. Храбрый морякъ избралъ, по его мнѣнію, меньшее изъ золъ и предпочелъ отдать французамъ свой призъ, чѣмъ спустить американскій флагъ, а самъ перешелъ вмѣстѣ со своимъ американскимъ флагомъ на другое судно своей эскадры «Союзъ», вторично отказавшись вступить на французскую службу. Мало этого, французскій посланникъ, герцогъ Вогіонъ, оскорбилъ Поля Джонса предложеніемъ взять подъ свою команду французское каперское судно и такимъ образомъ удалиться изъ Голландіи. Но Поль Джонсъ отвѣчалъ на это гнѣвнымъ письмомъ и потребовалъ немедленной сатисфакціи, въ чемъ ему не могли, конечно, отказать. Несмотря на то, что англичане называли его пиратомъ и корсаромъ, онъ ненавидѣлъ каперовъ, которыхъ называлъ привилегированными разбойниками, и когда впослѣдствіи одинъ изъ американскихъ каперовъ, капитанъ Трукстунъ, находясь во французскомъ портѣ, поднялъ на своемъ суднѣ американскій флагъ, то Поль Джонсъ приказалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно спустилъ флагъ, такъ какъ по акту конгресса каперъ могъ только поднимать американскій флагъ по разрѣшенію ближайшаго морского начальника, а онъ никогда этого не дозволитъ. Въ виду же ослушанія капитана Трукстуна онъ послалъ двѣ вооруженныя лодки, которыя заставили упорнаго янки исполнить его приказаніе.

Несмотря на всѣ интриги англійскаго посланника и угрозы голландскаго правительства, Поль Джонсъ оставался въ голландскихъ водахъ три мѣсяца; наконецъ, 27-го декабря онъ ушелъ въ море, высоко неся флагъ Соединенныхъ Штатовъ на своей мачтѣ и едва не доведя Голландіи до войны съ Англіей. Онъ отправился во Францію, но такимъ путемъ, какого, конечно, не ожидали его враги. Онъ перерѣзалъ Сѣверное море къ Дувру, прошелъ мимо всего англійскаго флота въ Спитгедѣ, два дня крейсировалъ по Ламаншу, обогнулъ островъ Вайтъ, взялъ курсъ на Коруну и въ концѣ января бросилъ якорь въ Лоріанѣ. Это отступленіе было не менѣе блестяще, чѣмъ одержанная имъ побѣда, такъ какъ все это время онъ имѣлъ въ виду двадцать пять непріятельскихъ судовъ, изъ которыхъ каждое обладало бо̀льшей

силой, чѣмъ его. Благодаря своей ранѣ, онъ долженъ былъ остаться нѣсколько времени въ Лоріанѣ, и только въ маѣ мѣсяцѣ онъ появился въ Парижѣ, откуда Франклинъ написалъ ему, какъ только пришло извѣстіе объ его высадкѣ на французскій берегъ: «Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ прибытія вашего курьера въ Парижѣ и Версали ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о вашемъ подвигѣ хладнокровія и храбрости. Вы можете себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на меня все это, но я не хочу въ письмѣ къ вамъ высказывать всѣхъ своихъ чувствъ... Я очень безпокоюсь о вашихъ плѣнникахъ и желалъ бы, чтобы они поскорѣе прибыли во Францію, такъ какъ тогда вы довершите славное дѣло освобожденія всѣхъ такъ долго томящихся въ англійскихъ тюрьмахъ американцевъ, на которыхъ вымѣняютъ вашихъ плѣнныхъ, находящихся въ еще большемъ числѣ». Еще болѣе пришли въ восторгъ французы, когда американскій герой прибылъ, наконецъ, въ Парижъ. Дворъ и общество наперерывъ старались выказать ему свое уваженіе. Король пожаловалъ ему золотую шпагу съ надписью «Vindicator maris. Ludovicus XVI, Remunerator strenuo vindici», стоившую 2,400 долларовъ, а затѣмъ потребовалъ согласія американскаго конгресса на причисленіе его къ числу кавалеромъ ордена военныхъ заслугъ. Во время торжественнаго представленія въ оперѣ Поль Джонсъ сидѣлъ въ ложѣ королевы и при входѣ его въ театръ всѣ зрители, ставъ со своихъ мѣстъ, громко привѣтствовали героя, а по окончаніи пьесы, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, спустился на его голову съ потолка лавровый вѣнокъ. При этомъ онъ скромно всталъ и пересѣлъ на другое мѣсто; этотъ поступокъ Поля Джонса до сихъ поръ приводится во французскихъ школьныхъ учебникахъ, какъ примѣръ скромности героя.

IV.

Около года оставался храбрый морякъ безъ дѣла, ожидая въ *Парижѣ* и Брестѣ, чтобъ американское правительство дало ему команду надъ эскадрой, или большимъ кораблемъ. Въ это время *онъ* также хлопоталъ насчетъ призовыхъ денегъ по случаю взятія «Сераписа», а свободныя минуты посвящалъ романическимъ приключеніямъ. Пользуясь тѣмъ, что онъ былъ львомъ въ дамскомъ обществѣ, Поль Джонсъ смѣло срывалъ цвѣты удовольствія, какъ говорилось на тогдашнемъ салонномъ языкѣ. Особеннаго шума надѣлала его любовь къ графинѣ Лавендаль де-Бурбонъ. Эта красивая, остроумная женщина, бывшая гораздо моложе своего мужа и славившаяся своимъ кокетствомъ, вскружила голову американскому герою. Она осыпала его любезностями, нарисовала его портретъ и написала въ его честь стихи; онъ, съ своей стороны, бом-

бардировалъ ее пламенными посланіями, просилъ ее сохранить его золотую шпагу во время предполагаемой поѣздки въ Америку и умолялъ ее переписываться съ нимъ шифрованнымъ способомъ. Наконецъ, ей показалась эта канитель скучной, и она облила его холодной водой, но Поль Джонсъ во-время вспомнилъ, что онъ герой, и что герою не слѣдуетъ разыгрывать роль дурака даже передъ женщиной, а потому ловко отвѣчалъ красавицѣ, что онъ нимало не влюбленъ въ нее, что она его не поняла, и что онъ только добивался ея дружбы. Такимъ образомъ, сама свѣтская кокетка очутилась въ неловкомъ положеніи, но она, повидимому, нисколько не потеряла своего уваженія къ Полю Джонсу, такъ какъ впослѣдствіи находилась съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Потомъ извѣстны его близкія отношенія къ г-жѣ Телисонъ, побочной дочери Людовика XV, которая, благодаря его вліянію, была представлена королю, обѣщавшему ей свое покровительство; изъ сохранившихся писемъ Поля Джонса къ его другу Джефферсону, бывшему тогда американскимъ посланникомъ въ Парижѣ, видно, что онъ занялъ для нея четыре тысячи ливровъ и просилъ представителя Сѣверо-Американскихъ Штатовъ оказывать ей всякое содѣйствіе.

Наконецъ, осенью 1780 года, онъ получилъ начальство надъ небольшимъ судномъ «Оріель» и отправился на немъ въ Америку съ военными запасами для арміи Вашингтона. Но прежде чѣмъ выйти изъ Бреста, случилась съ нимъ непріятная исторія, изъ которой онъ также ловко вышелъ, какъ изъ политическихъ столкновеній съ Голландіей и романтичныхъ затрудненій съ французской аристократкой. Какой-то молодой морской офицеръ французской службы, выведенный изъ терпѣнія, что такъ носятся съ иноземнымъ морякомъ, позволилъ себѣ оскорбить Поля Джонса въ кофейнѣ, а когда тотъ далъ ему достойный урокъ, то юноша вызвалъ его на дуэль. Американецъ отвѣчалъ, что онъ ни съ кѣмъ не стрѣляется, такъ какъ у его отечества слишкомъ мало рукъ, чтобъ рисковать жизнью даже одного моряка. Когда же присутствовавшіе подняли ропотъ въ виду такого неожиданнаго результата ссоры, то онъ прибавилъ хладнокровно: «Я иду въ море и, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, буду имѣть завтра дѣло съ гораздо сильнѣйшимъ непріятелемъ. Вмѣсто дуэли пойдемте со мною въ бой, молодой человѣкъ, и посмотримъ, кто изъ насъ первый поблѣднѣетъ». Эти слова были встрѣчены взрывомъ несторженнаго удивленія со стороны всѣхъ присутствовавшихъ французовъ, а молодой офицеръ бросился въ объятія мужественнаго героя, умоляя простить его за безсмысленную выходку. На слѣдующій день Поль Джонсъ отправился въ путь, но ему пришлось имѣть дѣло не съ врагами, а съ бурей, и то съ такой бурей, которая считается авторитетами морского дѣла за самую ужасную во всемъ XVIII столѣтіи. Онъ едва не потерпѣлъ крушенія у Пенмаркскихъ скалъ и вернулся обратно въ гавань для

починки своего судна. «Я никогда не видывалъ такого хладнокровія и мужества, какъ тѣ, которыя выказалъ Поль Джонсъ въ страшные дни и ночи, проведенные нами въ виду Пенмаркскихъ скалъ, разсказывалъ впослѣдствіи Куперу, Ричардъ Дэль, всегда сопровождавшій своего друга и начальника:—а тогда намъ грозила бо̀льшая опасность, чѣмъ во время битвы съ «Сераписомъ».

Только въ февралѣ 1781 года Поль Джонсъ достигъ Соединенныхъ Штатовъ и былъ принятъ тамъ съ большимъ почетомъ. Вашингтонъ, Джефферсонъ, Адамсъ и Морисъ написали ему привѣтственныя письма, а конгрессъ 14-го апрѣля объявилъ ему благодарность всей націи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «конгрессъ постановляетъ, чтобъ была выражена Соединенными Штатами благодарность капитану Полю Джонсу за ревность, осторожность и храбрость, съ которыми онъ поддерживалъ честь американскаго флага, также за его смѣлость и успѣшную дѣятельность относительно освобожденія отъ плѣна гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, попавшихъ въ руки непріятеля, и вообще за доброе поведеніе и важныя услуги, которыми онъ возвеличилъ честь своего имени и американскаго оружія». Затѣмъ конгрессъ единогласно пожаловалъ ему титулъ ранговаго, или перваго, офицера американскаго флота и поручилъ ему достроить и взять подъ свою команду заложенный въ Портсмутѣ, въ Нью-Гемпширѣ, единственный тогда въ Соединенныхъ Штатахъ семидесятичетырехпушечный линейный корабль «Америка». Два года занимался Поль Джонсъ этой постройкой, но когда корабль былъ готовъ, то его подарили Франціи въ замѣнъ погибшаго въ Бостонской гавани. Глубоко разочарованный въ своей надеждѣ командовать большимъ кораблемъ, храбрый морякъ испросилъ разрѣшенія сопровождать французскій флотъ, который, подъ начальствомъ маркиза Вадреля, долженъ былъ отвезти на родину французскій корпусъ, дѣйствовавшій въ Соединенныхъ Штатахъ. Ему отвели почетное мѣсто на флагманскомъ кораблѣ, и адмиралъ уступилъ ему свою каюту; но когда въ Вестъ-Индіи эскадра получила вѣсть о заключеніи мира съ Англіей, то Поль Джонсъ покинулъ ее и вернулся въ Соединенные Штаты, а командиръ французскаго корпуса, баронъ Віоменилъ, писалъ о немъ французскому посланнику де-Люзерну: «Поль Джонсъ велъ себя среди насъ въ продолженіе пяти мѣсяцевъ такъ скромно и умно, что безконечно увеличилъ репутацію, пріобрѣтенную его храбростью и подвигами».

Вскорѣ послѣ этого Поля Джонса послали въ Англію и Францію, чтобъ уладить дѣло о призовыхъ деньгахъ, слѣдовавшихъ «Bon Homme Richard'у». Въ Лондонѣ онъ оставался только два дня и велъ свои переговоры изъ Франціи. По всей вѣроятности, дипломаты были не очень довольны его рѣзкими, грубыми манерами, но онъ настоялъ на своемъ и получилъ всѣ слѣдуемыя американскому правительству деньги, а самъ не получилъ ничего, кромѣ

вознагражденія за расходы. Въ это время, посѣщая попрежнему свѣтскіе придворные кружки Парижа, онъ подружился со многими знатными англичанами, въ томъ числѣ съ посланникомъ при французскомъ дворѣ, герцогомъ Дорсетъ, лордомъ Вемисъ и адмираломъ Дигби. Кромѣ того, онъ сошелся съ Джономъ Ледіардомъ, который сопровождалъ Кука въ его послѣднемъ путешествіи, и узнавъ отъ него о громадныхъ мѣховыхъ богатствахъ на Тихомъ океанѣ, составилъ планъ объ экспедиціи туда, но, несмотря на одобреніе Джефферсона, этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ 1787 году онъ вернулся въ Соединенные Штаты, и конгрессъ, принявъ отчетъ объ его дѣятельности относительно призовыхъ денегъ, единогласно рѣшилъ поднести ему въ память его великихъ заслугъ золотую медаль, каковой чести удостоились только шестеро генераловъ американской арміи, въ томъ числѣ Вашингтонъ. Однако все еще оставались кое-какіе счеты съ Даніей по поводу призовъ, отведенныхъ туда американцами и проданныхъ датскимъ правительствомъ. Уладить это дѣло было поручено Полю Джонсу, и онъ снова отправился въ Европу, снабженный рекомендательнымъ письмомъ отъ конгресса къ Людовику XVI,—честь, которой удостоивались очень немногіе изъ американскихъ гражданъ. Прибывъ въ Парижъ, онъ, конечно, прежде всего увидѣлъ своего друга Джефферсона, который заявилъ ему, что русскій посланникъ, Симолинъ, просилъ его узнать отъ Поля Джонса, не хочетъ ли онъ принять высокій постъ въ русскомъ флотѣ, который тогда велъ борьбу съ турками на Черномъ морѣ. Подобное предложеніе очень понравилось самолюбивому и храброму герою, котораго тяготило насильственное бездѣйствіе, и онъ обѣщалъ, устроивъ порученное ему въ Копенгагенѣ дѣло, проѣхать въ Петербургъ.

Въ Даніи его встрѣтили очень радушно, и милостивый пріемъ королевской семьи тронулъ, падкаго на почести, моряка, но порученное ему дѣло не сладилось, и даже министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бернсторфъ, нашелъ недостаточными его уполномочія, такъ что онъ прекратилъ переговоры, тѣмъ болѣе, что Джефферсонъ тогда велъ переписку о заключеніи трактата съ Даніей. Отдѣлавшись отъ этого непріятнаго дипломатическаго столкновенія, Поль Джонсъ поспѣшилъ въ апрѣлѣ 1787 г. въ Россію, хотя не получилъ еще потребованнаго имъ отъ американскаго правительства разрѣшенія поступить на службу иноземнаго правительства. Чтобъ урегулировать свое положеніе въ этомъ отношеніи, онъ написалъ Джефферсону: «я полагаюсь на вашу дружбу, чтобъ оправдать передъ Соединенными Штатами тотъ важный шагъ, который я теперь дѣлаю согласно вашему совѣту, такъ какъ я никогда не могу отказаться отъ славнаго титула гражданина Соединенныхъ Штатовъ». Путешествіе Поля Джонса въ Петербургъ было вполнѣ достойно его смѣлаго, предпріимчиваго характера: онъ нанялъ не-

большой ботъ въ Копенгагенѣ и пошелъ на немъ въ море, не говоря матросамъ, куда онъ направляется; достигнувъ Балтійскаго моря, онъ, несмотря на ненастную погоду, подъ угрозой застрѣлить ихъ изъ пистолета, принудилъ ихъ взять курсъ къ Финскому заливу, а тамъ послѣ четырехдневнаго плаванія подъ руководствомъ маленькаго компаса вышелъ на берегъ въ Выборгѣ, откуда уже сухимъ путемъ добрался до Петербурга.

Подведя теперь итоги сорока-однолѣтней жизни и морской дѣятельности Поля Джонса до его появленія въ Россіи, можно порѣшить вопросъ, кѣмъ же онъ дѣйствительно былъ: героемъ и пламеннымъ американскимъ патріотомъ, какъ увѣряли его друзья, или пиратомъ, корсаромъ и англійскимъ измѣнникомъ, какъ доказывали его враги. Относительно этого не можетъ быть двухъ мнѣній, и каждый безпристрастный человѣкъ, взвѣсивъ всѣ факты его жизни и морской дѣятельности, не можетъ не признать, что онъ не былъ ни корсаромъ, ни пиратомъ, такъ какъ его юношеская служба на суднѣ, которое вело торговлю невольниками, не можетъ быть ему поставлена въ укоръ, тѣмъ болѣе, что, сознавъ весь позоръ этого дѣла, онъ покинулъ его, а вся его морская дѣятельность состояла изъ ряда открытыхъ военныхъ дѣйствій съ болѣе сильными врагами; если же онъ бралъ коммерческіе призы, то это дѣлалось во всякой морской войнѣ, и, кромѣ того, онъ презиралъ каперство, въ которомъ никогда не принималъ участія. Обвиненіе въ измѣнѣ Англіи также не основательно, и хотя Теккерей, очень далекій отъ всякаго шовинизма и восклицаетъ: «Если хотите, то Джонъ Поль Джонсъ былъ измѣнникомъ, но никогда болѣе храбрый измѣнникъ не обнажалъ меча», но въ этомъ отношеніи онъ невольно подвергся вліянію узкаго англійскаго эгоизма, такъ какъ поступленіе Поля Джонса на морскую службу Соединенныхъ Штатовъ, куда онъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ переселился, не имѣетъ въ себѣ и тѣни измѣны, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не служилъ въ англійскомъ флотѣ и не зналъ другого знамени, кромѣ американскаго. Если Поль Джонсъ былъ измѣнникомъ, то еще бо̀льшимъ измѣнникомъ былъ Вашингтонъ, который дѣйствительно служилъ въ англійской арміи, но никто, даже самый ярый англичанинъ, никогда не называлъ Вашингтона измѣнникомъ. Если такимъ образомъ Поль Джонсъ не былъ ни корсаромъ, ни пиратомъ, ни измѣнникомъ, то, очевидно, онъ былъ героемъ и пламеннымъ американскимъ патріотомъ, такъ какъ въ его геройствѣ и услугахъ, оказанныхъ имъ второму своему отечеству, не сомнѣвались никогда и его враги.

V.

Мы видѣли, какъ Екатерина приняла и послала къ Потемкину свою новую «мордашку на Черномъ морѣ»; мы теперь знаемъ, что это была за «мордашка», и потому Безбородко имѣлъ полное право сказать Сегюру: «съ такими четырьмя головами, какъ Нассау, Поль Джонсъ, Суворовъ и капитанъ-паша, трудно не получить вскорѣ великихъ вѣстей». Дѣйствительно, такія вѣсти не заставили себя ждать; 14-го іюня гребная флотилія подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена и Поля Джонса нанесла сильное пораженіе турецкому флоту къ Днѣпровскомъ лиманѣ передъ Очаковомъ; у турокъ было взорвано два корабля и повреждено 19, а наша потеря состояла только изъ 4 убитыхъ и 13 раненыхъ [1]). Хотя собственно Поль Джонсъ командовалъ парусными судами, которыя не принимали участія въ этомъ дѣлѣ, но онъ лично содѣйствовалъ его успѣху, приведя, въ то время, когда, по словамъ А. Висковатова, подробно описавшаго эту битву, «положеніе принца Нассау-Зигена сдѣлалось весьма сомнительнымъ, остальную часть гребной флотиліи и тѣмъ доставивъ ему возможность дать отпоръ слишкомъ пятидесяти непріятельскимъ судамъ» [2]). Екатерина была очень довольна этой побѣдой и пожаловала «герою Паулю Жонесу», какъ она писала Потемкину [3]), орденъ св. Анны 1-й степени. Но этимъ кончились успѣхи храбраго американца, и его дальнѣйшее пребываніе на Черномъ морѣ было только длиннымъ рядомъ непріятныхъ столкновеній съ принцемъ Нассау-Зигеномъ, другими русскими моряками и самимъ Потемкинымъ. Еще въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ упорную вражду англичанъ, служившихъ въ русскомъ флотѣ; они прямо заявляли, что выйдутъ въ отставку, если измѣнникъ ихъ родины будетъ принятъ на русскую службу, но Екатерина сумѣла заставить ихъ замолчать. То же сдѣлалъ сначала и Потемкинъ, который находя, что въ Полѣ Джонсѣ «сдѣлано пріобрѣтеніе не малое для службы», далъ ему бригаду, которою до того времени командовалъ бригадиръ Алексіано. Это распоряженіе не только взбѣсило англичанъ, которые всѣ хотѣли бросить службу, но даже многихъ русскихъ, обидѣвшихся за Алексіано, а онъ самъ чуть не сошелъ съ ума отъ печали. Въ дневникѣ Храповицкаго отъ 15-го іюня записано: «Въ особомъ письмѣ князя Потемкина-Таврическаго: у Поля Джонса офицеры не хотѣли быть въ командѣ, шли

---

[1]) Вторая турецкая война въ царствованіе Екатерины II. А. П. Петрова, т. I, стр. 140—144.

[2]) Взглядъ на военныя дѣйствія россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ въ 1783—1791 гг. А. Висковатова. С.-Петербургъ 1828, г., стр. 10—12.

[3]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII, стр. 501.

въ отставку, но бригадиръ Рибасъ всѣхъ уговорилъ» [1]). Екатерина писала объ этомъ Потемкину: «Что морскіе всѣ взбѣсились отъ Паулъ Жонеса о томъ сожалѣю; дай Боже, чтобъ перестали бѣситься; онъ намъ нуженъ» [2]). Однако мѣры, принятыя Потемкинымъ для успокоенія недовольства противъ новаго контръ-адмирала подѣйствовали не надолго, тѣмъ болѣе, что у него самого вскорѣ, по словамъ автора книги: «Жизнь адмирала Ушакова», случились какія-то личныя непріятности съ Полемъ Джонсомъ, сущность которыхъ, однако, не извѣстна, и прямой начальникъ послѣдняго, принцъ Нассау-Зигенъ, быстро превратился изъ его друга въ врага. Сначала онъ писалъ своей женѣ: «Я имѣю хорошаго товарища въ Полѣ Джонсѣ, и мы заставимъ плясать капитана-пашу», «я увѣренъ, что Поль Джонсъ мнѣ поможетъ много». Но спустя уже десять дней послѣ первой одержанной ими вмѣстѣ побѣды, онъ начинаетъ жаловаться на него: «Поль Джонсъ перемѣнился, счастье отняло у него смѣлость, которою онъ славился», «я очень недоволенъ Полемъ Джонсомъ, онъ все медлитъ», «надѣюсь, что онъ наконецъ перестанетъ отступать», «вотъ что значитъ репутація, какъ корсаръ, онъ былъ знаменитъ, а во главѣ эскадры—онъ не на своемъ мѣстѣ», «Поль Джонсъ доказываетъ, что большое различіе командовать корсарнымъ судномъ и эскадрой, но репутація, ложно имъ пріобрѣтенная, меня убила бы», «о несчастный Поль Джонсъ, онъ напрасно явился сюда и выставилъ себя передъ всѣми; я знаю, что были не довольны моими пререканіями съ Полемъ Джонсомъ, но я обратился къ Потемкину съ жалобой на него» [3]). Эти жалобы, повидимому, имѣли вліяніе на Потемкина, и онъ, по словамъ Храповицкаго, писалъ въ октябрѣ императрицѣ: «Сонный контръ-адмиралъ Поль Жонесъ прозѣвалъ подвозъ къ Очакову и не могъ сжечь судовъ, кои сожгли донскіе казаки. Онъ былъ храбръ, изъ корысти бывъ пиратомъ, но никогда многими судами не командовалъ; труситъ турокъ, никто подъ его начальствомъ быть не хочетъ, и онъ ни къ кому подъ команду не идетъ, а потому рѣшено отправить его въ Петербургъ, подъ видомъ особой экспедиціи на сѣверъ» [4]). Конечно, Екатерина могла на это только отвѣтить: «Паулъ Жонесъ имѣлъ, какъ самъ знаешь, предпріимчивую репутацію донынѣ; если его сюда возвратишь, то сыщемъ ему мѣсто» [5]). Этимъ и кончилась дѣятельность Поля Джонса въ русской морской службѣ.

Чѣмъ можно объяснить такой печальный исходъ столь блестящихъ надеждъ? Конечно, нельзя повѣрить Нассау-Зигену и Потем-

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 92.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII, стр. 501.

[3]) Le Prince de Nassau-Siegen, par le marquis d'Aragon. Paris, 1892, pp. 213, 223, 229, 235, 237, 392.

[4]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 180.

[5]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXVII.

кину, чтобы храбрый, смѣлый герой вдругъ превратился въ труса, и кого же онъ трусить: турокъ, послѣ того, какъ побѣждалъ въ неравномъ бою первыхъ моряковъ въ свѣтѣ—англичанъ. Тѣмъ болѣе безсмысленно это обвиненіе въ трусости Поля Джонса, что существуетъ вполнѣ безпристрастный разсказъ, доказывающій воочію, что Поль Джонсъ и на Черномъ морѣ оставался тѣмъ же Полемъ Джонсомъ, какимъ былъ на водахъ Нѣмецкаго моря и Ламанша. Этотъ въ высшей степени любопытный и характеристичный разсказъ приведенъ авторомъ статьи: «Берега нижняго Дуная», въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1844 года, и слышанъ имъ отъ стараго запорожца, который участвовалъ съ Полемъ Джонсомъ въ единственномъ его славномъ дѣлѣ въ Россіи, на Днѣпровскомъ лиманѣ, и получилъ отъ него на память кинжалъ съ надписью: «отъ Павла Джонса запорожцу Иваку». По словамъ этого Ивака, Поль Джонсъ явился ночью къ запорожцамъ, вмѣстѣ съ своимъ переводчикомъ, и, поужинавъ съ ними, угостилъ ихъ водкой, а когда запорожцы запѣли заунывную пѣсню, то онъ прослезился. Потомъ онъ выбралъ лодку, приказалъ обвернуть тряпками весла, всталъ на руль и втроемъ отправился прямо на турецкія суда. Встрѣтивъ по дорогѣ патрульную лодку, казакъ крикнулъ, что везутъ соль туркамъ, и ихъ пропустили. Поль Джонсъ осмотрѣлъ всѣ непріятельскіе корабли, собственноручно написалъ мѣломъ по-англійски на одномъ изъ нихъ «сжечь, Поль Джонсъ», вернулся на берегъ и на другой день дѣйствительно сжегъ этотъ корабль. Человѣкъ, способный на такой подвигъ, не могъ быть трусомъ, и потому, если онъ не оказался на высотѣ своей славы на Черномъ морѣ, вѣрнѣе всего видѣть причину этого въ недоброжелательствѣ начальниковъ и подчиненныхъ, подстрекаемыхъ интригами англичанъ, чѣмъ въ трусости такого героя, или въ его неспособности управлять флотомъ, какъ предполагаетъ А. Висковатовъ, повторяющій слова Потемкина, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не командовалъ цѣлымъ флотомъ и состоялъ подъ командой неладившаго съ нимъ князя Нассау-Зигена. Быть можетъ, въ неуспѣхѣ Поля Джонса играла роль и его грубая, неуживчивая, самолюбивая и черезчуръ щекотливая натура, но, во всякомъ случаѣ, не трусость или неспособность къ морскому дѣлу. Самъ Нассау-Зигенъ проговаривается, что Поль Джонсъ ему не помогалъ и унижалъ все, что̀ онъ дѣлалъ, а американецъ всегда былъ очень плохого мнѣнія о морскихъ способностяхъ самого Нассау-Зигена, который это и доказалъ, претерпѣвъ пораженіе отъ шведовъ въ Финскомъ заливѣ, гдѣ ему не мѣшалъ или, скорѣе, не помогалъ Поль Джонсъ.

Какъ бы то ни было, Поль Джонсъ, не солоно хлебавъ, вернулся съ Чернаго моря въ Петербургъ, гдѣ его ожидали еще бо̀льшія непріятности отъ интригъ англичанъ, которые составляли тогда очень могущественную колонію. Противъ него возставали и дѣлали ему

каверзы не только англичане, находившіеся на морской службѣ, но и простые коммерсанты, грозившіе уѣхать изъ Петербурга, если измѣннику ихъ родины дадутъ команду въ балтійскомъ флотѣ, какъ предполагала Екатерина. Въ продолженіе нѣкотораго времени она защищала его отъ всѣхъ нападокъ, и, слѣдуя примѣру двора, его принимали въ лучшемъ обществѣ. Въ дневникѣ Храповицкаго есть за это время двѣ записи, относящіяся до Поля Джонса, но онѣ совершенно непонятны: въ первой, отъ 7-го марта 1789 года, говорится: «Прежде моего пріѣзда меня спрашивали для того, чтобъ отыскать журналъ Поль Жона, который къ нему и посланъ» [1]), а во второй отъ 16-го октября того же года: «Поль Жонесъ всѣми недоволенъ; приказали журналъ его запечатать, чтобъ другіе не имѣли злобы» [2]). Но никакія заботы Екатерины не могли воспрепятствовать этой злобѣ, и она, наконецъ, выразилась въ цѣломъ заговорѣ. Неожиданно Полю Джонсу было объявлено не являться болѣе ко двору, и онъ былъ преданъ адмиралтейскому суду, въ которомъ засѣдало нѣсколько его злѣйшихъ враговъ англичанъ, находившихся на службѣ Россіи. Враги думали его очернить въ глазахъ императрицы, и отъ него вмѣстѣ съ нею отвернулось все петербургское общество. Несчастнаго контръ-адмирала обвиняли въ насиліи надъ молодой дѣвушкой, хотя онъ клялся, что это была неправда, и вотъ какъ онъ объяснялъ всю исторію графу Сегюру, единственному человѣку, который навѣстилъ его въ горѣ и засталъ мрачно сидящимъ передъ заряженнымъ пистолетомъ: «Однажды утромъ пришла ко мнѣ молодая дѣвушка и просила дать ей работы, шить бѣлье или зачинить кружева, при этомъ она очень неприлично заигрывала со мной; мнѣ стало жаль ее, и я совѣтовалъ ей не вступать на такое низкое поприще; вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ ей денегъ и просилъ ее уйти. Но она оставалась, и тогда я, выйдя изъ терпѣнія, повелъ ее за руку къ дверямъ. Въ ту минуту, какъ дверь отворилась, юная негодница разорвала себѣ рукавчики и косынку, надѣтую на шею, подняла крикъ, что я ее обезчестилъ, и бросилась на шею своей матери, которая ждала ее въ передней. Онѣ обѣ удалились и подали на меня жалобу. Вотъ и все». Сегюръ принялъ горячее участье въ бѣдномъ, оклеветанномъ героѣ, навелъ справки чрезъ тайныхъ агентовъ посольства, и когда оказалось, что старуха, приходившая къ нему въ домъ съ молодой дѣвушкой, была не ея мать, а особа, извѣстная продажей молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ она выдавала за своихъ дочерей, то онъ уговорилъ Поля Джонса написать въ письмѣ къ императрицѣ подробное изложеніе всего дѣла и послать это письмо по почтѣ изъ ближняго съ Петербургомъ города для того, чтобы оно попало непре-

---

[1]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 260.
[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 307.

мѣнно въ руки Екатерины. Она дѣйствительно его получила и, по словамъ Сегюра, убѣдившись въ невиновности Поля Джонса, приказала прекратить судебное слѣдствіе, вернула его ко двору и снова осыпала своими милостями [1]).

Хотя нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ справедливости разсказа Сегюра, тѣмъ болѣе, что онъ очень правдоподобенъ въ виду интригъ противъ Поля Джонса со стороны англичанъ, но эпилогъ его не могъ быть такимъ, какимъ онъ его описываетъ. Екатерина могла прекратить судебное преслѣдованіе, чтобъ не усиливать произведеннаго скандала, но она не возстановила чести Поля Джонса и не приняла его ко двору, а, напротивъ, прекратила всѣ отношенія съ нимъ и была очень рада его отъѣзду изъ Петербурга въ концѣ 1788 года подъ предлогомъ отпуска за границу. Все это ясно обнаруживается изъ ея письма къ Гримму отъ 14-го мая 1791 года въ отвѣтъ на его письмо отъ 15-го марта, въ которомъ онъ препроводилъ къ ней записку Поля Джонса насчетъ его плана русскихъ военныхъ дѣйствій въ Индіи противъ Англіи. «Что касается до контръ-адмирала Поля Джонса,—писала императрица,—то посмотримъ, чего онъ желаетъ отъ меня, и въ чемъ заключается его планъ; я полагаю, что лучшій планъ былъ бы, если Англія объявитъ намъ войну, забирать какъ можно болѣе ея судовъ, чѣмъ скоро можно вынудить ее прекратить войну. Индія очень далеко, и прежде чѣмъ туда доберешься, уже будетъ заключенъ миръ. Но прочтемъ письмо г. Поля Джонса. Во-первыхъ, онъ говоритъ о своей кампаніи въ Лиманѣ, заявляя, что онъ никого не обвиняетъ, и эти слова у него подчеркнуты; онъ прибавляетъ, что его роль не равнялась роли ни нуля, ни шута, который требовалъ чина полковника, находясь въ хвостѣ своего полка, и слова «въ хвостѣ» онъ также подчеркиваетъ. Онъ говоритъ, что у него въ рукахъ есть доказательства, которыя могутъ подтвердить до очевидности, что онъ руководилъ всѣми движеніями противъ капитана-паши, но комментаторъ возражаетъ, что если онъ и руководилъ дѣйствіями противъ капитана-паши, то, во всякомъ случаѣ, не разбилъ врага, такъ какъ, получая приказъ за приказомъ о наступленіи, онъ не двигался впередъ, признавая самъ, что вѣтеръ былъ противный. Онъ говоритъ, что порученная ему задача въ этомъ случаѣ была очень тяжелая; это можетъ быть, но дѣло шло о нанесеніи ударовъ, и въ такомъ положеніи полезнѣе наносить удары, чѣмъ ихъ выносить. Онъ говоритъ, что ему надо было жертвовать своимъ самолюбіемъ и рисковать своей военной репутаціей для блага Русской имперіи, и что онъ надѣется, что я была довольна тѣмъ, какъ онъ исполнилъ свою задачу, и одобрю проекты объ его послѣдующихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ, онъ увѣренъ, я ничего не знаю до сихъ поръ; Богу одному извѣстно, что это значитъ. Потомъ онъ

---

[1]) Mémoires du c-te de Ségur, t. III, pp. 499—505.

говорить, что всегда руководствовался моимъ милостивымъ совѣтомъ, который я повторила письменно, что только преданность къ моей особѣ удержала его просить отставки въ своемъ письмѣ ко мнѣ изъ Варшавы, и что его оскорбляетъ полученіе отпуска на два года во время войны; послѣднія слова подчеркнуты. Но этотъ двухгодичный отпускъ былъ данъ г. Полю Джонсу, между нами, для того, чтобъ онъ могъ удалиться безъ всякаго позора, такъ какъ противъ него было возбуждено обвиненіе въ изнасилованіи, что вовсе не дѣлало чести его превосходительству, его справедливости, благородству и великодушію; послѣ такого поступочка трудно было бы найти между моряками человѣка, который захотѣлъ бы служить подъ начальствомъ г. контръ-адмирала. Кромѣ того, во время войны не было никакой нужды ему сдѣлаться турко-шведомъ; поэтому г. контръ-адмирала и спровадили, давъ ему пенсіонъ. Онъ шесть мѣсяцевъ не смѣлъ показаться ко двору, а уѣзжая просилъ позволенія поцѣловать мнѣ руку, но никогда послѣ указаннаго выше гадкаго анекдота ему не давали аудіенціи, какъ онъ увѣряетъ; онъ самъ зналъ очень хорошо, что ему нельзя было ея добиться при такихъ обстоятельствахъ» [1]). Изложивъ такимъ образомъ свой прямо враждебный взглядъ на Поля Джонса, Екатерина, однако, прибавляла въ концѣ письма: «Если миръ не будетъ заключенъ, то я сообщу о своихъ намѣреніяхъ г. Полю Джонсу», но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гриммъ снова упоминаетъ о контръ-адмиралѣ, то императрица отвѣчаетъ съ неудовольствіемъ въ письмѣ отъ 1-го сентября: «Кажется, мнѣ нечего болѣе говорить о Полѣ Джонсѣ; я уже высыпала весь свой мѣшокъ относительно его, и въ виду заключенія мира посовѣтуйте ему заняться своими дѣлами въ Америкѣ» [2]). На другой же день она прибавляетъ саркастично: «Конечно, я первая не стану примѣнять новой конструкціи судовъ, о которой говоритъ Поль Джонсъ; пусть онъ предложитъ ее Англіи» [3]).

Такимъ образомъ окончились отношенія Екатерины къ тому, кого она шуточно называла «мордашкой» и отъ котораго ожидала столько славныхъ подвиговъ. Бѣднаго «мордашку» заѣли другія мордашки, которыя были если не храбрѣе, то ловчѣе и зубастѣе Поля Джонса.

Послѣ неудачи въ Россіи, Поль Джонсъ прожилъ недолго. По дорогѣ изъ Петербурга, онъ заѣхалъ въ Варшаву, гдѣ подружился съ Костюшкой, и въ Лондонъ, гдѣ его едва не убила разсвирѣпѣвшая

---

[1]) Сборникъ И. Р. О. И., томъ XXII, стр. 541—542.
[2]) Тамъ же, стр. 554.
[3]) Тамъ же, стр. 557.

толпа, а затѣмъ поселился въ Парижѣ. Его здоровье сильно разстроилось, и онъ вдали отъ совершавшихся въ то время во Франціи великихъ событій, прозябалъ до 18-го іюля 1792 года, когда спокойно, тихо умеръ. Національное собраніе послало на его похороны депутацію изъ двѣнадцати своихъ членовъ: «для вознанія чести Полю Джонсу, адмиралу Соединенныхъ Штатовъ, и человѣку, хорошо послужившему дѣлу свободы». Узнавъ объ этомъ, Екатерина ѣдко замѣчаетъ въ письмѣ къ Гримму отъ 15-го августа 1772 г.: «Поль Джонсъ былъ съ очень скверной головой (bien mauvaise) и вполнѣ достоинъ, чтобъ его чествовала куча отвратительныхъ головъ» [1]).

Память о немъ до сихъ поръ сохраняется съ благодарностью въ Америкѣ, и конгрессъ назначилъ въ 1848 году 50,000 долларовъ его наслѣдникамъ, а въ 1851 г. посылалъ во Францію военный корабль, чтобъ привести его останки, но по тщательному розыску ихъ не оказалось ни на одномъ изъ Парижскихъ кладбищъ. Это обстоятельство побудило газету «Times» напечатать со словъ какого-то англійскаго морского офицера, что Поль Джонсъ похороненъ въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ будто бы жилъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, но это извѣстіе вполнѣ вымышленное.

В. Тимирязевъ.

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., т. XXII, стр. 575.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1893—1894 г. (четыре книги). Спб. 1895.

Ъ ВИДУ ПОСТОЯННО накопливающагося обильнаго матеріала по исторіи нашихъ театровъ, редакція Ежегодника въ нынѣшнемъ году рѣшила нѣсколько расширить свою программу. Ежегодникъ выпущенъ въ четырехъ книгахъ, появившихся послѣдовательно въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Содержаніе этихъ книгъ распадается на двѣ части: одна изъ нихъ (послѣдняя книга) составляетъ собственно обзоръ дѣятельности Императорскихъ театровъ за сезонъ 1893—1894 г.; другая (составляющая три книги приложеній) есть сборъ статей по исторіи театра, большею частью пріуроченныхъ къ какимъ нибудь годовщинамъ.

Въ первой книгѣ приложеній напечатаны три статьи, въ числѣ которыхъ находится біографическая статья объ актерѣ Яковлевѣ (по случаю столѣтія отъ его поступленія на казенную сцену). Мнѣнія о Яковлевѣ его современниковъ были очень разнорѣчивы: отъ крайнихъ и восторженныхъ похвалъ Жихарева до крайнихъ порицаній Вигеля, признававшаго въ этомъ артистѣ только горластаго крикуна. Составитель біографіи Ежегодника старался по разнымъ источникамъ дать наиболѣе безпристрастную оцѣнку артиста; не склоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону, біографія выясняетъ достоинства и недостатки его таланта и приближается болѣе къ мнѣнію С. Т. Аксакова. Въ статьѣ Морозова: «Русскій театръ при Петрѣ Великомъ», есть нѣсколько интересныхъ указаній, хотя, въ общемъ, статья представляетъ мало новаго. Очень солидная и обстоятельная статья Лароша: «Чайковскій, какъ драматическій композиторъ», нѣсколько заполнена подробностями о такихъ сторонахъ музыки,

которыя не всѣмъ вполнѣ доступны, но для спеціалистовъ статья талантливаго критика будетъ очень интересна. Во второй книгѣ приложеній прежде всего выдается статья В. Н. Перетца о знаменитомъ баснописцѣ И. А. Крыловѣ (по случаю пятидесяти лѣтъ со дня его кончины). Крыловъ разобранъ тутъ почти исключительно, какъ драматическій писатель, которому, конечно, суждено было занять крупное мѣсто въ нашей драматической литературѣ, если бы онъ не отдался всецѣло сочиненію басенъ. Перетцъ указываетъ, что эта драматическая жилка сказалась уже въ первомъ произведеніи Крылова-юноши, въ его комедіи «Кофейница». Но получивъ за эту комедію отъ издателя вмѣсто гонорара разныя французскія книги, Крыловъ увлекся примѣромъ французскихъ драматическихъ писателей и, въ своихъ подражаніяхъ имъ, утратилъ непосредственность и простоту творчества. Такимъ образомъ было написано нѣсколько неудачныхъ пьесъ и только впослѣдствіи, въ комедіяхъ: «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», авторъ отрѣшился отъ вреднаго вліянія иностранныхъ писателей и снова сталъ самобытенъ. Меломаны и поклонники итальянской оперы съ удовольствіемъ прочтутъ статью М. М. Иванова о блестящемъ періодѣ итальянской оперы въ Петербургѣ (1843—1853 г.). Передъ глазами читателя проходитъ цѣлый рядъ знаменитостей, пѣвцовъ, которые нѣкогда доводили до крайняго экстаза всю петербургскую публику. Очень характерны двѣ остальныя статьи этой книги Ежегодника: біографическій очеркъ директора театровъ (1766 г.) Елагина (написанный Кругловымъ) и очеркъ дѣятельности драматическаго писателя В. И. Лукина (по поводу столѣтія со дня его смерти). Эти статьи, воспроизводя минувшее, въ то же время показываютъ, какъ мало, даже въ продолженіе столѣтія, мѣняются въ общихъ чертахъ нравы общественные. Жалобы Елагина на своеволіе и капризы актеровъ, точно такъ же, какъ нападки недоброжелателей на Лукина за то, что онъ на сценѣ занималъ выдающееся мѣсто, все это и теперь повторяется и, вѣроятно, будетъ всегда повторяться съ изумительнымъ сходствомъ. Первенствующее мѣсто въ третьей книгѣ приложеній занимаетъ статья о Грибоѣдовѣ, пріуроченная къ столѣтней годовщинѣ его рожденія. Особенно интересна приложенная къ статьѣ статистика чиселъ всѣхъ представленій комедіи «Горе отъ ума» въ Петербургѣ и Москвѣ на Императорскихъ сценахъ, начиная съ 1829 года и до нашихъ дней. Кромѣ того, въ третьей книгѣ приложеній напечатано нѣсколько небольшихъ статей; между прочимъ, два произведенія П. И. Вейнберга: его стихотворный прологъ къ комедіи «Горе отъ ума», подъ заглавіемъ «Милліонъ терзаній», исполненный въ столѣтнюю годовщину рожденія Грибоѣдова, 4-го января нынѣшняго года, на сценѣ Александринскаго театра, и воспоминанія о двухъ спектакляхъ въ пользу Литературнаго фонда, въ коихъ участвовали литераторы: Писемскій, Достоевскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Григоровичъ, Дружининъ и др. Въ этой послѣдней статьѣ есть нѣсколько интересныхъ замѣчаній Достоевскаго и Мартынова о роли Хлестакова.

Самый Ежегодникъ въ нынѣшнемъ году значительно расширенъ и улучшенъ: иллюстрацій къ постановкамъ (декораціи, костюмы, сцены) множество, и онѣ служатъ наглядной картиной дѣятельности Императорскихъ театровъ. Поистинѣ со временемъ это будетъ неоцѣненный матеріалъ для историка нашего театра. Иллюстраціи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что въ нихъ появляются не простые портреты актеровъ въ костюмахъ, но цѣлыя сцены, полныя движенія и характерно воспроизводящія до нѣкоторой

степени самое исполненіе пьесъ. Такъ, особенно выдаются сцены изъ пьесъ: «Мертвыя души», «Вильгельмъ Телль», «Смерть Пазухина», «Горячее сердце» и др. въ Петербургѣ (драматическій театръ) и «Венецейскій истуканъ» въ Москвѣ (драматическій театръ). Тутъ не одна простая отпечатка фотографій, но есть извѣстная скомпановка нѣсколькихъ фотографій вмѣстѣ, есть и прямо рисунки. Все это дѣлаетъ честь вкусу художника Первухина, которому принадлежитъ этотъ отдѣлъ Ежегодника. Насъ удивляетъ, что въ отчетахъ объ Ежегодникѣ вообще очень мало обращаютъ вниманія на статистическую часть изданія, которая, однако, можетъ давать очень важныя заключенія касательно состоянія и дѣятельности нашихъ театровъ. Не входя въ большія подробности, которыми было бы полезно заняться въ болѣе спеціальной статьѣ, постараемся привести здѣсь хоть одинъ примѣръ. У насъ распространено поддерживаемое газетами мнѣніе, будто московская Императорская драматическая сцена ведетъ свое дѣло серьезнѣе и вообще лучше, чѣмъ петербургская. Такова сила традицій. Давно уже серьезное дѣло московскаго Малаго театра похоронено на Ваганьковомъ кладбищѣ, давно конкуренція съ Императорской московской сценой стала такъ легка, что даетъ возможность процвѣтать даже такому балаганному предпріятію, какъ театръ Корша; а люди все еще повторяютъ издревле залаженные лады, благо москвичи въ своемъ патріотизмѣ смѣются себѣ въ бороду надъ петербуржцами и тщательно скрываютъ дыры своего рубища, радуясь, что петербуржцы не хотятъ этого видѣть. Сопоставимъ же на основаніи Ежегодника двѣ Императорскія труппы. Во-первыхъ, составъ труппы петербургской и московской въ сезонѣ 1893—1894 г. былъ почти одинаковъ: въ Петербургѣ 55 актрисъ и 49 актеровъ, всего 104; въ Москвѣ 59 актрисъ и 46 актеровъ, всего 105. Не станемъ говорить объ относительномъ ихъ достоинствѣ, для этого потребовался бы очень тщательный разборъ творчества каждаго изъ нихъ за послѣднее время. Укажемъ только на общую дѣятельность всей труппы. Въ Петербургѣ за означенное время было исполнено 250 спектаклей, въ Москвѣ 185; стало быть, труппа одинаковаго состава работала въ Петербургѣ слишкомъ на $^1/_5$ болѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Если еще къ этому прибавить, что въ Москвѣ сильно дѣйствуетъ на обывателя престижъ Императорскаго театра потому только, что онъ носитъ названіе Императорскаго, и что этого вовсе нѣтъ въ Петербургѣ, если прибавить, что въ Москвѣ публика по преимуществу купеческая, богатая, праздная по вечерамъ, а въ Петербургѣ чиновная, болѣе занятая и съ небольшими средствами, станетъ ясно, насколько неизмѣримо легче вести дѣло московской сценѣ, чѣмъ петербургской. Стало быть, мы должны бы ожидать, что небольшое количество спектаклей маленькаго московскаго театра, при большой труппѣ и постоянной публикѣ, должно быть уже по самымъ даннымъ дѣла особенно тщательно разработано и въ репертуарномъ отношеніи, и въ сценическомъ исполненіи. Относительно послѣдняго, къ сожалѣнію, статистика ничего не даетъ, но относительно репертуара даетъ много. Благодаря тому, что въ Москвѣ существуетъ актриса Ермолова, играющая съ успѣхомъ роли трагическихъ героинь, часто высказывается мнѣніе, будто въ Москвѣ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, исполняется такъ-называемыхъ классическихъ пьесъ, иначе говоря переводныхъ пьесъ выдающихся старыхъ писателей. На дѣлѣ оказывается слѣдующее. Шекспира исполнено въ Петербургѣ 1 пьеса, въ Москвѣ 1 пьеса («Гамлетъ»), Шиллера въ Петербургѣ 2 пьесы («Коварство

и любовь», «Вильгельмъ Телль»), въ Москвѣ 2 пьесы («Орлеанская дѣва», «Донъ-Карлосъ»), Лопе-де-Вега 1 пьеса въ Петербургѣ и Москвѣ («Собака садовника»), Мольера 2 пьесы въ Петербургѣ («Скупой» и «Хоть тресни, а женись»), въ Москвѣ 1 пьеса («Скупой»). Кромѣ того, въ Петербургѣ Моретто («Донна Діана») и Брюэсъ и Палатра («Адвокатъ Пателенъ»), въ Москвѣ Грильпарцера («Сафо»), Гуцкова («Уріель Акоста»), Гольма («Равенскій боецъ»). По количеству представленій всѣ эти пьесы шли въ Петербургѣ 43 раза (не считая одноактной Мольеровской «Хоть тресни»), въ Москвѣ 30. При этомъ строго классическія пьесы Шекспира и Шиллера исполнялись въ Петербургѣ: «Гамлетъ» 3 раза, «Коварство и любовь» 12 разъ, «Вильгельмъ Телль» 10 разъ; въ Москвѣ «Гамлетъ» 1 разъ, «Орлеанская дѣва» 8 разъ и «Донъ-Карлосъ» 4 раза; итого въ Петербургѣ 25 представленій, въ Москвѣ 13 представленій. Не служитъ ли это яркимъ доказательствомъ того, что даже этого рода пьесы, которыя ставятся въ такую заслугу Москвѣ, исполняются въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ въ Москвѣ? Пьесъ Островскаго въ Петербургѣ было исполнено 8, въ Москвѣ 6; количество представленій почти одинаково: въ Петербургѣ 26, въ Москвѣ 31. Засимъ, переходя къ другимъ пьесамъ русскаго репертуара [1]), мы видимъ, что слѣдующія пьесы шли и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ: «Горе отъ ума», «Плоды просвѣщенія», «Предразсудки» (Чайковскаго), «Новое дѣло» (Немировича-Данченко), «Спорный вопросъ» (Александрова), «Венецейскій истуканъ» (Гнѣдича), «Жизнь» (Потапенко), «Хрущевскіе помѣщики» (Ѳедотова) и «Гусь лапчатый» (Салова). Сверхъ того, по одной пьесѣ исполнено и въ Петербургѣ и въ Москвѣ: Шпажинскаго, Крылова, Соловьева, Александрова; въ Петербургѣ двѣ Карпова и одна Невѣжина, въ Москвѣ—наоборотъ двѣ Невѣжина, одна Карпова. Наконецъ, особенно внушительную картину представляютъ тѣ пьесы, гдѣ репертуаръ петербургскій разнится отъ московскаго. Сверхъ помянутыхъ пьесъ (и болѣе мелкихъ пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ, приблизительно одинаковаго свойства), въ Петербургѣ исполнялись пьесы: «Ревизоръ» (Гоголя), «Недоросль» (Фонвизина), «Завтракъ у предводителя» и «Вечеръ въ Сорренто» (Тургенева), «Смерть Пазухина» (Салтыкова-Щедрина), «Свадьба Кречинскаго» (Сухово-Кобылина), «Ваалъ» (Писемскаго), «Выгодное предпріятіе», «Чужое добро» (Потѣхина), «У своихъ» (Боборыкина), «Батюшкина дочка» (Шаховского), «Черезъ край» (Тихонова), «Первая муха» (Крылова и Величко). Въ Москвѣ ни одна изъ этихъ пьесъ не была исполнена, даже «Ревизоръ» не шелъ ни разу, а взамѣнъ ихъ исполнялись «Іоаннъ IV» (Сумбатова), «Въ тихую ночь» (Бухарина), «Расплата» (Гославскаго), «Ночи безумныя» (Деденева) и передѣлка Ге изъ повѣсти Хвощинской «Осколки минувшаго». Если-бъ мы стали приводить статистику количества представленій, то вышло бы, что въ Петербургѣ наибольшее число выпало бы на долю Гоголя, Тургенева, Салтыкова, А. Потѣхина; въ Москвѣ на долю Гославскаго, Александрова, Невѣжина. Спрашивается: гдѣ же репертуаръ серьезнѣе, толковѣе, художественнѣе? Несомнѣнно, въ Петербургѣ. Такова сила статистики вопреки всякимъ лицемѣрнымъ нападкамъ. И, несмотря на эту серьезность репертуара, сборы въ Петербургѣ были очень хороши, и общая цифра ихъ превышаетъ московскую.

---

[1]) Ежегодникъ не совсѣмъ правильно дѣлаетъ свои итоги, такъ какъ онъ заноситъ передѣлки и переводы въ авторство тому, кто только передѣлалъ или перевелъ. Мы указываемъ исключительно на оригинальныя пьесы.

Для будущаго работника по исторіи русскаго театра, при внимательномъ изученіи статистическаго матеріала, представляемаго Ежегодникомъ, такого рода выкладки дадутъ очень цѣнные результаты, и именно, намъ кажется, на эту сторону и должно быть обращено особенное вниманіе редакціи Ежегодника. Печатаемыя статьи въ его приложеніяхъ, конечно, имѣютъ свое значеніе, главнымъ образомъ въ томъ, что Ежегодникъ спеціализируетъ свой историческій матеріалъ исключительно около театра. Для занимающагося театрами тутъ является въ нѣкоторомъ родѣ централизація этого матеріала, Ежегодникъ можетъ быть отчасти справочной книгой, тѣмъ болѣе, что въ статьяхъ всюду встрѣчаются ссылки на первоисточники; но, съ другой стороны, все-таки это статьи компилятивныя и основанныя на матеріалѣ печатномъ, доступномъ каждому. Редакція принесетъ еще бо́льшую пользу нашей литературѣ и театру, если обратитъ главное вниманіе на тѣ данныя, которыя недоступны публикѣ, на дѣла и архивъ Императорской дирекціи, тутъ можно дать значительно болѣе новаго и малоизвѣстнаго. Нельзя въ заключеніе не замѣтить и того, что при превосходно изданныхъ книгахъ, съ множествомъ рисунковъ, портретовъ, какъ въ Ежегодникѣ, такъ и въ приложеніяхъ, все изданіе, четыре книги, стоитъ весьма дешево, именно 3 рубля 50 копеекъ.

А. В.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Вып. XVIII. Тифлисъ. 1895.

Восемнадцатый выпускъ почтеннаго изданія Кавказскаго учебнаго округа по богатству этнографическаго матеріала нисколько не уступаетъ предшествующимъ. Въ краткой рецензіи мы можемъ только ограничиться общимъ перечисленіемъ этого матеріала, занявшаго болѣе 600 страницъ, не касаясь частностей. На первомъ мѣстѣ стоятъ «Мингрельскія пѣсни», записанныя Хр. Гроздовымъ въ Кутаисской губерніи и снабженныя замѣчаніями о гармонизаціи, нотами, переводомъ и словаремъ. Большинство пѣсенъ (всѣхъ 19 №№) лирическія; но въ содержаніи ихъ проглядываютъ бытовыя и историческія черты; есть пѣсни и чисто историческія (о крестьянскомъ возстаніи 1857 года, о кн. Гуту Апакіи). Сюжеты пѣсенъ довольно своеобразны; любовныя пѣсни дышатъ замѣчательнымъ изяществомъ образовъ и задушевностью. «Мингрельскія сказки», записанныя И. Петровымъ, очень близки къ обычнымъ сказочнымъ сюжетамъ, хотя не лишены особенностей. Любопытна, напримѣръ, сказка о трехъ братьяхъ (хотя говорится въ ней только объ одномъ изъ нихъ), отчасти напоминающая странствованія Василія Безсчастнаго, но заканчивающаяся гибелью героя. Вмѣсто свободнаго перевода г. Петровъ далъ буквальный переводъ, притомъ напечатанный подъ каждой строкой мингрельскаго текста. Это обстоятельство затрудняетъ пользованіе любопытнымъ, во всякомъ случаѣ, матеріаломъ. Вотъ начало одной сказки въ переводѣ г. Петрова: «Были одинъ жена и мужъ люди, не имѣли ничего, одинъ мужчина сына кромѣ. Однажды, одинъ воскресенію этотъ человѣкъ обѣдни пошелъ. Жена семейству остался»... Кому нуженъ такой рабскій переводъ? «Сванетскіе тексты» (пѣсня, преданіе о началѣ зимъ въ Сванетіи и сказка о Ростомѣ) записаны Г. Нижерадзе и сопровождаются фило-

логическими попреимуществу примѣчаніями редактора и переводомъ Ив. Нижерадзе. Сказка о Ростомѣ и Зурабѣ представляетъ обычный пересказъ о боѣ отца съ сыномъ, заимствованный изъ иранскаго эпоса. Въ статьѣ «Вардавръ» А. Калашевъ сообщилъ 122 №№ коротенькихъ армянскихъ пѣсенъ (съ русскимъ переводомъ), сънмпровизированныхъ двумя хорами, дѣвушекъ и юношей, въ праздникъ вардаваръ. Въ этотъ праздникъ, особенно чествуемый въ с. Чайкендъ, вечеромъ два хора садятся одинъ поодаль другого и начинаютъ состязаніе въ импровизаціи; за какимъ хоромъ останется послѣдняя пѣсня, на которую не послѣдуетъ отвѣта съ противной стороны, тому присуждается вѣнокъ. Вардаваръ—праздникъ богини любви; состязаніе обыкновенно начинается юношами словами: «Вардаваръ придетъ, скатерть постелетъ; у кого возлюбленной нѣтъ,—полюбивъ, возьметъ». Цѣлый рядъ татарскихъ пѣсенъ, загадокъ и пословицъ записанъ А. Калашевымъ и А. Іоакимовымъ. За ними слѣдуютъ очерки Я. Тепцова: «Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ», въ которыхъ описаны праздники и свадебные обычаи мингрельцевъ, сообщены ихъ легенды и сказки о лѣсныхъ чудовищахъ, лѣсной красавицѣ и сказки о превращеніи въ камень, о матери, злоумышляющей вмѣстѣ съ девомъ противъ родного сына, о лѣнивомъ сынѣ; послѣдняя—очень близкій варіантъ русской сказки о хитрой наукѣ у Оха. Вообще масса сообщенныхъ въ разсматриваемомъ выпускѣ «Сборника» сказокъ мингрельскихъ, айсорскихъ и т. д. представляютъ наибольшую цѣнность. Пользоваться, однако, ими для сопоставленія съ сказками и легендами европейскихъ и другихъ народовъ, намъ кажется, необходимо съ особенною осторожностью. Указывать на Кавказъ, какъ на посредствующее мѣсто при передачѣ тѣхъ или иныхъ восточныхъ мотивовъ, трудно, если подобныя указанія не будутъ также основаны на точныхъ историческихъ данныхъ. Записанныя (въ переводѣ на русскій языкъ) Ш. Ломинадзе «Мингрельскія сказки» очень близки по сюжетамъ къ сказкамъ европейскимъ, въ частности русскимъ. Тутъ и разсказы о подземномъ царствѣ, и о женѣ, не умѣющей хранить тайны мужа, и о хитромъ рабочемъ, обманувшемъ нанимателя, о ловкомъ ворѣ, о хитромъ священникѣ, обманывающемъ нѣсколько разъ евреевъ (встрѣчаются бѣлорусскія сказки такого же содержанія), о трехъ братьяхъ-ворахъ, состязающихся другъ съ другомъ въ своемъ ремеслѣ (сравн. малорусскую сказку «Три злодій» въ «Сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго общества», VI, 169). Б. Георгіевъ сообщилъ абхазскую легенду о героѣ Эрамъ-хутъ, воевавшемъ съ цѣлымъ укрѣпленнымъ ауломъ. Далѣе находимъ «Айсорскія легенды и сказки», собранныя П. Эйвазовымъ. Въ легендахъ сохранились отзвуки самой отдаленной древности: о царѣ Балѣ, о Моисеѣ, о царѣ Саулѣ, смирившемся вслѣдствіе словъ простого пастуха, о царѣ Соломонѣ, или, точнѣе, разсказы о вѣрной и невѣрной женѣ, лишь внѣшнимъ образомъ связанные съ именемъ еврейскаго царя. Очень обстоятеленъ очеркъ М. Бежанова «Евреи въ с. Верташенахъ, Нухинскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи». Евреи эти, говорящіе по-персидски и не занимающіеся торговлей и табаководствомъ, а ростовщичествомъ, поселились въ названномъ мѣстѣ лѣтъ 200 назадъ. Въ настоящее время ихъ 304 дыма; живутъ они крайне скученно и грязно. Не касаясь ихъ обрядовъ и праздниковъ, свадебныхъ и погребальныхъ обычаевъ, лѣченія болѣзней, подробно описанныхъ въ статьѣ г. Бежанова, мы укажемъ на весьма важныя легенды и сказки евреевъ, приложенныя къ статьѣ. Любопытенъ общій характеръ этихъ сказокъ, поучи-

тельный и основанный на талмудическомъ ученіи. Вездѣ въ нихъ особеннымъ почетомъ пользуется ученый, раввинъ. Особенно характерна сказка «Живи правдой», въ которой человѣкъ, проводящій цѣлые дни въ синагогѣ и отказывающійся помогать чѣмъ либо семьѣ, ставится выше всякаго другого. Еврейскіе ученые оказываются умнѣе и ученѣе всѣхъ другихъ ученыхъ, они побѣждаютъ ихъ въ спорахъ, отличаются наиболѣе честною жизнью, становятся даже царями (сказки 7, 11). Важны, какъ дополненіе къ извѣстнымъ уже легендамъ, 6 разсказовъ о Соломонѣ, также разсказы о странствованіяхъ Моисея въ раю и аду, объ Іисусѣ Навинѣ и т. д. Послѣдняя и самая обширная статья Н. Машурко озаглавлена: «Изъ области народной фантазіи и быта» (Тифлисская и Кутаисская губерніи); большую часть ея занимаютъ повѣрья и суевѣрія, связанныя съ царствомъ животныхъ, съ явленіями обыденной жизни, описаніе игръ, обрядовъ, народная медицина, наконецъ, сказанія о разныхъ чудовищахъ, преданія и сказки.

Изъ краткаго перечня матеріаловъ, вошедшихъ въ XVIII-й выпускъ изданія Кавказскаго учебнаго округа, можно, правда, въ самыхъ общихъ чертахъ составить представленіе объ ихъ значеніи. Входить въ подробный разборъ мы не можемъ. Позволимъ себѣ высказать одно только пожеланіе. При массѣ появляющихся въ разнообразныхъ изданіяхъ памятниковъ народнаго творчества необходимыя справки затруднены большею частью вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было указателей, библіографическихъ замѣчаній и т. п. Этимъ же недостаткомъ страдаетъ и разсматриваемый «Сборникъ»; только въ послѣдней статьѣ г. Машурко находимъ нѣкоторыя библіографическія примѣчанія. О необходимой полнотѣ ихъ должна стараться редакція, указывая хотя бы на сходный матеріалъ, вошедшій въ предыдущіе выпуски и въ наиболѣе замѣчательные сборники народнаго творчества.

Арк. Л—нко.

В. Г. Яроцкій. Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей, т. I—II. Спб. 1895.

Если мы не ошибаемся, обширный этотъ трудъ, плодъ долголѣтняго изученія вопроса, составленъ профессоромъ Яроцкимъ для соисканія ученой степени доктора политической экономіи. По этому поводу мы не можемъ не выразить полнаго нашего сочувствія автору. Обыкновенно наши ученые избираютъ для своихъ диссертацій темы, не имѣющія прямого отношенія къ запросамъ жизни, къ практическимъ требованіямъ времени. Оно, конечно, удобнѣе. Удаляясь въ сѣдую старину, въ дебри метафизики или въ трясину безплодной ученой казуистики и избирая на этой почвѣ какой нибудь узенькій, всѣми забытый и никого не интересующій, вопросикъ, наши ученые могутъ быть болѣе или менѣе увѣрены, что серьезныхъ оппонентовъ у нихъ не окажется: въ самомъ дѣлѣ кому придетъ охота послѣдовать за ними на эту безплодную почву и изучить вопросъ, который возбуждается только съ мимолетною цѣлью заручиться ученою степенью! Совершенно другое приходится сказать о вопросахъ, возбуждаемыхъ не авторами диссертацій, а самою жизнью, и ставшихъ предметомъ общаго вниманія. Тутъ людей, болѣе или менѣе освѣдомленныхъ, если не прямо компетентныхъ, много, и съ честью выйти изъ ученаго турнира гораздо труднѣе. Къ такимъ вопросамъ въ области политической экономіи, несомнѣнно, принадлежитъ вопросъ о страхова-

нія рабочихъ, т.-е. объ обезпеченіи ихъ на случай утраты способности къ труду. Вопросъ этотъ быстро назрѣваетъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, а въ нѣкоторыхъ даже уже вызвалъ къ жизни сложное и обширное законодательство. Въ связи съ нимъ находятся и многоразличныя усилія другого рода, направленныя къ той же цѣли и проявляющіяся въ цѣлесообразной организаціи разныхъ видовъ вспомоществованія, благотворительности и призрѣнія, равно какъ и законодательное установленіе экономической отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. Вотъ, совокупности этихъ вопросовъ, имѣющихъ громадный жизненный интересъ, и посвящена докторская диссертація профессора Яроцкаго, выпустившаго уже раньше въ свѣтъ отдѣльное изслѣдованіе объ «экономической отвѣтственности предпринимателей» (Спб., 1887). Такимъ образомъ русская экономическая литература обогатилась трудомъ, въ которомъ сгруппировано все существенное, касающееся нынѣшняго положенія вопроса о страхованіи рабочихъ въ главныхъ европейскихъ государствахъ, и, кромѣ того, содержатся многія цѣнныя указанія на путь, который вѣрнѣе всего можетъ привести къ окончательному его рѣшенію.

Но еще и по другой причинѣ трудъ профессора Яроцкаго заслуживаетъ особеннаго сочувствія. Мы принимаемъ очень близко къ сердцу интересы трудовой, рабочей массы,—и это, конечно, дѣлаетъ большую честь гражданскимъ чувствамъ нашего общества. Но, къ сожалѣнію, дѣло ограничивается по большей части одними добрыми пожеланіями и теоретическими размышленіями. На практикѣ мы оказываемся совершенно несостоятельными и безсильными даже тамъ, гдѣ мы можемъ дѣйствовать, гдѣ намъ открыто поприще для дѣятельнаго примѣненія нашихъ добрыхъ чувствъ. И это также объясняется, между прочимъ, несомнѣнно, теоретичностью нашего населенія, проявляющеюся во всей нашей публицистикѣ и экономической литературѣ. Любопытнымъ примѣромъ этого рода служитъ безконечная полемика, вызванная книгою г. Струве: «Критическія замѣтки», о томъ, будетъ ли развиваться Россія по гегелевской трилогіи въ экономической передѣлкѣ К. Маркса, т.-е. превратится ли она неизбѣжно въ капиталистическую сторону, или эта роковая участь ее минуетъ. Столько неотложнаго дѣла, столько назойливыхъ практическихъ вопросовъ окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, а мы въ это время преблагодушно толкуемъ себѣ о «матеріяхъ важныхъ», удаляемся въ какой-то заоблачный міръ мечтаній въ чисто-маниловскомъ вкусѣ, точно отъ нашихъ писаній въ самомъ дѣлѣ зависитъ дать тотъ или другой ходъ всему экономическому строю и развитію Россіи!

Профессоръ Яроцкій не принадлежитъ къ числу сторонниковъ подобнаго рода «маниловщины». Онъ останавливается на практическомъ вопросѣ въ сферѣ, обратившей на себя уже вниманіе законодателя. Если Германія и Австрія вступили на путь законодательнаго рѣшенія вопроса о страхованіи рабочихъ, то и другія страны послѣдуютъ благому примѣру, и можно ожидать, что въ скоромъ времени сдѣланъ будетъ всюду новый существенный шагъ на пути рѣшенія грознаго соціальнаго вопроса. Такимъ образомъ жизнь опережаетъ теорію, которая до сихъ поръ придумала лишь формулы столь общаго и радикальнаго характера, что осуществленіе ихъ въ близкомъ будущемъ представляется возможнымъ развѣ очень незрѣлымъ умамъ. Говоря это, мы, понятно, имѣемъ въ виду не науку, которая всегда считается съ фактами, а именно тѣ теоретическія построенія, которыя приходятся особенно по вкусу нашимъ Маниловымъ.

Отмѣтивъ значеніе труда профессора Яроцкаго, мы еще выразимъ пожеланіе, чтобы онъ сдѣлалъ свой обширный трудъ доступнымъ широкой публикѣ. Исключивъ изъ него то, что имѣетъ интересъ только для спеціалистовъ, онъ могъ бы пустить въ обращеніе книгу, по размѣрамъ и цѣнѣ доступную всякому образованному читателю, и этимъ, несомнѣнно, оказалъ бы существенную услугу не только публикѣ, но и тому дѣлу, которому онъ посвятилъ столько труда и столько молодого, искренняго и симпатичнаго воодушевленія.

Р. С.

Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. Переводъ съ четвертаго французскаго изданія. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

Масперо (Gaston-Camille-Charles), извѣстнѣйшій изъ французскихъ оріенталистовъ, происходитъ изъ итальянской (миланской) фамиліи, родился въ Парижѣ въ 1846 году, учился въ лицеѣ Людовика Великаго, потомъ въ Нормальной школѣ, рано спеціализировался на изученіи Египта и рано сдѣлался преподавателемъ въ École des hautes études, потомъ въ Collège de France, гдѣ онъ съ 1874 года состоитъ профессоромъ. Множество его солидныхъ изслѣдованій по исторіи, исторіи литературы и религіи, археологіи и языку Египта изданы и отдѣльно, и въ спеціальныхъ журналахъ и сборникахъ; но онъ охотно дѣлится своими рѣдкими знаніями и съ большой публикой, переводитъ интереснѣйшіе памятники, и ему, напримѣръ, принадлежитъ новый переводъ египетскаго романа «Сказка о двухъ братьяхъ» (1878), въ свое время надѣлавшаго столько шуму. Первое изданіе его «Древней исторіи» появилось въ 1875 году и хотя, сколько помнимъ, компетентная критика признала безупречной только первую часть—обозрѣніе исторіи Египта, и ставила въ вину автору, вполнѣ, впрочемъ, естественное для египтолога, нѣкоторое пренебреженіе исторіей Азіи все же курсъ его оказался и научнѣе, и доступнѣе ленормановскаго и подобныхъ нѣмецкихъ работъ и теперь его книга достигла уже четвертаго изданія.

Это изданіе, какъ и первое, дѣлится на 5 книгъ и на 15 главъ, по 3 въ каждой книгѣ, расположенныхъ такимъ образомъ: книга 1-я обозрѣваетъ Египетъ до вторженія кочевниковъ и состоитъ изъ главъ: 1) первобытный Египетъ, 2) мемфисскій періодъ и 3) ѳиванскій періодъ. Книга 2-я излагаетъ исторію Азіи до и во время египетскаго владычества; ея главы: 1) Халдея, 2) египетское завоеваніе и 3) великія морскія переселенія. Книга 3-я говоритъ объ Ассирійской монархіи и исторіи Востока до воцаренія Саргонидовъ; въ ней главы: 1) первая Ассирійская монархія; евреи въ землѣ Ханаанской, 2) царство Іудейское и 3) вторая Ассирійская монархія до воцаренія Саргона (Sargoukin). Книга IV носитъ заглавіе: Саргониды и Востокъ до воцаренія Кира; въ ней главы: 1) Саргониды, 2) Азія во времена Саргонидовъ и 3) Востокъ во времена Мидійской монархіи. Наконецъ, книга V излагаетъ исторію царства Персидскаго; ея главы въ первомъ изданіи были: 1) персидское завоеваніе, 2) разрушеніе и паденіе Персидской монархіи и 3) письмена на Востокѣ (Les écritures du monde oriental). Въ нынѣшнемъ, четвертомъ, изданіи послѣдняя глава называется: «древній Востокъ въ моментъ Македонскаго завоеванія (Сузіана и народы сѣвера:

ассиріяне и вавилоняне; преобладаніе арамейскаго элемента; евреи, Ездра и Неемія; Моисеевъ законъ, Египетъ)», а «Обозрѣніе восточныхъ письменъ» составляетъ «Прибавленіе», которое исключено изъ русскаго перевода вмѣстѣ съ тремя географическими картами. Многочисленные отрывки, приводимые авторомъ изъ египетскихъ памятниковъ, превосходно подобраны и представляютъ значительный интересъ не для однихъ историковъ, но и для всѣхъ образованныхъ людей.

Такъ какъ для многихъ изъ русскихъ читателей исторія народа еврейскаго важнѣе всего остального, отмѣтимъ страницы первыхъ главъ, гдѣ говорится о евреяхъ до выступленія ихъ на всемірно-историческую сцену; это стр. 164—165, 185, 261—265, затѣмъ съ 301 страницы излагается завоеваніе евреями земли Ханаанской, а съ 321—исторія царства Іудейскаго. О религіи евреевъ см. стр. 344 и слѣд.

Переводъ, сдѣланный г-жами Яновской и Каменецкой и редактированный М. П. Щепкинымъ и И. А. Вернеромъ, въ общемъ очень хорошъ, такъ же, какъ и корректура.

Въ виду возможности второго изданія, котораго мы отъ души желаемъ прекрасной и общеполезной книгѣ, считаемъ не лишнимъ указать нѣсколько недосмотровъ, которые мы замѣтили. На стр. 10 вм. «фагакъ» (fahaka надо поставить «фатракъ» (fatraka); на стр. 11: on ne peut l'attirer dans les sanctuaires (такъ, по крайней мѣрѣ, въ первомъ изданіи,—четвертаго у насъ нѣтъ подъ руками) невѣрно переведено словами: «его не привлечешь тайными пріемами». На стр. 71 напрасно употреблено необычное выраженіе: «Геліаческое восхожденіе этой звѣзды»; на стр. 72 также мало понятно выраженіе: «эпагоменные дни». Напрасно на стр. 171 Пятикнижіе Моисеево цитируется подъ французскими именами. Напрасно на стр. 208 Павзаній называется Павзаніасомъ и т. д.

О географическихъ картахъ, которыя исключили редакторы, заботясь «о возможномъ удешевленіи изданія», жалѣть нечего: онѣ представляютъ нѣчто столь заурядное (по крайней мѣрѣ, въ первомъ французскомъ изданіи, находящемся у меня подъ руками), что ихъ легко замѣнить самымъ дешевымъ историческимъ атласомъ. А. К—въ.

Анри де-Трувиль. Соціальная наука представляетъ ли науку? Переводъ съ французскаго графа Н. С. Ланского, со статьей переводчика: «Ле-Пле и его школа». Спб. 1895.

На поставленный въ заголовкѣ книги вопросъ авторъ даетъ утвердительный отвѣтъ. Право на титулъ науки дается соціологіи тѣмъ положительнымъ, научнымъ методомъ, который, по мнѣнію Анри де-Трувиля (далеко не безспорному, замѣтимъ въ скобкахъ), впервые приложенъ былъ къ изученію соціальныхъ явленій французскимъ ученымъ Ле-Пле. «Я приложилъ,—говоритъ послѣдній,—къ наблюденію человѣческихъ обществъ правила, подобныя тѣмъ, которыя образовали мой умъ для изученія минераловъ и растеній. Названный методъ заключается въ слѣдующихъ трехъ пріемахъ. Первый пріемъ—«методическій анализъ», заключающійся въ разложеніи сложныхъ соціальныхъ явленій на ихъ простѣйшіе, первичные элементы. Второй пріемъ—«сравнительное наблюденіе», служитъ вспомогательнымъ

средствомъ анализа. «Сравнительное наблюденіе совершенствуетъ анализъ», подкрѣпляя результаты послѣдняго. Третій и послѣдній пріемъ соціальной науки, по Трувилю, составляетъ классификація соціальныхъ явленій, опирающаяся на результаты анализа и сравненія и, такъ сказать, подводящая имъ итогъ. Путемъ перваго пріема, «методическаго анализа», авторъ приходитъ къ тому главному выводу, что первичнымъ элементомъ «соціальнаго организма» слѣдуетъ считать семейство. «Семейство представляетъ первую, элементарную и начальную группу»,—какъ говоритъ Анри де-Трувиль, «клѣточку соціальнаго организма»,—какъ выражается его учитель Ле-Пле. «Какъ кристаллическія массы получаютъ тѣ или другія очертанія, смотря по характеру кристаллизаціи своихъ элементовъ, такъ и общества получаютъ всѣ свои учрежденія, смотря по способу образованія семейства». Такъ опредѣляетъ авторъ отношеніе семейства къ общественной организаціи. Второй пріемъ, «методическое сравненіе», приводитъ его къ установленію «простѣйшаго типа «общества»: это—патріархальное семейство (родъ), въ родѣ того, что автору пришлось наблюдать лично у азіатскихъ кочевниковъ. Послѣдній выводъ, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ первымъ. Классификація соціальныхъ явленій (третій методическій пріемъ), резюмирующая результаты, добытые путемъ приложенія первыхъ двухъ пріемовъ, представлена авторомъ схематически, въ видѣ таблицы, комментаріемъ къ которой служитъ послѣдняя глава книги.

Интересъ новой книги заключается главнымъ образомъ въ томъ, что это, насколько намъ извѣстно, первое сочиненіе, которое знакомитъ русскую публику съ соціологическими воззрѣніями школы Ле-Пле [1]). Не раздѣляя мнѣнія Анри де-Трувиля, приписывающаго честь «основанія соціальной науки» своему учителю, и не одобряя его совсѣмъ ужъ ненаучнаго «метода» полнѣйшаго игнорированія всей соціологической литературы (за исключеніемъ сочиненій Ле-Пле, само собою разумѣется),—мы не можемъ, однако, не признать, что въ идеяхъ и воззрѣніяхъ названной «школы» есть много цѣннаго въ научномъ смыслѣ,—много серьезной вдумчивости, много внимательнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣйствительности, особенно къ той сторонѣ ея, пренебреженіемъ къ которой всего чаще грѣшатъ соціологи. Мы разумѣемъ индивидуальный элементъ въ соціальной дѣйствительности, обыкновенно отодвигаемый на задній планъ, а то и игнорируемый соціологами, и выдвигаемый, напротивъ, на первый планъ школою Ле-Пле, хотя послѣдняя и далека отъ того, что принято называть въ соціологіи индивидуализмомъ. Вообще въ ея воззрѣніяхъ много оригинальнаго и вызывающаго на серьезныя размышленія. Уже по этому одному книжка Анри де-Трувиля заслуживаетъ вниманія всякаго, кто интересуется соціологіей.

Жаль только, что переводчикъ недостаточно поработалъ надъ своимъ переводомъ, который чуть не на каждомъ шагу оказывается въ разладѣ, если не съ подлинникомъ, то съ русскимъ языкомъ, и не только по части «стиля», но и, увы, сплошь и рядомъ по части элементарной грамматики... Жаль и то, что издатель не нашелъ возможнымъ лучше согласовать цѣну книги съ ея размѣрами (87 страницъ, считая въ томъ числѣ и 25 страницъ введенія). П. А.

---

[1]) Если не считать небольшой замѣтки К. П. Побѣдоносцева о Ле-Пле въ «Русскомъ Обозрѣніи» за 1894 годъ.

Архіепископъ Антоній. Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія. Изд. 2-е. Спб. 1895.

Книга высокопреосвященнаго Антонія раздѣляется на три большихъ отдѣла. Первый отдѣлъ, страницы 3—134, посвященъ очеркамъ изъ исторіи древней христіанской проповѣди; здѣсь помѣщены очерки: о проповѣди апостольской, о проповѣди мужей апостольскихъ и о проповѣдяхъ св. Василія Великаго, при чемъ подвергнуты разбору и охарактеризованы бесѣды св. Василія на шестодневъ, на псалмы и на разные случаи. Второй отдѣлъ, страницы 137—271, самая капитальная въ научномъ отношеніи часть книги, весь занятъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о епископѣ болгарскомъ Константинѣ, за которымъ высокопреосвященный авторъ устанавливаетъ честь составленія перваго систематическаго проповѣдническаго сборника на славянскомъ языкѣ «Учительнаго Евангелія». Въ третьемъ отдѣлѣ (стр. 275—391) помѣщены замѣтки и очерки о «такъ-называемыхъ поученіяхъ Θеодосія Печерскаго къ народу русскому», о древне-русской проповѣди и проповѣдникахъ въ до-монгольскій періодъ, о поученіяхъ митрополита кіевскаго и всея Руси Фотія и, наконецъ, о гомилетикѣ Іоанникія Голятовскаго, въ связи съ характеристикою южно-русской схоластической проповѣди.

Всѣ помѣщенные въ книгѣ очерки и изслѣдованія были ранѣе напечатаны въ нашихъ духовныхъ журналахъ: «Православномъ Собесѣдникѣ», издаваемомъ при Казанской духовной академіи, въ которой высокопреосвященный Антоній около 15 лѣтъ состоялъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи христіанскаго проповѣдничества, въ «Странникѣ» и «Православномъ Обозрѣніи». Въ предисловіи къ книгѣ высокопреосвященный авторъ говоритъ, что, избранный въ 1870 году на каѳедру предмета обширнаго и тогда совершенно еще новаго, онъ «не сразу нашелъ въ немъ мѣсто, на которомъ могъ бы остановить свое особенное вниманіе»; но что потомъ занятія описаніемъ рукописей переданной въ Казанскую академію Соловецкой библіотеки наклонили его научныя симпатіи въ область рукописной литературы и ея первоисточниковъ, а начавшееся вскорѣ затѣмъ добровольческое движеніе, охватившее всѣхъ русскихъ людей горячее стремленіе прійти на помощь славянству, было причиною рѣшенія остановиться на изученіи древне-болгарской проповѣднической литературы по рукописнымъ же источникамъ. Задуманный авторомъ обширный планъ научныхъ изслѣдованій такого рода выполненъ былъ только въ одной третьей его части—выпускомъ въ свѣтъ изслѣдованія о епископѣ Константинѣ. «Потеря всей семьи въ 1882 году,—пишетъ высокопреосвященный Антоній,—и принятіе монашества въ 1883 году дали совершенно новое направленіе и моей жизни, и моей дѣятельности. Я долженъ былъ прекратить занятія въ привычной для меня области, и не знаю, судитъ ли мнѣ когда Богъ къ нимъ снова возвратиться, чтобы хотя закончить задуманное и неоконченное. Но будущее намъ неизвѣстно, а въ прошедшемъ отдавать себѣ по временамъ отчетъ не безполезно».

За исключеніемъ второго отдѣла, большая часть котораго занята изслѣдованіемъ о древне-славянскомъ текстѣ «Учительнаго Евангелія» епископа Константина по сравненію съ греческими источниками,—изслѣдованіемъ, доступнымъ только для ученыхъ спеціалистовъ, книга высокопреосвященнаго Антонія, написанная живымъ, поэтическимъ и вмѣстѣ сдержаннымъ языкомъ, представляетъ собою, несомнѣнно, интересное и полезное чтеніе для

всѣхъ, интересующихся затронутыми въ ней предметами. Мы не говоримъ о высокомъ научномъ достоинствѣ книги, справедливо оцѣненномъ Казанскою духовною академіею въ отчетѣ 1893 года, удостоившею автора степени доктора церковной исторіи. Первое изданіе книги было выпущено въ 1892 году. С. Г. Р.

Н. Карѣевъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Продолженіе «Писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи». Спб. 1895.

Новое сочиненіе профессора Карѣева есть прямое продолженіе «Писемъ къ учащейся молодежи», о которыхъ нами былъ данъ отчетъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ. О содержаніи «Бесѣдъ» можно судить по ихъ заглавіямъ: «о взаимномъ отношеніи естественныхъ и гуманитарныхъ наукъ», «о научномъ изученіи матеріальной природы», «о научномъ изученіи психическихъ явленій», «о существенномъ содержаніи философскаго образованія», «о научной основѣ и субъективизмѣ въ соціологіи», «объ этическомъ отношеніи къ личности и обществу», «объ историческомъ и соціологическомъ образованіи». Въ концѣ книжки приложенъ краткій указатель самообразовательнаго чтенія, отличающійся отъ подобнаго же указателя, приложеннаго къ московскимъ «Программамъ домашняго чтенія» большею краткостью, болѣе общимъ характеромъ и, наконецъ, тѣмъ еще, что у профессора Карѣева указаны книги исключительно на русскомъ языкѣ.

Недостаточность одного объективнаго міропониманія, необходимость внесенія въ послѣднее субъективно-этическаго жизнепониманія—такова основная мысль автора относительно «выработки міросозерцанія». «Міросозерцаніе, состоящее изъ одного знанія того, что̀ есть, безъ какой бы то ни было вѣры въ то, что̀ должно быть осуществляемо въ личной и общественной жизни человѣка, не можетъ быть названо міросозерцаніемъ полнымъ. Полное міросозерцаніе должно быть и научнымъ (феноменологическимъ и номологическимъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ этическимъ (деонтологическимъ)» (стр. 160).

Въ общемъ, «Бесѣды» имѣютъ тотъ же характеръ и отличаются тѣми же достоинствами, что и «Письма о самообразованіи», и заслуживаютъ столь же серьезнаго успѣха, какъ и послѣднія. Прибавимъ, что, какъ значится на обложкѣ, доходъ съ изданія «Бесѣдъ» назначается въ пользу Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ.

П. А.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ, составленный Б. Глинскимъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. Изданіе Д. И. Тихомирова. Москва. 1895.

Покойный Николай Михайловичъ Ядринцевъ представлялъ собой рѣдкій, но симпатичный типъ литературнаго труженика, борца за идею. Онъ горячо любилъ свою родину, Сибирь, и всего себя посвятилъ на ея изученіе, на служеніе нуждамъ своихъ мало-просвѣщенныхъ земляковъ. Біографія его глубоко-поучительна. Г. Глинскій, помѣстившій въ свое время біографію этого

человѣка въ нашемъ журналѣ, теперь издалъ ее съ нѣкоторыми дополненіями и поправками отдѣльно. Несмотря на то, что по поводу смерти Ядринцева помѣщены были статьи почти во всѣхъ журналахъ и газетахъ, отдѣльное изданіе популярно, живо, тепло написанной и обстоятельной статьи г. Глинскаго имѣетъ, несомнѣнно, большое значеніе для ознакомленія русскаго общества съ дѣятельностью Н. М. Ядринцева. Книжка г. Глинскаго представляетъ, кромѣ того, большой интересъ еще потому, что къ ней приложены статья В. Острогорскаго и воспоминанія Г. Н. Потанина, знавшаго Ядринцева еще со студенческой скамьи. Воспоминанія эти помимо того, что значительно пополняютъ біографію, даютъ любопытный матеріалъ для характеристики студенчества былыхъ временъ. Читая эти воспоминанія, а также разсказъ г. Глинскаго о жизни Ядринцева, невольно проникаешься чувствомъ уваженія и симпатіи къ тому времени, когда изъ школы выходили люди нравственно чище, болѣе сильные духомъ, чѣмъ теперь;—невольно начинаешь печально глядѣть на наше поколѣніе, сѣренькое, безпринципное, эгоистичное, которое, «добру и злу внимая равнодушно», преслѣдуетъ только свои маленькіе интересы... В. Б.

А. В. Кругловъ. Немудреное счастье. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1895.

Содержаніе этого романа взято изъ міра провинціальнаго чиновничества. Наряду съ романической интригой развиваются и бытовыя картины, представляющія собою большой интересъ для читателя.

Герой произведенія—Алеша Кочеринъ, молодой чиновникъ казенной палаты. Авторъ описываетъ любовь Алеши къ Леночкѣ Шишовой, женитьбу его и устройство безпритязательнаго семейнаго очага, однако, согрѣтаго счастьемъ, которое авторъ и назвалъ «Немудренымъ счастьемъ». Счастье это, правда, узкое, эгоистическое, не смущаемое никакими міровыми вопросами, но зато тѣмъ достижимѣе. Оно полно внутренняго равновѣсія. Странички, посвященныя описанію этой «идилліи», преисполнены высокой поэзіи.

Въ Кочеринѣ сконцентрированы всѣ лучшія черты описываемой среды.

Но наряду съ Алешей выведены и противоположные типы чиновниковъ, вплоть до полнаго антипода Кочерину—пьяницы Коранскаго.

Группа этихъ фигуръ очерчена выпукло и колоритно, давая тѣмъ полное и всестороннее понятіе о жизни и нравахъ провинціальнаго чиновничества, его развитіи, нуждахъ и интересахъ. Видимо, авторъ хорошо и детально изучилъ этотъ міръ.

Вообще романъ отличается содержательностью и совершенно чуждъ какого либо шаржа или претензіи на эффекты. Н. А.

Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. И. Джабадари. Спб. 1895.

Въ означенномъ трудѣ авторъ излагаетъ переходное состояніе во всѣхъ странахъ системы наказанія, дающей, къ изумленію криминалистовъ, то, что тюрьма плодитъ преступленія, а смертная казнь подражателей. Вмѣсто устрашенія толпы казнью преступника пришлось прятать самый эшафотъ

и право подобнаго наказанія стало «тайнымъ», утративъ свое прежнее общественное и утилитарное значеніе въ представленіи общества. Въ виду этого авторъ пишетъ: «Если нѣкоторые криминалисты считаютъ достойнымъ вниманія предлагать взамѣнъ смертной казни ослѣпленіе преступниковъ или наложеніе на глаза механическаго аппарата, чтобъ смягчить ихъ нравъ, то не проще ли и не гуманнѣе ли поискать въ той же глубокой старинѣ, откуда они берутъ и эту чудовищную форму, другой формы, болѣе человѣчной и болѣе цѣлесообразной; отчего, имѣя предъ глазами обычай изгнанія, практиковавшійся въ древнемъ родовомъ бытѣ, не замѣнить всю современную европейскую систему наказаній христіанскимъ учрежденіемъ международнаго убѣжища. Мѣстомъ такого убѣжища могъ бы служить какой нибудь островъ далекаго океана, могущій быть признаннымъ международнымъ трактатомъ внѣ сферы присвоенія тѣмъ или другимъ изъ государствъ; однимъ словомъ, пунктъ нейтральный, куда могли бы удаляться всѣ граждане, лишенные тѣмъ или другимъ изъ цивилизованныхъ государствъ покровительства закона, и гдѣ они могли бы свободно устроивать свою жизнь, группируясь такъ или иначе, сообразно уровню ихъ нравственнаго и соціальнаго развитія. Въ этомъ нѣтъ ничего химеричнаго; напротивъ, если преступники даже въ стѣнахъ тюрьмы умѣютъ устроивать своеобразный общественный порядокъ, безъ котораго никакая власть не могла бы сдержать ихъ, то тѣмъ легче они осуществятъ это тамъ. Бояться же наводненія Европы бѣглецами нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ настоящіе преступники сами избѣгаютъ вообще возвращаться туда, гдѣ они совершили преступленіе, и гдѣ они столько страдали, и если бѣгутъ иногда изъ ссылки, то лишь потому, что условія жизни тамъ суть сколокъ тѣхъ же условій, въ средѣ которыхъ они совершили преступленіе. Но если государство и общество безполезно тратитъ безчисленные милліоны на устройство и содержаніе тюремъ, на администрацію и охрану ссыльныхъ колоній, то не справедливѣе ли и не цѣлесообразнѣе ли будетъ оставить эти милліоны на другія, болѣе достойныя нужды, и, отказавшись воздвигать тюрьмы и эшафоты, спасти тѣмъ и народъ, и войско, и слугъ государства отъ растлѣвающаго вліянія актовъ насилія».

А. Ф—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЕКСПИРЪ, **КАКЪ ДѢЛЕЦЪ.** Извѣстный датскій критикъ Георгъ Брандесъ, издавшій въ послѣднее время интересное сочиненіе о Шекспирѣ, помѣстилъ въ іюньскихъ номерахъ «Zukunft» и «Revue des Revues», на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, оригинальный этюдъ о творцѣ Гамлета, въ качествѣ дѣлового человѣка. Если Шейлокъ Шекспира, по словамъ этого выдающагося современнаго критика, производитъ реальное впечатлѣніе живого человѣка, то лишь потому, что вся жизнь автора была посвящена главнымъ образомъ стремленіямъ если не къ богатству, то къ достатку. Все различіе между Шекспиромъ и выведеннымъ имъ на сцену типичнымъ евреемъ заключалось въ томъ, что послѣдній, не имѣя права владѣть землей, жаждалъ пріобрѣсти какъ можно болѣе золота и драгоцѣнныхъ камней, а первый, какъ истый англичанинъ, и притомъ провинціалъ, желалъ нажить домъ, поля и пользоваться хорошей рентой. Всѣ изданія его пьесъ, напечатанныя Шекспиромъ при жизни, были сдѣланы помимо его желанія, такъ какъ появленіе ихъ въ печати уменьшало доходъ съ театра, которымъ онъ жилъ. Въ своихъ сонетахъ онъ часто высказываетъ, насколько онъ страдалъ отъ своей актерской профессіи и отъ того презрѣнія, которымъ она была окружена въ то время, такъ-что, очевидно, если онъ былъ доволенъ, что нашелъ въ актерствѣ способъ обезопасить себя отъ нищеты, то считалъ это ремесло только средствомъ заработывать кусокъ хлѣба. Однако такіе люди, какъ Шекспиръ и Барбэджъ, пользовались общимъ уваженіемъ знатныхъ и высокопоставленныхъ особъ, несмотря на то, что актеры тогда считались не джентльменами, а чѣмъ-то въ родѣ воль-

отпущенниковъ. Джонъ Дэвисъ изъ Герефорда говоритъ въ одномъ стихотвореніи: «о, актеры, я васъ люблю»; но чтобы эти слова не были приняты въ слишкомъ общемъ смыслѣ, онъ прибавляетъ въ примѣчаніи: «я люблю В. Ш. и Р. Б. (Вильямъ Шекспиръ и Ричардъ Барбэджъ); хотя сцена не требовательна относительно чистоты крови и качествъ сердца, но эти два человѣка отличаются благородствомъ характера и души». Ремесло актеровъ было очень доходно и величайшіе изъ нихъ часто наживали большое состояніе, что не мѣшало имъ, однако, какъ доказываетъ тогдашняя литература, претерпѣвать большія униженія. Въ 1606 году, Кемпъ, въ стихотвореніи: «Возвращеніе съ Парнаса», говоритъ двумъ кембриджскимъ студентамъ, просившимъ у него совѣта насчетъ прибыльной профессіи, что нѣтъ на всемъ свѣтѣ ремесла доходнѣе актерскаго. Въ памфлетѣ, напечатанномъ въ томъ же году, подъ названіемъ: «Призракъ Батцея», воръ, котораго вели на висѣлицу, совѣтуетъ проходившему мимо актеру, когда ему надоѣстъ играть на сценѣ, купить себѣ помѣстье, такъ какъ за этой покупкой послѣдуютъ всевозможныя почести. Очевидно, это былъ намекъ на Шекспира. Въ эпиграммѣ «Theatrum et Licentia» въ книгѣ «Laquei Ridiculosi» (1616) говорится, что ремесло актера приноситъ болѣе пользы самимъ актерамъ, чѣмъ тѣмъ, которыхъ они забавляютъ. Шекспиръ заботился о томъ, чтобы его цѣнили, какъ автора и актера, только настолько, насколько этотъ двойной успѣхъ приносилъ ему матеріальной выгоды. Всѣ его усилія, въ томъ и другомъ направленіи, имѣли цѣлью обезпечить себѣ возвышеніе по общественной лѣстницѣ. Съ дѣтства онъ сочувственно слѣдилъ за попытками отца достигнуть высшаго соціальнаго положенія и самъ, достигнувъ возмужалаго возраста, поставилъ себѣ ту же задачу. Въ тридцать два года онъ уже имѣлъ маленькое состояніе и умѣло пользовался имъ, чтобы когда-нибудь окончательно возвыситься надъ тѣмъ классомъ, въ которомъ родился. Его отецъ едва смѣлъ показываться на улицѣ изъ боязни попасть въ тюрьму за долги, а самъ Вильямъ, въ молодости, по жалобѣ собственника, которому онъ не заплатилъ долга, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію и тюремному заточенію. Тотъ маленькій городъ, который былъ свидѣтелемъ подобнаго униженія Шекспира, не подозрѣвалъ, что настанетъ время, когда онъ будетъ гордиться его славой, какъ величайшаго въ свѣтѣ драматурга. Шекспиръ, однако, дожилъ до того, что провинціальная среда, которая презрительно отзывалась о немъ, какъ о мелкомъ актерѣ и незначительномъ писакѣ, стала съ уваженіемъ смотрѣть на него, какъ на собственника и считать его не пролетаріемъ, а членомъ такъ-называемаго Gentry, или мелкаго дворянства. Лордъ Саутгамптонъ, подаривъ Шекспиру, по свидѣтельству Рова и сэра Вильяма Давенента, тысячу фунтовъ стерлинговъ, положилъ основу состоянію Шекспира. Но этотъ фактъ возбуждаетъ сомнѣніе, и подобный подарокъ кажется слишкомъ большимъ, хотя Бэконъ получилъ болѣе отъ Эссекса. По-теперешнему, тысяча тогдашнихъ фунтовъ стерлинговъ составляетъ около ста десяти тысячъ марокъ, или ста тридцати тысячъ франковъ, и хотя молодой лордъ долженъ былъ отблагодарить автора за посвященіе ему двухъ пьесъ, тѣмъ болѣе, что тогда авторы не знали другого вознагражденія, кромѣ подобныхъ подарковъ, но обыкновенно за такое посвященіе платилось только пять фунтовъ стерлинговъ. Еще до того времени Шекспиръ пріобрѣлъ возможность сдѣлаться содиректоромъ театра, и никто лучше его не умѣлъ выручать доходъ изъ своихъ экономій. Твердая рѣши-

мость возвысить свое общественное положеніе, вмѣстѣ съ практическимъ здравымъ смысломъ англичанина, быстро сдѣлала его образцовымъ дѣльцомъ и финансовымъ спекуляторомъ, равными которому среди литераторовъ были только Вольтеръ и Гольбергъ. Съ 1596 года его благоденствіе становится очевиднымъ и въ октябрѣ того же года его отецъ пріобрѣлъ дипломъ изъ герольдіи на принадлежность къ Gentry, что дало, какъ ему, такъ и сыну, право прибавлять къ своей фамиліи титулъ джентльмена. Эта прибавка дѣйствительно встрѣчается во всѣхъ, совершенныхъ ими съ тѣхъ поръ, актахъ, въ томъ числѣ въ ихъ завѣщаніяхъ. Но Шекспиръ не довольствовался этимъ первымъ торжествомъ и, не имѣя самъ возможности достичь дворянскаго герба, благодаря своему ремеслу актера, стремился всячески способствовать отцу пріобрѣсть подобное отличіе. Въ сущности, старикъ Шекспиръ не имѣлъ никакого основанія занять мѣсто въ аристократіи, но тогдашній глава англійской герольдіи, сэръ Вильямъ Детикъ, былъ очень добрый человѣкъ, особенно когда его доброту покупали деньгами, за что, впрочемъ, онъ и былъ лишенъ своего мѣста. Сохранился отрывокъ его доклада въ пользу дворянскихъ правъ Шекспировъ, и среди очень курьезной аргументаціи онъ, между прочимъ, подтверждаетъ аристократическое происхожденіе Джона Шекспира тѣмъ, что двадцать лѣтъ передъ тѣмъ онъ уже былъ королевскимъ судьей и его называли jeoman. Благодаря такимъ-то доводамъ, отцу великаго Вильяма было предоставлено въ 1599 году присоединить къ фамиліи названіе своего помѣстья Арденъ и пользоваться гербомъ, изображавшимъ мечъ съ девизомъ: «Non sans Droiet» (не безъ права). «Конечно, этотъ девизъ звучитъ иронически,—замѣчаетъ Брандесъ: — но, въ сущности, на что не имѣлъ самаго законнаго права безсмертный Вильямъ?» Весной 1597 года геніальный драматургъ купилъ домъ на Новой Площади, самой обширной и лучшей въ Стратфордѣ, за небольшую сумму въ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ это жилище было въ запущенномъ видѣ, то онъ немедленно приступилъ къ его исправленію и устройству двухъ садовъ, а потомъ прикупилъ еще новый участокъ земли, на которомъ развелъ огороды и посѣвы, приносившія ему значительный доходъ. Во время голода, свирѣпствовавшаго зимой 1598—99 годовъ, его имя было выставлено въ спискѣ горожанъ, какъ собственника десяти четвертей пшеницы, т.-е. главнаго мѣстнаго владѣльца. Водворившись въ своемъ новомъ жилищѣ, Шекспиръ предоставилъ отцу необходимые средства, чтобы довести до счастливаго результата, длившійся уже девятнадцать лѣтъ, процессъ съ Джономъ Ламбертомъ насчетъ помѣстья Асби. Это дѣло такъ было близко къ сердцу драматурга, что онъ написалъ противъ семьи Ламбертъ свою знаменитую комедію «Укрощеніе строптивой». Дошедшее до насъ письмо Авраама Стурлея къ своему зятю Ричарду Квинею, сынъ котораго женился на младшей дочери Шекспира, вполнѣ доказываетъ, что творецъ «Короля Лира» былъ ловкимъ и счастливымъ спекуляторомъ. Одинъ изъ обитателей Стратфорда совѣтовалъ ему вмѣсто того, чтобы покупать земли внѣ родного города, именно въ Шотери, скупить право взысканія десятиннаго налога въ этомъ городѣ; но плата за такой откупъ еще тогда была слишкомъ велика для Шекспира, и онъ только спустя семь лѣтъ послушался этого совѣта, но все-таки пріобрѣлъ за четыреста сорокъ фунтовъ стерлинговъ право лишь на половинный сборъ, который до 1550 года принадлежалъ духовенству, затѣмъ перешелъ къ муниципалитету, а съ 1580 года сталъ доступенъ частнымъ ли-

цамъ. Но эта спекуляція завлекла Шекспира въ значительное число процессовъ. Въ 1598 году Ричардъ Квиней, который находился во главѣ мѣстнаго муниципалитета, писалъ одному изъ своихъ родственниковъ: «если вы вступите въ какую-нибудь сдѣлку съ Вильямомъ Шекспиромъ, то уносите ихъ скорѣе къ себѣ». Тотъ же Квиней, однако, въ сохранившемся доселѣ письмѣ, просилъ въ очень униженныхъ выраженіяхъ у своего дорогого согражданина тридцать фунтовъ стерлинговъ на проценты и подъ обезпеченіе. Въ письмѣ отъ 4 ноября того же года Стурлей благодаритъ Шекспира за обѣщаніе ссудить денегъ муниципалитету и спрашиваетъ, при какихъ условіяхъ состоится этотъ заемъ. Вся эта переписка ясно доказываетъ, что творецъ «Венеціанскаго купца» не считалъ незаконнымъ брать проценты, обыкновенно десять, за одолженныя деньги, хотя устами Антоніо и громилъ Шейлока за ростовщичество. Такимъ образомъ легко объясняется фактъ покупки имъ въ 1602 году помѣстья Акерландъ, въ Стратфордѣ, за триста двадцать фунтовъ, а потомъ еще земли, цѣнностью въ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, и спустя восемь лѣтъ еще участка въ двадцать акровъ. Наконецъ, въ 1612 году, онъ, съ тремя другими лицами, сдѣлался совладѣльцемъ дома съ садомъ въ Лондонѣ и уплатилъ за свою долю сто сорокъ фунтовъ. Все въ немъ обнаруживало дѣлового человѣка и финансиста. Въ 1603 и 1604 годахъ, живя въ Лондонѣ, онъ вчинилъ процессъ бѣдному горожанину Стратфорда, Филиппу Роджерсу, который, купивъ у него овса на одинъ фунтъ девятнадцать шиллинговъ и десять пенсовъ, а ранѣе еще задолжавъ ему два шиллинга, уплатилъ ему всего шесть шиллинговъ, такъ-что остался долженъ пятнадцать шиллинговъ и десять пенсовъ великому генію, который пошелъ съ нимъ судиться изъ-за такой ничтожной суммы. Въ 1609 году онъ также предъявилъ искъ на другого жителя Стратфорда на шесть фунтовъ двадцать четыре шиллинга. Все это доказываетъ, что во время пребыванія въ Лондонѣ, онъ не забывалъ своихъ мелкихъ стратфордскихъ дѣлишекъ. Благодаря подобнымъ дѣловымъ привычкамъ, онъ добился до того, что сдѣлался самымъ богатымъ человѣкомъ въ своемъ околоткѣ и ему оставалось только методично увеличивать свой капиталъ акръ за акромъ. Когда же, достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ бросилъ литературу и театръ, то могъ вернуться въ родной городъ и окончить свою жизнь въ достаткѣ. Что касается до его погони за дворянскимъ достоинствомъ, то съ 1579 года онъ получилъ право подписывать: «Вильямъ Шекспиръ изъ Страдфорда на Авонѣ, въ графствѣ Варвикъ; джентльменъ». Это, конечно, нисколько не открыло ему доступа въ среду настоящей аристократіи и такъ мало обращали вниманія на его новый титулъ, что два актера, издавшіе его сочиненія, называли автора въ посвященіи изданія in fol. 1623 года «слугой» (въ смыслѣ того времени) лорда Пемброка и Монгомори»; къ тому же они высказываютъ въ этомъ посвященіи, что труды Шекспира «пустячки, недостойные быть прочтенными милордами», и объясняютъ причину своего посвященія только тѣмъ, что оно служитъ выраженіемъ благодарности за снисхожденіе, которое они оказывали покойному автору. «Изученіе дѣловыхъ бумагъ Шекспира и его корреспонденціи, говоритъ въ своей статьѣ Брандесъ, — имѣетъ большую важность, такъ какъ знакомитъ съ частной жизнью великаго драматурга. Въ сущности, это почти единственный источникъ для подобнаго знакомства. Влагая въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ слѣдующія слова о покойникѣ: «этотъ товарищъ былъ,

пожалуй, въ свое время большимъ дѣльцомъ, торговавшимъ помѣстьями, закладными и т. д.»,—быть можетъ, онъ думалъ о самомъ себѣ. Очевидно, что, говоря въ «Венеціанскомъ купцѣ» о положеніи людей, которые заботятся о богатствѣ, помѣстьяхъ и наслѣдствахъ, онъ зналъ о чемъ говоритъ, такъ какъ эти предметы имѣли для него лично самый глубокій интересъ».

— Старинныя французскія академіи. Послѣ политехнической и нормальной школъ въ Парижѣ готовится праздновать свой столѣтній юбилей въ октябрѣ настоящаго года французскій институтъ, состоящій изъ пяти академій. Въ ожиданіи обширной юбилейной литературы, послѣднія книжки «La Vie Contemporaine» и «La Nouvelle Revue» посвящаютъ двѣ статьи Франковиля и Виктора дю-Бледа стариннымъ французскимъ академіямъ, предшественницамъ института, созданнаго французской революціей, которая прежде уничтожила старые храмы науки, а потомъ уже создала новые. Оказывается, что первую мысль объ академіи имѣлъ поэтъ Антуанъ де-Бэфъ, во второй половинѣ XVI вѣка; онъ задумалъ основать общество литераторовъ и музыкантовъ, по образцу классическихъ академій, и въ 1570 году добился утвержденія его устава королемъ Карломъ IX, подъ названіемъ Академіи Поэзіи и Живописи. Король принялъ это новое учрежденіе подъ свое покровительство, и оно часто засѣдало у него во дворцѣ, такъ какъ извѣстно, что онъ очень любилъ литературу, самъ писалъ стихи и посвятилъ своему любимому поэту, Ронсару, прекрасное стихотвореніе, хотя нѣсколько исправленное де-Прадомъ, но все-таки дѣлающее ему большую честь, въ особенности послѣднія строфы, въ которыхъ онъ говоритъ, что «онъ, какъ король, можетъ только даровать смерть, а муза поэзіи можетъ даровать безсмертіе». Парижскій университетъ сталъ оказывать большія затрудненія новой академіи, но король даровалъ ей значительныя привилегіи и отстаивалъ ее отъ всѣхъ невзгодъ, считая себя первымъ ея членомъ. Другими академиками были извѣстные поэты и музыканты, такъ какъ главною ея цѣлью было писать поэмы и пьесы, съ переложеніемъ ихъ на музыку. Самъ Карлъ IX принималъ участіе въ этихъ академическихъ трудахъ, но со времени Варѳоломеевской ночи онъ охладѣлъ къ искусству и не только царедворцы, но даже поэтъ Ронсаръ послѣдовали его примѣру. Академія мало-по-малу стала приходить въ упадокъ и, просуществовавъ пять лѣтъ, была закрыта. Но съ восшествіемъ на престолъ новаго короля, Генриха III, другому поэту Гюи-де-Пибраку удалось возстановить это учрежденіе, подъ названіемъ Дворцовой Академіи, при чемъ кругъ ея дѣятельности расширенъ и къ музыкѣ и поэзіи прибавлены филологія и нравственныя и политическія науки. Эта видоизмѣненная академія существовала девять лѣтъ и въ ней происходили замѣчательныя пренія въ присутствіи короля по различнымъ философскимъ, нравственнымъ и литературнымъ вопросамъ. Въ этихъ преніяхъ принимали участіе не только Ронсаръ, Пибракъ, Дюперонъ, Жаминъ и другія извѣстныя лица, а также принцы крови, но и женщины. Въ этомъ отношеніи академія Генриха III представляется либеральнѣе теперешнихъ академій, собирающихся праздновать свое столѣтіе. Въ ней присутствовали и были академиками, наравнѣ съ мужчинами, и женщины, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Маргарита Наваррская, герцогиня Ретцъ, графиня Линьероль, графиня Симье и герцогиня Юзесъ. Конечно, ни одной изъ этихъ женщинъ-академиковъ нельзя сравнить съ Ронсаромъ, Раблэ и Монтеномъ; но онѣ не уступали большинству академиковъ - мужчинъ тогдашняго времени по своему

блестящему уму, серьезному образованію и краснорѣчію. Быть можетъ, самая замѣчательная изъ этихъ академиковъ - женщинъ была герцогиня Ретцъ, прозванная десятой музой и четвертой граціей; она прекрасно говорила и писала не только по-французски, но и по-итальянски, по-латыни и по-гречески, а когда польскіе послы, въ 1573 году, явились въ Парижъ, чтобы предложить Генриху Валуа польскій тронъ, то она, отъ имени Катерины Медичи, отвѣчала на рѣчь познанскаго епископа такъ искусно по-латыни, что поляки пришли въ восторгъ. Немногимъ уступала этой замѣчательной женщинѣ графиня Линьероль, фрейлина Катерины Медичи, страстно любившая литературу и, по словамъ хроникеровъ, не лазившая въ карманъ за словами. Другая фрейлина Катерины Медичи, графиня Симье, сначала блистала своей красотой и принимала участіе въ придворныхъ балетахъ, а потомъ предалась серьезнымъ литературнымъ занятіямъ и написала нѣсколько поэмъ, въ томъ числѣ «Жизнь Маріи Магдалины». Хотя Дворцовая Академія имѣла такихъ вліятельныхъ защитницъ, она въ то же время подвергалась и значительнымъ нападкамъ, а когда наступило тревожное время лиги и, въ особенности, когда умеръ Пибракъ, бывшій ея душой, то наступили для нея мрачные дни, а съ 1584 года совершенно прекратились ея засѣданія. Только полвѣка спустя возникла новая академія подъ покровительствомъ Ришельё и приняла названіе французской. По словамъ Вольтера, «Ришельё создалъ французскую академію свободной, какъ Богъ создалъ человѣка свободнымъ». Дѣйствительно, отличительными чертами этой академіи были независимость и равенство ея членовъ, а хотя короли и сохраняли верховную власть надъ нею въ качествѣ покровителей, но рѣдко пользовались этимъ правомъ. Поэтому въ ней и засѣдали въ XVIII вѣкѣ Вольтеръ, д'Аламберъ и большая часть энциклопедистовъ. Рядомъ съ французской академіей существовали еще четыре отдѣльныя академіи: надписей и литературы, наукъ, архитектуры и живописи, и скульптуры. Всѣ онѣ были уничтожены конвентомъ 8-го августа 1793 года, а черезъ два года возникли въ новомъ видѣ, подъ названіемъ Института, который и существуетъ сто лѣтъ.

— Либеральный депутатъ 1789 года. Мемуары различныхъ дѣятелей французской революціи, извѣстныхъ и невѣдомыхъ, продолжаютъ появляться въ большомъ количествѣ, и рядомъ съ воспоминаніями такихъ извѣстныхъ людей, какъ Барра и Ларевельеръ-Ляпоу, обращаютъ на себя вниманіе дневники мелкихъ личностей, ничѣмъ себя не прославившихъ, но разсказы которыхъ о великихъ событіяхъ, быть можетъ, имѣютъ еще бо̀льшій интересъ для историка, такъ какъ отличаются искренностью, безхитростной простотой и правдой. Въ этомъ отношеніи обѣщаетъ быть очень любопытнымъ, только-что начавшійся печатаніемъ въ бельгійскомъ журналѣ «Revue generale de Bruxelles», «Дневникъ парижскаго патера» въ первые дни революціи, и возбуждаетъ живой интересъ недавно вышедшій «Дневникъ Адріена Дюкенуа», который мастерски резюмированъ Шарлемъ Гомелемъ въ небольшой статьѣ въ «La Vie Contemporaine» отъ 15-го мая. Этотъ послѣдній дневникъ составляетъ разсказъ, веденный изо-дня-въ-день отъ 3-го мая 1789 года до 3-го апрѣля 1790 года, о всемъ, что̀ происходило въ генеральныхъ штатахъ и учредительномъ собраніи, а потому представляетъ очень важный документъ для исторіи первыхъ мѣсяцевъ революціи. Авторъ его, Адріенъ Дюкенуа, сынъ прокурора въ Наиси, былъ сначала адвокатомъ и членомъ провинціальнаго собранія

Лотарингіи, а потомъ выбранъ депутатомъ въ генеральные штаты избирателями Бріё въ округѣ Баръ-Ле-Дюкъ. Отправляясь въ Версаль, этотъ скромный, но убѣжденный либералъ, выработалъ, вмѣстѣ съ избравшими его гражданами, докладъ на имя короля о нуждахъ средняго класса его родины. «Государь, говорилось въ этой народной петиціи,—вѣрные подданные вашего величества повергаютъ къ стопамъ вашимъ выраженіе одушевляющихъ ихъ чувствъ уваженія, любви и благодарности къ вашему величеству. Они счастливы, что могутъ приблизиться къ вашему трону и, обращаясь къ сердцу лучшаго и справедливѣйшаго изъ королей, изложить всѣ тѣ бѣдствія, которыя тяготятъ надъ ними. Земледѣліе и торговля находятся въ упадкѣ; состоянія, доселѣ самыя солидныя, нынѣ лишены всякаго обезпеченія; власть повсюду поколеблена и безъ быстраго преобразованія Франція навѣрное погибнетъ. Причина всѣхъ этихъ золъ заключается въ отсутствіи опредѣленныхъ законовъ, составленныхъ и утвержденныхъ представителями всей націи. Когда одинъ человѣкъ имѣетъ право подчинить своей волѣ волю двадцатипяти милліоновъ ему подобныхъ людей, то, естественно, онъ можетъ ошибаться и можетъ быть обманутъ администраціей, которая, безъ твердыхъ принциповъ, шатается на своихъ основахъ. Отъ недостатка порядка во всемъ страдаютъ въ особенности финансы; министры, неограниченно распоряжаясь громадными суммами, которыя уплачиваетъ народъ въ видѣ налоговъ, пошлинъ и т. д., раздаютъ ихъ своимъ покровителямъ и клевретамъ, съ цѣлью удержаться во власти. Легкость обложенія народа новыми тягостями въ интересахъ лицъ, власть имѣющихъ, естественно возбуждаетъ новыя желанія, новыя взысканія. Отъ этого происходятъ всевозможныя фискальныя уловки, къ которымъ прибѣгаетъ администрація, думающая только о своихъ корыстныхъ стремленіяхъ». На этомъ основаніи избиратели Бріё и ихъ представитель требовали установленія конституціи, обезпеченія для націи періодическаго собранія генеральныхъ штатовъ, свободы личности, отвѣтственности министровъ, уничтоженія привилегій, замѣны, неопредѣленныхъ и самовольно устанавливаемыхъ администраціей, взысканій утвержденными представителями націи строго опредѣленными налогами, ограниченія правительственныхъ расходовъ генеральными штатами, свободы печати и т. д. Дюкенуа формально обязался передъ своими избирателями поддерживать всѣ эти требованія, а такъ какъ онъ, по своему характеру, былъ человѣкъ благоразумный, умѣренный и самыя требованія выражали общія желанія всей Франціи, то онъ служилъ выразителемъ большинства въ генеральныхъ штатахъ и учредительномъ собраніи. По этой причинѣ его «дневникъ» и получаетъ чрезвычайно вѣскій историческій характеръ. Хотя онъ и сообщаетъ мало новаго или неизвѣстнаго о крупныхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ игралъ незначительную роль, но его разсказъ о различныхъ мелочныхъ обстоятельствахъ, пропущенныхъ въ мемуарахъ болѣе видныхъ дѣятелей, проливаетъ яркій свѣтъ на знаменательную эпоху и служитъ какъ бы комментаріемъ крупныхъ событій съ точки зрѣнія либеральнаго большинства какъ представительныхъ собраній, такъ и всей Франціи. Естественно, что онъ относится въ своемъ дневникѣ съ неодобреніемъ и даже страхомъ къ крайнимъ увлеченіямъ своихъ знаменитыхъ товарищей по генеральнымъ штатамъ и учредительному собранію; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ строго осуждаетъ неумѣлыхъ министровъ, которые своимъ колебаніемъ и непониманіемъ обстоятельствъ губили правительство и слабохарактернаго короля. Сначала, по примѣру всей

либеральной буржуазіи, Дюкенуа питалъ особое уваженіе къ Неккеру и считалъ, что въ этомъ знаменитомъ финансистѣ заключалось все спасеніе для Франціи и монархіи, а потомъ онъ уже приходитъ къ убѣжденію, что только одинъ Мирабо можетъ сыграть роль подобнаго спасителя. «Мирабо,—говоритъ онъ, — очевидно, старается сдержать революцію и отстраняется отъ крайней группы; поэтому всѣ умѣренные, безпристрастные либералы должны примкнуть къ нему, такъ какъ это человѣкъ съ удивительными талантами и онъ можетъ быть или очень полезенъ, или очень вреденъ странѣ. Онъ одинъ одаренъ геніемъ и силой характера, которые могутъ вывести насъ изъ хаоса; обстоятельства такъ сложились, что ему необходимо быть министромъ». Зато Дюкенуа не знаетъ рѣзкихъ словъ, чтобы достойно заклеймить Талейрана; по его мнѣнію, «имя епископа Отенскаго означало все, что только было на свѣтѣ болѣе низкаго и подлаго, такъ какъ онъ самый безнравственный человѣкъ, безъ чести, безъ принциповъ, безъ уваженія къ чему бы то ни было». Онъ прямо относитъ его къ числу тѣхъ людей, которые «желаютъ довести народъ до вспышки и установить анархію, чтобы этимъ путемъ подготовить царство деспотизма. «Но,—прибавляетъ этотъ простой, скромный, но искренній либералъ 1789 года,—ихъ надежды не сбудутся, и общественная свобода будетъ твердо установлена на развалинахъ нашего стариннаго, нелѣпаго управленія. Общественное благо служитъ вѣрнымъ залогомъ успѣха начатой революціи: она исполнитъ свое дѣло, и никакая человѣческая сила не можетъ этому помѣшать». Въ подобной-то благородной увѣренности въ святость своего дѣла, по замѣчанію Гомеля, большинство учредительнаго собранія черпало силы и средства для полнаго преобразованія Франціи на свободы и равенства.

— **Жозефина до Наполеона.** Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ изслѣдователей всего, что касается Наполеона, Фредерикъ Массонъ, собралъ много любопытныхъ и мало извѣстныхъ свѣдѣній о первой половинѣ жизни Жозефины до появленія на театрѣ ея дѣятельности Наполеона, и на основаніи этихъ матеріаловъ составилъ живой очеркъ, напечатанный въ последней майской и первой іюньской книжкахъ «Revue de Paris». Колыбелью, какъ самой Жозефины, такъ и перваго ея мужа Богарне, былъ островъ Мартиника, гдѣ ея дѣдъ Гаспаръ Ташеръ-де-ла-Пажери, мелкій французскій дворянинъ, поселился въ первой четверти XVIII вѣка, а отецъ Богарне, въ половинѣ того же столѣтія, былъ губернаторомъ. Повидимому, ничего не было общаго между знатнымъ, богатымъ, всесильнымъ начальникомъ колоніи и незначительнымъ ея обитателемъ, находившимся въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ. Но одна изъ дочерей послѣдняго, Дезире, вышедшая замужъ за крупнаго мѣстнаго землевладѣльца, Ренодена, послужила неожиданнымъ связующимъ звеномъ между ними. Она ловко втерлась въ домъ губернатора, сначала сдѣлалась другомъ жены, а потомъ влюбила въ себя старика, и когда онъ былъ смѣненъ за неумѣлое управленіе колоніей, отправилась съ нимъ во Францію, гдѣ ему удалось не только оправдать свою дѣятельность, но, благодаря искуснымъ интригамъ, достигнуть повышенія по службѣ и титула маркиза. По смерти его жены, г-жа Реноденъ хотя и не вышла за него замужъ, но была полной хозяйкой въ его домѣ и, чтобы еще болѣе усилить свое вліяніе, рѣшила женить сына Богарне на своей племянницѣ. Для этого она выписала съ Мартиники дочь своего брата, молодую, наивную и тогда далеко некрасивую и мало

привлекательную, Жозефину. Молодой Александръ Богарне, блестящій веселый офицеръ, не посмѣлъ противорѣчить пріятельницѣ своего отца, и свадьба скромно была совершена 13-го декабря 1778 года, въ Нуази, близъ Парижа, гдѣ жила семья Богарне. Исполнивъ желаніе своего отца, или лучше той, которая повелѣвала отцомъ, виконтъ Богарне продолжалъ и послѣ свадьбы вести шумную, разгульную жизнь, не обращая почти никакого вниманія на свою семнадцатилѣтнюю жену, которую онъ не представлялъ ко двору и не вводилъ въ аристократическое общество, гдѣ онъ самъ вращался. Даже рожденіе сына не могло остепенить веселаго офицера, и онъ не только кутилъ въ Парижѣ, но предпринималъ частыя поѣздки по Франціи и даже Италіи. Однако, во все это время онъ не имѣлъ никакого основанія жаловаться на Жозефину и въ своихъ письмахъ къ ней, а также къ г-жѣ Реноденъ, отзывается о ней съ уваженіемъ и любовью, а когда онъ неожиданно уѣхалъ на Мартинику, осенью 1782 года, то увѣрялъ всѣхъ, что дѣлаетъ это ради своихъ дѣтей, такъ какъ уже было близко появленіе на свѣтъ второго ребенка. Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ все измѣнилось; онъ близко сошелся на Мартиникѣ съ какой-то мѣстной красавицей, питавшей вражду къ семьѣ Ташеръ, и, вѣроятно, по ея наущенію написалъ женѣ самое грубое и, по увѣренію Массона, ни на чемъ неоснованное письмо. Въ неприличной рѣзкой формѣ, онъ обвинялъ Жозефину въ связи до замужества съ двумя офицерами, не признавалъ своимъ второго ребенка, который оказался дѣвочкой, и требовалъ, чтобы она согласилась мирно разойтись съ нимъ. По возвращеніи въ Парижъ и несмотря на всѣ усилія его отца и г-жи Реноденъ, Богарне настоялъ на своемъ и Жозефина должна была подчиниться его желанію. Они разошлись добровольно: онъ обязался платить ей и дѣтямъ порядочную сумму и получилъ полную свободу, а она удалилась въ Пантемонтскую обитель, гдѣ жила въ продолженіе пятнадцати мѣсяцевъ. Въ сущности, это не былъ женскій монастырь, а свѣтскій меблированный домъ, гдѣ жили старыя дѣвы, сиротки и жены разлученныя съ мужьями. Двадцатилѣтняя Жозефина тутъ сошлась впервые съ многими блестящими представительницами французской аристократіи, такъ какъ она была интересной жертвой варвара мужа, и въ теченіе этого времени въ ней произошла та удивительная перемѣна, благодаря которой она превратилась изъ невзрачной, неповоротливой, наивной провинціалки въ граціозное, соблазнительное, очаровательное существо, которое надѣлало столько шума не только въ Парижѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Пребываніе въ Пантемонѣ было для нея прекрасной школой, но она не сразу примѣнила къ жизни полученные уроки, а до 1788 года жила довольно скромно въ Фонтенбло. Тутъ она неожиданно уѣхала на Мартинику и до сихъ поръ неизвѣстно, что ее побудило на этотъ шагъ, такъ какъ ничѣмъ не подтверждается легенда о томъ, что она хотѣла скрыть рожденіе новаго ребенка. Правда, около этого времени родилась молодая дѣвушка, извѣстная потомъ подъ именемъ Адели, которой Жозефина очень интересовалась и которую, съ согласія Наполеона, уже императора, выдала замужъ за офицера, при чемъ наградила богатымъ приданымъ; но чтобы эта Адель была дѣйствительно ея дочерью, нѣтъ, по словамъ Массона, никакихъ доказательствъ. Два года провела Жозефина на своей родинѣ, и когда вернулась обратно въ Парижъ, то застала своего мужа въ апогеѣ славы. Онъ былъ не только членомъ учредительнаго собранія, но даже одно время его пред-

сѣдателемъ, и разыгрывалъ видную роль среди якобинцевъ. Хотя они не помирились, и онъ продолжалъ вести разгульную жизнь, но Жозефина, повидимому, пользовалась его популярностью и, поселившись въ Парижѣ, начала вести свѣтскую жизнь, ведя знакомство съ выдающимися товарищами мужа и ихъ семьями. Конечно, она не могла, какъ увѣряли нѣкоторые историки, держать открытаго салона со своими скудными средствами, но все-таки она находила возможность поддерживать свѣтскія связи, и если не жила съ мужемъ, то не рѣдко видалась съ нимъ. Когда же онъ отправился въ армію и быстро дошелъ до чина генерала, то она стала подписываться «гражданка Богарне, жена генерала». Но военная карьера Богарне продолжалась не долго, и хотя онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ рейнскою арміей и даже военнымъ министромъ но нашелъ нужнымъ отказаться отъ того и другого званія въ виду своей неспособности къ командованію арміей, что, между прочимъ, было ясно доказано неуспѣхами его на войнѣ и взятіемъ Майнца непріятелемъ. Хотя онъ очень рисовался этими отказами и его энергично защищали друзья въ Парижѣ, между прочимъ Тальенъ, но комитетъ безопасности черезъ нѣсколько времени привлекъ его къ отвѣтственности, какъ бывшаго аристократа, и онъ былъ заключенъ въ тюрьму. По какой причинѣ—трудно сказать, но Жозефина, жившая въ послѣднее время со своими дѣтьми въ Круази, подлѣ Парижа, не жалѣла никакихъ средствъ, чтобы добиться освобожденія мужа; но всѣ ея усилія ни къ чему не повели и, въ концѣ-концовъ, комитетъ безопасности приказалъ арестовать и ее. Хотя при обыскѣ у нея не нашли ничего компрометирующаго, но она все-таки содержалась въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ мужемъ. Тутъ они, повидимому, находились въ очень дружескихъ отношеніяхъ, хотя Богарне ухаживалъ за Дельфиной Кюстинъ, а Жозефина кокетничала съ Гошемъ Судьба, долго улыбавшаяся блестящему виконту, теперь отвернулась отъ него, а видимо стала благопріятствовать его женѣ. Онъ былъ казненъ за четыре дня до 19-го Термидора, открывшаго двери парижскихъ тюремъ оставшимся въ живыхъ жертвамъ террора, а Жозефина, благодаря чистой случайности, попала въ число этихъ освобожденныхъ узниковъ. Передъ смертью Богарне написалъ ей очень цвѣтистое письмо, въ которомъ краснорѣчиво распространялся въ своей любви къ дѣтямъ и братской привязанности къ ней. Тронутая ли этимъ письмомъ, или желая порисоваться, Жозефина писала на Мартинику: «вы, конечно, слышали о постигшемъ меня несчастіи, я вдова и дѣти остаются для меня единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни». Дѣйствительно ли только дѣти утѣшали ее въ эту бурную эпоху—большой вопросъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ей оказывалъ тогда матеріальную помощь богатый банкиръ, Эмери, и что, пользуясь дружбой всесильной г-жи Тальенъ, она начала вести болѣе чѣмъ веселую жизнь. Ей было тогда тридцать два года и она, по выраженію Массона, имѣла полное право предаться любви и сладострастію. Чтобы быть совершенно свободною, она отдала въ пансіонъ свою дочь, а сына отправила въ армію къ генералу Гошу. Среди водоворота парижскихъ свѣтскихъ удовольствій того времени она встрѣтила Наполеона и въ короткое время всѣ ея самыя самолюбивыя мечты были превзойдены дѣйствительностью.

— **Нѣмецъ на службѣ Франціи.** Въ іюньской книжкѣ «Deutsche Rundschau» Вильгельмъ Лангъ печатаетъ письма и депеши Карла Фрид-

риха Рейнгарда, или, какъ его называли французы, графа Шарля Рейнара, который представляетъ замѣчательный типъ космополита: нѣмца по происхожденію и французскаго дипломата по службѣ. Дѣйствительно, жизнь этого нѣмецкаго француза, рѣдкое и курьезное сочетаніе, очень любопытна и оригинальна. Родившись въ 1761 г. въ виртембергскомъ городѣ Шордорфѣ онъ въ молодости былъ другомъ Шиллера и Гёте, переводилъ Тибулла и писалъ нѣмецкія стихотворенія, а случайно попавъ въ Бордо въ началѣ французской революціи, подружился тамъ съ нѣсколькими молодыми людьми, которымъ суждено было играть видную роль, отправился съ ними въ Парижъ, принялъ участіе въ событіяхъ 1791 г. и въ слѣдующемъ году, по рекомендаціи Дюмурье, поступилъ въ секретари французскаго посольства въ Лондонѣ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не покидалъ дипломатической службы при всѣхъ быстро смѣнявшихся во Франціи правительствахъ, отъ конвента директоріи и консульства до имперіи, реставраціи и іюльской монархіи. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ 1799 году, онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а во все остальное время до 1832 года былъ посланникомъ въ различныхъ странахъ, именно: въ Гамбургѣ, Флоренціи, Швейцаріи, Ломбардіи, Саксоніи, Молдавіи, Виртембергѣ, Германскомъ союзѣ и Саксоніи. При реставраціи онъ былъ сдѣланъ графомъ, а послѣ іюльской революціи пэромъ Франціи и умеръ въ Парижѣ въ 1837 году, присоединяя еще къ своимъ другимъ титуламъ званіе академика. Отличительной чертой этого ревностнаго слуги столькихъ, въ сущности чуждыхъ ему, правительствъ было умѣнье создать себѣ друзей и ладить со всѣми; при этомъ онъ не былъ ни интриганомъ, ни измѣнникомъ, а просто былъ рожденъ, чтобъ служить, и служилъ всѣмъ кому ни попало. Изъ обнародованныхъ Лангомъ писемъ, наиболѣе интересныя касаются той эпохи жизни Рейнгарда, когда онъ былъ посланникомъ Наполеона при дворѣ его брата, короля Іеронима Вестфальскаго отъ 1808 по 1813 г. Искусному дипломату приходилось тогда бороться между противоположными чувствами слуги Франціи, представителемъ которой онъ состоялъ, и нѣмца, а главное родственника, такъ какъ онъ былъ женатъ на нѣмкѣ, и его племянникъ Карлъ Сивкинъ, изъ котораго онъ пытался сдѣлать французскаго чиновника, бросилъ службу и вступилъ въ патріотическомъ порывѣ въ ряды нѣмецкой арміи. Кромѣ того, король Іеронимъ своими странностями ставилъ Рейнгарда постоянно въ самое затруднительное положеніе. Онъ выводилъ изъ терпѣнія своихъ подданныхъ и главное административными притѣсненіями, нестерпимыми налогами. «Онъ бросаетъ деньги въ окно, писалъ въ одной изъ своихъ депешъ Рейнгардъ, — и всѣ приписываютъ это его желанію скоро покинуть Кассель. Право, если-бъ онъ имѣлъ дѣло не съ нѣмецкой расой, то это не могло бы долго продолжаться, но нѣмцы спокойны, терпѣливы, любятъ порядокъ и несклонны къ революціи, но все-таки не надо доводить ихъ до крайности». Послѣ паденія Наполеона, нѣмецкіе друзья Рейнгарда, явившіеся въ Парижъ съ союзными арміями, уговаривали его вернуться, наконецъ, въ свое отечество, и, повидимому, онъ былъ склоненъ къ этому, такъ какъ писалъ въ то время своему племяннику Сивкину: «Я возвратилъ себѣ свободу и снова принадлежу моей родинѣ». Однако Талейранъ, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, уговорилъ его остаться на службѣ Франціи, и Рейнгардъ уже не покидалъ ея до своей смерти, какъ образцовый слуга всякаго правительства, которое ему платило и осыпало почестями.

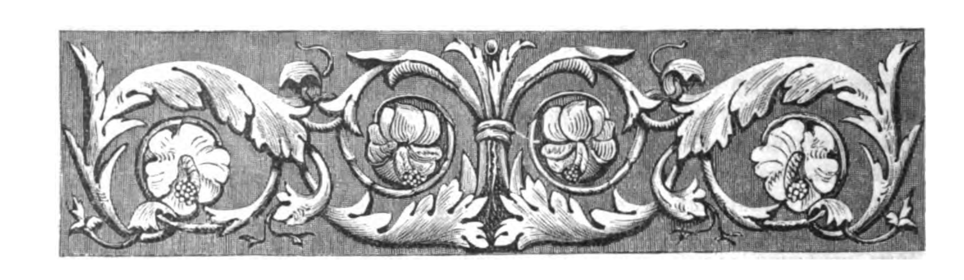
— **Мемуары генерала Верди-дю-Вернуа.** Совершенный контрастъ съ нѣмецкимъ французомъ Рейнгардомъ представляетъ французскій нѣмецъ Верди-дю-Вернуа, который, будучи родомъ изъ Франціи, служитъ Германіи и не только былъ министромъ, но и принималъ участіе въ войнѣ противъ своего стараго отечества. Его мемуары, печатающіеся въ «Deutsche Rundschau» съ іюня мѣсяца, имѣютъ наибольшій интересъ среди многочисленныхъ личныхъ воспоминаній о войнѣ 1870—1871 г., которыя появляются въ Германіи почти ежедневно;—за исключеніемъ, быть можетъ, «Писемъ во время кампаніи» генерала Вильмовскаго. Какъ извѣстно, Верди-дю-Вернуа занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нѣмецкомъ военномъ мірѣ. Какъ директоръ департамента общихъ дѣлъ въ военномъ министерствѣ, губернаторъ Страсбурга и военный министръ, онъ оказалъ значительныя услуги свой новой родинѣ, а въ качествѣ автора «Очерки о командованіи войсками» и «Военная игра» онъ пользуется уваженіемъ всѣхъ спеціалистовъ военнаго дѣла. По этой причинѣ врядъ ли кто могъ бы разсказать болѣе невѣдомыхъ подробностей о Франко-Прусской войнѣ, какъ этотъ ученикъ, другъ и помощникъ Мольтке, которому было поручено спеціально изучить операціи французскихъ армій съ цѣлью соотвѣтственнаго измѣненія стратегическаго плана его учителя. Онъ уже напечаталъ въ томъ же нѣмецкомъ журналѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ описаніе переговоровъ, которые предшествовали Седанской капитуляціи, и всѣмъ извѣстно, что онъ принималъ значительное участіе въ знаменитомъ трудѣ, который нѣмецкій главный штабъ посвятилъ кампаніи 1870 г., а потому съ нетерпѣніемъ всѣ ожидали его «Личныхъ воспоминаній», въ которыхъ надѣялись найти много новаго и важнаго. Но судя по напечатанной первой ихъ части, врядъ ли эти надежды осуществятся, потому что, съ одной стороны, онъ повторяетъ всѣмъ извѣстные факты и отзывается о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ важныхъ историческихъ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе, съ одинаковой приторной похвалой, а съ другой—уже слишкомъ вдается въ мелочи, касающіяся лично его. Такъ онъ подробно описываетъ, что ѣлъ на каждой станціи во время движенія войскъ во Франціи, какой обѣдъ приготовили ему въ Ферьерскомъ замкѣ и т. д. Но, во всякомъ случаѣ, эти мемуары имѣютъ историческій интересъ, тѣмъ болѣе, что нельзя не признать пикантнымъ уже тотъ фактъ, что ихъ авторъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ враговъ Франціи, по происхожденію французъ и прямой потомокъ того Верди-де-Вернуа, который былъ начальникомъ тѣлохранителей графа Артуа въ срединѣ прошедшаго столѣтія и также отличался не только мечемъ, но и перомъ, написавъ цвѣтистое сочиненіе во славу военной доблести. Теперешній генералъ Верди спокойно принималъ участіе въ ежегодныхъ маневрахъ въ Ораненбургѣ, въ іюлѣ 1870 года, когда достигли до него первые слухи о возможности войны съ Франціей. Никто тогда не ожидалъ такого быстраго начала военныхъ дѣйствій. Король былъ въ Эмсѣ, большинство его совѣтниковъ покинуло Берлинъ и значительное число высшихъ чиновъ военнаго министерства и главнаго штаба находилось въ отсутствіи. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало правдоподобной была тогда война, служитъ тотъ фактъ, приводимый генераломъ Верди, что на вопросъ генералъ-адъютанта короля Трескова, по телеграфу изъ Эмса, отъ имени Вильгельма, у военнаго министра, какія мѣры онъ намѣренъ принять для прикрытія рейнскихъ провинцій, генералъ фонъ-Ронъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, подобныя

мѣры не только излишни, но даже могли имѣть, относительно Франціи, характеръ враждебной демонстраціи. Это было 11-го іюля, а 15-го Верди уже получилъ телеграмму о томъ, что война объявлена и что его присутствіе необходимо въ Берлинѣ. «Я тотчасъ отправился въ путь, разсказываетъ онъ,—и уже на станціи Ангермунде узналъ, что изданъ приказъ о мобилизаціи. И дѣйствительно, мѣстный гарнизонъ дѣятельно занимался своимъ выступленіемъ въ походъ. Среди ночи чистили ружья, надѣвали новые походные мундиры и нагружали обозъ. Станція желѣзной дороги была переполнена людьми, отправлявшимися въ свои полки. Я прибылъ въ Берлинъ на слѣдующее утро и тотчасъ принялся за дѣло». Это дѣло состояло прежде всего въ пересмотрѣ съ Мольтке, уже давно выработаннаго имъ, плана французской кампаніи, который состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе собрать двѣ арміи на Зарѣ, а третью сосредоточить между Ландау и Гермерсгейномъ для дѣйствій противъ Эльзаса. Двѣ недѣли онъ занимался пересмотромъ этого плана, подъ личнымъ руководствомъ великаго стратега, и когда онъ былъ одобренъ королемъ, то 31-го іюля, въ 6 часовъ вечера, Верди отправился вмѣстѣ съ Мольтке и прусскимъ главнымъ штабомъ въ Майнцъ, при чемъ ему лично было поручено слѣдить за положеніемъ и движеніемъ французской арміи. «Хотя мы всѣ признавали серьезность нашей задачи, говоритъ онъ, — но были спокойны и вполнѣ увѣрены въ своемъ успѣхѣ. Еще недавно теперешній министръ финансовъ, Миккель, напомнилъ мнѣ, что, выѣзжая изъ Берлина, я сказалъ ему: «вы увидите, что мы одолѣемъ французовъ, хотя это будетъ стоить намъ много крови». Эта увѣренность въ нашемъ успѣхѣ зависѣла не отъ того, чтобы мы не отдавали должнаго достоинству храброй французской арміи и присущимъ ей высокимъ доблестямъ, но наши счастливые походы послѣднихъ лѣтъ научили насъ, чего можно ожидать отъ нашихъ солдатъ и ихъ начальниковъ. Именно въ отношеніи начальниковъ мы считали нашу армію выше французской. Кромѣ того, наша артиллерія казалась лучше непріятельской, и мы не довѣряли таинственной силѣ митральезъ, отъ которыхъ французы ждали чудесъ. Но зато мы признавали, что французская пѣхота имѣетъ большія преимущества передъ нашей, а успокоивали себя только многочисленностью нашего войска, котораго въ августѣ мѣсяцѣ было 982 тысячи, тогда какъ французы могли выставить не болѣе 567 тысячъ». Во многихъ мѣстахъ своихъ воспоминаній дю-Верну а ссылается на эту сравнительную многочисленность нѣмецкой арміи съ такою же гордостью, какъ и на планъ кампаніи Мольтке. Часто онъ совершенно добросовѣстно указываетъ на громадность потерь въ нѣмецкой арміи, въ самыхъ успѣшныхъ для нея сраженіяхъ, и, напримѣръ, указываетъ, что онъ одинъ отгадалъ, что Гравелотская битва дорого стоила нѣмцамъ. По его словамъ, всѣ вокругъ него увѣряли, что общая потеря не могла превышать 8 тысячъ человѣкъ, и только онъ одинъ утверждалъ, къ общему неудовольствію, что она будетъ въ 15 тысячъ, а потомъ оказалось, что Германія потеряла въ этотъ день 20 тысячъ человѣкъ. Повидимому, король не раздѣлялъ оптимистическихъ взглядовъ своего генеральнаго штаба и въ отвѣтъ на замѣчаніе Верди, что французы не перейдутъ границы, а если и перейдутъ, то быстро отретируются, онъ сказалъ съ печальной улыбкой и дружески хлопая его по плечу: «эхъ, вы, молодежь, на все смотрите въ розовомъ цвѣтѣ». Не успѣлъ Верди прибыть въ Майнцъ, какъ былъ посланъ къ кронпринцу съ приказаніемъ немедленно дви-

нуться на лѣвый берегъ Рейна и атаковать врага, а возвратясь въ Майнцъ, онъ засталъ тамъ весь главный штабъ въ большомъ волненіи, такъ какъ было получено извѣстіе, что французы перешли границу и побили пруссаковъ подъ Саарбрюкеномъ. Эта неблагопріятная вѣсть, однако, не смутила Верди и онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «саарбрюкенское дѣло — незначительная аванпостная перестрѣлка, которая можетъ часто повторяться». Какъ извѣстно, онъ былъ вполнѣ правъ, и нѣмцы стали быстро переходить отъ одного успѣха къ другому, которые составятъ предметъ слѣдующихъ частей любопытныхъ мемуаровъ Верди-дю-Вернуа.

— **Смерть романиста Фрейтага.** Почти вся нѣмецкая журналистика переполнена сочувственными статьями о только-что скончавшемся Густавѣ Фрейтагѣ, который занималъ видное мѣсто среди старѣйшихъ современныхъ романистовъ Германіи. Сынъ доктора, онъ родился въ Крейцбургѣ, въ Силезіи, въ 1816 году и, окончивъ свое воспитаніе въ Бреславлѣ и Берлинѣ, состоялъ профессоромъ въ университетѣ перваго изъ этихъ городовъ, отъ 1839 по 1846 г. Въ слѣдующемъ затѣмъ году онъ женился и принялъ участіе въ редакторствѣ лейпцигскаго еженедѣльнаго изданія «Die Grenzboten», которое окончательно покинулъ только въ 1870 году. За три года передъ тѣмъ онъ былъ избранъ либеральнымъ депутатомъ въ сѣверо-германскій сеймъ. Во время франко-прусской войны онъ состоялъ при штабѣ наслѣднаго принца, до Седана, а въ послѣдніе годы велъ въ Висбаденѣ уединенную жизнь. Его литературная карьера началась съ лирическихъ поэмъ и драматическихъ произведеній, которыя имѣли значительный успѣхъ, а его трудъ по теоріи театра, подъ названіемъ «Техника драмы», до сихъ поръ считается за авторитетное сочиненіе. Но главнымъ его литературнымъ успѣхомъ былъ романъ «Soll und Haben», вышедшій въ 1855 г. и переведенный на всѣ европейскіе языки. Эта простая исторія изъ прозаической торговой жизни и въ основу ея положенъ тотъ тезисъ, что коммерческая честность не менѣе почетна, чѣмъ военная слава, и что вообще исполненіе самаго скромнаго долга составляетъ достойный предметъ человѣческой жизни. Второй его романъ «Потерянная рукопись» появился въ 1864 году, и въ немъ уже прославлялся трудъ ученаго, наравнѣ съ дѣятельностью честнаго торговца. Идеализація этихъ двухъ типовъ, по словамъ нѣмецкихъ критиковъ, была тѣмъ полезнѣе, что въ Германіи слишкомъ тогда преобладали милитаризмъ и аристократія. Послѣднее произведеніе Фрейтага представляетъ длинную, въ восьми томахъ, эпопею «Наши предки». Онъ старался нарисовать въ этой серіи романовъ исторію одной семьи изъ поколѣнія въ поколѣніе и, по его собственнымъ словамъ, девизомъ всѣхъ этихъ романовъ могло служить убѣжденіе автора, что полезная жизнь человѣка на землѣ не кончается смертью, а переходитъ въ дѣйствія его потомковъ, не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Восточный вопросъ по мнѣнію англійскихъ лордовъ.—Лермонтовскій «Демонъ» въ англійскомъ переводѣ.—Нѣмецкая критика о книгѣ Севронъ.—Буддизмъ Минаева.—Путешествіе Рабо по арктической Россіи.—Переводъ эстонской поэмы.—Англійская критика о мемуарахъ Барраса.—Неизданныя письма Мадзини.

ОДЪ НАЗВАНІЕМЪ «Восточный вопросъ» вышелъ довольно любопытный сборникъ рѣчей, произнесенныхъ въ палатѣ лордовъ Вильямомъ Фредерикомъ лордомъ Стратеденомъ и Кемпбелемъ, въ 1881—1891 годахъ. Изданіе это является вслѣдствіе духовнаго завѣщанія покойнаго пэра, съ цѣлью упрочить его парламентскую извѣстность. Кемпбель былъ ученикомъ и приверженцемъ Пальмерстона. Особеннымъ краснорѣчіемъ онъ не отличался, хотя любилъ говорить. Рѣчи его были прозаичны, напыщенны, довольно плоски. Онъ былъ трудолюбивъ, однообразенъ, особенно упрямъ и не выходилъ изъ уровня палаты лордовъ. Слушали его безъ особеннаго вниманія, и обнародованіе его рѣчей не прибавляетъ ничего къ его ораторской карьерѣ, хотя имѣетъ частное и личное значеніе, доказывающее, что государственный дѣятель имѣлъ твердое убѣжденіе, состоящее въ томъ, чтобы охранять результаты крымской войны и реорганизовать Оттоманскую имперію. Но главною его заботою было охраненіе прочности Европы и болѣе всего обузданіе склонности Россіи къ нападенію. Товарищи по управленію отзывались о немъ съ пренебреженіемъ. Лордъ Дерби называлъ его напыщеннымъ, плоскимъ и туманнымъ риторомъ. Кемпбель былъ убѣжденъ, что Турція можетъ вслѣдствіе мѣстныхъ сеймовъ измѣнить свое деспотическое управленіе въ конституціонное. Къ національнымъ стремленіямъ грековъ, сербовъ, румынъ, болгаръ онъ не питалъ никакого сочувствія. «Россія,—говорилъ онъ въ своихъ рѣчахъ,—хочетъ уничтожить трактаты 1856 года, а Великобританія хочетъ поддержать ихъ. У Россіи свои виды

на увеличеніе ея власти на Босфорѣ. Англія употребляетъ всѣ усилія, чтобы помѣшать этому». Политика Кемпбеля была поэтому очень ясна. Онъ надѣялся даже, что турецкіе сеймы, открытые въ 1877 году, ограничатъ самодержавныя прихоти султана. Тогда не поднимался бы и армянскій вопросъ, но всякія симпатіи къ Россіи онъ считалъ шагомъ къ войнѣ съ нею. Расположеніе графа Абердина къ Россіи,—говорилъ онъ,—повело къ крымской войнѣ и только потому, что его смѣнилъ въ 1853 году Пальмерстонъ, дунайскія провинціи не были захвачены. Кемпбель стоялъ всегда за мусульманъ и противился всякому расширенію Греціи потому, что Аѳины не могутъ быть возстановлены и постоянно заявляютъ претензіи на Константинополь. Онъ называлъ также абсурдомъ стремленіе Европы примирить интересы Китая и Японіи. Но онъ сознавался, что въ послѣднее время Англія сдѣлалась гораздо доступнѣе для всякихъ нападеній и обвиненій. Внутреннія дѣла ея не въ блестящемъ положеніи, а внѣшняя политика очень шатка. Кемпбель не доволенъ тѣмъ, что Салисбюри раздѣлялъ на нее взглядъ Гладстона, не настаивалъ на оттоманскихъ реформахъ, не протестовалъ противъ злоупотребленій въ управленія этою имперіею. Вотъ какую характеристику министра можно извлечь изъ его любопытныхъ писемъ.

— Френсисъ Сторръ перевелъ лермонтовскаго «Демона». На французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ много переводовъ этой поэмы, на англійскомъ былъ только одинъ и весьма слабый—Конди Стефена. Переводъ Сторра сдѣланъ довольно гладкими стихами, но большею частью не размѣромъ подлинника, отчего переводъ является парафразой, хотя восточный колоритъ сохраненъ въ поэмѣ довольно вѣрно. Сцена Тамары, танцующей лезгинку въ ожиданіи пріѣзда жениха, передана хорошо, такъ же какъ описаніе монастыря. Критика видитъ въ поэмѣ вліяніе Байрона. Морфиль находитъ, что она популярна, но видитъ въ ней слѣды поэзіи Мурра, а пятистопный ямбъ Попэ находитъ и совершенно неудобнымъ для перевода. Напрасно также въ переводъ введены слова, какихъ нѣтъ въ подлинникѣ, какъ «агатовое кольцо» или духи «чампакъ»; напрасно также паука называть «сѣрымъ братомъ», это вовсе не русская метафора и не замѣняетъ лермонтовскаго паука отшельника. Зато Сторръ употребляетъ вездѣ географическій терминъ Грузія вмѣсто принятаго на западѣ «Георгія».

— Мы должны обратиться еще разъ къ книгѣ Анны Севронъ о Л. Н. Толстомъ. Вопреки весьма снисходительной критикѣ нѣмцевъ къ своимъ писателямъ, противъ бывшей гувернантки русскаго философа-художника поднялась сильная полемика подъ названіемъ «Маленькія человѣчности (Menschlichkeiten) графа Толстого». Серьезный критикъ Эбергардъ Краусъ обрушивается на свою соотечественницу. Онъ начинаетъ сравненіемъ національнаго духа англичанъ и русскихъ и, несмотря на всю филантропическую сторону Англіи, ея заботы о больныхъ и бѣдныхъ, уничтоженіе невольничества, облегченіе рабочаго труда, воспитаніе дѣтей и народную гигіену, называетъ все-таки этотъ народъ фарисеями. О русскихъ критикъ отзывается иначе: между ними самые европейски-образованные изъ аристократовъ, вѣрующіе они или скептики, отличаются средне-вѣковыми воззрѣніями на ученіе назареевъ. Русскій видитъ истинный духъ христіанства не въ общеполезной дѣятельности на пользу человѣчества, но въ кротости и мягкосердечіи міровоззрѣнія, прикрывающаго любовью къ ближнему преступниковъ и осужденныхъ злодѣевъ. Онъ охотно прощаетъ чужіе грѣхи,

но не свои. Его христіанство превращается въ покаяніе самоистязанія, такъ какъ славянская натура мягка, уступчива, склонна къ паденію. Поэтому въ ней понятно появленіе такого проповѣдника, какъ Толстой, въ которомъ, однако, нельзя видѣть святого, и даже близкіе къ нему не скрываютъ маленькихъ слабостей своего пророка. Міросозерцаніе писателя давно извѣстно, слѣды его видны въ «Аннѣ Карениной», но развиваются сильнѣе въ «Войнѣ и Мирѣ», въ разсказахъ изъ крестьянскаго быта, въ дидактическихъ и соціальныхъ трактатахъ. Изъ художника и мыслителя выросъ глубокій теоретикъ Ясной Поляны. Анна Севронъ представляетъ его мрачнымъ, суровымъ философомъ среди неразвитого крестьянства, въ постоянной борьбѣ съ самимъ собою. По натурѣ онъ лѣнивъ и изнѣженъ, и ему не легко пріучить себя къ физическому труду и лишеніямъ, къ полевымъ, сапожнымъ и печнымъ работамъ. Отъ устарѣлыхъ привычекъ ему трудно освободиться, даже отъ табаку; вегетаріанецъ онъ плохой. Сама Анна Севронъ видитъ въ немъ далеко не аскета. Онъ извлекаетъ значительный доходъ изъ своихъ произведеній, продажею которыхъ занимается графиня, напрасно, однако, старающаяся составить семьѣ вполнѣ обезпеченное положеніе. Толстой далеко не практическій человѣкъ, и его благотворительность такъ велика, что никогда не покроетъ его расходовъ. Севронъ говоритъ о неровностяхъ его характера меньше, чѣмъ объ его тепломъ сердцѣ, проникнутомъ сочувствіемъ ко всякому чужому горю, чужимъ страданіямъ. Всѣ слабости человѣчества не чужды ему. Всѣ ошибки его происходятъ отъ небрежности, и критикъ замѣчаетъ, что писатель даже рисуется въ своихъ поступкахъ. Но это все-таки самое свѣтлое явленіе въ области духа, стоящее гораздо ближе къ истинѣ даже въ своихъ ошибкахъ. Другой критикъ, Евгеній Кюнебахъ, еще строже относится къ книгѣ Севронъ. Онъ прямо не хочетъ принимать ее за чистую монету. Въ Аннѣ Севронъ критика не видитъ такого комментатора Толстого, какимъ былъ, напримѣръ, Эккерманъ у Гете. Писательница представляетъ его далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ мы хотѣли бы его видѣть. Она называетъ себя поминутно мухою, жужжащею въ домѣ графа, но для кого же интересны наблюденія мухи, заботящейся больше всего, чтобы выставить себя писательницей? Но литературное значеніе ея совершенно ничтожно. Критикъ упрекаетъ ее даже въ корыстныхъ цѣляхъ и желаніи содрать 10 тысячъ рублей съ человѣка, желавшаго пожертвовать свое имущество бѣднымъ. На ходатайство Севронъ объ этомъ Толстой отвѣчалъ: и вы занимаетесь денежными дѣлами! Религіозной стороны автора Севронъ совсѣмъ не понимаетъ, къ графинѣ относится съ худо скрываемымъ недоброжелательствомъ, и для чего-то упоминаетъ, что ея фамилія Берсъ— еврейскаго происхожденія, что графа не понимала ни одна душа и не помогала ему. Только изрѣдка проскальзываетъ нѣсколько строкъ о тяжелой борьбѣ писателя съ жизнью и обстоятельствами. Писательница позволяетъ даже себѣ довольно ѣдкія выходки противъ графа. Общій выводъ критики изъ книги тотъ, что она написана камердинеромъ. Упрекаютъ проходимца Цабеля, что онъ многаго не выбросилъ изъ книги.

— Асси де-Помпиньянъ перевелъ на французскій языкъ извѣстное сочиненіе нашего санскритолога И. П. Минаева «Изслѣдованія о буддизмѣ». Это особенно цѣнное изысканіе о древнихъ преданіяхъ и каноническихъ книгахъ вѣрованія индусовъ. Написано оно ясно, занимательно и заключаетъ въ себѣ любопытное воззрѣніе на весь ученый матеріалъ, сдѣлав-

шійся доступнымъ для всѣхъ занимающихся изученіемъ Индіи въ переводѣ нашего ученаго, представившаго много любопытныхъ выдержекъ изъ рѣдкихъ источниковъ. Нельзя только безусловно согласиться съ нимъ, что основное ученіе буддизма, заключающееся въ сочиненіи «Палитипитака», относится къ слишкомъ отдаленной эпохѣ, къ первымъ письменнымъ документамъ начала нашего лѣтоисчисленія. Минаевъ видитъ основаніе этого мнѣнія въ преданіяхъ, въ надписяхъ и барельефахъ въ Бгаргута, въ свидѣтельствѣ появленія буддизма и раскола. Но все это не представляетъ неоспоримыхъ документовъ. Отрывокъ, оставшійся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ за смертью автора въ 1890 году, говорятъ объ основаніяхъ буддійскихъ обществъ въ разныхъ странахъ. Книгѣ предпослана научная оцѣнка ея, сдѣланная французомъ Сенаромъ, и очеркъ жизни Минаева, составленный русскимъ писателемъ Ольденбургомъ.

— Во французской коллекціи иллюстрированныхъ путешествій вышла книга Шарля Рабо по сѣверной Россіи («A travers la Russie boreale»). Авторъ, говоря объ однообразіи арктическихъ пейзажей, находитъ, что въ Сибири болѣе всего заслуживаетъ вниманія не страна, а жители, обитающіе въ ней. «Никакихъ прочныхъ основаній Сибирь не представляетъ,—говоритъ онъ,—и производитъ очень монотонное впечатлѣніе—ничему въ ней не удивляешься, не испытываешь никакого сильнаго ощущенія, которое осталось бы въ памяти». Даже французская критика удивляется такому странному сужденію автора. Этнографическія наблюденія и знанія его очень слабы, хотя онъ пользовался на мѣстѣ лучшими источниками, но почти всѣ иллюстраціи въ книгѣ далеко не новыя. Въ Перми, вмѣсто описанія ея нынѣшняго положенія, онъ вспоминаетъ о томъ времени, когда она представляла депо дѣятельнаго обмѣна товаровъ, привозимыхъ арабскими купцами изъ Индіи и южныхъ странъ въ западную Европу, а изъ Азіи вывозившихъ товары ко двору Гарунъ-эль-Рашида. Путемъ этой торговли служили рѣки, и не главныя, а ихъ притоки и переволоки. Затруднительнѣе всего былъ переходъ черезъ Уральскія болота. Авторъ описываетъ и остяковъ даже въ древній періодъ ихъ исторіи. Къ сѣверу отъ Казани идетъ цѣлая мозаика племенъ: финскихъ, болгарскихъ, татарскихъ и русскихъ, смѣсь церквей, мечетей, шамановъ, идоловъ, жертвоприношеній. Остяки, еще недавно населявшіе Уралъ и сѣверную Европу въ числѣ $4^{1}/_{2}$ милліоновъ, вытѣсняются всюду славянскимъ элементомъ. Археологическіе слѣды сохраняются только въ музеяхъ. Вообще изъ книги француза можно извлечь нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, но вся она далеко не удовлетворяетъ своему назначенію.

— Кирби издалъ по эстонскимъ и нѣмецкимъ источникамъ книгу подъ названіемъ «Эстонскій герой и другіе этюды романтической исторіи страны». Не всѣ лица, знакомыя съ финскою поэмою «Калевала», знаютъ, что и у эстонскихъ финновъ есть своя народная поэма «Калеви Поэгъ». Кирби не переводитъ ея вполнѣ и не знакомитъ съ ея оригинальнымъ размѣромъ. Переводъ передаетъ только ея сжатое содержаніе, занимающее, однако, 143 страницы перваго тома. Эстонская поэма, очевидно, происходитъ отъ финской. Многія исторіи въ ней однѣ и тѣ же и тотъ же герой Куллево, съ которымъ почти полвѣка назадъ познакомилась Европа въ передачѣ Крейцвальда вслѣдъ за переводомъ «Калевалы» Ленротомъ, но и тотъ и другой переводчикъ очевидно придали литературную форму простонароднымъ преданіямъ, часто грубымъ и необработаннымъ, хотя и представляющимъ остатки

древнихъ рунъ. Языкъ поэмы довольно гармониченъ, хотя и однообразенъ, вслѣдствіе частаго употребленія гласныхъ буквъ, свойственныхъ угрскимъ нарѣчіямъ. Кромѣ этой поэмы, другія отросли литературы, исключая проповѣдей, почти вовсе не распространены у эстонцевъ, столько лѣтъ страдавшихъ подъ тевтонскимъ игомъ. Поэма наполнена разсказами о драконахъ, чудовищахъ, морскихъ нимфахъ, колдуньяхъ, карликахъ, стерегущихъ сокровища. Многія преданія сходны съ общеевропейскими, и на многихъ видны слѣды германства, какъ въ финскихъ сагахъ проглядываетъ и русскій элементъ. Герои поэмы—богатыри, воспѣтые сѣверными менестрелями. Одинъ изъ героевъ поэмы, какъ Илья Муромецъ, раздробляетъ рукою раскаленную полосу желѣза, и Святогоръ говоритъ ему: «у тебя крѣпкая рука и горячая кровь и ты настоящій герой». Эстонская грамматика издана еще въ XVII столѣтіи въ Ригѣ, но послѣднія изслѣдованія ея Видемана произведены въ С.-Петербургѣ въ 1875 году.

— Англичане успѣли уже перевести первые два тома мемуаровъ Барраса. Вотъ мнѣніе объ нихъ серьезнаго критика «Атенеума». Жоржъ Дюрюи, написавшій къ нимъ введеніе, объясняетъ, что записки должны были явиться еще 60 лѣтъ тому назадъ по желанію Барраса послѣ его смерти, но этому помѣшали два лица, пользовавшіяся ими для составленія исторіи. Мишле и Ланфрей признали, какъ владѣтели документовъ, съ чѣмъ согласенъ и нынѣшній издатель, что такой плутъ, какъ Баррасъ, сдѣлалъ изъ мемуаровъ пасквиль, который нельзя печатать съ именами лицъ, упоминаемыхъ авторомъ. Даже теперь Дюрюи замѣняетъ имена иксомъ слишкомъ понятнымъ и яснымъ. Но по французскимъ законамъ наслѣдники имѣютъ право преслѣдовать за оскорбленіе въ печати, нападки на своихъ родственниковъ, историческихъ лицъ. Поэтому, являясь такъ поздно, мемуары не представляютъ важнаго историческаго значенія. Намъ давно уже извѣстны главные факты жизни роялистскаго офицера старинной дворянской фамиліи, сдѣлавшагося во время директоріи главою Франціи, бывшаго въ одно время любовникомъ г-жи Тальенъ и вдовы Богарне, какъ онъ называетъ будущую императрицу Жозефину, которую онъ выдалъ потомъ за капитана Бонапарте, давъ ему средства къ жизни и возможность прославиться воинскими подвигами. По протекціи г-жи Сталь, Баррасъ поручилъ Талейрану управленіе иностранными дѣлами Франціи и описываетъ, какъ упрашивала его объ этомъ писательница въ то время, когда Талейранъ сидѣлъ въ экипажѣ у подъѣзда Барраса, ожидая рѣшенія своей судьбы. Въ какой степени вѣрны эти подробности, мы, конечно, не можемъ судить объ этомъ. Баррасу все-таки можно больше вѣрить, чѣмъ Талейрану, не упоминающему ни о чемъ подобномъ въ своихъ мемуарахъ, наполненныхъ ложью и лицемѣріемъ, въ то время когда Баррасъ лгалъ не меньше, но выражался рѣзко и цинично, перечисляя, напримѣръ, всѣхъ своихъ любовницъ, оправдывая всѣ свои низости и сознаваясь, что онъ грабилъ казну. Онъ не скрываетъ, что даже Гошъ посылалъ ему изъ рейнской арміи взятки на нужды директоріи; впрочемъ и всѣ наполеоновскіе генералы, начиная съ ихъ вождя, обирали казну, сколько могли. Баррасъ сильно востаетъ противъ показаній имперіалистовъ о первомъ свиданіи Бонапарте съ Евгеніемъ Богарне. О назначеніи Наполеона главнокомандующимъ итальянской арміи онъ говоритъ: «предложеніе мое было принято не весьма благосклонно. Противъ него возражали всѣ члены директоріи. Карно говорилъ: молодость и отвага, конечно, увлекаютъ

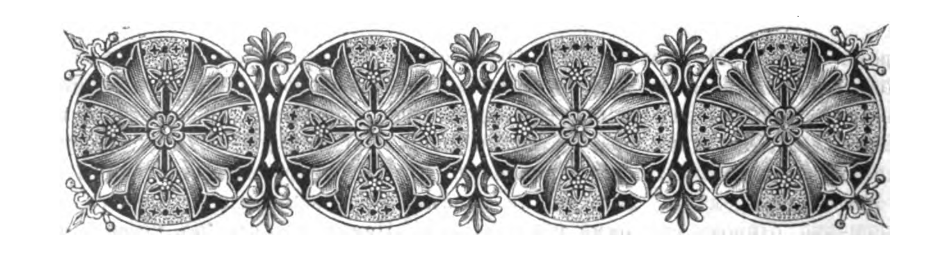
войска, но для командованія ими нужна опытность, и недостаточно проявить способность пустить залпъ въ народъ во время возстанія. Бонапарте тотчасъ явился ко мнѣ узнать рѣшеніе директоріи, онъ охотно принялъ и мое предложеніе жениться на вдовѣ Богарне, хотя ее многіе считали моей любовницей, но онъ повторялъ мои слова, что черезъ женщинъ можно всего достигнуть въ свѣтѣ». Баррасъ доходитъ до такого цинизма, что прямо называетъ Жозефину любовницей генерала Гоша... e di tutti quanti, и доказываетъ это письмами Гоша, въ которыхъ генералъ говоритъ о своемъ преемникѣ, эльзасскомъ берейторѣ Ванакре. О г-жѣ Тальенъ Баррасъ отзывается съ большею похвалою. Послѣ 9-го Термидора она была диктаторомъ красоты. Онъ сознается въ томъ, что она имѣла на него большое вліяніе, но не злоупотребляла этимъ. Она была только такъ же расточительна, какъ и ея мужъ. Подобныхъ характеристикъ не мало въ мемуарахъ Барраса, но ни на одно изъ его утвержденій нельзя положиться, особенно когда онъ говоритъ о директоріи и управленіи Франціею. Только анекдотическая сторона и любопытна въ этихъ запискахъ.

— Въ Парижѣ изданы дѣвицею Демигари интимныя письма Джузеппе Мадзини. Коллекція подобныхъ писемъ выходила уже въ нѣсколькихъ сборникахъ, но эти, писанныя изъ Лондона отъ 1835 по 1848 годъ въ Лозанну, лучше другихъ сборниковъ характеризуютъ этого страннаго политическаго дѣятеля въ малоизвѣстный періодъ его жизни, между его неудачной экспедиціей въ Савойю въ 1834 году и его диктатурой въ Римѣ въ 1849 г. Это былъ странный, малоизслѣдованный типъ, о которомъ справедливо говорили, что онъ и на тронѣ былъ бы заговорщикомъ. Честный и великодушный, откровенный и безкорыстный, съ пылкимъ воображеніемъ, съ упрямыми убѣжденіями, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, Мадзини всю жизнь считалъ своею обязанностію составлять заговоры, даже не вполнѣ согласные съ его идеалами. Не говоримъ уже о томъ, что обстоятельства поминутно противорѣчили его намѣреніямъ и расчетамъ. Одаренный твердымъ умомъ и гибкою волею, онъ составлялъ смѣлые планы, но осуществлялъ ихъ осторожно и съ осмотрительностью. Полный энтузіазма, онъ владѣлъ въ то же время практическимъ тактомъ и знаніемъ настоящаго дѣльца для основанія всякаго предпріятія. Неукротимый революціонеръ обладалъ самыми аристократическими манерами и увлекалъ своею бесѣдою. Въ Генуэзскомъ университетѣ онъ былъ кумиромъ своихъ товарищей; вездѣ, гдѣ онъ являлся дѣятелемъ, всѣ признавали его превосходство и подчинялись ему. Женщины подпадали его неотразимому обаянію, какъ Джудитта и Магдалина, являющіяся въ изданныхъ нынѣ письмахъ. Болѣе всего привлекало не его краснорѣчіе, не блѣдная, строгая фигура, обрамленная черными волосами, а его доброта и благородство чувствъ. Онъ всегда оставался молодымъ энтузіастомъ, всегда чувствовалъ необходимость привязанности. «Зима холодна,—пишетъ онъ,—я боюсь за всѣхъ, кого люблю»; съ безпримѣрною деликатностью заботится онъ о своихъ старыхъ родственникахъ, своей сестрѣ, своихъ друзьяхъ, о бѣдной дѣвушкѣ, умирающей отъ любви къ нему, но которую онъ старается отдалить отъ себя, потому что не можетъ жениться на ней. «Пока я живъ,—пишетъ онъ,—я буду исполнять свой долгъ, а придется умирать,—умру безъ упрековъ совѣсти, и это важнѣе всего». Казалось бы, что такой человѣкъ рожденъ для великой и благотворной цѣли, а между тѣмъ въ дѣйствительности его оскорбляютъ, клевещутъ на него, полиція всюду прослѣ-

дуетъ этого апостола своихъ убѣжденій; онъ долженъ подвергаться всякимъ лишеніямъ, скрываться, проводить жизнь въ изгнаніи: во Франціи, Англіи, Швейцаріи — вездѣ подозрѣваемый и преслѣдуемый. Отъ него понемногу удаляются всѣ его друзья, всѣ его приверженцы. Это отчужденіе больше всего тревожило его. «Нельзя жить одному, — пишетъ онъ, — а подлѣ меня нѣтъ никого, кто зналъ бы чего я хочу, что думаю». Нерѣдко бѣдность принуждала его къ бездѣйствію. «Я заложилъ кольцо своей матери, — пишетъ онъ, — мои часы, мои географическія карты, мои книги. Я ищу мѣсто корректора въ типографіи и не нахожу его». Это положеніе приводило его въ отчаяніе и наводило на мысль о самоубійствѣ; онъ началъ даже сомнѣваться въ своихъ убѣжденіяхъ и спрашивалъ себя: онъ или люди заблуждаются, не мечта ли его идеи? Но увѣренность въ ихъ правотѣ возвращалась къ нему и онъ снова начиналъ бороться противъ людей и обстоятельствъ, хотя безъ энтузіазма и съ самоотверженіемъ пессимиста. И вся жизнь не дала ему ни счастья, ни привязанностей, ни спокойствія, ни тріумфа его идей—онъ былъ только ихъ мученикомъ. Главною изъ нихъ была революція въ одно и то же время народная, республиканская, нераздѣльная и религіозная. Онъ объявилъ себя ея предтечей, счелъ своимъ долгомъ преподавать ее людямъ, такъ какъ вся жизнь его была миссіей. Но не имѣя возможности достигнуть своей цѣли законными путями и считая себя принужденнымъ дѣйствовать, Мадзини вездѣ поднималъ восстанія и заговоры: противъ Австріи, противъ папы, противъ монарховъ Италіи, противъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ, противъ всей Европы. Онъ никакъ не хотѣлъ раздѣлить своихъ революцій и навязывалъ ихъ огуломъ всѣмъ народамъ. Ни на уступки, ни на компромиссы онъ не соглашался и потому встрѣтилъ съ горькимъ разочарованіемъ освобожденіе части Италіи. А онъ думалъ объ ея объединеніи еще съ девяти лѣтъ. Сдѣлавшись главою карбонаріевъ, онъ полгода просидѣлъ въ тюрьмѣ въ Савойѣ; высланный въ Марсель, онъ былъ изгнанъ и оттуда, изъ Швейцаріи, и только въ Лондонѣ устроилъ центръ своего общества «Юная Италія». Въ 848 году онъ былъ главою клуба и представлялъ Ламартину своихъ волонтеровъ, потомъ участвовалъ въ генуэзскомъ восстаніи, въ арміи Гарибальди, но вездѣ требовалъ для народа свободу не иначе, какъ въ формѣ республики. Послѣ бѣгства Пія IX-го изъ Рима, онъ организовалъ защиту города противъ французовъ и оставилъ его, чтобы не участвовать въ капитуляціи. Въ 1853 и 1857 году онъ принималъ участіе въ неудавшихся восстаніяхъ Милана, Генуи, Неаполя. Онъ не хотѣлъ признавать народнаго движенія, примкнувшаго къ Виктору-Эммануилу и началъ составлять заговоръ противъ короля, даже послѣ того, какъ по взятіи Рима былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Онъ и въ Римѣ основалъ демократическій органъ, и только смерть остановила заговорщика, котораго ужъ всѣ громко стали называть дурнымъ гражданиномъ. А между тѣмъ онъ былъ только страннымъ республиканцемъ, не допускавшимъ въ свою республику тѣхъ, кто не раздѣлялъ его взглядовъ. Онъ постоянно мечталъ о всемірной республикѣ; впослѣдствіи къ нему присоединились Кошутъ и Ледрю Ролленъ. Соціализмъ Мадзини проповѣдывалъ, какъ моральный, умственный и религіозный прогрессъ. Врагъ интернаціонали, онъ называлъ парижскую коммуну оргіею неистовства, мести, крови и предавалъ вѣчному позору. О Фурье, Прудонѣ онъ отзывался неодобрительно. «Жизнь—вовсе не вопросъ о страданіяхъ и наслажденіяхъ, а о долгѣ и миссіи»,—писалъ онъ. Этотъ крайній демократъ былъ въ то же

время вѣрующимъ католикомъ. Онъ хотѣлъ составить школу предтечъ и подъ конецъ жизни вводилъ въ христіанство идею переселенія душъ, постепеннаго очищенія ихъ въ послѣдующихъ существованіяхъ, общеніе душъ на землѣ. Это былъ уже переходъ къ крайнему мистицизму, особенно обнаружившійся въ изданныхъ нынѣ письмахъ. «Со всѣхъ сторонъ,—пишетъ онъ,—я встрѣчаю насмѣшку надъ моими идеями, оскорбленіе ихъ и остаюсь совершенно одинокъ съ моими убѣжденіями». Немудрено, что изъ пессимиста онъ сдѣлался мизантропомъ и, несмотря на свою изумительную дѣятельность, игралъ второстепенную роль въ политикѣ Италіи. Управлять людьми онъ не могъ: для этого у него не существовало чувства сознанія, различенія возможнаго отъ фантазіи, и во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ оставался все-таки честнымъ идеалистомъ, хотя сознается самъ въ своихъ письмахъ: «я не сдѣлалъ ничего для своего отечества». И этотъ человѣкъ, преданный всю жизнь одной идеѣ своей дикой четырехчленной республики, соединяетъ все-таки эту серьезную, хотя и не осуществимую идею съ любовными мечтами, какъ шестнадцатилѣтній юноша. «Передъ лицомъ Бога, наблюдающаго за исполненіемъ всѣхъ своихъ обѣщаній,—пишетъ онъ къ другу,—я не считаю себя свободнымъ. Ты вѣдь знаешь, что Джюдитта любитъ меня». А этой Джюдиттѣ онъ въ свою очередь пишетъ: «о, ангелъ утѣшенія! ты вся моя жизнь,—все остальное для меня страданіе и печаль» (ну, и республика тоже?). «Не сомнѣвайся никогда, ни во мнѣ, ни въ моей любви, ни въ чемъ (?), я покрылъ поцѣлуями локонъ твоихъ волосъ». На это Джюдитта ему отвѣчаетъ: «твое письмо открыто предо мною, и я плачу, потому что чувствую потребность видѣть тебя, хотя бы на одну минуту, чтобы уронить на тебя мои слезы и сказать тебѣ, что я утомлена такою жизнью». И это пишутъ другъ другу лица, повидимому, не лишенныя умственныхъ способностей. Какимъ образомъ уживаются въ такой головѣ, какъ у Мадзини, такія противоположныя мысли и ощущенія, какъ заговоры противъ папы, католицизмъ, республика, любовь, риторика? Видно, что человѣчеству еще очень далеко не только до своего полнаго, но и до какого нибудь логичнаго развитія.

СМѢСЬ.

КТЪ ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ институтѣ происходилъ въ присутствіи многочисленныхъ гостей, слушателей и профессоровъ института. Знатокъ славяно-русской палеографіи профессоръ А. И. Соболевскій произнесъ рѣчь, въ которой познакомилъ присутствовавшихъ съ исторіей печатнаго дѣла въ Московскомъ государствѣ. Онъ въ своей рѣчи выяснилъ, между прочимъ, интересный вопросъ о томъ, кто былъ первый русскій книгопечатникъ. Московская Русь, по словамъ профессора, не страдала отъ недостатка рукописныхъ книгъ и отъ ихъ дороговизны ни въ XVI вѣкѣ, ни тѣмъ болѣе въ XVII. Книги встрѣчались всюду, даже въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ. Изготовлялись онѣ цѣлою арміей писцовъ, среди которыхъ встрѣчались и женщины: продавались въ Москвѣ на торжищѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка, когда московская типографія окрѣпла, рукописныя книги, благодаря своей дешевизнѣ, съ успѣхомъ конкурировали съ печатными. Переписка цѣнилась чрезвычайно дешево. Появленіе книгопечатанія вызвано, такимъ образомъ, не желаніемъ увеличить число книгъ, не стремленіемъ сдѣлать ихъ болѣе доступными народу, а необходимостью имѣть исправленныя книги, такъ какъ переписчики относились обыкновенно небрежно къ внутреннимъ достоинствамъ книгъ и къ исправности текста. Къ началу XIV вѣка порча текста въ рукописныхъ книгахъ дошла до того, что на нее обратило вниманіе московское правительство. Иванъ Грозный велѣлъ купить на московскомъ торжищѣ богословскія книги и пересмотрѣть ихъ. Изъ нихъ «мало обрѣтоша потребни, прочіи же всѣ растлѣнія отъ переписки». Только типографія могла дать большое количество исправныхъ и разнообразныхъ текстовъ: лишь при ея помощи можно было вести борьбу съ небрежностью писцовъ, и типографія явилась. Въ «Апостолѣ» 1564 года можно прочесть, что цѣль устройства Иваномъ Грознымъ типографіи заключалась въ томъ, чтобъ «впредь св. книги изложилися праведнѣ». Первые наши «мастера печатныхъ книгъ», подобно старшимъ нашимъ собратамъ въ западной Европѣ, совмѣщали въ себѣ спеціалиста по техникѣ печатанія и по гравированію и ре-

дакторовъ изданій. Въ началѣ XVII вѣка оказалось необходимымъ отдѣлить технику печатанія отъ редакціонной части. Приготовленіе къ печати текста было поручено особымъ «справщикамъ». Московская типографія представляла своего рода ученое учрежденіе, въ главѣ котораго стояли образованные и авторитетные люди того времени. Первая типографія въ Москвѣ была устроена Иваномъ Грознымъ и обставлена, судя по ея шрифту и чистотѣ печати, очень богато. Она существовала не болѣе пяти лѣтъ, была увезена главнымъ ея мастеромъ Иваномъ Өедоровымъ во Львовъ. Самъ Иванъ Өедоровъ, печатая во Львовѣ московскимъ шрифтомъ и гравировальными досками, вполнѣ признаетъ тожество своей типографіи съ московской царской. Вторая типографія была устроена тѣмъ же Иваномъ Грознымъ, но была обставлена значительно хуже первой. Она сгорѣла въ 1570 году. Третья типографія, устроенная Грознымъ, была совсѣмъ плоха, до Бориса Годунова работала мало и къ концу XVII вѣка совсѣмъ обветшала. Четвертая, устроенная Василіемъ Шуйскимъ, сожжена поляками въ 1612 году. Только пятая типографія оказалась счастливою. Проектъ ея устройства былъ представленъ боярамъ до избранія Михаила Өеодоровича на царство, и уже въ первый годъ его царствованія, несмотря на бѣдственныя финансовыя обстоятельства, она была устроена и дѣйствовала. По дошедшей до насъ смѣтѣ 1612 года на возобновленіе типографіи съ двумя станками нужно было однихъ матеріаловъ на 387 рублей, равныхъ 7 тысячамъ современныхъ рублей. Не только въ первое время, но и во второй половинѣ XVII вѣка типографія не окупала себя и требовала постоянныхъ вспомоществованій. Цѣны на книги назначались правительствомъ по возможности низкія. Напримѣръ, книги, стоившія самой типографіи 2 рубля 23 алтына и 2 деньги (2 рубля 70 копеекъ по нашей терминологіи), продавались за 3 рубля. Книги съ гравюрами обходились правительству особенно дорого. Единственнымъ утѣшеніемъ для московскаго правительства было то, что изданія московской типографіи во второй половинѣ XVII вѣка выходили въ большомъ количествѣ экземпляровъ (менѣе 1,200 экземпляровъ не выпускалось) и раскупались охотно, особенно учебники. При такомъ положеніи книгопечатанія частныя типографіи не могли существовать въ Москвѣ. Составленное во второй половинѣ XVII вѣка историческое извѣстіе о московской типографіи упоминаетъ о томъ, что Иванъ Өедоровъ научился типографскому искусству у фрязовъ (итальянцевъ). Несмотря на отсутствіе извѣстій, все-таки можно рѣшительно утверждать, что въ Москвѣ существовала типографія въ первой половинѣ XVI вѣка. Вся наша типографская номенклатура итальянскаго происхожденія (тимпанъ-timpano, фрашкетъ, марзанъ и другія слова). Большія слова изъ листьевъ и цвѣтовъ долгое время носили названія фряжскихъ травъ. Очевидно, фрягамъ принадлежитъ видная роль въ исторіи московскаго книгопечатанія, ими была устроена первая московская типографія, они работали надъ нею въ то время, когда Италія (особенно Венеція) стояла въ главѣ книгопечатнаго искусства въ Европѣ. Въ настоящее время сохранилось нѣсколько книгъ безъ датъ, которыя можно считать напечатанными въ первой типографіи. Одна изъ нихъ—Евангеліе—грубымъ шрифтомъ, съ неправильной сверсткой, съ неравными строками, имѣетъ вкладку, сдѣланную въ 1563 году. Значитъ, она была напечатана ранѣе такъ-называемой первопечатной книги—Апостола 1564 года. Двѣ другихъ—Евангеліе и Постная тріодь—напечатаны одинаковымъ шрифтомъ, близкимъ къ шрифту Апостола 1564 года. Въ одной изъ нихъ есть вкладка еще болѣе ранняго времени—1562 года. Многіе желаютъ видѣть въ этихъ книгахъ или юго-славянскія, или юго-западнорусскія изданія, но данныя ихъ языка, орѳографіи текстовъ, доказываютъ ихъ московское происхожденіе. Сверхъ того, въ московской типографіи и синодальной библіотекѣ находятся нѣсколько рукописей, главнымъ образомъ, Евангелія,

съ чрезвычайно рѣдкими особенностями. Ихъ заставы не нарисованы, а отпечатаны гравировальными досками. Одна изъ рукописей написана въ 1537 году, и ея дата позволяетъ отнести къ началу XVI вѣка если не существованіе первой московской типографіи, то, по крайней мѣрѣ, изготовленіе для нея разнаго матеріала и, между прочимъ, гравировальныхъ досокъ. Затѣмъ профессоръ Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ о дѣятельности Археологическаго института въ 1894—1895 учебномъ году. Число почетныхъ членовъ института равнялось 90. Умеръ почетный членъ Д. И. Прозоровскій, извѣстный многочисленными и цѣнными трудами по нумизматикѣ и метрологіи, вновь избранъ И. А. Вахрамѣевъ, изъявившій готовность вносить въ пользу института ежегодно по 500 рублей. Профессоровъ и преподавателей 12. Преподавались: русская археографія, юридическія и церковныя древности, славяно-русская палеографія, первобытная археологія и особенно древности южной Россіи, историческая географія, особенно русская до XVIII вѣка, греко-римская нумизматика, архивовѣдѣніе, польско-литовскія древности, греческая палеографія, русская дипломатика и латинская палеографія (послѣдніе три предмета начали читаться въ отчетномъ году). Слушатели, кромѣ того, были практически ознакомлены съ памятниками археографіи, палеографіи и искусства. Къ началу отчетнаго года слушателей въ институтѣ было 31, вновь принято 24. Кончило курсъ 8 слушателей съ званіемъ дѣйствительныхъ членовъ института и 3 слушателя съ званіемъ членовъ-сотрудниковъ. Изъ нихъ награждены золотыми медалями шестеро; происходили вечернія собранія, посвященныя чтеніямъ по предметамъ, относящимся къ русской старинѣ. Въ библіотеку института вновь поступило нѣсколько пожертвованій, въ томъ числѣ даръ великаго князя Георгія Михаиловича—«Русскія монеты». Въ музей пожертвованъ археологической комисіей глиняный сосудъ съ серебряными монетами царей Іоанна III и Іоанна Грознаго, найденный въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Библіотека содержитъ 10,000 наименованій, музей—болѣе 4,000 предметовъ.

Опроверженіе о храмѣ, гдѣ крестился Владиміръ. Г. Бѣлоконскій, основываясь на новѣйшихъ археологическихъ изысканіяхъ по части Херсонеса (Корсуна), разбиваетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» легенду о подлинности храма, въ которомъ крестился св. Владиміръ, а попутно историковъ и туристовъ съ горячимъ воображеніемъ, позволявшихъ имъ видѣть въ Херсонесѣ остатки того, чего тамъ не было — великолѣпія древняго города, осажденнаго Владиміромъ и впослѣдствіи разграбленнаго Ольгердомъ. Жалкія развалины, напоминающія постройки южно-русскихъ селеній,—описываетъ Бѣлоконскій, — оказались остатками того города, который, думаютъ, былъ заполненъ «величественными храмами», «дворцами» и т. п. Всѣ жилыя постройки оказались сплошь одноэтажными, сложенными изъ самаго простого бутоваго камня, при чемъ цементомъ является просто мѣстная грязь. Никакихъ признаковъ общественныхъ зданій не разыскано, и житейскія удобства обитателей бутовыхъ лачугъ выражались въ водопроводѣ изъ гончарныхъ трубъ, жалкой мостовой на главной улицѣ, сточныхъ канавкахъ, погребахъ, цистернахъ для воды и ямахъ для свалки объѣдковъ рыбы. Ни портиковъ, ни дворцовъ, ни фонтановъ нѣтъ и слѣда. Улицы хотя разбиты и совершенно правильно, параллельно другъ другу и съ прямыми углами, но онѣ очень узки, такъ-что по нѣкоторымъ возможно лишь пройти пѣшкомъ или проѣхать верхомъ. Соотвѣтствующій видъ имѣли и церкви Херсонеса (ихъ найдено до 30), изъ которыхъ только одна была изъ тесанаго камня. Что касается до храма, воздвигнутаго теперь въ память крещенія св. Владиміра, то мѣсто это было выбрано совершенно произвольно, а такъ-называемая купель св. Владиміра, по словамъ Бѣлоконскаго, является на самомъ дѣлѣ «усыпальницею». Самое крещеніе Владиміра въ Херсонесѣ вообще подвергается сомнѣнію, но если оно было тамъ, то, по мнѣнію ар-

хеолога Бертье-Делагарда, приводимому г. Бѣлоконскимъ, могло быть только въ каѳедральной церкви, открытой графомъ Уваровымъ, или, лучше сказать, въ ея крещальнѣ. Что касается до «купели» Владиміра святого, то сопряженную съ ней археологическую ошибку Бертье-Делагардъ разъясняетъ слѣдующимъ образомъ: въ полу церкви нашлись двѣ рядомъ могилы, раздѣленныя тонкой стѣнкой... На точномъ и тщательномъ со всѣми мелочами рисункѣ раскопокъ 1861 года строитель храма, составлявшій планъ раскопокъ, ихъ не показалъ, и только рукою тогдашняго игумена Евгенія (также подписавшаго планъ) прибавленъ квадратикъ и написано еще несмѣло: «водоемъ». Несмотря на все это, до сихъ поръ въ храмѣ «могилы» эти показываются, какъ купель Владиміра святого...

Открытіе памятника Щепкину. Открытый 9-го мая въ Суджѣ памятникъ великому артисту М. С. Щепкину является изящнымъ сооруженіемъ, достойнымъ выдающагося представителя искусства. Пьедесталъ памятника, въ видѣ колонны, выдѣланъ изъ лабрадора и выполненъ въ мастерской Островскаго въ Кіевѣ. На колоннѣ помѣщается изящный бронзовый бюстъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ монументъ имѣетъ надписи такого содержанія:

1) Михаилу Семеновичу Щепкину, великому русскому актеру.

1783—1863 гг.

2) Въ 1801 году въ г. Суджѣ ученикъ уѣзднаго училища Щепкинъ въ первый разъ выступилъ маленькимъ актеромъ въ комедіи Сумарокова «Вздорщицы», въ роли слуги Разморина.

3) «Жить для меня—значитъ играть на сценѣ, играть—значитъ жить.

Щепкинъ».

4) «Подымать память о лучшихъ людяхъ все то же, что поселять въ гражданахъ любовь къ родинѣ».

Стоимость открытаго памятника достигаетъ 1,200—1,400 рублей.

Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1893 годъ. Совѣтъ Общества вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей при томъ же составѣ, какой былъ въ 1892 г. Представителями отъ секціи историко-этнографической были Н. Ф. Леонтьевъ и К. Н. Малиновскій. Совѣтъ имѣлъ въ отчетномъ году 10 засѣданій. Въ засѣданіяхъ обсуждались многіе вопросы предложенія и т. п. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ было печатаніе трудовъ и отчетовъ общества: одинъ томъ сборника уже выпущенъ и подготовленъ къ выпуску второй. Рядомъ съ печатаніемъ трудовъ общества и свѣдѣній объ его дѣятельности стояли заботы о пополненіи библіотеки общества. Архивъ общества пополнялся, какъ и прежде. Поступили дѣла архива Золотухинскаго волостного правленія, опись дѣлъ Хожетаевскаго волостного правленія и, наконецъ, копія съ донесенія баккалавра Казанской духовной академіи С. Гремяченскаго въ Казанскую духовную академію о поѣздкѣ въ калмыцкую степь (1849 г.). Постановлено: просить историко-этнографическую секцію собрать подробныя свѣдѣнія о бугрѣ «Большомъ Архипьевѣ», который находится въ Астраханскомъ уѣздѣ, Чаганской волости, у истока Бахтеміра. Пожертвованные обществу землемѣромъ Рудневымъ часть кольчуги и глиняный сосудъ были найдены у этого бугра, при рытьѣ межевыхъ ямъ, на глубинѣ $1^1/_2$ арш.: въ ямѣ былъ также скелетъ сидящаго человѣка съ поджатыми ногами и у колѣнъ находился глиняный сосудъ съ 4-мя ручками, тутъ же найдена и кольчуга.

Въ отчетномъ году было два общихъ собранія, и офиціально открытъ Петровскій музей. Для разумной дѣятельности каждаго человѣка среди своего общества, въ извѣстной мѣстности, должно имѣться въ виду прежде всего изученіе этой мѣстности, тѣхъ людей, среди которыхъ человѣкъ живетъ,

дѣйствуетъ, — близкое знакомство съ особенностями природы края, животными и проч. Вотъ какую цѣль имѣетъ музей, публично открытый Петровскимъ обществомъ въ память пребыванія въ Астрахани императора Петра Великаго. Этотъ музей не есть собраніе, выставка рѣдкостныхъ вещей, онъ — археологическій, естественно-историческій, торгово-промышленный, долженъ дать наглядное представленіе о мѣстности, странѣ, выставить тѣ предметы, которые характеризуютъ край, опредѣляютъ его физіономію, особенности, которыя отличаютъ его отъ другихъ мѣстностей. Музей есть громадная постоянная выставка, характеризующая его въ прошлой жизни и въ современномъ состояніи со стороны природы, почвы, климата, естественнаго богатства, народонаселенія, быта, занятій его, видовъ народной дѣятельности. Дѣйствительный членъ общества, С. И. Климашевская, принесла въ даръ обществу прекрасно исполненную въ половину натуральной величины фотографическую копію съ портрета о. Кирилла Васильева, автора цѣнной для изслѣдователей края, изданной Кирилло-Меѳодіевскимъ обществомъ, такъ-называемой Ключаревской лѣтописи (род. 1770 г. † 1 января 1837 г.). Общество получило еще цѣнный даръ отъ археологической комиссіи, кладъ изъ 391 экземпляра серебряныхъ золотоордынскихъ монетъ, найденныхъ въ 1864 г. жителями с. Ковылева, Красноярскаго уѣзда. Къ началу отчетнаго года общество состояло изъ 20 почетныхъ членовъ, 6 пожизненныхъ, 80 дѣйствительныхъ и 5 членовъ-кореспондентовъ, а всего изъ 111 человѣкъ.

Въ историко-этнографической секціи состоялось 6 засѣданій; въ ней состояло 28 членовъ и 3 члена-кореспондента. Къ 1-му января 1894 года въ библіотекѣ оказалось 1,773 названія въ количествѣ 2,940 №№. Присоединяя же сюда библіотеку, принесенную въ даръ Петровскому обществу Румянцевскимъ музеемъ въ 1892 г., заключающую въ себѣ 1132 тома (463 названія) рѣдкихъ иностранныхъ названій по различнымъ отраслямъ научнаго знанія, получимъ въ общемъ итогѣ 4,072 №№.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1894 годъ. Истекшій 18-й годъ существованія Минусинскаго музея ознаменовался событіемъ, въ которомъ приняли участіе почти всѣ жители Минусинска. Наслѣдникъ Цесаревичъ, сочувствуя полезной научной дѣятельности Минусинскаго городского музея по выставкѣ имѣющихся въ немъ рѣдкостей, для обозрѣнія его высочества, во время путешествія по Сибири, въ 1891 году, пожаловалъ означенному музею свой портретъ, большого размѣра, съ собственноручною надписью. Въ память этого дня городская дума учредила 2 стипендіи для бѣдныхъ учениковъ городского училища. Къ январю 1895 г. наличность музея выражается въ слѣдующей цифрѣ—43,196 предметовъ: въ естественно-историческомъ отдѣлѣ, антропологическомъ, археологическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, нумизматическомъ, образовательномъ, педагогическомъ и лабораторіи. Путемъ покупки, пожертвованіями и экскурсіями членовъ комитета музея, число предметовъ музея увеличилось на 2,207 нумеровъ, сравнительно съ 1894 годомъ, но эта цифра только приблизительно выражаетъ пріобрѣтенія музея, такъ какъ ко времени составленія настоящаго отчета не всѣ поступленія отчетнаго года занесены въ систематическіе каталоги; съ другой стороны, въ этотъ отчетъ вошли многіе предметы (древности, грибы), поступившіе въ предшествовавшіе годы, но не значившіеся въ прежнихъ отчетахъ. Послѣ естественно-историческаго всего больше обогатился археологическій отдѣлъ. Сильные и продолжительные вѣтра, господствовавшіе въ округѣ весною 1894 г., обнажили во многихъ мѣстахъ рыхлыя почвы, прикрывавшія древнія стоянки; въ нихъ мѣстными жителями собрано было не мало археологическихъ предметовъ, часть которыхъ и пріобрѣтена музеемъ. Инвентарь музея увеличился только 6-ю шкафиками подъ геогностическія коллекціи. Къ концу 1894 года стоимость имущества музея достигла суммы 5,477 рублей 50 коп. Музей открывался для

публики, въ продолженіе всего года, по воскресеньямъ и субботамъ (базарные дни), и, кромѣ того, для желающихъ и въ остальные дни съ 3-хъ до 6-ти часовъ, во время дежурства библіотекаря. Число отдѣльныхъ посѣщеній комитету музея неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ посѣтителей было не менѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе годы, т.-е. приблизительно отъ 7-ми до 9-ти тысячъ. Инструменты метеорологической станціи находились частью въ музеѣ, частью при квартирахъ наблюдателей. Въ приходѣ было 321 рубль 50 коп., въ расходѣ—573 рубля 60 коп. Перерасходовано—252 рубля 30 коп. Дѣятельность комитета музея выразилась, главнымъ образомъ, въ работахъ въ самомъ музеѣ, затѣмъ въ подготовкѣ и отправкѣ спеціалистамъ для научной обработки нѣкоторыхъ коллекцій и предметовъ музея; библіотека увеличилась на 524 названія въ 640 томахъ, на сумму 1,008 рублей 75 коп. Къ 1895 г. состоитъ 11,896 сочиненій, въ 15,454 томахъ, на сумму 22,077 р. 62 коп. Въ приходѣ по библіотекѣ было 479 рублей 85 коп., израсходовано—577 руб. 72 коп. Перерасходовано—97 руб. 87 коп.

† 12 іюня, въ Вильдунгенѣ, близъ Касселя, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, **Дмитрій Александровичъ Ровинскій**. Онъ родился въ 1824 г., въ Москвѣ, получилъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, откуда выпущенъ въ 1844 г. съ чиномъ IX класса, началъ службу въ Сенатѣ и затѣмъ послѣдовательно занималъ должности: московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, совѣтника московской уголовной палаты, товарища предсѣдателя той же палаты, московскаго губернскаго прокурора, прокурора московской судебной палаты, предсѣдателя департамента этой палаты и, наконецъ, въ 1870 г. назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Но не служебная карьера Д. А. Ровинскаго, хотя и тѣсно связанная съ многими, важными реформами прошлаго царствованія, сдѣлала ими его извѣстнымъ. Онъ пріобрѣлъ популярность не только въ Россіи, но и за границей, какъ знатокъ и изслѣдователь исторіи русскаго искусства и неутомимый собиратель гравюръ. Его собраніе русскихъ гравированныхъ портретовъ, лубочныхъ картинъ и литографій, заключающее въ себѣ болѣе 15,000 листовъ, въ томъ числѣ множество чрезвычайно рѣдкихъ, можетъ считаться первымъ въ Россіи. Оно завѣщано имъ московскому Румянцевскому музею. Владѣя такимъ богатымъ собраніемъ, Д. А. Ровинскій не относился къ нему исключительно какъ любитель и коллекціонеръ; онъ тщательно изучалъ этотъ никѣмъ еще не разработанный матеріалъ, старался извлечь изъ него пользу для науки, сдѣлать доступнымъ для публики и съ этой цѣлью, не останавливаясь передъ значительностью затратъ и громадностью труда, предпринялъ рядъ монументальныхъ изданій, которыя всегда будутъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для занимающихся русской стариной и сохранять среди нихъ благодарную память объ этомъ энергичномъ и самоотверженномъ дѣятелѣ въ области отечественной иконографіи.

Съ 1856 г. Д. А. Ровинскимъ изданы: 1) Исторія русскихъ школъ иконописанія. 2) Русскіе граверы и ихъ произведенія. 3) Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. 4) Русскій граверъ Чемесовъ. 5) Русскія народныя картины, съ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 1,780 картинъ. 6) Достовѣрные портреты московскихъ государей. 7) Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія. 8) Виды Соловецкаго монастыря. 9) Матеріалы для русской иконографіи. 10) Гравюры Берсенева. 11) Ѳ. И. Іорданъ и его произведенія. 12) В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія. 13) Виды привислянскихъ губерній. 14) Сборникъ сатирическихъ картинъ. 15) Полное собраніе гравюръ Рембрандта. 16) Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта. 17) Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ.

Смерть застигла Д. А. Ровинскаго за новымъ, обширнымъ трудомъ «Словаремъ русскихъ граверовъ». Полагаемъ, что одно уже перечисленіе

капитальныхъ изслѣдованій Д. А. достаточно для того, чтобы оцѣнить важное значеніе услугъ, оказанныхъ имъ русской исторической наукѣ.

† 29-го апрѣля, въ Маріинской больницѣ скончался отъ воспаленія мозга, на 73 году жизни, заслуженный професоръ **Платонъ Васильевичъ Павловъ**, одинъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и русскихъ ученыхъ минувшаго полувѣка. Самая знаменательная эпоха русской исторіи, освободительная эпоха 60-хъ годовъ — тѣсно связана съ именемъ знаменитаго историка П. В. Павлова. Для слушателей своихъ покойный профессоръ былъ чуть не «кумиромъ»; вліяніе П. В. на тогдашнюю молодежь было громадно. По иниціативѣ П. В. Павлова въ Россіи впервые народились воскресныя школы. Онъ же среди нашихъ ученыхъ считается создателемъ философіи русской, исторіи (его сочиненіе «Тысячелѣтіе Россіи»). Родился П. В. Павловъ 7-го сентября 1823 года; въ 1844 году онъ окончилъ курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ по историко-филологическому факультету съ серебряной медалью и въ томъ же году получилъ степень магистра греческой словесности. Въ 1847 году, 23 лѣтъ отъ роду, онъ уже былъ адъюнктъ-профессоромъ, занявъ каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, послѣ Костомарова. 25 лѣтъ онъ уже былъ докторъ историческихъ наукъ политической экономіи и статистики. За время своей педагогической дѣятельности покойный П. В. былъ преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ; такъ, кромѣ университета въ Кіевѣ, въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, 1-й и 2-й мужскихъ гимназіяхъ, въ Петербургѣ въ училищѣ правовѣдѣнія, константиновскомъ училищѣ, петербургскомъ юнкерскомъ училищѣ, еленинскомъ женскомъ училищѣ. Въ началѣ 50 годовъ онъ началъ работать на литературномъ поприщѣ въ старыхъ «Отечественныхъ Запискахъ» при Некрасовѣ, а затѣмъ во многихъ другихъ журналахъ и газетахъ Имъ много написано по отдѣламъ: греческой словесности, по исторіи, по статистикѣ, по части изящныхъ искусствъ. П. В. состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, въ 1892 году вся столичная ежедневная пресса и журналы отмѣтили юбилей П. В. Павлова, помѣстивъ его портреты и самыя теплыя статьи о его дѣятельности. Вотъ главныя его сочиненія по исторіи русской и всеобщей: «О царствованіи Бориса Годунова» 1849, перепечатано въ 1863 г.; «О Земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій» («Отечественныя Записки» 1860, № 1, 2); «Тысячелѣтіе Россіи» («Академическій мѣсяцесловъ на 1862 г.»; перепечатано въ 1863 году отдѣльно); три статьи для дѣтей средняго возраста: a) «Владиміръ Святой»; b) «Владиміръ Мономахъ»; c) «Димитрій Донской» («Журналъ для дѣтей», изд. магазина русской книжной торговли, 1869); «Опытъ введенія въ исторію» («Отечественныя Записки» 1874 № 4 и 5); по статистикѣ: «Сравнительная статистика Россіи, 1869 курсъ, читанный въ константиновскомъ военномъ училищѣ; «Карманная книжка сравнительной статистики Россіи, съ картою промышленности, 1869; по части изящныхъ искусствъ: «О новомъ берлинскомъ музеѣ» («Отечественныя Записки» 1858, т. CXVII); «О значеніи нѣкоторыхъ фресковъ Кіево-Софійскаго собора» («Труды 3-го археологическаго съѣзда», Кіевъ, 1874); «О предметѣ каѳедры исторіи и теоріи искусствъ» («Труды 4-го археологическаго съѣзда», въ Казани, 1877); «Введеніе въ науку искусства, резонированный конспектъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра» («Университетскія Извѣстія», 1880). Сверхъ того, П. В. Павловъ помѣщалъ свои статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Издательская дѣятельность П. В. ограничилась приведеніемъ въ систему и подготовкой къ изданію «Сибирскихъ Лѣтописей» (съ указаніемъ реальныхъ варіантовъ для Строгановской и Есиповской лѣтописей).

† Въ страшной бѣдности одинъ изъ извѣстныхъ и старѣйшихъ антрепренеровъ **Владиміръ Александровичъ Базаровъ** въ С.-Петербургѣ. Онъ воспитывался въ реальномъ училищѣ и на 16 году почувствовалъ сильное влеченіе къ

театральнымъ подмосткамъ; въ первый разъ, въ 1869 г., въ Симферополѣ. выступилъ въ пьесѣ «Бѣдность не порокъ», въ роли слуги «Егорушки» Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, перебрался въ Севастополь, гдѣ фортуна измѣнила ему, и онъ дошелъ до крайней бѣдности, и питался раками, которыхъ самъ ловилъ въ рѣчкахъ. Отсюда В. А. вмѣстѣ съ Д. Ярославскимъ отправились въ Харьковъ, гдѣ поступили въ мѣстный театръ. Здѣсь ихъ положеніе настолько улучшилось, что они вскорѣ перебрались въ Кіевъ. затѣмъ въ Москву и Петербургъ. Здѣсь В. А. основалъ театральную библіотеку и выстроилъ въ Стрѣльнѣ театръ, держалъ совмѣстно съ покойнымъ И. П. Зазулинымъ Демидовъ садъ, а затѣмъ антрепренерствовалъ въ клубахъ: въ приказчичьемъ и лѣсномъ общественномъ собраніи. Несмотря на его энергію, ему все-таки не везло, и онъ дошелъ до того, что за послѣднее время, находясь больнымъ, нуждался въ насущномъ хлѣбѣ и вынужденъ былъ обратиться съ просьбой о помощи къ своимъ товарищамъ. Онъ былъ авторомъ пьесъ: «Жидовка, или тайны испанской инквизиціи», «Жертвы инквизиціи» и «Кречинскій въ юбкѣ». Кромѣ того, покойный В. А. былъ первымъ основателемъ артистическихъ товариществъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Кто былъ старецъ Θедоръ Козьмичъ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» настоящаго года и въ книжкахъ «Русской Старины» за октябрь 1887 и 1891 гг., за январь и май 1892 года, помѣщены статьи о сибирскомъ старцѣ Θедорѣ Козьмичѣ, въ которыхъ сообщаются разнообразныя свѣдѣнія о времени и мѣстѣ задержанія и высылки его въ Сибирь, а также и о наружномъ видѣ этой загадочной личности. Желая повѣрить эти свѣдѣнія, я обратился къ документамъ завѣдываемаго мною Тюменскаго приказа о ссыльныхъ, въ архивѣ котораго за 1836 годъ оказались: а) предварительное увѣдомленіе красноуфимскаго (Пермской губерніи) городничаго, отъ 13-го октября 1836 года за № 1,212, о высылкѣ въ Сибирь бродяги Θедора Козьмина Козьмина же, б) рѣшеніе о немъ Красноуфимскаго уѣзднаго суда, отъ 10-го сентября того же года, и в) статейный списокъ на этого ссыльнаго.

Изъ этихъ документовъ видно, что 4-го сентября 1836 года, въ Кленовской волости, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, задержанъ, проѣзжавшій на лошади, запряженной въ телѣгу, неизвѣстный человѣкъ, который, при допросѣ въ Красноуфимскомъ земскомъ судѣ, показалъ, что онъ— Θедоръ Козьминъ сынъ Козьминъ же, 70-ти лѣтъ, неграмотенъ, исповѣданія греко-россійскаго, холостъ, непомнящій своего родопроисхожденія съ младенчества своего, пропитывался у разныхъ людей, напослѣдокъ вознамѣрился отправиться въ Сибирь, но дорогой, въ Кленовской волости, крестьянами былъ задержанъ. По двукратному свидѣтельству бродяги Θедора Козьмина, произведенному въ Красноуфимскихъ земскомъ и уѣздномъ судахъ, у него оказались слѣдующія примѣты: ростъ 2 аршина 6½ вершковъ, волосы

на головѣ и бородѣ свѣтлорусые съ просѣдью, носъ и ротъ посредственные, глаза сѣрые, подбородокъ кругловатый, отъ рода имѣетъ не болѣе 65 лѣтъ, на спинѣ есть знаки наказанія кнутомъ или плетьми.

На основаніи существовавшихъ въ 1836 году законовъ, Красноуфимскій уѣздный судъ присудилъ бродягу Ѳедора Козьмина къ наказанію плетьми, чрезъ полицейскихъ служителей, двадцатью ударами и къ отдачѣ въ солдаты, куда окажется годнымъ, а въ случаѣ негодности—къ отсылкѣ въ Херсонскую крѣпость, за неспособностью же къ работамъ—къ ссылкѣ прямо въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ въ присутствіи уѣзднаго суда 3-го октября былъ объявленъ бродягѣ Ѳедору Козьмину, который приговоромъ остался доволенъ и довѣрилъ за себя подписаться мѣщанину Григорію Шпыневу. Затѣмъ означенное рѣшеніе уѣзднымъ судомъ представлено было на утвержденіе къ пермскому губернатору, который, возвративъ рѣшеніе, предписалъ, чтобы бродяга Козьминъ, какъ имѣющій 65 лѣтъ отъ рода и, слѣдовательно, неспособный ни къ военной службѣ, ни къ крѣпостнымъ работамъ, былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Въ силу объявленнаго рѣшенія уѣзднаго суда и распоряженія пермскаго губернатора, бродяга Ѳедоръ Козьминъ, 12-го октября, чрезъ полицейскихъ служителей, плетьми 20 ударами наказанъ, а 13-го числа отправленъ въ Сибирь посредствомъ внутренней стражи.

Въ Тюмень бродяга Ѳедоръ Козьминъ доставленъ 7-го декабря 1836 года въ 44-й партіи подъ № 117, 10-го числа распредѣленъ приказомъ о ссыльныхъ въ Томскую губернію въ разрядъ неспособныхъ, куда и отправленъ 11-го декабря 1836 года въ 43-й партіи.

Изложенныя выше свѣдѣнія, какъ официальныя и не подлежащія никакому сомнѣнію, показываютъ, въ какой мѣрѣ справедливо сообщенное въ статьѣ г. Кузнецова-Красноярскаго, напечатанной въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», извѣстіе о томъ, будто бы старецъ Ѳедоръ Козьмичъ подъ этимъ именемъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе по его просьбѣ и прибылъ въ Томскъ въ 1844 году въ 42-й партіи. Это послѣднее сообщеніе также не подтвердилось ни по алфавитнымъ спискамъ приказа о ссыльнопоселенцахъ за 1843 и 1844 годы, ни по партіонному списку за № 42, такъ какъ въ этихъ документахъ Ѳедора Козьмина не оказалось записаннымъ.

Находя, съ своей стороны, что невѣрно сообщаемыя въ печати свѣдѣнія не должны быть оставляемы безъ вниманія, и всякій, кому извѣстно истинное положеніе дѣла, обязанъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать возстановленію истины, я прошу редакцію «Историческаго Вѣстника» напечатать мою настоящую замѣтку.

Р. Кузовниковъ,

управляющій тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ.

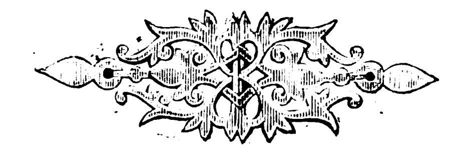
18-го мая 1895 г.
Гор. Тюмень.

II.

По поводу сборника «Костромская Старина».

По поводу замѣтки о третьемъ выпускѣ сборника «Костромская Старина», издаваемаго Костромской губернской архивной комиссіей, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» нынѣшняго года, въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія», редакція получила объясненіе непремѣннаго члена комисіи, г. Н. Миловидова, но въ виду значительнаго объема этого объясненія редакція не находитъ возможнымъ напечатать его цѣликомъ, а приводитъ извлеченіе со своими замѣчаніями. Г. Миловидовъ считаетъ нужнымъ оправдать комиссію отъ обвиненій въ неряшливости ея изданія, выставленныхъ нашимъ рецензентомъ, и на указаніе, что сборникъ напечатанъ на плохой бумагѣ и неизящнымъ шрифтомъ, возражаетъ, что «комиссія, не обладая большими денежными средствами, составляетъ свой сборникъ большею частью изъ тѣхъ статей, которыя предварительно печатаются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, а какъ въ отношеніи формата и книжки сборника, такъ и въ отношеніи достоинства бумаги, формы и красоты шрифта, находится въ полной зависимости отъ губернской типографіи; архивная комиссія не можетъ выписывать для себя какой нибудь особенный шрифтъ, а довольствуется тѣмъ, какой имѣетъ губернская типографія». Недостатокъ средствъ, конечно, весьма уважительная причина, на нѣтъ и суда нѣтъ, и мы охотно беремъ назадъ замѣчаніе нашего рецензента относительно бумаги и шрифта сборника, но съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться въ объясненіи г. Миловидова — это съ оправданіемъ корректурныхъ ошибокъ. Къ небольшому сборнику приложено 15 страницъ опечатокъ, что̀ и дало поводъ нашему рецензенту сказать, что такъ издавать неприлично ученой комиссіи. На это г. Миловидовъ возражаетъ: «г. рецензентъ, конечно, не знаетъ, что Костромская архивная комиссія не имѣетъ и не въ состояніи имѣть спеціальнаго корректора. Трудность услѣдить за всѣми мелкими ошибками для членовъ архивной комиссіи, издающихъ сборникъ, увеличивается отъ того, что мелкія ошибки, напримѣръ, въ знакахъ препинанія, кавычкахъ или тире, раздѣленіи или сліяніи сложныхъ словъ, напримѣръ, съ отрицаніемъ не и др., легко могутъ вкрасться при транскриптированіи (не лучше ли: транскрибированіи?) старинныхъ рукописей, въ которыхъ, какъ извѣстно, правильная пунктуація текста не соблюдалась. Транскрипторъ, заботясь о правильности прочтенія и передачи въ копіи текста старинной рукописи, очень легко могъ опустить изъ виду всѣ частности той пунктуаціи, которая должна бы быть въ немъ. Г. рецензентъ, произнося свой суровый приговоръ, опустилъ изъ виду именно то, что большая часть приложенныхъ опечатокъ касается не существа дѣла, т.-е. не текстуальной стороны рукописей и статей, а стороны пунктуальной, т.-е. запятыхъ, вносныхъ знаковъ, тире и т. п. Приложенный списокъ ошибокъ, замѣченныхъ и исправленныхъ (курсивъ г. Миловидова) уже послѣ того (курсивъ нашъ), какъ статьи для сборника были отпечатаны, свидѣтельствуетъ не о неряшливости, а, напротивъ, о тщательности со стороны архивной комиссіи по отношенію къ своимъ изданіямъ». Все приведенное длинное объясненіе г. Миловидова представляется нѣсколько страннымъ: все дѣло изданія

заключается именно въ наблюденіи за правильностью переписки или, какъ выражается г. Миловидовъ, транскриптированія старинныхъ рукописей и, кромѣ того въ корректурѣ, которая должна быть тщательною; разъ же нѣтъ ни того, ни другого, изданіе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Указаніе на то, что ошибки не текстуальныя, а пунктуальныя, тоже не выдерживаетъ критики: и пунктуальныхъ ошибокъ не должно быть такъ много, чтобы списокъ ихъ занималъ 15 страницъ. Наконецъ, на утвержденіе г. Миловидова, что списокъ опечатокъ служитъ свидѣтельствомъ тщательности изданія, можно отвѣтить, что было бы лучше, если бы «тщательность» проявилась во время печатанія, такъ чтобы не приходилось прилагать къ изданію такого длиннаго списка ошибокъ. Въ заключеніе г. Миловидовъ упрекаетъ рецензента въ неполнотѣ передачи содержанія сборника, что рецензентъ не упомянулъ о напечатанной въ сборникѣ грамотѣ Василія Шуйскаго въ Свіяжскѣ. На это можно отвѣтить только, что размѣры рецензіи не позволяли говорить о всякомъ ничтожномъ документѣ, помѣщенномъ въ книжкѣ. Ред.

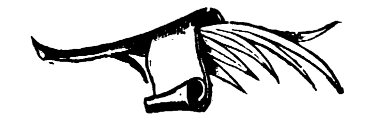

ПАМЯТИ С. Н. ТЕРПИГОРЕВА.

13-го іюня, умеръ, 54 лѣтъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ (Атава). Общество лишилось въ немъ писателя съ крупнымъ дарованіемъ, умѣвшаго въ живыхъ и яркихъ картинахъ воспроизводить многія типичныя черты прошлаго, дореформеннаго, быта и современной жизни, а близкіе люди потеряли въ немъ человѣка съ прекрасными душевными качествами, отзывчиваго на все хорошее, неистощимаго и остроумнаго собесѣдника. Въ Терпигоревѣ соединялись самыя симпатичныя свойства: большой, природный умъ, талантливость, сердечность, хлѣбосольство и добродушіе, не лишенное тонкаго, безобиднаго юмора. Воспитанный въ средѣ богатой, дворянской семьи, пришедшей потомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, въ «оскудѣніе», онъ сохранилъ не мало привычекъ прежняго барства. Городская жизнь съ ея стѣснительными условіями не подходила къ его широкой, русской натурѣ, и онъ поселился въ одной изъ петербургскихъ окраинъ, на берегу Невы, въ домѣ-особнякѣ, окруженномъ тѣнистымъ садомъ, и жилъ здѣсь въ совершенно помѣщичьей обстановкѣ; его радушное гостепріимство не знало границъ и поглощало весь его, довольно значительный, литературный заработокъ, такъ-что онъ не оставилъ своей женѣ никакихъ средствъ. Относясь съ легкимъ сердцемъ ко всѣмъ житейскимъ невзгодамъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, онъ столь же легко относился и къ своей предсмертной болѣзни; по мѣрѣ того, какъ припадки ея усиливались, онъ все болѣе и болѣе надѣялся на скорое выздоровленіе, увѣрялъ,

что чувствуетъ себя отлично, за недѣлю до кончины началъ собираться къ отъѣзду на Кавказскія минеральныя воды и умеръ со словами: «ахъ, какъ мнѣ легко, какъ хорошо!». Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Терпигоревъ писалъ много, но далекій отъ самомнѣнія, не рѣдко самъ подвергалъ строгой критикѣ свои разсказы, сознавая ихъ слабыя стороны и извиняя ихъ спѣшностью работы, вызываемой необходимостью. Въ послѣднее время онъ мечталъ о такомъ произведеніи, въ которомъ могъ бы выказать всю силу своего таланта и которое служило бы продолженіемъ «Оскудѣнія», доставившаго ему извѣстность; онъ даже набросалъ планъ и нѣсколько первыхъ главъ обширнаго романа, гдѣ хотѣлъ изобразить современный, дворянскій бытъ «послѣ оскудѣнія», для чего имѣлъ богатый матеріалъ, собиравшійся имъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Во всю свою писательскую дѣятельность онъ оставался вѣренъ лучшимъ литературнымъ традиціямъ, и въ этомъ отношеніи на его памяти не лежитъ никакого упрека. Какъ литераторъ, Терпигоревъ занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди современныхъ беллетристовъ, и потому, въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала, мы посвятимъ его литературной характеристикѣ особую статью. Что касается біографическихъ о немъ свѣдѣній, то мы не сообщаемъ ихъ здѣсь на томъ основаніи, что имѣемъ въ своемъ распоряженіи его «Воспоминанія», гдѣ онъ самъ разсказываетъ свою жизнь. Мы начнемъ печатать ихъ съ первой книжки будущаго года и приложимъ къ нимъ его портретъ.

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ РОССІИ ВЪ 1894 ГОДУ.

I.

Книжное дѣло.

Въ минувшемъ 1894 году въ Россіи вышло 10,651 сочиненій, отпечатанныхъ въ количествѣ болѣе 32.208,372 экземпляровъ. Нельзя, однакожъ, считать всѣ эти 10,651 наименованій за сочиненія, появившіяся въ первый разъ, такъ какъ въ числѣ ихъ находится 1,596 повторныхъ изданій, слѣдовательно собственно новыхъ будетъ 9,055 сочиненій. Впрочемъ, и это послѣднее число едва ли можно принять за вѣрное. Дѣло въ томъ, что наши авторы, изъ излишней скромности или по другимъ причинамъ, печатая свои произведенія не всегда обозначаютъ, какимъ изданіемъ появляется оно въ свѣтъ, а, между тѣмъ, такое указаніе имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что по немъ можно было бы дѣлать выводъ, какъ о движеніи книгъ вообще, такъ, въ частности, и о томъ, чѣмъ болѣе всего интересуется современное общество, насколько образовался его вкусъ.

Въ общей массѣ изданныхъ въ 1894 сочиненій было: переводныхъ 908 и перепечатанныхъ изъ повременныхъ изданій — 512; послѣднія, судя по ихъ объему, въ большинствѣ не что иное, какъ брошюрки. Изъ всего числа 10,651 сочиненій было напечатано: на русскомъ языкѣ — 8,082 въ количествѣ 25.046,592 экземпляровъ и на другихъ языкахъ — 2,569 наименованій въ количествѣ 7.161,780 экземпляровъ; сочиненія на русскомъ языкѣ имѣли 1,463 повторныхъ изданія, напечатанныя же на другихъ языкахъ — 133 наименованія; оригинальныхъ произведеній въ первой группѣ насчитывается 7,376 и во второй—2,367.

По времени выхода въ свѣтъ всѣ изданныя въ 1894 году сочиненія распредѣлялись такъ:

Мѣсяцы.	Соч. на русск. яз.	Соч. нерусск.	Всего экземпл.
Январь.	614	215	3.554,899
Февраль	654	168	2.608,070
Мартъ	734	213	3.258,388
Апрѣль	716	213	3.157,978
Май	673	235	3.245,634
Іюнь.	646	193	3.132,039
Іюль.	634	212	4.151,618
Августъ	614	227	4.658,951
Сентябрь	727	189	4.368,768
Октябрь	655	221	3.471,289
Ноябрь.	648	220	2.917,325
Декабрь	767	263	3.611,413

Таковъ общій выводъ книгопечатной дѣятельности въ Россіи въ минувшемъ году, сравнивать же его можно только съ ближайшимъ прошлымъ, съ 1893 годомъ, при чемъ окажется, что въ 1894 году вышло изъ печати на 409 наименованій болѣе и на 1.668,829 экземпляровъ менѣе. Такое уменьшеніе въ числѣ экземпляровъ является отъ того, что въ общемъ итогѣ 1893 года заключаются книги, вышедшія въ г. Кіевѣ, т.-е. напечатанныя въ лаврской типографіи съ разрѣшенія мѣстной духовной цензуры, а для 1894 г. свѣдѣній объ этихъ изданіяхъ не имѣется и до настоящаго времени. Увеличеніе числа сочиненій составляетъ: для напечатанныхъ на русскомъ языкѣ—300 наименованій и на другихъ языкахъ—109; численность же экземпляровъ уменьшается для первыхъ на 2.178,311 и увеличивается для послѣднихъ на 511,482 экземпляра. Приведенное сравненіе, конечно, не можетъ имѣть того интереса, какой получился бы тогда, когда его можно было бы сдѣлать съ давно минувшимъ временемъ, и какъ кстати было бы теперь такое сравненіе. Выставка печатнаго дѣла, открытая въ текущемъ году въ С.-Петербургѣ, наглядно познакомила всѣхъ, ее посѣтившихъ, съ технической стороной книгопечатанія, она показала тотъ успѣхъ, котораго достигла Россія въ этомъ отношеніи. Глядя на фигуру перваго русскаго печатника, держащаго въ рукахъ оттиснутый имъ на грубомъ станкѣ печатный листъ бумаги, и переходя затѣмъ къ громаднымъ современнымъ печатнымъ машинамъ, видишь, какъ усовершенствованъ и облегченъ теперь способъ воплощенія дѣятельности человѣческаго ума. Видишь и воображенію представляются тѣ милліоны экземпляровъ книгъ, которыя текутъ на книжный рынокъ изъ-подъ могучаго взмаха этихъ колесъ, а оттуда распространяются по родной странѣ, просвѣщаютъ ее, и, вотъ, невольно хочется сравнить настоящее съ давно прошлымъ, хочешь провести параллель между теперь и тогда. Но не выставка печатнаго дѣла и ничто другое, кромѣ воображенія, не объясняетъ намъ, какъ подвигались мы впередъ и, наконецъ, дошли до настоящаго положенія, что было злобою дня на книжномъ рынкѣ тогда и что теперь. Обстоятельный и положительный отвѣтъ на это едва ли когда либо будетъ возможенъ, прошлое, по неимѣнію о немъ свѣдѣній, потеряно навсегда. Н. М. Лисовскій въ своемъ докладѣ, читанномъ въ 3-ей секціи перваго съѣзда

русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу, обратилъ вниманіе слушателей какъ на этотъ пробѣлъ, такъ и вообще на серьезное значеніе статистики книгопечатанія. Съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ статистика печати, будучи выразительницею умственнаго народнаго развитія, давно должна была бы занять первенствующее мѣсто.

Переходя къ обзору каждой группы сочиненій въ отдѣльности, начнемъ съ напечатанныхъ на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ. Первое, что замѣчается здѣсь—это отсутствіе новыхъ изданій на разныхъ нарѣчіяхъ инородцевъ, населяющихъ Россію, а затѣмъ уменьшеніе числа сочиненій въ литературѣ другихъ народностей, не коснувшееся только литературы польской и еврейской. Мы сказали выше, что въ 1894 году всѣхъ иноязычныхъ изданій, въ общей сложности, вышло 2,569 — болѣе противъ 1893 года на 109 сочиненій; собственно же число польскихъ сочиненій увеличилось на 122 наименованія и еврейскихъ на 76. Такъ какъ то и другое вмѣстѣ взятыя даютъ плюсъ 198, то очевидно, что уменьшеніе должно касаться произведеній печати почти всѣхъ прочихъ народностей.

Распредѣляя всѣ сочиненія, изданныя въ минувшемъ году на иностранныхъ языкахъ, въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій, приходимъ къ нижеслѣдующему выводу:

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
На польскомъ языкѣ . .	894	2.455,739
» еврейскомъ » . .	519	1.374,700
» нѣмецкомъ » .	315	493,484
» латышскомъ » . .	219	737,564
» эстонскомъ » . .	172	694,050
» армянскомъ » . .	124	153,462
» грузинскомъ » . .	74	115,074
» тюркскомъ » . .	70	328,630
» французскомъ » . .	61	40,994
» арабскомъ » . .	27	489,500
» русско-польскомъ » . .	15	8,680
» латинскомъ » . .	14	9,478
» турецкомъ » . .	10	16,900
» арабо-тюркскомъ » . .	7	111,000
» тюркско-арабскомъ » . .	6	26,000
» англійскомъ » . .	4	3,530
» русско-еврейскомъ » . .	4	10,000
» еврейско-русскомъ » . .	3	22,000
» персидскомъ » . .	3	4,000
» эсперанто » . .	3	3,500
» арабо-персидскомъ » . .	2	4,000
» арабо-персидско-татарскомъ » . .	2	4,000
» греческомъ » . .	2	650
» латино-польскомъ » . .	2	1,200

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
» нѣмецко-русскомъ языкѣ . .	2	2,300
» русско-французскомъ » . .	2	2,220
» русско-нѣмецкомъ » . .	2	1,600
» китайскомъ » . .	1	1,000
» латышско-польскомъ » . .	1	1,000
» персидско-арабскомъ » . .	1	3,500
» русско-итальянскомъ » . .	1	1,200
» русско-эстонскомъ » . .	1	400
» русско-нѣмецко-латышскомъ » . .	1	3,000
» русско-нѣмец.-латышс.-эстонс. » . .	1	825
» финскомъ » . .	1	2,000
» чешскомъ » . .	1	1,250
» чувашскомъ » . .	1	3,050
» шведскомъ » . .	1	300
Всего . . .	2,569	7.161,780

На этотъ разъ мы ничего не прибавимъ отъ себя къ приведеннымъ даннымъ—въ группѣ этихъ изданій все остается такъ же, какъ было въ прежніе годы, и ничто въ ней не останавливаетъ на себѣ особаго вниманія. Изъ русскихъ авторовъ мы встрѣтили переводъ на эстонскій языкъ разсказа Немировича-Данченко: «Забытый рудникъ», изданный въ г. Ригѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію изданій, вышедшихъ въ 1894 году на русскомъ языкѣ, слѣдуетъ изъ общаго числа ихъ 8,082 исключить тѣ, которыя хотя и имѣютъ печатный текстъ, но не предназначаются собственно для чтенія, а именно: ноты, альбомы, разнаго рода атласы и т. п. Такихъ изданій было выпущено 138, въ количествѣ 250,870 экземпляровъ; слѣдовательно, исключая ихъ, получимъ собственно книгъ, изданныхъ въ минувшемъ году на русскомъ языкѣ 7,944, въ количествѣ 24.795,722 экземпляровъ.

По своему содержанію всѣ русскія сочиненія располагаются, въ нисходящемъ порядкѣ, слѣдующимъ образомъ.

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
Духовно-богословскихъ	1,058	8.481,159
Беллетристическихъ	719	2.854,723
Учебныхъ	695	5.738,114
Справочныхъ	644	4.766,465
Медицинскихъ	544	774,167
Отчеты разные	342	238,960
Историческихъ	333	417,800
Дешевыхъ и народныхъ	326	2.652,215
Дѣтскихъ	325	2.577,735
Статистическихъ	282	148,735
Юридическихъ	278	393,714

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
Сельско-хозяйственныхъ.	262	517,746
Драматическихъ	245	349,350
Естествознанія	234	389,140
Лубочныхъ	194	2.107,660
Техническихъ.	189	258,330
Біографическихъ	172	549,859
Смѣсь	159	192,739
Военное дѣло	138	242,085
Педагогическихъ	117	177,753
Географія и путешествія	113	169,260
Критика и библіографія	82	183,779
Астрономія и метеорологія	70	69,372
Философскихъ.	65	86,404
Ноты съ текстомъ	56	38,145
Торговля и промышленность	54	50,626
Альбомы съ текстомъ	54	146,945
Математическихъ	53	50,832
Политика и общественные вопросы . .	47	69,010
Исторія словесности и литературы . . .	44	89,042
Языкознаніе	43	71,320
Изящныя искусства	26	22,209
Счетоводство	26	29,580
Политическая экономія	25	31,224
Ученые сборники	24	12,138
Атласы съ текстомъ	24	52,980
Финансы.	12	20,112
Литературные и другіе сборники. . . .	4	9,325
Картины съ текстомъ	4	12,800
Всего	8,082	25.046,592

Ежегодное увеличеніе числа сочиненій, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ, само-по-себѣ, не представляется чѣмъ-либо особеннымъ и весь интересъ заключается здѣсь въ опредѣленіи того рода литературы, на который оно приходится. Развитіе литературной дѣятельности всякаго народа стоитъ въ зависимости отъ общаго развитія его духовныхъ силъ, его просвѣщенія, успѣхъ же послѣдняго можетъ быть болѣе или менѣе точно опредѣленъ только черезъ значительный промежутокъ времени. Та же причина воспитываетъ и литературный вкусъ общества, заставляя его переходить отъ Бовы-королевича къ чтенію Пушкина, Тургенева, Толстого, она же направляетъ умы на предметы знанія, склоняя ихъ интересоваться предпочтительно одною какою либо стороною знанія. Это именно и есть то, что̀ мы привыкли выражать словомъ «направленіе». Каково бы ни было это направленіе, будь оно реальное или идеальное, но оно, безъ сомнѣнія, должно отражаться на книгоиздательской дѣятельности въ тече-

ніе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, выражаясь увеличеніемъ, уменьшеніемъ или колебаніемъ числа новыхъ изданій по каждому отдѣлу. Теперь посмотримъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время въ этомъ отношеніи книжный рынокъ въ Россіи. Для такого вывода, возьмемъ болѣе крупные отдѣлы, т.-е. тѣ книги, которыя по своему содержанію идутъ въ чтеніе или служатъ источникомъ изученія, при чемъ выводы увеличенія или уменьшенія сдѣлаемъ по отношенію къ 1887 году, съ котораго начались наши обзоры.

Сочиненія:	Число соч. по отношен. къ 1887 г. увелич. (+) уменьш. (—)						
	Въ 1888 г.	Въ 1889 г.	Въ 1890 г.	Въ 1891 г.	Въ 1892 г.	Въ 1893 г.	Въ 1894 г.
Духовныя	23+	142+	184+	92+	213+	361+	361+
Беллетристическія . .	66+	19+	23+	80+	105+	76+	182+
Медицинскія	8—	12+	21+	23+	182+	165+	91+
Историческія	108—	96—	76—	110—	20—	57—	31—
Техническія	81—	19+	8+	25—	11+	15+	7+
Сельско-хозяйств. . .	20+	9+	29+	35+	19+	85+	109+
Политич. экономія. .	32—	1—	12—	141—	138—	118—	122—
Математическія . . .	74—	39—	85—	74—	76—	83—	66—
Юридическія	72+	101+	155+	120+	115+	150+	174+
Педагогическія . . .	23—	68+	48+	88+	8+	21+	34+
Естествознаніе . . .	24+	29+	83+	125+	136+	120+	165+
Философія	11+	11+	8+	11—	3+	22+	30+
Географическія . . .	37+	6+	10—	28—	10—	12—	6+
Политическія. . . .	17—	5—	35—	12—	11+	20+	3—
Искусство	30+	41+	59+	6+	8+	9+	4+
Лубочнаго характера .	102—	101—	101—	91—	66—	12+	4+
Дешевыя и народныя .	23—	41—	12+	75+	83+	87+	180+

Этихъ выводовъ достаточно для того, чтобы читатель, ближе вглядѣвшись въ нихъ, могъ составить себѣ понятіе о господствующемъ нынѣ теченіи, съ своей же стороны мы только немного подскажемъ ему, указавъ, напримѣръ, на то, что въ то время, когда число изданій духовнаго содержанія въ среднемъ за семь лѣтъ увеличилось на 196, беллетристическаго характера—на 78,—изданіе всѣхъ вообще сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ реальное знаніе, поднялось лишь на 131; обратимъ вниманіе еще и на то, что въ разсматриваемый періодъ, число дешевыхъ изданій возросло, въ среднемъ на 62, тогда какъ произведеній лубочнаго характера уменьшилось на 63 или, другими словами, въ настоящее время всякій читатель и особенно ожидаемый изъ среды народа имѣетъ возможность воспитать себя на болѣе изящныхъ произведеніяхъ, скорѣе стать на прямой путь, не забивая головы разнымъ вздоромъ предлагаемымъ ему лубочною литературою.

Приведенныя выше данныя хотя и выражаютъ собою книжное движеніе, но одностороннее, указывающее лишь приливъ изданій; для выраженія же отлива, стремленія къ чтенію какого либо рода произведеній печати можетъ служить только указатель счета изданія, который, какъ мы уже замѣтили, не

всегда отмѣчается. Однако, несмотря на этотъ недостатокъ, сдѣлаемъ хотя небольшой выводъ спроса на книгу, причины, заставляющей ее появляться 2-мъ, 3-мъ и т. д. тиснeніемъ. Возьмемъ для этого тѣ произведенія, которыя преимущественно идутъ въ чтеніе, и посмотримъ, сколько, какія изъ нихъ и какимъ изданіемъ вышли въ 1894 году.

Сочиненія.	Всего вышло.	Всего повторныхъ изданій.	Отъ 2—10	и до 10—20	Вышедшихъ изданіемъ: Свыше: 20	30	40	50	60	70	100
Духовныхъ . .	1,058	355	333	16	2	2	1	1	—	—	—
Народныхъ . .	326	108	105	2	—	—	—	—	—	—	—
Беллетристическ.	719	104	99	5	—	—	—	—	—	—	—
Драматическ. .	245	14	14	—	—	—	—	—	—	—	—
Дѣтскихъ . . .	325	66	60	6	—	—	—	—	—	—	—
Лубочныхъ . .	194	31	21	8	1	1	—	—	—	—	—
Историческихъ .	333	15	15	—	—	—	—	—	—	—	—
Учебныхъ . .	695	380	269	59	22	9	4	3	10	3	2

Изъ этого видно, что наибольшій спросъ имѣютъ сочиненія духовныя и затѣмъ беллетристическія (вмѣстѣ съ народными и драматическими), при чемъ первыя читаются усерднѣе вторыхъ, и потому въ этой группѣ встрѣчается болѣе сочиненій, выдержавшихъ уже многія изданія, тогда какъ въ беллетристическомъ отдѣлѣ повтореніе изданій не идетъ далѣе 20-ти. Въ концѣ вывода показаны учебныя книги, и хотя усердное пріобрѣтеніе ихъ, дающее возможность появляться 100 и 101 изданіемъ («Родное Слово» Ушинскаго), не доказываетъ превосходной ихъ качественности или склонности къ нимъ читателя, а лишь только необходимость, но выводъ этотъ интересенъ какъ иллюстрація, какъ положеніе, которое желательно видѣть и тамъ, гдѣ пріобрѣтается книга не въ силу одной необходимости, а свободно, по любви къ ней.

Въ общей массѣ вышедшихъ въ 1894 году произведеній печати, конечно, найдется не малое число такихъ, которыя спокойно будутъ лежать на полкахъ книжныхъ магазиновъ или библіотекъ въ ожиданіи читателя, но, безъ сомнѣнія, найдется не мало и такихъ, которыя заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено особенное вниманіе. Потому мы находимъ нужнымъ указать на нихъ здѣсь, съ распредѣленіемъ по отдѣламъ.

По историческому отдѣлу встрѣчаются слѣдующія немногія сочиненія и изслѣдованія, которыя заслуживаютъ вниманія: «Письма и бумаги императора Петра Великаго» къ разнымъ лицамъ, писанныя въ 1704 и 1705 годахъ; Л. Н. Майкова—«Историко-литературные очерки» о Крыловѣ, Пушкинѣ, Жуковскомъ, Грибоѣдовѣ, Батюшковѣ, Плетневѣ и Фетѣ; «Архивъ князя Куракина» (кн. 4-я), заключаетъ дипломатическія бумаги 1710—1711 годовъ; архимандрита Леонида—«Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова»; «Акты Московскаго государства (т. 2-й), дѣла московскаго разряднаго приказа за 1635—1659 годъ; Д. И. Багалѣя—«Опытъ исторіи Харьковскаго университета» за время съ 1802—1815 годъ; Г. Е. Грумъ-Гржимайло—«Описаніе Амурской области», географическое изслѣдованіе; Н. П. Барсукова—«Жизнь и труды М. П. Погодина» (т. 8-й); «Сбор-

никъ Императорскаго Историческаго Общества» (томы 88, 89, 90, 91, 92 и 93), содержитъ документы, относящіеся къ дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Франціей въ 1807 и 1808 годахъ, и разные другіе документы, относящіеся къ 1741, 1742 и 1826 годамъ, и, наконецъ, «Книга бытія моего», записки епископа Порфирія Успенскаго, заключающія историческіе матеріалы для Палестины и исторіи православной церкви на Востокѣ.

Въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства отмѣтимъ: капитальный трудъ В. И. Вешнякова — «Рыболовство и законодательство», весьма цѣнные «Труды» экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ. Затѣмъ отмѣтимъ еще нѣсколько изданій, въ числѣ которыхъ встрѣчаются изданія прежнихъ лѣтъ, но въ измѣненномъ или дополненномъ видѣ, такъ: кн. В. А. Кудашева — «О сбереженіи почвенной влаги при обработкѣ озимыхъ полей»; А. С. Ермолова — «Организація полевого хозяйства»; В. Кирхнера — «Руководство по молочному хозяйству»; А. Муромцовой — «Практика скотоводства»; Маркуева — «Ягодный садъ» и «Плодовый садъ»; П. П. Золотарева — «Флора теплицъ, оранжерей, садовъ и и огородовъ»; Н. Калугина — «Насѣкомыя вредныя для сада и огорода»; Арнольда — «Курсъ лѣсоводства» (новое изданіе) и друг.

Отдѣлъ медицинскій имѣетъ также нѣсколько капитальныхъ трудовъ, но, въ общемъ, въ минувшемъ году онъ отличался обиліемъ докторскихъ диссертацій; отмѣчаемъ изданія, заслуживающія вниманія: В. В. Подвысоцкаго — «Основы общей патологіи»; Ф. Кенига — «Руководство къ частной хирургіи»; И. П. Скворцова — «Основные вопросы лечебной гигіены»; В. Ф. Демича — «Очерки русской народной медицины»; П. Ковалевскаго — «Нервныя болѣзни нашего общества»; Пресса — «Защита жизни и здоровья рабочихъ»; А. И. Войтова — «Курсъ медицинской бактеріологіи»; В. В. Подвысоцкаго — «О запасныхъ силахъ организма и значеніи ихъ въ борьбѣ съ болѣзнью»; А. И. Судакова — «Холерная эпидемія въ Томскѣ»; Ле-Жандра — «Разстройство и болѣзни питанія», и, наконецъ, «Труды пятаго съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова».

По отдѣлу естествознанія укажемъ, между прочимъ, слѣдующія, заслуживающія вниманія, изслѣдованія и сочиненія: Эдингера — «Лекціи о строеніи органовъ центральной нервной системы человѣка и животныхъ»; Гертвига — «Клѣтки и ткани»; Фигье — «Пять внѣшнихъ чувствъ»; А. Данилевскаго — «Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью»; Н. Страхова — «Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи»; Шарля Рише — «Самозащита организма» и Вундта — «О душѣ человѣка и животныхъ»; «О млекопитающихъ» (изъ научныхъ результатовъ путешествій Н. М. Пржевальскаго); Д. Кайгородова — «Изъ царства пернатыхъ» (новое изданіе); Баранецкаго — «Объ усвоеніи растеніями свободнаго азота»; Вильморена — «Наслѣдственность растеній»; А. Н. Краснова — «Травяныя степи сѣвернаго полушарія»; К. Тимирязева — «Жизнь растеній».

По отдѣлу астрономическому укажемъ на прекрасное практическое руководство К. Покровскаго — «Путеводитель по небу». Затѣмъ остается сдѣлать еще указанія на нѣкоторыя изъ работъ по геологіи, химіи и физики, такъ: Файя — «Происхожденіе міра»; В. Томсена — «Строеніе матеріи»; Любимова —

«Исторія физики»; Мейера — «Основаніе теоретической химіи»; Ф. М. Флавицкаго; — «Общая неорганическая химія» и Розенбергера — «Очерки исторіи физики».

Было бы трудно пройти полнымъ молчаніемъ отдѣлъ беллетристическій, но и указать въ немъ на что либо новое, выдающееся, не приходится. Можно упомянуть только о произведеніяхъ прежнихъ авторовъ, появившихся въ 1894 году въ новыхъ изданіяхъ, но и такихъ не особенно много, такъ: въ февралѣ мѣсяцѣ вышло новое изданіе соч. Полежаева, въ апрѣлѣ двѣ части соч. Фета; вышло 3-е изданіе соч. Щедрина; г. Марксъ выпустилъ 12-мъ изданіемъ соч. Гоголя, въ пяти томахъ; появилось 4-е изданіе соч. Апухтина и, наконецъ, г. Добродѣевъ издалъ переводъ соч. Шекспира, а въ г. Харьковѣ вышли соч. Квитки-Основьяненка. Кстати упомянемъ здѣсь же о выходѣ въ Москвѣ соч. Бѣлинскаго (10 ч.), а въ Петербургѣ соч. Писарева (въ 2-хъ т.).

Что же касается другихъ отдѣловъ, хотя также крупныхъ, напримѣръ справочнаго, лубочныхъ и дешевыхъ изданій, то о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности можно сдѣлать только нѣсколько общихъ замѣчаній. Справочный отдѣлъ попрежнему блещетъ новизною изданій и непомѣрнымъ числомъ календарей, изъ которыхъ какой-то вышелъ въ количествѣ 800,000 экземпляровъ. Отдѣлъ изданій лубочнаго характера щеголяетъ вычурностью названій, прямо бьющей на заманку покупателя; однакожъ отдѣлъ этотъ, какъ можно видѣть изъ приведеннаго нами выше вывода, начинаетъ постепенно умаляться, благодаря конкуренціи народныхъ и дешевыхъ изданій. Этимъ же послѣднимъ изданіямъ слѣдуетъ только пожелать дальнѣйшаго успѣха.

Переходимъ къ даннымъ о распространеніи книгопечатанія въ Россіи. Изъ общаго числа 10,651 сочиненій, вышедшихъ въ 1894 году, было напечатано за границею 14 сочиненій, въ количествѣ 45,100 экземпляровъ, и одно въ Гельсингфорсѣ, слѣдовательно въ Россіи было напечатано—10,637 сочиненій. Въ минувшемъ году, сравнительно съ 1893 г., книгопечатаніе захватило еще большій районъ,—оно производилось въ 165 городахъ, болѣе противъ 1893 года на 13 городовъ. Распредѣленіе городовъ по числу напечатанныхъ въ нихъ сочиненій видно изъ слѣдующаго вывода.

Печатано сочиненій:	Число городовъ.	Печатано сочиненій:	Число городовъ.
По 1	54	Отъ 240 до 250	1
Менѣе 10	67	» 250 » 260	1
Отъ 10 до 20	24	» 260 » 270	1
» 20 » 30	6	» 280 » 290	1
» 30 » 40	1	» 390 » 400	1
» 50 » 60	1	До 510	1
» 100 » 110	2	Свыше 2,500	1
» 160 » 170	2	» 3,500	1

Именовать мѣстности, принадлежащія къ первымъ четыремъ группамъ, было бы излишнею подробностью, но сравнивая ихъ съ тѣми же группами въ 1893 году, найдемъ, что число городовъ, входящихъ въ составъ ихъ, увеличи-

лось на 13, т.-е. на все число увеличенія счета городовъ. Это доказываетъ намъ, что централизація книгопечатанія почти не подвигается впередъ, но такъ какъ во многихъ пунктахъ книжное дѣло начинаетъ все-таки, хотя и понемногу, крѣпнуть, то поэтому и подробное указаніе относительно ихъ можетъ имѣть значеніе. Какіе это города, сколько и на какомъ языкѣ вышло въ нихъ книгъ въ минувшемъ году, это указываетъ слѣдующая табличка.

ГОРОДА:	Вышло сочиненій: На рус. яз.	На иностр. яз.	Всего сочин.	ГОРОДА:	Вышло сочиненій: На рус. яз.	На иностр. яз.	Всего сочин.
Петербургъ .	3,414	167	3,581	Юрьевъ (Дерптъ)	42	120	162
Москва . . .	2,481	32	2,513	Ревель . . .	11	97	108
Варшава . .	95	1,108	1,203	Митава . . .	2	98	100
Одесса . . .	480	30	510	Люблинъ . .	—	52	52
Кіевъ	382	9	391	Новгородъ . .	30	—	30
Казань . . .	193	93	286	Вятка . . .	26	—	26
Рига . . .	50	217	267	Баку	8	16	24
Тифлисъ . .	99	157	256	Ташкентъ . .	—	24	24
Вильна . . .	62	179	241	Бердичевъ . .	1	21	22
Харьковъ . .	168	1	169	Воронежъ . .	21	—	21

Сравнивая приведенныя данныя съ такими же за 1893 г., найдемъ: увеличеніе издательской дѣятельности въ Москвѣ на 251 соч., въ Варшавѣ на 148 соч., въ Одессѣ на 199 соч., въ Харьковѣ на 82 соч., въ Вильнѣ на 35 соч., въ Люблинѣ на 22 соч. и въ Митавѣ на 5 соч.; уменьшеніе издательства въ Петербургѣ на 108 соч., въ Кіевѣ на 97 соч., въ Казанѣ на 69 соч., въ Тифлисѣ на 35 соч., въ Ревелѣ на 11 соч. и т. д. Здѣсь совершенно не находится городовъ: Новочеркасска, Саратова и Чернигова, въ которыхъ книгоиздательская дѣятельность въ 1894 году упала настолько, что они вошли въ первыя четыре группы. Три главныхъ центра книгоиздательства въ Россіи, т.-е. Петербургъ, Москва и Варшава, сосредоточиваютъ въ себѣ почти всю массу выходящихъ въ Россіи сочиненій, такъ въ 1894 году въ этихъ трехъ городахъ вышло 7,297 изданій, слѣдовательно остающіяся до общаго числа ихъ 3,354 изданія должны распредѣлиться между остальными 162-мя городами, что составляетъ—2,7 изданія на городъ. Болѣе равномѣрное распредѣленіе книгоиздательской дѣятельности въ Россіи, быть можетъ, дало бы и большее движеніе книги, но осуществленія этого придется ждать довольно долго, такъ какъ у насъ, что будетъ видно при разсмотрѣніи дѣятельности типографій, въ большинствѣ городовъ нѣтъ не только учрежденій для печати, но даже и книжныхъ лавокъ.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1894 г. былъ напечатанъ списокъ типографій, типо-литографій и друг. заведеній печати, а также книжныхъ магазиновъ и лавокъ и библіотекъ для чтеній, существовавшихъ въ Россіи къ 1-му января 1894 года. Не знаемъ, насколько вѣрны помѣщенныя въ этомъ спискѣ указанія относительно книжныхъ магазиновъ и лавокъ, что же касается свѣдѣній о типографіяхъ и литографіяхъ и типо-литографіяхъ, то они

далеко неполны не только для всей Россіи, но даже и по отношенію къ Петербургу и Москвѣ. По этому списку всѣхъ заведеній для печати, исключая фотографій, числилось въ Россіи, къ началу разсматриваемаго нами года, 1500; по нашему счету въ минувшемъ году печатаніе книгъ производилось въ 706 типографіяхъ, слѣдовательно болѣе 794-хъ типографій совершенно не принимало никакого участія въ книгоиздательской дѣятельности.

Допустимъ, что въ Россіи дѣйствительно насчитывается полторы тысячи типографій, и возьмемъ все число (10,651) сочиненій, вышедшихъ въ 1894 году—окажется, что на одну типографію приходится по 7,1 сочиненію и по 21,472,24 общаго числа отпечатанныхъ экземпляровъ. Выводъ далеко не блестящій и притомъ еще приблизительный. Конечно, такая неравномѣрность въ распредѣленіи участія типографій въ книгопечатной дѣятельности присуща не одной только Россіи и всюду книгъ печатается болѣе всего въ типографіяхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ центръ книгоиздательской дѣятельности, но едва ли гдѣлибо на западѣ Европы наберется такое большое число совершенно непричастныхъ къ книгѣ типографій, какое оказывается у насъ.

Распредѣляя всѣ 706 типографій, печатавшихъ книги въ минувшемъ году, по числу выпущенныхъ ими въ свѣтъ сочиненій, получаемъ слѣдующій выводъ.

Печаталось сочиненій.	Число типографій.	Печаталось сочиненій.	Число типографій.
По 1-му сочиненію въ . . .	226	Отъ 101 до 110 соч. въ . . .	5
Отъ 2 до 10 соч. » . . .	276	» 111 » 120 » » . . .	2
» 11 » 20 » » . . .	70	» 121 » 130 » » . . .	3
» 21 » 30 » » . . .	39	» 151 » 160 » » . . .	1
» 31 » 40 » » . . .	25	» 161 » 170 » » . . .	3
» 41 » 50 » » . . .	15	» 171 » 180 » » . . .	1
» 51 » 60 » » . . .	12	» 181 » 190 » » . . .	1
» 61 » 70 » » . . .	15	» 191 » 200 » » . . .	2
» 71 » 80 » » . . .	5	» 221 » 230 » » . . .	1
» 81 » 90 » » . . .	2	» 391 » 400 » » . . .	1
» 91 » 100 » » . . .	3		

Для уясненія и для бóльшей видимости участія и дѣятельности типографій въ книгопечатаніи, приводимъ положительныя объ этомъ свѣдѣнія не только въ книгоиздательскихъ центрахъ, но и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ было отпечатано до 20-ти сочиненій разныхъ наименованій, при чемъ общее число типографій показываемъ по списку, опубликованному «Правительственнымъ Вѣстникомъ», прочія же свѣдѣнія по нашимъ даннымъ.

ГОРОДА:	Общее число типографій.	Число типогр. печатавш. соч.	Число отпечат. ими сочин.	Число напечат. экземпл. соч.
Архангельскъ . . .	7	4	14	19,210
Баку	9	6	24	21,400
Варшава	103	71	1,182	2.945,771
Вильна	19	13	256	665,235

ГОРОДА:	Общее число типографій.	Число типогр. печатавш. соч.	Число отпечат. ими сочин.	Число напечат. экземпл. соч.
Воронежъ	9	5	21	11,100
Вятка	6	2	26	55,020
Казань	9(?)	10	286	1.036,844
Ковно	9	2	14	7,078
Курскъ	5	5	15	7,100
Кіевъ	20	19	373	922,195
Либава	5	4	14	29,379
Люблинъ	7	4	52	229,400
Минскъ	2(?)	4	16	16,950
Митава	5(?)	6	112	289,300
Москва	159	59	2,507	16.156,328
Новгородъ	3(?)	4	33	55,255
Одесса	39	26	509	2.728,835
Орелъ	9	6	12	13,500
Оренбургъ	5	5	14	10,905
Пенза	5	5	18	9,463
Пермь	8	4	16	6,960
Петроковъ	3	3	15	25,600
Псковъ	3	1	17	6,583
Ревель	13	9	105	283,156
Рига	34	22	257	732,105
Самара	9	4	18	18,000
Саратовъ	10	6	14	20,330
С.-Петербургъ	185	146	3,581	14.107,270
Ташкентъ	?	2	24	90,000
Тверь	3	3	19	9,250
Тула	5	4	15	13,865
Тифлисъ	27	24	253	280,004
Харьковъ	15	12	169	261,080
Черниговъ	3	2	14	36,300
Юрьевъ	8	5	166	357,130

Изъ этихъ данныхъ видно, что не только въ центрахъ книгоиздательской дѣятельности, гдѣ число типографій довольно значительно, но даже и тамъ, гдѣ заведеній этихъ имѣется въ крайне ограниченномъ числѣ, далеко не всѣ типографіи принимаютъ участіе въ дѣлѣ книгопечатанія. При сравненіи этихъ выводовъ съ приведенными выше о количествѣ сочиненій, напечатанныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ, окажется въ нѣсколькихъ случаяхъ разница въ числѣ сочиненій; эта разница происходитъ отъ того, что въ первомъ выводѣ взято число сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ въ данномъ городѣ безъ соотношенія ихъ къ мѣсту печатанія.

Если взять общее число изданныхъ въ 1894 году сочиненій и такое же число ихъ экземпляровъ, т.-е. первыхъ—10,651 и послѣднихъ—32.208,372, и исключить изъ нихъ тѣ, которыя приходятся на долю столицъ, то окажется,

что провинціи дали въ томъ году 4,457 соч. и 2.110,404 экземпляра, сравнительно съ 1893 годомъ: сочиненій болѣе на 166, экземпляровъ же менѣе на 7.499,011.

Наиболѣе широкую дѣятельность въ книгопечатаніи, опредѣляемую нами до 100 изданій въ годъ, обнаружили слѣдующія 22 типографіи.

ТИПОГРАФІИ:	Число напечат. ими соч.	Колич. выпущен. экземпл. сочин.
Сытина (Москва)	393	5.555,710
Академіи Наукъ (С.-Петербургъ) .	224	201,937
Кушнерева (Москва)	199	833,680
Снегиревой (Москва)	192	1.292,298
Общ. Пользы (С.-Петербургъ) . .	182	1.000,590
Московскаго университета . . .	175	117,635
Казанскаго университета	169	502,910
Лисснера (Москва)	165	561,725
Фесенко (Одесса)	163	1.825,025
Вильде (Москва)	127	1.288,092
Стасюлевича (С.-Петербургъ) . .	151	298,166
Сойкина (С.-Петербургъ)	127	805,225
Волчанинова (Москва)	122	604,970
Левенсона (Москва)	119	272,700
Суворина (С.-Петербургъ)	116	411,329
Чеколова (Кіевъ)	100	359,860
Сикарскаго (Варшава)	107	454,865
Тренке (С.-Петербургъ)	107	312,900
Евдокимова (С.-Петербургъ) . . .	105	945,570
Скороходова (С.-Петербургъ) . .	102	261,240
Мамонтова (Москва)	99	198,258
Ермакова (Москва)	95	949,400
Яблонскаго (С.-Петербургъ) . . .	92	157,200

Изъ этого видно, что московскія типографіи дѣйствовали въ минувшемъ году энергичнѣе петербургскихъ, особенно же выдается производство типографіи Сытина какъ по количеству выпущенныхъ ею экземпляровъ, такъ и по числу отпечатанныхъ сочиненій. Болѣе другихъ подходитъ къ ней дѣятельность типографіи Академіи Наукъ, но если обратимъ вниманіе на число напечатанныхъ въ этой типографіи сочиненій и выпущенныхъ экземпляровъ, то увидимъ, что изданія академической типографіи были не изъ крупныхъ; въ дѣйствительности они, вѣроятно, составляли небольшіе отдѣльные оттиски разныхъ статей, перепечатанныхъ изъ періодическихъ изданій.

Изъ типографій, болѣе другихъ приближавшихся къ дѣятельности вышеназванныхъ, можно указать на слѣдующія: Немеры въ г. Варшавѣ, напечатано 83 соч. въ количествѣ 188,770 экземп.; Котти, тамъ же—82 соч. и 185,420 экземп.; Безобразова въ С.-Петербургѣ—79 соч. и 211,455 экземп.; Гинса, въ Варшавѣ—75 соч. и 271,150 экземп.; Роммъ, въ Вильнѣ—77 соч. и 251,600

экземп.; Балашева, въ С.-Петербургѣ—72 соч. и 197,775 экземп.; Голике, тамъ же—71 соч. и 191,604 экземп., и, наконецъ, Котанскаго, тоже въ С.-Петербургѣ—70 соч. и 406,240 экземпляровъ.

Еще одна небольшая подробность. По опубликованному «Правительственнымъ Вѣстникомъ» списку въ Россіи насчитывается 2,018 книжныхъ магазиновъ и лавокъ. Если взять все количество вышедшихъ въ 1894 г. экземпляровъ книгъ и распредѣлить ихъ между магазинами, то окажется, что каждый магазинъ долженъ бы былъ получить въ минувшемъ году по 5,22 соч. и 15,960,5 экземпляровъ книгъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу упомянутаго нами выше доклада извѣстнаго библіографа Н. М. Лисовскаго, такъ какъ докладъ этотъ касается предмета, которому посвящена наша работа. Обращая вниманіе на большое значеніе статистики такой интересной и важной дѣятельности, какою представляетъ собою книгопечатаніе,—Н. М. Лисовскій выработалъ и подробный ея планъ. Планъ этотъ обнимаетъ всѣ стороны книгоиздательства, и чтобы имъ руководствоваться, было бы необходимо и не безполезно напечатать весь докладъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ имѣется общій библіографическій интересъ. Докладчикъ, между прочимъ, находитъ, что статистику печати слѣдуетъ вести какому-либо спеціальному учрежденію, напр., статистическому комитету; съ этимъ нельзя не согласиться, такъ какъ подробная статистика требуетъ особаго изданія, рамки же обыкновенной журнальной статьи оказываются для такой работы тѣсными, почему и приходится жертвовать многими подробностями. Кромѣ того, въ докладѣ г. Лисовскаго высказывалось желаніе, чтобы въ каждой книгѣ помѣщались нѣкоторыя о ней свѣдѣнія, полезныя для библіографіи. Мы, съ своей стороны, къ числу такихъ свѣдѣній прибавляемъ: непремѣнное указаніе числа экземпляровъ (въ настоящее время большинство офиціальныхъ изданій, а также изданій разныхъ обществъ и духовныхъ, не даютъ управленію печати никакихъ о томъ свѣдѣній), означеніе мѣста, гдѣ книга печатается или выпускается въ свѣтъ, и счета изданія, т.-е. первое ли оно, второе и т. д. Необходимо еще, чтобы на публикуемыя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» свѣдѣнія и распоряженія по дѣламъ печати было обращено болѣе вниманія, чѣмъ, повидимому, это дѣлается теперь; свѣдѣнія эти, въ настоящее время, единственныя и потому имѣютъ большое библіографическое значеніе.

Начавъ нашъ обзоръ книгопечатанія въ Россіи съ 1877 года, мы постепенно развивали его и въ послѣдніе годы, смѣемъ думать, стали въ такія рамки, которыя совершенно отвѣчаютъ плану Н. М. Лисовскаго, и если нѣсколько отступаютъ отъ него, то только въ силу журнальныхъ требованій и не любви обыденнаго читателя къ цифрѣ.

Л. Н. Павленковъ.

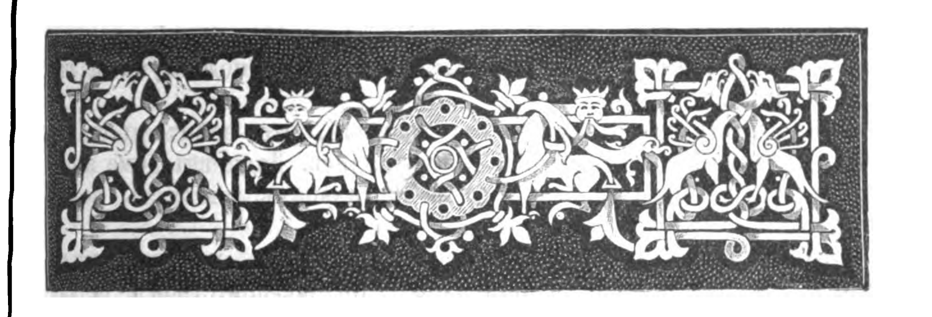
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ

Дозв. ценз. Спб., 25 іюля 1895 г.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ [1].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

АСТУПИЛА зима 1801 года. Санный путь установился, и морозецъ, градусовъ въ шесть, румянилъ щечки красавицъ, прогуливающихся по Кузнецкому мосту и по Царской улицѣ (теперешняя Тверская) въ мѣховыхъ шубкахъ и модныхъ шляпахъ колесами. Вокругъ нихъ увивались длинноволосые франты въ бекешахъ и шинеляхъ со множествомъ пелеринъ и стоячими воротниками такими высокими, что въ случаѣ надобности въ нихъ можно было уйти съ головой отъ холода, или чтобъ скрыться отъ любопытныхъ взглядовъ. Вереницами тянулись по главнымъ улицамъ раззолоченые возки, съ выглядывавшими изъ отороченныхъ мѣхомъ окошекъ, веселыми, дѣтскими личиками; ползли допотопныя колымаги съ старыми и малыми, неслись щегольскія санки иностраннаго фасона, ловко лавируя по скользкимъ тропинкамъ между высокими сугро-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 5.

бами, сверкавшими разноцвѣтными блестками подъ лучами зимняго солнца.

День былъ такой ясный и радостный, что всѣмъ дышалось легко, и самыя жгучія печали притуплялись. Даже изъ дома князя Дульскаго, въ приходѣ Успенія на Могильцахъ, выѣхалъ возокъ четверкой съ семьей опальнаго вельможи.

Это случилось въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ князя постигла царская немилость, и прохожіе съ любопытствомъ останавливались, чтобъ взглянуть на княгиню и на ея дѣтей.

Княгиню Вѣру Васильевну Москва считала своей. Она здѣсь родилась и выросла; здѣсь и родители ея всю жизнь прожили, здѣсь умерли и похоронены въ семейной усыпальницѣ при женскомъ монастырѣ. Мужъ увезъ было ее въ Петербургъ, да не надолго; съ кончиной царицы, при которой онъ занималъ важный придворный постъ, окончилась и его служебная карьера и, по всеобщему мнѣнію, окончилась навсегда. Не прошло и полугода по воцареніи новаго императора, какъ въ одну прескверную для князя Артемія ночь, къ дому, который онъ занималъ съ семьей на набережной Мойки, подкатилъ фельдъегерь, и старый дворецкій вошелъ въ спальню господъ съ такимъ испуганнымъ лицомъ, что баринъ тотчасъ же догадался, въ чемъ дѣло.

Впрочемъ, ужъ по тому, какъ мало потребовалось ему времени на сборы въ дальній путь, не трудно было понять, что князь ждалъ катастрофу и давно готовился къ ней.

Не такъ отнеслась къ ней княгиня. Съ нею сдѣлался обморокъ, а когда она пришла въ себя, отчаянье ея было такъ сильно, и она такъ рыдала, обнимая супруга, точно прощалась съ нимъ на вѣки. А между тѣмъ, сравнительно съ несчастіями, которыя обрушивались на другихъ, постигшую ихъ непріятность даже и бѣдой нельзя было назвать: князю приказано было жить безвыѣздно въ имѣніи, доставшемся ему отъ бабки на югѣ; княгинѣ же въѣздъ былъ запрещенъ только въ Петербургъ.

Первые два года супруги не разлучались, и только на третій, послѣ поѣздки за границу для поправленія здоровья, разстроеннаго послѣдними потрясеніями, княгиня поселилась на зиму съ дѣтьми въ Москвѣ, гдѣ зажила тихо и скромно, какъ подобаетъ супругѣ впавшаго въ царскую немилость дворянина, посвящая себя всецѣло добрымъ дѣламъ, молитвѣ и воспитанію дѣтей.

Но потому ли, что своимъ стремленіемъ къ уединенію и черезчуръ ужъ строгимъ выборомъ знакомства она оскорбила тѣхъ изъ прежнихъ пріятельницъ, которыхъ стала чуждаться, а, можетъ быть, потому, что дѣйствительно новыя связи, пріобрѣтенныя за границей, повліяли на ея умъ и сердце,—такъ или иначе, но поведеніе ея находили страннымъ, и шла про нее молва, будто она подпала подъ вліяніе общества мистиковъ, имѣющихъ адептовъ всюду, между

прочимъ, и въ Москвѣ. На чудаковъ этихъ правительство и раньше взирало косо, а теперь къ нимъ относились еще строже. Теперь имъ волей-неволей приходилось обставлять еще большею таинственностью свои сборища. Сходились они не иначе, какъ ночью, въ покояхъ, обращенныхъ окнами въ садъ или во дворъ, съ плотно притворенными ставнями.

Княгиня навлекла на себя подозрѣніе въ дружбѣ съ этими людьми, благодаря тому, что одинъ изъ нихъ, считавшійся опаснымъ и вліятельнымъ, часто ее навѣщалъ. Рѣдкій день карета его не простаивала по цѣлымъ часамъ у подъѣзда ея дома, и тогда никого изъ постороннихъ не принимали.

Человѣка этого, темнаго происхожденія (говорили, что онъ незаконный сынъ извѣстнаго вельможи), звали Кузнецовымъ, и одно время, чтобъ спастись отъ участи Новикова и другихъ, онъ бѣжалъ за границу и только недавно снова проявился въ Россіи, сначала на югѣ, у пріятеля, неподалеку отъ имѣнія князя Дульскаго, а потомъ и въ Москвѣ, гдѣ вокругъ него вскорѣ сформировался кружокъ любителей мистическихъ наукъ.

Очень можетъ быть, что онъ былъ рекомендованъ княгинѣ ея мужемъ, и что поэтому она считала себя обязанной относиться къ нему, какъ къ близкому человѣку, а, можетъ быть, онъ и самъ по себѣ сумѣлъ такъ ее заинтересовать, что она предпочитала его общество всякому другому; такъ или иначе, но о сношеніяхъ его съ княгиней Вѣрой Васильевной много сплетничали по городу, и если не сочиняли про нихъ любовнаго романа, то единственно потому только, что онъ былъ старъ, безобразенъ собой и прихрамывалъ отъ подагры.

Княгиней такъ интересовались въ городѣ, что когда экипажъ ея показался на Кузнецкомъ мосту, всѣ головы повернулись въ его сторону и провожали его глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не свернулъ въ переулокъ.

Изъ дамъ нашлись любопытныя, которыя командировали своихъ поклонниковъ прослѣдить за возкомъ Дульскихъ, чтобъ узнать, гдѣ онъ остановится; но, какъ нарочно, ныряя изъ ухаба въ ухабъ, онъ переползалъ безостановочно изъ улицы въ улицу, пока, наконецъ, не въѣхалъ въ такія трущобы, гдѣ знакомыхъ у княгини не могло быть. Но мимо этихъ трущобъ путь лежалъ къ монастырю, гдѣ похоронены были родители княгини, и ужъ туда, конечно, слѣдовать за нею не стоило.

Посланцы вернулись къ своимъ дамамъ съ извѣстіемъ, что княгиня везетъ дѣтей поклониться могиламъ дѣдушки съ бабушкой, и всѣ успокоились такимъ естественнымъ разъясненіемъ загадки.

А между тѣмъ, если-бъ у любопытныхъ хватило терпѣнія прослѣдить за возкомъ дальше, хлопоты ихъ увѣнчались бы неожиданнымъ и блестящимъ успѣхомъ. Въѣхавъ въ лабиринтъ крошеч-

ныхъ, деревянныхъ строеній, похожихъ больше на хижины, чѣмъ на дома, и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ огородами и садами, возокъ княгини Дульской остановился у забора такого высокаго, что надо было бы на него влѣзть, чтобъ увидать жилище, хоронившееся за нимъ, а это было невозможно, благодаря острымъ гвоздямъ, которыми онъ былъ утыканъ. Тутъ ливрейный лакей соскочилъ съ запятокъ, высадилъ боярыню, захлопнулъ дверцу, ловкимъ прыжкомъ вскочилъ на прежнее мѣсто и закричалъ: «Пошелъ!».

Возокъ двинулся дальше, а княгиня, оставшись одна среди безлюднаго пустыря и оглянувшись внимательно по сторонамъ, чтобъ убѣдиться, что кругомъ нѣтъ ни души, приподняла осторожно, разукрашенную фалборами, узкую юбку своего шелковаго, цвѣта рисе, фуро, подошла къ калиткѣ, прятавшейся подъ покрытыми инеемъ вѣтвями липы, и особеннымъ образомъ, съ разсчитанными разстановками, три раза постучала въ нее согнутымъ пальцемъ нѣжной ручки, обтянутой въ изящную перчатку.

Долго на этотъ зовъ не откликались, но княгиня больше не стучала. Не проявляя ни удивленія, ни раздраженія, какъ человѣкъ, которому извѣстны нравы и обычаи обитателей жилища, скрывавшагося за заборомъ, она терпѣливо ждала.

Любопытное зрѣлище представляла ея изящная фигура на фонѣ окружавшей ее пустынной и убогой мѣстности. Всякій удивился бы, увидавъ тутъ нарядную даму, въ бѣлой атласной шляпѣ, разукрашенной перьями и цвѣтами, въ бархатномъ полонезѣ, обшитомъ богатымъ мѣхомъ, въ щегольскихъ башмачкахъ изъ свѣтлаго, золотистаго сафьяна, съ высокими каблуками, и въ ажурныхъ шелковыхъ чулкахъ на стройныхъ ножкахъ, выглядывавшихъ изъ-подъ расшитыхъ богатымъ узоромъ нижнихъ юбокъ, приподнятыхъ вмѣстѣ съ платьемъ.

И не одно любопытство, а, можетъ быть, и болѣе преступныя чувства возбудила бы она въ душѣ обитателей этой трущобы, если-бъ на ея бѣду которому нибудь изъ нихъ понадобилось пройти мимо нея: княгиня была одѣта очень просто, судя по свѣтскимъ понятіямъ о нарядѣ важной дамы, но, тѣмъ не менѣе, въ ушахъ ея сверкали солитеры, стоившіе тысячи, на шеѣ висѣла золотая цѣпочка съ драгоцѣнными часами, на пальцахъ были дорогія кольца, огромная шляпа придерживалась на напудренной головкѣ шпильками изъ чистаго золота. Въ такомъ нарядѣ, даже и на людной, городской улицѣ, она не рѣшилась бы пройти иначе, какъ въ сопровожденіи цѣлой свиты компаньонокъ и гайдуковъ, а тутъ, въ мѣстности, кишащей злоумышленниками, служившей притономъ ворамъ и разбойникамъ, она стояла одна, и если боялась чего нибудь, то только того, чтобъ не догадались, къ кому она пріѣхала, съ кѣмъ жаждетъ свиданія.

Прошло минутъ десять томительнаго ожиданія. Тишина и молчаніе, царившія вокругъ, ничѣмъ не нарушались, а также и во дворѣ, за заборомъ, все точно вымерло: ни лая собакъ, ни людскихъ голосовъ, ничего не было слышно, а между тѣмъ день близился къ концу, и поднимавшійся съ закатомъ солнца туманъ зловѣще сгущалъ наступавшія сумерки. Наконецъ, за заборомъ снѣгъ заскрипѣлъ подъ чьими-то осторожными шагами, и засовъ у калитки съ лязгомъ отодвинулся.

— Мнѣ надо видѣть маркизу,—сказала княгиня приземистому, сутуловатому старику, въ черномъ не то плащѣ, не то рясѣ изъ грубаго сукна. На головѣ у него была остроконечная скуфья съ наушниками, въ родѣ тѣхъ шапокъ, что носятъ алеуты, а за ременнымъ поясомъ висѣли деревянныя четки съ крестомъ.

— Пожалуйте-съ,—отвѣчалъ онъ.

И, не глядя на посѣтительницу, онъ заперъ за нею дверь и зашагалъ по узкой тропинкѣ, протоптанной между сугробами, къ чернѣвшему въ концѣ длиннаго двора строенію.

Низкое и неказистое, оно было обращено къ улицѣ задней стороной, безъ оконъ и дверей. Только подъ самой крышей вырублено было отверстіе, изъ котораго можно было видѣть входящихъ во дворъ и выходящихъ изъ него, но надо было знать о существованіи этого оконца, чтобъ разглядѣть его подъ широкимъ навѣсомъ крыши.

Проводникъ княгини обогнулъ домъ, и тутъ передъ ними предстало скромное крылечко съ пятью окнами по каждой сторонѣ и съ мезониномъ, тоже въ пять оконъ.

Поднявшись на это крылечко, они очутились передъ растворенной въ темныя сѣни дверью, на порогѣ которой ожидала ихъ молодая дѣвушка въ темной одеждѣ и въ бѣломъ чепцѣ съ широкими, откинутыми назадъ лопастями.

Не говоря ни слова, ввела она гостью въ прихожую, сняла съ нея верхнее платье и вытерла ей ноги сукномъ.

Послѣдняя предосторожность оказалась не лишней: въ большой комнатѣ, въ которую ввели посѣтительницу, царила такая чистота, полъ былъ покрытъ такимъ бѣлоснѣжнымъ половикомъ, что каждое пятнышко бросилось бы въ глаза, нарушая непріятнымъ образомъ общую гармонію этого страннаго и совершенно пустого покоя, съ зажженной лампадой, спускавшейся съ потолка на желѣзныхъ цѣпяхъ, съ наглухо заколоченными ставнями у оконъ и голыми, бѣлыми стѣнами.

Изъ этой комнаты онѣ прошли въ другую, поменьше, и разубранную такъ роскошно, что, судя по внѣшности дома, трудно было предположить, чтобъ въ немъ заключались такія сокровища. Тутъ полъ былъ покрытъ великолѣпнымъ ковромъ, потолокъ обтянутъ голубой шелковой тканью съ золотыми звѣздами, мебель въ восточномъ вкусѣ разукрашена инкрустаціей изъ слоновой кости, золота и перламутра, античные сосуды и курильницы съ драго-

цѣнными каменьями, символическія картины мистическаго содержанія въ массивныхъ золотыхъ рамахъ, изображающія крылатыхъ людей съ розой или пламенемъ вмѣсто сердца и т. п. На одной изъ этихъ картинъ, очень большой, представлена была какая-то сложная сцена, таинственный обрядъ, совершаемый толпой въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ распущенными волосами и восторженными лицами. Люди эти окружали алтарь, на которомъ приносилась неизвѣстному богу человѣческая жертва. Жрецъ, съ сіяніемъ вокругъ головы, въ торжественной позѣ, воздѣвая глаза къ небу, заносилъ ножъ надъ младенцемъ, а въ отдаленіи процессія изъ вѣнценосцевъ и священнослужителей въ коронахъ, митрахъ и клобукахъ, съ выраженіемъ отчаянія и ужаса на лицахъ, направлялась къ зіяющей пропасти, въ адъ, вѣроятно. Ихъ гнали въ обитель вѣчной скорби и скрежета зубовнаго семь смертныхъ грѣховъ въ образѣ гигантскихъ дьяволовъ.

Княгинѣ, взволнованной предстоящимъ свиданіемъ, было не до того, чтобъ всматриваться въ лица этихъ дьяволовъ, а то она узнала бы въ нихъ знакомыя черты особъ, къ которымъ и она съ мужемъ, и родители ихъ привыкли относиться съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, любовью и благодарностью.

Впрочемъ, ея не оставляли долго передъ этой картиной; дверь растворилась, и на порогѣ появилась высокая, стройная красавица въ фантастическомъ костюмѣ изъ дорогой ткани, съ длиннымъ бѣлымъ вуалемъ изъ блестящей прозрачной матеріи, спускавшейся позади съ черной бархатной не то шапочки, не то тюрбана, изъ-подъ котораго выбивались густые, вьющіеся, золотистые волосы. Глаза у нея были каріе и такіе пронзительные, что невозможно было долго выдерживать ихъ взгляда. Черты лица правильныя и неподвижныя, какъ у статуи; губы, ярко пурпуровыя, производили странное впечатлѣніе на продолговатомъ и блѣдномъ, безъ кровинки, лицѣ. Движенія ея были медленны и граціозны, той особенной, разсчитанной грацiей, которая свойственна личностямъ, привыкшимъ производить впечатлѣніе на публику.

Княгиня такъ растерялась подъ пристальнымъ взглядомъ этого таинственнаго существа, что не въ силахъ была произнести ни слова и, сдѣлавъ машинально низкій реверансъ, съ опущенными глазами, краснѣя и блѣднѣя отъ волненія, молча ждала, чтобъ съ нею заговорили. Это длилось съ полминуты, наконецъ у нея отрывисто спросили:

— Вы княгиня Дульская?

— Да,—чуть слышно отвѣчала княгиня и, собравшись съ силами, прибавила:—Павелъ Михайловичъ приказалъ мнѣ искать у васъ путь къ истинѣ.

При этомъ имени незнакомка смягчилась.

— Мы никого не отталкиваемъ, идите за мной,—сказала она, поворачиваясь назадъ туда, откуда вышла.

Княгиня послѣдовала за нею и очутилась въ покоѣ, убранномъ еще чуднѣе двухъ первыхъ. Тутъ все было обито чернымъ, и полъ, и потолокъ, а также большой столъ съ лампой, вставленной въ человѣческій черепъ, а по стѣнамъ, обтянутымъ чернымъ сукномъ, рѣзко вырѣзывались бѣлыя линіи какихъ-то знаковъ и надписей на непонятномъ языкѣ.

Въ одномъ изъ угловъ этой мрачной комнаты чернѣлся предметъ, показавшійся княгинѣ похожимъ на крышку гроба, обитаго серебрянымъ позументомъ; въ другомъ — ей бросилось въ глаза очертаніе скелета; ей стало жутко и она перестала всматриваться въ окружающую ее обстановку.

— Давно ли стремитесь вы къ свѣту истины?—спросила таинственная хозяйка мрачной обители.

— Одиннадцать мѣсяцевъ,—отвѣчала княгиня.

— Кто пробудилъ въ васъ сознаніе?

— Сестра Каллиста.

— Какъ жили вы съ тѣхъ поръ?

— По ея указаніямъ, насколько могла.

— Братъ Павелъ находитъ васъ достойной посвященія, но я требую бо̀льшаго,—продолжала маркиза, не переставая магнетизировать взглядомъ свою собесѣдницу.—Вы до сихъ поръ не исполнили самаго главнаго нашего предписанія,—не сблизились съ обществомъ, и этимъ даете пищу сплетнямъ и розсказнямъ самаго опаснаго для насъ свойства. Еще не вступивши въ нашъ союзъ, вы ему ужъ приносите вредъ, — прибавила она, строго возвышая голосъ.

— Мнѣ трудно бывать въ обществѣ,—чуть слышно проговорила княгиня.

— Чѣмъ труднѣе подвигъ, тѣмъ выше награда,—возразили ей.

— Я именно объ этомъ... чтобъ посовѣтоваться, и пришла къ вамъ,—безсвязно и дрожащимъ голосомъ проговорила она.

— Вы боитесь встрѣчи съ Курлятьевымъ?

Какъ ни была подготовлена ко всевозможнымъ чудесамъ княгиня, однако слова эти такъ ее изумили, что она вздрогнула и устремила полный испуга и недоумѣнія взглядъ на ясновидящую.

Какъ могла она узнать ея тайну?

А та, что называла себя маркизой, между тѣмъ продолжала:

— Врачевать больныя души можно только тогда, когда онѣ разверзаются передъ духовнымъ врачемъ безъ утайки. Мнѣ этотъ даръ данъ свыше. Я могу вамъ разсказать всю вашу жизнь, день въ день, съ часу на часъ, съ той минуты, какъ вы встрѣтились съ **нимъ** и отдались ему...

— Не надо, не надо!—вскричала княгиня, внѣ себя отъ ужаса и простирая впередъ руки, какъ бы для того, чтобъ отогнать страшный призракъ.

— Вы жалѣете, что пришли сюда. Вамъ хотѣлось бы бѣжать назадъ,—вымолвила маркиза, пронизывая суровымъ взглядомъ свою трепещущую жертву.—Идите, никто васъ не держитъ. Намъ нужны сердца, пылающія любовью къ Предвѣчному, жаждущія обновленія, ненавидящія мірскія оковы и дьявольскія утѣхи, сознающія свою грѣховность и ничтожность, а не гробы, раскрашенные снаружи, а внутри полные мертвечиной и нечистью.

И, помолчавъ немного, она продолжала, торжественно и рѣзко отчеканивая слова:

— Зачѣмъ вы сюда пришли? Вы не подготовлены къ воспріятію свѣта истины, духъ на васъ не сойдетъ. Сердце ваше пропитано суетностью, ложнымъ самолюбіемъ, грѣховнымъ желаніемъ казаться лучше, чѣмъ вы есть; вами руководитъ тщеславіе, пристрастіе къ мірскимъ почестямъ, въ васъ даже и на горчичное зерно нѣтъ вѣры, надъ вами властвуетъ дьяволъ, и вы не чувствуете потребности свергнуть съ себя его иго. Зачѣмъ вы пришли? Вы боитесь человѣка больше Бога, вамъ тьма любезнѣе свѣта,—зачѣмъ вы пришли?

До сихъ поръ княгиня слушала молча и потупившись, но тутъ она, наконецъ, собралась съ силами:

— Правда, я мерзка, недостойна, я, можетъ быть, хуже всѣхъ на свѣтѣ, но Христосъ нашъ Спаситель приходилъ на землю не для праведниковъ, а для грѣшныхъ,—проговорила она дрожащими губами,—и я такъ несчастна!

Послѣднія слова болѣзненнымъ стономъ вырвались у нея изъ груди.

— Да, вы несчастны.

— Вы это знаете?!

— Знаю,—спокойно отвѣчала ясновидящая,—я все знаю. Вы влюбились въ него еще въ Петербургѣ, когда занимали въ обществѣ подобающее вашему рожденію и состоянію мѣсто. И вы открыли ему тайну вашего мужа, а онъ въ пьяномъ видѣ разболталъ эту тайну товарищамъ, не подозрѣвая, что между ними агентъ тайной полиціи. Такимъ образомъ открылась близость князя Дульскаго къ приверженцамъ прошлаго царствованія и его сослали.

Княгиня молчала. Переждавъ немного, ея обличительница все съ той же неумолимою рѣзкостью продолжала:

— Вы разстались съ вашимъ любовникомъ раньше, вы порвали съ нимъ сношенія, какъ только почувствовали себя беременной...

И это ей извѣстно!

— Сознавая свою вину передъ вами, онъ покорился вашему рѣшенію, но вчера вы узнали, что онъ здѣсь, и ненавистью къ нему наполнилось ваше сердце.

— Да, я его ненавижу!—вскричала княгиня.

Прозорливость ясновидящей перестала ее изумлять. Съ той минуты, какъ она переступила порогъ этого страннаго жилища, все стало казаться ей возможнымъ. Тутъ законы, управляющіе видимымъ міромъ, не существуютъ, тутъ царитъ таинственная сила, которой нельзя не покориться, не предаться вполнѣ. Потребность высказаться, излить до послѣдней капли горечь сердца овладѣла ею такъ неудержимо, что слова потокомъ полились изъ ея груди въ безсвязной, торопливой рѣчи.

— Зачѣмъ онъ сюда явился? Чтобъ меня мучить? Мало сдѣлалъ онъ намъ всѣмъ зла! Что̀ такое моя жизнь послѣ того, что случилось! Мой мужъ святой, онъ ничего не подозрѣваетъ и любитъ меня попрежнему... И въ этой его любви самая ужасная для меня казнь! У меня нѣтъ ни минуты покоя... Я блѣднѣю и холодѣю отъ ужаса, когда слышу его шаги... Когда онъ жалуется на то, что лучшіе его годы пропадаютъ даромъ, въ тоскѣ и скукѣ бездѣйствія, когда онъ проклинаетъ злодѣя, предавшаго его и, перебирая бывшихъ друзей, съ озлобленіемъ останавливается то на одномъ, то на другомъ, изливая свою горечь на невинныхъ, я дрожу, у меня сердце замираетъ, умъ мутится, невидимый голосъ шепчетъ на ухо: «скорѣе во всемъ сознайся, скорѣе, каждая секунда промедленія усиливаетъ твою вину передъ нимъ». И чтобъ не уступить страшному искушенію, не упасть въ разверзнутую пропасть, въ которую тянетъ меня злой духъ, я кусаю себѣ губы до крови, зажимаю руками ротъ, срываюсь, какъ ужаленная, съ мѣста и бѣгу безъ оглядки, какъ помѣшанная, куда глаза глядятъ, лишь бы подальше, отъ всѣхъ дальше, чтобъ никто не видѣлъ моихъ слезъ, не слышалъ моихъ стоновъ и проклятій! Разъ я забрела такъ далеко, что заблудилась, и только на другой день вечеромъ крестьяне принесли меня въ обморокѣ домой. Сколько времени пролежала я безъ чувствъ одна въ лѣсной чащѣ—не знаю. Почему не растерзали меня дикіе звѣри, а орлы и вороны не выклевали у меня глазъ—не знаю!

— Богу не было угодно,—вставила вполголоса ея слушательница.

— Въ другой разъ,—продолжала княгиня,—меня потянуло къ рѣкѣ. Я хотѣла утопиться. Дѣти мнѣ стали противны. Я не могла безъ раздраженія слышать ихъ невинный смѣхъ, видѣть ихъ веселыя личики. Особенно ненавистенъ мнѣ былъ его ребенокъ. Князь, какъ нарочно, чтобы усилить мои страданія, къ нему особенно нѣженъ и ласковъ. О, какое для меня мученіе, когда онъ беретъ его на руки и цѣлуетъ его! Мнѣ тогда хочется ихъ обоихъ убить, а потомъ себя. Я помню, былъ вечеръ, мы сидѣли за чайнымъ столомъ. Вся семья, я, князь, старшіе дѣти, гувернантка. У меня былъ ножъ подъ рукой, длинный, острый, рѣзать хлѣбъ. Мнѣ съ утра было не по себѣ, все меня раздражало, и мнѣ было такъ трудно

сдерживаться, что я съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, когда останусь одна. Порой, точно какимъ-то туманомъ заволакивался мозгъ, я переставала видѣть кого бы то ни было въ комнатѣ, кромѣ мужа, и меня такъ толкало сдѣлать ему роковое признаніе, сказать ему: «это я тебя предала моему любовнику, Курлятьеву, отцу Кати», что мнѣ ужъ по временамъ казалось, что слова эти произнесены, и я съ изумленіемъ себя спрашивала: почему не убилъ онъ меня до сихъ поръ? Вдругъ дверь отворилась, и вошла няня съ Катей. Дѣвочка раскапризничалась, стала проситься къ мамѣ и къ папѣ; ее ужъ раздѣтую, въ одной рубашенкѣ, внесли въ столовую. Князь взялъ ее на руки, посадилъ на колѣни, сталъ съ нею играть. Дѣвочка со смѣхомъ опрокинулась на спинку, вцѣпившись ручонками въ его бакенбарды. Головенку она откинула назадъ, выставляя на показъ голую грудку и шейку. Мною овладѣлъ сатана. Какъ пить въ жаркій и пыльный день, когда горло пересохло отъ жажды, захотѣлось мнѣ вонзить ножъ въ это горлышко! Глаза застилались кровью, рука протягивалась къ ножу. Чего мнѣ стоило остановиться, сорваться съ мѣста и выбѣжать изъ комнаты,—не выразить словами. Легче, кажется, подставить голову подъ сѣкиру палача. Вышло такъ, что въ первую минуту никто не обратилъ вниманія на мое отсутствіе, и я все шла и шла, какъ лунатикъ, повинуясь невидимой силѣ, сбѣжала съ лѣстницы, миновала сѣни, никого не встрѣтивъ, завернула со двора въ садъ, изъ сада въ паркъ, прямо по аллеѣ, что ведетъ къ рѣкѣ, и чѣмъ ближе подходила я къ ней, тѣмъ легче дышалось. Вотъ и цѣль, конецъ мученіямъ, конецъ всему. Надо только мѣсто разыскать подальше, да поглубже. Я нашла такое мѣсто и бросилась въ омутъ. И мнѣ до сихъ поръ памятно ощущеніе восторга, охватившаго все мое существо въ эту минуту. Сейчасъ смерть, конецъ мукамъ, вѣчный покой. Но умереть не такъ-то легко, какъ кажется. Меня хватились, мужъ первый кинулся меня искать. Мальчишка, поваренокъ, дрожа отъ страха, сознался, что видѣлъ бѣлую тѣнь, проскользнувшую по аллеѣ къ пруду. На мнѣ было бѣлое платье. Догадались, кинулись туда, вытащили меня, откачали, привели къ жизни и стали лѣчить отъ меланхоліи и разстройства нервъ. Доктора совѣтовали развлеченія, поѣздку за границу. Меня отправили въ Швейцарію. Безъ дѣтей и среди чуждой обстановки, гдѣ ничто не напоминало о прошломъ, я вздохнула свободнѣе, и жгучая боль, терзавшая меня день и ночь, стала затихать. Она смѣнилась тихой грустью. Все еще жаль было на вѣки погибшаго счастья, и жутко дѣлалось при мысли о будущемъ, но я такъ намучилась, что и этому кратковременному отдыху была рада. По цѣлымъ часамъ просиживала я на берегу озера, ни о чемъ не думая, наслаждаясь теплотою солнечныхъ лучей и ароматомъ растеній. Окружавшая меня обстановка была красива и роскошна. Я занимала

съ моими людьми цѣлый домъ съ великолѣпнымъ садомъ на берегу живописнаго озера, съ чуднымъ видомъ на горы. Для меня выписали изъ Милана лучшаго доктора въ Европѣ, пригласили искусную сестру милосердія изъ сосѣдняго монастыря, и непонятный недугъ, терзавшій меня на родинѣ, съ первыхъ же дней сталъ поддаваться вліянію воздуха и лѣченія; явился аппетитъ, силы, румянецъ показался на щекахъ, меня находили красивой, интересной, и высказывали мнѣ это. Я видѣла, что мнѣ завидовали, и думала про себя: «если-бъ знали, въ чемъ состоитъ мое счастье, никто не захотѣлъ бы помѣняться со мною судьбой».

— Между тѣмъ, затихнувшая тоска снова стала меня грызть. Письма изъ Россіи производили на меня впечатлѣніе грозныхъ призраковъ, предвѣстниковъ ожидавшихъ меня на родинѣ мукъ. Приближался день отъѣзда. Отсрочить его было немыслимо. Мужъ скучалъ смертельно. Въ его письмахъ, между строками, я читала такую глубокую печаль и досаду на невозможность получить заграничный паспортъ, чтобъ самому за мною пріѣхать, что я стала опасаться какой нибудь рискованной выходки съ его стороны. Вздумаетъ, чего добраго, самовольно покинуть родину, эмигрировать, и тогда насъ ужъ ждало полное разореніе. Богатство наше состоитъ изъ имѣній и домовъ, все это конфискуютъ, дѣти останутся нищими, и этому новому несчастью опять я же буду причиной. Чтобъ отрѣзать себѣ всякій путь къ отступленію, я написала князю, что оставаться за границей мнѣ больше не для чего, что я чувствую себя прекрасно и выѣзжаю вслѣдъ за этимъ письмомъ. И принялась укладываться. Но когда все было готово, чемоданы увязаны и почтовыя лошади къ слѣдующему утру заказаны, на меня напала тоска и, какъ пьяницу передъ бутылкой съ виномъ, опять потянуло къ старому. Никому не сказавъ ни слова, вышла я изъ дому и отправилась въ горы, съ смутной надеждой найти тамъ то, что̀ мнѣ было нужно. Развѣ трудно поскользнуться и упасть въ пропасть? И чѣмъ дальше я шла, тѣмъ крѣпче впивалось мнѣ въ душу роковое намѣреніе, тѣмъ страстнѣе хотѣлось разомъ всему положить предѣлъ. Опять давно неиспытанное отвращеніе къ жизни и страхъ передъ борьбой овладѣли мною, заглушая всѣ прочія чувства, мысли и желанія. Наступали сумерки; я поднималась по узкой тропинкѣ въ гору, не оглядываясь ни вправо ни влѣво, опустивъ голову и ничего не видя, кромѣ травы и каменьевъ, по которымъ я шла. Кругомъ шумѣли водопады, стремившіеся съ крутыхъ вершинъ, издалека доносился звонъ колокольчиковъ, привязанныхъ къ козамъ и коровамъ, что̀ паслись въ ложбинахъ, а по временамъ и пѣснь пастуха; я ушла мыслями отъ земли такъ далеко, что ни къ чему не было охоты прислушиваться, и тогда только, какъ вкопанная, остановилась, когда рядомъ съ моею тѣнью на травѣ легла другая.

Съ испугомъ оглянулась я и увидѣла женщину въ темномъ плащѣ и широкополой, соломенной шляпѣ, съ котомкой за плечами.

— Сестра Каллиста, — тихо, какъ бы про себя, вымолвила ея слушательница.

— Да, сестра Каллиста,—повторила княгиня.

Съ каждымъ словомъ точно камень сваливался съ ея наболѣвшей груди, дышалось легче, умъ прояснялся; передъ глазами точно завѣса раздиралась, и то, что̀ начинала прозрѣвать ея душа, было такъ свѣтло и прекрасно, что отъ одного предвкушенія новой жизни сердце билось радостно и слезы восторга выступали на глаза.

Измѣнялось и лицо ея слушательницы по мѣрѣ того, какъ исповѣдь ея новой духовной сестры близилась къ концу. Отъ прежней суровости не осталось и слѣда. Лаской и любовью дышалъ ея взглядъ.

— Въ первую минуту, — продолжала княгиня, — я приняла ее за крестьянку, такъ бѣдна была ея одежда, такъ загорѣло и огрубѣло ея лицо, руки и ноги въ деревянныхъ башмакахъ. Но она заговорила о грѣхѣ, о любви и искупленіи, о Богѣ, и я поняла, что передо мной существо превыше всѣхъ царей земныхъ. Осторожно и нѣжно прикоснулась она къ ранамъ моего сердца, съ любовью и сочувствіемъ, точно давно меня знаетъ, точно я ей родная, и исцѣлила ихъ. Долго оставались мы вдвоемъ на горѣ. Наступила ночь, звѣздная, теплая. Слушая ее и проникаясь ея словами, мнѣ казалось, что я ужъ тамъ, откуда на землю нѣтъ возврата. Тѣла своего я не чувствовала, а душа, просвѣтленная, перерожденная, поднималась все выше и выше, туда, гдѣ нѣтъ ни плача, ни скорби, ни воздыханій, а жизнь безконечная. Духовныя очи мои разверзлись и, увидавъ бездонную пучину, въ которую меня толкали темныя силы ада, я въ ужасѣ отпрянула...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ.

— Не плачь,—сказала ясновидящая. — Развѣ Онъ не сказалъ: «пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обрѣмененные, и Азъ упокою васъ». Ты къ Нему пришла, и Онъ тебя успокоилъ, указалъ путь ко спасенію.

— Я не вижу больше этого пути,—проговорила сквозь рыданія молодая женщина. — Опять я впадаю въ уныніе, душа моя опять во мракѣ.

— Потому что ты сбилась съ Его стези.

— Я хотѣла остаться тамъ, съ нею, но она запретила мнѣ и думать объ этомъ.

— И я тебѣ это запрещаю. Твое мѣсто здѣсь, на родинѣ. Тамъ и безъ тебя просвѣтленныхъ много, здѣсь ты можешь больше приносить пользы.

— Но я еще такъ слаба въ вѣрѣ, такъ безпомощна противъ искушеній... Мнѣ нужна помощь, я боюсь погибнуть. Братъ Па-

велъ добръ ко мнѣ и усерденъ, онъ часто меня навѣщаетъ, знакомитъ меня съ ученіемъ истины, но слова его не проникаютъ мнѣ въ душу, не укрѣпляютъ меня въ борьбѣ съ врагомъ; я чувствую себя такой же безпомощной, какъ раньше, до встрѣчи на горѣ съ моей благодѣтельницей. Опять начинаетъ меня мучить отвращеніе къ жизни и ненависть къ виновнику моихъ мукъ.

— Какъ смѣетъ человѣкъ ненавидѣть!—печально замѣтила ея слушательница и прибавила со вздохомъ:—«Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ». И ужасомъ охватитъ тебѣ сердце, когда часъ отмщенія наступитъ.

Но княгиня была слишкомъ возбуждена, чтобы слышать эти слова.

— Если я рѣшилась провести здѣсь зиму, то единственно потому, что Курлятьевъ долженъ былъ ѣхать въ деревню, для устройства своихъ дѣлъ. Имѣніе его въ трехъ верстахъ отъ нашего. Услышавъ, что его тамъ ждутъ, я поспѣшила отъѣздомъ въ Москву... И вотъ вчера узнала, что и онъ здѣсь и, Богъ знаетъ, для чего медлитъ отъѣздомъ на югъ. Каждую минуту мы можемъ встрѣтиться. При одной этой мысли я холодѣю съ ногъ до головы. Что мнѣ дѣлать, чтобъ отогнать злыя мысли, которыя меня осаждаютъ? Чтобъ заглушить ненависть къ несчастному ребенку, невинной причинѣ моего несчастія? Научи меня, наставь, просвѣти и поддержи... О, поддержи меня! будь для меня тѣмъ, чѣмъ была Каллиста!

Послѣднія слова воплемъ вырвались изъ ея наболѣвшей груди, и, умоляюще простирая руки къ своей повелительницѣ, она простонала:

— Что мнѣ дѣлать? Куда мнѣ бѣжать?

— Никуда не убѣжишь ты отъ дьявола,—прервала ее ясновидящая, снова строго возвышая голосъ.

— Что-жъ мнѣ дѣлать?—вскричала въ отчаяніи княгиня.

— Соединиться внутренно съ Богомъ; не слегка перевязывать рану, но дойти до корня зла и начать съ отреченія отъ самой себя, съ послушанія.

— Сердце мое тебѣ отверзто, ничего я отъ тебя не скрыла, приказывай, все исполню.

— Исполнишь, не мудрствуя лукаво, со смиреніемъ и покорностью?—спросила ясновидящая, рѣзко отчеканивая слова.

— Не мудрствуя, со смиреніемъ и покорностью, — повторила, какъ эхо, княгиня.

— Хорошо. На первый разъ мы потребуемъ отъ тебя немногаго. Поѣзжай домой. Вчера тебѣ принесли приглашеніе на балъ. Ты поѣдешь на этотъ балъ...

Княгиня не возражала. Слова не выговаривались. Мысли такимъ вихремъ проносились въ мозгу, что ни на одной изъ нихъ нельзя было остановиться. Какъ былинка подъ напоромъ бурнаго

вѣтра, поникла безпомощно ея душа передъ страннымъ существомъ, повелѣвавшимъ ею. И чувствовала она, что не принадлежитъ себѣ больше. Чужая воля проникала все глубже и глубже ей въ сердце, покоряя его своей власти. Бороться противъ этой воли она и не пыталась, только въ покорности и самоотреченіи обрящетъ она покой, котораго жаждетъ,—ни въ чемъ больше.

— Ты поѣдешь на этотъ балъ,—повторила ясновидящая,—и всѣ силы приложишь къ тому, чтобъ быть, какъ другіе. Будешь весела, любезна, разговорчива со всѣми, кто къ тебѣ подойдетъ.

— И съ нимъ тоже?—вскричала въ ужасѣ княгиня.

— Съ нимъ особенно. Онъ долженъ убѣдиться, что ты къ нему такъ же равнодушна, какъ и онъ къ тебѣ. Это нужно. Помни—нужно.

И съ этими словами она нѣжно притронулась къ ея лбу и провела рукой сначала по одной сторонѣ ея лица, а потомъ — по другой.

Отъ этой ласки у княгини точно ледяная глыба растаяла въ сердцѣ; сдвинутыя озабоченно брови расправились, а глаза засвѣтились радостнымъ восторгомъ.

— Иди, и да хранитъ тебя Тотъ, Который все видитъ, и безъ воли Котораго ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ, — торжественно вымолвила ясновидящая, протягивая къ ней руку благословляющимъ жестомъ.

Княгиня порывистымъ движеніемъ схватила на лету эту руку и благоговѣйно прижалась къ ней губами. А затѣмъ, она вышла легкой поступью, въ экстазѣ своемъ ничего не замѣчая по пути. Безсознательно послѣдовала она за дѣвушкой въ бѣломъ чепцѣ, которая, встрѣтивъ ее у дверей, прошла въ прихожую, надѣла на нее салопъ и провела ее до сѣней, гдѣ ждалъ тотъ человѣкъ въ плащѣ съ капюшономъ, что отперъ ей калитку. Короткій зимній день смѣнился вечеромъ, и привратникъ маркизы съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ повелъ княгиню по чернѣвшей между сугробами тропинкѣ къ воротамъ. А на улицѣ, какъ два волчьи глаза, сверкали въ темнотѣ фонари у кареты, дожидавшей княгиню, должно быть, ужъ давно, если судить по тому, какъ озябли лошади и люди. Первыя нетерпѣливо фыркали, постукивая подковами о мерзлый снѣгъ, а лакей съ кучеромъ, ежась и похлопывая руками въ мѣховыхъ варежкахъ, чтобъ согрѣться, вполголоса вели промежъ себя разговоръ насчетъ барскихъ затѣй.

— И какой это лѣшій указалъ ей на этихъ бѣдныхъ, что здѣсь живутъ! Точно мало нищихъ въ городѣ,—говорилъ Степка, молодой парень въ ливреѣ князей Дульскихъ и въ треугольникѣ съ кокардой на напудренномъ парикѣ.

— Оно пользительнѣе для души, какъ потрудишься, — солиднымъ тономъ возражалъ бородатый старикъ-кучеръ.

— Эдакая трущоба! Тутъ и зарѣзать нипочемъ. Кричи, сколько хочешь, никто не услышитъ, — снова началъ, помолчавъ немного, Степанъ, всматриваясь въ пустынный мракъ, окутывавшій мѣстность, съ чернѣвшими на бѣлесоватомъ фонѣ снѣжныхъ сугробовъ низкими строеніями за заборами, черезъ которые перевѣшивались покрытыя инеемъ вѣтви деревьевъ.

— Да, вотъ бы гдѣ бутырей-то понасажать; безъ дѣла бы не сидѣли, нѣтъ... И что это она тамъ застряла, словно у важныхъ господъ какихъ, право; остынешь тутъ совсѣмъ, ее ждамши,—замѣтилъ кучеръ.

Лакей, прислушавшись, съ испугомъ объявилъ, что кто-то ѣдетъ. Дѣйствительно скрипъ снѣга подъ полозьями и стукъ лошадиныхъ копытъ со стороны города становился все явственнѣе и явственнѣе, а черезъ минуту въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кареты остановились санки. Изъ нихъ выскочили какихъ-то двое и подошли къ калиткѣ.

У прибывшихъ былъ очень таинственный видъ, они шли молча, подозрительно косясь на карету и принимая всевозможныя мѣры, чтобъ не быть узнанными, остановились въ такомъ мѣстѣ, куда свѣтъ отъ фонарей достигнуть не могъ; впрочемъ, лица ихъ, подъ глубоко надвинутыми на лобъ шляпами, невозможно было бы различить даже и въ такомъ случаѣ, если-бъ было совсѣмъ свѣтло. Одинъ былъ выше другого ростомъ, но, насколько можно было судить по ихъ походкѣ и складкамъ широкихъ плащей, окутывавшихъ ихъ съ ногъ до головы, оба были молоды и стройны.

— Господа, — шепнулъ кучеръ, которому съ козелъ удобнѣе было наблюдать, чѣмъ его товарищу. Этотъ кивнулъ въ знакъ согласія и, указывая головой на экипажъ прибывшихъ, замѣтилъ тоже шопотомъ:—лошадь-то сѣрая, а на козлахъ какъ будто курлятьевскій Платонъ сидитъ.

— Ужъ ты скажешь!

— Ей-Богу, право!

Шумъ шаговъ на дворѣ, лязгъ отодвигаемаго засова и появленіе княгини на порогѣ растворенной калитки, въ сопровожденіи провожатаго съ фонаремъ, заставили ихъ оборвать разговоръ на полусловѣ.

Кидаясь навстрѣчу барынѣ и усаживая ее въ карету, Степану было не до того, чтобъ оглядываться на тѣхъ двухъ, что стояли, притаившись у забора, но кучеръ отлично видѣлъ, какъ они сначала шарахнулись назадъ, а потомъ, когда княгиня прошла къ каретѣ, юркнули въ калитку, и какъ старикъ въ капюшонѣ защелкнулъ ее за ними, а проѣзжая мимо ихъ санокъ, онъ не забылъ всмотрѣться въ лицо сидѣвшаго на козлахъ кучера.

— А вѣдь дѣйствительно парень этотъ на курлятьевскаго Платошку смахиваетъ,—подумалъ онъ.—Рожа такая же широкая.

Да и лошадь ему показалась знакома. Какъ въ Петербургѣ еще господа жили, два года тому назадъ, частехонько лошадь эта завертывала къ нимъ во дворъ.

II.

Новыхъ посѣтителей маркизы ввели въ домъ съ точно такими же предосторожностями, какъ и княгиню Дульскую, съ тою только разницей, что ихъ довольно долго заставили ждать въ комнатѣ, показавшейся княгинѣ совсѣмъ пустой. Но потому ли, что въ волненіи своемъ она не разглядѣла соломенныхъ стульевъ, обитыхъ черной кожей, стоявшихъ вдоль стѣны, или потому, что стулья эти были принесены послѣ ея ухода,—такъ или иначе, но молодые люди нашли на чемъ сидѣть въ ожиданіи хозяйки.

— Однако, у «просвѣтленной» убранство-то не нарочито изрядное,—поглядывая съ усмѣшкой по сторонамъ, замѣтилъ тотъ, въ которомъ люди княгини узнали Курлятьевскаго барина.

Лѣтъ двадцати пяти, въ нарядѣ тогдашнихъ франтовъ, на немъ былъ темновишневый фракъ съ большими бѣлыми отворотами, камзолъ и кюлотъ тоже изъ бѣлаго сукна, съ золотыми, гладкими пуговицами, треуголка подъ мышкой, шелковые, бѣлые чулки и башмаки съ золотыми пряжками и высокими каблуками. Волосы, по парижской модѣ, начинавшей уже проникать въ Россію, носилъ онъ длинные, до плечъ, и безъ пудры. Онъ былъ очень красивъ. Беззаботностью и удальствомъ дышало его открытое лицо, съ свѣтлокарими глазами, опушенными длинными, темными рѣсницами.

— Но, можетъ быть, это только входъ въ святилище, и простота тутъ разсчитана на эффектъ, — продолжалъ онъ, не дожидаясь возраженій товарища, который какъ будто и не слышалъ его, такъ глубоко ушелъ въ свои думы.—А знаешь, никогда я себѣ не прощу, что послушался тебя и не разсмотрѣлъ хорошенько ту даму, изъ-за которой насъ такъ долго заставили дежурить у воротъ. По походкѣ и по наряду видно молоденькая и красавица, можетъ быть... Ужъ не Рябинина ли? Она, говорятъ, съ Щербинскимъ махается, а онъ мистикъ извѣстный, на поклоненіе къ Каліостро ѣздилъ...

— Мы видѣли Рябинину на Кузнецкомъ мосту передъ тѣмъ, какъ сюда пріѣхать, — нехотя и пожимая плечами, замѣтилъ Каморцевъ.

— Это ты ее видѣлъ, а я, какъ ты могъ замѣтить, все время шелъ, потупивъ очи долу, чтобъ, Боже сохрани, не встрѣтиться какъ нибудь взглядомъ съ княгиней Дульской. Мнѣ прямо сквозь землю захотѣлось провалиться, когда я услышалъ, что карета ея ѣдетъ намъ навстрѣчу. Княгиня терпѣть меня не можетъ.

— За что?—разсѣянно спросилъ Каморцевъ.

Курлятьевъ скорчилъ печальную мину.

— Ужъ это ея тайна. Съ мужемъ ея я пріятель, а она меня ненавидитъ... Мнѣ это очень прискорбно, но ничего не подѣлаешь. Есть такая пословица: насильно милъ не будешь. Очень изрядная пословица, я на себѣ ее испытываю каждый разъ, какъ судьбѣ угодно меня столкнуть съ княгиней Вѣрой Васильевной.

Онъ проговорилъ это съ такимъ наивнымъ сожалѣніемъ, что и болѣе внимательный слушатель былъ бы обманутъ его тономъ, Каморцеву же въ эту минуту было не до того, чтобъ всматриваться въ физіономію своего друга и подмѣчать лукавый огонекъ, сверкнувшій въ его глазахъ.

— Княгиня очень добродѣтельная особа,—замѣтилъ онъ.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается!—подхватилъ Курлятьевъ.— Она ангелъ чистоты и непорочности. Всѣ въ этомъ убѣждены и супругъ ея первый. Вотъ ей такъ ужъ не для чего сюда ѣздить за святостью. Ну, а Рябинина—дѣло другое! Болванчиковъ у нея менѣе трехъ заразъ не бываетъ. А, можетъ быть, это была какая нибудь кающаяся Омфала изъ секты «Смазливыхъ тѣней»! Какая досада, что ты не далъ мнѣ разглядѣть ея карету и поразспросить ея людей! Ужъ я сумѣлъ бы имъ развязать языки. Но ты все время толкалъ меня къ забору, откуда зги не видно.

— Полно дурачиться, Ѳедя, здѣсь не мѣсто вертопрашничать,— произнесъ съ досадой его пріятель.

Онъ тоже былъ молодъ и изъ хорошаго общества, если судить по французскому выговору, да по одеждѣ, хотя и не такой элегантной, какъ у его товарища, но сшитой по модѣ и у хорошаго портного.

— А тебѣ, я вижу, ужъ жутко, — усмѣхнулся Курлятьевъ. — Трусъ, чертей боится.

Пріятель его промолчалъ. Его блѣдное, длинное лицо съ темными глазами и узкими губами, сосредоточенною серьезностью представляло курьезный контрастъ съ жизнерадостной физіономіей его друга. Въ то время, какъ этотъ послѣдній, проявляя нетерпѣніе и жестами и словами, поминутно срывался съ мѣста, чтобъ подбѣжать то къ одной двери, то къ другой, пытаясь подслушать, что за ними происходитъ, то къ окнамъ, въ надеждѣ разглядѣть что нибудь сквозь запертыя ставни,—онъ сидѣлъ неподвижно и съ закрытыми глазами, чтобъ глубже сосредоточиться въ мысляхъ.

— Домъ точно вымеръ, сколько ни слушай—ни звука, — проворчалъ Курлятьевъ, снова усаживаясь рядомъ съ пріятелемъ, послѣ тщетныхъ усилій проникнуть взглядомъ или ухомъ за стѣны комнаты.

Онъ вынулъ изъ кармана камзола золотые часы съ эмалированнымъ гербомъ на крышкѣ и съ трудомъ разглядѣлъ стрѣлки

(лампада, спускавшаяся съ потолка, плохо освѣщала), прибавивъ съ раздраженіемъ:

— Вотъ ужъ двадцать минутъ, какъ насъ заставляютъ дожидаться, точно на аудіенціи у царскаго фаворита... Это становится несносно, наконецъ... Не уйти ли намъ подобру, поздорову, а? какъ ты думаешь? Ну ее совсѣмъ, твою «просвѣтленную»!

— Ты мнѣ далъ честное слово, что будешь вести себя прилично,—умоляюще вымолвилъ его пріятель.

— Хорошо, будь по-твоему, подождемъ. А только, знаешь что̀? она, должно быть, съ нечистымъ въ претѣсной находится связи, эта твоя маркиза де-Руфамбре... Ну, не сердись, не сердись,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ гнѣвное движеніе Каморцева:— я вѣдь это только такъ, чтобъ подразнить тебя, а въ сущности, мнѣ вѣдь все равно, и клянусь тебѣ... Ну, чѣмъ бы мнѣ поклясться? Хоть и не хочется думать, что въ этомъ домѣ царствуетъ дьяволъ, но имя Бога тоже здѣсь произносить какъ будто не совсѣмъ ловко.

— Это Божій домъ,—со вздохомъ объявилъ Каморцевъ.

— Аминь, пусть будетъ по-твоему. А скажи, пожалуйста, какихъ она приблизительно лѣтъ, твоя «просвѣтленная»?

— Не знаю,—отрывисто, точно отмахиваясь отъ докучливой мухи, вымолвилъ Каморцевъ.

— Ты правъ. Я дуракъ, развѣ можно спрашивать о лѣтахъ женщины! Это единственная тайна, которую онѣ умѣютъ хранить. Говорятъ, она очень хороша собой,—правда это?

— Увидишь,—отвѣчалъ рѣзче прежняго его пріятель, продолжая сидѣть съ закрытыми глазами, тихо шевеля губами, точно читая про себя молитву.

Курлятьевъ всталъ и прошелся по комнатѣ, а затѣмъ, вернувшись къ прежнему мѣсту, опять сталъ выражать вслухъ мысли, вертѣвшіяся у него въ мозгу.

— И для чего только ей понадобилось меня видѣть, просто ума не приложу. Чѣмъ я ей сдѣлался любопытенъ, не понимаю! Впрочемъ,—продолжалъ онъ, искоса посматривая на своего сосѣда:— если она находитъ нужнымъ водить дружбу съ «смазливыми тѣнями», то почему же ей и съ вертопрахомъ не познакомиться? Она вѣрно надѣется обратить меня на путь истинный, уговорить меня постричься въ монахи или удалиться въ пустыню, чтобъ я тамъ отрастилъ себѣ бороду и ногти, надѣлъ бы власяницу и вериги и, питаясь акридами и дикимъ медомъ, замаливалъ бы свои и чужіе грѣхи? Слуга покорный, на все—свое время, и мнѣ жизнь еще не надоѣла. Даже скажу тебѣ по секрету, милый другъ, никогда еще не была мнѣ жизнь такъ мила, какъ теперь...

Каморцевъ и на это не выронилъ ни слова. Такое равнодушіе вывело, наконецъ, молодого щеголя изъ терпѣнія.

— Что-жъ ты молчишь, какъ пень? Скажи хоть слово, чтобъ вознаградить меня за несносную скуку, которую я здѣсь изъ-за тебя претерпѣваю!

Съ этими словами онъ положилъ руку на плечо Каморцева и повернулъ къ себѣ силой его блѣдное лицо.

Этотъ вздрогнулъ, точно его разбудили отъ сна, и произнесъ строго:

— Я тебѣ ужъ сказалъ: здѣсь не мѣсто предаваться грѣшнымъ помысламъ и непристойнымъ шуткамъ. Обожди, пока выйдешь отсюда.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ, я хочу знать: для чего именно ей понадобилось меня видѣть?

— Она сказала: «вы знаете Курлятьева, привезите его ко мнѣ», ни слова больше.

— Гм! И ты не спросилъ—для чего?

— Когда она говоритъ, мы слушаемъ и стараемся запомнить каждое ея слово, вотъ и все.

— Мы... кто это мы? Васъ, значитъ, много?

На вопросъ этотъ отвѣта не послѣдовало.

— Она, значитъ, говорила съ тобой обо мнѣ не съ глазу на глазъ? Тутъ былъ еще кто нибудь? Какая нибудь женщина? Да говори же, чортъ побери, не бѣси меня, ради Бога? Терпѣніе мое лопнетъ, наконецъ, и я начну бурлить и барабошить.

— Тише!—строго прервалъ его Каморцевъ.—Идутъ,—прибавилъ онъ взволнованнымъ шопотомъ, срываясь съ мѣста и принимая почтительную позу.

— Что-жъ ты меня, братецъ, не предупредилъ, что твоя «просвѣтленная»—мужчина,—шепнулъ ему на ухо Курлятьевъ, вглядываясь съ любопытствомъ въ темную фигуру, появившуюся на порогѣ растворившейся двери.

— Г-нъ Курлятьевъ!—произнесъ мужской голосъ.

— Здѣсь, — отвѣчалъ повѣса, вытягиваясь въ струнку, какъ солдатъ передъ начальствомъ.

— Идите, васъ ждутъ,—объявили ему, не обращая вниманія на его шутовскую выходку.

И повернувшись къ нимъ спиной, посланецъ зашагалъ по длинному коридору, раздѣлявшему домъ на двѣ половины.

— А ты тутъ еще подождешь, передъ тѣмъ, какъ за нами послѣдовать,—шепнулъ своему пріятелю Курлятьевъ. — Мнѣ, какъ наипорочнѣйшему, предпочтеніе. О, женщины, женщины, всѣ-то вы скроены на одинъ образецъ!

Послѣднія слова онъ процѣдилъ сквозь зубы и про себя, торопясь догнать своего путеводителя въ полутемномъ коридорѣ, который его заставили пройти до конца. Тутъ проводникъ его остановился, растворилъ передъ нимъ дверь и, пригласивъ его движеніемъ руки войти, скрылся.

Молодой человѣкъ очутился въ уютномъ кабинетѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами въ бронзовыхъ канделябрахъ на каминѣ. Тутъ стѣнъ не было видно за высокими шкапами съ книгами; у оконъ, завѣшанныхъ тяжелыми, темными драпировками, стояло массивное бюро, заваленное бумагами, а въ одномъ изъ угловъ помѣщался широкій, турецкій диванъ со множествомъ подушекъ и двумя глубокими креслами по сторонамъ.

При появленіи гостя, на диванѣ этомъ сидѣла та самая женщина, что̀ разговаривала полчаса тому назадъ съ княгиней Дульской, въ комнатѣ съ картинами таинственнаго содержанія. Но теперь княгиня не узнала бы ея: такъ преобразилась она отъ наряда, въ который она сочла нужнымъ облечься для пріема новыхъ посѣтителей. Все на ней, начиная отъ прически и кончая цвѣтными туфельками, было изящно, кокетливо и модно. Отъ румянъ на щекахъ глаза сверкали, какъ брильянты, губы привѣтливо улыбались. На высоко взбитыхъ локонахъ, драгоцѣнное, венеціанское кружево подколото было живой розой, ароматъ которой сливался съ тонкими духами, наполнявшими воздухъ. Живая и граціозная, съ звучнымъ, молодымъ голосомъ, она производила впечатлѣніе женщины двадцати-пяти лѣтъ, а въ то же время величавымъ благородствомъ вѣяло отъ ея фигуры, такъ что забыться передъ нею, какъ передъ простой смертной, не было никакой возможности. И Курлятьевъ это почувствовалъ при первомъ взглядѣ на нее. Какъ очарованный, остановился онъ у порога, отвѣсивъ глубокій поклонъ и въ первый разъ въ жизни ощущая нѣчто въ родѣ смущенія и робости.

Много красивыхъ женщинъ встрѣчалъ онъ за послѣднія десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ ухаживаніе за ними сдѣлалось цѣлью его жизни, но такую онъ никогда еще не видѣлъ, а между тѣмъ ему казалось, что лицо ея ему знакомо. Но гдѣ являлось оно ему? Во снѣ, безъ сомнѣнія; такія явленія наяву не забываются, и, встрѣтившись съ нею, не пожелать еще и еще ее видѣть не возможно.

— Садитесь, мсьё Курлятьевъ, очень рада съ вами лично познакомиться, — сказала она по-французски, указывая рукой на кресло рядомъ съ диваномъ, на которомъ она продолжала сидѣть, съ улыбкой оглядывая съ ногъ до головы вошедшаго. — Говорю лично,—продолжала она съ развязностью свѣтской женщины, желающей легкой фамильярностью доказать особенное вниманіе молодому человѣку,—потому что заочно давно васъ знаю... Да, да,—засмѣялась она въ отвѣтъ на его изумленный взглядъ,—я очень много про васъ слышала...

— Вы меня интригуете, маркиза. Кто же могъ вамъ про меня говорить? Меня здѣсь никто не знаетъ, я петербургскій житель, въ Москвѣ проѣздомъ, и, насколько мнѣ извѣстно, если не считать Каморцева, общихъ знакомыхъ у насъ нѣтъ.

— Почемъ знать!—выронила она съ загадочной усмѣшкой.

И, не дожидаясь возраженія, спросила, давно ли видѣлся онъ съ княгиней Дульской.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ и сдвинулъ слегка брови, но смущеніе его длилось одно только мгновеніе, ироническая усмѣшка проскользнула по его губамъ, и онъ самымъ естественнымъ тономъ спросилъ:

— А развѣ княгиня въ Москвѣ?

— Она сейчасъ у меня была. Неужели вы съ нею не встрѣтились?

— Мы видѣли карету у воротъ вашего дома и даму, которая сѣла въ эту карету и уѣхала, но мнѣ и въ голову не пришло подумать, что это княгиня Вѣра Васильевна. Очень жаль, что я пропустилъ случай засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, но, право же, я былъ очень далекъ отъ мысли ее встрѣтить здѣсь; мнѣ говорили, что она до сихъ поръ въ деревнѣ.

— Она пріѣхала въ Москву уже съ мѣсяцъ...

— Вотъ какъ!

— И со всей семьей.

— Съ княземъ?—съ живостью спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ему въѣздъ въ столицу до сихъ поръ запрещенъ.

— Знаю, и потому такъ удивился и обрадовался, когда вы сказали, что они здѣсь всей семьей,—возразилъ Курлятьевъ, съ большимъ апломбомъ выдерживая испытующій взглядъ своей собесѣдницы.—Я его очень люблю, это такой чудный человѣкъ,—прибавилъ онъ добродушно.

— А вамъ извѣстно, почему онъ въ опалѣ?—спросила маркиза.

— Право, не знаю. Говорили тогда, что государь на него разгнѣвался за его сношенія съ фаворитами прежняго царствованія, что-то въ этомъ родѣ, ужъ я теперь забылъ, это было такъ давно,—прибавилъ онъ съ наивной беззаботностью юности.

Но беззаботность эта была напускная. Его безпокоилъ исходъ разговора, и онъ спрашивалъ себя съ досадой: «Къ чему это Вѣрѣ понадобилось говорить про него этой чужеземкѣ? Какъ всѣ женщины опрометчивы и невоздержны! И какая у нихъ пагубная страсть играть съ огнемъ! Ну, хорошо, что онъ такъ отлично умѣетъ собой владѣть, что ничѣмъ его не смутишь и не заставишь сказать то, чего говорить не нужно; другой на его мѣстѣ, пойманный такимъ образомъ врасплохъ, чего добраго, выдалъ бы ихъ тайну какимъ нибудь неумѣстнымъ словомъ или неловкимъ движеніемъ, но онъ, слава Богу, не изъ таковскихъ, и если женщины, кидающіяся, очертя голову, въ его объятія, не могутъ разсчитывать на постоянство его чувствъ къ нимъ, то, по крайней мѣрѣ, онѣ могутъ вполнѣ полагаться на его скромность и честь. Ни разу еще не выдалъ онъ ни одной изъ своихъ любовныхъ тайнъ, а между

тѣмъ у него ихъ множество, и кумиры, которымъ онъ одновременно поклоняется, раскиданы въ такихъ разнородныхъ слояхъ общества, что, право же, нельзя не ставить ему въ заслугу изумительной ловкости, съ которою онъ ухитряется вести свои сердечныя дѣла.

Но таинственная маркиза не для того вызвала его къ себѣ, чтобъ слушать разсказы про его любовныя похожденія; ей другое нужно было отъ него узнать, и со свойственной ей смѣлостью она приступила къ дѣлу.

— А извѣстно вамъ, мсьё Курлятьевъ, про то, въ чемъ васъ обвиняютъ относительно князя Дульскаго?—спросила она.

Онъ съ шутливой развязностью подхватилъ и этотъ вызовъ.

— Маркиза,—началъ онъ, скорчивъ смиренную физіономію и съ притворнымъ смущеніемъ опуская глаза,—къ вящшему моему настроенію, долженъ вамъ сознаться, что васъ не обманули, передъ вами величайшій повѣса въ мірѣ, негоднѣйшій изъ сорванцовъ и ферлакуровъ, вся жизнь котораго проходитъ въ лазуканьѣ за красавицами, въ талалаканіи любовныхъ романсовъ и тому подобныхъ фривольныхъ и недостойныхъ серьезнаго человѣка утѣхахъ. Но вѣдь молодость дается человѣку одинъ разъ въ жизни, маркиза!

— И это все? Васъ совѣсть ни въ чемъ больше не упрекаетъ?—спросила она, помолчавъ немного и такимъ торжественнымъ тономъ, что дурачливое настроеніе внезапно съ него слетѣло. Онъ поднялъ на свою собесѣдницу недоумѣвающій взглядъ и не узналъ ея: вмѣсто прелестной свѣтской женщины, очаровавшей его съ первой минуты любезностью и добрымъ участіемъ, онъ увидѣлъ существо съ блѣднымъ лицомъ и пристальными, пронзительными глазами вдохновенной ясновидящей. Ему стало жутко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обидно. Она его въ чемъ-то обвиняла, ему хотѣлось оправдаться. Больше того, онъ чувствовалъ, что онъ долженъ оправдаться передъ нею, что онъ будетъ несчастливъ, если этого не достигнетъ.

— Я не понимаю, что̀ вы хотите сказать, маркиза, — произнесъ онъ съ достоинствомъ,—я русскій дворянинъ и имѣлъ честь служить въ гвардіи ея величества блаженной памяти императрицы Екатерины Алексѣевны.

Не будь онъ въ эту минуту такъ возбужденъ, его, безъ сомнѣнія, изумило бы выраженіе лица его собесѣдницы: жгучій блескъ ея глазъ смягчился нѣжностью, а губы тронулись улыбкой.

Но это длилось недолго.

— При той жизни, которую вы ведете, нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать зло безсознательно,—объявила она сурово.

— Но что̀ я такое сдѣлалъ? Скажите мнѣ, чтобъ я могъ исправить.

— То зло, которое вы сдѣлали неумышленно и въ такую минуту, когда умъ вашъ былъ отуманенъ, исправить нельзя.

— Чѣмъ отуманенъ, маркиза? Что̀ вы хотите сказать? Если вамъ рекомендовали меня, какъ отчаяннаго пьяницу, то васъ обманули... Клянусь вамъ честью, что меня оклеветали передъ вами...

Въ волненіи своемъ онъ забылся и такъ громко произнесъ послѣднія слова, что испугался звука собственнаго голоса и смолкъ, не кончивъ фразы.

— Продолжайте,—сказала она.

— Я не знаю... я не могу вамъ объяснить, что именно со мною происходитъ,—началъ онъ, запинаясь, съ трудомъ переводя дыханіе и потирая лобъ рукой, чтобъ сбросить странную тягость, все сильнѣе и сильнѣе надавливавшую ему на мозгъ,—но съ той минуты, какъ я сюда вошелъ... какъ я васъ увидѣлъ, услышалъ вашъ голосъ, почувствовалъ на себѣ вашъ взглядъ, у меня одно только желаніе... мнѣ одно только нужно, чтобъ вы не были обо мнѣ дурныхъ мыслей... Мнѣ хочется, чтобъ вы меня всего узнали... всю мою душу... Не то, что̀ другіе во мнѣ видятъ и за что̀ меня любятъ или ненавидятъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не такъ выражаюсь! Не такимъ, какимъ я есть, желалъ бы я, чтобъ вы меня знали, а такимъ, какимъ я долженъ сдѣлаться, если... если...

Неужели это онъ говоритъ? Неужели это его уста произносятъ такія странныя, не соотвѣтствующія ни мыслямъ его, ни характеру слова? Новый духъ какой-то въ него вселился, и отъ прежняго человѣка, отъ всего, что̀ раньше его одушевляло, не осталось и слѣда. Чувства, желанія, помыслы,—все въ немъ жаждетъ обновленія, все стремится куда-то вдаль, въ неизвѣстность... Куда? Она укажетъ.

Онъ поднялъ голову. Она стояла передъ нимъ, выпрямившись во весь ростъ, властная, непобѣдимая, и какъ ни силился онъ смотрѣть ей въ глаза, это было невозможно. Такъ же невозможно, какъ сбросить иго, которое она накладывала ему на душу,—освободиться отъ нравственныхъ цѣпей, которыми она сковывала его умъ и сердце. Невольно поднялся онъ съ мѣста и покорно опустилъ голову, какъ обвиняемый передъ судьей, какъ рабъ передъ господиномъ.

— Если ты воспримешь духъ истины,—медленно и торжественно отчеканивая слова, окончила она начатую имъ и прерванную въ душевномъ смятеніи фразу.

Да, это именно то, что̀ онъ хотѣлъ сказать, но у него еще нѣтъ словъ для изъясненія новыхъ чувствъ, нахлынувшихъ такъ внезапно и неожиданно ему на душу.

А она, между тѣмъ, устремивъ вдаль вдохновенный взоръ и точно прислушиваясь къ таинственному голосу невидимаго духа, продолжала:

— Надо хотѣть, это главное. На тебя только издали повѣялъ духъ истины, и ты ужъ не тотъ, что былъ прежде. Нѣтъ въ тебѣ больше воли на зло. Ты какъ трупъ, изъ котораго вынули душу, какъ слѣпецъ отъ рожденія, передъ которымъ на мгновеніе разверзлась завѣса на свѣтъ солнца. Никогда не забыть тебѣ этой блаженной минуты просвѣтленія! Никогда не примириться съ отсутствіемъ духа! Всюду будешь ты Его искать, и не найдетъ жаждущая твоя душа ни въ чемъ земномъ утѣхи, доколѣ не сдѣлаешься ты достойнымъ слиться съ Нимъ, проникнуться Имъ до мозга костей, уничтожиться въ Немъ всѣмъ твоимъ существомъ, чтобъ каждый твой вздохъ, каждое помышленіе, каждое слово и движеніе исходило отъ Него. Много предстоитъ тебѣ труда, борьбы, слезъ и печали. Настанутъ для тебя дни, когда ты будешь такъ близокъ къ гибели, что мракомъ отчаянія затемнится твой умъ и наполнится твое сердце. И будешь ты изнемогать подъ бременемъ непосильной ноши, и сердце твое будетъ раздираться о терніи всѣхъ земныхъ золъ: клеветы, злобы, людской ненависти и ослѣпленія. И помутится твой умъ отъ бѣдствій, что низринутся на твою голову. И напрасно станешь ты искать утѣшенія въ тѣняхъ прошедшаго и призракахъ будущаго. Напрасно побѣжишь ты за ними и будешь умолять ихъ о помощи и наставленіи, они не поддержатъ тебя и не научатъ, а приведутъ тебя къ безднѣ, на самый край пропасти. И тутъ только ты опомнишься и вознесешься къ Духу Истины, тутъ только отверзятся твои духовныя очи, изъ слѣпца ты сдѣлаешься зрячимъ и поймешь вѣчную справедливость, постигнешь законъ возмездія, управляющій міромъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, и для котораго, чтобъ имъ проникнуться, надо отрѣшиться отъ міра...

Лицо ясновидящей, постепенно блѣднѣя, приняло оттѣнокъ мертвенности, голосъ звучалъ все громче и отрывистѣе и, наконецъ, слова стали крикомъ вылетать изъ ея груди, точно ей было мучительно ихъ произносить, и точно невидимая посторонняя сила понуждаетъ ее говорить, а взглядъ ея, впиваясь въ Курлятьева, проникая до глубины его души, прожигалъ его насквозь.

Сколько времени это продолжалось, сколько минутъ или часовъ пробылъ онъ подъ обаяніемъ этого загадочнаго существа, Курлятьевъ не могъ бы сказать. Не могъ онъ также припомнить, какъ именно кончилась его аудіенція у «просвѣтленной». Разставаясь съ нею, съ нимъ не было ни обморока, ни дурноты, голова его не кружилась, ноги не подкашивались, и онъ твердымъ шагомъ, вполнѣ сознательно прошелъ черезъ коридоръ въ комнату, гдѣ ждалъ его Каморцевъ, а оттуда, одѣвшись въ прихожей, они прошли въ сопровожденіи привратника черезъ дворъ на улицу, сѣли въ сани и катятъ теперь по городу.

Темно. Поднялся холодный вѣтеръ, глаза залѣпляетъ хлопьями снѣга, и бѣлесоватый туманъ кое-гдѣ тускло просвѣчиваетъ сквозь красноватое пламя фонарей.

По фонарямъ этимъ Курлятьевъ догадывается, что они доѣхали до центра города, и что онъ скоро будетъ дома. Спутникъ его нѣсколько разъ принимался съ нимъ заговаривать, но онъ не отвѣчаетъ. Ему такъ тяжело пробудиться отъ оцѣпенѣнія, которымъ сковано все его существо, что онъ и не пытается стряхнуть съ себя душевную летаргію, навѣянную на него взглядомъ и голосомъ страннаго существа, которое одни называютъ ясновидящей и просвѣтленной, а другіе—шарлатанкой. Для него она ни то, ни другое, она—его совѣсть. Существуетъ ли она на самомъ дѣлѣ, или ему только кажется, что онъ ее видѣлъ и говорилъ съ нею, наяву или во снѣ произошло все испытанное имъ,—онъ не знаетъ. Да и не все ли равно! Ему и останавливаться на этомъ вопросѣ не хочется. Узнать, въ какомъ именно преступленіи она его упрекнула, вотъ за что̀ онъ полжизни отдалъ бы, но она этого не хочетъ, и онъ останется въ невѣдѣніи. Должно быть, такъ надо. Надо, чтобъ онъ пострадалъ за неизвѣстную ему вину... Она ему это предсказала, и все такъ случится непремѣнно, иначе и быть не можетъ. А потомъ будетъ хорошо.

Совсѣмъ маленькимъ и ничтожнымъ чувствовалъ онъ себя передъ нею. Такимъ маленькимъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, передъ няней Григорьевной, когда она, бывало, разбудитъ его тихонько ото всѣхъ и поведетъ съ собой къ заутрени. Всѣ еще спятъ въ домѣ; на улицѣ свѣжо. Но воздухъ такой чистый, душистый, звонъ колоколовъ такъ весело разносится на далекое пространство, и послѣ темной, душной дѣтской, съ завѣшанными окнами, на соборной площади, залитой лучами восходящаго солнца, дышится такъ радостно и легко! Птички на деревьяхъ чирикаютъ, коровы, выгоняемыя на пастбище, мычатъ, и на каждомъ шагу попадаются такіе люди, которыхъ только въ этотъ часъ и можно встрѣтить на улицахъ—мужики и бабы съ деревенскими продуктами изъ сосѣднихъ селъ спѣшатъ на базаръ съ тѣмъ, чтобъ распродавши свой товаръ, до поздней обѣдни вернуться домой; попадаются также и старушки, какъ Григорьевна, съ внучатками, которыхъ тоже поднялъ съ постели звонъ къ заутрени. Но зѣвать по сторонамъ няня не даетъ Ѳедюшѣ, не выпуская его рученки изъ своей широкой, закорузлой руки, она торопливо шагаетъ съ нимъ черезъ площадь, къ собору, толкуя про Боженьку. Какимъ надо быть умницей, добрымъ, милостивымъ, кроткимъ и смиреннымъ, чтобъ заслужить Его милость, и чтобъ Онъ къ себѣ въ свѣтлый рай взялъ.

И слушая ее, ему такъ хочется быть такимъ, какимъ Богъ велитъ быть, что сердце его заливается умиленіемъ, слезы выступаютъ на глаза, и всѣхъ хочется любить и ласкать.

Ни разу не испыталъ онъ ничего подобнаго съ тѣхъ поръ, какъ увезли его въ Петербургъ и разлучили съ няней Григорьевной. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ; изъ ребенка онъ ужъ давно превратился въ мужчину, съ страстями, пороками, съ мыслями и чувствами испорченнаго свѣтскою жизнью человѣка, и если-бъ нѣсколько часовъ тому назадъ кто нибудь ему сказалъ, что онъ испытаетъ то, что̀ заставила его испытать маркиза, онъ расхохотался бы въ глаза такому пророку, а между тѣмъ, чудо это надъ нимъ совершилось: онъ превратился въ ребенка, у него ребяческія чувства и желанія, ему всей душой хочется исправиться, начать другую жизнь, сдѣлаться достойнымъ ея одобренія.

Что̀ за чувство влечетъ его къ этой женщинѣ? Никогда еще не испытывалъ онъ ничего подобнаго. Она очень хороша собой, но о любви въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ привыкъ примѣнять это слово, у него къ ней и тѣни нѣтъ. Она скорѣе внушаетъ ему благоговѣйный страхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣжность, какъ къ родному существу, съ которымъ онъ былъ близокъ, давно тому назадъ... Раньше, чѣмъ онъ явился на свѣтъ, можетъ быть? въ другомъ мірѣ?.. Ему кажется, что онъ всегда ее зналъ, и только по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, затемнившимъ ему память, забылъ про нее. Но зато теперь онъ не можетъ себѣ представить жизнь безъ надежды снова ее увидѣть, слышать ея голосъ, чувствовать на себѣ ея взглядъ...

О, этотъ взглядъ! Съ чѣмъ сравнить его силу, какъ объяснить то душевное состояніе, которое онъ испытывалъ, когда она на него смотрѣла! Это было опьянѣніе какое-то и до того сладкое, блаженное, что ничего подобнаго нельзя найти ни въ любви, ни въ винѣ, ни въ музыкѣ, ни въ чемъ, гдѣ люди ищутъ забвеніе и радость.

Онъ ей все это высказалъ, разставаясь съ нею, но въ какихъ именно выраженіяхъ, и что она ему отвѣчала, онъ не помнитъ. И чѣмъ больше усиливается онъ задержать убѣгающія впечатлѣнія, тѣмъ быстрѣе улетучиваются они изъ его головы, какъ грезы, какъ легкія облачка, скользящія по ясному небу, принимая то одинъ образъ, то другой.

— До свиданія, увидимся сегодня на балѣ,—сказалъ ему его спутникъ, когда лошади остановились передъ подъѣздомъ Курлятьевскаго дома.

— До свиданія,—машинально повторилъ Курлятьевъ, выходя изъ саней.

Точно такъ же безсознательно, какъ во снѣ, поднялся онъ по лѣстницѣ и вошелъ въ дверь, растворенную передъ нимъ камердинеромъ, а изъ прихожей, сбросивъ съ себя шубу, въ кабинетъ, гдѣ на письменномъ столѣ горѣли восковыя свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ.

Тутъ только ощутилъ онъ непреодолимую истому во всемъ тѣлѣ,

ноги съ трудомъ передвигались, и клонило ко сну такъ неудержимо, что, дошедши до дивана, онъ не въ силахъ уже былъ идти дальше, повалился на подушки не раздѣваясь и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ, какъ смерть, сномъ.

Разбудилъ его голосъ камердинера Прошки, уже съ четверть часа стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ дивана, безъ устали повторяя:

— Десятый часъ, сударь, пора вашей милости одѣваться на балъ.

Балъ? Какой балъ?

— На какой балъ?—повторилъ онъ слово, заставившее его очнуться, съ изумленіемъ оглядываясь по сторонамъ.

Какъ очутился онъ на этомъ диванѣ? Почему онъ не раздѣлся и не легъ въ постель? Даже кружевное жабо не снялъ, и часы на немъ. Что̀ все это значитъ?

— Какъ вернулись домой въ восьмомъ часу, такъ и заснули не раздѣваясь,—пояснилъ, почтительно сдерживая улыбку, Прошка.— Девять часовъ пробило, только-только успѣете одѣться. Карету закладываютъ, и все ужъ готово въ уборной. Петровичъ дожидается съ щипцами.

Петровичъ—это крѣпостной парикмахеръ Курлятьева, отданный въ ученіе къ французу еще покойной Анной Ѳедоровной. Но что̀ такое случилось? Отчего онъ такъ крѣпко проспалъ цѣлыхъ два часа сряду? Такъ крѣпко, что даже очнуться не можетъ. У него нѣтъ привычки спать днемъ. Развѣ только послѣ безсонной, проведенной въ кутежѣ, ночи. Но онъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ въ Москву, ни разу не кутилъ, а сегодня и за обѣдомъ вина не пилъ. Въ томъ домѣ, за заставой, куда возилъ его Каморцевъ, ему тоже вина, кажется, не подносили... Но тамъ какъ-то странно пахло... духами какими-то, очень тонкими и крѣпкими въ то же время. Платье его такъ пропиталось этими духами, что когда, сбросивъ кафтанъ, онъ тряхнулъ кружевами жабо, ему вдругъ все вспомнилось...

Нѣтъ, далеко не все. Какъ живая, встала передъ нимъ обстановка, окружающая маркизу, но сама она ускользала отъ него, и, какъ ни усиливался онъ возстановить въ памяти подробности его разговора съ нею, ничего изъ этого, кромѣ раздраженія, не выходило.

Замѣчательно красивая женщина, неопредѣленныхъ лѣтъ...Иногда ему кажется, что больше двадцати ей нельзя дать, а иногда—тридцать, тридцать пять даже... смотря по тому... Почему?

Отвѣта не находилось на этотъ вопросъ. Не могъ онъ также припомнить ни голоса ея, ни улыбки, ни взгляда. Да полно, одна ли она была съ нимъ? Не было ли въ той же комнатѣ еще другой женщины, съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и съ пристальнымъ, страшнымъ взглядомъ? Но въ такомъ случаѣ первая исчезла при появленіи второй, потому что вмѣстѣ онъ ихъ не помнитъ и никакъ не можетъ себѣ представить. Отдѣльно—да. Одна—милая, лю-

безная, свѣтская красавица, съ очаровательной улыбкой. У него съ нею завязался непринужденный разговоръ, который вдругъ, на полусловѣ, оборвался, а потомъ началось то, другое, страшное, съ блѣднолицей и суровой пророчицей. До сихъ поръ звучитъ у него въ ушахъ рѣзкій голосъ, которымъ она упрекала его и грозила ему. За что̀? И чѣмъ именно, какими бѣдами? Все это безслѣдно вылетѣло у него изъ памяти, осталось только смутное впечатлѣніе чего-то ужаснаго, до сихъ поръ тоскливо щемившаго ему сердце.

Помнилъ онъ также, что совсѣмъ въ иномъ настроеніи ѣхалъ онъ домой послѣ свиданія съ «просвѣтленной». Радостнымъ восторгомъ было тогда полно его сердце, и духъ его парилъ высоко надъ землей.

Навожденіе какое-то!

А вольтеріанцы еще увѣряютъ, что въ колдовства нельзя вѣрить, что не существуетъ ни вѣдьмъ, ни бѣсовъ, что всѣмъ управляютъ силы природы, и что все, случающееся съ человѣкомъ, всѣ явленія какъ въ его внутреннемъ, такъ и внѣшнемъ мірѣ, можно объяснить очень просто, если изучить сочиненія натуралистовъ. Посмотрѣлъ бы онъ, какъ эти самые натуралисты объяснили бы то, что̀ съ нимъ случилось сегодня! Жаль только, что на человѣческомъ языкѣ словъ не хватаетъ, чтобъ передать подобныя ощущенія, а то онъ, пожалуй, отправился бы за совѣтомъ къ которому нибудь изъ этихъ мудрецовъ.

Размышляя такимъ образомъ, Курлятьевъ покорно отдавалъ свою особу въ распоряженіе парикмахера и камердинера. Первый напудрилъ его и завилъ, второй обулъ въ бѣлые шелковые чулки и башмаки съ золотыми пряжками, одѣлъ въ щегольской бальный костюмъ и подалъ ему, вмѣстѣ съ часами на массивной цѣпочкѣ, съ кучей брелоковъ, и кошелькомъ съ золотомъ, перчатки.

Надѣвая ихъ, Курлятьевъ вспомнилъ, что чего добраго ему предстоитъ сегодня вечеромъ довольно щекотливая встрѣча. Княгиня Дульская доводится близкой родственницей хозяйкѣ того дома, въ который онъ ѣдетъ.

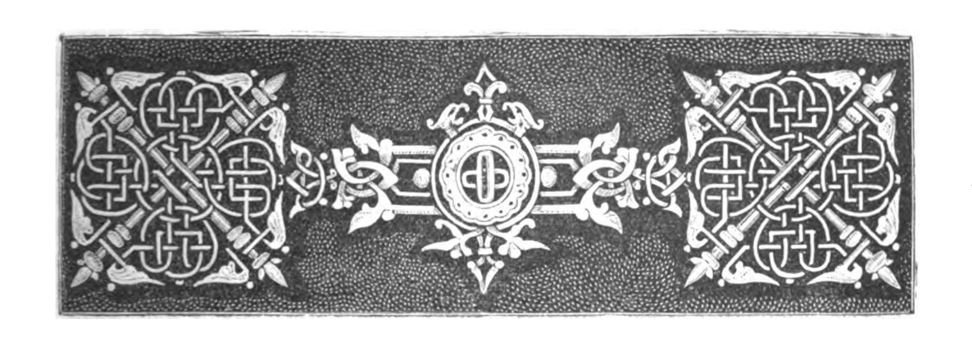
При этой мысли красивое лицо его исказилось гримасой досады, но на одно только мгновеніе. Беззаботно передернувъ плечами, онъ рѣшилъ, что если избѣгать встрѣчъ со всѣми женщинами, съ которыми онъ былъ въ любовной связи, то ему ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ ни въ одинъ домъ нельзя показаться.

Самодовольно усмѣхнувшись, онъ прыгнулъ въ двухмѣстную карету, дожидавшую его у крыльца, и приказалъ кучеру гнать лошадей во всю прыть. Туалетъ занялъ у него много времени; прозвонило десять, когда онъ вышелъ въ прихожую, и балъ ужъ будетъ въ полномъ разгарѣ, когда онъ войдетъ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА.

I.

Память объ императорѣ Павлѣ I въ Гатчинѣ.—Павловскій инвалидъ.—Художникъ Меттенлейтеръ.—Прежній городъ Гатчина.—Директоръ гатчинскаго института Шипиловъ.—Командиръ кирасирскаго полка генералъ Туманскій.—Графъ Стадницкій и его похожденія. — Комендантъ Люце. — Сумасшедшій генералъ Кавелинъ.

О СТРАННОЙ игрѣ случая, императоръ Павелъ, или, лучше сказать, посмертная тѣнь его, имѣла значительное вліяніе на всю мою жизнь, несмотря на то, что я родился въ 1834 году, когда о временахъ павловскихъ въ обществѣ сохранились только очень смутныя воспоминанія.

Дѣло въ томъ, что моей родиной былъ городъ Гатчина, въ которомъ Павелъ томился жизнью до самаго дня своего воцаренія, и естественно поэтому, что въ мое время еще не заглохли преданія о его пребываніи тамъ. Были еще въ живыхъ люди, служившіе Павлу. Такъ, напримѣръ, когда императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ осенью въ гатчинскій дворецъ, то къ нему долженъ былъ являться старый инвалидъ, служившій при Павлѣ, и я не разъ видѣлъ, какъ онъ, бывало, опираясь на костыль, плетется ко дворцу, одѣтый въ свою

древнюю павловскую форму, а жена его, такая же старуха, несетъ за нимъ ружье. Оба сгорбленные старца еле двигаютъ дрожащими ногами, но обязательно бредутъ къ царю, который умѣлъ ихъ обласкать, одарить и своимъ высокимъ вниманіемъ освѣтить и согрѣть послѣдніе дни этихъ людей прошлаго столѣтія.

Когда на плацу передъ дворцомъ происходило открытіе памятника Павлу, то первымъ часовымъ къ нему поставленъ былъ этотъ самый старый инвалидъ, а его смѣнилъ покойный цесаревичъ Николай Александровичъ, бывшій тогда еще ребенкомъ.

Кромѣ этого инвалида, имени котораго, къ сожалѣнію, я не помню, были въ Гатчинѣ и другія лица, преемственно связанныя съ временемъ Павла, и въ семействахъ которыхъ сохранились воспоминанія и легенды о его пребываніи въ Гатчинѣ или о случаяхъ его недолгаго царствованія.

Такъ, напримѣръ, въ числѣ знакомыхъ нашего семейства было семейство художника Меттенлейтера, отецъ котораго былъ придворный живописецъ императора Павла, украшавшій своими произведеніями какъ гатчинскій дворецъ, такъ впослѣдствіи и Михайловскій дворецъ въ Петербургѣ (нынѣ Михайловскій инженерный замокъ, у Лѣтняго сада). Я не разъ слышалъ разсказъ о томъ, какъ подъ утро на 24-е марта 1801 года прискакалъ изъ Петербурга курьеръ прямо къ дому Меттенлейтера, разбудилъ его, едва далъ времени кое-какъ одѣться, велѣлъ захватить съ собою краски, кисти и палитру и, посадивъ въ свой экипажъ, увезъ его въ Петербургъ, оставивъ семейство въ полнѣйшемъ недоумѣніи и ужасѣ.

Въ тѣ времена были очень часты внезапные аресты людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Не мудрено поэтому, что все семейство Меттенлейтера предалось величайшему отчаянію, полагая, что государю сдѣланъ былъ какой нибудь ложный доносъ на художника. Но ѣхать за нимъ въ Петербургъ не только для его защиты, но даже чтобы навести справки о причинѣ такого внезапнаго ареста, было бы не только безполезно, но и опасно. Ничего не оставалось дѣлать, какъ терпѣливо ждать, чѣмъ разыграется эта катастрофа.

Между тѣмъ, въ Гатчину пришло на другой день извѣстіе о вступленіи на престолъ императора Александра I, а вскорѣ затѣмъ возвратился домой и Меттенлейтеръ. Онъ пріѣхалъ состарившимся въ одинъ день лѣтъ на десять, совершенно больной и разстроенный, и разсказалъ, что его призывали только для того, чтобы загладить нѣкоторые слѣды предсмертной агоніи почившаго императора, умершаго, какъ было объявлено, отъ апоплектическаго удара.

Такимъ образомъ, я провелъ свое дѣтство до пятнадцатилѣтняго возраста въ атмосферѣ (выражаясь фигурально), наполненной именемъ Павла.

Пятнадцати лѣтъ я поступилъ въ Николаевское инженерное училище, расположенное, какъ извѣстно, въ Михайловскомъ инже-

нерномъ замкѣ. Теперь мнѣ пришлось не только ходить около павловскаго дворца, какъ это было въ Гатчинѣ, но даже жить въ самомъ дворцѣ, который онъ выстроилъ для себя и въ которомъ умеръ. Я тутъ увидѣлъ сохранившіяся еще на плафонахъ картины за подписью Mettenleiter, и это имя, такъ хорошо мнѣ знакомое съ самыхъ пеленокъ, какъ бы еще болѣе связало мой умъ съ памятью этого государя, обликъ котораго до сего времени представляется темнымъ и загадочнымъ, какъ для историка, такъ и для психолога.

Загробная тѣнь императора Павла даже и впослѣдствіи не оставляла меня. Купилъ я однажды у одного знакомаго два шкапика краснаго дерева, старинной работы. Отецъ этого моего знакомаго, Розенбергъ, былъ нѣкогда управляющимъ города Павловска, во времена вдовства императрицы Маріи Өеодоровны, которая очень любила Павловскъ и часто тамъ проживала. Шкапы эти (каждый о двѣнадцати выдвижныхъ ящикахъ) она подарила Розенбергу, сынъ котораго продалъ ихъ мнѣ. Но въ минуту покупки я этого не зналъ, а узнавши, невольно увидѣлъ въ этомъ случаѣ какой-то фатумъ, связавшій всю мою жизнь съ памятью объ императорѣ Павлѣ. Чтò онъ хранилъ въ этихъ шкапахъ, во время своихъ пребываній въ Павловскѣ, я не знаю. Розенбергъ собиралъ въ нихъ коллекціи минераловъ, а у меня хранятся въ нихъ печатные и рукописные литературные грѣхи да кое-какія мелкія вещи.

Однако я забѣжалъ впередъ, а потому вернусь обратно въ Гатчину. Описывать этотъ городъ, съ его дворцомъ, садами и парками я считаю совершенно лишнимъ, такъ какъ онъ былъ уже не разъ описанъ; одно только считаю необходимымъ замѣтить, что Гатчина настоящаго времени совсѣмъ не то, чтò она была въ сороковыхъ годахъ. Теперь это одно изъ дачныхъ мѣстъ Петербурга, введенное въ моду Боткинымъ, имѣвшимъ тамъ свою дачу. Въ сороковыхъ же годахъ Гатчина представляла изъ себя нѣчто въ родѣ того города, въ которомъ общій нашъ знакомецъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ такъ удачно разыгрывалъ роль ревизора. Тамъ были тогда и Сквозники-Дмухановскіе, и Ляпкины-Тяпкины, и Держиморды, и Бобчинскіе съ Добчинскими,—однимъ словомъ всѣ наши неумирающіе пріятели, носившіе только другія имена, вѣроятно, для сохраненія строжайшаго инкогнито.

Мой отецъ служилъ сначала преподавателемъ исторіи и географіи, а потомъ старшимъ надзирателемъ въ институтѣ, находившемся подъ вѣдѣніемъ воспитательнаго дома. Въ этотъ институтъ принимались тогда преимущественно уцѣлѣвшіе отъ деревенскаго кормленія питомцы воспитательнаго дома. Всего воспитанниковъ бывало около семисотъ человѣкъ, раздѣленныхъ на два отдѣленія: старшимъ—завѣдывалъ мой отецъ, младшимъ—нѣкто Мазини, не то французъ, не то итальянецъ. Директоромъ института состоялъ Ши-

пиловъ, вологодскій помѣщикъ и, конечно, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Шипиловъ былъ замѣчательной наружности: очень небольшого роста, съ огромной, какъ астраханскій арбузъ, головой и съ большими на выкатѣ глазами, бѣлки которыхъ испещрены были кровяными жилками, что придавало его взгляду очень звѣрскій видъ. Сходство съ животнымъ увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что скудную растительность на вискахъ онъ зачесывалъ вверхъ, образуя около широкой лысины какъ бы два стоячихъ и остроконечныхъ уха. Воспитанники прозывали его поэтому кабаномъ.

Я не помню, чтобы кто нибудь, хоть по ошибкѣ, называлъ Шипилова педагогомъ, и, вѣроятно, онъ былъ сдѣланъ директоромъ большого института на томъ же основаніи, на какомъ Скалозубъ предлагалъ фельдфебелей дѣлать Вольтерами. Могу замѣтить только одно, что въ его время березовая роща съ успѣхомъ замѣняла для воспитанниковъ самую лучшую библіотеку.

Несмотря на всю свою грубость и другіе недостатки, какъ директора и педагога, Шипиловъ все-таки былъ баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ человѣкъ самъ-по-себѣ состоятельный, служилъ больше изъ чести, чѣмъ ради выгодъ, и потому держалъ себя такъ, что всѣ служащіе относились къ нему съ уваженіемъ.

Гатчинскіе жители дѣлились на три разныхъ общества. Одно состояло изъ служащихъ въ институтѣ, другое—изъ чиновниковъ дворцоваго правленія и третье—изъ офицеровъ кирасирскаго полка. Всѣ эти три общества жили отдѣльно, своими замкнутыми кружками, и только изрѣдка кто нибудь изъ одного круга появлялся въ другомъ. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ обществъ были, конечно, свои шефы: въ институтѣ—директоръ, въ дворцовомъ правленіи—комендантъ, въ полку—его командиръ.

Командиромъ полка былъ въ мое время генералъ Туманскій. О немъ я могу разсказать только слѣдующій небезынтересный анекдотъ.

Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ играть съ кадетами и во время пребыванія своего въ Петергофѣ, гдѣ каждое лѣто кадеты стояли лагеремъ, зачастую шутилъ съ ними и придумывалъ для нихъ игры, въ которыхъ они могли выказывать свою ловкость и находчивость. Въ петергофскомъ саду есть передъ дворцомъ широкая мраморная лѣстница, по которой каскадами льется вода. Однажды, по случаю какого-то праздника, кадеты гуляли въ нижнемъ дворцовомъ саду и, замѣтивъ государя наверху этой лѣстницы, остановились толпою. Увидя ихъ, государь крикнулъ:

— Дѣти, идите ко мнѣ прямо по лѣстницѣ!

Кадеты, нимало не думая, исполнили приказаніе и, стараясь перегнать одинъ другого, полѣзли по каскадамъ. Понятно, что они

скользили, падали, кувыркались, сбиваемые водою, но все-таки добрались до верху, хотя и вымоченные съ ногъ до головы. Государь всегда бывалъ очень доволенъ, когда его приказанія исполнялись быстро и точно, несмотря ни на какія препятствія, и терпѣть не могъ, если кто нибудь затруднялся или смущался при встрѣтившемся препятствіи. Такъ, когда я впослѣдствіи былъ въ петергофскомъ лагерѣ, и государь дѣлалъ намъ однажды смотръ въ присутствіи многихъ иностранныхъ гостей, что̀ случилось послѣ дождливой ночи, и все военное поле было покрыто лужами, то, по окончаніи смотра, онъ, къ удивленію нашему, не скомандовалъ тотчасъ же построеніе для церемоніальнаго марша, а, отдѣлившись отъ свиты, началъ разъѣзжать по полю, повидимому, что-то отыскивая. Найдя, что̀ ему было нужно, онъ оттуда скомандовалъ построеніе и поставилъ насъ такимъ образомъ, что какъ разъ передъ нимъ мы должны были проходить по огромной лужѣ и настолько глубокой, что̀ вся ступня покрывалась водой. Разумѣется, при маршировкѣ мы вышлепывали ногами цѣлые каскады грязной воды и, несмотря на то, восторженно отвѣчали ему: «рады стараться, ваше императорское величество!».

Генералъ Туманскій слыхалъ, конечно, о случаѣ на мраморной лѣстницѣ въ Петергофѣ и вздумалъ однажды собезьянничать государя. Домъ полкового командира, стоящій на выѣздѣ изъ Гатчины, имѣетъ широкое деревянное крыльцо съ десяткомъ ступеней. Эти ступеньки должны были замѣнить мраморную петергофскую лѣстницу. Кадетъ замѣнили здѣсь несчастные полковые кантонисты. Недоставало только каскада. Есть, право, о чемъ задумываться! На крыльцо поставили нѣсколько бочекъ съ водою, и когда кантонисты, по приказанію генерала, пошли на лѣстницу, то приставленные къ бочкамъ солдаты окачивали ихъ водою! Правда, картина получилась безобразная, но зато генералъ Туманскій скопировалъ, насколько могъ, государя и не мало гордился этимъ передъ своими гостями.

Размѣры его черепа, какъ видно изъ этого случая, были не особенно велики. Зато же и доставалось ему иногда отъ одного человѣка, котораго судьба, казалось, создала именно только для того, чтобы подбавлять ложку дегтя въ бочку меда жизни почтеннаго генерала.

Человѣкъ этотъ былъ не болѣе, какъ юнкеръ кирасирскаго полка, графъ Стадницкій, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что подобные типы быстро исчезаютъ въ послѣднее время.

Графъ Стадницкій былъ высокаго роста, сухощавъ, но необычайно силенъ. Поднять кавалерійскую лошадь за заднія ноги, остановить тройку на скаку, ударомъ кулака прошибить запертую дверь, согнуть серебряный рубль, свернуть кочергу узломъ, сломать

подкову,—все это было для него такъ же легко, какъ обыкновеннымъ смертнымъ разломать калачъ или очистить апельсинъ. Кромѣ того, графъ обладалъ искусствомъ верховой ѣзды, равнявшимся его силѣ. Онъ садился на всякую лошадь, не спрашивая ея согласія на это, и какъ только сѣлъ, то лошадь какъ бы исчезала, превращаясь въ его собственныя ноги. Онъ даже не зналъ хорошенько, или притворялся, что не знаетъ кавалерійскаго правила садиться на лошадь съ лѣвой стороны, а съ которой подошелъ, съ той и вскочилъ на нее. Своимъ удивительнымъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ онъ пользовался главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы на ученьяхъ бѣсить свое начальство и въ особенности генерала Туманскаго, къ которому питалъ какую-то особенную антипатію. Такъ, напримѣръ, однажды съ полкового ученья онъ былъ отправленъ подъ арестъ на конюшню за то, что по ошибкѣ вскочилъ на свою лошадь задомъ напередъ и понесся по командѣ въ атаку, держась не за узду, а за хвостъ.

— Я нисколько въ этомъ не виноватъ, — оправдывался онъ потомъ передъ своимъ эскадроннымъ командиромъ.—Мы были спѣшены, какъ вы знаете. Когда раздалась команда: «садись!» моя лошадь наклонила голову; второпяхъ я не разобралъ, гдѣ у нея задъ и гдѣ передъ, и вскочилъ какъ попало, лишь бы не опоздать. Если бы я опоздалъ—все равно бы на конюшню,—прибавилъ онъ, безнадежно махнувъ рукою.

Въ другой разъ былъ такой случай. Ѣдетъ, прогуливаясь по городу, генералъ Туманскій на красивомъ заводскомъ ворономъ конѣ. Конь скачетъ галопомъ, изогнувъ дугою крутую шею, фыркая бѣлой пѣной изо рта, граціозно выбрасывая свои ноги и размахивая хвостомъ, подстриженнымъ въ видѣ султана. Генералъ Туманскій покачивается на сѣдлѣ, съ глубокимъ сознаніемъ своего величія, изрѣдка раскланиваясь со встрѣчными знакомыми. Небо голубое ясно, а солнечный шаръ обдаетъ сверху своими теплыми лучами. Но наслажденіе генерала неожиданно нарушается чѣмъ-то страннымъ: онъ начинаетъ замѣчать, что встрѣчный народъ, глядя на него, смѣется. Кто бы ни прошелъ, всякій поглядитъ, да и засмѣется.

«Странно,—думаетъ генералъ,—что они находятъ во мнѣ смѣшного?».

Ѣдетъ дальше—опять всѣ смѣются. Догадывается, наконецъ, оглянуться назадъ. О, ужасъ! За нимъ, не далѣе, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ, на высокомъ, костлявомъ, отвратительно уродливомъ одрѣ, ѣдетъ какой-то франтъ, въ свѣтломъ коломянковомъ платьѣ и соломенной шляпѣ съ широкими полями: не то колонистъ, не то плантаторъ.

Но это бы еще ничего; а дѣло въ томъ, что плантаторъ сидитъ задомъ напередъ, скорчившись, какъ человѣкъ, боящійся упасть

съ лошади, и держится обѣими руками за поднятый кверху хвостъ своей лошади. Народъ, глядя на него, хохочетъ.

«Что за оселъ!»—думаетъ Туманскій и, чтобы избавиться отъ такого непріятнаго спутника, поворачиваетъ въ боковую улицу.

Но плантаторъ поворачиваетъ туда же. Туманскій—въ другую улицу, плантаторъ—за нимъ. Туманскій прибавляетъ галопа, плантаторъ прибавляетъ рыси. Туманскій мчится въ карьеръ, и плантаторъ мчится въ карьеръ и все-таки задомъ, держась за хвостъ своей лошади. Ясно, что это преслѣдованіе умышленное. Наконецъ, Туманскій вспоминаетъ случай на ученьѣ и догадывается, что это долженъ быть не кто иной, какъ графъ Стадницкій. Додумавшись до этого, онъ рѣзко останавливается, и плантаторъ тоже останавливается.

Это уже изъ рукъ вонъ! Туманскій круто поворачиваетъ своего коня и подъѣзжаетъ къ плантатору, который изо всѣхъ силъ старается тоже повернуть свою лошадь за хвостъ, чтобы скрыть свое лицо за широкими полями шляпы.

— Графъ Стадницкій!—кричитъ взбѣшенный Туманскій.

— Я, ваше—ство! — отвѣчаетъ плантаторъ, какъ солдатъ на парадѣ.

— Вѣдь вы же на конюшнѣ арестованы! Какъ же вы смѣли оттуда выйти?

— Не могу знать, ваше—ствоооо!

— На конюшню!

— Радъ стараться, ваше—ствоооо!

Наконецъ, онъ исчезаетъ во всю прыть своего лихого одра; только пыль взметнулась на концѣ улицы. Туманскій тоже ѣдетъ на конюшню посмотрѣть, но для сохраненія своего достоинства не мчится въ погоню за дерзкимъ насмѣшникомъ, а галопируетъ легкимъ курцъ-галопомъ. Пріѣхавъ на конюшню, застаетъ Стадницкаго тамъ, одѣтаго по формѣ, и на своемъ мѣстѣ.

— Какъ вы смѣли выходить изъ конюшни и ѣздить по городу въ партикулярномъ платьѣ?—спрашиваетъ онъ его.

— Я не ѣздилъ, ваше превосходительство.

— Какъ не ѣздили? Я васъ самъ сейчасъ видѣлъ и съ вами говорилъ!

— Не можетъ быть, ваше превосходительство; я все время здѣсь былъ.

— Что-жъ, вы меня за сумасшедшаго считаете, что ли?

— Никакъ нѣтъ; это кто нибудь подъ меня поддѣлался; у меня тутъ много враговъ.

Спрашивалъ Туманскій вахмистра, унтеръ-офицеровъ, солдатъ,— всѣ хоть подъ присягу готовы идти, что графъ не выходилъ изъ комнаты. Несмотря на то, однако, Туманскій приговорилъ его еще на три мѣсяца отсиживать на конюшнѣ.

Благодаря своимъ шалостямъ, Стадницкій почти не разставался съ конюшней.

Вотъ еще одна его выходка, надѣлавшая много шума въ Гатчинѣ и долго вызывавшая у всѣхъ непритворный смѣхъ.

Былъ въ институтѣ одинъ учитель нѣмецкаго языка, Фермеренъ, нѣмецъ худенькій и очень смирный, но крайне близорукій: днемъ видѣвшій едва ли на разстояніи пяти шаговъ, а въ сумеркахъ — не далѣе шага. Вотъ, однажды, въ августовскій вечеръ, нѣмецъ этотъ возвращается домой, опираясь на дождевой зонтикъ. Идетъ онъ довольно скоро, отмѣривая своими длинными и тонкими ногами шаги въ полтора аршина, какъ вдругъ недалеко передъ собой услышалъ, какъ ему показалось, сильный топотъ лошадиныхъ копытъ по мостовой. Не зная, въ которую сторону броситься, такъ какъ не видѣлъ, откуда грозитъ опасность, Фермеренъ остановился, вытянулъ зонтикъ впередъ въ видѣ копья и началъ кричать во все горло:

— Ихъ бинъ хійръ, хёренъ-зій, эй! Дасъ бинъ ихъ!

Но было поздно: лошадь на него наскочила, грудью прямо на зонтикъ, и несчастный нѣмецъ опрокинулся вверхъ ногами. Что̀ произошло послѣ того, трудно описать, не бывъ свидѣтелемъ, но на другой день въ городское управленіе подана была отъ Фермерена жалоба, въ которой излагалось, что такого-то числа онъ возвращался вечеромъ домой, тихонько, никого не безпокоя на улицѣ, какъ заслышалъ передъ собою конскій топотъ. Для предупрежденія опасности онъ, Фермеренъ, началъ кричать и наставилъ зонтикъ впередъ, но все это не помогло. Лошадь на него наткнулась, повалила въ грязь и начала топтать ногами, несмотря на то, что онъ, Фермеренъ, кричалъ во все горло: «на кра-уль! на кра-уль!». Когда же онъ опомнился, то узналъ, что это была не лошадь, а графъ Стадницкій и съ нимъ еще какой-то неизвѣстный человѣкъ. Переставъ бить кулаками Фермерена, этотъ неизвѣстный человѣкъ вскочилъ на плечи графа Стадницкаго, щелкнулъ бичемъ по воздуху, и они ускакали такимъ образомъ, посрамляя человѣческое и графское достоинство. Вслѣдствіе всего этого Фермеренъ проситъ удовлетворить себя на законномъ основаніи.

Графа потребовали къ отвѣту въ полковую канцелярію, куда передана была жалоба Фермерена. Прочитавъ, Стадницкій нашелъ ее совершенно справедливой.

— Нѣмецъ правъ,—заявилъ онъ,—но и я не виноватъ. Вотъ въ чемъ дѣло: у меня былъ въ гостяхъ мой товарищъ. Посидѣвъ довольно долго, онъ хотѣлъ уйти, но я просилъ его остаться еще хоть на часокъ. Онъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы я довезъ его до дому. Я объявилъ, что довезу даже на собственныхъ плечахъ, если онъ хочетъ. Онъ этому не повѣрилъ, потому что почти вдвое тяжелѣе меня и живетъ на другомъ концѣ города. Мы держали

пари; чтобъ выиграть, я посадилъ его верхомъ себѣ на плечи и понесъ то рысью, то галопомъ. Такимъ образомъ ѣхали мы смирно, никого не трогая, какъ вдругъ кто-то ударилъ меня концомъ палки въ грудь. Отъ сильнаго толчка я споткнулся, товарищъ мой соскочилъ, и, не зная, въ чемъ дѣло, мы отдули хорошенько того, кто былъ причиною нашего паденія. Нѣмецъ самъ виноватъ, зачѣмъ не посторонился и высунулъ еще впередъ свой дурацкій зонтикъ.

Несмотря на это очень правдивое объясненіе, графа Стадницкаго посадили, по обычаю, на конюшню, на все время производства слѣдствія. Это въ сущности глупое дѣло хотѣли раздуть, такъ какъ графъ многихъ вооружилъ противъ себя. Никто не рѣшался, однако, лично нападать на него прямо, а потому и обрадовались, что хоть какой-то нѣмецъ затѣялъ формальное дѣло. За спиною Фермерена они хотѣли работать для избавленія себя отъ графа, котораго обвиняли главнѣйше въ томъ, что онъ не имѣлъ права никого сажать себѣ на плечи,—во-первыхъ, какъ человѣкъ вообще, во-вторыхъ, какъ дворянинъ, въ-третьихъ, какъ графъ, въ-четвертыхъ, какъ служащій.

На все это графъ отвѣчалъ, что запрещать ему возить на своихъ плечахъ кого бы то ни было никто не можетъ, потому что въ законахъ подобнаго запрещенія нѣтъ. Унизительнаго же для его человѣческаго, дворянскаго, графскаго и служебнаго достоинствъ въ этомъ поступкѣ также ничего не было, потому что онъ сдѣлалъ это ради услуги товарищу, и объявляетъ заранѣе, что впредъ всѣхъ своихъ добрыхъ пріятелей будетъ развозить по домамъ на собственныхъ плечахъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это дѣло, если бы Фермеренъ, къ великому прискорбію своихъ защитниковъ, не струсилъ. Онъ, вѣроятно, сообразилъ, что Стадницкаго во всякомъ случаѣ не сошлютъ за это въ Сибирь, и что онъ можетъ когда нибудь жестоко отмстить ему, а потому подалъ въ комиссію, разсматривавшую дѣло, новое прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что беретъ свою жалобу назадъ, никакихъ претензій къ графу Стадницкому не имѣетъ и желаетъ съ нимъ примириться въ присутствіи членовъ слѣдственной комиссіи.

Въ назначенный день Фермеренъ и графъ Стадницкій предстали передъ комиссіей. Составили протоколъ, и секретарь комиссіи прочелъ его ровнымъ, торжественнымъ, офиціальнымъ тономъ. Когда чтеніе протокола кончилось, Стадницкій подошелъ къ Фермерену:

— Ну, что̀, мой милый Карлъ Адамычъ,—сказалъ онъ, протягивая ему руку:—вы на меня не сердитесь болѣе?

— Ахъ, ваше сіятельство, помилуйте, я очень радъ, я...

— Такъ миръ значитъ?

— О, йя, миръ!

— Давайте же, я васъ поцѣлую за это!—сказалъ графъ.

И не успѣлъ Фермеренъ опомниться, охватилъ его своими желѣзными руками и отъ избытка радости, должно быть, началъ такъ сжимать, что несчастный Фермеренъ, болтая въ воздухѣ ногами, завизжалъ, какъ поросенокъ, котораго рѣжутъ.

— Херъ графъ, херъ графъ!—кричалъ онъ,—генухъ, лассенъ зій миръ, корошо, я доволенъ, я ошинь доволенъ, ой-ой-й, херъ графъ!

Но графъ, въ порывѣ неудержимаго восторга, повидимому, ничего не слышалъ и продолжалъ давить и цѣловать несчастнаго нѣмца, такъ что у него кости хрустѣли, а отъ поцѣлуевъ оставались на лицѣ багровыя пятна. Съ Фермереномъ легко могъ бы сдѣлаться ударъ, если бы присутствовавшіе не вскочили и не вырвали кое-какъ несчастной жертвы изъ рукъ Стадницкаго.

— Ну, чортъ съ тобой, проклятый нѣмецъ!—сказалъ онъ, выпустивъ, наконецъ, Фермерена.—Будетъ съ тебя; теперь ты меня долго будешь помнить.

За эту шутку Стадницкаго снова хотѣли посадить на конюшню, но Фермеренъ самъ просилъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

Съ тѣхъ поръ графъ Стадницкій взялъ Фермерена подъ свое покровительство, выразившееся, впрочемъ, только въ томъ, что онъ его не обижалъ.

— Это славный нѣмецъ,—говаривалъ онъ.

А Фермеренъ вездѣ расхваливалъ графа и говорилъ, что теперь они такъ дружны между собою, какъ Орестъ и Пиладъ...

У Стадницкаго, какъ онъ и самъ выражался, весь городъ ходилъ по стрункѣ. Одни были имъ закуплены, другіе его боялись. Всѣ свои десять или двѣнадцать тысячъ дохода онъ употреблялъ или на плату жалованья своимъ людямъ, прикрывавшимъ его шалости, или на самыя дикія, хотя подчасъ и великодушныя траты.

Вздумалось, напримѣръ, ему купить въ Петербургѣ великолѣпную медвѣжью шубу, стоившую около тысячи рублей. Нарядившись въ нее и въ персидскую шапку, ѣдетъ онъ въ дилижансѣ обратно. Дорогой встрѣчается нищій, промерзшій до костей, и проситъ кондуктора подсадить его. Тотъ отказываетъ за недостаткомъ мѣста даже на козлахъ. Графъ услыхалъ это.

— Да вѣдь онъ замерзнетъ!—кричитъ онъ кондуктору.

— Что же дѣлать, ваше сіятельство! Мѣстовъ совсѣмъ нѣтъ.

— Эй, ты!—крикнулъ графъ нищему.—Пойди сюда!

Нищій подошелъ.

— На̀ тебѣ шубу; придешь въ городъ, такъ спроси тамъ графа Стадницкаго и отнеси ее къ нему.

Сказавъ это, онъ снялъ съ себя шубу и выкинулъ ее въ окно. Пассажиры стали упрекать графа.

— Чтò вы дѣлаете? Вѣдь шуба дорогая, а Богъ его знаетъ, этого нищаго, принесетъ ли онъ ее вамъ? Навѣрное, нѣтъ. Да и вы сами теперь простудитесь: послѣ шубы сидѣть такъ на морозѣ...

— Ничего,—говорилъ графъ, стуча зубами, — пропадетъ шуба, такъ Богъ съ ней, а я авось не замерзну. Не то еще случалось мнѣ терпѣть.

Къ счастью, графъ не простудился и не захворалъ, а на третій или четвертый день нищій отыскалъ его и принесъ шубу, за чтò и получилъ двадцать пять рублей.

Графъ, какъ юнкеръ, разумѣется, не имѣлъ права носить медвѣжьей шубы, да онъ и не нуждался въ ней, такъ какъ, обладая крѣпкимъ здоровьемъ, легко переносилъ холодъ. Онъ купилъ ее безъ всякой особенной цѣли, просто потому, что она понравилась ему. Но, пока она у него существовала, чтò было очень не долго, онъ пользовался ею, чтобъ разнообразить свои шалости.

Мнѣ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ, когда я познакомился съ графомъ Стадницкимъ. Приглашая меня къ себѣ, онъ сообщилъ, что живетъ въ Загвоздинской улицѣ. Наслышавшись объ немъ, какъ о человѣкѣ богатомъ и тароватомъ, я невольно подумалъ, что его жилище представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ маленькаго дворца. Съ этой мыслью прихожу въ названную улицу и спрашиваю у будочника съ сѣкирою въ рукахъ, гдѣ домъ отставного помощника придворнаго истопника, въ которомъ живетъ графъ Стадницкій. Будочникъ указалъ на крохотный домишко, всего въ два окна на улицу, выкрашенный желтой краской, съ бѣлыми рамами, зелеными ставнями и красной крышей. Вхожу въ калитку на дворъ—ни души. Направо домикъ съ крылечкомъ, прямо—конюшня. Подымаюсь на три ступеньки покосившагося, по русскому обычаю, крылечка и вхожу въ переднюю, въ которой стоитъ пустой ушатъ, въ углу коромысло, на гвоздѣ виситъ кнутъ, да на полу валяется растрепанная рогожа—должно быть, коверъ. Таковъ былъ аванзалъ графскаго дворца. Отворяю единственную дверь и вступаю въ самый храмъ. Тамъ тоже—ни души. Небольшая комната раздѣлена вдоль пополамъ низенькой перегородкой, такъ что на каждую половину приходится по одному окну. Въ первой половинѣ стоитъ ломберный столъ на трехъ ногахъ, а вмѣсто четвертой ружейное дуло. Одинъ стулъ съ продавленной плетенкой и кожаный диванъ безъ спинки и съ обнаруженными мочалками. Болѣе ничего. Поглядѣлъ на стѣны — тоже ничего: ни картинки, ни зеркала, ни гвоздя. Сунулся за перегородку—тамъ меблировка еще скуднѣе и вся состоитъ изъ двухъ бараньихъ тулуповъ, брошенныхъ въ углу.

— Что за чертовщина? Да не можетъ же быть, чтобы тутъ жилъ графъ Стадницкій,—мелькнуло у меня въ головѣ.—Будочникъ, безъ сомнѣнія, ошибся.

Я уже выходилъ въ переднюю, съ намѣреніемъ вернуться къ будочнику и переспросить его толковѣе, какъ услышалъ въ комнатѣ за собою шорохъ. Отъ неожиданности я даже вздрогнулъ и обернулся.

— Кто тамъ?—раздался голосъ изъ-за перегородки.

Часъ отъ часу не легче! Я вѣдь заглядывалъ за перегородку, но, кромѣ тулуповъ на полу, ничего не видѣлъ. Развѣ есть дверь въ стѣнѣ, которой я не замѣтилъ? Да, впрочемъ, и того не можетъ быть: вѣдь домъ-то всего въ два окна, которыя тутъ оба на лицо. Все это мелькнуло у меня въ головѣ въ то время, какъ я на вопросъ отвѣтилъ вопросомъ же:

— Не знаете ли, гдѣ живетъ графъ Стадницкій?

— Здѣсь! Идите сюда!

Теперь я узналъ голосъ графа.

— Да гдѣ же вы тутъ?

— А вотъ гдѣ! — сказалъ графъ, скидывая съ себя одинъ тулупъ и подымаясь.—Здравствуйте.

— Да какъ же я не замѣтилъ, что вы лежите подъ тулупомъ? Развѣ дыра есть въ полу?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, отшвырнувъ тулупы ногой и осмотрѣвъ внимательно полъ,—какъ видите, дыры нѣтъ.

— Удивительное же дѣло, какъ это вы ухитрились такъ свернуться подъ тулупомъ.

— У меня ужъ такая привычка. Ну, спасибо, что зашли. Пойдемте на диванъ; вы вѣдь не умѣете на полу сидѣть.

— А вы?

— Мнѣ все равно, я вездѣ усядусь.

— Неужели, графъ, вы тутъ живете?

— Не всегда; это только мой увеселительный домъ, а постоянная квартира на эскадронной конюшнѣ...

— И спите тутъ, на тулупѣ, даже безъ подушки?

— А это чтò?—сказалъ онъ, показавъ свой здоровенный кулакъ.

Я невольно засмѣялся его наивной простотѣ.

— Хотите вяземскаго пряника?—спросилъ онъ.—У меня тутъ больше ничего нѣтъ.

— А пряникъ какимъ образомъ попалъ?

— Вяземскіе-то пряники у меня всегда есть. Я болѣе ничего не ѣмъ, кромѣ солдатскихъ щей да вяземскихъ пряниковъ. Нà-те; только-что вчера мнѣ изъ Вязьмы прислали ящикъ.

Сказавъ это, онъ далъ мнѣ пряникъ и началъ самъ тоже жевать.

— А видѣли моихъ лошадей?—спросилъ онъ неожиданно.

— Нѣтъ; покажите.

— Пойдемте въ конюшню.

Мы вышли. Судя по обстановкѣ квартиры, я, признаюсь, не совсѣмъ повѣрилъ, что у него есть лошади, а думалъ, что, ради шутки,

онъ вмѣсто лошадей покажетъ мнѣ сломанную кочергу. Но очень ошибся. Когда графъ отворилъ конюшню, я увидѣлъ въ стойлахъ трехъ донскихъ коней: два обыкновеннаго роста и очень красивые, а третій—высокій уродъ, сухопарый, костлявый, съ длинной шеей, вздернутой по-оленьему, и неуклюжей мордой. Это былъ какой-то одеръ, годный только для татарина, и то ужъ очень голоднаго.

— Каковы кони?—спросилъ графъ.

— Эти два отличные, а ужъ того, я не знаю, на какой прахъ вы держите.

Графъ засмѣялся.

— Вы, батенька, такой же кавалеристъ, какъ и мои сослуживцы,—сказалъ онъ.—Вамъ нужно, чтобы у лошади пузо висѣло до земли, да чтобы она ноги ворочала какъ бревна, такъ ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ же!

— А хотите знать, что я на этой лошади на-дняхъ сдѣлалъ?

— Хочу.

— Да не больше, какъ проѣхалъ восемьдесятъ верстъ, отдыхая только по четверть часа на двадцать верстъ. И эту штуку, батенька, мы съ нимъ отмахнули въ шесть часовъ времени.

— Будто?

— Я держалъ пари; можете спросить у тѣхъ, кто проигралъ.

Графа Стадницкаго всѣ въ городѣ боялись и въ семейныхъ домахъ онъ нигдѣ не былъ принятъ, да онъ и самъ не чувствовалъ никакой склонности играть въ фанты или танцовать съ кисейными барышнями. Единственнымъ исключеніемъ было наше семейство. Почему это случилось, я объяснить не умѣю, но только Стадницкій очень любилъ моего отца и меня, и довольно часто приходилъ къ намъ. Мой отецъ также относился къ нему довольно добродушно и не запрещалъ мнѣ вести съ нимъ знакомство, хотя его со всѣхъ сторонъ предупреждали, что знакомство съ такимъ отчаяннымъ человѣкомъ не можетъ быть полезно для мальчика двѣнадцати-четырнадцати лѣтъ. Но мой отецъ зналъ, что̀ дѣлалъ: графъ Стадницкій былъ большой шалунъ, но и только. Во всемъ остальномъ онъ рѣзко отличался отъ своихъ товарищей юнкеровъ и даже офицеровъ, для которыхъ въ тѣ времена не было другихъ развлеченій кромѣ вина, картъ и распутныхъ женщинъ. Стадницкій же въ карты не игралъ и вина совершенно не пилъ, а только школьничалъ, какъ мальчишка десяти лѣтъ; поэтому, вѣроятно, отецъ и не считалъ знакомство съ нимъ опаснымъ для моей нравственности.

Въ тѣ времена полагалось юнкерамъ служить до производства въ офицеры всего два года. Стадницкій же прослужилъ юнкеромъ въ кирасирскомъ полку чуть ли не восемь лѣтъ, такъ какъ его не производили, въ наказаніе за шалости. Онъ нисколько объ этомъ не горевалъ и говорилъ, что даже радъ этому, такъ какъ, будучи офицеромъ, пришлось бы держать себя приличнѣе, а онъ этого не умѣлъ.

Но, наконецъ, ему самому надоѣло жить въ Гатчинѣ и онъ просилъ о переводѣ его въ Нижегородскій драгунскій полкъ, такъ много прославившійся своими подвигами на Кавказѣ. Разумѣется, все начальство Стадницкаго, съ генераломъ Туманскимъ во главѣ, обрадовалось этому и всѣми мѣрами поспѣшило удовлетворить его желаніе. Когда переводъ состоялся и онъ уже надѣлъ новую форму, то явился къ обѣднѣ въ институтскую церковь, куда, какъ онъ узналъ, хотѣлъ пріѣхать генералъ Туманскій.

Домашняя институтская церковь была расположена въ самомъ зданіи института и имѣла передъ собою залъ, въ которомъ также собирались молельщики, за недостаткомъ мѣста въ церкви. Къ этому залу примыкалъ коридоръ, по которому надо было пройти до лѣстницы, выводившей на дворъ. Стадницкій пріѣхалъ только къ концу обѣдни и всталъ въ коридорѣ, прямо противъ дверей въ церковный залъ. Когда обѣдня кончилась, Туманскій, вмѣстѣ съ другими, выходилъ изъ церкви подъ руку съ женою и, разумѣется, увидѣлъ Стадницкаго. Не предвидя ничего добраго отъ этой встрѣчи, Туманскій пожелалъ, вѣроятно, умилостивить Стадницкаго напослѣдяхъ и подошелъ къ нему самъ, вмѣстѣ съ женою.

— А-а!—сказалъ онъ,—вы уже въ новой формѣ, графъ; поздравляю васъ.

Стадницкій вытянулся по-солдатски, руки по швамъ, и во все горло гаркнулъ:

— Покорно благодарю, ваше-ствоoooo!

Никакъ не ожидая подобной выходки, Туманскій отступилъ отъ него, но попробовалъ еще сказать:

— Желаю вамъ всего лучшаго на новой службѣ.

— Счастливо оставаться, ваше-ствоoooo!—еще громче заоралъ Стадницкій.

Разумѣется, кругомъ раздался общій хохотъ и Туманскій поспѣшилъ удалиться отъ этого необузданнаго дикаря.

Такимъ образомъ распростились эти непримиримыя между собою альфа и омега полковой іерархіи.

Съ отъѣздомъ графа Стадницкаго, я навсегда потерялъ его изъ виду и рѣшительно ничего не знаю о дальнѣйшей его судьбѣ.

Комендантомъ дворца и города Гатчины состоялъ инженеръ генералъ-лейтенантъ Люце. Онъ былъ лютеранинъ и, какъ говорили, принадлежалъ къ сектѣ гернгутеровъ. Это былъ въ своемъ родѣ человѣкъ очень оригинальный, уже хотя въ томъ отношеніи, что казенное и царское имущество берегъ пуще своего глаза, въ противность всѣмъ общепринятымъ понятіямъ.

Помимо этого, Люце обладалъ другимъ свойствомъ, еще болѣе рѣдкимъ, а именно: полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго самоуниженія передъ людьми, поставленными выше его. Съ самимъ государемъ онъ говорилъ и держалъ себя съ такимъ величавымъ достоин-

ствомъ и въ то же время такъ просто и серьезно, какъ будто государь былъ очень немного выше его по своему общественному положенію. Мнѣ случалось много разъ видѣть императора Николая Павловича и часто находиться вблизи его, и потому я довольно нагляделся, какъ люди, наиболѣе сильные, властные и приближенные къ нему, раболѣпно сгибались передъ нимъ дугой; поэтому-то достоинство, съ которымъ держалъ себя передъ нимъ Люце, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на мое дѣтское воображеніе. Теперь я понимаю эти отношенія: Люце не былъ карьеристъ; онъ ничего не добивался и ничего не искалъ, а потому и не считалъ нужнымъ унижаться передъ кѣмъ бы то ни было. Строгое исполненіе своихъ обязанностей и безукоризненную честность онъ ставилъ выше всего, нисколько не заботясь о томъ, будутъ ли эти его достоинства оцѣнены и награждены, что̀ и давало ему полнѣйшую свободу дѣйствій. Но въ то время, когда я еще не могъ относиться критически ко всякому явленію, понятно, что Люце представлялся мнѣ какимъ-то особеннымъ человѣкомъ, чуть ли не сверхъестественнымъ.

Люце заботился объ обширныхъ Императорскихъ садахъ и паркахъ гатчинскаго дворца съ такою же тщательностью и даже мелочностью, какъ будто они составляли его любимую собственность. Довольно указать на то, что онъ никогда не разставался съ садовымъ ножемъ и, обходя парки, тщательно осматривалъ всѣ деревья и кусты и собственноручно обрѣзывалъ сухія вѣтви, какъ нибудь пропущенныя садовниками. Несмотря на преклонный возрастъ, онъ влѣзалъ иногда для этого на дерево, что̀ и повело однажды къ слѣдующему смѣшному случаю.

Какой-то воспитанникъ института запримѣтилъ на деревѣ векшу и полѣзъ наверхъ ее поймать. Случилось такъ, что на это же дерево полѣзъ и Люце обрѣзывать какой-то сукъ, вѣроятно сломавшійся подъ ногами воспитанника. Люце замѣтилъ шалуна на верху дерева и, разсерженный тѣмъ, что тотъ сломалъ сучекъ царскаго дерева, приказывалъ ему спуститься внизъ. Озадаченный и испуганный мальчикъ долго не рѣшался исполнить приказаніе, но потомъ догадался быстро соскользнуть съ дерева, мимо Люце, сидѣвшаго на нижнемъ суку, и убѣжать. Къ сожалѣнію, онъ потерялъ при этомъ шапку. Люце ее подобралъ и пришелъ къ моему отцу съ жалобой на дерзновеннаго разорителя царскаго имущества.

Императоръ Николай Павловичъ, очевидно, высоко цѣнилъ рѣдкія качества Люце, потому что обращался съ нимъ, какъ съ своимъ другомъ, а не съ подданнымъ или подчиненнымъ. Во время пребыванія императора въ Гатчинѣ, Люце почти ежедневно обѣдалъ у государя и они часто вдвоемъ гуляли по саду. При этомъ Люце, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ государя, отходилъ отъ него, чтобы отрѣзать гдѣ нибудь сукъ или сдѣлать отмѣтку

на деревѣ, и государь терпѣливо поджидалъ, пока онъ кончитъ свое дѣло, и затѣмъ они продолжали прогулку далѣе.

Въ числѣ дѣтей Люце, была одна дочь, въ то время уже дѣвушка лѣтъ двадцати, страдавшая тихимъ умопомѣшательствомъ. Она сыграла со мною однажды очень скверную штуку. Какъ-то лѣтомъ была у насъ маленькая вечеринка, въ которой участвовало и семейство Люце. По окончаніи вечера, меня положили спать на диванѣ въ гостиной, такъ какъ моя кровать въ дѣтской комнатѣ понадобилась для кого-то изъ маленькихъ гостей, не помню почему-то оставшагося у насъ ночевать. Нужно сказать, что наша квартира состояла изъ семи комнатъ, раздѣленныхъ широкимъ коридоромъ, такъ что на одной сторонѣ его были три комнаты, выходившія окнами на улицу: залъ, налѣво отъ него гостиная и направо—комната бабушки (матери отца). По другую сторону коридора былъ отдѣльный кабинетъ отца, потомъ столовая, налѣво отъ нея спальня, а направо дѣтская. Такимъ образомъ, я спалъ, значитъ, совершенно отдѣленный отъ всѣхъ и спалъ, разумѣется, крѣпко, утомленный играми и танцами.

Несмотря на то, среди ночи я проснулся отчего-то, и, открывъ глаза, увидѣлъ, при начинавшемся разсвѣтѣ, что у меня въ ногахъ сидитъ на диванѣ бѣлое привидѣніе, съ огромными черными глазами... Можно себѣ вообразить, какой ужасъ обуялъ меня! Сначала я совершенно оцѣпенѣлъ и нѣсколько секундъ лежалъ неподвижно, а потомъ вдругъ выскочилъ изъ-подъ одѣяла и съ ужаснымъ крикомъ бросился бѣжать черезъ залъ и коридоръ, къ кабинету отца, который на ночь всегда запирался изнутри на задвижку. Я началъ звать его и стучать въ дверь. Въ свою очередь перепуганный отецъ отворилъ мнѣ, наконецъ, дверь и впустилъ къ себѣ.

— Чтò съ тобою? Чтò случилось?—спрашиваетъ онъ меня съ тревогою.

— Тамъ... въ гостиной... привидѣніе... сидитъ, — кое-какъ я отвѣтилъ, дрожа отъ лихорадки.

Отецъ мой былъ человѣкъ безъ всякихъ предразсудковъ и суевѣрій. Всѣхъ насъ, дѣтей, онъ велъ такимъ образомъ, чтобы мы не знали никакихъ примѣтъ, не вѣрили ни въ какія сверхъестественныя явленія, а мальчиковъ, то-есть меня и двухъ младшихъ братьевъ, пріучалъ, кромѣ того, не бояться самой смерти, и ничто его такъ не сердило, какъ трусость. Онъ испугался, когда я прибѣжалъ и поднялъ тревогу, думая, вѣроятно, что случился пожаръ или другое подобное несчастіе; но, узнавъ въ чемъ дѣло, ужасно разсердился.

— Это что еще за вздоръ!—закричалъ онъ.—Пошелъ сейчасъ на мѣсто и ложись спать!

— Не пойду, не пойду, папа,—отвѣчалъ я:—милый папа, оставь меня тутъ!

На шумъ, поднятый мною, пришла также и мать, испуганная не менѣе отца. Она, конечно, отнеслась къ моему страху нѣсколько мягче, чѣмъ отецъ, и уговаривала его не насиловать мой страхъ. Порѣшили, наконецъ, пойти туда всѣмъ. Отецъ тащилъ меня за руку, я немножко упирался и прятался за него, мать шла за нами. Въ такомъ порядкѣ мы вошли въ гостиную, и только-что отецъ собрался уличить меня въ ложномъ страхѣ, какъ вдругъ самъ остановился въ совершенномъ недоумѣніи: на диванѣ, на моемъ мѣстѣ, лежала женщина, вся въ бѣломъ, и при нашемъ входѣ слегка приподняла голову отъ подушки.

— Боже мой! Что̀ это?—вскрикнула мать, совершая крестное знаменіе.

Отецъ оставилъ мою руку и подошелъ къ дивану. Привидѣніе въ эту минуту совсѣмъ поднялось и, сверкая своими черными глазами, весело улыбнулось.

— Мы опять будемъ танцовать?—радостно и просительно сказала она.

Это оказалась дочь Люце! Несчастная дѣвушка какъ-то ухитрилась уйти изъ дому, какъ была въ юбкѣ, кофтѣ и ночномъ чепцѣ, и возвратилась къ намъ, гдѣ ей такъ было весело...

Когда дѣло разъяснилось, отецъ долженъ былъ одѣться, чтобъ проводить ее домой.

— Зачѣмъ вы меня уводите отсюда?—просилась бѣдненькая:—мнѣ такъ было хорошо у васъ...

Ее успокаивали тѣмъ, что она завтра опять можетъ прійти къ намъ танцовать.

Къ числу очень симпатичныхъ сторонъ характера императора Николая Павловича надо отнести его заботу о почетномъ призрѣніи своихъ вѣрныхъ слугъ. Такъ, понадобилось ему однажды пристроить какого-то стараго генерала, фамилію котораго, къ сожалѣнію, я не помню. Онъ совѣщался объ этомъ съ Люце и они придумали такого рода комбинацію: генералъ этотъ былъ назначенъ комендантомъ дворца, а Люце остался комендантомъ города. Но чтобы не учреждать для новаго дворцоваго коменданта особаго управленія, завѣдываніе дворцомъ осталось въ рукахъ Люце, а новому коменданту предоставлено было высшее наблюденіе за дворцомъ, гдѣ ему было отведено и приличное помѣщеніе. Такимъ образомъ, Люце получилъ начальника, къ которому долженъ былъ относиться съ докладами и рапортами, чему онъ безъ всякаго протеста подчинился.

Въ другой разъ былъ такого рода случай. Императоръ Николай Павловичъ поселилъ въ Гатчинскомъ дворцѣ психически разстроеннаго бывшаго военнаго губернатора Петербурга, Кавелина, и приказалъ Люце исполнять безпрекословно всѣ прихоти больного, такъ какъ, вѣроятно, доктора поставили это условіемъ воз-

можности его исцѣленія. Воля государя была свято исполнена. Такъ, однажды Кавелинъ вышелъ ночью изъ дворца въ одномъ бѣльѣ и туфляхъ, направился въ стоящія напротивъ кирасирскія казармы и велѣлъ вызвать полкъ тревогою на смотръ. Полкъ вышелъ, насколько возможно было скоро, и Кавелинъ, сидя верхомъ, пропустилъ его нѣсколько разъ мимо себя разными аллюрами.

Въ другой разъ онъ пріѣхалъ также ночью, одѣтый въ халатъ, въ институтскую церковь, велѣлъ послать за священникомъ и, когда тотъ явился, потребовалъ служить молебенъ. Къ счастью, онъ не потребовалъ вызвать для этого воспитанниковъ. Но жившее въ зданіи института начальство, въ томъ числѣ и мой отецъ, должно было присутствовать.

Еще припоминаю одинъ случай. Люце дѣлалъ обѣдъ, на который приглашены были, кромѣ Кавелина, командиръ кирасирскаго полка, генералъ Туманскій, и директоръ института, фонъ-Д. Во время обѣда Кавелинъ взялъ тарелку съ супомъ, вылилъ въ нее изъ судочка уксусъ, прованское масло, горчицу, насыпалъ перцу, соли и, размѣшавъ хорошенько, сталъ угощать этимъ новымъ кушаньемъ бывшихъ за столомъ. Всѣ пробовали, но, разумѣется, не могли ѣсть. Тогда Кавелинъ взялъ ложку и началъ самъ хлебать это блюдо, но его чѣмъ-то отвлекли и избавили отъ возможности разстроить себѣ желудокъ. Послѣ обѣда, когда вышли въ садъ, Кавелинъ построилъ всѣхъ въ одну шеренгу и предложилъ бѣжать на перегонку. Особенно, говорили, была при этомъ комична фигура фонъ-Д., съ его надменною наружностью и вытянутою впередъ губою.

Кавелинъ, впрочемъ, не долго чудесилъ и мѣсяца черезъ два или три скончался.

II.

Черты характера императора Николая Павловича.—Дѣтскій вечеръ въ Гатчинскомъ дворцѣ.—Образъ жизни Императорской семьи въ Гатчинѣ.—Г-жа Штакеншнейдеръ.—Излѣченіе ею болѣзни императрицы Александры Ѳеодоровны.—Моя бабушка.—Докторъ Пфейферъ.—Патеръ Сикорскій.—Оригинальный визитъ бабушки къ императрицѣ.—Два анекдота объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Въ характерѣ императора Николая Павловича выдѣлялись двѣ черты, рѣзко противоположныя, но которыя уживались какъ-то вмѣстѣ и образовали изъ его исторической фигуры нѣчто цѣльное, вмѣстѣ и привлекательное и грозное.

Онъ искренно любилъ народъ не на словахъ только, не для показу и не по обязанностямъ своего высокаго положенія, а вполнѣ душевно и сердечно, и самъ, въ полнѣйшемъ смыслѣ слова, былъ

настоящій русскій человѣкъ и русскій богатырь, какими рисуютъ ихъ наши сказки: нѣжный и мягкій въ минуты мирнаго настроенія духа и грозный и неумолимый въ минуты гнѣва. Въ особенности онъ былъ безпощаденъ, когда видѣлъ въ чемъ нибудь нарушеніе вѣрноподданнической дисциплины.

Свою любовь къ людямъ онъ высказывалъ не только въ призрѣніи старыхъ и заслуженныхъ людей, какъ это мы видѣли выше— въ его отношеніяхъ къ двумъ гатчинскимъ комендантамъ и психически больному Кавелину, но также, если еще не болѣе, въ его отношеніяхъ къ дѣтямъ, съ которыми онъ часто любилъ попросту играть, какъ самый нѣжный и добродушный отецъ семейства. Въ играхъ съ дѣтьми онъ дозволялъ или прощалъ имъ выходки, даже выходившія иногда изъ рамокъ приличія, довольствуясь только тѣмъ, что погрозитъ пальцемъ или скажетъ: «Ну-ну! довольно, кто тамъ шалитъ, смотрите у меня!». Не мудрено поэтому, что дѣти его боготворили и относились къ нему дѣйствительно, какъ къ любящему отцу, забывая безконечное разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ него, какъ отъ императора.

При гатчинскомъ институтѣ существовала такъ-называемая «школа малолѣтнихъ». Дѣти-сироты, до восьмилѣтняго возраста, помѣщались не въ институтѣ, а у частныхъ лицъ, преимущественно въ семействахъ служащихъ института, человѣкъ по шести, и только приходили въ школу часа на два или на три, гдѣ для нихъ были устроены разныя игры и гдѣ въ то же время ихъ слегка подготавливали къ занятіямъ. Однимъ словомъ, эта «школа малолѣтнихъ» была чѣмъ-то въ родѣ «дѣтскихъ садовъ» Фребеля, только устроеннная на болѣе разумныхъ началахъ,—не въ упрекъ будь сказано великому педагогу. Когда мнѣ минуло лѣтъ шесть, отецъ сталъ посылать меня въ эту школу, что̀ было тѣмъ удобнѣе, что она помѣщалась въ томъ же зданіи, въ которомъ мы жили.

Каждую осень, проживая въ Гатчинѣ, императоръ приказывалъ привозить эту школу (въ числѣ 60 до 70 мальчиковъ) во дворецъ. То же случилось и въ тотъ годъ, когда я былъ въ школѣ.

За нами присланы были придворные экипажи, въ которыхъ мы и отправились во дворецъ, одѣтые въ форменныя красныя кумачевыя рубашки и плисовыя шаравары, въ сопровожденіи начальницы школы, г-жи Малициной, и двухъ классныхъ дамъ.

Во дворцѣ насъ ввели въ такъ-называемый «Арсенальный залъ», въ которомъ императоръ проводилъ почти каждый вечеръ съ членами своего семейства и немногими приближенными людьми. Въ этомъ залѣ были устроены — деревянная горка для катанья и качель, въ формѣ раковины. Государь предоставилъ намъ пользоваться горкой и качелями, и, конечно, мальчуганы не заставили себя лишній разъ просить. Скатываться съ горки надо было на суконкахъ. Во время самаго разгара этой дѣтской потѣхи, госу-

дарь сталъ внизу горки, разставивъ ноги, такъ что мы должны были проѣзжать между ними, какъ въ ворота. Нѣкоторые кувыркались, задѣвая за ноги государя, и такихъ онъ самъ поднималъ и ставилъ на ноги; другихъ подгонялъ, чтобы они прокатывались далѣе.

Случилось, что въ то время, какъ я только-что приловчился на верху горки сѣсть на свое сукно, кто-то изъ товарищей нечаянно меня толкнулъ, и я, вмѣсто того, чтобы скатиться, сидя на суконкѣ, покатился внизъ просто кубаремъ. Государь подхватилъ меня внизу прямо на руки и понесъ показывать императрицѣ, сидѣвшей въ другой сторонѣ зала. Что они тамъ про меня говорили, я не могъ тогда понять, потому что разговоръ шелъ по-французски; но послѣ этого государь донесъ меня до одного изъ приготовленныхъ для насъ чайныхъ столовъ и поставилъ около него на полъ, приказавъ и другимъ дѣтямъ идти чай пить.

Помню, что всѣ столы были круглые, приборовъ на десять каждый. Чашки были уже налиты и разставлены, съ кучками крендельковъ, сухарей и булокъ. Посреди каждаго стола возвышались серебряныя или хрустальныя вазы, съ фруктами и конфетами.

Поставивъ меня на полъ, государь взялъ изъ вазы двѣ конфетки въ бумажкахъ и засунулъ ихъ за воротъ моей рубашки у затылка, и затѣмъ, отойдя немного отъ стола, началъ разговаривать съ какими-то генералами. Я сконфузился и не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этими конфетами; въ это время одинъ изъ мальчиковъ, какъ теперь помню Богдановъ, отличавшійся необыкновенно большими и торчащими ушами, стоявшій за столомъ, какъ разъ противъ меня, увлеченный, вѣроятно, дѣтской жадностью къ лакомствамъ, обошелъ столъ и, подойдя ко мнѣ, вытащилъ у меня изъ-за ворота конфетки.

Государь увидалъ это и, должно быть, разсердился, такъ какъ этого несчастнаго Богданова тотчасъ же увели и отправили восвояси раньше времени.

Когда мы отпили чай, государь велѣлъ намъ развернуть наши платки, держать ихъ за кончики, въ видѣ мѣшковъ, и каждому собственноручно накладывалъ конфеты и фрукты. По окончаніи этой раздачи, намъ опять позволили кататься съ горы и качаться на качеляхъ. Однимъ словомъ, мы пропировали у царя очень весело и съ полными узлами всякихъ сладостей воротились по домамъ въ тѣхъ же придворныхъ экипажахъ.

Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ до сихъ поръ живо въ моей памяти съ такою ясностью и точностью, что я могъ бы во всѣхъ подробностяхъ возстановить картину этого зала, съ его горкой и качелями, съ его круглыми столами и съ группой императрицы, сидѣвшей съ своими приближенными нѣсколько поодаль. Жалѣю только, что моя дѣтская память не сохранила хотя бы нѣкоторые

разговоры, или даже отдѣльныя фразы, которые велъ государь какъ съ дѣтьми, такъ и со своими приближенными.

И на этомъ вечерѣ, во всей своей яркости, выказались тѣ двѣ черты императора Николая, о которыхъ я говорилъ выше. Онъ игралъ съ дѣтьми у горки, какъ только можетъ играть родной и любящій отецъ; но, какъ только одинъ изъ мальчиковъ нарушилъ дисциплину и самовольно завладѣлъ конфетами, данными не ему, тотчасъ же былъ за это наказанъ и очень сурово, такъ какъ для шести-или семилѣтняго ребенка, какимъ былъ тогда Богдановъ, изгнаніе изъ дворца, вмѣстѣ съ лишеніемъ права получить конфеты, такъ заманчиво высившіяся въ вазахъ,—было наказаніемъ, конечно, очень тяжкимъ.

Для меня же этотъ вечеръ, оставшійся такъ памятнымъ на всю жизнь, представляется въ самомъ розовомъ свѣтѣ, и теперь, на склонѣ своей жизни, я могу сказать (пародируя Пушкина):

Меня замѣтилъ императоръ,
И на рукахъ своихъ носилъ.

Императорская семья проживала въ Гатчинѣ совершенно патріархальнымъ образомъ. Государь Николай Павловичъ, по возможности, никого не стѣснялъ и любилъ даже, когда жители относились къ нему съ тою довѣрчивостью и любовью, которыя характеризуютъ отношенія дѣтей къ своему отцу. Простота отношеній простиралась до такой степени, что жителямъ не запрещалось смотрѣть въ окна дворца, когда Императорская фамилія сидѣла за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ, или проводила вечеръ въ разговорахъ и увеселеніяхъ.

Арсенальный залъ, въ которомъ Императорская семья собиралась по вечерамъ, помѣщался въ нижнемъ этажѣ и выходилъ окнами на обширный внутренній дворъ. Хотя у воротъ стоялъ часовой, но только не для караула, такъ какъ доступъ на этотъ дворъ былъ совершенно свободенъ для всѣхъ. Будучи мальчикомъ 10—12-ти лѣтъ, я очень часто ходилъ съ товарищами на этотъ дворъ и, умостившись на широкомъ приступкѣ стѣны, смотрѣлъ, какъ царская семья проводитъ время въ своемъ домашнемъ кругу. Государь не приказывалъ даже спускать шторы и зачастую подойдетъ къ окну, посмотритъ въ темноту на освѣщенныя изъ зала лица любопытныхъ, улыбнется, поклонится и отойдетъ. Придворные служители даже наживались немного отъ этого, принося стулья или скамейки для дамъ, чтобы имъ удобнѣе было смотрѣть въ окна.

Помню, что обѣдали всегда за длиннымъ столомъ. Государь садился посрединѣ, государыня напротивъ него. Направо и налѣво отъ нихъ садились великіе князья и княжны и приглашенныя лица. Во время обѣда всегда какой-то музыкантъ игралъ на роялѣ. Перемѣнъ блюдъ бывало немного, три или четыре не больше. Иногда

государю отдѣльно подавали горшочекъ съ гречневой кашей, которую онъ очень любилъ. Такъ какъ самъ государь не курилъ и терпѣть не могъ табачнаго дыма, то, конечно, и при дворѣ это удовольствіе не имѣло мѣста.

Послѣ обѣда, въ томъ же залѣ ставились два или три ломберныхъ стола, для желающихъ играть, а не играющіе садились группами бесѣдовать. Самого государя мнѣ ни разу не приходилось видѣть играющимъ въ карты. Онъ, большею частью, ходилъ послѣ обѣда по залѣ, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ приглашенныхъ лицъ. Иногда садился къ дамскому кружку императрицы и весело бесѣдовалъ.

Недалеко отъ дворца есть небольшое озеро, высокіе берега котораго отдѣланы правильными террасами въ три яруса. Когда снѣгъ покрывалъ землю и вода замерзала, эти террасы обливались въ одномъ мѣстѣ водой, такъ что образовывалась ледяная гора въ три уступа. Съ этой горы катались великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Такъ какъ и на ихъ катанье смотрѣть также не запрещалось, то понятно, что очень часто и тутъ собиралась толпа любопытныхъ, въ особенности мальчиковъ. Великіе князья приглашали иногда мальчиковъ участвовать въ этомъ катаньѣ и играли съ ними безъ всякаго стѣсненія. Мнѣ также случалось раза два участвовать въ этой дѣтской потѣхѣ, что было особенно забавно потому, что всякія шалости на этой горѣ, благодаря двумъ уступамъ, были совершенно безопасны. Кто катился на санкахъ, кто на дощечкѣ, кто просто безъ всего, иногда даже кубаремъ, такъ что это катанье было гораздо веселѣе катанья съ горъ, обыкновенно устраиваемыхъ для этого. Великіе князья приходили на гору одѣтыми въ шинелькахъ офицерскаго покроя, но укороченныхъ по колѣна.

Пробовали дѣлать иногда такія штуки: человѣка по три или по четыре станутъ въ рядъ, держась за руки. За ними еще два или три такихъ ряда. Затѣмъ всѣ должны бѣжать съ горы, по скользкому льду, рядъ за рядомъ. Понятно, что нѣкоторые изъ перваго же ряда падаютъ, на упавшихъ навалится слѣдующій рядъ, а тамъ и третій, и четвертый, такъ что нагромоздится цѣлая куча мальчугановъ, въ которой постороннее лицо никакъ бы не разобрало, какія ноги и руки кому принадлежатъ. Хохота, крику и визгу при этомъ не оберешься!

При всѣхъ этихъ играхъ, великіе князья обращались со всѣми мальчиками совершенно по-товарищески, не выговаривая или не требуя въ играхъ себѣ никакихъ льготъ. Зато и мальчики, иногда даже изъ простого званія (одѣтые болѣе чисто), никогда не забывались и не позволяли себѣ излишнихъ вольностей. По крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы кто нибудь на это жаловался, что̀ непремѣнно случилось бы, такъ какъ великихъ князей всегда со-

провождалъ ихъ воспитатель, наблюдавшій за играми. Отношенія устанавливались сами собой, если можно сказать, инстинктивно.

Государь никогда не приходилъ на эти катанья съ горъ, потому ли, что не хотѣлъ своимъ присутствіемъ стѣснять дѣтей, или потому что занятъ былъ въ это время—не знаю.

Верстахъ въ пяти отъ Гатчины, въ лѣсистой мѣстности, существуетъ водяная мельница, бывшая всегда извѣстной подъ именемъ «Гатчинской мельницы». Это та самая мельница, гдѣ императоръ Павелъ обѣдалъ въ тотъ день, когда къ нему пріѣхалъ графъ Зубовъ, братъ фаворита императрицы Екатерины II, съ извѣстіемъ о томъ, что съ нею сдѣлался ударъ.

Эту мельницу арендовалъ нѣкто Штакеншнейдеръ, отецъ извѣстнаго въ свое время архитектора. Императрица очень любила старую мельничиху и во время прогулокъ иногда заѣзжала къ ней. Этой г-жѣ Штакеншнейдеръ случилось однажды оказать императрицѣ большую услугу.

Дѣло въ томъ, что императрица одно время начала страдать ногами, не могу сказать навѣрное,—ревматизмомъ или чѣмъ другимъ, но только этой болѣзни не помогали никакія средства придворныхъ докторовъ. Всѣ мѣры, употреблявшіяся для лѣченія, повели только къ тому, что на ногахъ стали появляться язвы, вѣроятно, вызванныя не болѣзнью, а всякими мазями и пластырями.

Въ такомъ положеніи, съ больными ногами императрица поѣхала однажды навѣстить свою любимицу Штакеншнейдеръ и, между прочимъ, разсказала ей о своемъ горѣ. Выслушавъ внимательно императрицу, мельничиха попросила позволенія осмотрѣть ея ноги.

— Знаете чтò, государыня,—сказала она:—бросьте лѣчиться у вашихъ докторовъ и пріѣзжайте почаще ко мнѣ. Я васъ вылѣчу отъ этой болѣзни безъ всякихъ лѣкарствъ.

— Чѣмъ это?—спросила императрица.

— У насъ тутъ въ запрудѣ растетъ какая-то водяная трава. Одна чухонка научила меня употреблять ее въ разныхъ болѣзняхъ. Я пробовала на себѣ и на многихъ другихъ, и всегда очень помогало. Ревматизмъ какъ рукой снимаетъ; всякія раны и язвы скоро заживаютъ. Во всякомъ случаѣ она не повредитъ.

Наскучивши, вѣроятно, долго лѣчиться, императрица рѣшилась попробовать это средство и согласилась. Г-жа Штакеншнейдеръ обложила ея ноги свѣже собранной травой и просила снять ее только вечеромъ, ложась спать, а завтра пріѣхать снова, чтобы положить свѣжій травяной компрессъ.

Императрица дала слово никому не говорить объ этомъ и тщательно скрывала свое лѣченіе не только отъ придворныхъ докторовъ, но и отъ государя, и аккуратно каждый день заѣзжала на мельницу.

Случилось такъ, что въ скоромъ времени ноги императрицы зажили совершенно, всякія боли прекратились, язвы исчезли, и государь не могъ довольно нарадоваться успѣху выздоровленія и похвалиться искусствомъ докторовъ.

Тогда императрица открыла секретъ къ великому ужасу докторовъ и удивленію всего двора. Съ той поры многіе изъ жителей города стали обращаться къ г-жѣ Штакеншнейдеръ и она никому не отказывала въ своей медицинской помощи.

Описывая нашу квартиру, я упомянулъ, что одну изъ семи комнатъ занимала моя бабушка, съ отцовской стороны, Жозефина Іосифовна или Осиповна, какъ ее нѣкоторые называли. Это была замѣчательная старуха по своимъ оригинальнымъ взглядамъ, обычаямъ и привычкамъ.

Одѣвалась она по той старинной модѣ, которой слѣдовала, вѣроятно, въ дни своей молодости, т.-е. временъ Павла I; по крайней мѣрѣ, ея костюмъ близко подходилъ къ тому, въ которомъ обыкновенно изображаютъ императрицу Марію Ѳеодоровну. Дома она носила на головѣ чепчикъ, всегда бѣлый, съ кружевными гофрированными оборками. Подъ чепчикъ она подвязывала на вискахъ пеньковыя букли. Ея шею окаймлялъ широкій бѣлый гофрированный воротникъ. Шляпу носила съ высокой тульей и съ широкими полями, въ видѣ отверстія большого тромбона. Зимою на улицу надѣвала ватный салопъ, непремѣнно черный, атласный, а лѣтомъ—накидку или пальто (не знаю, какъ это назвать) со многими воротниками. Въ рукахъ всегда имѣла большой зонтикъ, служившій не столько для прикрытія отъ солнца или дождя, сколько ради опоры ея старческимъ ногамъ. Несмотря на этотъ странный костюмъ, она, при своемъ высокомъ ростѣ, хорошемъ сложеніи и умѣніи себя держать съ большимъ достоинствомъ, производила очень пріятное впечатлѣніе, какъ красивая старуха. У меня виситъ до сихъ поръ ея поясной портретъ, писанный масляными красками художникомъ Говеніусомъ, на которомъ она изображена сидящею въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ, съ красной суконной обивкой, и, глядя иногда на этотъ портретъ, я, безъ всякаго родственнаго пристрастія, нахожу, что она была очень симпатичной и представительной старухой. Бабушка была родомъ венгерка и еще въ молодости пріѣхала съ мужемъ въ Россію. По-русски она говорила совершенно правильно и свободно, такъ же, какъ по-французски и по-нѣмецки, и вообще была хорошо образована. Она принадлежала къ числу очень немногихъ женщинъ, у которыхъ не существуетъ никакихъ примѣтъ, предразсудковъ, суевѣрій и всякаго тому подобнаго хлама. Въ этомъ отношеніи она далеко превосходила мою мать, Елизавету Алексѣевну, урожденную Захарову, которая, несмотря на воспитаніе, полученное въ Смольномъ монастырѣ, вѣрила примѣтамъ, гадалкамъ и всякимъ другимъ чуде-

самъ. Они часто спорили по этому поводу между собою, при чемъ бабушка никогда не выходила изъ себя, говорила спокойно, но и толково, а мать моя, обладавшая очень пылкимъ темпераментомъ, горячилась, возвышала голосъ, перебивала и торопилась забрасывать не доказательствами, а только примѣрами. Впрочемъ, споры между ними часто возникали и по всякимъ другимъ поводамъ, иногда совершенно ничтожнымъ, и я приписываю это главнѣйшимъ образомъ разности темпераментовъ обѣихъ женщинъ: бабушка жила больше разсудкомъ, а моя мать—сердцемъ; бабушка все дѣлала спокойно, обдуманно, разсудительно, а моя мать всегда поступала быстро, по первому впечатлѣнію, и упорно держалась его, во что бы то ни стало.

Но, несмотря на эти споры, возникавшіе по всякому поводу почти ежедневно, я не помню между ними ни одной ссоры. Онѣ обѣ были очень добры, такъ сказать, отходчивы, не злопамятны, и любили другъ друга. Бабушка относилась къ матери снисходительно, прощая ей нѣкоторые недостатки, а мать питала къ бабушкѣ самую почтительную любовь и предупреждала всѣ ея малѣйшія желанія.

Въ теченіе всей своей жизни я не встрѣчалъ человѣка болѣе самостоятельнаго во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, какъ моя бабушка. Она дѣлала только то, что̀ сама признавала разумнымъ или нужнымъ, и рѣшительно не обращала никакого вниманія на то, что̀ скажетъ свѣтъ.

Такъ, напримѣръ, она никогда и ни къ кому изъ нашихъ знакомыхъ не ходила, дѣлая исключеніе только для семейства одного доктора Пфейфера, о которомъ я долженъ, поэтому, сказать нѣсколько словъ.

Самъ докторъ, Антонъ Антоновичъ Пфейферъ, былъ честный и добродушный старикъ, очень похожій на портреты Крылова (разумѣется баснописца, а не драматурга), только гораздо красивѣе. Львиная грива серебряныхъ волосъ на головѣ и черные, нависшіе надъ глазами, брови, придавали его старческой наружности очень эффектный видъ. Онъ былъ всегда нашимъ семейнымъ докторомъ, избѣгалъ употребленія лѣкарствъ вообще, допуская только домашнія средства, преимущественно наружныя (горчичники, компрессы, натиранья и т. п.), и вообще былъ глубоко убѣжденный гигіенистъ, что въ тѣ времена было большою рѣдкостью. Жена его была женщина очень умная и хорошо образованная, но отличалась чрезвычайно рѣзкими манерами и звонкимъ голосомъ. Я до сихъ поръ какъ бы слышу, когда приходя къ намъ, она еще въ коридорѣ выкрикивала свое привѣтствіе бабушкѣ:

— Bonjour, grand'maman! Comment sa va?

А прислуга острила по этому случаю: «кума сова пришла».

У нихъ была одна дочь, Екатерина Антоновна, и три сына, изъ которыхъ младшій, Антонъ, былъ моимъ большимъ пріятелемъ.

Все это семейство держало себя въ Гатчинѣ какъ-то особнякомъ и, подобно моей бабушкѣ, совершенно самостоятельно, не подчиняясь общепринятымъ обычаямъ. Довольно сказать, что Екатерина Антоновна, будучи замѣчательной красавицей, никогда не слѣдовала текущимъ модамъ, одѣвалась всегда очень просто, не ѣздила по баламъ, и не только сама не искала жениховъ, подобно всѣмъ другимъ барышнямъ, но упорно отказывала всѣмъ претендентамъ на свою руку, хотя между ними были многіе, въ особенности изъ числа офицеровъ кирасирскаго полка, представлявшіе во всѣхъ отношеніяхъ блестящія партіи. Она такъ и осталась навсегда старой дѣвой, но и подъ старость лѣтъ сохранила свою красоту, свѣжій розовый цвѣтъ лица, округленность формъ, веселый характеръ и свѣтлый умъ. По смерти родителей она жила съ своимъ братомъ Антономъ, служившимъ въ гусарахъ, и также старымъ холостякомъ.

Вотъ это-то семейство было единственнымъ въ Гатчинѣ, которое моя бабушка удостоивала иногда своими посѣщеніями, вѣроятно, вслѣдствіе сходства понятій и взглядовъ на жизнь и людей. Старикъ Пфейферъ всегда подшучивалъ надъ бабушкой.

— Вы еще ходите? — спроситъ онъ, бывало, ее, когда она, во время прогулки, зайдетъ къ нимъ посидѣть.

— Какъ видите, хожу,—отвѣтитъ бабушка.

— Ну, значитъ, я еще могу даже танцовать,—продолжаетъ шутить старикъ.

— Полно хвастаться,—возразитъ бабушка: — вѣдь вы гораздо старше меня.

— Никогда не былъ старше,. Жозефина Осиповна. Богъ съ вами! Я не могу даже умереть раньше васъ. Спросите хоть жену. Недавно какъ-то мнѣ сдѣлалось очень скверно, жена испугалась, а я ей и говорю: не бойся ничего, Жозефина Осиповна еще жива, значитъ, и я не умру теперь.

Иногда Пфейферъ скажетъ бабушкѣ:

— Усталъ я жить; пора бы и на покой намъ съ вами.

— Да кто же вамъ мѣшаетъ? Ложитесь и умирайте,—сердито отвѣтитъ бабушка.

— Не могу, Жозефина Осиповна. Какъ же на томъ свѣтѣ я одинъ буду безъ васъ? Какъ ни тяжело, а надо здѣсь подождать васъ.

Когда оба старика уже не могли выходить и видѣться, они постоянно освѣдомлялись другъ о другѣ и пересылались поклонами. Шутливое желаніе Пфейфера сбылось: бабушка моя умерла раньше его. Но ея смерть скрывали отъ него и продолжали передавать ему поклоны отъ бабушки.

Другой пріятель бабушки былъ, странно сказать, одинъ сумасшедшій, по фамиліи Рейнботъ. Этотъ насчастный жилъ на пенсіи у одного часового мастера Винтера, вмѣстѣ съ другимъ сума-

сшедшимъ, Эйлеромъ. Эйлеръ былъ мрачный и сердитый меланхоликъ, а Рейнботъ — тихій и безвредный философъ, иногда разсуждавшій даже здраво. Видно было, что онъ получилъ хорошее образованіе и жилъ въ порядочномъ обществѣ, такъ какъ даже въ сумасшествіи любилъ одѣваться чисто и, по возможности, щегольски и сохранялъ очень изящныя манеры. Странныя отношенія связывали этихъ двухъ несчастныхъ: они постоянно ссорились и жаловались другъ на друга всѣмъ, кого встрѣчали, а между тѣмъ одинъ безъ другого скучали и безпокоились. Эйлеръ относился къ Рейнботу гордо и даже презрительно, а между тѣмъ ни за что не садился обѣдать, если при этомъ не было Рейнбота. Точно также Рейнботъ жаловался всѣмъ, что Эйлеръ злой и глупый старикъ, который даже кусается, а между тѣмъ, предполагая, что Эйлеръ стеклянный и при паденіи можетъ разбиться, постоянно ходилъ за нимъ, чтобы въ случаѣ паденія поддержать.

Этотъ-то Рейнботъ каждый четвергъ неизмѣнно приходилъ къ бабушкѣ пить кофе съ сладкими тортами, которые очень любилъ. Бабушка съ нимъ разговаривала какъ бы съ человѣкомъ въ здравомъ умѣ. Если, бывало, Рейнботъ заврется и скажетъ что-нибудь несообразное, бабушка совершенно спокойно остановитъ его, направитъ или перемѣнитъ предметъ разговора.

Наконецъ, третья пріятельница бабушки была простая нищая, салопница Мареа, побиравшаяся по міру, небольшого роста, толстенькая старушонка, съ мѣшкомъ за плечами и съ клюкою въ рукѣ. Какъ Рейнботъ являлся къ бабушкѣ по четвергамъ, такъ эта нищая обязательно являлась по воскресеньямъ, тотчасъ по окончаніи обѣдни. Для нея подавался хорошій завтракъ и варился кофе. Сложивъ котомку и снявъ верхнее платье въ кухнѣ, Мареа отправлялась въ комнату бабушки и просиживала у нея, за завтракомъ и кофе, часа по два и по три. О чемъ онѣ тамъ бесѣдовали, я не знаю, такъ какъ никогда не интересовался этимъ. При уходѣ, Мареа получала три копейки, никогда ни больше, ни меньше.

Бабушка была католичка, такъ же, какъ и отецъ мой. Въ Гатчинѣ существуетъ лютеранская кирка, но католическаго костела нѣтъ. Поэтому для католиковъ устроена была небольшая капелла въ частномъ домѣ, въ которой служба совершалась разъ въ двѣ недѣли ксендзомъ или патеромъ, пріѣзжавшимъ для этого изъ Царскаго Села. Въ мое время постоянно пріѣзжалъ доминиканецъ, патеръ Сикорскій, худощавый, небольшого роста человѣкъ, довольно веселый и остроумный. Онъ всегда пріѣзжалъ въ дилижансѣ въ субботу, вечеромъ, и на ночлегъ останавливался у насъ. Я любилъ его пріѣзды; мнѣ нравилась его одежда, вся изъ бѣлаго кашемира, и его остроумная, пересыпанная шутками и анекдотами, бесѣда.

Разъ, вечеромъ, во время ужина, рѣчь зашла объ отношеніяхъ между поляками и русскими. Патеръ Сикорскій, между прочимъ, разсказалъ, обращаясь прямо ко мнѣ, что въ школахъ западныхъ губерній мальчики, русскіе и поляки, постоянно дразнятъ другъ друга. Русскіе будто бы говорятъ: «эхъ, вы, поляки! Варшаву проспали!» А поляки на это отвѣчаютъ: «а вы, русскіе, только на сонныхъ и умѣете нападать».

Мое дѣтское патріотическое самолюбіе было сильно задѣто этимъ неумѣстнымъ разсказомъ. Я вспыхнулъ и чуть не заплакалъ отъ обиды. Отвѣчать Сикорскому чѣмъ нибудь я не могъ, такъ какъ еще не зналъ исторіи. Замѣтивъ мое волненіе, бабушка строго сказала ему, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ:

— Вы пріѣзжаете сюда, чтобы поддерживать и проповѣдывать христіанскую любовь, а не для того, чтобы разжигать вражду. За подобные разговоры надо мальчиковъ розгами сѣчь, а не повторять ихъ глупыя слова.

Сикорскій былъ очень сконфуженъ такимъ результатомъ своего разсказа и оправдывался тѣмъ, что онъ разсказалъ это только ради шутки.

Сколько я могъ замѣтить, и бабушка, и отецъ мой были люди вѣрующіе, но совершенно не фанатики, и тѣмъ болѣе не написты. По крайней мѣрѣ, я много разъ слышалъ, какъ они, не стѣсняясь, критиковали и осуждали всѣ тѣ ненормальныя явленія, которыми папизмъ удивляетъ міръ. Зная хорошо взгляды и характеръ бабушки, я увѣренъ, что если бы она дожила до объявленія папской непогрѣшимости, то съ досады отреклась бы отъ католической религіи.

Захотѣлось моей бабушкѣ однажды увидать императрицу Александру Ѳеодоровну. Не говоря никому о своемъ намѣреніи, она нарядилась щеголеватѣе обыкновеннаго, то-есть вмѣсто пеньковыхъ подвязала шелковыя сырцовыя букли, воздвигла на голову свою гигантскую шляпу съ страусовымъ перомъ, накинула на плечи черную бархатную накидку, обшитую кружевами, и, вооружившись зонтомъ, который въ развернутомъ видѣ могъ прикрыть почти четырехъ человѣкъ, отправилась гулять въ дворцовый садъ.

Идетъ она по одной изъ аллей и встрѣчаетъ какого-то военнаго высокаго роста, безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ, около ногъ котораго бѣжитъ собака. Когда они сошлись, бабушка остановила незнакомца.

— Извините, что я васъ задержу, — обратилась она къ нему по-французски.—Вы здѣшняго полка или придворный?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Если бы вы были придворный,—отвѣтила бабушка,—то я попросила бы васъ научить меня, какъ и гдѣ можно увидѣть императрицу?

— Да, я состою немножко при дворѣ,—отвѣтилъ улыбнувшись военный:—и могу вамъ въ этомъ помочь. Но позвольте прежде узнать, кто вы такая?

— Я Жозефина Эвальдъ; мой сынъ служитъ здѣсь въ институтѣ.

— А-а! Я знаю вашего сына очень хорошо. Пойдемте ко дворцу. Развѣ вы никогда не видали императрицу?

— Нѣтъ, никогда не случалось встрѣчать ее.

— А императора вы видѣли?

— Только издали, когда онъ проѣзжалъ мимо нашего дома.

— Вы не желали бы его посмотрѣть?

— Нѣтъ,—отвѣтила старуха просто:—я на него сердита.

Военный взглянулъ съ удивленіемъ на бабушку.

— Сердиты?—переспросилъ онъ.—За что же?

— А за то, что онъ помогалъ австрійцамъ усмирять венгерцевъ.

— Какое же вамъ до этого дѣло?

— Какъ же мнѣ нѣтъ дѣла, когда я сама венгерка! — отвѣтила съ гордостью бабушка.

— Вотъ какъ! Очень жаль, что императоръ не зналъ этого раньше; можетъ быть, онъ тогда посовѣтовался бы съ вами, прежде чѣмъ начать эту кампанію,—замѣтилъ насмѣшливо военный.

— Онъ ничего бы не потерялъ отъ этого,—отвѣтила бабушка.— Есть вещи, которыя мы, женщины, понимаемъ лучше мужчинъ.

— Что же вы скажете насчетъ венгерской кампаніи?

— Теперь уже поздно объ этомъ говорить,—сказала бабушка, махнувъ рукой.

— Ну, все-таки... Какъ вы думаете объ этой войнѣ?

— Я думаю, — начала бабушка,— что государь сдѣлалъ ужасную ошибку, помогая австрійцамъ. Чрезъ это онъ нажилъ себѣ и Россіи сильныхъ враговъ въ венгерцахъ и не нажилъ друга въ Австріи. Мы хорошо знаемъ австрійцевъ: это не такой народъ, чтобы чувствовать благодарность за сдѣланное добро.

— Можетъ быть, вы и правы, сударыня, — отвѣтилъ военный серьезно: — но въ политическихъ дѣлахъ никто и не разсчитываетъ на такія чувства, какъ любовь или благодарность. Если императоръ рѣшилъ поступить такъ, а не иначе, то, вѣроятно, имѣлъ на это другія, очень важныя причины.

— Можетъ быть... но только... все-таки, это была ошибка съ его стороны,—упорно настаивала бабушка.

Въ это время они подошли ко дворцу. Военный провелъ бабушку на дворъ лѣваго дворцоваго крыла, пригласилъ ее войти на подъѣздъ и подождать немного въ первой комнатѣ, обѣщая доставить ей случай повидать императрицу, а самъ прошелъ далѣе. Чрезъ нѣсколько минутъ къ бабушкѣ подошелъ камеръ-лакей и пригласилъ ее слѣдовать за нимъ къ императрицѣ.

— Какъ къ императрицѣ? — удивленно и испуганно спросила бабушка.

— Точно такъ, сударыня. Ея величество ожидаютъ васъ; потрудитесь поторопиться.

— Ахъ, Боже мой! Что же это такое? — заволновалась старуха.—Этотъ военный обѣщалъ мнѣ только показать императрицу; я не думала у нея быть! Я и одѣта-то не такъ! Что̀ мнѣ дѣлать теперь?

— А вы не знаете этого генерала, съ которымъ вы изволили прійти?—спросилъ камеръ-лакей.

— Да развѣ это былъ генералъ?

— Это былъ государь императоръ, сударыня.

Съ бабушкой чуть не сдѣлался обморокъ. Не малаго труда стоило камеръ-лакею успокоить ее. Онъ помогъ ей снять верхнее платье и шляпу и затѣмъ повелъ во внутренніе покои. Совершенно смущенная, старуха слѣдовала за нимъ, какъ приговоренная къ смерти. Подойдя къ двери одной комнаты, камеръ-лакей предупредилъ бабушку, что именно тутъ, налѣво, она увидитъ императрицу. Бабушка перекрестилась и вошла за нимъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна сидѣла въ креслѣ у камина, а недалеко отъ нея стоялъ государь и улыбаясь смотрѣлъ на смущенную бабушку. Она направилась прямо къ нему и, сложивъ руки, какъ бы для молитвы, хотѣла опуститься на колѣно; но государь, угадавъ ея намѣреніе, удержалъ за руку и подвелъ къ императрицѣ.

— Простите, ваше величество,— бормотала бабушка.

— Ничего, ничего,— смѣясь отвѣчалъ императоръ:—хоть вы и сердиты на меня, но я очень радъ съ вами познакомиться. Вотъ императрица, которую вы желали видѣть.

Императрица протянула старухѣ руку (которую та поцѣловала) и пригласила сѣсть на ближайшее кресло.

— Теперь вы можете поболтать на свободѣ, а мнѣ надо уйти, — сказалъ государь, направляясь къ дверямъ.—До свиданія!

Бабушка осталась съ императрицей и одной придворной дамой, вошедшей вскорѣ послѣ ухода императора. Государыня разспрашивала ее о нашей семейной жизни, о городскихъ жителяхъ, угостила бабушку чаемъ и продержала ее у себя болѣе часу времени. Когда эта оригинальная аудіенція кончилась, бабушка обратилась къ императрицѣ съ просьбою—исходатайствовать у государя прощеніе за ея неосторожныя и рѣзкія выраженія.

— Да государь и не сердится на васъ,—успокаивала ее императрица.—Онъ очень весело разсказывалъ мнѣ, какъ вы сдѣлали ему выговоръ за венгерскую кампанію.

— Я имѣла счастіе видѣть государя только издали и всегда въ экипажѣ, оттого и не узнала его сегодня,— оправдывалась бабушка.—Притомъ и глаза мои отъ старости уже плохо видятъ.

— Да ничего, будьте спокойны,—говорила императрица. — Государь любитъ подобныя встрѣчи инкогнито. Поѣзжайте спокойно домой и поцѣлуйте отъ меня вашихъ внучатъ. Можетъ быть, еще увидимся когда нибудь.

Такъ онѣ и разстались. Тотъ же камеръ-лакей проводилъ бабушку до подъѣзда, гдѣ уже стояла приготовленная для нея придворная коляска, въ которой она и пріѣхала домой, къ немалому удивленію всѣхъ встрѣчавшихъ ее.

Понятно, что разсказъ бабушки о ея приключеніи взволновалъ всѣхъ насъ, а въ особенности отца. Скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по всему маленькому городишку, и насъ осаждали съ визитами, желая услышать отъ самой бабушки о томъ, какъ она пила чай у императрицы. Но старуха не льстилась на эти любопытныя заискиванія и попрежнему никого къ себѣ не принимала, кромѣ семейства Пфейфера, сумасшедшаго Рейнбота и нищей Марѳы.

Вечеромъ, въ тотъ же день, къ намъ заѣхалъ комендантъ Люце, обѣдавшій за царскимъ столомъ, и передалъ, что во время обѣда государь со смѣхомъ разсказывалъ всѣмъ присутствовавшимъ, какъ старуха Эвальдъ сдѣлала ему строгій выговоръ за венгерскую кампанію и предостерегала насчетъ неблагодарности австрійцевъ. При этомъ Люце, со словъ государя, передалъ очень подробно его разговоръ съ бабушкой.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого государь пріѣхалъ осмотрѣть институтъ. Встрѣтивъ моего отца, онъ тотчасъ же спросилъ его:

— А разсказывала тебѣ твоя старуха-мать, какъ она гостила у жены?

— Разсказывала, ваше величество. Я позволю себѣ благодарить ваше величество за несказанное вниманіе ваше и государыни императрицы,—отвѣтилъ отецъ.

— Осталась ли она довольна моей хозяйкой?— спросилъ снова государь.

— Безконечно благодарна, государь, за милости ея величества.

— Очень радъ. Она у тебя умная старуха, только объ австрійцахъ судитъ по-венгерски. Кланяйся ей отъ меня и береги ее.

Съ тѣхъ поръ, пріѣзжая въ Гатчину и посѣщая институтъ, императоръ при встрѣчахъ съ моимъ отцомъ всякій разъ спрашивалъ о здоровьѣ старой венгерки, какъ онъ называлъ бабушку, и приказывалъ передавать ей поклоны отъ себя и императрицы.

Если бы онъ тогда могъ предвидѣть или предчувствовать, что слова бабушки о неблагодарности австрійцевъ будутъ пророческими... Но это случилось еще задолго до Крымской войны, когда Николай Павловичъ не допустилъ бы и мысли о томъ, что съ нимъ сдѣлали австрійцы, къ которымъ онъ такъ благоволилъ.

Чтобы покончить съ моимъ пребываніемъ въ Гатчинѣ, разскажу еще два анекдота объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Однажды во время большихъ красносельскихъ маневровъ отрядъ, которымъ командовалъ самъ государь, расположился бивуаками въ Гатчинѣ и около нея. Ставка государя была расположена въ паркѣ Пріората и потому понятно, что всѣ гатчинскіе жители устремились туда поглядѣть на рѣдкое и красивое зрѣлище, въ особенности же на самого государя. Съ наступленіемъ вечера, по пробитіи зари, войска начали располагаться на отдыхъ; но это нисколько не смущало любопытныхъ, и они продолжали бродить между палатками и кострами. Въ особенности густая толпа, состоявшая преимущественно изъ барынь и барышенъ, собралась у палатки государя. Онъ нѣсколько разъ высылалъ сказать, чтобы расходились по домамъ и дали солдатамъ отдыхъ, но любопытство было сильнѣе дисциплины, и барыни продолжали толпиться около царскаго шатра, при чемъ, конечно, трещали какъ сороки, мѣшая самому государю заниматься. Наконецъ, онъ потерялъ всякое терпѣніе и вышелъ изъ шатра самъ, но... о, ужасъ! для скромныхъ барынь—въ халатѣ и туфляхъ!

— Mesdames! — обратился онъ къ женской толпѣ: — я прошу васъ сейчасъ же удалиться по домамъ! Уже двѣнадцатый часъ, и я, и мои солдаты устали; намъ надо отдохнуть за ночь. Прошу васъ дать намъ покой!

Не знаю, чтò именно: приказаніе ли государя, или его халатъ, подѣйствовали, но только барыни, наконецъ, разошлись. Халатъ государя долгое время потомъ служилъ темою для разговоровъ, сплетенъ и даже ссоръ, такъ какъ многія барыни и барышни, сконфуженныя государемъ, старались отрицать свое присутствіе при этой сценѣ, а другіе ихъ уличали.

Въ другой разъ былъ такого рода случай. Жила въ Гатчинѣ одна барыня, Елизавета Евграфовна Варгина, дѣвица лѣтъ за сорокъ, считавшаяся въ своемъ кругу очень умной, на томъ основаніи, что читала газеты, разсуждала о политикѣ и предпочитала мужское общество — женскому. О вареньяхъ и соленьяхъ она не имѣла никакого понятія, но зато до тонкости знала все, чтò думаетъ Наполеонъ III и какія новыя каверзы строитъ Россіи лордъ Пальмерстонъ.

Въ эпоху Крымской войны, императоръ Николай Павловичъ, какъ всегда, осенью жилъ въ Гатчинѣ. Слухи о томъ, что въ Севастополѣ дѣла идутъ не важно, становились все чаще и упорнѣе. Общество пріуныло. Многіе встрѣчали государя въ дворцовомъ саду и обращали вниманіе на его озабоченное и даже угрюмое настроеніе духа. Онъ замѣтно избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и разговоровъ, а если случалось ему говорить съ кѣмъ нибудь, то въ его голосѣ уже не слышалась прежняя бодрая и веселая нота. О шуткахъ не

было уже и помину. Всѣ приближенные царя избѣгали лишній разъ безпокоить его и обращались къ нему только въ случаяхъ самой крайней необходимости.

Понятно, что въ общественныхъ кружкахъ Гатчины постоянно шли толки, какъ о севастопольскихъ дѣлахъ вообще, такъ и о мрачномъ настроеніи императора въ особенности, и также понятно, что болѣе всѣхъ толковала о томъ и другомъ Елизавета Евграфовна, какъ патентованная дипломатка.

И вотъ, въ ея головѣ, отуманенной лестнымъ поклоненіемъ мѣстнаго общества предъ ея великими политическими талантами, зародилась мысль—избавить Россію отъ великой напасти и сослужить службу огорченному царю. Не говоря никому о своемъ проектѣ, чтобы его кто нибудь не предвосхитилъ, она рѣшилась привести его въ исполненіе сама, непосредственной бесѣдой съ императоромъ.

Принявъ такое рѣшеніе, Елизавета Евграфовна начала каждый день ходить въ дворцовый садъ, отыскивая случай встрѣтить государя. Это было не такъ-то легко сдѣлать, потому что государь не имѣлъ опредѣленнаго мѣста для своихъ прогулокъ и никто не могъ знать, когда и гдѣ онъ пройдетъ. Надо было имѣть много терпѣнія и потратить не мало времени, чтобы дождаться счастливаго случая встрѣчи съ нимъ. Сколько времени бродила Елизавета Евграфовна, отыскивая государя, я не знаю, но, наконецъ, судьба сжалилась надъ ней и ея настойчивость увѣнчалась успѣхомъ. Въ одинъ прекрасный день она замѣтила вдали величественную фигуру Николая Павловича, совершенно одного и шедшаго какъ разъ къ ней навстрѣчу. Елизавета Евграфовна остановилась и, по мѣрѣ приближенія императора, начала отвѣшивать граціозные поклоны, съ глубокими присѣданіями.

Какъ я уже сказалъ, государь любилъ иногда (понятно, когда находился въ добромъ расположеніи духа) разныя встрѣчи экспромтомъ, въ особенности когда ему случалось сохранить инкогнито, какъ, напримѣръ, это было при его встрѣчѣ съ моей бабушкой. Но на этотъ разъ онъ былъ не въ духѣ и, кромѣ того, эта издали кланяющаяся барыня, очевидно, была просительницей; поэтому, когда онъ поровнялся съ нею и когда она сдѣлала движеніе, чтобы приблизиться къ государю, то онъ довольно сурово спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Ваше величество, замирающимъ отъ страха голосомъ начала дипломатка,—я желала бы вамъ сказать нѣсколько словъ о Севастополѣ...

— О Севастополѣ?—съ удивленіемъ спросилъ императоръ.—Что же вы можете сказать о немъ?

— Мнѣ извѣстно, ваше величество, что наши дѣла въ Севастополѣ идутъ очень дурно.

— Откуда вамъ извѣстно это?

— Я читаю газеты, государь...

— А-а! Вы читаете газеты. Что же дальше?

— Я думаю, ваше величество, что это происходитъ оттого, что въ Россіи нѣтъ ни одной церкви въ имя святого Георгія Побѣдоносца и что если бы скорѣе выстроить такую церковь, то побѣда повернулась бы на нашу сторону...

Государь еще болѣе нахмурился. Очевидно, онъ ожидалъ чего нибудь по умнѣе.

— Вы ошибаетесь, сударыня,—сказалъ онъ рѣзко: —у насъ есть нѣсколько церквей и нѣсколько придѣловъ во имя святого Георгія.

И государь, обладавшій прекрасной памятью, пересчиталъ ей всѣ извѣстные ему церкви и придѣлы во имя св. Георгія.

— Больше вы ничего не имѣете сказать?—спросилъ онъ потомъ.

— Ничего, ваше величество...—отвѣтила совершенно озадаченная несчастная дипломатка.

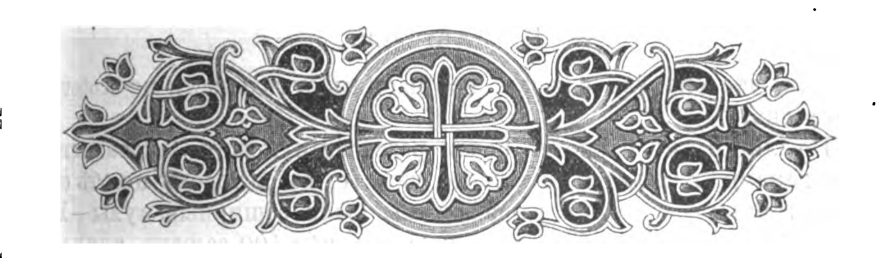
Государь молча пошелъ далѣе. Но въ тотъ же день, за обѣдомъ, онъ передалъ объ этой встрѣчѣ коменданту Люце и приказалъ ему оповѣстить жителей, чтобы они не безпокоили его своими совѣтами и, по возможности, менѣе занимались политикой.

Такимъ образомъ, благодаря неумѣстному усердію непризванной спасительницы Россіи, ни въ чемъ неповинные жители города получили отъ государя очень непріятное замѣчаніе.

А. В. Эвальдъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УЖАСНЫЙ СУДЪ.

(Эпизодъ изъ минувшей Кавказской войны).

ВЪ СОРОКОВЫХЪ и пятидесятыхъ годахъ, на лезгинской кордонной линіи, крѣпость Закаталы и мѣстечко Бѣлоканы составляли два главныхъ пункта, гдѣ весною сосредоточивались наши войска, и отсюда уже, подъ наименованіемъ отрядовъ, направлялись въ горную экспедицію на все время до глубокой осени. Вся лезгинская кордонная линія, пролегая по плоскости у самаго подножія кавказскихъ горъ, населенныхъ разными горными племенами, дѣлилась на два фланга, правый и лѣвый, начальниками которыхъ были заслуженные и опытные полковники или генералы, обязанные охранять наши предѣлы отъ вторженія непріятеля. Кордонная линія являлась, такъ сказать, передовымъ нашимъ оплотомъ, или цѣпью для охраны жителей Кахетіи и вообще поселеній по рѣкамъ Іоры и Алазани. Изъ состава горнаго лезгинскаго отряда отряжались части войскъ и отдавались въ распоряженіе начальниковъ фланговъ, которые и распредѣляли эти части на линіи по своему личному усмотрѣнію. Извѣстіе не идти въ горную экспедицію, а оставаться на кордонной плоскости, причиняло намъ истинное горе, потому собственно, что мы лишались всякихъ наградъ и отличій и обрекались на службу въ родѣ гарнизонной.

Въ 1848 году, батальонъ Эриванскаго полка обреченъ былъ на такую службу. Мы сознавали, что служба эта очень полезна для цѣлаго края и для видовъ горнаго отряда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по-

нимали, что она для каждаго изъ насъ въ отдѣльности не особенно интересна.

По линіи, въ равномъ почти разстояніи между Закаталами и Бѣлоканами, находится Катехское ущелье, въ которомъ по обѣ стороны горныхъ откосовъ расположены были обширные аулы—Катехи и Мацехи. Все ущелье, шириною не менѣе 100 саженъ, тянулось на протяженіи 3-хъ—4-хъ верстъ въ глубину горъ, постепенно суживаясь къ концу, и затѣмъ прерывалось крутымъ откосомъ высокихъ скалъ; на четвертой верстѣ отъ плоскости, т.-е. въ концѣ ущелья, находились развалины сожженнаго аула Капздара, гдѣ нашему батальону пришлось быть на стражѣ до поздней осени. Обязанность батальона заключалась въ наблюденіи за жителями ауловъ Катехи и Мацехи, выдававшихъ себя за мирныхъ обывателей, но къ словамъ и клятвамъ ихъ командиры отрядовъ относились съ крайней недовѣрчивостью, по многимъ весьма уважительнымъ причинамъ. Кромѣ этой обязанности, мы должны были зорко наблюдать, чтобы по ущелью не спускались шайки и скопища лезгинъ на нашу плоскость, дорогами, идущими изъ всѣхъ частей горныхъ населеній. Словомъ, вся служба наша была кордонная, т.-е. наблюдательная и охранительная.

Катехское ущелье само-по-себѣ и обѣ стороны горъ его были покрыты роскошной растительностью; вѣковые въ три-четыре обхвата чинары, тополь, смоковница, орѣшникъ и другія деревья покрывали всю поросшую папортникомъ въ ростъ человѣка мѣстность. Посрединѣ ущелья протекала незначительная горная рѣчка, обращавшаяся при весеннихъ дождяхъ и таяніи снѣговъ въ бушующій потокъ, чрезъ который не рѣшился бы переправиться верхомъ ни одинъ отважный горецъ. Волны потока быстро неслись по наклонному руслу, перевертывая и сокрушая все попадающееся навстрѣчу; онѣ рвались изъ береговъ, клокотали и, съ грохотомъ опрокидываясь на берега, обдавали путника съ ногъ до головы столбами водяной пыли. Шумъ волнъ былъ такъ великъ, что словъ обыкновеннаго разговора невозможно было слышать, слѣдовало кричать, чтобы рядомъ идущій путникъ могъ понять васъ. Въ общемъ, видъ ущелья представлялъ очаровательную и замѣчательную по красотѣ мѣстность, которую природа щедро наградила своими дарами. Но къ красотѣ кавказской природы мы такъ привыкли и такъ часто видѣли ее въ разнообразныхъ причудливыхъ формахъ, что насъ она не удивляла, не восхищала, а скорѣе удручала тѣмъ, что 4—5 мѣсяцевъ мы должны жить заключенными въ ущельѣ и всѣ дни проводить въ однообразіи. То ли дѣло, думали мы, горная экспедиція съ ежедневнымъ разнообразіемъ мѣстностей и жизни, переполненной ежеминутными опасностями и душевными бурями. Сегодня, напримѣръ, отрядъ тянется на высотѣ 8—10 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, попираетъ ногами снѣгъ, прыгаетъ чрезъ

быстрые снѣговые ручьи, переходитъ по шатающемуся бревну пропасть, жмется и кутается отъ проникающаго насквозь холода и тумана, старается обогрѣться и обсушиться у пылающихъ костровъ изъ дровъ, принесенныхъ каждымъ солдатомъ по полѣну снизу, и какъ ни силится укрыться отъ мимо ползущихъ исполинскаго размѣра облаковъ, но не въ состояніи избавиться ихъ докучливыхъ и мокрыхъ объятій. Это совершается около отряда, а подъ ногами его, надъ глубочайшими пропастями, парятъ орлы и, мѣрно взмахивая своими могучими крыльями, высматриваютъ добычу: то плавно плывутъ они въ воздушномъ пространствѣ, то точно застынутъ чернымъ пятномъ и затѣмъ съ быстротою стрѣлы несутся внизъ къ усмотрѣнной добычѣ. Кругомъ отряда на пространствѣ, какое можетъ охватить глазъ, представляется величественный, не поддающійся никакому описанію, видъ высочайшихъ горныхъ отроговъ съ снѣговыми вершинами, обрывами и водопадами. Горы рисуются во всѣхъ причудливыхъ формахъ: то гладкими, тянущимися въ высь конусообразнымъ острымъ шпицемъ, то срѣзанными въ вершинѣ, образующей поляну, то, наконецъ, скомканными и измятыми, точно всесокрушающая, могучая сила издѣвалась въ злобѣ надъ ними и, насладившись ихъ тяжелыми мученіями, швырнула въ пространство, гдѣ онѣ и улеглись въ томъ исковерканномъ и безобразномъ видѣ, въ какомъ закончились ихъ страданія. Вся эта суровая природа, по мѣрѣ спуска отряда съ горъ, измѣняется: мы, въ короткое относительно время, испытываемъ всевозможныя температуры, отъ мороза до жаровъ, и къ вечеру отрядъ останавливается на роскошной зеленой, усыпанной цвѣтами, полянѣ, окруженной вѣковымъ лѣсомъ и отрогами горъ, по откосамъ которыхъ лѣпятся въ видѣ гнѣздъ непріятельскіе аулы. Взять приступомъ въ отдѣльности даже каждое такое гнѣздо отряду придется завтра съ большимъ трудомъ и усиліями, потому что всѣ сакли приспособлены къ оборонѣ бойницами и блиндированными каменными крышами. На цвѣточной полянѣ, гдѣ отрядъ расположился для ночлега, завтра послѣ боя будутъ рыться могилы, куда свалятся наши убитые отважные воины, и могилы тщательно сглаживаться и замаскировываться, чтобы по уходѣ отряда горцы не отрывали труповъ и не издѣвались надъ ними; завтра въ рядахъ отряда не досчитаются многихъ соратниковъ, о которыхъ вздохнутъ, пожалѣютъ, помянутъ добрымъ словомъ, пожелаютъ имъ царства небеснаго и затѣмъ забудутъ, какъ забывается все на этомъ свѣтѣ.

Вотъ тѣ условія жизни и разнообразныя впечатлѣнія, которыя испытываетъ горный отрядъ въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ; съ этими условіями сроднился кавказскій военно-служащій, они всасывались въ его кровь и плоть и поддерживали въ немъ энергію, воинскій духъ и жизненность. Вотъ почему мы и были опечалены извѣстіемъ о назначеніи нашего батальона на стоянку въ Катехское ущелье.

Но кавказскому военно-служащему приходится мириться со всѣми обстоятельствами походной жизни. Помирились и мы въ данномъ случаѣ съ назначеніемъ на долгую стоянку и стали придумывать способъ улучшить наше положеніе, чтобы жизнь сдѣлать подвижною, а слѣдовательно для натуры нашей и сносною. Устроившись лагеремъ въ урочищѣ Капздара, среди пышной зелени виноградника, орѣшника и другихъ плодовыхъ деревьевъ, оставшихся отъ сожженнаго аула, мы стали охотиться въ окружающемъ насъ дремучемъ лѣсу на звѣрей и птицъ, которыхъ здѣсь было въ достаточномъ изобиліи. Барсукъ, медвѣдь, волкъ, гіена, кабанъ, лисица, олень, горный баранъ, заяцъ, горная индѣйка, фазанъ и другая живность, преслѣдовались нами по полянамъ, тропамъ и горнымъ уступамъ и каждый день столъ нашъ сталъ обогащаться свѣжими продуктами изъ дичи. Двухстволки у насъ и у охотниковъ-солдатъ были превосходныя, а мѣткостью глаза мы могли перещеголять любого горца. Между нашими 15-ю охотниками отличались въ особенности два лихихъ солдата—Ѳедотовъ и Жейваронскій [1]). Оба красивые собою—одинъ блондинъ, другой брюнетъ, здоровые, статные, предпріимчивые, безгранично отважные и смѣтливые, они были для насъ руководителями и самыми лучшими ищейками во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ похожденіяхъ. Вся команда представляла тѣсно сплоченную дружескую корпорацію, но дружба между Ѳедотовымъ и Жейваронскимъ была такъ велика, что одинъ безъ другого не дѣлалъ ни шагу. Они первые указали намъ на стадо одичавшихъ буйволовъ, брошенныхъ бѣжавшими изъ сожженнаго аула жителями; буйволы эти обратились въ звѣрей и встрѣчаться съ ними было очень опасно, но, тѣмъ не менѣе, всѣ они въ числѣ 53 штукъ попали поочередно въ артельные котлы. Постояннымъ нашимъ спутникомъ на охотѣ былъ еще и Джаро—бѣлоканецъ, тридцатилѣтній лезгинъ Ахметъ. Безусловно умный отъ природы, хитрый, смѣтливый и чрезвычайно добрый, онъ вкрался въ довѣріе всего батальона поголовно, оказывалъ намъ много услугъ, доставлялъ неоцѣнимыя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ непріятельской землѣ, а въ особенности о жителяхъ ауловъ Катехи и Мацехи, и, въ концѣ-концовъ, сдѣлался для насъ человѣкомъ необходимымъ и своимъ. Любили мы его какъ вѣрнаго товарища, надѣляли его подарками, деньгами, кормили и поили. Онъ сознавалъ и высоко цѣнилъ нашу дружбу, доказывая ее такими жертвами, которыя дали намъ право глубоко вѣрить въ его искренность. Такое же безграничное довѣріе онъ заслужилъ и отъ жителей Катехи и Мацехи, но тамъ Ахметъ старался употреблять всевозможныя средства обмануть своихъ единовѣрцевъ и успѣлъ перехитрить ихъ

---

[1]) Жейваронскій происходилъ изъ мелкихъ польскихъ дворянъ и былъ сосланъ на Кавказъ за участіе въ безпорядкахъ въ Варшавѣ.

именно тѣмъ, что доставлялъ имъ о положенiи русскихъ войскъ фальшивыя свѣдѣнія, приправленныя бросающимися въ глаза достовѣрными данными, для насъ не только безвредными, а скорѣе полезными, и, разумѣется, бранилъ русскихъ во всю, что называется, нелегкую. Довѣріе и любовь къ нему въ аулахъ Катехи и Мацехи такъ были велики, что каждый почетный житель изъ этихъ ауловъ готовъ былъ отдать въ замужество за него свою дочь. Мы нерѣдко ходили съ Ахметомъ посмотрѣть на житье горцевъ въ аулы, гдѣ съ почетомъ (разумѣется,фальшивымъ) были принимаемы и угощаемы, но чаще всѣхъ посѣщали аулы Жейваронскій и Ѳедотовъ.

— Намъ бы хотѣлось свѣжихъ яицъ и молока,—говорили мы Ахмету.

— Подождите, господа, еще недѣльку,—отвѣчалъ онъ,—все у васъ будетъ; сами жители съ женами принесутъ сюда деревенскіе продукты.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ нашей осѣдлости, у насъ стали появляться жители ауловъ съ продуктами и плодами, не исключая и свѣжаго хлѣба. Посѣщеніе лагеря жителями вскорѣ такъ участилось, что мы видѣли ихъ у себя по цѣлымъ днямъ; между ними появлялась и дѣвушка 18-ти лѣтъ, поразительной красоты, рельефно выдѣлявшаяся изъ среды своихъ единовѣрцевъ. Всегда хорошо одѣтая, граціозная, стройная и легкая какъ серна, она производила на всѣхъ насъ чарующее впечатлѣніе. Да и трудно было не восхищаться красотою этого поистинѣ дивнаго созданія. Много лѣтъ я прожилъ на свѣтѣ, много доводилось мнѣ встрѣчать красивыхъ и миловидныхъ женщинъ, но такой красоты и такого гармоническаго сочетанія въ красотѣ всѣхъ отдѣльныхъ частей—я не видѣлъ никогда. Никакихъ малѣйшихъ даже недочетовъ въ личикѣ горянки и во всей ея гордой и стройной фигурѣ не было. Природа надѣлила ее лицомъ бронзоватаго отлива съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, розовыми, всегда улыбающимися, губками, ровными бѣлоснѣжными зубами и большими черными, опушенными длинными рѣсницами, глазами, да такими выразительными, пламенными и насквозь проникающими, что если бы вы разъ увидѣли эту красавицу, то никогда образъ ея не изгладился бы изъ вашей памяти.

Звали горянку уменьшительнымъ именемъ Атта. Она скоро освоилась со всѣми нами и знала даже каждаго поименно; говорили мы съ нею черезъ двухъ переводчиковъ—Ахмета и Жейваронскаго. Послѣдній былъ 5 лѣтъ въ плѣну у лезгинъ и зналъ ихъ нарѣчіе, какъ свое родное.

— Атта,—говорили мы ей, -ты красавица на удивленіе всего края, ты должна жить въ роскоши и нѣгѣ!

— Да?.. Неужели? Я не знала, мнѣ никто не говорилъ о моей

красотѣ,—отвѣчала Атта, улыбаясь и показывая рядъ жемчужныхъ перловъ.

— Мы любимъ тебя, Атта, восхищаемся тобою и радуемся, когда увидимъ такую красавицу, а любишь ли ты насъ сколько нибудь?

— Не знаю, что̀ сказать вамъ!

— Я спрашиваю, любишь ли ты насъ сколько нибудь?

— Въ отдѣльности я никого не люблю, а всѣ вы нравитесь мнѣ, иначе, зачѣмъ бы я ходила сюда!

— Ну, хорошо, а кто именно болѣе нравится тебѣ изъ всѣхъ насъ, вотъ здѣсь тебя окружающихъ?

— Кто нравится?—спросила Атта, окинувъ взглядомъ окружающихъ, и засмѣялась тѣмъ заразительнымъ и симпатичнымъ смѣхомъ, который вызвалъ смѣхъ и у насъ.

— Ну, скажи же, Атта!—настаивали мы.

— Всѣ, всѣ, я сказала, что всѣ,—отвѣчала Атта, закрывая лицо руками и продолжая смѣяться.

— Да скажи же!

— Кто нравится?.. Вы хотите знать, кто нравится?.. А зачѣмъ вамъ знать?

— Да такъ, изъ любопытства!

— Я прогнѣвлю Бога, онъ накажетъ меня!

— За что? Богъ милостивъ. Онъ одинъ у всѣхъ людей. Да за что Онъ накажетъ, развѣ любовь можетъ быть по вашему закону наказуема?

— Да, намъ запрещено любить, мы выходимъ замужъ по волѣ отца.

— Ну, хорошо, Атта, все это такъ, но мы не спрашиваемъ тебя, кого ты любишь, а желаемъ знать, кто тебѣ нравится?

Задумалась Атта надъ этимъ вопросомъ, желая, повидимому, отдѣлаться молчаніемъ, но мы продолжали настаивать.

— Я лгать не умѣю, если скажу, то должна сказать истину.

— Мы добиваемся истины!

Опять задумалась Атта, одолѣваемая скромностью и, видимо, удивленная нашею неотвязчивостью.

— Ну, хорошо,—сказала она наконецъ,—вотъ нравится кто!

Она указала рукою на Жейваронскаго, и щеки ея зардѣлись яркимъ румянцемъ.

Жейваронскаго передернуло, онъ покраснѣлъ до ушей и притворно засмѣялся.

— Чѣмъ онъ лучше насъ?—спросили мы.

— Вы всѣ хорошіе и добрые люди, васъ нельзя не любить, а онъ... онъ, онъ—хорошо говоритъ на нашемъ языкѣ!

Атта разрумянилась до того, что, казалось, кровь готова была брызнуть изъ ея щекъ.

— А вышла бы ты за него замужъ?

— Онъ не нашей вѣры,—отвѣтила Атта послѣ нѣкотораго колебанія и, кокетливо поклонившись намъ, пошла гордою и легкою поступью въ аулъ.

Замѣчательно было видѣть въ юной женщинѣ-дикаркѣ желаніе нравиться, но не то кокетство, какое мы привыкли видѣть въ нашихъ женщинахъ, выворачивающихъ и подкатывающихъ подъ лобъ свои глаза до того, что иногда послѣ такого подкатыванія требуется медицинская помощь, а кокетство неуловимое во всѣхъ граціозныхъ движеніяхъ тѣла и въ каждой фибрѣ лица,—кокетство очаровывающее васъ и бьющее по вашимъ нервамъ,—кокетство не дѣланное и не намѣренное.

Домъ Атты въ аулѣ Катехи, сложенный изъ плитняка, съ бойницами въ стѣнахъ и блиндированной каменною крышою, представлялъ небольшую оборонительную крѣпость, утопавшую въ зелени огромнаго фруктоваго сада. Внутренность сакли дѣлилась на три комнаты, изъ коихъ одна, называемая «кунакская», предназначалась исключительно для гостей и была, такъ сказать, не жилая, а въ двухъ комнахъ помѣщалась семья Атты, состоявшая изъ отца, матери, двухъ малолѣтнихъ сыновей и 18-ти лѣтней дочери. Отецъ Атты, 40 лѣтній лезгинъ, отличался суровымъ характеромъ и такимъ же суровымъ лицомъ, окаймленнымъ подбритою съ шеи и на щекахъ бородою и съ подстриженными небольшими усами; русскихъ онъ ненавидѣлъ отъ всей души, называя ихъ поработителями, но ненависть умѣлъ прикрывать медоточивыми словами и радушными пріемами насъ, нерѣдкихъ посѣтителей его сакли. О затаенной ненависти Шабана, такъ звали его, подробно передавалъ намъ Ахметъ, видѣвшій въ сундукѣ его до 15-ти человѣческихъ правыхъ рукъ, отрѣзанныхъ у убитыхъ имъ русскихъ воиновъ въ бояхъ и разбояхъ. Жена Шабана была добродушная красивая горянка, любившая всю семью, а Атту въ особенности; два мальчугана—сыновья Шабана, суровостью и ненавистью къ русскимъ не уступали отцу, но по своему возрасту не умѣли прикрывать своего злобнаго чувства.

Наступилъ пятый мѣсяцъ нашей стоянки въ урочищѣ Капздара, время подходило къ листопаду, а охота наша не прерывалась и бдительное наблюденіе за дорогами продолжалось ночными засадами, на которыхъ мы поджидали разбойниковъ, спускавшихся съ горъ для грабежа и убійствъ. Разбойники были опаснѣе звѣрей, но мы удачно съ ними справлялись, нерѣдко принося въ лагерь ихъ правыя руки, какъ трофеи. Болѣе всѣхъ въ этихъ засадахъ отличались Жейваронскій и Ѳедотовъ. Вся походная жизнь, наполненная не малыми тревогами, приправлялась, кромѣ того, поклоненіемъ Аттѣ—этому всеобщему нашему идолу, вскружившему намъ головы чуть не до одурѣнія. Незадолго передъ отходомъ батальона

съ мѣста стоянки, мы въ составѣ 2-хъ офицеровъ, Жейваронскаго, Өедотова и Ахмета пошли въ аулъ Катехи—навѣстить Атту и ея родныхъ. Шли мы въ веселомъ и миролюбивомъ расположеніи духа; каждый ожидалъ радушнаго пріема отъ всей семьи Шабана и радостнаго привѣтствія со стороны Атты; она, думали мы, по обыкновенію будетъ стараться посадить насъ поудобнѣе, подастъ намъ сотоваго меду, свѣжаго масла и кислаго молока; присядетъ сама къ намъ и, наивно трепля то одного, то другого по плечу, весело начнетъ щебетать. При уходѣ нашемъ, она настоятельно будетъ просить остаться еще погостить: «Еще, еще немного посидите»—скажетъ она, и если мы не исполнимъ ея просьбы, то большіе черные глаза подернутся слезою, а губки надуются, точно у капризнаго и балованнаго ребенка. «Вы не хорошіе, я перестану васъ любить, зачѣмъ я любила такихъ скверныхъ людей», пролепечетъ она сквозь слезы и отвернется отъ насъ, а затѣмъ вновь начнетъ просить остаться. Ну, какъ послѣ этого намъ, такимъ же почти дикарямъ, какъ горцы, привыкшимъ къ звѣрямъ, лѣсамъ и крови, не расчувствоваться и не исполнить каприза нашей общей любимицы!

Трудно было понять такую глубокую привязанность горянки къ русскимъ, тогда какъ всѣ горцы, почти поголовно, ненавидятъ насъ, что̀ объясняется нашимъ завоеваніемъ горныхъ земель и тѣсно связаннымъ съ нимъ уничтоженіемъ прирожденнаго горцамъ ремесла расбойничать и вести жизнь исключительно въ набѣгахъ.

— Хорошо, Атта, — скажемъ мы:—нельзя не исполнить твоего желанія.

— Ну, вотъ, это хорошо, я васъ буду любить, очень даже, очень любить,—вскрикнетъ она зардѣясь, и все личико ея просіяетъ такими яркими лучами, что невольно они отразятся на нашей огрубѣлой натурѣ. Въ эти минуты мы готовы, кажется, на всѣ жертвы для нашего капризнаго ребенка.

Да, такъ думали мы, идя въ аулъ, а черезъ два часа на возвратномъ пути, головы наши были понурены, и мы молча, чуть не бѣгомъ торопились въ лагерь. Дрожь пробѣгаетъ у меня и теперь по всему тѣлу при воспоминаніи о случаѣ, который я стараюсь забыть, употребляю всѣ силы выбросить изъ памяти, но онъ во всѣхъ ужаснѣйшихъ подробностяхъ воскрешается въ головѣ моей, какъ будто только-что совершившійся. Врагу своему я не пожелалъ бы видѣть что нибудь подобное, напоминающее средневѣковое инквизиціонное время.

По дорогѣ къ аулу, у самой его окраины, на небольшой полянѣ мы наткнулись на большую толпу скучившихся и о чемъ-то крикливо споривших лезгинъ. Ахметъ и Жейваронскій, какъ ни вслушивались въ споръ горцевъ и какъ ни старались разобрать его, но всѣ усилія ихъ остались безуспѣшными. Идти далѣе къ аулу намъ не было возможности, такъ какъ дорогу заграждала густая толпа.

Всѣ горцы были во всеоружіи, точно собирались въ набѣгъ. Въ толпѣ вырисовывался рельефно выдающійся мулла, сѣдой какъ лунь, что-то горячо говорившій, но его перебивали и старались стоящіе около него лезгины перекричать другъ друга.

— Здѣсь совершается что-то недоброе,—прошепталъ Ахметъ.

— Неужели ты ничего не понялъ?—спрашиваемъ мы Ахмета.

— Ровно ничего; ругаются, кого-то проклинаютъ, судятъ, а кого и за что—разобрать не могу.

Мы стояли въ недоумѣніи, гамъ и шумъ продолжался и, казалось, готовъ былъ дойти до рукопашной рѣзни, какъ вдругъ все замолкло, толпа точно онѣмѣла и безмолвно разступилась передъ медленно шедшею новою группою лезгинъ. Мы взглянули на эту группу, пристально стали всматриваться въ нее, и когда убѣдились, что зрѣніе насъ не обманываетъ, ужасъ охватилъ насъ и раздирающій крикъ вырвался изъ груди нашей, а Жейваронскій, этотъ закаленный въ бояхъ воинъ, грохнулся на земь и метался въ судорогахъ.

Во главѣ группы шла съ поникшею головою въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи связанная Атта, также поразительно красивая, но блѣдная, какъ смерть; концы веревокъ отъ связанныхъ ея рукъ держали два лезгина; сзади ихъ шелъ Шабанъ съ двумя сыновьями и плачущею женою, а затѣмъ шествіе замыкалось десятью рослыми вооруженными горцами.

Атту подвели къ сѣдому муллѣ. Толпа продолжала хранить мертвое молчаніе.

— Атта!—началъ говорить старческимъ голосомъ мулла, — ты провинилась передъ родителями и передъ всѣмъ нашимъ племенемъ. Ты прогнѣвила Бога, нарушила наши обычаи; совершонный тобою грѣхъ не прощается, смерть ожидаетъ тебя за то, что ты произвольно вступила въ связь съ кѣмъ-то! Но страданія твои получатъ облегченіе, если ты скажешь всенародно, кто твой соблазнитель и отецъ будущаго незаконнаго ребенка?.. Я слушаю, отвѣчай!

— Да, сознаюсь, — отчетливо отвѣтила Атта, — я заслужила смерть, но назвать отца моего ребенка не желаю!

— Подумай хорошенько, Атта, минуты твои сочтены, не забывай, что соблазнитель твой виноватъ болѣе, чѣмъ ты, и если бы мы знали имя его, то не оставили бы въ живыхъ.

— Вотъ именно потому я и не назову его, что хочу, чтобы онъ остался въ живыхъ.

Раздались угрожающіе крики толпы, шумъ, гамъ, суета и натискъ на мѣсто, гдѣ стояла Атта. Сѣдой мулла остановилъ разсвирѣпѣвшихъ единовѣрцевъ напоминаніемъ, что право на жизнь и смерть виновной остается всегда за народомъ и что все равно, если минутою позже или раньше умретъ Атта.

Напоминаніе муллы успокоило толпу. Мулла тихо что-то сталъ говорить Аттѣ, а она, преклонивъ колѣна, слушала его.

— Развяжите ей руки и подведите къ могилѣ.

Толпа опять раздвинулась и мы увидѣли заслоняемую доселѣ народомъ глубокую яму, къ которой медленно подошла Атта.

Мать бросилась къ ней проститься, но толпа отдернула ее, а отецъ въ отдаленіи, суровый, какъ всегда, стоялъ и исподлобья смотрѣлъ на все совершающееся.

Мы хотѣли протестовать и порывались броситься на защиту несчастной, но Ахметъ благоразумно остановилъ насъ.

— Стойте, не сходите съ ума,—проговорилъ онъ торопливо и едва слышно,—ее не спасете, а себя погубите; васъ всѣхъ растерзаютъ въ клочки!

Итакъ, Атта — это прелестное созданіе, наша всеобщая любимица, всегда ласковая, веселая, наивная, полная кипучей жизни и надеждъ, теперь стояла у зіяющей ямы, покорная и готовая принять мученическій вѣнецъ за человѣка, котораго страстно любила. Она прикрывала лицо руками, чрезъ которыя проскользали тихія и чистыя, какъ кристаллъ, слезы, раздиравшія намъ душу. На мгновеніе Атта остановила глаза свои на горько рыдавшей матери, обвела толпу укоряющимъ взглядомъ, еще минута при мертвой тишинѣ и—фигура ея, мелькнувъ въ воздухѣ, полетѣла въ роковую яму. Глыбы земли съ камнями, брошенныя торопливыми руками окружающихъ, стали сваливаться одна за другою въ могилу и замуровывать бѣдную мученицу. Образовавшееся на могилѣ возвышеніе лезгины старательно начали утаптывать прыжками, сопровождая адскую работу кривляніями, дикими криками и ружейными выстрѣлами.

Мы, свидѣтели этой демонической вакханаліи, были потрясены до глубины души, насъ охватилъ какой-то чадъ, кровь усиленно приливала къ головѣ, а сердце стучало, точно хотѣло вырваться изъ груди.

Съ проклятіемъ на языкѣ и нескрываемой ненавистью въ душѣ къ омерзительному племени, мы прибѣжали въ лагерь и объявили о событіи.

— А что же дѣлать, господа,—отвѣчалъ намъ командиръ нашъ:—у этихъ племенъ свой обычай, они не подчиняются нашимъ законамъ, а строго придерживаются шаріата.

— Если бы всѣ они придерживались однихъ и тѣхъ же правилъ,—возразилъ одинъ изъ офицеровъ:—а то каждое почти общество имѣетъ свой обычай. Напримѣръ, правила въ Анцухѣ отвергаются въ дидойскомъ обществѣ, а что̀ дѣлается въ Дидо, то порицается въ Анкраклѣ, и т. д. Вообще варварскій народъ, и изъ какихъ элементовъ онъ сколоченъ, самъ чортъ не разберетъ.

Наступила ночь, проведенная нами въ тревожномъ состояніи

подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго событія. Въ 4 часа утра прибѣжалъ изъ аула Катехи Ахметъ, заночевавшій тамъ. Онъ указалъ намъ на аулъ.

— Что такое?—спросили мы.

— Не видите?

— Нѣтъ, что такое?

— Посмотрите хорошенько, развѣ не видите клубы дыма?

— Ну, такъ что-жъ?

— Горитъ аулъ, огонь уничтожилъ ужъ сакель двадцать, стараются потушить, да едва ли удастся.

— И пусть себѣ горитъ,—отвѣчали мы:—участливо къ варварамъ относиться не слѣдуетъ.

— Пожаръ еще не особенное несчастіе,—продолжалъ Ахметъ:—сакли выстроятъ, камень и лѣсъ свой, а жизнь нѣкоторыхъ жителей не вернешь.

— Чтò ты говоришь, чья жизнь, какихъ жителей?

— Въ аулѣ Катехи въ сегодняшнюю ночь зарѣзаны Шабанъ съ двумя сыновьями, мулла и человѣкъ около двадцати катехцевъ, которые сопровождали покойную Атту къ могилѣ и были первыми крикунами, настаивавшими на казни несчастной дѣвушки.

— Кто же совершилъ эти убійства и поджогъ?

— Трудно указать на кого нибудь, рѣзня была совершена такъ тихо и искусно, что жители теряются въ догадкахъ.

«Судьба, рокъ,—думали мы.—Богъ не оставилъ безъ наказанія виновниковъ смерти Атты!»

Черезъ двѣ недѣли батальонъ нашъ двинулся съ мѣста стоянки на другой пунктъ лезгинской линіи, гдѣ мы цѣлую зиму должны были заниматься прорубкою лѣсныхъ просѣкъ. Наша охотничья команда лишилась рьянаго дѣятеля—Жейваронскаго. Онъ за послѣднее время сталъ хирѣть и, несмотря на молодые годы, совершенно посѣдѣлъ. Сдѣлавшись молчаливымъ и мрачнымъ, Жейваронскій старался быть въ уединеніи, о чемъ-то задумывался и потерялъ всякое желаніе ходить на охоту. Вскорѣ его отправили въ госпиталь. Мы нерѣдко вспоминали о немъ, какъ о замѣчательномъ охотникѣ и отважномъ воинѣ, но переходя въ теченіе двухъ лѣтъ изъ отряда въ отрядъ, при условіяхъ и впечатлѣніяхъ ежедневно мѣнявшихся, онъ изгладился изъ нашей памяти, какъ забываются всѣ выбывающія лица изъ рядовъ боевого войска.

На третій годъ послѣ описаннаго событія, намъ пришлось занимать караулъ въ Тифлисѣ. Я, какъ-то, былъ назначенъ дежурнымъ въ военный госпиталь, расположенный въ предмѣстіи «Навтлугъ». Обходя по обязанности палаты, я заглянулъ и въ сумасшедшее отдѣленіе, гдѣ душевно-больныхъ было не болѣе 15-ти человѣкъ, между которыми отличался буйствомъ только одинъ, заключенный въ желѣзную клѣтку. Изъ любопытства я подошелъ

къ клѣткѣ и сталъ говорить съ больнымъ; онъ, не отвѣчая на вопросы, бормоталъ и несъ какую-то чепуху, сопровождая ее постояннымъ смѣхомъ и желаніемъ вырваться изъ клѣтки. Смѣшно было видѣть напрасныя старанія больного: между желѣзными прутьями клѣтки промежутокъ былъ такого размѣра, что не возможно просунуть руки, а помѣшанный силился просунуть свое плечо и туловище.

— Ага! Вы сейчасъ попробуете нашего кушанья... Это супъ, бульонъ изъ крови... Изуродую твою голову, Шабанъ, не пощажу! Ха, ха, ха, ха!—кричалъ онъ, неудержимо смѣясь и грозя кому-то кулакомъ.

Я слушалъ бредъ помѣшаннаго и смотрѣлъ, какъ содрогались прутья желѣзной клѣтки, которые онъ старался сломать мускулистыми руками и напоромъ своего туловища. Имя Шабана напоминало мнѣ что-то знакомое и заставило внимательно вслушиваться въ отрывочныя фразы сумасшедшаго.

— Уничтожу всѣхъ,—продолжалъ злобствовать помѣшанный,—насъ 15 человѣкъ! Ха, ха, ха, ха! Это сила, могучая сила! Уничтожимъ!... А тебя, Шабанъ, зарѣжу я самъ! Ха, ха, ха, ха! лично самъ зарѣжу! Ха, ха, ха, ха!

Желѣзная клѣтка трещала и, казалось, готова была рухнуть, я машинально отступилъ и подозвалъ сторожа.

— Скажи, пожалуйста,—обратился я къ сторожу:—онъ постоянно такой буйный?

— Да вотъ уже второй годъ—день и ночь безчинствуетъ, замучилъ всѣхъ; хорошо, что посадили въ клѣтку, а то бы передушилъ больныхъ!

— На чемъ онъ помѣшанъ?

— А Богъ его знаетъ на чемъ, городитъ что-то несвязное и кому-то грозитъ смертью.

— Ты, Атта,—обратился ко мнѣ мягкимъ тономъ помѣшанный,—не безпокойся, ступай туда и жди меня, не бойся никого... я, я... помни, что я всегда около тебя... Ха, ха, ха, ха! а вотъ его сегодня же не будетъ въ живыхъ!—закричалъ сумасшедшій, указывая на сторожа, и всѣмъ туловищемъ ударился о прутья желѣзной клѣтки.

«Что это?—подумалъ я,—бредъ сумасшедшаго, или открывается тайна драмы, въ которой имена Шабана и Атты играли первенствующую роль?»

— Какъ звать этого помѣшаннаго?—спросилъ я сторожа.

— Жейваронскій.

— Какъ? Жейваронскій?

— Точно такъ — Жейваронскій, унтеръ-офицеръ изъ дворянъ, признанный неизлѣчимымъ. Его скоро отправятъ въ домъ умалишенныхъ, да бумага еще не получена изъ Астрахани,—туда отправятъ.

Теперь мнѣ было ясно, что въ клѣткѣ находился герой катехской драмы. Я ближе подошелъ къ больному.

— Жейваронскій, — обратился я къ помѣшанному,—узнаешь меня? Посмотри хорошенько! Неужели не помнишь, какъ мы охотились въ Катехахъ, а?

Больной обвелъ меня стеклянным взглядомъ и продолжалъ съ кѣмъ-то говорить, то возвышая голосъ до крика, то понижая его до шопота.

— Жейваронскій, а помнишь Атту—дочь Шабана?

Больной при этомъ имени отскочилъ отъ прутьевъ клѣтки и затѣмъ всѣмъ туловищемъ налегъ на нее. Потъ градомъ катился съ багрово-краснаго лица отъ чрезмѣрныхъ усилій сломать прутья, расшатавшіеся уже въ своихъ основаніяхъ; стеклянные глаза больного, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ, онъ скрежеталъ зубами, сжималъ кулаки и, въ концѣ-концовъ, сильнымъ ударомъ своего туловища о прутья выломалъ ихъ: они полетѣли вмѣстѣ съ больнымъ наружу, сбили съ ногъ сторожа, и помѣшанный вцѣпился своими руками въ его горло.

— Поймалъ-таки тебя! — кричалъ неистово больной, стараясь задушить сторожа.

Прибѣжавшіе госпитальные служителя успѣли во-время оторвать больного отъ жертвы и, надѣвъ на него сумасшедшую рубаху, привязали къ кровати.

— Ага, Шабанъ, отвѣдалъ моего кушанья, ха, ха, ха, ха!..

Хохотъ помѣшаннаго, похожій скорѣе на безутѣшное рыданіе, подѣйствовалъ на меня удручающимъ образомъ, а все только-что слышанное и видѣнное воскресило въ памяти моей ужаснѣйшую смерть несчастной Атты.

В. М. Антоновъ.

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ [1].

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

I.

Въ Тиму.—Взглядъ на корреспонденціи провинціальныхъ читателей.—Маленькое разсужденіе.—«Русскій Міръ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости».—Моя первая статья въ «Новостяхъ».—О пріютѣ и квартирѣ для литераторовъ.—Крестьянинъ-поэтъ С. Д. Дрожжинъ.—Разсказъ охотника о Некрасовѣ.—«Сицылистъ» въ деревнѣ.—С. Дрожжинъ у московскаго генералъ-губернатора.—Нѣсколько словъ о «Русской Рѣчи».—Лѣто 1879 года.—Мои первыя двѣ книги для дѣтей.—Критика о нихъ.—Наши субботы.—Поэтъ-богачъ.—Лже-Альбовъ.—В. К. Мюръ.—Мечты объ изданіи газеты.—Художникъ А. А. Наумовъ.—Д. Н. Садовниковъ.—Татьяна Петровна Пассекъ и ея журналъ «Игрушечка».—«Игрушечка» въ новыхъ рукахъ.

ЗЪ ЩИГРОВЪ, гдѣ я гостилъ у моего родственника И. А. Спельта, я отправился къ его отцу въ Тимъ. Трудно рѣшить, который изъ двухъ городковъ лучше или хуже. Оба грязны, оба скучны. Въ томъ и другомъ развита картежная игра, всесильна сплетня. Книга, особенно серьезная, въ пренебреженіи. Бульварный романъ еще, пожалуй, интересуетъ. Я говорю о томъ, что было. Конечно, «тройка», о которой упоминаетъ Гоголь, мчится быстро, но едва ли настолько быстро, чтобы въ 15—16 лѣтъ жизнь сильно измѣнилась. Относительно картъ и книгъ она пошла даже назадъ. Теперь

---

[1]) Предыдущія главы воспоминаній А. В. Круглова, подъ заглавіемъ: «Накануне», «Первые шаги» и «О живыхъ и мертвыхъ»—напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1894 года.

въ карты играютъ съ увлеченіемъ юноши и молодыя дѣвицы. Ни одинъ изъ журъ-фиксовъ не обходится безъ картъ. Въ этомъ отношеніи писатели не уступаютъ обыкновеннымъ смертнымъ. Соберутся литераторы и скучаютъ, пока не раскроются ломберные столы. Какъ-то спрашиваю нашего талантливаго «вѣчнаго странника», Вас. Ив. Немировича-Данченка:

— Отчего вы не бываете на журъ-фиксахъ у NN?

— Чтò тамъ дѣлать? Въ карты я не играю... а тамъ все дѣло въ винтѣ.

Онъ былъ правъ. Вотъ вамъ и литературные журъ-фиксы!

Лѣтъ 15—20 тому назадъ, въ Вологдѣ, напримѣръ, молодежь много читала, брала на расхватъ серьезныя книги. Теперь молодежь предпочитаетъ пиво.

Неужели «тройка» повернула назадъ?

Однако, не буду «философствовать», обращаюсь къ фактамъ и продолжаю разсказъ.

Въ Тиму газету читали охотнѣе, чѣмъ книгу. Въ газетахъ искали сенсаціонное, даже прямо бьющее на скандалъ.

На другой же день моего пріѣзда въ Тимъ, старикъ-Спельтъ сказалъ мнѣ, подавая «Современныя Извѣстія»:

— Вотъ вамъ газетка... сегодня особенно интересна.

— Почему?—спросилъ я.

— N—иху пробрали. Отлично ее описали! Вообще забористо пишетъ онъ...

— Значитъ корреспонденція изъ Тима?

— Нѣтъ, фельетономъ пущено.

— Но сказано, что изъ тимской жизни?

— Нѣтъ, какъ можно!

— Почему же вы узнали, что это о вашемъ городѣ?

— Ясно. Всѣ факты, имена тѣ же самыя или слегка измѣнены. А обстановка, лица—какъ фотографія! Всѣ подробности семейной жизни.

— Тогда это—пасквиль!—сказалъ я.

— Ну... просто раскритиковалъ... Пробралъ!.. Интересно... И вѣрно... ужъ что вѣрно—могу поручиться... Всѣ знаютъ... Гласность, батюшка, не то, что прежде... Чтò не такъ—сейчасъ въ газету!

— Но это никому неинтересно.

— Что вы, какъ неинтересно!.. Вотъ была тоже статейка про нашу старушку одну: ей 65-ть лѣтъ, а она влюбилась въ 23-лѣтняго, на свиданіе ходила... умора! Ее описали... такъ газету-то съ руками рвали, номеровъ 25, а то и всю полсотню выписали!

— Это не задачи печати. Газета не сплетница. У корреспондента другія задачи.

— О чемъ же ему писать?—изумленно спросилъ тимецъ.

— О томъ, что̀ имѣетъ общественное значеніе. Напримѣръ, вопросы экономическіе...

— Э,—перебилъ Спельтъ:—это—скучно. Кто станетъ объ этомъ читать? Одинъ, было, началъ такъ-то, да никто не читалъ, и газета перестала печатать, что ей: никто не выписываетъ! А тутъ, глядишь, полсотенки и наберется номерковъ...

Вотъ гдѣ разгадка того, что большинство газетъ печатаетъ только «интересныя корреспонденціи», а письма, въ которыхъ поднимаются серьезные вопросы, не попадаютъ на газетныя страницы. Издатели стараются угодить читателямъ. Явился и новый читатель, которому всецѣло служатъ столичныя уличныя газетки, да и большія— въ провинціи. Для «приличія» онѣ имѣютъ также и серьезные отдѣлы, приглашаютъ въ сотрудники и писателей, но центромъ газеты является балаганъ, главными силами—тѣ забавники, которые исполняютъ въ газетѣ роль цирковыхъ клоуновъ... Раза два въ годъ напечатаютъ и письма о школахъ, о больницахъ, etc. Но сила вся въ корреспонденціяхъ, въ которыхъ описываются убійства, скандалы и пикантныя событія. Невольно вспоминаются слова А. М. Коробова: «работайте для общей цѣли, пропускайте тѣ явленія, которыя мелки. Работайте для общей идеи, поднимайте читателя, будите въ немъ душу. И тогда будетъ царство Христа на землѣ».

Голоса этихъ идеалистовъ смолкаютъ. Ихъ перекрикиваютъ голоса тѣхъ, которымъ надо собрать побольше пятаковъ, создать свое благополучіе хотя бы путемъ развращенія и нравственнаго растлѣнія читателя—для нихъ все равно... Не ужасно ли такое явленіе?

Изъ Тима я послалъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» небольшой эскизъ «Въ госпиталѣ» и стихотвореніе «Смерть героя»—въ «Русскій Міръ», издаваемый тогда г. Раппомъ. Стихи были мною написаны подъ впечатлѣніемъ одного сербскаго разсказа въ 1876 году и отданы въ «Пчелу». Но цензура, по своей склонности къ излишней подозрительности, не пропустила стихотворенія. Я послалъ въ «Будильникъ», гдѣ стихамъ также не пришлось увидать свѣта, благодаря красному карандашу. Наудачу я послалъ въ «Русскій Міръ», который издавался безъ предварительной цензуры и притомъ «дерзалъ». Стихи были напечатаны. Вотъ начало ихъ:

Какъ истинный герой—онъ встрѣтилъ приговоръ.
И твердой поступью онъ шелъ на мѣсто казни,
И ни лицо его, ни кроткій, свѣтлый взоръ
Не обнаружили ни муки, ни боязни.

Въ «Русскомъ Мірѣ» я помѣстилъ еще нѣсколько стихотвореній, библіографическихъ статей и отрывокъ изъ этнографическаго труда, который потомъ вышелъ отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Лѣсные люди» [1]).

[1]) «Лѣсные люди», очерки и впечатлѣнія. Спб., 1887 годъ, изд. Ѳедорова, цѣна 60 коп.

Съ «Русскимъ Міромъ» я началъ сношенія еще въ то время, когда имъ завѣдывалъ Ѳ. Н. Бергъ, оставившій тогда «Ниву», редакція которой перешла къ извѣстному романисту Дм. Ив. Стахѣеву. Однажды, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я зашелъ въ редакцію «Русскаго Міра» съ предложеніемъ посылать путевыя письма. Для объясненій со мной вышелъ А. Н. Молчановъ, получившій потомъ громкую популярность въ качествѣ корреспондента «Новаго Времени». Какую роль въ редакціи игралъ А. Н. Молчановъ—я не знаю. Онъ сказалъ мнѣ только, что «скоро уѣзжаетъ», и просилъ зайти для переговоровъ черезъ нѣсколько дней. Я уѣхалъ въ Курскую губернію, а когда вернулся—засталъ хозяиномъ газеты г. Раппа, ближайшимъ сотрудникомъ котораго и соредакторомъ по изданію состоялъ извѣстный теперь публицистъ г. Слонимскій. Тогда это былъ еще очень молодой человѣкъ, скромный, застѣнчивый, всегда любезный. Онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и я любилъ изрѣдка заходить въ редакцію перемолвиться словечкомъ. На С—омъ лежала почти вся главная работа по газетѣ. «Русскій Міръ» шелъ не бойко, терпѣлъ «извѣстное давленіе», денежныя дѣла газеты находились не въ блистательномъ положеніи. Въ редакціи «Русскаго Міра» я познакомился съ С. А. Венгеровымъ, писавшимъ въ газетѣ литературные фельетоны. Онъ тогда еще только-что выступилъ на литературное поприще, на которомъ занялъ теперь прочное и почетное положеніе.

Очеркъ «Въ госпиталѣ» былъ охотно принятъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями». Послѣ личнаго свиданія съ В. В. Комаровымъ, я получилъ отъ него предложеніе принять болѣе дѣятельное участіе въ газетѣ. Я охотно согласился. Я помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько статей, усердно работалъ по отдѣлу библіографіи, напечаталъ двѣ передовыя статьи («Къ вопросу о русскомъ сѣверѣ» и «Грамотность и просвѣщеніе») и написалъ очеркъ «Высшіе женскіе курсы», который былъ набранъ по приказанію Усова, завѣдывавшаго редакціей, но въ газету не попалъ, потому что г. Комаровъ нашелъ очеркъ неподходящимъ къ направленію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Помню, между нами возникъ споръ. Издатель былъ противъ «курсистокъ», основываясь на словахъ какого-то знакомаго человѣка, а я опирался на показанія извѣстнаго профессора и руководителя курсовъ Бестужева-Рюмина, къ которому нарочно ѣздилъ прежде, чѣмъ писать статью. Этотъ споръ уже нѣсколько охладилъ наши отношенія, а затѣмъ моя замѣтка, подчеркивающая отрицательныя стороны классическаго образованія, явилась причиной полнаго нашего разрыва. Замѣтка была напечатана въ отсутствіе Комарова, который придалъ ей «извѣстное значеніе», и мое сотрудничество въ газетѣ прекратилось. Все это произошло давно. Относясь къ дѣлу безпристрастно, я не могу считать себя вполнѣ пра-

вымъ. Съ моей стороны это было просто юношескимъ задоромъ, бравадой: возставать противъ классической системы—въ органѣ, такъ или иначе причастномъ къ министерству народнаго просвѣщенія. У молодости есть свои «грѣхи».

Впослѣдствіи этотъ «инцидентъ» былъ забытъ и между мной и В. В. Комаровымъ возстановились хорошія отношенія. Въ «Звѣздѣ», которую онъ издавалъ потомъ, я помѣстилъ нѣсколько стихотвореній.

Статью «Высшіе женскіе курсы» я снесъ (въ гранкахъ) въ «Новости», которыя тогда еще не были той большой газетой, какой стали впослѣдствіи. О. К. Нотовичъ изъявилъ полное согласіе на помѣщеніе статьи въ своемъ изданіи. Наши взгляды на предметъ вполнѣ сошлись. Здѣсь кстати замѣтить, что въ 1876 году я написалъ статью, въ которой проводилъ мысль о необходимости устроить пріютъ для больныхъ и престарѣлыхъ литераторовъ и высказывалъ желаніе, чтобы Литературный фондъ пріобрѣлъ домъ, въ которомъ писатели нанимали бы квартиры на удобныхъ условіяхъ. Я подробно развивалъ мысль, детально разработавъ свой проектъ. Эта статья редакціей «Новостей» была признана «неудобной» и самая мысль неподходящей. Я и теперь думаю, что правда на моей сторонѣ, и съ большимъ нетерпѣніемъ жду, какъ осуществится отчасти эта мысль въ устраиваемомъ пріютѣ отъ казны. А пора позаботиться самимъ литераторамъ о себѣ и позаботиться такъ, чтобы не было нищихъ-писателей, умирающихъ въ углахъ и даже на улицѣ. На спокойную старость имѣетъ право каждый труженикъ слова, честно работавшій долгіе годы на своемъ посту, а не только выдающіеся таланты и писатели съ «почетной извѣстностью», которымъ предполагается давать государственныя пенсіи. Подобное «распредѣленіе» дѣятелей слова должно породить не мало недоразумѣній, щекотливыхъ вопросовъ и, пожалуй, нарушить справедливость.

Помѣстивъ статью о женскихъ курсахъ, я началъ писать для «Новостей» очеркъ изъ учительскаго быта, но въ это время у меня завязались сношенія съ «Русской Рѣчью», и ей я посвятилъ всѣ мои силы, если не считать небольшого участія въ дѣтскихъ журналахъ. Къ «Новостямъ» я примкнулъ уже гораздо позже (1886 г.).

«Русская Рѣчь» играла большую роль въ моей литературной карьерѣ.

Въ этомъ журналѣ я серьезно дебютировалъ въ роли беллетриста, въ немъ помѣстилъ рядъ очерковъ и разсказовъ, обратившихъ на себя вниманіе критики, заслужившихъ одобреніе тѣхъ, мнѣнія которыхъ для меня всегда были дороги и особенно были цѣнны на первыхъ порахъ,—цѣнны, какъ ободряющая рѣчь учителя, какъ санкція моихъ трудовъ. Съ этого времени я преимущественно посвящаю себя беллетристикѣ, и съ этого же времени круто измѣ-

няется мое матеріальное положеніе. Я принужденъ попрежнему жить литературнымъ трудомъ, но почва становится тверже и трудъ даетъ обезпеченіе. Несмотря на всѣ случайности и колебанія, которыхъ не чужда жизнь всякаго писателя, не имѣющаго «наслѣдственнаго», хорошаго служебнаго мѣста, или «ворожащей бабушки»—все-таки ужасы прежней жизни навсегда (я не загадываю о будущемъ) отходятъ въ область преданія. Всѣмъ этимъ я обязанъ «Русской Рѣчи», отношенію ко мнѣ ея редакціи. Но прежде чѣмъ говорить о моемъ сотрудничествѣ въ этомъ журналѣ (насколько это возможно), я хочу познакомить читателя съ крестьяниномъ-поэтомъ, Спиридономъ Дмитріевичемъ Дрожжинымъ, съ которымъ я сошелся ближе именно въ концѣ 1878 года.

Стихотворенія Дрожжина вышли уже вторымъ изданіемъ. Разумѣется, Дрожжинъ не Кольцовъ и не Никитинъ, даже и не Суриковъ, но надо взять во вниманіе и то, что Дрожжинъ почти всю жизнь находился въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, мѣшавшихъ развитію его таланта. Такихъ условій не было ни у кого изъ названныхъ поэтовъ. Только просвѣты и давали возможность Дрожжину отдѣлывать сколько нибудь свои стихи, непосредственно выливавшіяся изъ наболѣвшей души въ минуты горя и въ тяжелые годы жизни. Надо помнить еще и то время, когда выступилъ, напримѣръ, Никитинъ. То было время горячее, эпоха пробужденія, особеннаго интереса «мужичкомъ». Теперь не то. Конечно, Никитинъ былъ и образованнѣе, и талантливѣе на цѣлую голову не только Дрожжина, но и Сурикова. Зато у Никитина было и счастливое преимущество: говорить впервые о томъ, о чемъ снова пришлось повторять хотя бы тому же Сурикову. Можетъ быть, поэзія Дрожжина и не достаточно ярка, но она вся проникнута искренностью («въ стихахъ, какъ въ началѣ своихъ опытовъ, такъ и послѣ, я не могъ насиловать своего чувства»,—пишетъ въ дневникѣ Дрожжинъ), теплотой, правдой и любовью къ брату. Въ ней нѣтъ той дѣланности, которою отличаются стихи многихъ поэтовъ, и положеніемъ и душой далекихъ деревнѣ, но находящихъ нужнымъ писать о ней. Дрожжину деревня дѣйствительно близка и родна. Наконецъ, самая жизнь самоучки-поэта очень интересна во многихъ отношеніяхъ; вотъ почему я хочу коснуться ея, пользуясь и записками самого поэта.

С. Д. Дрожжинъ родился 6-го декабря 1848 года, въ деревнѣ Низовкѣ, Тверской губерніи (и уѣзда). Дѣдъ поэта былъ временно-обязанный крестьянинъ Г. М. Безобразова. Отецъ поэта, человѣкъ грамотный, проявлялъ способность къ рисованію, но, конечно, эта способность была заглушена жизнью. Онъ служилъ то лакеемъ, то кучеромъ, то извозчикомъ. Будущій поэтъ росъ безъ отца, на рукахъ матери, дѣда и бабушки, которымъ и обязанъ своимъ воспитаніемъ. Семья очень нуждалась. Отецъ, жившій на чужой сторонѣ, ничего не помогалъ. «Помнится,—разсказываетъ Дрожжинъ,—

разъ передъ Рождествомъ бабушка замѣсила и поставила послѣднюю квашонку; продать или заложить было нечего». Дошло до того даже, что старый дѣдъ пошелъ сбирать по міру и милостыней жили всю зиму.

У мальчика рано пробудилась любовь къ грамотѣ, но только десяти лѣтъ попалъ онъ въ ученіе къ дьячку. Ученіе продолжалось не долго. На двѣнадцатомъ году Дрожжинъ былъ увезенъ въ Петербургъ двоюроднымъ дядей и опредѣленъ «въ мальчики», при черной половинѣ одного трактира. На обязанности мальчика лежало прислуживать мастеровымъ и ломовымъ извозчикамъ, постояннымъ посѣтителямъ заведенія. «Я долженъ былъ угождать пьянымъ половымъ гостиницы,—разсказываетъ Дрожжинъ:—выслушивать ихъ брань, выносить тяжелые побои и быть на ногахъ отъ 4 час. утра до 12-ти ночи, послѣ 12-ти мыть полы, слѣдовательно спать не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки».

Мальчикъ получалъ на «чай» и эти деньги шли на покупку книгъ и разрозненныхъ №№ журналовъ. За чтеніе Дрожжину сильно доставалось. Буфетчикъ такъ билъ его, что голова пухла. Но скоро буфетчикъ смилостивился. Ему понравился голосъ Дрожжина и онъ заставлялъ мальчика пѣть пѣсни. Пѣніе смягчало буфетчика, звѣря превращая въ человѣка.

Изъ гостиницы, послѣ 19-го февраля 1861 года Дрожжинъ поступаетъ въ табачную лавку; служа здѣсь, онъ посѣщаетъ театръ, покупаетъ книги.

Въ 1865 году, начитавшись «Искры», Дрожжинъ пробуетъ самъ написать что нибудь. Первое его стихотвореніе заканчивалось слѣдующими строчками:

Локомотивъ вдругъ застучалъ
И въ Петербургъ меня умчалъ.
И вотъ теперь ужъ пятый годъ
Я милыхъ сердцу не видалъ.

Побывавъ на родинѣ, Дрожжинъ поступаетъ на службу въ торговый домъ Габай и Мичри, продолжая всѣ деньги, остающіяся отъ удовлетворенія первыхъ нуждъ, тратить на книги. Онъ пріобрѣтаетъ Кольцова, Никитина, Шевченка и др. Съ 1867 года онъ ведетъ дневникъ, который мѣстами очень любопытенъ. Его значеніе въ томъ, что онъ писался не для печати. Самый тонъ—наивный и простодушный—подкупаетъ васъ.

Дальнѣйшая судьба Дрожжина—полна превратностей. То онъ служитъ и кое-какъ обезпеченъ, то остается безъ мѣста, голодный бродитъ по улицѣ и ночуетъ на гранитныхъ спускахъ набережной Большой Невы, на Адмиралтейскомъ бульварѣ и въ Александровскомъ паркѣ. Такой вопіющей нужды не приходилось испытывать ни Кольцову, ни Никитину, ни Сурикову. Ночуя на улицѣ, юноша

дни, впроголодь, проводить въ Публичной библіотекѣ, читая Добролюбова. На это способна только здоровая молодость!

Въ 1870 году Дрожжинъ рѣшается послать нѣсколько стихотвореній въ редакцію «Иллюстрированной Газеты». Ея редакторъ, почтенный писатель, самъ поэтъ и человѣкъ съ отзывчивой душой—Влад. Рафаиловичъ Зотовъ, пишетъ юному поэту слѣдующее: «стихи слабы, невыдержаны и не отдѣланы и потому не могутъ быть напечатаны; но авторъ можетъ писать и впослѣдствіи печатать, если будетъ избѣгать избитыхъ сюжетовъ и общихъ мѣстъ, а—главное—будетъ строгъ къ себѣ и будетъ тщательно отдѣлывать стихи».

Жизнь не улыбается Дрожжину. Онъ живетъ въ углу, въ самой ужасной обстановкѣ, продолжая читать и писать... Судьба снова опредѣляетъ его въ трактирные служителя. Потомъ онъ ѣдетъ домой, попадаетъ въ Москву, служитъ одно время лакеемъ у помѣщика И. К. В., оставляетъ мѣсто, снова попадаетъ въ Москву, гдѣ чуть не женится, и—дебютируетъ въ «Грамотеѣ» стихотвореніемъ «Пѣсня про горе добра-молодца». Но нужда бьетъ, и Дрожжинъ снова на службѣ лакеемъ. Однако, не выноситъ ее и бѣжитъ въ Петербургъ, откуда съ какимъ-то армяниномъ отправляется въ качествѣ его приказчика въ Ташкентъ. Тамъ не везетъ ему. Не безъ труда добирается онъ до родины и въ 1875 году женится на крестьянской дѣвушкѣ Маріи Чуркиной. Въ слѣдующемъ году онъ поступаетъ въ школу молочнаго хозяйства Н. В. Верещагина. Поэтъ съ добрымъ чувствомъ вспоминаетъ это время. Въ школѣ онъ главнымъ образомъ занимался изученіемъ скотоводства, сыроваренія и жилъ въ отведенной ученикамъ комнатѣ. «Въ свободные часы изъ библіотеки Верещагина я бралъ книги, набрасывалъ стихи,—сообщаетъ поэтъ въ запискахъ.—Верещагинъ, узнавъ о моемъ авторствѣ, приглашалъ меня къ себѣ въ домъ и знакомилъ съ гостями». Здѣсь Дрожжинъ познакомился съ писателемъ изъ народа С. Я. Деруновымъ, который не мало потрудился и въ качествѣ земскаго дѣятеля.

Дѣла Верещагина пошли плохо, и ученики были распущены. Дрожжинъ отправился въ Петербургъ, гдѣ опять поступилъ на службу въ табачный магазинъ, а жена поэта опредѣлилась къ хозяину въ прислуги. Въ дневникѣ отъ 5-го августа поэтъ пишетъ: «Когда-то я читалъ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова, и теперь читаю ихъ въ собраніи сочиненій. Какая страшная правда! Рѣшетниковъ вполнѣ и истинно-народный писатель! Мнѣ кажется, его книга въ будущемъ прочтется каждымъ грамотнымъ крестьяниномъ.—7-го августа. Какъ хорошо бы намъ жилось, если бы изъ насъ сильные не обижали слабыхъ. «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліе исповѣмы»,—что̀ значитъ: братья и сестры, безъ различія религіи и народности, соединимся въ одну семью и будемъ жить, какъ одинъ человѣкъ. Вотъ гдѣ предѣлъ человѣческому стре-

мленію къ счастію на землѣ». 29-го декабря онъ описываетъ смерть Некрасова, котораго поэтъ нашъ всегда любилъ. Здѣсь кстати будетъ привести разсказъ о Некрасовѣ одного крестьянина, который часто ходилъ на охоту съ авторомъ «Коробейниковъ». За этотъ разсказъ, имѣющій значеніе для характеристики Некрасова (на котораго нападали очень много, выставляя его лицемѣрную любовь къ народу и сердечную сухость), конечно, отвѣтственность всецѣло лежитъ на Дрожжинѣ. Вотъ что̀ передаетъ онъ.

— «Мы отправились на охоту съ Макарычемъ. Долго мы шли молча, а потомъ разговорились объ охотѣ въ новгородскихъ лѣсахъ и объ охотникахъ въ особенности. Макарычъ сильно воодушевился и, перебравъ въ памяти, махая одностволкой, множество знакомыхъ охотниковъ, вдругъ громче обыкновеннаго проговорилъ:

— А никогда не было лучше и веселѣй охоты, какъ съ покойнымъ нашимъ батюшкой—царство ему небесное!—Николай Алексѣичемъ Некрасовымъ!

— Ты развѣ его зналъ?

— Еще бы, моего благодѣтеля-то, Николая-то Алексѣича, да не знать,—Господи Іисусе! Братъ мой, Иваномъ звали, тоже теперь покойникъ, служилъ у него камердинеромъ, а я егеремъ много разъ сопровождалъ его на охоту. Собакъ этто у него было разныхъ—сколько! Собаки все ученыя, одна другой лучше.

— Какъ же ты это мнѣ, Макарычъ, раньше не говорилъ, что зналъ Некрасова?

— Поди-жъ ты, никогда вѣдь не приходило мнѣ, старому дураку, объ этомъ и въ голову-то, а вотъ пришлось теперь къ слову и вспомнилъ.

— Разскажи же мнѣ, что̀ знаешь о Некрасовѣ,—упрашивалъ я, чрезвычайно заинтересованный знакомствомъ съ нимъ Макарыча.

Мы вошли въ березовый лѣсъ, который стоялъ неподвижно, весь пронизанный золотыми лучами полуденнаго солнца. Макарычъ, точно боясь нарушить его спокойствіе, откашлялся нѣсколько разъ въ ладонь и началъ:

— Я сопровождалъ на охоту Николая Алексѣича большею частью въ Тихвинскомъ уѣздѣ, въ зимнюю пору, и жилъ обыкновенно въ своей деревнѣ, а когда онъ, бывало, собирался на эту самую охоту, то всегда за нѣсколько дней до своего пріѣзда изъ Питера писалъ мнѣ, чтобъ я встрѣтилъ его въ такой-то день на станціи и приготовилъ лошадей. Эти записки я и теперь храню дома въ шкатулкѣ на память. Подписывался онъ подъ ними всегда неполной фамиліей, а только двумя буквами: Н. Н.

Братъ мой, Иванъ, постоянно находился у него при имѣніи въ Ярославской губерніи, и баринъ въ немъ, какъ и во мнѣ, души не чаялъ. Разъ у Ивана, когда Некрасовъ жилъ въ Петербургѣ, рублей на 800 украли господскихъ вещей.

Пріѣзжаетъ баринъ, видитъ по лицу брата, что нибудь у него да не ладно, и спрашиваетъ:

— Что съ тобой, Иванъ?

Иванъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Некрасовъ на это только улыбнулся да и говоритъ:

— Есть о чемъ тревожиться, а я думалъ и Богъ вѣсть что̀ случилось. Ну, Иванъ, воръ, который укралъ, навѣрное не разбогатѣетъ, а я теперь въ состояніи пріобрѣсти украденныя вещи.

Какъ сейчасъ вижу его, покойника! На охоту онъ всегда одѣвался въ тулупъ на волчьемъ мѣху и въ такую, какъ у васъ на портретѣ при его сочиненіяхъ, большую шапку, и опоясывался шелковымъ кушакомъ. Вотъ разъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими господами, прибывшими съ нимъ, поѣхали на охоту; мы съ бариномъ ѣдемъ впереди всѣхъ; дорога ухабистая-разухабистая; онъ лежалъ въ саняхъ, растянувшись,—должно быть, хотѣлъ отдохнуть. Я, то и знай, кричалъ при каждомъ ухабѣ на ямщика, чтобы ѣхалъ поосторожнѣй и не свалилъ барина какъ нибудь въ канаву или сугробъ; ямщикъ, нечего сказать, слушался и придерживалъ тройку. Когда мы благополучно возвратились съ охоты, баринъ, сверхъ положеннаго, далъ еще ямщику 2 рубля на чай.

— А это тебѣ, Макаровъ, за то, что ты всю дорогу спасалъ мою жизнь, — проговорилъ онъ, подавая мнѣ три синенькихъ. — Вотъ какой былъ доброй души покойникъ, — въ заключеніе промолвилъ Макарычъ вздыхая и, немного погодя, продолжалъ:—заѣхали мы какъ-то съ нимъ по пути въ деревню «Забище» пообогрѣться. Вошелъ онъ въ избу одного крестьянина и увидѣлъ въ ней эту бѣдность-то крестьянскую, не покрытую. Ребятишекъ полная изба и малъ-мала меньше, такіе всѣ худенькіе да оборванные, ужасть! а мужикъ, отецъ этихъ ребятишекъ-то, сидитъ въ переднемъ углу, да лапоть ковыряетъ. Баринъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, да и спрашиваетъ:

— А что, отецъ, плохо, видно, живется съ дѣтишками-то?

— Плохо, родимый, ужъ такъ-то плохо, что не приведи Царица Небесная.

— А гдѣ же у тебя хозяйка-то?

— Да сбирать пошла,—отвѣтилъ мужикъ.

Посмотрѣлъ опять онъ на мужика и прослезился... постоялъ такъ-то съ минуту, досталъ изъ бумажника десять рублей, подалъ ихъ торопливо мужику, бросился вонъ изъ избы, и мы поѣхали дальше.

Помнится также, пришлось дѣлать для него облаву на медвѣдя. Собралъ я для этого мужиковъ и ребятишекъ.

— Что, Макаровъ,—спрашиваетъ баринъ,—людей нанялъ?

— Нанялъ,—говорю,—Николай Алексѣичъ!

— За сколько?

— Да мужикамъ-то по 45, а ребятишкамъ по 25 копѣекъ, — отвѣтилъ я.

— Ладно,—промолвилъ онъ и сталъ собираться въ дорогу.

Пріѣхали мы на охоту и вдругъ мужиковъ и ребятишекъ по моему счету оказалось больше, чѣмъ слѣдуетъ. Что̀ дѣлать? сталъ я браниться и отгонять лишнихъ-то; баринъ услыхалъ это, подошелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Для чего ты, Макаровъ, гонишь ихъ?

— Да тутъ, Николай Алексѣичъ, — говорю,— оказалось много лишнихъ, которыхъ я не нанималъ.

— Ну, что̀-жъ дѣлать, Макаровъ,—говоритъ онъ,—пусть остаются: и лишніе тоже хотятъ ѣсть хлѣбъ, не даромъ же сюда пришли. Не гони ты ихъ, ради Бога!

Такъ всѣхъ и оставилъ, добрая душа.

Охота на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше. Медвѣдя баринъ убилъ, и онъ всѣхъ круглымъ счетомъ разсчиталъ по 50 копѣекъ, а мужикамъ, сверхъ того, далъ еще и на водку. А какъ его покойника любили ребятишки! Куда бы онъ ни пріѣзжалъ, вся какъ есть эта мелюзга-то, такъ, бывало, и вывалитъ къ нему навстрѣчу, и всегда ждутъ его, точно свѣтлаго праздника. Любилъ онъ ихъ очень, ну, и льнули къ нему...

Пріѣхали мы тоже какъ-то въ одну деревушку, морозъ былъ страшный, а нужно было сдѣлать облаву. Баринъ по случаю сильнаго мороза запретилъ мнѣ брать ребятишекъ, и когда я набралъ только взрослыхъ, то нѣкоторые ребятишки подняли ревъ.

— Что это они, Макаровъ, плачутъ? — спрашиваетъ Николай Алексѣичъ.

— На охоту,—говорю,—вяжутся!

— Вотъ глупые!

Проговоривъ это, онъ подозвалъ ребятишекъ къ себѣ и далъ имъ на гостинцы...

— Да что тутъ говорить,—сказалъ, вздыхая, Макарычъ:—такихъ господъ, какъ Николай Алексѣичъ, нынче нѣтъ, да, пожалуй, и не будетъ».—

Въ 1878 году одинъ изъ маленькихъ литераторовъ случайно познакомился съ Дрожжинымъ и сейчасъ же оповѣстилъ своихъ знакомыхъ, что онъ нашелъ, «открылъ» новаго Кольцова. Кружокъ писателей, художниковъ и людей разныхъ интеллигентныхъ профессій, собиравшійся въ квартирѣ С. П. Глазенапа, встрѣтилъ поэта очень привѣтливо и оказалъ поддержку. Благодаря А. А. Ольхину и другимъ, стихи Дрожжина появляются въ «Дѣлѣ» и «Словѣ». Но судьба попрежнему не балуетъ поэта. Онъ уѣзжаетъ въ деревню, потомъ служитъ въ библіотекѣ Морева, снова пашетъ землю, опять возвращается въ городъ, поступаетъ приказчикомъ въ книжный магазинъ, въ Москву, а затѣмъ въ книжный же магазинъ, въ Харьковъ.

Теперь Дрожжину подъ пятьдесятъ лѣтъ. Это простой, душевный человѣкъ. Онъ живетъ бѣдно, но, какъ русскій человѣкъ, и въ горѣ— поетъ пѣсни. Когда-то у Дрожжина былъ чудный голосъ. Я гостилъ у него какъ-то на Вишерѣ, гдѣ онъ служилъ одно время. Цѣлый вечеръ онъ, его жена и своячиница—пѣли русскія пѣсни, и какъ пѣли! То плакать хотѣлось, то въ жаръ бросало отъ удалой пѣсни!

Недавно мнѣ удалось добыть у поэта его добавленія къ запискамъ, въ которыхъ онъ безпритязательно, съ простотой и наивностью лѣтописца, повѣствуетъ о своей жизни. Приведу изъ нихъ два-три характерные эпизода.

Поэтъ только-что вернулся въ деревню.

— «Ночь была темная (разсказываю текстуально словами Дрожжина) и такая морозная, что рамы въ избѣ насквозь заиндивѣли. Я спалъ съ женой и дѣтьми при входѣ въ избу, у лежанки. Мой письменный столикъ былъ снятъ изъ холоднаго мезонина и поставленъ за перегородкой, рядомъ съ книжнымъ шкапомъ. Вдругъ послышался стукъ въ окно; всѣ проснулись, не исключая и моей шестилѣтней дочери Даши. Что за оказія, думаю себѣ, не пожаръ ли? Отецъ слѣзъ съ печки, подошелъ къ окну, спрашиваетъ: «кто тамъ?»—«Староста! Отопри!». Минуту спустя двери въ избу отворились, обдало холодомъ, раздался лязгъ чего-то металлическаго, и задвигались люди. Кто-то строго проговорилъ: «ты, сотскій, стой тутъ и никого не выпускай». Я лежалъ и смотрѣлъ. Что-то будетъ дальше. А дальше было вотъ что̀: всѣ вошедшіе, въ сопровожденіи отца, прошли въ переднюю, которая вскорѣ освѣтилась. Къ моей кровати приблизилась испуганная мать. Наклонившись къ моему уху, она прошептала: «Спирюшка, вѣдь это къ тебѣ изъ Твери полиція-то пріѣхала зачѣмъ-то!» Не зная за собою вины, я сталъ успокаивать мать и потомъ жену, которыя сильно волновались. Между тѣмъ, за перегородкой допрашивали отца: велика ли у него семья, да гдѣ сыновья находятся. Наконецъ, дошла очередь и до меня. Вызвали въ переднюю. Я живо надѣлъ валенки, окутался въ шубу и вышелъ, отдавъ всѣмъ общій поклонъ. «Что вамъ угодно?»—«А вотъ, видите ли, по предписанію тверского жандармскаго управленія, — сказалъ жандармскій офицеръ, — я присланъ сдѣлать въ домѣ осмотръ вашихъ книгъ и бумагъ, какія только здѣсь имѣются». Я тотчасъ же открылъ свой книжный шкапъ, а унтеръ-офицеръ началъ вытаскивать изъ него книги и бумаги и раскладывать на столѣ.—«Что это такое у васъ?»—спросили вдругъ меня, указывая на четверостишіе въ рукописи:

И всякой с... перчатку
Въ лицо охотно онъ бросалъ,
Любилъ родную правду-матку
И за нее горой стоялъ.

Взглянувъ, я отвѣтилъ, что это черновой набросокъ одного неоконченнаго мною разсказа. Это было единственное мѣсто въ моихъ рукописяхъ, остановившее на себѣ вниманіе жандарма. Уѣзжая отъ меня, офицеръ и урядникъ извинились за причиненное безпокойство, но все-таки взяли съ меня слово не отлучаться изъ Низовки впредь до особаго распоряженія высшаго начальства. Для этой же цѣли меня экстренно вызывали черезъ нѣсколько дней къ приставу въ становую квартиру, находившуюся отъ Низовки въ 35-ти-верстномъ разстояніи. Морозъ былъ свыше 20-ти градусовъ и къ вечеру поднялась вьюга. Я запрягъ въ розвальни свою лошадь и отправился съ нарочнымъ. Въ темнотѣ мы часто сбивались съ заметенной снѣгомъ дороги. Лошадь по брюхо увязала въ сугробахъ. Наконецъ, кое-какъ къ полуночи добрались мы до становой квартиры. Вышелъ становой и вручилъ мнѣ для подписи бумагу, которой обязывали меня не отлучаться изъ Низовки впредь до распоряженія высшаго начальства. И это все. Затѣмъ я вернулся домой. Причину испытанныхъ непріятностей я объяснилъ себѣ тѣмъ, что отецъ, въ брани, нерѣдко обзывалъ меня «сицылистомъ». Слово это проникло и къ намъ въ деревню. Затѣмъ еще одно обстоятельство: года два тому назадъ наша сосѣдка просила меня взять съ собою въ Петербургъ и устроить тамъ ея тринадцатилѣтняго сына Ѳедю. Я исполнилъ ея желаніе и помѣстилъ мальчика въ одинъ табачный магазинъ. На этомъ мѣстѣ Ѳедя оставался около года, послѣ чего самъ перешелъ на другое, съ котораго его, однако, вскорѣ прогнали. Онъ долго гдѣ-то блыкался и пересталъ писать въ деревню. Я тоже потерялъ его изъ виду. Мать Ѳеди встревожилась. Одна глупая кумушка увѣрила ее, что я продалъ Ѳедю за границу «сицылистамъ»,—потому-де онъ самъ тоже «сицылистъ». На этомъ основаніи, когда я вернулся въ Низовку, сосѣдка приступила ко мнѣ съ требованіемъ возвратить ей сына, или же указать, по крайней мѣрѣ, куда я его продалъ. Чтò могъ я отвѣтить ей на это? Я только пожималъ плечами, да посовѣтовалъ ей обратиться къ петербургскому градоначальнику съ прошеніемъ о розыскѣ ея сына. Между тѣмъ, Ѳедя, вдоволь нашатавшись въ Петербургѣ, вернулся, наконецъ, пѣшкомъ въ родную деревню. Такъ окончилась тогда эта непріятная для меня исторія».—

Не менѣе характеренъ разсказъ поэта о поѣздкѣ въ Москву, по вызову генералъ-губернатора, князя Владиміра Андреевича Долгорукаго.

— «Въ 1887 году,—говоритъ Дрожжинъ,—я нуждался и искалъ себѣ мѣста. М. И. Семевскій по этому поводу писалъ обо мнѣ московскому генералъ-губернатору, князю В. А. Долгорукову. Вскорѣ получена была мною черезъ канцелярію тверского губернатора бумага о вызовѣ меня въ Москву. Я занялъ у священника денегъ и отправился въ путь. Прибывъ въ Москву, остановился въ го-

стиницѣ. На другой день, въ 10 часовъ утра, явился въ канцелярію губернатора. Здѣсь мнѣ сказали, чтобы я пошелъ черезъ главный подъѣздъ губернаторскаго дома. Отправляюсь, прохожу мимо часовыхъ съ ружьями. Дверь помогаетъ мнѣ отворить швейцаръ въ красной ливреѣ. — «Что вамъ угодно?» — спрашиваетъ меня. Я говорю, что мнѣ нужно видѣть его сіятельство. — «Зачѣмъ?» — «По вызову». — «Его сіятельство сегодня больше не принимаетъ», — и швейцаръ выразительно взялся за ручку двери. Нечего было дѣлать, пришлось уйти и снова вернуться въ канцелярію, гдѣ я и сообщилъ о своей неудачѣ чиновнику. Этотъ направилъ меня къ другому, старшему. Тотъ сказалъ, что дѣйствительно обо мнѣ есть въ канцеляріи приказаніе князя, по которому я долженъ явиться къ послѣднему. Чиновникъ далъ мнѣ сторожа, который повелъ меня другимъ ходомъ, но мы вышли опять въ тотъ же главный подъѣздъ съ краснымъ швейцаромъ. Не обращая вниманія на послѣдняго, я сбросилъ съ себя шубу и сѣлъ на дубовую скамью въ ожиданіи вызова. Мимо меня то-и-дѣло проходили генералы и офицеры. Наконецъ, обо мнѣ доложили. Съ лѣстницы спустился адъютантъ князя. Онъ сталъ разспрашивать: какъ, зачѣмъ и для чего нужно мнѣ видѣть князя. Я коротко отвѣтилъ опять, что явился по вызову. Тогда адъютантъ сказалъ тоже, что раньше и швейцаръ, то-есть, что пріемъ оконченъ, и просилъ прійти завтра. Дѣлать было нечего. Я вздохнулъ, накинулъ на себя шубу и снова отправился въ канцелярію, помѣщавшуюся за угломъ губернаторскаго дома. Чиновникъ опять направилъ меня къ старшему. Этотъ написалъ записку, далъ ее находившемуся тутъ же околоточному и сказалъ: «Проведите, пожалуйста, г. Дрожжина прямо къ его сіятельству, и сами доложите о его пріѣздѣ». Околоточный взялъ записку и повелъ меня опять черезъ черный ходъ. Въ третій разъ очутился я на парадной лѣстницѣ. Сбросилъ съ себя шубу и положилъ ее на ту же деревянную скамью. Но теперь мы, съ околоточнымъ, прямо поднялись во второй этажъ. Двери распахнули передъ нами два гайдука, одѣтые въ короткія красныя ливреи и сѣрыя гамаши. Мы очутились въ роскошномъ залѣ. Я остановился близъ дверей. Черезъ залъ въ это время тихо проходилъ самъ князь, съ опущенной внизъ головой. Одѣтъ онъ былъ въ простой синій сюртукъ съ аксельбантами и крестомъ на шеѣ. Околоточный, вытянувшись, громко доложилъ обо мнѣ. Князь обернулся и поманилъ меня рукою къ себѣ. Я приблизился и раскланялся. Онъ повелъ меня въ кабинетъ.

— Мнѣ писалъ о васъ М. И. Семевскій. Вы—крестьянинъ, пишите стихи и очень нуждаетесь?—сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ утвердительно. Въ это время мы вошли въ кабинетъ. Князь указалъ мнѣ на кресло и сѣлъ самъ. Но я не воспользовался его предложеніемъ и продолжалъ разговаривать стоя,

опираясь лишь рукою на спинку кресла. Князь освѣдомился: велика ли у меня семья, что̀ я дѣлаю въ деревнѣ и т. п., и, наконецъ, пожелалъ узнать о томъ, какое бы я хотѣлъ получить мѣсто. Я отвѣтилъ. Князь сказалъ, что въ настоящее время онъ ничего не можетъ сдѣлать для меня, но что будетъ имѣть въ виду. Тогда я сказалъ о занятыхъ мною на дорогу деньгахъ. Князь хотѣлъ выдать мнѣ безплатный билетъ до Твери, но потомъ, какъ бы сообразивъ что̀, прибавилъ: «Впрочемъ, я прикажу моему кассиру выдать вамъ на дорогу 5 рублей, которые вы и получите изъ кассы въ канцеляріи». Онъ взялъ со стола листокъ бумаги, набросалъ на немъ синимъ карандашемъ нѣсколько словъ и отдалъ его вошедшему человѣку въ красной ливреѣ.

Аудіенція была кончена и я ушелъ. Въ канцеляріи меня ввели въ небольшую комнату съ желѣзнымъ шкапомъ за деревянной рѣшеткой. Кассиръ подалъ мнѣ для подписи листочекъ князя, гдѣ значилось: «Выдать г. Дрожжину 10 рублей». Такимъ образомъ я получилъ отъ князя двойную проѣздную плату. И послѣ всѣхъ испытанныхъ въ это утро мытарствъ, я, успокоенный и довольный, отправился въ обратный путь».—

Эти строки очень ярко свидѣтельствуютъ о добродушіи поэта-крестьянина, на которомъ я остановился такъ долго потому, что изъ живущихъ самоучекъ-поэтовъ онъ самый выдающійся, и его біографія наводитъ невольно на многія размышленія. Въ самомъ дѣлѣ: его пѣсни распѣваются въ деревняхъ Тверской губерніи, окрестные крестьяне говорятъ о немъ съ почтеніемъ и гордостью, его стихи печатаются въ разныхъ журналахъ, а онъ не можетъ выбиться изъ нужды, жилъ въ Москвѣ чуть не въ подвалѣ, не можетъ вернуться на родину и обзавестись хозяйствомъ. Кажется, не стыдно было бы Фонду помочь; или его ошибку исправитъ новая комиссія, отъ которой зависитъ поддержка писателей изъ суммъ, ассигнованныхъ на нужды литераторовъ. Это было бы очень хорошо, потому что не за прилавкомъ мѣсто крестьянину-поэту, ему слѣдуетъ работать въ деревнѣ.

Перехожу къ «Русской Рѣчи».

Объявленіе объ изданіи ея я прочелъ, живя въ Тиму. Но только послѣ выхода первой книжки я отправился въ редакцію. Попавъ не въ редакціонный день, я получилъ короткій отвѣтъ отъ лакея, который отперъ дверь: «сегодня пріема нѣтъ». Я передалъ мою карточку и сталъ спускаться съ лѣстницы. Вдругъ слышу голосъ:

— Вернитесь... баринъ проситъ васъ!

Возвращаюсь. Редакторъ встрѣтилъ меня очень любезно, извинился, что спѣшитъ, и потому не можетъ удѣлить много времени. Я передалъ стихотвореніе, которое сейчасъ же имъ было прочтено и принято.

— Но вы пишете и прозу?

— Да... Я началъ одинъ разсказъ.

— Когда кончите, принесите мнѣ.

Этотъ разсказъ и былъ «Бездипломный учитель», который встрѣтилъ одобреніе корифея русской литературы. Разсказъ появился въ № 3 «Русской Рѣчи». Въ майской книжкѣ былъ напечатанъ другой, въ іюнѣ—третій и четвертый, и я становлюсь постояннымъ сотрудникомъ журнала. Мои очерки нравятся публикѣ, заслуживаютъ одобреніе критики. Это пробудило у меня вѣру въ себя, и я съ жаромъ отдался работѣ. Писать мнѣ приходилось по ночамъ. Я жилъ въ меблированной комнатѣ, недорогой и недурно обставленной. Но хозяйка вела открытую жизнь; днемъ—гости, шумъ. Въ квартирѣ воцарялась тишина около 12-ти часовъ, а нерѣдко только около часу ночи. Я садился за работу и писалъ до утра. Это вредно отозвалось на моемъ здоровьѣ, и на лѣто я рѣшился ѣхать на дачу. Мои знакомые взяли дачи въ Знаменкѣ, близъ Петергофа, а я нанялъ двѣ комнаты близъ Стрѣльны, въ нѣмецкой колоніи. Въ этой же колоніи поселились: Н. П. Столпянскій, поэтъ Головинъ (переводчикъ шведскихъ и финляндскихъ поэтовъ), Головинъ (Н. А.), управляющій типографіи Котомина, художникъ Маттэ, а въ сосѣдней колоніи—извѣстная писательница М. К. Цебрикова. Въ Стрѣльнѣ же въ это время жилъ Сухонинъ-Шардинъ, авторъ романовъ «Родъ князей Зацѣпиныхъ» и др. Между Петергофомъ и Стрѣльной жила переводчица А. Г. Сахарова. Подъ Ораніенбаумомъ поселились: С. М. Лобода-Крапивина, В. Н. Жукъ, авторъ книги «Мать и дитя», и В. Д. Сиповскій, редакторъ «Женскаго Образованія.

Это было первое лѣто, проведенное мною на дачѣ. Я съ удовольствіемъ вспоминаю о немъ. Несмотря на то, что приходилось не мало работать, я все-таки отдохнулъ и освѣжился. Нервы поуспокоились. Я много гулялъ въ лѣсу, въ полѣ, одинъ или съ Н. П. Столпянскимъ и Головинымъ. Вечернія бесѣды, за самоваромъ въ саду, съ симпатичнымъ поэтомъ и съ душевнымъ Н. П. Столпянскимъ, бодрили меня и доставляли большое наслажденіе. Пріѣзжали знакомые изъ Петербурга, я посѣщалъ ихъ и жившихъ въ окрестностяхъ на дачахъ по Балтійской дорогѣ.

Случалось, что я пѣшкомъ дѣлалъ по десяти и пятнадцати верстъ. Иногда кое-кто собирался у меня, и мы, въ видѣ развлеченія, устраивали игры въ серсо, въ лапту, въ городки. Это было отдыхомъ отъ работъ, отъ чтенія, отъ горячихъ споровъ. Ахъ, хороша молодость! Благодатная весна жизни, когда еще столько надеждъ впереди, столько силъ чувствуется! Это вѣрно, что надо веселье имѣть внутри себя—и будетъ весело. Все веселитъ, все вѣетъ радостью, когда молодость съ тобою и радость въ сердцѣ. Какъ-то недавно я встрѣтилъ доктора N, который теперь пользуется извѣстностью и богатъ.

— Хорошо живется?—спрашиваю его.

— Да... А знаете: гораздо лучше жилось тогда... во время студенчества. Жилъ я въ коморкѣ, а чувствовалось отлично. Теперь я ѣмъ роскошныя кушанья, а, право, они меня меньше удовлетворяютъ, чѣмъ тогда двадцатипяти-копеечные обѣды. Роскошная квартира, карета своя... а не весело!.. Вотъ тутъ-то не то,—заключилъ докторъ, указывая на сердце.

И онъ оживился, помолодѣлъ, когда начали вспоминать жизнь на Выборгской сторонѣ. Я позволю себѣ привести слѣдующее мое стихотвореніе, написанное въ минуту раздумья подъ такимъ настроеніемъ.

Такъ же все въ подлунномъ мірѣ,
Какъ и было въ старину:
И теперь пѣвцы на лирѣ
Славятъ розу и весну,
Воспѣваютъ милой ласки,
Нѣжный говоръ тихихъ струй,
И плѣнительные глазки,
И горячій поцѣлуй!
Тѣ же въ мірѣ счастья звуки,
Столько-жъ свѣта и тепла,
Какъ и прежде тѣ же муки,
И не больше слезъ и зла.
Отчего же намъ казалось
Въ дни былые жизнь свѣтлѣй?
Сердце менѣе пугалось
И парила мысль вольнѣй?
Отъ того, что въ годы вѣры
Въ насъ самихъ былъ свѣтлый рай:
И любилося безъ мѣры,
И жилося черезъ край!

Да, въ этомъ вся разгадка!.. «Первый заработанный четвертакъ дороже дальнѣйшихъ сотенъ рублей», — говорилъ мой дядя, — и вѣрно. Развѣ теперь я съ такимъ чувствомъ встрѣчаю выходъ въ свѣтъ своей новой книжки, съ какимъ тогда я ждалъ выхода первыхъ двухъ сборниковъ разсказовъ для дѣтей: «Зимніе досуги» и «Подарокъ на елку»! Первый изъ нихъ я продалъ еще весной, до переѣзда на дачу; изданіе мнѣ устроилъ В. П. Бородинъ. Произошло это совсѣмъ неожиданно. Я заѣхалъ въ редакцію «Дѣтскаго Чтенія». Между прочимъ, покойная жена Бородина коснулась моего разсказа «Янки Вологодскаго уѣзда».

— Ахъ, это прелестный разсказъ!—сказала она.— Я сама его съ увлеченіемъ прочла два раза.

— А мальчики въ восхищеніи отъ него!—замѣтилъ Вячеславъ Петровичъ.

— Отчего вы не издадите отдѣльной книжкой вашихъ разсказовъ? Вѣдь ихъ не мало уже? — спросила меня М. В. Бородина.

— На книжку будетъ... Пожалуй, и больше!

— Отчего же не издадите?

— У меня нѣтъ денегъ.

— Продайте!

— Кому? На «рынкѣ» у меня еще нѣтъ имени...

— Что вы! Вы въ дѣтской литературѣ уже замѣтны... Столько писемъ получается отъ подписчиковъ... Дѣти любятъ васъ—я сама слышала...

— Но не купцы, М. В!.. Не возьмутъ... Да вотъ пускай В. П. издаетъ!

— Постойте, я вамъ, можетъ быть, устрою это,—сказалъ В. П.

Я заѣхалъ черезъ недѣлю къ Бородину.

— Хотите продать книжку?—спросилъ онъ.

— Конечно.

— Я нашелъ вамъ издателя... Поѣзжайте къ Головину. Онъ живетъ у Обуховскаго моста.

— Беретъ?

— Да, но даетъ дешево!

— Это все равно.

— Поѣзжайте скорѣе...

Я въ тотъ же день отправился къ Г—ну, захвативъ съ собою тѣ разсказы, оттиски которыхъ были у меня.

Дѣло уладилось въ какой нибудь часъ. Г—нъ покупалъ у меня сборникъ за сто рублей. Онъ не сталъ читать разсказовъ, положившись на одобреніе редакцій, написалъ мнѣ условіе и выдалъ всѣ деньги.

Я былъ очень доволенъ. Мнѣ такъ хотѣлось издать разсказы отдѣльно. Это шагъ впередъ. Разсказы извлекались изъ журналовъ и болѣе удобнымъ способомъ проникали въ публику. Наконецъ, критика должна была высказаться болѣе опредѣленно.

Еще неожиданнѣе для меня состоялась продажа второго сборника. Это было уже въ сентябрѣ, по переѣздѣ съ дачи въ городъ.

Въ этотъ годъ я впервые покинулъ меблированныя комнаты и нанялъ квартиру — въ Измайловскомъ полку. Вообще, это было время пріятныхъ неожиданностей для меня.

Зайдя какъ-то въ редакцію «Русской Рѣчи» въ концѣ лѣта, я коснулся въ разговорѣ съ А. А. Н—мъ меблированныхъ комнатъ и того неудобства, какое испытываетъ каждый умственный работникъ, живя въ шамбръ-гарни.

— Возьмите квартирку, это не дороже!—сказалъ редакторъ.

— Да, но нужна обстановка!—возразилъ я.—А гдѣ деньги?

— Развѣ много надо?

— Рублей 100, 150! А-то и всѣ 200!

— Такъ возьмите же, я дамъ... А вы частями, по возможности, будете погашать долгъ!

Я нанялъ квартирку и справилъ скромно новоселье.

На другой день, встрѣтившись въ одномъ домѣ съ С—ой, я сообщилъ, между прочимъ, о предстоящемъ выходѣ моей книжки; въ это время она уже печаталась.

— Отчего вы не предложили ее Битепажу?—спросила С.

— Да я никому не предлагалъ... В. П. Бородинъ устроилъ мнѣ. А что̀, развѣ Битепажъ издалъ бы?

— Я увѣрена... Я его знаю хорошо.

— Такъ предложите. У меня еще на книжку наберется.

С—ва обѣщалась.

Спустя недѣли двѣ, я снова встрѣтился съ ней.

— Что же Битепажъ?—спрашиваю.

— Пойдемте къ нему сейчасъ!

— Но у меня съ собой нѣтъ матеріала.

— Это все равно. Переговорите!

Мы поѣхали.

С—ва вошла вмѣстѣ со мною къ Битепажу, магазинъ котораго помѣщался въ Гостиномъ дворѣ,—указала мнѣ на высокаго, очень приличнаго вида господина, что-то ему сказала, и сейчасъ же исчезла.

Я очутился не совсѣмъ въ ловкомъ положеніи, изъ котораго меня выручилъ самъ книгопродавецъ.

— Вы что-то предложить хотите?

— Вамъ г-жа С. ничего не говорила?

— Ничего... А вы что̀ имѣете сообщить?

— Она говоритъ, что вы охотно бы издали книжку.

— Да, я издаю... Теперь, по правдѣ сказать, уже поздно... скоро Рождество... А у васъ что̀?

— Съ собой ничего... Но если угодно, я принесу.

Б—жъ подумалъ и сказалъ:

— Принесите.

Я принесъ, онъ оставилъ у себя посмотрѣть, назначивъ прійти за отвѣтомъ черезъ три дня. Черезъ три дня все было кончено. Онъ согласился издать книжку. Я получалъ за нее тоже сто рублей. Но это было уже выгоднѣе для меня, потому что Г—ну я отдалъ матеріала вдвое, если не втрое болѣе.

Обѣ книжки вышли къ Рождеству. Битепажовская буквально за день до сочельника. Обѣ онѣ были изданы не особенно хорошо. «Подарокъ на елку» безъ всякихъ иллюстрацій.

— Торопился, некогда было,—оправдывался Битепажъ.

Кажется, впослѣдствіи онъ вклеилъ одну или двѣ картинки. «Зимніе досуги» пошли хорошо, и впослѣдствіи были выпущены вторымъ изданіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, подъ новымъ названіемъ. Ихъ издалъ Павленковъ со множествомъ рисунковъ, нарядно, изящно. «Подарокъ на елку» — на книжномъ рынкѣ не имѣлъ такого успѣха.

Но критика обѣ книжки встрѣтила очень радушно. Даже строгій критикъ «Воспитанія и Обученія» отозвался съ похвалой, сказавъ, между прочимъ: «Эту книгу не надо смѣшивать съ великимъ множествомъ «подарковъ на елку», которые поставляетъ книгопродавческая спекуляція. Изданіе недурно, содержаніе также, а нѣкоторыя вещи положительно хороши. Стихотворенія выдѣляются изъ массы риѳмованной прозы, поставляемой для дѣтей». И дальше, касаясь фребелевскихъ премированныхъ изданій, критикъ замѣчаетъ: «они недурны, но и нѣкоторые разсказы г. Круглова (въ вышедшихъ книжкахъ) ничуть не хуже, если не лучше разсказовъ, удостоенныхъ преміи Фребелевскимъ обществомъ». Въ «Педагогическомъ Листкѣ» критикъ, разбирая книжки, сказалъ: «Г. Кругловъ уже давно извѣстенъ какъ талантливый и симпатичный дѣтскій писатель. Его книжка («Зимніе досуги»), надо сказать правду, изъ всѣхъ имѣющихся у насъ подъ руками дѣтскихъ книгъ, изданныхъ въ настоящемъ году,—едва ли не самая лучшая».

Я былъ счастливъ, какъ писатель. Къ мнѣніямъ критики присоединились и читатели, письма которыхъ хранятся у меня и до сихъ поръ. Значитъ, я не даромъ работалъ, не безплодно потрачены силы, проведены безсонныя ночи... Кто пишетъ не только ради денегъ, кто избралъ литературное поприще не только потому, что на другомъ не повезло, или потому, что «надо же гдѣ нибудь работать»,—а вступилъ на него по страстному влеченію, для кого писать—значитъ жить, — тотъ пойметъ мое счастье, — счастье писателя, убѣдившагося въ полезности своего труда. Я переживалъ хорошія минуты, которыя заставляли забывать о личныхъ невзгодахъ, мирили меня съ неудачами, мѣшавшими мнѣ устроить свѣтлѣе и лучше свою личную жизнь.

Начались «вечера» и «собранія» у С*, А. Н. Тюфяевой-Толивѣровой, Алѣева, у Мюра. У С*, котораго я зналъ раньше, я познакомился съ Алѣевымъ; на вечерѣ у этого — съ Мюромъ, а у Мюра—съ покойнымъ Садовниковымъ. Если память не измѣняетъ мнѣ, около этого же времени, или нѣсколько позже, я познакомился съ молодыми беллетристами—М. Н. Альбовымъ и К. С. Баранцевичемъ, и съ художникомъ А. А. Наумовымъ, сенсаціонная картина котораго «В. Г. Бѣлинскій передъ смертью» вскорѣ сдѣлала ему имя и пріобрѣла популярность среди интеллигентной публики. Съ Соловьевымъ-Несмѣловымъ, авторомъ многихъ учебниковъ и дѣтскимъ писателемъ, я познакомился еще въ 1877 г. у Бородина. На вечерахъ у С* я встрѣчался еще съ нѣкоимъ Калліопинымъ, учившимся на средства графа Шереметева въ консерваторіи. Это былъ феноменальный басъ. Молодого человѣка ждала блестящая карьера. Но онъ не сумѣлъ беречь себя: спился и погибъ для сцены. Кажется, онъ даже умеръ.

Необыкновенно симпатичное впечатлѣніе производилъ на всѣхъ

Дм. Ник. Садовниковъ, человѣкъ любящей, мягкой души, поэтъ съ большимъ талантомъ, критикъ-художникъ, едва ли не первый, вѣрно и прекрасно опредѣлившій музу гр. Голенищева-Кутузова, увѣнчаннаго на-дняхъ полной пушкинской преміей отъ Академіи Наукъ. Садовниковъ былъ очень недуренъ собою, обладалъ стройной фигурой и гордо носилъ голову съ кудрявыми волосами золотистаго цвѣта, которые въ видѣ ореола обрамляли его блѣдное лицо. Онъ и въ жизни былъ художникомъ-поэтомъ, какимъ являлся въ каждой строчкѣ своихъ стиховъ. Къ сожалѣнію, онъ не пользуется извѣстностью. Его заслонили стихотворцы, умѣющіе поддѣлываться подъ вкусъ интеллигентной массы. И забывается симпатичный поэтъ, несмотря на оцѣнку г. Чуйко и на то, что г. Коринфскій, добывая откуда-то ненапечатанные отрывки изъ стиховъ покойнаго Садовникова, изрѣдка напоминаетъ о немъ публикѣ. Да позволятъ читатели привести мнѣ слѣдующее небольшое стихотвореніе Садовникова, посвященное памяти Пушкина и написанное Д. М. подъ впечатлѣніемъ открытія памятника въ Москвѣ геніальному творцу «Онѣгина»:

«Въ отрадный часъ желаннаго рожденья,
Все, что̀ въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Послѣдній даръ весенняго цвѣтенья
Весна тебѣ кидала въ колыбель.
Май отцвѣталъ, идя навстрѣчу лѣта,
И думалъ онъ, переходя ко сну:
«Я встрѣтилъ день рожденія поэта,—
Онъ воскреситъ увядшую весну».
Ты оправдалъ святыя ожиданья:
Заслышавъ пѣсни первыя твои,
Въ отжившемъ сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу запѣли соловьи.
Но мы любили спорною любовью,—
Давно-ль у насъ топтали твой вѣнокъ?
Но ты простишь минутному злословью,
Сознаніемъ прекраснаго высокъ,—
Простишь ты намъ, что рѣчь, тебѣ родная,
Вплела шипы въ лавровый твой вѣнокъ!
Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая—
Твой первый день привѣтствовать, пѣвецъ,
И въ честь тебя, поэта-чародѣя,
Пѣвца святой любви и красоты,
Весна, какъ встарь, кидаетъ, не жалѣя,
Къ твоимъ ногамъ душистые цвѣты!».

Это вполнѣ вѣрно, что Садовниковъ оригиналенъ и своеобразенъ даже тамъ, гдѣ обычныя установившіяся формы заставляютъ держаться опредѣленнаго тона. Какая масса стиховъ, посвященныхъ Пушкину, при открытіи памятника! Въ большинствѣ случаевъ все это шаблонно (если исключить стихи Полонскаго и стихотвореніе Андреевскаго), ограничивалось общими мѣстами. Садовниковъ от-

кликнулся своеобразно, поэтически, безъ многословія. Прекрасныхъ стихотвореній у Садовникова не мало, и приходится жалѣть, что смерть похитила поэта съ крупнымъ талантомъ преждевременно, а никто до сихъ поръ не издалъ его произведеній... Кому принадлежитъ право? Живы ли его дѣти (осталось послѣ его смерти, кажется, двое)? Большой поклонникъ поэта и знающій его родню— г. Коринфскій не можетъ ли дать отвѣтъ на эти вопросы и помочь увидѣть свѣтъ чуднымъ поэтическимъ пьесамъ усопшаго собрата?

Полную противоположность Садовникову по внѣшней фигурѣ представлялъ другой поэтъ В. Мюръ. Это — толстенькій человѣкъ, невысокаго роста, съ замѣтной лысиной. Румяное, полное лицо, ослѣпительно-сверкающіе бѣлые зубы, веселые, голубые глаза и вѣчная улыбка на толстыхъ губахъ, — все свидѣтельствовало, что онъ изъ тѣхъ, про которыхъ принято говорить: они—terre à terre. И поэтъ Мюръ былъ именно таковъ. Я не зналъ человѣка практичнѣе его. Онъ писалъ стихи къ «ней», воспѣвалъ луну, розы, соловья и пускался въ различныя практическія предпріятія. Онъ лѣтомъ заготовлялъ стихи къ осени, на масляницѣ—къ Пасхѣ. Шутя, Садовниковъ говорилъ: «Нашъ М—ръ заранѣе написалъ стихи на смерть всѣхъ великихъ людей!». В. Мюръ много работалъ во «Всемірной Иллюстраціи» при покойномъ Германѣ Гоппе. Стихомъ онъ владѣетъ хорошо и многія его лирическія пьески очень изящны и музыкальны.

Въ началѣ 80-хъ годовъ М. исчезъ изъ Петербурга и долгое время я не зналъ, гдѣ онъ. Оказалось, что онъ живетъ въ Москвѣ. Одно время онъ редактировалъ «Новости Дня», потомъ издавалъ листки. Теперь онъ готовитъ къ изданію сборникъ своихъ стиховъ.

А. Е. Алѣева мы всѣ звали богачомъ, потому что онъ женился на богатой женщинѣ, а потомъ еще получилъ наслѣдство отъ отца. Алѣевъ дебютировалъ въ «Дѣлѣ», а потомъ издалъ книжку стиховъ, *подъ* названіемъ «Смѣхъ и слезы», потонувшую въ Летѣ, или, правильнѣе, въ амбарахъ Апраксинскаго рынка. О ней далъ очень злой, *и*—какъ всегда—остроумный отзывъ В. П. Буренинъ.

«Захожу какъ-то къ Алѣеву, — разсказываетъ Н. Соловьевъ, — поэтъ лежитъ на диванѣ, а на полу лужа чернилъ.

— Что это такое?—удивленно спрашиваю я.

— Пишу.

— А чернила зачѣмъ на полу?

— Лежа писать удобнѣе. Лежу и макаю.

Это было очень «оригинально».

А. Е. мы еще прозвали лже-Альбовымъ. Вотъ почему. Оказалось, онъ нѣкоторымъ говорилъ, что Альбовъ—это его псевдонимъ. Когда правда открылась, А. Е., смѣясь, оправдывался:

— Я шутилъ... ради шутки говорилъ.

Тоже очень «оригинальная» шутка.

Алѣевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, жилъ въ провинціи, потомъ опять возвратился, издалъ новый сборникъ своихъ сочиненій, помогъ издать сборникъ «Красный цвѣтокъ»—памяти Гаршина, издалъ сочиненія В. С. Лихачова, еще что-то и снова исчезъ. Гдѣ онъ теперь—я не знаю.

Онъ подарилъ мнѣ книгу своихъ стиховъ со слѣдующей надписью: «Предупреждаю—работа топорная—ерунды много». Правъ ли онъ, говоря такъ самъ о себѣ—рѣшать не буду. Мнѣ кажется, что такіе любители литературы сдѣлали бы несомнѣнно больше, если бы вмѣсто сочинительства—занялись издательствомъ, развили дѣло, находящееся теперь въ рукахъ рыночниковъ и спекулянтовъ. Но у всѣхъ этихъ господъ «охота смертная» непремѣнно «сочинять». Недавно, одинъ издатель, едва владѣющій грамотой, хотѣлъ въ своемъ органѣ (орга́нѣ?) печатать романъ собственнаго сочиненія. Его стали убѣждать—бросить затѣю.

— Отчего?

— Ну, зачѣмъ вамъ писать... ваше дѣло—издавать.

— Развѣ не могу? Глупъ?

— Нѣтъ... но...

Насилу убѣдили «новаго писателя» оставить романъ въ портфелѣ.

Въ одномъ собраніи на квартирѣ у Ал—ва кто-то предложилъ издавать небольшую газету на паяхъ. За эту мысль ухватились и начали вырабатывать программу. С* прежде всего интересовался: поскольку будутъ получать главные члены редакціи. Я написалъ письмо къ одной далекой родственницѣ, съ которой въ ранней юности поссорился изъ-за религіозныхъ вопросовъ. Художница и образованная женщина, она сочувственно отнеслась къ мысли объ изданіи и давала въ займы 5 тысячъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ: уплачивать ей безъ процентовъ по тысячѣ рублей въ годъ, начиная со второго года изданія. Въ случаѣ краха—долгъ шелъ на смарку. Это было очень выгодное условіе. Но 5 тысячъ — слишкомъ маленькая сумма. Я уже хотѣлъ просить объ увеличеніи займа, но все дѣло расклеилось. С* очень былъ недоволенъ этимъ. Человѣкъ почти совсѣмъ неизвѣстный въ литературѣ, С* пописывалъ статейки и разсказы. Онъ выдумалъ коротенькіе монологи и серьезно увѣрялъ, что онъ открылъ чуть ли не новый родъ беллетристики. Въ бойкости письма ему, конечно, отказать нельзя. Сообщу одинъ фактъ, характеризующій стадность нашей интеллигентной молодежи. С* ужасно любилъ читать на вечерахъ, въ собраніяхъ, наивно воображая себя замѣчательнымъ чтецомъ. Въ одномъ собраніи онъ прочелъ что-то очень ужъ «забористое»—и молодежь пришла въ телячій восторгъ. Она начала кучами ходить за С*, который тутъ же былъ произведенъ въ заслуженные литераторы. Ко-

гда одинъ журналистъ спросилъ: «кто такой С*?», ему отвѣтили рѣзко: «развѣ не стыдно не знать заслугъ извѣстнаго С*!» Но очень печально кончилось минутное торжество С*: генералъ-губернаторъ Гурко посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли за чтеніе недозволенныхъ вещей. «Гражданинъ» горько плакалъ, но скоро забылъ урокъ и, выйдя изъ кутузки, снова охотно читалъ, хотя уже остерегался выбирать очень «пикантныя» вещи. Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ фактѣ, характерномъ для пишущей среды. Одинъ господинъ пустилъ гнусную сплетню объ С*. И сейчасъ почти всѣ повѣрили, хотя то, что̀ сообщали объ С*, было неправдоподобно до очевидности. Добрый малый, жуиръ, немножко лѣнтяй, немножко нарциссъ, С* не былъ способенъ на что нибудь гнусное. Его встревожила клевета. Онъ полетѣлъ объясняться съ авторомъ ея. Тотъ величественно изрекъ: «Я не желаю отвѣчать!».— «Я побью его!»—горячился С*.—Мы отсовѣтовали ему дѣлать это. Онъ послушался, и хорошо поступилъ.

Съ 1880 года въ Петербургѣ началъ издаваться новый дѣтскій журналъ «Игрушечка». Во главѣ журнала стала Татьяна Петровна Пассекъ, авторъ извѣстной всей читающей публикѣ книги «Изъ дальнихъ лѣтъ», бывшая въ дружескихъ отношеніяхъ со многими видными литературными дѣятелями сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Другъ Огарева, Герцена, Татьяна Петровна много видала на своемъ вѣку, много интереснаго поразсказала въ своей книгѣ, а на старости лѣтъ захотѣла поработать на пользу дѣтей, которыхъ она страстно любила. «Бабушка Пассекъ» была извѣстна почти всѣмъ писателямъ, жившимъ въ Петербургѣ. Такъ многіе и говорили: «пойдемъ къ бабушкѣ!». Ее всѣ любили, охотно навѣщали ее въ ея скромной квартиркѣ. За послѣднее время она всѣхъ принимала, лежа въ постели, въ которой и работала. Такою она и представлена на портретѣ прекрасной работы, висящемъ теперь въ конторѣ редакціи «Игрушечки».

Я познакомился съ Татьяной Петровной лѣтомъ 1880 года, когда жилъ на Волховѣ, въ имѣніи М. И. Ѳедотовой. Мыза «Степаньково» расположена въ глуши, окружена рѣками и лѣсами. Когда-то она отличалась благоустройствомъ, а въ 1880 году уже представляла собою только остатки былого величія: домъ полуразрушенъ, дворовыя постройки пришли въ упадокъ. Неопытная женщина, Ѳедотова отдала имѣніе въ аренду, а часть лѣса на срубъ волховскому лѣсопромышленнику Ѳедору Дыр—ву, который преспокойно срубилъ на дрова чуть не весь лѣсъ... Одинъ изъ арендаторовъ продалъ скотъ тирольской породы и бѣжалъ. Когда мы пріѣхали въ имѣніе, въ домѣ всѣ стекла оказались выбитыми. Нѣсколько дней мы жили, какъ на бивуакѣ. Я былъ очень доволенъ, что попалъ въ глушь, гдѣ такъ хорошо отдыхать. Несмотря на многіе недочеты, все-таки деревня лѣтомъ рай,

и именно деревня, а не дача. Какая масса воздуха, пропитаннаго ароматомъ лѣса! Какая ширь! Живется безъ стѣсненія. Я вставалъ рано, бродилъ по лѣсу и проводилъ цѣлые часы на рѣкѣ, катаясь въ лодкѣ и даже засыпая въ ней. Причалишь лодку къ берегу, въ кусты—и лежишь. Вольно дышитъ грудь, птицы поютъ (по утрамъ и вечерамъ соловьи давали свои концерты), лодку качаетъ слегка... и засыпаешь, словно убаюканный волною. Въ это лѣто я и написалъ стихотвореніе, такъ нравившееся Садовникову:

Позавчера, полуденной порою,
Въ простомъ рыбацкомъ челнокѣ,
Близъ берега, подъ тѣнью ивъ густою,
Я плылъ тихонько по рѣкѣ.
Лѣнивою дремотою объяты,
Кусты склонялись надъ водой,
И ароматъ струился дикой мяты
Неосязаемой волной... и т. д., и т. д.

Я послалъ это стихотвореніе Н. А. Соловьеву, который былъ ближайшимъ помощникомъ Татьяны Петровны по «Игрушечкѣ». Онъ жилъ лѣтомъ въ помѣщеніи редакціи на Подъяческой улицѣ и чуть не ежедневно бывалъ у Пассекъ, въ Лѣсномъ. Стихи мои были напечатаны въ «Игрушечкѣ», понравились Татьянѣ Петровнѣ и она просила меня писать для журнала. У меня уже давно была задумана повѣсть для дѣтей, и вотъ, набросавъ первыя двѣ главы, я повезъ ихъ къ Соловьеву.

Два слова о немъ.

Это человѣкъ невысокаго роста, коренастый, съ медлительными движеніями, съ унылымъ видомъ, съ волжскимъ выговоромъ. Мало обращающій вниманія на внѣшность, философски смотрящій на жизнь, онъ часто игралъ роль успокоителя друзей, въ минуты ихъ личныхъ невзгодъ. Его призывали рѣшать даже семейные споры, ему довѣряли друзья свои интимныя тайны. Ему первому объявляли они о своемъ личномъ счастьѣ или горѣ. При многихъ семейныхъ разрывахъ ему пришлось быть невольнымъ судьею. Другъ дѣтей, онъ всегда встрѣчался въ знакомыхъ семьяхъ дѣтворой, какъ желанный гость. Онъ умѣлъ прекрасно обращаться съ малышами и занимать ихъ. Его всѣ любили и прощали ему то, чего никогда бы не простили другимъ. Чрезвычайно деликатный, онъ не имѣлъ смѣлости требовать своихъ заработанныхъ денегъ. Разъ съ нимъ случилась слѣдующая исторія. Онъ зашелъ къ одному издателю получить деньги за проданную книжку. Издатель очень любезно принялъ его.

— Вамъ слѣдуетъ двѣсти рублей?

— Да, двѣсти.

— Распишитесь, пожалуйста.

Онъ расписался.

Поговорили и ужъ на прощанье издатель вручилъ ему пачку кредитокъ. Стѣсняясь провѣрить деньги, Соловьевъ положилъ ихъ въ карманъ, и только на лѣстницѣ вынулъ и сосчиталъ. Вмѣсто двухсотъ рублей оказалось сто. Соловьевъ возвращается и говоритъ издателю, что онъ, вѣроятно, ошибся. Но издатель не призналъ ошибки и... довѣрчивый педагогъ-литераторъ получилъ вмѣсто двухсотъ всего сто рублей. Это такъ, однако, его поразило, что онъ около часу просидѣлъ на скамейкѣ у воротъ.

У Пассекъ онъ получалъ мало, а работалъ много. У него иногда не было денегъ на конку, и онъ пѣшкомъ возвращался изъ Лѣсного.

— Отчего ты не скажешь Татьянѣ Петровнѣ?

— Неловко... Ни слова она сама... Какъ же...

Она забывала или просто не воображала, что у Ника (такъ она звала Соловьева) нѣтъ гривенника на конку. Она вообще очень наивно разсуждала о гонорарѣ. Когда, напримѣръ, я прочелъ ей первыя двѣ главы повѣсти «Иванъ Ивановичъ и Комп.», она сказала:

— Очень хорошо, Ал. Вас., очень хорошо. Что же... Это я напечатаю съ большимъ удовольствіемъ...

Помолчала и добавила:

— А вы недорого возьмете за разсказъ-то?

Я сказалъ.

— Что же... надо дать... оно дорогонько... да, хорошо... Нынче всѣ хотятъ денегъ... а прежде не такъ было... даромъ писали... право!..

Это было не совсѣмъ вѣрно. Но я замѣтилъ только:

— Тогда условія жизни были другія, Татьяна Петровна.

— Это вѣрно... такъ, такъ... Крѣпостное право было...

— Вотъ видите. А теперь у писателей нѣтъ оброчныхъ кормителей.

— Да, да...

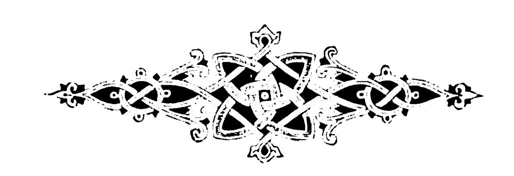
Но въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ визитовъ «бабушка» снова выразила сожалѣніе, что писатели теперь за статьи денегъ требуютъ... тогда, какъ прежде, и т. д. Но она не удивлялась, что теперь издатели хотятъ жить на барыши отъ журналовъ.

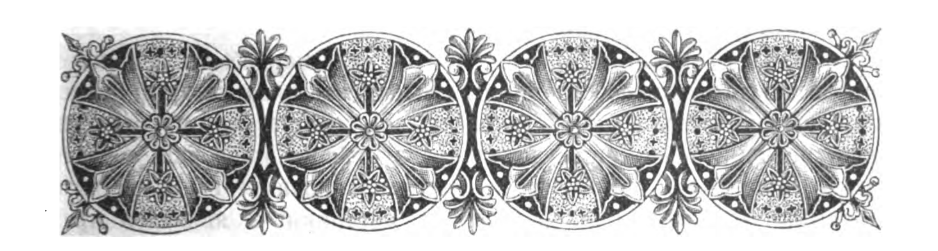
«Иванъ Ивановичъ и Комп.» былъ напечатанъ въ «Игрушечкѣ» за 1880 годъ.

Въ 1882 году подписка на «Игрушечку» начала падать. Этому причинъ не мало. Во-первыхъ, конторскіе безпорядки сильно вредили журналу. Многіе его не получали совсѣмъ, другіе—неаккуратно. Затѣмъ онъ началъ наполняться статьями, непригодными для дѣтей,—произведеніями, которыя принимались или потому, что дешево покупались, или потому, что у «бабушки» не хватало духу отказывать. Особенно ее умѣли осаждать дамы. Бѣдному Нику было

не мало возни съ дамскими работами. Иныя чуть не заново передѣлывались имъ или самой Пассекъ. Между тѣмъ, здоровье ея ухудшалось и мѣшало серьезной работѣ. Вѣсть о смерти «бабушки» застала меня въ провинціи. Скоро умеръ и родственникъ Татьяны Петровны, Пашковъ, руководившій одно время журналомъ. «Игрушечка» перешла къ г-жѣ Тюфяевой-Пѣшковой, которой удалось снова поднять значеніе журнала и привлечь къ нему симпатіи публики. Одно время всѣ думали, что журналъ долженъ прекратиться. Однако, съ переходомъ въ новыя руки, онъ ожилъ и сталъ улучшаться. Дѣло, начатое «бабушкой», уцѣлѣло. Этому можно только порадоваться.

Александръ Кругловъ.

ИСТОРІЯ, КАКЪ НАУКА.

ѢКЪ ЖИВИ—ВѢКЪ УЧИСЬ, гласитъ наша пословица. Вѣкъ живи—вѣкъ переучивайся, можно было бы сказать примѣнительно къ ходу нашего развитія. Сколько разъ мы воспринимали новое слово, какъ благовѣстъ спасенія отъ всѣхъ общественныхъ золъ. Правда, это новое слово, принимавшееся нами съ довѣріемъ, надеждою, восторгомъ, на повѣрку оказывалось по большей части либо несостоятельнымъ, либо, въ сущности, очень старымъ. Тѣмъ не менѣе, мы все еще падки на новыя слова и охотно переучиваемся.

Вотъ и теперь передъ нами толстый томъ французскаго ученаго историка, г. Лакомба, озаглавленный: «Исторія, какъ наука». Книгѣ этой посчастливилось. Тотчасъ послѣ ея появленія о ней читались рефераты въ нашихъ ученыхъ обществахъ. Теперь она появилась въ русскомъ переводѣ и удостоилась самыхъ лестныхъ отзывовъ. Дѣйствительно, въ ней много интереснаго. Авторъ приглашаетъ насъ вступить на совершенно новый путь въ дѣлѣ разработки историческихъ знаній. Онъ относится очень пренебрежительно къ такъ-называемой повѣствовательной исторіи, иронизируетъ и надъ «учеными» историками. Съ большимъ почтеніемъ онъ относится къ трудамъ по философіи исторіи и въ особенности по соціологіи, до извѣстной степени даже отожествляетъ послѣднюю съ тѣмъ, что ему представляется истинною историческою наукою. Но и знаменитые составители трудовъ по исторіи философія въ родѣ Монтескье, Конта, Бокля и т. д., руководствовались, какъ оказывается, совершенно ложными принципами, а соціологи,

къ сожалѣнію, ограничиваются изученіемъ первобытныхъ народовъ, а исторіею въ собственномъ смыслѣ этого слова занимаются очень поверхностно. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, въ сущности, исторіи вовсе еще не существуетъ; ее надо еще создать. Первою попыткою такого рода, намѣчивающею тотъ путь, котораго должны впредь придерживаться историки, и является предлагаемый авторомъ трудъ.

Мы, слѣдовательно, несомнѣнно имѣемъ, по его мнѣнію, дѣло съ новымъ словомъ въ исторической наукѣ. Постараемся же выяснить, насколько оно состоятельно и дѣйствительно ново.

По мнѣнію автора, историки занимались до сихъ поръ вовсе не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало заниматься. Они изучали событія, и совокупность всѣхъ событій въ исторіи даннаго народа или всѣхъ народовъ вообще и признается исторіею. Взглядъ этотъ невѣренъ. Событіе само-по-себѣ не заслуживаетъ никакого вниманія, и включить его въ исторію, какъ науку, — трудъ совершенно безцѣльный. Собираніе историческихъ фактовъ можетъ быть лишь дѣломъ узкихъ спеціалистовъ, которые даже не заслуживаютъ названія историковъ. Задача послѣднихъ гораздо шире и гораздо глубже.

Въ чемъ же она заключается? Историкъ долженъ имѣть дѣло не съ фактами, не съ событіями, а съ «установленіями». Что же разумѣетъ авторъ подъ «установленіями», подъ этимъ новымъ, довольно неяснымъ терминомъ, который онъ старается ввести въ науку?

Выяснимъ мысль автора. Какое кому дѣло до того, что нѣкій македонецъ по имени Александръ разбилъ персовъ въ такомъ-то пунктѣ и въ такомъ-то году, или что такая-то рѣчь принадлежитъ собственно не Демосѳену, а другому греческому оратору? Сами-по-себѣ эти факты не имѣютъ особеннаго значенія, какъ не имѣетъ значенія фактъ, что въ такомъ-то городкѣ, въ такомъ-то году верхушка колокольни обвалилась. Послѣдній фактъ могъ имѣть большое значеніе для тѣхъ, которые отъ него пострадали, но для исторической науки онъ совершенно безразличенъ. Безразличенъ онъ и для другихъ наукъ. Пріобрѣтаетъ же онъ научное значеніе только тогда, когда мы его сопоставимъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ, подтверждающихъ законъ тяготѣнія. Точно также и событія такого рода, какъ побѣда, одержанная однимъ полководцемъ надъ другимъ, не имѣетъ сама-по-себѣ никакого значенія. Наука начинается лишь съ того момента, когда между этими событіями или фактами установлено сходство, мало того, когда выяснено, отъ какихъ причинъ они зависятъ. Тогда мы имѣемъ дѣло съ научными фактами, тогда можно говорить о наукѣ, а простая регистрація фактовъ не представляетъ собою науки, будемъ ли мы ихъ излагать въ хронологическомъ или въ какомъ либо иномъ порядкѣ.

Пока, какъ видитъ читатель, новое слово оказывается далеко не новымъ. Отъ простого изложенія фактовъ въ хронологической или другой, чисто внѣшней, связи, какъ отъ единственной основы научнаго изслѣдованія, историческая наука давно отказалась. Какой бы трудъ по исторіи намъ ни попался подъ руки, мы всегда увидимъ, что авторъ его старается до извѣстной степени объяснить факты, указать на внутреннюю ихъ связь, выяснить ихъ зависимость другъ отъ друга. Быть можетъ, за послѣднія десятилѣтія наблюдается нѣкоторое нерасположеніе приступать къ слишкомъ широкимъ обобщеніямъ и склонность основывать выводы на точно установленныхъ и провѣренныхъ фактахъ. Но въ этомъ отношеніи историческая наука послѣдовала только примѣру другихъ наукъ, которыя относятся съ видимымъ нерасположеніемъ къ метафизическимъ, то-есть совершенно отвлеченнымъ, почерпнутымъ единственно изъ внутренней духовной природы человѣка, принципамъ. Значитъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ общимъ явленіемъ, и если намъ за образецъ вѣрнаго научнаго метода выставляютъ методъ, принятый въ естественныхъ наукахъ, какъ это дѣлаетъ г. Лакомбъ, то нужно было бы прежде всего доказать, что методъ, давшій въ рукахъ Дарвина такіе изумительные результаты, какъ его теорія объ естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, къ исторической наукѣ не приложимъ. Но оказывается, что г. Лакомбъ цѣликомъ переноситъ въ историческую науку теорію борьбы за существованіе, а между тѣмъ, какъ мы увидимъ, почти совершенно отвергаетъ тотъ индуктивный методъ, котораго придерживался Дарвинъ въ своихъ знаменитыхъ изысканіяхъ.

Не будемъ, однако, забѣгать впередъ и выяснимъ полнѣе мысль автора, чтобы дать читателямъ возможность оцѣнить ее объективно. Какое же различіе дѣлаетъ г. Лакомбъ между событіемъ и установленіемъ? Изъ предыдущаго уже видно, что тутъ нѣтъ различія по существу, другими словами, что событіе можетъ сдѣлаться установленіемъ при извѣстныхъ условіяхъ. Напримѣръ, въ такомъ-то году, такимъ-то монахомъ учрежденъ духовный орденъ; это будетъ не болѣе, какъ событіе. Но если орденъ этотъ является не отрывочнымъ фактомъ, если на ряду съ нимъ учреждались другіе однородные ордена, если, кромѣ того, каждый изъ этихъ орденовъ имѣлъ свой уставъ, свой законъ, которому подчинялись его члены въ своей дѣятельности—въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ простымъ событіемъ, а съ установленіемъ, какъ предметомъ научнаго историческаго изслѣдованія. Возьмемъ другой примѣръ. Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо,—это событіе само-по-себѣ не имѣетъ никакого значенія, но если его разсматривать, какъ явленіе, имѣющее много общаго съ другими явленіями той же категоріи, если принять во вниманіе, что всякое сраженіе обусловливается наличностью извѣстнаго числа войскъ, формируемыхъ,

командуемыхъ, выводимыхъ на поле сраженія и т. д.,—то надо будетъ признавать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ общимъ. Сраженіе предполагаетъ войну, война — армію, словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ установленіемъ. Такимъ образомъ, только то событіе имѣетъ научное историческое значеніе, которое родитъ установленіе, ибо только установленія опредѣляютъ собою извѣстный образъ дѣйствій людей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, вліяютъ на событія и на общій ихъ ходъ. Правда, человѣкъ можетъ дѣйствовать и вопреки всякимъ установленіямъ, но тогда мы будемъ уже имѣть дѣло съ чисто индивидуальными фактами, не подлежащими научному изслѣдованію. Чисто индивидуальное представляетъ собою нѣчто случайное, чего подчинить опредѣленнымъ законамъ нельзя. Объектомъ же научной исторіи можетъ быть только то, что̀ Лакомбъ называетъ временнымъ человѣкомъ, то-есть человѣкомъ даннаго времени и данной эпохи, и человѣкъ вообще, то-есть, насколько въ немъ воплощаются свойства, общія всѣмъ людамъ, такъ какъ только временной человѣкъ и человѣкъ вообще могутъ быть причинами дѣйствій, совершаемыхъ множествомъ людей, а только такія дѣйствія и могутъ подлежать вѣдѣнію науки, которая устанавливаетъ между ними сходства и доискивается ихъ причины.

Замѣтимъ, однако, тотчасъ же, что г. Лакомбъ уже относительно этого основного своего взгляда на научную исторію впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ съ собою. Изложивъ свою теорію объ основномъ источникѣ историческихъ явленій, онъ въ подтвержденіе ея вѣрности ссылается на взгляды Монтескье и опровергаетъ его теорію объ общемъ ходѣ событій, какъ основной причинѣ тѣхъ или другихъ историческихъ фактовъ. Если Римъ побѣдилъ Карѳагенъ, то, по мнѣнію Монтескье, это былъ фактъ не случайный: побѣдили собственно не римляне, а превосходство ихъ нравовъ и установленій. Г. Лакомбъ возстаетъ противъ этой теоріи и доказываетъ, что Аннибалъ могъ все-таки, въ концѣ-концовъ, восторжествовать надъ римлянами. Аргументація г. Лакомба очень интересна и во многомъ даже убѣдительна. Но, спрашивается,—не уничтожаетъ ли онъ самъ свою теорію, доказывая, что случайный элементъ, какова необычайная даровитость полководца, можетъ придать совершенно иное теченіе ходу событій? Значитъ, тутъ дѣло заключается уже не въ человѣкѣ данной эпохи, а именно въ индивидуальности того или другого историческаго дѣятеля. Противорѣчіе это бросится намъ еще болѣе въ глаза, если мы примемъ во вниманіе, что г. Лакомбъ признаетъ сраженіе при Ватерлоо само-по-себѣ лишеннымъ научнаго значенія и черезъ нѣсколько страницъ утверждаетъ, что для хода историческихъ событій вовсе не можетъ быть безразлично, что Юлій Цезарь завоевалъ Галлію въ десять лѣтъ, то-есть, что ходъ историческихъ событій былъ бы иной, если бы при менѣе даровитомъ полководцѣ потребовалось на это не десять,

а сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ. Но вѣдь въ такомъ случаѣ, можетъ быть, съ гораздо большимъ основаніемъ можно утверждать, что ходъ европейскихъ событій былъ бы совершенно иной, если бы не Наполеонъ, а союзныя войска были бы разбиты при Ватерлоо. Правда, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи г. Лакомбъ допускаетъ, что даже въ научной исторіи надо постоянно имѣть въ виду элементъ случайный, зависящій отъ той или другой индивидуальности, отъ того или другого историческаго дѣятеля. Но въ такомъ случаѣ можно спросить: гдѣ же та неизбѣжность въ ходѣ историческихъ событій, которая могла бы служить съ его точки зрѣнія основаніемъ для признанія исторіи наукою, а не простымъ повѣствованіемъ?

Такимъ образомъ, уже тутъ возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно правильности точки зрѣнія г. Лакомба.

Но вдумаемся глубже въ его мысль. Итакъ, основаніемъ намъ долженъ служить человѣкъ вообще, потому что и временной человѣкъ, или человѣкъ данной эпохи, въ сущности, является тѣмъ же человѣкомъ вообще, только слегка измѣненнымъ данною средою, которая вліяетъ на него степенью достигнутой ею цивилизаціи, то-есть богатства, нравственности и просвѣщенія, а соотвѣтственнно и различными установленіями. Такимъ образомъ, если исходить отъ человѣка вообще, то намъ прежде всего надо его знать, то-есть уяснить себѣ въ точности тѣ свойства, которыя присущи людямъ вообще. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія не можетъ обойтись безъ вспомогательныхъ наукъ, и главною ея вспомогательною наукою г. Лакомбъ признаетъ психологію, а никакъ не біологію, — и вотъ по какой причинѣ. Правда, біологія, какъ наука о жизни вообще, раскрываетъ намъ законы, которымъ подлежитъ человѣкъ, гдѣ и когда онъ бы ни жилъ. Но дѣло въ томъ, что біологія изслѣдуетъ человѣческія потребности безотносительно,—другими словами, она не останавливается на вопросѣ, какъ человѣкъ воспринимаетъ въ душевной своей жизни эти потребности. Такъ, біологія устанавливаетъ, что человѣкъ для продолженія своего существованія нуждается въ пищѣ; но вѣдь человѣкъ можетъ быть голоденъ и все-таки не испытывать голода. Половая потребность — потребность очень сильная; но сплошь и рядомъ встрѣчаются люди, которые, сильно страдая отъ ея неудовлетворенія, не отдаютъ себѣ отчета въ причинѣ своихъ страданій. Для примѣра г. Лакомбъ ссылается на дѣвушекъ. А между тѣмъ, психологія именно объясняетъ намъ, какъ человѣкъ воспринимаетъ тѣ или другія свои потребности; для исторіи же только это и важно. Представимъ себѣ, что извѣстная группа людей голодаетъ, но не знаетъ этого и воображаетъ, что источникъ ея страданія совершенно иной. Допустимъ хотя бы, что страданія вызываются неудовлетвореніемъ половой потребности; очевидно, что люди эти будутъ дѣйствовать вовсе не такъ,

какъ если бы они сознавали, что причина ихъ страданій—недостатокъ пищи.

Мы тутъ опять имѣемъ дѣло съ разсужденіемъ весьма сомнительнаго значенія. Конечно, случается, что человѣкъ голодный не сознаетъ, что онъ голоденъ; но вѣдь это явленіе—исключительное, а въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ человѣкъ прекрасно сознаетъ причину своихъ страданій. То же можно сказать о неудовлетвореніи половой потребности. Иначе получилось бы такое небывалое явленіе, что значительная группа людей вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ, начала бы объѣдаться, или, наоборотъ, вмѣсто того, чтобы поплотнѣе покушать, стала бы искать общенія съ лицами другого пола. Если такія явленія случаются у субъектовъ ненормальныхъ, то строить на нихъ какую нибудь научную теорію, конечно, нельзя, въ особенности историку, который хочетъ положить въ основаніе своей науки человѣка вообще, то-есть человѣка съ тѣми свойствами, которыя присущи громадному большинству людей.

Но допустимъ, что г. Лакомбъ правъ и что дѣло не въ потребностяхъ, а въ томъ, какъ человѣкъ ихъ воспринимаетъ и чувствуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сознанной потребности. Допустимъ далѣе, что психологія дѣйствительно раскрываетъ намъ побудительные мотивы дѣятельности человѣка вообще, а слѣдовательно раскрываетъ намъ и истинную причину исторической жизни человѣчества. Все это противорѣчитъ даже отзывамъ самихъ психологовъ о значеніи своей науки; они далеко не такого высокого мнѣнія о ней и все болѣе сознаютъ ея тѣсную зависимость отъ физіологіи, даже полагаютъ, что серьезные успѣхи психологіи всецѣло зависятъ отъ успѣховъ физіологіи. Но, повторяемъ, допустимъ, что психологія намъ вполнѣ уясняетъ, какъ человѣкъ воспринимаетъ свои потребности и какъ онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ ихъ воспріятія въ душевной своей жизни. Г. Лакомбъ именно такого мнѣнія. Спрашивается теперь, что же онъ извлекаетъ изъ психологіи для того, чтобы указать историкамъ новый, болѣе вѣрный путь изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обосновать научную исторію? Извлекаетъ онъ изъ нея главнымъ образомъ ту истину, что удовлетвореніе потребностей доставляетъ пріятное ощущеніе, а неудовлетвореніе—непріятное? Человѣкъ вообще ищетъ пріятное ощущеніе, а избѣгаетъ непріятнаго. Вотъ мы и нашли основной мотивъ его дѣятельности. Кромѣ того, г. Лакомбъ старается установить еще извѣстную градацію между потребностями въ смыслѣ большей или меньшей безотлагательности ихъ удовлетворенія. Такъ, напримѣръ, очевидно, что самая безотлагательная потребность, это—потребность питанія. Затѣмъ второю потребностью является потребность половая. Далѣе слѣдуютъ: по степени безотлагательности: потребность возбуждать къ себѣ со-

чувствіе и сочувствовать другимъ, пользоваться уваженіемъ окружающихъ, воспроизводить свою жизнь въ образахъ или словами, помнить прошлое, предвидѣть будущее, различать полезное и вредное. Всѣмъ этимъ потребностямъ соотвѣтствуютъ и внутреннія побужденія къ дѣятельности: ихъ удовлетвореніе доставляетъ пріятныя эмоціи, ихъ неудовлетвореніе—страданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ и опредѣленные мотивы дѣятельности: экономическій, половой, симпатическій, мотивъ чести, мотивъ художественный и научный. Сила этихъ мотивовъ проявляется въ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ перечислили. Вотъ что̀ г. Лакомбъ извлекаетъ изъ психологіи. Посмотримъ теперь, какъ онъ пользуется этими психологическими истинами или законами для обоснованія научной исторіи.

Но и тутъ мы должны сдѣлать одну оговорку. Истины, извлеченныя г. Лакомбомъ изъ психологіи, общеизвѣстны, хотя градація потребностей по силѣ, съ какою онѣ воспринимаются человѣкомъ, представляется намъ въ значительной степени произвольной. Если, въ общемъ, и можно признать, что потребность питанія сильнѣе половой потребности, то относительно другихъ потребностей, которыя принадлежатъ къ области духовной гораздо болѣе, чѣмъ къ области тѣлесной, каковы: симпатія, честолюбіе, потребность художественнаго воспроизведенія жизни или научныхъ изысканій, — установить общую градацію по силѣ, съ какой онѣ ощущаются разными людьми или разными группами людей, гораздо труднѣе. Уже относительно физическихъ потребностей несомнѣнно, что сила, съ какою онѣ ощущаются, бываетъ весьма различна. Мы видимъ, напримѣръ, что половая потребность нерѣдко въ значительной степени подавляетъ потребность питанія; видимъ, что честолюбивый человѣкъ подавляетъ въ себѣ и голодъ, и половую потребность, что художникъ или ученый нерѣдко отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы удовлетворить своей страсти къ искусству или наукѣ, и если градація, указанная г. Лакомбомъ, въ общемъ, вѣрна, то она допускаетъ во всякомъ случаѣ множество исключеній и въ жизни отдѣльнаго человѣка, и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Притомъ одна изъ главныхъ потребностей человѣка упущена г. Лакомбомъ изъ виду; это — потребность самосохраненія. Потребность эта, несомнѣнно, присуща человѣку вообще и составляетъ, такъ сказать, коренную потребность, по отношенію къ которой потребность питанія, равно какъ и половая потребность, являются только производными. Какъ сильна эта потребность, видно уже изъ того факта, что большинство людей не задумаются убить ближняго, чтобы спасти собственную жизнь, лишить ближняго самаго дорогого, чтобы сохранить свое собственное существованіе. Неужели исторія не должна принимать во вниманіе такой сильный мотивъ дѣятельности? Неужели, съ другой стороны, она можетъ довольство-

ваться градаціею между потребностями, установленною г. Лакомбомъ, въ виду, напримѣръ, такихъ фактовъ, что значительныя группы населенія или даже цѣлые народы, вопреки чувству самосохраненія, вопреки потребности питанія, идутъ на истязанія, смерть, вѣрный голодъ ради удовлетворенія также забытой г. Лакомбомъ религіозной потребности или ради сочувствія къ ближнему? Вспомнимъ первыя времена христіанства, вспомнимъ крестовые походы, религіозныя войны, войны, веденныя для освобожденія христіанъ отъ ига невѣрныхъ,—и мы убѣдимся, что градація, установленная г. Лакомбомъ или, точнѣе, заимствованная имъ у другихъ ученыхъ [1]), не даетъ намъ твердаго мѣрила для оцѣнки исторической жизни человѣчества.

Сдѣлавъ эту оговорку, мы возвращаемся къ теоріи нашего автора. Почти тотчасъ же оказывается, что перечисленные мотивы человѣческой дѣятельности далеко не полны. Онъ приступаетъ къ обзору тѣхъ установленій, о которыхъ онъ думаетъ, что они главнымъ образомъ заслуживаютъ вниманія историковъ. При этомъ выясняется, что этихъ установленій гораздо больше, чѣмъ мотивовъ дѣятельности и соотвѣтствующихъ имъ потребностей. Тутъ мы уже находимъ: установленія экономическія, нравственныя, классовыя, политическія, художественныя и литературныя, научныя, религіозныя и даже свѣтскія. Правда, г. Лакомбъ старается привести въ связь эти установленія съ перечисленными мотивами человѣческой дѣятельности. Но связь эта въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно произвольна. Такъ, напримѣръ, какому изъ перечисленныхъ мотивовъ слѣдуетъ приписать религіозныя установленія? Оказывается, что они вызываются мотивомъ экономическимъ. Эта оригинальная мысль объясняется г. Лакомбомъ слѣдующимъ образомъ: человѣкъ удовлетворяетъ потребности питанія непосредственно, но это ему не всегда удается; тогда онъ обращается къ божеству, моля его о ниспосланіи пищи. Такимъ образомъ получается то, что онъ называетъ «воображаемой экономіей», то-есть иллюзія, что земныя блага могутъ быть даны человѣку сверхестественною силою, божествомъ. Вообще въ этомъ отношеніи разсужденія г. Лакомба весьма поверхностны... Онъ самъ признаетъ, что вѣра въ загробную жизнь не можетъ быть научно разъяснена, и тутъ же прибавляетъ, что очень можетъ быть, что она просто является инди-

---

[1]) Въ настоящее время у насъ имѣетъ большое распространеніе брошюра Фр. Энгельса: «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства», въ которой соединены взгляды на исторію Маркса, автора извѣстной книги «Первобытное общество», Льюиса Моргана и самого Энгельса. Въ основу этихъ взглядовъ положена также градація между потребностями въ духѣ Лакомба и тѣхъ его предшественниковъ, которые пытались объяснить все историческое развитіе человѣчества чисто физическими потребностями, то-есть обосновать матеріалистическій взглядъ на исторію.

видуальною выдумкою, которая получила широкое распространеніе вслѣдствіе того, что она очень соотвѣтствуетъ двумъ основнымъ чувствамъ человѣка—страху и надеждѣ. Создавать научную исторію при помощи такихъ ненаучныхъ пріемовъ намъ кажется дѣломъ болѣе чѣмъ рискованнымъ. Потребность въ религіи, несомнѣнно, болѣе обща человѣчеству, чѣмъ потребность въ научныхъ изысканіяхъ, а между тѣмъ, г. Лакомбъ даже не приводитъ этой потребности между перечисленными имъ потребностями и признаетъ ее чуть ли не выдумкою, встрѣченной общимъ довѣріемъ, потому что она соотвѣтствуетъ распространеннымъ чувствамъ. Такой анализъ душевной жизни человѣка, конечно, не приблизитъ насъ къ ея уразумѣнію. Можно быть человѣкомъ вѣрующимъ или невѣрующимъ, но нельзя отрицать, что потребность въ религіи составляетъ потребность подавляющаго большинства людей и что она служитъ мотивомъ ихъ дѣятельности, слѣдовательно присуща человѣку вообще. Во всякомъ случаѣ она настолько въ немъ сильна, что вызвала безконечный рядъ крупныхъ историческихъ событій, которыя были бы совершенно необъяснимы, если бы мы не признали, что религіозный мотивъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, такую же силу въ дѣятельности человѣка, какъ указанный г. Лакомбомъ мотивъ художественный или мотивъ чести. Самъ онъ, впрочемъ, въ концѣ-концовъ, признаетъ, что религія имѣетъ притягательную силу для человѣка, соотвѣтствуя его стремленію уяснить себѣ первопричины окружающихъ его явленій. Но въ такомъ случаѣ отчего же г. Лакомбъ исключилъ религіозный мотивъ изъ мотивовъ человѣческой дѣятельности?

Столь же непонятно, почему онъ въ своемъ спискѣ разныхъ установленій пропустилъ, напримѣръ, установленія военныя, между тѣмъ какъ установленія свѣтскія въ него включены. Но дѣло въ томъ, что и война имъ причислена къ экономическимъ установленіямъ, именно къ категоріи распредѣленія цѣнностей. Война не создаетъ цѣнностей, но она распредѣляетъ ихъ; выражаясь короче и понятнѣе—война причисляется Лакомбомъ къ грабежу: одинъ народъ набрасывается съ оружіемъ въ рукахъ на другой, чтобы отнять у него тѣ или другія цѣнности. Надо ли пояснять всю несостоятельность этого взгляда. Даже если мы возьмемъ первобытныя общества, то война не всегда вызывалась желаніемъ ограбить сосѣда, а если мы возьмемъ позднѣйшія ступени развитія обществъ, то окажется, что войны все чаще и чаще вызывались не экономическими, а другими причинами: политическимъ соперничествомъ, ссорою между двумя властелинами, религіозными побужденіями и т. д. Впрочемъ, на этомъ вопросѣ и останавливаться нечего: для всякаго очевидно, что историкъ, который вздумалъ бы объяснять всѣ войны однимъ желаніемъ добиться иного распредѣленія цѣнностей, то-есть грабежомъ, признанъ былъ бы историкомъ несвѣ-

дущимъ и легкомысленнымъ или, мягче говоря, крайне тенденціознымъ.

Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что представленіе г. Лакомба о человѣкѣ вообще по меньшей мѣрѣ очень неполно. Многія стороны его существа не приняты во вниманіе. Составилъ ли г. Лакомбъ себѣ болѣе ясное представленіе о временномъ человѣкѣ, то-есть человѣкѣ, видоизмѣненномъ въ своихъ свойствахъ данною средою? Для того, чтобы уяснить себѣ временного человѣка, мы должны изучить въ немъ достигнутую имъ степень цивилизаціи, то-есть богатства, нравственности и умственнаго развитія. Но и тутъ богатство-де занимаетъ первое мѣсто, потому что и нравственность, и умственное развитіе преимущественно зависятъ отъ богатства. Но что такое, по мнѣнію г. Лакомба, богатство? Значеніе, которое придаютъ ему экономисты, отвергается нашимъ авторомъ безусловно, потому что нѣтъ мѣрила для его опредѣленія, то-есть нѣтъ возможности составить себѣ о немъ объективное сужденіе. Подъ богатствомъ экономисты разумѣютъ совокупность всѣхъ цѣнностей, то-есть средствъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но,—спрашиваетъ себя г. Лакомбъ,—чѣмъ измѣрите вы эти цѣнности? Деньги—мѣрило не вѣрное, потому что покупная сила ихъ бываетъ различная. Нельзя руководствоваться и взаимнымъ отношеніемъ заработной платы и цѣны извѣстныхъ жизненныхъ припасовъ. Надо быть увѣренными, что цѣна этихъ жизненныхъ припасовъ—нѣчто постоянное, а между тѣмъ она на самомъ дѣлѣ вѣчно колеблется и т. д. Словомъ, о богатствѣ нельзя составить себѣ въ прошломъ никакого опредѣленнаго понятія, если руководствоваться теоріями экономистовъ. Поэтому г. Лакомбъ предлагаетъ свою теорію, состоящую въ томъ, что богатство заключается въ возможности или удобствѣ совершенія дѣйствій, которыя прежде были невозможны или затруднительны. Такъ, напримѣръ, если народъ воздѣлываетъ землю заостренной палкою, то онъ менѣе богатъ, чѣмъ если онъ воздѣлываетъ ее при помощи сохи, а такой народъ опять менѣе богатъ, чѣмъ тотъ, который воздѣлываетъ ее при помощи плуга Домбаля. Народъ, имѣющій желѣзныя дороги и совершающій путешествія скорѣе и дешевле, богаче народа, не имѣющаго желѣзныхъ дорогъ, и проч. Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить степень богатства, мы должны подвести итогъ всѣмъ облегченнымъ человѣческимъ дѣйствіямъ, съ другой стороны—всѣмъ затрудненнымъ дѣйствіямъ, установить балансъ, и тогда мы выяснимъ, насколько человѣкъ въ данное время богаче или бѣднѣе, чѣмъ въ другое время. Напримѣръ, былъ ли знаменитый богачъ при Людовикѣ XIV, Самуилъ Бернаръ, богаче банкира нашего времени и насколько? Г. Лакомбъ отвѣчаетъ: «Даже за все свое богатство онъ не могъ бы проѣхать изъ Парижа въ Версаль въ 24 часа, черпать ежедневно необходимыя ему свѣдѣнія изъ нѣмецкой газеты, устранить фистулу

безъ боли и т. д. Съ другой стороны, надо было бы установить, могъ ли Бернаръ совершать нѣкоторыя дѣйствія легче, чѣмъ нынѣшній банкиръ. Получивъ такимъ образомъ итогъ, можно было бы сдѣлать сравненіе, и философскій умъ далъ бы приблизительное рѣшеніе, такъ какъ точное рѣшеніе тутъ невозможно».

Ни одинъ экономистъ, конечно, не согласится съ этимъ опредѣленіемъ богатства, потому что только съ явною натяжкою устраненіе фистулы безъ боли можетъ быть причислено къ богатству. Но не въ этомъ вопросъ. Самъ г. Лакомбъ признаетъ, что его опредѣленіе богатства даетъ лишь весьма недостовѣрные результаты, вѣрнѣе, не даетъ намъ твердыхъ точекъ для сравненія и не позволяетъ въ точности выяснить, насколько данный народъ богаче или беднѣе другого народа, или одинъ и тотъ же народъ богаче или бѣднѣе въ разное время своего существованія. Положимъ, простая соха замѣнена плугомъ Домбаля; положимъ, и фистулу можно оперировать безъ боли, и изъ Парижа въ Марсель можно прокатиться въ двадцать-четыре часа. Но вѣдь вопросъ заключается не въ тѣхъ или другихъ удобствахъ жизни, не въ сравнительной легкости, съ какою совершаются полезныя дѣйствія, а, по теоріи самого г. Лакомба, въ томъ, какъ воспринимается человѣкомъ это болѣе удобное удовлетвореніе своихъ потребностей. Опредѣлить же богатство съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакой возможности. Объективное опредѣленіе его также чрезвычайно затруднительно. Между тѣмъ отъ богатства въ значительной степени зависятъ успѣхи нравственности и умственнаго развитія. Опредѣлить степень послѣднихъ, по словамъ г. Лакомба, также весьма нелегко. Относительно нравственности онъ прямо говоритъ, что нѣтъ возможности на основаніи провѣренныхъ данныхъ установить, насколько одна эпоха нравственнѣе другой. Сравненіе умственнаго прогресса, по мнѣнію г. Лакомба, возможно, но эта задача, какъ онъ ее понимаетъ, еще никѣмъ не выполнена. Такимъ образомъ, ясное понятіе о временномъ человѣкѣ обусловливается изученіемъ степени богатства, нравственности и умственнаго развитія въ данную эпоху, а опредѣлить эту степень трудно или почти невозможно. При такихъ обстоятельствахъ очевидно, что не только человѣкъ вообще является величиною мало извѣстною, но и временной человѣкъ, а между тѣмъ они, по мнѣнію г. Лакомба, должны служить базисомъ для научной исторіи. Уже изъ этого видно, что воздвигаемое г. Лакомбомъ новое зданіе научной исторіи покоится на очень непрочномъ основаніи и при ближайшемъ анализѣ разлетается, какъ дымъ.

Мы разобрали первую основную часть труда нашего автора. Вторая является уже прикладною, то-есть представляетъ собою примѣненіе его теоріи къ разнымъ болѣе или менѣе существеннымъ вопросамъ историческаго изслѣдованія. Мы устранимъ тѣ главы, въ которыхъ разсматриваются такіе вопросы, какъ вліяніе изобрѣ-

теній на цивилизацію, напримѣръ, человѣческой рѣчи, огня, письменъ, книгопечатанія, или такъ-называемые законы подражанія, потому что эти вопросы либо разработаны гораздо подробнѣе и основательнѣе другими учеными, либо представляютъ собою въ изложеніи г. Лакомба почти буквальный пересказъ другихъ изслѣдованій, главнымъ образомъ Тарда. Чтобы еще полнѣе вникнуть въ основную мысль нашего автора, намъ, однако, надо остановиться на его понятіи о прогрессѣ. Можетъ ли, по крайней мѣрѣ, прогрессъ быть въ точности констатированъ? Можемъ ли мы составить себѣ объективное сужденіе о томъ,—подвинулось ли человѣчество въ теченіе своей исторіи или нѣтъ? Можетъ быть, даже произошелъ регрессъ, и намъ лучше всего вернуться къ первобытнымъ условіямъ существованія? И тутъ теорія г. Лакомба даетъ весьма сомнительные результаты. Съ одной стороны, онъ категорически заявляетъ, что всѣ народы прогрессировали. Такъ, они всѣ знакомы съ употребленіемъ огня, имѣютъ какія нибудь орудія, пользуются рѣчью, между тѣмъ какъ было время, когда они не знали ни огня, ни орудій, ни человѣческой рѣчи. Это говорится на 289 стр. Нѣсколькими страницами раньше, однако, онъ столь же категорически заявляетъ, что историку невозможно опредѣлить, насколько человѣкъ въ данное время былъ счастливѣе или несчастнѣе, чѣмъ въ другое время. Между тѣмъ, какъ уже видно изъ предыдущаго, и какъ нашъ авторъ формально удостовѣряетъ во второй части своего труда, высшею цѣлью жизни, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и историческаго прогресса, является счастье. Но если историкъ не въ состояніи опредѣлить, насколько человѣчество было счастливѣе или несчастнѣе въ данную эпоху, то, значитъ, онъ не можетъ установить,—существуетъ ли прогрессъ или нѣтъ. Показанія г. Лакомба въ этомъ отношеніи совершенно ясны. Онъ, напримѣръ, сомнѣвается даже, можно ли назвать прогрессомъ переходъ отъ рабства къ крѣпостничеству и отъ крѣпостничества къ вольно-наемному труду. Приведемъ его подлинныя слова: «Конечно, рабочій сталъ независимѣе, и чувство человѣческаго достоинства въ немъ усилилось. Это можно утверждать почти съ увѣренностью; но прогрессъ въ смыслѣ достиженія дѣйствительнаго счастья нерѣдко оспаривался и, несомнѣнно, является спорнымъ. Свободный рабочій, вообще говоря, трудится несравненно больше, чѣмъ рабъ, и въ особенности у него гораздо больше заботъ. Его безпокоитъ будущее, какъ собственное, такъ и близкихъ ему людей, и эта забота тѣмъ болѣе для него тягостна, что его умственное и нравственное развитіе двинулось впередъ. Чтобы уравновѣсить это невыгодное условіе, надо изобрѣсти очень тяжелое крѣпостное состояніе... Собственное все сводится къ чувству, съ какимъ относится рабочій къ своей участи. Спрашивается,—чувствуетъ ли современный рабочій сильнѣе все, чего ему недостаетъ и что̀ онъ видитъ у дру-

гихъ, чѣмъ чувствовалъ это крѣпостной? Требуется большая смѣлость, чтобы рѣшительно отвѣтить на этотъ вопросъ».

Такимъ образомъ, прогрессъ человѣчества, съ одной стороны, несомнѣненъ, съ другой—подлежитъ большому сомнѣнію. Не трудно себѣ уяснить, почему г. Лакомбъ приходитъ къ такимъ противоположнымъ выводамъ. Дѣло въ томъ, что мѣрила у него различныя: то онъ беретъ чисто внѣшніе признаки прогресса, такіе, которые могутъ быть въ точности констатированы, напримѣръ, умѣнье пользоваться огнемъ, изобрѣтеніе человѣческой рѣчи или разныхъ орудій, въ родѣ сохи, плуга Домбаля; то онъ беретъ внутреннее душевное настроеніе, которое измѣренію или опредѣленію не подлежитъ. Въ первомъ случаѣ онъ относительно прогресса не сомнѣвается; во второмъ онъ подвергаетъ его сильному сомнѣнію. Но для насъ важенъ именно второй случай, потому что г. Лакомбъ основывается главнымъ образомъ на психологіи и формально заявляетъ, что цѣль человѣческой жизни и историческаго развитія, то-есть прогресса, является счастье, слѣдовательно извѣстное душевное настроеніе. Онъ самъ признаетъ, что констатировать въ этомъ отношеніи прогрессъ рѣшительно невозможно, и насъ это нисколько не можетъ удивить при его точкѣ зрѣнія, въ силу которой онъ исходитъ отъ человѣка вообще и отъ временного человѣка. Какъ мы видѣли, оба эти понятія остаются у нашего автора невыясненными. Не зная въ точности, что такое человѣкъ вообще и какимъ онъ былъ въ ту или другую эпоху своего существованія, мы, конечно, не располагаемъ никакою мѣркою для сравненія, не можемъ уяснить себѣ,—былъ ли онъ счастливѣе тысячу лѣтъ тому назадъ; мы не можемъ, слѣдовательно, судить и о прогрессѣ. Словомъ, становясь на точку зрѣнія г. Лакомба, мы приходимъ къ невозможности уяснить себѣ основные вопросы историческаго изслѣдованія, мы блуждаемъ въ потемкахъ, можемъ утверждать или отрицать, радоваться или печалиться, благословлять судьбу или негодовать на нее, вѣрить въ возможность прогресса или сомнѣваться въ немъ. Все тутъ зависитъ отъ субъективной точки зрѣнія, отъ собственнаго нашего настроенія, потому что въ исторіи всякаго народа есть и свѣтлыя, и мрачныя стороны, и если мы сами склонны смотрѣть на все сквозь розовые очки, то жизнь человѣчества намъ представится въ розовомъ свѣтѣ, а если мы настроены мрачно, то найдемъ въ исторіи достаточно поводовъ признавать жизнь человѣчества безотрадною. Для объективной же оцѣнки ея мы лишены сколько нибудь устойчиваго мѣрила.

Г. Лакомбъ приходитъ, въ концѣ-концовъ, къ самымъ мрачнымъ выводамъ. Недовольствуясь изложеніемъ своей теоріи, онъ въ послѣдней главѣ выступаетъ пророкомъ, спрашиваетъ себя,—какова будущность человѣчества? «Коммуна возродится у насъ и у другихъ народовъ, разыграются небывалыя трагедіи, буря будетъ об-

щая и обнажитъ корень соціальнаго зла. Народныя массы заручились не только избирательными бюллетенями, но и ружьемъ. Не будемъ возлагать надеждъ на ихъ пассивное послушаніе». Словомъ, г. Лакомбъ предвидитъ соціальную катастрофу, общее крушеніе нашей цивилизаціи, ибо «рабочій не хочетъ больше работать на прежнихъ условіяхъ». «Благотворный геній, — продолжаетъ нашъ авторъ,—то-есть неотложная потребность, проявлялъ свое вліяніе въ надеждѣ, что желанія всѣхъ будутъ исполнены. Онъ вѣками трудился, имѣя въ виду эту цѣль. Но какъ только онъ перестанетъ надѣяться, какъ только онъ признаетъ свое дѣло неосуществимымъ, онъ его самъ разрушитъ. Я даже усматриваю глубокое соотвѣтствіе между началомъ и концомъ теперешняго историческаго развитія, потому что неутомимый геній приступитъ къ разрушенію не для того, чтобы отдохнуть; наоборотъ, онъ примется за все сызнова».

Болѣе мрачной картины трудно изобразить. Руководствуясь своими понятіями о человѣкѣ вообще и о временномъ человѣкѣ, г. Лакомбъ приходитъ къ заключенію, что цивилизація почти неизбѣжно приведетъ насъ къ общему катаклизму. При его взглядѣ на относительное значеніе разныхъ человѣческихъ потребностей, катастрофа дѣйствительно можетъ казаться неизбѣжной. Какъ мы видѣли, онъ отводитъ эконономіческому мотиву первое мѣсто и считаетъ богатство источникомъ всякаго прогресса. Какъ ни изумительны успѣхи производства, какую власть человѣчество ни пріобрѣло надъ природою, какъ оно ни подчинило ея силы цѣлямъ своего обогащенія, тѣмъ не менѣе число людей увеличивается быстрѣе, чѣмъ средства существованія. Поэтому можно предвидѣть, что ихъ, въ концѣ-концовъ, не хватитъ, а страданія, вызываемыя голодомъ, неизбѣжно приведутъ къ ужаснѣйшимъ потрясеніямъ, къ ниспроверженію всего соціальнаго строя.

Конечно, можно нарисовать и другую картину, можно, напримѣръ, указать на слѣдующіе историческіе факты. Классическая цивилизація погибла вслѣдствіе неспособности ея рѣшить удовлетворительно вопросъ о рабствѣ. Много вѣковъ спустя другой экономическій строй, извѣстный подъ именемъ крѣпостничества, былъ устраненъ, правда, съ значительными потрясеніями въ однѣхъ странахъ, но безъ всякихъ потрясеній въ другихъ, и во всякомъ случаѣ эта грандіозная экономическая реформа не вызвала крушенія ни одного государства. Тѣ реформы, которыя предстоитъ теперь совершить, сравнительно не имѣютъ уже такого крупнаго значенія въ смыслѣ ломки тысячелѣтняго соціальнаго строя. И не видимъ ли мы, что усилія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ направлены къ рѣшенію соціальнаго вопроса, что рѣшеніе это исходитъ и отъ самыхъ народныхъ массъ, и отъ интеллигенціи въ обширномъ значеніи этого слова, и отъ людей науки, и отъ пра-

вительствъ, какъ объединенной силы всего народа. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, да еще и позже, голодъ составлялъ въ народной жизни явленіе обычное. Теперь такое народное бѣдствіе въ цивилизованныхъ странахъ устранено, а въ случаѣ недородовъ правительства находятъ средства въ значительной степени ослабить бѣдствіе. Постоянное обсужденіе вопроса о капиталѣ и трудѣ, стачки рабочихъ, разные союзы и ассоціаціи, обезпеченіе рабочихъ на случай инвалидности,—все это наполняетъ теперь общественную мысль и представляетъ собою разныя стороны рѣшенія все того же соціальнаго вопроса. Никогда еще благотворительность не располагала такими средствами, какими она располагаетъ въ настоящее время; никогда еще и частныя лица, и общества, и правительства не приходили еще такъ дѣятельно на помощь необезпеченному ближнему. Можетъ быть, все это еще далеко недостаточно; можетъ быть, все, что дѣлается въ этомъ отношеніи, не удовлетворяетъ господствующаго теперь чувства состраданія. Но въ виду громадныхъ успѣховъ, достигнутыхъ уже на этомъ поприщѣ сравнительно съ недалекимъ еще прошлымъ, надо будетъ признать, что альтруистическія чувства нынѣ достигли небывалой степени напряженія и проявляются съ небывалою еще силою. Наконецъ, можно ли серьезно предсказывать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ крушеніе нашей цивилизаціи вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія населенія и соотвѣтственнаго недостатка средствъ существованія? Въ Россіи жителей приходится 18 на кв. километръ; въ Бельгіи—213. Однако, матеріальное благосостояніе Бельгіи неизмѣримо выше матеріальнаго благосостоянія Россіи. Значитъ, до истощенія средствъ существованія еще очень далеко. О немъ трудно говорить, когда громадныя удобныя территоріи еще вовсе не заселены, еще лежатъ впустѣ, никѣмъ не обрабатываются или обрабатываются еще очень неумѣло. Можетъ, пожалуй, идти рѣчь о колоніальномъ вопросѣ, о болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи населенія на земной поверхности, но объ истощеніи средствъ существованія еще долго, еще въ теченіе многихъ вѣковъ не можетъ быть рѣчи. Мы понимаемъ, что публицисты, желая поощрить и общество, и правительство къ болѣе энергическому рѣшенію соціальнаго вопроса, изображаютъ въ мрачныхъ краскахъ экономическое положеніе народа, пророчествуютъ о неизбѣжномъ наступленіи катастрофы. Но люди науки, для которыхъ истина дороже всего, должны были бы отъ этого воздерживаться. Во всякомъ случаѣ изложенный нами болѣе свѣтлый взглядъ на будущее основанъ на безспорныхъ фактахъ, чего никакъ нельзя сказать о выводахъ г. Лакомба.

Если спросить себя теперь, въ чемъ заключается основная ошибка г. Лакомба, то намъ отвѣтить будетъ уже не трудно. Собственно онъ вовсе не новаторъ, а предлагаетъ намъ вернуться къ

очень старому методу изслѣдованія. И естественныя науки, и историческія сдѣлали значительные успѣхи именно съ тѣхъ поръ, какъ отказались строить системы на основаніи чисто метафизическихъ принциповъ и обратились къ изученію фактовъ, къ наблюденію, къ опытному знанію. Чтѝ осталось теперь отъ знаменитыхъ научныхъ системъ, построенныхъ на метафизическихъ началахъ? Всѣ онѣ опровергнуты и признаны несостоятельными: и монадологія Лейбница, и органическая теорія Шеллинга, и трилогія Гегеля...

Тотъ человѣкъ вообще, котораго г. Лакомбъ кладетъ въ основаніе своей будто бы новой теоріи, всецѣло господствовалъ и въ философіи восемнадцатаго вѣка. Знаменитая теорія Руссо объ общественномъ договорѣ была построена на немъ. Онъ былъ положенъ въ основаніе и тѣхъ реформъ, которыя были задуманы дѣятелями великой французской революціи. Какое глубокое разочарованіе постигло ихъ на первый разъ! Они мечтали о томъ, что достаточно дать свободу человѣку вообще, какъ они его понимали; отвѣтомъ послужили ужасы, звѣрства, безконечное кровопролитіе первой французской революціи. Реальный человѣкъ на дѣлѣ не оправдалъ ожиданій, возлагавшихся на человѣка вообще. Разумное существо оказалось во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени неразумнымъ. На первый разъ отъ французской революціи сохранилось лишь то, чтѝ соотвѣтствовало стремленіямъ, уровню нравственнаго и умственнаго развитія человѣка даннаго историческаго момента, данной страны. Соціальная борьба не прекратилась, вѣчный миръ, о которомъ мечтали идеально настроенные дѣятели первой французской революціи, на самомъ дѣлѣ привелъ къ безконечнымъ войнамъ. Народъ, которому была предоставлена государственная власть, отказался отъ нея въ пользу такого дѣятеля, какъ Наполеонъ I. Очевидно, представленіе о человѣкѣ вообще было невѣрно, и, приглядываясь къ тому, что нынѣ происходитъ во Франціи, мы вынуждены будемъ признать, что и по прошествіи болѣе чѣмъ вѣка послѣ первой французской революціи, французскій народъ еще далеко не доросъ до того представленія о человѣкѣ вообще, котораго придерживалась философія XVIII вѣка. А между тѣмъ, другія страны, болѣе считавшіяся съ реальнымъ человѣкомъ, осуществили у себя почти всѣ тѣ реформы, которыхъ добилась Франція, безъ тѣхъ ужасныхъ потрясеній, безъ того страшнаго кровопролитія, какія онѣ вызвали во Франціи. Нѣтъ, представленіе о человѣкѣ вообще сослужило плохую службу мирному развитію народовъ. Государственное дѣло — дѣло практическое. Государственные люди въ своей дѣятельности должны руководствоваться не только представленіемъ о человѣкѣ вообще, но и нравственнымъ, и умственнымъ уровнемъ реальнаго человѣка, для котораго издаются законы, принимаются реформы. И не только государственный человѣкъ, но и всякій общественный дѣятель

долженъ знать этого, чисто временного человѣка съ его страстями, предразсудками, можетъ быть, низкимъ уровнемъ нравственнаго и умственнаго развитія, привычками, сложившимися въ теченіе вѣковъ, міросозерцаніемъ, какъ продуктомъ всего его прошлаго. Кто же намъ раскроетъ этого чисто временного человѣка? Правильно ли подчинять исторію представленію о человѣкѣ вообще? Можетъ быть, вѣрнѣе избрать обратный путь, исходить изъ принципа, что исторія является однимъ изъ источниковъ познанія человѣка вообще? Во всякомъ случаѣ, психологія можетъ не меньше заимствовать у исторіи, чѣмъ исторія у психологіи, и отводить исторіи служебную роль по отношенію къ психологіи вообще опасно; иначе всегда окажется, какъ это случилось и съ г. Лакомбомъ, что случайности придется отвести слишкомъ большую роль въ исторіи, то-есть чистосердечно признаться, что мы уяснить себѣ хода историческихъ событій не въ состояніи. Г. Лакомбъ отводитъ этому вопросу обширную главу въ своемъ трудѣ, въ которой онъ вынужденъ сознаться, что если бы гражданка Богарнэ не была бы любовницею Барраса, или если бы у Наполеона случился во время рѣшительнаго сраженія насморкъ, то ходъ исторіи могъ бы быть совершенно инымъ. Чтобы прійти къ такому выводу, положительно не стоило строить историческую науку на новомъ основаніи. Основаніе это оказывается слишкомъ шаткимъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняется, какъ безцѣльно строить историческія системы на метафизическихъ принципахъ.

Самыя лучшія и убѣдительныя страницы книги г. Лакомба посвящены именно критикѣ метафизическихъ теорій, введенныхъ въ исторію. Таковы главы, въ которыхъ разбираются органическая теорія историческаго прогресса и вопросъ о національномъ духѣ, какъ главномъ факторѣ народной жизни. Въ особенности глубоко задумана послѣдняя глава, въ которой г. Лакомбъ весьма убѣдительно доказываетъ, что то, что̀ мы называемъ національнымъ духомъ, вовсе не составляетъ чего-то прирожденнаго данному племени, а является продуктомъ окружающихъ его временныхъ условій. Былъ ли Магометъ продуктомъ національнаго духа арабовъ? Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить, что ему пришлось обращать жителей Мекки въ свою вѣру при помощи оружія? Очевидно, тутъ національный духъ самъ себя не понялъ. Національный духъ древнихъ грековъ сдѣлалъ изъ нихъ народъ художниковъ. Скажемъ, что они были прирожденными скульпторами. Но, спрашивается, почему они прожили вѣка, не давъ человѣчеству ни одного скульптора, а затѣмъ прожили еще вѣка безъ всякой примѣси пришлыхъ элементовъ и, все-таки, совершенно отказались отъ скульптуры. Мы не можемъ привести здѣсь всей аргументаціи г. Лакомба; но она представляется намъ очень убѣдительной, какъ и многія другія страницы его труда, въ которыхъ онъ разсѣиваетъ

метафизическіе предразсудки историковъ. Въ этомъ отношеніи его книга можетъ быть прочитана съ большою пользою. Тѣмъ болѣе жаль, что онъ самъ не остерегся отъ метафизическихъ предразсудковъ другого рода, положивъ въ основу своей книги представленіе объ общемъ человѣкѣ, которое можетъ быть выработано лишь при содѣйствіи исторіи, какъ науки устанавливающей, провѣряющей, постепенно обобщающей факты прошлаго и тѣмъ способствующей познанію человѣка, — этой общей и высшей ея цѣли. Намъ русскимъ, очень склоннымъ руководствоваться крайне отвлеченнымъ представленіемъ о человѣкѣ и испытавшимъ, вслѣдствіе этого, много горькихъ разочарованій, слѣдуетъ особенно осторожно относиться къ трудамъ, авторы которыхъ исходятъ изъ понятія объ общемъ человѣкѣ и создаютъ на этомъ основаніи теоріи, затрудняющія успѣшное рѣшеніе окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ практическихъ вопросовъ первостепеннаго значенія, вѣрнѣе всего обезпечивающихъ благополучіе отечества.

Р. Сементковскій.

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ.

ВЪ ГАЛЛЕРЕѢ портретовъ историческихъ лицъ, принадлежащей Императорской Академіи Наукъ, находится портретъ А. С. Норова, писанный масляными красками. Портретъ этотъ не былъ еще воспроизведенъ и потому мы помѣщаемъ его въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», присоединяя къ нему краткія біографическія свѣдѣнія о Норовѣ.

А. С. Норовъ извѣстенъ какъ путешественникъ по святымъ мѣстамъ, Египту, Нубіи и Европѣ, какъ авторъ многихъ произведеній, какъ библіофилъ и владѣлецъ замѣчательной въ свое время библіотеки, какъ помощникъ главнаго попечителя человѣколюбиваго общества, какъ председатель археографической комиссіи и, наконецъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія. Писалъ онъ очень много. Кромѣ изданныхъ отдѣльно сочиненій, его произведенія разбросаны въ тринадцати, если не болѣе, періодическихъ изданіяхъ. О немъ написано разными авторами также довольно много. Характеристикѣ его дѣятельности и личности отведено довольно почтенное мѣсто въ послѣдніе годы въ журналахъ, посвящающихъ свои страницы исторіи. Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ описанія, посвященныя личности А. С. Норова, рѣзко дѣлятся на двѣ противоположныя категоріи: все то, что̀ писано о немъ во время его жизни и служебнаго могущества, носитъ или сдержанный, или хвалебный характеръ; все же, написанное послѣ его смерти, дышитъ гораздо большей откровенностью и рисуетъ его совсѣмъ инымъ человѣкомъ и какъ государственнаго дѣятеля и

какъ человѣка вообще. Но всѣ біографіи и воспоминанія о немъ безусловно сходятся въ томъ, что А. С. Норовъ былъ человѣкъ добрѣйшей души, но въ то же время обладалъ замѣчательной безхарактерностью и отличался отсутствіемъ самостоятельности, воли и рѣшимости. О немъ много говорятъ въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ кн. Е. П. Оболенскій, А. В. Никитенко, М. И. Венюковъ и другіе его современники. Для его будущаго біографа матеріала накопилось уже достаточно; мы же приведемъ только краткія біографическія свѣдѣнія.

А. С. Норовъ происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи и въ числѣ своей родни насчитывалъ много русскихъ аристократическихъ домовъ. Извѣстная княгиня Екатерина Романовна Дашкова приходилась ему также родственницей. Родился онъ 22-го октября 1795 года, въ Саратовской губерніи, въ родовомъ имѣніи своего отца «Ключи». Мать его была урожденная Кошелева. Воспитаніе сначала онъ получилъ домашнее подъ личнымъ наблюденіемъ отца—по общимъ отзывамъ—очень умнаго, образованнаго и благороднаго отставного военнаго, служившаго нѣкогда въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ доживавшаго свой вѣкъ на покоѣ въ Москвѣ. По окончаніи домашняго воспитанія, онъ былъ отданъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, учился тамъ, но курса не окончилъ. Объ этихъ годахъ его жизни можно найти свѣдѣнія у Сушкова въ его сочиненіи «Московскій благородный пансіонъ». А. С. Норовъ былъ по природѣ очень любознателенъ и обладалъ выдающимися лингвистическими способностями. Онъ зналъ языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій и отчасти испанскій и читалъ иностранную литературу въ подлинникахъ. Впослѣдствіи онъ изучилъ латинскій и греческій языки и съ подлинника же переводилъ «Анакреона». Въ болѣе поздніе годы жизни, изучая Библію, онъ познакомился и съ еврейскимъ языкомъ.

Выйдя изъ пансіона, онъ сталъ готовиться къ военной карьерѣ и, выдержавъ экзаменъ по военнымъ наукамъ, поступилъ на службу юнкеромъ въ гвардейскую кавалерію. Поступилъ онъ почти наканунѣ Отечественной войны и передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій получилъ первый чинъ прапорщика. Онъ былъ въ дѣйствующей арміи и участвовалъ въ знаменитомъ Бородинскомъ бою; командовалъ на батареѣ двумя пушками и 26-го августа 1812 года былъ раненъ картечью въ ногу. Ногу ему раздробило совсѣмъ, такъ что пришлось отнять ее, и всю остальную жизнь онъ ходилъ на деревяжкѣ. Разсказываютъ, что когда онъ былъ раненъ и упалъ и окружающіе его товарищи по оружію стали выражать ему соболѣзнованіе, то онъ отвѣтилъ, что станетъ драться потомъ съ непріятелемъ и на деревяжкѣ. Получивъ рану, онъ потерялъ много крови и былъ отправленъ для лѣченія въ Москву, гдѣ, между про-

чимъ, оказался въ плѣну у непріятеля, такъ какъ Москва вскорѣ была уже занята французами. Непріятели отнеслись къ нему не только внимательно, но и великодушно: его раненую ногу лѣчилъ лейбъ-медикъ Наполеона, Ларей. Въ дѣйствующую армію онъ болѣе не поступалъ и 1813 и 1814 годы провелъ у себя въ деревнѣ, поправляя здоровье. Здѣсь на досугѣ онъ принялся за изученіе литературы и самъ началъ писать, преимущественно стихи. Успѣхъ его на этомъ поприщѣ былъ не великъ. У него было достаточно чутья и пониманія прекраснаго, но поэтическимъ творчествомъ богатъ онъ не былъ. Общій тонъ его стихотвореній и другихъ литературныхъ работъ былъ проникнутъ вѣрою въ добро и довѣріемъ къ судьбѣ.

Военную службу А. С. Норовъ оставилъ въ 1823 году въ чинѣ полковника и затѣмъ поступилъ въ гражданскую, гдѣ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники. По словамъ А. В. Никитенка, А. С. Норовъ, по поводу своей гражданской службы, разсказывалъ самъ о себѣ слѣдующій анекдотъ. Сначала онъ подалъ просьбу о назначеніи его куда либо губернаторомъ. Черезъ нѣсколько времени его призвалъ къ себѣ всесильный тогда Аракчеевъ и потребовалъ, чтобы А. С. Норовъ поблагодарилъ его за то, что онъ, Аракчеевъ, отсовѣтовалъ государю дать ему, А. С. Норову, мѣсто губернатора. Норовъ, конечно, былъ сильно удивленъ и этимъ требованіемъ, и плачевнымъ оборотомъ дѣла, но Аракчеевъ тутъ же объяснилъ ему и мотивы своего поступка. Онъ сказалъ ему откровенно, что считаетъ его храбрымъ и прекраснымъ офицеромъ, но совершенно отказывается видѣть въ немъ сколько нибудь сноснаго и знакомаго съ дѣломъ губернатора. Норовъ разсказывалъ этотъ эпизодъ вполнѣ добродушно. Гражданскую службу свою онъ началъ, занявъ должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, и вскорѣ былъ прикомандированъ къ адмиралу Синявину въ балтійскую эскадру, которая получила предписаніе плыть въ Англію. Норовъ, какъ человѣкъ знакомый съ англійскимъ языкомъ, велъ переписку Синявина съ представителями Англіи. Это было въ 1827 году. Въ 1830 году онъ снова возвратился на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

До поступленія на службу въ министерство, онъ въ 1821 году совершилъ свое первое путешествіе по Европѣ и объѣздилъ Германію, Францію и Италію. Изъ всѣхъ странъ наибольшее впечатлѣніе произвела на него Сицилія. Несмотря на то, что ему приходилось ходить на деревяжкѣ, онъ имѣлъ достаточно энергіи, чтобы совершить восхожденіе на вершину Этны и подняться къ самому ея кратеру. О Сициліи онъ написалъ два тома, вышедшіе въ свѣтъ въ 1822 году.

Служа въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, А. С. Норовъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ различныхъ комиссіяхъ, за-

нимавшихся работами по разнымъ вопросамъ государственнаго управленія. Но главнымъ памятникомъ его службы этого времени остался значительный трудъ въ видѣ исторической записки о составѣ и занятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, начиная съ 1802 года, съ самаго его возникновенія. Записка доведена до 1820 года и была принята тогдашнимъ министромъ, графомъ Закревскимъ, съ одобреніемъ.

Служба, отнимая у него не мало времени, тѣмъ не менѣе далеко не вполнѣ удовлетворяла его. Его тянуло путешествовать и вскорѣ онъ совершилъ свою поѣздку въ Палестину и потомъ въ Египетъ и Нубію. Описаніе его путешествія въ Палестину выдержало три изданія: въ 1838, 1844 и 1854 годахъ. Въ Египтѣ его интересовалъ болѣе всего тогдашній мѣстный реформаторъ Мегеметъ-Али, совершавшій энергично ломку стараго строя государства и вводившій новые порядки. А. С. Норовъ совершилъ поѣздку по Нилу вверхъ до большихъ пороговъ, посѣтилъ развалины Ѳивъ, Луксора и Карнака и взбирался на вершину самой большой пирамиды. Описаніе этого путешествія было издано въ 1840 году.

Возвратившись въ Россію, онъ занялъ мѣсто правителя дѣлъ комиссіи принятія прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя, и вскорѣ сталъ членомъ этой комиссіи. Это было въ 1839 году. Десять лѣтъ спустя ему повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ и въ то же время онъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго попечителя Императорскаго человѣколюбиваго общества. Въ то время, когда онъ занималъ эту послѣднюю должность, шла сильная борьба между человѣколюбивымъ обществомъ и существовавшимъ тогда обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, работавшимъ подъ предсѣдательствомъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. Общество это, проникнутое самыми гуманными намѣреніями, возникло въ 1846 году, но тотчасъ же возбудило противъ себя подозрѣнія въ либерализмѣ. Попечителемъ его былъ герцогъ Лейхтенбергскій, но и это обстоятельство не спасло его отъ борьбы и отъ закрытія. Члены этого общества устраивали балы съ лотереями-аллегри, концерты и спектакли, въ которыхъ участвовали многія знаменитости. Но самыя дѣйствія общества, открывшаго семейныя квартиры, рукодѣльныя и лѣчебницы, магазинъ, скупавшій работы ремесленниковъ, — казались очень подозрительными. Начались интриги со стороны человѣколюбиваго общества. Кн. Одоевскій обратился къ Норову, но Норовъ отказалъ въ поддержкѣ, и общество это въ 1855 году принуждено было слиться съ человѣколюбивымъ и перестало существовать. Этотъ отказъ въ поддержкѣ современники ставятъ А. С. Норову въ упрекъ.

Къ этому времени Норовъ пользовался уже извѣстностью, какъ знатокъ литературы и писатель, и Академія Наукъ избрала его дѣйствительнымъ своимъ членомъ по отдѣленію русскаго языка и

словесности. Славился онъ въ это время и своею рѣдкою библіотекой. Библіотекъ онъ составилъ двѣ. Одна изъ нихъ была собрана до 30-хъ годовъ нынѣшнаго столѣтія и затѣмъ продана князю Ник. Ив. Трубецкому. Послѣ продажи ея Норовъ сталъ составлять вторую, еще болѣе полную и богатую, и уступилъ ее за 17 тысячъ рублей московскому музею, гдѣ она находится и нынѣ. Въ ней было много отдѣловъ, которые всѣ были занесены въ особый каталогъ, составляющій теперь библіографическую рѣдкость, такъ какъ онъ былъ напечатанъ въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Въ этой библіотекѣ находились полныя собранія сочиненій философовъ Giordano Bruno и Campanella. Полнаго собранія сочиненій этихъ авторовъ нѣтъ ни въ одной публичной европейской библіотекѣ, такъ какъ сочиненія эти были истреблены, Бруно былъ сожженъ за нихъ заживо, а Кампанелла высидѣлъ 27 лѣтъ въ тюрьмахъ инквизиціи и былъ пытаемъ 24 раза. Рѣдкими книгами отличались отдѣлы по библейской исторіи, философіи, твореніямъ отцовъ церкви и богословію; отдѣлъ библейской географіи былъ замѣчателенъ своею полнотой.

Въ 1850 году А. С. Норовъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и въ 1854 году—министромъ. Главнѣйшія черты его дѣятельности на этомъ посту выразились въ слѣдующемъ. Онъ исходатайствовалъ преподавателямъ прежній пенсіонъ, увеличилъ комплектъ студентовъ въ университетахъ, установилъ командировки магистровъ, по избранію самихъ университетовъ, за границу для подготовленія ихъ къ занятію профессорскихъ каѳедръ; обратилъ вниманіе государя на неудобства существованія комитета, учрежденнаго для наблюденія надъ книгопечатаніемъ, что̀ со временемъ и содѣйствовало его закрытію, и, наконецъ, расширилъ программу преподаванія древнихъ языковъ. Онъ много работалъ также и по вопросамъ цензуры, находившейся тогда въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и старался, по возможности, содѣйствовать, хотя и не вполнѣ успѣшно, облегченію цензурныхъ строгостей. Какъ человѣкъ, А. С. Норовъ пользовался общимъ уваженіемъ. Въ немъ признавали много добродушія, простоты, общительности и доброты, но какъ министра, его не одобряли. М. И. Венюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «За все время посѣщенія мною университета я видѣлъ его (то-есть Норова) лишь два раза. Въ обоихъ случаяхъ самою видною стороною его было ковыляніе на деревяжкѣ, которая замѣняла ему одну изъ ногъ. Говорилъ онъ мало, повидимому, стѣсняясь высокостью своего сана, но говорилъ симпатично, по крайней мѣрѣ, не бранясь, какъ это было въ обычаѣ у многихъ сановниковъ того времени, ради внушенія страха. Студенты его не трепетали, даже, пожалуй, любили; но основное ихъ мнѣніе было, что онъ—ни рыба, ни мясо, не довольно ученъ и дѣйствуетъ съ чужого голоса».

Ближайшій сотрудникъ А. С. Норова, А. В. Никитенко, служившій вмѣстѣ съ нимъ отъ самаго его назначенія и до увольненія отъ должности министра въ 1858 году, отводитъ ему въ своемъ дневникѣ довольно почтенное мѣсто. Онъ пишетъ, что при вступленіи Норова на постъ министра, подъ министерство подкапывались со всѣхъ сторонъ и оно сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а представитель его—министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросами, чѣмъ государственный человѣкъ. Вслѣдъ за этимъ А. В. Никитенко задаетъ вопросъ: «Удержится ли Норовъ на этотъ мѣстѣ? У него благородное сердце и намѣренія у него благія, но едва ли достанетъ у него силъ. Хотя онъ и говоритъ, что готовъ пожертвовать собою, т.-е. своимъ чиновнымъ значеніемъ, за дѣло просвѣщенія, но станетъ ли у него на это мужества? Ему недостаетъ, между прочимъ, и того практическаго смысла и того навыка къ дѣламъ, какой все-таки былъ у Шихматова, а помощниковъ у него нѣтъ»...

Сначала А. С. Норовъ руководствовался въ мало знакомомъ ему дѣлѣ совѣтами Никитенка, но потомъ сталъ довѣрять другому лицу, К., и дѣло пошло не такъ, какъ ему слѣдовало бы идти. Министръ сталъ дѣлать ошибки одна за другою. Онъ почти постоянно жаловался на свои затрудненія и просилъ совѣтовъ. У Никитенка встрѣчаются скорбныя фразы въ родѣ: «Какъ ожидать стойкости отъ того, кто не полагается прежде всего на самого себя и на силу собственныхъ убѣжденій? Какъ бы онъ (Норовъ) ни былъ просвѣщенъ и гуманенъ, онъ не способенъ долго противиться натиску враждебныхъ обстоятельствъ». Въ 1856 году онъ пишетъ: «Удивительный человѣкъ Авраамъ Сергѣевичъ! Тяжело имѣть дѣло съ такимъ шаткимъ человѣкомъ! Опять тревоги по милости жалкой безхарактерности министра. Нѣтъ возможности идти съ нимъ путемъ ровнымъ, прямымъ и открытымъ, а между тѣмъ онъ самъ—хорошій человѣкъ. Но вотъ, что̀ значитъ не имѣть ума твердаго и воли, способной рѣшать самой, безъ чужихъ подпорокъ. При этомъ боязнь, чтобы его не уличили въ зависимости отъ кого нибудь. Онъ—одна изъ печальныхъ жертвъ несчастнаго канцеляризма, который у насъ такъ часто замѣняетъ правительственный разумъ»... «Необдуманностью своихъ поступковъ онъ не разъ ставилъ себя въ такое положеніе, что не зналъ самъ, какъ изъ него выйти, и прибѣгалъ къ школьнымъ уловкамъ»... Московскіе остряки сложили на А. С. остроту: «Онъ безъ памяти любитъ просвѣщеніе». А въ Петербургѣ къ этому прибавляютъ: «Онъ безъ ума отъ своего министерства».

Наконецъ, общій ходъ дѣла въ министерствѣ А. В. Никитенко характеризуетъ слѣдующими безотрадными строками: «Представленія попечителей о самыхъ важныхъ нуждахъ подвергаются страшнымъ задержкамъ, крючкотворствамъ, искаженіямъ, не говоря уже

о высшихъ вопросахъ воспитанія и образованія, на которые не обращается никакого вниманія. Канцелярскій произволъ надъ всѣмъ владычествуетъ. Министръ ничего не знаетъ, ничего не видитъ, а только слушаетъ своего наперсника Кисловскаго и подписываетъ бумаги, которыхъ содержанія часто не знаетъ или черезъ нѣсколько минутъ забываетъ»...

По увольненіи отъ должности министра, А. С. Норовъ продолжалъ оставаться предсѣдателемъ въ археологической комиссіи и здѣсь много содѣйствовалъ тому, что комиссія эта выпустила въ свѣтъ 35 томовъ историческихъ актовъ.

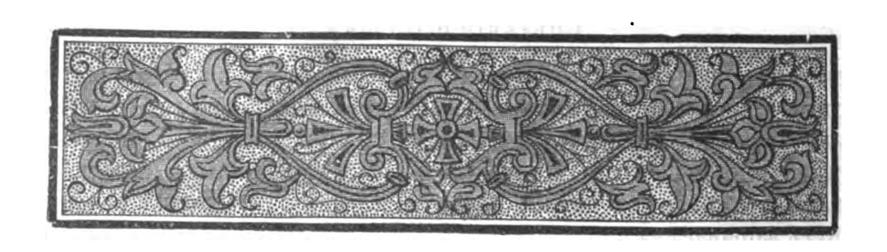
Въ 1860 году онъ лишился жены. Дѣти его умерли еще раньше. Оставшись совершенно одинокимъ старикомъ, онъ весь отдался уединеннымъ кабинетнымъ занятіямъ, но затѣмъ его снова потянуло путешествовать, и въ 1861 году онъ опять уѣхалъ въ Палестину на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Это было его послѣднимъ путешествіемъ. Въ январѣ 1869 года онъ умеръ. Тѣло его погребено въ Сергіевской пустынѣ.

Кромѣ описанія своихъ путешествій въ Палестину, Нубію, Сицилію и разные города Европы, А. С. Норовъ написалъ, какъ уже сказано, много стихотвореній и произведеній въ прозѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Полярной Звѣзды», «Сына Отечества», «Русскаго Инвалида», «Благонамѣреннаго», «Московскаго Вѣстника», «Соревнователя» и др. журналовъ. Послѣднее, почти предсмертное произведеніе его было: «Замѣчаніе на «Войну и Миръ» Толстого». Это былъ трудъ полемическаго характера, имѣвшій въ свое время небольшой кружокъ почитателей, но теперь совсѣмъ почти забытый. Кн. Вяземскій посвятилъ памяти А. С. Норова длинное стихотвореніе, въ которомъ, между прочимъ, характеризуетъ его такъ:

Хоть заикался онъ и хоть разсѣянъ былъ,
Но на дѣла добра, за правду ли вступаясь,
Умъ, въ совѣсть вслушавшись и съ ней не запинаясь,
Мысль выражалъ свою правдивымъ языкомъ.
Нѣтъ, совѣсть ни передъ кѣмъ не заикалась въ немъ.

Александръ Чеховъ.

УЧЕМСКАЯ КАССІАНОВА ПУСТЫНЬ.

РОСЛАВСКО-РОСТОВСКАЯ епархія особенно богата историческими преданіями, какъ одна изъ древнѣйшихъ епархій Россіи. Поэтому-то здѣсь такъ часто встрѣчаются мѣстности, которыя не представляютъ ничего особеннаго на взглядъ посторонняго наблюдателя, но которыя постоянно притягиваютъ къ себѣ вниманіе коренныхъ ярославцевъ, живо напоминая послѣднимъ нерѣдко самыя лучшія, самыя дорогія и знаменательныя событія ихъ исторической жизни. Село Учма, еще чаще называемое прямо «Учемской пустынью», на которомъ мы теперь желаемъ остановить вниманіе читателей, является одною изъ такихъ именно мѣстностей. Въ настоящее время это село представляетъ собою незамѣтный, маленькій и довольно бѣдный приходъ, которыхъ не мало разсѣяно въ отдаленныхъ уѣздахъ Ярославской губерніи. При этомъ, какъ лежащее не при самомъ пути, село Учма не можетъ служить мѣстомъ для остановокъ, и путешественники должны бы проѣзжать его мимо, оставляя незамѣченнымъ. Но на дѣлѣ мы встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе: многіе путешественники останавливаются въ Учмѣ, а другіе пріѣзжаютъ спеціально сюда помолиться при мощахъ преподобнаго Кассіана, угличскаго чудотворца. Съ этой цѣлью путешествуютъ сюда не только коренные уроженцы ярославской епархіи, но и большинство паломниковъ, странниковъ, попадающихъ на Волгу случайно при своихъ путешествіяхъ «на богомолье».

Стоитъ только издали взглянуть на уцѣлѣвшіе древніе храмы Учмы, чтобы понять, почему этотъ маленькій и бѣдный приходъ

привлекаетъ къ себѣ вниманіе богомольцевъ. Среди живописной мѣстности, при впаденіи рѣчки Учмы въ Волгу, на правомъ берегу послѣдней, возвышаются величественные древніе храмы, самымъ расположеніемъ и общимъ тономъ своей архитектуры ясно показывающіе, что здѣсь былъ монастырь. Когда же вашего слуха случайно коснется чаще употребляемое названіе села «Кассіанова пустынь», то становится вполнѣ понятнымъ, почему богомольцы такъ охотно посѣщаютъ эту, повидимому осужденную на забвеніе, мѣстность. Вы видите предъ собою старинный, «упраздненный» монастырь и въ вашей памяти живо воскресаютъ печальныя страницы исторіи русскихъ монастырей и монашества въ прошедшемъ столѣтіи. Наконецъ, если вы вспомните, что въ одномъ изъ учемскихъ храмовъ почиваютъ мощи преподобнаго основателя обители Кассіана, который издревле почитался, какъ одинъ изъ защитниковъ и покровителей города Углича и его уѣзда [1],—вамъ станетъ до очевидности понятнымъ тяготѣніе богомольцевъ къ упраздненному монастырю.

Переходя къ исторіи основанія и развитія Учемской Кассіановой пустыни, мы должны вкратцѣ коснуться житія основателя обители. Это житіе стоитъ въ тѣсной непосредственной связи съ исторіей пустыни и, кромѣ того, представляетъ собою самостоятельный интересъ, какъ одинъ изъ оригинальныхъ образцовъ русской агіологіи [2].

Существуетъ нѣсколько редакцій житія преподобнаго Кассіана. При общемъ сводѣ ихъ, житіе можно представлять въ слѣдующихъ чертахъ. Преподобный Кассіанъ, въ мірѣ Константинъ, потомокъ князей Макнувскихъ, былъ родомъ грекъ. Относительно мѣста родины и предковъ Константина существуетъ очень много гаданій, толкованій и предположеній, основанныхъ на неясныхъ указаніяхъ житія, которыя никакъ не позволяютъ свести ихъ въ одно общее, исторически и географически допустимое цѣлое. Такъ, одни изъ жизнеописателей преподобнаго Кассіана, безусловно довѣряя древнему житію, безъ всякихъ колебаній утверждаютъ: «Константинъ, родомъ грекъ изъ полуострова Мореи, князь Макнувскій» [3],—забывая, что города Макнува (Мавнука, Манкува) никогда не было ни

[1] Въ этомъ отношеніи доказательствомъ могутъ служить слова угличскаго лѣтописца, гдѣ нерѣдко встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «но помощію всещедраго Бога, и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, и святаго царевича Димитрія, и преподобныхъ отецъ Паисія и Кассіана и прочихъ угодниковъ окаянную литву одолѣша»... «Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссіи». Вып. I. М. 1890 г., стр. 110.

[2] Житіе преподобнаго Кассіана не было изслѣдовано В. О. Ключевскимъ въ его замѣчательной книгѣ, почему мы и позволяемъ себѣ допустить нѣкоторыя подробности и отступленія.

[3] «Учемская Кассіанова мужская пустыня» А. Соколова («Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» 1861 г., № 29, часть неофиціальная).

въ Мореѣ, ни въ Италіи. Другіе на основаніи житія видятъ мѣсто родины Константина въ Римѣ, оставляя въ сторонѣ его греческое происхожденіе и Макнувское княженіе. Третьи, особенно налегая на упоминаемый въ житіи «градъ, нарицаемый Амморіа», говорятъ, что Константинъ «родился въ Мореѣ, по всей вѣроятности, былъ славянинъ», совершенно уже не помня о Макнувскомъ княженіи и т. д. [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти жизнеописатели почему-то особенно усиленно стараются оправдать происхожденіе Константина изъ «града Амморіа», игнорируя прочія указанія житія. Между тѣмъ, въ подлинникѣ житія объ отечествѣ преподобнаго говорится: «Сей убо преподобный Кассіанъ, родомъ отъ великаго стараго Рима и царствующаго града, нарицаемаго Амморіа, сродства же и отечество имѣя княженія своего глаголемое градъ Макнува». Намъ кажется, что на основаніи послѣдняго выраженія слѣдуетъ болѣе обращать вниманіе на Макнувское происхожденіе, сродство и княженіе Константина, чѣмъ на его родъ отъ великаго Рима и Амморіа. Но что же надо понимать подъ Макнувомъ, если такого города не было ни въ Италіи, ни въ Мореѣ?

Отказавшись отъ тенденціознаго тяготѣнія къ Мореѣ, удобнѣе всего перенести мѣсто родины поближе къ Россіи — въ Крымъ. Верстахъ въ 50-ти отъ Симферополя, на неприступной величественной скалѣ и теперь еще можно видѣть развалины древней крѣпости, называемой то Мангупомъ, то Мангупъ-кале, иногда—Манкопомъ или Мангутомъ. Время основанія этой крѣпости теряется въ глубокой древности: уже въ концѣ XVI вѣка отъ укрѣпленія оставались однѣ развалины. Полагаютъ, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то большой городъ Мангупъ (Макнувъ, Мавнукъ) [2]); этотъ городъ былъ столицей крымской Готѳіи и имѣлъ еще въ VIII столѣтіи своихъ епископовъ-грековъ; въ этомъ городѣ имѣли пребываніе какіе-то греческіе начальники (duces), родственники византійскихъ императоровъ. Карамзинъ прямо называетъ ихъ князьями Мангупскими [3]), объясняя, что эти князья были греки и что султаны турецкіе, по взятіи Мангупа турками (1475 г.), отъ времени до времени присылали ихъ къ намъ послами. Всего возможнѣе, что изъ рода этихъ князей Мангупскихъ и происходилъ преподоб-

[1]) «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека». Стр. 4, прим. 1, 5—6, прим. 1.

[2]) Сравн. «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека», стр. 6, прим. 1.

[3]) Надо замѣтить, что въ лучшихъ изъ современныхъ историографическихъ и агіологическихъ изслѣдованій князь Константинъ безразлично называется и Макнувскимъ и Мангупскимъ. См. «Книга глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ». М. 1888 г., графа М. В. Толстого, стр. 193; «Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи». II. Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 гг. Сост. и изд. В. В. Звѣринскій. Спб., 1892 г., стр. 161.

ный Кассіанъ-Константинъ, князь Макнувскій [1]). Кажется, что перенося сюда мѣсто родины преподобнаго, мы удобнѣе всего примиримъ географическія и историческія противорѣчія въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ житіемъ, такъ какъ при такомъ взглядѣ на дѣло находятъ свое объясненіе упоминаніе о «великомъ старомъ Римѣ» и «градѣ, нарицаемомъ Амморіа», сдѣланное въ качествѣ простого указанія на предѣлы греко-римской области (какъ это часто встрѣчается въ историческихъ памятникахъ подобнаго рода), и прямое непосредственное указаніе на «градъ Макнувъ», какъ отечество преподобнаго, потому что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ возможность принимать этотъ «градъ» въ смыслѣ дѣйствительно существующей мѣстности, безъ всякой натяжки. Что же касается до возраженія: «но Крымъ—не Морея», то противъ этого возраженія можно съ неменьшей настойчивостью возражать: «но и Макнувъ — не Морея», хотя при такомъ методѣ уясненія дѣло нисколько не подвинется впередъ, и противорѣчія останутся попрежнему неразрѣшимыми.

Возвращаясь къ личности князя Константина, мы по послѣдующимъ обстоятельствамъ его жизни съ достовѣрностью можемъ предполагать, что онъ получилъ значительное, по своему времени, образованіе. Когда русскій царь и великій князь Іоаннъ III (Васильевичъ) вступалъ въ бракъ съ дочерью деспота Ѳомы Палеолога,—Константинъ, князь Макнувскій, былъ отправленъ въ Россію въ числѣ посольства, сопровождавшаго царевну Софію къ жениху. Это было одно изъ самыхъ блестящихъ посольствъ, когда либо являвшихся на Русь, къ нему примкнули многіе: изъ благородныхъ бояръ и князей, воеводъ сильныхъ, пановъ и гетмановъ, дѣтей боярскихъ, также множество много людей, священно-монаховъ, всякихъ хитрецовъ и мастеровъ. Первопрестольникъ (?) папа римскій послалъ отъ себя пословъ проводить царевну съ честію и славою и съ ними отправилъ священные чины: архимандритовъ, игуменовъ и іеромонаховъ, вручивъ имъ крестъ и листъ благословенный [2]). Въ 1473 году посольство прибыло въ Россію. Многіе изъ составлявшихъ его изъявили желаніе остаться въ Россіи на службѣ у Іоанна Васильевича, въ числѣ ихъ остался и Константинъ Макнувскій. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ принялъ и уважилъ просьбы посланниковъ, оставилъ ихъ въ Россіи и далъ имъ вотчины. Константину онъ также назначилъ и предлагалъ «города и области въ прокормленіе и земли въ обдержаніе», но послѣдній смиренно отказался отъ предлагаемаго и занялъ скромный постъ

[1]) Вышеизложенныя свѣдѣнія о Мангупѣ, столицѣ крымской Готѳіи, какъ мѣстѣ родины преподобнаго Кассіана, сообщаются нами на основаніи обязательно-сдѣланныхъ указаній А. П. Барсукова, которому мы и считаемъ нравственнымъ долгомъ выразить свою глубокую признательность.

[2]) «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека», стр. 7.

боярина при ростовскомъ архіепископѣ Іоасафѣ, происходившемъ изъ рода князей Оболенскихъ. Іоасафъ, какъ извѣстно [1]), управлялъ ростовскою епархіею 7 лѣтъ (1481—1488); въ 1488 году онъ удалился на покой въ Ѳерапонтовъ бѣлозерскій монастырь; вмѣстѣ съ нимъ послѣдовалъ туда и Константинъ. Князю дали здѣсь особую келію и приставили къ нему іеромонаха Филарета. Хотя Константинъ и проводилъ здѣсь строгую аскетическую жизнь, но онъ былъ противъ постриженія въ монашество, несмотря на то, что блаженный Іоасафъ и другіе употребляли всѣ средства убѣжденія, чтобы склонить его къ иночеству [2]), такъ что послѣднее стало удѣломъ князя благодаря только «нарочитому внуженію». Житіе въ такихъ чертахъ описываетъ этотъ случай. Въ одно время, по всенощномъ бдѣніи, князь возлегъ въ келіи своей мало почить и заснулъ. Но, воспрянувъ отъ сна, онъ громко воззвалъ въ великомъ страхѣ, какъ бы прося о помощи: «Филарете! Филарете!» Послѣдній отвѣчалъ: «се азъ, что̀ хощеши?» Но князь отъ ужаса не могъ болѣе ничего говорить. Тогда Филаретъ передалъ архіепископу Іоасафу о случившемся съ княземъ. Іоасафъ, призвавъ къ себѣ Константина и сотворивъ молитву, вопрошалъ князя съ тихостію: «что̀ съ тобою, княже?» А князь, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго сна, отвѣчалъ: «отче, видѣлъ я церковь каменную большую, украшенную, и монаховъ множество здѣ предстоящихъ, посреди же церкви престолъ вознесенъ (какъ бы мѣсто архіерейское), а на немъ сѣдящаго преподобнаго Мартиніана, прежде бывшаго игумена монастыря сего. Онъ, имѣя въ рукѣ своей жезлъ, говоритъ мнѣ: «постригися!». Я же отвѣчалъ ему: «не постригуся!». И опять говоритъ мнѣ: «аще сего не сотвориши, бити тя имамъ жезломъ симъ». Долго я дерзновенно препирался съ нимъ и, наконецъ, святый старецъ воздвигъ руки свои на меня съ жезломъ огненнымъ и хотѣлъ меня ударить. Я же испугался и закричалъ. Нынѣ не можетъ успокоиться душа моя и молю васъ, постригите меня во святый иноческій образъ» [3]). Понятно, что въ непродолжительномъ времени князь былъ постриженъ, его нарекли Кассіаномъ, отдали въ послушаніе Филарету, и новоначальный инокъ усиленно продолжалъ свои моленія и подвиги.

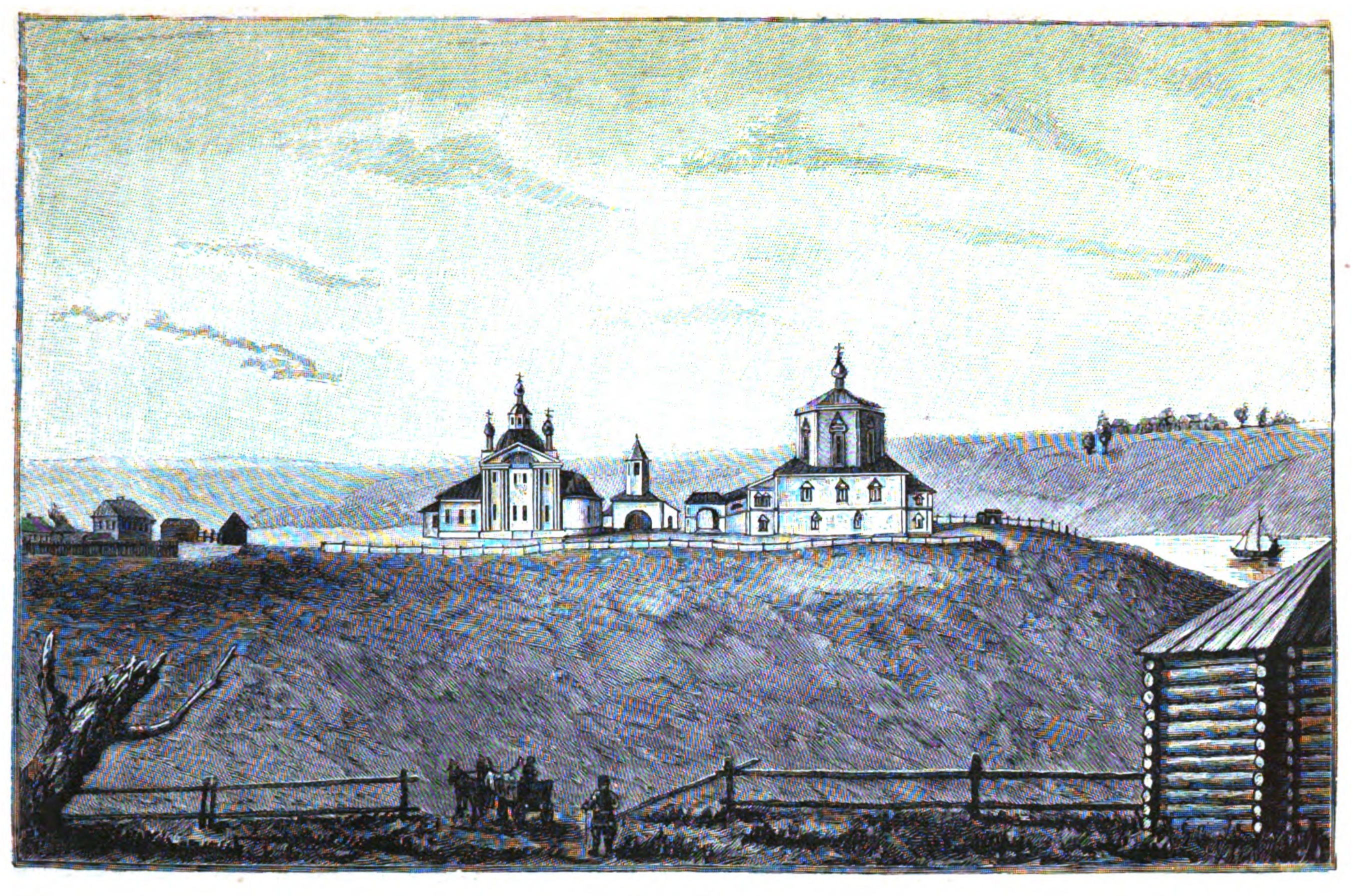
Угличскій лѣтописецъ очень кратко говоритъ о преподобномъ Кас-

---

[1]) Подробнѣе объ Іоасафѣ см. «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ». Изд. Общ. люб. древн. пис. XCIV. Спб. 1890, стр. 9, прим. стр. 16; также «Ростовская іерархія». Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1890 г., отд. оттискъ (М. 1890 г.), стр. 51—52.

[2]) «Русскіе святые». Ф. А. Ч. Черниговъ. 1864 г., стр. 188.

[3]) Въ такихъ чертахъ это явленіе описывается въ большинствѣ рукописныхъ и печатныхъ житій преподобнаго Кассіана. Сравн. «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека», стр. 8—9; «Учемская Кассіанова мужская пустыня» («Яросл. Епарх. Вѣд.», 1861 г., № 29, ч. неоф., А. Соколова, стр. 275—276).

Село Учма.

сіанѣ и устроеніи послѣднимъ обители: «Князь Андрей въ свое княженіе дву дивныхъ пустынножителей и преподобныхъ отцевъ Паисія и Кассіана имѣяше, яко два великія свѣтила, освѣщающія градъ Угличъ, и яко два столпы недвижимые во утвержденіе Угличу отъ Бога даровашася... Кассіанъ преподобный бысть строитель обители, иже на Учмѣ рѣкѣ, и бысть дивный пустынножитель» [1]). На основаніи житія и другихъ источниковъ исторію возникновенія Кассіановой обители можно представлять въ слѣдующемъ видѣ. По прошествіи «немалаго времени», какъ говоритъ житіе (около года), по нѣкоторому случаю, о которомъ исторія и лѣтопись умалчиваютъ, Кассіанъ съ нѣсколькими изъ братій удалился изъ бѣлозерскаго Ѳерапонтова монастыря. Они поплыли на лодкѣ вверхъ по Волгѣ и, не доѣзжая 22-хъ верстъ до Углича, избрали себѣ мѣсто покоя и уединенія при устьѣ рѣки Учмы. Здѣсь были построены шалаши и пустынножители начали свои обычные подвиги. Скоро молва о Кассіанѣ, какъ великомъ и святомъ подвижникѣ, разнеслась по окрестностямъ. Угличскій князь Андрей Васильевичъ пожелалъ видѣть святого пустынника. При свиданіи съ княземъ Кассіанъ просилъ позволенія построить монастырь на мѣстѣ своего жительства; благочестивый князь, конечно, позволилъ и даже много содѣйствовалъ устроенію пустыни матеріальными средствами [2]). Понятно, что при содѣйствіи князя скоро былъ выстроенъ, по благословенію ростовскаго архіепископа Трифона, храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, затѣмъ трапеза и келіи, учреждено общежитіе и поставленъ игуменъ—Закхей, такъ какъ самъ преподобный не захотѣлъ быть игуменомъ, а остался при скромномъ званіи строителя. Обитель начала процвѣтать, число братіи стало быстро увеличиваться, сюда стали приходить богомольцы нерѣдко посѣщалъ преподобнаго и самъ князь Андрей Васильевичъ, ѣздившій въ окрестности монастыря на охоту. Но въ слѣдующую же весну, при сильномъ разливѣ Волги, вода потопила монастырь, келіи, и монастырскія службы были снесены, имѣніе обители разсѣяно. Братія впала въ глубокое уныніе и хотѣла разойтись въ разныя стороны. Только трогательныя увѣщанія преподобнаго Кассіана да обѣщанія князя относительно щедрой помощи на устроеніе новой обители удержали братію отъ исполненія ихъ намѣренія. Было избрано новое мѣсто для устроенія обители, князь отпустилъ строительнаго матеріала и рабочихъ, и въ скоромъ времени былъ устроенъ новый общежительный монастырь съ двумя этажами во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и во имя Рождества Іоанна Предтечи. Въ обезпеченіе содержанія монастыря князь дѣлалъ вклады, приписалъ обители земли съ деревнями, далъ много имѣ-

---

[1]) «Труды Яросл. губ. уч. арх. ком.», вып. I, стр. 121.
[2]) «Труды Яросл. губ. уч. арх. ком.», стр. 21.

нія, хлѣба для прокормленія братіи, самъ опредѣлилъ оброки съ селеній, назначилъ ругу церквамъ и, утвердивъ свой даръ на будущее время грамотами съ установленными печатями, богато одарилъ храмы иконами, книгами и утварью. «Все это было не позже 1491 г. [1]), такъ какъ въ сентябрѣ этого года князь Андрей заключенъ былъ великимъ княземъ въ темницу, изъ которой уже не выходилъ» [2]). Такимъ образомъ, постриженіе Кассіана, удаленіе его изъ Ѳерапонтова монастыря, основаніе Учемской пустыни и возстановленіе послѣдней произошло въ краткій промежутокъ между 1489 г. (удаленіе Іоасафа на покой) и 1491 г. (смерть кн. Андрея Васильевича) [3]). Понятно, что при широкой благотворительности со стороны князя обитель скоро пришла въ цвѣтущее состояніе. Преподобный Кассіанъ подвизался здѣсь до конца своей жизни, а преставился онъ 4-го октября 1504 г. [4]). Сначала преподобный былъ похороненъ на монастырскомъ дворѣ подъ открытымъ небомъ, въ настоящее же время мощи основателя обители почиваютъ подъ спудомъ, въ тепломъ храмѣ въ придѣлѣ во имя Петра, Алексія, Іоны и Филиппа.

Послѣ смерти благотворителя князя Андрея пустынь не перестала пользоваться вниманіемъ и попеченіемъ правителей Углича. Такъ, князь Дмитрій Іоанновичъ, племянникъ злополучнаго Андрея Васильевича, усердно подражалъ въ этомъ отношеніи своему дядѣ. Не менѣе заботился объ угличскихъ обителяхъ развѣнчанный великій князь Дмитрій Іоанновичъ: передъ кончиною своею въ 1509 году онъ написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, какъ собственность, жертвовалъ Кассіановой пустыни, въ числѣ прочихъ угличскихъ монастырей, село Золоторуцково съ 15-ю деревнями и 9-ю починками [5]).

---

1) Ср. «Исторія Русской Церкви», митроп. Макарія. Т. VII, кн. II, стр. 25.

2) «Русскіе святые, чтимые всею Церковью или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ». Соч. Ф. А. Ч. Черниговъ. 1864 г., стр. 188.

3) Авторъ статьи «Учемская Кассіанова мужская пустыня» (стр. 277) и составитель книжки «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека» относятъ время возстановленія, освященія и обезпеченія пустыни къ 1484 году. Такое представленіе дѣла подрываетъ хронологическую достовѣрность всѣхъ данныхъ житія и представляетъ исторически-непримиримыя противорѣчія; такъ, напримѣръ, въ житіи говорится, что Кассіанъ состоялъ бояриномъ при ростовскомъ архіепископѣ Іоасафѣ и вмѣстѣ съ нимъ, при удаленіи послѣдняго на покой, ушелъ въ Ѳерапонтовъ монастырь; Іоасафъ же съ 1481 года правилъ въ ростовской епархіи 7 лѣтъ и лишь въ 1489 году удалился на покой въ названный монастырь («Лѣт. объ рост. арх.», прим., стр. 16; «Ростовская Іерархія», стр. 51—52). Какимъ же образомъ преподобный Кассіанъ, постриженный, какъ извѣстно, послѣ удаленія Іоасафа, могъ возстановить свою пустынь въ 1484 году?

4) Авторъ «Учем. Касс. муж. пуст.» относитъ кончину преподобнаго къ 1564 году, что̀ безусловно невѣрно.

5) «Труды Яросл. губ. уч. арх. ком.», вып. I, стр. 31.

Въ 1609 году обитель, вмѣстѣ съ большинствомъ угличскихъ монастырей, много пострадала отъ Литовскаго нашествія. Угличскій лѣтописецъ даетъ такую характеристику этого событія: «Отъ сего (монастыря св. Архистратига Михаила) побѣгоша къ Кассіановой пустынѣ, иже на рѣкѣ Учьмѣ и обитель чудотворца Кассіана и ворвавшеся въ монастырь окаяннiи поляковe и мало обрѣтше ту граждaнъ порубиша, и устремившеся къ соборной церкви, хотяще двери церковныя ломати; тогда защищеніемъ преподобнаго Кассіана слѣпотою поражени и ужасомъ обдержиши, не вѣдуще, камо ити, едва своими отъ обители отведени вспять возвратишася» [1]). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что поляки замучили игумена Ѳеодосія и нѣкоторыхъ изъ братіи, выпытывая отъ нихъ о сокровищахъ монастырскихъ, и весьма ощутительно разграбили монастырь и его окрестности. Обители было слишкомъ трудно возстановить свое прежнее благосостояніе, но и на этотъ разъ ей помогло вниманіе и содѣйствіе правителей Россіи: въ 1624 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ подтвердилъ дарственныя грамоты на вотчины, данныя нѣкоторымъ угличскимъ монастырямъ (въ томъ числѣ и Кассіановой пустыни) всѣми прежними князьями и царями; при этомъ помогъ, вѣроятно, и деньгами; всѣ же остальные монастыри Углича, не получившіе ничего отъ щедротъ царскихъ, мало-по-малу приходили въ упадокъ, а нѣкоторые послѣ разгрома уже не возставали изъ пепла [2]). Такимъ образомъ, вновь получивъ вотчины, описываемая нами пустынь могла исправить всѣ поврежденія, нанесенныя погромомъ, и даже расширить свои владѣнія: въ 1744 году въ вотчинахъ монастырскихъ числилось 265 душъ мужского пола; кромѣ того, пустынь владѣла пустошами—Шишкиною, Сущевымъ, Микеевымъ, Ушаковымъ и рыбною ловлею въ 10-ти верстахъ отъ обители по одной половинѣ Волги. Даже въ самомъ началѣ XVIII столѣтія обитель процвѣтала въ матеріальномъ отношеніи настолько, что еще въ 1711 году имѣла возможность на мѣстѣ прежней деревянной воздвигнуть новую довольно обширную и богатую каменную церковь во имя Успенія Божіей Матери съ придѣломъ во имя святителей Петра, Алексія, Іоны. Намъ извѣстны имена слѣдующихъ игуменовъ, управлявшихъ обителью за все время ея существованія послѣ смерти преподобнаго Кассіана: Пахомій 1522, Іона 1534, Закхей 1543, Порфирій 1560, Арсеній 1620, Никандръ 1631, Кипріанъ 1659, Давидъ 1670, Іона 1686, Моисей 1705, Аѳанасій 1712, Кипріанъ 1716, Питиримъ 1724, Іосифъ 1729, Іоанникій 1734, Герасимъ 1743, Тихонъ 1747, Іосифъ 1754, Іаннуарій 1757, Мисаилъ 1760, Іосифъ 1764.

Въ 1764 г., при введеніи штатовъ, Учемская Кассіанова пустынь

---

[1]) «Труды Яросл. губ. уч. арх. ком.», вып. I, стр. 121.

[2]) Тамъ же, стр. 69.

Учемская Успенская церковь.

была упразднена. Причиной упраздненія ея послужило то обстоятельство, что это была обитель по преимуществу ружная и помимо вотчинъ не имѣла средствъ для поддержанія своего существованія. Кромѣ того, обителей въ ростовской епархіи тогда было упразднено вообще сравнительно много, чему не мало, конечно, способствовала исторія злополучнаго Арсенія Мацієвича (1742—1763), тѣсно связанная съ отнятіемъ монастырскихъ вотчинъ [1]). Правительство поступило далеко не расчетливо, упраздняя описываемую нами пустынь, такъ какъ при ней находились мощи. Какъ бы то ни было, но въ 1764 г., при игуменѣ Іосифѣ обитель была упразднена, вотчины ея были отобраны въ казну, монастырь обращенъ въ приходскую церковь, а братія попала въ «разборъ», то-есть была разослана поодиночкѣ въ уцѣлѣвшіе монастыри, при этомъ служащій іеромонахъ Кассіановой пустыни Аверкій былъ посланъ въ Ростовскій Авраміевъ монастырь [2]), а вся церковная утварь и монастырскія вещи перешли въ собственность храма. Обитель, какъ общежитіе, прекратила свое существованіе.

Теперь на мѣстѣ построенныхъ преподобнымъ Кассіаномъ деревянныхъ церквей съ теченіемъ времени были построены каменные храмы. Описанія первоначальныхъ деревянныхъ храмовъ намъ доселѣ встрѣчать не приходилось. Въ настоящее время на мѣстѣ прежней Кассіановой пустыни расположены три церкви: лѣтняя— Успенская, теплая—во имя Петра, Алексія, Іоны московскихъ чудотворцевъ (пристроена къ Успенской) и Предтечинская — холодная [3]). Самая древняя изъ этихъ церквей—Успенская, выстроена въ 1711 г. усердіемъ игумена Іоны съ братіею и строителемъ архидіакономъ Стефаномъ. Церковь эта, несмотря на позднѣйшія передѣлки, все еще сохранила на себѣ отчасти отпечатокъ Іонинскихъ построекъ, хотя западное вліяніе и сильно сказывается въ устройствѣ купола и покрытіи храма. Въ общемъ, видится архитектура XVI, XVII и XVIII вѣковъ, и все это, смѣшанное въ одно цѣлое, не представляетъ даже особеннаго диссонанса. Характерный выходной портикъ XVII вѣка, украшенный кафелями, какъ точка послѣ періода, ясно говоритъ, что архитектурный вкусъ до-петровской Руси больше не повторялся, и внутренность храма носитъ ясные слѣды этого вкуса. Алтарь отдѣленъ отъ церкви каменной капитальной стѣной, съ проломами для царскихъ, сѣверныхъ и южныхъ вратъ. Очевидно, эта стѣна предназначалась, а, можетъ быть, и служила каменнымъ иконостасомъ, но вліяніе моды XVIII вѣка взяло верхъ. Къ стѣнѣ прислоненъ пяти-ярусный деревян-

---

[1]) Подробнѣе объ Арсеніи см. «Лѣт. о рост. арх.», прим., стр. 47—53.

[2]) Указъ ростовской консисторіи въ Авраміевъ монастырь отъ 6-го ноября 1764 г.

[3]) Подробное описаніе Учемскихъ храмовъ помѣщено въ книгѣ «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека», стр. 31—39.

ный, рѣзной, вызолоченный иконостасъ. Съ западной стороны къ церкви примыкаетъ притворъ, гдѣ прежде трапезовала братія. Трапеза отдѣляется отъ церкви глухою каменной стѣной, въ срединѣ послѣдней помѣщается деревянная, окованная желѣзомъ, дверь; единственное рѣшетчатое окно съ южной стороны освѣщаетъ всю палату.

Къ Успенской церкви въ 1711 же году пристроенъ теплый храмъ—придѣлъ во имя святителей Петра, Алексія, Іоны, съ полуциркульнымъ алтаремъ. Но, къ сожалѣнію, отъ XVIII вѣка, кромѣ стѣнъ, осталось немного.

Теперь можно сказать и о третьемъ холодномъ храмѣ во имя рождества Іоанна Предтечи, построенномъ и освященномъ вскорѣ послѣ Успенскаго. Этотъ храмъ значительно отличается отъ послѣдняго по своей архитектурѣ. Онъ имѣетъ 5 главъ, изъ которыхъ средняя помѣщается надъ куполомъ, остальныя по угламъ зданія. При храмѣ имѣется притворъ-паперть, отдѣленный отъ церкви высокою кирпичною открытою аркою, паперть украшена иконами. Алтарь отдѣляется отъ собственно храма только двухъ-ярусным деревяннымъ иконостасомъ. Царскія врата рѣзныя, надъ престоломъ устроена сѣнь, поддерживаемая четырьмя колоннами, окрашенными подъ мраморъ. Въ Предтечинской церкви устроенъ въ 1827 г. придѣлъ во имя преподобнаго Кассіана.

Отдѣльно отъ храмовъ съ сѣверной стороны помѣщается каменная восьмигранная шатровая колокольня, построенная въ 1711 году. Архитектура колокольни оригинальна, хотя и это наслѣдство XVII вѣка имѣетъ уже слѣды новшества. Такъ, подъ колокольней прежде помѣщались проѣздныя монастырскія ворота въ видѣ арки, что особенно напоминало старое доброе монастырское время, когда монастыри представляли изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ аббатства, но и эти слѣды старины только въ 1890 году были заложены кирпичными стѣнками, при чемъ относительно разрѣшенія произвести эту закладку Археологическое общество спрошено, конечно, не было. Кому пришла эта идея, не извѣстно, но теперь архитектура колокольни совершенно испорчена. Въ сѣверо-восточномъ углу монастырскаго кладбища сохраняется древняя деревянная часовня; время построенія ея точно неизвѣстно, по преданію же она построена самимъ преподобнымъ Кассіаномъ и, конечно, возобновлялась неоднократно. Въ нижнемъ помѣщеніи подъ Успенской церковью, гдѣ прежде были настоятельскія и братскія келіи, сохранились только стѣны да сводчатые потолки; всѣ прочія прежнія монастырскія постройки (службы, амбары, кладовыя и проч.)—исчезли. Нѣтъ и древней ограды, которая охраняла мирную обитель и отъ лихихъ людей, и отъ дурныхъ помысловъ. Въ общемъ, всѣ храмы и зданія пустыни, и теперь постоянно страдающіе отъ разливовъ Волги, нуждаются въ капитальномъ ремонтѣ.

Въ теплой церкви, за правымъ клиросомъ, надъ могилой пре-

подобнаго Кассіана находится мѣдная рака на помостѣ въ двѣ ступени, сдѣланномъ изъ бѣлаго камня и обнесенномъ желѣзною рѣшеткою. Раку осѣняетъ балдахинъ, утвержденный на четырехъ деревянныхъ золоченныхъ столбахъ. Рака эта сдѣлана также недавно, хотя сохранилась и прежняя, тоже мѣдная золоченная, рака, представляющая собою продолговатый, четырехугольный ящикъ съ прямыми стѣнками и рельефными украшеніями въ видѣ цвѣтовъ; она помѣщается на паперти трапезы Успенской церкви. На этой ракѣ вычеканены два клейма съ надписями: «1721 года построися сія рака преподобнаго отца Кассіана при игуменѣ Купріянѣ тщаніемъ тоя жъ пустыни іеродіакономъ Стефаномъ съ братіею». «Въ лѣто ѕцпа г҃. при великомъ Государѣ благовѣрномъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Московскомъ и всея Россіи и при благовѣрномъ и великомъ князѣ Андреѣ Васильевичѣ Углецкомъ приде изъ царя града амморійскаго царя Ѳомы Деспота въ царствующій градъ Москву дщерь его царевна Софія, съ нею же благовѣрный князь Іоаннъ Васильевичъ Московскій и всея Россіи вѣнчанъ бысть законнымъ бракомъ. Въ тоже время съ нею приде отъ Амморіи князь Константинъ Макнувскій, а во иноцѣхъ Кассіанъ». При гробницѣ преподобнаго, въ рамѣ за стекломъ, на южной стѣнѣ, сохраняется древняя схима, принадлежащая преподобному Кассіану. Она представляетъ собою власяницу чернаго цвѣта, расшитую соотвѣтствующими изображеніями. Еще болѣе заслуживаетъ вниманія древній деревянный обложенный безпробнымъ серебромъ напрестольный крестъ съ частями святыхъ мощей и слѣдующею надписью: «Сей крестъ деревянный, его же носилъ на многотруднемъ и святомъ тѣлѣ своемъ преподобный отецъ Кассіанъ, Угличскій новый чудотворецъ еще живъсый въ лѣта»... (далѣе исчисляются имена святыхъ угодниковъ, мощи которыхъ положены въ крестѣ)... «Устроены въ мастикѣ и со благоуханными ароматы и многоцѣннымъ мѵромъ на спасеніе душамъ и на исцѣленіе болящимъ, приходящимъ съ вѣрою, облобызающимъ честныя и многоцѣлебныя ихъ мощи, обложилъ сребромъ по обѣщанію своему его же Кассіановой пустыни непотребный рабъ и многогрѣшный Іродіаконъ Стефанъ. Лѣта 7218 октября въ 4 день». Сюда же можно отнести три старопечатныхъ евангелія (изд. 1653, 1657, 1681 гг.) въ цѣнныхъ переплетахъ, хранящіяся въ ризницѣ [1]). Кромѣ того, между образами, украшающими иконостасы вышеописанныхъ храмовъ, можно встрѣтить нѣсколько иконъ древняго письма, несомнѣнно уцѣлѣвшихъ отъ временъ существованія монастыря. Говорятъ, иконъ прежде было гораздо больше; но въ концѣ

---

[1]) Подробнѣе см. «Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго отца нашего Кассіана-грека».

Одна изъ старинныхъ иконъ въ Учемской пустыни.

прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій онѣ уничтожались, какъ малоцѣнныя, вмѣстѣ съ рукописями и монастырскими актами. Одна изъ такихъ иконъ, ранѣе бывшая въ этой обители, а потомъ изъятая изъ числа прочихъ, по несоотвѣтствію ея стиля и изображенія общему комплекту иконъ, украшающихъ описываемые храмы, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Эта икона сначала принадлежала преосвященному Амфилогію, епископу угличскому († 1893 г.), а потомъ отъ него поступила въ ростовскій музей церковныхъ древ-

ностей за № 4881. Въ виду того, что эта икона очень рѣдкая и представляетъ собою одно изъ интереснѣйшихъ и характерныхъ явленій русской иконографіи XVI — XVII вѣка, мы прилагаемъ здѣсь ея снимокъ и краткое описаніе.

Размѣръ иконы 32×27 въ центиметрахъ, техническое выполненіе рисунка старательное и мастерское; отдѣлка, по тому времени, тонкая, тщательная и довольна вѣрная, по размѣрамъ въ деталяхъ и фигурахъ; кромѣ того, икона хорошо сохранилась. Она изображаетъ ангела-хранителя, оберегающаго ввѣренную ему душу; въ настоящемъ случаѣ представленъ моментъ охраненія души человѣка спящаго. Почти все пространство иконы занимаетъ зданіе фантастической архитектуры, на детали которой такъ щедры были наши иконописцы XVI—XVII вв. На зданіи и по бокамъ его возвышаются многогранныя башни. Ниже башенъ помѣщаются проходы съ узкими пролетами; далѣе, позади ихъ виднѣется шатровая крыша съ выступами, распростертая въ видѣ большого холста, подвѣшеннаго на рѣдко-расположенныхъ кольцахъ. Въ перспективѣ выдѣляются такіе же проходы съ пролетами и круглыми окнами, какъ и съ лицевой стороны, только нѣсколько дугообразные. Внутренность зданія представляетъ три арки. Изъ нихъ средняя съ пятью окнами, самая большая, нѣсколько волнообразная, опирается на двѣ колонны. Въ средней аркѣ, на полу, стоитъ камея съ ножками и высокимъ возглавіемъ, украшенная богатой орнаментаціей по золотому полю. На камеѣ помѣщается спящій человѣкъ въ синеватой одеждѣ подъ покрываломъ, драпирующимся въ широкія складки. Около ложа, ближе къ задней стѣнѣ, столъ съ письменными принадлежностями и книгой; надъ столомъ вверху божница, въ которой помѣщается Деисусъ. Изображеніе Божіей Матери, Іисуса Христа и Іоанна Крестителя юношеское—поплечное. На правой сторонѣ отъ спящаго въ отдѣльной аркѣ помѣщается ангелъ-хранитель. Лицо ангела юное, длинные волосы спускаются за плечи, голова не покрыта; одно изъ небольшихъ крылъ поднято, другое опущено. Въ одной рукѣ онъ держитъ поднятый мечъ, въ другой восьмиконечный крестъ, которымъ онъ осѣняетъ голову спящаго. Онъ стоитъ на низкой скамьѣ, въ его костюмѣ легко можно различить нижнюю одежду, воинскую кольчугу, плащъ застегнутый на связкѣ ключицъ, и сапоги до колѣнъ. На полѣ противъ ангела надпись: «Ангелъ Господень сохраняетъ человѣка спяща во дни и въ нощи». Въ послѣдней аркѣ помѣщается глухая створчатая съ инкрустаціями дверь, къ которой ведутъ двѣ ступени. По ступенямъ въ направленіи къ двери, оглядываясь, ползетъ удаляющійся діаволъ съ клюкой въ рукѣ. Онъ нагъ и босъ съ двумя маленькими крыльями, имѣетъ два лица: одно на обычномъ мѣстѣ, обращенное къ спящему, другое на животѣ ниже пояса; сзади у него очень короткій хвостъ. Вся фигура темная

Сбоку противъ діавола надпись: «Отгнанъ бысть діаволъ отъ человѣка спяща». Надпись, помѣщенная на верхнемъ краѣ иконы, подробнѣе поясняетъ все изображеніе: «Божіимъ повелѣніемъ приставленъ бысть ангелъ къ человѣку во крещеніе его и до исхода души его, неотступно сохраняю отъ діаволя смущенія и отъ сатанина мечтанія. И держа въ руцѣ своей оружіе Небеснаго Царя на діавола и на его металную (?) сатанину силу вражію».

Мы опустили въ нашемъ очеркѣ исторію внутренней жизни Кассіанова монастыря. Это мы сдѣлали прежде всего потому, что подробная исторія монастырской жизни и не входила въ нашу задачу. Кромѣ того, до насъ дошло слишкомъ мало всякаго рода фрагментовъ, по которымъ можно бы было представить исторію монастыря въ живой и подробной картинѣ. Наконецъ, жизнь всѣхъ маленькихъ монастырей, особенно въ XVII—XVIII вв., подъ вліяніемъ общихъ историческихъ условій, отливалась въ такія однообразныя формы и была такъ тѣсно связана съ жизнью цѣлыхъ епархій, что, передавая въ этомъ отношеніи исторію каждаго монастыря въ отдѣльности, мы будемъ безъ конца повторяться, повторяя въ то же время давно извѣстныя вещи. Для подтвержденія сказаннаго, мы въ самыхъ общихъ чертахъ коснемся исторіи монастырской жизни за послѣдніе годы существованія пустыни, какъ общежитія.

Дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, годы за годами незамѣтно для обитающихъ въ монастырѣ проходили одинъ за другимъ, мало отличаясь одинъ отъ другого въ своемъ монотонномъ теченіи. Братія Учемской пустыни преуспѣвала въ подвигахъ, трудахъ, молитвахъ, стяжавъ себѣ своею жизнью соотвѣтствующую извѣстность, но и она часто ослабѣвала, что̀ было вполнѣ возможно и удобно, вдали отъ наблюдающаго ока высшаго начальства; а своего непосредственнаго начальства братія боялась не слишкомъ. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ и происходили всякаго рода «паденія», «винности», «своевольства», «возмущенія братіи» и «продерзости», а съ высоты митрополичьяго престола, особенно во времена строгаго Арсенія Мацієвича, раздавались грозныя прещенія на провинившихся за то, что они «въ мірскую суету уклонялись». «Нынѣ оказуется, что изъ васъ, монашествующая братія, нѣкоторые отлучаются безъ позволенія игуменскаго, своевольно въ питейные домы публично входите, и весьма отъ хмѣльнаго питія слабо находитесь, а иногда и за монастыремъ не вѣмъ гдѣ ночуете, тако-жъ и изъ васъ, служителей, нѣкоторые противными и ослушными оказуетесь»... Въ такихъ случаяхъ вскорѣ за внушеніями слѣдовали и наказанія: провинившихся, если они попадались уже нѣсколько разъ, переводили въ другой монастырь подъ строгій надзоръ, а иногда просто брали подписку съ обязательствомъ оставить «невоздержное и пьянственное житіе». Но подписки въ этомъ

случаѣ дѣйствовали слабо; такъ, не задолго до упраздненія обители одинъ изъ іеродіаконовъ пустыни въ февралѣ былъ обязанъ такою подпиской; но не прошло и мѣсяца, какъ въ мартѣ, на масляницѣ, онъ «разрѣшилъ», а въ апрѣлѣ былъ перемѣщенъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Когда же буйные и своевольные псевдо-пустынножители не укрощались и съ переводомъ,—ихъ увольняли и навсегда заграждали доступъ въ какой бы то ни было монастырь за «неспокойное житіе и возмущеніе братіи», что случалось, впрочемъ, очень рѣдко.

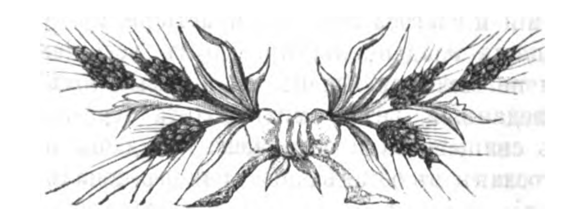
Обитель, какъ и всѣ монастыри того времени, несла нѣкоторыя натуральныя и общественныя повинности: съ нея требовали хлѣба и денегъ на содержаніе семинаріи, сюда помѣщались на прокормленіе отставные военные чины, престарѣлые священнослужители, неизлѣчимо-больные, увѣчные; отъ обители иногда требовали людей (изъ вотчинныхъ крестьянъ) для устройства дорогъ, починки мостовъ и проч., подводъ и лошадей, напримѣръ, при проѣздѣ архіерея. Наконецъ, въ монастырь иногда посылались «въ подначальство» на «тяжкіе» или простые монастырскіе труды провинившіеся приходскіе священно-и церковнослужители за ихъ проступки. Надо замѣтить, что въ послѣдніе годы существованія Кассіановой пустыни на ростовскую епархію нашла, какъ говорятъ, полоса всякаго рода противленій и непокорства, захватившая собою всѣхъ имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ церковной жизнью. Не проходило ни одного года, чтобы по епархіи не гремѣло какое нибудь крупное «дѣло», окончившееся серьезными послѣдствіями и «распубликаціей» по всѣмъ приходамъ. Приведемъ примѣры. Ростовскаго уѣзда, села Гвоздева, попъ Василій, служа въ Духовъ день литургію безъ діакона, забылъ (по его словамъ) потребить оставшіяся св. Тайны. Черезъ шесть только дней другой священникъ Алексѣй, служа обѣдню въ воскресенье, усмотрѣлъ оставшіяся св. Тайны, «тогда уже весьма заплѣсневѣлыя», о чемъ онъ и заявилъ своему сослуживцу. Послѣдній, надѣвъ лишь эпитрахиль да поручи, прочиталъ во время обѣдни молитвы ко причащенію да акаѳистъ Іисусу; по окончаніи же литургіи, которой онъ не служилъ, потребилъ св. Тайны, а потомъ явился къ архіерейскому духовнику Серапіону и заявилъ ему о своемъ поступкѣ, утаивъ, что св. Тайны пролежали непотребленными шесть дней и испортились. Священникъ Алексѣй сдѣлалъ доносъ, и когда всѣ подробности дѣла выяснились, митрополитъ Арсеній положилъ такую резолюцію: «не токмо истиннаго покаянія, но и вѣры къ Тайнамъ Святымъ надлежащія въ показанномъ гвоздевскомъ попѣ Васильѣ невидѣть, и слѣда не имѣется... Означеннаго попа Василья лишаемъ вовсе священства, и остригши голову и бороду и ставленную грамоту у него отобрать, а за снисхожденіе наше, въ свѣтскую команду его не отсылаемъ, но повелѣваемъ искать ему дьяче-

скаго празднаго мѣста, отъ входа же алтарнаго его отлучаемъ... а для страху прочимъ сіе опредѣленіе наше публиковать отъ консисторіи нашей во всю епархію». (Указъ ростовской консисторіи отъ 12-го іюля 1761 г.). Но, какъ видно, попъ Василій дьяческаго празднаго мѣста не нашелъ и мирно окончилъ свое существованіе въ стѣнахъ Кассіановой пустыни въ томъ же 1761 году (помѣта на указѣ). 26-го сентября 1762 года священникъ села Никольскаго на Ухтомѣ Иванъ Никифоровъ съ діакономъ Алексѣемъ Ивановымъ были въ гостяхъ въ домѣ помѣщицы Ѳ. М. Соколовой. Въ это же время у помѣщицы гостилъ майоръ А. И. Плоховъ, при которомъ находился плѣнный пруссакъ-лютеранинъ. Священнослужители, «знатно уже довольно тогда, яко будучи въ гостяхъ, напившись хмѣльнаго питія», окрестили лютеранина въ православную вѣру и оставили его безъ вниманія. Понятно, что такимъ поступкомъ они нарушили большинство церковныхъ узаконеній относительно крещенія вообще, взрослыхъ и иностранцевъ—въ частности; такъ какъ пруссакъ (котораго надо было присоединить къ православной церкви не чрезъ крещеніе, а чрезъ мѵропомазаніе) былъ крещенъ безъ надлежащаго приготовленія, на дому, вечеромъ, безъ разрѣшенія и благословенія архипастыря, въ чужомъ приходѣ, по чину крещенія младенцевъ, при двухъ воспріемницахъ, а послѣ крещенія не былъ пріобщенъ св. Тайнъ. Этотъ поступокъ возбудилъ справедливый гнѣвъ митрополита Арсенія: священникъ былъ лишенъ священства и остриженъ, а «дабы праздно онъ не шатался»—отосланъ въ богадѣльню; діаконъ попалъ на цѣлый годъ въ монастырскіе труды въ Кассіанову пустынь, съ правомъ снова возвратиться на свое прежнее мѣсто, но безъ возможности поступить когда либо во священники; а указъ велѣно распубликовать. (Указъ ростовской консисторіи отъ 31-го декабря 1762 г.).

Конечно, если такъ часто случались крупныя дѣла, то о мелкихъ винностяхъ говорить нечего: подначальныхъ въ каждой обители, въ томъ числѣ и Кассіановой, было не мало. Теперь если представимъ въ совокупности жизнь иноковъ, «подначальныхъ», отставныхъ военныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, то мы получимъ представленіе о томъ фонѣ, который придавало общей жизни пустыни это пестрое общество. Для полноты бытовой картины намъ остается въ заключеніе упомянуть еще объ одной характерной чертѣ монастырской жизни этого времени—побѣгахъ. Въ XVIII вѣкѣ особенно развились побѣги изъ всѣхъ монастырей: бѣжали священно-иноки, иноки, послушники, «подначальные», военные, вотчинные крестьяне; бѣжали изъ-подъ караула, а иногда и вмѣстѣ съ карауломъ, прихвативъ кое-что изъ монастырскаго или братскаго имущества... Въ Кассіановой пустыни удачные побѣги, хотя и не часто, но все-таки случались. О бѣжавшихъ заявляли консисторіи, послѣдняя писала указы «о сыску» бѣглыхъ, съ подробнымъ обозначеніемъ примѣтъ

послѣднихъ, напримѣръ: «Варахія—росту средняго, сухощавъ, лицомъ долгъ, смугловатъ и тонковатъ, глаза мало сѣрые, носъ остръ, волосы на головѣ черные, недолгіе, борода малая кругла, черная-жъ, говоритъ нескоро пространно, мало глухъ, читать мало обученъ, пѣть гортанн не имѣетъ, отъ роду яко бы сорока дву лѣтъ». Сыскные указы разсылались повсюду. Если бѣглые попадались, то ихъ заковывали «въ желѣза» и «чепи» и подъ крѣпкимъ карауломъ отправляли въ мѣстную епархіальную консисторію. Но очень часто они пропадали безъ вѣсти навсегда, и на всѣ запросы относительно ихъ мѣстопребыванія получался одинъ и тотъ же типичный отвѣтъ, который неоднократно давала и получала и Кассіанова пустынь относительно своихъ бѣглыхъ: «не являвался, и гдѣ пребываетъ—неизвѣстно»...

А. Титовъ.

ЕКАТЕРИНА II И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

ЕДАВНО ВЪ ПАРИЖѢ издано сочиненіе Ларивьера (Ch. de Larivière) «Catherine II et la révolution française». Авторъ намѣренъ посвятить Екатеринѣ четыре тома подъ общимъ заглавіемъ «Catherine le Grand d'après sa correspondance»; два тома назначены для изложенія отношеній Екатерины къ современнымъ писателямъ; предметомъ четвертаго тома будетъ служить фаворитизмъ. Извѣстный писатель Альфредъ Рамбо (Rambaud) составилъ для вышедшаго теперь тома введеніе, въ которомъ указано на значеніе предмета, на заслуги Ларивьера и на отношенія Россіи къ Франціи въ продолженіе послѣдняго вѣка.

Нельзя не замѣтить, что русская исторія во Франціи въ настоящее время пользуется особеннымъ вниманіемъ. Спеціалисты, занимавшіеся тамъ этимъ предметомъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій, почти безъ исключенія владѣютъ русскимъ языкомъ; нѣкоторые изъ нихъ неоднократно бывали въ Россіи. Луи Леже (Leger), занимавшійся изученіемъ исторіи и литературы славянъ, и Альфредъ Рамбо, написавшій, кромѣ общей исторіи Россіи, цѣлый рядъ монографій объ эпохѣ Екатерины II свободно говорятъ по-русски. Леруа-Больё, изучавшій Россію основательнѣе чѣмъ кто либо изъ иностранцевъ, пріѣзжалъ сюда нѣсколько разъ для собиранія данныхъ и, благодаря этому, былъ въ

состояніи написать самый капитальный трудъ «L'empire des Tsars et les Russes». Пирлингъ, издавшій нѣсколько трудовъ объ исторіи Россіи въ XVI-мъ столѣтіи и еще недавно публиковавшій весьма замѣчательную монографію «La Russie et l'Orient», открылъ множество новыхъ данныхъ для исторіи Россіи въ ватиканскомъ архивѣ. Валишевскій (Waliszewski) напечаталъ въ послѣднее время два труда о Екатеринѣ подъ заглавіемъ «Le roman d'une impératrice» и «Autour d'un trône». Вандаль посвятилъ свой трудъ «Louis XV et Elisabethe» исторіи политическихъ отношеній между Россіей и Франціей въ XVIII-мъ столѣтіи. Пенго (Léonce Pingaud) публиковалъ чрезвычайно любопытный трудъ «Les Français en Russie et les Russes en France» и, далѣе, очень недавно прекрасную монографію о графѣ Дантрэгѣ («Un agent secret sous la révolution et l'empire») и пр.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій главнымъ образомъ обращается вниманіе на исторію послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины, на ея отношенія къ Франціи. Въ двухъ небольшихъ монографіяхъ, публикованныхъ мною уже двадцать лѣтъ тому назадъ (въ «Russische Revue», т. III, и въ «Древней и Новой Россіи», т. IV), я указалъ на значеніе этого предмета, а именно на то вліяніе, которое эмигранты оказывали на русскую печать въ это время. Съ тѣхъ поръ были изданы важные матеріалы по этому вопросу, большею частью въ «Сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества», а также въ «Архивѣ князя Воронцова». Эти сборники не могли не обратить на себя вниманіе французскихъ историковъ. Исторія Екатерины Великой («le Grand», какъ называлъ ее принцъ де-Линь) «d'après sa correspondance», какъ сказано на заглавномъ листѣ сочиненія Ларивьера, оказывается возможною лишь послѣ появленія въ свѣтъ множества томовъ, заключающихъ въ себѣ переписку императрицы съ русскими и иностранцами, съ Гриммомъ, Вольтеромъ, Фальконетомъ, Потемкинымъ и пр. Громадная масса архивныхъ матеріаловъ, тысячи писемъ Екатерины, множество записокъ ея, мемуары современниковъ—даютъ въ настоящее время возможность гораздо глубже прежняго вникнуть въ самую суть личности императрицы и составить себѣ точное понятіе о ея отношеніи къ современнымъ политическимъ вопросамъ. Именно къ послѣднему времени этого царствованія относится множество изданныхъ въ послѣднее время источниковъ. И въ недавно изданномъ мною пятомъ томѣ сочиненія А. А. Васильчикова «Семейство Разумовскихъ» заключаются нѣкоторыя данныя для разъясненія послѣднихъ фазисовъ жизни и дѣятельности Екатерины.

Нельзя сказать, чтобы изученіе этихъ вопросовъ оказалось выгоднымъ для императрицы. Общій отзывъ о личности ея, благодаря этимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ, сдѣлался менѣе благопріятнымъ. Особенно въ сочиненіяхъ Валишевскаго встрѣчается мно-

жество данныхъ, говорящихъ не въ пользу Екатерины. Также и Рамбо и Ларивьеръ рѣзко осуждаютъ ея образъ мыслей и образъ дѣйствій въ послѣдніе годы ея царствованія.

Не безъ основанія французскіе писатели, умѣющіе цѣнить значеніе политическаго и общественнаго прогресса въ концѣ XVIII-го вѣка, упрекаютъ Екатерину въ томъ, что она не понимала значенія государственнаго переворота, происходившаго во Франціи, и измѣнила тѣмъ правиламъ либерализма, которыхъ она придерживалась въ началѣ своего царствованія. Реакціонныя стремленія въ образѣ дѣйствій императрицы, вызванныя въ значительной степени французскою революціею, производятъ тяжелое впечатлѣніе. Не даромъ Валишевскій, Рамбо и Ларивьеръ обращаютъ особенное вниманіе на печальные эпизоды, случившіеся въ это время съ Новиковымъ и Радищевымъ. Въ нихъ обнаруживается обскурантизмъ, діаметрально противоположный правиламъ, которыхъ придерживалась Екатерина въ то время, когда была созвана законодательная комиссія, когда она мечтала объ освобожденіи крестьянъ и поддерживала такъ-называемыхъ энциклопедистовъ. Этотъ диссонансъ въ жизни и дѣятельности императрицы въ изслѣдованіяхъ французскихъ историковъ занимаетъ первое мѣсто. Они не щадятъ Екатерину, упрекая ее въ лживости и коварствѣ [1]).

Ларивьеръ старается доказать, что перемѣна въ образѣ мыслей Екатерины произошла благодаря, во-первыхъ, пугачевщинѣ, во-вторыхъ,—французской революціи. Замѣчаніе Ларивьера, что именно русская «Jacquerie» (то-есть пугачевскій бунтъ) дала почувствовать Екатеринѣ шаткость ея положенія, непрочность ея престола [2]), намъ кажется лишеннымъ основанія. Въ первые годы своего царствованія Екатерина считала свое положеніе гораздо болѣе опаснымъ, нежели послѣ подавленія пугачевскаго бунта. До Пугачева происходило болѣе безпорядковъ, чѣмъ послѣ него. Въ продолженіе тринадцати лѣтъ со времени вступленія на престолъ Екатерина постоянно боролась съ разными затрудненіями. То являлись претенденты на престолъ и самозванцы, то императрицу безпокоили страшные взрывы въ низшемъ слоѣ народа. Во всѣхъ отношеніяхъ правительство восторжествовало надъ этими оппозиціонными и революціонными элементами. Есть основаніе думать, что императрица считала 1775 годъ временемъ упроченія своего положенія. Говоря, въ письмѣ къ Гримму отъ 20-го іюня 1785 г. о своихъ распоряженіяхъ («arrangements»), Екатерина замѣчаетъ, что они «испол-

---

[1]) Рамбо пишетъ на стр. 3: «Les déclarations de Catherine trompent; ses manifestes trompent; sa correspondance trompe. A personne la parole et la plume n'ont été données pour déguiser à ce point sa pensée; ce n'est pas à ce qu'elle dit qu'il faut porter surtout attention; c'est à ce qu'elle ne dit pas».

[2]) «Pougatchef rendit Catherine consciense de la fragilité de son trône».

няются въ точности и буквально въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ» [1]).

При всемъ томъ, однако, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Ларивьера, что въ образѣ мыслей и дѣйствій Екатерины около половины ея царствованія замѣтно нѣкоторое охлажденіе къ началамъ либерализма (ralentissement), а къ концу ея царствованія бросается въ глаза полный застой; преобладаютъ даже чисто реакціонныя стремленія. Ларивьеръ находитъ, что либерализмъ императрицы и прежде былъ не совсѣмъ откровеннымъ и болѣе доктринарнымъ, нежели примѣнимымъ къ практикѣ. Намъ кажется, что французскій историкъ при оцѣнкѣ воззрѣній Екатерины руководствуется скорѣе началами новѣйшаго конституціонализма, тогда какъ императрица, не имѣвшая возможности слѣдить за развитіемъ государственнаго права, смотрѣла на свободу и прогрессъ съ точки зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма прошедшаго вѣка. Тѣмъ не менѣе, Ларивьеръ приводитъ нѣкоторыя мысли Екатерины, которыхъ никакъ нельзя считать пустыми фразами, въ родѣ слѣдующаго изрѣченія (стр. 29): «Государь всегда виноватъ, если подданные имъ недовольны». Въ 1787 году Екатерина писала къ Гримму по поводу созванія нотаблей во Франціи: «Великолѣпная мысль; и я созвала своихъ депутатовъ (въ 1767 г.), обращаясь къ нимъ съ предложеніемъ обсуждать вопросы о реформахъ. Я сказала имъ: въ чемъ вы нуждаетесь? Что̀ требуетъ измѣненія? Позаботимся объ этомъ. У меня лишь одна система: общее благосостояніе. Нужно сообща подумать о средствахъ улучшенія быта» и проч. (стр. 51).

Все это не мѣшало Екатеринѣ не понимать значенія французской революціи. Она не имѣла понятія о совокупности интересовъ народа, всѣхъ сословій и группъ общества. Для нея болѣе не существовало никакого различія между первымъ, вторымъ и третьимъ собраніями, созванными во время государственнаго переворота во Франціи. Она находила образъ дѣйствій такъ-называемой «Constituante» столь же достойнымъ порицанія, какъ терроръ во время «Convention». Весьма важныхъ нюансовъ между различными фазисами революціи она не замѣчала. Особенно штурмъ Бастиліи вызвалъ сильнѣйшее раздраженіе Екатерины, такъ что она лишилась возможности хотя сколько нибудь безпристрастно судить объ этихъ событіяхъ и о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Прежде она восхваляла Дидро и д'Аламбера, а въ 1795 г. она писала къ Гримму: «Энциклопедія имѣла въ виду лишь двѣ цѣли: во-первыхъ, уничтоженіе христіанской религіи, во-вторыхъ, устраненіе королевской власти» (стр. 58). До чего доходила несправедливость отзывовъ Екатерины, видно изъ ея замѣчанія въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ о

[1]) См. мое соч. о Екатеринѣ II, стр. 253.

пьянствѣ короля Людовика XVI, между тѣмъ какъ этотъ упрекъ лишенъ всякаго основанія. Сравнивать членовъ «assemblée nationale» съ пугачевцами, какъ дѣлала Екатерина въ письмѣ къ Гримму, было странно и неумѣстно (стр. 78). Императрица никакъ не была въ состояніи постигнуть тѣсную связь, существовавшую между воззрѣніями эпохи революціи и главными началами литературы просвѣщенія, ученицею котораго она считалась. Все это ложилось какъ бы мрачною густою тѣнью на послѣдніе годы ея жизни и царствованія. Ларивьеръ приписываетъ этому обстоятельству гибельное вліяніе на развитіе русской мысли въ продолженіе слѣдующихъ десятилѣтій, въ чемъ, какъ намъ кажется, заключается преувеличеніе [1]).

Рѣзко осуждая Екатерину за неправильную оцѣнку французской революціи и за то, что она измѣнила своимъ прежнимъ убѣжденіямъ либерализма, французскіе историки, Рамбо и Ларивьеръ, отдаютъ ей полную справедливость, признавая, что она сумѣла воспользоваться французскою революціею для достиженія значительныхъ выгодъ для Россіи. О серьезномъ участіи въ войнѣ противъ Франціи Екатерина не думала, потому что интересы Россіи вовсе не требовали торжества надъ Франціею. Французская республика, замѣчаетъ Рамбо въ предисловіи къ труду Ларивьера, была обязана своими успѣхами значительною долею императрицѣ Екатеринѣ, которая скорѣе думала о туркахъ, шведахъ и полякахъ, нежели о французахъ. Ненависть, которую императрица питала къ Пруссіи, а именно къ королю Фридриху-Вильгельму II, оказывала гораздо болѣе вліянія на образъ дѣйствій Екатерины, нежели желаніе возстановить старый порядокъ во Франціи. Второй раздѣлъ Польши казался ей гораздо важнѣе поддержанія монархическаго начала во Франціи. Оставаясь чуждою всякаго безплоднаго доктринаризма, Екатерина не увлекалась мыслью о необходимости борьбы противъ революціи вообще. Тотчасъ же послѣ заключенія Ясскаго мира, въ концѣ 1791 года, она принялась за польскія дѣла, воспользовавшись тѣмъ, что въ это время главное вниманіе другихъ державъ было обращено на Францію. Тѣмъ свободнѣе она могла дѣйствовать въ Польшѣ. «Я стараюсь»,—сказала она въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ (14-го декабря 1791 г.),—«втянуть берлинскій и прусскій дворы въ дѣла французскія. Прусскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій; у меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали» [2]). Этимъ

[1]) Стр. 214: «Ce régime de rigueurs contre la presse et la librairie étouffa dans son germe l'éveil d'une activité littéraire, que la Tsarine avait jadis si puissamment contribué à faire naître. Jl faudra attendre plus de soixante ans, c'est-à-dire la fin de ce régime de répression, pour assister enfin au premier épanouissement de la pensée russe». То же сказано на стр. 223.

[2]) «Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches».

преобладаніемъ чисто практическаго элемента въ политикѣ Екатерины объясняется кажущееся противорѣчіе, заключавшееся въ томъ, что въ Варшавѣ она всегда заботилась объ уничтоженіи монархическаго начала, между тѣмъ какъ ограничить власть короля Людовика XVI ею считалось вопіющимъ фактомъ. Не даромъ она когда-то замѣтила, что вся политика основана на «circonstances, conjectures et conjonctures», т.-е., что не давая простора какимъ либо общимъ правиламъ или какому либо доктринаризму, нужно всегда дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами. И въ ея отношеніяхъ къ Франціи проглядываетъ нѣкоторый утилитаризмъ. Называя себя «аристократкою» въ бесѣдѣ съ Сегюромъ и «роялисткою» въ письмахъ къ Гримму [1]), она прежде всего оставалась всероссійскою императрицею и не упускала изъ виду Польши. Въ Австріи хорошо понимали, что на энергичныя дѣйствія Екатерины противъ Франціи нельзя было разсчитывать. «Императрица»,—говорилъ князь Кауницъ,—«только ждетъ минуты, когда Австрія и Пруссія будутъ заняты походомъ противъ Франціи, чтобы опрокинуть Польшу» [2]). Вотъ почему даже кончина шведскаго короля Густава III казалась ей выгодою, потому что это событіе освобождало ее отъ обязательства принимать участіе въ мѣрахъ противъ Франціи. «Никто не казался столь ревностнымъ, — пишетъ французскій историкъ Сорель въ своемъ сочиненіи «Europe et la révolution française»,—какъ Екатерина, въ дѣлѣ образованія коалиціи; никто, однако, въ той мѣрѣ, какъ она же, не содѣйствовалъ разстройству коалиціи. Не зная объ этомъ, не желая этого, она оказала громадную услугу революціи, которую она ненавидѣла и противъ которой она хотѣла дѣйствовать. За Францію поплатилась Польша» (стр. 117).

Такое преобладаніе хладнокровнаго расчета въ дѣйствіяхъ Екатерины, преимущественное обращеніе ею вниманія на интересы Россіи не мѣшали ея крайнему раздраженію по поводу заключенія, въ апрѣлѣ 1795-го года, Базельскаго мира между Пруссіею и Французскою республикою. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ она при этомъ случаѣ осуждала образъ дѣйствій короля Фридриха-Вильгельма II, принца Генриха, и прусскихъ министровъ (см. выдержки изъ ея писемъ къ Гримму, на стр. 172—176). На этотъ счетъ Ларивьеръ могъ бы прибавить къ своему разсказу нѣкоторыя любопытныя данныя, заключающіяся въ сочиненіи «Семейство Разумовскихъ», въ особенности въ изданномъ мною пятомъ томѣ этой книги.

О роялистахъ, находившихся въ Россіи въ послѣднее время царствованія Екатерины, было собрано множество данныхъ въ сочи-

---

[1]) «Je resterai aristocrate; c'est mon métier».—«Par métier et par devoir je suis royaliste».

[2]) «Pour tout culbuter en Pologne», стр. 113.

неніяхъ Пенго и Валишевскаго. Оба историка, а равно Ларивьеръ, воспользовались моею монографіей о сотрудничествѣ эмигрантовъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», сильно нападавшихъ на революцію (стр. 63 и слѣд.). О пребыванія герцога Артуа (брата Людовика XVI) въ С.-Петербургѣ въ сочиненіи Ларивьера встрѣчаются новыя данныя. Любопытна замѣтка о слѣдующемъ эпизодѣ.

Какъ извѣстно, тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о казни короля Людовика XVI въ Россіи былъ обнародованъ указъ объ удаленіи всѣхъ французовъ, проживавшихъ въ Россіи, за границу. Къ этому, однако, было прибавлено, что французы, желающіе оставаться въ Россіи, должны прервать всѣ сношенія съ своимъ отечествомъ и, далѣе, заявить присягою о своемъ «омерзѣніи» къ началамъ французской революціи. Мною было указано на списки именъ тѣхъ французовъ, которые согласились дать эту присягу и, благодаря этому, могли оставаться въ Россіи. Нынѣ же Ларивьеръ имѣлъ возможность дополнить мой разсказъ на основаніи неизданныхъ бумагъ одного изъ этихъ французовъ, находившихся въ то время въ Россіи. То былъ Буссонъ-де-Мэрэ (Busson-de-Mairet), занимавшій мѣсто наставника при молодомъ графѣ Никитѣ Петровичѣ Панинѣ. Такъ какъ его бумаги, какъ замѣчаетъ Ларивьеръ, будутъ изданы въ ближайшемъ будущемъ, мы, вѣроятно, узнаемъ объ обстоятельствахъ пребыванія его въ Россіи. Въ матеріалахъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина, изданныхъ мною въ семи томахъ, я не нашелъ слѣдовъ этого учителя молодого графа, который, впрочемъ, въ это время уже былъ женатымъ и служилъ въ С.-Петербургѣ. Буссонъ-де-Мэрэ, представленный «Паниными», какъ сказано у Ларивьера, императрицѣ Екатеринѣ и великому князю Павлу Петровичу, занималъ въ то время должность «lieutenant-colonel». Отказавшись оставаться въ Россіи на вышеупомянутыхъ условіяхъ, онъ написалъ городскому правленію въ Саленѣ (Salins) о своемъ желаніи возвратиться въ отечество. Это письмо важно тѣмъ, что въ немъ заключается статистика французовъ, проживавшихъ въ это время въ Россіи. Ихъ было около 1,500; изъ нихъ лишь 43 отказались дать требуемое отъ нихъ заявленіе объ «омерзѣніи» и должны были покинуть Россію (Ларивьеръ, стр. 137).

Довольно важны нѣкоторыя данныя о состояніи Россіи въ это время и объ обращеніи тамъ съ эмигрантами, заимствованныя Ларивьеромъ изъ неизданныхъ записокъ Ланжерона. На этотъ любопытный источникъ мы укажемъ при другомъ случаѣ. Намъ, впрочемъ, кажется, что Ларивьеръ могъ бы относиться къ эмигрантамъ нѣсколько болѣе безпристрастно. Осуждая слишкомъ рѣзко ихъ отношеніе къ революціонной Франціи и судя объ ихъ образѣ дѣйствій исключительно съ точки зрѣнія нынѣшнихъ политическихъ идей, онъ не умѣетъ цѣнить выгодныя стороны такихъ личностей, каковы были Ланжеронъ и Ришельё.

Далѣе Ларивьеръ ограничивается разборомъ отношенія Екатерины II къ французской революціи, между тѣмъ какъ слѣдовало бы обратить бóльшее вниманіе на отзывы русскихъ государственныхъ людей о событіяхъ во Франціи. Авторъ, правда, приводитъ нѣкоторыя письма Воронцова, Кочубея и Ростопчина, заимствованныя имъ изъ «Архива князя Воронцова» и относящіяся къ этому предмету. Однако, на этотъ счетъ можно было сдѣлать гораздо болѣе и воспользоваться изданіемъ Воронцовскаго архива гораздо основательнѣе. Въ письмахъ Моркова, Кочубея, Безбородка, Завадовскаго, Пикте и проч. къ графу Семену Романовичу Воронцову есть множество данныхъ объ этомъ предметѣ. Также и изданный мною пятый томъ «Семейства Разумовскихъ» заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя для этого предмета. Все это могло бы служить матеріаломъ для исторіи отношеній другихъ странъ къ Франціи во время революціи. Односторонность, ошибочность воззрѣній Екатерины объясняется въ значительной долѣ умственною и нравственною атмосферою тогдашней эпохи вообще. Люди замѣчательные и нѣсколько болѣе самостоятельные, какъ напримѣръ, Семенъ Воронцовъ и Андрей Разумовскій, раздѣляли взгляды императрицы. Ларивьеръ приводитъ въ спискѣ источниковъ, которыми онъ пользовался, четырехтомное изданіе Васильчикова о Разумовскихъ. Однако въ текстѣ книги нѣтъ ссылокъ на замѣчательные отзывы графа Андрея Кирилловича о Франціи. Сопоставленіе воззрѣній Екатерины съ мнѣніями ея современниковъ, передовыхъ русскихъ людей, оказалось бы не безполезнымъ.

Нельзя сказать, чтобы данныя, заимствованныя Ларивьеромъ изъ парижскаго архива, служили особенно важнымъ дополненіемъ свѣдѣній, которыми мы располагаемъ по вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи за это время. Тутъ записки Ланжерона занимаютъ самое видное мѣсто. Депеши Бретёля и Женета, которыя мѣстами приводитъ авторъ, не лишены значенія. Бретёль доносилъ въ 1763 году, что многіе русскіе, отправленные для науки въ Женеву при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, вернулись оттуда въ Россію «пропитанные началами республиканизма» [1]). Въ этомъ же году Бретёль писалъ: «Большинство русскихъ нисколько не предубѣждено противъ Франціи. Они признаютъ наше превосходство. Наши моды, наши манеры, наши пороки даже соотвѣтствуютъ вкусу русскихъ; особенно молодежь расположена въ нашу пользу» (стр. 158). Любопытна выдержка изъ депеши Женета отъ 4-го марта 1790 г.: «Есть русскіе, которые сильно сочувствуютъ революціи, началамъ свободы и равенства. Нельзя не опасаться здѣшней знати, но еще гораздо болѣе общенароднаго возстанія. Грубый и варварскій народъ уничтожилъ бы все огнемъ и мечемъ» и проч.

---

1) «La tête et le coeur remplit des principes républicains», стр. 11.

(стр. 190). Ларивьеръ находитъ, что такія опасенія были лишены всякаго основанія и что не было никакого повода ожидать чего либо подобнаго въ Россіи. Доказательствомъ, по его мнѣнію, можетъ служить чисто пассивная роль и полнѣйшее равнодушіе публики по поводу злосчастнаго эпизода съ Новиковымъ. «Никто въ Россіи»,—замѣчаетъ авторъ,—«ни одного слова не сказалъ для защиты и оправданія великаго публициста. Общественное мнѣніе хранило молчаніе. Въ другой странѣ такой процессъ легко могъ бы послужить искрою для страшнаго пожара. Въ Россіи не было ни малѣйшаго заявленія; никто не тронулся; отсюда видно, что тутъ не было почвы для революціонныхъ идей» (стр. 207).

Въ видѣ приложенія къ главному предмету сочиненія Ларивьера изложены отзывы Екатерины о Неккерѣ, о Мирабо и о Сенакъ-де-Мельянѣ. Что касается до Неккера, то Екатерина сначала восхваляла его, а затѣмъ, въ противорѣчіе прежнимъ отзывамъ, осуждала въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ бывшаго министра финансовъ. Непослѣдовательность воззрѣній императрицы бьетъ въ глаза. Отзывы о Мирабо были и прежде извѣстны. Въ нихъ болѣе всего проглядываетъ односторонность и неправильность взглядовъ Екатерины на революцію и нѣкоторое вліяніе, оказанное на императрицу эмигрантами. Мы обязаны сочиненію Валишевскаго новыми данными о сношеніяхъ русскаго дипломата въ Парижѣ, Симолина, съ графомъ Мирабо. Было бы любопытно узнать еще нѣкоторыя подробности, сюда относящіяся.

Гораздо подробнѣе изложеніе знакомства Екатерины съ Сенакъ-де-Мельяномъ. Монографія, относящаяся къ этому предмету, обнимаетъ въ сочиненіи Ларивьера болѣе 80 страницъ. Письма Екатерины къ этому писателю были изданы въ «Сборникѣ историческаго общества»; поэтому для насъ тутъ не нашлось много новаго. Впрочемъ, здѣсь приводятся нѣкоторыя депеши Женета, въ которыхъ говорится о пріемѣ, оказанномъ этому эмигранту въ Петербургѣ. Какъ извѣстно, возникла мысль о порученіи Сенакъ-де-Мельяну написать исторію Россіи, въ особенности исторію царствованія Екатерины. Этотъ трудъ сдѣлался бы одностороннимъ и тенденціознымъ. Осуществленіе проекта оказалось невозможнымъ, потому что Сенакъ-де-Мельянъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, и вообще не умѣлъ заниматься какъ слѣдовало. Его выпроводили изъ Россіи, назначивъ ему пенсію. Мы имѣемъ возможность дополнить свѣдѣнія о Сенакъ-де-Мельянѣ указаніемъ на любопытный документъ, ускользнувшій отъ вниманія Ларивьера. Этотъ эмигрантъ жилъ въ Вѣнѣ и обратился въ 1801 году къ русскому дипломату Муравьеву съ предложеніемъ замѣнить назначенную ему пенсію выдачею капитала въ размѣрѣ 30,000 рублей. Муравьевъ писалъ тогдашнему министру Н. П. Панину, что, по его мнѣнію, нужно исполнить желаніе Сенакъ-де-Мельяна въ виду того обстоятельства

что въ его рукахъ находится большая пачка рукописей императрицы Екатерины и что слѣдовало бы препятствовать тому, чтобы эти драгоцѣнныя бумаги послѣ кончины эмигранта попали въ чужія руки [1]). О судьбѣ этихъ бумагъ намъ ничего не извѣстно. Сенакъ-де-Мельянъ умеръ въ 1803 г. Его сыну не хотѣли дать пенсіи [2]).

А. Брикнеръ.

[1]) См. мое изданіе «Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина», томъ VI, стр. 319.

[2]) См. мое изданіе V-го тома «Семейство Разумовскихъ», стр. 336.

ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ЗУБЧАНИНОВА.

Ъ ІЮЛѢ МѢСЯЦѢ исполнилось 35 лѣтъ дѣятельности одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», гравера Александра Ивановича Зубчанинова. Съ самаго основанія нашего журнала, въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ, почти въ каждой книжкѣ помѣщались художественно исполненные г. Зубчаниновымъ на деревѣ портреты и гравюры, изъ которыхъ многіе смѣло могутъ выдержать сравненіе съ работами лучшихъ иностранныхъ граверовъ. Столь продолжительный періодъ времени сотрудничества г. Зубчанинова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» далъ намъ возможность оцѣнить не только его дарованіе и добросовѣстность, но и рѣдкія личныя качества, внушившія намъ чувства уваженія и симпатіи къ этому достойному во всѣхъ отношеніяхъ человѣку. Мы считаемъ долгомъ занести на страницы нашего изданія юбилей г. Зубчанинова, дать его портретъ, гравированный для насъ его сыномъ, еще молодымъ, но уже много обѣщающимъ граверомъ, и помѣстить нижеслѣдующую автобіографическую записку, написанную г. Зубчаниновымъ по нашей просьбѣ.

«Я родился 25-го сентября 1840 года, въ Твери. Дѣдъ и отецъ мой были живописцами. Окончивъ городское училище, я намѣревался поступить въ гимназію; но въ то время не всякій имѣлъ доступъ къ высшему образованію и мнѣ пришлось пополнять свои знанія дома при помощи нанятаго для этого учителя. Находясь постоянно при отцѣ, я присматривался къ его работамъ и очень ими интересовался. Отецъ поощрялъ развивавшуюся во мнѣ склонность къ рисованію и даже хотѣлъ отдать меня въ школу живописи при Троице-Сергіевой лаврѣ, но мать не согласилась разлучиться со мной. До сихъ поръ съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю

то время моего дѣтства, когда, весной, я отправлялся вмѣстѣ съ отцомъ, его помощниками и учениками, по разнымъ селамъ, гдѣ отецъ получалъ заказы по отдѣлкѣ и возобновленію церковныхъ иконостасовъ и стѣнъ. Я постоянно былъ на работѣ и исполнялъ то, что̀ мнѣ было по силамъ и пониманію: заготовлялъ краски, подбиралъ ихъ для работъ, выдавалъ матеріалъ, трафареты для разнаго рода орнаментовъ и церковныхъ украшеній и т. п. Такъ какъ я былъ усерднымъ и аккуратнымъ исполнителемъ возлагавшихся на меня обязанностей и всѣ меня любили, то отецъ радовался и за мое хорошее поведеніе доставлялъ мнѣ иногда развлеченія и удовольствія. Но такая счастливая жизнь продолжалась не долго. Въ 1854 году отецъ скоропостижно умеръ отъ холеры. Это внезапное горе не только страшно поразило всю нашу семью, но и лишило всѣхъ средствъ къ жизни. При отцѣ у насъ во всемъ былъ достатокъ, домъ, что называется, полная чаша, и хорошій кругъ знакомыхъ. Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ моего покойнаго отца. Онъ былъ очень религіозный и сердечный человѣкъ; доброта его не знала границъ и онъ готовъ былъ отдать послѣднее нуждающимся. Когда, случалось, мать упрекала его за это, онъ отвѣчалъ: «мнѣ вездѣ повѣрятъ, а бѣдному человѣку нѣтъ». Широкимъ гостепріимствомъ его пользовались даже подгородніе крестьяне, привозившіе въ городъ для продажи свои продукты; они хорошо знали, что въ домѣ отца всегда найдутъ и хлѣбъ-соль и ночлегъ.

«Когда отецъ умеръ, мнѣ было 14 лѣтъ, и мать, очутившись въ крайнемъ положеніи, пристроила меня на службу въ контору пароходства общества «Самолетъ» на жалованье по 15-ти рублей въ мѣсяцъ. Служба эта мнѣ не нравилась, меня тянуло къ рисованію и вскорѣ случай помогъ мнѣ. Къ намъ пришелъ учитель рисованія тверской гимназіи, г. Медвѣдевъ, съ цѣлью купить матеріалы для живописи, оставшіеся послѣ отца. Въ разговорѣ онъ узналъ, что я помогалъ отцу въ его работахъ, посмотрѣлъ мои рисунки и образчики работъ и, видя мою склонность къ живописи, предложилъ ходить къ нему заниматься. Я ужасно этому обрадовался и, съ согласія матери, началъ ходить къ нему въ свободное время учиться рисовать. Осенью г. Медвѣдева перевели на службу въ Москву и онъ уговорилъ мать мою отпустить меня съ нимъ. Нужно было достать метрическое и увольнительное свидѣтельства. Несмотря на то, что въ Твери всѣ знали и любили отца, намъ пришлось много хлопотать; мы не имѣли средствъ давать «благодарности» мелкимъ чиновникамъ, которые нарочно тянули дѣло и, наконецъ, выдали мнѣ увольнительное свидѣтельство только до 18-ти лѣтняго возраста, что впослѣдствіи причинило мнѣ и матери много непріятностей.

«Пока шли хлопоты по выправкѣ свидѣтельствъ, я, въ октябрѣ

1854 года, уѣхалъ съ г. Медвѣдевымъ въ Москву и, безъ всякихъ документовъ, поступилъ въ школу живописи и ваянія, благодаря одному изъ знакомыхъ г. Медвѣдева, члену школы, г. Шевыреву, который далъ мнѣ билетъ на свое имя для входа въ школу. Нѣсколько подготовленный дома и у Медвѣдева, я черезъ три мѣсяца перешелъ уже во второй классъ, а затѣмъ и въ третій, и былъ близокъ къ четвертому, фигурному, гипсовому классу, какъ вдругъ Шевыревъ въ чемъ-то не поладилъ со школой и вышелъ изъ членовъ, а вслѣдствіе этого, и я лишился права посѣщать школу, но товарищи помогли мнѣ, сложились и внесли за меня плату за полгода.

«Посѣщая школу, я жилъ въ семействѣ Медвѣдева, состоявшемъ изъ его жены, тестя и племянника. Тесть былъ граверомъ на мѣди, племянникъ учился въ гимназіи. Медвѣдевъ былъ человѣкъ необыкновенно строгій; ученики-гимназисты страшно его боялись; онъ наказывалъ и немилосердно сѣкъ ихъ за всякіе пустяки. Домашніе также не мало терпѣли отъ него. Болѣе другихъ доставалось племяннику и въ особенности прислугѣ,—молодой дѣвушкѣ, крѣпостной нянькѣ какихъ-то господъ, которые отдали ее Медвѣдеву по знакомству. Медвѣдевъ такъ билъ это беззащитное существо, что я иногда раньше ходилъ въ школу, чтобы не видѣть его жестокой расправы. На Рождествѣ я ѣздилъ домой повидаться съ матерью и по возвращеніи узналъ, что господа отняли у Медвѣдева прислугу. Тогда на меня возложили обязанности по хозяйству, заставляли служить у стола и т. д., благодаря чему я началъ часто подвергаться гнѣву Медвѣдева и побоямъ. Долго я крѣпился, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и ушелъ къ моему дядѣ, жившему въ Москвѣ и занимавшемуся торговлей. Дядя съ презрѣніемъ относился къ такому пустому занятію, какъ рисованіе, и хотѣлъ, чтобы я перемѣнилъ его на торговлю посудой; когда же я на это не согласился, то прогналъ меня и пересталъ даже принимать къ себѣ. Не зная, чтò дѣлать, я обратился за помощью къ бывшему ученику моего отца, который занимался у извѣстнаго въ то время художника Мягкова. Онъ предложилъ мнѣ поселиться у него и, такъ какъ наступало каникулярное время въ школѣ, помогать ему въ работахъ. Я усердно принялся писать вывѣски, распятія на кладбищенскихъ крестахъ, промывать и возобновлять старыя картины и т. д. Все шло хорошо и я былъ доволенъ моимъ положеніемъ, но когда настала пора снова ходить въ школу, мой товарищъ началъ уговаривать меня бросить ее, увѣряя, что я гораздо лучше могу всему выучиться у него, и, встрѣтивъ съ моей стороны отказъ, рѣзко перемѣнилъ обращеніе со мной. Пришлось искать другого пріюта. Скопивъ изъ каникулярнаго заработка кое-какіе гроши, я нанялъ каморку за семь рублей въ мѣсяцъ, при чемъ хозяйка за эти деньги обязалась давать мнѣ обѣдъ, ужинъ и сти-

рать бѣлье. Я очень обрадовался такой дешевизнѣ и думалъ, что устроился, по своему достатку, хорошо; но оказалось, что я попалъ въ вертепъ воровокъ и пьяницъ. Сама хозяйка и ея дочь лѣтомъ торговали кипяткомъ въ Марьиной рощѣ, а зимой дочь шила перчатки, мать же вела хозяйство и сдавала въ наймы углы. Жильцами у нихъ были, преимущественно, женщины, которыя ходили по рынкамъ, имѣя подъ рваными салопами рыболовные крючки, дававшіе имъ возможность быстро стягивать и прятать все, что̀ плохо лежало. Сбывъ краденое, онѣ возвращались домой и проводили ночь въ пьянствѣ и разгулѣ. Рядомъ со мной, въ отдѣльной комнаткѣ, помѣщался съ семьей бронзовыхъ дѣлъ мастеръ, очень честный и добрый человѣкъ. Въ свободную минуту я заходилъ къ нему смотрѣть, какъ онъ работаетъ, и иногда придумывалъ ему темы для работъ, за что̀ онъ былъ очень благодаренъ. Видя мою молодость, онъ съ сожалѣніемъ относился къ моему положенію, совѣтовалъ поскорѣе выбраться изъ вертепа и, чтобы помочь мнѣ, доставалъ для меня работу изъ игрушечнаго магазина,—раскрашивать картинки по 4 рубля за сотню. Такимъ образомъ, я могъ кое-какъ перебиваться. Наступило время экзаменовъ въ школѣ. Я подалъ рисунокъ, но смотритель, наведя справки и узнавъ, что я посѣщалъ школу безъ билета и даже, въ послѣдніе мѣсяцы, не внося платы, не только не принялъ отъ меня рисунка, но запретилъ являться въ школу. Подошло Рождество и мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ ѣхать домой. Знакомые собрали немного денегъ, но ихъ хватило только на билетъ по желѣзной дорогѣ лишь до станціи Завидово. Въ видахъ экономіи, я ѣхалъ въ телячьемъ вагонѣ, набитомъ безбилетными пассажирами. Притаившись въ углу, я страшно боялся проѣзвать станцію Тверь, а еще болѣе чтобы меня не высадили послѣ Завидова, за неимѣніемъ билета. Однако, все обошлось благополучно, и я съ радостью выскочилъ изъ вагона въ Твери, забывъ, что мнѣ нужно, ночью, идти еще три версты до дома, въ морозъ, въ легкой одеждѣ. Разумѣется, мать и сестра обрадовались моему пріѣзду, но такъ какъ имъ самимъ нечѣмъ было жить, то я началъ ходить къ архитектору, заниматься черченіемъ плановъ для застрахованія домовъ, за что̀ получалъ вознагражденіе отъ домовладѣльцевъ и агентовъ страховыхъ обществъ. Однажды, въ разговорѣ съ матерью, я узналъ, что въ Петербургѣ у насъ есть родственникъ, граверъ Куренковъ. Я сталъ просить мать отдать меня къ нему въ ученье. Послѣ нѣкотораго колебанія, она согласилась, написала ему письмо, но отвѣта отъ него не получила. Продолжая заниматься у архитектора, я зарабатывалъ небольшія деньги и этимъ отвлекалъ желаніе матери снова опредѣлить меня въ общество «Самолетъ». Такъ шло время до 1860 года. Какъ-то разъ зашла къ намъ старая знакомая, Берестова, жена фотографа, съ которой мы не видѣлись много

Александръ Ивановичъ Зубчаниновъ.

лѣтъ. Разспрашивая насъ о житьѣ-бытьѣ, она, между прочимъ, узнала и объ неудавшейся попыткѣ моей поступить въ ученье къ Куренкову. Берестова сказала, что на-дняхъ ѣдетъ на родину, въ гор. Корчеву, что Куренковъ теперь тамъ и она попроситъ его за

меня. Вскорѣ Куренковъ, возвращаясь въ Петербургъ, заѣхалъ въ Тверь и разыскалъ насъ. Въ нѣсколькихъ словахъ мы договорились и я согласился поступить къ нему въ ученье на 4 года.

«Простившись съ матерью, я уѣхалъ въ Петербургъ и поселился у Куренкова. У него былъ помощникъ Ѳ. Кубло и, кромѣ меня, еще два ученика, Браунъ и Яненко. Не легко было мнѣ первое время справляться съ рѣзцомъ, но, благодаря терпѣнію и настойчивости, я скоро одолѣлъ всѣ трудности. Первой работой моей, появившейся въ печати, были карикатуры, награвированныя для журнала «Искра» и помѣщенныя въ немъ въ концѣ іюля мѣсяца, а затѣмъ я началъ гравировать болѣе сложные рисунки для «Иллюстрированной Недѣли», издававшейся г. Бауманомъ. Назову нѣкоторые изъ нихъ: «Олень въ лѣсной глуши» съ картины художника Сорокина, «Пьяный въ пивной» съ картины художника Волкова, «Лѣсной царь» съ картины художника Іевлева. Браунъ и Яненко, кончивъ ученіе у Куренкова, поступили къ извѣстному въ то время граверу Сѣрякову. Ихъ разсказы о томъ, что у Сѣрякова много работы, и притомъ хорошей, что у него есть весьма рѣдкія иностранныя гравюры, очень меня заинтересовали. Яненко звалъ меня къ себѣ, обѣщалъ показать все это, но я стѣснялся встрѣтиться съ Сѣряковымъ. Тогда Яненко увѣрилъ меня, что Сѣряковъ никогда не бываетъ дома по средамъ, утромъ, такъ какъ въ этотъ день онъ уходитъ давать уроки въ школу общества поощренія художествъ. Въ одну изъ средъ я отправился къ Яненку и когда позвонилъ, то, къ величайшему моему удивленію, дверь отворилъ мнѣ самъ Сѣряковъ. Узнавъ мою фамилію, онъ принялъ меня чрезвычайно радушно, самъ все показывалъ, объяснялъ, и даже не пошелъ въ школу, несмотря на мои просьбы. Бесѣда наша затянулась до ночи и кончилась тѣмъ, что Сѣряковъ предложилъ мнѣ заниматься у него. Такое предложеніе было, разумѣется, мнѣ въ высшей степени лестно, но я сознавалъ себя еще не твердымъ въ гравюрѣ, опасался, что не пригожусь Сѣрякову, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся оставить Куренкова. Я съ полною откровенностью объяснилъ мои сомнѣнія и опасенія Сѣрякову, и онъ посовѣтовалъ мнѣ ходить къ нему учиться. Я началъ аккуратно являться къ нему, но вдругъ серьезно заболѣлъ и слегъ въ постель. Не видя меня нѣсколько дней, Сѣряковъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ, просидѣлъ съ утра до шести часовъ и былъ такъ любезенъ и сердеченъ, что я совсѣмъ ожилъ и забылъ свою болѣзнь. Уѣзжая, онъ взялъ съ меня слово, что я, для нашего общаго удобства, перейду къ нему и поселюсь около него. Когда я поправился и пришелъ къ нему, онъ далъ мнѣ денегъ и послалъ вмѣстѣ съ Яненкомъ отыскивать квартиру, которую мы въ тотъ же день и нашли, вблизи отъ него, въ Ковенскомъ переулкѣ. Я перебрался туда вмѣстѣ съ

Яненкомъ, граверомъ Крюгеромъ и художникомъ Шурыгинымъ. Такимъ образомъ основалась граверная мастерская Сѣрякова. Граверъ Браунъ и ученикъ Борисовъ приходили къ намъ работать. Куренковъ очень обидѣлся моимъ уходомъ и послѣ этого мы перестали съ нимъ видѣться.

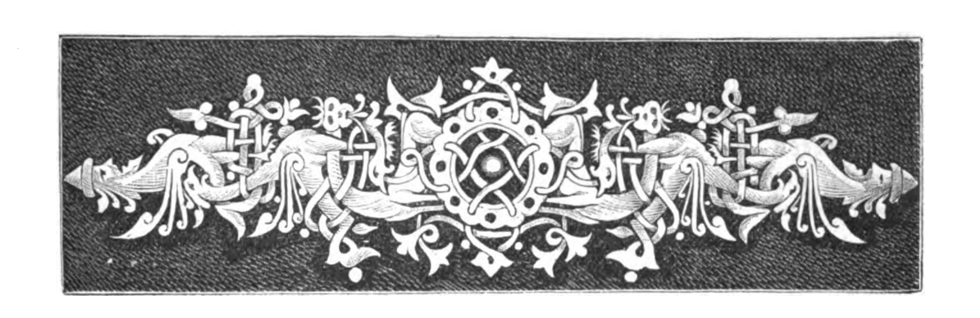
«Съ чувствомъ живѣйшей признательности вспоминаю я о Сѣряковѣ, которому обязанъ весьма многимъ. Хотя я и владѣлъ хорошо рѣзцомъ, но мнѣ пришлось всему переучиваться у Сѣрякова. Благодаря его руководству, вниманію и знаніямъ, я дѣлалъ быстрые успѣхи въ граверной техникѣ. Сѣряковъ искренно желалъ передать намъ всѣ тонкости своего искусства. Онъ указывалъ намъ наши недостатки, объяснялъ, какъ ихъ исправить, помогалъ и совѣтомъ, и дѣломъ. Его присутствіе воодушевляло насъ, удвоивало наше рвеніе, и мы старались изъ всѣхъ силъ исполнять то, чему онъ насъ училъ съ такой любовью.

«Сѣряковъ стремился поставить граверное искусство въ Россіи на заграничный манеръ и исполнять лучшія работы такъ, какъ ихъ исполняютъ тамъ. Поэтому, большія и спѣшныя работы намъ приходилось рѣзать иногда одновременно на одной доскѣ съ нимъ, прокладывая свой штрихъ за его штрихомъ. Такимъ образомъ были сдѣланы, напримѣръ, слѣдующіе большіе рисунки для «Всемірной Иллюстраціи»: «Похороны Даргомыжскаго», «Охота на медвѣдя императора Александра II», «Судъ надъ Дарьей Соколовой», «Внутренность Исаакіевскаго собора» и друг. Поэтому и подписи подъ означенными рисунками ставились «С и К.», т.-е. Сѣряковъ и компанія. Скоро число его помощниковъ увеличилось до 11-ти человѣкъ и, по его желанію, они жили у меня и находились подъ моимъ вѣдѣніемъ. Ко мнѣ Сѣряковъ относился съ большимъ довѣріемъ, принималъ во мнѣ самое живое участіе, былъ моимъ посаженымъ отцомъ и помогалъ мнѣ въ трудныя минуты жизни. Память этого добрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка для меня незабвенна.

«Работая подъ руководствомъ Сѣрякова съ 1868 по 1873 годъ, я усвоилъ отъ него всѣ тонкости граверного искусства и могъ исполнять самостоятельно всякаго рода рисунки: портреты, жанры, пейзажи. Въ то же время я усердно посѣщалъ школу рисованія общества поощренія художествъ и за исполненный мною въ гравюрѣ рисунокъ художника Брожа: «Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II», получилъ большую серебряную медаль. Послѣ отъѣзда Сѣрякова за границу, я былъ приглашенъ г. Гоппе работать для «Всемірной Иллюстраціи», гдѣ работаю до сихъ поръ и гдѣ помѣщено множество моихъ гравюръ. Изъ наиболѣе крупныхъ моихъ работъ могу назвать: «Портретъ Императора Александра II», картины: Рѣпина «Правительница Софья въ монастырѣ во время стрѣлецкаго бунта», Маковскаго «Полученіе пенсіи», Семирадскаго

«Сошествіе въ адъ», Журавлева «Поминки» и т. п. Не мало моихъ работъ помѣщено въ «Нивѣ», въ «Сѣверѣ», въ изданіяхъ А. С. Суворина «Исторія Петра Великаго» и «Исторія Екатерины II», въ изданіи князя Мещерскаго «Царствованіе императора Александра II». Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» я сотрудничаю съ самаго основанія этого журнала. Въ продолженіе моей дѣятельности, я обучилъ граверному искусству 18 молодыхъ людей, изъ нихъ нѣкоторые сами имѣютъ теперь свои мастерскія».

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава).

УЩЕСТВУЮТЪ литературные таланты, лишенные элементовъ поэзіи. Если писатель, надѣленный такимъ талантомъ, сумѣетъ найти свою дорогу,—онъ можетъ сдѣлать очень многое. Какъ ни очаровательна поэзія, но тонкія черты ея улавливаетъ далеко не каждый, даже настоящій, художникъ. Часто въ передачѣ онѣ сплываются и тускнѣютъ. Поэзія простая и ясная, въ то же время поэзія глубоко поучительная, насчитываетъ немного представителей. Безсознательность, присущая поэтическому творчеству, ведетъ художника вѣрнымъ путемъ. Но едва онъ захочетъ сдѣлаться господиномъ стихійной силы, сдержать ее, урегулировать—тотчасъ же въ немъ обнаруживается разладъ. Въ данномъ случаѣ лучшимъ примѣромъ можетъ служить Гоголь. Какъ стихійная сила, онъ стремился изъ скучнаго міра современныхъ ему понятій и бытовыхъ особенностей. Какъ писатель принципіальный онъ, наоборотъ, слагалъ хвалы этому скучному міру, не рѣдко противорѣча себѣ. Онъ пытался, напримѣръ, доказывать, что «Ревизоръ» не имѣетъ того сатирическаго значенія, которое ему приписываютъ, что онъ вообще не преслѣдовалъ никакихъ обличительныхъ цѣлей и т. д., и т. д. Короче, Гоголь употреблялъ всѣ старанія, чтобы лѣвою рукою зачеркнуть написанное правой.

Ничего подобнаго не случается съ талантами «прозаическими». Они въ совершенствѣ владѣютъ мыслью и отдаютъ себѣ отчетъ въ каждой мелочи, въ каждой подробности. Каждая мелочь и каждая подробность у нихъ служитъ для выясненія общей идеи, всегда сознанной и опредѣленно выраженной. Двухъ толкованій этой идеи уже не можетъ быть. Черное выходитъ чернымъ, бѣлое—бѣлымъ. Разумѣется, подобные таланты не создаютъ «міровыхъ типовъ» и цѣликомъ принадлежатъ своей эпохѣ. Но историческое значеніе писателей «прозаиковъ» громадно. Охватывая извѣстную эпоху, они стремятся передать всѣ ея особенности, насколько возможно, рельефнѣе, полнѣе и опредѣленнѣе,—чтобы не оставалось и тѣни сомнѣній, а—главное—съ документальной точностью и вѣрностью дѣйствительности. Они собираютъ матеріалъ скорѣе для исторіи, нежели для литературы.

Къ писателямъ данной категоріи безспорно принадлежитъ С. Н. Терпигоревъ, авторъ столь популярныхъ очерковъ «Оскудѣніе». Задавшись цѣлью прослѣдить исторію паденія дворянскихъ хозяйствъ и исключительнаго значенія дворянства, Терпигоревъ интересовался не только типами оскудѣвшихъ, но и принципіальною стороною дѣла. Причинамъ дворянскаго оскудѣнія онъ отводилъ не мало мѣста, являясь здѣсь передъ читателемъ въ качествѣ публициста, вооруженнаго не одною образностью, но и драгоцѣнною способностью ясно и убѣдительно передавать свои мысли.

Для цѣлей автора «Оскудѣнія» не было ни малѣйшей надобности, чтобы его талантъ обладалъ элементами поэзіи. Элементы поэзіи тутъ были бы прямо не на мѣстѣ. Они завели бы и автора, и читателей въ такія дебри, изъ которыхъ не скоро выберешься.

Эту особенность своего дарованія, отсутствіе элементовъ поэзіи, сознавалъ и самъ Терпигоревъ.

«Я до извѣстной степени грамотный и наблюдательный человѣкъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ «Оскудѣнію», — и только. Мнѣ довелось видѣть и наблюдать такіе факты, которые, какъ я убѣдился потомъ, къ сожалѣнію, даже по слуху неизвѣстны очень многимъ настоящимъ писателямъ. Это, конечно, досадно. Они изъ такого матеріала могли бы надѣлать много превосходныхъ романовъ и повѣстей. Я ничего такого не могу написать. Но вѣдь я и не брался ни за что подобное. Я просто разсказываю, что̀ я видѣлъ. Меня, поэтому, ужасно удивляетъ, когда ко мнѣ обращаются съ какими-то художественными требованіями. Какой я художникъ? На это есть настоящіе писатели. Къ нимъ и слѣдуетъ съ такими требованіями обращаться. Мнѣ дороже всего, чтобы мои картинки были какъ можно болѣе вѣрны дѣйствительности, и чтобы освѣщеніе ихъ было то же самое, настоящее, вѣрное».

Разумѣется, эта строгая самооцѣнка грѣшитъ противъ истины и безпристрастный читатель не согласится съ нею. Терпигоревъ

владѣлъ далеко недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, но дѣйствительно не гонялся ни за красивою фразой, ни за эффектнымъ положеніемъ. Онъ отлично сознавалъ значеніе своего труда. Въ обыкновенномъ беллетристическомъ произведеніи можно многимъ поступиться въ пользу выдумки; въ произведеніи, изображающемъ и уясняющемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ русской исторіи, нельзя ни на шагъ отойти отъ дѣйствительности, не уменьшивъ цѣнности собранныхъ матеріаловъ и вытекающихъ изъ нихъ выводовъ.

«Оскудѣніе» началось печатаніемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ 1880 года. Въ 1881 году оно было издано отдѣльной книгой. «Очерки эти,—говоритъ г. Скабичевскій въ своей «Исторіи новѣйшей литературы»,—имѣли такой успѣхъ, что, несмотря на появленіе отдѣльнаго изданія тотчасъ же послѣ печатанія въ столь распространенномъ журналѣ, какъ «Отечественныя Записки», въ одинъ годъ оно было распродано и въ слѣдующемъ 1882 году явилось новое изданіе, разошедшееся съ неменьшей быстротою. Причина такого успѣха очерковъ г. Терпигорева заключалась въ томъ, что они, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали назрѣвшей злобѣ дня». «Достоинство этихъ очерковъ,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—заключается въ ихъ несомнѣнной правдивости и прозрачной искренности».

«Оскудѣніе», дѣйствительно, отвѣчало интересамъ минуты, но значеніе его было далеко не минутное. Скажу болѣе—только теперь начинаетъ опредѣляться дѣйствительная цѣнность «очерковъ» Терпигорева. Написаны они были по свѣжимъ документамъ, въ такое время, когда «оскудѣвшихъ» на лицо оставалось много и когда, слѣдовательно, могли воспослѣдовать различныя возраженія по существу. Ни одного мало-мальски вѣскаго возраженія не послѣдовало. На Терпигорева шипѣли, но шипѣніе лишь подтверждало неоспоримую правдивость «очерковъ».

Теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Описываемыя Терпигоревымъ событія все дальше и дальше отодвигаются отъ насъ. По мѣрѣ ихъ удаленія, возрастаетъ храбрость защитниковъ стараго порядка. Десять лѣтъ назадъ рѣдкій крѣпостникъ рѣшался открыто заявлять свои симпатіи. Нынче ихъ заявляютъ безбоязненно, и никого эти заявленія не смущаютъ. Самому факту дворянскаго оскудѣнія крѣпостники стараются придать новый смыслъ. По ихъ словамъ, помѣщиковъ «обидѣли» напрасно, такъ какъ, во-первыхъ, они отечески пеклись о благополучіи ввѣренныхъ рабовъ, а, во-вторыхъ, были отличными хозяевами, во все вникавшими и все понимавшими до тонкости. Далѣе помѣщики изображаются людьми необыкновенно мудрыми, которые сразу же сознали громадность ошибки, совершенной правительствомъ, и, сознавъ ее, удалились съ насиженныхъ мѣстъ. Короче говоря, освобожденіе крестьянъ

представляется нынѣшними поклонниками стараго порядка чѣмъ-то въ родѣ лишенія всего русскаго дворянства всѣхъ правъ состоянія.

Капитальный трудъ Терпигорева обстоятельно и нелицепріятно отвѣчаетъ на каждый изъ перечисленныхъ пунктовъ. Знакомясь съ исторіей дворянскаго оскудѣнія, изложенной талантливымъ авторомъ, мы шагъ за шагомъ убѣждаемся, что позднѣйшія выдумки крѣпостниковъ лишены и тѣни основанія. Конечно, въ этомъ тяжело сознаваться, но если мы еще надѣемся, то должны же, наконецъ, хоть келейно, хоть самимъ себѣ, исповѣдать прошлыя ошибки и заблужденія.

Относительно свѣдущности и дѣловитости помѣщиковъ Терпигоревъ высказывается категорически.

«Я убѣжденъ,—говоритъ онъ,—что скажу безусловную истину, утверждая, что помѣщики разорились и продолжаютъ разоряться потому только, что никогда не дѣлали того, что̀ имъ слѣдовало дѣлать. Мужики пашутъ, купцы торгуютъ, духовные молятся. А что̀ дѣлали помѣщики? Они занимались и развлекались всѣмъ, чѣмъ угодно—службой, охотой, литературой, амурами, но только не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало заниматься».

Естественно, подобный образъ жизни, лишенный главной основы—дѣла, могли вести только люди, фатально обезпеченные. Какъ ни убивай время, сколько ни развлекайся—сытъ и одѣтъ будешь. Естественно также, что вѣсть о близкомъ упраздненіи привилегій фатальнаго обезпеченія должна была затронуть помѣщиковъ не со стороны д ѣ л а, а именно—со стороны пріятныхъ подробностей крѣпостного быта. «Необходимо признать тотъ несомнѣнный фактъ,—пишетъ г. Терпигоревъ,—что помѣщиковъ занимала въ гораздо большей степени забота о сохраненіи животовъ, а также о сохраненіи личныхъ правъ и преимуществъ, чѣмъ экономическая сторона реформы; интересовались, какъ удобнѣе будетъ спастись при предстоящемъ возбужденіи; какія оскорбленія придется испытывать, оставаясь въ деревнѣ, отъ Филекъ и Сенекъ; какъ эти Фильки и Сеньки будутъ надъ ними глумиться; куда переѣзжать безопаснѣе; какъ бы половчѣе все распродать и припрятать, и затаить на черный день деньги. Все это мы слышали, помнимъ. Но я рѣшительно не помню, чтобы слышалъ хотя какія нибудь соображенія насчетъ того хозяйства, которое должно будетъ смѣнить настоящее. Мнѣ сдается, что это было такъ оттого, что въ то время не было бы никакого хозяйства въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается теперь даже у насъ. Да, хозяйства не было. Была безобразная затрата человѣческаго и лошадинаго физическаго труда, почти дарового, безъ всякаго расчета, безъ всякой теоріи, безъ всякой системы, не говоря уже о какой нибудь научной подготовкѣ, о приложеніи какихъ нибудь научныхъ законовъ. Я говорю вообще про массу, и это не опровергается

рѣдкими-рѣдкими исключеніями, которыя тогда встрѣчались, конечно, еще рѣже, чѣмъ теперь, и не вызывали ничего, кромѣ насмѣшки, какъ надъ дураками, надъ тѣми, которые заводили машины, новые сорта хлѣба и травъ, и презрѣнія къ тѣмъ, кто къ хозяйству примѣшивалъ соображенія и пріемы купца, то-есть, кто скупалъ, напримѣръ, телятъ, свиней, птицу, выкармливалъ ихъ и продавалъ, кто заводилъ у себя мукомолки, маслобойни и пр. Все это считалось дѣломъ не дворянскимъ,—купеческимъ. Дворянское дѣло было: приказать вспахать, посѣять, сжать, обмолотить и зерно продать. Единственные заводы, не компрометировавшіе дворянскаго достоинства, были заводы конскіе».

Съ отмѣной крѣпостного права такой порядокъ продолжаться, конечно, не могъ. Нужно было придумать что либо новое. Прежде всего помѣщики рѣшили «отдохнуть», а затѣмъ явилась мысль—насчетъ «воспитанія дѣтей». Казалось бы направленіе, въ которомъ должны были воспитываться дѣти, опредѣлялось самимъ положеніемъ вещей. Но большинство помѣщиковъ такъ далеко стояло отъ жизни, такъ было не практично и легкомысленно, что «воспитаніе» послужило лишь къ скорѣйшему оскудѣнію и родителей, и дѣтей. «Люди, состоянія которыхъ, можно сказать, таяли, какъ снѣгъ весною, находили себѣ утѣшенія въ надеждѣ на неслыханные доходы отъ предполагавшагося введенія «раціональнаго хозяйства», и они же, эти же люди, обманывали себя еще разъ, восторгаясь въ то же время видомъ сыновей своихъ, одѣтыхъ въ привилегированные мундирчики, въ которыхъ ходили и дѣти сановниковъ, ихъ товарищей. Они восторгались и млѣли отъ одной мысли, что сынъ ихъ, привезенный изъ какой-то тамбовской глуши, носящій именную фамилію, за 900 руб. годовой платы сидитъ въ училищѣ рядомъ съ сыномъ министра, и они говорятъ другъ другу «ты», и по субботамъ, вечеромъ, вмѣстѣ ужинаютъ у Бореля, и оба будутъ служить въ одномъ и томъ же департаментѣ, и—почемъ знать—можетъ быть...»

Обѣ мечты шли рука объ руку: раціональное хозяйство и карьера сына. Обѣимъ мечтамъ въ массѣ случаевъ не суждено было исполниться. Еще до окончанія курса сынокъ обыкновенно въ корень разстраивалъ папенькино состояніе, чтобы затѣмъ выбраться на весьма сомнительное бюрократическое поприще и либо нажить состояніе новое, либо опутать себя цѣлой сѣтью неоплатныхъ долговъ—и по закладнымъ, и по векселямъ, и по заемнымъ письмамъ.

Непрактичность помѣщиковъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей сказалась особенно ярко. Вмѣсто того, чтобы позаботиться приготовить изъ нихъ работниковъ, способныхъ обезпечить себѣ существованіе трудомъ, изъ нихъ приготовляли «господъ ташкентцевъ», Сенечекъ Бирюковыхъ и тому подобныхъ джентльменовъ, немыслимыхъ безъ посторонней поддержки.

О раціональномъ хозяйствѣ и говорить нечего.

Представьте себѣ человѣка, умудреннаго опытомъ, упорно отвоевывающаго каждый шагъ, и рядомъ съ нимъ — фантазера, никогда ни о чемъ не заботившагося, свободнаго отъ всякихъ познаній. Тотъ и другой предпринимаютъ «дѣло». Умудренный опытомъ человѣкъ прикидываетъ, примѣриваетъ, соображается со всѣми обстоятельствами и, въ концѣ-концовъ, рѣшаетъ, что предпріятіе можетъ принести, скажемъ, десять тысячъ дохода. Опытный человѣкъ — для вѣрности — уменьшаетъ вѣроятную сумму дохода еще на тысячу и, конечно, застрахованъ отъ ошибки. Если же и ошибется, то въ свою пользу, заработавъ вмѣсто девяти тысячъ двѣнадцать.

Иныя соображенія руководятъ фантазеромъ. Разъ остановившись на извѣстной идеѣ, онъ не знаетъ удержу въ ея феерическомъ развитіи. Десять тысячъ можно получить дохода. Нѣтъ, какой десять тысячъ! Десять тысячъ мало. Можно получить двадцать, тридцать... А если еще обстоятельства сложатся такимъ-то (совершенно невѣроятнымъ) образомъ, то и всѣ пятьдесятъ. Въ концѣ-концовъ, осуществленіе предпріятія завершается самымъ прискорбнымъ финаломъ. Прогорѣвшій фантазеръ обстоятельно знакомится съ положеніемъ отвѣтчика по гражданскому дѣлу, съ «инстанціями», сроками, порядкомъ исполненія рѣшеній, а иной разъ—и съ жилищемъ для несостоятельныхъ должниковъ.

Раціональные хозяева дѣйствовали именно такъ, какъ вышеизображенный фантазеръ-предприниматель. Они не взвѣшивали всѣхъ условій, не предусматривали неблагопріятныхъ случайностей, не заботились о пополненіи своихъ скудныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Выписывая дорого стоящія машины, которыя, съ одной стороны, должны были двинуть впередъ земледѣльческую культуру, съ другой—уменьшить зависимость отъ освобожденнаго мужика,—помѣщики рѣдко справлялись, насколько подходятъ машины того или другого типа къ данной мѣстности, какова ихъ прочность, конструкція и т. д., и т. д. Разумѣется, результаты всего этого получались самые плачевные.

Терпигоревъ съ большимъ мастерствомъ и знаніемъ дѣла рисуетъ единственную въ своемъ родѣ картину пробы усовершенствованныхъ орудій въ усадьбѣ одного раціональнаго хозяина. «Проба была обставлена величайшей торжественностью. Не только всѣ окрестные помѣщики получили приглашеніе посмотрѣть и поучиться, но согнали и мужиковъ любоваться интересной затѣей. Всѣ сцены этой комедіи пробы—глубоко поучительны и жизненны, но я остановлюсь только на нѣкоторыхъ. Проба производилась на лугу. Тутъ раскинулся цѣлый таборъ. Направо—рядъ экипажей помѣщиковъ, потомъ какія-то приспособленія къ чему-то, потомъ что-то въ родѣ походной кухни и, наконецъ, положительно цѣлая походная кан-

целярія. Громадный столъ, покрытый новенькимъ зеленымъ сукномъ, былъ устроенъ подковой, кругомъ—болѣе полусотни стульевъ. Передъ каждымъ мѣстомъ листъ бумаги и карандашъ, какіе-то книги, планы; нѣсколько полѣвѣе еще столъ человѣкъ на пять — это для писарей, привезенныхъ изъ конторы его превосходительства, на случай несомнѣнно предстоявшихъ писаній... Его превосходительство подъ руку съ предводителемъ направился къ столу и занялъ мѣсто посрединѣ; направо и налѣво помѣстилось дворянство.

«Послѣ различныхъ церемоній произнесенія рѣчей и чтенія «записокъ» начались опыты. Прежде всего демонстрировались усовершенствованныя сѣялки. Разумѣется, опытъ прошелъ блестяще и засѣдавшимъ за подковообразнымъ столомъ дворянамъ оставалось только восхищаться. Но весь эффектъ былъ испорченъ мужикомъ, у котораго спросили мнѣніе.

— «Господь ее знаетъ, какъ она сѣетъ,—отозвался мужикъ о патентованной нѣмецкой машинкѣ.—Развѣ на лугу, въ травѣ, можно замѣтить, какъ зерно падаетъ?.. На будущій годъ, коли уродится,—увидимъ.

«Разумѣется, всѣ сейчасъ узнали, въ чемъ дѣло; послышался смѣхъ, шутки. Позвали мужика, который сдѣлалъ замѣчаніе. Тотъ даже немножко струсилъ, снялъ шапку и началъ оправдываться. Хохотъ.

— «Да нѣтъ, ты что же? Ты правду замѣтилъ!

«Кто-то пришелъ въ такой восторгъ, что даже далъ депутату три рубля на водку.

— «Какъ же быть теперь? Расчищеннаго мѣста нѣтъ. Ахъ, какая досада! И какъ это глупо все вышло!—бормоталъ Василій Михайлычъ.

«Но, подобно тому, какъ одинъ мужикъ прокормилъ двухъ генераловъ, такъ и теперь одинъ мужикъ вывелъ насъ всѣхъ изъ затрудненія.

— «Да вы, ваше превосходительство,—обратился онъ къ Василію Михайлычу:—прикажите одному какому нѣмцу съ машинкой по дорогѣ пройти, травы на ней нѣтъ—оно и будетъ видно, какъ гдѣ каждое зернышко легло.

«Задача разрѣшилась такъ просто и такъ скоро, что генералъ на нѣсколько мгновеній чисто ошалѣлъ. Уставился на мужика и молчитъ.

— «Да ты знаешь ли, изъ какого затрудненія меня вывелъ?— наконецъ, воскликнулъ онъ.—Тебя какъ зовутъ? Ты откуда?

— «Тутошній, ваше превосходительство,—Ѳедька.

— «Вотъ это отъ меня возьми.—Онъ далъ ему красненькую.— Ты, пожалуйста, если что̀ замѣтишь, сейчасъ говори мнѣ. Я вижу, ты, братецъ, не дуракъ.

«Пустили нѣмца на дорогу, и всѣ стали по бокамъ ея. Что̀ будетъ? Сѣяла сѣялка дѣйствительно превосходно, ровно.

«Послѣ этого опыты уже утратили департаментскій характеръ. Передъ зрителями дефилировали нѣмцы-рабочіе съ плугами разныхъ системъ, съ пароконными, четырехконными, шестиконными и т. д. Всѣ присутствовавшіе были въ восторгѣ, а мужики и подавно. Василій Михайлычъ ликовалъ. Но дѣйствительность, эта проклятая дѣйствительность, устами другого какого-то депутата, опять отравила восторгъ. А вопросъ былъ самый простой, самый очевидный.

— «Хорошо-то, хорошо, словъ нѣтъ, а только это нашимъ лошадямъ не подъ силу... Вѣдь теперь какія лошади-то запряжены? Заводскія! гдѣ-жъ нашей рабочей лошади такую пахоту выдержать. Вѣдь въ этотъ пароконный плугъ,— толковалъ мужикъ,— нашихъ лошадей надо развѣ пару заложить? И четырехъ мало!..»

Подобнымъ образомъ раскритиковали мужики и другія усовершенствованныя машины. Всѣ замѣчанія отличались чрезвычайной ясностью и практическимъ смысломъ. «Я замѣтилъ, напримѣръ,— говоритъ Терпигоревъ,—сцену съ конными граблями. Орудіе безусловно хорошее, практическое, и мужики его хвалили, но для насъ оно не годится по той простой причинѣ, что имъ работать можно только на совершенно ровной почвѣ, гдѣ не должно быть, что называется, ни сучка, ни задоринки, то-есть, какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, что представляютъ обыкновенно наши сѣнокосы, всегда по берегамъ рѣкъ, по низамъ, заливаемымъ водой весною и усаженнымъ кочками, какъ бородавками». «Я привелъ, — продолжаетъ онъ, — въ примѣръ опыты у Василія Михайлыча, потому что онъ ухлопалъ на машины до пятидесяти тысячъ, и изъ этой затраты все-таки ровно ничего не вышло. И волей-неволей, съ страшной досадой, съ глубоко оскорбленнымъ самолюбіемъ, пришлось, въ концѣ-концовъ, обратиться опять къ тѣмъ-же мужикамъ».

Большинство остальныхъ хозяевъ повторили въ миніатюрѣ исторію Василія Михайлыча.

«Другія раціональныя начинанія, на которыхъ я уже не буду останавливаться, такъ какъ всѣ они въ одномъ родѣ, привели къ столь же грустному результату. И вездѣ вы совершенно отчетливо различаете причины дворянскихъ неудачъ. Эти причины кроются въ полной неподготовленности къ труду, къ самостоятельной разумной дѣятельности, къ борьбѣ за существованіе собственными силами». Терпигоревъ проводитъ передъ читателями цѣлую фалангу всякихъ неудачниковъ и оскудѣвшихъ. Ихъ физіономіи различны, но смыслъ явленія вездѣ одинъ и тотъ же.

II.

Вполнѣ понятно, что безпомощный, непрактичный помѣщикъ долженъ былъ уступить мѣсто чрезвычайно практичнымъ Сладкопѣвцевымъ, Деруновымъ, Колупаевымъ, Разуваевымъ и Подъугольниковымъ. Эти человѣческія особи росли и зрѣли въ другихъ условіяхъ. Фатальной обезпеченности имъ не полагалось; они оттачивали зубы на голой кости и до всего доходили путемъ горькаго опыта. Типъ Колупаевыхъ и Сладкопѣвцевыхъ настолько хорошо извѣстенъ, что говорить о немъ нѣтъ надобности.

Его многообразныя развѣтвленія занимали не одного Терпигорева. Въ данной области много поработалъ и Салтыковъ. Однако, нужно отдать справедливость автору «Оскудѣнія»: всюду и во всемъ онъ является самобытнымъ. Многочисленные противники Терпигорева, изъ числа друзей стараго порядка, стремятся низвести его на степень подражателя Салтыкова. Стремленіе совершенно безплодное. Подъугольниковъ, конечно, ближайшій родственникъ Колупаева и Разуваева, но вѣдь сущность «кулака» настолько опредѣленна, что искать двухъ «кулаковъ» неодинаковой сущности — трудъ напрасный. Важнѣе установить моменты дѣйствія Пѣснопѣвцевыхъ и Сладкопѣвцевыхъ, прослѣдить процессъ ихъ нарожденія и развитія и т. д.

Въ «Оскудѣніи» Терпигоревъ слѣдитъ за этимъ процессомъ. Сохраняя свойственное ему безпристрастіе, онъ не сгущаетъ красокъ, хотя отъ этого порою трудно удержаться. Кулаки у него выходятъ во весь ростъ. И созерцая ихъ внушительныя фигуры, вы опять-таки невольно задумываетесь надъ извѣстными уже особенностями до-реформеннаго дворянства, приведшими его къ быстрому и полному краху.

Но прежде, чѣмъ наступилъ полный крахъ, дворянство успѣло еще вздохнуть: ему было даровано земство. Земство было даровано именно дворянству, хотя и представляло собою учрежденіе всесословное. На первыхъ порахъ единственными полновластными хозяевами земства явились дворяне. Повидимому, обстоятельства складывались въ пользу сословія и выгода положенія не возбуждала сомнѣній. Дворяне, дѣйствительно, извлекли выгоду изъ своего положенія, только нѣсколько иначе, чѣмъ слѣдовало.

Медовый мѣсяцъ существованія земства совпалъ съ эпохой различныхъ сказочныхъ проектовъ и съ пресловутой желѣзнодорожной горячкой. Изображеніе всѣхъ стадій и перипетій этой горячки — кульминаціонный пунктъ «Оскудѣнія». Здѣсь Терпигоревъ во всемъ блескѣ проявляетъ свой оригинальный талантъ, не чуждый внутренняго юмора. Предложенія насчетъ желѣзныхъ дорогъ были всюду встрѣчаемы съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ. Въ мѣстности,

которую описываетъ Терпигоревъ, инціатива проведенія желѣзныхъ дорогъ исходила отъ предводителя дворянства, «Владиміра Николаевича». «Выгоды отъ предпріятія, конечно, ожидались невообразимыя, а ихъ исчисленіе было произведено по извѣстнымъ уже намъ правиламъ феерической ариѳметики: «что сто тысячъ! Тутъ, батенька, не сотнями тысячъ пахнетъ—тутъ надо считать милліонами!»... Разумѣется Владиміра Николаевича и прочихъ главарей уполномочили, дали гарантію и снабдили необходимыми деньгами для хлопотъ въ столицѣ. Нужно ли говорить, что сути дѣла никто не понималъ. Не понимали даже Сладкопѣвцевы и Подъугольниковы, лишь смутно предчувствовавшіе что-то неладное.

Владиміръ Николаевичъ («орелъ», какъ называли его восхищенные чудеснымъ проектомъ дворяне) укатилъ въ Петербургъ. Ему даны были самыя широкія полномочія. «Ему довѣрялось отъ имени земства ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ и у кого слѣдуетъ, о разрѣшеніи намъ выстроить дорогу «на свой страхъ и рискъ». Ни поверстная цѣна, ни протяженіе линіи—ничего не было обозначено и оговорено, такъ что строительный капиталъ онъ могъ просить и опредѣлять какой угодно, а мы, между тѣмъ, гарантировали, что онъ, этотъ неизвѣстный намъ строительный капиталъ, будетъ приносить пять процентовъ годовой прибыли. О такихъ тонкостяхъ, какъ напримѣръ, сколько выпустить облигацій и сколько акцій, понятно, и рѣчи не могло быть, уже по той простой причинѣ, что ни одинъ человѣкъ у насъ въ уѣздѣ объ этомъ понятія не имѣлъ. Это фактъ, и какъ онъ ни удивителенъ, но, тѣмъ не менѣе, совершенно вѣренъ. Еще менѣе могло быть рѣчи объ условіяхъ выпуска этихъ акцій и облигацій, то-есть, когда, по какому курсу и проч., что, какъ это извѣстно каждому биржевику-зайцу, составляетъ вопросъ громадной важности для всякаго акціонернаго дѣла. Ничего этого мы знать не знали, вѣдать не вѣдали, и все это предоставили «Орлу», на его благоусмотрѣніе».

Пріѣхавъ въ Петербургъ, «орелъ» поставилъ дѣло на широкую ногу, то-есть остановился въ лучшей гостиницѣ, занялъ лучшій номеръ и вообще началъ образъ жизни въ высшей степени пріятный и беззаботный. О тогдашнемъ времяпрепровожденіи «орловъ» еще до сихъ поръ помнятъ цыгане, французскіе ресторатори и кокотки. Дѣло съ дорогой «орелъ», въ концѣ-концовъ, оборудовалъ при содѣйствіи извѣстнаго дѣльца Саламатова. Согласно выхлопотанной имъ концессіи, земство принимало на себя обязанность въ случаѣ, если дорога не будетъ давать пяти процентовъ дивиденда, платить его изъ собственнаго кармана. Далѣе, въ силу довѣренности, выданной «орлу», постройка дороги переходила къ нѣкоему «человѣчку». «Человѣчекъ» взялся выстроить дорогу дешевле концессіонной цѣны. А разница между этой цѣною и предложенной «человѣчкомъ» поступила въ карманъ «орла» и прочихъ. Такъ какъ

при сумасшедшей поверстной строительной цѣнѣ дорога не можетъ давать дивиденда, то уплачивать его пришлось земству, а такъ какъ земству въ свою очередь платить было не чѣмъ, то за всѣхъ и за все расплатилась казна.

«Во всемъ этомъ разсказѣ невѣрнаго,—говоритъ авторъ,—только одни имена и фамиліи. Такъ были получены почти всѣ земскія дороги, такъ всѣ онѣ были выстроены; и полученіе ихъ, и постройки сопровождались именно такими условіями, обстоятельствами и даже сценами, какъ сейчасъ разсказанныя.

«Какъ видитъ читатель, дороги эти, по-настоящему, слѣдуетъ назвать помѣщичьими, а вовсе не земскими, такъ какъ земство тутъ было и есть ни причемъ, потому что «мы» пользовались только его именемъ для полученія концессіи, ибо наше помѣщичье имя было ужъ и тогда для этого вполнѣ ничтожно.

«На постройку этихъ земскихъ дорогъ пошло, какъ извѣстно, болѣе ста милліоновъ рублей. Изъ этихъ денегъ нѣсколько десятковъ милліоновъ прилипли къ «нашимъ» помѣщичьимъ рукамъ.

«Чтò мы изъ нихъ сдѣлали? Чтò получилось въ результатѣ? А вотъ чтò: во-первыхъ, «мы», когда свалились намъ съ неба эти милліоны, ошалѣли и «взыграли». Потомъ вообразили, что мы и въ самомъ дѣлѣ великіе финансисты и дѣльцы, и пустились во всевозможныя предпріятія. На сельское хозяйство, навѣрное можно сказать, не пошло изъ этихъ денегъ и пяти процентовъ—все ухлопали на аферахъ. Какъ глупо пришло, такъ глупо и ушло»...

III.

Подобнымъ же образомъ разыгралась исторія съ поземельными банками. Ничему не научившись изъ имѣвшагося уже опыта, дворяне попрежнему относились къ деньгамъ, легкомысленно стремясь только урвать, обойти какъ нибудь уставъ банка и т. п. Нѣтъ надобности останавливаться на подробностяхъ банковой эпопеи: вѣдь и здѣсь дѣйствовали тѣ же самые помѣщики, которые заводили раціональное хозяйство, упитывали своимъ сокомъ Подъугольниковыхъ и Сладкопѣвцевыхъ, строили гарантированныя желѣзныя дороги.

Перечитывая «Оскудѣніе», современный читатель убѣдится, что если о безобразіяхъ крѣпостного права недостаточно краснорѣчиво, по мнѣнію людей извѣстной категоріи, свидѣтельствуетъ положеніе до-реформенныхъ крестьянъ, то уже не свидѣтельствуетъ, а прямо вопіетъ по-реформенное поведеніе дворянства.

Друзья стараго порядка, дѣлающіеся годъ отъ году смѣлѣе, сѣтуютъ на правительство, которое будто бы пустило дворянъ послѣ 19-го февраля на всѣ четыре стороны, оказавъ имъ самое ничтож-

ное воспособленіе. Дворяне будто бы оттого и оскудѣли, что къ нимъ не пришли во-время на помощь, что они должны были перебиваться грошами. Капитальный трудъ Терпигорева опровергаетъ всѣ эти тенденціозныя басни. Около двухъ милліардовъ прошло сквозь пальцы дворянъ, и что̀ же отъ этихъ двухъ милліардовъ осталось?... Но вѣдь не въ однѣхъ деньгахъ дѣло, не однѣ деньги явились поддержкой дворянству. Играя въ земствѣ первенствующую роль, дворяне имѣли полную возможность устроиться по новому— и прочно, и удобно. Они не устроились. Кто же имъ мѣшалъ? Освобожденный мужикъ, Сладкопѣвцевъ, Подъугольниковъ? Нѣтъ!— отвѣчаетъ Терпигоревъ каждою подробностью своего «Оскудѣнія»,— имъ мѣшали устроиться полная неподготовленость и неспособность къ труду и какая-то сказочная оторванность отъ жизни.

Это нужно повторять тысячи разъ, потому что высказанная Терпигоревымъ мысль еще не обратилась въ труизмъ, и потому что въ современномъ обществѣ господствуютъ далеко не устойчивыя понятія. Неустойчивость понятій современнаго общества открываетъ широкій просторъ злонамѣреннымъ истолкователямъ, которыхъ нынче развелось не мало.

Г. Терпигоревъ все это прекрасно понималъ и внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ истолкователей. Вся его дальнѣйшая дѣятельность послѣ «Оскудѣнія» была посвящена изображенію оскудѣвшихъ во всѣхъ стадіяхъ и подробностяхъ оскудѣнія,

Въ какомъ-то юмористическомъ журналѣ была изображена карикатура на Терпигорева. Онъ былъ представленъ среди лабораторіи, окруженный колбами и ретортами съ надписями на всѣхъ—«оскудѣніе». Нѣтъ ничего удивительнаго, что Терпигоревъ посвятилъ свою литературную дѣятельность «оскудѣнію». Предметъ немаловажный,—безспорно, способный поглотить жизнь человѣка. Обвиненія Терпигорева въ томъ, что онъ повторяется, на нашъ взглядъ имѣютъ мало основаній. Конечно, писатель иной разъ возвращается къ прежнимъ типамъ, къ прежде изображеннымъ событіямъ, но это возвращеніе вполнѣ понятно и естественно; его нѣтъ надобности мотивировать. Что же касается однообразія произведеній Терпигорева, то оно въ большинствѣ случаевъ только внѣшнее. Происходящіе изъ одной и той же среды, приблизительно одинаково воспитанные, испытавшіе на себѣ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же неумолимыхъ законовъ судьбы, — оскудѣвшіе могутъ, разумѣется, отличаться другъ отъ друга въ подробностяхъ, а не въ основѣ.

Вотъ эти подробности выходятъ у г. Терпигорева чрезвычайно разнообразными. Не порывая связи съ «своими», авторъ «Оскудѣнія» постоянно уподоблялся ловцу, на котораго бѣжитъ звѣрь. Чуть не каждый день приносилъ ему новую интересную встрѣчу, освѣщавшую новыя стороны уже изслѣдованнаго явленія. До какой степени жизненны и правдивы типы, изображенные Терпиго-

ревымъ, можно судить по тѣмъ обличеніямъ, которымъ подвергался иногда талантливый писатель. Его упрекали, напримѣръ, въ точномъ списываніи портретовъ съ живыхъ лицъ и съ умершихъ. Еще недавно одна провинціальная газета доказывала, что типъ промотавшагося князя въ повѣсти «Сморчки» взятъ цѣликомъ изъ жизни. Только,—пояснялъ наивный обличитель,—въ «настоящемъ князѣ» не было такихъ-то и такихъ-то особенностей (очень характерныхъ), а въ жизни его такихъ-то и такихъ-то фактовъ (очень важныхъ).

Отсюда легко видѣть состоятельность обличеній и обличителей, приносившихъ литературной репутаціи Терпигорева скорѣе пользу, чѣмъ вредъ. Не забудемъ, что самъ г. Терпигоревъ часто повторялъ: «въ моемъ разсказѣ только невѣрны фамиліи и имена». Этимъ авторъ признавалъ, что лица и событія не вымышлены. Однако, отъ фотографированія онъ такъ же далекъ, какъ и отъ сочинительства, и пользуется только типичными, характерными и общеинтересными чертами своихъ оригиналовъ. Обличители, утверждающіе, что Терпигоревъ списалъ такого-то, описалъ невѣрно, сами себя поражаютъ. Одно дѣло — воспользоваться, напримѣръ, типомъ прогорѣвшаго князя-расточителя, другое—изобразить его со всѣми интимными подробностями. Но, къ сожалѣнію, въ современной литературѣ не принято церемониться съ противниками. Обличители Терпигорева прекрасно знали, что клевещутъ; для нихъ это было безразлично; имъ требовалось обмануть не себя, не противника, а читателя.

Исторіографъ дворянскаго оскудѣнія, стоящій на той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ Терпигоревъ, неминуемо долженъ обращаться и къ болѣе отдаленному прошлому, чѣмъ изучаемая имъ эпоха. Это обращеніе находится отчасти въ зависимости и отъ смутнаго міросозерцанія нынѣшняго общества, о чемъ уже шла рѣчь выше. Желая содѣйствовать установленію прочныхъ взглядовъ на извѣстныя особенности крѣпостного быта, Терпигоревъ рѣшилъ «потревожить тѣни» нѣкоторыхъ типичныхъ представителей крѣпостничества. «Потревоженныя тѣни» (я не вдаюсь въ чисто художественную оцѣнку этого произведенія) имѣютъ, пожалуй, не меньшее значеніе, чѣмъ «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова. Друзья стараго порядка, придавая ложное освѣщеніе событіямъ изъ по-реформенной жизни дворянъ, не забыли исказить также многія стороны крѣпостного быта и отношеній тогдашняго помѣщика къ крестьянину. Эти отношенія представляются необыкновенно симпатичными, гуманными и ужъ, конечно, нормальными. Салтыковъ и Терпигоревъ, выросшіе въ крѣпостной деревнѣ, видѣвшіе собственными глазами прелести крѣпостного права, рядомъ необыкновенно яркихъ, но отнюдь не кричащихъ, образовъ покончиваютъ и съ этими измышленіями друзей стараго порядка.

Очерки «Потревоженныя тѣни», вѣроятно, памятны читателямъ «Историческаго Вѣстника». Поэтому я укажу только на одинъ, озаглавленный «Дядина любовь». Разсказъ ведется отъ лица автора, бывшаго въ описываемое время еще ребенкомъ. Всѣ окружающія явленія авторъ различаетъ свозь кристально-чистое, дѣтское, неразвращенное міросозерцаніе. Это придаетъ разсказу особенную силу и прелесть. Сила и прелесть заключаются въ томъ, что возмутительныя явленія сквозь непорочное дѣтское міросозерцаніе, не допускающее компромиссовъ и лукавыхъ толкованій, выступаютъ во всей своей наготѣ, во всемъ своемъ ужасѣ. Пріемъ мастерской и обличающій въ Терпигоревѣ настоящаго художника.

По всѣмъ признакамъ, авторъ разсказа росъ въ семьѣ, какихъ не очень много было въ то время: его родители принадлежали къ числу людей гуманныхъ, чистосердечныхъ, не злоупотреблявшихъ помѣщичьей властью. Однако, и эти гуманные, сердечные люди вмѣсто того, чтобы воспитывать дѣтей въ духѣ, противномъ крѣпостничеству, стремились лишь къ тому, чтобы заслонить отъ ихъ взоровъ дѣйствительность. Но чуткія наблюдательныя дѣти все же улавливали мрачныя черты эти дѣйствительности. Такъ, они совершенно случайно узнали о страшной драмѣ, разыгравшейся въ усадьбѣ ихъ дяди, блестящаго гвардейскаго офицера: дядя до смерти засѣкъ кучера и лакея, провинившихся въ томъ, что кибитка, въ которой ѣхала «дядина любовь», провалилась весеннею порою въ рѣку.

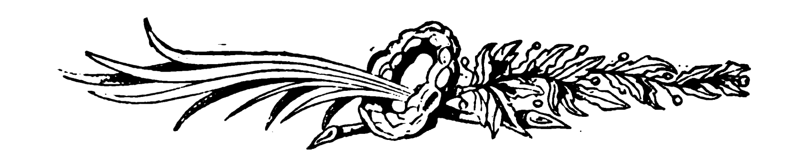
Простота разсказа усугубляетъ впечатлѣніе. Изъ-за едва приподнятой передъ дѣтьми занавѣси виднѣются потрясающія душу картины крѣпостной дѣйствительности. Вы знаете уже, что все это прошло и никогда не вернется, но ужасъ и негодованіе охватываютъ душу—и мысль не мирится: да какъ же могли сходить съ рукъ такія вопіющія преступленія!..

Очерки и разсказы Терпигорева, чего бы они ни касались — оскудѣвшихъ помѣщиковъ или помѣщиковъ крѣпостного права— неизмѣнно будятъ въ читателѣ доброе чувство, укрѣпляя ясное, гуманное міросозерцаніе. Это величайшая заслуга, какая только можетъ числиться за писателемъ. Въ теченіе своей литературной дѣятельности въ каждомъ изъ своихъ многочисленныхъ произведеній Терпигоревъ оставался вѣренъ себѣ.

Огромный фактическій матеріалъ, находившійся въ распоряженіи Терпигорева, онъ не израсходовалъ по пустякамъ: лучшаго употребленія, чѣмъ сдѣланное авторомъ «Потревоженныхъ тѣней» и «Оскудѣнія», нельзя было сдѣлать. Поэтому имя С. Н. Терпигорева до тѣхъ поръ будетъ произноситься съ признательностью, пока не исчезнетъ память о крѣпостномъ правѣ.

К. Медвѣдскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О С. Н. ТЕРПИГОРЕВѢ.

АША КРИТИКА принадлежитъ къ числу самыхъ строгихъ и недовѣрчивыхъ. Поэтому напечатанная выше статья г. Медвѣдскаго представляетъ для насъ особый интересъ. Критикъ признаетъ не только публицистическое значеніе за произведеніями Терпигорева, но отмѣчаетъ и самобытность его таланта, и простоту языка (что̀ чрезвычайно много значитъ), и крупные размѣры его дарованія. Правда, онъ почти отрицаетъ присутствіе юмора въ талантѣ Терпигорева; но, можетъ быть, это потому, что онъ подъ юморомъ разумѣетъ нѣчто другое, а не то, что̀ принято обыкновенно разумѣть. Юморомъ всѣ эстетики, философы и, вѣроятно, критики называютъ такое настроеніе писателя, когда серьезное міросозерцаніе его облекается имъ въ насмѣшливые образы; за ними всегда чувствуется что-то горькое и даже гнѣвное, или же угадывается страданіе. Этотъ гнѣвъ и огорченіе взволнованной души писателя сквозятъ между строками во всѣхъ произведеніяхъ Терпигорева, и въ этомъ отношеніи онъ юмористъ въ полномъ смыслѣ слова; а такъ какъ внутренняго страданія у него было гораздо больше, чѣмъ гнѣва, то въ этомъ, между прочимъ, лежитъ разница между его талантомъ и талантомъ Салтыкова. Въ юмористическомъ элементѣ, съ другой стороны, очень мало комическаго, и комическіе писатели, въ родѣ г. Лейкина или американца Твэна, часто и несправедливо называются юмористами. Не критикамъ смѣшивать, однако, эти термины. Юморъ есть родъ возвышеннаго смѣха—это надо запомнить разъ на всегда. Я бы не останавливался на уясненіи этого пункта въ примѣненіи къ Терпигореву, если бы не считалъ его очень важнымъ, и если бы въ одномъ изъ некрологовъ Терпигорева, подписанномъ «Solo» (я имѣю основаніе думать, что некрологъ этотъ былъ сочиненъ однимъ

выдающимся молодымъ критикомъ), не было сказано, что покойный писатель совсѣмъ не обладалъ юморомъ. Образы, выводимые Терпигоревымъ въ главнѣйшихъ его произведеніяхъ, являются передъ нами въ полномъ блескѣ юмористическаго несоотвѣтствія между тѣмъ, что̀ мы о нихъ думали, и тѣмъ, въ какомъ видѣ они предстали передъ нами. Взять хотя бы испытаніе сѣялокъ или наемъ шестнадцатилѣтнему балбесу любовницы заботливыми родителями. Да что приводить примѣры! У Терпигорева нѣтъ страницы, гдѣ бы не били родники самаго живого юмора. Даже его частыя завѣренія, что онъ не художникъ и описываетъ то, что̀ видѣлъ и пережилъ, безъ всякаго искусства,—есть, ни больше, ни меньше, какъ проявленіе, конечно безсознательное, его глубоко юмористической натуры.

Въ нашей литературѣ, если исключить Щедрина, какъ сатирика, имѣется только три ярко опредѣленныхъ юмориста: Гоголь, Терпигоревъ и Глѣбъ Успенскій. Юморъ присущъ славянскому генію, и мы находимъ слѣды этого благороднаго настроенія у многихъ другихъ писателей нашихъ—въ особенности у Гончарова и Тургенева. Но вышеназванные писатели—юмористы по преимуществу. Если сравнить Гоголя съ помѣщикомъ сороковыхъ годовъ, то можно сказать, что оставшіяся послѣ смерти громадныя имѣнія достались въ удѣлъ не многимъ. Конечно, ему наслѣдовалъ, прежде всего, Салтыковъ—талантъ своеобразный, острый и самостоятельно уклонившійся со стезей юмора и пошедшій по тернистой дорогѣ сатиры. Затѣмъ наслѣдниками Гоголя являются только Успенскій и Терпигоревъ. Герои Терпигорева могли бы смѣло фигурировать въ «Мертвыхъ душахъ». Чувствуется какая-та духовная связь между безсмертной поэмой Гоголя и «Оскудѣніемъ». Въ особенности самобытенъ Терпигоревъ и новъ, какъ творецъ женскихъ типовъ, это типы страшной силы. Вспомните «Бабушку» и трагикомическій конецъ ея, княгиню въ «Оскудѣніи», красавицу Варю, тетушку Агнесу, француженку въ «Трехъ княгиняхъ». Холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ при воспоминаніи объ этихъ юмористическихъ образахъ. Это ужъ не только смѣхъ и слезы, но смѣхъ и какія-то кровавыя слезы!

Болѣе чуткая и безпристрастная критика, когда было переведено на нѣмецкій языкъ «Оскудѣніе», отнеслась къ Терпигореву съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Я помню, что читалъ у одного нѣмца слѣдующія строки (я отмѣтилъ ихъ тогда въ своей записной книжкѣ): «Читатель часто не знаетъ, какія слезы вызываетъ у него Терпигоревъ: слезы смѣха или слезы печали. Но онъ не сомнѣвается ни на минуту, что сочиненіе его проникнуто страстною любовью къ родинѣ».

Вотъ золотыя слова! Странно было бы утверждать, что Гоголь—печальникъ русскихъ Держимордъ, что Глѣбъ Успенскій—печальникъ русскихъ кулаковъ, а Салтыковъ—русскаго чиновниче-

ства и тайный другъ Удавовъ и Дыбъ; но, конечно, всѣ эти писатели были истинными патріотами и вѣрными сынами своей отчизны. Такъ точно и Терпигоревъ, рисуя мрачныя картины крѣпостного быта и неспособности дворянства того времени къ какому нибудь труду, на самомъ дѣлѣ являлся не сторонникомъ рабовладѣльцевъ, а ихъ обличителемъ и гонителемъ во имя общаго блага, какъ онъ его понималъ. Если Терпигоревъ стоялъ за пріятное видоизмѣненіе дворянскихъ привилегій, то ужъ послѣ этого не знаешь, чтò и сказать! Я увѣренъ, что онъ стоялъ за распространеніе дворянскихъ привилегій на всѣ сословія,—это другое дѣло.

Хотя въ прекрасной статьѣ г. Медвѣдскаго, печатаемой нынѣ, и не проводится эта мысль о Терпигоревѣ, какъ о печальникѣ русскаго дворянства, однако, недавно въ «Новомъ Времени» онъ выразилъ ее и развилъ въ цѣломъ фельетонѣ. Я, кстати, нашелъ нужнымъ возразить на нее.

Въ заключеніе еще разъ возвращусь къ нѣмцамъ: нѣмецкій критикъ говоритъ, что въ художественномъ отношеніи произведеніе Терпигорева («Оскудѣніе») выходитъ изъ ряда вонъ, и онъ безъ колебаній причисляетъ его къ лучшимъ юмористическимъ описаніямъ нравовъ во всемірной литературѣ. Подобно тому, какъ Сервантесъ осмѣялъ рыцаря, такъ Терпигоревъ осмѣялъ дворянина. Я понимаю, что можно сожалѣть осмѣянныхъ и можно требовать для нихъ снисхожденія, но нельзя за нихъ ходатайствовать и предстательствовать, добиваясь ихъ оправданія и торжества. Въ здоровомъ государствѣ перемѣны совершаются съ такою же правильностью и законностью, какъ и въ природѣ. Все отжившее погибаетъ разъ на всегда. Такъ погибъ крѣпостной строй, и дворянскій укладъ жизни, бывшій умѣстнымъ и, можетъ быть, желательнымъ въ свое время (въ немъ много было, пожалуй, и прекраснаго, и величаваго), благодаря новымъ литературнымъ, нравственнымъ и государственнымъ идеаламъ, долженъ былъ провалиться въ преисподнюю, онъ сталъ смѣшонъ и нелѣпъ, сталъ возмутителенъ. Ничто не могло ему помочь, и онъ началъ гаснуть и чахнуть, а отзывчивый писатель изобразилъ то, чтò само покорно ложилось подъ его перо, и сохранилъ для потомства цѣлую галлерею картинъ дворянскаго оскудѣнія. Неужели съ тѣмъ, чтобы вызвать у потомковъ сочувствіе къ оскудѣлымъ? Жалость не есть сочувствіе. Жалость убиваетъ такъ же, какъ и сатира. Жалость это почти все равно, что презрѣніе.

Замѣтка эта написана мною по порученію редактора «Историческаго Вѣстника»; знаю, она черезчуръ сжата. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что она составляетъ дополненіе къ статьѣ г. Медвѣдскаго и что я не профессіональный критикъ.

І. Ясинскій.

РУССКІЙ ЧИТАТЕЛЬ И ЕГО КНИГА.

(По поводу «Этюдовъ о русской читающей публикѣ» Н. А. Рубакина. Спб. 1895 г.).

НГЛІЙСКАЯ литература есть прирожденное право и наслѣдство англійскаго племени. Оно произвело и продолжаетъ производить нѣкоторыхъ изъ величайшихъ поэтовъ, философовъ и ученыхъ. Ни одинъ народъ не можетъ гордиться болѣе свѣтлой, чистой или возвышенной литературой, которая богаче его торговли и могущественнѣе его арміи. Это настоящая гордость и слава нашей страны, и мы не можемъ быть слишкомъ признательны за нее». Такими словами заканчиваетъ Джонъ Леббокъ главу «о чтеніи» въ своемъ интересномъ сочиненіи «Какъ надо жить» [1]). Дѣйствительно, мы знаемъ, что англичане, гордясь своей литературой, употребляютъ всѣ силы къ тому, чтобъ сдѣлать своихъ писателей какъ можно ближе отечественной массѣ; мало того, такое уваженіе къ печатному слову распространяется ими не только на произведенія родного печатнаго станка и труда—они умѣютъ отдавать должное всякому слову просвѣщенія, изъ какой бы страны и отъ какого бы народа они ни исходили. Такой взглядъ на дѣло просвѣщенія является, однако, не принадлежностью одной англо-

---

[1]) Изданіе О. Н. Поповой, переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 1895 г.

саксонской націи; онъ сдѣлался достояніемъ въ настоящее время всего цивилизованнаго міра: библіотеки и книги признаются уже высшимъ богатствомъ, къ которому человѣкъ, побуждаемый требованіемъ просвѣщеннаго разума, долженъ стремиться и которыхъ долженъ искать. «Давая человѣку книги,—говоритъ сэръ Джонъ Гершель [1]),—вы позволяете ему соприкасаться съ лучшимъ обществомъ во всѣхъ періодахъ исторіи, съ мудрѣйшими, остроумнѣйшими, храбрѣйшими и чистѣйшими характерами, какіе когда либо украшали человѣчество. Вы дѣлаете его гражданиномъ всѣхъ націй, современникомъ всѣхъ вѣковъ. Міръ какъ будто былъ созданъ для него». Та же мысль, но еще въ болѣе рѣзкой формѣ, высказана геніальнымъ Маколеемъ: «Если бы кто нибудь могъ сдѣлать меня величайшимъ царемъ, какой когда либо жилъ, съ дворцами, садами, тонкими обѣдами, винами и мягкими ложами, прекрасными одеждами и сотнями слугъ, на томъ условіи, чтобы я не читалъ книгъ,— я не захотѣлъ бы быть царемъ. Я скорѣе хотѣлъ бы быть бѣднякомъ на чердакѣ, имѣя книги въ изобиліи, чѣмъ царемъ, который не любитъ чтенія». Можно бы привести цѣлый рядъ подобныхъ сужденій и отъ имени многихъ другихъ великихъ европейскихъ дѣятелей, но считаемъ и указаннаго достаточнымъ. Не только этотъ старый, переживш ій вѣка и столѣтія, европейскій міръ единодушно сливается въ своемъ взглядѣ на произведенія печати, какъ орудіе цивилизаціи и культуры; его голосу вторятъ и его дѣяніямъ въ смыслѣ распространенія продуктовъ мышленія и творчества подражаетъ и Новый Свѣтъ, а также тѣ народности, которыя только въ настоящемъ вѣкѣ или въ недавнее время вошли въ кругъ общечеловѣческой жизни и ея интересовъ. Не уходя въ глубь вопроса и почерпая свѣдѣнія хотя бы только изъ книги г. Рубакина «Этюды о читающей публикѣ», мы видимъ на примѣрѣ библіотечнаго заграничнаго дѣла, какъ великъ спросъ тамошней грамотной публики на книгу. Въ Англіи нѣтъ города безъ библіотеки, а большихъ книгохранилищъ въ ней насчитывается до 225; здѣсь въ тридцати городахъ (исключая Лондона и Глазгоу) на 5.000,000 жителей насчитывается 10.000,000 требованій книгъ; въ одномъ только Манчестерѣ ежегодно выдается 1.500,000 томовъ. Англичане издали даже законъ, по которому всякій городъ, имѣющій не менѣе 5,000 жителей, можетъ установить у себя спеціальный библіотечный налогъ (не свыше 5 пенни на 1 фун. стерлинговъ общаго налога), если только 10 плательщиковъ потребуютъ открытія библіотеки и большинство плательщиковъ къ этому присоединится. Во всей странѣ на 1 милліонъ жителей приходится 88 періодическихъ изданій. Остальныя европейскія государства не только идутъ въ дѣлѣ книжнаго просвѣщенія въ ногу съ Англіей, но нѣкоторыя даже превосхо-

[1]) Тамъ же, стр. 95—99.

дять ее. Въ Швейцаріи въ настоящее время 2,000 библіотекъ, въ Италіи—1,852. Франція поставляетъ, напримѣръ, на 25,000 жителей одно періодическое изданіе. Новый Свѣтъ, въ лицѣ Америки, Австраліи, превзошелъ въ этомъ отношеніи своего старшаго собрата: одна Викторія при 1.036,000 жителяхъ имѣла 314 общественныхъ библіотекъ съ 400,000 томами книгъ. Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ насчитывается 200 библіотекъ съ 270,000 томами книгъ. Въ Новой Зеландіи въ 1889 г. была 361 публичная библіотека на 607,000 жителей. Даже Азія и та въ дѣлѣ распространенія книги среди населенія спѣшитъ догнать Западную Европу и Новый Свѣтъ. Такъ, въ Китаѣ въ 1890 г. вице-король кантонской провинціи офиціально заявилъ, что «всякое хорошее правительство обязано распространять просвѣщеніе посредствомъ библіотекъ во всей странѣ». Въ Японіи введенъ спеціальный законъ, обязывающій каждую общину нести извѣстный библіотечный налогъ, вслѣдствіе чего число библіотекъ здѣсь, начиная съ 1888 г., быстро возрастаетъ. Вообще, на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ только существуютъ слѣды цивилизаціи и просвѣщенной культуры, печатное и книжное дѣло занимаетъ почетное и выдающееся положеніе. Это обстоятельство, наряду съ развитіемъ и укрѣпленіемъ школьнаго дѣла, ведетъ къ непосредственно-благимъ результатамъ для жизни народовъ въ этихъ странахъ; распространеніе грамотности связано ближайшимъ образомъ съ подъемомъ благосостоянія населенія и усовершенствованіемъ его духовныхъ способностей. Продуктивность, творчество такого народа усиливаются и самая жизнь его принимаетъ болѣе свободное и широкое теченіе...

Какъ больно и обидно становится, однако, когда приходится навести справку: а какъ обстоитъ дѣло книжнаго просвѣщенія у насъ, въ Россіи? Чувство стыда и неловкости являются невольными спутниками такого вопроса и отвѣтъ получается самый печальный. Книга, оказывается, играетъ самую незначительную роль въ нашей жизни, и русскій обыватель совершенно несклоненъ глядѣть на нее и на ея хранилище глазами Маколея и Джона Гершеля. Леббокъ говоритъ, что «книги часто сравнивались съ друзьями»; можетъ быть, такое сравненіе и имѣетъ мѣсто среди народовъ и племенъ иноземныхъ, мы же, русскіе, этимъ не грѣшны. Точно желая подтвердить на дѣлѣ ироническое восклицаніе поэта—«намъ просвѣщенье не пристало», мы, въ большинствѣ случаевъ, обрѣтаемся въ какомъ-то непонятномъ антагонизмѣ съ печатнымъ словомъ. Объ исключеніяхъ я не говорю и они въ данномъ случаѣ меня не интересуютъ. Гораздо любопытнѣе и существеннѣе сдѣлать наблюденія и выводы надъ массой русскаго народа, познакомиться съ русскими читателями и тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ въ ихъ жизни книжка. Данныхъ для такого рода наблюденій накопилось уже достаточно и повременная пресса прино-

ситъ чуть ли не ежедневно свѣдѣнія объ успѣхахъ и состояніи русскаго невѣждества. До сихъ поръ, однако, еще никому не приходило въ голову суммировать эти данныя, привести ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю и сдѣлать изъ нихъ необходимые выводы. Даже въ энциклопедическихъ словаряхъ по этому предмету нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній; взять хотя бы 29-й выпускъ словаря Брокгауза и Ефрона, какъ послѣднее слово энциклопедическаго знанія, и поглядѣть статью, посвященную — «книгѣ». Вы узнаете отсюда исторію книжнаго дѣла у насъ, но состояніе книжнаго рынка, значеніе книги въ жизни нашего отечества вамъ совершенно не выяснится. Проглядите также юбилейныя изданія книгопродавческихъ фирмъ: Глазунова, Вольфа, «Общественной Пользы», и вы не найдете никакой руководящей нити къ разрѣшенію интересующихъ васъ вопросовъ. Исторію торговаго дома вы узнаете, но культурная роль книжки останется вамъ попрежнему темна. Очень мало разъяснила и недавно закрывшаяся выставка печатнаго дѣла. Передо мною промелькнули роскошныя витрины съ многочисленными и изящными изданіями, я восхищался отчетливой и мастерской работой нѣкоторыхъ типографій, я слышалъ грохотъ и шумъ движущихся машинъ,—но отвѣта мучившимъ меня вопросамъ я не находилъ: каковы русское книжное просвѣщеніе и грамотность? Какая роль въ отечественной жизни русской книжки? Каковы вкусы и чѣмъ интересуется читатель-землякъ? Короче, культурная роль книжнаго дѣла изъ обозрѣнія выставки мнѣ не выяснилась. Мнѣ возразятъ, что въ этомъ и не заключалась задача выставки. Очень жаль, такъ какъ, по моему крайнему разумѣнію, эта задача должна была быть поставлена превыше всѣхъ причинъ. Еще таблицы и діаграммы г. Лисовскаго кое-что сказали, очертивъ движеніе и успѣхи періодической печати, но эти свѣдѣнія относились только къ одной и незначительной части печатнаго дѣла. Картину же книжнаго роста, наростаніе читателя выставка мнѣ не показала.

Попытку привести въ извѣстность успѣхъ и движеніе книжнаго дѣла по годамъ у насъ, въ Россіи, кажется, сдѣлалъ впервые г. Л. Павленковъ. Его любопытныя статьи, печатаемыя ежегодно на страницахъ «Историческаго Вѣстника», вносятъ въ разъясненіе вопроса много свѣта, но по самой своей задачѣ авторъ не имѣетъ въ виду ни выводовъ, ни психологіи нашей грамотности и ея потребителей. Его матеріалъ—сырой матеріалъ, богатое собраніе фактовъ и статистическихъ данныхъ для всякаго, кто пожелалъ бы обосновать картину роста нашего книжнаго просвѣщенія. Этимъ матеріаломъ, въ числѣ прочаго другого, искусно воспользовался г. Рубакинъ для своихъ интересныхъ «Этюдовъ о русской читающей публикѣ», большинство которыхъ предварительно было напечатано въ нѣкоторыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Книжка г. Ру-

бакина является справедливымъ и безпощаднымъ судомъ надъ состояніемъ нашего книжнаго и вообще печатнаго дѣла, надъ его потребителями и надъ условіями, среди которыхъ безпомощно и вяло влачитъ свое существованіе бѣдная русская книжка. Картина, нарисованная авторомъ смѣлою и искусною рукою, поражаетъ своимъ мрачнымъ колоритомъ и невольно становится жутко и страшно за наше отечество, за его интеллигенцію и народъ, обрѣтающихся въ такомъ безпробудномъ и непроницаемомъ мракѣ невѣждества. Фраза, что Россія «отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей», уже давно намъ пріѣлась; мы какъ-то свыклись съ нею и относимся въ достаточной мѣрѣ равнодушно къ ея повторенію. Фактъ нашей безграмотности насъ не поражаетъ, не устыжаетъ и мы успѣли дружески съ нимъ примириться. Правда, отъ времени до времени люди печати пытаются пробудить общественное сознаніе указаніемъ на весь ужасъ положенія, къ которому мы пришли, благодаря непозволительной пассивности и инертности, но все это только единичныя и весьма немногочисленныя рѣчи и попытки что либо сдѣлать,—масса остается глуха къ этимъ словамъ и съ упорствомъ, достойнымъ лучшей доли, ничего или, по крайней мѣрѣ, очень мало предпринимаетъ для освобожденія изъ такого положенія. А положеніе это заслуживаетъ серьезнаго вниманія и вызываетъ на самыя печальныя разсужденія. Тотъ же г. Рубакинъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона» даетъ въ рубрикѣ, посвященной слову «грамотность», очень любопытныя таблицы «грамотности рекрутовъ», и таблицу «отношенія числа учащихся къ населенію въ разныхъ странахъ». Изъ первой таблицы мы видимъ, что Россія занимаетъ мѣсто ниже Италіи, Венгріи, Австріи, не говоря уже про германскія государства, Францію, Голландію; по второй же таблицѣ оказывается, что изъ 30 перечисленныхъ государствъ наше отечество занимаетъ высшее мѣсто только относительно Турціи и Румыніи. У насъ, по свѣдѣніямъ 1886 г., численное отношеніе учащихся къ населенію составляетъ всего лишь 2,6%, въ то время, какъ въ Сербіи оно равняется 2,7%, въ Болгаріи — 8,9%, Испаніи 10,6%. Въ настоящее время г. Рубакинъ вторично выступаетъ съ словомъ обличенія отечественнаго невѣжества и наглядно показываетъ его на фактахъ распространенія у насъ печатнаго слова и спроса на него интеллигентныхъ и простонародныхъ читателей или, по его терминологіи, читателей изъ «командующихъ классовъ» и «изъ народа». Работа молодого писателя вышла чрезвычайно поэтичною и сразу ставитъ его имя въ ряду выдающихся изслѣдователей нашей народной и общественной жизни. Она безспорно отмѣчена печатью даровитости и обнаруживаетъ умъ, склонный къ тонкому анализу и смѣлому синтезу. Можно безошибочно утверждать, что «Этюды о читающей публикѣ» создаютъ г. Рубакину «имя» въ исторіи нашей публицистики и

являются цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу книжнаго рынка. Тема, разработанная авторомъ, по своему животрепещущему интересу сразу, сама собою, выдвигаетъ книжку и привлекаетъ къ ней вниманіе читателей; въ этомъ выгодная сторона дѣла. Но рядомъ съ этимъ широта вопроса, его сложность и неизбѣжная у насъ скудость матеріала для разработки этого послѣдняго ставятъ писателя въ невыгодное положеніе. Отвѣтственность за выводы велики, а основанія, на которыхъ созидаются эти выводы, нѣсколько шатки. A priori можно сказать, зная, какъ и изъ какихъ элементовъ складывается русская жизнь, что авторъ правъ, что его пессимизмъ имѣетъ подъ собою почву; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нельзя не отмѣтить, что данныя въ его распоряженіи были далеко недостаточны для точныхъ заключеній, для нарисованія полной картины состоянія нашего книжнаго просвѣщенія. Эпизодичность—вотъ главная отличительная черта работы г. Рубакина. Онъ беретъ случайно попавшійся ему въ руки матеріалъ, правда, очень цѣнный и богатый, но во всякомъ случаѣ совершенно недостаточный для уясненія дѣла всесторонне во всѣхъ его подробностяхъ. Передъ читателемъ проходитъ вереница фактовъ, цыфръ, портретовъ, но все это, порознь взятое, картинки, которыя далеко недостаточны, чтобы представить единую общую картину въ строго-выдержанномъ стилѣ и яркомъ освѣщеніи. Авторъ далъ массу иллюстрацій къ русской бытовой общественной жизни, но роста этой жизни не показалъ—послѣдній выведенъ только приблизительно. Дѣло все въ томъ, что, какъ уже сказано выше, «Этюды о читающей публикѣ» печатались отдѣльными и независимыми другъ отъ друга очерками въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и, въ качествѣ таковыхъ отдѣльныхъ очерковъ, представляли собою очень интересныя, содержательныя журнальныя статьи.

Теперь авторъ собралъ ихъ воедино, но сдѣлалъ это въ значительной степени механическимъ путемъ, безъ достаточной обработки. Онъ самъ заявляетъ въ предисловіи къ книжкѣ, что для отдѣльнаго изданія эти статьи являются «въ дополненномъ, а отчасти переработанномъ видѣ». Въ этомъ словѣ «отчасти» и лежитъ изъянъ его труда. Г. Рубакинъ точно торопился съ изданіемъ, почему и не обратилъ достаточнаго вниманія на отдѣлку своей работы, гармоничность частей; вслѣдствіе этого здѣсь встрѣчаются повторенія эпизодовъ и разсужденій, перенесеніе содержанія изъ однѣхъ главъ въ другія, долгія остановки на отдѣльныхъ мелкихъ явленіяхъ. Въ его распоряженіи былъ обильный и печатный, и рукописный матеріалъ, но онъ его далеко не использовалъ. Цыфровыя данныя и статистическія свѣдѣнія взяты, напримѣръ, только изъ отчетовъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ провинціальныхъ библіотекъ, и то по большей части относящихся къ одному и тому же району—Югу и главнѣйшимъ образомъ Приволжью. О Сибири говорится

только мимоходомъ, при чемъ о нѣкоторыхъ достойныхъ вниманія крупныхъ явленіяхъ тамошней книжной жизни совсѣмъ умалчивается. Такъ, г. Рубакинъ совсѣмъ умалчиваетъ о минусинской безплатной общественной библіотекѣ, устроенной на средства И. Сибирякова и стараніями выдающагося мѣстнаго дѣятеля г. Мартьянова. О Кавказѣ авторъ почти не даетъ никакого понятія, какъ равно и о Западномъ краѣ. Можетъ быть, эти необходимыя свѣдѣнія было трудно достать, но, по поговоркѣ — «взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ», нужно было хотя бы списаться съ мѣстными дѣятелями и постараться раздобыть нужное. И думается мнѣ,— г. Рубакину, имѣющему по лицу русской земли такую массу корреспондентовъ, это не Богъ вѣсть какъ трудно было сдѣлать. Точно также весьма небольшую цѣну въ исторіи нашей культуры имѣютъ и портреты любителей просвѣщенія изъ простого народа, нарисованные авторомъ. Онъ придаетъ имъ слишкомъ большое значеніе и въ качествѣ народника, какимъ онъ, по крайней мѣрѣ, рисуется въ своихъ работахъ, излишне идеализируетъ выведенныхъ лицъ. Подробно и долго останавливаться на нихъ въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ имѣло значеніе, въ общемъ же сводѣ фактовъ книжнаго просвѣщенія можно бы было кое-какими подробностями поступиться. Хотя талантливый писатель старается стоять на почвѣ исключительно фактовъ и цыфровыхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе, его пристрастіе къ «читателямъ изъ народа» проглядываетъ слишкомъ рѣзко въ ущербъ «читателямъ изъ командующихъ классовъ». Къ этому «командующему классу», т.-е. къ интеллигенціи, онъ, подобно г. Пругавину, склоненъ относиться слишкомъ строго, забывая тѣ тяжелыя условія, среди которыхъ она дѣйствуетъ. Я вовсе не склоненъ къ похваламъ нашей интеллигенціи, и факты ея индифферентизма, апатичности и бездѣятельности для меня очевидны; но я желалъ бы, чтобы рядомъ съ этими недостатками были указаны и свѣтлыя стороны ея духовной жизни, а также тѣ многочисленныя препятствія, о которыхъ сплошь и рядомъ разбиваются ея благіе порывы. Г. Рубакину, бывшему дѣятельному члену петербургскаго комитета грамотности, эти препятствія должны бы быть хорошо знакомы; равнымъ образомъ онъ, какъ представитель одной изъ частныхъ петербургскихъ библіотекъ, стоитъ лицомъ къ лицу съ тѣми сложными условіями жизни, среди которыхъ растетъ и слѣдуетъ «командующій классъ». Вотъ эти-то условія недостаточно выяснены въ его книжкѣ и пусть онъ не ссылается въ данномъ случаѣ на «независящія отъ него обстоятельства». Вѣдь г. Пругавинъ въ своемъ сочиненіи «Запросы народа и обязанности интеллигенціи» сумѣлъ обрисовать неказистую обстановку, въ которую поставлено дѣло «народнаго» просвѣщенія; отчего же, когда рѣчь идетъ объ интеллигенціи, ее казнятъ за недостатокъ самодѣятельности, въ очень слабой степени отмѣчая

внѣшнюю обстановку ея жизни и плотныя рамки, которыми скованы ея благіе порывы?

Я нарочно остановился на указанныхъ слабыхъ, по моему мнѣнію, сторонахъ труда г. Рубакина не съ цѣлью его умаленія или посягательства на его значеніе. Я уже назвалъ «Этюды о читающей публикѣ» цѣннымъ подаркомъ нашему книжному рынку, а автора ихъ талантливымъ писателемъ; мнѣ хотѣлось бы только видѣть его работу болѣе совершенной и свободной отъ могущихъ возникнуть недоразумѣній и нареканій, которыя могутъ проявиться изъ лагеря лицъ, заявляющихъ, что «дома все обстоитъ благополучно» и что условія жизни нашей интеллигенціи оправдываются поговоркой—«по Сенькѣ и шапка». Въ послѣднемъ случаѣ наши гг. народники иногда берутъ грѣхъ на душу и голоса ихъ могутъ повліять (если только это можетъ имѣть мѣсто въ нашей общественной жизни) въ направленіи очень нежелательномъ и опасномъ. Все дѣло, поэтому, заключается въ соразмѣрности преслѣдуемой цѣли, употребляемыхъ средствъ и могущихъ отсюда возникнуть результатовъ. Вотъ почему въ излишне страстныхъ и одностороннихъ нападкахъ на «командующій классъ» мнѣ слышатся зловѣщія ноты: можно очутиться въ данномъ случаѣ въ совершенно нежелательной компаніи, что только послужитъ къ ея усиленію, а это, въ свою очередь, неминуемо отразится на состояніи народнаго просвѣщенія и поведетъ къ возникновенію на поверхности русской жизни такихъ наслоеній, подъ тяжестью которыхъ ей врядъ ли удастся развиваться свободно и въ должномъ направленіи. Можетъ быть, г. Рубакинъ приметъ мои соображенія къ свѣдѣнію и сгладитъ во второмъ изданіи своей книжки, появленіе которой, вѣроятно, скоро понадобится, нѣкоторые оттѣнки и шероховатости «этюдовъ». Они должны быть грознымъ обвинительнымъ актомъ, разработаннымъ возможно полно и совершенно. Только тогда назначеніе этого акта достигнетъ желанной цѣли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакія защитительныя рѣчи русской современной жизни, откуда-бы они ни исходили и каковы бы ни были ихъ побудительныя причины, не подорвутъ и не ослабятъ должнаго впечатлѣнія.

Я уже упомянулъ, что въ распоряженіи г. Рубакина находился богатый рукописный матеріалъ; образовался онъ изъ отвѣтовъ, полученныхъ авторомъ на разосланный имъ въ 1889 году «Опытъ программы изслѣдованія литературы для народа», составленный при участіи нѣсколькихъ народныхъ учителей и учительницъ. Въ промежутокъ времени до 5 лѣтъ, г. Рубакинъ получилъ 458 отвѣтовъ, составленныхъ народными учителями, фабричными рабочими, крестьянами и другими лицами, близко принимающими къ сердцу интересы народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, къ нему поступило болѣе 2,500 письменныхъ работъ, сдѣланныхъ деревенскими и фабричными читателями, по прочтеніи ими разныхъ кни-

жекъ, въ которыхъ ясно отпечаталась физіономія авторовъ. Наряду съ этимъ, немаловажное мѣсто занимаетъ и корреспонденція, возникшая со многими лицами на почвѣ «Опыта программы». По поводу этой переписки г. Рубакинъ говоритъ: «Я дорожу ею, какъ однимъ изъ средствъ, правда, очень скромныхъ, но все-таки средствомъ единенія, общенія между работниками. Врядъ ли можно сомнѣваться, что у насъ не такъ мало работниковъ, искренно и горячо преданныхъ дѣлу, какъ мало единенія и общенія между ними». Эта форма единенія съ народомъ и лицами, принимающими горячее участіе въ его судьбахъ, является продуктомъ послѣднихъ 10—15 лѣтъ и можетъ быть разсматриваема, какъ правильный и полезный коррективъ къ безпочвенному и мечтательному стремленію «въ народъ», имѣвшему мѣсто въ 1870-хъ годахъ, а также въ наши дни, согласно ученію графа Л. Толстого. Интеллигенція, идущая въ глубь и глушь Россіи съ ясно опредѣленными цѣлями, на почвѣ разумныхъ и реальныхъ интересовъ, всегда встрѣтитъ въ народѣ откликъ, сочувствіе и можетъ принести огромную пользу. Дѣятельность нѣкоторыхъ нашихъ культурныхъ представителей общества въ годины голода и мора оставила по себѣ неизгладимый слѣдъ; помимо принесенной ими пользы, требуемой обстоятельствами даннаго времени, она заронила въ массѣ многія добрыя сѣмена, которыя успѣли уже дать нужные всходы, хотя бы въ видѣ разныхъ ассоціацій, кассъ, пріютовъ и тому подобныхъ учрежденій. Наибольшую же силу могутъ имѣть тѣ отношенія къ народу, которыя возникаютъ на почвѣ просвѣщенія. Интеллигентъ, протягивающій сѣрой массѣ хорошую книжку, хлопочущій о созданіи въ деревнѣ разсадника просвѣщенія—школы, библіотеки, будетъ всегда желаннымъ гостемъ и своимъ человѣкомъ въ крестьянской средѣ. Народъ уменъ и чутокъ; всякая фальшь, всякая искусственность будутъ скоро поняты и оцѣнены по достоинству. Психологическій анализъ его выработался вѣками, и онъ многотруднымъ историческимъ путемъ научился различать своихъ истинныхъ, серьезныхъ друзей отъ мнимыхъ, пришедшихъ къ нему не ради него и не вслѣдствіе строго придуманныхъ и прочувствованныхъ побудительныхъ причинъ.

Г. Рубакинъ избралъ вѣрный путь для своей просвѣтительной дѣятельности и, какъ можно убѣдиться, этотъ путь приводитъ его къ желанной цѣли. Во-первыхъ, онъ успѣлъ создать обширную аудиторію слушателей, сумѣлъ найти ему сочувствующихъ и готовыхъ ему помогать въ его благихъ начинаніяхъ, и, во-вторыхъ, благодаря такому живому единенію съ народомъ, пробудить въ своей интеллигентной средѣ значительный интересъ къ вопросу о народномъ просвѣщеніи. Конечно, г. Рубакинъ въ этомъ дѣлѣ не одинъ, у него были хорошіе предшественники (гр. Л. Толстой, Рачинскій, Пругавинъ, Калмыкова и др.), рядомъ съ нимъ и объ руку съ нимъ

въ томъ же направленіи работаютъ многія лица и учрежденія, напримѣръ, князь Шаховской, петербургскій и московскій комитеты грамотности; тѣмъ не менѣе, его заслуги въ дѣлѣ изученія народной грамотности и ознакомленія читателей съ ея состояніемъ почтенны и не могутъ не вызывать самаго сердечнаго сочувствія. Вотъ почему я и считаю полезнымъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» выводами и впечатлѣніями, вынесенными по прочтеніи «Этюдовъ о русской читающей публикѣ». Эта задача мнѣ тѣмъ болѣе пріятна, что она является какъ бы продолженіемъ моего очерка о «народной грамотности» [1]) и служитъ однимъ изъ звеньевъ, долженствующихъ соединить этотъ очеркъ съ послѣдующими, задуманными — «о просвѣтителяхъ народа» и «о просвѣщенныхъ изъ народа», которые я надѣюсь современемъ представить на судъ читателей «Историческаго Вѣстника». Я не охотникъ наполнять статьи, предназначенныя для широкаго круга читателей журналовъ, цифрами и ариѳметическими выкладками, но для настоящаго очерка это необходимо, такъ какъ только изъ разсмотрѣнія этихъ цифръ картина народной культуры рисуется въ ея настоящемъ освѣщеніи; поэтому пусть читатели и не будутъ въ претензіи за экскурсіи въ область ариѳметической науки.

Разсматривая книжную обстановку, въ которой растетъ, развивается и дѣйствуетъ русскій читатель, мы поражаемся ея убожествомъ, ея неприглядностью. Принимая, что въ Россіи ежегодно печатается около 20 милліоновъ экземпляровъ разныхъ книгъ при пяти тысячахъ названіяхъ, исключая газеты и журналы, и прослѣдивъ возрастаніе и паденіе этихъ цифръ по годамъ, мы получимъ тотъ результатъ, что на каждую душу, напр., въ 1890 году, вышло ни больше, ни меньше какъ 0,16 книжки или 56 названій на милліонъ человѣкъ, не принимая здѣсь въ расчетъ населеніе Финляндіи. Что касается до абониментныхъ періодическихъ изданій, то таковыхъ выпадаетъ всего одинъ экземпляръ въ теченіе цѣлаго года на человѣка, или же 5 экземпляровъ на одного грамотнаго. Г. Рубакинъ дѣлаетъ всевозможныя поправки и добавленія въ пользу смягчающихъ обстоятельствъ и, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, съ натяжкой получаетъ тотъ грустный выводъ, что на каждаго представителя изъ «командующаго класса» выходитъ отъ трехъ съ половиною до пяти экземпляровъ книгъ, или меньше чѣмъ два названія на тысячу человѣкъ. Такое малое количество книгъ, удовлетворяющее нашу интеллигенцію, свидѣтельствуетъ только о полуграмотности или даже безграмотности массы населенія. Неутѣшительно также свидѣтельство автора о качествѣ произведеній печатнаго слова, интересующихъ читателей; оказывается, что провинціальная Россія охотно пробавляется писателями начала ны-

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1895 г., № 2.

нѣшняго и конца прошлаго столѣтія и точно только впервые знакомится съ тѣмъ литературнымъ матеріаломъ, который на самомъ дѣлѣ уже давно отошелъ въ область исторіи словесности, какъ напримѣръ, произведенія Карамзина, Марлинскаго, Кукольника, Екатерины II, Измайлова и др. Рядомъ съ этимъ спросъ на писателей новаго времени чрезвычайно незначителенъ; такъ, пятое изданіе Некрасова, вышедшее въ 1888 году въ количествѣ 15,000 экземпляровъ, не разошлось и донынѣ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ играютъ значительную роль причины внѣшнія, какъ напримѣръ, «издательскій плѣнъ», по которому фирма, пріобрѣтшая право на изданіе какого либо автора, совершенно произвольно устанавливаетъ на него высокую цѣну и дѣлаетъ его недоступнымъ массѣ. Неотрадны также результаты при разсмотрѣніи вопроса, каковы успѣхи научнаго издательства; оно также совершенно ничтожно и, по остроумному выраженію г. Рубакина, «пролетаетъ, такъ сказать, надъ головами читателей». Каталоги научныхъ отдѣловъ рѣзко раздѣляются на двѣ рубрики — на сочиненія спеціальныя, доступныя очень ограниченному кругу потребителей, и на произведенія, скорѣе похожія на дѣтскія и народныя, нежели на научно-популярныя. Послѣдній родъ литературы, процвѣтавшій въ особенности въ 60-хъ годахъ, въ настоящее время оскудѣлъ до крайности и представленъ на рынкѣ, преимущественно, какъ книги переводныя. Съ большими затрудненіями, медленно и черепашьимъ шагомъ идетъ и распространеніе книгъ: ихъ некому и негдѣ распространять.

Г. Рубакинъ извлекъ по этому предмету изъ центральнаго статистическаго комитета чрезвычайно цѣнныя свѣдѣнія. Оказывается, что въ 1883 г. во всей Европейской Россіи было книжныхъ лавокъ, складовъ и магазиновъ 1,377, въ 1884 г.—1,453, въ 1885 г.— 1,443. Съ этого года цифры идутъ на убыль и уже въ 1887 г. число ихъ падаетъ до 1,271. Чрезвычайно характерно располагаются наши книгохранилища по губерніямъ и отдѣльнымъ городамъ. Такъ, на всю Олонецкую губернію приходится всего 1 книжный магазинъ или лавка, на Уфимскую и Оренбургскую—по 2, на всю Симбирскую—4, Калужскую—6, Псковскую—7 и т. д. Въ 15-ти губерніяхъ такихъ лавокъ и магазиновъ отъ 10 до 20, только въ 13-ти губерніяхъ насчитываютъ ихъ отъ 20 до 30 и лишь въ 3-хъ губерніяхъ—отъ 30 до 40. Болѣе 50 имѣется только въ Петербургской и Московской губерніяхъ. Если вычесть число книжныхъ лавокъ и магазиновъ въ столицахъ изъ общаго такого же числа, то на всю Европейскую Россію останется всего лишь 811. Разлагая это количество пропорціонально уѣзднымъ городамъ въ губерніяхъ и принимая во вниманіе, что бо́льшее число магазиновъ именно въ губернскихъ городахъ, то окажется, что многіе уѣзды совершенно лишены книгохранилищъ, напримѣръ, въ Гродненской гу-

берніи на 26 городовъ выпадаетъ 14 лавокъ и магазиновъ, въ Калужской—на 14 всего 6. Немного утѣшительнаго представляетъ собою и исторія издательскаго дѣла. Минуя цыфровыя данныя, выдѣляемыя столицей, оказывается, что въ 1893 г., напримѣръ, провинціальные центры поставляли на книжный рынокъ 1.829 сочиненій, а остальные провинціальные города всего 228 въ 3.712.631 экземплярѣ. Столица, какъ оказывается, поглощаетъ всѣ силы издательскаго дѣла, централизуетъ его и почти ничего не удѣляетъ провинціи. Вслѣдствіе этого столичный рынокъ переполненъ книгами, предложеніе превышаетъ спросъ, а отсюда—обезцѣненіе книжки и процвѣтаніе торговли у букинистовъ. «Книги, попавшія на толкучку,—говоритъ г. Рубакинъ,—не нашли распространенія по номинальной цѣнѣ, издававшія ихъ фирмы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, рухнули. Но вотъ что̀ достойно вниманія: въ то время, какъ въ Петербургѣ эти самыя книги продаются за-дешево букинистами, въ провинціи не только мало кто знаетъ о дешевой распродажѣ ихъ, но мало кто знаетъ и о существованіи этихъ книгъ. Ихъ выписываютъ по номинальной цѣнѣ, а то и выше цѣны». Г. Рубакинъ по задачамъ своей работы не останавливался долго на дѣятельности столичныхъ букинистовъ; онъ отмѣтилъ только ихъ «высасывающую дѣятельность» въ провинціи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе и условіе ихъ, наряду съ другими однородными торговцами, въ которыя они поставлены нашимъ законодательствомъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. «Отчетъ» за десятилѣтіе общества издателей и книгопродавцевъ говоритъ, что члены общества уже давно хлопочутъ объ уравненіи торговыхъ правъ и повинностей букинистовъ съ остальными дѣятелями нашего книжнаго рынка, и отмѣчаетъ всю выгоду, въ которую первые поставлены нашимъ законодательствомъ въ ущербъ настоящимъ издателямъ и торговцамъ.

Громадное вліяніе имѣетъ на развитіе нашей культуры и главный источникъ книжнаго круговращенія—общественныя библіотеки. Оказывается, что на 659 городовъ Европейской Россіи приходилось общественныхъ и частныхъ библіотекъ въ 1887 г. всего—591, т.-е. въ 2 раза меньше, нежели книжныхъ лавокъ и магазиновъ, такъ что во многихъ уѣздныхъ городахъ процвѣтаетъ полное библіотечное запустѣніе; отъ этого не свободны даже такія губерніи, какъ Московская и Петербургская. Ораніенбаумъ, Шлиссельбургъ, Гатчина не имѣютъ ни одной библіотеки до сего времени. На запросъ петербургскаго комитета грамотности по различнымъ вопросамъ народной грамотности получился рядъ отвѣтовъ, свидѣтельствующій, что во многихъ и очень многихъ провинціальныхъ пунктахъ учрежденій въ родѣ библіотекъ не имѣется и не оказывается. Полицеймейстръ г. Владиміра-Волынска донесъ уѣздному исправнику, что «общественнаго и начальнаго учрежденія

начальнаго народнаго образованія во ввѣренной мнѣ части города нѣтъ», а другое офиціальное лицо дало слѣдующее характерное показаніе: «Сообщаю комитету грамотности, что, хотя въ ввѣренномъ мнѣ отдѣлѣ имѣется 42 начальныя школы, но въ нихъ не имѣется ни учительскихъ библіотекъ, ни музеевъ, не выписывается никакихъ изданій для учителей и учительницъ на средства какъ ихъ, такъ и казенныя, не устраивается народныхъ чтеній, нѣтъ складовъ для продажи книгъ, а также нѣтъ воскресныхъ вечернихъ и повторительныхъ школъ для взрослыхъ». Какая печальная картина просвѣтительнаго запустѣнія!

Стоитъ отмѣтить также для исторіи русской культуры нѣкоторые, приведенные г. Рубакинымъ, эпизоды изъ отношенія провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей къ библіотечному дѣлу. Рязанская библіотека, существовавшая при поддержкѣ города и дворянства, постепенно пришла въ такой упадокъ, что ее пришлось продать одному книгопродавцу за 150 рублей, на что ни городъ, ни завѣдывавшіе библіотекой не имѣли никакого ни юридическаго, ни нравственнаго права. Въ г. Уральскѣ въ 1888 г. имѣло мѣсто такое позорное происшествіе: здѣсь было предано сожженію 1,445 томовъ книгъ, которыми цѣлыхъ три дня послѣ обѣда топились печи мѣстнаго хозяйственнаго правленія. Въ числѣ сожженныхъ книгъ было 1,382 т. журналовъ («Отечественныя Записки», «Современникъ», «Дѣло») и 63 т. сочиненій Спенсера, Милля и друг. по приблизительной стоимости на 1,500 р. «Это постыдное дѣло,— справедливо замѣчаетъ г. Рубакинъ, — было оформлено особымъ актомъ, имѣющимся въ библіотекѣ и снабженнымъ подписью 3 лицъ. Является вопросъ: какое право имѣли эти лица произвести такого рода ауто-да-фе, на которое ихъ не уполномочиваетъ ни одна статья россійскаго свода законовъ? Не есть ли это безумное расхищеніе общественнаго имущества, которое, на худой конецъ, можно бы продать?.. Въ числѣ сожженныхъ книгъ не было ни одной, которыхъ продажа возбранялась бы. Очевидно, это ауто-да-фе объясняется ничѣмъ инымъ, какъ полнѣйшимъ незнаніемъ законовъ о печати?» Я раздѣляю справедливый гнѣвъ г. Рубакина, но смѣю его завѣрить, что тутъ дѣло не въ «незнаніи законовъ о печати», а въ нѣчто болѣе серьезномъ. Если вспомнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ одно земство также сожгло «статистическія работы», на которыя потрачено было немало народныхъ денегъ, а также обратить вниманіе, книги какихъ авторовъ и какого рода журналы были уничтожены въ г. Уральскѣ, то станетъ понятнымъ, что дѣло заключается въ излишней внимательности къ голосамъ, раздающимся яко бы ради спасенія отечества во славу мрака и невѣжества... Защитники обскурантизма въ данныхъ случаяхъ торжествовали громкую побѣду.

Проглядывая данныя о состояніи провинціальныхъ библіотекъ,

мы приходимъ къ заключенію, что богатства ихъ очень ограничены и на одного городского жителя выпадаетъ maximum 1,72 тома (Кронштадтъ) и minimum 0,11 (Колывань). Правда, эти предѣльныя цыфры взяты изъ ознакомленія всего лишь съ 14 библіотеками, но онѣ намъ даютъ возможность сдѣлать печальный выводъ о богатствѣ нашихъ книгохранилищъ. Не отличаются они и систематичностью подбора книгъ, безъ чего библіотечное дѣло не можетъ имѣть никакого руководящаго вліянія на подписчиковъ. Индифферентизмъ и пассивность гг. завѣдующихъ этими учрежденіями вопіющіе и содержаніе библіотеки мобилизируется, что называется, «съ бору да съ сосенки». Такое отношеніе руководителей дѣла, само собою разумѣется, далеко не содѣйствуетъ привлеченію симпатій подписчиковъ къ библіотекѣ и послѣдняя является въ ихъ глазахъ не разсадникомъ просвѣщенія, а простою лавочкою, торгующею какъ попало и представляющею въ дѣлѣ свободный выборъ посѣтителямъ. Просвѣтительная иниціатива здѣсь вполнѣ отсутствуетъ и царитъ лишь погоня за публикой и погоня за дешевизной изданій. Прямымъ слѣдствіемъ этого является чрезмѣрное преобладаніе въ каталогахъ частныхъ библіотекъ, да и въ большинствѣ общественныхъ, книгъ беллетристическаго содержанія въ ущербъ отдѣламъ научнымъ, которые представляютъ по большей части пестрый сбродъ попавшихся случайно произведеній. «Нечего удивляться,—говоритъ г. Рубакинъ,—что библіотеки, разумно составленныя и богатыя научными книгами, какъ въ былые годы (въ семидесятыхъ годахъ, но не теперь) были библіотеки В. Черкесова и Макалинской въ Петербургѣ, или какова нынѣ Петровская библіотека въ Москвѣ,—до сего времени остаются явленіями исключительными, хотя у этихъ библіотекъ и могли бы кое-чему поучиться всѣ другія. Эти библіотеки сами создавали читателей, дѣлая себя интересными для читателей изъ интеллигенціи, облегчая ей доступъ къ книгамъ научнымъ, умѣло выбираемымъ. Онѣ сами шли къ читателю, а не ждали, когда читатель придетъ къ нимъ».

Самая организація пользованія библіотечными книгами сопряжена съ нѣкоторыми затрудненіями—высокой платой и высокимъ залогомъ. Плата необходимо должна быть понижена въ интересахъ расширенія круга читателей, а залогъ съ бо́льшимъ успѣхомъ для дѣла могъ бы быть замѣненъ поручительствомъ, какъ это уже сдѣлали нѣкоторыя провинціальныя библіотеки—въ Астрахани, Тифлисѣ и другихъ. Если библіотеки, основанныя преимущественно для привилегированныхъ классовъ, не удовлетворяютъ своему назначенію и не достигаютъ необходимой цѣли, то библіотеки для народа поставлены у насъ и того хуже и вліяніе ихъ на массу сводится къ очень незначительной величинѣ. Къ сожалѣнію, г. Рубакинъ слишкомъ поверхностно коснулся вопроса о народныхъ

библіотекахъ и почти не далъ никакихъ указаній на то, къ чему должно стремиться въ этой области. Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ даетъ статья: «Какія намъ нужны теперь по деревнямъ библіотеки?», напечатанная въ № 1 «Педагогическаго Листка» [1]) за текущій годъ и подписанная литерами Д. Т. (Д. Тихомировъ?). Авторъ предполагаетъ, что необходимо стремиться къ устройству по деревнямъ и селамъ небольшихъ общественныхъ библіотекъ при мѣстныхъ школахъ при завѣдываніи ими школьнымъ педагогическимъ персоналомъ. Это потребуетъ ассигнованія всего лишь 25 р. на каждую библіотеку, что̀ составитъ всего лишь 1,000 рублей ежегоднаго расхода на каждый уѣздъ. При этомъ такія библіотеки должны имѣть свой особый, широкій и разносторонне-составленный каталогъ. «Всякая книга,—говоритъ авторъ,—не признаваемая безусловно вредной, должна была бы получать право доступа въ сельскую, какъ и во всякую другую библіотеку, разсчитанную на взрослаго читателя». Мѣстная провинціальная пресса должна занимать въ такой библіотекѣ не послѣднее мѣсто, какъ равно и тотъ разрядъ книгъ, который жизненно необходимъ сельскому населенію—по вопросамъ законовѣдѣнія, общественной жизни, гигіены, сельскаго хозяйства, даже популярныя книги по воспитанію, вопросамъ медицины и проч. и проч. Необходимо отмѣтить, однажды уже зашла рѣчь о дешевыхъ народныхъ библіотекахъ, что попытка выработать типъ такихъ библіотекъ, могущихъ быть пріобрѣтенными по самымъ разнообразнымъ, невысокимъ цѣнамъ, сдѣлана въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ г-жи Калмыковой. Каталоги такихъ библіотекъ очень разнообразны, а самая стоимость библіотекъ весьма невысока.

Невелико и число подписчиковъ въ нашихъ общественныхъ библіотекахъ, основанныхъ для «командующихъ классовъ»: Нахичеванская библіотека сидитъ почти совсѣмъ безъ подписчиковъ, въ г. Онегѣ въ 1889 г. было всего 4 подписчика. Маленькія цыфры, нечего сказать! Maximum потребителей въ провинціи имѣли библіотеки: Самарская, Александровская и Одесская; въ первой брали на домъ 1,083 человѣка, вторую посѣщало 4,563 лица. Разсматривая составъ лицъ, интересующихся библіотечной книгой, по сословіямъ и профессіямъ, мы наблюдаемъ, что простой сѣрый человѣкъ съ каждымъ годомъ дѣлается болѣе частымъ посѣтителемъ библіотеки. Г. Рубакинъ усматриваетъ въ этомъ знаменательный внутренній процессъ—«процессъ наростанія читателя въ народѣ, появленіе его въ тѣхъ слояхъ, гдѣ до того времени онъ не водился и водиться не могъ». Статистическія данныя, по его мнѣнію, говорятъ, «что кругъ читательскій расширяется въ глубину и ширину,

---

[1]) «Педагогическій Листокъ». Приложеніе къ журналу «Дѣтское Чтеніе» за 1895 г. январь—мартъ.

что на смѣну, а, можетъ быть, и на поддержку читателямъ изъ культурныхъ классовъ идутъ цѣлыя толпы читателей изъ народа, катится читательская волна новая, свѣжая, жаждущая свѣта, чувствующая глубокую потребность смотрѣть на міръ Божій своими собственными глазами, а не чрезъ синія стекла узенькаго окошка, желающая черпать свои знанія, обогащая свой міръ идей изъ общей сокровищницы человѣчества, а не изъ краткихъ спеціальныхъ каталоговъ».

Рядомъ съ скудостью библіотечныхъ читателей, наблюдателя поражаетъ и узость круга потребленія этихъ читателей, при чемъ рѣзко бросается въ глаза и то, что этотъ кругъ съ годами не только не расширяется, но даже становится тѣснѣе. Такъ, напр., въ Астрахани въ 1883 г. было выдано изъ библіотеки по 66 томовъ на человѣка, а въ 1893 г.—по 42,5, т.-е. въ теченіе десяти лѣтъ спросъ подписчика на книгу уменьшился въ полтора раза. Та же судьба постигла и читальню при библіотекѣ: въ 1883 г. посѣщало ее 61 человѣкъ въ день, а въ 1884 г. эта цыфра уменьшилась до 50, и въ такомъ видѣ продолжалось много лѣтъ послѣ. Такое оскудѣніе читателей и паденіе ихъ интереса къ печатному слову наблюдается и въ остальныхъ провинціальныхъ библіотекахъ. Выдающуюся роль въ такомъ грустномъ обстоятельствѣ играетъ ослабленіе вниманія къ періодической прессѣ, что̀ находится въ непосредственной связи со многими печальными общественными явленіями нашей русской жизни за послѣднія 15 лѣтъ.

Что̀ же читаетъ въ библіотекѣ наша интеллигентная публика охотнѣе всего? Статистическія данныя показываютъ, что на первомъ планѣ стоитъ беллетристика, затѣмъ журналы и, наконецъ, книги научнаго содержанія. Изъ послѣдней категоріи въ большинствѣ библіотекъ чаще другихъ требуются сочиненія по исторіи и исторіи литературы, затѣмъ слѣдуетъ естествознаніе, философія, общественныя науки и богословіе. Любопытны указанія, какъ распредѣляются вкусы читателей въ научномъ беллетристическомъ отдѣлѣ и какіе авторы пользуются наибольшими симпатіями читающей публики. Изъ разсмотрѣнія требованій въ восьми библіотекахъ г. Рубакинъ получилъ слѣдующія указанія [1]). Не было случая, чтобы слѣдующіе писатели были взяты изъ библіотеки въ теченіе года (1891—92): a) больше пяти разъ—Васильчиковъ, Янжулъ, Я. Абрамовъ; b) больше десяти разъ—Кавелинъ, Шашковъ, Сѣченовъ, Менделѣевъ; c) больше двадцати разъ—Лесевичъ, Пыпинъ; d) больше тридцати — указаній на русскихъ авторовъ нѣтъ; e) больше пятидесяти разъ — Карамзинъ, Ор. Миллеръ, В.

---

[1]) Я привожу здѣсь только указанія на русскихъ авторовъ, минуя иностранныхъ, относительно которыхъ авторомъ собраны также многочисленныя свѣдѣнія.

Острогорскій, Я. Гуревичъ, В. Семевскій; f) больше ста разъ—Костомаровъ, Соловьевъ, Н. К. Михайловскій; g) больше 175 разъ—Бѣлинскій. Располагая далѣе списки требованій и обозначенныхъ въ нихъ авторовъ по категоріямъ, оказывается, что больше всего требуются тѣ научныя сочиненія, которыя нужны учащейся молодежи, т.-е. учебники и пособія.

Что касается изящной словесности, то требованія на оригинальныя сочиненія почти вдвое превосходятъ переводныя, хотя нѣкоторые заграничные авторы читаются много охотнѣе, нежели отечественные. Такъ, въ Нижегородской библіотекѣ Эмаръ читался почти въ полтора раза больше Щедрина, Террайль въ 1,34 раза больше Мельникова-Печерскаго, Монтепенъ больше Островскаго, Гоголя, Некрасова, Лермонтова, Добролюбова. Разсматривая требовательныя вѣдомости въ девяти библіотекахъ за 1891—92 гг. и расположивъ авторовъ, на которыхъ былъ наибольшій спросъ, на десяти убывающихъ ступеняхъ, мы встрѣчаемъ на первой ступени только три имени: прежде всего гр. Л. Толстого, затѣмъ А. Михайлова-Шеллера и, наконецъ, Гончарова. Ниже второй ступени гр. Л. Толстой не спускается нигдѣ, а Шеллеръ спускается до послѣдней и даже ниже, Гончаровъ—до предпослѣдней и ниже. Согласно библіотечной статистикѣ, гр. Левъ Толстой читается больше другихъ авторовъ, послѣ него слѣдуетъ Достоевскій, который не спускается ниже шестой ступени, затѣмъ Тургеневъ, не спускающійся ниже седьмой и т. д. Спросъ на авторовъ возрастаетъ въ связи съ новизною ихъ произведеній или какими либо особенно важными моментами въ ихъ творчествѣ; напримѣръ, каждое новое произведеніе Л. Толстого берется на расхватъ. Рядомъ съ этимъ—торжественные юбилеи писателей, заставляющіе о нихъ усиленно говорить въ печати, или ихъ кончины, немедленно повышаютъ и спросъ на ихъ творенія; напримѣръ, послѣ смерти С. Н. Терпигорева въ двухъ библіотекахъ, въ теченіе многихъ дней, я не могъ получить его лучшаго произведенія—«Оскудѣніе»: такъ усилились требованія на эту книгу. Такое повышеніе симпатій читателей къ автору носитъ на себѣ, конечно, слѣдъ случайности и обнаруживаетъ только, что потребители библіотечныхъ сокровищъ не руководятся въ своемъ стремленіи къ чтенію какими либо строго опредѣленными принципами, программами или методомъ. Читатели,—утверждаетъ г. Рубакинъ,—«выбираютъ по заглавіямъ, по наслышкѣ, по объявленіямъ въ распространенной газетѣ, по рецензіи, написанной какимъ либо шальнымъ рецензентомъ «отъ вѣтра главы своея», по хлесткой статьѣ присяжнаго критика... Этихъ-то читателей и больше всего, и они проходятъ чрезъ библіотеку не отдѣльными блестящими метеорами, а текутъ широкой волной, которая нерѣдко увлекаетъ за собою и самого библіотекаря, заставляетъ его подчиняться прихотямъ этой толпы, забывать то великое дѣло, которому должна служить каждая

библіотека и которому она можетъ служить... Этотъ типъ читателя преобладаетъ и всегда преобладалъ, а въ послѣднія 8 – 9 лѣтъ, какъ кажется,—въ особенности; не даромъ спросъ на идейную беллетристику падаетъ и колеблется»...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что читатели изъ интеллигенціи не являютъ собою для русской жизни чего нибудь утѣшительнаго, хотя я лично склоненъ думать, что дѣло ужъ не такъ плохо стоитъ, какъ его старается показать г. Рубакинъ. На его сторонѣ, конечно, стоятъ статистическія данныя, хотя и взятыя довольно случайно и произвольно, но противъ которыхъ трудно спорить; въ моемъ распоряженіи нѣтъ другого цыфрового матеріала, но, основываясь на нѣкоторыхъ личныхъ наблюденіяхъ и присматриваясь къ книжному рынку, я наблюдаю за послѣднее время кое-какія и утѣшительныя явленія. Мнѣ сдается, во-первыхъ, что спросъ на серьезныя научныя сочиненія какъ-будто вновь возрастаетъ, а, во-вторыхъ, я имѣю основаніе утверждать, что наша читающая публика ужъ не такъ безыдейна, какъ это кажется съ перваго взгляда. Примѣръ тому наши ежемѣсячные журналы. Я не буду упоминать названій—можетъ быть, г. Рубакинъ, знающій хорошо книжный рынокъ, пойметъ меня и такъ. Въ судьбѣ этихъ журналовъ наблюдается любопытное явленіе: одни изъ нихъ тщетно пытаются въ теченіе десятка лѣтъ завоевать себѣ аудиторію хотя бы въ 4,000 подписчиковъ, другіе въ какіе нибудь три года превышаютъ цыфру 5,000; неуспѣхъ первыхъ и успѣхъ вторыхъ зависитъ, въ данномъ случаѣ, не отъ разнообразія помѣщаемаго на ихъ страницахъ матеріала, не отъ затраты денежныхъ средствъ (въ этомъ отношеніи они, пожалуй, положили больше старанія и силъ), но исключительно въ зависимости отъ того знамени, которое развѣвается надъ изданіемъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ шаткостью и неопредѣленностью журнальныхъ тенденцій, во-второмъ—съ строго опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, ясно выработанною программою и осмысленной конечной цѣлью.

Читающая публика сознаетъ это прекрасно и идетъ охотнѣе туда, гдѣ бьетъ родникъ живой воды. Она понимаетъ, что измѣнись нѣкоторыя чисто внѣшнія обстоятельства общественной жизни и—успѣхъ изданій второй категоріи былъ бы еще осязательнѣе. Я вовсе не хочу этимъ реабилитировать нашей интеллигенціи и утверждать, что «дома все обстоитъ благополучно»; я намѣренъ былъ только обратить вниманіе г. Рубакина, что ему слѣдовало рядомъ съ темными сторонами жизни «командующихъ классовъ» отмѣтить и нѣкоторые просвѣты въ ней. Это, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько бы разсѣяло то отчаяніе и уныніе, которое невольно охватываетъ читателя по ознакомленіи съ «Этюдами».

Я упомянулъ уже со словъ г. Рубакина, что въ нашей отечественной жизни за послѣднее время замѣчается «наростаніе» чита-

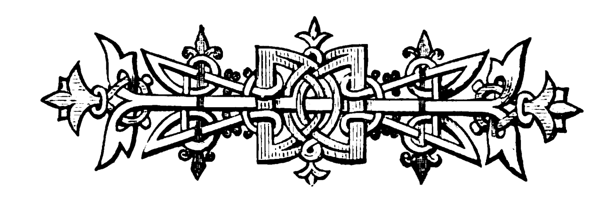
теля изъ народа. Постараемся вкратцѣ ознакомиться съ этимъ любопытнымъ явленіемъ и разсмотримъ, кто же этотъ новый человѣкъ, смѣло стучащійся въ дверь русскаго просвѣщенія. Въ статьѣ «народная грамотность» я имѣлъ уже случай говорить, какъ печально и воистину вопіюще поставлено у насъ дѣло народнаго просвѣщенія. По свѣдѣніямъ, приводимымъ г. Рубакинымъ, оказывается, что процентъ грамотныхъ людей русскаго населенія равенъ всего на всего 23%; при этомъ на долю каждой тысячи грамотеевъ приходится 0,065 названій книгъ, спеціально для нихъ изданныхъ, а со включеніемъ въ ихъ число сочиненій духовныхъ и беллетристическихъ, одно названіе падаетъ на тысячу грамотеевъ, или менѣе полуэкземпляра на одного человѣка. Рядомъ съ такой грустной постановкой одного изъ главнѣйшихъ факторовъ просвѣщенія, оказывается, что не въ лучшемъ положеніи обрѣтаются и другіе—послѣдующіе: народная школа, библіотека и читальня. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, народный читатель и грамотей наростаетъ и даетъ все больше и больше о себѣ знать. Наиболѣе убѣдительнымъ тому доказательствомъ служитъ быстрое поглощеніе народной массой дешевыхъ изданій, предназначенныхъ спеціально для низшихъ классовъ населенія и выпущенныхъ въ значительной степени стараніями «командующихъ» слоевъ общества. Эти изданія, пущенныя въ обращеніе по всему лицу русской земли, чрезвычайно разнообразны и сплошь и рядомъ вызываютъ недоумѣніе, отвѣчаютъ ли они своему назначенію и доступны ли они народной массѣ. Изъ такой постановки вопроса создалась цѣлая литература за и противъ существующаго типа народной книжки; интересующихся этимъ предметомъ отсылаю къ любопытной книжкѣ Ан—скаго «Очерки народной литературы», къ выводамъ которой, однако, слѣдуетъ относиться осторожно. Интересно, какъ отнесся самъ народъ къ вопросу о томъ, какая книжка ему нужна. Одинъ корреспондентъ пишетъ г. Рубакину: «народу нужны не народныя книги, а дешевыя, потому что онъ бѣднякъ, а не дуракъ». Изъ общенія съ «читателями изъ народа» авторъ «Этюдовъ» выводитъ заключеніе, что народная литература не должна быть смѣшиваема съ дѣтскою, а также, что она вовсе не нуждается въ спеціально поучительномъ и назидательномъ характерѣ. Эта поучительность и назидательность, навязываемыя народу, претятъ ему и онъ даже видитъ въ нихъ насмѣшку надъ собою. Равнымъ образомъ онъ далеко не сочувственно относится къ тѣмъ беллетристическимъ произведеніямъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются черти. Далеко не отвѣчаетъ своему назначенію и существующая у насъ для народа научно-популярная литература; книжки въ этомъ родѣ въ большинствѣ случаевъ составлены неумѣло и не прививаются къ читающей народной массѣ, объясненіе чему должно искать въ незнаніи народа, какъ читателя. «Программы» для соби-

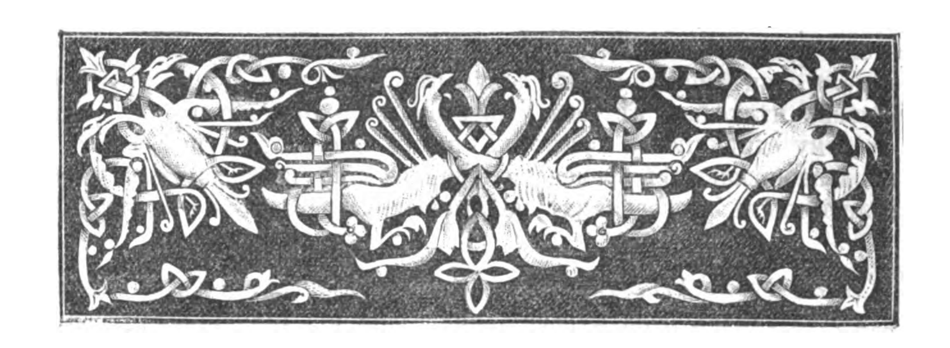
ранія свѣдѣній о народномъ чтеніи, разосланныя и отдѣльнымъ «лицамъ», и цѣлымъ обществамъ, можно надѣяться, въ концѣ-концовъ, выяснять, что̀ требуетъ читатель изъ научно-популярной книжки и какъ она должна быть составлена. Дать точные отвѣты на вопросы «программъ» народъ сумѣетъ, такъ какъ въ его средѣ успѣли уже ясно обозначиться элементы, способные понимать и формулировать задачи желательной ему литературы примѣнительно къ потребностямъ разныхъ районовъ и профессій. Эти послѣднія основанія неминуемо отразятся на содержаніи отвѣтовъ; читатель-земледѣлецъ и читатель-фабричный предъявляютъ разные запросы къ жизни и ищутъ въ ней различное содержаніе. Такъ, г. Рубакинъ имѣлъ возможность прослѣдить по рукописямъ взгляды двухъ противоположныхъ представителей народной грамотности; одинъ, житель деревни, ищетъ въ книжкѣ указаній на необходимость «единенія» между людьми, другой интересуется «торговой частью», которая можетъ дать средства къ душеспасительнымъ пожертвованіямъ. Одновременно съ ознакомленіемъ со вкусами и симпатіями такихъ самоучекъ-писателей необходимо прислушиваться и къ голосу народной интеллигенціи, то-есть такихъ представителей народной массы, которые, не порвавъ связи съ своими односельчанами, живя ихъ интересами и ихъ жизнью, пользуются грамотностью для поднятія культуры своей среды. Г. Рубакинъ знакомитъ насъ съ цѣлой портретной галлереей такихъ народныхъ интеллигентовъ, и нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ, въ качествѣ типовъ деревни, серьезнаго изученія, какъ напримѣръ, С. Семеновъ, С. Журавлевъ и другіе, въ которыхъ ясно сказывается стремленіе къ свѣту, къ знанію. Не лишены также интереса типы фабричнаго читателя, который, по словамъ г. Рубакина, «уже выросъ и продолжаетъ расти съ каждымъ днемъ». Авторъ въ числѣ прочихъ знакомитъ насъ съ біографіей Василія Ивановича Савинина, вышедшаго изъ фабричной среды и успѣвшаго уже въ настоящее время создать себѣ «литературное имя». Повѣсть этого «писателя изъ народа» подъ заглавіемъ «Аника-воинъ» была напечатана недавно въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и, по справедливости, можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній текущаго года; по яркости красокъ, по живости изложенія, по массѣ въ ней движенія, она значительно выдѣляется изъ цѣлаго ряда повѣстей и разсказовъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ толстыхъ журналахъ. На ней лежитъ печать свѣжести, даровитости и глубокаго знанія народной жизни. Авторъ не идеализируетъ своей родной среды, откровенно выставляетъ ея темныя стороны и подчеркиваетъ весь густой мракъ, въ который безнадежно погружено русское крестьянства. Было бы чрезвычайно любопытно сдѣлать опытъ, издавъ повѣсть г. Савинина для народа; на судьбѣ книжки явился бы случай воочію убѣдиться, какъ относится самъ народъ къ писа-

телю, вышедшему изъ его среды, и какихъ результатовъ можно ожидать отъ такого рода настоящихъ народныхъ произведеній, въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Нарисованные г. Рубакинымъ портреты народной интеллигенціи чрезвычайно типичны. Они всѣ отмѣчены печатью любви къ своей средѣ, стремленіемъ внести въ эту среду свѣтъ науки и знанія и желаніемъ по мѣрѣ силъ и возможности поработать на пользу родной земли. Выведенныя авторомъ лица оказываются не единичными воинами въ полѣ; ихъ набирается съ каждымъ годомъ все бо̀льшее и бо̀льшее число, голоса ихъ уже начинаютъ громко раздаваться не только въ качествѣ опрашиваемыхъ, но и въ качествѣ поучающихъ и наставляющихъ: читатель и даже писатель изъ народа наростаетъ, но, къ сожалѣнію, процессъ этотъ совершается мучительно тихо, и только внимательный наблюдатель, сквозь ѣдкій «дымъ отечества», покрывающій все и вся кругомъ отвратительной копотью, можетъ различить и отмѣтить эти новыя формаціи и наслоенія грядущей грамотной Россіи.

Б. Глинскій.

АБИССИНІЯ И ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОКЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

А ПОСЛѢДНЕЕ десятилѣтіе русскому обществу все чаще и чаще приходится слышать объ Абиссиніи и абиссинцахъ. Экспедиціи Ашинова, Машкова, Леонтьева и, наконецъ, пріѣзжавшее недавно изъ Абиссиніи посольство, во главѣ котораго стояли принцъ Дампто и управляющій Харрарской епархіею, еще болѣе возбудили у насъ интересъ къ этой странѣ, къ ея обитателямъ, къ ихъ жизни, быту, нравамъ и, главнымъ образомъ, къ ихъ религіи. Большинство русскаго общества чуть ли не первый разъ услышало, что абиссинцы такіе же христіане, какъ и мы сами, что у абиссинцевъ есть церкви, іерархія и что они, во имя единства вѣры, желали бы войти съ нами въ непосредственное и тѣсное единеніе. Но многихъ и доселѣ еще смущаетъ вопросъ, дѣйствительно ли абиссинцы православные христіане, дѣйствительно ли вѣра Христова сохранилась у нихъ во всей чистотѣ и неповрежденности, и, наконецъ,—теперешнее ихъ стремленіе къ религіозному единенію съ Россіею не есть ли только результатъ того международно-политическаго положенія вещей, въ которомъ Абиссинія, чувствуя свою слабость и изолированность, вынуждается только искать себѣ въ единовѣрцахъ могущественныхъ покровителей и союзниковъ противъ западныхъ европейцевъ. Оставляя рѣшеніе перваго вопроса—о чистотѣ религіи у абиссинцевъ—спеціальной богословской литературѣ, въ которой есть уже довольно цѣнныя и интересныя объ

этомъ предметѣ изслѣдованія [1]), мы приведемъ изъ офиціальнаго дѣла [2]) одинъ историческій документъ прошлаго вѣка, удостовѣряющій нѣсколько въ томъ, что стремленіе абиссинцевъ къ религіозному единенію съ православнымъ Востокомъ существовало и въ давнопрошедшія времена и, главное,—по побужденіямъ чисто религіознымъ, внѣ всякихъ политическихъ давленій и соображеній.

Въ февралѣ 1752 г., въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прибылъ изъ Константинополя курьеръ, привезшій отъ тамошняго русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, надворнаго совѣтника Алексѣя Обрѣзкова, среди другихъ разныхъ дипломатическихъ депешъ, или, какъ тогда ихъ называли, «піесъ», между прочимъ, и слѣдующія три, полученныя имъ, Обрѣзковымъ, отъ святѣйшаго патріарха Александрійскаго Матѳія:

1) Переводъ съ двухъ грамотъ къ тому патріарху Александрійскому отъ короля Верхней и Большой Ѳѳіопіи и матери онаго о благочестіи ихъ.

2) Извѣстіе о поступкахъ папистанъ (католиковъ) въ Александрійскомъ патріархатѣ и отвращеніи православныхъ къ ихъ исповѣданію.

и 3) Копію съ прошенія патріарха къ ея императорскому величеству государынѣ всероссійской, оригиналъ каковаго прошенія сей патріархъ, по списаніи копіи, оставилъ у себя.

Коллегія иностранныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ эти «піесы» и найдя «яко сіе дѣло касается до вѣры и принадлежитъ до разсужденія Св. Сѵнода», переслала, 29-го февраля 1752 г., «сіи піесы» въ Св. Сѵнодъ, прося его разсудить безъ замедленія о семъ дѣлѣ, чтобы дать надлежащее указаніе, какъ Обрѣзкову отвѣтить Александрійскому патріарху. При этомъ коллегія присовокупляла, что «съ королемъ Ѳѳіопскимъ отсюду корреспонденціи и иного дѣла не бывало, да изъ свѣтскихъ персонъ къ посылкѣ туда неспособно и чтобы все дѣло это, яко касающееся до турковъ, Сѵнодъ приказалъ содержать въ надлежащемъ секретѣ».

Грамоты короля Ѳѳіопскаго и его матери къ святѣйшему патріарху Александрійскому Матѳію были таковы:

«Іссе, или Іисусъ, Божіею милостію, самодержецъ верхней и великой Ѳѳіопіи и величайшихъ королевствъ, областей и земель, король гоаны, каффата, тендигары, анготовъ, вары, валингунаси, аддіи, вингуй, гонгами, гдѣ Нилъ начинается, амори вангонаметро, амви, вангуцци, тигремаонъ, савваймъ, оте-

---

[1]) «Нѣсколько страницъ изъ церковной исторіи Ѳѳіопіи. Къ вопросу о соединеніи абиссинъ съ православною церковію». Проф. В. Болотова. «Христ. Чтеніе», 1888 г., мартъ—апрѣль.—«Современная Абиссинія. Школы и просвѣщеніе». (Изъ разсказовъ туземца). Е. Е. Долганева. «Богословскій Вѣстн.» 1895 г., май.

[2]) Дѣло Арх. Св. Сѵн. 1752 г. № 161.

чество царицы савскія, варонгасси и государь даже до египетской нубіи, любимый православнымъ греческимъ народомъ восточныя церкви, его блаженству о Бозѣ непорочному, премудрому и святѣйшему папѣ и патріарху великаго града Александріи, Ливіи, Пендаполя еѳіопскаго и всего Египта, судіи вселенныя, господину, господину Матфію, котораго святѣйшія руки съ благоговѣйнымъ почитаніемъ раболѣпно лобызаемъ, моля всеблагаго Бога, да сохранитъ васъ здрава на многія лѣта, на посвященномъ вашемъ престолѣ, который на вѣки да пребудетъ; да соизволитъ Богъ вашими святыми молитвами укрѣпить насъ на побѣду врага діавола, который никогда не престаетъ творить намъ брань, чрезъ слугъ своихъ; настоящею нашею грамотою во-первыхъ усердно предъявляемъ поздравленія вашему блаженству, а притомъ извѣствуемъ, что понеже мы издревлѣ въ дружелюбіи съ православными греками находились; но токмо обстоятельства времянъ принудили отлучиться другъ отъ друга, то желаемъ, дабы Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, и ваши святыя молитвы для отнятія ересей и соблазновъ изъ среди нынѣ насъ паки соединили; и того ради просимъ вашего блаженства, для любви Бога, Отца, Сына и Святаго Духа, и Маріи Богоматере, дванадесяти апостоловъ, двадесяти четырехъ пророковъ, и трехъ сотъ осминадесять отецъ, не престанно молить Господа нашего Іисуса Христа, и пресвятую Богоматерь и всѣхъ святыхъ, да подастъ намъ благодать, присудственно пресвятому гробу покланятися. Еще жъ просимъ вашего блаженства прислать къ намъ одного стараго человѣка изъ ученыхъ, чтобъ имѣть его при насъ духовникомъ нашимъ, за что ваше блаженство имѣете получить отъ насъ должное воздаяніе; и за симъ дабудутъ ваши святѣйшія благословенія намъ въ вѣчное охраненіе. Изъ Еѳіопіи изъ Кандера 18-го октября 1750 году. Царица наша мать, усердно цѣлуетъ руки вашего блаженства».

Переводъ съ другой краткой грамоты, отъ самодержицы-матери вышепомянутаго императора къ его блаженству:

«Потитуламъ—

«Прошу мой Государь прислать мнѣ уставы великаго Константина, или акты седми святѣйшихъ соборовъ, вмѣстѣ съ однимъ іереемъ, и притомъ прислать же плотниковъ и серебрениковъ.

«вашего блаженства
«любезная ваша раба Марѳа».

Для полнаго разъясненія обстоятельствъ, по которымъ святѣйшій патріархъ Александрійскій нашелъ необходимымъ переслать приведенныя грамоты короля Еѳіопскаго и его матери къ русской императрицѣ и, главное, для свидѣтельства о томъ, какъ въ прошломъ столѣтіи смотрѣлъ представитель Александрійской церкви на православіе въ Абиссиніи, считаемъ необходимымъ въ подлинникѣ же привести записку патріарха Матѳія о католической пропагандѣ въ его патріархатѣ и его же всеподданнѣйшее прошеніе къ русской императрицѣ.

«Краткимъ образомъ чрезъ сіе изъясняемъ, о заведеніи папистанства во всей Арабіи, и о жалостномъ состояніи апостольскаго александрійскаго нашего престола.

«Тому уже болѣе сорока лѣтъ, что прогнѣвленіемъ Божіимъ, преданные папскіе миссіонеры, зашедъ въ Арабію, пристали сперва къ апостольскому антіохійскому престолу, а потомъ подъ видомъ докторовъ, нашедъ входъ къ тамошнимъ православнымъ христіанамъ, злое папистанскаго догмата ослѣпленіе насѣяли, употребя слѣдующія средства для распространенія сей прелести; первое: философію, и обманство по стихіямъ свѣта, а не по Іисусъ Христову ученію; которою сами прельстясь, сводятъ съ пути простой и малосвѣдущій людъ, особливо изъ сиріянъ и араповъ, кои привыкнувъ вѣру, такъ какъ рубашку, перемѣнять; по раскаяніи своемъ не-находятъ къ кому для уклоненія отъ софистическихъ ересей прибѣгнуть; в горое одно только наружное имянованіе словъ Іисусовыхъ, а въ самомъ дѣлѣ прельщаютъ обѣщаніями кормить, стараніе имѣть, и денгами снабдѣвать тѣхъ, кои имъ во-обманъ себя попускаютъ. Третіе, страхъ и угрозы, что православныхъ въ тиранство властямъ отдадутъ, и сверхъ того съ угрозами же заказъ привлеченнымъ въ латинскій догматъ, чтобы православнымъ взаимъ денегъ не давали, но строгобы долги свои съ нихъ вымогали. Четвертое—прельщенные женщины, кои наподобіе червей, безпрестанно точатъ пожитки мужей и сродниковъ своихъ. Пятое—наибольшее и главнѣйшее, что папскіе миссіонеры слабо, и роскошно жить попускаютъ, и въ презрѣніе постовъ и обрядовъ восточныя церкви, учатъ нарушать святую четыредесятницу, и безумно дерзнули осквѣрнить даже до-таинъ преданныхъ Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ святѣй своей церкви; ибо бракъ по совершеніи уже вѣнчальной службы православными, благословеніемъ своимъ утверждать претендуютъ, еже мы сами формально отъ нѣкотораго попа ихъ слышали, который будучи въ такой неразсудной дерзости изобличенъ, извинялся, что онъ вѣнчальной службы не отправлялъ, но толко (бракъ) подтвердилъ. Тоже самое и во святомъ крещеніи дѣлаютъ. Обращенныхъ въ папистанство, когда оные умираютъ, уже сами выисповѣдавъ, утвердя въ ересяхъ зловоннымъ, своимъ масломъ пособоровавъ, пообыкновенію своему напутствовавъ, и погребалную службу совсѣмъ соверша, православнымъ духовнымъ толко для погребенія поручаютъ. Въ семъ ихъ прелщеніи даваемые ими безъ скупости властямъ и началникамъ великія денежныя суммы споспѣшествуютъ, такъ же волность, или лучше сказать, неповиновеніе церковному ученію; такимъ образомъ расплодясь и утвердясь въ Сиріи и Арабіи папистанская ересь бывшихъ прежде православныхъ духовныхъ въ ученики къ себѣ приняла, дабы нужды въ латинскихъ учителяхъ не было, какъ то и суще нынѣ они наставниками своему народу; и толико успѣхи свои по всей Сиріи увеличили, что нѣкотораго развращеннаго, называемаго Серафима, уже ипатріархомъ антіохійскимъ латинскаго догмата поставили, и салтанскимъ указомъ утвердили было, но потомъ онъ матерію нашею восточною церковію, какъ похититель, сверженъ, и какъ еретикъ анафемѣ преданъ, а-напослѣдокъ по Императорскому указу и въ ссылку сосланъ; откуда ушедъ, въ Ливанскую гору бѣжалъ, и отъ тамошнихъ

обывателей, папѣ преданныхъ, за патріарха почитается и признавается, непреставая и до нынѣ изгонять апостолскій престолъ нашего брата антіохійскаго патріарха.

«Между Сирскими и египетскими жителями будучи сходство въ обычаяхъ и взаимная дружба; дамасскіе и почти всея Сиріи въ Мисихъ и въ другіе египетскіе города переходятъ, и потому случаю папистанская ересь на подобіе смертоносной эпидемической болѣзни въ Египтѣ завелась, и разсѣялась, гдѣ преданные папѣ, вышеобъявленные же средства для расположенія ересей своихъ употребляютъ; а принявшіе папистанство, по тамошнему многоначальству, или лучше сказать по самому смятенію, какъ-то издревлѣ натуралнo въ Египтѣ, прибѣжище с-ихъ фамиліями находятъ: ибо въ Сиріи, опасаясь тамошнихъ командировъ, не обузданные свои похоти исполнять не могутъ, холостые-же поженясь на египетскихъ православныхъ, и привлекши оныхъ потомъ въ свои ереси, каждый принялъ протекцію тѣхъ разныхъ египетскихъ командировъ, и чрезъ деньги безчисленные вреды и несчастіи православнымъ наводятъ, принимая притомъ отлученныхъ и разстриженныхъ духовныхъ въ собранія свои, и допущая литургію служить; чѣмъ сіе зло въ гангрену обратилось.

«По Божіему соизволенію, будучи мы посвящены на упомянутый апостольскій александрійскій престолъ, нашли оный въ великомъ смятеніи и безпорядкѣ, храмы въ раззореніи, бѣдныхъ въ крайнемъ страхѣ, престолъ весма одолжалый, а стадо Господа моего Іисуса Христа пасомо почти вмѣстѣ съ волками и-псами, которые оное многократно расхищали и терзали; почему горестно поболѣвъ, возъимѣли мы по возможности и впредь возъимѣемъ попеченіе о семъ отъ Бога данномъ намъ стадѣ; и по мѣрѣ нашего слабосилія учредили учителя для проповѣди по церквамъ, на арабскомъ и греческомъ языкахъ, православнаго и благочестиваго догмата восточныя нашея церкви, и еще учителя же опредѣлили для обученія дѣтей арабскому и греческому языкамъ; потомъ запретили, чтобъ православныя, духовныя и свѣтскія никакого церковнаго сообщенія съ папистанами не имѣли; духовные бы въ домы помянутыхъ папистанъ, ни благословлять, ни крестить, ни причащать, ни вѣнчать, ни погребать, не ходили, и никакихъ подаяній отъ нихъ не принимали; а свѣтскіе взаимныхъ бы браковъ съ ними папистанами не заключали, и дѣтей у нихъ не крестили бы; и о всемъ, что касается до нашихъ православныхъ церковныхъ обрядовъ, такимъ образомъ отъдѣлили здравую часть нашея церкви отъ немощныя и поврежденныя, іли лутче сказать стадо Господа нашего Іисуса Христа отъ волковъ папистанъ во овчей кожѣ, и сей поступокъ привелъ ихъ папистанъ въ немалое смятеніе, какъ по бесчестію, что отъ нашей восточной церкви публично еретиками оглашены, такъ и по другимъ далнимъ видамъ и страху.

«Однако папистанское собраніе въ Римѣ, какъ левъ во оградѣ своей умышляетъ и брань наносить православной церквѣ никогда не престаетъ, предпріемля какое-бы ни было средство къ опроверженію божественнаго догмата оныя восточныя церкви, дабы подъвласть свою подклонить три древніе патріаршіе и святѣйшіе престолы, антіохійскій, іерусалимскій, и александрійскій, которые въ прежнія времяна коликую славу и честь, чрезъ православную вѣру

свято и непорочно тамо содержанную, имѣли и весма процвѣтали чрезъ благоговѣйныхъ святыхъ патріарховъ святителей вселенскихъ, святаго Аѳанасія и святаго Кирилла, какъ въ исторіи церковной и въ актахъ третьяго святаго вселенскаго собора явствуетъ, нынѣ (судбами и смотрѣніемъ Божіимъ) оный александрійскій престолъ въ толикуюже бѣдность от-тамошнихъ властей приведенъ, такъ что едва удержались припомянутомъ престолѣ три церкви и нѣсколко останковъ православія, а имянно малое число православныхъ; но папистаны стараются и тѣ оставшіяся три церкви всѣми образы похитить; итого для рекомендованнаго отъ папы консуламъ тамошнихъ портовъ епископомъ поставили, и неутомленно домогаются сдѣлать онаго патріархомъ, такъ какъ въ Антіохіи предуспѣли; а мы по несчастливымъ временамъ, будучи не въ состояніи усиленію ихъ противиться; отъ ихъ же папистанскаго гоненія, суда въ Константинополь прибѣгли, возложа всю нашу надежду на всемогущество Божіе и его милосердіе, моля не лишить насъ того».

Всеподданѣйшее прошеніе патріарха къ русской императрицѣ:

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, и благочестивѣйшая, Богомъ избранная на Императорскій всероссійскій престолъ, самодержица, Государыня, Государыня, Елисавета первая, Императрица, любезная дщерь великаго императора, достославныя памяти Петра Алексѣевича, и въ дусѣ святѣ дщерь нашего смиренія, благодать Божія, миръ и здравіе, отъ всемогущаго Бога, Господа Нашего Іисуса Христа, освященному Вашему Імператорскому Величеству, заступленіе же и помощь отъ святаго апостола и евангелиста Марка александрійскаго нашего престола, а отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе да будетъ, съ моленіемъ Господа Бога, да сохранитъ освященное Ваше императорское величество въ многолѣтной жизни, въ непремѣнномъ благополучіи, и совершенной тишинѣ, всегда торжественною побѣдителницею надъ безвѣрными непріятелями, во славу Господа нашего Іисуса Христа, и къ наивящшей радости и хвалѣ всего христіанства.

«Крайняя нужда православныя нашея вѣры принудила меня, въ пренебреженіе всякаго опаснаго приключенія, принять сіе дерзновеніе противу варварскаго тяжкаго ига неволи, въ которой я и всѣ здѣшніе православные нещастливые народы горко стонемъ и писменно предъявить вашему імператорскому величеству кипящую ревность и чрезъмѣрную скорбь души моей, что токмо чрезъ сіе имѣю поздравить, и всею душею моею благословить освященную отъ Бога и прославленную вашего імператорскаго величества персону, на которую вина винъ, единосущная пресовершенная и пресвятая Троица, единъ Богъ отъ Сына покланяемый и славимый, да изліяетъ всегда не изчерпаемую благодать свою въ ползу православныя вѣры и ко утвержденію, возвышенію и разпространенію государствъ вашего імператорскаго величества по вселенной, моремъ и сухимъ путемъ.

«Вашему Імператорскому Величеству безсумнѣнно уже отъ своихъ министровъ благородныхъ господъ Резидентовъ совсѣми обстоятелствы донесено

какъ о жалостномъ народа нашего состояніи, такъ о тиранствѣ и всегдашнеборбѣ, которой церковь наша здѣсь подвержена безпрестанные гоненіи приключаемые оной церквѣ не токмо отъ здѣшней безвѣрной области, но съвящшимъ жестокосердіемъ отъ луциферовой папской гордости, не изречены и уму человѣческому непостижимы, сій вторый діавольскій Римскій змій испустилъ чрезъ согласующихся съ его исповѣданіемъ европейцовъ смертоносный ядъ папской ереси во уши невѣжихъ и простыхъ здѣшнихъ людей, замышляя подъ власть свою покорить четыре патріаршіе престола, а при оныхъ и все собраніе православныхъ, дабы тѣмъ въ дѣйство произвесть давно уже постановленный папою и Франціею проэктъ и намѣреніе, о которомъ доволно вашему імператорскому величеству извѣстно, тое же намѣреніе люте пронзя сердце мое, принудило меня учинить особливое доношеніе порученное здѣсь вашего імператорскаго величества благородному господину надворному совѣтнику Алексѣю Обрѣскову. Ваше імператорское величество соизволите высочайшею своею прозорливостію усмотрѣть изъ онаго доношенія, какіе діавольскіе орудіи и коварные хитрости папистане въ ползу папистанства и испроверженіе непорочнѣйшей православной нашей вѣры употребляютъ, токмо Богъ, всемилостивѣйшая Государыня, да покажетъ къ намъ бѣднымъ здѣсь свое милосердіе, и благоутробно призря на облаченную во одежду сѣтованія свою невѣсту святую церковь, да украситъ оную божіимъ своимъ промысломъ, и паки облечетъ въ первое ея сіяніе и славу чрезъ освященную вашею імператорскаго величества персону, какъ алчно желаемъ, и да сподобитъ Всещедрый своею благодатію тому очевидцами быть.

«При упомянутомъ доношеніи о державнѣйшая и благочестивѣйшая Государыня, предоволно увѣренъ я о неугасаемой усердной вашего імператорскаго величества ревности къ благочестію, возъимѣлъ свободу присовокупить копіи съ двухъ грамотъ, присланныхъ ко мнѣ отъ короля верхней и болшей Ефіопіи, которые копіи приказалъ я поручить, вашего імператорскаго величества помянутому благородному Господину надворному совѣтнику, чрезъ вашегожімператорскаго величества всенижайшаго раба переводчика Николая Буйдія во 2-й день сего текущаго м҃ца.

«Ваше імператорское величество по высочайшей своей прозорливости соизволите изъ вышеозначенныхъ двухъ копій усмотрѣть углубленную Божіимъ промысломъ въ душѣ сего Ефіопскаго монарха кипящую ревность и вдохновенное просвяіценіе во-умѣ его, для отверженія проклятой Евтихійской ереси, и для принятія съ крайнимъ благоговеніемъ православныя вѣры святыя восточныя нашея церкви въ чемъ мы доволно обнадежены, не токмо его собственными грамотами, но и другими многими ко мнѣ писмами отъ нѣкоторыхъ православныхъ грековъ, принятыхъ въ службу и находящихся въ знатныхъ чинахъ при дворѣ онаго Монарха, и я, принося славу и благодареніе всемогущему Богу за сіе радостное извѣстіе, не премину со всею бѣдностію престола моего, елико слабосиліе дозволяетъ, отправить туда одного отца духовнаго съ нѣсколкими книгами въ пользу православныя вѣры. А понеже такія предпріятія пристойны токмо потентантамъ, кои доволные силы имѣютъ толь

важное Богоугодное дѣло во-исполненіе привесть; того ради я, какъ пастырь, и Вашего імператорскаго Величества по душѣ отецъ, пріемлю волность со всеглубочайшимъ почтеніемъ просить, вашего імператорскаго величества щедроту и благоволеніе, дабы по всемилостивѣйшему благоизобрѣтенію соизволили повелѣть отправить собственныхъ людей къ упомянутому монарху чрезъ океанъ къ заливу чермнаго моря въ островъ, называемый Моссова, въ шести миляхъ разстояніемъ отъ границъ онаго короля Ефіопскаго, откуда весма способно могутъ доѣхать сухимъ путемъ до столичнаго Ефіопской монархіи города Кондера. Я же по полученіи извѣстія во свое время ежели къ тому благоволеніе будетъ, не премину извѣстить и рекомендовать оному королю Ефіопскому, сіе христіанское дѣло достойную похвалу вѣчно по себѣ оставить, и не изчетную торжественную славу у Бога исходатайствуетъ, равно какъ и то, которое набожною вашего імператорскаго величества ревностію возъимѣло успѣхъ чрезъ благоговѣйнаго епископа брата нашего въ дусѣ святѣ господина Димитрія, обращеніемъ и приведеніемъ толикихъ погибшихъ душъ и от-пути удалившихся овецъ къ святѣйшему стаду, Господа нашего Іиссуса Христа тоже самое христіанское дѣло во время предецессора моего козмы перваго патріарха тщился было во исполненіе привесть, славный православія герой, блаженныя памяти Петръ Великій, імператоръ, родитель вашего імператорскаго величества, но тогдашнія времена оному достославному герою къ набожной его ревности благоспособными не-были, а нынѣ вышеупомянутое дѣло, достигнувъ промысломъ Божіимъ въ настоящее благополучное и свойственное время къ полученію желаемаго окончанія, отъ освященной вашего імператорскаго величества персоны, молю да соблаговолитъ всемогущій Богъ, который все во благо дѣйствуетъ, споспѣшествовать, союзъ между вашего імператорскаго величества імперіею и онаго православнаго короля Ефіопскаго областію, къ наивящшему преодолѣнію и побѣдѣ надъ не-вѣрующими Христіанскому имяни, такъ же къ смятенію Европскихъ папистанъ и протчихъ еретиковъ, еже бы доставило великую славу имяни всего православія, благополучіе и радость духовенству, и мнѣ смиренному вашего імператорскаго величества богомолцу просящему у Господа Бога, всею душею да сохранитъ освященную вашего імператорскаго величества персону, высочайшій дворъ, имперію, и все вашего імператорскаго величества войско, въ истинномъ благополучіи, къ вѣчной славѣ Господа нашего Іиссуса Христа. Аминь.

«Вашего Імператорскаго Величества
«всеусердный богомолецъ
«Патріархъ Александрійскій Матѳій».

Такимъ образомъ изъ вышеприведенныхъ документовъ видно:

1) что абиссинцы — по ихъ сознанію — «съ древнѣйшихъ временъ въ дружелюбіи съ православными греками находились, но только обстоятельства временъ принудили ихъ отлучиться другъ отъ друга» и, тѣмъ не менѣе, они искренно желали «отнятія ересей и соблазновъ и что бы имъ паки соединиться», чего ради

и просили прислать имъ «одного стараго священника изъ ученыхъ, уставъ великія Константинопольскія церкви и акты седьми вселенскихъ соборовъ»;

2) святѣйшій патріархъ Александрійскій, въ своемъ всеподданнѣйшемъ къ русской императрицѣ прошеніи, свидѣтельствовалъ—какъ на основаніи многихъ грамотъ абиссинскаго царя, такъ и многихъ писемъ православныхъ грековъ, проживавшихъ въ Абиссиніи, что «въ душѣ сего Еѳіопскаго монарха кипѣла ревность и вдохновенное просвѣщеніе во умѣ его, для отверженія проклятой Евтихіанской ереси и для принятія съ крайнимъ благоговѣніемъ православныя вѣры святыя восточныя церкви»,

и 3) что патріархъ Александрійскій, «принося славу и благодареніе Всемогущему Богу за сіе радостное извѣстіе, несмотря на всю бѣдность престола своего, елико слабосиліе дозволяетъ», непремѣнно хотѣлъ послать туда отца духовнаго съ нѣсколькими книгами въ пользу православныя вѣры. Но такъ какъ, по справедливому мнѣнію патріарха, такія миссіонерскія предпріятія «пристойны токмо «потентантамъ», кои довольныя силы имѣютъ то важное богоугодное дѣло во исполненіе привесть», то его святѣйшество, очевидно затрудняясь по изложеннымъ въ своихъ донесеніяхъ обстоятельствамъ—найти у себя такихъ «потентантовъ», смиренно, «яко пастырь и ея величества по душѣ отецъ, принялъ вольность просить русскую государыню, дабы она соизволила повелѣть отправить собственныхъ людей къ упомянутому монарху».

Къ сожалѣнію, просьба святѣйшаго патріарха осталась безъ удовлетворенія. Дѣло, какъ мы выше замѣтили, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ поступило 3-го марта 1752 года на разсужденіе Св. Сѵнода. На вступительной бумагѣ была сдѣлана здѣсь помѣта: «записавъ, предложить къ докладу въ скорости». Но такъ какъ составъ Св. Сѵнода въ описываемое время бывалъ большею частію не полный — именно: въ 1752 и 53 гг. въ немъ засѣдали иногда только по два епископа[1]), а дѣло это въ церковномъ отношеніи было очень важное и сложное, и, кромѣ того, предложенный вопросъ, по отсутствію въ то время въ нашемъ обществѣ необходимыхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, представлялъ весьма много трудностей для разрѣшенія его, то въ виду всего этого дѣло въ Св. Сѵнодѣ затянулось. По крайней мѣрѣ, офиціально оно слушалось только 3-го мая 1753 г., при чемъ присутствовавшіе тогда въ Сѵнодѣ на засѣданіи два епископа,

[1]) Въ 1752 г. въ мартѣ засѣдали: Симонъ, архіепископъ псковскій, Гавріилъ, епископъ коломенскій, Платонъ, еписк. владимірскій, и Иларіонъ крутицкій, а затѣмъ въ разное время до мая 1753 г. чередовались еще: Сильвестръ с.-петербургскій, Стефанъ, архіеп. новгородскій, Арсеній переяславскій, Дмитрій, еп. рязанскій, Платонъ, архіеп. московскій.

Иларіонъ крутицкій и Гавріилъ коломенскій, постановили: «отложить рѣшеніе его до полнаго Св. Сѵнода собранія» [1]). Въ такомъ положеніи вопросъ находился до 11-го января 1768 г., когда Св. Сѵнодъ, не получая болѣе ни откуда никакихъ запросовъ по означенному дѣлу, рѣшилъ считать его законченнымъ и подлежащимъ сдачѣ въ архивъ.

А. Львовъ.

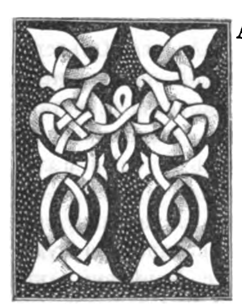

[1]) Это опредѣленіе подписано только 27-го августа того же года тѣми же двумя епископами.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. (1895 г.). Томъ восьмой. Спб. 1895 г.

АСТОЯЩІЙ ТОМЪ «Историческаго обозрѣнія» заслуживаетъ серьезнаго вниманія публики, такъ какъ здѣсь впервые мы знакомимся съ научной и литературной физіономіей редакціи, вкусами и симпатіями его главныхъ руководителей, почему и считаю необходимымъ остановиться дольше обыкновеннаго на разборѣ содержанія только-что вышедшаго VIII тома. «Историческое обозрѣніе» издается Историческимъ обществомъ, состоящимъ при Петербургскомъ университетѣ, и главныя его должностныя лица слѣдующія: предсѣдатель—проф. Н. И. Карѣевъ; товарищъ предсѣдателя—В. И. Семевскій; секретарь—В. А. Мякотинъ; казначей А. И. Браудо. «Обозрѣніе» раздѣлено на два отдѣла: въ первомъ помѣщены самостоятельныя статьи, во второмъ—нѣчто въ родѣ отчетности о жизни и дѣятельности общества. Изъ статей 1-го отдѣла можно отмѣтить изслѣдованіе С. А. Ризникова—«Опредѣленіе времени составленія одной безсудной грамоты Савво-Сторожевскаго монастыря на Крутицкій»; статью г. Карѣева—«Новый трудъ по теоріи исторіи», гдѣ авторъ знакомитъ насъ съ очень интересной новой книгой—«Lacombe. De l'histoire considerée comme science», а также обширный трудъ гг. Браудо и Мякотина—«Обзоръ литературы по русской исторіи за 1891 годъ». Статья г. Оденвальда «Историческая наука и ея значеніе для психологіи» является очень посредственнымъ отвѣтомъ на рецензію г. Влад. Соловьева («Вопросы философіи») по поводу взглядовъ г. Карѣева на задачи исторической науки и предназначена къ прославленію имени г. Карѣева рядомъ съ Боклемъ. Обзоръ гг. Браудо и

Мякотина трудъ очень кропотливый и старательный, хотя значительно запоздалый. Рецензировать въ 1895 году историческія статьи и книги за 1891 годъ не очень-то своевременно и можно пожелать на будущее время, чтобы почтенные рецензенты проявили бо̀льшую торопливость. Что касается до полноты «обзора», то таковая должна лечь на отвѣтственность составителей, такъ какъ провѣрить ее нѣтъ никакой возможности. Думается, однако, что тутъ не все обстоитъ благополучно: оба рецензента, совокупно, заявляютъ, что они не преслѣдовали цѣли «достиженія библіографической полноты», а немного дальше г. Браудо въ отдѣльности уже, безъ г. Мякотина, при обозрѣніи «сочиненій общаго содержанія» говоритъ о «большинствѣ пропусковъ и недосмотровъ», попадающихся въ его работѣ. Хотя авторы, какъ будто и извиняются въ чемъ-то передъ публикой, однако ихъ заявленіе о непреслѣдованіи цѣли полноты звучитъ странно и вызываетъ недоумѣніе: что̀ же они преслѣдовали и къ чему въ такомъ случаѣ было огородъ городить? Казалось бы, что въ подобнаго рода обозрѣніяхъ наиболѣе цѣны имѣетъ именно полнота, а они вотъ ея-то и избѣгаютъ. Почему? на это отвѣта не дается, какъ равно остается въ тайнѣ, что̀ же они преслѣдовали? Не совсѣмъ ясною рисуется и система, по которой дѣлался обзоръ; такъ, напримѣръ, библіографія раздѣлена на «сочиненія общаго содержанія» и «исторію Малороссіи». Почему сдѣлано такое раздѣленіе? Почему этнографическій элементъ легъ въ основаніе обозрѣнія и почему Малороссіи дано преимущество передъ другими областями? Не было ли бы болѣе справедливымъ, если ужъ брать этнографическій масштабъ за основаніе, выдѣлить и библіографію Сибири и Кавказа въ отдѣльныя рубрики? Въ такомъ случаѣ была бы соблюдена извѣстная историческая справедливость, а также достигнута выдержанность и принципіальность программы. Въ настоящее же время она отличается признаками случайности. Объясненіе такому странному построенію программы при нѣкоторой наблюдательности можно найти. Какъ увидитъ читатель далѣе, г. Мякотинъ, секретарь общества, напечаталъ въ «Русскомъ Богатствѣ» статью «Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи»; такъ вотъ, занимаясь исторіей Малороссіи, онъ, очевидно, ознакомился съ библіографіей предмета и вотъ ее-то, т.-е. эту библіографію, онъ и представилъ, какъ самостоятельную главу «обзора». Я ничего не имѣю противъ такого дѣйствія г. Мякотина, но удивляюсь главному редактору «Историческаго обозрѣнія», г. Карѣеву: какія случайности имѣютъ мѣсто въ его организаціи отдѣловъ! Г. Мякотинъ можетъ быть очень хорошимъ секретаремъ Историческаго общества, но, почему его научныя и журнальныя занятія ложатся въ основаніе систематическаго обозрѣнія исторической библіографіи, предназначеннаго для массы читателей, непонятно. Тутъ или редакціонная небрежность и отсутствіе сознательнаго отношенія къ дѣлу или явное пристрастіе. Я склоненъ видѣть послѣднее и, какъ читатели увидятъ далѣе, имѣю къ тому основаніе.

Второй отдѣлъ на этотъ разъ является нѣкоторымъ образомъ центральной частью VIII тома, и тутъ комитетъ «Историческаго общества», въ лицѣ гг. Карѣева, Семевскаго, Мякотина, справилъ, что называется, свои именины. Безтрепетно, радостно и далеко нескромно (чтобъ не сказать сильнѣе) они постарались прославить свои имена и поставить ихъ превыше всѣхъ ученыхъ и дѣятелей просвѣщенія. На это празднество были приглашены еще нѣкоторые немногіе гости—гг. Антоновичъ, Рубакинъ, Яроцкій, Карышевъ.

Празднество вышло для нихъ, вѣроятно, очень пріятное и веселое, но для посторонняго глаза комическое и болѣе чѣмъ странное. Просто не хочется вѣрить, чтобъ во второмъ отдѣлѣ участвовали люди серьезные, а скорѣе думается, что это какіе-то шутники, задавшіеся цѣлью посмѣшить публику. Дѣло все въ томъ, что въ этомъ отдѣлѣ имѣется pièce de résistance—«энциклопедическая программа для самообразованія» и «спеціальныя программы по русской исторіи и политической экономіи», составленныя «отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній»; вотъ въ составленіи этихъ-то программъ и принялъ самое дѣятельное участіе комитетъ Историческаго общества въ лицѣ гг. Карѣева, Семевскаго, Мякотина и названныхъ ихъ пріятелей и знакомыхъ. Необходимо отмѣтить, что раньше этихъ петербургскихъ ученыхъ и литераторовъ, въ Москвѣ кружокъ составилъ «Программы домашняго чтенія», встрѣченныя публикою чрезвычайно сочувственно. Примѣръ подобнаго рода программъ былъ почерпнутъ изъ жизни Англіи и Америки, гдѣ за послѣднее время замѣчается широкое движеніе съ цѣлью содѣйствія самообразованію тѣхъ лицъ, которыя не могли прослушать систематическаго университетскаго курса. У насъ, въ Россіи, починъ къ такого рода содѣйствію, въ которомъ чувствуется дѣйствительно значительный недостатокъ, показала Москва, и выработанныя мѣстными профессорами «программы» нельзя не признать, какъ первый шагъ въ этомъ направленіи, чрезвычайно удачными. Комиссія, поработавшая въ этихъ видахъ, отнеслась къ дѣлу внимательно, при чемъ главные участники этой комиссіи отмежевали себѣ и своимъ научно-литературнымъ трудамъ очень скромное мѣсто. Соображенія практическаго свойства не позволили имъ дать сразу одну программу общеобразовательнаго чтенія по всѣмъ отдѣламъ знанія, почему они предпочли выработать рядъ программъ, указавъ необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго нельзя познакомиться съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сколько нибудь основательно. Эта почтенная работа оказалась настолько удовлетворяющею запросамъ публики, что въ самое короткое время потребовалось уже ея второе изданіе. Недостатокъ «программъ», если только это слово въ данномъ случаѣ подходяще, тотъ, что онѣ ужъ черезчуръ детальны и масса поставленныхъ къ усвоенію вопросовъ слишкомъ рябитъ глаза и требуетъ излишняго напряженія труда и вниманія; но это еще полбѣды и при наличности нѣкотораго образовательнаго ценза изъ этихъ вопросовъ можно легко выбрать наиболѣе интересное и заслуживающее вниманія. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе московскихъ программъ, и лицамъ, интересующимся вопросами самообразованія, можно смѣло рекомендовать ознакомиться съ ними въ оригиналѣ; въ проигрышѣ отъ этого читатели не будутъ. Помимо всѣхъ достоинствъ программъ, какъ я уже выше замѣтилъ, отличительное ихъ достоинство—скромность составителей, въ числѣ которыхъ встрѣчаются такія крупныя имена, какъ профессоровъ—Виноградова, Грота, Милюкова, Чупрова и другихъ.

Иначе отнеслись къ таковой же задачѣ петербургскіе дѣятели науки и литературы. Задавшись цѣлью отнять лавры у московскихъ собратьевъ, они приступили къ своей работѣ много смѣлѣе и развязнѣе. Организовавъ при педагогическомъ музеѣ «отдѣлъ для содѣйствія самообразованію», они скомплектовали его изъ слѣдующихъ лицъ: М. Антоновича, В. Беренштама, И. Боргмана, П. Каптерева, Н. Карышева, Н. Карѣева, Н. Котля-

ревскаго, Н. Меншуткина, В. Мякотина, И. Павлова, Л. Пантелѣева, А. Скабичевскаго, В. Семевскаго, В. Сиповскаго, Н. Рубакина, П. фанъ-деръ-Флита, и В. Яроцкаго. Товарищемъ председателя былъ избранъ профессоръ Карѣевъ, секретаремъ—В. Семевскій. Въ теченіе одного сезона гг. члены «отдѣла» успѣли выработать программу «энциклопедическую» и двѣ спеціальныя—по русской исторіи и по политической экономіи; такимъ образомъ, ту работу, которую московскіе ученые нашли трудно выполнимою вслѣдствіе сложности и отвѣтственности дѣла, т.-е. выработку общеобразовательной или энциклопедической программы, ихъ петербургскіе собратья преодолѣли чрезвычайно скоро и легко. Въ этихъ видахъ они подѣлили предметы научнаго знанія между спеціалистами слѣдующимъ образомъ: истинные спеціалисты, гг. Меншуткинъ, Боргманъ, фанъ-деръ-Флитъ и Павловъ, взяли на себя только часть отдѣла естественныхъ наукъ, имъ подвѣдомственныхъ: физику, химію, анатомію и физіологію человѣка; по остальнымъ же предметамъ въ той же области научнаго знанія оказались совершенно неожиданно спеціалистами гг. Антоновичъ и Рубакинъ. Эти два публициста отмежевали себѣ слѣдующіе семь предметовъ: геологію, астрономію, физическую географію, ботанику, зоологію, общую физіологію и физическую антропологію. Неправда ли, какъ разносторонни познанія гг. Антоновича и Рубакина? До сихъ поръ читающая публика знала этихъ господъ, какъ болѣе или менѣе бойкихъ и даровитыхъ публицистовъ; одного—въ шестидесятыхъ годахъ по его громкой и не совсѣмъ удачной полемикѣ съ Писаревымъ, другого въ наши дни по остроумнымъ фельетонамъ въ «Новомъ Времени» и прекрасной книжкѣ «Этюды о русской читающей публикѣ», о которой въ настоящемъ № «Историческаго Вѣстника» помѣщена цѣлая статья. Когда успѣли эти дѣятели литературы запастись такими широкими познаніями въ наукахъ, на изученіе каждой изъ коихъ потребна чуть ли не вся жизнь,—остается неизвѣстнымъ. Неужели г. Карѣевъ изъ числа своихъ товарищей по университетскому преподаванію не нашелъ никого болѣе подходящимъ для произнесенія вѣскаго слова по литературѣ семи предметовъ естествознанія? Кажется, въ Петербургскомъ университетѣ еще имѣются профессора, компетентность которыхъ стоитъ въ этомъ отношеніи внѣ сомнѣнія; стоитъ лишь назвать хотя бы гг. Бекетова, Иностранцева, Глазенапа, Вагнера и нѣкоторыхъ другихъ, чтобъ a priori рѣшить, что эти ученые болѣе свѣдущи въ естествознаніи, чѣмъ критикъ 1860-хъ годовъ — г. Антоновичъ и молодой начинающій публицистъ—г. Рубакинъ. Но что-то помѣшало гг. членамъ «отдѣла для содѣйствія самообразованію» раздѣлить свой трудъ съ настоящими спеціалистами дѣла; отсюда получилось такое комическое явленіе, что, говоря въ программѣ объ «исторіи земли (геологіи)», гг. Антоновичъ и Рубакинъ, назвавъ въ числѣ источниковъ предмета сочиненія Гельмгольца и Тиндаля, упраздняютъ этихъ ученыхъ и говорятъ: вмѣсто нихъ, можно ограничиться двумя статьями г. Антоновича «Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и Повѣнецкомъ уѣздѣ», напечатанными въ «Горномъ журналѣ» за 1878 г. Какъ вамъ это нравится: Гельмгольцъ и Тиндаль совмѣщены въ одномъ г. Антоновичѣ! Подумаешь, какія сокровища сокрыты въ «Горномъ журналѣ», и какія силы таитъ въ себѣ критикъ 1860-хъ годовъ! Любопытна здѣсь также развязность обращенія съ публикой. Извольте-ка въ какомъ нибудь Задонскѣ, Ейскѣ, Шемахѣ и другихъ подобныхъ городахъ выписать для самообразованія «Горный журналъ»

за 1878 г.! Г. Антоновичъ выказываетъ свою компетентность, какъ спеціалистъ по естествознанію, и въ другомъ еще отношеніи. Онъ тряхнулъ стариной, сдунулъ пыль со своей научной библіотеки и извлекъ на свѣтъ Божій тѣ сочиненія, которыми онъ, повидимому, упивался во дни молодости; онъ рекомендуетъ современной публикѣ тѣ научныя сочиненія, которыя относятся къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ, когда онъ, въ качествѣ передового публициста, храбро ратовалъ во имя послѣдняго слова науки. Карлъ Фогтъ изд. 1863 г., Льюисъ изд. 1867 г., Э. Брандтъ изд. 1873 г. и друг.—вотъ тѣ почтенные ветераны науки, ему милые и давно знакомые, которыми онъ угощаетъ читателей 1895 г. Точно съ тѣхъ поръ наука замерла, не сдѣлала никакого шага впередъ. Г. Антоновичъ производитъ впечатлѣніе, точно ничего не забылъ со времени 1860-хъ годовъ, но ничему съ тѣхъ поръ и не научился... Мнѣ не понятна только, какая во всемъ этомъ эпизодѣ съ естественными науками роль г. Рубакина: произвелъ онъ себя въ спеціалисты по семи предметамъ отъ наивности, или шутки ради? Я лично склоненъ къ послѣднему предположенію, такъ какъ, помѣстившись рядомъ съ г. Антоновичемъ подъ сѣнью семи наукъ, онъ тѣмъ усугубилъ комизмъ этой части программы и подчеркнулъ все тщеславіе своего товарища по работѣ.

Не благополучнѣе обстоитъ дѣло съ г. Карѣевымъ. Онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на пространствѣ программы нѣсколько разъ. Во-первыхъ, онъ—главный руководитель всѣхъ занятій «отдѣла», во-вторыхъ онъ вмѣщаетъ въ себѣ спеціализацію по всѣмъ юридическимъ наукамъ и, наконецъ, является prima persona въ отдѣльныхъ рубрикахъ—и по изученію соціологіи, и по изученію всеобщей исторіи. Разносторонность знаній профессора Карѣева въ данномъ случаѣ поразительна: онъ воистину всевѣдущъ, при чемъ, конечно, его сочиненія въ программѣ занимаютъ доминирующее положеніе. Какъ профессоръ всеобщей исторіи, онъ ставитъ центромъ всѣхъ знаній «историзмъ», а отсюда, какъ прямое слѣдствіе,—его выдающаяся роль въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія. Идетъ, напримѣръ, рѣчь о занятіяхъ соціологіей, и г. Карѣевъ изъ 24 сочиненій по этой отрасли знанія рекомендуетъ 12 своихъ; остальныя являются какъ бы придаткомъ, дополненіемъ къ его трудамъ. Бокль, Михайловскій, Спенсеръ, Льюисъ... но главнымъ образомъ онъ—Н. И. Карѣевъ. Прошу послѣдовать далѣе и заглянуть въ программу по всеобщей исторіи: она вся испещрена ссылками и рекомендаціями сочиненій г. Карѣева, при чемъ кардинальное положеніе отведено его труду—«Исторія западной Европы», доведенной лишь до 1830 г. Пусть, однако, читатели и лица, стремящіяся къ самообразованію, не приходятъ въ отчаяніе, что ихъ знанія ограничены 1830 г.: профессоръ Карѣевъ спѣшитъ съ словомъ утѣшенія—онъ доведетъ трудъ по новой исторіи и до 1871 г.! Крупные европейскіе ученые, переведенные и на русскій языкъ, не могутъ дать читателямъ тѣхъ знаній по всеобщей исторіи, которыя легко извлекаются изъ сочиненій предсѣдателя Историческаго общества, почему онъ и дѣлаетъ въ программѣ до 18 ссылокъ на разныя свои произведенія и отдѣльныя въ нихъ главы. Мало того, когда вы углубляетесь въ программу по изученію политической экономіи, то и тутъ вы не можете избѣгнуть профессора Карѣева и встрѣчаете такое указаніе: «исторія хозяйственнаго быта новаго времени достаточно ясно очерчивается работами Гельда, г. Янжула и г. Карѣева». Всюду г. Карѣевъ—онъ положительно всеобъемлющъ

и вездѣсущъ! Онъ руководитъ всѣми занятіями «отдѣла для содѣйствія самообразованія», онъ является главнымъ представителемъ особыхъ рубрикъ программъ (всѣ юридическія науки, соціологія, всеобщая исторія), его сочиненія проведены красной нитью по всей программѣ, наконецъ, и самая программа эта и всѣ занятія «отдѣла являются только «приложеніемъ» къ реферату Н. И. Карѣева «объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія» Меня удивляетъ только невѣдѣніе московскихъ ученыхъ, создавшихъ «программы домашняго чтенія»: они не сочли нужнымъ нигдѣ рекомендовать г. Карѣева и, повидимому, совершенно не склонны отводить ему того почетнаго мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое онъ самъ себѣ отводитъ. Странное съ ихъ стороны заблужденіе,—по счастью, однако, оно въ настоящее время исправлено самимъ г. Карѣевымъ! Можно, такимъ образомъ, порадоваться и за успѣхи русскаго самообразованія, и за г. Карѣева.

Но г. Карѣевъ, какъ руководитель «отдѣла», великодушенъ и забираетъ себѣ не всю славу и успѣхъ отечественнго просвѣщенія; онъ дѣлится въ этомъ отношеніи съ гг. Семевскимъ и Мякотинымъ. Г. Семевскій, въ качествѣ секретаря при г. Карѣевѣ, и въ роли товарища предсѣдателя Историческаго общества занимаетъ въ «отдѣлѣ», очевидно, вліятельное положеніе и, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, спѣшитъ не отстать отъ него въ дѣлѣ прославленія своего имени. Такъ, руководя составленіемъ программы по русской исторіи, онъ выдѣляетъ изученіе исторіи «крестьянъ и крестьянскаго вопроса» въ отдѣльную рубрику и всю ее посвящаетъ своимъ собственнымъ произведеніямъ. Изъ шести сочиненій по этому предмету онъ шесть же разъ называетъ самого себя. Почтенный изслѣдователь чувствуетъ весь комизмъ такой рекомендаціи; онъ понимаетъ, что врядъ ли средній читатель, для котораго собственно и назначены программы, будетъ въ состояніи осилить такую порцію одного и того же автора. Тогда г. Семевскій, чтобы не упустить, однако, читателя, спѣшитъ его успокоить; онъ говоритъ: «для неимѣющихъ возможности читать всѣ отмѣченныя звѣздочкой монографіи, авторъ составилъ небольшую статью, въ которой изложилъ главные выводы изъ своихъ трудовъ о бытѣ крестьянъ этого времени. Статья эта будетъ скоро напечатана». Какъ утѣшительно такое обѣщаніе: статья будетъ напечатана! Такимъ образомъ, какъ читатель можетъ убѣдиться, гг. Карѣевъ и Семевскій усиленно угощаютъ публику не только своими настоящими сочиненіями, но и будущими: одинъ доведетъ свой трудъ до 1871 г., другой экстрактъ изъ своихъ прежнихъ работъ напечатаетъ... Воистину трогательное вниманіе къ своей научной дѣятельности! Г. Семевскій рекомендуетъ, при изученіи русской исторіи, не только свои напечатанныя или имѣющія быть напечатанными произведенія, но указываетъ даже на свои «литографированныя лекціи», лѣтъ десять тому назадъ читанныя въ Петербургскомъ университетѣ. подумаешь, какъ полезно подобное указаніе провинціальному читателю! Вѣдь приходится волею-неволею предпринять цѣлое паломничество въ столичную публичную библіотеку, гдѣ, можетъ быть, хранятся эти драгоцѣнныя лекціи по русской исторіи г. Семевскаго.

Но если гг. Карѣевъ и Семевскій имѣютъ хоть какое нибудь основаніе (прошу не смѣшивать съ правомъ) парадировать передъ публикою въ блескѣ (!) своей научной славы, то, казалось бы, г. Мякотинъ не имѣетъ никакого на то основанія. Однакоже на дѣлѣ оказывается иначе и молодой уче-

ный спѣшитъ послѣдовать примѣру своихъ старшихъ собратьевъ. Примѣръ оказывается заразительнымъ, и г. Мякотинъ тщится всюду, при удобномъ и неудобномъ случаѣ, заявить о своемъ существованіи. Про него, по справедливости, можно сказать: «изъ молодыхъ, да ранній». Судите сами. Научный багажъ г. Мякотина, какъ извѣстно, пока очень невеликъ: онъ напечаталъ кажется, всего двѣ брошюры, одна изъ коихъ принадлежитъ «библіографической библіотекѣ Павленкова» — «Протопопъ Аввакумъ», и, кромѣ того, помѣстилъ двѣ-три статьи въ журналахъ. Послѣдняя его статья—«Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи» («Русское Богатство» 1894 г. №2—4). Основываясь на этихъ научныхъ данныхъ, онъ, въ качествѣ секретаря при гг. Карѣевѣ и Семевскомъ по Историческому обществу, конечно, явился дѣятельнымъ членомъ и въ «отдѣлѣ» и былъ прикомандированъ къ г. Семевскому для составленія программъ энциклопедической и спеціальной по русской исторіи. Командировка оказалась выгодною, и г. Мякотинъ постарался, гдѣ только возможно, вставить въ программахъ свое собственное имя—«В. Мякотинъ». Такъ, утверждая, что въ нашей литературѣ не имѣется пока ни одного труда, охватывающаго главные вопросы русской жизни въ одной общей картинѣ, онъ, однако, находитъ возможнымъ дать нить къ выходу изъ столь затруднительнаго положенія указаніемъ на «читанный имъ въ Александровскомъ лицеѣ въ 1891—92 гг. курсъ русской исторіи, главное содержаніе котораго относится къ XVIII вѣку, но гдѣ есть и введеніе, охватывающее XVI—XVII вв.». «Къ сожалѣнію, однако,—сказано далѣе въ программахъ,—всѣ эти (его и еще двухъ профессоровъ Московскаго университета) курсы въ продажѣ не находятся и, слѣдовательно, могутъ быть доступны развѣ посѣтителямъ публичныхъ библіотекъ Петербурга и Москвы». Изъ другого мѣста мы узнаемъ, что лекціи г. Мякотина напечатаны, но не изданы. Какъ вамъ нравится скромность молодаго преподавателя Александровскаго лицея? Онъ рекомендуетъ всей Россіи свои неизданныя лекціи, при чемъ выражаетъ сожалѣніе, что онѣ не имѣются въ продажѣ, и называетъ ихъ охватывающими всѣ главныя стороны русской жизни! Какіе счастливые воспитанники Александровскаго лицея, что слушаютъ такого талантливаго преподавателя, который, какъ и значится въ программѣ, стоитъ по своему значенію рядомъ съ профессорами Ключевскимъ и Милюковымъ! Но при этомъ, какъ эгоистиченъ г. Мякотинъ, отпечатавъ свои лекціи и не пустивъ ихъ въ продажу! Вѣроятно, онъ желаетъ выступить передъ публикою одновременно съ гг. Карѣевымъ и Семевскимъ, когда первый доведетъ свой трудъ по всеобщей исторіи до 1871 г., а второй сдѣлаетъ экстрактъ изъ своихъ сочиненій по крестьянскому вопросу... Г. Мякотинъ настолько ретивъ къ своей ученой карьерѣ, что, воспользовавшись статьей, напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ», спѣшитъ дѣлать на нее указанія по нѣсколько разъ. Вы желаете ознакомиться съ исторіей «Малороссіи въ XVII вѣкѣ»,—смотрите статью г. Мякотина «Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи» («Р. Б.» 1894 г. № 2); вы интересуетесь исторіей «Малороссіи и казачества въ XVIII в.»—изучайте ту же статью (№ 2—4). Не напоминаетъ ли это то «ласковое телятко, что̀ двухъ матокъ сосетъ»? У г. Мякотина ничто не пропадаетъ даромъ и онъ рекомендуетъ даже свою посредственную біографію Аввакума для изученія «роли церкви въ древней Руси и начала раскола». Молодой ученый былъ въ сообществѣ съ г. Враудо много застѣнчивѣе; тамъ онъ находилъ возможнымъ допустить съ своей стороны «пропуски и пробѣлы», въ

компаніи же гг. Карѣева и Семевскаго онъ много развязнѣе и почерпаетъ въ примѣрѣ своихъ руководителей способность усиленнымъ образомъ себя рекламировать. Результаты дурного вліянія здѣсь на лицо.

Немного утѣшительнаго представляютъ собою программы по изученію политической экономіи и русской литературы. Первая составлена гг. Карышевымъ и Яроцкимъ, почему эти почтенные составители и не преминули рекомендовать публикѣ другъ друга: Карышевъ—Яроцкій, Яроцкій—Карышевъ, при чемъ попутно не забыли упомянуть и гг. Карѣева, Семевскаго и Мякотина. Съ программой же по русской литературѣ, составленной гг. Котляревскимъ и Скабичевскимъ, случилось нѣчто совсѣмъ странное. Здѣсь рекомендованы разборы литературныхъ памятниковъ, а самое изученіе памятниковъ не признано нужнымъ. Авторы указываютъ на статью Добролюбова по разбору «Грозы» Островскаго, «Обломова» Гончарова, но ни то, ни другое произведеніе не называютъ въ отдѣлѣ, предназначенномъ къ обязательному прочтенію. Гончаровъ вообще совсѣмъ почему-то выкинутъ изъ программы. Михайловъ-Шеллеръ, Слѣпцовъ, Боборыкинъ и другіе авторы указаны, а Гончаровъ обойденъ молчаніемъ! Очевидно, составители программы считаютъ его ничтожнымъ. Изъ произведеній Тургенева названо всего семь произведеній, изъ Достоевскаго—четыре; изъ Ан. Чехова указаны большія его вещи, а маленькіе разсказы, гдѣ именно его талантъ обнаруживается во всемъ блескѣ, не названо ни одно. Печать небрежности ярко обрисовывается на программѣ по русской литературѣ, и она производитъ впечатлѣніе, будто составители написали ее, лишь бы поскорѣе отдѣлаться отъ возложенной на нихъ задачи. По счастью, по крайней мѣрѣ здѣсь не названы имена ни г. Карѣева, ни г. Семевскаго, ни г. Мякотина; правда, эти писатели беллетристикой ни разу не грѣшили, но развѣ имъ трудно было обѣщать публикѣ: мы издадимъ!.. Приходится въ настоящемъ случаѣ благодарить и за это гг Котляревскаго и Скабичевскаго—по крайней мѣрѣ, они сохранили свою самостоятельность и исключили комическій элементъ изъ программы.

Надѣюсь, читатели «Историческаго Вѣстника» не въ претензіи на меня, что я такъ долго остановился на разсмотрѣніи дѣятельности «отдѣла для содѣйствія самообразованію». Такія явленія, какъ разобранныя программы, не должны проходить незамѣченными публикой. Она должна знать, что ей преподносятъ подъ фирмою серьезнаго дѣла ея непризванные руководители. Вѣдь, пожалуй, гг. Карѣевъ, Семевскій и К° издадутъ свои программы отдѣльной брошюрой, введутъ читателей въ заблужденіе и расходы. Пусть же эти читатели заранѣе знаютъ, что петербургскія программы не серьезное и добросовѣстное дѣло. Какъ назвать ихъ—шуткой или чѣмъ нибудь инымъ? затрудняюсь сказать, но какой-то невѣдомый голосъ подсказываетъ мнѣ какъ будто истинное слово: реклама, реклама!..

Б. Глинскій.

Русскія былины старой и новой записи. Подъ редакціей академика Н. С. Тихонравова и проф. В. Ө. Миллера. Москва. 1895 г.

Названный сборникъ былинъ, изданіе котораго составляетъ заслугу этнографическаго отдѣла общества естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ, заключаетъ въ себѣ: былины, вошедшія въ разнообразныя этнографическія изданія, былины новой записи С. И. Гу-

ляева, Ѳ. М. Истомина, Г. И. Куликовскаго, С. И. Лапшина, Е. В. Барсова и С. П. Писарева, наконецъ старыя записи былинъ XVII и XVIII столѣтій. Цѣль изданія—собрать въ одну книгу былины, не вошедшія въ большія собранія Рыбникова, Кирѣевскаго и Гильфердинга и разбросанныя въ изданіяхъ, иногда мало извѣстныхъ и мало доступныхъ. Н. С. Тихонравову принадлежитъ редакція первой части сборника—былинъ старой записи XVII и XVIII вѣка. Тексты взяты изъ рукописей Императорской публичной библіотеки, И. Е. Забѣлина, Ѳ. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, Московскаго публичнаго музея и А. И. Станкевича. Въ числѣ приложеній къ этой части перепечатано изслѣдованіе Тихонравова «Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка». Тексты былинъ изданы со всею тщательностью, съ полнымъ сохраненіемъ правописанія и сокращеній подлинника. Впрочемъ, сохраненіе ошибокъ, несомнѣнныхъ неправильностей правописанія, надстрочныхъ буквъ—представляется даже излишнимъ въ отношеніи къ столь позднимъ рукописямъ. Правило «издавать тексты, хотя бы раньше напечатанные, только по сличеніи ихъ съ рукописями» было причиною того, что въ сборникъ не внесено «Богатырское слово», опубликованное Е. В. Барсовымъ, такъ какъ редакторы были лишены возможности получить отъ владѣльца самую рукопись этой былины. «Богатырское слово» Е. Барсова представляетъ варіантъ изданнаго въ сборникѣ (стр. 47—53) по рукописи Ѳ. И. Буслаева «Сказанія о семи русскихъ богатыряхъ». Въ настоящее время первая часть разсматриваемой книги можетъ быть пополнена побывальщиной объ Ильѣ Муромцѣ, изданной г. Протопоповымъ въ «Живой Старинѣ» (1894, вып. I).

Во второй части—былинъ новой записи болѣе 80 номеровъ; изъ нихъ 34 являются въ печати впервые. Нѣсколько былинъ, не вошедшихъ сюда, находимъ въ появившемся одновременно изданіи Императорскаго русскаго географическаго общества «Пѣсни русскаго народа въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, записанныя Ѳ. М. Истоминымъ и Р. О. Дютшемъ». Въ этой части мы ожидали найти разсмотрѣніе подложныхъ, по нашему мнѣнію, былинъ 1) Янъ Ушмовичъ, 2) Женитьба князя Владиміра, записанныхъ со словъ Якова Питерца крестьяниномъ Артыновымъ («Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», 1882, III, Воспоминанія крестьянина Артынова, стр. 155 и сл.). Сочиненность этихъ былинъ доказывается появленіемъ неизвѣстнаго по другимъ былинамъ богатыря, необычными эпитетами и книжнымъ языкомъ.

Въ приложеніяхъ помѣщено нѣсколько преданій о богатыряхъ. Дополнить ихъ можно бы было нѣкоторыми данными, находящимися въ «Замѣткахъ о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» М. А. Колосова (стр. 309, см. «Сборникъ отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ», т. XVII). Характерны также въ названныхъ «Замѣткахъ» двѣ сказки: одна «О богатырѣ Осипѣ Прекрасномъ» повторяетъ нѣкоторые эпизоды подвиговъ Ильи Муромца (встрѣчаются въ ней: Кіевъ-градъ, рѣчка Ребинова, Соловей-разбойникъ, двѣнадцать богатырей при царѣ русскомъ, не вѣрящихъ подвигамъ Осипа Прекраснаго); другая—«Богатыри Алеша Поповичъ и Никита Добрыничъ», говорящая о борьбѣ съ Идоломъ Идолищемъ, потеряла серьезный характеръ и тонъ былины и подходитъ къ циклу сказокъ шуточныхъ, «не любо—не слушай». Обѣ сказки представляютъ любопытный процессъ измѣненія народнаго творчества, благодаря которому

серьезная «пѣсня-быль» перешла въ шуточную «сказку-складку», выкидывать изъ которой и прибавлять нисколько незазорно...

Разсматриваемое изданіе, главнымъ редакторомъ котораго былъ В. Ѳ. Миллеръ, выполнено очень старательно. Въ концѣ книги приложены подробные объяснительные указатели предметовъ и именъ. Для русскаго изданія памятниковъ народнаго творчества это большая рѣдкость. Нелишнимъ считаемъ отмѣтить неблагопріятныя обстоятельства, замедлявшія выходъ въ свѣтъ настоящаго очень важнаго изданія московскаго этнографическаго общества. Публикаціи о немъ появились еще два года тому назадъ; замедленіе въ выходѣ его произошло отъ того, что болѣе трети уже отпечатанной книги и значительная часть оригинала сгорѣли вмѣстѣ съ типографіей Левенсона въ 1892 году; пришлось приготовлять новыя копіи текстовъ былинъ, начинать изданіе сызнова. Въ концѣ же 1893 года умеръ одинъ изъ редакторовъ, Н. С. Тихонравовъ, не вполнѣ закончивъ свой отдѣлъ. Изданіе было закончено, благодаря энергіи профессора В. Ѳ. Миллера.

Арк. Л—нко.

А. Смитъ. Изслѣдованія о богатствѣ народовъ. Пер. Щепкина. Москва. 1895 г.

Книга эта составляетъ первый выпускъ издаваемой К. Т. Солдатенковымъ «Библіотеки экономистовъ». Цѣль этого изданія очень симпатична и находится въ связи съ столь же симпатичнымъ почином московскаго общества распространенія техническихъ знаній, при учебномъ отдѣлѣ котораго учреждена спеціальная коммиссія для организаціи домашняго чтенія и разработки соотвѣтственныхъ программъ. До какой степени сильна потребность лицъ, ищущихъ самообразованія, въ такихъ программахъ,—показываетъ фактъ, что первое изданіе «Программъ» коммиссіи разошлось въ теченіе одного мѣсяца въ числѣ 4,800 экземпляровъ и немедленно потребовалось второе изданіе. Въ то же время выяснилось, однако, что составители программъ встрѣтили большое затрудненіе: оказалось, что по многимъ спеціальностямъ не хватаетъ подходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ. Пришлось рекомендовать книги на иностранныхъ языкахъ—нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, а далеко не всѣ лица, ищущія самообразованія, владѣютъ иностранными языками, и слѣдовательно программы для нихъ во многихъ случаяхъ безполезны. Чтобы прійти имъ на помощь въ этомъ отношеніи, редакторы «Библіотеки экономистовъ», гг. Щепкинъ и Вернеръ, задумали переводить съ надлежащими дополненіями и измѣненіями появляющуюся за послѣдніе годы въ Парижѣ «Маленькую экономическую библіотеку» извѣстной издательской фирмы Гильомена. Въ составъ этого изданія входятъ выдающіеся экономисты въ сокращенномъ изложеніи, при чемъ, однако, принято за правило излагать ихъ не «своими словами», а въ дословныхъ выпискахъ, «цѣльными главами, параграфами, отдѣлами или даже страницами, исключая изъ сочиненій каждаго писателя все то, что было полнѣе или вѣрнѣе разработано другими экономистами».

Намъ кажется, что тутъ именно и заключается слабый пунктъ парижской библіотеки, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и переводной, русской. Если исключать изъ сочиненій каждаго писателя все то, что полнѣе или вѣрнѣе разработано

его преемниками, то исключать придется очень много, такъ много, что, пожалуй, и читать ничего не останется. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитую теорію раздѣленія труда, впервые блестящимъ образомъ разработанную А. Смитомъ. Громадная заслуга отца политической экономіи въ этомъ отношеніи несомнѣнна. Но первый его шагъ въ разъясненіи этой теоріи, какъ онъ ни былъ для своего времени значителенъ, все-таки является только первымъ шагомъ; за нимъ послѣдовали другіе, освѣтившіе «полнѣе или вѣрнѣе» теорію раздѣленія труда, и человѣкъ, желающій уяснить себѣ эту теорію, конечно, на А. Смитѣ остановиться не можетъ. А въ чемъ нуждается всякій образованный человѣкъ? Именно въ томъ, чтобы знать современное положеніе этого вопроса. Словомъ, его менѣе интересуетъ, какъ наука пришла къ тѣмъ или другимъ выводамъ; для него существенны самые выводы, потому что они главнымъ образомъ даютъ ему возможность составить себѣ общее міросозерцаніе, т.-е. удовлетворить сильно ощущаемой внутренней потребности жить сознательно, приложить свои силы къ наиболѣе плодотворному на его взглядъ дѣлу. Для спеціалиста, для лица, самостоятельно изучающаго данную науку, процессъ, путемъ котораго вырабатываются тѣ или другіе выводы, имѣетъ первостепенное значеніе; не спеціалистъ, въ силу вещей, долженъ довольствоваться простымъ изученіемъ этихъ выводовъ, предоставляя ихъ разработку спеціалистамъ. Поэтому систематическое изложеніе выводовъ, къ которымъ пришла та или другая наука, будетъ для него интереснѣе, поучительнѣе и полезнѣе эпизодическаго, какимъ является изложеніе въ такихъ изданіяхъ, какъ парижская «Маленькая экономическая библіотека». Другими словами, лица, ищущія самообразованія, нуждаются, главнымъ образомъ, въ толково и объективно составленной исторіи политической экономіи съ точнымъ указаніемъ, какой экономистъ полнѣе и лучше всего разработалъ тотъ или другой вопросъ, входящій въ составъ этой науки. Намъ кажется, что составленіемъ подобнаго руководства была бы оказана учащейся молодежи и всѣмъ лицамъ, ищущимъ самообразованія, несравненно болѣе существенная услуга, чѣмъ голымъ перечнемъ книгъ, по большей части недоступныхъ широкой публикѣ, или сокращеннымъ изложеніемъ обширныхъ трудовъ экономистовъ, какое представляетъ «Библіотека экономистовъ».

Что касается спеціально до перваго выпуска этой библіотеки, посвященнаго Адаму Смиту, то въ него вошли краткое описаніе жизни и трудовъ знаменитаго отца политической экономіи по Бланки и Курсель-Сенелю и затѣмъ сокращенное изложеніе его «Изслѣдованій о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Все это составило небольшой томикъ въ 15 листовъ, за который лицамъ, ищущимъ самообразованія, придется уплатить одинъ рубль. Это—цѣна, несомнѣнно, слишкомъ высокая. Вся «Библіотека экономистовъ» составитъ, вѣроятно, до 30 выпусковъ; такимъ образомъ за одно знакомство съ выдающимися экономистами придется уплатить до 30 рублей, въ то время, какъ другія книги, равняющіяся по своему объему такимъ 30 выпускамъ, обходятся читателю иногда не дороже 2—3 рублей. Переводъ также мѣстами очень неудовлетворителенъ. Вотъ какъ, напримѣръ, выражается Адамъ Смитъ, когда на него находятъ приступы священнаго негодованія: «Насиліе и несправедливость тѣхъ, кто правитъ міромъ, составляетъ очень большое зло... Но наука... алчность, монотонный духъ купцовъ и фабрикантовъ, которые не господствуютъ, да и не должны господствовать надъ

міромъ, хотя и представляютъ собою, можетъ быть, неисправимые пороки, однако можно очень легко не дать имъ возмущать ничей покой, кромѣ тѣхъ, которые добровольно предаются этимъ порокамъ». Въ такомъ изложеніи приступъ священнаго негодованія можетъ вызвать только улыбку соболѣзнованія. Р. С.

Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1895 г.

Книжка, названіе которой мы здѣсь выписали, представляетъ сжатое, но толковое и популярное изложеніе части сочиненія американскаго ученаго Моргана «О древнемъ обществѣ», трактующей о происхожденіи и развитіи семьи. Вопросъ этотъ, одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ въ наукѣ объ обществѣ, какъ извѣстно, далеко не принадлежитъ къ числу окончательно рѣшенныхъ. Главные выводы Моргана сводятся къ слѣдующему. Въ первобытномъ состояніи, предшествовавшемъ образованію семьи, господствовала полная свобода половыхъ сношеній внутри племени. Первымъ шагомъ къ образованію семьи было исключеніе половыхъ сношеній между родителями и дѣтьми. «Это первая организованная форма общества и первый фазисъ въ развитіи семьи» (стр. 11). Второй шагъ въ развитіи семьи заключался въ исключеніи половыхъ сношеній между братьями и сестрами, сначала съ материнской стороны, впослѣдствіи и съ отцовской. Многоженство представляетъ третью стадію въ развитіи семьи. Наконецъ, моногамная семья является четвертою и послѣднею стадіею этой эволюціи. «Окончательная побѣда ея есть одинъ изъ признаковъ начинающейся цивилизаціи» (стр. 25). Только съ утвержденіемъ моногаміи «сталъ возможенъ величайшій нравственный прогрессъ, какимъ мы обязаны моногаміи, и который развивался то внутри ея, то рядомъ съ ней, то вопреки ей, а именно новѣйшая индивидуальная половая любовь, которая осталась неизвѣстною всѣмъ предыдущимъ эпохамъ» (стр. 28). Въ развитіи моногамной семьи Морганъ видитъ прогрессъ въ смыслѣ приближенія къ окончательному равноправію половъ.

П. А.

Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій, вѣдавшихъ строительное дѣло, и обученіе ему. Составленъ В. Гамбурцевымъ. Москва. 1895 г.

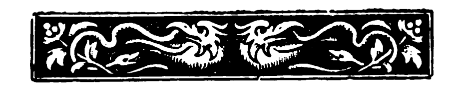
Въ царствованіе Іоанна Грознаго въ Москвѣ, по иниціативѣ Бориса Годунова, былъ устроенъ такъ-называемый «Каменный приказъ» для завѣдыванія каменными постройками, которыя правительство желало болѣе распространить, чтобы избѣжать частыхъ и губительныхъ пожаровъ. Приказу были подчинены пріѣзжіе изъ-за границы архитекторы, или мастера, подмастерья каменнаго дѣла (подъ этимъ скромнымъ названіемъ слѣдуетъ подразумѣвать также архитекторовъ), каменщики, кирпичники, каменныя ломки, кирпичные и гончарные заводы. Несмотря на учрежденіе Каменнаго приказа и на подготовку въ немъ архитекторовъ, строительное дѣло въ Москвѣ мало развивалось, благодаря отсутствію постоянной, правильно устроенной школы архитектурнаго искусства. При Петрѣ Великомъ вмѣсто Камен-

наго приказа была учреждена «Канцелярія строеній», на которую возложено завѣдываніе постройками по всей Россіи и подготовленіе знающихъ свое дѣло архитекторовъ. Опять-таки и при этой Канцеляріи постоянной школы мы не находимъ, обученіе же архитекторовъ производилось часто практическимъ образомъ, какъ говорится, «съ рукъ», подобно тому, какъ передается ремесло отъ мастера къ подмастерью. Отсюда явилось названіе архитекторскихъ учениковъ, которые составляли изъ себя такъ-называемыя архитекторскія команды, соотвѣтствовавшія архитектурнымъ школамъ. Значительный толчекъ развитію у насъ спеціально-строительнаго образованія былъ данъ учрежденіемъ въ 1768 году Экспедиціи строенія большого Екатерининскаго дворца въ Кремлѣ, при чемъ особенное значеніе имѣла дѣятельность артиллеріи капитана Баженова и архитектора Козакова. Какъ ни много сдѣлала кремлевская Экспедиція, однако, правильная организація архитектурной школы въ Москвѣ относится уже къ началу XIX вѣка, когда послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи архитекторскаго училища, при которомъ опредѣлены штаты учителей, указанъ объемъ преподаванія. Съ этого-то времени строительное образованіе поставлено въ Москвѣ правильнымъ образомъ, и развитіе школы продолжается и понынѣ.

Всѣ эти данныя почерпнуты нами изъ интересной книжки г. Гамбурцева, заглавіе которой мы выписали выше. Б. А.

Л. М. Савеловъ. Избранная библіотека русскаго генеалога. Библіографическій опытъ. Выпускъ первый. Изданія особенно рѣдкія и цѣнныя. Москва. 1895 г.

Эта небольшая брошюра (25 страницъ) будетъ очень полезна лицамъ, интересующимся русской генеалогіей. Бóльшая часть родословій отдѣльныхъ фамилій издавалась въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для публики, и потому почти съ самаго появленія своего уже дѣлалась библіографической рѣдкостью. Г. Савеловъ въ первомъ выпускѣ своего «опыта» перечисляетъ наиболѣе цѣнныя и рѣдкія изъ нихъ, числомъ 48; но, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ оцѣнки внутреннихъ ихъ достоинствъ или недостатковъ, а ограничивается одной внѣшней стороной, выписывая подробно ихъ заглавія и обозначая стоимость, въ данное время, въ антикварной продажѣ, и лишь въ немногихъ случаяхъ давая кое-какія указанія и разъясненія. Первый выпускъ «опыта» напечатанъ, какъ значится на обертке, всего въ количествѣ 100 экземпляровъ и слѣдовательно, подобно описываемымъ въ немъ изданіямъ, уже теперь представляетъ библіографическую рѣдкость. Во второмъ выпускѣ г. Савеловъ предполагаетъ перечислить всѣ остальныя изданія по генеалогіи. С. Ш.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

АТАВИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ. Извѣстный итальянскій ученый, Ломброзо, въ оригинальной статьѣ, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Contemporary», подъ заглавіемъ «Атавизмъ и эволюція», доказываетъ, что XIX вѣку нечего кичиться своими хваленными изобрѣтеніями, такъ какъ многія новинки въ этомъ родѣ на повѣрку очень старыя. Такъ, древнимъ были извѣстны громоотводы, или, по крайней мѣрѣ, методъ привлеченія молніи. Кельты во время грозы ложились на землю, зажигали факелы и вонзали въ землю рядомъ съ собой обнаженные мечи, остріемъ кверху. Молнія часто ударяла въ мечи и проникала въ землю, не причинивъ никому вреда. Римлянамъ также, повидимому, были извѣстны громоотводы, хотя они и не передали этого знанія послѣдующимъ вѣкамъ. На крышѣ самой высокой башни въ замкѣ Дунно, на берегу Адріатическаго моря, торчалъ съ незапамятныхъ временъ длинный желѣзный прутъ, предвѣщавшій лѣтомъ приближеніе бури. Когда море начинало волноваться, то къ этому желѣзному пруту ставили воина, который отъ времени до времени прикладывалъ къ нему свое копье, и какъ только появлялась искра между двумя желѣзными остріями, онъ звонилъ въ колоколъ для предупрежденія рыбаковъ о приближеніи бури. Гербертъ въ X вѣкѣ придумалъ охранять поля отъ молніи, втыкая въ нихъ длинныя жерди съ желѣзными острыми наконечниками. Въ 1662 году уже извѣстны были во Франціи дилижансы. Римляне рыли артезіанскіе колодцы даже въ Сахарѣ. Леванскія и Пальмирскія пустыни были искусственно орошаемы, что доказывается доселѣ сохранившимися слѣдами колодцевъ и каналовъ. Въ 1685 г. Папенъ напечаталъ въ «Journal des Savants» описаніе опыта, сдѣланнаго его другомъ Вильде надъ мгновеннымъ ростомъ цвѣтовъ; секретъ этого изобрѣтенія заключался въ особомъ приготовленіи почвы, но онъ

не сохранился. Массажъ очень старинное медицинское средство и было извѣстно римлянамъ. Парацельзъ въ своихъ «Opera Medica» говоритъ о гомеопатіи и утверждаетъ, что подобное лѣчитъ подобное, а не противоположность лѣчитъ противоположность. «Сама природа, по его словамъ, учитъ насъ этому правилу и въ ней всегда подобное стремится къ подобному». Палибій также говоритъ о лѣченіи подобнаго подобнымъ, а Авиценна прямо указываетъ на пользу самыхъ малыхъ пріемовъ яда, напримѣръ, мышьяку, который, по словамъ Миреппа, былъ очень хорошимъ средствомъ отъ лихорадки. Въ Китаѣ «Cannabis Indica» употреблялась, какъ средство, унимающее боль, за 220 лѣтъ до христіанской эры. Въ Аравіи были въ такомъ же употребленіи, какъ теперь, алоэ и камфора. Зеркало, зондъ и щипцы въ хирургіи были извѣстны за 500 лѣтъ до Р. Х.; образцы ихъ были найдены въ Помпеѣ и хранятся въ Неаполитанскомъ музеѣ. Галландъ въ 1665 году развивалъ теорію о психическихъ центрахъ, доказывая, что въ передней части мозга помѣщается воображеніе, въ центрѣ—разумъ, а въ задней—память. Аристотель замѣтилъ, что морскую воду можно пить, если ее сварить и собрать паръ. У грековъ была пилема, полотняная или шерстяная кираса, до того круто сотканная, что не проникало сквозь ни копье, ни стрѣла, но секретъ этой ткани исчезъ. Китайцы изобрѣли желѣзные дома за 1200 лѣтъ до Р. Х., а стеклянные дома существовали среди пиктовъ въ Шотландіи и кельтовъ въ Галліи, а еще ранѣе въ Сіамѣ. Системы ирригаціи, сдѣлавшія столь плодоносными Англію и Ломбардію, были извѣстны во времена Виргилія. Травяная одежда употреблялась китайцами за много столѣтій тому назадъ.

— Колыбель Гогенцоллерновъ.—Въ «Pall Mall Magazine» отъ 1-го іюля Джемсъ Бэкеръ разсказываетъ о своемъ недавнемъ посѣщеніи Гогенцоллернскаго замка и сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ этой колыбели теперешнихъ германскихъ императоровъ. Какъ извѣстно, Гогенцоллерны ведутъ свой родъ отъ графа Тассило, который жилъ въ началѣ IX вѣка и основалъ въ Гехингенѣ на Цоллернскихъ высотахъ замокъ, отъ названія котораго его потомки заимствовали свою фамилію. Около 1165 г., Гогенцоллерны распались на двѣ линіи: старшую, или Швабскую и младшую, или Франконскую. Первая изъ нихъ, въ свою очередь, подраздѣлилась въ 1576 г. на Гогенцоллерновъ-Гехингенъ и Гогенцоллерновъ-Зигмарингенъ, а представитель младшей линіи, Фридрихъ VI, получилъ въ 1415 году отъ императора Сигизмунда инвеституру бранденбургскаго курфюрста и основалъ теперешній прусскій царствующій домъ. Обѣ вѣтви старшей линіи Гогенцоллерновъ существовали самостоятельно до 1849 года, когда представители ихъ признали надъ собой верховную власть Пруссіи и ихъ герцогства вошли въ составъ Прусскаго королевства. Въ настоящее время эти герцогства съ ихъ главными городами Гехингеномъ и Зигмарингеномъ составляютъ особую прусскую провинцію, лежащую между Баденомъ и Виртембергомъ, заключая въ себѣ 480 квадратныхъ миль и около 100,000 жителей. Но въ историческомъ отношеніи Гогенцоллернскій замокъ представляетъ наибольшій интересъ. Возвышаясь надъ Дунаемъ, на вершинѣ живописной горы, покрытой садами, фруктовыми плантаціями и полями, колыбель современныхъ германскихъ императоровъ, однако, не сохранилась въ своемъ старомъ видѣ, а перестроена, хотя по прежнему образцу, но все-таки съ современными прибавленіями, въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, такъ что въ смыслѣ памятника старины много уступаетъ своему сосѣду Зигмарингену, сохранив-

шему вполнѣ свое средневѣковое величіе. Самая интересная часть Гогенцоллернскаго замка въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ—католическая часовня у громадныхъ входныхъ воротъ съ подъемнымъ мостомъ; въ ней сохранились остатки четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, именно: великолѣпныя разноцвѣтныя окна, перенесенныя туда изъ Штетинскаго монастыря, престолъ, украшавшій древнюю церковь, построенную на этомъ мѣстѣ въ X вѣкѣ, и старинная, хотя вновь выкрашенная, статуя св. Георгія. Напротивъ, въ находящейся на томъ же внутреннемъ дворѣ протестантской часовнѣ все ново, какъ бы съ иголочки. Внутренность замка одинаково поражаетъ всюду новизной. Прежде всего входимъ въ Stammbaum, или залу генеалогическаго дерева, гдѣ всѣ стѣны украшены генеалогическими деревами Гогенцоллерновъ, Гогенштауфеновъ и Бранденбурговъ. Надъ дверью виднѣется ангелъ, благословляющій всѣхъ входящихъ въ залу, а прямо противъ красуется надпись въ стихахъ о томъ, что старинный замокъ, сгорѣвшій въ 1423 г., былъ вновь выстроенъ въ 1454 г., при чемъ первый камень его былъ заложенъ великимъ герцогомъ австрійскимъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ. Вообще основательное изученіе этой залы можетъ дать полезный урокъ по исторіи Европы отъ XII до XIX столѣтій. Оттуда переходимъ въ залы — графскую, въ готическомъ вкусѣ, съ деревяннымъ рѣзнымъ потолкомъ и мраморными статуями, императорскую съ портретами императоровъ изъ Гогенцоллернскаго дома и епископскую съ статуями двухъ епископовъ. Слѣдующая комната—библіотека, ея стѣны украшены картинами, изображающими чудесныя легенды, связанныя съ замкомъ. На одной изъ нихъ виднѣется бѣлая дѣва, проносящая чрезъ непріятельскую армію съѣстные припасы осажденнымъ воинамъ въ Гогенцоллернѣ, на другой—церковь, которую ангелы перенесли по небу въ Маріаумъ, селеніе у подножія замка, на третьей—смерть святотатственнаго стрѣлка, который стрѣлялъ изъ лука въ распятіе въ Штетинскомъ монастырѣ и упалъ мертвымъ на третьемъ выстрѣлѣ, наконецъ, на четвертой—посѣщеніе Цоллерна въ 1466 г. императоромъ Фридрихомъ III и Элеонорой Португальской. Эта картина какъ бы служитъ объясненіемъ, почему Гогенцоллерны чувствуютъ влеченіе къ Пиринейскому полуострову и хотѣли посадить на испанскій престолъ герцога Леопольда, женатаго на португальской принцессѣ. Большія колонны, окаймляющія библіотеку, покрыты надписями, гласящими о всѣхъ событіяхъ, связанныхъ съ исторіей этой горной твердыни съ 1061 г. А среди этихъ надписей одна особенно заставляетъ задуматься всякаго посѣтителя; она сообщаетъ малоизвѣстный фактъ, что этой колыбелью Гогенцоллерновъ владѣли французы цѣлый годъ отъ 1744 по 1745, за что имъ пришлось черезъ пять четвертей вѣка дорого поплатиться. Остальныя комнаты замка—небольшія, но удобно устроены для жилья императоровъ, королей и герцоговъ, когда они на время посѣщаютъ гнѣздо своихъ предковъ, которые, согласно одной надписи въ библіотекѣ, имѣли въ срединѣ XVI столѣтія триста кольчугъ для своихъ воиновъ, тогда какъ теперь по зову Гогенцоллерновъ готовы поднять оружіе четыре милліона воиновъ.

— Французская принцесса въ Феррарѣ.—На страницахъ «Nouvelle Revue», отъ 15-го іюня, 1-го и 15-го іюля, появился любопытный этюдъ М. Радаканаки о романической судьбѣ дочери французскаго короля Людовика XII, Ренэ, бывшей замужемъ за герцогомъ феррарскимъ и старавшейся оказать покровительство протестантамъ среди католической Италіи. Авторъ совершенно

справедливо поэтому называетъ свой очеркъ романомъ въ исторіи, хотя онъ и основанъ на достовѣрныхъ источникахъ, открытыхъ недавно въ архивахъ Модены, Флоренціи, Турина и Ватикана. Дочь послѣдней представительницы могущественныхъ герцоговъ Бретанскихъ, королевы Анны, принцесса Ренэ родилась въ Блуа въ 1510 году и пяти лѣтъ осталась круглой сиротой при дворѣ своей сестры, королевы Клавдіи, жены Франциска I. Подобно этой сестрѣ и матери, она не отличалась красотой и была дурно сложена, хотя не представляла чудовища, какъ увѣряли нѣкоторые ея современники, напримѣръ, герцогъ де-ла-Ровере, но зато она очень умная, развитая и хорошо образованная женщина, чѣмъ была обязана своимъ воспитателямъ, герцогинѣ Субизъ и Лёвевру д'Этайль, ученому богослову, который во многихъ отношеніяхъ сочувствовалъ инымъ религіознымъ теоріямъ, начинавшимъ тогда распространяться въ Германіи. Хотя жена Франциска I вела печальную, уединенную жизнь, но послѣ ея смерти существованіе молодой принцессы сдѣлалось еще непригляднѣе и она съ нетерпѣніемъ ждала минуты выйти замужъ. Въ женихахъ у нея не было недостатка и являлись такіе блестящіе, какъ король испанскій, будущій Карлъ V, курфюрстъ бранденбургскій, король португальскій, король англійскій, Генрихъ VIII, и герцогъ бурбонскій. Но Францискъ боялся отдать ее замужъ за могущественнаго государя, или даже за сильнаго вассала, такъ какъ они могли бы предъявить права на герцогство Бретань, которое по закону принадлежало ей, и предпочелъ менѣе вліятельнаго, но зато и менѣе опаснаго жениха, сына герцога феррарскаго, принца Геркулеса Эсте, сына знаменитой Лукреціи Борджіи. Этотъ блестящій юноша обладалъ самыми свѣтлыми надеждами: онъ не только былъ наслѣдникомъ феррарской короны, но могъ съ помощью Франціи сдѣлаться герцогомъ миланскимъ и даже королемъ сѣверной Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, Франциску нечего было бояться его, и этотъ бракъ въ политическомъ отношеніи обѣщалъ ему во всякомъ случаѣ значительную пользу, такъ какъ союза съ герцогомъ феррарскимъ добивались оба враждовавшіе въ Италіи соперника—французскій король и императоръ. Поэтому онъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе феррарскаго двора, радушно принялъ красиваго жениха и торжественно отпраздновалъ его свадьбу съ Ренэ въ Парижѣ, въ 1528 году. Конечно, юный итальянецъ, сынъ если не прелестнѣйшей, то самой обворожительной женщины своего времени и воспитанный при дворѣ, сіявшемъ первыми красавицами Италіи: Изабеллой Эсте, герцогиней Урбино, Лаурой Деанти и т. д., не могъ влюбиться въ свою жену, которая имѣла только двѣ прелести: опускавшіеся до земли бѣлокурые волосы и замѣчательный умъ, а потому писалъ своему отцу: «Ренэ не красива, но это вознаграждается ея другими качествами». Во всякомъ случаѣ она была ему непротивна и молодая чета весело отправилась въ путь, который до самой Феррары былъ торжественной парадной процессіей среди великолѣпныхъ празднествъ. Они были окружены столь многочисленнымъ дворомъ, что онъ походилъ скорѣе на армію; такъ, въ свитѣ молодого было триста лицъ, а молодой—пятьсотъ, въ числѣ которыхъ находился отецъ Торквато Тассо, самъ изрядный поэтъ, исполнявшій должность секретаря принцессы. Будущая резиденція Ренэ устроила ей самую блестящую встрѣчу, и праздники, банкеты, кавалькады, театральныя представленія чередовались безъ конца, но все-таки мрачная, унылая Феррара, съ своими печальными, суровыми зданіями, съ древней, какъ бы давящей весь городъ,

крѣпостью, отсутствіемъ всякой торговли и промышленности, произвела очень грустное впечатлѣніе на восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, привыкшую къ веселымъ городамъ береговъ Сены и Луары. Не зная ни слова по-итальянски, она чувствовала себя очень изолированной и естественно старалась окружить себя какъ можно болѣе французами и француженками. Съ самаго начала она взяла на себя роль защитницы французскихъ интересовъ въ Италіи, покровительницы всѣхъ своихъ соотечественниковъ на чужбинѣ, врага императора и папы, а также друга ихъ противниковъ. Такъ какъ въ то время политическія дѣла были тѣсно связаны съ религіозными, то она сначала болѣе изъ дипломатіи, чѣмъ сочувствія, стала покровительствовать изгнаннымъ гугенотамъ, считая ихъ распространителями французскихъ идей и французскаго вліянія. Но сообщество съ пламенными энтузіастами, искренними проповѣдниками новой религіи и глубокомысленными богословами было опасно, и впослѣдствіи Ренэ жестоко поплатилась за свое покровительство французскимъ гугенотамъ, хотя они дороги ей были долго, не какъ гугеноты, а какъ французы. Усвоеніе ею новыхъ идей совершалось мало-по-малу, и въ первые годы своего пребыванія въ Феррарѣ она считала себя смиренной, набожной дочерью папы, исполняя всѣ требы католической церкви, даже не останавливалась передъ самыми суевѣрными обычаями, и въ этомъ отношеніи она вполнѣ согласовалась съ мужемъ, который былъ преданъ католической церкви столько же изъ религіознаго чувства, сколько изъ политики. Въ это время они жили очень дружно и были, повидимому, искренно привязаны другъ къ другу, а когда начались между ними недоразумѣнія, то они приняли характеръ финансовый, именно Геркулесъ возставалъ противъ чрезмѣрныхъ расходовъ жены на переполнявшихъ ея дворъ французовъ обоего пола, тѣмъ болѣе, что изъ Франціи она получала очень неаккуратно обѣщанное ей королемъ содержаніе. Такъ какъ онъ считалъ главнымъ источникомъ французскихъ пристрастій Ренэ ея прежнюю воспитательницу герцогиню Субизъ, которая послѣдовала за ней въ Феррару, то всячески старался ее удалить, что и повело къ безконечнымъ непріятностямъ. Это не мѣшало, однако, дворцу Ренэ быть первымъ салономъ Италіи, гдѣ собирались поэты, ученые, артисты, прелаты, вообще весь цвѣтъ итальянской интеллигенціи, а съ другой стороны, она оказывала своей новой родинѣ и дипломатическія услуги; такъ отецъ ея мужа, герцогъ Альфонсъ Феррарскій, отправилъ ее во главѣ блестящаго посольства въ Венецію для заключенія союза съ могущественной республикой, и хотя это не удалось, но не по ея винѣ, и ее принимали въ Венеціи самымъ великолѣпнымъ, радушнымъ образомъ. Вскорѣ послѣ этого умерли почти разомъ папа и герцогъ Альфонсъ; послѣднему наслѣдовалъ мужъ Ренэ, а первому другъ семьи Эсте, Павелъ III изъ рода Фарнезе. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго герцога было удалить герогиню Субизъ, что ему удалось, несмотря на просьбы Ренэ, которая около этого времени сдѣлалась матерью. Но онъ попалъ изъ огня да въ полымя, такъ какъ около этого времени водворился при дворѣ его жены извѣстный французскій поэтъ Маро, который долженъ былъ бѣжать изъ «неблагодарной родины» вслѣдствіе своихъ еретическихъ идей. Онъ не только самъ, въ качествѣ ея секретаря, все болѣе и болѣе склонялъ Ренэ къ новымъ идеямъ, которыя отчасти были ей сродни, но и окружалъ ее цѣлой фалангой людей, на которыхъ итальянцы, а преимущественно римскіе прелаты, смотрѣли съ ужасомъ, какъ на еретиковъ.

Наконецъ весной 1536 г. явился въ Феррару Кальвинъ и давно подготовлявшійся скандалъ разразился при герцогскомъ дворѣ. Хотя онъ прямо разсчитывалъ на покровительство Ренэ и привезъ съ собою своего ученика, каноника де-Тилле, но изъ осторожности онъ принялъ вымышленное имя Эспервиля. Нѣсколько разъ принцесса видалась съ нимъ, но ничего неизвѣстно относительно ихъ отношеній. Несомнѣнно только, что онъ пріобрѣлъ надъ ней сильное вліяніе, которое уже и удержалъ на всегда. Однако ему мало было побѣды надъ женщиной, уже полуобращенной, и онъ мечталъ о подчиненіи себѣ всей Феррары. Въ этомъ городѣ у него было много адептовъ и даже въ университетѣ открыто проповѣдывались еретическія идеи; такъ, одинъ изъ его профессоровъ Кальканьини напечаталъ книгу съ знаменательнымъ заглавіемъ: «Если небо стоитъ, то земля движется», а другой, Манцоли, посвятилъ герцогу Геркулесу сочиненіе, въ которомъ называлъ монаховъ свиньями, папу—атеистомъ, а Лютера—мстителемъ за истину. Все это побуждало Кальвина основать свою церковь въ Феррарѣ, какъ онъ это сдѣлалъ впослѣдствіи въ Женевѣ, но какія онъ принялъ для этого мѣры и почему потерпѣлъ неудачу—остается тайной. Это темная страница въ его исторіи и лучшіе его біографы ничего не сообщаютъ о таинственномъ пребываніи его въ Феррарѣ и столь же таинственномъ исчезновеніи. Извѣстно только, что въ страстную пятницу въ одной изъ главныхъ феррарскихъ церквей, во время службы, одинъ молодой пѣвчій, состоявшій при дворѣ принцессы Ренэ, сталъ громко богохульствовать. Его, конечно, схватила инквизиція и подвергла пыткѣ; среди ужасныхъ мученій двадцатилѣтній юноша, бѣжавшій ранѣе изъ Франціи, какъ ярый гугенотъ, сознался въ ереси и назвалъ своихъ товарищей, которые всѣ находились въ услуженіи у Ренэ. Конечно, она энергично заступалась за нихъ, несмотря на грозившую ей самой опасность, помогла бѣгству большого числа своихъ друзей, въ томъ числѣ Маро, а относительно несчастныхъ, попавшихъ въ руки инквизиціи, подняла дипломатическій и религіозный вопросъ, требуя, чтобъ французскій король заступился за своихъ соотечественниковъ и чтобъ папа призналъ подсуднымъ это дѣло себѣ, а не феррарскимъ инквизиторамъ. Герцогъ также не хотѣлъ уступить и принялъ сторону мѣстной церкви. Тогда между ними загорѣлась настоящая война, но, въ концѣ-концовъ, восторжествовала гордая, упорная бретонка, конечно, съ помощью французскаго короля и папы. Главный изъ жертвъ инквизиціи, одинъ изъ ея секретарей, Бушероръ, но не Кальвинъ или Маро, какъ увѣряютъ нѣкоторые историки, бѣжалъ изъ тюрьмы, а остальные были настолько незначительными лицами, что изъ-за нихъ не стоило подымать политической бури, и они были выданы французскому правительству, подъ обязательствомъ никогда не возвращаться въ Феррару. Послѣ этого Ренэ помирилась съ мужемъ и вскорѣ родила свою третью дочь, Элеонору, которой такъ долго и такъ несправедливо приписывали роковое вліяніе на великаго Торквато Тассо. Однако это былъ не миръ, а только перемирье. Около этого времени, по приглашенію самого герцога, въ Феррарѣ поселилась извѣстная Витторія Колонна, слава которой, какъ ученой и поэтессы, гремѣла по всей Италіи. Она подружилась съ Ренэ и, отличаясь еще тогда тайнымъ, никому невѣдомымъ влеченіемъ къ новымъ идеямъ, окончательно утвердила въ нихъ принцессу. Она тогда открыто покровительствовала капуцинскому монаху Охане, впослѣдствіи перешедшему на сторону Кальвина, и хотя онъ еще краснорѣчиво проповѣдывалъ въ церквахъ католичество, но въ его частныхъ

бесѣдахъ уже слышалась реформатская нота. Въ это же время въ Феррарѣ, также по приглашенію герцога, находился знаменитый Игнатій Лойола, основатель іезуитскаго ордена; поэтому Ренэ снова оказалась въ водоворотѣ противоположныхъ религіозныхъ теченій. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Витторія Колонна покинула Феррару, гдѣ не дозволяло ей долѣе оставаться разстроенное здоровье, а, быть можетъ, и разладъ съ Ренэ, которая болѣе склонялась къ кальвинизму, тогда какъ Колонна предпочитала лютеранство. Какъ бы то ни было, Ренэ осталась снова одна и, въ виду того, что въ эту эпоху своей жизни ея мужъ началъ весело жить и завелъ не одну любовную интригу, то не удивительно, что и молодая принцесса привязалась къ юному французу, зятю герцогини Субизъ, де-Понсу, который сдѣлался ее cavalieri servante, со всѣми привилегіями и ограниченіями, которыми отличалась эта почти официіальная въ Италіи должность. Хотя близкія, дружескія отношенія съ де-Понсомъ лишаютъ Ренэ аскетическаго характера, который нѣкоторые сторонники хотѣли ей навязать, но зато они придаютъ ей бо́льшую человѣчность. Насколько искренна была эта привязанность, можно судить по ея письму къ Франциску I, въ которомъ она благодаритъ его за оказанную милость де-Понсу, что̀ она цѣнила болѣе, чѣмъ всѣ милости, оказанныя ей лично, а также по ея письмамъ къ самому де-Понсу, которыя перехватилъ ея мужъ. Несмотря на компрометирующій характеръ этой переписки, онъ не сдѣлалъ сначала никакого скандала и только подъ разными предлогами удалилъ де-Понса на полтора года изъ Феррары, а когда онъ, наконецъ, вернулся, то заперъ жену въ мрачный, уединенный замокъ Канвандало на берегу По. Этотъ шагъ былъ очень неудачный со стороны герцога; онъ окончательно оттолкнулъ отъ него Ренэ и предалъ ее всецѣло въ руки Кальвина, который написалъ ей чрезвычайно ласковое и краснорѣчивое письмо, уговаривая ее не ходить болѣе въ католическую церковь и не исповѣдываться у католическаго духовника. Хотя она послушалась его совѣта, но еще не считала возможнымъ открыто сдѣлаться реформаткой, и когда папа посѣтилъ Феррару, то она упросила мужа разрѣшить ей поцѣловать папскую туфлю. Она воспользовалась, однако, этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ добиться отъ Павла III буллы, которая освобождала ее отъ юрисдикціи всѣхъ инквизиціонныхъ судовъ, кромѣ римскаго. Такимъ образомъ, Ренэ находилась въ странномъ положеніи; съ одной стороны, ея духовнымъ совѣтникомъ былъ Кальвинъ, а съ другой—ея покровителемъ былъ папа, но все шло для нея благополучно и никто не трогалъ эту надежную опору реформаціи въ Италіи, пока папой былъ Павелъ III, а королемъ Франціи—рыцарскій Францискъ I. Но когда на престолѣ св. Петра возсѣлъ Юлій III, самый ярый защитникъ католицизма, а французскимъ королемъ сдѣлался слабохарактерный Генрихъ II, то ей пришлось испытать горькія минуты. По соглашенію съ папой и ея мужемъ, Генрихъ II послалъ въ Феррару великаго инквизитора Франціи, страшнаго Матье Ори, съ порученіемъ возвратить ее въ «паству Іисуса Христа». Кальвинъ и Гизы, ея родственники, съ своей стороны прислали ей въ помощь краснорѣчивыхъ совѣтчиковъ Мореля и поэта Жамэ; черпая каждую ночь въ тайныхъ бесѣдахъ съ ними новое мужество, она гордо, твердо и непреклонно сопротивлялась всѣмъ уловкамъ и угрозамъ своихъ враговъ. Наконецъ, ее предали формальному инквизиціонному суду, который призналъ ее виновной въ лютеранской ереси и приговорилъ къ пожизненному тюремному заключенію, а также конфискаціи всего ея

имущества. Ренэ выслушала нердогнувъ рѣшеніе своей судьбы и 6-го сентября ее перевезли изъ дворца въ старый замокъ, долженствовавшій служить ей темницей. Но 15-го сентября ее вернули во дворецъ, возвратили ей дѣтей, герцогъ помирился съ ней и ея жизнь потекла обычнымъ чередомъ. Что причинило эту странную перемѣну, до сихъ поръ остается тайной; предъявила ли, она, наконецъ, ограждавшую ее буллу папы Павла III, или герцогъ, опасался чтобъ заточеніе принцессы королевской крови не возбудило противъ него всей Франціи, или по какой иной причинѣ, но инквизиторъ Ори быстро удалился изъ Феррары, а Ренэ заняла свое прежнее мѣсто во дворцѣ. Конечно, распространился слухъ, что она покаялась, исповѣдывалась, приняла святыя Тайны и заявила себя послушной дочерью католической церкви. Быть можетъ, она все это и исполнила, но лишь для вида, такъ какъ послѣдующая ея исторія доказала, что она осталась въ душѣ ревностной кальвинисткой. Все-таки внѣшнее перемиріе было заключено съ мужемъ и католической церковью, хотя новый папа Павелъ IV и Кальвинъ, что̀ видно изъ ихъ переписки, знали очень хорошо ея настоящее настроеніе, которое и всѣмъ стало извѣстно, когда, по смерти герцога и вступленіи на престолъ ея сына Альфонса, Ренэ покинула Феррару и вернулась послѣ столь долгаго отсутствія въ любимую ею Францію. Тутъ, въ замкѣ Монтаржи, она провела пятнадцать лѣтъ, открыто исповѣдывая кальвинизмъ, оказывая радушный пріемъ прелатамъ, окружая себя пасторами новой церкви и такъ энергично отстаивая дѣло реформаціи, что когда королева Катерина Медичи и Гизы стали грозить ей вооруженнымъ нападеніемъ на Монтаржи, то она отвѣчала, что сама встанетъ на городскія стѣны для защиты своихъ подданныхъ и своей религіи. Наконецъ, она спокойно умерла послѣ долгой, бурной, полной тревожныхъ перипетій жизни.

— Статуя Кромвеля и кромвелевская литература.—Имя Кромвеля неожиданно примѣшалось къ современной политикѣ въ Англіи и послужило предлогомъ къ паденію либеральнаго министерства лорда Розбери. Дѣло въ томъ, что этотъ безспорно первый англійскій государственный человѣкъ не имѣетъ въ Лондонѣ статуи, а такъ какъ лордъ Розбери первый изъ англійскихъ премьеровъ публично выразилъ свое глубокое сочувствіе дѣятельности лорда-протектора, то естественно, что во время его управленія была сдѣлана попытка загладить вѣковую несправедливость къ памяти великаго человѣка, статуя котораго, да и то очень невзрачная, существуетъ лишь въ Манчестерѣ. Предложеніе объ этомъ внесено въ парламентъ главою вѣдомства общественныхъ работъ, который испрашивалъ кредитъ въ 500 ф. ст. для сооруженія достойнаго памятника Оливеру Кромвелю снаружи Вестминстеръ-Гала, при чемъ сообщилъ, что эти деньги пойдутъ на подготовительныя работы, а всего извѣстный скульпторъ Торни-Крафтъ требуетъ 2,000 ф. ст., обѣщаясь дать по-истинѣ художественное произведеніе Пренія по этому вопросу случайно совпали съ 250-й годовщиной сраженія при Невби, и оказалось, что имя Кромвеля еще теперь можетъ волновать умы и страсти. Ирландцы подняли бурю, называя лорда-протектора звѣремъ и лицемѣромъ за избіеніе ирландцевъ въ Дрогнѣ, забывая, что жертвами этой рѣзни были не настоящіе ирландцы, а преимущественно поселившіеся въ Ирланіи англичане; консерваторы воспользовались случаемъ насолить своимъ противникамъ, и ихъ глава въ Нижней палатѣ, Бальфуръ, позволилъ себѣ непристойную для государственнаго дѣятеля выходку противъ Кромвеля

основавшаго современное величіе Англіи. Хотя правительство и одержало побѣду, но только пятнадцатью голосами, что въ такомъ національномъ дѣлѣ, очевидно, слишкомъ мало, а потому оно нашло болѣе достойнымъ взять свое предложеніе назадъ. Статуя Кромвеля будетъ украшать парламентское зданіе, но не какъ національный памятникъ, а какъ частное сооруженіе, на которое, въ тотъ же день и не выходя изъ парламента, собрали по подпискѣ необходимые 3,000 ф. ст. Такимъ образомъ, вопросъ о Кромвелевской статуѣ покончень, но либеральное правительство, неосторожно поднявшее его, такъ расшевелило политическія страсти, что осталось въ меньшинствѣ по самому пустому, искусственно муссированному предмету и, спустя нѣсколько дней, вышло въ отставку. Конечно, журналистика живо откликнулась на эту неожиданную борьбу, поднятую вокругъ великаго историческаго имени, и одни органы печати рвали на части лорда-протектора, а другіе превозносили его до небезъ. Быть можетъ, всего благоразумнѣе и дружнѣе взглянула на дѣло «Free Review». По словамъ этого журнала, «разумный политическій дѣятель долженъ смотрѣть на прошедшее своей страны съ общей, широкой точки зрѣнія и одинаково задумываться надъ именами Страффорда и Симона де-Монфора, Болинброка и Пиля, а главное, если онъ будетъ вспоминать о короляхъ, какъ о короляхъ, то онъ обязанъ думать о государственныхъ дѣятеляхъ, какъ о государственныхъ дѣятеляхъ, а изъ всѣхъ именъ, записанныхъ крупными буквами на страницахъ англійской исторіи, нѣтъ ни одного, болѣе важнаго, болѣе знаменательнаго и болѣе великаго, чѣмъ имя Кромвеля. Тотъ фактъ, что Лондонъ имѣетъ статуи двухъ Карловъ и четырехъ Георговъ и ни одной статуи Оливера, доказываетъ просто человѣческую подлость, а не принципіальное осужденіе тираніи Оливера. Если его лишать статуи, потому что онъ былъ тираномъ, то слѣдовало бы оставить безъ статуи Карловъ и Георговъ по болѣе основательнымъ причинамъ. Въ настоящее время никто не можетъ восторгаться Георгомъ III, какъ политическимъ дѣятелемъ, а потому нельзя возставать и противъ хорошей статуи Кромвелю, когда дурныя статуи дурнымъ королямъ остаются на своемъ мѣстѣ ради общественнаго мнѣнія». Возобновленіе политической и литературной борьбы за имя Кромвеля естественно усиливаетъ интересъ къ изслѣдованію со всевозможныхъ точекъ зрѣнія всего, что касается этой великой исторической личности, а потому кромвелевская литература представила въ послѣднее время нѣсколько любопытныхъ новинокъ. Въ этомъ числѣ заслуживаетъ вниманія очеркъ миссъ Шейлы Брайнъ въ іюльскомъ номерѣ «Good Words»—«Женщины кромвелевской семьи», снабженный многочисленными портретами. Вообще родственницы лорда-протектора, какъ оказывается, отличались большими достоинствами, благородствомъ характера и въ особенности силою воли. Авторъ статьи приводитъ много интересныхъ подробностей изъ жизни его матери, которая имѣла большое вліяніе на него въ молодости, шести сестеръ, доживщихъ до зрѣлаго возраста, жены, которую онъ очень уважалъ, и нѣжно любимыхъ дочерей. Но, быть можетъ, всего интереснѣе и новѣе характеристики двухъ потомковъ Кромвеля, его внучки Бриджетъ Айертонъ и миссъ Россель, служившей при дворѣ принцессы Амеліи, дочери Георга II. О послѣдней разсказываютъ очень характерный анекдотъ. Однажды, 30-го января, день казни Карла I, принцъ Уэльскій вошелъ въ комнату, гдѣ миссъ Россель поправляла платье его сестры, и сказалъ въ шутку: «Какъ вамъ не стыдно, миссъ

Россель, что вы не были сегодня въ церкви и не молились униженно о прощеніи вамъ того великаго грѣха, который совершенъ въ этотъ день вашимъ предкомъ». Миссъ Россель гордо выпрямилась и отвѣчала съ большимъ достоинствомъ: «Ваше высочество, для родственницы великаго Оливера Кромвеля достаточное униженіе подкалывать хвостъ вашей сестрѣ». Еще бо́льшей смѣлостью и силой характера отличалась родная внучка лорда-протектора, который очень любилъ ее ребенкомъ и часто рѣшалъ серьезныя государственныя дѣла, держа этого ребенка на колѣняхъ. На заявленіе одного изъ членовъ тайнаго совѣта, что неудобно говорить о политикѣ передъ дѣтьми, онъ рѣзко отвѣчалъ: «нѣтъ тайны, которую я не довѣрилъ бы этому ребенку». Хотя Бриджетъ Айертонъ было только десять лѣтъ, когда умеръ ея дѣдъ, но она всегда сохраняла о немъ живую память и горячо заступалась за его честь; такъ, однажды, будучи уже вдовой мистера Томаса Бендиша, она вызвала на дуэль какого-то пассажира, который, путешествуя съ ней въ дилижансѣ, оскорбительно выражался о Кромвелѣ. При этомъ она объявила, что не умѣетъ владѣть шпагой, но стрѣляетъ изъ пистолета не хуже любого мужчины, и навела такой страхъ на своего противника, что тотъ разсыпался въ извиненіяхъ. Согласно свидѣтельству современниковъ, она очень походила по внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ на своего дѣда; она жила вдовой на своей фермѣ, днемъ работала вмѣстѣ съ своими поселянами, а вечеромъ нарядно одѣвалась и дѣлала визиты сосѣдямъ, которые такъ ее уважали, что съ удовольствіемъ принимали ее, несмотря на то, что она пріѣзжала къ нимъ въ десять и одиннадцать часовъ и оставалась до часа, послѣ чего возвращалась домой одна верхомъ или, въ послѣдніе годы своей жизни, въ таратайкѣ, сама правя и громко распѣвая духовные гимны кромвелевскихъ солдатъ.

— Наполеонъ I и Соединенные Американскіе Штаты.—Ревностные изслѣдователи наполеоновской старины находятъ все новыя, невѣдомыя доселѣ, стороны въ неистощимомъ предметѣ своихъ историческихъ трудовъ. Такъ въ іюльскихъ номерахъ американскихъ журналахъ «Mac-Lure's Magazine» и «Century» помѣщены—въ первомъ новые дипломатическіе документы насчетъ отношеній Наполеона I съ Соединенными Американскими Штатами, о чемъ до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно, а въ послѣднемъ—черновой текстъ рѣчи извѣстнаго американскаго политическаго дѣятеля, Даніеля Вебстера, противъ Наполеона I, которая хотя и была произнесена на конгрессѣ, но не вошла въ полное собраніе его рѣчей. Помѣщая съ прошедшаго года въ «Mac-Lure's Magazine» обширную біографію Наполеона по новымъ источникамъ, миссъ Ида Тарбель, очевидно, соперничаетъ съ профессоромъ Слоономъ, печатающимъ въ «Century» такую же біографію, съ которой отчасти уже знакомы читатели «Историческаго Вѣстника», и старается хоть въ чемъ нибудь перещеголять его интересный, серьезный, историческій трудъ. Въ настоящемъ случаѣ ей удалось не только опередить его, такъ какъ Слоонъ еще только довелъ свою біографію до начала консульства, но и отыскать въ дипломатическихъ архивахъ своей родины дѣйствительно новыя, до сихъ поръ невѣдомыя, данныя о такой фазѣ наполеоновской дѣятельности, на которую не проливала никакого свѣта вся громадная наполеоновская литература послѣдняго времени. Во время Директоріи отношенія между Франціей и Соединенными Штатами были далеко не дружескія, благодаря трактату, заключенному въ

1794 г. между Англіей и Американской республикой, въ виду котораго французы стали смотрѣть на своихъ прежнихъ союзниковъ, какъ на тайныхъ враговъ, и преслѣдовали по морямъ ихъ суда, захватывая ихъ, какъ призы, подъ предлогомъ, что на нихъ находятся англійскіе солдаты или товары. Въ 1796 году президентъ Адамсъ рѣшилъ положить конецъ такому ненормальному положенію и отправилъ въ Парижъ комиссію для заключенія новаго трактата, но Талейранъ потребовалъ взятки въ 250,000 долларовъ, а потому дѣло не состоялось. При установленіи консульства все измѣнилось во Франціи и Бонапартъ началъ заигрывать съ Соединенными Штатами. Онъ приказалъ наложить трауръ въ арміи на десять дней, по случаю смерти Вашингтона, и объявилъ объ этомъ событіи въ приказѣ по арміи въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ. Американское правительство поспѣшило воспользоваться этой перемѣной въ настроеніи Франціи и отправило двухъ новыхъ комиссаровъ, Эльсворта и Дэви, для переговоровъ. Они были приняты въ Тюльери самымъ радушнымъ образомъ, и со стороны Франціи была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ брата Наполеона, Іосифа. Однако вскорѣ выяснилось, что Бонапартъ вовсе не желалъ исполнить всѣхъ требованій американцевъ, а хотѣлъ заключить только временную сдѣлку, но зато американскимъ уполномоченнымъ давали праздникъ за праздникомъ, стараясь позолотить поднесенную имъ пилюлю. Въ особенности великолѣпенъ былъ банкетъ, данный Іосифомъ Бонапартомъ въ Мортефонтенѣ, на сто восемьдесятъ человѣкъ. Онъ былъ сервированъ въ трехъ залахъ, изъ которыхъ одна называлась залой союза, другая—вашингтоновской, а третья—франклиновской. Въ концѣ обѣда первый консулъ провозгласилъ тостъ: «за память тѣхъ французовъ и американцевъ, которые умерли на полѣ битвы за независимость Новаго Свѣта». Второй консулъ, Камбасересъ, предложилъ тостъ за преемника Вашингтона, а третій, Любренъ,—за союзъ Америки съ сѣверными державами, для утвержденія свободы морей. Но всѣ эти любезности и угощенія не могли помирить американцевъ съ неудовлетворительнымъ для нихъ трактатомъ, который былъ ратификованъ французскимъ сенатомъ, въ февралѣ 1801 года, на восемь лѣтъ и постановлялъ только прекращеніе враждебныхъ дѣйствій между обѣими странами, но не разрѣшалъ коренного вопроса о правѣ осматривать корабли на морѣ подъ предлогомъ, что на нихъ находятся непріятельскіе солдаты или товары. Что касается до Бонапарта, то онъ немедленно извлекъ громадную пользу изъ Мортефонтенскаго трактата и, спустя двадцать четыре часа послѣ его ратификаціи, заключилъ Санъ-Ильдефонскій трактатъ съ Испаніей, по которому Франція получила Луизіану, взамѣнъ уступки нѣсколькихъ итальянскихъ территорій. Это былъ блестящій дебютъ въ колоніальной политикѣ Наполеона и онъ уже намѣревался въ то время усилить Санъ-Доминго, отнять Мальту у Англіи, укрѣпиться въ Индіи и обезпечить себѣ Египетъ; онъ даже собиралъ справки о томъ, можно ли было сдѣлать островъ св. Елены мѣстомъ снабженія судовъ водою. Соединенные Штаты узнали о пріобрѣтеніи Франціей Луизіаны только въ 1802 году, и такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ распространился слухъ о посылкѣ значительныхъ французскихъ силъ въ Новый Орлеанъ, то американцы всполошились. Даже миролюбивый Джефферсонъ былъ вынужденъ признать, что война съ Франціей сдѣлается неизбѣжной, если она не откажется отъ Новаго Орлеана, или, по крайней мѣрѣ, не гарантируетъ свободнаго плаванія по Миссисипи. Онъ прямо писалъ американскому посланнику

въ Парижѣ, Ливингстону, что страна, владѣющая Новымъ Орлеаномъ,—естественный врагъ Соединенныхъ Штатовъ, и если Франція, занявъ эти ворота въ Новый Свѣтъ, приметъ вызывающее положеніе, то американцамъ остается только соединиться съ Англіей. Но Бонапартъ не обращалъ вниманія на эти протесты и подготовлялъ экспедицію для занятія Луизіаны; однако обстоятельства заставили его послать войска въ Санъ-Доминго. Воспользовавшись этимъ, Соединенные Штаты отправили въ Парижъ новаго уполномоченнаго, Монроэ, съ цѣлью добиться, во что бы то ни стало, свободнаго доступа американцамъ въ устье Миссисипи. Прежде, чѣмъ Монроэ явился въ Европу, Франція снова возобновила войну съ Англіей, и Бонапарту было уже не до колоніи. «Тогда,—разсказываетъ Ида Тарбель,—Бонапартъ, съ невѣроятной ловкостью и обычнымъ презрѣніемъ къ заключеннымъ трактатамъ, рѣшился продать Луизіану, не обращая вниманія на то, что онъ обязался передъ Испаніей никогда не отчуждать этой колоніи. 10-го апрѣля 1803 года онъ позвалъ своихъ обычныхъ совѣтниковъ и спросилъ ихъ мнѣніе насчетъ этой продажи. «Я знаю,—сказалъ онъ,—всю цѣнность Луизіаны и съ удовольствіемъ исправилъ ошибку французскихъ уполномоченныхъ, которые упустили ее въ 1763 году; но едва я пріобрѣлъ ее, какъ мнѣ приходится отъ нея снова отказаться. Если она и увертывается изъ моихъ рукъ, то настанетъ день, когда она будетъ стоить дороже тѣмъ, которые вынуждаютъ меня уступить ее, чѣмъ тѣмъ, которымъ я ее уступлю. Англичане постепенно отняли у Франціи Канаду, Капъ-Бретонъ, Нью-Фаундлэндъ, Новую Шотландію и самыя богатыя страны Азіи. Они теперь возбуждаютъ безпорядки въ Санъ-Доминго; но имъ не владѣть Миссисипи, на которую они такъ зарятся. Присоединить себѣ Луизіану для нихъ было бы легко, если бы только имъ пришла мысль послать туда дессантъ, а потому необходимо какъ можно скорѣй уничтожить для нихъ возможность подобнаго завоеванія». Призванные совѣтники не согласились съ Бонапартомъ, но онъ продолжалъ стоять на своемъ, и когда прибылъ Монроэ, то прямо объявилъ, что покончитъ это дѣло, несмотря на противодѣйствія министровъ и не доводя объ этомъ до свѣдѣнія палаты. Узнавъ объ этомъ, его братья, Люсьенъ и Іосифъ, болѣе всего возстававшіе противъ такой продажи, бросились отыскивать Бонапарта. Онъ оказался въ ваннѣ, но, по обычаю того времени, ихъ допустили до него. «Іосифъ тебѣ сказалъ, что я продаю Луизіану?»—спросилъ Наполеонъ у Люсьена.—«Да,—отвѣчалъ Люсьенъ,—но я надѣюсь, что палата не дастъ на это своего согласія».—«Я также»,—прибавилъ Іосифъ. Наполеонъ вышелъ изъ себя и объявилъ, что онъ продаетъ Луизіану, не спрашивая согласія ни у кого. Братья разгорячились, и Іосифъ, подбѣгая къ ваннѣ, закричалъ, что въ случаѣ подобной дерзости со стороны перваго консула, онъ самъ взойдетъ на трибуну и уличитъ его. Наполеонъ вскочилъ и произнесъ, задыхаясь отъ гнѣва:—«ты самъ дерзкій, и я...» Но онъ не могъ окончить этой фразы, такъ какъ поскользнулся въ ваннѣ и, упавъ, обдалъ водой своего брата». Результатомъ этой забавной сцены было дѣйствительно заключеніе 10-го апрѣля 1803 года трактата, по которому Франція уступила Луизіану Соединеннымъ Штатамъ за 60.000,000 франковъ. «Я создалъ Англіи морского соперника!—воскликнулъ Бонапартъ, потирая руки отъ удовольствія:—и этотъ соперникъ унизитъ ея гордую мощь». Когда американцы узнали объ этомъ трактатѣ, то не было конца заявленіямъ народной радости. Но установленныя такимъ образомъ дружескія отношенія между

Франціей и Соединенными Штатами продолжались не долго, такъ какъ Наполеонъ, и консуломъ и императоромъ, настаивалъ на наступательномъ союзѣ между обѣими странами, обѣщая за это побудить Испанію въ уступкѣ американцамъ Флориды. Американскій конгрессъ не рѣшался на такой опасный шагъ, и Наполеонъ мстилъ за это безконечнымъ рядомъ захватовъ, въ качествѣ призовъ, американскихъ судовъ,—все подъ предлогомъ, что на нихъ англійскіе солдаты или товары. За подобными захватами слѣдовали протесты и дипломатическіе переговоры, за которыми являлись новые захваты и т. д. Все это продолжалось, съ бо́льшими или меньшими перерывами, до паденія имперіи. Естественно, что американцы были очень недовольны подобной безцеремонной политикой Франціи, и вѣрнымъ отголоскомъ этого общаго національнаго недовольства былъ только-что найденный и напечатанный въ «Century» черновой текстъ рѣчи Вебстера на конгрессѣ въ 1813 году. Этотъ извѣстный американскій ораторъ чрезвычайно краснорѣчиво заступался за попранную честь своей родины и доказывалъ историческими примѣрами, что римская республика никогда не дозволила бы, чтобы какая нибудь монархія такъ унизительно нарушала ея законныя права, а если бы случилось что либо подобное, то послала бы не пословъ для дипломатическихъ переговоровъ, а войско. Обращеніе Франціи съ Америкой онъ считалъ тѣмъ не простительнѣе, что и императоръ самъ признавалъ требованія американцевъ въ высшей степени неправильными. Однако, несмотря на постоянныя препирательства съ Американскими Штатами, когда наступила окончательная катастрофа 1815 года, Наполеонъ, по словамъ Иды Тарбель, прежде всего остановился на мысли бѣжать въ Америку и, если составленный однимъ американскимъ судохозяиномъ, Вильдеромъ, проектъ подобнаго бѣгства не удался, то лишь потому, что онъ не хотѣлъ оставить друзей и бѣжать одинъ. Впослѣдствіи островѣ на св. Еленѣ онъ не разъ говорилъ, что если бы ему удалось скрыться въ Америку, то онъ собралъ бы тамъ черезъ годъ до 100.000,000 франковъ и 60,000 французовъ, съ которыми создалъ бы новую Францію.

— Изнанка Декабрьской имперіи.—Альберъ Вандамъ на основаніи воспоминаній своего дяди продолжаетъ разсказывать въ іюньской и іюльской книжкахъ «North American Review» подноготную второй имперіи. По его словамъ, вся исторія этой имперіи была ничѣмъ инымъ, какъ длиннымъ рядомъ чисто личныхъ наполеоновскихъ эпизодовъ, и тогдашнія историческія событія совершались не изъ политическихъ, а изъ чисто личныхъ видовъ. Такъ, Крымская война была предпринята, чтобъ добиться признанія императрицы Евгеніи европейскими дворами, итальянская—для спасенія императора отъ убійства, мексиканская—для прикрытія мошенничествъ Морни, прусская—чтобъ утвердить колебавшуюся династію въ лицѣ наслѣднаго принца. Что касается до свадьбы Наполеона III, то если онъ женился на испанкѣ сомнительнаго прошлаго, безъ состоянія и не высокаго происхожденія, то вовсе не по любви, какъ это старались доказать его клевреты, а потому, что ни одна принцесса не хотѣла выйти за него замужъ, несмотря на его заискиванія у всѣхъ европейскихъ дворовъ и хлопоты его родственниковъ — Стефаніи Баденской, герцога Лейхтенбергскаго и мужа испанской королевы Изабеллы. Еще за мѣсяцъ до помолвки съ Евгеніей онъ просилъ руки Аделаиды, дочери князя Гогенлоэ, и получилъ отказъ, благодаря, главнымъ образомъ, королевѣ Викторіи и принцу Альберту, которые сильно возставали противъ этого брака. Бо́льшая часть разсказа Вандама наполнена скандальными исторіями вто-

рой имперіи, но попадаются въ немъ и любопытныя свѣдѣнія о героѣ 2-го декабря и Седана. Въ 1831 г. принцъ Луи-Наполеонъ, съ разрѣшенія короля Луи-Филиппа, провелъ нѣсколько времени во Франціи, но пока его считали больнымъ и въ постелѣ, онъ въ сущности странствовалъ по трущобамъ Парижа. Одинъ только тогдашній первый министръ, Казимиръ Перье, зналъ объ этомъ и, по его распоряженію, полицейскія власти слѣдили за всѣми похожденіями принца, 7-го мая 1831 г., будущій императоръ былъ арестованъ въ грязной гостиницѣ третьяго разряда и препровожденъ въ тюрьму Сенъ-Пелажи. Одѣтъ онъ былъ тогда въ блузѣ и въ фуражкѣ простого рабочаго, а чтобъ объяснить этотъ странный маскарадъ, причина котораго осталась навсегда тайной, его мать, королева Гортензія, распространила слухъ, что онъ изучалъ вопросъ о пауперизмѣ и для того переодѣлся рабочимъ. Эженъ Сю, крестникъ Гортензіи, узналъ отъ нея объ этомъ обстоятельствѣ и описалъ въ «Парижскихъ тайнахъ» событія мая 1831 г., назвавъ принца Луи-Наполеона Родольфомъ. Не менѣе оригиналенъ разсказъ Вандама о томъ, кто подалъ первую идею Наполеону III о перестройкѣ Парижа; оказывается, что онъ только привелъ въ исполненіе планъ одного молодого американца, котораго зналъ во время своего пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ. Однажды, дядя автора, находившійся съ императоромъ въ дружескихъ отношеніяхъ, просилъ у него мѣсто въ какой-нибудь правительственной канцеляріи для знакомаго ему молодого человѣка, и тотъ сказалъ: «я не понимаю, какъ способный молодой человѣкъ лѣзетъ въ чиновники съ жалованіемъ въ 1,200 фр. Вы говорите, что онъ знаетъ математику, архитектуру и многое еще другое, потому онъ, вѣроятно, походитъ на одного молодого человѣка, котораго я зналъ въ Америкѣ; но между ними одно различіе: мой американецъ не просился въ чиновники, чѣмъ возбудилъ бы къ себѣ презрѣніе девяти десятыхъ рабочихъ рукъ въ Новомъ Свѣтѣ; онъ хотѣлъ жить, а не прозябать; онъ поставилъ себѣ цѣлью нажить большое состояніе, но въ то же время не могъ аккуратно платить за свою комнату въ томъ второстепенномъ отелѣ, въ которомъ мы оба жили въ Нью-Іоркѣ. Однако онъ не приходилъ въ уныніе и однажды, явившись очень поздно къ обѣду, сказалъ, указывая на находившійся у него въ рукахъ свертокъ плановъ: «Я сожалѣю, что опоздалъ, но теперь у меня въ рукахъ такъ давно желанное богатство». Дѣйствительно, это были полные планы новаго города въ 40,000 жителей, съ полнымъ обозначеніемъ церквей, общественныхъ зданій, училищъ, домовъ, даже биржи. Это былъ фантастическій городъ будущаго, въ родѣ котораго я создамъ во Франціи, если проживу достаточно долго, но всѣ его мелочныя подробности были точно опредѣлены. Однако мой юноша не только нарисовалъ эти планы, но купилъ, конечно условно, мѣстность для постройки города, заключилъ контракты съ каменьщиками, инженерами, архитекторами и т. д., и вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими богатыми банкирами для составленія синдиката. Въ этотъ вечеръ я имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ и спросилъ у него съ улыбкой, такъ какъ все это казалось мнѣ очень страннымъ, очень новымъ: «вашъ городъ возникнетъ, какъ Ѳивы подъ звуки Амфіоновой лиры?» Онъ серьезно отвѣчалъ: «Миѳологію иногда можно довести до трезвой практики. Впрочемъ, я не полагаю, что мы создадимъ такіе чудеса. Я знаю только одно, что мы приступимъ къ осуществленію моихъ плановъ въ одинъ день и, я надѣюсь, окончимъ дѣло въ нѣсколько недѣль. Мы не станемъ слѣдовать примѣру Европы, гдѣ строятъ домъ за

домомъ и проводятъ улицу за улицей». «Вы старше меня,—продолжалъ императоръ, обращаясь къ дядѣ Вандама:—но, можетъ быть, переживете меня. Когда вы услышите, что люди будутъ говорить о перестройкѣ Парижа Наполеономъ III, то вы скажете всѣмъ, что онъ позаимствовалъ идею объ этомъ у американца, о которомъ Европа, вѣроятно, никогда не слыхала, потому что въ тотъ вечеръ, о которомъ я разсказываю вамъ, я рѣшился сдѣлать то, что̀ теперь совершается».

— Сынъ Европы.—Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Revue des Revues» Пьеръ Бонефонъ разсказываетъ таинственную исторію Каспара Гаузера, которая въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія надѣлала много шума и до сихъ поръ остается исторической загадкой. 26-го мая 1828 г., мирные жители Нюренберга нашли на одной изъ улицъ своего города мальчика лѣтъ шестнадцати, которой не могъ ни говорить, ни двигаться. На немъ найдена была записка, въ которой говорилось, что его зовутъ Каспаръ и что онъ родился 30-го апрѣля 1812 г. Эта записка была адресована на имя кавалерійскаго офицера мѣстнаго гарнизона, по имени Весенига, и въ ней прибавлялось, что этотъ мальчикъ хочетъ служить въ военной службѣ, какъ его отецъ. Осмотрѣвъ мальчика, котораго тотчасъ доставили ему, офицеръ заявилъ, что, по слабости здоровья и очевидному идіотизму, онъ не можетъ поступить въ солдаты, а потому городской бургомистръ, Биндеръ, взялъ его на свое попеченіе и мало-по-малу добился отъ мальчика свѣдѣній, хотя и скудныхъ, объ его предыдущей жизни. Оказалось, что онъ жилъ въ темномъ подвалѣ, никого не видѣлъ и существовалъ той пищей, которую ему приносила неизвѣстная рука во время его сна. Наконецъ, къ нему явился какой-то человѣкъ, котораго онъ называлъ «чернымъ человѣкомъ», взвалилъ его себѣ на плечи, вынесъ изъ подвала и, послѣ долгаго странствованія въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, бросилъ его на нюренбергской улицѣ, гдѣ онъ и былъ найденъ. Вся Баварія, а за ней и вся Германія, заинтересовались судьбой этого таинственнаго юноши. Профессоръ Даумеръ взялъ его къ себѣ на воспитаніе и старался развить его дремавшія умственныя способности. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ были тщетно приняты всевозможныя мѣры для выясненія таинственной загадки; неожиданно, 17-го октября 1829 года, Каспара нашли въ кабинетѣ профессора Даумера, гдѣ онъ находился одинъ, безъ чувствъ и съ двумя тяжелыми ранами отъ ножа на головѣ и шеѣ. Когда юноша очнулся, то онъ только могъ сказать, что къ нему явился «черный человѣкъ» и сказалъ, что онъ умретъ прежде, чѣмъ покинетъ Нюренбергъ. Общій интересъ къ таинственному юношѣ еще болѣе усилился и, по иниціативѣ лорда Стангопа, была составлена комиссія изъ ученыхъ съ цѣлью физическаго его изслѣдованія. Это привело къ любопытному медицинскому докладу о физическихъ свойствахъ таинственнаго юноши, но ни мало не выяснило его происхожденія, о которомъ писались безконечные трактаты безъ всякаго результата. Его біографы Маркенсъ, Шмидтъ, Любекъ, Даумеръ, лордъ Стангопъ и многіе другіе болѣе занимались физической и психологической стороной таинственнаго юноши, не считая возможнымъ сказать что либо рѣшительное объ его дѣйствительномъ происхожденіи. Всѣхъ болѣе заинтересовался имъ племянникъ Питта, лордъ Стангопъ, и помѣстилъ его въ Анспахѣ у одного учителя, по имени Мейера, до того времени, когда онъ намѣревался отвезти его самъ въ Англію, а пока не жалѣлъ средствъ на изслѣдованіе загадочной исторіи Ка-

спара Гаузера, прозваннаго, благодаря общему къ нему интересу, «сыномъ Европы». Два нѣмецкіе адвоката энергично взялись за это дѣло и потребовали, чтобы Гаузеръ отправился съ ними въ Нюренбергъ для того, чтобы съ его помощью разыскать тотъ подвалъ, гдѣ онъ такъ долго содержался. Но тотчасъ послѣ прибытія Гаузера въ этотъ городъ онъ таинственно былъ приглашенъ анонимной запиской прійти къ памятнику поэта Утца, гдѣ ему обѣщали открыть его загадочную судьбу. А когда онъ туда направился, то неизвѣстный человѣкъ напалъ на него и нанесъ ему рану въ бокъ кинжаломъ, отчего онъ и умеръ 17-го декабря 1833 года. Лордъ Стангопъ и нюренбергскій бургомистръ назначили большую награду за поимку злодѣя, но всѣ усилія къ его разысканію остались тщетны. «Сынъ Европы» умеръ также таинственно, какъ жилъ, и до сихъ поръ положительно нельзя сказать, чтобы эта загадочная личность была вполнѣ выяснена; но въ послѣднее время явилось очень вѣское предположеніе, основанное на серьезныхъ аргументахъ, о томъ, что онъ былъ сыномъ герцогини Баденской, Стефаніи, и даже нѣкоторые изслѣдователи этого таинственнаго историческаго факта указываютъ, что его отцемъ былъ Наполеонъ I. Вотъ что̀ достовѣрно извѣстно по этому предмету. Великій герцогъ Баденскій, Вильгельмъ-Августъ, вступилъ на престолъ въ 1828 году, по той причинѣ, что его племянникъ, великій герцогъ Фридрихъ, умирая, не оставилъ мужского потомства. Этотъ Фридрихъ былъ женатъ на Стефаніи Богарнэ, дочери Жозефины, которую усыновилъ Наполеонъ, и къ которой онъ, повидимому, имѣлъ болѣе нѣжныя, чѣмъ отцовскія, чувства. Извѣстно, что у Фридриха было два сына, но они умерли въ малолѣтствѣ; первый изъ нихъ родился 29-го сентяря 1812 года и по случаю его рожденія было большое празднество въ Тюльери. Ребенокъ отличался физической силой, но чрезъ семнадцать дней онъ умеръ и его похоронили въ великогерцогской часовнѣ въ Карлсруэ. Такъ какъ въ то время въ Германіи ненависть противъ Наполеона была въ самомъ разгарѣ, то является возможнымъ предположеніе, что великій герцогъ Баденскій и вообще нѣмецкая національная партія не желали допустить до германскаго престола если не отродье самого Наполеона, то во всякомъ случаѣ внука его первой жены. Отсюда одинъ только шагъ до таинственнаго похищенія ребенка, который впослѣдствіи и сдѣлался Каспаромъ Гаузеромъ. Что касается второго сына принцессы Стефаніи, то онъ безспорно умеръ естественною смертью въ 1817 году, когда уже нечего было бояться его вступленія на баденскій престолъ, въ виду паденія Наполеона. Сама принцесса Стефанія подозрѣвала въ Каспарѣ Гаузерѣ своего сына и даже вызвала его на свиданіе во Франкфуртъ-на-Майнѣ, что̀ не могло осуществиться въ виду его преждевремѐнной смерти. Но до конца своей жизни она полагала, что таинственный «сынъ Европы» былъ ея ребенкомъ, украденнымъ въ дѣтствѣ. Существуетъ одинъ любопытный документъ, подтверждающій это предположеніе, именно наслѣдная прусская принцесса говоритъ въ письмѣ къ сестрѣ великаго герцога Баденскаго, Каролинѣ Баварской:—«портретъ бѣднаго Гаузера мнѣ очень напоминаетъ черты лица вашего брата; быть можетъ, это игра воображенія, но это сходство преслѣдуетъ меня, какъ призракъ».

— Смерть Фогта и Гёксли.—Немного времени тому назадъ умерли два извѣстныхъ ученыхъ или, скорѣе, популяризаторовъ науки—Карлъ Фогтъ и Томасъ Гёксли. Вся иностранная печать переполнена біографіями и характеристиками этихъ передовыхъ умовъ. Подобно многимъ ученымъ, они

провели свою жизнь въ тиши кабинетовъ и лабораторій, за письменнымъ столомъ и на каѳедрахъ, а потому ихъ біографіи не представляютъ патетическихъ эпизодовъ. Только Фогтъ былъ въ этомъ отношеніи счастливѣе и 1848 годъ составляетъ необыкновенно живую эпоху въ его однообразной, ученой дѣятельности. Родившись въ Гиссенѣ, въ 1817 г., сынъ професора натуралиста, онъ подготовлялся въ юности къ медицинской карьерѣ, но потомъ пристрастился къ химіи и работалъ въ лабораторіи Либиха, а, въ концѣ-концовъ, посвятилъ себя занятіямъ по анатоміи и физіологіи, при чемъ одинъ изъ первыхъ изучалъ эмбріологію. Многіе труды по этимъ предметамъ сдѣлали его имя извѣстнымъ и онъ занялъ въ 1847 г. каѳедру въ университетѣ своего родного города. Вскорѣ послѣ этого разразились событія 1848 года, въ которыхъ онъ принялъ энергичное участіе и былъ однимъ изъ трехъ регентовъ германской федераціи. Приговоренный къ смертной казни, онъ бѣжалъ въ одеждѣ поселянина въ Бернъ и сдѣлался швейцарскимъ гражданиномъ. Хотя онъ игралъ очень не долго политическую роль, но до послѣднихъ дней его жизни поселяне той альпійской деревушки, гдѣ онъ любилъ проводить лѣто, указывали на его красивую, старческую фигуру, съ львиной гривой, головой Юпитера, могучимъ лбомъ и густыми, нависшими бровями, говоря при этомъ «этотъ господинъ былъ императоромъ три дня». Занимая каѳедру прежде зоологіи, а потомъ сравнительной анатоміи въ Женевскомъ университетѣ, Фогтъ написалъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій и популярныхъ сочиненій по зоологіи, антропологіи и палеонтологіи. Кромѣ того, онъ занимался живописью и даже писалъ стихи. Тѣмъ же предметамъ, кромѣ политики, стиховъ и живописи, посвятилъ свою, семидесятилѣтнюю жизнь Томасъ Гёксли. Сынъ бѣднаго учителя, онъ родился въ 1825 г. и воспитывался съ цѣлью быть докторомъ; двадцати одного года онъ принялъ участіе въ ученой экспедиціи, предпринятой на кораблѣ «Rattlesnake» въ австралійскихъ водахъ, гдѣ предался ученымъ трудамъ и, возвратясь въ Англію, получилъ каѳедру естественной исторіи въ горной школѣ, а потомъ сравнительной анатоміи и физіологіи въ королевскомъ институтѣ. Наконецъ, онъ былъ предсѣдателемъ королевскаго общества и въ послѣдніе годы сдѣлался членомъ Королевскаго тайнаго совѣта, что, однако, не побудило его заниматься политикой. Но въ продолженіе пятидесяти лѣтъ онъ принималъ самое живое участіе въ вопросахъ науки, читая публичныя лекціи и помѣщая въ журналахъ статьи по различнымъ современнымъ научнымъ вопросомъ, такъ что по остроумному выраженію одного англійскаго критика, «высидѣлъ яйцо, снесенное Дарвиномъ».

СМѢСЬ.

ТКРЫТІЕ памятника лейтенанту Д. С. Ильину. 25-го іюня, въ погостѣ Застижье, Весьегонскаго уѣзда, Тверской губерніи, происходило торжество освященія памятника на могилѣ одного изъ героевъ Чесменскаго боя. Наканунѣ была отслужена панихида, на которой провозглашена была вѣчная память Екатеринѣ II, Александру III, болярину Дмитрію Ильину) и всѣмъ воинамъ, животъ свой на полѣ брани положившимъ. На второй день, наканунѣ второго чесменскаго боя, совершенъ крестный ходъ изъ церкви къ озеру и къ памятнику на погостѣ. Памятникъ былъ закрытъ кормовымъ морскимъ флагомъ. Когда флагъ былъ спущенъ, открылся высокій въ 6 аршинъ четырехсторонній обелискъ изъ краснаго гранита на сѣрыхъ ступеняхъ; верхъ памятника увѣнчанъ русскимъ шестиконечнымъ крестомъ надъ луной, и на каждую сторону спускаются на георгіевскихъ лентахъ георгіевскіе кресты. На лицевой сторонѣ надпись: «Сооруженъ по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Александра III въ воздаяніе славныхъ боевыхъ заслугъ»; на противоположной сторонѣ надпись: «Герою Чесмы лейтенанту Ильину» и даты; на боковыхъ сторонахъ помѣщены медальоны съ изображеніемъ медали въ память Чесменскаго боя. Затѣмъ крестный ходъ вернулся обратно въ церковь. Закончилось торжество завтракомъ на полянѣ въ виду памятника.

Диспуты въ университетѣ. Магистрантъ Догель защитилъ въ университетѣ диссертацію подъ заглавіемъ: «Юридическое положеніе личности во время сухопутной войны».

Постоянно развивающееся сознаніе правъ человѣческой личности вліяетъ на взаимныя отношенія воюющихъ сторонъ, приводя ихъ къ признанію необходимости извѣстныхъ юридическихъ нормъ, ограничивающихъ произвольное примѣненіе насилія на войнѣ только тѣми случаями, когда примѣненіе это является необходимымъ для достиженія непосредственной цѣли войны.

Воюющія стороны, стараясь взаимно вредить другъ другу, должны соблюдать извѣстныя границы при выборѣ средствъ нанесенія вреда. Границей примѣненія на войнѣ хитрости служитъ условіе, чтобы хитрость и обманъ не были связаны съ вѣроломствомъ.

Боецъ, приведенный въ состояніе несопротивленія, пользуется правомъ неприкосновенности жизни и здоровья: раненые и больные имѣютъ право на оказаніе имъ медицинской помощи и на охрану ихъ жизни и здоровья.

Военноплѣненные—не преступники, но законные, обезоруженные враги.

Они могутъ быть подчинены извѣстной дисциплинѣ и извѣстнымъ законамъ плѣнившаго государства, касающимся военнаго плѣна.

Государство можетъ употреблять ихъ на производство общественныхъ работъ, лишь бы эти работы не были черезчуръ изнурительными и не имѣли какой либо связи съ военными дѣйствіями.

Таково содержаніе диссертаціи г. Догеля. Ему оппонировали профессора: Мартенсъ, Сергіевскій и Коркуновъ, признавшіе диссертанта заслуживающимъ ученой степени.

Въ виду такихъ отзывовъ, г. Догель удостоенъ юридическимъ факультетомъ степени магистра международнаго права.

— Въ то время, когда происходилъ названный диспутъ, въ другой аудиторіи университета состоялась защита диссертаціи кандидатомъ естественныхъ наукъ Н. И. Кузнецовымъ на степень магистра ботаники.

Офиціальными оппонентами были професора: А. Н. Бекетовъ и А. Я. Гоби.

Магистрантъ также удостоенъ ученой степени.

— Въ воскресенье, 30-го апрѣля, въ Петербургскомъ университетѣ экстраординарный профессоръ историко-филологическаго института Безбородка въ Нѣжинѣ, Е. В. Пѣтуховъ, защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ «Очерки изъ литературной исторіи Сѵнодика», представленную для полученія степени доктора русской словесности.

Въ своей диссертаціи Е. В. Пѣтуховъ изслѣдовалъ «Сѵнодики», находящіеся въ наиболѣе извѣстныхъ книгохранилищахъ. Подъ именемъ «Сѵнодика» въ древней русской письменности, по изслѣдованію диссертанта, скрываются троякаго рода памятники. Во-первыхъ, подъ именемъ «Сѵнодика» на Руси издавна разумѣлся «чинъ православія», заключавшій въ себѣ провозглашеніе анаѳемы и вѣчной памяти разнымъ лицамъ, во-вторыхъ — книга, куда записывались имена умершихъ для поминовенія ихъ въ церкви, и въ третьихъ—въ XVII и XVIII вв. книга, которая, кромѣ поминаній, заключала въ себѣ разнообразныя предисловія въ видѣ разсужденій, разсказовъ и другого рода статей и отрывковъ съ соотвѣтствующими иллюстраціями. Изучая памятники, диссертантъ занялся изслѣдованіемъ исторіи текста «чина православія» на русской почвѣ до половины XVIII вѣка и литературныхъ элементовъ «Сѵнодика», какъ народной книги, и пришелъ, между прочимъ, къ заключенію, что «Сѵнодикъ», какъ народная книга, обращался среди русскихъ читателей въ XVII вѣкѣ въ рукописномъ видѣ, а въ XVIII — и въ печатномъ.

— Профессоръ историко-филологическаго института, И. Н. Ждановъ, защищалъ въ актовой залѣ Петербургскаго университета диссертацію подъ заглавіемъ «Русскій былевой эпосъ», представленную для полученія степени доктора русской словесности. Диспутъ начался рѣчью И. Н. Жданова, въ которой онъ подробно и обстоятельно доказалъ самобытность и національность русскихъ былинъ и опредѣлилъ ихъ мѣсто въ современной народной жизни. Вопросъ о составѣ нашего эпоса, объ его литературной исторіи давно интересуетъ изслѣдователей русской народной словесности, но изслѣдователи, останавливаясь на выясненіи связи нашихъ былинъ съ преданіями какъ славянскихъ племенъ и народностей индо-европейскихъ, такъ и другихъ народовъ, занялись преимущественно изученіемъ заимствованій и примѣсей и забыли національное значеніе эпоса и связь былинъ съ русскимъ преданіемъ. Диспутантъ выяснилъ, что такъ-называемыя заимствованія не нарушаютъ цѣльности народнаго эпоса и не лишаютъ его національности. Напротивъ, они придаютъ эпосу полноту, раз-

носторонность и особенную историко-литературную цѣнность. Эпосъ не остается явленіемъ уединеннымъ среди другихъ отдѣловъ нашей литературы. При устной народно-пѣсенной передачѣ, несомнѣнно, сказалось на былинахъ народное творчество. Въ составъ былевого эпоса вошли не только побывальщина, но и захожія легенды или сказки, ибо памятники легендарной и сказочной литературы вообще пользовались извѣстностью, читались, пересказывались и при этомъ передѣлывались, примѣняясь къ особенностямъ мѣстнаго быта и подчиняясь вліянію міровоззрѣнія позднѣйшихъ эпохъ. Но былевой эпосъ не теряетъ отъ заимствованій и примѣсей свое историческое и литературное значеніе и свой интересъ. Указавъ на сказаніе «О князьяхъ Владимірскихъ», о борьбѣ Владиміра Мономаха и на другія былины, г. Ждановъ выяснилъ ихъ русское историческое происхожденіе и ихъ родственную связь съ нашей письменностью. Въ настоящее время народъ начинаетъ забывать древнія пѣсни. Былины сохранились только въ сѣверной окраинѣ русской земли. По этому поводу слышатся среди любителей русской словесности возгласы о паденіи старины, но движеніе народной мысли, народнаго творчества нельзя остановить ни вздохами, ни чѣмъ либо другимъ. Старина забывается потому, что не удовлетворяетъ молодаго поколѣнія. Чувствуется потребность чего-то новаго и это новое должно прійти вмѣстѣ съ образованіемъ, съ книгой или школой. «Мы, закончилъ свою рѣчь диспутантъ,—въ долгу передъ деревней. Она сохранила намъ старыя пѣсни и сказки; отплатимъ этотъ долгъ нашей новой художественной литературой. На смѣну забываемымъ пѣснямъ и сказкамъ должны выступить произведенія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого».

Официальные оппоненты: профессора А. И. Соболевскій и А. Н. Веселовскій, во время преній высказались, что труды диспутанта по русской словесности вообще и «Русскій былевой эпосъ» въ особенности, доказываютъ знакомство автора съ предметомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и являются безусловно цѣнными. Историко-филологическій факультетъ призналъ И. Н. Жданова достойнымъ степени доктора русской словесности.

† 3-го іюня, въ Царскомъ Селѣ, отъ паралича сердца, предсѣдатель комитета министровъ, академикъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ **Николай Христіановичъ Бунге**. Смерть эта произвела потрясающее впечатлѣніе на русское общество; не стало крупнаго государственнаго человѣка, мужа разума и совѣта, вся дѣятельность котораго была освѣщена удивительно свѣтлымъ ореоломъ. И друзья, и недруги—всѣ слились въ одномъ общемъ признаніи: это былъ воистину праведникъ, это былъ настоящій примѣръ честности и добросовѣстности. Таковы главныя положенія всѣхъ характеристикъ покойнаго, сдѣланныхъ на краю еще незакрытой могилы. Въ этомъ народномъ голосѣ слышится что-то величественное, торжественное и высоко-серьезное. Да, скончавшійся Н. Х., по справедливости, долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, про которыхъ можно сказать, что «пыль земли на нихъ не легла», а въ наше время, чреватое всякими сдѣлками, послабленіями совѣсти, такіе дѣятели на рѣдкость. Они свѣтятъ современникамъ свѣточемъ великой нравственной силы, а поколѣніямъ грядущимъ являютъ примѣръ высокаго подражанія; въ нихъ содержится лѣтопись цѣлой эпохи, такъ какъ они отражаютъ въ себѣ все то лучшее, свѣтлое и чистое, что̀ создало это время. Покойный Бунге, по справедливости, можетъ быть разсматриваемъ, какъ представитель освободительнаго царствованія Александра II. Онъ участвовалъ въ разрѣшеніи главнѣйшей задачи, положенной въ основаніе той незабвенной эпохи — въ разрѣшеніи крѣпостного вопроса, и послѣ того, на протяженіи всей своей научной и государственной дѣятельности, и перомъ, и дѣломъ служилъ неотступно тѣмъ же освободительнымъ принципамъ. Въ этой непоколебимости принципамъ жизни многіе усматривали доктринерство,

односторонность и прямолинейность; его пытались разубѣдить и доказать ему необходимость уступокъ практическому времени; эти голоса громко раздавались на страницахъ повременной прессы, при чемъ полемическіе пріемы его противниковъ не отличались полной чистоплотностью. Николай Христіановичъ оставался непоколебимъ и, по словамъ поэта, «непроницаемый для взглядовъ черни дикой, въ молчаньи шелъ одинъ онъ съ мыслію великой». Да, молчаніемъ отвѣчалъ онъ на непристойные возгласы противниковъ и, несмотря на громадную власть въ своемъ распоряженіи, онъ не прибѣгалъ къ ней, чтобы заставить стихнуть непріятные для себя толки. Свобода мнѣній и взглядовъ была для него святыней и на нее онъ не рѣшался поднять свою руку. Русская жизнь не имѣетъ такого другого примѣра, когда министръ, по собственной волѣ и доброму желанію, смѣло и безъ угровы выставилъ себя и свою дѣятельность на обсужденіе желающихъ, подвергъ ихъ самой придирчивой, дерзкой критикѣ. И не къ чести русской публицистики должно сказать, что она воспользовалась, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ московскихъ и петербургскихъ представителей, добровольно даннымъ имъ правомъ слишкомъ развязно и грубо. Искусственно, агитаціоннымъ образомъ созданное общественное мнѣніе одержало верхъ— Н. X. уступилъ ему и покинулъ постъ министра финансовъ, но черновая его работа въ этомъ вѣдомствѣ успѣла создать здѣсь новый порядокъ вещей, который легъ краеугольнымъ камнемъ для дѣятельности его преемниковъ. Все то, что за послѣднее время дѣлалось и дѣлается лучшаго въ министерствѣ финансовъ, такъ или иначе беретъ свое происхожденіе изъ системы, созданной въ началѣ 1880 годовъ Н. X. Онъ создалъ эту систему на основахъ теоретическихъ, почерпнутыхъ изъ книжной мудрости, до которой онъ, въ качествѣ ученаго профессора-академика, дошелъ долгимъ и труднымъ путемъ, начиная со школьной студенческой скамьи. Сынъ скромнаго, но извѣстнаго доктора, Н. X. Бунге родился въ Кіевѣ 11-го ноября 1823 года; первоначальное практическое воспитаніе онъ получилъ въ просвѣщенномъ домѣ своего отца, потомъ въ 1-й кіевской гимназіи и окончательнымъ образованіемъ обязанъ университету св. Владиміра. Получивъ степень кандидата законовѣдѣнія, молодой ученый былъ опредѣленъ преподавателемъ въ лицей кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, гдѣ оставался, по защитѣ министерской диссертаціи («Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго»), въ качествѣ профессора до 1850 года. Въ этомъ году онъ былъ переведенъ въ университетъ св. Владиміра, гдѣ занималъ каѳедры политической экономіи и статистики. Въ Нѣжинѣ профессоръ оставилъ по себѣ славную память, какъ членъ того передового кружка преподавателей, которые въ глухомъ захолустьѣ впервые подняли громко вопросы европейской науки и гражданственности. Не довольствуясь казенной педагогической дѣятельностью, Н. X. давалъ учащейся молодежи безплатные уроки у себя на дому, преимущественно по новымъ языкамъ. Съ переходомъ его въ Кіевскій университетъ, онъ перенесъ и сюда свою свѣтлую и симпатичную дѣятельность на пользу молодежи и науки. Въ теченіе 30-ти лѣтняго пребыванія на университетской каѳедрѣ, онъ неоднократно былъ призываемъ и правительствомъ, и ученой корпораціей товарищей-профессоровъ къ должности ректора, которую и правилъ съ 1859—1862 гг., съ 1871—1875 гг. и съ 1878—1880 гг. Въ 1880 г., уже въ качествѣ заслуженнаго профессора, онъ навсегда простился съ своей alma mater. Къ ученымъ трудамъ его за этотъ періодъ времени (до 1880 г.) должны быть отнесены: докторская диссертація «Теорія кредита», курсъ «Полицейскаго права», «Курсъ статистики», «Основанія политической экономіи», «Товарные склады и варранты», «О возстановленіи металлическаго обращенія въ Россіи», «О возстановленіи постоянной денежной единицы въ Россіи». Изъ этихъ трудовъ останавливаетъ на себѣ вниманіе по оригинальности взгляда

его курсъ полицейскаго права. Послѣднее не представляется ему цѣльной, самостоятельной наукой: въ ученіи о безопасности (законы благочинія) онъ усматриваетъ часть государственнаго права, а въ ученіи о благосостояніи (законы благоустройства)—прикладную часть политической экономіи. Кромѣ этихъ цѣльныхъ трудовъ, имъ написано за это время не мало статей публицистическихъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ тогдашнимъ главнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ: по вопросамъ о крестьянской реформѣ, объ акціонерныхъ обществахъ, о банковой политикѣ, объ устройствѣ учебной части въ университетахъ и мног. друг. Однако, дѣятельность ученаго профессора не ограничивалась преподаваніемъ и литературными занятіями; онъ положилъ не мало труда и времени на практическое служеніе родному городу и отечеству вообще. Такъ, въ концѣ 1850-хъ годовъ, онъ былъ приглашенъ къ занятіямъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ и преимущественно къ тѣмъ, гдѣ должны были быть намѣчены и установлены основанія и способы окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса посредствомъ выкупа надѣловъ, при содѣйствіи правительства; въ 1863 году онъ участвовалъ въ выработкѣ новаго университетскаго устава, и тогда же ему было поручено преподаваніе финансоваго права и политической экономіи цесаревичу Николаю Александровичу. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ одно время управлялъ кіевской конторой государственнаго банка, а также принималъ дѣятельное участіе въ только-что организованномъ городскомъ самоуправленіи; въ этой сферѣ покойный сдѣлалъ очень много и Кіевъ обязанъ ему немалымъ благоустройствомъ. Въ 1880 г. Н. Х. былъ призванъ на постъ товарища министра финансовъ, а съ 1881 по 1886 г.—на самостоятельную должность министра финансовъ. Тяжелое наслѣдство отъ предшествовавшихъ лѣтъ получилъ новый министръ, но онъ не смутился этимъ и приступилъ къ ряду смѣлыхъ и блестящихъ реформъ. Во-первыхъ, онъ честно и прямо показалъ въ государственной росписи крупный дефицитъ, не прибѣгая ни къ какимъ мѣрамъ затушевыванія и прикрытія этой дефектной стороны нашего бюджета; во-вторыхъ, онъ рѣшился уничтожить послѣдніе остатки крѣпостного права, стеревъ старинное различіе между податными и неподатными сословіями: отмѣнилъ подушную подать и обратилъ оброчныя подати въ выкупные платежи. Н. Х. собирался приступить и къ установленію подоходнаго налога, но это было сразу трудно сдѣлать, почему онъ и предпочелъ подготовительныя мѣропріятія: налогъ на доходъ съ процентныхъ бумагъ, процентный и раскладочный сборы съ промышленныхъ предпріятій, а отчасти налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, въ видахъ чего была учреждена податная инспекція. Наряду съ этимъ онъ обратилъ вниманіе на наше землевладѣніе, создавъ крестьянскій и, какъ уступка нѣкоторымъ вліятельнымъ сферамъ, — дворянскій банкъ. Первое учрежденіе являлось прямой поправкой реформы 19-го февраля, вслѣдствіе которой имѣлась въ виду борьба съ недостаточностью нашихъ крестьянскихъ надѣловъ. При Н. Х. банкъ процвѣталъ и только послѣ него, въ связи съ нѣкоторыми теченіями русской жизни, онъ какъ бы заглохъ и сузилъ свои операціи. Рабочій вопросъ нашелъ въ немъ также внимательнаго законодателя: закономъ 1-го іюня 1882 г. сдѣланъ серьезный шагъ на пути регламентаціи фабричнаго труда въ интересахъ рабочихъ. Таковы главнѣйшія мѣропріятія ученаго министра финансовъ, но это только главнѣйшія; за ними слѣдовала масса второстепенныхъ, касавшихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ русской жизни: уничтоженіе соляного налога, урегулированіе банковскаго дѣла, экспропріація желѣзныхъ дорогъ и многія другія. Время его управленія министерствомъ не было, однако, по внѣшнему виду временемъ удачъ и блестящихъ результатовъ; тутъ была масса независѣвшихъ отъ него причинъ, какъ-то: неурожай, закрытіе многихъ фабрикъ, торговыя банкротства, упадокъ заграничнаго отпуска и пр., и пр. Эти-то

независящія причины и послужили недругамъ министра точкой отправленія къ жестокимъ нападкамъ, доходившимъ чуть ли не до обвиненія его въ государственной измѣнѣ. Утомленный борьбою и усиленной работой, Н. Х. въ январѣ 1887 г. покинулъ должность министра финансовъ, уступивъ ее практическимъ дѣятелямъ, а самъ принялъ назначеніе на высокій и отвѣтственный постъ предсѣдателя комитета министровъ; здѣсь его дѣятельность не была, что̀ называется, уже такъ на виду, почему и толки о немъ въ печати смолкли. Весь этотъ періодъ, однако, вплоть до іюня текущаго года, былъ посвященъ излюбленной имъ финансовой наукѣ; онъ выступаетъ снова передъ публикою въ качествѣ ученаго экономиста съ двумя превосходными трудами: «Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи» и «Очерки политико-экономической науки». Въ предисловіи къ послѣднему труду онъ нѣкоторымъ образомъ даетъ невольную обрисовку своей симпатичной, гуманной и просвѣщенной личности: «въ каждой наукѣ,—говоритъ онъ, есть незыблимыя истины. Такъ, уваженіе нравственнаго достоинства человѣка, его личности, понятіе о долгѣ и связанной съ послѣднимъ отвѣтственности принадлежатъ къ числу тѣхъ аксіомъ, которыя облегчаютъ для насъ вѣрное пониманіе явленій общественныхъ». Это уваженіе къ нравственнымъ достоинствамъ человѣка служило ему путеводной нитью и въ выборѣ сотрудниковъ, и въ приближеніи къ себѣ учениковъ. Отношенія къ послѣднимъ со стороны бывшаго профессора были удивительно трогательныя. Въ нихъ есть что-то общее съ отношеніями Сократа къ ученикамъ. Въ дни праздниковъ и въ часы досуга онъ постоянно собиралъ вокругъ себя молодыхъ представителей финансовой и экономической науки, велъ съ ними длинныя бесѣды и интересовался ихъ трудами и научными занятіями. Эта молодежь, будущность Россіи, была ему дорога и ей онъ отдавалъ всѣ свои заработки и вознагражденія; себѣ онъ оставлялъ лишь малую часть на текущія нужды, весьма, впрочемъ, скромныя, весь же избытокъ шелъ на поддержаніе учащихся и недостаточныхъ изъ нихъ, при чемъ помощь эта дѣлалась воистину по-евангельски. Вся совокупность указанныхъ качествъ и заслугъ передъ отечествомъ и сдѣлала то, что вѣсть о неожиданной кончинѣ этого философа-праведника отозвалась болью въ сердцѣ всѣхъ, кому дороги историческія судьбы нашей государственной жизни: не стало безупречно-честнаго дѣятеля, чье недремлющее око было всегда устремлено на духовное и матеріальное благополучіе Россіи. Дѣятельность Н. Х., какъ министра финансовъ, нашла себѣ прекрасную характеристику въ ст. «Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ» «Стараго профессора», помѣщенной въ «Журналѣ юридическаго общества» 1895 г., № 2 и 4.

† 22-го мая, въ 3 часа дня, отъ остраго бронхита, извѣстный путешественникъ, писатель, докторъ медицины **Александръ Васильевичъ Елисѣевъ**. Смерть застигла отважнаго и неутомимаго путешественника во время его научныхъ приготовленій къ новой, полной опасности и таинственной неизвѣстности, экспедиціи въ центральную Африку, въ страну махдистовъ, куда уже онъ дважды съ рискомъ для жизни пытался проникнуть. Елисѣевъ былъ упорный труженикъ, и вся жизнь его, отъ ранняго сознательнаго возраста до послѣднихъ часовъ существованія на землѣ, есть непрерывная цѣпь труда. Съ винтовкой за плечами, въ глухой тайгѣ, подъ сѣнью вѣковыхъ кедровъ и дубовъ, или на необозримомъ пространствѣ Африки подъ знойными лучами полуденнаго солнца, въ тиши своего кабинета-музея въ Лѣсномъ, вездѣ онъ является работникомъ на пользу горячо любимой науки, безъ всякаго исканія личнаго счастья, довольства или покоя. Его жизненный путь развертывался скромно, тихо и достаточно сиротливо; можетъ быть, вслѣдствіе прирожденной скромности, или по чисто случайнымъ причинамъ, покойный путешественникъ дѣлалъ свое трудное дѣло безъ всякой поддержки ученыхъ обществъ или меценатовъ. На деньги, добытыя по̀томъ и кровью,

предпринималъ онъ свои дальнія и разнообразныя экскурсіи; по возвращеніи на родину, онъ садился за письменный столъ и повѣдывалъ читающей публикѣ, что ему пришлось видѣть на бѣломъ свѣтѣ. Заработавъ этимъ литературнымъ путемъ скудное вознагражденіе, А. В. снова стремился употребить эти крохи на новыя путешествія, на новыя скитанія. И такъ всю жизнь... Остававшіеся незаполненными отъ путешествій и литературныхъ трудовъ интервалы онъ не жертвовалъ досугу, удовольствію; онъ покрывалъ ихъ трудомъ и работой въ области своей спеціальности, какъ врачъ-практикантъ. Здѣсь кроется очень сердечная и свѣтлая сторона жизни А. В. Онъ былъ истиннымъ другомъ бѣдняковъ и двери его квартиры въ Лѣсномъ были всегда широко открыты передъ всякою больною и недомогающей нищетой. Смерть доктора-безсребренника вызвала не мало искреннихъ и горячихъ слезъ недостаточнаго населенія окраины Петербурга.

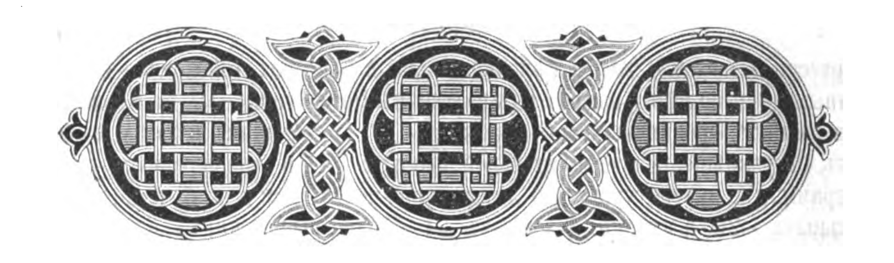
Страсть къ путешествію открылась въ Елисѣевѣ очень рано и ея развитію въ значительной степени содѣйствовала домашняя обстановка, окружавшая его со дня рожденія. Отецъ его служилъ въ одномъ изъ армейскихъ полковъ и молодой Елисѣевъ, родившійся въ 1858 г., до девятилѣтняго возраста находился безотлучно при родителѣ, сопровождая его всюду: и въ казармы, и въ лагери; военная жизнь, военная среда, военные первые учителя—все это вмѣстѣ взятое создало въ немъ мужество, отвагу, стойкость и выдержку рядомъ съ простотой, довольствомъ малымъ и безхитростной прямотой. Слѣдующей стадіей его воспитанія была кронштадтская гимназія, гдѣ онъ пользовался особымъ расположеніемъ гимназическаго законоучителя, о. Іоанна Кронштадтскаго. По окончаніи гимназіи, онъ перешелъ сначала въ Петербургскій университетъ, а потомъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1882 г. Дальнѣйшая служебная карьера молодого врача не сложна. До 1887 г. онъ числился по военному вѣдомству, состоя при военныхъ лазаретахъ разныхъ частей войскъ—въ Финляндіи, Петербургѣ, Остзейскомъ краѣ, на Кавказѣ, а послѣ того перечислился въ м-ство внутреннихъ дѣлъ, откуда въ теченіе всего времени службы получалъ неоднократныя командировки: въ 1889 г. въ Южно-Уссурійскій край для сопровожденія переселенцевъ, въ 1890 г.—въ Персію для изученія развитія холерныхъ эпидемій, въ 1892 г.—въ Челябинскій уѣздъ для борьбы съ голоднымъ тифомъ, въ 1893 г.—въ Бессарабію и Подолію для борьбы съ свирѣпствовавшей тамъ въ грозныхъ размѣрахъ холерой. Но не на практическомъ поприщѣ военнаго и гражданскаго врача составилъ себѣ покойный А. В. почетное имя; онъ былъ рожденъ для иного круга дѣятельности—дѣятельности разнообразной и полной тревогъ и приключеній. Уже въ 1875 г., будучи еще кронштадтскимъ гимназистомъ, Елисѣевъ, по собственному почину, въ вакаціонное время впервые обходитъ значительную часть Финляндіи и тогда же совершаетъ дальнія путешествія по Новгородской и Псковской губерніямъ. На слѣдующій годъ ему удается заграничная поѣздка и онъ объѣзжаетъ всѣ европейскія главныя страны, за исключеніемъ Англіи и Балканскаго полуострова; въ 1877 г. онъ странствуетъ снова по Финляндіи и Кореліи, а слѣдующіе года до 1881 г. онъ посвящаетъ изученію Великороссіи и, главнымъ образомъ, сѣверной ея части. Совершенныя здѣсь экскурсіи описаны въ первыхъ 13 главахъ I т. соч. «По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта». Но эти странствованія не носили на себѣ еще характера научныхъ изслѣдованій, и молодой путешественникъ, хотя и останавливалъ свое вниманіе на курганахъ и любопытныхъ типахъ наблюдаемыхъ народностей, однако не преслѣдовалъ какихъ либо строго опредѣленныхъ цѣлей и не имѣлъ передъ собою строго выработанной программы. Послѣднія свойства его путешествій опредѣляются лишь съ 1880-хъ годовъ, когда онъ впервые посѣщаетъ Востокъ — Египетъ, Аравію, Палестину. Здѣсь уже выступаетъ на первый планъ его склонность къ занятіямъ антропологіей и этнологіей.

Однако въ этихъ областяхъ ему немного удалось сдѣлать и не потому, чтобы онъ былъ лишенъ для того достаточныхъ природныхъ дарованій, а отъ самаго свойства его экскурсій и изъ-за обстановки, при которыхъ онѣ имѣли мѣсто. Выше уже сказано, что А. В. предпринималъ свои научныя путешествія на собственный страхъ и рискъ, на собственные скудные заработки отъ врачебной практики и занятій литературой. Вслѣдствіе этого, его поѣздки не могли быть въ должной мѣрѣ и достаточной степени хорошо и комфортабельно обставлены. «Пробираясь обыкновенно въ одиночку или съ однимъ проводникомъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ соч. «По бѣлу свѣту»,—нерѣдко неся на себѣ весь свой багажъ, дѣлая цѣлыя сотни верстъ пѣшкомъ, частенько голодая, не говоря уже о полномъ отсутствіи всякаго комфорта, которымъ болѣе или менѣе обставляютъ себя почти всѣ экскурсанты,—я, разумѣется, не могъ и думать везти съ собою различные снаряды и приборы для производства тѣхъ или другихъ научныхъ наблюденій. Какая тутъ можетъ быть рѣчь о разныхъ аппаратахъ, когда мнѣ нерѣдко приходилось изъ своего скуднаго дорожнаго багажа выбрасывать даже единственную смѣну бѣлья для того, чтобы помѣстить туда записки или лишнюю бутылку воды?!» Такова, по собственному сознанію А. В., отрицательная сторона его научной экскурсантской дѣятельности; но рядомъ съ нею необходимо отмѣтить другую—положительную, которая значительно выдвигаетъ его изъ ряда собратьевъ по профессіи. Ни одинъ изъ нашихъ путешественниковъ не поработалъ такъ много, успѣшно и плодотворно въ области ознакомленія русской читающей массы съ результатами своихъ наблюденій. Елисѣевъ былъ типичный и въ высшей степени даровитый популяризаторъ. Его бойкое и красивое перо удивительно удачно передавало на бумагѣ все то, что ему приходилось видѣть, слышать и наблюдать на бѣломъ свѣтѣ. Всякое его возвращеніе домой сопровождалось рядомъ статей въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати и при этомъ статей не въ видѣ свода голыхъ фактовъ и отчетовъ, но съ широкими обобщеніями, съ перспективой исторической, политической и экономической. Послѣ первой поѣздки на Востокъ, онъ въ 1882 г. совершаетъ путешествіе по Скандинавскому полуострову и Лапландіи, а въ слѣдующемъ году снова появляется на Востокѣ, доходитъ до первыхъ пороговъ Нила, пересѣкаетъ пустыню отъ Кеннэ до Койсира, огибаетъ берега Краснаго моря, заходитъ черезъ Акабу въ Синайскую пустыню и посѣщаетъ Петру. Въ 1884 г. Елисѣевъ былъ командированъ Палестинскимъ обществомъ въ Св. Землю для изученія положенія русскихъ паломниковъ. Этому путешествію онъ посвятилъ чрезвычайно интересную книгу «Съ русскими паломниками на Святой землѣ весною 1884 г.». Значительная же часть (не спеціальная—о паломникахъ) имъ изложена въ названномъ уже трудѣ «По бѣлу свѣту». Возвращаясь съ командировки Палестинскаго общества, онъ пытался пробраться въ Фецанъ, но безуспѣшно, почему и пришлось ограничиться изслѣдованіемъ части Туниса и Алжира и поѣздкой въ Сахару до Гадалиса. Въ 1886 г. онъ прошелъ поперекъ Малой Азіи, каковую поѣздку и описалъ въ ст. «Значеніе Малой Азіи для Россіи», напечатанной въ «Историч. Вѣстн.» за 1888 г. Въ 1889 г. онъ предпринялъ изученіе Южно-Уссурійскаго края и положеніе нашей тамъ колонизаціи, каковые взгляды на этотъ предметъ онъ и изложилъ въ статьяхъ «По Южно-Уссурійскому краю» («Истор. Вѣстн.» 1891 г.) и «Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація» («Русское Обозрѣніе» 1891 г.). Отсюда онъ проѣхалъ въ Японію, гдѣ пробылъ 1½ года, и экскурсировалъ на Цейлонъ. Въ 1893 году онъ пытается осуществить свою излюбленную мечту—проникнуть въ среднюю Африку. Эта страна чернокожихъ привлекала его къ себѣ въ особенности; онъ усматривалъ здѣсь узелъ будущихъ крупныхъ европейскихъ событій, а потому и считалъ, что изслѣдованіе ея должно имѣть особенное значеніе. Въ этихъ видахъ онъ пробирается въ Суданъ, занятый махдистами, но здѣсь на пути слѣдованія подвергается напа-

денію дикарей, лишается всего имущества и лишь благодаря сильному ходомъ верблюду самъ съ трудомъ спасается бѣгствомъ, но ко всѣмъ бѣдамъ его постигаетъ солнечный ударъ и онъ возвращается на родину разбитый физически и усталый душевно. Людямъ пытливой энергіи, однако, некогда давать воли нервамъ и физической боли. Елисѣевъ быстро оправляется и въ 1894 г. снова стремится къ излюбленному центру Африки; онъ присоединяется къ каравану г. Леонтьева, достигаетъ Абиссиніи и возвращается обратно въ Петербургъ весною 1895 г., чтобы снова набраться силъ къ слѣдующей экскурсіи по тому же направленію. Но судьбѣ угодно было другое: человѣка не стало и тѣнистое Смоленское кладбище разверзло свои нѣдра, чтобы навсегда схоронить молодую, неугомонную русскую силу, всю жизнь рвавшуюся въ невѣдомую даль, къ опасностямъ, бурямъ житейскимъ и невзгодамъ земнымъ...

† Въ Софіи русскій историкъ и публицистъ **Михаилъ Петровичъ Драгомановъ**, послѣднее время проживавшій въ Болгаріи, гдѣ онъ занималъ мѣсто профессора всеобщей исторіи въ высшей софійской школѣ. М. П. родился въ 1841 году въ Украйнѣ, въ малороссійской дворянской семьѣ. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, М. П. окончилъ курсъ въ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ и первое время занимался преподаваніемъ географіи въ кіевскихъ гимназіяхъ, а затѣмъ перешелъ въ университетъ, гдѣ ему было предложено читать лекціи по всеобщей исторіи. Въ 1870 году М. П., по защитѣ диссертаціи «Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитѣ», получилъ степень магистра исторіи и былъ командированъ за границу. Переѣхавъ въ Галицію, онъ знакомится съ галицкими партіями и оказываетъ значительное вліяніе на развитіе галицкаго общественнаго движенія (см. его «Галицко-руськи спомини»). Въ 1876 г. М. П. покинулъ Россію и переѣхалъ за границу. Еще по выходѣ своемъ изъ университета покойный помѣстилъ въ журналахъ нѣсколько статей, посвященныхъ защитѣ малороссійскаго языка въ народной школѣ. Съ переѣздомъ же за границу, Драгомановъ всецѣло отдался литературной и публицистической дѣятельности. Перечислить всѣ напечатанныя его статьи трудно въ краткомъ некрологѣ: такая масса написана имъ брошюръ и статей литературно-общественнаго и политическаго характера, на русскомъ, малороссійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ. Изъ русскихъ журналовъ Драгомановъ помѣщалъ свои статьи въ «Отечествен. Записк.»: «Борьба за духовную власть и свободу совѣсти въ XVI и XVII вв.» (1875 г.); «Вѣстн. Европы»: «Восточная политика Германіи и обрусеніе», «Русскіе въ Галиціи», «Литературное движеніе въ Галиціи», «Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ» и пр. (1872, 1873, 1875 гг.); «Дѣлѣ»: «Литературно-общественное движеніе въ Галиціи» (1880 г.); въ львовской «Правдѣ»: «Литература россійска, великорусска, украинска, галицка» (1873—74 гг.) и проч.; много этнографическихъ работъ его напечатано въ болгарскомъ «Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина» (Софія). Изъ болѣе крупныхъ его сочиненій назовемъ: «Малорусскія народныя преданія и разсказы», «Историческія пѣсни малорусскаго народа» (1874—75), составлена совмѣстно съ проф. В. Б. Антоновичемъ и удостоена Уваровской преміи. Продолженіе этого труда вышло уже за границей. «Историческая Польша и великорусская демократія», «Галицко-русское письменство»—предисловіе къ изданію повѣстей О. Федьковича (Кіевъ, 1876); «Къ вопросу о малорусской литературѣ» (Вѣна, 1876), «The last menstrel of Ukraïna» («Athenaeum» 1873), «Studi etnografici a Kief», «La littérature oukraïnnienne... rapport présenté au congrès littéraire de Paris (1878), то же по-итальянски и по галицко-русски. Кромѣ того, Драгомановъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи тома географіи Реклю, который посвященъ Украйнѣ.

† 24-го апрѣля, на 67-мъ году жизни, въ Олонсѣ, въ Крыму, дѣйствительный тайный совѣтникъ **Александръ Ивановичъ Деспотъ-Братошинскій-Зеновичъ**, одинъ изъ видныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ. Большую часть своихъ трудовъ покойный отдалъ крайнему Востоку, гдѣ память о немъ чрезвычайно жива и понынѣ даже среди простого народа. А. И. происходилъ изъ древняго магнатскаго западнорусскаго рода. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1848 г., онъ сталъ готовиться къ профессорской дѣятельности, но случайныя обстоятельства измѣнили его первоначальный планъ. Несмотря на то, что А. И. жилъ въ Москвѣ въ семьѣ своего дяди по матери, московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова, онъ, во время пребыванія П. А. Тучкова за границею, былъ ошибочно заподозрѣнъ въ неблагонадежности и сосланъ на жительство въ Пермскую губернію. Впослѣдствіи ошибка выяснилась, но А. И. уже не пожелалъ возвратиться изъ Перми, гдѣ служилъ въ канцеляріи губернатора. Въ это время уѣзжалъ въ Сибирь гр. Н. Н. Муравьевъ (Амурскій). А. И. былъ рекомендованъ ему, какъ человѣкъ талантливый и энергичный. Муравьевъ принялъ живое участіе въ его судьбѣ и предложилъ ему сначала мѣсто переводчика главнаго управленія Восточной Сибири, а потомъ—пограничнаго комиссара кяхтинскаго градоначальства. Съ этого момента цѣлое десятилѣтіе работалъ А. И. на китайско-русскомъ пограничьѣ и плоды его дѣятельности показываютъ, до какой степени кипучею была эта работа. Онъ принималъ участіе въ коммерческихъ собраніяхъ Кяхты, руководилъ ими и указывалъ купечеству пути для измѣненія стѣснительныхъ условій торговли. Мѣстное общество отличалось крайнею косностью и отсутствіемъ всякихъ интеллектуальныхъ интересовъ,—А. И. старался всѣми силами прійти на помощь ему и оживить: по его иниціативѣ стали выписываться журналы, устраиваться литературные бесѣды, основался клубъ, а въ Троицкосавскѣ—дѣтскій пріютъ. Послѣ назначенія его на постъ градоначальника, жизнь этого отдаленнаго русскаго уголка потекла еще живѣе. Какъ находилъ А. И. возможнымъ поспѣвать всюду,—рѣшительно не постижимо: онъ помогалъ мѣстному крестьянину совѣтами и выпискою на свои средства сѣмянъ, чѣмъ значительно поднялъ земледѣліе въ этомъ краѣ; ему принадлежитъ видная роль въ дѣлѣ заключенія съ Китаемъ трактата 1860 г., сохраняющаго и теперь свою силу; онъ открылъ злоупотребленія кяхтинской таможни и этимъ увеличилъ доходы казны до полутора милліона ежегодно; благодаря ему былъ снаряженъ первый огромный караванъ въ Китай и т. д. Все это не мѣшало ему давать уроки въ воскресныхъ школахъ и собирать у себя мѣстное общество. Въ 1862 г. А. И. былъ назначенъ тобольскимъ губернаторомъ и управлялъ губерніей въ продолженіе пяти лѣтъ. За это время населеніе, особенно переселенцы, цѣня заслуги покойнаго, успѣло полюбить его и съ сожалѣніемъ простилось съ нимъ, когда онъ получилъ новое назначеніе въ Петербургѣ. Вторая половина жизни А. И. протекла въ столицѣ, но нравственныя связи его съ любимою окраиною никогда не прерывались. Онъ принималъ участіе въ комиссіи объ устройствѣ каторжныхъ работъ на Сахалинѣ, объ административномъ дѣленіи Сибирскаго края, о выборѣ мѣста для сибирскаго университета, при чемъ окончательное рѣшеніе состоялось на основаніи усиленныхъ стараній и представленій А. И. Долго было бы говорить о другихъ административныхъ трудахъ покойнаго. Жизнь его интересна и внѣ этой офиціальной дѣятельности. Занимаясь въ тиши своего кабинета изученіемъ современной русской и иностранной литературы, онъ среди книгъ, своихъ мертвыхъ друзей, не забывалъ и живыхъ, и все благородное, доброе и свѣтлое находило въ немъ живой откликъ. Двери его дома были всегда открыты для нуждающагося. Онъ жилъ исключительно для другихъ и не оставилъ послѣ себя никакихъ средствъ.

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ РОССІИ ВЪ 1894 ГОДУ [1]).

II.

Періодическая печать.

Ъ МИНУВШЕМЪ 1894 году разрѣшено было 45 новыхъ періодическихъ изданій, большая часть которыхъ должна была начать свой выходъ въ свѣтъ въ теченіе года и только два-три журнала, вслѣдствіе поздняго разрѣшенія, могли впервые появиться въ текущемъ году. Сравнительно съ 1893 годомъ новыхъ повременныхъ изданій разрѣшено на восемь менѣе.

По нашему счету къ началу 1895 года въ Россіи [2]) должно было бы выходить 825 разныхъ періодическихъ изданій, за нѣкоторыми же, указанными ниже, исключеніями—802 изданія. Допустить вѣроятность этого послѣдняго числа едва ли возможно, во-первыхъ, потому, что не всѣ изданія осуществляются, и, во-вторыхъ, начавъ выходъ, многіе изъ нихъ частенько не выдерживаютъ даже и годичнаго срока. Но такъ какъ первые случаи никогда своевременно не объявляются къ свѣдѣнію, послѣдніе же становятся извѣстными лишь по прошествіи года, то, поэтому, и на приведенный нами выводъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на приблизительный; во всякомъ же случаѣ онъ не особенно далекъ отъ дѣйствительности.

Изъ общаго числа 45 вновь разрѣшенныхъ изданій должно было выходить:

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 251.

[2]) Финляндія въ нашъ обзоръ не входитъ. Повременные органы печати въ Финляндіи издаются только на шведскомъ и финскомъ языкахъ, изъ нихъ въ 1894 году было: шведскихъ—68 и финскихъ—86, всего слѣдовательно 154 изданія.

на русскомъ языкѣ—39, на нѣмецкомъ языкѣ—3, на эстонскомъ—1 и смѣшанныхъ—2; по мѣсту выхода издаваться: въ Петербургѣ—19, въ Москвѣ—7 и въ разныхъ провинціальныхъ городахъ—19; по условіямъ изданія: выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры—41 и безцензурныхъ—4; по программамъ: литературныхъ и литературно-политическихъ—9 изданій, спеціальныхъ—26, а именно: духовныхъ—4, библіографическихъ—3, хозяйства вообще и сельскаго въ частности—8, юридическихъ—1, медицинскихъ—1, географическихъ—1, музыкальныхъ—1, дѣтскихъ—2 и другихъ спеціальностей—5, справочныхъ—10; по времени выхода изданія въ свѣтъ: ежедневныхъ—4, по нѣсколько разъ въ недѣлю—7, еженедѣльныхъ—7, по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ—6, ежемѣсячныхъ—13, по нѣсколько разъ въ годъ—6 и неопредѣленно—2. Преобладаніе въ новыхъ изданіяхъ цензурныхъ надъ безцензурными объясняется тѣмъ, что большая часть изъ нихъ иллюстрируется.

Отмѣчаемъ перемѣны, касающіяся періодическихъ изданій прежнихъ лѣтъ: объявлены окончательно прекратившимися — 20 изданій; измѣнили названія—9 изданій, перешло изъ одного города въ другой—7 изданій: въ Петербургъ—«Русскій Охотникъ» изъ Москвы и «Другъ животныхъ» изъ Ревеля; изъ Петербурга: въ Москву—журналъ «Дѣтское Чтеніе» и приложеніе къ нему «Педагогическій Листокъ», и въ г. Харьковъ—журналъ «Современная клиника»; изъ г. Ревеля въ г. Ригу «Baltische Monatsschrift»; изъ г. Юрьева въ г. Ревель—эстонская газета «Eesti Postimees ehk Naddalaleht», и изъ г. Феллина въ г. Перновъ—эстонскій журналъ «Linda»; получили разрѣшеніе выходить безъ предварительной цензуры—3 изданія (одно изъ нихъ—«Наше жилище» — новое); расширили или измѣнили первоначальную программу — 10 изданій; получили право выпускать приложенія—5 изданій, помѣщать въ текстѣ рисунки—5 изданій, перемѣнились редакторы въ 40 изданіяхъ и издатели въ 33; возобновилось одно изданіе, приложеніе къ «Журналу Охотникъ»—«Дневникъ Охотника»—обращено въ самостоятельный журналъ. Кромѣ того, не состоялась подписка на газету «Торгово-Промышленный Посредникъ», предполагавшуюся къ изданію въ Варшавѣ, и отсрочено на годъ изданіе журнала «Воскресная Бесѣда».

Принявъ въ расчетъ всѣ указанныя измѣненія, получаемъ то положеніе, въ какомъ должна была находиться повременная печать въ Россіи къ началу 1895 года сравнительно съ 1894; положеніе это будетъ слѣдующее:

	Къ началу 1894 г. было:	Къ началу 1895 г. было:
Всего періодическихъ изданій	779	802
На русскомъ языкѣ	623	642
На иностранныхъ языкахъ	156	160
Цензурныхъ.	524	540
Безцензурныхъ.	255	262
Ежедневныхъ	113	112
Выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю	93	101
Еженедѣльныхъ	221	223
Выходящихъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ	102	105

	Къ началу 1894 г. было:	Къ началу 1895 г. было:
Ежемѣсячныхъ	170	175
Выходящихъ нѣсколько разъ въ годъ .	54	58
Выходящихъ неопредѣленно	26	28

Приводимъ указаніе на продолжительность выхода въ свѣтъ, годо-изданіе, тѣхъ періодическихъ изданій, которыя въ 1894 году были объявлены окончательно прекратившимися.

НАИМЕНОВАНІЕ ИЗДАНІЙ:	Начало изданія.	Годо-изданія.
«Анонсъ», въ Тифлисѣ	Съ 1888 г.	6 лѣтъ.
«Библіографическія Записки», въ Москвѣ . .	» 1892 »	2 года.
«Ветеринарное Дѣло», въ Петербургѣ	» 1883 »	11 лѣтъ.
«Всемірная Библіотека. Собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей», въ Петербургѣ. . .	» 1891 »	3 года.
«Голосъ Землевладѣльцевъ», въ Петербургѣ .	» 1892 »	2 года.
«Dziennik Lodzki», въ Лодзи	» 1884 »	10 лѣтъ.
«Елисаветградскій Вѣстникъ», въ Елисаветградѣ	» 1876 »	18 лѣтъ.
«Колосья», въ Петербургѣ	» 1886 »	8 лѣтъ.
«Московская Газета», въ Москвѣ	» 1890 »	4 года.
«Одесскій Вѣстникъ», въ Одессѣ	» 1826 »	68 лѣтъ.
«Пантобибліонъ», въ Петербургѣ	» 1891 »	3 года.
«Посредникъ печатнаго дѣла», въ Петербургѣ	» 1891 »	3 года.
«Правда», въ Петербургѣ	» 1888 »	6 лѣтъ.
«Russiche Revue», въ Петербургѣ	» 1872 »	22 года.
«Семейная Библіотека», въ Петербургѣ . . .	» 1890 »	4 года.
«Театральная Газета», въ Петербургѣ[1]) . .	» 1884 »	10 лѣтъ.
«Художникъ», въ Петербургѣ	» 1891 »	3 года.
«Указатель торгово-промышленности въ Россіи», въ Петербургѣ	» 1889 »	5 лѣтъ.
«Учитель Лингвистъ», въ Петербургѣ . . .	» 1890 »	4 года.

Изъ этого перечня видно, что бо̀льшее число прекратившихся изданій выходило въ Петербургѣ и что потеря трехъ изданій, по упроченности положенія, указывающей на ихъ значеніе, — должна считаться крупною утратою. Мы не знаемъ тѣхъ причинъ, которыя вынуждаютъ то или другое изданіе прекращать свое существованіе, и потому въ отношеніи недолголѣтнихъ изданій предполагаемъ ее въ недостаткѣ подписчиковъ; однако такое предположеніе будетъ непримѣнимо къ журналу «Учитель Лингвистъ», который съ перваго же года пошелъ настолько успѣшно, что потребовался второй выпускъ журнала.

Минувшій годъ по отношенію къ періодической печати можно назвать благосклоннымъ годомъ—въ теченіе его было всего только четыре случая примѣненія карательныхъ мѣръ, а именно: 1-го апрѣля объявлено о пріостановленіи на восемь

[1]) Первоначальное названіе «Театральный Мірокъ».

мѣсяцевъ изданія газеты «Югъ»; 12-го іюля—прекращено печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ «Русская Жизнь» и пріостановлена розничная продажа изданія, то и другое было допущено 27-го августа; 22-го сентября воспрещена, а 23-го ноября допущена розничная продажа номеровъ газеты «Одесскія Новости», и 29-го октября воспрещена, а 10-го ноября допущена розничная продажа отдѣльныхъ номеровъ газеты «Петербургская Газета».

Этимъ статистико-библіографическими данными исчерпывается обзоръ періодической печати минувшаго года. Но было бы непростительно съ нашей стороны, если бы мы, въ заключеніе, не сказали хотя нѣсколько словъ о недавно вышедшемъ трудѣ Н. М. Лисовскаго—«Русская періодическая печать 1703—1894 гг.» (выпускъ 1-й). Этотъ многолѣтній трудъ г. Лисовскаго, первый и единственный въ Россіи, является драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую библіографическую литературу,—книгою давно жданною и желанною. Заслуживая по одному этому особаго и полнаго вниманія, книга «Русская періодическая печать» должна стать настольною не только для библіотекъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кого интересуетъ русская журналистика, кому въ трудахъ его приходится обращаться къ содѣйствію ея. Книга г. Лисовскаго, съ ея библіографическими свѣдѣніями и графическими таблицами, облегчаетъ, до простой наглядности, существенныя историко-библіографическія справки по журналистикѣ: по ней узнаешь, когда началось и кончилось какое-либо изданіе, измѣнило ли и какъ свое первоначальное названіе и т. п.; словомъ, получается та руководящая нить, на отысканіе которой затрачивалось много времени, потому что никто не могъ указать вамъ этой нити. Теперь, скажемъ мы, Рубиконъ перейденъ, остается только продолжать путь; онъ сталъ легокъ, теперь сдѣлалось возможнымъ сравненіе настоящаго положенія нашей журналистики съ прошлымъ и другія о ней изслѣдованія. Мы не дѣлаемъ сказаннаго сравненія теперь же и отлагаемъ его на будущее только потому, что хотимъ обождать выхода 2-го выпуска изданія Н. М. Лисовскаго, чтобы имѣть возможность придать этимъ сравненіямъ больше интереса [1]).

Изданія, вновь разрѣшенныя въ 1894 году.

Въ общемъ числѣ періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ вновь въ минувшемъ году, можно до десятка насчитать такихъ, кратковременность существованія которыхъ или несостоятельность подписки на нихъ представляется вѣроятной. Всѣ эти листки объявленій и разныя указатели не что иное, какъ бумажный хламъ, никому не нужный, не только въ провинціальныхъ городахъ, но даже и въ столицахъ, гдѣ въ справочныхъ свѣдѣніяхъ имѣется больше

[1]) Экспертиза выставки печатнаго дѣла признала за трудами Н. М. Лисовскаго выдающееся значеніе и поэтому выдѣлила ихъ изъ числа остальныхъ экспонентовъ, присудивъ г. Лисовскому особую высшую награду — почетный дипломъ, наравнѣ съ однимъ только Императорскимъ обществомъ древней письменности. Редакція же издаваемаго комитетомъ выставки «Обзора», во вниманіе къ такой дѣятельности г. Лисовскаго, помѣстила его біографію съ портретомъ (см. «Обзоръ» №№ 29 и 33).

нужды. Указывая эти изданія въ нашихъ обзорахъ, мы не желаемъ тѣмъ придавать имъ какое либо значеніе—дѣлается это только для счета и полноты.

Сравнительно съ 1893 годомъ разрѣшено изданій менѣе на три и, въ общемъ числѣ ихъ, 4 должны выходить на инородныхъ языкахъ. Но строго говоря, въ 1894 году было разрѣшено не 47 періодическихъ изданій, а 45, такъ какъ два академическихъ изданія являются видоизмѣненіемъ раньше существовавшаго журнала. Вотъ перечень и программы новыхъ изданій:

«Библіотека знаменитыхъ писателей». Изданіе литературное, иллюстрированное, выходитъ въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, ежемѣсячно; редакторъ и издатель петербургскій купецъ Александръ Маврикіевичъ Вольфъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 4-го мая 1894 года. Программа изданія: сочиненія русскихъ писателей, а также и иностранныхъ авторовъ въ русскомъ переводѣ, съ ихъ кратко-біографическими очерками и примѣчаніями къ ихъ произведеніямъ, портреты, иллюстраціи, рисунки, картины, объявленія.

«Windauscher Anzeiger». Этотъ листокъ выходитъ въ г. Виндавѣ, по мѣрѣ надобности, на нѣмецкомъ языкѣ и съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ листка содержатель типографіи Августъ Генриховичъ Брасгольцъ; въ листкѣ помѣщаются исключительно одни объявленія и онъ выдается безплатно. Разрѣшеніе на это изданіе дано 9-го іюня 1894 года.

«Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости». Эта газета издается въ г. Владикавказѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ редакторствомъ преподавателя мѣстнаго духовнаго училища, кандидата богословія Василія Иванова. Такъ какъ разрѣшеніе Святѣйшаго Сунода на изданіе этой газеты послѣдовало въ концѣ декабря минувшаго года, то выходъ ея начался съ января 1895 года, по два раза въ мѣсяцъ. Программа: I. Часть официальная: 1) Высочайшіе манифесты, повелѣнія и указы Святѣйшаго Сунода, касательно владикавказской епархіи, распоряженія мѣстнаго епархіальнаго начальства. 2) Свѣдѣнія о духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи. 3) Отчеты епархіальнаго училищнаго совѣта о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, отчеты духовно-учебныхъ заведеній епархіи по хозяйственной части и др. официальныя извѣстія. II. Часть неофиціальная: 1) Слова, поученія и рѣчи, а также собесѣдованія съ раскольниками и сектантами. 2) Статьи, очерки и разсказы религіознаго, историческаго и описательнаго характера, преимущественно касающіеся владикавказской епархіи. 3) Лѣтопись церковной жизни владикавказской епархіи. 4) Рѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практики. 5) Разныя полезныя извѣстія и замѣтки, некрологи. 6) Объявленія.

«Всходы». Журналъ для дѣтей школьнаго возраста, иллюстрированный, выходитъ ежемѣсячно въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издательница журнала Александра Аркадьевна Давыдова (она же издательница журнала «Міръ Божій»), редакторъ учитель петербургскаго театральнаго училища Петръ Васильевичъ Голяховскій. При этомъ журналѣ выходитъ особое приложеніе, подъ названіемъ «Бабушкины сказки». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 14-го октября 1894 года. Программа: 1) Статьи рели-

гіозно-нравственнаго содержанія и житія святыхъ. 2) Оригинальныя и переводныя стихотворенія, легенды, народныя преданія, разсказы, повѣсти, романы и пьесы для дѣтей. 3) Историческіе очерки, разсказы и жизнеописанія замѣчательныхъ людей. 4) Очерки изъ жизни природы, животныхъ и растеній. 5) Путешествія и статьи по географіи. 6) Очерки изъ жизни народовъ, населяющихъ Россію и др. страны,—промыслы и занятія. 7) На родинѣ и по чужимъ краямъ: мелкія статьи и краткія сообщенія изъ области научныхъ открытій и изобрѣтеній, а также извѣщенія о событіяхъ и фактахъ, интересныхъ и полезныхъ для читателей дѣтскаго возраста. 8) Занятія, забавы, игры, фокусы, шарады, загадки, ребусы, шутки и т. д. 9) Отвѣты редакціи на вопросы подписчиковъ (Почтовый ящикъ). 10) Объявленія.

Программа особаго приложенія къ этому журналу «Бабушкины сказки»: 1) Разсказы изъ священной исторіи и объясненія праздниковъ. 2) Отечественная исторія въ краткихъ очеркахъ и жизнеописаніяхъ. 3) Оригинальные и переводные разсказы, сказки, легенды и стихотворенія. 4) Очерки изъ жизни природы, растеній и животныхъ. 5) Занятія, игры, фокусы, шутки и проч. 6) Разсказы на иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, съ переводами отдѣльныхъ словъ на русскій языкъ. Оба отдѣла, какъ для старшаго, такъ и для младшаго возраста, будутъ снабжены иллюстраціями къ тексту, таблицами и рисунками.

Кромѣ этого, къ журналу «Всходы» выдаются приложенія: для дѣтей—произведенія лучшихъ писателей русскихъ и иностранныхъ, въ количествѣ одной или двухъ книгъ въ годъ; для родителей—критическій указатель дѣтской и педагогической литературы, не менѣе четырехъ выпусковъ въ годъ, по два листа и болѣе каждый выпускъ.

Подписка на журналъ принимается и безъ приложенія «Бабушкиныхъ сказокъ», которыя можно выписывать отдѣльно отъ журнала.

«Вѣстовой конторы и склада В. А. Березовскаго». Этотъ журналъ имѣетъ справочно-библіографическій характеръ, иллюстрируется и выходитъ отъ 6 до 12 разъ въ годъ; редакторъ и издатель журнала капитанъ Владиміръ Антоновичъ Березовскій. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 3-го апрѣля 1894 года. Программа: 1) Торговая хроника: свѣдѣнія, извѣщенія, замѣтки и проч., имѣющія отношеніе къ торговой дѣятельности склада В. А. Березовскаго. 2) Библіографическія статьи, замѣтки, извѣщенія и проч. 3) Обзоръ и указатель вышедшихъ и выходящихъ изданій по отечественной и иностранной литературѣ, съ отзывами о нихъ. 4) Вопросы, отвѣты и разъясненія, касающіеся библіографіи и сношеній конторы и склада В. А. Березовскаго. 5) Виньетки, портреты и рисунки, соотвѣтствующіе тексту изданія. 6) Разныя объявленія.

«Вѣстникъ животноводства, охоты и спорта». Журналъ иллюстрированный, выходитъ еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры, въ Петербургѣ; издатель Алексѣй Ивановичъ Осиповъ, редакторъ Иванъ Ивановичъ Абозинъ. Изданіе это разрѣшено 18-го октября 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія и постановленія, касающіяся животноводства, содержанія животныхъ и покровительства имъ, охоты и спорта.

2) Статьи по всевозможнымъ отдѣламъ животноводства, какъ-то: по коневодству, собаховодству, овцеводству, свиноводству, козеводству, кролиководству, о рогатомъ скотѣ и проч. 3) Фермерное хозяйство. 4) Ружейная и псовая охота. 5) Зоологія вообще. 6) Ветеринарный отдѣлъ: анатомія, физіологія и лѣченіе животныхъ. 7) Выставки, базары, конкурсы животныхъ и т. п. 8) Выписки изъ газетъ и журналовъ (относящіяся къ животноводству, охотѣ и спорту). 9) Корреспонденція изъ Россіи и заграничная, имѣющая отношеніе къ тѣмъ же предметамъ. 10) Статистика торговли и промышленности животными, кормомъ, продуктами и принадлежностями животноводства, охоты и спорта. 11) Дѣятельность животноводныхъ, охотничьихъ и спортовыхъ обществъ въ Россіи и за границей. 12) Иностранное обозрѣніе по животноводству, охотѣ и спорту. 13) Спортъ, скачки, бѣга, состязанія, садки и т. п. 14) Смѣсь: очерки, разсказы, анекдоты и т. п. изъ царства животныхъ и изъ жизни заводчиковъ, охотниковъ и спортсменовъ. 15) Полезныя сообщенія, свѣдѣнія, совѣты и т. п. (по животноводству, охотѣ и спорту). 16) Вопросы подписчиковъ и отвѣты на нихъ. 17) Библіографія. 18) Объявленія.

При этомъ журналѣ выходятъ еженедѣльныя и ежемѣсячныя приложенія, состоящія изъ рисунковъ, портретовъ, альбомовъ, брошюръ, книгъ и т. п., касающихся животныхъ, охоты и спорта. Кромѣ того, даются особыя приложенія, содержащія въ себѣ свѣдѣнія, программы и т. п., касающіяся бѣговъ, скачекъ, садокъ, полевыхъ состязаній и т. п. Послѣднія приложенія выпускаются не періодически, а по мѣрѣ надобности.

«Вѣстникъ Трезвости». Журналъ выходитъ въ Петербургѣ, ежемѣсячно и съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель врачъ Николай Іларіоновичъ Григорьевъ. Изданіе это разрѣшено 4-го мая 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія, касающіяся употребленія спиртныхъ напитковъ, торговли ими и т. п. 2) Свѣдѣнія о дѣятельности различныхъ обществъ трезвости, русскихъ и иностранныхъ. 3) Статьи юридическаго, экономическаго, гигіеническаго и медицинскаго содержанія, относящіяся къ вопросамъ о трезвости и пьянствѣ. 4) Письма изъ провинціи. 5) Изъ газетъ и журналовъ. 6) Стихотворенія, разсказы, повѣсти и друг. статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія. 7) Критика и библіографія. 8) Объявленія.

«Вятская газета, сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная». Газета издается въ г. Вяткѣ, съ дозволенія предварительной цензуры и выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ и издатель предсѣдатель губернской земской управы, агрономъ Андрей Алексѣевичъ Новиковъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 20-го января 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія по сельскому хозяйству и промышленности. 2) Дѣятельность земства по сельскому хозяйству и промышленности. 3) Спеціальныя статьи по сельскому хозяйству. 4) Обзоръ текущихъ общеполезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству и промышленности. 5) Сообщенія мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. 6) Отзывы о книгахъ по сельскому хозяйству и промышленности. 7) Вопросы и отвѣты по сельскому хозяйству и промышленности. 8) Свѣдѣнія о погодѣ. 9) Справочный отдѣлъ (цѣны на сельско-хозяй-

ственные продукты, сѣмена, орудія, скотъ, рабочія руки и кустарныя издѣлія и т. д.). 10) Объявленія.

«Газета Электрика». Это изданіе выходило ранѣе, но прекратилось и потому его нельзя считать совершенно новымъ. Разрѣшеніе на возобновленіе изданія дано 2-го мая 1894 года, оно выходитъ въ свѣтъ еженедѣльно и подъ прежней редакціей Альфонса Густавовича Щавинскаго, по слѣдующей программѣ: 1) Правительственныя и административныя распоряженія и узаконенія, относящіяся до электротехники. 2) Электромеханика и электрохимія. 3) Электромеханическая технологія. 4) Электрохимическая технологія. 5) Телефонія и телеграфія. 6) Обзоръ новостей по примѣненіямъ электротехники къ различнымъ отраслямъ фабричной промышленности, къ военному и морскому дѣлу, къ воздухоплаванію, къ горному и желѣзнодорожному дѣлу, искусствамъ, ремесламъ, домашнему быту и проч. 7) Обзоръ дѣятельности ученыхъ обществъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ въ Европѣ и Америкѣ, въ области электротехники. 8) Библіографія и новыя книги по электротехникѣ. 9) Свѣдѣнія о привилегіяхъ, испрашиваемыхъ въ Россіи, и краткое поясненіе о привилегіяхъ, выданныхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. 10) Смѣсь: техническія замѣтки о новостяхъ въ электротехникѣ, описаніе различныхъ приборовъ, практическіе совѣты, рецепты и проч. 11) Содержаніе иностранныхъ журналовъ по электротехникѣ. 12) Корреспонденціи въ предѣлахъ программы. 13) Почтовый ящикъ редакціи; вопросы и отвѣты. 14) Объявленія.

«Галицко-Русскій Вѣстникъ». Журналъ этотъ литературный, выходитъ въ Петербургѣ, ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель коллежск. секрет. Василій Степановичъ Драгомирецкій. Разрѣшеніе на изданіе дано 5-го апрѣля 1894 года. Программа: 1) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей, въ особенности же въ Прикарпатской Руси. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія. 3) Церковный отдѣлъ, имѣющій цѣлью знакомить читателей съ важнѣйшими событіями церковной жизни галичанъ и друг. славянскихъ народовъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Монографіи, романы, повѣсти, стихотворенія, народныя пѣсни, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описаніе нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера, составленныя при содѣйствіи выдающихся русскихъ и галицкихъ поэтовъ, писателей и ученыхъ. 5) Правительственныя распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ. 6) Внутренняя и внѣшняя хроника разныхъ событій, корреспонденціи внутреннія и заграничныя. 7) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обозрѣній. 8) Библіографія и критика. 9) Мелкія извѣстія и новости. 10) Иллюстраціи, соотвѣтствующія содержанію статей. 11) Справочный отдѣлъ. 12) Объявленія.

«Домовладѣлецъ». Журналъ этотъ выходитъ въ Петербургѣ, еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры, редакторъ и издатель подпоручикъ Алексѣй Петровичъ Захаровъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 14-го октября 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія, приказы

с.-петербургскаго градоначальника, до домовладѣльцевъ касающіеся. 2) Статьи по архитектурѣ и строительному дѣлу, постройка домовъ и ихъ ремонтъ, о цѣнахъ на строительный матеріалъ и рабочихъ; техническія статьи: отопленіе, вентиляція, качество матеріаловъ и т. п. 3) Коммерческія свѣдѣнія. Бухгалтерія домовладѣльца; разцѣнка квартиръ; квартирныя условія, расходы по дому—обязательные и случайные; с.-петербургское городское кредитное общество, его дѣятельность, правила для залога имуществъ; страхованіе отъ огня имуществъ; страховыя общества. 4) О городскомъ самоуправленіи. Дума и ея органы, текущія дѣла, обязательныя постановленія. Статистическія свѣдѣнія. 5) Статьи по городскому благоустройству, санитарныя мѣропріятія; освѣщеніе, мостовыя, водоснабженіе, канализація и проч. 6) Судебный отдѣлъ. Нотаріальные акты; веденіе исковыхъ дѣлъ въ окружномъ и мировомъ судахъ; отчеты о процессахъ, затрагивающихъ интересы домовладѣльцевъ. 7) Фельетонъ, въ которомъ помѣщается исторія большихъ городовъ Россіи; описаніе иностранныхъ городовъ; описаніе замѣчательныхъ памятниковъ и сооруженій столицъ; типы городскихъ рабочихъ: дворникъ, швейцаръ, трубочистъ, полотеръ и проч. 8) Краткія біографіи и некрологи выдающихся городскихъ и общественныхъ дѣятелей съ ихъ портретами. 9) Смѣсь. Корреспонденціи изъ провинціальныхъ городовъ и выдержки изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ по вопросамъ, до домовладѣнія относящимся. Библіографія. 10) Почтовый ящикъ. Вопросы и отвѣты между подписчиками и редакціей по спеціальности журнала. 11) Объявленія.

«Енисей». Газета политическо-общественная и литературная, выходитъ въ г. Красноярскѣ, три раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель коллежск. регистрат. Емильянъ Ѳедоровичъ Кудрявцевъ. Изданіе это разрѣшено 12-го октября 1894 года, но оно является взамѣнъ газеты «Енисейскій Листокъ», который, поэтому, слѣдуетъ считать прекратившимся, а настоящее изданіе—новымъ. «Енисей» выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ офиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей совмѣстно съ интересами населенія сибирскихъ губерній, соприкасающихся съ бассейномъ рѣки Енисея, а также вопросы русской политики на Востокѣ. 4) Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири — по городскому и земскому хозяйству, экономическія торговыя и по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 5) Городская хроника. Театръ и музыка. Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. 6) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 7) Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея, соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи. 8) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 9) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. 10) Фельетонъ — романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія. 11) Судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній. 12) Смѣсь. Отвѣты

редакціи. 13) Справочный отдѣлъ: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п. 14) Объявленія казенныя и частныя.

«Журналъ Министерства Юстиціи». Это оффиціально-спеціальное изданіе выходитъ въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, десять разъ въ годъ; редакторомъ журнала состоитъ членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, статск. совѣт. Сергѣевскій. О разрѣшеніи этого изданія было объявлено въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1894 года. Программа: 1) Систематическій указатель собранія узаконеній и распоряженій правительства, съ изложеніемъ текста узаконеній, относящихся къ предметамъ вѣдомства министерства юстиціи. 2) Указы Правительствующаго Сената по вопросамъ, возникающимъ при примѣненіи постановленій дѣйствующаго законодательства. 3) Различныя распоряженія и циркуляры министерства юстиціи. 4) Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по вѣдомству министерства юстиціи. 5) Проекты новыхъ узаконеній въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительное опубликованіе подобныхъ проектовъ будетъ признано министромъ юстиціи полезнымъ и желательнымъ. 6) Отчеты по министерству юстиціи или извлеченія изъ оныхъ. 7) Разработка всѣхъ вообще существенныхъ вопросовъ дѣйствующаго русскаго законодательства и теоріи права, въ предѣлахъ потребности судебныхъ дѣятелей. 8) Обзоры выдающихся явленій въ сферѣ юридическихъ наукъ, законодательства и судебной практики, а также отчеты о гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ. 9) Систематическій указатель русскихъ и иностранныхъ юридическихъ сочиненій, съ критическою оцѣнкою тѣхъ изъ нихъ, кои заслуживаютъ особаго вниманія. 10) Обзоръ движенія иностраннаго законодательства въ сферѣ судебной. 11) Объявленія.

«Закаспійское Обозрѣніе». Газета политическо-общественная и литературная, выходитъ въ г. Асхабадѣ, три раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры. Издатель газеты мѣщанинъ Константинъ Михайловичъ Ѳедоровъ, редакторъ Александръ Ивановичъ Родзевичъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 22-го декабря 1894 года, а потому она, вѣроятно, начала выходить въ свѣтъ въ текущемъ году. Программа: 1) Распоряженія правительства и мѣстной администраціи. 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ россійскаго телеграфнаго агентства. 3) Вступительно-пояснительныя статьи, посвященныя выдающимся событіямъ дня по вопросамъ: общей политики, спеціальной политики сопредѣльныхъ съ Закаспійскимъ краемъ и остальныхъ средне-азіатскихъ владѣній государствъ, общественно-государственно-административнымъ Туркестанскаго края, Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ вообще и Закаспійской области въ особенности, финансо-торгово-промышленныхъ, техники, земледѣлія, сельскаго хозяйства и лѣсоводства. 4) Общая хроника. Новости, слухи и предположенія по общегосударственнымъ и общественнымъ вопросамъ. 5) Иностранныя извѣстія. 6) Фельетонъ. Въ этотъ отдѣлъ входятъ соотвѣтствующія программѣ статьи болѣе пространныя, кои по размѣрамъ своимъ не могутъ войти въ предыдущіе отдѣлы; далѣе статьи по исторіи, археологіи, народовѣдѣнію странъ и народовъ въ Средней Азіи вообще и Закаспійской области въ особенности, научныя статьи, касающіяся интересовъ Закаспійскаго края,

Туркестанскаго и сопредѣльныхъ съ онымъ странъ; ежемѣсячный критическій обзоръ періодической литературы, коснувшейся чего либо относящагося до спеціальнаго назначенія «Закаспійскаго Обозрѣнія», и ежемѣсячный фельетонъ подъ заглавіемъ «Среди средне-азіатскихъ обывателей» — картинки общественной жизни. 7) Мѣстная хроника. Перечень отдѣльныхъ событій исключительно въ Закаспійскомъ краѣ. 8) Корреспонденціи исключительно изъ разныхъ мѣстъ Средней Азіи отъ собственныхъ корреспондентовъ «Закаспійскаго Обозрѣнія». 9) Судебный отдѣлъ. Отчеты о выдающихся гражданскихъ и уголовныхъ процессахъ, какъ въ русскихъ, такъ и туземныхъ судахъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 10) Торгово-промышленный отдѣлъ, касающійся Закаспійскаго края, Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ, Афганскаго Туркестана (Чарвилайэта) и Хероссана. Въ этомъ отдѣлѣ отводится мѣсто средне-азіатскому хлопководству и развитію тѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, кои исключительно могутъ быть эксплоатируемы въ Средней Азіи и замѣнять собою иностранный ввозъ этого продукта въ Россію. 11) Театръ. Музыка. Изящныя искусства. 12) По Россіи. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются въ компактномъ изложеніи выдающіеся факты изъ внутренней жизни Россіи. 13) Научный отдѣлъ. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ въ мірѣ военномъ и гражданскомъ. 14) Справочный отдѣлъ: а) календарныя свѣдѣнія, б) метеорологія Средней Азіи, в) биржа (разъ въ недѣлю), г) свѣдѣнія о выдающихся лицахъ, пріѣзжающихъ и выбывающихъ въ Узунъ-Ада, д) краткій путеводитель по Закаспійскому краю и городамъ, лежащимъ по линіи Закаспійской желѣзной дороги, е) объявленія о зрѣлищахъ и увеселеніяхъ въ городахъ Закаспійскаго края, ж) почтово-телеграфныя свѣдѣнія, з) поѣзда Закаспійской военной желѣзной дороги, и) пароходство по Каспійскому морю и рѣкѣ Аму-Дарьѣ. 15) Казенныя объявленія, публикаціи, свѣдѣнія о прибывающихъ по Закаспійской военной желѣзной дорогѣ частныхъ грузахъ. 16) Частныя объявленія.

«Записки Императорской Академіи Наукъ». Эти записки издаются взамѣнъ одного изъ академическихъ сборниковъ и раздѣляются на двѣ независимыя одна отъ другой серіи: «Записки Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію» и «Записки Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію», но отдѣленіе русскаго языка и словесности издаетъ, какъ и ранѣе, «Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи». Каждая серія названныхъ «Записокъ» состоитъ изъ статей и разсужденій, читанныхъ въ соотвѣтствующемъ отдѣленіи Академіи, при чемъ каждый трудъ печатается съ особою нумераціею страницъ и имѣетъ свой заглавный листъ. Каждый номеръ такихъ трудовъ, поступающій по отпечатаніи въ продажу, продается по цѣнѣ, соотвѣтствующей числу содержащихся въ немъ печатныхъ листовъ и приложеній. Другое изданіе Академіи носитъ названіе «Извѣстій», о немъ будетъ сказано ниже; о выходѣ этихъ изданій было объявлено Академіею въ іюлѣ мѣсяцѣ 1894 года.

«Записки Крымскаго горнаго клуба». Журналъ этотъ издается въ г. Одессѣ и выходитъ отъ 4 — 12 выпусковъ въ годъ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель «Записокъ» — правленіе Крымскаго горнаго клуба, редакторъ—профес. Новороссійскаго университета Алексѣй Ивановичъ

Маркевичъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 4-го апрѣля 1894 года. Программа: 1) Официальный отдѣлъ: правительственныя извѣстія, дѣятельность клуба и его отдѣленій, протоколы засѣданій и приложенія къ нимъ, уставы, программы, проекты и отчеты клуба и всѣхъ его учрежденій, какъ-то: выставокъ, лекцій, экскурсій, музеевъ и проч. 2) Научный отдѣлъ: физіографія Крыма, включая гидрологію и климатологію; статьи естественно-историческаго содержанія, касающіяся Крыма и мѣстностей, къ нему прилегающихъ. Антропологія, этнографія, археологія, исторія, географія, статистика, демографія, промышленность, торговля и сельское хозяйство Крыма и прилегающихъ мѣстностей. 3) Беллетристическій отдѣлъ: описаніе природы Крыма, путешествія, очерки и разсказы изъ жизни обитателей Крыма и прилегающихъ мѣстностей. Статьи по альпинизму вообще, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. Смѣсь и мелкія извѣстія. 4) Библіографическій отдѣлъ. 5) Художественный отдѣлъ (въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются: рисунки и виды Крыма и его обитателей, естественно-историческія таблицы, діаграммы, географическія карты, статистическія таблицы и чертежи). 6) Вопросы и отвѣты редакціи. 7) Объявленія.

«Зубоврачебный Сборникъ». Этотъ спеціальный журналъ выходитъ въ Москвѣ, ежемѣсячно, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала дантистъ Александръ Васильевичъ Фишеръ. Изданіе разрѣшено 9-го января 1894 года. Программа: 1) Отдѣлъ научныхъ оригинальныхъ или переводныхъ по зубоврачеванію статей. 2) Отдѣлъ зубоврачебной техники. 3) Рефераты по зубоврачеванію. 4) Хроника и смѣсь, относящіяся къ зубоврачеванію и спеціальности журнала. 5) Критика и библіографія зубоврачебныхъ сочиненій. 6) Почтовый ящикъ для подписчиковъ. 7) Объявленія.

«Извѣстія Императорской Академіи Наукъ». Этотъ второй академическій органъ касается ея въ полномъ составѣ, всѣхъ трехъ отдѣленій, и выходитъ ежемѣсячно. Въ виду такого назначенія «Извѣстій» въ нихъ помѣщаются: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи, годовые отчеты объ ученыхъ трудахъ ея, общіе отчеты о присуждаемыхъ ею преміяхъ и наградахъ, отчеты о снаряжаемыхъ Академіею экспедиціяхъ, извѣстія о ея музеяхъ и проч. Независимо отъ этихъ статей въ «Извѣстіяхъ» публикуются тѣ изъ представляемыхъ Академіи ученыхъ трудовъ, какъ ея членовъ, такъ и постороннихъ ученыхъ, которые объемомъ своимъ не превышаютъ 3-хъ печатныхъ листовъ, а относительно болѣе обширныхъ — помѣщаются только, составляемые самими авторами, сокращенные обзоры или извлеченія. Эти статьи печатаются въ «Извѣстіяхъ» такъ же, какъ печатались онѣ въ сборникѣ «Mélanges tirés du Bulletin», т.-е., чтобы желающіе могли составлять изъ нихъ сборники по какой либо отдѣльной наукѣ.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціею непремѣннаго секретаря Академіи, въ первое число каждаго мѣсяца, кромѣ іюля и августа мѣсяцевъ, и могутъ быть пріобрѣтаемы отдѣльными выпусками.

«Кавказскія Публикаціи». Эта справочная газета выходитъ въ г. Тифлисѣ, три раза въ недѣлю, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторомъ и издателемъ ея состоитъ шушинскій житель Мамиконъ Герасимовичъ Гуліевъ. Разрѣшеніе на это изданіе дано 21-го января 1894 года. Программа:

1) Телеграммы россійскаго телеграфнаго агентства. 2) Правительственныя распоряженія по Кавказу. 3) Городскія происшествія—полицейскіе бюллетени, отчеты о торжественныхъ дняхъ, балахъ, спектакляхъ и концертахъ, устраиваемыхъ съ благотворительною цѣлью. 4) Справочныя свѣдѣнія: календарныя справки, росписаніе поѣздовъ Закавказской желѣзной дороги, срочныхъ экипажей, рейсовъ Русскаго общества пароходства и торговли; списокъ дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію въ тифлисскихъ судебныхъ учрежденіяхъ и ихъ краткія резолюціи; списокъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію въ городскихъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и ихъ краткія резолюціи; такса на съѣстные и другіе предметы, издаваемая городомъ; пріѣздъ и отъѣздъ должностныхъ и общественныхъ лицъ; библіографическія свѣдѣнія о выходящихъ въ свѣтъ печатныхъ изданіяхъ; списокъ недоставленнымъ депешамъ. 5) Объявленія на всѣхъ языкахъ.

«Камчатскія Епархіальныя Вѣдомости». Разрѣшеніе на изданіе этихъ вѣдомостей въ г. Благовѣщенскѣ дано Святѣйшимъ Сvнодомъ въ 1894 году; выходятъ два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціею ректора мѣстной духовной семинаріи, протоіерея Вячеслава Мстиславскаго. Программа: I. Отдѣлъ офиціальный: 1) Высочайшіе манифесты и повелѣнія по духовному вѣдомству. 2) Указы и распоряженія Святѣйшаго Сvнода, относящіеся собственно къ камчатской епархіи. 3) Свѣдѣнія о Высочайшихъ наградахъ и изъявленія благодарности и благословенія Святѣйшаго Сvнода и епархіальнаго начальства по камчатской епархіи; награжденія епархіальною властью. 4) Распоряженія епархіальнаго начальства, касающіяся всей камчатской епархіи или значительной части ея, по всѣмъ частямъ управленія. 5) Перемѣны высшихъ лицъ іерархіи и въ личномъ составѣ всѣхъ епархіальныхъ учрежденій. 6) Постановленія и распоряженія епархіальнаго училищнаго начальства. 7) Распоряженія и объявленія правленія Благовѣщенской духовной семинаріи касательно учебно-воспитательной части ея, обязательныя къ свѣдѣнію и исполненію, какъ для лицъ духовенства камчатской епархіи, такъ и для инословныхъ; о пріемѣ учениковъ въ семинарію и училище, объ экзаменахъ; списки учениковъ и проч. 8) Свѣдѣнія объ открытіи и утвержденіи церковно-приходскихъ попечительствъ по камчатской епархіи и ихъ дѣйствіяхъ. II. Отдѣлъ неофиціальный: 1) Слова, поученія и рѣчи. 2) Епархіальная хроника. 3) Историко-статистическіе очерки и свѣдѣнія о церквахъ и приходахъ камчатской епархіи. 4) Статьи научнаго характера (небольшого объема) съ отношеніемъ, по преимуществу, къ мѣстнымъ сектамъ и расколу и въ частности объясненіе отдѣльныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, на которыя, при неправильномъ пониманіи, опираются сектанты. 5) Статьи и замѣтки по вопросамъ, относящимся до церковной практики бытовой стороны мѣстнаго духовенства и вообще явленій въ сферѣ церковно-общественной жизни. 6) Отчеты и извлеченія изъ оныхъ по разнымъ учрежденіямъ мѣстнаго епархіальнаго управленія. 7) Извлеченія и замѣтки изъ духовныхъ журналовъ и разныхъ газетъ, имѣющія общій интересъ. 8) Разнаго рода объявленія.

«Конскій Вѣстникъ». Журналъ спеціальный, иллюстрированный, выходитъ въ Петербургѣ, еженедѣльно, съ разрѣшенія предварительной цензуры;

издатели: Владиміръ Александровичъ Фрей и потомственный почетный гражд. Александръ Адольфовичъ Вагенгеймъ; первый состоитъ редакторомъ журнала. Программа: 1) Успѣхи отечественнаго коноводства. 2) Заграничные отголоски по конскому дѣлу. 3) Частное коновѣдѣніе въ Россіи и за границею. 4) Бесѣды о лошадиныхъ вопросахъ. 5) Путешествія по призовымъ конюшнямъ. 6) Мѣстныя и всемірныя новости конскаго дѣла. 7) Предстоящіе скачки и бѣга. 8) Итоги послѣдняго спорта. 9) Молодые потомки рысистыхъ и скаковыхъ знаменитостей. 10) Вопросы и отвѣты по конскому дѣлу. 11) Портфель редакціи. 12) Рисунки и портреты лошадей и принадлежностей къ нимъ. 13) Справочный отдѣлъ. 14) Частныя объявленія.

«Курляндскій Листокъ объявленій.—Kurländisches Inseratenblatt.—Kursenis Sludinajums Awises». Этотъ совершенно не литературный, справочный органъ, заключающій въ себѣ исключительно объявленія разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, издается на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ; выходитъ съ разрѣшенія предварительной цензуры, въ г. Либавѣ, еженедѣльно; издатель газеты кандидатъ правъ Эдуардъ Оттомаровичъ фонъ-Гакенъ, редакторъ германскій подданный Людвигъ Ивановичъ Кайзеръ. Разрѣшеніе на изданіе дано 30-го октября 1894 года.

«Литературное Обозрѣніе». Журналъ этотъ посвящается вопросамъ критики и библіографіи, выходитъ въ Петербургѣ, еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ инспекторъ женской гимназіи Иванъ Васильевичъ Скворцовъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 12-го октября 1894 года. Программа: 1) Журнальное обозрѣніе. Разборъ статей и произведеній, появляющихся въ періодической печати. 2) Книжная лѣтопись вновь выходящихъ книгъ и отдѣльныхъ изданій. 3) Литературно-критическія и научныя статьи общаго характера. Біографіи выдающихся дѣятелей литературы и науки. 4) Смѣсь. Мелкія статьи и замѣтки. Литературныя и научныя новости. Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ. Перечень журнальныхъ статей. 5) Отвѣты редакціи. 6) Объявленія исключительно о книгахъ, журналахъ и вообще произведеніяхъ печати.

«Маякъ». Журналъ для дѣтей старшаго возраста, иллюстрированный, выходитъ въ Петербургѣ, еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издательница журнала жена сотника Александра Николаевна Пѣшкова-Толивѣрова (она же издательница журнала «Игрушечка»). Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 22-го сентября 1894 года. Программа: Повѣсти, разсказы, стихотворенія, пересказы, историческіе очерки, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, біографіи и изреченія замѣчательныхъ людей, путешествія, жизнь разныхъ народовъ, статьи о живописи, музыкѣ, зодчествѣ и ваяніи, пьесы для домашнихъ семейныхъ театровъ, статьи изъ жизни и природы. Среди книгъ, газетъ и журналовъ. Критическіе и библіографическіе разборы книгъ и статей, касающихся программы изданія. Сказки, загадки, шарады, ребусы, игры, отдѣлъ ручного труда, описаніе ремеслъ, моды, смѣсь, объявленія. Къ журналу прилагаются: разные чертежи на отдѣльныхъ листахъ, ноты, выкройки, рисунки, образцы матерій, а также время отъ времени книги, тетрадки и пр.

«Наше Жилище»—вѣстникъ домовладѣнія и домоустройства. Журналъ спеціальный, издается въ Петербургѣ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель гражданскій инженеръ Гавріилъ Васильевичъ Барановскій. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 7-го марта 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія; обязательныя постановленія по строительной части и по содержанію недвижимыхъ имуществъ. 2) Статьи по домоустройству, домовѣдѣнію и строительному дѣлу. 3) Статьи по строительному законовѣдѣнію; разъясненія дѣйствующихъ и вновь издаваемыхъ узаконеній по вопросамъ о владѣніи недвижимостью и по строительной части. Сосѣдское право. Договоръ и контракты. Обычное право. 4) Судебный отдѣлъ. Дѣла, возникающія на почвѣ владѣнія недвижимостью, а также изъ строительной практики. Отчеты о судебныхъ рѣшеніяхъ всѣхъ инстанцій, безъ обсужденія рѣшеній. 5) Хроника. Новыя постройки; усовершенствованія въ дѣлѣ домоустройства. Текущіе вопросы домовладѣнія и городского благоустройства. Отчеты о засѣданіяхъ и постановленіяхъ городскихъ общественныхъ управленій. 6) Справочный отдѣлъ. Цѣны на строительные работы и матеріалы. Списокъ разрѣшенныхъ къ производству строительныхъ работъ. Бюллетени кредитныхъ и страховыхъ обществъ. Обозрѣніе квартиръ и другихъ наемныхъ помѣщеній. Календарь домовладѣльца и строителя. Статистика домовладѣнія. Смѣсь. Вопросы и отвѣты. 7) Библіографія: художественно-и техническо-строительная литература; литература домовѣдѣнія. 8) Фельетонъ. Очерки изъ строительной жизни. Критическія статьи по вопросамъ зодчества. Техническое обозрѣніе. Обзоръ современныхъ построекъ у насъ и въ чужихъ краяхъ. Біографіи извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Исторія домовладѣнія въ столицахъ и другихъ городахъ. Отчеты и рефераты о дѣятельности техническихъ и архитектурныхъ обществъ. 9) Рисунки и чертежи, имѣющіе отношеніе къ спеціальности журнала, помѣщаемые по мѣрѣ надобности. 10) Объявленія.

«Новости Печати». Это ежемѣсячное библіографическое изданіе, посвященное литературѣ, графическому искусству, издательству и книжной торговлѣ, выходитъ въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала присяжный повѣренный Владиміръ Алексѣевичъ Гатцукъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 15-го іюня 1894 года. Программа: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и книжной торговлѣ. 2) Статьи по статистикѣ, техникѣ и коммерческой сторонѣ печатанія, издательства и книжной торговли, съ относящимися къ тексту рисунками (портреты выдающихся дѣятелей по коммерческой и технической сторонамъ печатнаго дѣла, чертежи и рисунки, иллюстрирующіе техническую и коммерческую стороны печатанія и проч.). Историческіе очерки по этимъ вопросамъ. 3) Статьи и замѣтки критическія объ отдѣльныхъ изданіяхъ, періодическихъ и не повременныхъ, преимущественно о тѣхъ, которыя вышли въ свѣтъ или допущены въ Россію изъ-за границы въ теченіе мѣсяца, предшествовавшаго выпуску текущаго номера, съ выписками изъ разбираемыхъ литературныхъ произведеній и образцами рисунковъ, въ разсматриваемыхъ изданіяхъ помѣщенныхъ. 4) Перечень (каталогъ) всѣхъ, по возможности, не повременныхъ изданій, появившихся въ

періодъ времени, указанный выше (пунк. 3-й), съ отмѣтками библіографическаго характера и замѣчаніями о достоинствахъ и недостаткахъ какъ самаго изданія, такъ и его внутренняго содержанія. 5) Смѣсь: мелкія несистематизированныя замѣтки по предметамъ предыдущихъ пунктовъ программы. 6) Почтовый ящикъ: вопросы подписчиковъ и отвѣты редакціи по предметамъ 1—4 пунктовъ программы. 7) Объявленія по книжной торговлѣ, графическимъ искусствамъ и издательству. 8) Приложенія: систематическіе каталоги русскихъ и иностранныхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ ранѣе отчетнаго мѣсяца.

«Подробный адресный указатель варшавскихъ коммерческихъ фирмъ». Этотъ ежемѣсячный сборникъ адресовъ, издающійся въ Варшавѣ на русскомъ и польскомъ языкахъ, съ дозволенія предварительной цензуры, никакого литературнаго значенія не имѣетъ. Изданіе было разрѣшено 4-го марта 1894 г. и редакторомъ-издателемъ его состоитъ Войцѣхъ Петровичъ Вишняковскій.

«Пожарное Дѣло». Журналъ спеціальный, выходящій, съ дозволенія предварительной цензуры, въ Петербургѣ, ежемѣсячный; издатель журнала главный совѣтъ соединеннаго россійскаго пожарнаго общества, редакторъ предсѣдатель совѣта князь Александръ Дмитріевичъ Львовъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 23-го іюня 1894 года. Программа: 1) Пожарный календарь. 2) Правительственныя постановленія и распоряженія главнаго и окружныхъ совѣтовъ, относящіяся до пожарнаго дѣла. 3) Обсужденіе вопросовъ по пожарному дѣлу. 4) Хроника. 5) Корреспонденціи. 6) Техническій отдѣлъ. 7) Обзоръ пожарной литературы. 8) Вопросы, отвѣты и разъясненія редакціи по вопросамъ пожарнаго дѣла. 9) Пожарная статистика и отчеты пожарныхъ обществъ и командъ. 10) Объявленія.

«Pollumees» («Земледѣлецъ»). Сельско-хозяйственная газета на эстонскомъ языкѣ, выходитъ съ дозволенія предварительной цензуры, въ г. Юрьевѣ, шесть разъ въ годъ; редакторъ и издатель газеты крестьянинъ Гиндрикъ Андресовъ Лаасу. Это изданіе разрѣшено 1-го іюля 1894 года. Программа: 1) Популярныя статьи (оригинальныя и переводныя) по земледѣлію, скотоводству, молочному хозяйству, садоводству, огородничеству, лѣсоводству, птицеводству, пчеловодству, рыборазведенію, ветеринаріи, охотѣ, техническимъ производствамъ и пр. 2) Хроника и корреспонденціи. Отчеты хозяевъ о произведенныхъ ими въ своихъ хозяйствахъ опытахъ и наблюденіяхъ. 3) Обзоръ сельско-хозяйственной литературы мѣстной (т.-е. эстонской, латышской и нѣмецкой) и русской по вопросамъ, относящимся къ Прибалтійскому краю. 4) Обзоръ дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ. 5) Сельско-хозяйственныя статистическія и рыночныя свѣдѣнія о производствѣ и потребленіи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, о видахъ на урожай, о цѣнахъ на продукты, тарифы. 6) Правительственныя распоряженія. 7) Критика и библіографія. Смѣсь. 8) Домоводство. Женское рукодѣліе, разныя полезныя свѣдѣнія, указанія и совѣты. 9) Вопросы и отвѣты на нихъ редакціи. 10) Объявленія. 11) Иллюстраціи къ тексту газеты.

«Псковскія Епархіальныя Вѣдомости». Въ январѣ мѣсяцѣ 1894 г. было объявлено о разрѣшеніи Святѣйшаго Сvнода издавать эти вѣдомости въ г. Псковѣ подъ редакторствомъ ректора мѣстной духовной семинаріи, протоіе-

рея Алексѣя Лебедева; вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Программа: I. Часть офиціальная: 1) Высочайшія повелѣнія, имѣющія отношеніе къ духовенству псковской епархіи. 2) Опредѣленія и указы Святѣйшаго Сѵнода, касающіеся духовенства псковской епархіи. 3) Подлежащія объявленія духовенству, распоряженія епархіальнаго начальства, преосвященнаго и духовной консисторіи, а также постановленія: правленія духовной семинаріи, духовныхъ мужскихъ училищъ, совѣта епархіальнаго женскаго училища, епархіальныхъ: училищнаго совѣта, попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, комитета свѣчного завода, съѣздовъ духовенства, духовно-училищныхъ окружныхъ съѣздовъ, совѣта общества во имя св. Кирилла и Меѳодія, совѣта Александровскаго братства, церковно-приходскихъ попечительствъ и различныхъ комиссій, учрежденныхъ по распоряженію епархіальнаго начальства. 4) Годовые отчеты: епархіальнаго училищнаго совѣта, епархіальныхъ: женскаго училища, свѣчного завода, Іоанно-Ильинской общины сестеръ милосердія, отчеты ревизоровъ церковно-приходскихъ школъ и экономическіе отчеты мужскихъ духовныхъ училищъ. 5) Епархіальныя извѣстія: служеніе епархіальнаго преосвященнаго, посѣщеніе монастырей, церквей и прочихъ епархіальныхъ учрежденій, сообщенія о вакантныхъ мѣстахъ священно-церковно-служителей, назначенія; перемѣщенія, увольненія отъ службы, производства, награды и проч. 6) Мѣстныя распоряженія другихъ вѣдомствъ, касающіяся церковной жизни епархіи. 7) Офиціальныя объявленія: благодарности, признательности и проч. епархіальнаго начальства и разныхъ епархіальныхъ учрежденій. II. Неофиціальная часть: 1) Извлеченія изъ твореній святыхъ отцевъ, имѣющія особо важное значеніе въ религіозно-нравственномъ отношеніи. 2) Статьи историческаго содержанія. Житія мѣстныхъ угодниковъ Божіихъ. Очерки по исторіи и статистикѣ псковской епархіи, ея церквей, монастырей, древнихъ чудотворныхъ иконъ, городовъ и селеній, духовно-учебныхъ заведеній, церковно-приходскихъ школъ прочихъ епархіальныхъ учрежденій. Біографіи прежнихъ епархіальныхъ дѣятелей. Очерки по церковной исторіи, общей и русской. Матеріалы по церковной исторіи. 3) Статьи богословскаго, философскаго и педагогическаго содержанія. Разборъ современныхъ особо важныхъ литературныхъ произведеній съ православно-христіанской точки зрѣнія. 4) Недоумѣнные вопросы пастырской практики и ихъ рѣшеніе. 5) Свѣдѣнія о расколѣ въ епархіи, бесѣды и отчеты епархіальныхъ миссіонеровъ. 6) Чествованіе и некрологи современныхъ епархіальныхъ дѣятелей. 7) Наиболѣе замѣчательныя религіозно-нравственныя явленія въ жизни духовенства и народа псковской епархіи. Извѣстія изъ другихъ епархій, имѣющія значеніе для духовенства. 8) Бытовые очерки изъ жизни церковно-приходской и духовно-учебныхъ заведеній. 9) Объявленія частныхъ учрежденій и лицъ.

«Псовая и Ружейная Охота». Этотъ журналъ, посвященный спеціально охотѣ, издается въ с. Свиридовѣ, Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи, съ дозволенія предварительной цензуры и выходитъ два раза въ мѣсяцъ; издатели журнала Сергѣй Владиміровичъ Озеровъ и Илья Егоровичъ Курдюмовъ, первый изъ нихъ и редакторъ. Разрѣшеніе издавать журналъ дано 14-го іюля 1894 г. Программа: 1) Постановленія и распоряженія правительства по отношенію

охоты. 2) Постановленія и объявленія, а равно и отчеты всѣхъ существующихъ и дозволенныхъ въ Россіи обществъ охоты. 3) Обозрѣніе по охотѣ въ Россіи и за границею. 4) Псовая охота и все къ ней относящееся. 5) Ружейная охота и все къ ней относящееся. 6) Собаководство въ Россіи и за границею. 7) Коноводство по отношенію охотничьихъ верховыхъ лошадей. 8) Лѣченіе животныхъ. 9) Обзоръ охотничьей литературы въ Россіи и за границею. 10) Смѣсь. 11) Частныя объявленія. 12) Приложенія къ журналу въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, какъ-то: охотничьи разсказы, родословныя книги борзыхъ, гончихъ и ружейныхъ собакъ, описаніе выставокъ и садокъ тотчасъ послѣ закрытія.

«Птицеводство». Журналъ, посвященный исключительно птицеводству, выходитъ въ Петербургѣ ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель журнала потомственный почетный гражданинъ Алексѣй Ивановичъ Осиповъ, редакторъ членъ московскаго общества птицеводства Иванъ Ивановичъ Абозинъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 21-го мая 1894 г. Программа: 1) Правительственныя распоряженія и постановленія, касающіяся птицеводства и птицеводной промышленности. 2) Статьи по всевозможнымъ отдѣламъ птицеводства. 3) Дѣятельность обществъ птицеводства въ Россіи и за границей. 4) Выставки, базары, конкурсы птицъ и состязаніе почтовыхъ голубей. 5) Корреспонденціи. 6) Изъ газетъ и журналовъ. 7) Птичій рынокъ. Торговля кормомъ, принадлежностями и продуктами птицеводства и живой птицы. 8) Вопросы и отвѣты. 9) Иностранное обозрѣніе по птицеводству. 10) Библіографія. 11) Очерки, разсказы и т. п. изъ царства пернатыхъ и изъ жизни птицеводовъ. 12) Рисунки птицъ, построекъ и принадлежностей птицеводства и портреты выдающихся дѣятелей по этой отрасли. 13) Объявленія.

«Русское Слово». Газета политическо-литературная, выходитъ безъ предварительной цензуры въ Москвѣ, ежедневная; издатель и редакторъ этой газеты Анатолій Александровичъ Александровъ (онъ же издатель журнала «Русское Обозрѣніе»). Изданіе газеты разрѣшено 16-го октября 1894 года. Программа: 1) Руководящія статьи. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Внѣшнія извѣстія. 5) Свѣдѣнія мѣстнаго характера. 6) Корреспонденціи изъ провинціи. 7) Выдержки изъ журналовъ и газетъ и библіографическія замѣтки. 8) Изложеніе, истолкованіе и разъясненіе законовъ, мѣропріятій и распоряженій правительства. 9) Фельетонъ научнаго или беллетристическаго характера. 10) Объявленія.

«Русскій Фотографическій журналъ». Этотъ журналъ, посвященный фотографическому искусству, выходитъ въ Петербургѣ, ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издатель консерваторъ военно-медицинской академіи Евгеній Петровичъ Головинъ. Изданіе разрѣшено 19-го сентября 1894 г. Программа: 1) Оригинальныя, компилятивныя и переводныя статьи по фотофизикѣ и фотохиміи. 2) Успѣхи фотографіи въ Россіи и за границею. 3) Производство и добываніе веществъ, примѣняемыхъ къ фотографіи. 4) Устройство и выдѣлка инструментовъ и приборовъ, употребляемыхъ въ фотографіи и ея примѣненіяхъ, и провѣрка ихъ годности. 5) Примѣненіе фотографіи въ наукахъ, графическихъ искусствахъ, въ военномъ дѣлѣ, на судѣ и проч. 6) Исторія фотографіи. 7) Художество въ фотографіи. 8) Обзоръ фотографиче-

ской статистики и сочиненій, относящихся до свѣтописи и вспомогательныхъ ея искусствъ. 9) Извѣстія о засѣданіяхъ фотографическихъ обществъ, выставкахъ и привилегіяхъ. 10) Критика и библіографія книгъ, касающихся фотографіи. 11) Смѣсь: сообщенія, касающіяся фотографіи. 12) Отвѣты редакціи. 13) Рисунки, чертежи и таблицы, поясняющіе текстъ. 14) Иллюстраціи, изображающія работы русскихъ и иностранныхъ фотографовъ и демонстрирующія различные способы фотографическаго искусства. 15) Объявленія. 16) Приложенія, въ которыхъ даются отдѣльныя сочиненія по фотографіи.

«С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ». Изданіе этого журнала въ Петербургѣ разрѣшено Святѣйшимъ Сунодомъ, выходитъ онъ еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель общество религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, редакторъ священникъ Философъ Орнатскій. Объ изданіи журнала было объявлено во второй половинѣ декабря 1894 года и потому онъ, вѣроятно, началъ выходить только въ текущемъ году. Программа: Слова, поученія, бесѣды и статьи богословскаго характера. Руководящія статьи по вопросамъ церковно-общественной жизни, особенно же по вопросамъ пастырской практики и религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ духѣ православной церкви. Петербургская хроника, сообщающая свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ церковной и общественной жизни народа, о состояніи церковно-приходскихъ школъ въ с.-петербургской епархіи, пастырская дѣятельность духовенства въ С.-Петербургѣ и его уѣздахъ, о дѣятельности общ. распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, о мѣстныхъ праздникахъ, мѣстно-чтимыхъ иконахъ, крестныхъ ходахъ, благочестивыхъ обычаяхъ и т. п. Церковно-историческія и археологическія сообщенія и воспоминанія. Свѣдѣнія о церковной жизни въ другихъ епархіяхъ. Извѣстія о церковной жизни за границею. Библіографическія замѣтки. Корреспонденціи о предметахъ церковной жизни. Разныя извѣстія. Извѣстія о с.-петербургской епархіи. Распоряженія правительства, касающіяся с.-петербургской епархіи. Распоряженія с.-петербургскаго епархіальнаго начальства. Извлеченія изъ отчетовъ по обозрѣнію церквей с.-петербургской епархіи. Отчеты мѣстныхъ епархіальныхъ учрежденій. Объявленія.

«С.-Петербургскій Справочный Листокъ». Этотъ листокъ не имѣетъ литературнаго значенія, издается онъ въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры и выходитъ ежедневно; редакторъ-издатель листка дворянинъ Петръ Ивановичъ Бабкинъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 19-го декабря 1894 г.; такъ какъ оно предназначено исключительно для розничной продажи, то подписка на «Листокъ» не принимается. Программа: 1) Разнаго рода справочныя свѣдѣнія. 2) Планы и чертежи съ краткимъ описаніемъ изображаемаго. 3) Объявленія.

«Собраніе сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей». Журналъ этотъ издается въ Петербургѣ, выходитъ ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель купецъ Григорій Ѳомичъ Пантелеевъ, редакторъ Ѳедоръ Ильичъ Булгаковъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 12-го іюня 1894 года. Программа: Беллетристическія произведенія, историческіе очерки, литературно-критическіе этюды, популярныя и научныя сочиненія.

«Справочный Листокъ для сценическихъ дѣятелей». Эта справочная газета издается въ Москвѣ, выходитъ съ дозволенія предварительной цензуры, въ февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, около трехъ разъ въ недѣлю; издатель Θедоръ Александровичъ Куманинъ, редакторъ Евгеній Евгеніевичъ Коршъ. Это изданіе разрѣшено 2-го марта 1894 года. Программа: 1) Адресы сценическихъ дѣятелей какъ пріѣзжающихъ въ Москву, такъ и живущихъ въ другихъ городахъ. 2) Всякаго рода свѣдѣнія и справки, касающіяся сценическихъ дѣятелей. 3) Театральныя новости и хроника. Текущія новости, свѣдѣнія о составѣ артистическихъ товариществъ, труппъ, объ антрепренерахъ и проч. 4) Списки театровъ въ провинціи, ихъ планы, отчеты о театральныхъ дѣлахъ прежнихъ сезоновъ. 5) Частныя объявленія.

«Справочный Листокъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи». Листокъ выходитъ въ Петербургѣ, отъ 6 до 8 разъ въ годъ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель правленіе Педагогическаго общества взаимной помощи, редакторъ учитель Θедоръ Семеновичъ Матвѣевъ. Разрѣшеніе на изданіе этого справочнаго журнала дано 1-го мая 1894 года. Программа: 1) Личный составъ общества и измѣненія въ этомъ составѣ. 2) Личный составъ правленія; распредѣленіе занятій между его членами. 3) Протоколы общихъ собраній и журналы засѣданій правленія (послѣдніе цѣликомъ или въ извлеченіи). 4) Всякаго рода вопросы и заявленія членовъ, касающіеся организаціи и дѣятельности общества. 5) Объявленія правленія о вечерахъ, концертахъ, чтеніяхъ, устраиваемыхъ въ пользу общества; объявленія бюро объ урокахъ и другихъ занятіяхъ. 6) Списки торговыхъ домовъ, дѣлающихъ уступки членамъ общества. 7) Справочныя свѣдѣнія, касающіяся общества: адресы членовъ правленія и членовъ общества, съ обозначеніемъ ихъ рода занятій и служебнаго положенія и т. п. 8) Объявленія.

«Справочный Листокъ воронежской сельско-хозяйственной и кустарной выставки 1894 г.». Эта газета издавалась воронежскимъ отдѣломъ общества сельскаго хозяйства подъ редакціей лѣкаря Василія Ивановича Колюбакина; выходила въ Воронежѣ только во время выставки и безъ предварительной цензуры. Разрѣшеніе на изданіе было дано 19-го августа 1894 года. Программа: 1) Законоположенія и правительственныя распоряженія по вопросу о выставкахъ. 2) Распоряженія комитета по выставкѣ. 3) Статьи по обзору разныхъ отдѣловъ выставки. 4) Отчеты по организаціи и дѣятельности учрежденій: воронежскаго сельско-хозяйственнаго отдѣла, распорядительнаго комитета выставки и экспертныхъ комиссій. 5) Новости въ области сельскаго хозяйства, кустарной и обработывающей промышленности. 6) Справочный отдѣлъ. 7) Объявленія.

«Спутникъ Южнаго Края». Это литературно-справочный сборникъ, издающійся въ г. Харьковѣ и выходящій въ свѣтъ неопредѣленно, по мѣрѣ накопленія матеріала; сборникъ иллюстрируется и издается съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель Александръ Александровичъ Юзефовичъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 3-го марта 1894 года. Программа: 1) Календарныя свѣдѣнія. 2) Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію

въ судебныхъ учрежденіяхъ округа харьковской судебной палаты, часы пріема у нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, часы прихода и отхода поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, списокъ грузовъ съ наложенными платежами, цѣны на хлѣбъ и т. п. свѣдѣнія. 3) Историческія свѣдѣнія относительно городовъ южной Россіи, краткія біографіи выдающихся современныхъ дѣятелей, портреты современныхъ дѣятелей, виды нѣкоторыхъ мѣстностей южной Россіи. 4) Телеграммы. 5) Послѣднія извѣстія и хроника мѣстной жизни. 6) Фельетоны беллетристическіе и популярно-научные. 7) Смѣсь. 8) Объявленія.

«Театральныя Извѣстія». Газета эта выходитъ въ Москвѣ шесть разъ въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель—австрійская подданная Ольга Ивановна Петровичъ (она же издательница «Справочнаго Листка»). Изданіе газеты разрѣшено 5-го апрѣля 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія. 2) Театральная хроника. 3) Корреспонденціи, извлеченія изъ газетъ и журналовъ, касающіяся театральнаго дѣла. 4) Краткое содержаніе пьесъ, даваемыхъ на московскихъ сценахъ. 5) Объявленія и рекламы.

«Томскій Справочный Листокъ». Газета выходитъ въ г. Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель потомствен. почетн. гражд. Петръ Ивановичъ Макушинъ. Изданіе газеты разрѣшено 30-го апрѣля 1894 года. Программа: 1) Мѣсяцесловъ и календарныя свѣдѣнія. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Телеграммы россійскаго агентства. 4) Мѣстная хроника. 5) Отчеты о засѣданіяхъ городской думы, ученыхъ, благотворительныхъ и другихъ мѣстныхъ обществъ и судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 6) Справочный отдѣлъ. 7) Библіографическія извѣстія. 8) Объявленія.

«Фотографическое Обозрѣніе. Органъ фотографическаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній». Спеціальный журналъ, выходящій въ г. Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, ежемѣсячный; издатель журнала купецъ Адольфъ Ѳедоровичъ Рейне, редакторъ графъ Михаилъ Константиновичъ Симоничъ. Изданіе это разрѣшено 23-го октября 1894 года. Программа: 1) Распоряженія правительства, касающіяся фотографіи и ея примѣненій. 2) Дѣятельность фотографическаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. 3) Обзоръ дѣятельности фотографическихъ обществъ русскихъ и заграничныхъ. 4) Хроника по фотографическому дѣлу. 5) Корреспонденціи, относящіяся къ фотографіи. 6) Отчеты о выставкахъ. 7) Новости по фотографіи. 8) Статьи самостоятельныя и переводныя, имѣющія отношеніе къ фотографіи. 9) Обзоръ русскихъ и иностранныхъ журналовъ по фотографіи. 10) Вопросы подписчиковъ и отвѣты. 11) Смѣсь. 12) Объявленія. 13) Рекламы.

«Fanfare». Спеціально музыкальный журналъ, заключающій въ себѣ салонныя пьесы, танцы и романсы, выходитъ въ г. Ригѣ, ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель мѣщанинъ Германъ Готлибовичъ Услеберъ, редакторъ Карлъ Блофельдтъ. Это изданіе разрѣшено 26-го августа 1894 года.

«Циклистъ». Этотъ журналъ, посвященный велосипедному спорту, выходитъ въ г. Москвѣ, отъ 1 до 2-хъ разъ въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала Дмитрій Петровичъ Голомзинъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 21-го мая 1894 года. Программа: 1) Правительственныя распоряженія, касающіяся велосипеднаго спорта. 2) Передовыя статьи касательно велосипеднаго дѣла. 3) Хроника, факты и слухи изъ области велосипеднаго спорта. Изобрѣтенія и усовершенствованія въ велосипедномъ дѣлѣ. Дѣятельность велосипедныхъ обществъ. Гонки и путешествія на велосипедахъ. 4) Корреспонденціи и телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ городовъ Россіи и изъ-за границы по велосипедному спорту. 5) Біографіи и портреты лицъ, причастныхъ къ велосипедному спорту. 6) Фельетоны: разсказы, очерки и стихотворенія, относящіеся по своему содержанію къ велосипедному спорту. 7) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, чертежи, виньетки, художественные и юмористическіе рисунки изъ быта велосипедистовъ. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

«Черниговскій Листокъ». Газета литературно-общественная, выходитъ въ г. Новороссійскѣ, два раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель газеты Василій Андреевичъ Щербинъ. Изданіе этой газеты разрѣшено 21-го января 1894 года. Программа: 1) Телеграммы. 2) Передовыя статьи по вопросамъ главнымъ образомъ экономическимъ, хозяйственнымъ и коммерческимъ. 3) Городская хроника, хроника черноморскаго торговаго района. 4) Корреспонденціи мѣстныя, изъ разныхъ частей Россіи и заграничныя. 5) Торговая хроника, хроника по сельскому хозяйству и обрабатывающей промышленности. 6) Обзоръ періодической печати, обзоръ научный и литературный. 7) Отдѣлъ рецензій на изданія по торговлѣ, хлѣботорговлѣ, сельскому хозяйству и обрабатывающей промышленности. 8) Фельетоны. 9) Биржевая хроника и справочный отдѣлъ. 10) Объявленія.

«Jurjewer Annoncenblatt». Эта газета, издающаяся на нѣмецкомъ языкѣ, выходитъ въ г. Юрьевѣ, ежедневно, съ дозволенія предварительной цензуры и содержитъ въ себѣ только телеграммы и объявленія; издатель и редакторъ содержатель типографіи Александръ Генриховичъ Шнакенбургъ. Изданіе разрѣшено 30-го октября 1894 года.

Къ этому перечню вновь разрѣшенныхъ въ 1894 году періодическихъ изданій слѣдуетъ присоединить еще одно изданіе, которое хотя и выходило ранѣе, но значенія самостоятельнаго органа не имѣло. При журналѣ «Охота» выходило еженедѣльное приложеніе «Дневникъ Охотника», который, 26-го января 1894 г., и было разрѣшено отдѣлить отъ этого журнала и выпускать самостоятельно, подъ названіемъ «Дневникъ Охотника, органъ московскаго общества охоты», два раза въ мѣсяцъ; программа «Дневника» такая же, какъ «Журнала Охоты», и при немъ, въ случаѣ надобности, выдаются прибавленія въ видѣ книжекъ.

Кромѣ того, 19-го марта 1894 г., было разрѣшено редактору газеты «Волгарь» выпускать, съ 15-го апрѣля по 15-е октября, вечернее ежедневное изданіе подъ названіемъ «Вечерній Листокъ Волгаря», по программѣ газеты «Волгарь».

Измѣненія въ программахъ журналовъ.

Въ теченіе 1894 года было разрѣшено десяти періодическимъ изданіямъ измѣнить ихъ прежнюю програму, но измѣненія эти никакого существеннаго значенія для журналовъ не имѣютъ; журналы эти слѣдующіе:

Въ журналѣ «Базаръ. Журналъ объявленій» добавляются отдѣлы 1) Общеполезныя свѣдѣнія о литературѣ, наукахъ и домоводствѣ; 2) хроника происшествій за недѣлю какъ въ Россіи, такъ и за границей, и 3) помѣщеніе объяснительныхъ клише къ означеннымъ отдѣламъ. Въ газетѣ «Вѣстникъ садоводства и хмѣлеводства» расширена програма приложеній отдѣломъ «справочныя, биржевыя, коммерческія свѣдѣнія и извѣстія». Въ газетѣ «Донская Рѣчь» добавлены отдѣлы: 1) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 2) Театръ и искусство, и 3) Торговое обозрѣніе и биржа. Програма журнала «Другъ Животныхъ» измѣнялась въ теченіе года дважды-первоначально (разрѣшено 28-го апрѣля) были добавлены слѣдующіе отдѣлы: 1) новѣйшія изобрѣтенія; 2) домоводство, и 3) библіографія книгъ и журналовъ, касающихся сельскаго хозяйства; вторично, съ переводомъ журнала въ Петербургъ, было разрѣшено (10-го іюня) издавать этотъ журналъ по слѣдующей расширенной програмѣ: 1) Популярныя и научныя статьи по коноводству, со свѣдѣніями о конскомъ спортѣ, скотоводству, овцеводству, свиноводству, птицеводству; спеціальныя—по пчеловодству и рыбоводству; по разведенію породистыхъ охотничьихъ собакъ. 2) Фермерское или молочное хозяйство, зоологія, орнитологія, анатомія и лѣченіе домашнихъ животныхъ; способъ приготовленія и набивки чучелъ. 3) Статьи, касающіяся покровительства животныхъ, разныя сообщенія и свѣдѣнія, совѣты, рецепты. 4) Повѣсти и разсказы изъ жизни животныхъ. 5) Почтовый ящикъ. 6) Корреспонденціи по предметамъ, входящимъ въ програму. 7) Практическіе совѣты. 8) Новѣйшія изобрѣтенія. 9) Домоводство. 10) Библіографія книгъ и журналовъ, касающихся сельскаго хозяйства. 11) Иллюстраціи къ тексту. 12) Объявленія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ журналѣ «Иллюстрированный журналъ разныхъ свѣдѣній, справокъ и объявленій. С.-Петербургъ»—разрѣшено помѣщать повѣсти и разсказы. Въ журналѣ «Коннозаводство и Коноводство» расширена програма добавленіемъ: фельетоновъ и разсказовъ. Въ журналѣ «Наше Время»—добавляются отдѣлы: обзоръ художественныхъ и иныхъ выставокъ; отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и иныхъ обществъ; отчеты о главнѣйшихъ процессахъ, скачкахъ, бѣгахъ, всякихъ вообще состязаніяхъ; отдѣлъ шутокъ, мелочей юмористическаго свойства, шаржей, пародій и т. п. Въ журналѣ «Театралъ» (бывшая «Театральная Библіотека») добавляется отдѣлъ критики, въ которомъ помѣщаются: отзывы и рецензіи о вновь вышедшихъ пьесахъ, о статьяхъ по вопросамъ театра и рецензіяхъ въ другихъ повременныхъ изданіяхъ и частныя объявленія. Въ журналѣ «Шахматный Журналъ» добавленъ отдѣлъ подъ названіемъ «О русскихъ шашкахъ».

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которымъ

въ 1894 г. было разрѣшено помѣщать разныя иллюстраціи. Эти журналы слѣдующіе: «Воскресная Бесѣда», «Вѣстникъ Иностранной Литературы», «По морю и сушѣ», «Русское Слово» и «Торговля и Промышленность».

Приложенія къ журналамъ.

Періодическія изданія, числомъ пять, получившія въ минувшемъ году разрѣшеніе выдавать приложенія, были слѣдующія: къ журналу «Артистъ»—ежемѣсячное приложеніе, заключающее въ себѣ: снимки съ картинъ, находящихся въ художественныхъ галлереяхъ, и отдѣльныя картины преимущественно отечественныя, а также и иностранныхъ художниковъ, съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ; сочиненія, трактующія исключительно вопросы искусства съ необходимыми къ нимъ иллюстраціями, по объему не могущія помѣститься въ журналѣ. Къ газетѣ «Брянскій Вѣстникъ». Къ газетѣ «Русская Музыкальная Газета» — иллюстрированный ежегодный календарь подъ названіемъ «Музыкальный календарь-альманахъ». Программа этого календаря: 1) Церковный календарь. 2) Справочно-музыкальное обозрѣніе. 3) Біографіи и библіографическія извѣстія. 4) Справочный указатель, и 5) Нотный листокъ. Къ «Петербургской Газетѣ» безплатнымъ приложеніемъ служитъ журналъ «Наше Время». Къ газетѣ «Прибалтійскій Листокъ»—ежедневное приложеніе по программѣ: 1) Телеграммы. 2) Разнаго рода объявленія и публикаціи на русскомъ, эстонскомъ, латышскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Изданія, измѣнившія названія.

Такихъ изданій въ 1894 году было 9, но прежде другихъ скажемъ объ издаваемыхъ Академіею Наукъ сборникахъ. Сборники эти выходили подъ названіями: «Записокъ Академіи», «Mémoires», «Bulletin de l'Académie» «Mélanges tirés du Bulletin», теперь же вмѣсто ихъ издаются журналы, подъ названіемъ: «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ» и «Записки Императорской Академіи Наукъ»—раздѣляющіеся на двѣ серіи. Другія изданія были слѣдующія: «Базаръ. Журналъ объявленій» переименованъ въ «Иллюстрированный журналъ разныхъ свѣдѣній, справокъ и объявленій. С.-Петербургъ»; выходящій въ г. Владимірѣ листокъ «Бюллетени»—въ «Владимірскій листокъ объявленій»; журналъ «Вѣстникъ хлѣбной торговли и мукомольной промышленности»—въ «Вѣстникъ мукомольнаго дѣла и хлѣбной торговли»; журналъ «Другъ Животныхъ»—въ «Другъ Животныхъ—еженедѣльный иллюстрированный журналъ домоводства, сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ»; «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права»—въ «Журналъ Юридическаго общества»; журналъ «Театральная Библіотека»—въ «Театралъ»; газета «Торговля и Промышленность»—въ «Курьеръ торговли и промышленности» и газета «Zeitung für Stadt und Land»—въ «Rigasche Rundschau, vormals Zeitung für Stadt und Land».

Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися.

Въ минувшемъ году было объявлено о прекращеніи 20 повременныхъ изданій, въ дѣйствительности же такихъ изданій, вѣроятно, было болѣе, такъ какъ издатели не спѣшатъ оглашать свою неудачу. Прекратились: «Анонсъ»—выходилъ въ г. Тифлисѣ, «Библіографическія Записки»—выходили въ Москвѣ, «Ветеринарное Дѣло»—выходило въ Петербургѣ, «Всемірная Библіотека. Собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей»—въ Петербургѣ, «Голосъ Землевладѣльца»—въ Петербургѣ, «Dziennik Lodzki», «Елисаветградскій Вѣстникъ»—издавался въ г. Елисаветградѣ, журналъ «Колосья»—въ Петербургѣ, «Московская Газета», «Одесскій Вѣстникъ», «Пантобибліонъ»—издавался въ Петербургѣ, «Посредникъ печатнаго дѣла»—тоже въ Петербургѣ, «Правда»—тоже, Russische Revue»—тоже, журналъ «Семейная Библіотека»—въ Петербургѣ, «Театральная Газета»—тоже, газета «Типо-Литографское Дѣло»—въ Петербургѣ, журналъ «Художникъ»—въ Петербургѣ, «Указатель торгово-промышленности въ Россіи»—въ Петербургѣ и журналъ «Учитель Лингвистъ». Къ этому слѣдуетъ прибавить, что на газету «Торгово-Промышленный Посредникъ», изданіе которой предполагалось въ г. Варшавѣ, не состоялось подписки, а изданіе журнала «Воскресная Бесѣда» отсрочено на одинъ годъ.

Утверждены новыя лица редакторами и издателями.

Редакторами: газеты «Астраханскій Справочный Листокъ»—потом. почетн. гражд. Вячеславъ Ивановичъ Склабинскій (2-мъ); «Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»—офиціальной части г. Шашковъ и неофиціальной Добровольскій; журнала «Baltische Monatsschrift» — Арнольдъ Арнольдовичъ фонъ-Тидебель; газеты «Вологодскій листокъ объявленій»—купецъ Ив. Ив. Соколовъ; редакторъ журнала «Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общ. садоводства»—г. Кутузовъ отказался отъ редактированія; журн. «Вѣстникъ Птицеводства»—графъ Борисъ Григорьевичъ Толстой (вмѣсто г. Калинскаго); журнала «Вѣра и Разумъ»—протоіерей Іоаннъ Знаменскій (вмѣсто протоіерея Мартынова); «Gazeta Radomska»—Антонъ Ив. Морозовскій (вмѣсто г. Мословскаго); газеты «Донъ»—Всеволодъ Григорьевичъ Веселовскій; журнала «Дѣтское Чтеніе» и приложенія къ нему «Педагогическій Листокъ»—Дмитрій Ивановичъ Тихомировъ; «Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»—смотритель дух. училища Никандръ Бобылевъ (вмѣсто Успенскаго); «Журнала акушерства и женскихъ болѣзней» — проф. Дмитрій Оскаровичъ Отто и Лазарь Личкусъ (вмѣсто гг.: Крассовскаго, Славянскаго и Смольскаго); «Журнала Юридическаго общества» — проф. Василій Николаевичъ Латкинъ; журнала «Записки Московскаго отдѣленія Императ. Русскаго Техническаго общ.» —Павелъ Николаевичъ Ребиндеръ (вмѣсто г. фонъ-Бооля); журнала «Извѣстія Общ. Горныхъ Инженеровъ»—Леонидъ Иванов. Лутугинъ; журнала «Извѣстій М-ства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ»—Дмитрій Аркадьевичъ Тимиря-

зевъ (вмѣсто † г. Баталина); газеты «Крымскій Вѣстникъ»—купецъ Семенъ Спиро; эстонскаго журн. «Linda»—крестьянинъ Хиндрикъ Прантсъ; газеты «Lodzer Zeitung»—Карлъ Өеофиловичъ Шмидтъ (вмѣсто г. Петерсильге); журнала «Наше Время»—Николай Сергѣевичъ Худековъ; журн. «Нижегородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности»—Василій Ив. Калашниковъ (вмѣсто г. Малинина); газеты «Новое Обозрѣніе» — князь Георгій Михайловичъ Тумановъ; эстонской газеты «Олевикъ»—Юрій Юрьевичъ Тилькъ; журналъ «Пожарный Вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи» — Николай Лаврентьевичъ Ширяевъ, съ августа по ноябрь мѣсяцъ, а съ этого времени Василій Петровичъ Григорьевъ; газеты «Прибалтійскій Листокъ» — Михаилъ Михайловичъ Лисицынъ (2-мъ); журнала «Rigaer Handels Archiv» — Максимиліанъ Емиліановичъ фонъ-Рейбницъ; журнала «Русскій Охотникъ»—князь Сергѣй Петровичъ Урусовъ; журнала «Русскій Спортъ»—Самуилъ Гербильскій (вмѣсто князя С. П. Урусова); газеты «Русская Медицина» — профессоръ Николай Петровичъ Ивановскій; «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»—протоіерей Өеодоръ Толеровъ (вмѣсто † протоіерея Глѣбова); эстонской газеты «Сакала»—Михкель Камиманъ, съ мая по ноябрь, а затѣмъ крестьянинъ Адо Юрьевъ Пестъ; «Самарской Газеты»—Николай Арсеньевичъ Ждановъ (вмѣсто г. Новикова); газеты «St.-Petersburger Herold»—Германъ Кисменцъ; газеты «Сибирскій Листокъ» (въ г. Тобольскѣ)—Иванъ Павловичъ Львовъ (вмѣсто А. А. Сыромятникова); газеты «Сибирскій Вѣстникъ» (въ гор. Томскѣ)—Григорій Васильевичъ Прейсманъ (2-мъ); газеты «Смоленскій Вѣстникъ»—Василій Венедиктовичъ Гулевичъ; газеты «Степной Край»—Павелъ Борисовичъ Яцеровъ; журналовъ «Страховыя Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ Страхованія»—Александръ Андреевичъ Шахтъ; журнала «Сѣверъ»—Марія Ксенофонтовна Ремезова; журнала «Театральная Библіотека» и газеты «Справочный листокъ для сценическихъ дѣятелей»—Өедоръ Александровичъ Куманинъ; журнала «Труды Бакинскаго отдѣленія Императорскаго Техническаго общества»—Константинъ Васильевичъ Харичковъ (вмѣсто г. Булгакова); журнала «Pharmazeutische Zeitschrift für Russland» и «Фармацевтическій Журналъ»—Карлъ Ивановичъ Креслингъ (вмѣсто г. Юргенса); журнала «Хозяинъ, сельско-хозяйственный и экономическій журналъ»—Александръ Петровичъ Мертваго (2-мъ) и въ томъ же журналѣ отказался отъ редакторства г. Субботинъ; газеты «Zeitung für Stadt und Land»—Павелъ Керковіусъ и газеты «Ялта»—Алексѣй Михайловичъ Дмитревскій, съ конца іюня до половины декабря, и вмѣсто его Степанъ Николаевичъ Страховскій.

Издателями: Журнала «Артистъ, журналъ изящныхъ искусствъ и литературы»—купецъ Николай Васильевичъ Новиковъ; газеты «Астраханскій Вѣстникъ»—дочь священника Надежда Ефимовна Алектарова; принятъ въ соиздатели газеты «Астраханскій Справочный Листокъ»—потом. почетн. гражд. Вячеславъ Ивановичъ Склабинскій; журнала «Базаръ. Журналъ объявленій»—дочь капитана 1-го ранга Надежда Васильевна Сарычева; журнала «Велосипедъ»—мѣщанинъ Исаакъ Богельманъ; журнала «Wieczóry Rodzinne»—Марія Станиславовна Хоментовская; газеты «Волжскій Вѣстникъ»—кол. секретарь Николай Викторовичъ Рейнгардтъ; принятъ въ соиздатели газеты «Врачъ»—

дворянинъ Николай Александровичъ Мейнгардъ; газеты «Gazeta Radomska»—Антонъ Ивановичъ Морозовскій; газеты «День»—дворянинъ Николай Андреевичъ Россовскій (онъ же редакторъ), съ сохраненіемъ права изданія до 1895 г.; латышской газеты «Deenus Lapa»—крестьянинъ Петръ Романовичъ Биснекъ; журнала «Дѣтскій Отдыхъ»—потом. почетн. гражд. Анатолій Ивановичъ Мамонтовъ; принята въ соиздательницы журнала «Дѣтское Чтеніе»—жена д. с. с. Елена Николаевна Тихомирова; эстонской газеты «Eesti Postimees ehk Naddalaleht»—крестьянинъ Августъ Бушъ (онъ же и редакторъ); приняты въ соиздатели журнала «Kronika Lekarska»—редакторы этого журнала врачи: Осипъ Ивановичъ Завадскій и Оттонъ Оттоновичъ Гевельке; принятъ въ соиздатели газеты «Курьеръ торговли и промышленности»—мѣщанинъ Михаилъ Михайловичъ Борисенко, къ которому въ концѣ года газета эта перешла въ полную собственность; газеты «Курянинъ»—ст. сов. Иванъ Григорьевичъ Красовскій; газеты «Минскій Листокъ»—Иванъ Петровичъ Силиничъ; грузинскаго журнала «Моамбе»—двор. Александръ Георгіевичъ Дежабадаровъ; журнала «Наше Время»—кол. секр. Николай Сергѣевичъ Худековъ; журнала «Наша Пища»—тит. сов. Александръ Герцигъ; право собственности газеты «Недѣля» перешло къ кол. секр. Василію Павловичу Гайдебурову (онъ же и редакторъ); газеты «Нижегородскій листокъ объявленій и справокъ»—купецъ Николай Ивановичъ Волковъ; польскаго журнала «Niwa»—д-ръ медиц. Іосифъ Леопольдовичъ Држивецкій; газеты «Новгородскій листокъ объявленій»—Александръ Степановичъ Өедоровъ; газеты «Новости и Биржевая Газета» и журнала «Петербургская Жизнь»—общество «Гуттенбергъ»; польской газеты «Przegląd Katolicki»—ксендзъ Антонъ Діонисовичъ Шанявскій; газеты «Rigasche Börsen und Handels Zeitung»—потом. почетн. гражд. Генрихъ Генриховичъ Гартенсонъ; принята въ соиздательницы журнала «Русское Богатство»—жена шт.-капит. Ольга Николаевна Попова; журнала «Русскій Вѣстникъ»—типографія «Общественная Польза»; газеты «Русская Медицина»—гг. Косоротовъ и Өоминъ; журнала «Русскій Охотникъ»—великобританскій подданный Василій Альфредовичъ Саутамъ; «Самарской Газеты»—купецъ Семенъ Ивановичъ Костеринъ; газеты «St.-Petersburger Herold»—Іоакимъ Печаткинъ; газеты «Сибирскій Вѣстникъ»—мѣщанинъ Григорій Васильевичъ Прейсманъ; газеты «Сибирскій Листокъ» (въ г. Тобольскѣ)—тит. сов. Тимоөей Степановичъ Никифоровъ; газеты «Степной Край»—мѣщанинъ Иванъ Сунгуровъ; журнала «Сѣверъ»—жена кол. сов. Марія Константиновна Ремезова (она же и редакторъ); газеты «Театральныя Извѣстія»—г. Петровичъ; журнала «Хозяинъ. Сельско-хозяйственный и экономическій журналъ»—пот. почет. гражд. Иванъ Аркадьевичъ Машковцевъ, и принятъ въ соиздатели журнала «Циклистъ»—Іоганнъ Яковлевичъ Липскеровъ.

Измѣненіе сроковъ выхода журналовъ и подписной цѣны.

Всѣхъ періодическихъ изданій, получившихъ въ минувшемъ году право на назначеніе новаго срока выхода въ свѣтъ, было пять изданій, а именно: журналъ «Коннозаводство и Коноводство» долженъ выходить два раза въ недѣлю

вмѣсто одного; журналъ «Новости Терапіи» ежемѣсячно—вмѣсто еженедѣльно; журналъ «Практическая Жизнь» — тоже, что и предыдущій; журналъ «Театральная Библіотека» (нынѣ «Театралъ»)—пятьдесятъ №№ въ годъ и приложеніе къ газетѣ «Вѣстникъ садоводства и хмѣлеводства» разрѣшено выпускать въ теченіе года, вмѣсто четырехъ мѣсяцевъ. Первоначальную подписную цѣну измѣнили 14 періодическихъ изданій, при чемъ три изъ нихъ эту цѣну понизили.

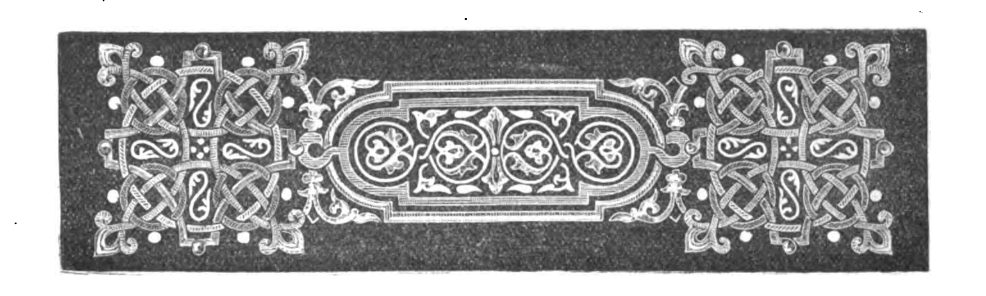
Л. Н. Павленковъ.

А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 31 МАЯ 1894 Г.

ХРОМОЛИТ. НОВАГО ВРЕМЕНИ А. С. СУВОРИНА.

ВЪ ПОИСКАХЪ ИСТИНЫ [1].

III.

ЧАСА за три передъ тѣмъ, вотъ что происходило въ домикѣ за заставой, изъ котораго посѣтители выходили въ такомъ странномъ, необъяснимомъ душевномъ настроеніи. Не успѣла затвориться дверь за Курлятьевымъ, какъ загадочная хозяйка этого таинственнаго жилища подошла къ одному изъ шкаповъ съ книгами въ переплетахъ виднѣвшихся сквозь стекла дверецъ, и растворила его. Шкапъ оказался фальшивымъ, и книгъ тутъ не было ни одной: это была потайная дверь въ сосѣднюю комнату.

Маркиза ударила въ ладоши и закричала:—Товій!

На зовъ этотъ тотчасъ же откликнулись.

— Я здѣсь, госпожа. Давно жду, чтобъ вы кончили бесѣду съ этимъ франтомъ. Важныя вѣсти—посланецъ съ Мясницкой, а также отъ Успенья, и, кромѣ того, приходили отъ Сынковыхъ,—проговорилъ, входя въ комнату, блѣдный и худой человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, въ одеждѣ не то ксендза, не то семинариста, подавая своей госпожѣ два письма, запечатанныхъ большими печатями. На немъ былъ сюртукъ, напоминающій сутану, черный и длинный до пятъ,

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 265.

а волосы съ просѣдью падали локонами до плечъ. Черты его лица были замѣчательно тонки, глаза свѣтлые и ясные, какъ у ребенка, но кожа покрыта сѣтью мелкихъ морщинъ, и странная, неестественная усмѣшка, точно застывшая на его синеватыхъ, тонкихъ губахъ, придавала его, лишенному всякой растительности, лицу что-то сардоническое и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое. Во всякомъ случаѣ, глядя на этого человѣка, нельзя было не подумать, что онъ стоитъ особнякомъ отъ другихъ людей и живетъ жизнью, ничего общаго съ жизнью ближнихъ его не имѣющей.

— Отъ Сынковыхъ? — переспросила съ оживленіемъ его госпожа.—Что тамъ случилось?

— Просятъ ясновельможную сегодня вечеромъ непремѣнно къ нимъ пожаловать,—объявилъ Товій.

И, таинственно понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Пріѣхала.

— Пріѣхала?—радостно повторила маркиза.

— Пріѣхала на одну только ночь, завтра чуть свѣтъ отправляется въ Тверь. Тамъ ее ждутъ. Замѣшкалась въ Рязани.

Онъ произносилъ слова твердо и отрывисто, но съ замѣтнымъ чужеземнымъ акцентомъ.

— Знаю, знаю,—съ нетерпѣніемъ прервала его госпожа, распечатывая поданные ей конверты.—Пришли ко мнѣ Марьицу, надо переодѣться, да распорядись на счетъ кареты. И никого не принимать, всѣмъ говорить, что я заперлась въ молельнѣ и дозавтра не велѣла себя безпокоить,—закричала она ему вслѣдъ.

— Добже, пани, — отвѣчалъ изъ противоположнаго конца корридора Товій.

А она принялась поспѣшно пробѣгать письма, вынутыя изъ конвертовъ.

Времени для этого потребовалось немного; горничная, та самая дѣвушка, что̀ вводила къ маркизѣ посѣтителей, не успѣла войти въ комнату, какъ ужъ оба письма были прочитаны и брошены въ каминъ съ тлѣвшими угольями, и маркиза принялась за свой туалетъ.

На этотъ разъ она одѣлась въ скромный костюмъ средняго состоянія женщины, темнаго цвѣта, безъ всякихъ украшеній, и сразу лѣта ея обозначились. Благодаря ли тому, что она озаботилась смыть съ лица косметики, которыми оно было покрыто, или потому, что возбужденное состояніе духа, которое она въ себѣ усиліемъ воли поддерживала нѣсколько часовъ сряду, внезапно спало и замѣнилось утомленіемъ, такъ или иначе, но отъ прежней горделивой, сильной духомъ и экзальтированной красавицы не осталось и слѣда; взглядъ ея огненныхъ глазъ затуманился, движенія сдѣлались медленны и вялы, углы губъ опустились, усмѣшка, скользившая между ними, была полна задумчивой горечи, а голосъ, ко-

торымъ она отдавала приказанія, провожавшимъ ее до кареты, Товію и Марьицѣ, звучалъ глухо. Она сгорбилась, съ трудомъ передвигала ноги и опиралась на руки своихъ провожатыхъ, какъ существо, обезсиленное продолжительною болѣзнью или удрученное лѣтами. Въ каретѣ, очень простой, безъ позолоты и гербовъ, запряженной парой, съ кучеромъ и лакеемъ въ темныхъ ливреяхъ, маркиза растянулась на мягкихъ подушкахъ, какъ въ постели, благодаря особому приспособленію выдвигавшейся скамейки изъ-подъ передняго сидѣнья, а когда лошади тронулись, она со вздохомъ облегченія закрыла глаза и въ полномъ изнеможеніи пролежала неподвижно въ той же позѣ до тѣхъ поръ, пока не въѣхала въ лабиринтъ узкихъ и тѣсно застроенныхъ переулковъ, примыкавшихъ съ одной стороны къ самому Кремлю, и остановилась передъ запертыми воротами дома купца Сынкова. Сынковъ этотъ, не взирая на неказистость его дома и болѣе чѣмъ скромный, отшельническій, можно сказать, образъ жизни, слылъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Москвѣ. Увѣряли, что онъ ворочаетъ милліонными дѣлами и держитъ въ рукахъ всю торговлю золотою и серебряною утварью не только здѣсь, но и по всей Россіи. У него были свои пріиски въ Сибири, гурты овецъ въ степяхъ, рыбныя ловли на морѣ, и всюду дѣло у него шло безъ сучка безъ задоринки, какъ у заколдованнаго. Руды не истощались, разъ попавши въ его руки, моровая язва обходила его скотъ, въ приказчики навертывались люди вѣрные и смѣтливые, и ни разу еще не покупалъ онъ землю, чтобъ въ этой землѣ, отъ которой прежніе владѣльцы ничего, кромѣ убытка, себѣ не видѣли, не объявилось для него какой нибудь нечаянной прибыли: либо на руду нападетъ, либо на водяной ключъ, и на глазахъ у всѣхъ, ничего не стоящая пустошь обращалась въ доходное имѣніе, за которое ему предлагали капиталъ вдесятеро больше того, что онъ затратилъ.

И во всемъ такъ. Не будь у него такой богобоязненной да добродѣтельной супруги, давно бы Сынковъ колдуномъ прослылъ, но у такой хозяйки, какъ у него, нечистому въ домѣ ужиться было бы невозможно. Вся въ Богѣ, только о добрыхъ дѣлахъ у нея и помысла, и заботы. Не было во всемъ городѣ такого нищаго, который бы ея не зналъ, не благословлялъ бы ея имени и не желалъ бы ей долгіе годы здравствовать. А сколько добра дѣлала она, кромѣ того, тайно, черезъ довѣренныхъ ей людей и подъ чужимъ именемъ!

Къ церкви православной ужъ такая радѣтельница, что самъ митрополитъ считалъ своимъ долгомъ оказывать ей вниманіе, называлъ ее женщиной великаго ума и высокой нравственности, ставилъ ее многимъ другимъ богачкамъ въ примѣръ и, наконецъ, въ прошломъ году, при свиданіи съ императрицей, выставилъ ея заслуги въ такомъ видѣ, что государыня благодарность ей прислала на пергаментѣ, съ собственноручною подписью и царскою печатью.

Эта царская милость, вставленная подъ стекло, въ широкой золотой рамѣ, виситъ у нихъ въ гостиной надъ диваномъ; каждый, кто войдетъ, можетъ ее видѣть.

Всѣ тогда думали, что Сынковы хоть обѣдомъ или другимъ какимъ нибудь празднествомъ ознаменуютъ такое радостное для нихъ событіе, но ничего подобнаго не случилось; они жили попрежнему, благочестиво и уединенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, но и не дружа, избѣгая сближаться съ людьми, онъ — все больше въ разъѣздахъ, по дѣламъ, которыя заведены у него были по всему Россійскому государству, а она съ утра до вечера въ церкви. Ни одной службы не пропуститъ, точно монашенка, а посты соблюдаетъ строже всякой отшельницы. Лавки у нихъ тутъ были въ гостиномъ дворѣ, а на Никольской контора, и всѣ молодцы, какъ одна семья, во флигелѣ, рядомъ съ хозяйскимъ домомъ жили. Сынковы строго за нравственностью своихъ сподручныхъ наблюдали и такого баловства, какъ шатанье по кабакамъ да по трактирамъ, у нихъ не допускалось. Хочешь жить — веди себя чинно, трезво и не лѣнись, а не хочешь—иди себѣ на всѣ четыре стороны, никто тебя не держитъ. О харчахъ для сидѣльцевъ и приказчиковъ сама хозяйка заботилась и кормила ихъ не то что сытно, а даже роскошно, мясомъ, овощами и рыбой, что цѣлыми возами привозили имъ изъ принадлежащихъ имъ хуторовъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и квасы, и пиво и медъ варили у нея на славу; сама же, еще смолоду, вѣрно, обѣтъ дала мяснаго не вкушать; никто никогда не видалъ, чтобъ она даже отъ курятинки отвѣдала. Утромъ выкушаетъ чашечку чая съ просвиркой, что̀ за обѣдней священникъ ей изъ алтаря вышлетъ, а тамъ кашки какой нибудь за обѣдомъ ложечки двѣ-три проглотитъ, въ скоромные дни на молокѣ, а въ постные на водѣ—вотъ и все, ничего ей больше и не надо.

— Праведница!—говорили про нее, со вздохами умиленія, ближнія богомолки, которымъ она неоскудѣвающей рукой благодѣтельствовала.

— И чьи только грѣхи замаливаетъ, свои или родительскіе?—покачивая головой, шептали недоброжелатели.

А такихъ у Сынковыхъ было не мало̀. Особенно злобствовали на него. Клеветали на него изъ зависти за слѣпое счастье, валившее ему, какъ истому любимцу фортуны, а также за его несообщительный и угрюмый нравъ. Вѣчно молчитъ, нѣтъ у него потребности ни передъ кѣмъ душу распахнуть и погулять въ веселой компаніи; все особнякомъ, всѣ свои дѣла одинъ вершитъ, и другихъ совѣтниковъ, кромѣ старшаго приказчика Вавилы, у него нѣтъ. И Вавила такой же, какъ и хозяинъ, бирюкъ нелюдимый. У обоихъ точно язва какая въ душѣ сокрыта, жжетъ ихъ день и ночь, ходятъ вѣчно насупившись, даже христосуясь съ народомъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, не улыбнутся. Но,

тѣмъ не менѣе, оба они, и хозяинъ и приказчикъ, чистые купцы и по рожденію и по воспитанію, и по всѣмъ обычаямъ и сноровкѣ, а потому, хоть и осуждаютъ ихъ за угрюмый нравъ, но все же считаютъ за своихъ людей, настоящаго купецкаго покроя, ну, а ужъ хозяйку ихъ своей никто не признаетъ. Ни по обращенію, ни по говору, ни по мыслямъ не похожа она на женщину изъ купеческаго сословія. Даже и одежу-то не умѣетъ она носить, какъ другія. А между тѣмъ, шьетъ на нее платья и душегрѣйки изъ тяжелой, добротной матеріи, та же самая портниха, что на всѣхъ замоскворѣцкихъ, коренныхъ купчихъ шьетъ, и по такому фасону, что у купчихъ въ ходу, а все не то, все на дворянку смахиваетъ. Въ чемъ именно состоитъ это сходство, въ какой неуловимой черточкѣ, никто бы сказать не могъ, а замѣчаютъ его всѣ. Видъ у нея степенный, ходитъ плавно, опустя глаза въ землю и поджавъ слегка губы, движенія медленны, каждое слово обдумано, и роняетъ она ихъ точно нехотя, такъ ужъ скупо да осторожно. Шляпокъ никогда не носила, даже и тогда, когда молода была; лѣтъ двадцать, какъ ихъ всѣ знаютъ, и никогда никто ея иначе, какъ повязанной платочкомъ, не видывалъ. Она это знаетъ, что въ купеческомъ быту считается непристойнымъ мужней женѣ свои волоса чужимъ мужчинамъ показывать. Она все знаетъ, всѣ ихніе обычаи, замѣчанія, повадки и всему слѣдуетъ строго и неукоснительно, но и этимъ не достигаетъ желаемой цѣли: сходства съ людьми одного съ нею сословія.

Мужа ея здѣсь много раньше знали, чѣмъ ее. Онъ наѣзжалъ сюда изъ Сибири, по дѣламъ отца, когда былъ еще холостымъ. Ужъ и тогда былъ онъ нрава угрюмаго и молчаливаго, но такой красавецъ, что всѣ невѣсты Замоскворѣчья безъ ума влюблены были въ него, и посватайся онъ только, любую богатѣйку бы за него отдали. Но хотя онъ здѣсь послѣ смерти отца и основался на житье, купилъ домъ, выстроилъ лавки, открылъ контору, однако на здѣшней не женился, а привезъ себѣ супругу издалека, изъ неизвѣстной семьи и такую же Несмѣяну-царевну да молчальницу, какъ и онъ самъ.

Первое время, какъ она здѣсь проявилась, ею очень интересовались.

— Да изъ какихъ у васъ хозяйка-то? — спрашивали у приказчика Вавилы.

— Купецкая дочь,—безъ запинки отвѣчалъ онъ.

— Изъ богатаго дома? Сколько за нею приданаго-то взяли?

— Сколько дали, столько и взяли.

И волей-неволей приходилось такими уклончивыми свѣдѣніями довольствоваться. Къ самому Сынкову съ подобными разспросами никто бы не посмѣлъ сунуться. За панибрата съ нимъ якшаться не отваживались даже и такіе старики почтенные, съ которыми молодые иначе, какъ стоя и безъ шапки, не разговаривали.

Однимъ словомъ, укрѣпился Сынковъ на особомъ отъ всѣхъ прочихъ положеніи, да такъ и пребываетъ въ немъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Дѣтей у нихъ нѣтъ. И шла про нихъ молва, будто хоть и въ законѣ они, честнымъ бракомъ повѣнчаны и другъ дружку уважаютъ, а живутъ какъ братъ съ сестрой, а не какъ мужъ съ женой.

Знали еще про нихъ одну подробность, а именно, что она православной вѣры держится, онъ же, до женитьбы, къ старой вѣрѣ принадлежалъ, и много на раскольничьи обители жертвовалъ, ну, а теперь, какъ онъ молится — этого никто не зналъ; одно только было извѣстно, что онъ женѣ ни въ чемъ не препятствуетъ, а она, какъ ужъ сказано выше, даже и царицѣ черезъ митрополита, какъ усердная радѣтельница православной церкви, извѣстна.

Въ тотъ вечеръ Сынкова сидѣла въ отдаленнѣйшей комнатѣ своего дома, служившей ей спальней, и бесѣдовала съ женщиной среднихъ лѣтъ, въ одѣяніи скитницы.

Въ комнатѣ довольно обширной и съ низкимъ потолкомъ находилось великое множество сундуковъ, обитыхъ желѣзомъ и съ тяжелыми замками; у задней стѣны, съ печкой, ютилась скромная деревянная кровать, съ тощимъ соломеннымъ тюфячкомъ вмѣсто перины и довольно плоской и жесткой подушкой, но за то въ красномъ углу возвышался огромныхъ размѣровъ и великолѣпной рѣзной работы кіотъ изъ краснаго дерева, весь сверху до низу уставленный образами въ дорогихъ ризахъ; передъ ними теплилось нѣсколько лампадокъ, переливаясь разноцвѣтными огнями въ самоцвѣтныхъ каменьяхъ, золотѣ и серебрѣ, обильно украшавшихъ святыя иконы. У стѣны подальше, за высокимъ шкапомъ, куда свѣтъ отъ лампадокъ достигалъ только узенькой полоской, сидѣла у стола съ чайной посудой и остывшимъ самоваромъ хозяйка, высокая, стройная женщина съ благообразнымъ кроткимъ лицомъ и печальными глазами, одѣтая въ длинный шелковый шушунъ темнаго цвѣта, отороченный мѣхомъ, и съ небрежно накинутымъ на голову бѣлымъ тафтянымъ, съ тяжелой бахромой, платкомъ, спустившимся на плечи съ ея густыхъ, бѣлокурыхъ волосъ, заткнутыхъ черепаховой гребенкой большимъ узломъ на затылкѣ. Широкіе рукава, откинутые небрежно назадъ, обнажали еще красивыя, бѣлыя руки. На гостьѣ же ряса изъ грубой черной ткани ревниво охватывала тощее тѣло; изъ-подъ чернаго клобука, надвинутаго на самыя брови и плотно обрамлявшаго со всѣхъ сторонъ лице ея, высохшее, какъ у муміи, выступали сверкавшіе неестественнымъ блескомъ глаза съ черными впадинами вокругъ, удлиненный худобою носъ, впалыя щеки съ зловѣщими алыми пятнами, блѣдныя губы да заостренный подбородокъ. По временамъ она покашливала сухимъ, рѣзкимъ кашлемъ чахоточной.

Обѣ сидѣли на стульяхъ, обитыхъ черной кожей; Сынкова, облокотившись обѣими руками на столъ и подпирая вывернутыми ладонями подбородокъ, не спускала полныхъ сострадательной нѣжности глазъ съ своей посѣтительницы, въ то время, какъ эта послѣдняя, опустивъ на колѣни блѣдныя руки съ длинными, худыми пальцами, ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ и устремивъ взглядъ въ пространство, отвѣчала на предлагаемые ей вопросы.

— Такъ вотъ какова вышла наша богоданная сестричка,—раздумчиво произнесла Сынкова.—Но гдѣ же ты съ нею встрѣтилась?

— Въ старомъ домѣ, у Андреича. Онъ съ Варваркой до моего пріѣзда только ея подаяніемъ и жилъ.

Она говорила отрывисто, съ придыханіемъ, прерывая рѣчь кашлемъ.—Изъ ума выжилъ, пересталъ смерть понимать, про мертвыхъ, какъ про живыхъ, говоритъ. Являются они ему, облеченные въ плоть...

— Вотъ и Григорьевнѣ тоже,—замѣтила Сынкова.—И это наша казнь съ Алешей. Какъ зачнетъ старое перебирать, всѣ ужасы, которые мы пережили, какъ живые, передъ нами воскресаютъ. Что-жъ, видно, такъ Господу Богу угодно,—прибавила она со вздохомъ.

— Григорьевна призрѣна, а Андреича мы забыли,—возразила монахиня.

— Не то, что забыли, а и тебѣ мнится, также какъ и намъ, не безопасно въ томъ краю проявляться,—замѣтила Сынкова.—За покойницъ насъ тамъ вѣдь считаютъ.

— Мнѣ въ тѣ мѣста послушаніе вышло,—объявила монахиня.—Ну, а ужъ пройти мимо родного дома, не заглянувъ въ него, да не помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы всѣ такъ много суетничали и грѣшили, какъ будто и не подобаетъ.

— Еще бы! И я бы тоже,—вымолвила Сынкова.—Такъ ты тамъ ее и застала?

— Тамъ. Въ горенкѣ нашего праведника. Она часто туда заходитъ.

— И что ее туда привлекло?

— Онъ привлекъ, Вездѣсущій, кто же больше!—рѣзкимъ тономъ объявила монахиня.

Слушательница ея промолчала.

— «Духъ идѣже хощетъ вѣетъ»,—произнесла вполголоса и какъ бы про себя монахиня.

И на это Сынкова не проронила ни слова, только красивыя, тонкія брови ея сдвинулись, точно отъ сдавленной боли.

— А извѣстно ей, чья она дочь?—спросила она, помолчавъ немного.

— Извѣстно. Господу угодно было ее поразить, чтобъ она сердце свое скорѣе обрѣла.

— Какъ же это могло случиться?—продолжала допрашивать Сынкова.

— Судьбы Господни неисповѣдимы,—начала, постепенно оживляясь, монахиня.—И никогда человѣку не остеречься отъ того, что Всевышнему угодно допустить въ своей мудрости. Хранили отъ нея тайну ея рожденія такъ ревниво, что даже и въ городѣ-то стали забывать про то, что она не родная дочь Бахтериныхъ, а дитя неизвѣстныхъ людей, найденное въ лѣсу, около родителей, убитыхъ разбойниками. Воспитывали ее посвѣтскому, на славу,—съ горькой усмѣшкой продолжала разсказчица,—гувернантка не гувернантка, учитель не учитель. Возили въ Москву танцамъ да пѣнію обучать. Порусски и говорить-то разучилась, даже и молилась пофранцузски, вотъ до чего люди ослѣпнуть могутъ! Но вѣдь дяденька Иванъ Васильевичъ всегда былъ вольтерьянецъ и безбожникъ, а тетенька во всемъ ему подчинялась, даже и вѣры своей не сумѣла отстоять.

— Правда, правда,—согласилась Сынкова со вздохомъ.

— Какъ подросла у нихъ Магдалиночка, стали жениховъ ей искать. Тамошніе и подступиться къ ней не смѣли, навернулся петербургскій. Хорошей фамиліи молодой человѣкъ, посвѣтски образованный, красавецъ и, хоть не богатъ, но на такой блестящей дорогѣ, что можно было ему и простить, что вотчинъ да крупнаго капитала за нимъ нѣтъ. Къ тому же и влюбились другъ въ друга, ну, и просватали. Въ день обрученія, чѣмъ бы въ молитвѣ да въ благочестивыхъ размышленіяхъ провести вечеръ, у нихъ балъ затѣяли!

И отъ негодованія она опять закашляла.

— Ну, и что-жъ дальше?

— А вотъ что дальше. Въ самый разгаръ плясокъ, оттанцовавши мазурку съ женихомъ и наслушавшись отъ него любовныхъ рѣчей всласть, невѣстѣ вздумалось уединиться, чтобъ на просторѣ и наединѣ съ самой собой снова пережить сладостныя впечатлѣнія, повторять задыхающимся отъ страсти шепотомъ только что слышанныя слова и млѣть отъ восторга. Она убѣжала на балконъ, не на тотъ, что у нихъ изъ гостиной въ садъ выходитъ, а на узенькій,—помнишь, что на парадный дворъ, въ проходной оранжерейкѣ?

— Помню, помню,—подхватила Сынкова.

Обѣ женщины преобразились. Подъ наплывомъ воспоминаній юности, прежняя жизнь, отъ которой онѣ совсѣмъ оторвались и къ которой даже мысленно боялись вернуться, охватила все ихъ существо съ такой силой, что все было забыто, и обѣты ихъ, и обстоятельства, заставившія ихъ произнести эти страшные обѣты. Настоящее перестало для нихъ существовать, всей душой погрузились онѣ въ прошлое. Глаза ихъ загорались грѣховнымъ любо-

пытствомъ, губы улыбались совсѣмъ не той условной улыбкой, которую всѣ привыкли у нихъ видѣть, и голосъ у нихъ сдѣлался другой, звучный и гибкій; и выраженія стали прорываться прежнія, давно осужденныя на забвеніе, какъ грѣховныя, безстыдныя и неприличныя въ устахъ женщинъ, посвятившихъ свою жизнь на отысканіе пути къ истинѣ. Монахиня забывала вставлять въ свою рѣчь изреченія изъ Св. Писанія и въ забывчивости своей все чаще и чаще произносила вслухъ свѣтскія мысли, всплывавшія ей на умъ, а Сынкова, нарушая обычную сдержанность, съ несвойственнымъ ей одушевленіемъ, прерывала ея разсказъ восклицаніями, выражающими негодованіе, любопытство, жалость, досаду, однимъ словомъ, никто бы не узналъ ихъ въ эту минуту изъ тѣхъ, кто не знакомъ былъ съ ними раньше, двадцать лѣтъ тому назадъ, когда онѣ были еще молодыми дѣвушками и звали ихъ барышнями Курлятьевыми.

Съ большими подробностями разсказывала Марья повѣсть, слышанную ею отъ очевидцевъ: какъ дочка дяденьки Ивана Васильевича и тетеньки Софьи Ѳедоровны подслушала съ балкона, на который она уединилась, чтобъ помечтать о своемъ счастьѣ, разговоръ челяди и узнала такъ тщательно скрываемую отъ нея тайну.

— Ночь была теплая, звѣздная, дѣло было весной. Помнишь, вѣдь у насъ тамъ зима короткая, до декабря тепло, а въ мартѣ ужъ весна.

— Черешни цвѣтутъ,—вставила Катерина.

— Да, а также и сирень, и ландыши. Помнится мнѣ, въ вербное воскресенье, я въ одномъ перкалевомъ платьѣ, съ короткими рукавами, въ садъ выбѣжала, и ничего, ни крошечки не было холодно... На балъ къ нашимъ съѣхался весь городъ; на дворѣ, значитъ, каретъ съ кучерами и съ форейторами набралось много. Ну, и гуторитъ народъ между собой. А тутъ еще то пива, то меду, то браги имъ поднесутъ изъ людской, языки-то и развязались. И никому, разумѣется, не въ домекъ, чтобы кто нибудь изъ господъ могъ ихъ съ балкона подслушать. Болтаютъ себѣ безъ опаски и про свои и про господскія дѣла. Магдалинѣ, понятно, не до нихъ, она къ голосу возлюбленнаго, что продолжалъ въ душѣ у нея звучать, прислушивалась, но вдругъ подъ самымъ балкономъ кто-то произнесъ ея имя, и она невольно насторожила уши.

— За богатаго, поди чай, просватали?—спрашивалъ кто-то.

— Наштo намъ богатство, у насъ и свово много,—отвѣчалъ другой голосъ.

— Правда, одна вѣдь она у васъ, другихъ дѣтей нѣтъ,—замѣтилъ первый.

— Одна...

— Да и та чужая,—вмѣшался въ разговоръ третій.

— Какъ такъ чужая?

— Очень просто, найденышъ, отъ неизвѣстныхъ родителей...

Дальше да больше, все и разсказалъ. А въ залахъ да гостиныхъ праздникъ шелъ своимъ чередомъ, танцовали, угощались, веселились, пока, наконецъ, не замѣтили отсутствія невѣсты. Кинулись ее искать, обошли весь домъ и нашли, наконецъ, на балконѣ,— лежитъ на полу въ обморокѣ, какъ мертвая. Насилу привели въ чувство. И какъ открыла глаза да увидала испуганныхъ, съ заплаканными глазами родителей, все ей вдругъ вспомнилось, сорвалась съ постели, да бухъ имъ въ ноги. А сама отъ изступленія рыдаетъ, ни слова не можетъ выговорить.

— Бѣдная дѣвочка!—прошептала Катерина.

— Да, наслалъ на нее Господь испытаніе. Не успѣла она отъ страшнаго открытія очнуться, не успѣли родители ее утѣшить и увѣрить, что она имъ милѣе родной дочери, какъ новый ударъ поразилъ ей сердце: женихъ сталъ отъ нея отлынивать.

— Негодяй!

— Испугался, что состояніе Бахтериныхъ ей не достанется, потребовалъ гарантій, чтобъ они при жизни ее выдѣлили...

— Ну, и чтожъ?

— Дяденька съ тетенькой ужъ соглашались, но она про это узнала и сама, не дожидаясь одобренія родителей, отказала жениху.

— Умница!—вскричала Катерина.

— Я тебѣ говорю—славная, интересная дѣвушка, съ чувствительнымъ сердцемъ и съ твердой волей. Къ самой себѣ неумолимо строга, къ нравственному совершенству стремится. Такія Богу нужны. Много пользы можетъ принести, если будетъ направлена по доброму пути.

— Пошли ей, Господи, хорошаго человѣка въ супруги, — вымолвила со вздохомъ Катерина.

— Магдалина замужъ не выйдетъ, — отрывисто возразила Марья:—не таковская.

Сестра недоумѣвающе посмотрѣла на нее и, сдавивъ вопросъ, готовый сорваться съ губъ, замѣтила, что тетенькѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ, должно быть, трудно теперь живется безъ мужа. Вѣдь хозяинъ-то онъ былъ, она ни во что не вмѣшивалась.

— У нихъ, какъ и раньше, Петръ Терентьевичъ всѣмъ управляетъ,—вставила Марья.

— Это раскольникъ-то?

— Да, изъ нашихъ,—вызывающимъ тономъ подхватила Марья.—О. Симеоній высоко его ставитъ.

На это Катерина ничего не возражала и, помолчавъ немного, объявила, что у нея есть вѣсти про ихъ брата.

Марья сдвинула сердито брови, однако не безъ любопытства спросила:

— Какія вѣсти? Новыя безобразія какія нибудь? Хорошаго-то отъ него ждать нечего.

— А вотъ узнаемъ сегодня. Онъ въ Москвѣ, и Клавдія хотѣла съ нимъ повидаться.

— А ты все еще надѣешься, что эта оглашенная сюда явится на свиданіе со мной?—съ горькой улыбкой спросила Марья.

— Я въ этомъ увѣрена. Вѣдь ты ее двадцать лѣтъ не видѣла, Маша, какъ же ты можешь судить о ней?—мягко замѣтила ей сестра.

— Шарлатанка! Чорту предалась! Темными силами пользуется, чтобъ людей морочить,— злобно процѣдила сквозь зубы монахиня.

— «Не судите, да не судимы будете»,—возразила Катерина.— А ты мнѣ лучше вотъ что скажи, кто-жъ теперь Магдалиночку наставляетъ, и изъ чего ты заключила, что и она путь къ спасенію ищетъ?

— Нашихъ тамъ много,—отрывисто отвѣчала ея сестра.

— Совсѣмъ, значитъ, отъ истинной вѣры отшатнулась?

— Отъ дьявола отойти—къ Богу пристать, — рѣзко возразила монахиня.

И помолчавъ немного, она прибавила угрюмо:

— Пора бы и тебѣ опомниться, сестра, да вернуться къ Нему.

— Оставь меня, Маша, — со вздохомъ возразила Катерина. — Точно ты меня не знаешь! Я ужъ, слава Богу, черезъ все это прошла. Цѣлыхъ два года бродила, какъ слѣпая, по вашимъ трущобамъ и нигдѣ успокоенія души не находила до тѣхъ поръ, пока къ истинной вѣрѣ не пристала.

— Истинная вѣра въ Духѣ. Развѣ не сказано въ Писаніи: «Богъ есть Духъ, и иже кланяется ему, духомъ и истиною достоинъ кланяться».

— И наша православная вѣра ложь за смертный грѣхъ почитаетъ,—кротко замѣтила Катерина.

— У васъ въ храмахъ золото и серебро, идолопоклонство! — вскричала ея сестра.

— Если мнѣ отрадно украшать то мѣсто, въ которомъ я возношусь къ Нему сердцемъ, что же тутъ предосудительнаго?—возразила ей сестра.

— Лучше эти деньги раздать нищимъ.

— Ты говоришь словами фарисеевъ, а я тебѣ отвѣчу Его словами: «Нищихъ всегда будете при себѣ имѣть...».

— Превратно вы эти слова толкуете, — прервала ее Марья и еще хотѣла что-то прибавить, но замѣтивъ, что собесѣдница ея прислушивается къ шуму на улицѣ, оборвала рѣчь на полусловѣ и тоже повернулась къ окну, сквозь которое, не взирая на то, что въ него была вставлена двойная рама, глухо доносился лошадиный топотъ и скрипъ растворяемой калитки.

— Это карета подъѣхала къ нашимъ воротамъ! — вскричала Катерина, срываясь съ мѣста и кидаясь къ двери. — Я говорила тебѣ, что Клавдія непремѣнно пріѣдетъ!

Въ сосѣдней комнатѣ ей встрѣтилась бѣгущая изъ кухни молодая дѣвушка въ крестьянской одеждѣ.

— Бѣги къ воротамъ, Аннушка, прими дорогую гостью и проведи ее осторожнѣе черезъ дворъ, — сказала госпожа. — Темно, и такіе намело сугробы, что тропинки-то, поди чай, и не видать.

— Бѣгу, сударыня, бѣгу, — отвѣчала дѣвушка, накидывая на ходу теплый платокъ на растрепавшіеся волосы.

И почти тотчасъ же захлопнулась за нею дверь изъ сѣней на крыльцо, а изъ свѣтлаго чуланчика подъ лѣстницей, опираясь одной рукой на клюку, а другую простирая впередъ, чтобъ ни на что не наткнуться, выползла слѣпая старуха.

— Ктой-то къ намъ пріѣхалъ? Хозяинъ, што ли? — спросила она, шамкая беззубымъ ртомъ.

Это она разбудила Аннушку и приказала ей бѣжать навстрѣчу гостямъ. У Григорьевны съ тѣхъ поръ, какъ она ослѣпла, слухъ сдѣлался такой тонкій, что всякій шумъ достигалъ до нея раньше всѣхъ.

— Нѣтъ, няничка, это не Алеша, это сестрица Клавдія,—сказала Катерина, подходя къ старухѣ. И ласково взявъ ее подъ руку, довела до ближайшаго стула, на который посадила ее.

— Клавдинька?—недоумѣвая спросила слѣпая.

— Да, Клавдинька. Вѣдь ты ее помнишь?

— Помню, какъ не помнить! Наша меньшая барышня... Да вѣдь она умерла.

— Нѣтъ, няня, она жива. Кто тебѣ сказалъ, что она умерла?— спросила Катерина, съ волненіемъ поглядывая то на дверь, въ которую выбѣжала Аннушка, то на ту, за которой осталась сестра ея Марья.

— Кто сказалъ?!—повторила старуха.—Да всѣ тогда говорили,— раздумчиво продолжала она. — Я за упокой ея чистой, невинной душеньки панихиду служила, и въ поминаньѣ она у меня вмѣстѣ съ бариномъ записана. Вѣдь за оборотня ее тогда замужъ-то отдали... Горе-то какое, Господи! Въ ногахъ я тогда у барыни валялась, молила дѣточку нашу не погубить, — гдѣ тебѣ! И договорить не дала, закричала, затопала и вонъ изъ горницы пошла. И барина не послушала. Соньку тогда съ ней, съ нашей голубушкой отпустили... Да вотъ, — вспомнила она вдругъ, — отъ Соньки-то мы все и узнали, какъ онъ, нехристь-то, нашу голубку непорочную погубилъ... ножемъ прямо въ сердце, а тамъ ручку ей отрубилъ... а ребеночку ничего не сдѣлалъ, ребеночекъ живъ остался, призрѣли ее Бахтеринскіе господа,—продолжала выжившая изъ ума старуха, преслѣдуя впечатлѣнія изъ далекаго прошлаго, по мѣрѣ того, какъ

они безпорядочными отрывками оживали въ ея мозгу, чтобъ через минуту снова потонуть въ бездонномъ омутѣ забвенія.

Впрочемъ, ея безсмысленнаго лепета никто не слушалъ. Катерина вышла въ прихожую встрѣтить младшую сестру.

Тутъ горѣла сальная свѣча въ широкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ. Сейчасъ войдетъ Клавдія. Съ какимъ нетерпѣніемъ жаждала ея душа этой минуты, когда онѣ, наконецъ, всѣ три будутъ вмѣстѣ, какъ бывало, въ ихъ комнаткѣ на верху, въ родительскомъ домѣ. Какъ ныло въ ней сердце при мысли, что, можетъ быть, минута эта никогда для нея не наступитъ! Но Господь услышалъ ея молитву. И онъ же, многомилостивый, вразумитъ ее, какъ дѣйствовать, какъ говорить, чтобъ обѣихъ ихъ направить на путь истинный. То, что Онъ для нея сдѣлалъ, сдѣлаетъ Онъ и для нихъ, черезъ нее многогрѣшную. Все къ тому идетъ. Могла ли она предвидѣть, чтобъ обѣ ея сестры въ одно время, точно сговорившись, съѣхались къ Москвѣ, одна съ дальнаго юга, другая изъ чужихъ краевъ. Обѣ тотчасъ же ее отыскали, на любовь ея и ласку напрашиваясь, и обѣ такія же, какъ и она, несчастныя. По всему сестры — и по рожденію, и по злой судьбѣ. Ахъ, кабы привелъ имъ Господь, всѣмъ тремъ горемычнымъ, и въ духѣ слиться воедино!

Мысли эти вихремъ проносились въ ея головѣ, сердце такъ билось, точно выскочить хотѣло изъ груди, а ноги подкашивались. Чтобъ не упасть, она оперлась о стѣну, но у крыльца ужъ хрустѣлъ снѣгъ подъ ногами ожидаемой посѣтительницы. Катерина не выдержала и выбѣжала на встрѣчу къ сестрѣ.

IV.

Прошла вся ночь; въ церкви ударили къ заутрени, а сестры все еще не разставались.

Многое надо имъ было разсказать другъ другу, о многомъ вспомнить и посовѣтоваться.

Появленіе Клавдіи внесло столько новаго и интереснаго въ бесѣду, что даже Марья преобразилась и, забывъ на время свою роль суровой сектантки, разспрашивала меньшую сестру о вещахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ цѣлью, которую она такъ неуклонно преслѣдовала.

Клавдія должна была имъ разсказать всю свою жизнь, столь богатую странными приключеніями, что у слушательницъ ея духъ захватывало отъ страха, изумленія и восторга. Но когда, наконецъ, разсказавъ про свои столкновенія сначала съ масонами, потомъ съ иллюминатами, и какъ послѣ подготовки, длившейся цѣлыхъ три года, ее стали постепенно знакомить съ тайнами ученія, распространеннаго по всему міру, и отъ котораго послѣдователи его ждали

великихъ благъ всему человѣчеству, когда отъ этихъ подробностей она перешла къ описанію чудесъ, совершаемыхъ ею повсюду, и про то, какую власть она имѣетъ надъ грѣшными душами, прибѣгающими къ ней за наставленіями, поддержкой и утѣшеніемъ, Марья опять сдѣлалась сурова, съ недовѣріемъ отодвинулась отъ нея и, подозрительно окинувъ ее съ ногъ до головы озлобленнымъ взглядомъ, угрюмо спросила:

— Какой цѣной пріобрѣла ты такую власть надъ ближними? Не отъ сатаны ли исходитъ твоя сила?

Прежде чѣмъ ей отвѣтить, Клавдія взглянула на старшую сестру. Катерина, со слезами на глазахъ, уставилась взглядомъ на образа, и губы ея беззвучно шептали молитву.

— Ну, а ты, Катя, неужели тоже считаешь меня исчадіемъ ада?—спросила, горько улыбнувшись, Клавдія.

— Мнѣ кажется, что изъ насъ трехъ ты самая несчастная,— со вздохомъ отвѣчала Катерина.

— О, да, я очень несчастна!—согласилась Клавдія.—Не потому, чтобъ я раскаивалась въ избранномъ мною пути... Да я и не выбирала этого пути,—поспѣшила она оговориться,—сама судьба натолкнула меня на него и при такихъ обстоятельствахъ, что сомнѣваться въ промыслѣ Божіемъ я не могла. Каждый разъ,—продолжала она съ возрастающимъ одушевленіемъ,—когда враги толкали меня въ пропасть, на погибель души и тѣла, они являлись и спасали меня. Спасали со словами любви и утѣшенія, наставляя на путь вѣры и добродѣтели. Какъ могла я имъ не повѣрить? Они были лучше всѣхъ остальныхъ людей, чище жизнью, безкорыстнѣе, великодушнѣе, умомъ и сердцемъ витаютъ они высоко надъ земной мерзостью и грѣховными помыслами. Всѣ ихъ побужденія святы и имѣютъ цѣлью не мелкое, личное счастье, а благо родины, торжество добра надъ зломъ, любовь, равенство и свободу; какъ могла я имъ не повѣрить, когда, указывая мнѣ путь ко спасенію, они говорили: онъ ведетъ къ истинѣ! Потомъ...

Голосъ ея оборвался, она на минуту смолкла, а затѣмъ, собравшись съ силами, продолжала, съ долгими остановками между фразами, точно для того, чтобъ изъ самой глубины души извлечь ту истину, которою ей хотѣлось подѣлиться съ сестрами.

— Потомъ я и сама начала убѣждаться, что они во многомъ заблуждаются, но тогда я ужъ имъ вся принадлежала, и душой и тѣломъ. Тысячи мелкихъ и тонкихъ, какъ паутина, но неразрывныхъ нитей связывали мою душу съ ихъ душой. Они довѣряютъ мнѣ, считаютъ меня своей, всѣ ихъ тайны мнѣ извѣстны,— мыслимо ли мнѣ теперь отшатнуться отъ нихъ вѣдь это было бы предательство? И куда мнѣ примкнуть? Къ кому? Болѣе одинокаго человѣка, какъ я, нѣтъ на свѣтѣ. Ни любить, ни ненавидѣть мнѣ некого. Что я такое? Сама не знаю. Вотъ она,—кивнула Клавдія на

Марью,—видитъ во мнѣ орудіе дьявола, ты тоже молишься за меня, какъ за погибшую, а люди называютъ меня просвѣтленной, преклоняются передо мной, считаютъ за счастью прикоснуться губами къ краю моего платья, благословляютъ меня, прославляютъ... Что это такое? Объясните, если можете. Ужъ не мните ли вы въ сердцѣ вашемъ, что отъ меня зависѣло остановиться на рубежѣ между зломъ и добромъ? О, какъ жестоко ошибаетесь вы! Какъ найти этотъ рубежъ между ложью и истиной! Да я до сихъ поръ не могу себѣ уяснить, что происходитъ во мнѣ, когда на меня находитъ то, что Марья и ей подобные называютъ дьявольскимъ наважденіемъ, а другіе—небеснымъ просвѣтленіемъ, когда я начинаю пророчествовать и вліять на людей взглядомъ, словами, мановеніемъ руки! Кто мнѣ скажетъ, что это такое и откуда мнѣ сіе? Одно только сознаю я: какая-то сила изъ меня исходитъ. Слова срываются съ языка сами собой, безъ участія воли и разума, взглядъ безсознательно останавливается, рука тянется туда, куда нужно невидимой силѣ, овладѣвающей всѣмъ моимъ существомъ, и всякая попытка овладѣть собой, своимъ я, своей волей и разумомъ кажется смѣшна, до такой степени это невозможно. Да и чѣмъ овладѣвать, когда ничего нѣтъ, ни мыслей, ни чувствъ, ни сознанія, когда все существо сливается съ невидимымъ духомъ и уничтожается въ немъ, расплываясь, какъ зернышко соли въ морскихъ волнахъ. А потомъ полная прострація души и тѣла. Изнеможеніе, соотвѣтствующее силѣ и продолжительности кризиса, держитъ меня скованной по рукамъ и по ногамъ, въ такой апатіи, что мнѣ и въ голову бы не пришло пошевелиться, еслибъ даже я видѣла, что потолокъ надо мной обрушивается, или заносятъ надо мной кинжалъ. Случился однажды пожаръ въ томъ домѣ, гдѣ я жила, именно въ то время, когда я находилась въ состояніи оцѣпенѣнія, и я навѣрное погибла бы, еслибъ меня не вынесли изъ комнаты, объятой пламенемъ. Когда туда вошли, подумали, что я уже задохлась отъ дыма, или въ обморокѣ отъ страха. Ни то, ни другое, я видѣла пламя, врывавшееся въ мое убѣжище, сознавала, что еще мгновеніе,—я сгорю, но мнѣ было все равно. Въ такія минуты меня могутъ колоть булавками, жечь, рѣзать—я ничего не чувствую.

— Въ тебя вселился дьяволъ,—увѣреннным тономъ объявила Марья. А Катерина съ выраженіемъ тоскливаго ужаса въ глазахъ истово перекрестилась. Клавдія же продолжала, видимо наслаждаясь возможностью излиться всей душой передъ сестрами.

— Были и такіе случаи. Ѣхала я по южной Германіи въ Миланъ. Торопилась, меня тамъ ждалъ одинъ изъ нашихъ, вліятельный и добродѣтельный старецъ, котораго я считаю отцемъ и наставникомъ. Проѣзжать надо было черезъ лѣсъ, въ немъ неистовствовали разбойники. Но я такъ привыкла разсчитывать на помощь свыше, что ничего не боюсь. Разбойники съ атаманомъ

во главѣ подстерегли насъ въ такомъ мѣстѣ, откуда криковъ нашихъ никто бы не могъ услышать, и кинулись на насъ съ пистолетами и кинжалами. Ихъ было человѣкъ десять, насъ четверо — я, Марица, Товій и кучеръ. О сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Спутники мои стали мысленно предавать духъ свой волѣ Божіей и молитвенно готовиться къ смерти, но на меня въ эту роковую минуту нашло... то необъяснимое, что составляетъ въ одно и то же время и слабость и силу, и отчаяніе и радость моей жизни, и едва только глаза мои встрѣтились съ глазами злодѣя, кинувшагося на меня съ кинжаломъ, какъ онъ поблѣднѣлъ, рука его опустилась, оружіе выпало изъ его пальцевъ, и онъ отпрянулъ отъ меня въ смертельномъ ужасѣ. Что было дальше—не знаю; когда я очнулась, отъ разбойниковъ и слѣдъ простылъ, а люди мои обнимали со слезами мои колѣни, вознося Господу хвалу за чудесное спасеніе, орудіемъ котораго Онъ избралъ меня. Они называли меня святой и повторяли, что я сдѣлала чудо: разбойники отъ одного моего взгляда разбѣжались, точно за ними гнался цѣлый отрядъ жандармовъ. Какъ это случилось? Хоть убейте меня—сказать не могу. Когда сила, властвующая надо мной, проявляется на другихъ, я ощущаю вторженіе ея въ мою душу прежде всего тѣмъ, что сама немедленно дѣлаюсь ея послушной рабыней, устремляю взглядъ туда, куда надо, чтобъ я его устремила, при этомъ чувствую, что изъ моихъ глазъ и отъ всего моего тѣла отдѣляется что-то такое невидимое, неосязаемое, но до того могучее, что ничто не можетъ противиться этой силѣ. Такъ было и съ тѣмъ несчастнымъ, который готовился лишить меня жизни, чтобъ овладѣть моимъ имуществомъ; я совершенно безсознательно заставила его отказаться отъ его намѣренія; чужая воля моими глазами приказала ему бросить оружіе, я же сама, кромѣ ужаса, при видѣ устремленнаго на грудь мою кинжала, ничего не чувствовала. Повторяю вамъ еще разъ,—прибавила она такимъ чистосердечнымъ тономъ, что въ искренности ея трудно было бы усомниться,—я не что иное, какъ слѣпое орудіе въ рукахъ Провидѣнія. А почему Оно избрало именно меня, а не другую, болѣе достойную, тайна сія отъ меня сокрыта.

— Люди называютъ меня просвѣтленной,—продолжала она съ усмѣшкой, послѣ небольшаго молчанія.—Какая же я просвѣтленная, когла не умѣю читать въ собственномъ сердцѣ, брожу, какъ во тьмѣ, и не знаю, отъ Бога или отъ дьявола данъ мнѣ даръ покорять чужія сердца? Одно меня утѣшаетъ—это то, что я никогда еще никого на зло не наталкивала.

— Змію искусителю ничего не стоитъ и ангеломъ прикинуться для достиженія своихъ мерзкихъ цѣлей,—вымолвила вполголоса Марья.

— Ахъ, Маша, точно я и сама этого не знаю! Но что-жъ мнѣ дѣлать? Что-жъ мнѣ дѣлать?—продолжала она, обращаясь то къ къ старшей сестрѣ, то къ младшей.

— Молись,—отвѣчала Катерина,—ищи защиты у церкви нашей православной.

— Иди лучше за мной, я укажу тебѣ путь къ истинѣ, и когда ты соединишься съ духомъ, бѣсъ отступится отъ тебя,—объявила Марья.

Но Катерина обняла несчастную просвѣтленную и, прижимая ее къ своей груди, сказала, любовно заглядывая ей въ лицо своими добрыми, кроткими глазами:

— Ищи тамъ покоя, гдѣ любовь. «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою васъ». Вспомни, Кто это сказалъ, къ Нему и иди.

— «Мнѣ отомщеніе и Азъ воздамъ»,—вымолвила Марья, сдвигая брови.—За грѣхи родительскіе мы терпимъ.

— Иди къ Нему,—повторила Катерина,—а путь къ Нему я тебѣ укажу, онъ лежитъ черезъ нашу православную церковь. Вѣрь мнѣ, я это знаю по опыту. Ты знаешь мое горе, знаешь язву моего сердца, могла ли бы я быть спокойна безъ Него?!

А Марья между тѣмъ продолжала преслѣдовать свою мысль:

— Вся жизнь нашей матери была не что иное, какъ сплошной грѣхъ, бѣсы руководили каждымъ ея шагомъ. Нечистая сила свила себѣ гнѣздо въ нашемъ домѣ...

— Ахъ, Маша! Маша! А папенька? Ты забываешь, какой онъ былъ праведникъ!—вскричала со слезами Катерина.—Не слушай ея, Клавдія, она сбилась съ пути истиннаго, у нея только черти на умѣ, только адъ да вѣчныя муки, отчаянье да скрежетъ зубовный, а Богъ есть любовь.

— Отецъ пытался замолить прародительскіе грѣхи, да не смогъ,— продолжала Марья съ упорствомъ фанатика.—Семья наша сотрется съ лица земли безслѣдно, она проклята. Когда корни дерева сгнили, его срубаютъ и бросаютъ въ огонь. Нѣтъ больше Курлятьевыхъ.

— А братъ нашъ Ѳедоръ?—напомнила Клавдія.

При этомъ имени Катерина встрепенулась.

— Ты его видѣла?—съ живостью спросила она.

— Видѣла. Душа у него добрая и честная, но онъ ея еще не обрѣлъ.

— И никогда не обрѣтетъ,—рѣшила отрывисто монахиня.

— Не пророчествуй, Маша, тебѣ этого дара свыше не дано,— замѣтила Катерина.

И обращаясь къ Клавдіи:

— Я рада, что онъ тебѣ полюбился. Будемъ молиться за него, чтобъ и онъ тоже нашелъ путь къ истинѣ.

— Кто знаетъ! Пути Господни неисповѣдимы, захочетъ Всемогущій открыться ему, раньше насъ Ѳедоръ прозрѣетъ,—вымолвила Клавдія.—Бывали такіе примѣры,—прибавила она послѣ небольшаго раздумья.

— Святое Писаніе намъ то же самое подтверждаетъ,—вставила Катерина.—Ты ему открылась? Узналъ онъ тебя?—спросила она.

— Нѣтъ, онъ не знаетъ, что говорилъ съ родной сестрой. Его привелъ ко мнѣ пріятель, молодой человѣкъ изъ нашихъ, не посвященный еще, но ужъ на пути къ истинѣ. Узнать меня Ѳедоръ не могъ, онъ слишкомъ еще поглощенъ мірскими помыслами и чувствами, чтобъ видѣть руку Божію во всемъ, что въ насъ и внѣ насъ.

— Да онъ, я думаю, совсѣмъ и забылъ про наше существованіе,—замѣтила Марья.

— А ты ему не напомнила?—подхватила Катерина.

— Нѣтъ, время еще не пришло. Да неужели же вы думаете,—продолжала она съ одушевленіемъ, — что я могу произвольно владѣть моими словами и мыслями, когда ко мнѣ приходятъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ, какъ къ просвѣтленной? Повторяю вамъ, я дѣлаюсь тогда рабой духа, игрушкой его, онъ говоритъ моими устами то, что хочетъ, а мысли мои и воля тутъ не при чемъ.

— Слышали мы ужъ это, — съ раздраженіемъ прервала ее Марья.

— Слышали, да не поняли,—запальчиво возразила Клавдія.

— Ѳедоръ, значитъ, несчастливъ, если ищетъ утѣшенія и совѣта, — сказала Катерина, возвращаясь къ занимавшему ее предмету.

— Кто же счастливъ въ сей юдоли скорби и плача?—возразила Клавдія. — Разница только въ томъ, что одинъ ужъ сознал свое несчастье, ничтожество и безпомощность, а другой еще нѣтъ, вотъ и все.

— А ты сознала?—сурово спросила Марья.

На вопросъ этотъ Клавдія отвѣчала только вздохомъ.

— Почему же не стремишься ты прочь съ пути дьявола? — продолжала свой допросъ монахиня.

— Чтобъ слѣдовать твоему пути? — возразила съ горькой усмѣшкой ея сестра. — Вотъ насъ тутъ три и всѣ мы дѣти одного отца и одной матери, выросли вмѣстѣ, знаемъ другъ друга и вѣримъ одна другой, а идемъ къ истинѣ каждая своимъ путемъ и такъ розно, что ни на чемъ ужъ сойтись не можемъ. А сколько другихъ людей на свѣтѣ, ищущихъ истины, и каждый по-своему, кто же можетъ считать себя правѣе другихъ? Знавала я людей, разоряющихъ царства силой своего слова и вѣрящихъ въ святость своего призванія. Можетъ быть, они и правы, о послѣдствіяхъ ихъ дѣятельности будетъ судить потомство, они же иначе поступать не могли. На нихъ нашелъ духъ и овладѣлъ ими, ихъ мыслями, стремленіями и чувствами, ихъ сердцемъ и умомъ. Онъ поработилъ ихъ себѣ, уничтожилъ въ нихъ волю, память, все, чѣмъ они могли бы ему противиться, и превратились они въ трупы,

оживотворенные Имъ, и повторяютъ они то, что Онъ имъ внушаетъ, и вѣрятъ тому, чему Онъ хочетъ, чтобъ они вѣрили, и дѣйствуютъ такъ, какъ Онъ заставляетъ ихъ дѣйствовать. Чѣмъ они виноваты? Я знала человѣка, о которомъ теперь иначе, какъ съ содроганіемъ, никто вспоминать не можетъ, — продолжала она, все болѣе и болѣе воодушевляясь,—теперь онъ умеръ и знаетъ, сколько слезъ, сколько скорби и печали посѣялъ онъ на землѣ во время своего кратковременнаго пребыванія на ней, но раскаивается ли онъ въ этомъ? И отвѣтственъ ли онъ предъ Тѣмъ, безъ воли Котораго волосъ съ нашей головы не упадетъ, и про Котораго сказано, что «пути Его неисповѣдимы»? Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ?

— Это ужасно, что ты говоришь! — проговорила, блѣднѣя, Катерина.

Марья же давно шептала заклинанія противъ злаго духа. Она отошла въ дальній уголъ, опустилась на колѣни, вынула ладонку съ мощами, висѣвшую у нея на груди, и, крестясь, благоговѣйно прижимала ее къ дрожащимъ отъ волненія губамъ, бросая исподлобья полные ужаса взгляды на ту, которую она въ сердцѣ своемъ давно уже считала одержимой нечистой силой.

Но Клавдія въ возбужденіи своемъ ничѣмъ не смущалась и продолжала говорить, не обращая вниманія на чувства, возбуждаемыя ея словами въ душѣ ея слушательницъ.

— Я встрѣтилась съ другимъ человѣкомъ. Этотъ только что вступаетъ на путь, предначертанный ему судьбой, а ужъ сколько крови онъ пролилъ! И онъ тоже бодро и смѣло, съ яснымъ взглядомъ и спокойною совѣстью идетъ впередъ, къ новымъ побѣдамъ надъ человѣческими правами, попирая на своемъ пути все, что дорого людямъ, все, чѣмъ имъ мила жизнь. Онъ не считаетъ себя злодѣемъ, онъ гордится содѣянными имъ преступленіями и принимаетъ, какъ должную себѣ дань, восторженные клики, которыми привѣтствуютъ его народы, именемъ которыхъ онъ творитъ зло.

— Какъ зовутъ этого человѣка? — спросила Марья, прерывая молитву, но не поднимаясь съ колѣней.

— Наполеонъ Буонапарте,—отвѣчала Клавдія.

— Его у насъ знаютъ. О немъ въ Апокалипсисѣ сказано. Наши братья на Западѣ зорко за нимъ слѣдятъ. Онъ орудіе сатаны, бичъ, посланный свыше людямъ за ихъ грѣхи,—рѣзко отчеканивая слова, вымолвила Марья.

Клавдія горько усмѣхнулась.

— Вотъ вы какъ рѣшили! Слѣпые вожди слѣпыхъ! А онъ жизнерадостенъ и спокоенъ, и видитъ руку Божію тамъ, гдѣ вамъ чудится дьяволъ. Онъ мнитъ себя искателемъ истины, какъ и тотъ кроткій и незлобивый, что томился въ заключеніи за то, что печаталъ слова, внушенныя ему духомъ, и какъ та могуществен-

ная женщина, что преслѣдовала его во имя той же вѣчной истины. Правымъ считаетъ себя и тотъ злополучный вѣнценосецъ, что пятый годъ держитъ въ страхѣ и недоумѣніи нашу родину. Онъ тоже убѣжденъ, что слѣдуетъ указанію свыше, ломая и коверкая всѣ дѣянія своей матери, преслѣдуя всѣхъ, кого онъ подозрѣваетъ въ преданности ея памяти. Съ точно такою же увѣренностью въ своемъ правѣ дѣйствуютъ и тѣ, что готовятъ ему погибель... Я укажу ему на эту погибель,—продолжала Клавдія, въ изступленіи возвышая голосъ и торжественно поднимая руку, какъ бы призывая Бога въ свидѣтели искренности своихъ словъ,—я заставлю его заглянуть въ бездну, на краю которой онъ стоитъ, онъ все пойметъ и увидитъ, и убѣдится, что ему стоитъ только сдѣлать шагъ, чтобы спастись, но сдѣлаетъ ли онъ этотъ шагъ? Внутренній голосъ твердитъ мнѣ, что нѣтъ, напрасна моя попытка его спасти. То, что свыше предопредѣлено, свершится...

— Государь?.. Ты предсказываешь ему смерть?..—прошептала съ ужасомъ Катерина.

— Онъ обреченъ, — проговорила «просвѣтленная» такъ тихо, что сестра ея скорѣе угадала смыслъ этихъ словъ, чѣмъ услышала ихъ.

— Зачѣмъ же ты къ нему спѣшишь на помощь, если впередъ знаешь, что это безполезно?—спросила Катерина.

— Да развѣ я могу не идти, когда меня посылаютъ?.. Развѣ кинжалъ вопрошаетъ руку, для чего направляетъ она его на эту грудь или на другую? И къ чему бы повело колебаніе съ моей стороны, вѣдь все равно я имъ до конца сопротивляться не могу, все равно они меня одолѣютъ и заставятъ себѣ служить. Уйти отъ нихъ мнѣ некуда. А кто они, откуда и куда идутъ — это тоже одна изъ тѣхъ тайнъ, что откроются мнѣ только послѣ смерти.

— У тебя мало вѣры,—вымолвила Катерина. — Я ужъ не говорю тебѣ: слѣдуй за мной, вернись на лоно нашей церкви, единой православной, я объ одномъ тебя умоляю: укрѣпись въ вѣрѣ и отгони отъ себя отчаянье. Вернуться къ церкви никогда не поздно. Вспомни слугу, пришедшаго въ вертоградъ въ послѣдній часъ и получившаго мзду одинаковую съ тѣми, что трудились весь день.

Клавдія отвѣчала на это только вздохомъ.

Городъ пробуждался. Церковные колокола гудѣли все громче и громче. Сквозь запертыя ставни пронизывался бѣловатый свѣтъ занимавшейся зари, слышался скрипъ растворяемыхъ калитокъ, и снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами рѣдкихъ пѣшеходовъ. Тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, прерывалась только кашлемъ Марьи. Она продолжала молиться. Сестры же ея сидѣли обнявшись на кровати, каждая думая свою думу. И не веселыя были эти думы. Крупныя

слезы скатывались по щекамъ Катерины, а въ пристальномъ взглядѣ Клавдіи, устремленномъ въ пространство, застыла такая глубокая скорбь, что тотъ, кто взглянулъ бы на нихъ въ эту минуту, не за думываясь рѣшилъ бы, что изъ трехъ сестеръ она была всѣхъ достойнѣе сожалѣнія.

— Ты непремѣнно сегодня должна покинуть Москву?—спросила Катерина.

Клавдія встрепенулась и, высвободившись изъ объятій сестры, тревожно оглянулась на окно, за которымъ бѣлѣлось утро.

— Пора мнѣ, сестрицы. Надо сбираться въ дальній путь. Времени остается мало, а дѣлъ и хлопотъ такъ еще много, что другая на моемъ мѣстѣ ни за что бы и въ недѣлю съ ними не справилась.

Съ этими словами она поднялась съ мѣста и, взявъ съ комода кружевную мантилью, которую сняла съ себя, входя въ комнату, привычной рукой накинула ее граціозными складками на голову такъ искусно, что она могла при случаѣ замѣнить ей и вуаль.

— Мы больше не увидимся? Ты навсегда покидаешь Москву?— печально повторила свой вопросъ Сынкова.

— Ничего я не знаю, Катя. Не знаю даже, вырвусь ли я когда нибудь оттуда, куда теперь стремлюсь. И не за такое дерзкое предпріятіе, какъ то, на которое я отваживаюсь, люди платились свободой и жизнью. Подумай только, на что я иду! Сказать прямо въ глаза царю, вѣнценосному самодержцу всей Россіи, всемогущему представителю Бога на землѣ, что ему грозитъ смерть въ такой-то день и часъ... вѣдь меня за это всему могутъ подвергнуть—заточенію, пыткамъ, казни.

— Но какъ же ты дойдешь до него? Тебя не допустятъ,—замѣтила задыхающимся отъ волненія голосомъ Катерина.

— Это ужъ не моя забота, все предусмотрѣно и приготовлено. Меня тамъ ждутъ. Какъ пріѣду, такъ итальянскій посланникъ представитъ меня сначала императрицѣ, а черезъ нее мнѣ дастъ аудіенцію и государь. О, препятствій къ исполненію моей миссіи не представится!—прибавила она со вздохомъ.—За это я чѣмъ угодно могу поручиться, точно также, какъ и за то, что мнѣ повѣрятъ...

— А если повѣрятъ твоему предостереженію, то и внемлютъ ему,—замѣтила Катерина.

— Случится то, что предопредѣлено,—вымолвила, отрывисто и торжественно отчеканивая слова, ея сестра.

— Я вижу—смерть. Она уже встаетъ надъ дворцомъ съ густымъ садомъ. Едва стаетъ иней, покрывающій вѣтви, и не успѣютъ еще почки пробудиться къ жизни, какъ старшій въ этомъ домѣ будетъ мертвъ. Я вижу проходную залу, въ родѣ галлереи, гдѣ тѣло его лежитъ на возвышеніи, и толпу блѣдныхъ и трепещущихъ людей, подходящихъ одинъ за другимъ, съ нимъ прощаться. Я вижу плиту въ мрачномъ храмѣ, окруженномъ моремъ, подъ которой стоитъ его

гробъ. Холодно,—продолжала она, вздрагивая.—Снѣгъ мѣстами бѣлѣется на черной землѣ. Деревья стоятъ обнаженныя, небо сумрачно, и густой туманъ стелется надъ желтовато сѣрымъ городомъ, сливаясь съ волнами рѣки. Катастрофа свершится скоро, черезъ нѣсколько недѣль... Надо торопиться.

Она смолкла и, закрывъ глаза, провела рукою по лбу, точно для того, чтобъ отогнать видѣнія, проносившіяся передъ нею, а затѣмъ, обернувшись къ Марьѣ, которая, крестясь и шепча молитву, поднималась съ колѣней, спросила у нея, скоро ли собирается она назадъ въ обитель.

— Завтра,—отвѣчала монахиня.—Мы больше не увидимся. До весны я еще, можетъ быть, протяну, но ужъ дальше врядъ ли,—прибавила она съ спокойнымъ равнодушіемъ существа, для котораго жизнь потеряла всякую цѣну.

— Кому пошлетъ Господь раньше смерть, тебѣ или намъ, этого нельзя знать,—замѣтила Катерина.

— Истинно такъ,—вставила Клавдія.—Вотъ я ужъ, кажется, на вѣрную погибель иду, а если Господу угодно будетъ меня и на сей разъ спасти, надѣюсь еще на родинѣ побывать. Увидимся еще, можетъ быть.

— Я давно готова,—продолжала стоять на своемъ Марья, не вслушиваясь въ возраженія сестры.—У меня и гробъ съ прошлаго года въ кельѣ стоитъ, чтобъ съ смертнаго одра, какъ обмоютъ, такъ въ него...

И улыбнувшись свѣтлой, дѣтской улыбкой, отъ которой исхудалое и потемнѣвшее ея лицо просіяло и помолодѣло, она прибавила:—Помните, какъ тогда, когда мы были совсѣмъ крошки, и насъ няня Григорьевна купала, а потомъ въ мягкую, теплую постельку укладывала? Какъ хорошо было тогда! Спокойно, радостно, уютно! Такъ и въ гробу намъ будетъ...

— Правда, правда, Богъ есть любовь,—подхватила восторженно Катерина.

Но монахиня уже раскаивалась въ своемъ увлеченіи утѣшительными мыслями и образами, снова брови ея сдвинулись, глаза опустились, блѣдныя губы зашептали молитву, а сердце сжалось мучительнымъ предчувствіемъ. Какой новой мукой угодно будетъ Господу покарать ее за то, что она поддалась искушенію, на минуту забыла свои и родительскіе грѣхи и позволила себѣ мечтать о загробномъ блаженствѣ?! А все оттого, что она преступила уставъ обители, нарушила обѣтъ, данный Богу, навсегда отрѣшиться отъ всего мірскаго, и согласилась свидѣться съ сестрой, съ которой была въ разлукѣ двадцать лѣтъ. Какая она ей сестра теперь? Франмасонка, колдунья, изрекающая прорицанія силою дьявола! Даже одно то, что она провела съ этой оглашенной цѣлую ночь въ одной комнатѣ и дышала однимъ воздухомъ съ нею, не соста-

вить ли незамолимый грѣхъ, за который придется платиться вѣчными муками?!

Отъ волненія она закашлялась, и кровь, показавшаяся у нея изъ горла, обагрила бѣлый платокъ, который она поднесла къ губамъ. Но выраженіе лица ея было такъ сурово, и она такъ упорно держала глаза опущенными въ землю, что сестры не смѣли къ ней подойти, чтобъ попытаться облегчить ея страданія, а обѣ, со слезами жалости на глазахъ, издали смотрѣли на нее, мысленно и каждая посвоему моля Бога успокоить ее и утѣшить.

Но шумъ, все явственнѣе и явственнѣе долетавшій до нихъ съ улицы, по которой разносчики снѣдью начинали ужъ выкрикивать свой товаръ, напомнилъ Клавдіи, что ей пора разстаться съ сестрами, и она увлекла Катерину въ сосѣднюю комнату.

Тутъ она у нея спросила: не можетъ ли она чѣмъ нибудь помочь ей и ея мужу? Бывали примѣры, что величайшихъ преступниковъ миловали, когда они дѣлались того достойны, и когда было кому за нихъ ходатайствовать.

И въ подтвержденіе своихъ словъ она назвала нѣсколько извѣстныхъ по всей Россіи людей, начавшихъ свое житейское поприще страшными преступленіями. И все это теперь смыто и забыто, приписано несчастному стеченію обстоятельствъ, неопытности, гнуснымъ примѣрамъ...

Ей не дали договорить.

— Нѣтъ, Клавдинька, наши грѣхи настоящаго искупленія ждутъ,—возразила съ покорнымъ вздохомъ Сынкова.

— Да развѣ твой Алексѣй Степановичъ не искупилъ сторицей невольные грѣхи юности? Сколько вы добра людямъ сдѣлали, сколько храмовъ во славу Божію воздвигли! Въ храмахъ этихъ каждый день за васъ молятся. А скольких вы на путь истины наставили! Про тебя я ужъ не говорю, вся Москва, молящаяся и о душѣ своей пекущаяся, тебя чтитъ и благословляетъ, но и его, твоего мужа, не меньше тебя уважаютъ и любятъ. Я сама слышала, какъ про него говорятъ, и радовалась за тебя.

— То люди, Клавдія. Намъ ли съ тобой придавать значеніе тому, что люди толкуютъ!

— Я буду имѣть случай говорить съ высокопоставленными личностями, я на нихъ такъ повліяю, что они за счастье почтутъ доказать мнѣ свою преданность. Дозволь мнѣ замолвить слово за Алексѣя Степановича, чтобъ во имя настоящаго и во имя моей любви къ нему очистили его отъ прошлаго! Вѣдь ужъ два раза десятилѣтняя давность миновала съ тѣхъ поръ,—продолжала Клавдія, не обращая вниманія на протесты сестры, которой видимо былъ досаденъ этотъ разговоръ.—Нѣтъ такого преступленія, которое нельзя было бы искупить втеченіе двадцати лѣтъ.

— Мы и искупимъ. А ужъ какъ, это наше дѣло,—вставила вполголоса Катерина.

— А тебѣ-то что же искуплять? Въ чемъ твоя вина?—возразила ея сестра.—За грѣхи мужа, да еще содѣянные до женитьбы, жена ни въ какомъ случаѣ не отвѣтчица...

— Какъ же не отвѣтчица, когда я сама по себѣ не существую съ тѣхъ поръ, какъ полюбила его!—вскричала Катерина.—И развѣ не я причиной всѣхъ содѣянныхъ имъ преступленій? Развѣ не за любовь ко мнѣ его на невыносимую муку въ солдаты отдали? И развѣ не слились мы душой такъ нераздѣльно, что никакой силѣ, ни земной, ни небесной, насъ не разлучить? Ну, оторвутъ насъ другъ отъ друга, въ цѣпи закуютъ, на тысячи верстъ разлучатъ, горы между нами воздвигнутся, моря разольются, но вѣдь сердцемъ-то, мыслями-то, мы все будемъ вмѣстѣ. Вѣдь я ему душу свою отдала. Съ нею онъ и муки терпѣлъ, и по пустынямъ бродилъ, и въ лѣсахъ дремучихъ съ лихими людьми встрѣчался, съ нею и на разбой ходилъ, однимъ только болѣя, объ одномъ помышляя, одно моля у Бога — далъ бы Онъ ему, хоть на минутку, хоть передъ самой смертью, взглянуть на меня, сказать, какъ онъ любилъ меня! И у меня другой думушки не было, какъ шепнуть ему, что я вѣрной ему осталась. Ты говоришь—не отвѣтственна я за него! Да я больше чѣмъ отвѣтственна, меня одну карать надо, потому что я всему причина. Нѣтъ, нѣтъ, грѣхъ нашъ общій, нераздѣльный, и съ кого больше взыщется тамъ, гдѣ всякій помыселъ сочтенъ и всякая слеза записана, это ужъ рѣшитъ судья нелицепріятный, которому все открыто...

И долго бы она еще распространялась на ту же близкую ея сердцу тему, еслибъ старческій голосъ, раздавшійся неожиданно въ той же комнатѣ, не заставилъ оборвать ея рѣчь на полусловѣ, а Клавдію, слушавшую ее съ поникшей головой, вздрогнуть и оглянуться на уголъ за дверью, гдѣ сидѣла Григорьевна до послѣдней минуты такъ тихо, что Катерина забыла о ея присутствіи.

— А Ѳедичка-то нашъ гдѣ? Катенька, съ кѣмъ это ты? Давно ужъ прислушиваюсь... Голосъ, какъ будто, знакомый... Кто это съ тобой? Спроси, не знаетъ ли, гдѣ мой красавчикъ ненаглядный—Ѳедичка?—жалобнымъ, умоляющимъ голосомъ, шамкая беззубымъ ртомъ, протянула старуха.—Спроси, чуетъ мое сердце, что знаетъ... А мнѣ бы только передъ смертью услышать, живо ли мое красное солнышко, здоровъ ли, послалъ ли ему Господь счастья?

— Сестра!—вскричала Клавдія, хватая Катерину за руку и блѣднѣя отъ волненія, точно при появленіи призрака съ того свѣта.—Да вѣдь это наша няня, Григорьевна?..

— Она самая,—отвѣчала Катерина.

— Такъ она еще жива? Какъ же мнѣ тамъ сказали!..

— Она жива, но ослѣпла и стала въ умѣ мутиться... Какъ узнали мы, что папеньку увезли изъ дому, Алеша самъ за нею поѣхалъ, привезъ ее къ намъ. Она ужъ и тогда заговаривалась. Разлука съ нами, а главное съ Ѳедей... помнишь, какъ она его обожала?—а потомъ этотъ ужасъ, которому она была свидѣтельницей, нашествіе полиціи въ домъ, обыскъ, арестъ папеньки... Онъ сопротивлялся, его вѣдь связаннаго повезли... обращались съ нимъ, какъ съ сумасшедшимъ, заключили въ подвалъ съ рѣшеткой у окошечка... Алеша его тамъ видѣлъ. Ему удалось подкупить сторожей и проникнуть къ нему. Цѣлый часъ онъ съ нимъ бесѣдовалъ и нашелъ его въ полномъ разумѣ, но уже умирающимъ. И какъ онъ чудно говорилъ! У насъ всѣ его слова записаны. Передъ кончиной просвѣтленіе на него нашло, и онъ узрѣлъ путь ко спасенію. Послѣднія его слова Алешѣ были: «Богъ есть любовь...». И вотъ почему мы вѣримъ, что каждый, кто ищетъ истину, ее найдетъ. И благодатнѣе, успокоительнѣе этой вѣры нѣтъ на свѣтѣ,—восторженно говорила Катерина. А сестра ея, опустившись на колѣни передъ старой няней, ласкала ее и цѣловала ея морщинистыя щеки, по которымъ текли слезы умиленія.

— Да, Богъ есть любовь,—повторила Клавдія.

— Да ты кто такая? Ужъ не Клавдинька ли?—спросила слѣпая дрожащимъ голосомъ и ощупывая трепещущими пальцами пригнувшееся къ ней лицо.

— Ты узнала меня, няня!—прерывающимся отъ рыданій голосомъ сказала Клавдія, обнимая старуху.

— Пташка ты моя голосистая! Ясынька красная! Какъ это тебя Господь къ намъ отпустилъ! Изъ свѣтлаго рая ты къ намъ прилетѣла, къ горемычнымъ! Отъ ангеловъ Божіихъ, отъ херувимовъ и серафимовъ, что денно и нощно хвалу Ему воспѣваютъ... Мученица ты моя многострадательная! Гдѣ у тебя вѣнецъ-то? Гдѣ крылышки?..

И напрасно пыталась Клавдія ей объяснить, что она не покидала еще этотъ міръ и не превратилась еще въ призракъ,—старуха оставалась глуха къ ея словамъ, а прислушивалась только съ восторгомъ къ звуку ея голоса, продолжая преслѣдовать фантастическіе образы, возникавшіе одинъ за другимъ въ ея разслабленномъ мозгу. Но вдругъ ей напомнили про меньшаго питомца, и бредъ ея тотчасъ же принялъ другое направленіе.

— Ѳедю ты помнишь, няня?—спросила Клавдія.

— Ѳедичка? Гдѣ онъ? Тоже здѣсь? Что-жъ онъ ко мнѣ не бѣжитъ? Маменька, вѣрно, не пускаетъ? Такъ я сама къ ней пойду, къ барынѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ... Пустите меня... Катенька, прикажи, мнѣ, голубка, лошадку запрячь, да вели Машкѣ меня проводить одна-то я не найду дороги... Слѣпая вѣдь я, вотъ мое горе! Ты Клавдинька, не знаешь, вѣдь они барина-то нашего, Ивана Ва-

сильевича, какъ колодника изъ простыхъ, въ цѣпи заковали... Ужъ я молила, молила, чтобъ не трогали его... Кому онъ, добродѣтельный баринъ, мѣшалъ? Кромѣ добра, никто отъ него ничего не видѣлъ... Молится, бывало, святыя книжки читаетъ, да хвалу Господу поетъ, вотъ и вся его вина... За что они его на муки мученическія увезли, за что истиранили до смерти?..

И, понижая таинственно голосъ, она припала горячими устами къ уху Клавдіи и продолжала шепотомъ, боязливо поводя незрячими глазами по сторонамъ:

— Ты главное ея-то опасайся, маменьки. Сердце у нея жестокое, всѣхъ она загубила, и дѣтокъ, и супруга, а ужъ холоповъ безъ счета... . . . .

. . . .

Съ тяжелымъ чувствомъ покинула Клавдія домъ сестры. Отъ той давно забытой старины, что пахнуло на нее здѣсь, тоской и отчаяньемъ сжималось ея сердце. Все тутъ было такъ безпросвѣтно уныло и такъ далеко отъ тѣхъ интересовъ, которыми она сама жила, что ничѣмъ не можетъ она имъ помочь. Обѣ ея сестры, какъ и Григорьевна, изъ ума выжили, живутъ только призраками. Одна, изувѣчивъ себѣ душу и умъ вмѣстѣ съ тѣломъ, въ трепетномъ ужасѣ передъ неумолимымъ Богомъ мести, которому научили ее поклоняться ослѣпленные страхомъ и горемъ фанатики, другая погрузилась до потери самосознанія въ идею искупленія того, что она называетъ ея общими съ мужемъ грѣхами. Ни о чемъ живомъ нельзя съ ними говорить, имъ столь же непонятны радости людей, какъ и ихъ страданія, и дѣлаютъ онѣ добро ближнимъ не изъ любви, а съ далекою, абстрактною цѣлью, руководящею всѣми ихъ поступками, всѣми мыслями и чувствами—исканія пути къ истинѣ.

Трудно рѣшить, что болѣзненнѣе отозвалось въ сердцѣ Клавдіи—слѣпая ли ненависть Марьи ко всему мірскому, или тупое равнодушіе Катерины. Нѣтъ у нихъ на землѣ ничего, что привязывало бы ихъ къ ней, кромѣ заботы о томъ, чтобы истязаніемъ тѣла заслужить царство небесное.

А ее, не взирая на всѣ испытанія и на то, что она самой судьбой поставлена особнякомъ отъ ближнихъ, все еще продолжаетъ тянуть къ жизни и людямъ. Свиданіе съ братомъ освѣжило ей душу, какъ глотокъ холодной воды въ знойный день освѣжаетъ пересохшее горло путника на пыльной дорогѣ. Полжизни отдала бы она, чтобъ обнять Ѳедора и открыться ему, какъ родному. Какихъ душевныхъ усилій ей стоило выдержать свою роль до конца въ его присутствіи, извѣстно Одному только Тому, отъ Кого ничего нельзя скрыть. Не взирая на свою испорченность и на то, что между ними бездонная пропасть въ понятіяхъ, мысляхъ и стремленіяхъ, онъ ей показался очень добрымъ и способнымъ воспри-

нять Божіе слово. Не его вина, если это слово никогда еще не достигало до его ушей. Не обязана ли она имъ заняться? Возбудить въ немъ жажду къ познанію истины? Не даромъ же судьба ихъ свела черезъ Коморцева. Она всего только недѣли двѣ, какъ на родинѣ, и ей ужъ удалось отыскать сестеръ и брата, то-есть именно тѣхъ существъ, что ближе всѣхъ людей ей по плоти. Не предопредѣленіе ли это свыше? Брату ей ужъ посчастливилось оказать услугу, надъ нимъ теперь не будетъ тяготѣть болѣзненная страсть княгини Дульской, да и самъ онъ вышелъ отъ «просвѣтленной» не тѣмъ человѣкомъ, какимъ къ ней вошелъ. Кто знаетъ къ чему поведетъ толчокъ, данный его душѣ, во всякомъ случаѣ не къ худу, и во всякомъ случаѣ Клавдія ужъ не упуститъ его теперь изъ виду и будетъ заботиться о немъ. Кто знаетъ, можетъ быть, Өедору суждено сблизиться съ нею, сдѣлаться ея ученикомъ и наслѣдникомъ духовныхъ сокровищъ, собранныхъ ею на тернистомъ пути жизни. Она постарается удалить отъ него эти терніи и сдѣлать такъ, чтобы, воспользовавшись ея опытомъ, онъ принесъ дѣйствительную пользу ближнимъ, не подвергаясь при этомъ ни гоненіямъ, ни клеветѣ. Онъ молодъ, ему только двадцать пять лѣтъ, и подъ руководствомъ такой наставницы, какъ она, онъ можетъ завоевать міръ не оружіемъ и коварствомъ, какъ тотъ молодой герой, имя котораго начинаетъ ужъ гремѣть въ Европѣ и въ Африкѣ, но божественнымъ словомъ. Ужъ если она, слабая женщина, опутанная со всѣхъ сторонъ сѣтями чужой воли, покоряетъ сердца людей, дѣйствуя неотразимо на ихъ воображеніе однимъ только тѣмъ, что въ минуты вдохновенія умѣетъ прикоснуться къ сокровеннѣйшимъ ихъ душевнымъ струнамъ, то насколько обаятельнѣе и могущественнѣе будетъ онъ, при его молодости и красотѣ, когда вмѣсто пустыхъ и пошлыхъ свѣтскихъ рѣчей польются изъ его прекрасныхъ устъ божественныя рѣчи, а взглядъ, выражавшій до сихъ поръ низменныя страсти, загорится небеснымъ огнемъ вдохновенія!

Послѣ свиданія съ сестрами Клавдія горячѣе прежняго прильнула душой къ брату. Катерина и Марья для нея умерли. Она мечтала имъ открыть свою душу, но, кромѣ внѣшней стороны ея жизни, она ни о чемъ не могла съ ними говорить. Съ перваго же взгляда, съ первыхъ словъ, которыми онѣ обмѣнялись, она убѣдилась, что ея внутренняго міра имъ не понять. Онѣ отстали отъ нея такъ далеко, что въ этой жизни имъ ужъ ея не догнать. Въ то время, какъ она умственнно развивалась подъ вліяніемъ замѣчательнѣйшихъ людей въ Европѣ, читала, путешествовала, совершенствовалась въ такихъ наукахъ, какъ философія, алхимія, исторія, ихъ духовный горизонтъ все больше и больше суживался. Онѣ забыли даже и то, что слышали въ ранней молодости отъ начитанныхъ людей, посѣщавшихъ ихъ домъ, и погрузились такъ

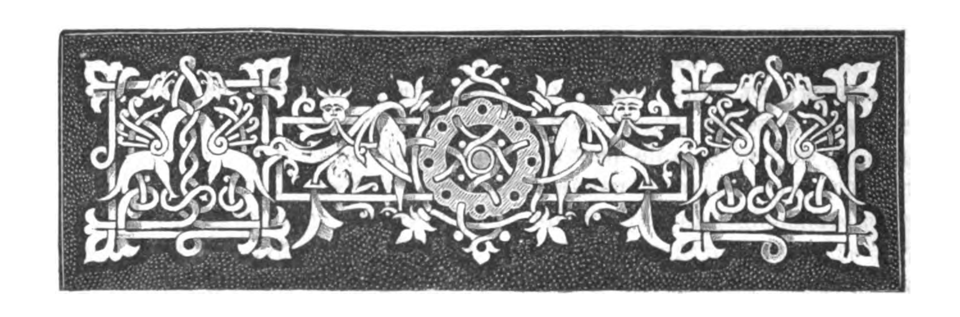
глубоко въ суевѣріе и фанатизмъ, что и пытаться просвѣтить ихъ не стоитъ. Ничего не принесло ея сердцу это свиданіе, къ которому она стремилась цѣлыхъ двадцать лѣтъ, кромѣ разочарованія, горечи и жгучаго, болѣзненнаго состраданія къ этимъ несчастнымъ жертвамъ поисковъ истины.

Безгранично мрачной пустыней представлялось ей теперь отечество, о которомъ такъ тосковала она на чужбинѣ, холодной, какъ тотъ снѣгъ, на которомъ останавливался ея взглядъ, молчаливой, какъ могила, и только вдали смутно и трепетно мерцали, какъ звѣздочки въ бурную ночь, на заволакиваемомъ черными тучами небѣ, два молодыя существа, близкія ей, одинъ по крови, другая по воспоминаніямъ юности—Ѳедоръ и Магдалина.

Неужели для нихъ привелъ ее сюда Тотъ, Кто управляетъ міромъ?

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. В. ЭВАЛЬДА [1].

III.

Пріѣздъ семейства фонъ-Дервизовъ.—Пансіонъ Починскаго.—Приготовленіе къ поступленію въ инженерное училище.—Экзаменъ и поступленіе въ училище.—Капитанъ Паукеръ.—Академикъ Остроградскій.—Анекдоты о немъ.—Математикъ Савичъ.

ОТЕЦЪ ГОТОВИЛЪ меня въ университетъ, почему меня нѣсколько лѣтъ томили надъ изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ. Но перемѣна директора въ Гатчинскомъ институтѣ совершенно случайно повліяла и на перемѣну моей судьбы.

У новаго директора, фонъ-Дервиза, было пять сыновей: старшій Павелъ Григорьевичъ, впослѣдствіи извѣстный строитель желѣзныхъ дорогъ, кончалъ въ то время курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія; второй, Дмитрій Григорьевичъ, нынѣ членъ государственнаго совѣта, также былъ въ училищѣ правовѣдѣнія; третій—Михаилъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ; младшіе—Николай, впослѣдствіи довольно извѣстный оперный пѣвецъ Энде, и Иванъ Григорьевичи жили еще дома.

На праздники Рождества пріѣхали изъ Петербурга старшіе сыновья и въ томъ числѣ артиллеристъ Миша. Его военная форма

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXI, стр. 293.

и разсказы объ училищѣ такъ соблазнили меня, что я началъ приставать къ отцу отдать меня въ артиллерійское училище, вмѣсто университета. Отецъ мой согласился, и меня уже начали готовить туда, но вліяніе разныхъ пріятелей отца и въ особенности пріятельницъ матери перемѣнило мою участь. Они доказывали, что артиллерійская служба не представляетъ никакихъ выгодъ, и что, если ужъ отдавать меня въ военную службу, то лучше въ инженерное училище, такъ какъ инженеры строятъ крѣпости, казармы и другія военныя зданія, причемъ наживаютъ себѣ кругленькія состоянія.

Понятно, что я въ то время еще не могъ руководиться подобными матеріальными разсчетами, но уговорить меня было не трудно, когда мнѣ представили, что форма у меня будетъ такая же, съ тою только разницею, что вмѣсто золотыхъ галуновъ и пуговицъ—будутъ серебряные, что я буду такой же военный, какъ Миша фонъ-Дервизъ, только съ замѣною пушки — ружьемъ и т. д. Но главное, что меня соблазнило, это то, что я буду жить въ томъ самомъ дворцѣ, который выстроилъ для себя императоръ Павелъ I и въ которомъ онъ умеръ.

Достали программу инженернаго училища, по которой оказалось, что по общимъ предметамъ я настолько подготовленъ, что могу поступить не въ самый младшій классъ (ихъ тамъ было всего четыре), но въ слѣдующій. Нужно было только подготовиться по спеціальнымъ инженернымъ предметамъ, для чего отецъ отвезъ меня въ Петербургъ и отдалъ въ пансіонъ поручика Починскаго, извѣстнаго впослѣдствіи строителя Одесскаго порта.

Починскій относился очень своеобразно къ принятымъ на себя обязанностямъ. Всего воспитанниковъ было у него четверо, считая со мною. Онъ снабдилъ насъ необходимыми книгами и объявилъ, чтобы мы сами учились, а къ нему обращались только въ случаяхъ какихъ либо затрудненій. Весьма естественно, что мы, четырнадцати—или пятнадцатилѣтніе юноши, предоставленные собственному произволу, не умѣли даже распредѣлить времени занятій, кое-что читали, и то больше отъ скуки, но въ сущности били баклуши.

Такимъ образомъ прошло мѣсяца три, когда, въ началѣ мая, Починскому вздумалось однажды провѣрить наши успѣхи, причемъ результаты, конечно, оказались очень печальные. Взбѣшенный тѣмъ, что мы, какъ онъ говорилъ, не оправдали его довѣрія, онъ началъ насъ гнать во всѣ лопатки, ежедневно задавая съ утра большіе уроки, а по вечерамъ дѣлая репетиціи.

На грѣхъ лѣто въ томъ году было очень жаркое, квартира Починскаго помѣщалась въ верхнемъ этажѣ, а наша комната была въ ней угловая, цѣлый день накаливаемая солнцемъ. Всѣ эти неблагопріятныя условія для занятій, при непомѣрно усиленной ра-

ботѣ, произвели на меня такое дѣйствіе, что въ одинъ печальный день я вдругъ потерялъ силы и слегъ въ постель. Никакой боли я не чувствовалъ, только совершенно ослабѣлъ, едва могъ шевелиться и уже совершенно не могъ не только заниматься, но даже и читать что нибудь, хотя бы самое легкое.

По письму Починскаго, отецъ пріѣхалъ за мною, съ большимъ трудомъ перевезъ въ Гатчину и собралъ всѣхъ трехъ нашихъ пріятелей-докторовъ: Пфейфера, Скотте и Травлинскаго. Лѣчили они меня, лѣчили, долго ли, коротко ли, не помню, а только я слабѣлъ все болѣе и болѣе и, такъ сказать, таялъ, какъ восковая кукла, безъ всякихъ, однако, страданій. Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда почтенные доктора объявили отцу, что они никакихъ болѣе средствъ не имѣютъ, что меня, очевидно, спасти нельзя, и поэтому всего лучше болѣе не мучить лѣкарствами.

Такъ меня и оставили. Выносили только въ бабушкиномъ вольтеровскомъ креслѣ на воздухъ, гдѣ я лежалъ на подушкахъ; поили бульономъ, молокомъ, виномъ, а ѣсть давали только виноградъ, такъ какъ отъ слабости я не могъ жевать даже хлѣба. Благодѣтельная смерть, повидимому, полюбила меня и подходила медленно, осторожно, съ ласкою, не заставляя ни малѣйшимъ образомъ страдать.

Но въ книгѣ судебъ рѣшено было иначе. Когда доктора меня покинули, то за дѣло взялась природа и вступила со смертью въ серьезную борьбу, и я безъ всякой видимой причины, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего, началъ поправляться, крѣпнуть и выздоравливать. Коротко сказать, къ началу іюля я всталъ уже на ноги и, какъ только почувствовалъ подъ собою твердую почву, объявилъ отцу, что хочу во что бы то ни стало ѣхать въ Петербургъ держать экзамены. Какъ ни сопротивлялись этому всѣ, начиная съ докторовъ, но я убѣдилъ отца тѣмъ, что готовиться не буду, а явлюсь на экзамены съ тѣмъ запасомъ знаній, который имѣю, и болѣе всего надѣюсь на свою хорошую память.

Я бы не упоминалъ объ этомъ случаѣ своей болѣзни, если бы онъ не имѣлъ общественнаго интереса, въ особенности, въ настоящее время, когда во всей Европѣ среди педагоговъ идутъ толки о переутомленіи учащихся.

Дѣйствительно, какъ я теперь понимаю, моя тогдашняя болѣзнь было не что иное, какъ величайшее переутомленіе, вызванное небрежностью и неосторожностью Починскаго. Только такой тщательный уходъ, какимъ я пользовался дома, спасъ меня отъ смерти. Если бы я остался жить у Починскаго, то, конечно, дѣло кончилось бы смертью. Но эта болѣзнь оставила, однако, во мнѣ слѣды на всю жизнь въ томъ отношеніи, что я никогда уже не могъ чѣмъ нибудь заниматься безустанно и вообще работать безъ продолжительныхъ перерывовъ для отдыха. Вообще, по количеству времени, я могу работать почти вдвое менѣе, чѣмъ всѣ другіе люди.

Указываю на это обстоятельство именно въ виду важности вопроса о переутомленіи, желая предупредить родителей и педагоговъ, многіе изъ которыхъ, чтобы пощеголять успѣхами своихъ дѣтей или учениковъ, нисколько не сообразуются съ ихъ силами.

На экзамены явился я еще очень исхудалымъ, блѣднымъ и слабымъ. Между тѣмъ мнѣ предстояло выдержать борьбу очень серьезную: вакансій было около двадцати-пяти, а конкурентовъ болѣе восьмидесяти. Но это еще было бы полъ-бѣды. Главное же состояло въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: большая масса экзаменующихся получила подготовку въ двухъ большихъ пансіонахъ, содержимыхъ двумя воспитателями при училищѣ. Понятное дѣло, что содержатели этихъ приготовительныхъ пансіоновъ имѣли сильныя руки на экзаменахъ, такъ какъ большинство преподавателей училища преподавали и въ этихъ пансіонахъ. Я уже не говорю о возможныхъ при этомъ злоупотребленіяхъ (положимъ, что ихъ даже и не было), но довольно уже и того обстоятельства, что всѣ экзаменаторы поневолѣ протежировали своимъ ученикамъ, ради поддержанія своей собственной чести. Починскій же не имѣлъ никакихъ связей съ училищемъ и не имѣлъ собственно офиціальнаго пансіона. Онъ въ этомъ дѣлѣ былъ человѣкъ посторонній и вредный конкурентъ. Ясно отсюда, что въ интересахъ всѣхъ преподавателей училища лежало пропустить какъ можно больше изъ «своихъ» пансіоновъ и совершенно не пропустить постороннихъ. Каждая лишняя вакансія, отнятая у нихъ, была очень дорога, такъ какъ и для «своихъ»-то вакансій не хватало.

Зная все это, можно понять, съ какой жестокостью меня экзаменовали. Если, напримѣръ, я выну вопросный билетъ и отвѣчу на него хорошо, то меня заставляли брать другой, иногда даже третій, или, выслушавъ отвѣтъ по билету, начинали закидывать буквально перекрестнымъ допросомъ и держали иногда такъ долго передъ столомъ экзаменаторовъ, что разъ со мною сдѣлалось даже дурно. Сжалился надо мною въ этомъ случаѣ почтенный генералъ Ласковскій, сказавшій оригинальную фразу, которую я никогда не могъ забыть:

— Ну, да пусть его себѣ идетъ!

Видя ожесточеніе, съ которымъ меня экзаменовали, я началъ уже терять всякую надежду поступить въ училище. Но, не смотря на всѣ придирки и на всѣ пытки, которымъ подвергали меня, совершенно еще слабаго и едва стоявшаго на ногахъ, результаты экзаменовъ оказались неожиданными, какъ для меня самого, такъ, вѣроятно, и для господъ экзаменаторовъ, и меня волей-неволей должны были принять. Этимъ я былъ обязанъ, конечно, единственно моему отцу, давшему мнѣ дома хорошее образованіе.

Я не буду здѣсь описывать со всѣми подробностями жизнь въ инженерномъ училищѣ, такъ какъ она была уже описана однимъ

изъ моихъ товарищей, да и мнѣ самому уже случалось печатать нѣкоторые факты. Упомяну здѣсь только о двухъ-трехъ личностяхъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ вниманія.

Въ числѣ преподавателей, оставившихъ нѣкоторый слѣдъ въ моей памяти, были Паукеръ (недавно умершій министръ путей сообщенія) и Остроградскій, въ свое время европейски извѣстный математикъ.

Паукеръ уже и въ то время имѣлъ совершенно сѣдые, серебристые волоса на головѣ и усахъ, не смотря на то, что ему было около тридцати лѣтъ. Блѣдное, безъ малѣйшей кровинки, сухое лицо, при сѣдыхъ волосахъ, придавало его наружности совершенно мертвый видъ, и только выразительные черные глаза говорили, что этотъ человѣкъ живетъ еще. По своему характеру Паукеръ былъ тоже какой-то мертвый человѣкъ, рѣшительно ничѣмъ не возмутимый. Прійдетъ, бывало, въ классъ и молча ждетъ, пока мы усядемся и водворимъ тишину. Тогда онъ начинаетъ лекцію аналитики глухимъ, беззвучнымъ голосомъ, требовавшимъ большого напряженія, чтобы слушать. Чуть кто нибудь зашевелится и зашумитъ, Паукеръ ни слова не скажетъ, не сдѣлаетъ ни малѣйшаго замѣчанія, но молча ждетъ, чтобы шумъ прекратился, и тогда продолжаетъ снова. Его лекція наводила страшную тоску, а самого его мы боялись больше, чѣмъ кого бы то ни было.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ Остроградскій, читавшій намъ уже въ офицерскомъ классѣ интегральное счисленіе.

Это былъ слонообразный колоссъ, съ большимъ отвислымъ животомъ, одноглазый, очень добродушный и веселый, на все смотрѣвшій какъ-то шутя.

Когда онъ явился на первую лекцію, то опершись руками о столъ, обратился къ намъ съ такими словами.

— Господа офицеры! Честь имѣю рекомендоваться—академикъ Остроградскій. Меньше нуля—никому не ставлю.

Затѣмъ онъ сѣлъ и попросилъ, чтобы ему дали стаканъ воды; во время лекціи онъ постоянно обмакивалъ два пальца въ воду и протиралъ ими впалые вѣки недостававшаго глаза.

Остроградскій былъ крайне лѣнивъ. Онъ, напримѣръ, не имѣлъ списка слушателей, чтобы отмѣчать имъ баллы, а возлагалъ эту обязанность на лучшаго ученика, котораго называлъ консуломъ. Когда ему надобилось писать на классной доскѣ формулы, то эту обязанность за него также долженъ былъ исполнять «консулъ», которому Остроградскій диктовалъ. Самыя лекціи его были очень коротенькія, не болѣе четверти часа или двадцати минутъ, остальное же время онъ просто балагурилъ съ нами, любилъ слушать или разсказывать анекдоты, подшучивалъ то надъ кѣмъ нибудь изъ насъ, то надъ какимъ нибудь преподавателемъ.

Мое мѣсто было какъ разъ около его стола. Остроградскій любилъ нюхать табакъ, но своего табаку никогда не имѣлъ, а всегда обращался ко мнѣ съ просьбой достать понюшку. Во всемъ училищѣ я зналъ только двоихъ, нюхавшихъ табакъ: директора училища, генерала Ломновскаго, да одного служителя. Понятно, что не къ Ломновскому же мнѣ было ходить за табакомъ, и я бралъ у служителя, стараго солдата, употреблявшаго простой березинскій табакъ. Наконецъ, мнѣ надоѣло по нѣсколько разъ выходить изъ класса за понюшками, и я выпросилъ у своего отца, также нюхавшаго табакъ, пожертвовать мнѣ для Остроградскаго одну изъ табакерокъ.

Вотъ разъ Остроградскій обратился ко мнѣ съ обычной просьбой:

— Сосѣдушка! Сходи-ка за понюшкой (онъ иногда многимъ говорилъ ты).

Я молча вынулъ изъ кармана табакерку и подалъ ему. Табакъ былъ хорошій, французскій; Остроградскій съ удовольствіемъ понюхалъ.

— Отъ-то спасибо!—сказалъ онъ.—На славу меня сегодня угостилъ. Это не то, что тотъ подлецъ березинскій, да еще, кажись, съ золой. Откуда ты взялъ этотъ табачекъ?

Я объяснилъ, что отъ отца, чтобы не выходить изъ класса.

— Твой батько, должно быть, хорошій человѣкъ, это сейчасъ видно по табаку,—пошутилъ онъ.

Однажды кто-то попросилъ его объяснить, что такое дифференціалъ?

— Да вѣдь вы проходили же дифференціальное счисленіе?—спросилъ онъ, въ свою очередь.

— Проходили.

— Кто вамъ читалъ?

— Полковникъ теръ-Степановъ.

— Армяшка, должно быть, — замѣтилъ Остроградскій. — Не люблю я этихъ теръ-теровъ. Такъ развѣ онъ вамъ не объяснялъ?

— Объяснялъ, что дифференціалъ есть разница между двумя безконечно малыми величинами. Но это вѣдь только фраза, не объясняющая сущности дѣла.

— Эко, братъ, ты чего захотѣлъ — сущности! Сущность дифференціала знаютъ во всемъ мірѣ только двое: Эйлеръ да я. Объяснить его нельзя. Это можно или почувствовать, или постигнуть вдохновеніемъ. Если бы Архимедъ въ наше время былъ живъ, такъ онъ былъ бы третій, который зналъ бы, что такое дифференціалъ.

Вообще Остроградскій признавалъ Архимеда величайшимъ изъ математиковъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ.

Мнѣ приходилось иногда выходить изъ зàмка одновременно съ Остроградскимъ и по одной дорогѣ. Поэтому по пути я часто

бесѣдовалъ съ нимъ объ интересовавшихъ меня вопросахъ математики. Онъ имѣлъ на эту науку совершенно своеобразный взглядъ.

— Всѣ полагаютъ,—говорилъ онъ,—что математика—наука сухая, скучная, состоящая только въ умѣніи считать. Это нелѣпость. Цифры играютъ въ математикѣ самую ничтожную, самую послѣднюю роль. Это—высшая философская наука, наука величайшихъ поэтовъ! У насъ называютъ математиками просто цифирниковъ, которые научаются считать или сочинять и разрѣшать всякія формулы и больше ничего. А духа математики, ея смысла, ея сущности никто изъ нихъ не знаетъ. Собственно на свѣтѣ былъ только одинъ настоящій математикъ,—это Архимедъ, а всѣ прочіе—цифирники, не болѣе того.

— Но, какъ же Коперникъ, Галилей, Ньютонъ и другіе? Неужели и они не были математиками?—спросилъ я.

— Въ строгомъ смыслѣ нѣтъ,—рѣшительно сказалъ Остроградскій.—Это были остроумные цифирники, но не математики.

— Такъ что же, по-вашему, математика?

Этотъ вопросъ, какъ теперь помню, былъ заданъ мною на Невскомъ проспектѣ, когда мы проходили мимо гостиннаго двора. Остроградскій остановился, разставивъ ноги и положивъ мнѣ на плечо свою руку.

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—математика—это душа природы! Разумомъ нашимъ ее нельзя постигнуть, а можно только воспріять всѣмъ своимъ существомъ. Ты вѣдь слыхалъ мою исторію, какъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ которую вошелъ никому неизвѣстнымъ горемыкой и какъ вышелъ изъ нея съ европейскимъ именемъ. Научиться математикѣ въ тюрьмѣ я не могъ. Что же тамъ со мною случилось? Очень просто, меня озарило божественное вдохновеніе, какъ оно озаряло древнихъ пророковъ, и я постигъ сущность математики. Чѣмъ я постигъ? Конечно, не однимъ разумомъ, а всѣмъ своимъ тѣломъ, отъ головы до пятокъ. Я вѣдь считать совсѣмъ не умѣю; ты самъ знаешь, что многіе изъ твоихъ товарищей, моихъ учениковъ, считаютъ гораздо лучше меня. Я часто путаюсь, рѣшая какую нибудь цифирную задачу, и если бы экзаменовался, положимъ, у Паукера, то онъ поставилъ бы мнѣ нуль. А между тѣмъ я все-таки математикъ, а Паукеръ—нѣтъ.

Остроградскій проговорилъ все это довольно громко и жестикулируя. Громадная и оригинальная его фигура, а также громкая рѣчь о математикѣ, разумѣется, обратила на насъ вниманіе прохожихъ, и нѣкоторые даже остановились, съ удивленіемъ слушая такую необычайную лекцію на Невскомъ. Въ числѣ остановившихся случился молодой лейбъ-гусаръ. Остроградскій вдругъ повернулся къ нему и началъ въ упоръ глядѣть ему въ глаза. Гусаръ сконфузился и пошелъ далѣе, гремя волочившейся саблей.

— Такъ-то лучше,—замѣтилъ Остроградскій.

На репетиціяхъ Остроградскій не вызывалъ, кого хотѣлъ, а предоставлялъ выходить желающимъ. Поэтому выходили только тѣ, которые хорошо подготовились. Если, не смотря на то, отвѣтъ не удавался, то недовольный полученнымъ балломъ могъ выйти къ отвѣту въ другой и третій разъ, и тогда изъ всѣхъ его балловъ выводился средній.

Въ теченіе всего курса я ни разу не вызывался отвѣчать. На послѣдней лекціи Остроградскій началъ составлять списокъ баллов для экзамена у насъ же въ классѣ, чего никогда не дѣлалъ ни одинъ изъ профессоровъ. Съ каждымъ изъ насъ онъ совѣщался о баллѣ и допускалъ торговаться недовольныхъ.

— Прибавьте мнѣ одну единицу,—говорилъ кто нибудь.

— Да вѣдь у тебя, родимый ты мой, десятокъ стоитъ, чего-жъ тебѣ больше?

— Поставьте, ваше превосходительство, одиннадцать. Ужъ не пожалѣйте!

— А отвѣтишь ли ты мнѣ на экзаменѣ на одиннадцать?

— Постараюсь, я подготовлюсь хорошенько.

— Ну, Господь съ тобой, такъ и быть, поставлю. Только ты смотри, не подкузьми меня.

И онъ добродушно ставилъ одиннадцать. Когда очередь дошла до меня, то противъ моего имени у него въ спискѣ оказалось пустое мѣсто.

— Какъ же это, братецъ, такъ?—спросилъ онъ.—Ты ни разу не отвѣчалъ?

— Нѣтъ, ни разу.

— Не хочешь ли сейчасъ отвѣтить?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сегодня не могу.

— Такъ, какъ же быть съ тобою? Такъ вѣдь нельзя оставить.

— Да поставьте, что хотите. Мнѣ все равно,—сказалъ я.

— Отъ-то чудакъ! А коли я тебѣ нуль поставлю!

— И на томъ спасибо,—отвѣтилъ я засмѣявшись.

Остроградскій оперся головою на руку и немного подумалъ.

— Интегральный-то знакъ сумѣешь нарисовать на доскѣ?—спросилъ онъ, немного погодя.

— Хоть во всю доску нарисую.

Онъ еще немного подумалъ и вдругъ, къ общему удивленію всѣхъ окружавшихъ, поставилъ мнѣ полный баллъ, то-есть двѣнадцать. Я самъ опѣшилъ отъ такой неожиданности и вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ, по обычаю, только пошутилъ и сейчасъ же передѣлаетъ баллъ. Но ничуть не бывало; оставивъ мои двѣнадцать неприкосновенными, онъ продолжалъ совѣщаться о баллахъ съ другими. Тогда одинъ изъ товарищей, именно тотъ, который выторговалъ себѣ одиннадцать вмѣсто десяти, вломился въ амбицію.

— Какъ же это такъ, ваше превосходительство?—сказалъ онъ.— Эвальдъ ни разу не отвѣчалъ, и вы ему ставите двѣнадцать, а мнѣ только одиннадцать, да и то я выторговалъ?

— Душа моя,—отвѣтилъ ему Остроградскій совершенно серьезно,—развѣ ты увѣренъ, что Эвальдъ хуже тебя знаетъ?

— Не увѣренъ, но такъ какъ онъ ни разу не выходилъ...

— То ты думаешь, что онъ ничего не знаетъ?—перебилъ его Остроградскій.—А мнѣ думается, что онъ немножко больше твоего разумѣетъ, оттого я ему и поставилъ единицею больше.

Всѣ съ удивленіемъ оглянули меня, такъ какъ я вообще не былъ изъ первыхъ учениковъ, а тѣмъ болѣе не считался математикомъ. Я самъ, говорю это откровенно, былъ совершенно озадаченъ и приписалъ такую несправедливость Остроградскаго тому, что угощалъ его табакомъ. Вѣроятно, и товарищи мои думали также. Но духъ добраго товарищества былъ такъ сильно развитъ у насъ, что никто не возражалъ и не претендовалъ противъ поблажки, сдѣланной мнѣ Остроградскимъ.

На этотъ разъ я уже нарочно постарался выйти изъ зáмка съ нимъ вмѣстѣ, чтобы разъяснить свое недоразумѣніе и дорогою, поблагодаривъ его за вниманіе къ себѣ, выразить опасеніе, что не разсчитываю на экзаменахъ отвѣтить на двѣнадцать.

— Какъ бы мнѣ не подкузьмить ваше превосходительство,— прибавилъ я въ заключеніе.

— Объ этомъ не безпокойся,—спокойно отвѣтилъ онъ.

— Многіе, вѣроятно, подумаютъ, что я заслужилъ у васъ полный балъ не знаніемъ интегральнаго счисленія, а табакеркою,—замѣтилъ я.

Остроградскій остановился и, сердито взглянувъ на меня, почти крикнулъ:

— Кто-жъ это осмѣлится подумать? Развѣ я взяточникъ? Не видалъ я твоего табаку, что ли? Отъ-то дурни будутъ! Да ты и самъ, видно, не понимаешь, почему я тебѣ поставилъ двѣнадцать

— Правда, ваше превосходительство, совершенно не понимаю.

— Ну, такъ я тебѣ объясню. Ты, можетъ быть, и совсѣмъ не знаешь интегральнаго счисленія, я это допускаю. Но дѣло не въ немъ. Ты заслужилъ у меня двѣнадцать за то, что навелъ меня на нѣкоторыя мысли, до которыхъ я раньше не додумывался. Можетъ быть, въ свободное время я что нибудь и сдѣлаю изъ твоихъ наблюденій надъ цифрами. Во всякомъ случаѣ я вижу, что ты умѣешь размышлять, чтò въ математикѣ главное. А научиться интегральному счисленію не хитро. Если оно тебѣ понадобится когда нибудь, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, то ты возьмешь книжку и въ нѣсколько дней прочтешь ее.

Чтобы объяснить такое заключеніе Остроградскаго обо мнѣ, слѣдовало бы здѣсь сказать, о какихъ именно моихъ наблюденіяхъ

надъ цифрами говорилъ онъ; но такъ какъ это предметъ слишкомъ спеціальный, которому притомъ въ моихъ научныхъ трудахъ отведено особое мѣсто, то я и не буду здѣсь говорить о немъ.

На экзаменѣ, когда до меня дошла очередь, я выдернулъ билетъ очень неудачно, — съ задачей, разрѣшить которую очень затруднился и, навѣрное, оборвался бы, какъ говорится, если бы Остроградскій, вѣроятно, замѣтившій мое затрудненіе, не явился на выручку.

Передъ экзаменаторами стояли три классныя доски. Каждый офицеръ долженъ былъ написать рѣшеніе предложенной билетомъ задачи и потомъ объяснить свое рѣшеніе. Такимъ образомъ, пока экзаменаторы слушали одного, двое другихъ писали. Этимъ воспользовался Остроградскій. Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ доскамъ и, дѣлая видъ, будто поправляетъ моего сосѣда, уже писавшаго рѣшеніе своей задачи, началъ просто диктовать мнѣ. Съ его словъ я живо исписалъ всю доску самыми кудрявыми рядами цифръ и знаковъ. Сдѣлавъ это, онъ вернулся на свое мѣсто.

Когда же мнѣ нужно было объяснять все написанное, Остроградскій самъ прочелъ вслухъ написанное мною на доскѣ рѣшеніе и, не давъ никому сдѣлать мнѣ ни одного вопроса, быстро сказалъ:

— Прекрасно, довольно. Ступайте!

Я, разумѣется, не заставилъ себя ждать и вернулся на свое мѣсто. Извѣстный математикъ Савичъ началъ что-то возражать Остроградскому, вѣроятно, настаивая на небрежности словеснаго экзамена, но переспорить Остроградскаго было очень трудно, и меня больше не безпокоили.

Кстати о Савичѣ. Это былъ человѣкъ, до того погруженный въ науку, что рѣшительно не обращалъ вниманія на свою наружность. Онъ, напримѣръ, носилъ чрезвычайно узкіе панталоны, едва натягивавшіеся на голенища сапогъ и оттого всегда поднимавшіеся кверху. Когда на репетиціяхъ одинъ изъ офицеровъ просилъ Остроградскаго дать ему задачу, тотъ отвѣтилъ:

— А вотъ, братецъ, тебѣ задача: рѣши, какимъ образомъ Савичъ надѣваетъ свои панталоны?

Впослѣдствіи мнѣ случилось еще разъ экзаменоваться у Савича, именно въ военной академіи, изъ астрономіи. На этотъ разъ Остроградскаго не было, и когда я исписалъ доску всякими формулами, Савичъ самъ подошелъ ко мнѣ выслушать объясненіе. Въ рукѣ онъ держалъ тетрадку со спискомъ экзаменующихся и, подойдя ко мнѣ, поставилъ въ ней противъ моего имени двѣнадцать.

— Говорите, я васъ слушаю,—сказалъ онъ.

Я началъ объясненіе, но, немного погодя, запнулся на какомъ-то словѣ. Савичъ молча перечеркнулъ двѣнадцать и поставилъ рядомъ одиннадцать. Это меня сконфузило, и я продолжалъ уже съ боль-

шей робостью, отъ чего снова запнулся. Савичъ, точно также молча, не дѣлая никакого вопроса или замѣчанія, перечеркнулъ одиннадцать и поставилъ десять. То же самое повторилъ и третій разъ, къ счастью, уже въ самомъ концѣ моего объясненія: Савичъ зачеркнулъ десять и поставилъ девять.

— Хорошо-съ, ступайте, — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто, когда я кончилъ.

Нужно сказать, что онъ не нашелъ въ моемъ рѣшеніи ни одной ошибки и сбавлялъ баллы не за незнаніе, а только за то, что я останавливался, подыскивая болѣе точное выраженіе. Это былъ очень своеобразный способъ опредѣлять степень знанія, но что было дѣлать? Слава Богу еще и то, что онъ остановился на переводномъ баллѣ, а не то, при его способѣ экзаменовать, не трудно было спуститься и до меньшей цифры, что̀ съ нѣкоторыми офицерами и случалось.

IV.

Назначеніе меня на работы въ Ревель.—Полковникъ Евреиновъ.—Видъ Ревеля въ то время. — Мѣры къ его оборонѣ. — Общество офицеровъ. — Ихъ взаимныя отношенія.—Приближеніе непріятельскаго флота.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1854 года я пріѣхалъ въ Ревель, куда, тотчасъ по производствѣ въ офицеры, былъ назначенъ для веденія инженерныхъ работъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами по училищу. Такъ какъ намъ предстояло проходить курсъ еще въ двухъ офицерскихъ классахъ, то будь это въ мирное время, мы занимались бы топографическими работами гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Петербурга. Но въ этомъ году, по случаю войны и вслѣдствіе большого недостатка офицеровъ въ войскахъ, начальство рѣшило воспользоваться нашими силами на лѣтнее время и распредѣлило по городамъ и крѣпостямъ Финскаго залива.

Разумѣется, тотчасъ по пріѣздѣ, мы представились начальству, то-есть начальнику инженеровъ, полковнику Евреинову, который предложилъ намъ представиться также и главнокомандующему, графу Бергу.

Какъ теперь, помню фигуру Берга: это былъ мужчина высокаго роста, въ черномъ парикѣ, съ черными же нафабренными усами и, какъ мнѣ показалась, нарумяненный. Онъ принялъ насъ очень равнодушно, даже холодно, сказалъ только, что мы получимъ приказанія о нашемъ назначеніи отъ ближайшаго начальства и съ тѣмъ отпустилъ. Ближайшій же нашъ начальникъ, полковникъ Евреиновъ, былъ человѣкъ очень милый: во все время моего пребыванія въ Ревелѣ онъ обращался съ нами вполнѣ потовари-

щески, участвовалъ въ нашихъ холостыхъ собраніяхъ, иногда выпивалъ даже лишнее и вообще не игралъ роли командира. Меня онъ назначилъ на Ново-Екатеринентальскую батарею, расположенную на берегу моря, какъ разъ противъ сада того же названія, предваривъ, что мнѣ, вѣроятно, прійдется, кромѣ исполненія инженерныхъ работъ, нести также и артиллерійскую службу.

Ревель, по случаю приближенія военной грозы, имѣлъ въ то время очень странный видъ. Въ большей части домовъ всѣ стекла оконныхъ рамъ были заклеены на крестъ или въ видѣ звѣзды полосками бумаги. Этимъ, какъ оказалось, экономные нѣмцы хотѣли предупредить разбитіе стеколъ въ случаѣ бомбардированія города. Кромѣ этой наружной особенности, городъ блисталъ отсутствіемъ жителей: всѣ бароны и рыцари бѣжали изъ насиженныхъ мѣстъ по своимъ помѣстьямъ и мызамъ или во внутренніе города; за ними послѣдовало и болѣе состоятельное купечество. Въ Ревелѣ остались только бѣдные торговцы и ремесленники, которымъ некуда было дѣваться, и не на что было бѣжать, да, разумѣется, масса военныхъ, собранныхъ здѣсь для защиты города.

Осматривая городъ, я взобрался между прочимъ на древнюю каменную стѣну Вышгорода (цитадель), откуда, съ высоты птичьяго полета, удобно было видѣть всѣ приготовленія, сдѣланныя для встрѣчи непріятеля. Отсюда я увидѣлъ, что весь Ревельскій заливъ былъ обставленъ по берегу разнаго рода и вида земляными батареями, въ числѣ которыхъ виднѣлась вдали и та, на которую я былъ назначенъ. На валахъ цитадели лежали, кромѣ того, около 400 чугунныхъ орудій, которыя нельзя было употребить въ дѣло по недостатку лафетовъ. Хотя я не былъ военнымъ практикомъ, но хорошо зналъ теорію военнаго дѣла, и потому это обозрѣніе навело меня вовсе не на веселыя думы. Всѣ наши батареи, расположенныя у самой воды, а нѣкоторыя даже прямо въ водѣ, и вооруженныя старыми чугунными орудіями, никакъ не могли быть особенно грозными для непріятеля, тогда какъ каждая бомба, брошенная имъ въ городъ, причинила бы большія опустошенія. Кромѣ того, передъ Ревелемъ лежитъ небольшой островокъ Нааргенъ, который могъ служить, и дѣйствительно потомъ служилъ, хорошимъ прикрытіемъ для непріятеля.

Ознакомившись такимъ образомъ наглядно съ общимъ положеніемъ обороны, я взялъ на другой день извозчика, одѣлся въ полную парадную форму и поѣхалъ на Ново-Екатеринентальскую батарею представиться своему будущему командиру.

Баттарея лежала на третьей верстѣ отъ города, по дорогѣ въ Нарву, въ восьми саженяхъ отъ моря. Между валомъ батареи и водою проходила грунтовая дорога по направленію къ развалинамъ монастыри св. Бригитты, а сзади батареи, въ двадцати саженяхъ отъ нея, тянулось Нарвское шоссе.

Вооруженіе батареи состояло изъ 18 чугунныхъ крѣпостныхъ орудій, въ числѣ которыхъ было 8 тридцати-фунтовыхъ, 4 шести-фунтовыхъ пушекъ и 6 пудовыхъ единороговъ. Одни орудія были на низкихъ, другія на высокихъ лафетахъ, но всѣ на поворотныхъ платформахъ. Прикрытіе батареи состояло изъ земляного вала съ двумя флангами и съ амбразурами для всѣхъ орудій. Четырнадцать орудій смотрѣли на море и по два стояли на флангахъ.

Въ концѣ каждаго фланга находились пороховые погреба, а близъ середины батареи, въ семи саженяхъ отъ вала, двѣ ядрокалительныя печи, каждая на 50 ядеръ. Въ то время о броненосцахъ и вообще о желѣзныхъ судахъ въ военныхъ флотахъ не имѣли еще понятія, а потому каленыя ядра употреблялись для зажиганія деревянныхъ судовъ.

Отъ концовъ фланговъ шли два палисада (забора) подъ угломъ, такъ что весь дворъ батареи имѣлъ форму неправильнаго пятиугольника. Одинъ палисадъ, болѣе короткій, соединялся съ другимъ при посредствѣ блокгауза, длиною 26 и шириною 3 сажени, въ которомъ помѣщалась команда изъ 90 рядовыхъ, при девяти унтеръ-офицерахъ и одномъ юнкерѣ. Съ обѣихъ сторонъ блокгауза были ворота для въѣзда въ батарею.

Подъѣхавъ къ открытымъ воротамъ, я увидѣлъ на дворѣ трехъ офицеровъ, медленно прохаживавшихся вдоль линіи орудій, и спросилъ у часоваго: который изъ нихъ командиръ?

— А вотъ, что въ срединѣ, ваше благородіе.

Я направился къ нимъ. Офицеры, замѣтивъ меня, остановились. Подойдя по всей формѣ, я только что хотѣлъ произнести обычную формулу представленія, какъ командиръ остановилъ меня.

— Здравствуйте,—просто сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.— Къ чему это вы въ полной парадной формѣ? Совершенно лишнее. Позвольте васъ познакомить: поручики Мулжицкій, Ссгрскій-Каше. Пойдемте, господа, завтракать.

Я едва успѣлъ пожать руки поручикамъ, какъ онъ взялъ меня за талію и повелъ со двора, черезъ шоссе, къ небольшому домику, въ которомъ они всѣ трое жили. Поручики слѣдовали за нами.

Командиромъ батареи былъ поручикъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, Михаилъ Александровичъ Дурасовъ. Онъ былъ обстриженъ подъ гребенку, имѣлъ небольшіе усы и иногда слегка косилъ глазами, что̀ придавало его лицу нѣсколько насмѣшливое выраженіе. Ко всему на свѣтѣ онъ относился съ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ, какъ будто все, что совершалось на землѣ, великое или малое, страшное или радостное, все это было не болѣе, какъ кукольной комедіей, о которой не стоило много думать. О самой войнѣ, этомъ наиболѣе грозномъ явленіи человѣческой жизни, онъ говорилъ не иначе, какъ иронически, и ко всѣмъ распоряженіямъ высшаго ли начальства, или даже къ своимъ собствен-

нымъ относился съ тѣмъ добродушнымъ презрѣніемъ, съ которымъ мы относимся къ заботамъ дѣтей во время ихъ игры. Онъ былъ очень уменъ, даже остроуменъ, хорошо образованъ и начитанъ и не имѣлъ ничего общаго съ двумя товарищами, съ которыми ему волею-неволею приходилось коротать боевую жизнь. Мое прибытіе, какъ впослѣдствіи онъ самъ мнѣ это высказалъ, явилось для него какъ бы солнечнымъ лучемъ въ сѣрый октябрьскій день. Только чрезъ четыре мѣсяца, уже по возвращеніи въ Петербургъ, для меня разъяснилось его странное ко всему отношеніе: онъ кончилъ жизнь, открывъ себѣ жилы на рукахъ въ теплой водѣ. Но объ этомъ послѣ.

Мурживцкій, поручикъ армейскаго пѣхотнаго Софійскаго полка, человѣкъ лѣтъ сорока, съ длинными отвисшими усами, довольно высокаго роста, слегка сутуловатый, держался просто и скромно, мало говорилъ, хотя въ каждомъ его словѣ чувствовалось сознаніе собственнаго достоинства. Это былъ одинъ изъ тѣхъ армейскихъ офицеровъ, которыми крѣпка и сильна русская армія. Эти люди не выскакиваютъ впередъ, на показъ, но никогда и не отступаютъ. Начальники невольно ихъ уважаютъ, хотя и не торопятся награждать. Солдаты вѣрятъ такимъ офицерамъ и за ними идутъ умирать куда угодно. Здравый смыслъ замѣняетъ у нихъ недостатокъ знаній, а многолѣтняя опытность ихъ, соединенная съ природнымъ тактомъ, исправляетъ промахи командировъ, назначенныхъ сверху и не имѣющихъ понятія ни о солдатскомъ бытѣ, ни о практикѣ военной службы.

Совсѣмъ другой типъ представлялъ Ссгрскій-Каше. Онъ былъ поручикомъ гарнизонной артиллеріи, тоже подъ сорокъ лѣтъ, небольшаго роста, съ порядочной лысинкой на головѣ, вертлявый, неугомонный, надоѣдливый, съ рѣзкимъ визгливымъ голосомъ. Будучи глупъ отъ рожденія, онъ, какъ всѣ дураки, считалъ себя очень умнымъ. Совершенно необразованный, онъ хотѣлъ всѣхъ увѣрить, что знаетъ болѣе всѣхъ мудрецовъ на свѣтѣ. Не умѣя самъ ударить пальца о палецъ, онъ съ необычайной самоувѣренностью брался всѣхъ и всему учить. Для Дурасова онъ игралъ роль шута. Муржицкій относился къ нему съ добродушнымъ снисхожденіемъ, солдаты же терпѣть его не могли.

Еще объ одномъ человѣкѣ я долженъ сказать нѣсколько словъ, болѣе замѣчательномъ всѣхъ насъ четырехъ, такъ какъ впослѣдствіи, въ 1863 году, онъ составилъ себѣ во время польскаго возстанія печальную, хотя и историческую извѣстность, подъ именемъ «Топора». Это былъ поручикъ Жвирждовскій, которому я былъ подчиненъ въ инженерныхъ работахъ. Онъ построилъ нашу Ново-Екатеринентальскую батарею, исправлять недостатки которой выпало на мою долю. Жвирждовскій смотрѣлъ на службу, какъ на средство обставить себя въ жизни какъ можно удобнѣе, и этой

задачей объяснялись всѣ его дѣйствія въ смыслѣ инженернаго строительства. Онъ употреблялъ старое и полугнилое дерево тамъ, гдѣ требовалось новое и крѣпкое; показывалъ въ отчетахъ сто человѣкъ рабочихъ, гдѣ было только десять и такъ далѣе, въ этомъ родѣ.

Совершенно неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, я часто попадалъ впросакъ, не умѣя угодить его благопріобрѣтательнымъ стремленіямъ, за что̀ онъ меня ненавидѣлъ отъ всей души и не старался скрывать своей ненависти.

Таково было тѣсное общество, среди котораго мнѣ приходилось впервые знакомиться съ практической жизнью.

Дурасовъ былъ искренно обрадованъ моимъ прибытіемъ. Дѣло въ томъ, что до меня батарея раздѣлялась на два отдѣленія, по девяти орудій въ каждомъ, что, при значительномъ разстояніи орудій между собою дѣлало командованіе ими очень затруднительнымъ. Съ моимъ прибытіемъ Дурасовъ раздѣлилъ батарею на три отдѣленія по шести орудій, что̀ значительно облегчило какъ командованіе, такъ и всѣ распоряженія по батареѣ. Но не одно только это заставило его отнестись ко мнѣ привѣтливо. Главнѣйшимъ образомъ онъ былъ доволенъ тѣмъ, что по образованію, по кругу общества, въ которомъ мы вращались въ Петербургѣ, я былъ ближе къ нему, чѣмъ Мурживкій и Ссгрскій-Каше. У меня съ нимъ постоянно находились общіе предметы для разговора, общіе взгляды, интересы и понятія. Мурживкій былъ честный и добрый малый, но совсѣмъ уже плохой собесѣдникъ. Ссгрскій-Каше — былъ собесѣдникъ въ высшей степени непріятный, любившій только спорить и не умѣвшій сказать двухъ путныхъ словъ. Понятно, что я былъ находкою для Дурасова и даже для Мурживкаго, любившаго прислушиваться къ моимъ съ нимъ бесѣдамъ. Одинъ Ссгрскій-Каше относился ко мнѣ съ мелочной завистливостью и потому при всякомъ случаѣ старался колоть и язвить меня, а иногда и подставлять ногу.

Когда мы вошли въ домъ, Дурасовъ предложилъ мнѣ снять всю парадную аммуницію и даже мундиръ, вмѣсто котораго подалъ свою тужурку, и приказалъ давать завтракъ, во время котораго разговоръ вертѣлся то на служебныхъ дѣлахъ, то на нашихъ личныхъ.

— Вамъ придется исполнять у насъ двѣ службы, — сказалъ между прочимъ Дурасовъ.—Вы будете командовать третьимъ отдѣленіемъ. Знаете вы уставъ крѣпостной артиллеріи?

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ вотъ возьмите его и, пожалуйста, вызубрите поскорѣе. Сколько вамъ на это потребуется времени?

Я просмотрѣлъ поданную имъ книжку и пообѣщалъ выучить ее въ три дня.

— Это было бы очень хорошо,—сказалъ онъ.

— Ну, ужъ въ три-то дня вамъ не выучить,—замѣтилъ Сегрскій.

— Отчего?

— Слишкомъ ужъ вы прытки,—отвѣтилъ онъ, засмѣявшись.

— Мнѣ случалось въ три дня и больше выучивать, — сказалъ я спокойно.

— Вы забываете, — замѣтилъ ему Дурасовъ, — что у Эвальда мозги посвѣжѣе, чѣмъ у насъ съ вами, да онъ и не отвыкъ еще учиться, какъ мы съ вами, это много значитъ.

— Посмотримъ, посмотримъ. Въ три дня выучить уставъ, ха-ха!

— Потомъ,—продолжалъ Дурасовъ, чтобъ прекратить этотъ глупый споръ,—вамъ придется не мало поработать на батареѣ. Она ни къ чорту не годится.

— Какъ такъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.—Вѣдь она только что выстроена?

— Да, но только выстроена плохо. Прежде всего пороховые погреба даютъ сырость, и если ихъ такъ оставить, то, въ случаѣ дѣла, мы будемъ безъ зарядовъ. Потомъ блокгаузъ холодный; осенью солдатамъ нельзя будетъ въ немъ жить. Затѣмъ ядрокалительныя печи ничѣмъ не прикрыты, ни сверху, ни со стороны моря. Все это надо будетъ вамъ внимательно осмотрѣть и исправить.

— Вѣдь эту батарею строилъ Жвирждовскій?

— Да.

— Отчего же вы ему не сказали о ея недостаткахъ? — спросилъ я.

— Какъ не говорилъ? Говорилъ и оффиціально писалъ.

— Ну, и что же?

— Да, какъ видите, ничего. Такъ какъ я гвардейскій пѣхотинецъ, то онъ, вѣроятно, считаетъ меня некомпетентнымъ лицомъ, чтобы судить о подобныхъ вещахъ. Вотъ теперь, опираясь на вашъ инженерный авторитетъ, я буду настойчиво требовать, и тогда авось чего нибудь добьемся.

По этому поводу разговоръ перешелъ на критику дѣйствій Жвирждовскаго, причемъ Сегрскій-Каше не стѣснялся въ выраженіяхъ и честилъ его на всѣ четыре корки. Хотя я Жвирждовскаго совсѣмъ не зналъ, такъ какъ онъ кончилъ курсъ, когда я только что поступилъ въ училище, но мнѣ непріятно было все это слушать, потому что мы съ нимъ носили одинъ мундиръ и вышли, такъ сказать, изъ одного гнѣзда. Но защищать его я не могъ, не зная всего, что произошло тутъ безъ меня, а факты мнѣ представляли такіе, противъ которыхъ спорить было невозможно. Впрочемъ Дурасовъ, замѣтивъ, что этотъ разговоръ мнѣ непріятенъ, перемѣнилъ его.

Въ три дня, данные мнѣ Дурасовымъ, я легко выучилъ уставъ и на четвертый день явился на батарею, готовый принять коман-

дованіе своими шестью орудіями. Дурасовъ произвелъ ученіе. Конечно, первый опытъ мой командованія былъ не совсѣмъ удаченъ, я дѣлалъ промахи и ошибки, но только такіе, которые происходили отъ недостатка практики, а не отъ незнанія устава. Дурасовъ и Муржицкій поправляли меня, объясняя, что и какъ надо дѣлать, а Ссгрскій-Коше подсмѣивался надо мною и старался еще нарочно путать меня и вводить въ заблужденіе.

Вражда этого глупаго человѣка еще болѣе увеличилась, когда я принялся за инженерныя работы. По желанію Дурасова, я прежде всего взялся за пороховые погреба. Осмотрѣвъ ихъ внимательно, я нашелъ, что сырость образовалась оттого, что не было двойного пола, и, кромѣ того, имѣвшійся полъ былъ сложенъ изъ старыхъ досокъ, снятыхъ съ какой нибудь крыши дома, поэтому легко втягивавшихъ въ себя сырость. Выслушавъ мое объясненіе, Дурасовъ послалъ Жвирждовскому требованіе на доставку новыхъ досокъ для устройства двойного пола въ погребахъ.

Не буду описывать сцены, слишкомъ грубой и непріятной, которая произошла между мною и Жвирждовскимъ, когда онъ пріѣхалъ на батарею защищать свое произведеніе. Не смотря на то, что ему были показаны отсырѣвшіе заряды, онъ настаивалъ на томъ, что погреба выстроены безукоризненно, и что никакіе новые полы ничего не помогутъ. Тогда я сказалъ, что приглашу для рѣшенія спора начальника инженеровъ и попрошу его назначить комиссію. Это подѣйствовало и, хотя съ пѣною у рта отъ злобы, но Жвирждовскій уступилъ и сказалъ, что вытребуетъ съ матеріальнаго двора нужныя доски.

Когда доски прибыли, то я просилъ Дурасова назавтра, пораньше утромъ, приказать вынести изъ погребовъ всѣ заряды, чтобы кстати и просушить ихъ на солнцѣ. Когда утромъ я пріѣхалъ на батарею, то засталъ людей уже за работой: они, образовавъ цѣпь, вынимали заряды изъ погребовъ и, передавая другъ другу, укладывали по двору на рогожи. Я направился къ одному изъ погребовъ, забывъ въ разсѣянности бросить закуренную папироску. Часовой у погреба отдалъ мнѣ честь, но также не остановилъ меня. Въ погребѣ былъ Дурасовъ, распоряжаясь выемкою зарядовъ. Въ воздухѣ стояла пороховая пыль.

Одинъ старый солдатъ, сидѣвшій на полу, замѣтивъ опасность и схвативъ мою руку съ папиросной, сжалъ ее, чтобъ погасить огонь. Дурасовъ все это видѣлъ.

— Старый дуракъ!—сказалъ онъ, повернувшись и выходя изъ погреба.

Озадаченный такимъ отношеніемъ къ человѣку, желавшему спасти жизнь всѣхъ насъ, я спросилъ Дурасова объ этомъ.

— Я не люблю,—отвѣчалъ онъ,—когда люди вмѣшиваются не въ свое дѣло.

— Какъ не въ свое дѣло? Но вѣдь насъ всѣхъ и вмѣстѣ съ нимъ могло взорвать на воздухъ!

— Ну, такъ что же? Тѣмъ лучше.

— Какъ тѣмъ лучше?

— Разумѣется. Когда нибудь надо же умирать. А что можетъ быть лучше такой смерти, какъ неожиданная и моментальная? Увидя васъ съ папиросой, я думалъ, что самъ Богъ послалъ васъ, чтобы покончить эту подлую жизнь; дернуло этого осла вмѣшаться. Ну, да будетъ объ этомъ говорить; потеряннаго не вернешь.

Весь этотъ день Дурасовъ былъ особенно задумчивъ и не разговорчивъ.

На работы ко мнѣ каждый день присылались отъ 40 до 60 человѣкъ Литовскаго или Волынскаго гвардейскихъ полковъ, 10 человѣкъ саперъ и отъ 5 до 10 плотниковъ. Такой массы народа мнѣ вовсе было не нужно, но я потомъ узналъ, что командиры частей старались посылать больше, такъ какъ солдатамъ за работы платилось. Послѣ исправленія погребовъ батареи, я принялся за прикрытіе ядрокалительныхъ печей, потомъ за приспособленіе блокгауза къ жительству въ немъ осенью, затѣмъ мнѣ поручено было выстроить общій запасный пороховой погребъ для нашей и двухъ сосѣднихъ батарей, такъ что все лѣто работы у меня не прекращались.

Въ одинъ прекрасный день вѣстовой казакъ проскакалъ вдоль линіи батарей и передалъ приказаніе быть наготовѣ, такъ какъ непріятель показался не вдалекѣ отъ Ревеля, и къ вечеру его можно ожидать.

Трудно описать, какое оживляющее, въ одно время и бодрящее и жуткое, чувство охватило меня при этомъ извѣстіи. Да и всѣ другіе какъ будто переродились, точно праздникъ настал, хотя праздникъ особенный, вызывавшій не улыбку на губахъ, а серьезныя морщины на лбу. Всѣ какъ будто чувствовали, что подходило время повѣрки всего, что мы сдѣлали, своего рода смотръ, но смотръ опять таки особенный, который будетъ произведенъ не людьми, а высшей силой, рѣшающей судьбы человѣчества.

Больше всѣхъ обрадовался извѣстію Дурасовъ. Его обычная апатія, небрежное и полупрезрительное отношеніе ко всему, совершенно исчезли. Онъ сталъ веселъ, заботливъ обо всемъ, даже о малѣйшихъ мелочахъ службы, на которыя прежде не обращалъ никакого вниманія, сдѣлался хлопотливъ и предупредителенъ, точно женихъ передъ свадьбою. Въ этотъ день онъ просилъ меня остаться обѣдать у него.

За обѣдомъ Дурасовъ поднялъ вопросъ о томъ, кому командовать батареей, въ случаѣ если онъ будетъ убитъ. Старшимъ послѣ

Дурасова былъ Муржицкій, потомъ слѣдовалъ Сгрскій-Каше; я же былъ самымъ младшимъ и по чину, и по времени службы. Поэтому я сказалъ, что объ этомъ нечего заботиться, такъ какъ начальство естественно должно перейти къ Муржицкому. Но Муржицкій, всегда скромный, отрекся отъ этой чести.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не приму этой обязанности.

— Какъ такъ? Отчего?

— Оттого, что для командованія батареей надо знать немного болѣе, чѣмъ я знаю,—просто отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ очередь будетъ за Сгрскимъ,—замѣтилъ я.

Дурасовъ насмѣшливо улыбнулся, а Муржицкій отрицательно покачалъ головой.

— Я тогда уйду съ батареи,—сказалъ онъ совершенно серьезно.

Сгрскій вспыхнулъ.

— Что же вы думаете,—сказалъ онъ,—что артиллерійскй поручикъ выше гарнизоннаго? За то я поручикъ артиллеріи, а вы— пѣхотный!

— Ну, какой ты артиллеристъ?—спросилъ Муржицкій.—Что ты понимаешь въ этомъ дѣлѣ? Ты не будешь знать, когда приказать стрѣлять бомбами, когда ядрами холодными, когда калеными. А если англичане сдѣлаютъ высадку, такъ ты не будешь знать, куда и орудія повернуть.

— Такъ что же потвоему? Ужъ не Эвальду ли командовать?

— Да, я думаю, что, кромѣ него, некому.

— Это прапорщикъ-то будетъ командовать поручиками?

— Ну, такъ что-жъ такое? Онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ знать, что надо дѣлать, а мы съ тобой какіе же командиры, самъ посуди. Я умѣю только маршировать, а ты, хоть и называешься артиллеристомъ, но не умѣешь порядочно и орудія навести.

— Я согласенъ съ Муржицкимъ,—вмѣшался Дурасовъ,—и просилъ бы васъ, Сгрскій, дѣйствительно подчиниться Эвальду, въ случаѣ моей смерти. Тутъ уже не мѣсто считаться старшинствомъ.

— Это совершенно противозаконно!

— Такъ-то такъ, но какъ иначе быть? Это вопросъ такой важности, что я завтра же переговорю объ этомъ въ штабѣ и попрошу утвердить мое предложеніе.

Послѣ обѣда мы пошли на батарею и, усѣвшись на валу, въ одной изъ амбразуръ, разговаривали, не спуская глазъ съ горизонта, откуда долженъ былъ показаться непріятель. Около часу мы просидѣли такъ, теряя всякое терпѣніе, какъ вдругъ часовой, стоявшій на валу, воскликнулъ: идетъ!

Мы всѣ невольно встали также на валъ.

Да, дѣйствительно онъ шелъ! Изъ-за горизонта, снизу подымаясь вверхъ, показались сначала двѣ-три вертикальныя черточки, потомъ накрестъ ихъ горизонтальныя; вертикальныя поднимались

все выше и выше, потомъ показались паруса, также поднимавшіеся кверху, совершенно, какъ въ балаганахъ изъ-подъ полу поднимаютъ кулису. Мнѣ первый разъ пришлось наблюдать это явленіе, служащее во всѣхъ учебникахъ географіи однимъ изъ доказательствъ шарообразности земли. Еслибъ я сомнѣвался когда нибудь въ такой ея формѣ, то теперь воочію долженъ былъ въ этомъ убѣдиться.

Какъ забилось мое сердце! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что англичане меня не убьютъ. О, нѣтъ! Ядро, которое меня убьетъ, еще не вылито! Нѣтъ, это они везутъ мнѣ Георгія въ петлицу, а, можетъ быть, и чинъ, или даже два чина... Мало ли что можетъ случиться, въ особенности если мнѣ въ самомъ дѣлѣ придется командовать батареей? Если я взорву на воздухъ или потоплю одинъ или два корабля... Которые же именно?

А корабли, долженствовавшіе послужить мясомъ для моихъ пушекъ, все подымались выше и выше, и очертанія ихъ дѣлались яснѣе. Вотъ уже показались средніе паруса, затѣмъ самые большіе нижніе и, немного погодя, борты кораблей...

Громадныя темныя массы выдвинулись во всей своей грозной красотѣ... Показались бѣлыя полосы, на которыхъ въ бинокль можно было сосчитать число орудій. Когда корабли совершенно уже поднялись изъ-за горизонта и были видны всѣ три дека, паруса быстро опустились, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и движеніе ихъ прекратилось. Тамъ же, изъ-за горизонта, поднимались новыя мачты и паруса, одни за другими, и всѣ они выстраивались передъ нашими глазами, на водѣ, которая еще полчаса назадъ была нашею, а теперь принадлежала имъ...

Неудержимое желаніе приложить фитиль къ пушкѣ и послать имъ добрую бомбу охватило меня. Но это было невозможно сдѣлать, такъ какъ графъ Бергъ отдалъ строгій приказъ, чтобы безъ сигнала съ башни св. Олая (днемъ—красный флагъ, а ночью—красный фонарь) никто не начиналъ пальбы, даже еслибъ англичане открыли ее. Повидимому, такое же желаніе овладѣло и другими.

— Эхъ! Кабы теперь же шарахнуть туда,—сказалъ Дурасовъ, прервавъ молчаніе, невольно воцарившееся между нами, при видѣ непріятеля.

— Не достать,—возразилъ практическій Мурջицкій,—а даромъ чего заряды тратить. Вѣдь они стоятъ около Наргена.

— А, можетъ быть, этими выстрѣлами мы вызвали бы ихъ на бой.

— Сами начнутъ, когда осмотрятся. Такъ, сдуру, не полѣзутъ. Народъ-то вѣдь пройдошный.

— Кто ими командуетъ?—спросилъ я.

— Адмиралъ Плюмприджъ,—отвѣчалъ Дурасовъ.

— Плюм-пуддингъ,—сострилъ Сергскій.

Солдаты не менѣе нашего заинтересовались невиданнымъ зрѣлищемъ непріятельскаго флота. Вся команда собралась на валу батареи, и кто лежа, кто сидя, кто стоя наблюдали за малѣйшими движеніями судовъ, перекидываясь замѣчаніями.

— Лодку спущаютъ съ большаго-то корабля.

— Не къ намъ ли поѣдетъ она?

— Жди, дурова голова. Такъ вотъ и поѣхала. Раковъ-то кормить на днѣ морскомъ кому охота.

— Да главнокомандующій не велѣлъ намъ палить безъ приказу.

— Ну, такъ что-жъ?

— А то, что она вотъ подъѣдетъ къ намъ посмотрѣть, какіе мы такіе.

— Твоего рыла не видали, что ли?

— А, братцы, какой вѣры этотъ англичанинъ?

— У нихъ, говорятъ, и поповъ нѣтъ, креста не носятъ.

— Басурманы, значитъ.

— Нехристи, одно слово.

— Чего врешь! Хрестьяне, какъ и мы, только посвоему молятся.

— А ты откуда знаешь?

— Да у насъ въ деревнѣ, на фабрикѣ, три агличана въ механикахъ состояли, такъ я видѣлъ ихъ. Въ нашу церкву хаживали, а чтобы крестъ понашему класть, такъ этого у нихъ нѣтъ.

— А вѣдь какъ начнетъ жарить въ насъ, здòрово будетъ! Ишь пушекъ-то понатыкано сколько у нихъ. Не счесть.

— Ему трудно будетъ въ насъ палить, потому онъ на водѣ, закачаетъ, прицѣлу не будетъ.

— Боньбой начнетъ кидать.

— Такъ что-жъ боньбой! Ей тоже нужно прицѣлиться, зря-то ничего не подѣлаешь.

— А мы его калеными ядрами зажжемъ.

— Зажги!

Я долго прислушивался къ этимъ солдатскимъ разсужденіямъ, и меня болѣе всего поразило въ нихъ то, что во весь вечеръ ни одинъ солдатъ не промолвился ни единымъ словомъ о томъ, что мнѣ казалось самымъ естественнымъ и самымъ существеннымъ въ данную минуту, именно о своихъ ощущеніяхъ. На нихъ приходъ непріятеля, повидимому, не произвелъ другого впечатлѣнія, кромѣ возбужденія простого любопытства. Ни страха, ни малѣйшаго волненія, ни разсужденій о близкой опасности, даже смерти — ничего подобнаго: они толковали о непріятелѣ просто, какъ о зрѣлищѣ, принесшемъ нѣкоторое разнообразіе въ обыденную будничную жизнь.

Совсѣмъ не то было въ нашемъ офицерскомъ обществѣ.

Дурасовъ былъ очень взволнованъ, но какъ-то радостно, точно дождался свѣтлаго праздника. Онъ оживился и какъ будто помолодѣлъ. Приказъ графа Берга не палить безъ сигнала, хотя бы англичане начали стрѣлять, ужасно его возмущалъ. Если бы не этотъ приказъ, Дурасовъ навѣрное началъ бы пальбу, не смотря на то, что наши ядра не могли на такомъ разстояніи достигать до непріятеля.

Серьезный Муржицкій тоже какъ будто оживился, насколько могъ оживиться такой старый служака, какъ онъ. Но его оживленіе было совсѣмъ другого рода, чѣмъ у Дурасова. Онъ просто доволенъ былъ, что дождался наконецъ случая послужить на дѣлѣ, послѣ многолѣтней безцѣльной маршировки.

Ссгрскій-Кашѐ видимо трусилъ, хотя старался скрывать это и принимать видъ опытнаго воина. Онъ сдѣлался нервенъ, безъ причины кидался изъ стороны въ сторону, вздрагивалъ отъ всякой неожиданности и вообще чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ.

Что касается лично до меня, то, откровенно говорю, чувство страха было первымъ, которое охватило меня, какъ только я завидѣлъ мачты непріятельскихъ кораблей. Я только что начиналъ жить, эта жизнь представлялась мнѣ въ такихъ розовыхъ краскахъ, что мнѣ жаль было отдавать свою жизнь такъ дешево и такъ безполезно. Неужели мой отецъ такъ много потратилъ своихъ средствъ и заботъ на мое воспитаніе для того только, чтобы какое нибудь шальное англійское ядро вывело меня изъ строя человѣчества? Эта мысль казалась мнѣ крайне обидною! Но всѣ эти страхи, смущенія и обиды скоро разсѣялись подъ впечатлѣніемъ спокойныхъ и безхитростныхъ разсужденій солдатъ. Прислушиваясь къ нимъ, я невольно понизилъ оцѣнку самого себя: вѣдь каждый изъ нихъ такой же человѣкъ, какъ и я, у нихъ также есть свое дорогое въ жизни, и самая жизнь дорога имъ не менѣе, чѣмъ мнѣ, а вотъ же они какъ спокойны, пожалуй, спокойнѣе, чѣмъ на простыхъ маневрахъ. И это такъ и было: на маневрахъ солдатъ болѣе боится строгостей начальства, тогда какъ на войнѣ ему дѣлаются нѣкоторыя послабленія въ дисциплинѣ. Такимъ образомъ, благодаря спокойному мужеству солдатъ, и у меня улеглись всѣ волненія, такъ что часа черезъ два я вошелъ вполнѣ въ свое нормальное состояніе и уже смотрѣлъ на англійскую эскадру безъ всякаго смущенія.

Пробили зорю.

— Ну, что-жъ, господа, по домамъ, что ли?—спросилъ Дурасовъ.

— А если они ночью начнутъ?—спросилъ Ссгрскій.

— Надѣюсь, мы услышимъ. Или вы боитесь проспать?

Я жилъ въ городѣ, въ деревянномъ домѣ, отведенномъ для всѣхъ насъ восьмерыхъ, присланныхъ изъ училища на военную практику въ Ревель. Разумѣется, когда мы собрались поздно вечеромъ, то

всѣ спѣшили передавать другъ другу свои впечатлѣнія. Большинство относилось болѣе или менѣе спокойно, даже весело къ приходу непріятеля. Но одинъ, котораго назову только буквою С., совершенно потерялъ почву подъ ногами и даже не имѣлъ силы воли, чтобы хоть нѣсколько скрыть обуявшій его страхъ. Онъ поблѣднѣлъ, осунулся, трясся, какъ въ лихорадкѣ, такъ что зубы его щелкали, какъ будто его сейчасъ должны были вести на смертную казнь. Одни товарищи относились къ нему презрительно, другіе насмѣшливо. Мнѣ его стало жалко, и потому, вызвавъ въ другую комнату, я пробовалъ его успокоить.

— Чего ты перепугался?—говорилъ я ему.—Вѣдь ничего еще нѣтъ, можетъ быть, и дѣла никакого не будетъ, а все ограничится одной блокадой.

— Ахъ, не говори!—воскликнулъ онъ.—Я знаю, что меня убьютъ, я чувствую это, Боже мой, Боже мой!

— Такъ зачѣмъ же ты шелъ въ военную службу, если такъ боишься смерти?

— Да развѣ я зналъ, что будетъ война и такъ скоро? Я хотѣлъ быть инженеромъ, строить, а не воевать. Я не могу этого перенести, я убѣгу!

— Съ ума ты сошелъ?! Вѣдь тебя разстрѣляютъ за это! Англичане-то еще, Богъ знаетъ, убьютъ ли тебя, а если убѣжишь, такъ навѣрное будешь разстрѣлянъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Голубчикъ, научи меня, спаси меня!

— Выпей побольше водки или вина, да и засни хорошенько. Завтра это у тебя пройдетъ. Да не срамись хоть передъ другими-то.

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до другихъ! Чортъ ихъ всѣхъ возьми!

Паническій страхъ совершенно имъ овладѣлъ и, понятно, въ такомъ состояніи никакія разсужденія не могли ему помочь. Впрочемъ, по моему совѣту, онъ выпилъ сколько только могъ и подъ конецъ заснулъ. На другой день онъ былъ уже спокойнѣе, а потомъ мало-по-малу и совершенно привыкъ глядѣть безъ волненія на непріятельскія суда. Не знаю, что было бы съ нимъ при первомъ выстрѣлѣ, но такъ какъ этого выстрѣла мы не дождались, то С. благополучно вернулся въ Петербургъ.

Да, такъ все лѣто и прошло безъ одного выстрѣла. Англичане ограничивались только строжайшею блокадою, отъ которой болѣе всего страдали бѣдные рыбаки, промышляющіе ловомъ кильки. Они совсѣмъ лишились куска хлѣба, но иногда съ голодухи рѣшались выѣзжать и въ заливѣ, на глазахъ англичанъ, ловить рыбу. Въ такомъ случаѣ англичане спускали маленькіе пароходики и гребные катера, чтобы ловить дерзкихъ рыбаковъ. Мы часто любовались на эту картину. Смѣлые и ловкіе рыбаки, на своихъ не-

большихъ лайбахъ, съ косыми парусами, мелькали, какъ чайки, по заливу, искусно лавируя между англійскими судами, посланными въ ихъ догонку, и во все лѣто непріятелю не удалось поймать ни одного контрабандиста. Правда, при такихъ условіяхъ добыча кильки не могла быть великою, но не даромъ говорится: à la guerre, comme à la guerre...

Однажды вышелъ такой комическій случай. Какой-то англійскій катеръ, увлекшись погонею, слишкомъ близко подъѣхалъ къ берегу. Въ это время тутъ случился казачій патруль. Смѣлый урядникъ скомандовалъ аттаку, и казаки бросились на лошадяхъ въ воду, подплыли къ катеру и начали хлестать англичанъ нагайками. Тѣ защищались веслами и чѣмъ попало, но ни та, ни другая сторона не только не стрѣляли, но и не обнажили холоднаго оружія. Должно быть, казацкія нагайки пришлись англичанамъ не совсѣмъ-то по вкусу, такъ какъ они взялись за весла и какъ можно скорѣе удрали восвояси. Съ тѣхъ поръ они уже остерегались слишкомъ близко подходить къ берегамъ.

Когда пріѣхалъ въ Ревель великій князь Николай Николаевичъ, то ему разсказали о случаѣ съ казаками. Ему это такъ понравилось, что онъ предложилъ графу Бергу попробовать атаковать англичанъ кавалеріей. Между берегомъ и островомъ Нааргеномъ, проливъ былъ очень мелокъ и доступенъ для кавалеріи; корабли же англійскіе стояли почти у самаго берега съ другой стороны Нааргена, по крайней мѣрѣ мелкія суда. Но этотъ слишкомъ смѣлый планъ былъ не принятъ военнымъ совѣтомъ, къ великому огорченію всей нашей офицерской молодежи, любопытствовавшей посмотрѣть на такое необычайное военное дѣло.

Первые дни съ прихода англичанъ мы еще интересовались ими, ожидая съ часу на часъ, что они начнутъ какія нибудь дѣйствія. Но они стояли неподвижно на якоряхъ и, кромѣ разсылки мелкихъ судовъ то въ погоню за рыбаками, то для промѣровъ залива, рѣшительно ничего не предпринимали. Мало-по-малу мы не только привыкли къ нимъ, какъ къ необходимому дополненію картины залива, но даже, по правдѣ сказать, они надоѣли намъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое!—сердился однажды Дурасовъ, когда я сидѣлъ съ нимъ на валу батареи.—Ушли бы ужъ лучше отсюда, или начали бы дѣло, а то ни рыба, ни мясо.

— Вѣроятно, имъ выгоднѣе блокировать насъ.

— Да чего тутъ блокировать? Флота у насъ все равно нѣтъ!

— Кое-какой есть же: не будь ихъ, мы бы торговали, а теперь морская торговля закрыта. На зиму даже безъ килекъ останемся.

— Вы, кажется, большой любитель килекъ и жалѣете о нихъ,—замѣтилъ смѣясь Дурасовъ.—Да и нашъ-то, графъ Бергъ, хорошъ!—прибавилъ онъ.

— А что?

— Чего онъ ждетъ, отчего запрещаетъ намъ начать дѣло?

— Какая же польза была бы отъ этого? Только городъ разгромили бы бомбами. Вотъ онъ — весь на виду! А мы, все равно, не прогнали бы ихъ. Слава Богу еще, что они не трогаютъ насъ.

— Ну, не говорите! Мы могли бы потопить два-три судна, такъ не поздоровилось бы имъ. Вы, кажется, сомнѣваетесь въ нашихъ силахъ?

— Да, онѣ не велики, въ смыслѣ качества.

— То-есть что же это значитъ?

— А то, Михаилъ Александровичъ, что орудія наши плохи, да и лафеты отъ старости такъ слабы, что того и гляди развалятся отъ собственныхъ боевыхъ выстрѣловъ. Посмотрите хоть бы на этотъ лафетъ, у единорога въ моемъ отдѣленіи, на что онъ годенъ? А вѣдь скверно будетъ, если во время боя онъ самъ собою развалится: на солдатъ это можетъ панику нагнать. Еслибъ англичане подозрѣвали это, то, вѣроятно, начали бы пальбу. На всѣ наши батареи я смотрю только, какъ на декораціи, которыя вводятъ непріятеля въ обманъ. Ну, и слава Богу, если такъ. Въ этомъ оптическомъ обманѣ пока вся сила наша...

— Пожалуй, что вы правы,—замѣтилъ Дурасовъ, нахмурясь.—Я самъ имѣлъ опасенія на счетъ нашихъ орудій, только остерегался говорить объ этомъ даже съ вами, чтобы не ослаблять энергіи. Хорошо еще, что Мурживцкій и Ссгрскій-Каше ничего не понимаютъ. Вы ужъ, пожалуйста, не говорите имъ объ этомъ.

— Будьте покойны.

Время тянулось невообразимо однообразно. Цѣлые дни приходилось присутствовать на батареѣ, занимаясь пріемами артиллерійской службы или инженерными работами. Эти работы, впрочемъ, были большимъ благомъ для меня, такъ какъ все-таки разнообразили занятія и поглощали праздное время. Я исправилъ два погреба на батареѣ, уничтожилъ въ нихъ сырость, прикрылъ ядрокалительныя печи отъ навѣсныхъ выстрѣловъ блиндажами; выстроилъ передъ ними траверсъ (земляной валъ) для защиты отъ прямыхъ выстрѣловъ; передѣлалъ блокгаузъ для жительства въ осеннее время и, наконецъ, выстроилъ большой запасный пороховой погребъ, по ту сторону шоссе. Всѣ эти работы занимали и развлекали меня, чему много завидовали Дурасовъ и Мурживцкій, которымъ, кромѣ утренняго ученья, рѣшительно нечего было дѣлать цѣлый день. Ссгрскій-Каше тоже завидовалъ мнѣ, но только совсѣмъ въ другомъ отношеніи, именно въ томъ, что я игралъ нѣкоторую роль, имѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ инженеръ, что я распоряжался командой болѣе 80 человѣкъ, приходившей ко мнѣ на работы. Недоброжелательство ко мнѣ Ссгрскаго въ особенности усилилось съ того дня, когда графъ Бергъ, объѣзжая съ многочисленной свитой позицію, остановился у нашей батареи и довольно

долго и подробно разспрашивалъ меня о всѣхъ работахъ, осмотрѣлъ ихъ и поблагодарилъ меня за хорошее исполненіе. Въ свитѣ его находился капитанъ генеральнаго штаба графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Турціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣ графа Берга онъ подъѣхалъ ко мнѣ и также сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ. Это переполнило чашу завистливости Ссгрскаго, и онъ послѣ того буквально возненавидѣлъ меня. Но мнѣ отъ его ненависти было ни тепло, ни холодно.

Въ концѣ августа пришлось вернуться въ Петербургъ, продолжать курсъ премудростей инженернаго дѣла. Глубоко тронуло меня прощаніе съ Дурасовымъ и съ почтеннымъ Муржицкимъ, которые хотя различно, но оба въ высшей степени доброжелательно относились ко мнѣ все время.

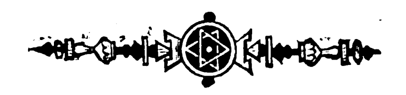
Черезъ три года послѣ того мнѣ привелось еще разъ встрѣтиться съ Муржицкимъ въ Новгородѣ. На вопросъ мой о Дурасовѣ онъ сказалъ, что вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Ревеля Дурасовъ сдѣлалъ себѣ теплую ванну и открылъ жилы на рукахъ. Его успѣли захватить во время, и докторъ строжайше запретилъ давать ему что нибудь кислое. Узнавъ объ этомъ, Дурасовъ ухитрился достать квасу и, напившись его въ изрядномъ количествѣ, умеръ.

Только теперь, узнавъ о такой его смерти, я понялъ всѣ тѣ странности въ его поведеніи, которыя всегда поражали меня. Вотъ почему онъ такъ жаждалъ боя: онъ хотѣлъ избавиться отъ самоубійства...

Бѣдный человѣкъ!

А. В. Эвальдъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ПИЛИГРИМОВЪ.

(Путевыя впечатлѣнія во время «Троицкаго похода»).

I.

Накануне.

Ъ СЕНТЯБРѢ 1892 года, въ Москву стекались со всѣхъ концовъ Россіи богомольцы и пилигримы, желавшіе принять участіе въ рѣдкомъ церковномъ торжествѣ — въ трехдневномъ крестномъ ходѣ изъ Большого московскаго Успенскаго собора въ Троицкую лавру ко дню 500-лѣтія кончины св. Сергія Радонежскаго. Торжество это заранѣе было объявлено «историческимъ событіемъ», и потому приготовленія къ нему были грандіозны. Всѣ слои московскаго общества были охвачены однимъ общимъ религіознымъ чувствомъ—какъ можно величественнѣе отпраздновать память святаго, глубоко-чтимаго всею православною Русью.

Офиціальная сторона праздника во всѣхъ подробностяхъ своевременно была описана въ газетахъ, и поэтому касаться ея нѣтъ никакой надобности, теперь же я подѣлюсь тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ особаго, такъ сказать, бытоваго характера, которое пришлось вынести изъ толпы и съ улицы въ одну недѣлю. При составленіи нижеслѣдующихъ замѣтокъ я руководствовался своею записной книжкой, въ которую вносилъ аккуратнѣйшимъ образомъ все видѣнное и слышанное, все, что встрѣчалъ случайно, и все, что

выискивалъ самъ. Пользуясь по нѣкоторымъ обстоятельствамъ свободнымъ доступомъ всюду и сосредоточивая свое вниманіе на внѣшней сторонѣ, конечно, мнѣ легче было приглядываться ко всему, что ускользало отъ взгляда всякаго обыкновеннаго наблюдателя. Да и до наблюденій ли было всѣмъ тѣмъ, кто сподвижнически въ продолженіе трехъ дней тянулся за процессіей, перенося многочисленныя лишенія...

Я пріѣхалъ въ Бѣлокаменную въ самый разгаръ приготовленій. Еще наканунѣ «похода» Москва приняла оживленный видъ. На улицахъ то и дѣло встрѣчались странники, озабоченно шагавшіе къ Кремлю. Досужіе люди охотно ихъ останавливали и подробно разспрашивали объ ихъ мытарствахъ. Впрочемъ, и сами странники, а въ особенности странницы, не прочь были повѣдать свои хожденія по монастырямъ и тѣмъ вызывать сочувствующія удивленія на лицахъ простодушныхъ слушателей. Трактиры средней руки, чайныя и харчевни положительно были переполнены этимъ пришлымъ людомъ, и повсюду царили душеспасительные разговоры. Нужно было видѣть, съ какимъ наслажденіемъ, съ какимъ замѣчательнымъ вниманіемъ прислушивались трактирные завсегдатаи къ розсказнямъ пилигримовъ, съ какимъ благоговѣніемъ переспрашивали ихъ о русскихъ святыняхъ! Въ этотъ день странники были героями дня. Ихъ всюду встрѣчали съ почтеніемъ, многіе трактирщики угощали ихъ даромъ и даже снабжали въ небольшомъ количествѣ деньгами «на свѣчки угодникамъ». Въ Москвѣ странники, конечно, не рѣдкіе гости, но никогда имъ не оказывали такого гостепріимства, какъ наканунѣ «Троицкаго похода», когда вся Москва была проникнута чувствомъ величайшей святости.

— Только у насъ, въ милой нашей Москвѣ, возможно такое искреннее единодушіе!—съ восторгомъ говорилъ мнѣ мѣстный старожилъ К. — Нигдѣ, положительно нигдѣ невозможно, чтобы всѣ интересы, общіе и частные, въ одинъ день разомъ сгинули, уступивъ мѣсто религіозному настроенію. Смотрите и удивляйтесь, какъ это настроеніе у насъ можетъ быть всеобъемлющимъ. Мы умѣемъ жить: у насъ дѣла — такъ дѣла, молитва — такъ молитва! Куда ни зайдите, на что ни взгляните—все дышитъ завтрашнимъ праздникомъ. Прислушайтесь къ общему говору — сегодня нигдѣ и ни о чемъ больше не говорятъ, какъ только о завтрашнемъ днѣ...

Нельзя было не согласиться съ старожиломъ. Дѣйствительно, Москва преобразилась и точно насквозь пропиталась елейнымъ запахомъ. Для человѣка, въ то время впервые посѣтившаго Москву, она могла показаться необыкновеннымъ городомъ, сосредоточившимся на молитвѣ и постѣ. Свѣжій человѣкъ никакъ не могъ бы подумать, что Москва такъ же заражена пороками, какъ и всякій большой городъ, что во всякое другое время ея мысли далеки отъ святости гораздо больше, чѣмъ можно себѣ представить.

II.

Егоровскій трактиръ.

Въ первый день своего пребыванія въ Москвѣ отправился я обѣдать въ знаменитый «Егоровскій» трактиръ, ютящійся въ Охотномъ ряду. Въ мясоѣдъ онъ славится блинами, а въ постъ — различными селянками. Путешественники охотно посѣщаютъ этотъ трактиръ, отличащійся простотою нравовъ и невзыскательностью относительно наряда. Тутъ всякій гость—желанный, и всѣ пользуются одинаковымъ почтеніемъ и радушіемъ. Поэтому въ «Егоровскомъ» общество всегда смѣшанное и, конечно, не лишенное интереса. Однако, не взирая на пестроту толпы, въ трактирѣ этомъ царитъ благочиніе и тишина, которымъ могутъ позавидовать петербургскіе рестораны, даже изъ лучшихъ. «Егоровскій» симпатиченъ всѣмъ своею патріархальностью и необычайною общностью посѣтителей. Иногда, въ извѣстные часы, сюда стекаются ближайшіе аборигены спеціально для суточнаго обмѣна мыслями и впечатлѣніями, а такъ же и для того, чтобъ потрактовать объ европейской политикѣ. Въ былое время «Егоровскій» трактиръ считался старообрядческимъ, потому что въ стѣнахъ его строго-настрого было воспрещено куреніе табаку. Впрочемъ, и теперь не во всѣхъ комнатахъ могутъ сидѣть курильщики, въ нѣкоторыхъ до сихъ поръ возбранено «дымленіе» въ угоду тѣхъ ветхозавѣтныхъ людей, придерживающихся «старой вѣры», которые по старой памяти посѣщаютъ этотъ съиздавна излюбленный купечествомъ трактиръ.

Было много народу, когда я вошелъ. Съ трудомъ пришлось пріютиться къ столику, за которымъ скромно сидѣлъ какой-то почтенный господинъ, занятый уничтоженіемъ неимовѣрно большой порціи селянки.

Среди господъ потребителей шелъ оживленный разговоръ, но безъ спора и крика. Это была мирная бесѣда близко знакомыхъ между собой людей, хотя многіе, какъ оказалось потомъ, видѣли другъ друга впервые.

Осмотрѣвшись кругомъ, я узналъ нѣсколькихъ петербургскихъ знакомыхъ, также принимавшихъ дѣятельное участіе въ общемъ разговорѣ. Одного изъ нихъ, ближе ко мнѣ сидѣвшаго, я спросилъ:

— На праздникъ, или по своимъ судейскимъ дѣламъ?

— Какія теперь дѣла! — отвѣтилъ онъ, энергично жестикулируя.—Я и петербургскія-то, назначенныя къ слушанію на этихъ дняхъ, передалъ товарищамъ. Я теперь не адвокатъ, а паломникъ...

— Что такъ?

— Больно ужъ заинтересовала программа пѣшаго путешествія. Обѣщаетъ быть нѣчто такое грандіозное, что нельзя не присутствовать.

— Пойдете за крестнымъ ходомъ?

— Ну, не знаю... не думаю... Мнѣ кажется, что съ внѣшней стороны наблюдать будетъ удобнѣе...

Для такихъ «внѣшнихъ наблюденій» съѣхалось въ Москву много интеллигентовъ. Кого, бывало, ни спросишь: «пойдете?»—всякій отвѣчалъ, гримасничая, точно намекая гримасой на свои физическіе недуги:

— Нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ... Хоть бы взглянуть-то...

Простой народъ разсуждалъ иначе:

— Безпремѣнно пойду... Этакій случай не у всякаго въ жизни бываетъ... До конца дней въ памяти останется такое событіе...

По этому поводу сосѣдъ мой, удѣлившій для меня мѣсто за своимъ небольшимъ столомъ, замѣтилъ съ ироніей:

— Вотъ образецъ культуры-съ! Интеллигентъ идетъ смотрѣть на церковною процессію, какъ на зрѣлище, а разночинецъ идетъ ему поклоняться, какъ религіозному культу... И оказывается, что меньшой братъ нашъ обладаетъ лучшими чувствами и лучшими пониманіями... Теперь спрашивается, въ комъ завтрашній день вызоветъ лучшія ощущенія и оставитъ по себѣ большее впечатлѣніе? Конечно, въ разночинцѣ... Интеллигентъ всѣ свои впечатлѣнія растеряетъ завтра же въ Маломъ театрѣ, у Корша, а вѣрнѣе у Омона...

Дѣйствительно на другой день вечеромъ я столкнулся съ адвокатомъ въ Маломъ театрѣ. Онъ былъ въ неописуемомъ восторгѣ отъ М. Н. Ермоловой и съ умиленіемъ твердилъ:

— Могу сказать: не даромъ сюда прокатился! Такого эстетическаго наслажденія, какъ сегодня, я уже давно не испытывалъ... Вотъ труппа—такъ труппа!

— А на крестномъ ходѣ присутствовали!—перебилъ я его, припомнивъ свой разговоръ съ незнакомцемъ въ трактирѣ.

— Да... у Крестовской заставы я его видѣлъ... И еще увижу—у Троицы... Я туда проѣду...

Съ незнакомцемъ я тоже встрѣтился, но уже въ лаврѣ, на торжественномъ обѣдѣ въ монастырской трапезной. Онъ сидѣлъ на одномъ изъ почетныхъ мѣстъ и пользовался особымъ вниманіемъ присутствующихъ...

III.

Новый типъ странниковъ.

Вскорѣ послѣ меня въ «Егоровскій» трактиръ вошли два странника, очень похожіе другъ на друга. Оба старые, сѣдые, бородатые и угрюмые. Одѣты они были въ нагольные потертые тулупы, въ выкосіе осташковскіе сапоги и городскіе картузы. Они держа-

лись солидно, не проявляя ни малѣйшаго ханжества, свойственнаго вообще всѣмъ странникамъ. Не успѣли они освободить себя отъ небольшихъ котомокъ, лѣпившихся на ихъ спинахъ, въ видѣ горба, какъ компанія купцовъ, сидѣвшая за тремя придвинутыми другъ къ другу столами, гостепріимно пригласила ихъ раздѣлить съ ними трапезу. Странники приняли предложеніе, общимъ поклономъ привѣтствовали всѣхъ присутствующихъ и присѣли къ купцамъ.

— Издалека ли?—поспѣшилъ спросить ихъ одинъ изъ компаніи.

— Съ Волги,—отвѣтилъ странникъ, который по внѣшнему виду казался старшимъ, и, должно быть, во избѣжаніе излишнихъ вопросовъ, поспѣшилъ предупредить:—но не пѣшкомъ, а черезъ Нижній по желѣзной дорогѣ.

— Не пѣшкомъ?—изумился кто-то.—Какъ же это? Или временемъ не разсчитали и торопились поспѣть?

— Нѣтъ, не то... Вѣдь мы не профессіональные паломники, а богомольцы-депутаты.

— Что же это обозначаетъ?

— Мы посланы обществомъ. Нашъ посадъ большой и богатый, жителей насчитываютъ тысячами. Народъ у насъ набожный, отличающійся степенной жизнью и порядкомъ въ благочестіи... Многіе сюда стремились, да трудно отлучиться отъ дому, дѣла и хозяйство. Поэтому порѣшили, кромѣ пожертвованія, отправленнаго прямо въ лавру святого угодника Божія, выбрать двоихъ изъ нашего посадскаго управленія и отправить ихъ богомольцами на крестный ходъ за весь посадъ. Выбранными оказались мы: я, посадскій голова, и вотъ онъ, церковный староста... По желанію отправившихъ насъ гражданъ, мы вырядились попроще, чтобъ быть наравнѣ со всей толпой и не пользоваться никакими преимуществами. Мы даже и денегъ своихъ тратить не смѣемъ, а должны расходовать то, что собрали земляки отъ своихъ щедротъ. У насъ въ котомкѣ не только рубли богатыхъ торговцевъ, но есть и гроши бѣдныхъ рабочихъ...

— Вотъ оно какъ!—воскликнулъ адвокатъ.—Это ново: смиреніе по общественному приговору!

— Нѣтъ, прежде всего по собственному желанію... Видите, я не говорю—убѣжденію, чтобъ вы снова не придрались, а именно по желанію, потому что насъ не неволили, баллотировались мы съ охотою и рады чести, оказанной намъ обществомъ...

Адвокатъ смолчалъ.

Этихъ импровизированныхъ пилигримовъ я потомъ замѣтилъ на дорогѣ. Подходя черезъ три дня къ Троице-Сергіевой лаврѣ, они несли одинъ изъ образовъ и изнемогали подъ его тяжестью. Головы ихъ были непокрыты, на лицахъ выступалъ крупными

каплями потъ... Они оказались на высотѣ своего случайнаго призванія! Земляки не ошиблись, выбравъ ихъ своими молельщиками. Мнѣ кажется, они свято выполнили долгъ, добровольно на себя возложенный...

IV.

Въ Кремлѣ.

Наканунѣ же крестнаго хода я зашелъ въ Кремль взглянуть на приготовленія къ предстоящему торжеству, но каково было мое удивленіе, когда я не замѣтилъ никакихъ признаковъ приготовленія. По обыкновенію, на Кремлевской площади царила тишина, доходящая до унынія; соборы, какъ всегда, казались мрачными и, какъ всегда, подавляли своею скученностью и массивностью. И если бы не многочисленность странниковъ, то и дѣло мелькавшихъ около ограды и чего-то или кого-то, очевидно, разыскивавшихъ, можно было бы усомниться, что менѣе чѣмъ черезъ полсутки предстоитъ на этомъ самомъ мѣстѣ выходъ того грандіознаго крестнаго хода, на который смотрѣла вся православная Россія, какъ на историческое событіе. Только странники и поддерживали кое-какое оживленіе, хоть чуть-чуть скрашивавшее будничную обстановку.

У Архангельскаго собора, на ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ помѣщеніе церковной прислуги, сидѣлъ съ большой связкой тяжеловѣсныхъ ключей сторожъ, въ затрапезномъ кафтанѣ, и что-то объяснялъ странникамъ, почтительно стоявшимъ передъ нимъ.

Я приблизился къ этой группѣ и прислушался къ разговору.

— Что вы за несуразные такіе!—говорилъ не безъ раздраженія сторожъ.—Почемъ кто можетъ знать, что завтра будетъ? Можетъ, мы всѣ поумремъ... Это все отъ Бога! На все Его воля...

— Оно точно, но все-жъ таки, милый человѣкъ, можетъ, имѣется какой ни-на-есть приказъ?

— И приказа нѣтъ... Извѣстно одно: завтра и все!

Странники сокрушенно пожимали плечами и заискивающе посматривали въ глаза сторожа.

— Такъ какъ же?—говорили они нерѣшительно, какъ бы недоумѣвая.—Неужели не сподобимся?.. Нѣтъ ли, милый человѣкъ, записи?

«Милый человѣкъ» пренебрежительно махнулъ рукой.

— Ну васъ!

— Ахъ, ты, Господи!—шептали странники, переступая съ ноги на ногу.—Какъ же это записи нѣтъ? Должна быть...

— Мало-ль чего вы захотите!.. Приходите пораньше — вотъ и все!

— Сумнительно!

— Да, впрочемъ, не безпокойтесь: на всѣхъ хватитъ святынь... Вѣдь у насъ ихъ завтра безъ счета будетъ.

— Опередятъ вѣдь, милый! Мнѣ бы безпремѣнно хотѣлось подъ образомъ идти, потому что сиръ я и немощенъ.

— А ежели безпремѣнно хочется, то, значитъ, и будешь идти подъ образомъ. Знаешь писаніе: ищи и обрящешь? Это завсегда такъ... На проломъ иди, а ужъ своего достигай. Коли оченно желаешь благодати—не жалѣй локтей, понапри на толпу, а ужъ безпремѣнно къ цѣли иди смѣло. Хоть подъ кулаками, а иди... Такъ-таки иди и иди...

Къ сторожу подошелъ человѣкъ купеческой складки. Сторожъ передъ нимъ выпрямился и, почтительно произнеся его имя-отчество, низко поклонился.

— Чего это они?—освѣдомился купецъ.—Поучаешь ихъ, что ли?

— Немножко... Глупый народъ!

— На счетъ чего же глупый?

— Желанья высказываютъ всякія, а я ихъ вразумляю. Примѣрно, желаютъ послушаніе на себя воспріять и просятъ дать имъ чего нибудь нести—образъ, хоругви и пр., а я говорю, что зараньше опредѣлить на эту обязанность никого нельзя. Кому придется, тотъ, значитъ, того и заслуживаетъ.

— Конечно, такъ!

— Записей требуютъ, а нешто намъ есть время такими дѣлами заниматься?!

— Мало-ль чего требуютъ! Туряй ихъ! Въ такихъ мѣстахъ ничего нельзя требовать—что дается, тѣмъ и довольствуйся!

— Слышите? — обратился сторожъ къ толпѣ. — Слышите, что благотворитель сказываетъ? Вникайте, потому что онъ до ужасти строгъ! Онъ у насъ тутъ распорядками завѣдуетъ и лучше даже меня знаетъ законы...

Странники уныло разбрелись по сторонамъ. Купецъ поднялся по лѣстницѣ, за нимъ отправился сторожъ, повидимому, весьма довольный своею ролью «власти» и своимъ краснорѣчіемъ... Стремившіеся въ Кремль странники такъ-таки и не находили сочувствія своимъ намѣреніямъ «потрудиться во имя праздника». Всѣ они жаловались на отсутствіе какого либо начальства, отъ котораго, казалось, и самый отказъ было бы легче переносить, можетъ быть, просто потому, что онъ выражался бы въ иной формѣ, въ успокоивающей, можетъ быть, или резонной.

Изъ Кремля я отправился къ протоіерею Н. А. Розанову, сакелларію Успенскаго собора, проживающему въ церковномъ домѣ одного изъ приходскихъ храмовъ, недалеко отъ Кремля. Мнѣ нужно было заручиться свободнымъ доступомъ на молебенъ, назначенный въ соборѣ на другой день, въ 8 час. утра, послѣ кото-

раго долженъ былъ тронуться крестный ходъ. Протоіерей, выслушавъ мою просьбу, рѣшительно сказалъ:

— Билетовъ, кажется, нѣтъ... По крайней мѣрѣ, я о нихъ ничего не слыхалъ... А въ соборъ можетъ проникнуть каждый, кого не задержитъ полиція...

— При такихъ условіяхъ, пожалуй, едва ли придется присутствовать при выходѣ крестнаго хода, между тѣмъ мнѣ это необходимо.

— Пройдете! Легко пройдете!—увѣренно сказалъ онъ.—Не робѣйте только. Идите прямо и преодолѣвайте препятствія спокойно... А то меня можете спросить и черезъ меня попасть. Да, да! Зайдите съ боковыхъ, сѣверныхъ дверей, и прямо на клиросъ...

Нечего было дѣлать, пришлось воспользоваться совѣтомъ о. Розанова, такъ какъ другого исхода было трудно искать, во-первыхъ, за недостаткомъ времени, а, во-вторыхъ, потому, что не вѣрилось въ благопріятность результата искательства.

Поздно вечеромъ я снова посѣтилъ Кремль. Было изрядно холодно, и чувствовалась осенняя пронизывающая сырость (20-е сентября). На площади, около Чудова монастыря, и у соборной ограды расположились на ночлегъ пилигримы. Нельзя сказать, чтобъ они представляли живописную группу. Наоборотъ, они вызывали чувство жалости. Нельзя было равнодушно смотрѣть на этихъ усталыхъ, измученныхъ, неприхотливыхъ людей, удовольствовавшихся булыжной мостовой. Тяжелый отдыхъ подъ пасмурнымъ небомъ, на холодномъ камнѣ!.. Котомки, наполненныя запасной парой бѣлья да черствыми корками хлѣба, замѣняли имъ подушки... Мужчины и женщины сначала располагались особыми группами, но потомъ, когда къ ночи наплывъ странниковъ сталъ увеличиваться въ безчисленномъ множествѣ, ночлежники умѣщались гдѣ попало, не разбираясь въ сосѣдствѣ. Однако, нѣкоторымъ не спалось. Холодъ давалъ себя знать! У кого одежда была поплоше, тотъ чаще вспрыгивалъ съ своего незавиднаго ложа и топтался на мѣстѣ, разогрѣвая себя движеніями. Женщины, какъ я замѣтилъ, были терпѣливѣе. Онѣ хотя также часто привставали, оправляли себя, перевязывали по нѣсколько разъ безъ нужды на головѣ платокъ, но не прибѣгали къ обычнымъ мѣрамъ борьбы съ холодомъ. Точно холодъ касался ихъ менѣе!

Не я одинъ созерцалъ эту толпу богомольцевъ, самоотверженно ютившуюся около соборовъ ради того, чтобъ быть ближе къ завтрашнему торжеству и принять въ немъ активное участіе,—являлось много и другихъ любопытныхъ. Этихъ случайныхъ ночлежниковъ разсматривали съ умиленіемъ и чуть ли не съ завистью. Какой-то важнаго вида купецъ восторженно воскликнулъ:

— Вотъ какъ надо жить, чтобъ быть угоднымъ Господу!

— Н-да-съ!—соглашался съ нимъ какой-то субъектъ въ фуражкѣ съ кокардой.—И представьте: такое житье предоставляется каждому!

Для того, чтобъ сдѣлаться милліонеромъ, одного желанія недостаточно, а превратиться въ одного изъ такихъ можетъ въ каждую минуту всякій, не исключая и милліонера.

— Каждый можетъ, это вѣрно, а милліонеру—нельзя. Это ты врешь!

— Почему же? Съ милліонами трудно разстаться?

— Изъ-за грѣха нельзя... Вдругъ лукавый попутаетъ, и каяться начнешь насчетъ капиталовъ. Зачѣмъ, молъ, смиреніе разореніемъ пріобрѣталъ, когда оно и при деньгахъ было возможно? Конечно, трудно смиреніе дается денежному человѣку, а все-таки оно можетъ быть.

Кто-то «изъ публики» заговорилъ со мной:

— Въ этакую погоду на голой землѣ—ужасъ одинъ! Могу себѣ представить, какая тьма холерныхъ заболѣваній будетъ! Удивляюсь, какъ допускаютъ этотъ опасный ночлегъ!

— За что-жъ обижать этихъ вѣрующихъ людей!? Они издалека стекались къ празднику и хотятъ принять ближайшее въ немъ участіе. Они трепещутъ, что толпа зрителей отдалитъ ихъ отъ того, къ чему они стремились, что составляетъ цѣль ихъ жизни...

— Свирѣпствующая холера не разбираетъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, ни святыхъ, ни грѣшныхъ. Я говорю относительно того только, что надо избѣгать скопленія народа, да въ особенности изнуреннаго, полуголоднаго... Не послужило бы это разсадникомъ?..

Однако, опасенія незнакомца не оправдались. Ни въ Москвѣ, ни въ дорогѣ, ни въ Сергіевомъ посадѣ не было ни одного случая заболѣванія эпидемическою болѣзнью, въ то время усиленно ходившею по Московской губерніи.

V.

Первый день похода.

Наканунѣ хмурившееся небо немного просвѣтлѣло. Часовъ съ пяти утра вся Москва оживилась. Къ Кремлю потянулись по всѣмъ направленіямъ нескончаемой вереницей богомольцы. Задолго до напутственнаго молебна всѣ кремлевскіе площади и проѣзды были переполнены народомъ, тѣсно стоявшимъ сплошною массою.

Съ помощью полицеймейстера, дежурившаго у собора, я легко проникъ въ храмъ, и именно съ сѣверной стороны, и на клиросъ, согласно разрѣшенію о. сакелларія. Очень немногіе были допущены на молебенъ, между тѣмъ въ соборѣ царила тѣснота, вслѣдствіе того, что чуть ли не все пространство было занято сотнею хоругвей, образовъ, крестовъ и пр., входившихъ въ составъ крестнаго хода.

Въ восемь часовъ утра при торжественномъ колокольномъ звонѣ «сорока сороковъ» московскихъ церквей процессія вышла изъ собора, сопровождаемая многотысячной толпой народа. Пройдя Кре-

стовскую заставу, шествіе приняло грандіозный видъ. Въ предѣлахъ города, среди громадныхъ зданій и косыхъ закоулковъ, оно не было такъ величественно, какъ въ открытомъ мѣстѣ, на извилистой дорогѣ, пролегающей по буграмъ и холмамъ. Процессія тянулась нескончаемой лентой на протяженіи двухъ-трехъ верстъ. Очень много богомольцевъ присоединилось къ крестному ходу у заставы, совершенно резонно разсудивъ, что тѣсныя улицы Москвы не вмѣстили бы ихъ всѣхъ, и черезъ это произошла бы невообразимая давка. Толпа, слѣдовавшая за процессіей отъ Кремля, и безъ того была велика и обширна.

Въ полдень, когда Крестовская застава осталась позади, неожиданно выглянуло солнце. Все кругомъ оживилось, просвѣтлѣло. Хоругви, образа и ризы духовенства лучезарно блеснули, всѣ разомъ почувствовали притокъ силъ и энергіи. Шаги путешественниковъ точно невольно ускорились, и послышалось пѣніе. Образовалось нѣсколько хоровъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что пѣніе ихъ было весьма стройно, точно эти случайные пѣвцы предварительно спѣвались подъ управленіемъ хорошаго регента. Далеко было слышно это пѣніе, къ которому прислушивались попутныя села и деревни. Въ дорогѣ толпа увеличивалась значительно, со всѣхъ сторонъ примыкали крестьяне, фабричные и помѣщики. За пѣшими путешественниками тянулась линія всяческихъ экипажей, начиная отъ простой телѣги и фургона ломоваго извозчика и кончая дореформеннымъ дормезомъ и изящною каретою съ англійской упряжью.

Строгаго подраздѣленія толпы на группы не было. Рядомъ съ обдерганнымъ мужиченкой шелъ нарядный господинъ съ дамой; около странниковъ шли студенты, гимназисты, ханжеобразнаго вида барыни; вмѣстѣ съ пріютскими дѣвочками, предводительствуемыми какой-то высохшей женщиной въ синихъ очкахъ, должно быть, воспитательницей, шли мастеровые съ узелочками, въ которыхъ хранился провіантъ; около юныхъ барышень тяжело шагали бабы, обремененныя грудными младенцами; офицеры шли бокъ-о-бокъ со старицами и неопрятнаго вида мѣщанами; десятки ребятишекъ, являющихся неизбѣжнымъ элементомъ всяческихъ происшествій, шныряли около хромыхъ и слѣпыхъ.

Линейки, кареты, коляски, рыдваны мѣшались съ возами, наполненными провизіей, съ лазаретными фургонами, предусмотрительно прихваченными на случай внезапныхъ заболѣваній, и съ ломовиками, перевозившими столы, скамейки, табуреты, грандіозные самовары и котлы. Было нѣсколько фуръ съ сундуками и чемоданами, а также не мало телѣгъ съ немощными богомольцами и малыми дѣтьми.

Почтенный старецъ, наблюдавшій за толпой и обозомъ съ высоты Алексѣевскаго холма, удачно сравнилъ это шествіе съ бѣгствомъ москвичей изъ Москвы въ 1812 году.

— Вспоминая разсказы отца,—говорилъ онъ,—мнѣ живо представляется уходъ и отъѣздъ Москвы за Калужскую заставу. Въ особенности же обозъ этотъ производитъ сильное впечатлѣніе...

Отойдя три версты отъ Москвы, крестный ходъ достигъ села Алексѣевскаго. Впрочемъ, не самый крестный ходъ, а только начало его, такъ какъ конецъ едва выходилъ изъ предѣловъ города. Неподалеку отъ села богомольцамъ представилась чудная картина: на горѣ показался встрѣчный крестный ходъ, вышедшій изъ мѣстной церкви для встрѣчи торжественной процессіи. Солнце продолжало блистать на позлащенныхъ ризахъ церковнослужителей, отъ поднявшагося небольшого вѣтра заколыхались хоругви, и пѣніе богомольцевъ стало звучнѣе раздаваться въ воздухѣ. Общую картину эффектно дополнялъ фонъ пожелтѣвшихъ полей. Встрѣча крестныхъ ходовъ на горѣ—одинъ изъ живописнѣйшихъ моментовъ похода, и не даромъ нѣсколько фотографовъ разомъ воспроизвели на своихъ пластинкахъ это красивое и рѣдкое зрѣлище...

VI.

Село Большія Мытищи.

Все время увеличивавшаяся по дорогѣ процессія въ концѣ-концовъ вытянулась на шесть верстъ.

Въ шестомъ часу дня крестный ходъ достигъ пункта своей остановки—большого, богатаго села Большія Мытищи, живописно расположеннаго на гористой возвышенности, въ восемнадцати-верстномъ разстояніи отъ Москвы. Громадная толпа жителей села высыпала на встрѣчу. Впереди шло мѣстное духовенство, долженствовавшее принять въ свою миніатюрную церковь на храненіе иконы, хоругви и пр. Опять глазамъ богомольцевъ представилась очаровательная картина встрѣчи крестныхъ ходовъ. Посреди главной улицы, ведущей къ храму Владимірской Божіей Матери, московскимъ духовенствомъ отслужено было молебствіе.

Богомольцы и пилигримы долгое время подходили къ селу. Уже совсѣмъ смерклось, когда послѣдніе изъ нихъ и экипажи достигли мѣста отдохновенія. Къ этому времени прибыло много любопытныхъ изъ Москвы, по Ярославской желѣзной дорогѣ, пролегающей черезъ Мытищи. Любопытные прибыли въ качествѣ скромныхъ наблюдателей...

Толпа предвкушала отдыхъ, но не завиденъ онъ былъ. Начать съ того, что для сто-тысячной, а, можетъ быть, и гораздо большей массы Мытищи не могли приготовить мало-мальски сноснаго ночлега. Избы, сараи и другія прикрытыя и нѣсколько защищенныя отъ холода мѣста не многихъ могли пріютить, да, впрочемъ,

и такихъ только, которые располагали деньгами. Мѣстные аборигены совсѣмъ не церемонились съ богомольцами, эксплоатируя ихъ карманъ крайне беззастѣнчиво. Они требовали за уголъ въ избѣ по рублю и по два, смотря по состоянію заявлявшаго желаніе на спокойный отдыхъ, такъ что интеллигентный видъ въ данномъ случаѣ былъ весьма невыгоденъ. Съ лицъ, одѣтыхъ попроще, мытищенскіе крестьяне запрашивали за мѣстечко въ сараѣ, съ подстилкою охапки соломы—75 коп., а безъ соломы—полтинникъ. Отъ такихъ варварскихъ цѣнъ не имущій людъ приходилъ въ смущеніе, и большинство располагалось ночевать на голой, холодной землѣ, въ полѣ, окружающемъ со всѣхъ сторонъ село, или прямо на краяхъ грязной улицы. Богатые мытищенскіе мужички не принимали никакихъ резоновъ и сердито отгоняли отъ своихъ владѣній тѣхъ, которые высказывали поползновеніе торговаться:

— Иди, иди!.. проходи... Ты не на базарѣ... Коли тебѣ дорого дать полтину теперь,—попозже цѣлковый давать станешь, да ужъ не возьму... Мѣстъ-то не ахти какъ много, а на голой-то землѣ какъ разъ скрючитъ...

— Ай, православный мужичекъ, какой же ты жила!

— Былъ бы на твоей улицѣ праздникъ, посмотрѣлъ бы я, какъ ты не пожилилъ?!

«Праздничный» мужичекъ ликовалъ, собирая рубли и полтинники. Ему прямо въ глаза говорятъ:

— Грабитель ты!

А онъ ухмыляется въ бороду и, увѣщевая несообразительнаго ругателя, отвѣчаетъ:

— Пятьсотъ лѣтъ этого дня ждали!

Аргументъ настолько убѣдительный, что никто не находился на него отвѣтомъ. Дѣйствительно, хоть мытищенскій мужичекъ и зажиточенъ, а зачѣмъ ему случай упускать?

Тотчасъ же по прибытіи процессіи въ Мытищи были затоплены печи, устроенныя на берегу Яузы спеціально для этого дня, и въ двухъ громаднѣйшихъ бакахъ закипѣла ключемъ вода. Около баковъ наставлено было множество на скорую руку сколоченныхъ столовъ и скамеекъ. Цѣлая артель расторопныхъ прислужниковъ быстро распоряжалась заваркою чая, и десятки тысячъ бѣдняковъ-пилигримовъ съ жадностью набросились утолять свою жажду. Эффектную картину представлялъ этотъ уголокъ, пріютившій на своемъ просторѣ, подъ сѣнью съ одной стороны столѣтнихъ деревъ, импровизированную чайную. При яркомъ освѣщеніи керосиновыхъ пульзометровъ, до полночи пылавшихъ по всему селу, фигуры странниковъ и ихъ въ большинствѣ серьезныя, сосредоточенныя лица вырисовывались рельефно и сильнѣе запечатлѣвались въ памяти. Народная масса днемъ не имѣла того красиваго, картиннаго вида, какой представляла изъ себя ночью, когда фонъ и тѣни накла-

дывали на нее свои густыя краски. Что-то полу-призрачное, что-то полу-сказочное, съ примѣсью бойкой фантазіи... Съ пригорка, на которомъ возвышается знаменитая «водокачка», снабжающая Москву годною для питья водою, виднѣлось село во всей своей праздничной красѣ. Налѣво — столы, окруженные трапезующими богомольцами, направо — рядъ чистенькихъ домиковъ, во всѣхъ окнахъ которыхъ свѣтится огонекъ, прямо — широкая улица, сплошь уставленная телѣгами походныхъ маркитантовъ, снабжающихъ голодную, безпріютную толпу всяческими немудреными яствами, начиная отъ скромнаго куска хлѣба и кончая сизо-багровой колбасой, представлявшей до нѣкоторой степени роскошь. Телѣги стояли безъ лошадей, которыя заботливыми торговцами на ночь ставились въ конюшни на покой. На поднятыхъ вверхъ оглобляхъ мерцали фонари, скудно освѣщавшіе, должно быть, не безъ умысла, немудреный провіантъ. Около возовъ толпился народъ. Этотъ ночной базаръ никогда не изгладится изъ памяти, такъ ярокъ, оригиналенъ и свѣжъ онъ по сюжету. Въ концѣ улицы блеститъ залитая массою огня сельская церковь. Мѣстный причтъ служитъ всенощную. Маленькій по размѣру храмъ не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ молиться, поэтому паперть, окружающая лужайка и край улицы переполненъ вѣрующими, стоящими съ непокрытой головой. А между тѣмъ къ вечеру похолодѣло значительно... Въ общемъ картина очаровательная, грандіозная, сама напрашивающаяся подъ кисть талантливаго жанриста. Въ разныхъ пунктахъ встрѣчаются художники, наскоро набрасывающіе въ альбомъ особенно характерныя сцены, типичныя личности, оригинальныя положенія...

Чайная кишитъ народомъ до полночи. Богомольцы мало-по-малу насыщаются. На сытый желудокъ охотнѣе завязываются разговоры. Слышатся благодарности по адресу заправилъ Мытищенской волости: «вотъ, молъ, какъ встрѣтили гостепріимно богомольцевъ!». На самомъ же дѣлѣ это случайно сдѣлавшееся даровымъ угощеніе устроено уѣздной земской управой, безъ всякаго пособничества со стороны мытищенскихъ обывателей. При устройствѣ баковъ было рѣшено взимать съ каждаго по двѣ копейки за три кружки чая и одну булку, но наплывъ многочисленной толпы, уставшей, голодной и жаждущей, повергъ распорядителей въ такое безъисходное положеніе, что имъ, не смогшимъ удовлетворить билетами всѣхъ желавшихъ поскорѣе воспользоваться дешевизною чайной, болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ махнуть рукой на свои кассы и предоставить весь запасъ чая и хлѣба въ безплатное пользованіе.

На счетъ земской управы питались бѣдняки. Имѣвшіе же кое-какія средства разбрелись по трактирамъ, которыми черезчуръ, кажется, изобилуютъ Мытищи. Разумѣется, побывалъ я и въ нихъ. Всѣ они были переполнены. Нѣтъ, этого выраженія недостаточно:

всѣ они были набиты народомъ. По трактирнымъ комнатамъ не только нельзя было проходить, но даже сами потребители почти не могли шевельнуться. Слуги съ большими усиліями выполняли требованія нѣкоторой части посѣтителей, а большинство оставалось совершенно неудовлетвореннымъ. Впрочемъ, не особенно претендовали на это, такъ какъ для многихъ нуженъ былъ трактиръ, торговавшій, къ слову сказать, всю ночь, мѣстомъ мало-мальскаго отдыха, прикрытымъ и защищеннымъ отъ холода, а не мѣстомъ, гдѣ можно утолить голодъ и жажду. На это въ концѣ-концовъ богомольцы не стали обращать вниманія. Они закусывали на возахъ и тамъ же запивали холоднымъ квасомъ свой ужинъ, теплый уголъ былъ важнѣе. Нужды нѣтъ, что подъ низкими потолками трактира висѣлъ густой паръ, царилъ смрадъ и бередилъ барабанныя перепонки уха непріятный гулъ слившихся воедино голосовъ господъ потребителей, а невзыскательный человѣкъ успѣвалъ кое-какъ «прикурнуть» и хоть немного набраться силъ для дальнѣйшаго путешествія.

Мытищенскіе мужички умѣютъ пользоваться обстоятельствами. Они не зѣваютъ: на одну эту ночь цѣны на предметы потребленія были приподняты. Кромѣ того, находились такіе, которые взимали контрибуцію даже съ торговцевъ, располагавшихся на улицѣ противъ ихъ избъ...

VII.

Второй привалъ.

Отъ Мытищъ до села Братовщины, гдѣ назначенъ былъ второй ночлегъ, переходъ былъ тяжелый, всѣхъ измучившій. Поднялась непогода: появился встрѣчный вѣтеръ, холодный, пронизывающій, и заморосилъ дождь. И безъ того-то дорога скверная, а тутъ еще образовалась слякоть. Однако, народъ стоически боролся съ стихіей, и очень немногіе рѣшились прикрыть голову... Шествіе замедлилось. Хоругвеносцы изнемогали подъ тяжестью хоругвей. Но ропота не было слышно; богомольцы, вѣрные своимъ убѣжденіямъ, превозмогали затрудненія и съ большимъ усердіемъ пѣли молитвы.

Толпа продолжала увеличиваться. Невооруженнымъ глазомъ ее уже трудно было окинуть. Даже подъ дождемъ, даже подъ мрачными низко нависшими тучами, она не теряла ни на минуту своего красиваго, величественнаго вида. Восхищенный взоръ по цѣлымъ часамъ не могъ оторваться отъ этого невиданнаго зрѣлища. Художники наскоро набрасывали въ свои дорожные альбомы эти грандіозныя картины, а фотографы поспѣшно воспринимали на пластинки особенно эффектныя положенія шествія, но, разумѣется,

никто изъ нихъ не смогъ уловить всей прелести и жизни, которой проникнута была эта великая процессія. Никакіе снимки, никакія картины, которые мнѣ пришлось впослѣдствіи видѣть, не соотвѣтствовали тѣмъ громаднымъ впечатлѣніямъ, которыя я вынесъ отъ личнаго участія въ крестномъ ходѣ...

Въ попутномъ селѣ Пушкинѣ устроилась продолжительная остановка. Духовенство, хоругвеносцы и богомольцы нашли радушный пріемъ, которымъ, однако, могли воспользоваться далеко не всѣ, потому что тянувшіеся въ концѣ процессіи достигли села только въ то время, когда отдохнувшая часть толпы, первою вступившая въ Пушкино, отправилась въ дальнѣйшій путь. Особенно гостепріимнымъ оказался мѣстный фабрикантъ г. Армандъ, по иниціативѣ котораго народъ угощался даровымъ чаемъ и хлѣбомъ. Даже въ трактирахъ ничего не брали съ богомольцевъ... Вообще это село умѣло встрѣтить крестный ходъ, какъ ни одно изъ попутныхъ населеній. Не говоря уже о томъ, что всѣ зданія, дома и дачи были богато убраны, посреди села красовалась роскошная часовня-шатеръ, устроенная спеціально для пріема въ этотъ памятный день московскихъ святынь. Отдѣланная живою зеленью и цвѣтами, одна она на мрачномъ фонѣ сумрачнаго полдня успокоивала усталый взоръ измученнаго путника. Впрочемъ, не менѣе приглядно было и то, что все село и даже окрестности его, по крайней мѣрѣ, на версту, если не больше, были покрыты толстымъ слоемъ песку и густо усыпаны можжевельникомъ...

Въ четвертомъ часу дня процессія достигла мѣста второго ночлега — села Братовщины, стоящаго какъ разъ на полпути отъ Москвы до Сергіевскаго посада. Тутъ повторилось все то, что было въ Мытищахъ, на мѣстѣ первой ночевки. Тѣ же «праздничные» мужички, пятьсотъ лѣтъ ожидавшіе случая сорвать какъ можно больше съ богомольца за уголъ въ избѣ или въ сараѣ, тотъ же импровизированный базаръ съѣдобныхъ припасовъ, начавшихъ принимать видъ залежи, та же толчея въ трактирахъ, гдѣ чай добывался съ бою, та же безпріютность для бѣдняковъ и, наконецъ, тѣ же народныя чайныя, однако на вторую ночь опамятовавшіяся и начавшія взимать по двѣ копейки за чай и по три—за хлѣбъ. Очевидно было, что распорядители вознамѣрились наверстать тотъ расходъ, который образовался наканунѣ отъ дароваго угощенія. Протестовать было запрещено, и такимъ образомъ все обстояло благополучно.

Дороговизна ночлега принудила весьма многихъ отдалиться отъ села въ окрестныя деревни, гдѣ возможенъ былъ болѣе дешевый пріютъ, хотя и тамъ учуявшіе наживу крестьяне запрашивали съ ночлежниковъ безцеремонно. Большинство же, какъ и въ Мытищахъ, располагалось на сырой землѣ, на вѣтру, подъ накрапывавшимъ изрѣдка дождемъ, отъ котораго наиболѣе сообразительные прятались подъ фургоны и подъ телѣги...

До полуночи тлѣлись костры, около которыхъ грѣлись и сушились назябшіе богомольцы. Особенно много костровъ было на берегу рѣки Скаубы, протекающей по Братовщинѣ. Странники почему-то облюбовали покатистое пространство и охотно на немъ размѣщались тѣсными группами. Съ противоположнаго берега открывался чудный видъ на эти костры и на окружавшій ихъ народъ, томившійся отъ погоды, точно нарочно портившей настроеніе, чтобы испытать прочность вѣры и устойчивость убѣжденій паломничествующей массы.

Село Братовщина, какъ и всѣ подмосковныя села, имѣетъ свое историческое прошлое. Касаться этого прошлаго, хотя и весьма любопытнаго, мы не станемъ, потому что программа настоящей статьи этого не допускаетъ, однако объ одномъ изъ преданій относительно несуществующаго теперь братовщинскаго дворца упомянемъ, и то потому только, что онъ имѣетъ загадочный характеръ, до сихъ поръ наводящій страхъ на мѣстныхъ аборигеновъ. Преданіе гласитъ, что въ старомъ запущенномъ дворцѣ, въ которомъ когда-то останавливались коронованные богомольцы, ѣздившіе черезъ Братовщину въ Сергіево на поклоненіе угоднику Божію, пошаливали духи, устроивавшіе чуть ли не еженощно адское пиршество, на смерть перепугивавшее все населеніе. По этому поводу я разговорился съ однимъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, который, открещиваясь отъ непріятныхъ воспоминаній, подтвердилъ:

— Дѣйствительно, пока дворцовыхъ развалинъ не уничтожили, Братовщина жила въ безпокойствѣ. Дѣды разсказывали, что ни одной лунной ночи не проходило безъ того, чтобы въ дворцовомъ саду не сбиралось множество нечистой силы, оборачивавшейся въ человѣческій обликъ. И зимой, и лѣтомъ оборотни устроивали разныя игрища, водили хороводы, но какъ-то очень скучно, похоронно. Они не производили шуму, не пѣли пѣсенъ, появлялись и скрывались совершенно тихо. Въ темныя ночи нечистые пребывали въ комнатахъ, и тогда весь дворецъ кругомъ освѣщался. Находились храбрые, которые подкрадывались къ окнамъ и чрезъ растрескавшія ставни наблюдали за ночными посѣтителями, которые и въ комнатахъ продѣлывали то же, что и въ саду...

— Эти духи никому изъ обывателей вреда не приносили?

— Нѣтъ, кажется... Объ этомъ не слыхивалъ... Впрочемъ, разсказывали, но, насколько это вѣрно, не знаю, что будто бы какой-то помѣщикъ, узнавъ о заколдованномъ дворцѣ, хотѣлъ выказать удаль и отважился поводить хороводы съ оборотнями. Пріѣхалъ онъ въ село нетрезвымъ, трусливо заглядывавшихъ въ дворцовый садъ мужиковъ назвалъ дураками и рѣшительно направился къ «нечистямъ», но только не успѣлъ онъ достигнуть до нихъ, какъ видѣніе разомъ исчезло, онъ глухо вскрикнулъ и не возвратился назадъ. За нимъ пойти побоялись въ тотъ же часъ, а

дождавшись утра, нашли его въ саду, распростертаго въ безпамятствѣ. Увѣряютъ, что еле-еле его привели въ себя. Стали разспрашивать его, а онъ ровно ничего не помнилъ — всю память отшибло.

— Сторожей ставить на ночь не пробовали?

— Какъ не пробовать — пробовали, но только они никакъ не могли ничего укараулить, потому что передъ выходомъ своимъ на прогулку нечистые ихъ невидимыми руками изъ дворца и изъ сада выталкивали. Многіе пробовали на дежурство ходить, но какъ только ночь наступитъ, никто не могъ на посту удержаться... Долго съ этимъ колдовствомъ мучились, но наконецъ стало не въ моготу и срыли всѣ постройки, чтобъ и помину о нихъ не было...

— И съ тѣхъ поръ видѣнія исчезли?

— Исчезли... Потомъ причина объяснилась: говорятъ, какіе-то трупы подъ землей нашлись... Должно быть, безвинныхъ какихъ нибудь...

VIII.

Къ послѣднему привалу.

Выйдя изъ Братовщины, процессія вступила въ лѣсъ.

Проѣзжая дорога раскинулась на большое пространство. Громадныя деревья отнимали свѣтъ и застилали выглянувшее изъ-за мрачныхъ тучъ солнце. Для художника открылась новая картина, съ эффектной перспективой...

Не любятъ этого лѣса странники. До сего времени называютъ его «разбойничьимъ притономъ». Они увѣряютъ, что для одинокихъ путниковъ онъ опасенъ, даже быстроногіе кони будто бы не спасаютъ отъ нападенія злыхъ людей. Въ былое же время дѣйствительно этотъ клокъ дороги, ведущій въ обитель преподобнаго Сергія, пользовался худою славою...

Въ селѣ Талицы крестный ходъ былъ встрѣченъ большою группою пилигримовъ, которые еще наканунѣ отдѣлились отъ процессіи для ночлега въ пещерахъ Стефана Махрищскаго. Это были тѣ пилигримы, которые имѣли «особый отпечатокъ богомольцевъ», отрѣшившихся отъ міра и посвятившихъ свои силы молитвѣ и посту.

— Почти монахи!—объяснялъ мнѣ одинъ изъ странниковъ, съ благоговѣніемъ, а, можетъ быть, и прямо съ завистью взиравшій на эту группу пилигримовъ.—Во истину святой жизни придерживаются, всѣмъ поступаются для того, чтобъ отдалиться отъ мірской суеты и грѣха... Все они знаютъ, все видѣли и потому почетомъ пользуются среди вѣрующихъ. Ихъ даже въ чистыхъ комнатахъ благочестивые принимаютъ и всякія вспомоществованія оказываютъ... Да, это не нашъ братъ!

— А чѣмъ же разнится «вашъ братъ»?

— Не такія лишенія претерпѣваемъ, да и молимся-то только про себя, а они вонъ поютъ по-лаврскому, всякіе акаѳисты знаютъ...

Дѣйствительно, тѣ пилигримы, на которыхъ указывалъ странникъ, всю дорогу отличались отъ толпы тѣмъ, что, составивъ изъ себя стройный хоръ, пѣли молитвы, къ которымъ нельзя было не прислушиваться, такъ какъ это пѣніе вызывало пріятныя ощущенія новизны—съ одной стороны, а съ другой—чувствовалось большое религіозное возбужденіе. Но странно: это пѣніе—дружное, задушевное, въ которомъ сливалась тысяча голосовъ, не знавшихъ устали, не носилось въ воздухѣ, какъ обыкновенно поэтизируютъ сентименталисты всякіе звуки на просторѣ, а тяжело висѣло надъ толпой. Слишкомъ много нервнаго напряженія,—и это подавляло...

Отъ Талицъ до села Рахманова разстояніе маленькое. Въ Рахмановѣ дорога двоится: влѣво путь на Хотьковъ монастырь, гдѣ почиваютъ родители преподобнаго Сергія, вправо—на с. Воздвиженское, гдѣ назначена послѣдняя ночевка.

Отъ процессіи снова отдѣляется много богомольцевъ, отправлявшихся влѣво.

Существуетъ среди странниковъ преданіе, что, прежде чѣмъ вступить въ Троице-Сергіевскую обитель, непремѣнно надо побывать въ Хотьковомъ монастырѣ.

— Такъ заповѣдалъ самъ преподобный!—утверждали тѣ изъ богомольцевъ, которые, измѣнивъ маршруту «троицкаго похода», отдѣлились въ сторону. — Даже цари въ старину заходили раньше поклониться мощамъ Кирилла и Маріи, а ужъ потомъ отправлялись въ лавру...

По дорогѣ отъ Братовщины до Воздвиженскаго я впервые увидалъ странника Антонія, въ то время слывшаго юродивымъ, того самаго Антонія, который вскорѣ послѣ этого пріобрѣлъ громкую популярность сподвижника и крупнаго жертвователя на церковныя нужды.

Онъ управлялъ громаднымъ хоромъ, составившимся исключительно изъ однихъ мужчинъ.

Наружнымъ своимъ видомъ странникъ Антоній рѣзко отличался отъ прочихъ пилигримовъ. Не смотря на стужу, онъ едва былъ прикрытъ тоненькой, не то люстриновой, не то коленкоровой рясой, перехваченной ремешкомъ. Вотъ и весь его дорожный костюмъ. Больше ничего: ни сапогъ, ни бѣлья, ни шапки. Разумѣется, при немъ не было и традиціонной котомки, потому что при такомъ пренебреженіи къ какой бы то ни было одеждѣ въ ней нечего было бы сохранять. Довольствуясь рясой, кое-какъ прикрывающей наготу, онъ, повидимому, не ощущалъ холода, въ то время какъ другіе не находили достаточно тепла въ тулупахъ. Антоній шелъ бодро, слегка опираясь на тяжелый желѣзный посохъ, глубоко вон-

завшійся въ землю. Длинныя кудри его развѣвались по воздуху, и когда онъ выдѣлялся изъ толпы или шелъ передъ нею, то походилъ на библейскаго старца, изображаемаго на картинахъ обыкновенно стремящимся съ горы. Вериги, прикрывающія его грудь и спину, нисколько не стѣсняли его движеній... Народъ удивлялся ему, и популярность юродиваго быстро росла, къ концу дороги ему стали оказывать большое почитаніе и присвоили званіе прозорливца, цѣлителя и утѣшителя. Толпа всегда такова: либо въ грязь втопчетъ, либо до небесъ вознесетъ...

IX.

Село Воздвиженское.

Среди лицъ, слѣдовавшихъ за крестнымъ ходомъ, упорно держался слухъ, что, благодаря необычайному наплыву народа, въ Сергіевскомъ посадѣ нѣтъ никакихъ помѣщеній даже для скромнаго ночлега, и что цѣны на помѣщенія баснословно велики. Поэтому, чтобы не оказаться совершенно безпріютнымъ, я заблаговременно отправился искать убѣжища въ посадѣ и, возвратясь черезъ Рахманово и Талицы къ желѣзнодорожной станціи, съ большимъ трудомъ раздобылъ мѣсто въ вагонѣ.

Весьма усиленное движеніе поѣздовъ едва успѣвало перевозить изъ Москвы въ лавру всѣхъ желавшихъ принять участіе въ предстоящемъ торжествѣ. Когда я вступилъ въ посадъ и сталъ объѣзжать гостинницы, то убѣдился въ справедливости слуха: не было ни одного свободнаго номера. Въ частныхъ домахъ тоже: все, что можно было сдать подъ ночлегъ, было сдано, а ежели гдѣ и попадалась какая нибудь свободная лачуга, то за нее требовали такую несуразную цѣну, что я прямо-таки не рѣшался торговаться и смущенно брелъ дальше. Въ этомъ отношеніи посадскіе обыватели перещеголяли «праздничныхъ попутныхъ мужичковъ». За конуру съ убогой постелью они требовали 10—12 рублей въ сутки.

— Да вѣдь это-жъ безбожно!

— Для одного человѣка, конечно, затруднительная цѣна, а ежели подберете компанію, хотя бы въ пять или шесть душъ, и вмѣстѣ устроитесь, то выйдетъ очень даже дешево...

Наконецъ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ какой-то кузнецъ, владѣющій весьма чистымъ и просторнымъ домомъ, предложилъ мнѣ поселиться у него на верхней половинѣ, предназначенной, по обычаю мѣстныхъ зажиточныхъ мѣщанъ, для пріема гостей. Когда я поднялся вверхъ, то встрѣтилъ тамъ большое общество, весьма пестрое по костюмамъ. Оказалось, что это все постояльцы, размѣстившіеся въ двухъ первыхъ большихъ комнатахъ. Мнѣ же онъ предложилъ какой-то темный, отгороженный отъ пе-

редней уголъ и потребовалъ за него довольно милостиво по четыре рубля за ночь. Пришлось согласиться. Хозяинъ оказался очень предупредительнымъ и устроилъ мнѣ довольно-таки комфортабельную постель. Потомъ, когда я провѣрилъ впечатлѣнія знакомыхъ, размѣстившихся по гостинницамъ и по меблированнымъ комнатамъ, то оказалось, что мое помѣщеніе во многихъ отношеніяхъ превосходило ихъ помѣщенія, неудобныя, безпокойныя и дорогія...

Устроившись съ квартирой, я нанялъ парную коляску и отправился на мѣсто послѣдней остановки процессіи, въ село Воздвиженское, отстоящее отъ посада въ двѣнадцати верстахъ.

Было уже темно, моросилъ дождь, дулъ порывистый вѣтеръ. По дорогѣ то и дѣло попадались странники, направлявшіеся къ посаду, очевидно, искать отдыха. Впрочемъ, пришлось перегнать не мало и такихъ, которые направлялись къ селу Воздвиженскому. Это тѣ, которые только-что поспѣли къ празднику съ противоположной стороны, т.-е. съ Ярославской дороги, отъ Владиміра, отъ Нижняго Новгорода.

Отъѣхавъ отъ посада десять верстъ, я остановился около часовни, окруженной лѣсомъ. Стояла толпа народа, слышался оживленный говоръ, всегда нѣсколько жуткій въ темнотѣ. Приблизившись къ часовнѣ, я увидалъ хоругвеносцевъ и небольшое количество духовенства, только-что прибывшихъ изъ Владимірской губерніи. Уставшіе, измученные, они полагали найти тутъ отдыхъ, но миніатюрная сторожка постоянно проживающаго подлѣ часовни сторожа не могла вмѣстить и половины прибывшихъ. Владимірцы должны были оставаться тутъ до утра, потому что по росписанію имъ надлежало встрѣтить московскій крестный ходъ именно у этой знаменитой часовни и идти до лавры впереди его.

По настоянію толпы сторожъ распахнулъ двери часовни, которая тотчасъ же наполнилась молящимися. Посреди часовни возвышается громадныхъ размѣровъ крестъ, поставленный въ ознаменованіе чуда, совершившагося болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ. Преданіе говоритъ, что съ этого мѣста св. Стефанъ Пермскій, проѣзжая спѣшно въ Москву, заочно привѣтствовалъ преподобнаго Сергія, который, увидя духовными очами привѣтствіе Стефана, отвѣчалъ ему на него своимъ взаимнымъ привѣтствіемъ. Событіе это чтится и постоянно вспоминается лаврской братіей: во время обѣда, предъ послѣднимъ блюдомъ, ударяютъ въ колокольчикъ, послѣ чего всѣ трапезующіе встаютъ и кланяются въ ту сторону, гдѣ стоитъ этотъ знаменательный крестъ, а очередной іеромонахъ возглашаетъ: «Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи, Іисусе Христе, помилуй насъ».

Въ часовнѣ и около нея я пробылъ долго, потому что не хотѣлось разставаться съ хорошимъ впечатлѣніемъ. Лѣсъ, низко на-

висшія тучи, зарево отъ пылавшихъ въ Воздвиженскомъ костровъ и, наконецъ, копошившіеся во мракѣ люди представляли въ совокупности такую интересную картину и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, что невольно зарождалось желаніе не только быть ея восторженнымъ зрителемъ, но непремѣнно и дѣйствующимъ лицомъ. Бываютъ такіе моменты, когда отдаешься всѣмъ существомъ своимъ настроенію, когда живешь однимъ нервомъ, подчиняешься одной мысли...

Уже ночью въѣхалъ я въ село Воздвиженское.

Ночь была темная, жуткая и холодная. Ночлега не было почти ни для кого, а поэтому движеніе было непрерывно... Повсюду въ полѣ и даже въ самомъ селѣ пылали костры, около которыхъ обогрѣвалась и отогрѣвалась паломничествующая толпа...

Маленькое, но красивое село, образующее изъ себя уголъ шоссейной дороги, расположено на покатомъ холмѣ, окруженномъ оврагами, лѣсомъ и болотомъ... Историческое прошлое Воздвиженскаго окончательно забыто. Не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ хотя бы даже въ видѣ какихъ нибудь развалинъ. А между тѣмъ, здѣсь, во время волненія стрѣльцовъ, нашли пріютъ цари Петръ, Іоаннъ и царевна Софія; тутъ же были казнены начальникъ стрѣльцовъ князь Иванъ Хованскій вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ. И еще многаго было свидѣтелемъ село Воздвиженское, перевидѣвшее у себя чуть ли не всѣхъ самодержцевъ Русской земли, избиравшихъ его мѣстомъ своего отдохновенія во время пѣшихъ путешествій въ лавру; видѣло оно Минина и Пожарскаго въ тотъ моментъ, когда не подалеку отъ села благословляли ихъ иноки Троицкой обители на великій подвигъ спасенія Москвы. Въ началѣ XVII столѣтія Воздвиженское было розорено поляками вмѣстѣ со всѣми ближайшими къ монастырю селеніями и съ тѣхъ поръ уже не расширялось, не смотря на выгодность своего мѣстоположенія...

Ночь въ Воздвиженскомъ для богомольцевъ была тяжелою. Не было пристанища, не было сноснаго отдыха. Тутъ все сложилось не въ пользу паломниковъ. Погода стояла отвратительная, земля была слишкомъ остужена и сыра, накрапывалъ дождь, бушевалъ вѣтеръ, а въ семнадцати тѣсныхъ избахъ нашли пріютъ очень немногіе счастливцы. Всѣмъ остальнымъ пришлось ожидать утра на улицѣ и въ полѣ. Нѣкоторые пристроивались къ ночлегу на животрепещущихъ столахъ, устроенныхъ для земской чайной подъ животрепещущими же навѣсами, во дворѣ усадьбы мѣстнаго богача-лѣсопромышленника г. Аигина, но и тутъ несносная погода безпокоила бѣдняковъ. Такимъ образомъ толпа провела ночь, не смыкая глазъ, на вѣтрѣ, въ удушливомъ чадѣ тлѣющихъ костровъ. Нужно было удивляться этимъ самоотверженнымъ людямъ, при такихъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ умѣвшимъ сохранить въ себѣ бодрость, силу и терпѣніе. Въ этомъ, какъ нельзя больше, сказывалось то

глубокое почитаніе святыни и то знаменательное чувство вѣры, которыя непрерывно служатъ подъемомъ духа и мощью русскаго человѣка.

Всю ночь село Воздвиженское оглашалось пѣніемъ богомольцевъ. Забывъ личныя невзгоды, масса отдалась молитвѣ. Я переходилъ отъ костра къ костру и всюду встрѣчалъ трогательную покорность судьбѣ,—ни одной жалобы, ни одного слова ропота. Какъ въ дорогѣ, такъ и на отдыхѣ пилигримы дѣлились на группы. Въ каждой группѣ имѣлся свой запѣвало, разумѣется, типичный, бывалый, умѣющій держать себя съ достоинствомъ и говорить авторитетно. Ихъ величали вожаками, разумѣя подъ этимъ словомъ человѣка, видавшаго виды, набравшагося ума-разума во время своихъ скитаній по святымъ мѣстамъ. Этимъ вожакамъ охотно подчинялись сотни людей, благоговѣли передъ ними и въ каждомъ ихъ словѣ выискивали иносказательный смыслъ. Вожаки рѣшили, что «эта ночь, холодная и вѣтрянная, ниспослана самимъ небомъ, дабы страннички, въ виду близости лавры, провели ее въ постѣ и молитвѣ». И всѣ съ этимъ аргументомъ радостно соглашались. Еще бы! Ихъ призываютъ къ искупленію! Какъ извѣстно, ничто не можетъ такъ сильно, такъ убѣдительно дѣйствовать на массу, да въ особенности массу богомольствующую, какъ именно такіе доводы. Вожаки это знаютъ, говорятъ объ этомъ съ вѣрнымъ расчетомъ на эффектъ и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ популярность... Въ нѣкоторыхъ группахъ первенствовали женщины, отлично справлявшіяся съ обязанностями регента. Такъ же, какъ и вожаки, онѣ подчиняли себѣ часть странниковъ, держались на высотѣ равнаго съ ними авторитета и, разумѣется, посягали на проповѣдничество. Послѣднее представляетъ изъ себя слабѣйшую сторону нашихъ профессіональныхъ паломниковъ.

Въ первомъ часу ночи небо стало проясняться, и на горизонтѣ появился мѣсяцъ, озарившій своимъ блѣднымъ блескомъ обширное мѣсто стоянки крестнаго хода. Вѣтеръ же продолжалъ бушевать.

На полянѣ я столкнулся съ корреспондентомъ и художникомъ.

— Точно сонъ!—съ паѳосомъ говоритъ первый.—Что-то знакомое, давно-минувшее... Меня охватываетъ хорошее чувство. Я сію минуту испытываю то же, что испытывалъ въ дѣтствѣ, когда меня повели впервые въ пасхальную ночь къ заутрени. Тотъ же восторгъ наполняетъ душу, и кажется, что съ этой необъятной толпой ты составляешь одно цѣлое, неразрывное... Только вотъ портитъ иллюзію эта тяжелая реальность...

И онъ указалъ на ближайшую группу странниковъ, занимавшихся сушкой обуви передъ костромъ. Дѣйствительно, они имѣли жалкій видъ. Повѣсивъ на конецъ посоха лапти, сапоги или такъ называемыя «опорки»,—словомъ, у кого что имѣлось,—каждый изъ нихъ, не переставая «подтягивать» хору, пытался привести въ по-

рядокъ свою убогую обувь. Иззябли странники! Свои окоченѣвшія ноги они прятали въ котомки, въ которыхъ хранится различное тряпье и ломти черстваго хлѣба... Одинъ только странникъ Антоній оставался равнодушнымъ къ холоду!

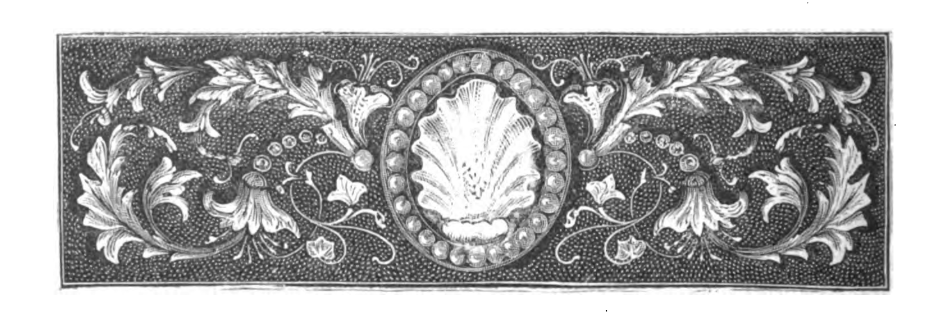
Въ полночь со стороны Хотькова монастыря начали появляться небольшими партіями тѣ изъ богомольцевъ, которые отстали отъ процессіи днемъ. Запылало нѣсколько новыхъ костровъ.

Всю эту ночь я провелъ среди пилигримовъ, переходя отъ одного костра къ другому и заводя знакомства съ типичнѣйшими личностями изъ паломничествующей массы.

М. Шевляковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ[1].

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

II.

На Волховѣ.—Я являюсь адвокатомъ рыбаковъ, какъ представитель печати.—Взглядъ соснинцевъ на корреспондента.—Больное мѣсто нашей прессы и забытый сѣверъ.—«Новгородскій Листокъ» и кое-что изъ его исторіи.—Доброе слово о трудящихся новгородцахъ.—Могила С. С. Шашкова.

ѢТОМЪ 1880 года, живя на мызѣ М. И. Ѳедотовой, я часто ѣздилъ на Волхово, въ Соснинскую пристань, обитатели которой занимаются рыболовствомъ (хотя не исключительно только имъ). Я познакомился съ нѣкоторыми рыбаками, ѣздилъ съ ними на тони, изучалъ самый промыселъ. Въ августѣ я совсѣмъ перебрался на пристань и прожилъ здѣсь до половины сентября.

Рыбаки не разъ спрашивали меня: чѣмъ я занимаюсь. «Какое твое рукомесло?»—говорили они.

— А какъ вы думаете?

— Да Богъ тя знаетъ... либо чиновникъ, либо... изъ учителевъ... А гдѣ служишь, кто тя знаетъ...

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXI, стр. 340.

Я сказалъ, что нигдѣ не служу, а пишу книги.

— Стало быть, сочинитель?

— Да...

— А это не ты сочинялъ, есть у меня забавная книжка: «Разбойникъ атаманъ Буря»?—спросилъ одинъ рыбакъ.

— Нѣтъ, вѣдь тамъ сказано, кого сочиненіе.

— А я и не примѣтилъ... А ты какія же пишешь книги?

— Разныя...

— И въ газетахъ пишешь?

— Пишу.

— Въ этомъ твоя служба?

— Въ этомъ.

— А кто же тебѣ деньги платитъ?

— Кто издаетъ газету.

Я въ краткихъ словахъ объяснилъ дѣло.

— Такъ!.. Стало быть, у каждой газеты свой хозяинъ...

— Ну, да, конечно.

— Въ родѣ, какъ бы купецъ... а вы... у него на жалованьи... какъ бы приказчики, такъ будемъ говорить.

— Немножко не такъ,—съ улыбкой сказалъ я и еще сдѣлалъ кое-какія поясненія.

— А сколько же ты заработаешь?

— Разно... Не всегда одинаково... кромѣ того, между нами не всѣ одинаково зарабатываютъ. Есть такіе, которые въ годъ получатъ тысячъ 7, 8 и болѣе.

Рыбаки съ недовѣріемъ поглядѣли на меня.

— И не врешь?—спросилъ обладатель «Атамана Бури».

— Не вру.

— Да это больше нашего станового... богачество выходитъ!

Они съ любопытствомъ читали мою корреспонденцію изъ «Державинской Званки», помѣщенную въ «Новомъ Времени».

— Вѣрно, все такъ и есть... не ложь, что говоритъ! Вотъ теперь и тѣ знаютъ о Званкѣ, которые не бывали, не слыхали о ней...

Волховъ славится сыртями и сигами. Въ то лѣто «сигъ хорошо шелъ», но богатый мужикъ Набоковъ «сдѣлалъ утѣсненіе». Онъ наставилъ въ порогахъ рѣшетки и ловилъ рыбу чуть не руками. Это онъ позволялъ себѣ уже не первый годъ. Сосницы жаловались, хлопотали, но ничего не выходило. Рубль большая сила.

И вотъ рыбакамъ пришла мысль обратиться за помощью къ газетѣ.

Рано утромъ пришли они толпою ко мнѣ.

— Ну, А. В., выручай.

— Въ чемъ?

— Да какъ ты теперь въ газетахъ пишешь, и въ этомъ твоя служба, самъ сказывалъ... такъ вѣдь?

— Такъ.

— Ну, послужи, стало, помоги намъ... не дай въ обиду!

— Развѣ я могу?

— Какъ не можешь! На тебя вся надежда.

— Въ чемъ дѣло?

— Набоковъ задушилъ насъ... Рѣшетки поставилъ... и беретъ сига руками, почитай, а мы—голодай! Развѣ законно и возможно такъ-то?

— Что же вы не жалуетесь?

— Эво! Да нѣшто мы не пытались!

— Ну?

— Ничаво! Богатѣй—одно слово. Бумажка кредитная—лучшій другъ... А ты все отпиши... Пусть тѣ узнаютъ, кому надотъ... Онъ и побоится, да и тѣ, что теперь ему мирволятъ. Чай, газету и большое начальство читаетъ?

— Читаетъ.

— Вотъ! Отписывай!

— Я же ничего не видалъ, господа!

— Зачѣмъ дѣло стало! Снаряжайся, огляди все... ѣдемъ! Не откажешься?

Я согласился, и на другой день мы отправились на пароходѣ къ тому мѣсту, гдѣ стояли рѣшетки.

Черезъ нѣсколько дней я написалъ корреспонденцію и послалъ ее въ «Новое Время». Всѣ рыбаки съ нетерпѣніемъ ждали ея появленія. Они заходили ко мнѣ и справлялись.

— Что нѣтъ?

— Нѣтъ еще.

— А будетъ?

— Должно быть, фактъ не ничтожный...

— А ты еще напиши... чтобы, значитъ, безпремѣнно пропечатали...

Прошло около недѣли. Корреспонденція не являлась.

Рыбаки пріуныли.

— Гляди, не будетъ ничего! Должно такъ!

— Почему думаете?

— Богачъ! Богачу вездѣ мирволятъ.

— Ну, здѣсь его богатство не имѣетъ значенія!

— А закупить онъ не можетъ?

— Да онъ и не знаетъ, что послано... И во всякомъ случаѣ ни о какой закупкѣ не можетъ быть и рѣчи.

— А застращать?

— Его не боятся... Не о такихъ, какъ онъ, пишутъ!

Но вотъ корреспонденція появилась.

Рыбакъ, у котораго я нанималъ квартиру, прибѣжалъ ко мнѣ.

— Пропечатано!—воскликнулъ онъ весело.—Все, какъ есть... что ты читалъ, все и въ газетѣ... Чудесно!

— Гдѣ-жъ ты видѣлъ?

— На станціи читаютъ. Теперь онъ держись!

Къ вечеру, когда я получилъ номеръ «Новаго Времени», у меня его выпросили почитать и... не вернули. Онъ былъ такъ «исчитанъ», что превратился въ ветошь. Читали въ одиночку, и потомъ цѣлой толпой. Читали на улицѣ, въ трактирѣ. Словомъ произошла сенсація.

— Теперь онъ держись!

— Ужъ что-ничто, а рѣшетки уберетъ!

Нашлись и скептики. Они не только не ждали отъ корреспонденціи благихъ результатовъ, но и боялись отвѣтственности. Въ этомъ ихъ поддерживалъ одинъ желѣзнодорожный агентъ.

Онъ говорилъ:

— Ждите... какъ же!.. не только вамъ, а и литератору достанется...

— За что?

— Не пиши!..

— А намъ за что?

— Вы какъ смѣли возить да показывать... Развѣ онъ ревизоръ? Что же, вы ему на начальство жаловались?

— Зачѣмъ!.. мы только, значитъ, насчетъ утѣсненія... пропечатать!

— Вотъ вамъ и пропечатаютъ.

Рыбаки струсили.

— Слышь, что говорятъ? Правда?

— Ничего, не бойтесь!

— А ты?

— Я не боюсь... Все вздоръ. На правдивыя корреспонденціи обращаютъ вниманіе.

Желѣзнодорожный агентъ былъ посрамленъ. Корреспонденція имѣла вліяніе. Рѣшетки пришлось убрать.

Рыбаки ликовали.

— Знаешь что,—промолвилъ сѣдой рыбакъ:—какъ я погляжу, твоя служба очень пользительна. «Не ревизорій», говоритъ онъ (агентъ). Вотъ тебѣ и не «ревизорій», а въ родѣ него. Сейчасъ послушали... Стало быть, высшее начальство нарочно и сдѣлало такъ, чтобы вы ему правду сказывали... что не такъ—и въ газету... не укроешься!

Престижъ «корреспондента» въ глазахъ соснинцевъ поднялся. Ничто не дѣйствовало, а тутъ послушали. Значитъ, сила, могущественный человѣкъ. Надо бояться такого. Вскорѣ послѣ появленія корреспонденціи случился курьезъ. Какому-то соснинцу мѣстная лавочница отпустила мясо «съ душкомъ».

— Бери назадъ... припахиваетъ.

— Ладно, съѣшь, не князь... не возьму назадъ!

— Не возьмешь? Погоди! Сейчасъ несу сочинителю, пусть осмотритъ... и въ газету. Достанется тебѣ!..

Лавочница испугалась и взяла обратно мясо.

Какъ-то хозяину окрестнаго завода говорятъ:

— А у васъ харчи-то не больно тово...

— Не баре,—ѣдятъ!

— Такъ-то такъ, а не пришлось бы и худо.

— Отчего? У меня все пріятели... Начальство—свои люди.

— Да что начальство... а вотъ тутъ сочинитель живетъ... Набокова прижали... Глядь, пріѣдетъ, опишетъ...

Харчи у рабочихъ вдругъ стали лучше. Я дѣйствительно заѣхалъ на заводъ посмотрѣть дѣло. Гляжу, хозяинъ встрѣчаетъ словно ревизора и проситъ попробовать, чѣмъ кормятъ рабочихъ. Я удивленъ странной просьбой, но исполняю ее.

— Вѣдь щи хорошія-съ?

— Хорошія...

— Я всегда на этотъ счетъ... главное, чтобы сыты были и довольны, не какъ прочіе другіе... ужъ вы, пожалуйста, если что... не пущайте морали...

На другой день одинъ соснинецъ объяснилъ мнѣ «загадку». Я посмѣялся, но былъ радъ, что хотя невольно могъ повліять на улучшеніе продовольствія рабочихъ.

Когда я уѣзжалъ съ пристани, помощникъ начальника станціи замѣтилъ мнѣ:

— Жаль, что вы уѣзжаете.

— А что?

— Страхъ наводили... Многіе попридерживались... Знаете, печатное слово — хорошая узда... Вонъ рабочіе вздохнули... не будь васъ—и рыбаки все бы терпѣли...

Да, провинція болѣе всего нуждается въ «гласности», въ печатномъ словѣ, потому что въ ея дебряхъ совершается масса такихъ безобразій, которыя возможны только при отсутствіи мѣстнаго органа печати. Столичная печать не можетъ сдѣлать то, что доступно мѣстной, областной. Столичная газета можетъ отмѣтить явленія болѣе крупныя, общія; если бы она захотѣла выйти изъ своихъ рамокъ, она взяла бы на себя невозможную задачу. Нельзя же столичной газетѣ превратиться въ органъ одного города, одной губерніи или даже цѣлой области. Она и отмѣчаетъ факты болѣе выдающіеся. Между тѣмъ и менѣе крупныя явленія изъ мѣстной жизни нельзя игнорировать.

Для этого необходимъ свой, областной органъ, который разработывалъ бы мѣстные матеріалы, боролся бы за интересы края, доводилъ бы до свѣдѣнія центра о нуждахъ области, помогая людямъ идеи въ борьбѣ, держалъ бы въ уздѣ хищниковъ и представителей беззаконія. Защищая столичныя газеты отъ несправедливыхъ упре-

ковъ, я долженъ, однако, признать, что вообще «внутренній отдѣлъ»— самое больное мѣсто нашей прессы. Прежде всего онъ не всегда находится въ рукахъ достаточно компетентныхъ. Случается, нерѣдко, что во главѣ его стоитъ человѣкъ, не знающій провинціи, не бывавшій никогда дальше столицы. Такому кабинетному журналисту часто кажется ничтожнымъ важное, вѣрнымъ невозможное, потому что провинція мѣряется на столичный аршинъ. А между тѣмъ тутъ дистанція — огромнаго размѣра. Затѣмъ плохо поставленъ самый отдѣлъ корреспонденцій. Онѣ по большей части—случайныя, написанныя лицами неизвѣстными или мало извѣстными редакціи. Является ложь, тенденціозное освѣщеніе фактовъ. Нѣкто въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстной властью—и онъ восхваляетъ ея дѣятельность. Эти «приспѣшники», эти «корреспонденты-карьеристы»—явленіе довольно обыкновенное. Не много и корреспондентовъ, хорошо освѣдомленныхъ. Между тѣмъ отдѣлъ корреспонденцій—важный отдѣлъ. Теперь онъ часто играетъ роль «затычки». Посмотрите, какъ мало писемъ изъ провинціи. Одна, много двѣ корреспонденціи въ номерѣ. И какія корреспонденціи! Для публики этотъ отдѣлъ несомнѣнно важнѣе, чѣмъ всѣ театральныя хроники, вся болтовня газетныхъ юмористовъ, которымъ мѣсто въ юмористическихъ листкахъ. Даже слишкомъ много о «заграницѣ» и мало о Россіи. Мало потому, что невѣрно поставлено дѣло. Газета должна имѣть во всѣхъ мѣстностяхъ своихъ корреспондентовъ, извѣстныхъ хорошо редакціи, освѣдомленныхъ, честныхъ, на слово которыхъ можно положиться и которые въ это дѣло положили бы всѣ силы. У нихъ могутъ быть помощники, агенты,—это уже ихъ забота. Но они отвѣчаютъ передъ газетой за каждую строку. Лишь при такой постановкѣ отдѣлъ корреспонденцій получитъ серьезное значеніе, и слово печати пріобрѣтетъ довѣріе. Это будетъ стоить дорого, но вѣдь нельзя же выѣзжать на 2-хъ копейкахъ или даже на пятачкахъ, за которые только и можно получить случайныя письма случайныхъ корреспондентовъ. У газеты нѣтъ гарантіи, что она имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія. Она не можетъ требовать, чтобы корреспондентъ стоялъ на высотѣ своей задачи... Чтобы онъ могъ во все вникать, чтобы онъ, человѣкъ знанія и опыта, все время, всѣ силы посвятилъ дѣлу печати, онъ долженъ быть обезпеченъ и имѣть **возможность** исполнять достойно свою миссію.

И все-таки это не исключаетъ областной печати. Желательно развитіе журнальнаго и газетнаго дѣла въ провинціи. Надо, чтобы провинція сама какъ можно болѣе докладывала о себѣ, нужно, чтобы на свѣтъ Божій выплывали и такія явленія, которыя не интересны для общей прессы, но все-таки важны, потому что они имѣютъ значеніе для областной жизни. Развитіе областной печати полезно въ смыслѣ узды, какъ мѣтко выразился желѣзнодорожный

агентъ. Гдѣ есть свой органъ, тамъ менѣе повадно хищникамъ творить свои темныя дѣла. Мѣстный органъ печати можетъ явиться надежнымъ другомъ правительства въ его благихъ начинаніяхъ, помогая искоренять зло и объясняя читателямъ значеніе той или другой законодательной мѣры. Газета, настоящая, хорошая газета, а не лавочка новостями, конечно, полезна для края не менѣе всякой школы, школа для взрослыхъ. У насъ, гдѣ вся провинція никакимъ другимъ способомъ не имѣетъ возможности заявить о своихъ нуждахъ, областная печать получаетъ особенное значеніе. Не смотря на все это, очень мало провинціальныхъ органовъ, провинціальная печать не пользуется симпатіями въ сферахъ, отъ которыхъ зависитъ ея процвѣтаніе. Она какъ бы только терпима, къ ней точно только снисходятъ. Областныхъ органовъ печати мало, да и тѣ, которые есть, не пользуются правами столичныхъ собратьевъ. Почему-то признается, что писатель столичный можетъ пользоваться бо́льшими правами, чѣмъ провинціальный. Уличный столичный листокъ, преслѣдующій интересы лавочки, пользуется безцензурностью, а серьезный провинціальный органъ долженъ быть непремѣнно подцензурнымъ. Между тѣмъ въ провинціи-то именно чаще всего и затрудняется правдивое слово, здѣсь-то ему, серьезному и честному слову, и надо дать необходимую свободу, чтобы оно звучало на пользу края, отечества и той власти, которая издревле ведетъ государственный корабль впередъ по пути прогресса. Но и при тѣхъ, крайне стѣсненныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится вся областная печать, она все-таки можетъ дѣлать честно свое дѣло. Югу посчастливилось болѣе всѣхъ другихъ областей. Тамъ «Южный Край», «Кіевлянинъ», «Кіевское Слово», «Новороссійскій Телеграфъ», «Одесскій Листокъ», «Одесскія Новости», «Пріазовскій Край» и др. Въ Одессѣ—4—5 органовъ, въ Кіевѣ—3. Но сѣверъ совершенно обиженъ. Онъ совсѣмъ забытъ и не имѣетъ представителя въ хорѣ русской журналистики. Онъ обреченъ на жалкую судьбу—довольствоваться рѣдкимъ вниманіемъ центральной прессы. Громадный край (Вологодская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская, Пермская и Костромская губ.) лишены своего печатнаго органа, хотя имѣетъ насущныя нужды, чувствуетъ необходимость въ газетѣ, которая занималась бы дѣятельно разработкой мѣстныхъ интересовъ, неустанно докладывала бы о нихъ обществу и государству. Повторяю, что и при тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ какія поставлена областная пресса, газета сѣвера могла бы принести не мало пользы.

Въ доказательство укажу на «Новгородскій Листокъ». Онъ существовалъ недолго, былъ далекъ отъ желаемаго идеала, и тѣмъ не менѣе онъ оказалъ пользу краю. Здѣсь не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ о «Новгородскомъ Листкѣ», который былъ единственнымъ печатнымъ органомъ, единственнымъ представителемъ въ журнальномъ мірѣ сѣвера, небольшого его уголка. «Листокъ»

прекратился 12 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ сѣверъ неустанно хлопочетъ объ основаніи новаго печатнаго органа. На сѣверъ обращено правительственное вниманіе, его значеніе признается, у него много своихъ нуждъ, нуждъ русскаго племени, нисколько не менѣе важныхъ, чѣмъ нужды другихъ угловъ Россіи,—и все-таки онъ, забытый пасынокъ, не можетъ добиться своего печатнаго органа. Вопросы назрѣли, мнѣнія мѣстныхъ авторитетныхъ лицъ, безъ сомнѣнія, желательно выслушать, но газеты нѣтъ! Имѣютъ газеты маленькіе города, малозначительные уголки, а громадный сѣверъ ея лишенъ, здѣсь почему-то газета считается ненужною, и всѣ хлопоты сѣвера разбиваются, какъ волны о скалу. Очень жаль, конечно, что погибъ «Новгородскій Листокъ», который могъ бы развиться до областнаго органа и, исправя свои ошибки, сдѣлаться большой газетой сѣвера. Но онъ погибъ не по своей винѣ.

Коротка и грустна его повѣсть.

Онъ основанъ небольшимъ кружкомъ мѣстной интеллигенціи. Отвѣтственнымъ редакторомъ явился учитель гимназіи Еліашевичъ, который вложилъ въ газету всѣ свои средства. Изъ болѣе дѣятельныхъ и выдающихся сотрудниковъ надо назвать слѣдующихъ: д-ра Шпаковскаго, владѣющаго острымъ перомъ, извѣстнаго педагога—С. З. Бураковскаго, земскаго дѣятеля Нечаева, И. П. Можайскаго, Тетрюмова, Передольскаго... На призывъ редакціи сочувственно откликнулись представители земства, учителя и вообще интеллигентные люди, имѣвшіе что сказать, желавшіе подѣлиться съ публикой фактами и мыслями. Отдѣлъ корреспонденцій игралъ большую роль и всегда отличался солидностью, отзывчивостью; нѣкоторыя корреспонденціи были написаны нѣсколько рѣзко, но въ этой рѣзкости чувствовалась горячая любовь, возмущенное чувство гражданина.

1 № вышелъ 1 ноября 1881 года. Въ своемъ profession de foi, выраженномъ въ передовой статьѣ, редакція говоритъ между прочимъ: «выступая съ своимъ органомъ на поприщѣ общественной дѣятельности, мы заявляемъ себя горячими и искренними сторонниками великихъ преобразованій, глубоко убѣжденные, что только въ этихъ преобразованіяхъ и ихъ дальнѣйшемъ прогрессивномъ развитіи заключается залогъ будущаго величія нашего горячо любимаго отечества. Обращаясь къ ближайшимъ преслѣдуемымъ нами цѣлямъ, мы полагаемъ заняться всестороннею разработкою исключительно вопросовъ краевыхъ, вытекающихъ изъ мѣстныхъ нуждъ и пользъ, убѣжденные, что только при такой постановкѣ дѣла провинціальная печать имѣетъ свой raison d'être. Мы посвятимъ свои силы и средства на всестороннюю, тщательную и вполнѣ безпристрастную разработку вопросовъ, вытекающихъ изъ жизни земскаго и городскаго самоуправленія. Мѣстное сельское хозяйство, народное образованіе, положеніе сельскаго и городскаго пролетарія,

средство къ поднятію общаго благосостоянія трудящагося класса и тому подобные неотложные вопросы не будутъ сходить со страницъ нашей газеты».

Программа, какъ видитъ читатель, вполнѣ ясно и хорошо очерченная, и при томъ именно такая, какой слѣдуетъ держаться областному серьезному органу. Но задача, взятая на себя газетой, была не изъ легкихъ. Жизнь общественная и выдвигаемые ею вопросы такъ безчисленны и безконечно разнообразны, что требуютъ тщательнаго и солиднаго изученія. Эти вопросы, тѣсно связанные съ политико-соціальными условіями государства и отъ нихъ зависящіе, становятся нерѣдко подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій недоступными для изслѣдованій. Эта недоступность дѣлаетъ газетный органъ малосодержательнымъ. Такое условіе было извѣстно новой газетѣ, но кружокъ, руководившій ею, начиналъ дѣло съ свѣтлымъ взоромъ на настоящее, съ лучшими надеждами на будущее, полагая въ дѣло всю душу, при искреннемъ желаніи принести хотя малѣйшую пользу родинѣ.

И эта польза была принесена газетой. Она возбуждала серьезные вопросы, рѣшала ихъ съ знаніемъ дѣла; она являлась горячимъ словомъ, будившимъ спящихъ, бичевавшимъ людей мрака и застоя. Не обошлось дѣло безъ ошибокъ, безъ промаховъ. «Листокъ» иногда былъ буенъ и задоренъ, конечно, въ предѣлахъ дозволенности, но онъ всегда преслѣдовалъ высокую цѣль и не сходилъ съ почвы, внѣ которой газета дѣлается орга́номъ, а не о́рганомъ. Къ концу года онъ сталъ сдержаннѣе и солиднѣе. Чтобы видѣть, какъ служилъ «Листокъ», достаточно назвать нѣсколько статей; укажемъ на слѣдующія: «Нужды сельскаго хозяйства Новгородской губерніи», «О неправильномъ взиманіи пошлинъ за раскурочныя марки», «Новгородскій городской банкъ», «Очерки кустарной промышленности Новгородской губерніи», «Крестьянскіе недоимки и уменьшеніе выкупныхъ платежей», «Волостной банкъ», «Попечители начальныхъ школъ», «Матеріалъ для біографіи Аракчеева», «Вниманію гг. аптекарей», «Народное образованіе въ Новгородскомъ уѣздѣ», «Какъ выгоднѣе покупать крестьянамъ земли», «Замѣтки о санитарномъ состояніи Новгорода», «По вопросу о питейной торговлѣ» и т. д. У авторовъ всѣхъ этихъ статей видна серьезная эрудиція, основательное знаніе предмета, жизни. Этими качествами отличаются и статьи по чисто мѣстнымъ вопросамъ. Корреспонденціи—живыя, серьезныя, часто своего рода тѣ же статьи и этюды, какъ, напримѣръ, письма изъ Тесова, Тихвинскаго уѣзда, Валдая и Руссы. Корреспонденты мало останавливаются, даже почти совсѣмъ не останавливаются на явленіяхъ мелкихъ, интересныхъ по внѣшности, криминальныхъ и тѣмъ болѣе скандальныхъ. Нѣтъ, они касаются вопросовъ экономическихъ, освѣщаютъ народный бытъ, даютъ рядъ картинъ изъ жизни народа, учителей, отмѣчаютъ все, что мѣшаетъ

развитію народнаго благосостоянія, тормозитъ образованіе, поддерживаетъ мракъ,—и выдаютъ головой всѣхъ хищниковъ и народныхъ піявокъ, алчныхъ на мужицкій «грошъ» и жирный пирогъ. Рѣдко можно встрѣтить газету, въ которой корреспонденціи были бы столь значительны и интересны. Редакція успѣла найти корреспондентовъ, которые ставили на первое мѣсто дѣло, содержаніе, а не зубоскальство и пикантность. Корреспонденціи, а равно и городская и земская хроника, производили сенсацію и создавали въ то же время враговъ газетѣ,—враговъ, съѣвшихъ безжалостную обличительницу ихъ безобразныхъ дѣяній и хищническихъ подвиговъ. Вотъ, напримѣръ, прекрасная статья г. Шпаковскаго: «Дѣтская бойня». Надо имѣть каменное сердце, чтобы спокойно читать эту статью, полную фактовъ, возмущающихъ душу, статью, написанную кровью сердца. Открываются картины, которыя заставляютъ сомнѣваться въ нашей принадлежности къ цивилизованному міру... Невольно думается: что же мы за лицемѣры, что же мы за фальшивые христіане! И какъ это мы, заботясь о собачкахъ и кошечкахъ, забываемъ совсѣмъ о дѣтяхъ, бѣдныхъ дѣтяхъ, работающихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ! Конечно, разоблаченія эти непріятны тѣмъ, кто привыкъ творить безобразіе подъ покровомъ темноты. Но въ этомъ-то и заслуга газеты!.. У честной газеты всегда много враговъ. И въ этомъ—ея лучшій аттестатъ. Грустно, что враги иногда сильны и губятъ газету, мѣшающую имъ. 1 ноября 1881 г. вышелъ 1 № «Новгородскаго Листка», а 7 ноября 1882 г. редакція выпустила послѣдній № газеты... Она прощается съ читателями... быть можетъ, на время, а, можетъ быть, и навсегда... Но она прощалась навсегда. Больно читать эти строки: «сегодня мы должны праздновать годовщину нашего изданія, но вмѣсто этого приходится оплакивать его прекращеніе, вызванное причинами, отъ насъ не зависящими. Грустное совпаденіе тѣмъ болѣе грустно, что мы лишены даже возможности откровенно переговорить съ тобою, читатель, о его причинахъ».

Дальше редакція говоритъ: «терниcтъ и опасенъ путь провинціальнаго издательства, и въ особенности труденъ онъ на первыхъ порахъ, при началѣ изданія, когда нужно побороть апатію общества, отрицательно относящагося ко всякой новизнѣ, выработать извѣстную привычку къ гласности, привлечь кружокъ сотрудниковъ и читателей, однимъ словомъ создать болѣе или менѣе обширную аудиторію для публичнаго обсужденія всѣхъ мѣстныхъ вопросовъ и установить внутреннюю связь между изданіемъ и публикой».

Это газетѣ удалось. Ея значеніе росло, подписка увеличивалась, связь крѣпла. И... въ это-то самое время пришлось противъ воли прекратить дѣятельность. Фельетонистъ Dieudonné, перо котораго было бы очень полезно и не маленькой провинціальный газетѣ, разстается съ читателями въ сознаніи исполненнаго долга по си-

ламъ и возможности. «Ясно сознавъ всю необходимость мѣстной прессы,—говоритъ онъ,—въ интересахъ общественной жизни, въ видахъ пробужденія общественнаго самосознанія, ради освѣщенія свѣтомъ гласности тѣхъ темныхъ закоулковъ, гдѣ такъ привольно и удобно обмолачивается рожь на обухѣ, гдѣ такъ роскошно зрѣютъ плоды самодурства и кулачества, мы бодро взялись за дѣло изданія, съ твердой увѣренностью въ его полезности. Мы мечтали о томъ, чтобы путемъ гласности ограничить хотя нѣсколько наглый произволъ, безцеремонную эксплуатацію общественнаго кармана шайками сплотившихся во имя наживы «дѣльцовъ», будучи твердо увѣренными въ томъ, что только въ атмосферѣ дневного свѣта и возможенъ тотъ широкій общественный контроль, безъ котораго немыслима дѣятельность нашихъ органовъ самоуправленія. Мы знали, что намъ предстояло задѣть интересы многихъ «сильныхъ» сознаніемъ своей безнаказанности, живучестью строя, который предполагаетъ удобныя лазейки для того, чтобы все было «шито и крыто».

Вотъ эти дѣльцы, сильные неправдой, и скушали газету. Сначала они старались оклеветать руководителей ея, называя ихъ людьми, у которыхъ нѣтъ ничего святого. Но ихъ клеветы не помогли. Газета пріобрѣтала популярность и симпатіи лучшей части общества. «Новг. Листокъ» крѣпъ. Тогда дѣльцы перемѣнили тактику. «На насъ,—говоритъ фельетонистъ «Листка»,—посылали цѣлый ворохъ всевозможнѣйшихъ инкриминацій, тѣмъ болѣе опасныхъ, что онѣ, наносимыя въ ночной тиши, не давали намъ въ руки необходимыхъ средствъ защиты». Утѣшая будущихъ продолжателей дѣла, фельетонистъ заключаетъ: «своимъ наслѣдникамъ мы оставляемъ путь, значительно расчищенный, и много тѣхъ жалъ, которыя съ остервенѣніемъ направлялись въ нашу сторону, излили уже по нашему адресу опаснѣйшія порціи своего яда. Прощайте, читатели. Если въ васъ созрѣло убѣжденіе въ необходимости того дѣла, которому мы служили, то наше дорогое дѣло найдетъ себѣ продолжателей».

Увы, продолженіе дѣла, о которомъ говоритъ фельетонистъ, не зависитъ отъ одного желанія. Оно было и есть, и все-таки новой газеты на сѣверѣ нѣтъ. Издатель «Новгородскаго Листка», учитель гимназіи, вынужденный или отказаться отъ своего педагогическаго дѣла или отъ изданія газеты, охотно и безвозмездно уступалъ свое право на газету. Но передача не могла состояться, опять-таки по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ.

И «Новгородскій Листокъ» умеръ.

Я потому такъ долго остановился на этой маленькой газетѣ, существовавшей всего годъ, что ея исторія поучительна, а она сама, какъ піонеръ на сѣверѣ, заслуживаетъ вниманія. Эта маленькая газета, можно сказать прямо, была одной изъ лучшихъ про-

винціальныхъ газетъ. На югѣ издается очень много газетъ, большихъ и распространенныхъ, но я ихъ не поставлю на одну доску съ этимъ маленькимъ «Листкомъ». Онъ тѣмъ рѣзко и отличался отъ всѣхъ своихъ собратьевъ, что ни разу не спускался за черту, за которой печатный о̀рганъ превращается въ орга̀нъ. Онъ не потворствовалъ инстинктамъ толпы, не служилъ ея низменнымъ вкусамъ, не гнался за успѣхомъ розничной продажи, не допускалъ балагана на своихъ столбцахъ. Это была маленькая газета, имѣвшая большое значеніе для края. Каждая строка была проникнута горячей любовью къ родинѣ, каждое слово дышало убѣжденіемъ. Кружокъ людей, руководившій ею, не добивался наживы и началъ изданіе не съ цѣлью пріобрѣсти дома или имѣнія, а во имя долга гражданина. Онъ хотѣлъ служить родинѣ печатнымъ словомъ. Я упомянулъ о фельетонахъ г. Dieudonné. Это были желчные, злые и остроумные фельетоны. Но это не остроуміе фигляра, которое допускаютъ многія газеты охотно ради подписки, изъ угожденія улицѣ. Это былъ смѣхъ сквозь слезы, это была сатира, бичъ, которымъ писатель-гражданинъ выгонялъ изъ храма правды торговцевъ истиной. Нельзя было читать фельетоновъ для свaренія желудка... Нѣтъ, вамъ хотѣлось плакать, вамъ дѣлалось больно, стыдно за другихъ, за свое малодушіе, за свою трусливую молчаливость. У васъ пробуждалась энергія, и рождалось желаніе служить родинѣ и бороться во имя ея блага.

Такой писатель, какъ бы онъ ни былъ малъ по литературной табели о рангахъ, заслуживаетъ благодарности, какъ боецъ-журналистъ. А взглядъ Dieudonné раздѣляла вся котерія газеты, и вотъ почему газета была такъ цѣльна и имѣла такое значеніе въ краѣ. Уличный листокъ, какой бы громадной величины онъ ни достигъ, никогда не будетъ страшенъ людямъ мрака и дѣльцамъ, сильнымъ сознаніемъ своей безнаказанности. Они любятъ такіе листки и охотно ихъ поддерживаютъ. Литературные орга̀нчики забавны, но безопасны. Не таковъ былъ маленькій «Новгородскій Листокъ», и онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Сѣверъ безъ газеты. Но она должна явиться. И, можетъ быть, ей придется дѣйствовать при лучшихъ условіяхъ, на болѣе прочной почвѣ. Промахи «буйнаго» ушкуйническаго «Листка» должны быть приняты во вниманіе. Конечно, люди мрака всегда будутъ врагами честной газеты. Преслѣдовали корреспондентовъ «Новгородскаго Листка» (они, напримѣръ, теряли мѣста) и самихъ руководителей. Ждутъ испытанія и будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Но «блаженны изгнанные правды ради». Давно извѣстно, что путь писателя — тернистый путь, особенно провинціальнаго писателя. Такъ вѣдь за это дѣло и не должны браться люди, желающіе только жирнаго пирога и спокойствія. На свѣтѣ есть другія занятія, а на журнальномъ поприщѣ они всегда будутъ только лавоч-

никами или забавниками. Не ихъ ждетъ провинція, какъ своихъ адвокатовъ и пророковъ. Не они явятся и въ роли простыхъ, честныхъ тружениковъ на пользу той же провинціи.

Я засталъ «Новгородскій Листокъ» почти уже наканунѣ его смерти.

Я пріѣхалъ осмотрѣть новгородскія древности и зашелъ въ редакцію газеты. Въ редакціи я нашелъ самого издателя г. Еліашевича и ближайшаго сотрудника — Шпаковскаго. Они встрѣтили меня очень радушно, и въ какіе нибудь полчаса мы сблизились такъ, словно были давно знакомы. Послѣ задушевной бесѣды мы отправились въ Колмовскую психіатрическую больницу, подъ Новгородомъ, директоромъ которой состоялъ Шпаковскій. Помню курьезный случай. Еліашевичъ помѣстился на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Но какой-то ухабъ—онъ не удержался и упалъ съ козелъ.

— Ну, паденіе «Листка» совершилось,—произнесъ смѣясь Шпаковскій.

Вскорѣ я познакомился съ Мерянскимъ, затѣмъ съ И. П. Можайскимъ и года черезъ два съ Бураковскимъ, Ѳедоровымъ, Кошельковымъ, Передольскимъ и съ молодой поэтессой О. Н. Чюминой.

Лѣто 1886 года я прожилъ въ Новгородѣ, и объ этомъ времени у меня осталось самое пріятное впечатлѣніе. Я не держусь того мнѣнія, что только самые крупные дѣятели на томъ или другомъ поприщѣ заслуживаютъ вниманія и представляютъ интересъ для общества. Добраго слова достойны всѣ честные, полезные работники, надѣленные талантомъ и употребляющіе свое дарованіе на пользу ближняго. О знаменитыхъ людяхъ пишутъ очень много, не только о нихъ, но даже и о дѣтяхъ ихъ, нисколько незнаменитыхъ, а нерѣдко совершенно ничтожныхъ. Между тѣмъ болѣе скромные дѣятели проходятъ въ тѣни, о нихъ мы часто ничего не знаемъ, и для многихъ ихъ имена даже совсѣмъ остаются неизвѣстными. Мало ли русскихъ талантливыхъ людей забыто и не оцѣнено. Мы очень неблагодарны и стыдливы не въ мѣру. Если другіе народы умѣютъ не въ мѣру возвеличивать своихъ дѣятелей, то мы уже черезчуръ склонны умалять заслуги своихъ даровитыхъ людей. Мы удостоиваемъ вниманія звѣздъ и передъ ними холопски падаемъ ницъ, за то среднихъ талантливыхъ людей, некрупныхъ дѣятелей мы готовы совсѣмъ игнорировать. Это несправедливо, и я хочу поэтому помянуть добрымъ словомъ «трудящихся и трудившихся, служащихъ и служившихъ родинѣ» скромныхъ новгородцевъ. Я начну съ доктора Сергѣева, труженика-врача новгородской земской больницы, умершаго 10 ноября 1881 г. въ клиникѣ душевныхъ болѣзней. Въ исторіи русскаго земства, какъ справедливо говоритъ некрологистъ въ «Новгородскомъ Листкѣ», всегда на почетной страницѣ будутъ записаны имена тѣхъ молодыхъ медиковъ, которые, презрѣвъ всѣ блага государственной

службы, стремились въ медвѣжьи углы нашего отечества, откликаясь на зовъ новаго учрежденія. Съ юношескимъ жаромъ они принялись за дѣло, отдались борьбѣ съ укоренившимися предразсудками массы по отношенію къ врачебной помощи. Это было время страстнаго увлеченія молодыхъ медиковъ тѣми отраслями науки, которыя, давая быструю и осязательную помощь (хирургія, офтальмологія, акушерство), сразу завоевывали имъ общественное довѣріе. Сколько мрака и предразсудковъ разсѣялось, благодаря ихъ энергичной и упорной дѣятельности! Сколько рожевицъ, подвѣшиваемыхъ за ноги или опаиваемыхъ водкой во время труднаго родового акта, было спасено ими! И если ихъ усилія въ распространеніи болѣе здоровыхъ гигіеническихъ понятій въ практической сферѣ встрѣтили неодолимую преграду въ условіяхъ народнаго экономическаго быта, то тѣмъ не менѣе и на этомъ полѣ работа земскихъ врачей будетъ всегда вспоминаема съ благодарностью исторіей русской медицины.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Николай Сергѣевичъ Сергѣевъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университстѣ, Н. С. опредѣлился на службу въ Бѣлозерскъ уѣзднымъ врачемъ, но съ открытія земскихъ учрежденій перешелъ на службу земства сначала бѣлозерскаго, потомъ череповецкаго, наконецъ новгородскаго. Н. С. почти всю жизнь работалъ на пользу деревни. Ему обязана своимъ существованіемъ земская больница. Первыя серьезныя операціи какъ хирургическія, такъ и офтальмологическія были совершены имъ. Послѣ осязательныхъ доказательствъ медицинской помощи, когда слѣпой сталъ зрячимъ, къ доктору повалила масса больныхъ изъ отдаленнѣйшихъ угловъ уѣзда. Н. С. заслужилъ беззавѣтную любовь народа не только знаніемъ, но и гуманнымъ отношеніемъ къ больнымъ, своимъ безкорыстіемъ — качествомъ рѣдкимъ среди современныхъ эскулаповъ, служащихъ охотнѣе Ваалу, чѣмъ наукѣ и ближнему.

О Сергѣевѣ я узналъ многое отъ Шпаковскаго, извѣстнаго психіатра, энергіи и знанію котораго обязана Колмовская больница своимъ улучшеніемъ, а Одесская психіатрическая — тѣмъ процвѣтаніемъ, какое отмѣчено всѣми авторитетными посѣтителями. Сторонникъ и пропагандистъ колоній, Шпаковскій явился новаторомъ въ своемъ дѣлѣ и настоящимъ другомъ больныхъ, которыхъ прежде держали чуть ли не на цѣпи. Одесская психіатрическая больница, куда Шпаковскій перешелъ изъ Новгородской-Колмовской, можетъ служить образцомъ для другихъ... Вы видите больныхъ, работающихъ на дворѣ, въ полѣ; у нихъ свой клубъ, гдѣ они отдыхаютъ и развлекаются. У нихъ свой театръ. Прежніе ужасы канули въ вѣчность. Шпаковскій, когда я впервые познакомился съ нимъ въ Новгородѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе нервнаго, подвижнаго субъекта, готоваго на борьбу со зломъ. Его

прельщали широкіе горизонты. Рѣчь его дышала сарказмомъ. Этимъ сарказмомъ проникнуты и всѣ его статьи—публицистическаго характера. Это — худощавый человѣкъ средняго роста, съ русыми волосами, съ желтымъ цвѣтомъ лица. Онъ слѣпо всегда находится подъ давленіемъ безпокойной мысли, овладѣвшей имъ идеи. Это—энергія, соединенная съ даровитостью, это натура—артистическая. Одно время онъ занимался адвокатствомъ, и его рѣчи были блестящи. Онъ не мало работалъ въ «Новгородскомъ Листкѣ»,—и его статьи отличались подчасъ сарказмомъ, ироніей Гейне и Бёрне. Если бы онъ не избралъ поприща психіатра, онъ могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ публицистомъ и фельетонистомъ. Можно только жалѣть, что онъ, живя въ Одессѣ, не пишетъ въ одесскихъ газетахъ. Онъ не былъ бы фельетонистомъ во вкусѣ улицы и балагана или кривлякой въ шапочкѣ полинявшаго либерала, но онъ былъ бы сатирикомъ, который, подобно умершему Дьякову, больно хлесталъ бы всѣхъ, заслуживающихъ бича, и стрѣлы сарказма попадали бы въ самое больное мѣсто нашей соціальной жизни.

Сергѣй Захаровичъ Бураковскій—скромный, полезный и даровитый дѣятель. Ему теперь 53 года. Это—изкрасна бѣлокурый человѣкъ, средняго роста, худощавый, съ правильными, благородными чертами лица, съ искреннимъ, задушевнымъ тономъ рѣчи. Это—сама простота, незлобивость, радушіе. Педагогъ по профессіи, онъ артистъ въ душѣ и прекрасный скрипачъ. Утромъ — служба, вечеромъ литературная работа, а затѣмъ отдыхъ со скрипкой въ рукахъ. Онъ членъ артистическаго кружка и развилъ любовь къ музыкѣ въ своихъ дѣтяхъ. Одна изъ его дочерей — превосходная піанистка и скрипачка. Въ литературѣ Б. извѣстенъ, какъ талантливый составитель учебниковъ, какъ авторъ многихъ статей историко-литературнаго и педагогическаго характера. Еще въ университетѣ С. З. принялъ участіе въ переводѣ книги съ чешскаго языка «Исторія чешскаго королевства» Томки. Затѣмъ онъ работалъ въ «Семейныхъ Вечерахъ» («Образцы обрядовой древне-русской поэзіи»), въ «Школьной Жизни», гдѣ его статья «Очерки русской начальной школы въ XVII в.» обратила на себя вниманіе въ педагогическомъ мірѣ. Имъ издано до 13 книгъ, пользующихся заслуженной извѣстностью въ учебно-педагогической литературѣ. С. З. въ 1892 году справилъ свой 25-лѣтній юбилей. Ученики С. З., между которыми есть уже извѣстные педагоги, доктора, инженеры, не забыли своего учителя въ день его праздника. Они откликнулись со всѣхъ концевъ Руси. Довольно много писалъ онъ въ «Новгородскомъ Листкѣ», и ему же, между прочимъ, принадлежитъ шутливый экспромптъ по поводу «Новгородскаго Листка»:

Лишь только зарей освѣтился востокъ,
Какъ сталъ издавать Ельяшевичъ «Листокъ».
Не колоколъ онъ и не вѣче,
Но гласъ его слышенъ далече.

— Вотъ человѣкъ, у коего нѣтъ лукавства,—говорилъ про Б. покойный Иванъ Павловичъ Можайскій, тоже педагогъ, много работавшій въ «Искрѣ» Курочкина и въ другихъ журналахъ («Осколки», «Наблюдатель», «Русская Школа»). Квартира, гдѣ теперь живетъ С. З., въ нѣкоторомъ родѣ историческая. Здѣсь много лѣтъ тому назадъ жилъ археологъ-учитель Купреяновъ, у котораго останавливались историкъ Костомаровъ и маститый поэтъ А. Н. Майковъ. А. Н. читалъ здѣсь свой «Клермонтскій соборъ», а Костомаровъ наизусть былину о Садкѣ. На стеклѣ одного окна есть даже помѣтка Купреянова.

Въ хорошихъ отношеніяхъ съ Костомаровымъ былъ и И. П. Можайскій, писавшій стихи подъ псевдонимомъ Дядя Пахомъ (а не Митяй, какъ сообщается въ Новгородскомъ Сборникѣ). Книжка его стиховъ—теперь почти библіографическая рѣдкость. Она будитъ въ душѣ старыя грезы, напоминаетъ о быломъ времени, когда умѣли смѣяться безъ фиглярства и смѣясь не развращали читателя, не тянули его въ балаганъ.

Я познакомился съ Можайскимъ въ селѣ Помераньѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ качествѣ инспектора училищъ на ревизію.

Я бесѣдовалъ съ учителемъ, когда въ комнату вошелъ человѣкъ высокаго роста, сутуловатый, уже старый, но очень бодрый, сильный и крѣпкій. Въ его бѣлокурыхъ волосахъ не было сѣдины. Только выцвѣтшіе голубые глаза указывали на возростъ. Взглядъ глазъ былъ—острый, начальническій, фигура—внушительная.

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ меня.

— Ничего... я хочу послушать, какъ будутъ экзаменовать.

Я не зналъ, кто говоритъ со мной.

— А вамъ любопытно?

— Очень. Я интересуюсь этимъ.

— Вы учитель?

— Бывшій, доброволецъ, такъ сказать.

— А теперь?

— А теперь—литераторъ.

— Какъ ваша фамилія?

Я сказалъ.

— А!—произнесъ Можайскій:—очень радъ! Ваши книги желанныя въ школѣ и любимыя дѣтьми... Очень радъ! Милости просимъ!

Его голосъ сдѣлался любезнымъ и ласковымъ.

Потомъ я убѣдился, что онъ нарочно напускалъ на себя строгость, чтобы маскировать большую сердечную доброту. И. П. былъ широкая русская натура, большой хлѣбосолъ, какихъ уже мало становится на Руси. Теперь всѣ сжимаются, стараясь сберечь лишній грошъ и какъ можно поменьше истратить на угощеніе знакомыхъ. И. П. держался стариннаго завѣта:

«Что есть въ печи—на столъ мечи».

Заѣдешь бывало къ нему въ Новгородъ—заугощаетъ. Любилъ самъ поѣсть и другихъ накормить. Большой онъ былъ гурменъ и умѣлъ пожить. Веселый разсказчикъ, остроумный анекдотистъ, онъ являлся душой общества. Искусственно строгій на службѣ,—дома, въ собраніяхъ знакомыхъ, онъ былъ простъ и задушевенъ. Была у него еще хорошая черта: не гнушаться простыхъ, бѣдныхъ родственниковъ. Къ нему пріѣзжалъ родственникъ-крестьянинъ, и И. П. садилъ его, въ зипунѣ, за столъ со всѣми. На это неспособны нынѣшніе лощенные либералы, вышедшіе изъ народа. Надѣвъ фракъ, они уже боятся занозить руки о мужицкія мозоли и унизить свое званіе такой близостью съ сермягой. У И. П. осталась хорошая библіотека и очень интересныя записки о своихъ скитаньяхъ по помѣщикамъ, въ роли домашняго учителя. По крайней мѣрѣ онъ говорилъ мнѣ объ этихъ запискахъ.

Иванъ Павловичъ любилъ театръ и былъ хорошо знакомъ съ мѣстнымъ актеромъ—Ниломъ Ивановичемъ Мерянскимъ-Богдановскимъ. Это—сочетаніе большого артистическаго дарованія съ практичностью дѣльца. Нѣкогда бѣднякъ, Н. И. сдѣлался домовладѣльцемъ въ Новгородѣ, выстроилъ театръ, былъ банковскимъ дѣятелемъ, корреспондировалъ въ «Голосъ» и «Новости», самъ издавалъ «Старорусскій Листокъ», имѣлъ свою типографію и книжную лавку, въ которой, впрочемъ, продавались не только книги, но, кажется, даже и разные предметы хозяйственнаго обихода. Средняго роста, плотный, съ отпечаткомъ ума и хитринкой въ лицѣ, олицетвореніе здоровья и энергіи, онъ производилъ на всѣхъ внушительное впечатлѣніе. Не помню, когда я познакомился съ нимъ,—кажется, у Еліашевича, на собраніи, на которомъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ вечера въ память Шашкова и въ пользу его семейства... Потомъ я встрѣчался съ нимъ, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ, бывалъ у него нѣсколько разъ. Властнаго характера, отлично знающій людей, онъ умѣлъ управлять ими и, являясь антрепренеромъ, держалъ труппу въ строгихъ рукахъ. Живя въ Новгородѣ, я спросилъ у одного актера:

— А что М. хорошо платитъ?

— Очень умѣренно, расчетливо... но—честно. Знаешь впередъ, что много не дастъ, хочешь—идешь, хочешь—нѣтъ, но увѣренъ, что получишь все.

Н. И. держалъ театръ на Васильевскомъ Островѣ—и неудачно, потерпѣлъ убытокъ. Дебютировалъ на императорской сценѣ, но почему-то не попалъ на нее, хотя онъ очень хорошій актеръ и имѣлъ большой успѣхъ во многихъ городахъ, между прочимъ, въ Москвѣ у Корша.

Смѣлый и горячій, онъ писалъ довольно ядовитыя корреспонденціи въ газеты, и его собственный «Листокъ» былъ газетой жи-

вой, интересной и злой. Много доставалось отъ него бывшему арендатору Старорусскихъ минеральныхъ водъ—лѣкарю Рохелю, который не могъ слышать даже имени Мерянскаго. Нельзя обойти молчаніемъ двухъ фактовъ, показывающихъ всю силу ненависти Рохеля къ Н. И. и характеризующихъ г. Рохеля. Допекаемый корреспондентами и въ особенности «Старорусскимъ Листкомъ минеральныхъ водъ» (онъ выходилъ только во время лѣчебнаго сезона), Рохель воспретилъ входъ въ садъ разносчикамъ газетъ. Это было сдѣлано вмѣсто того, чтобы опровергнуть упреки «Листка». Надо отдать справедливость «Старорусскому Листку» подъ редакціей Богдановскаго: онъ былъ очень рѣзокъ, но, благодаря ему, открылось много фактовъ, свидѣтельствующихъ о невообразимыхъ злоупотребленіяхъ Рохелевской аренды. Эта аренда, по словамъ «Листка», субсидируемая 12 тысячами, была дана врачу, не гнушавшемуся сажать своихъ рабочихъ въ атмосферу клоаки съ закоптѣлыми отъ сажи стѣнами и окнами, а больныхъ—сажать въ деготь вмѣсто цѣлебной грязи, доводящему санитарныя безобразія своего заведенія до такой степени, что правительственная комиссія констатировала фактъ сгнившихъ и наполненныхъ экскрементами выгребныхъ ямъ. «Листокъ» Богдановскаго буквально хлесталъ арендатора иногда очень грубо, но подъ этой грубостью, быть можетъ, и неприличной чувствовалась страстность возмущеннаго чувства. Богдановскій рисковалъ, онъ зналъ это—и не боялся. Онъ прямо просилъ Рохеля, чтобы онъ притянулъ его къ суду. «Стыдно, ей Богу, стыдно, г. Рохель, отмалчиваться на всѣ наши замѣчанія,—тяните насъ къ отвѣту!».

Но Рохель не потянулъ Мерянскаго къ отвѣту. За то, когда одинъ концертантъ пригласилъ Мерянскаго участвовать въ его «вечерѣ», то Рохель, у котораго концертантъ нанялъ залу, заявилъ ему прямо: «я залы не дамъ, если участвуетъ Мерянскій».

— Но билеты всѣ распроданы... афиши готовы... не ваше дѣло касаться участвующихъ... вы получили деньги...

— Если будетъ Мерянскій, залы не дамъ!

И бѣднякъ концертантъ долженъ былъ отказаться отъ «вечера».

Такова была ненависть Рохеля къ Мерянскому, который смѣло и честно боролся съ людьми наживы въ своей маленькой «сезонной» газеткѣ.

Вообще у новгородскихъ дѣятелей разнаго ранга и силы много въ крови ушкуйническаго упорства и отваги. Въ этихъ качествахъ нельзя отказать и Василію Степановичу Передольскому, извѣстному провинціальному адвокату и трудолюбивому, знающему археологу. Горячая и солидная рѣчь при защитѣ крестьянъ, «сжегшихъ колдунью», чуть не заставила В. С. прогуляться въ мѣста не столь «отдаленныя»... Уже онъ былъ наканунѣ поѣздки въ эти края, когда ему на помощь явилась мощная рука. В. С. остался въ Новгородѣ и могъ опять посвятить себя археологіи, которая ему ближе

и дороже всего, въ томъ числѣ, конечно, и адвокатуры. Онъ—археологъ по призванію. Еще будучи ребенкомъ, живя на родномъ погостѣ, В. С. копался въ землѣ, отыскивалъ старыя монеты. Съ годами страсть у него развивалась и крѣпла, а когда онъ сталъ юношей, она у него уже обратилась въ сильную и сознательную любовь къ археологіи. Онъ служилъ, но не забывалъ своего любимаго дѣла. Разъѣзжая по Россіи и по Европѣ, онъ пріобрѣталъ старинныя вещи, осматривалъ музеи, изучалъ древности. Для него археологія—не забава, не дѣло между прочимъ, а душа и смыслъ жизни. Онъ посвящаетъ почти все время любимому предмету, читаетъ, пишетъ. Помимо разнаго рода статей, имъ выпущено солидное сочиненіе «Бытовые остатки насельниковъ ильменско-волховскаго побережьяи и земель великоновгородскаго державства каменнаго вѣка». Это объясненіе археологической выставки въ Николаевскомъ дворцѣ, устроенной В. С. Теперь печатается другое его сочиненіе: «Новгородскія древности». Пока напечатано только 36 листовъ, но все сочиненіе будетъ заключать въ себѣ 60 листовъ. В. С. состоитъ предсѣдателемъ новгородскаго общества любителей древности, членомъ петербургскаго археологическаго института и членомъ этнографическо-антропологическаго общества въ Лейпцигѣ.

Въ Новгородѣ у Передольскаго превосходный музей, который за поясъ заткнетъ многіе музеи, въ томъ числѣ и оффиціальный новгородскій. Въ свой музей В. С. ухлопалъ большія деньги и теперь продолжаетъ тратить на него добрую половину своего заработка. Какъ археологъ, онъ жаденъ и не пропуститъ ничего, что интересно. Одно время у В. С. родилась мысль устроить во владычномъ домѣ церковный музей, для чего собрать все интересное изъ церквей и монастырей губерніи, выдавъ росписки въ взятыхъ вещахъ, чтобы владѣльцы могли провѣрять свое. Но это не удалось В. С. Недавно онъ просилъ думу отвести ему безплатно помѣщеніе для его музея (теперь вслѣдствіе тѣсноты квартиры все сгружено и многое совсѣмъ свалено внизу). В. С. обѣщался давать безвозмездно объясненія публикѣ, читать лекціи. Предложеніе—прекрасное. Публикѣ есть что посмотрѣть и послушать у Передольскаго. Поучилось бы и юношество. Дума согласилась на просьбу В. С., но ея постановленіе опротестовано мѣстной властью. Нельзя объ этомъ не пожалѣть, потому что публика, такъ мало знакомая съ родной стариной, съ пользой проводила бы время въ стѣнахъ этого частнаго музея. Жаль и то, что въ Новгородскій оффиціальный музей публика пускается за плату. Какая тутъ плата, когда еще надо пріохочивать массу и отвлекать ее отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она не просвѣщается, а развращается.

Я видѣлъ музей Передольскаго въ первый разъ въ 1886 году, когда былъ въ квартирѣ археолога вмѣстѣ съ г. Геемъ, сотрудникомъ «Новаго Времени». Тогда я и познакомился съ В. С. Я былъ

недавно у него снова. Его музей съ 1886 года обогатился значительно. Весь его кабинетъ заваленъ черепами, а онъ, не смотря на свой почтенный возростъ, сидитъ за своимъ столомъ и работаетъ съ энергіей юноши. Ему хорошо и привольно здѣсь, среди этихъ памятниковъ древности и этихъ череповъ, приводящихъ въ трепетъ нервныхъ дамъ.

— Ничего, вы тутъ и работаете?

— И сплю... Немножко сыростью, землей попахиваетъ... Но ничего!..

Онъ разсказываетъ просто, степенно, не спѣша и не волнуясь. Ему уже 63 года, но онъ еще крѣпокъ и бодръ, какъ дай Богъ быть многимъ въ 45 лѣтъ.

Недавно я прочелъ въ «Русской Мысли» очеркъ Потапенко «Счастливый». В. С. относится также къ счастливымъ. Всѣ эти люди идеи, фанатики своего дѣла—счастливы. Имъ есть чѣмъ жить, никогда не скучно, они не могутъ остаться безъ нити жизни, ибо у нихъ есть цѣль и смыслъ этой жизни.

Слушая В. С., я думалъ:

— Эхъ, если бы побольше такихъ людей... на разныхъ поприщахъ... Полнѣе была бы жизнь, и больше было бы радостей... Такіе люди не убиваютъ себя отъ того, что не зачѣмъ жить, не устаютъ работать...

А работники ли не нужны намъ?

«Не герои нужны намъ, а работники»,—говорилъ покойный князь А. И. Васильчиковъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ земскихъ дѣятелей Новгородскаго края. Я случайно познакомился съ нимъ въ редакціи «Русской Рѣчи» и потомъ раза два встрѣчался съ нимъ. Говоря о трудящихся новгородцахъ, грѣшно не упомянуть объ А. И. Васильчиковѣ, о которомъ я уже писалъ, но охотно повторю здѣсь доброе слово, такъ какъ никогда не излишне русскому обществу напоминать о его доблестныхъ и честныхъ дѣятеляхъ, борцахъ въ области слова, мысли и просвѣщенія.

Князь А. И. Васильчиковъ—гордость новгородскаго земства. Онъ извѣстенъ всей Россіи, какъ авторъ книгъ: «О самоуправленіи» и «Землевладѣніе и земледѣліе». Это—капитальные труды, оцѣненные не только у насъ, но и за границей. Александръ Иларіоновичъ родился въ 1818 году, 27-го октября. Кончивъ С.-Петербургскій университетъ со степенью кандидата, онъ въ 1840 году поступилъ въ члены комиссіи по введенію на Кавказѣ новаго административнаго устройства. Но служба его не удовлетворяла,—служба канцелярская, далекая жизни и правды. Онъ уѣхалъ въ провинцію, чтобы познакомиться съ народомъ, съ настоящею, а не съ казовою и бумажною жизнью. Онъ сдѣлался предводителемъ дворянства и здѣсь, у источника жизни, онъ получилъ тѣ практическія знанія, которыя сдѣлали его авторитетнымъ въ рѣшеніи

соціальныхъ вопросовъ и въ разъясненіи народныхъ потребностей. Въ крымскую кампанію А. И. находился въ ополченіи, а потомъ опять отдался изученію народа и его нуждъ. Когда открылось земство, онъ былъ избранъ въ гласные и состоялъ имъ съ 1865 года по 1872 годъ.

Онъ не былъ только практическимъ земцемъ, но не мало потрудился на почвѣ принципіальнаго рѣшенія земскихъ вопросовъ и здѣсь оказался человѣкомъ большого опыта, обширнаго ума, серьезнаго знанія.

Незадолго до смерти онъ намѣревался издавать журналъ и велъ на этотъ счетъ переговоры съ А. А. Навроцкимъ, издателемъ «Русской Рѣчи». При большихъ матеріальныхъ средствахъ, онъ могъ бы поставить журналъ прекрасно въ смыслѣ денежнаго обезпеченія и привлечь лучшія силы. Но событія 1-го марта сильно потрясли его слабое здоровье, и онъ уѣхалъ въ имѣніе. Изъ деревни онъ писалъ А. А. Навроцкому: «Разныя причины и болѣе всего политическія событія потрясли меня на столько физически и нравственно, что я хочу избѣгать всякихъ занятій». Онъ, однако, скоро былъ вызванъ въ составъ перваго съѣзда думныхъ людей, собранныхъ для участія въ обсужденіи вопроса о положеніи выкупныхъ платежей. Эти занятія дурно повліяли на его здоровье, онъ больнымъ вернулся въ деревню и въ октябрѣ 1881 года умеръ.

Мнѣ пришлось съ нимъ какъ-то говорить о «губернской прессѣ».

— Провинціальная печать, — сказалъ А. И., — большая сила, у нея огромное будущее. Напрасно думаютъ, что надо поощрять только столичную прессу. Для государства провинціальная печать особенно важна. Она пока стоитъ низко, потому что у нея нѣтъ ни силъ, ни средствъ, и тяжелы ея условія... Вы вологжанинъ?

— Да, — сказалъ я.

— Отчего вы не хотите послужить сѣверу?

— То-есть?

— Начать изданіе на сѣверѣ областной газеты?

— Не думалъ еще пока... Да и нуженъ пока центръ.

— Какъ писателю?

— Да.

— Правда. Но не забывайте, что это почтенная служба области, на мѣстѣ.

Я вполнѣ согласенъ съ княземъ.

Въ недавнюю поѣздку въ Новгородъ я снова посѣтилъ одинокую могилу С. С. Шашкова на Рождественскомъ кладбищѣ. На могилѣ памятникъ, закрытый деревяннымъ чехломъ. Стоя у могилы, я вспомнилъ покойнаго писателя, мою встрѣчу съ нимъ въ редакціи «Дѣла», разсказы о немъ Мордвинова, Ядринцева и нѣкоторыхъ новгородцевъ... Все это воспоминанія друзей, съ любовью говорившихъ о покойномъ труженикѣ-публицистѣ.

Не съ такимъ чувствомъ говорилъ о С. С. докторъ Постниковъ, когда я былъ у него на кумыскѣ.

— Это—сумасшедшій человѣкъ! Это—невозможный человѣкъ! Ему все плохо, все не по немъ.

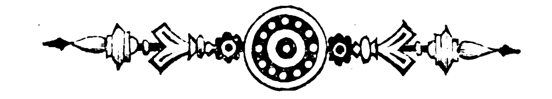
С. С. былъ человѣкъ больной, нервный и не могъ переносить спокойно тѣхъ безобразій, какія терпѣли многіе у Постникова. Я помню статью С. С. о кумыскѣ,—статью, полную яда, но и правды... Шашкова начинаютъ забывать, потому что его статьи разсѣяны по журналамъ и тамъ затеряны. Не мѣшало бы собрать ихъ и съ нѣкоторой сортировкой издать въ нѣсколькихъ томахъ. У С. С. есть очень серьезные труды, достойные вниманія и теперь. Отчего бы не заняться этимъ Павленкову, издателю съ извѣстной идеей. Общество сказало бы ему спасибо. Это было бы даже полезнѣе, чѣмъ издавать многіе quasi-критическіе этюды.

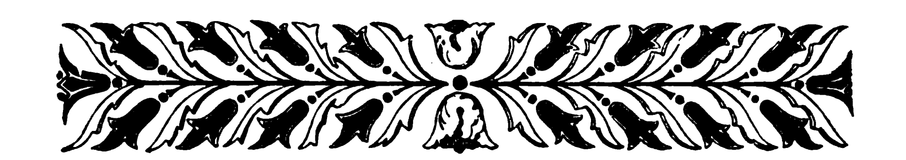
Я хотѣлъ зайти къ женѣ покойнаго, чтобы поразспросить подробнѣе о жизни С. С. въ Шенкурскѣ, куда онъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ Ушаровымъ и Ядринцевымъ. Но я узналъ отъ Бураковскаго, что жена С. С. умерла, равно какъ и сынъ. Дочь же Шашкова учится на высшихъ женскихъ курсахъ.

Заговоривъ о «Новгородскомъ Листкѣ» и «трудящихся» новгородцахъ, я очень удалился отъ лѣта 1880 года, проведеннаго на Волховѣ. Но это не поставится, надѣюсь, читателями въ вину мнѣ. Доброе слово о честныхъ работникахъ—не лишнее слово. Не портреты во весь ростъ рисовалъ я (это едва ли удобно относительно многихъ), а лишь отмѣтилъ тѣ черты ихъ дѣятельности, характера, за которыя они заслуживаютъ добраго слова.

Вернувшись въ Петербургъ съ Волхова, я примкнулъ къ редакціи «Россіи». «Россія» Спичакова—это просто затѣя покойнаго Демидова Санъ-Донато. Эта затѣя не лишена серьезнаго значенія, а исторія спичаковской «Россіи» не бѣдна интересными фактами и курьезами. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

Александръ Кругловъ.

КЪ БІОГРАФІИ ПОЭТА А. И. ПОЛЕЖАЕВА.

ІОГРАФІЯ поэта Полежаева представляетъ еще много пробѣловъ, много недоговореннаго, неяснаго или даже совсѣмъ гадательнаго. Поэтому, думается, всякія разъясненія или новыя черты изъ жизни несчастнаго поэта будутъ приняты съ благодарностью всѣми истинными любителями русской литературы вообще и поэзіи въ частности.

Замѣчательно, что въ мѣстѣ рожденія поэта, Саранскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи, гдѣ мнѣ пришлось прожить нѣсколько лѣтъ, не сохранилось о немъ никакихъ преданій или даже воспоминаній. Изъ біографіи Полежаева извѣстно, что онъ происходилъ отъ незаконной связи помѣщика Леонтія Николаевича Струйскаго съ его дворовой дѣвушкой Степанидой Ивановной, которую онъ въ силу семейныхъ непріятностей выдалъ замужъ за саранскаго мѣщанина Полежаева. И теперь еще въ Саранскѣ есть семья Полежаева, по ремеслу мясника, ничѣмъ не замѣчательнаго или, пожалуй, замѣчательнаго тѣмъ, что онъ упорно открещивается отъ всякаго родства съ «писакой». Семья Струйскихъ сошла со сцены сравнительно недавно, и объ ней въ тѣхъ мѣстахъ ходитъ много разсказовъ, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующихъ о томъ, что въ фамиліи Струйскихъ всегда было что-то ненормальное. Помѣстье Струйскихъ при селѣ Рузаевкѣ Инсарскаго уѣзда, съ великолѣпнымъ каменнымъ домомъ, лѣтъ пять тому назадъ было куплено на сломъ монахинями сосѣдняго Пайгарменскаго монастыря. Отъ этого исторически замѣчательнаго дома не осталось теперь камня на камнѣ, а весь кирпичъ свезенъ въ монастырь для постройки колокольни. Мѣстное саранское общество, вообще мало интеллигентное, ничѣмъ не выразило своего протеста противъ этого вандализма, совершавшагося у него подъ бокомъ.

Зато въ Москвѣ мнѣ случайно пришлось услышать кое-что о поэтѣ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ я познакомился съ одной почтенной старушкой, Евгеніей Андреевной Дроздовой, урожденной Комаровой, коренной жительницей Москвы. Прежде я слышалъ, что она знавала Полежаева, но особеннаго значенія этому обстоятельству не придавалъ. Въ послѣдній же мой проѣздъ черезъ Москву я услышалъ отъ этой старушки много такого, что, помоему, заслуживаетъ вниманія.

Госпожѣ Дроздовой теперь семьдесятъ пять лѣтъ. Родители ея имѣли въ Москвѣ свои дома и жили очень хорошо. Многіе изъ тогдашнихъ студентовъ были приняты въ ихъ домѣ, какъ свои, изъ которыхъ она помнитъ Полежаева, Коврайскаго, Лозовскаго, Уткина и другихъ. Эта компанія студентовъ составляла свой кружокъ. Душою товарищества былъ поэтъ Полежаевъ, который безусловно выдавался среди другихъ студентовъ своимъ умомъ и находчивостью. Онъ былъ очень статенъ собой и имѣлъ замѣчательно выразительные глаза. Какъ всѣ студенты того времени, и это товарищество проводило свое время очень весело, занималось кутежами и разными похожденіями, въ основѣ которыхъ чаще всего было простое школьничество. Такъ однажды Полежаевъ шелъ съ кѣмъ-то изъ товарищей по улицѣ; въ это время на извозчикѣ ѣхала какая-то хорошенькая барышня. Онъ вскочилъ сзади на дрожки, поцѣловалъ ее и снова соскочилъ долой. Въ другой разъ, напримѣръ, это товарищество студентовъ раскачало заборъ передъ домомъ какой-то барышни и т. п. въ этомъ же родѣ. Товарищи Полежаева говорили г-жѣ Дроздовой, что въ университетѣ онъ шелъ хорошо, и начальство отличало его среди другихъ студентовъ. На свою бѣду поэтъ передъ окончаніемъ университетскаго курса написалъ извѣстную шуточную поэму «Сашка», которая въ игривой формѣ описывала разныя похожденія и кутежи студентовъ. Названіе Сашка» относилось собственно не къ одному только Александру Полежаеву, но и ко всѣмъ другимъ товарищамъ—Коврайскому, Лозовскому, Уткину и проч., которые всѣ назывались Александрами. Эта поэма была написана на нѣсколькихъ листахъ писчей бумаги, а на первой страницѣ карандашемъ былъ нарисованъ Уткинымъ портретъ государя съ подписью: «Рисовалъ студ. Уткинъ».

Первые годы послѣ заговора декабристовъ было очень строго. Когда государь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву на коронацію, то неизвѣстно кѣмъ-то рукописная поэма «Сашка» была передана ему. Въ другое время эта шалость и прошла бы, можетъ быть, безнаказанно для поэта, но вскорѣ послѣ движенія декабристовъ, которое приписывалось вредному образованію юношества трудно было разсчитывать на снисходительность. Дѣйствительно государь взглянулъ на дѣло серьезно и потребовалъ къ себѣ студента Полежаева. Въ біографическомъ очеркѣ Полежаева, предпо-

сланномъ къ изданію его стихотвореній журналомъ «Нива», сказано, что ректоръ университета разбудилъ Полежаева часа въ три ночи и велѣлъ сойти въ правленіе, откуда попечитель округа повезъ его къ министру народнаго просвѣщенія и т. д. Г-жа Дроздова отрицаетъ это и разсказываетъ слѣдующее. Полежаевъ жилъ въ нумерахъ, на Тверской. Его взяли утромъ, въ чемъ онъ былъ, и отвезли къ государю въ грязномъ сюртукѣ, съ двумя пуговицами, и въ пуху. Когда государь, сурово взглянувъ на него, спросилъ:

— Ты ли сочинялъ эти стихи?

— Я,—отвѣтилъ Полежаевъ.

— Читай,—сказалъ ему государь, протягивая тетрадь.

— Кто писалъ, тотъ читалъ, ваше императорское величество,—отвѣтилъ поэтъ, опять сложивъ тетрадь и подавъ ее обратно.

— Бравый солдатъ,—произнесъ государь, смотря съ любопытствомъ на поэта.

— Готовъ служить вашему императорскому величеству,—отвѣтилъ кланяясь Полежаевъ.

Когда поэтъ вышелъ изъ царскаго кабинета, то генералитетъ съ участіемъ говорилъ ему:

— Надо было бы упасть къ ногамъ государя и сказать: «Игра ума, ваше императорское величество». На что поэтъ отвѣтилъ: «Что сказано, то сказано». Всякую другую передачу этого событія въ жизни поэта г-жа Дроздова положительно отрицаетъ и называетъ выдумкой.

Полежаевъ послѣ того былъ зачисленъ въ Бутырскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Съ полгода онъ велъ себя хорошо, и первое время объ немъ каждый мѣсяцъ доносили государю. Поэтъ, при его развитіи, очевидно, не могъ примириться съ своимъ новымъ положеніемъ и, не видя улучшенія своей участи, началъ пить запоемъ, и въ этомъ все дальнѣйшее его несчастіе. Пользуясь даннымъ ему правомъ писать государю, онъ послалъ ему просьбу о помилованіи. Не получая отвѣта, онъ самовольно оставилъ полкъ и пошелъ пѣшкомъ въ Петербургъ, но одумался и вернулся опять въ свой полкъ. За это, по конфирмаціи государя, онъ былъ лишенъ личнаго дворянства и разжалованъ въ рядовые безъ выслуги. Въ жизни поэта не осталось никакого просвѣта и никакого выхода. Онъ запилъ горькую. Въ это-то время съ него и былъ снятъ помѣщаемый при семъ портретъ, писанный студентомъ Уткинымъ, который и самъ былъ потомъ сосланъ въ Сибирь. При этомъ необходимо оговориться, что собственно подлинный портретъ работы Уткина безслѣдно исчезъ, но съ него въ Москвѣ литографскимъ способомъ было снято пятьдесятъ экземпляровъ; вотъ одинъ-то изъ этихъ рѣдкихъ экземпляровъ и сохранился у г-жи Дроздовой. Онъ мною переданъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Портретъ, по словамъ г-жи Дроздовой, очень похожъ, «совсѣмъ, какъ живой», а если лицо кажется одутловатымъ, то это отъ запоя.

Когда онъ былъ студентомъ, въ него была влюблена одна генеральская дочь, фамилію которой г-жа Дроздова забыла. Она жила на Тверской. Когда онъ, будучи унтеръ-офицеромъ, въ первое время шелъ съ своей командой куда-то на часы, то, проходя передъ домомъ этой дѣвушки, стоявшей на балконѣ, онъ вышелъ изъ строя и ружьемъ сдѣлалъ ей честь.

Изъ Москвы, продолжаетъ г-жа Дроздова, поэтъ былъ переведенъ на Кавказъ и отсутствовалъ года три или четыре, а затѣмъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ въ Тарутинскій егерскій полкъ, командиромъ котораго состоялъ Святогоръ-Штепинъ, вообще относившійся очень снисходительно къ поэту. У него Полежаевъ даже нѣкоторое время былъ учителемъ. Въ это время онъ очень нуждался въ деньгахъ, пилъ очень много и все грозился отправиться и собственноручно убить какого-то своего дядю, который обобралъ его, присвоивъ завѣщанныя отцомъ поэта тысячъ двадцать рублей. Это обстоятельство особенно удручающимъ образомъ вліяло на поэта. Нуждаясь въ деньгахъ на вино, онъ часто обращался къ товарищамъ, которые давали ему водки, но съ тѣмъ, чтобы онъ писалъ. И вотъ, сидя за бутылкой водки, онъ диктовалъ стихи, а товарищи записывали ихъ... «И замѣчательно,—прибавляетъ г-жа Дроздова,—что, чѣмъ бывало онъ больше пьетъ, тѣмъ пишетъ лучше».

Онъ бѣжалъ изъ Москвы всего три раза; послѣдній разъ это было въ 1837 году, когда онъ самовольно оставилъ полкъ, куда-то пропалъ и даже пропилъ свою аммуницію. Его нашли, вернули въ полкъ и наказали розгами [1]). Это было осенью, уже въ заморозки, но мѣсяца г-жа Дроздова точно не помнитъ. Его положили въ военный лазаретъ, гдѣ онъ болѣлъ больше трехъ мѣсяцевъ. «Къ намъ часто пріѣзжалъ,—разсказывала Е. А. Дроздова,—баталіонный адъютантъ, Михаилъ Павловичъ Перфильевъ, который говорилъ, что долгое время послѣ наказанія поэта изъ его спины вытаскивали прутья. Мы, дѣвушки, имъ очень интересовались, но навѣстить его совѣстились, однако же черезъ его товарищей и нашихъ знакомыхъ по полку знали о немъ самыя мельчайшія подробности». Къ Рождеству 1837 года поэтъ сталъ чувствовать себя очень дурно, страшно измѣнился физически и нравственно, сдѣлался религіозенъ, причастился, соборовался и умеръ истиннымъ христіаниномъ. Передъ смертью онъ созвалъ всѣхъ своихъ товарищей и въ великолѣпной рѣчи убѣждалъ ихъ вѣровать, говорилъ имъ, что самъ онъ не пріобщался св. Тайнъ семнадцать лѣтъ, но теперь раскаялся и сдѣлался другимъ человѣкомъ.

Евгеній Бѣлозерскій.

---

[1]) Это сообщеніе мы оставляемъ на отвѣтственности г-жи Дроздовой и думаемъ, что оно должно быть провѣрено біографомъ поэта по архивамъ Тарутинскаго полка.

БЫЛЫЕ ДОБРЫЕ ЛЮДИ ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ОСЛѢ мнѣ приходилось изображать преимущественно разныя тамбовскія историко-бытовыя несовершенства, и я посильно говорилъ одну историческую правду, основанную на несомнѣнныхъ документахъ, не имѣя никакихъ предварительныхъ тенденцій. Я работалъ безпрерывно, пользуясь служебными отдыхами, около 20 лѣтъ и изучалъ Тамбовскій край въ Тамбовскомъ и Московскомъ архивахъ въ разныхъ бытовыхъ отношеніяхъ: церковномъ, земскомъ, административномъ и домашнемъ. При этомъ я всегда полагалъ и теперь полагаю, что сообщенныя и сообщаемыя мною архивныя данныя могутъ имѣть научно-историческое значеніе, въ смыслѣ матеріала—конечно, не только по отношенію къ изучаемой мною мѣстности, но и вообще—ко всей былой окраинно-русской сторонѣ, бытовыя условія которой такъ схожи во всемъ съ тамбовскими...

Любовь къ исторической правдѣ обязываетъ меня высказать, на основаніи 20-лѣтняго архивскаго опыта, что наша тамбовская государственно-общественная жизнь имѣла, конечно, и свои свѣтлыя стороны. Повинуясь историческимъ документамъ, я уже не разъ отмѣчалъ эти стороны. И вотъ теперь мнѣ хочется помянуть тамбовскую старо-русскую жизнь изображеніемъ свѣтлыхъ чертъ ея жизни, и только этимъ. Я увѣренъ, что на быломъ сѣромъ фонѣ тамбовской жизни были, къ счастію, и многія свѣтлыя пятна, и они намъ особенно дороги, во имя христіанской идеи постепеннаго развитія націй и обществъ...

Я начинаю съ XVII вѣка. Болѣе отдаленныя эпохи у насъ покрыты мракомъ неизвѣстности. На нихъ въ нашихъ и иныхъ архивныхъ актахъ есть только намеки...

Въ началѣ XVII вѣка въ Тамбовскомъ краѣ мирно уживались всѣ мѣстные инородцы во главѣ съ русскимъ господствующимъ населеніемъ. Всѣ наши русскіе колонизаторы,—сбродные и государственные, дѣлали свое дѣло умѣло, энергично и безповоротно. Въ нихъ сказывалась та самая народно-русская сила, крѣпкая и ласковая въ то же время, которая такъ симпатично и теперь рекомендуетъ весь русскій народъ на всѣхъ окраинахъ Русскаго царства... Наши русскіе тамбовцы XVII вѣка отличались замѣчательною уживчивостью, инородцевъ особенно не обижали, а если и случались какія либо недоразумѣнія, то они были взаимныя; вообще у насъ не было никогда систематическаго гнета господствующей націи по отношенію къ инородцамъ. Покореніе нашихъ инородцевъ въ смыслѣ русской ассимиляціи есть дѣло мирное; это—побѣда почти безкровная...

Упорнѣе всѣхъ нашихъ инородцевъ въ эпоху усиленной русской колонизаціи и ассимиляціи XVII вѣка были татары. Въ то время, какъ мѣстная мещера совсѣмъ уже обрусѣла, сохранивъ на память о своемъ быломъ одни только своеобразные женскіе костюмы, а мордва болѣе чѣмъ на половину слилась съ тамбовскою русью, одни тамбовскіе татары твердо стояли еще за свою вѣру, языкъ и обычаи. При случаѣ они выражали свою національную рознь съ русскими довольно рѣзко, мечтали о Крымѣ и Турціи, но это была уже не исторія, а поэзія, порывы которой въ первой половинѣ XVIII вѣка окончательно смолкли... И однако еще въ XVII вѣкѣ, и даже ранѣе, большинство нашихъ православныхъ русскихъ сходцевъ мирно, пососѣдски, уживалось съ татарами. Русскіе татарской вѣрѣ не мѣшали и давали татарамъ всякія льготы: имущественныя и правовыя. У нашихъ татарскихъ мурзъ, темниковскихъ и елатомскихъ, были свои вотчины, были и крестьяне, въ средѣ которыхъ иногда оказывались даже русскіе утеклецы и сбродники... И всѣмъ тѣмъ крестьянамъ житье у татарскихъ мурзъ было обычное, правовое, безъ тѣхъ крайностей, которыми особенно отличался позднѣйшій крѣпостническій періодъ...

Между татарами-помѣщиками не рѣдко попадались у насъ люди несомнѣнно добрые, глубоко отзывчивые на всякую нужду-скорбь человѣческую. Крестьянъ своихъ работой они не неволили, а иныхъ и совсѣмъ отпускали на волю; и если случался набѣгъ крымскій или ногайскій, то темниковскіе и елатомскіе мурзы честно, вообще, исполняли свой государственный и вотчинный долгъ, крѣпко стояли за царя и за Русскую землю и не рѣдко платились за это своими головами на полѣ битвы... Въ концѣ XVII вѣка

одинъ изъ темниковскихъ мурзъ, Ишеевъ, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ — нѣсколько десятковъ семействъ. Добрый татаринъ мотивировалъ свой поступокъ въ своей отпускной слѣдующими трогательными словами: «Жалѣючи людей и помня смертный часъ свой, пущаю всѣхъ (слѣдуютъ имена) на волю для души спасенья»...

Былыхъ добрыхъ людей Тамбовскаго края я упомяну здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ. Конечно, не всѣ они будутъ изображены мною въ данномъ случаѣ, а только нѣкоторые, наиболѣе видные по ихъ общественно-государственной дѣятельности и сохранившіеся въ документахъ тѣхъ разныхъ архивовъ, которые мнѣ были доступны.

Въ 1660-хъ и 1670-хъ годахъ въ городѣ Тамбовѣ проживалъ знаменитый воевода, думный дворянинъ Хитрово, искусный и энергичный оберегатель Тамбовскаго края въ эпоху Разинской смуты. По моему мнѣнію, Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово былъ въ XVII вѣкѣ такимъ же почтеннымъ гражданскимъ дѣятелемъ, какимъ былъ въ церковной сферѣ его современникъ—архіепископъ Мисаилъ, о которомъ я уже писалъ «въ Историческомъ Вѣстникѣ».

Когда Яковъ Тимоѳеевичъ прибылъ въ Тамбовъ на воеводство, онъ былъ уже почтеннымъ сѣдовласымъ старцемъ и часто прихварывалъ. Но, во имя служебнаго долга, онъ забывалъ свои немощи и неизмѣнно являлся тамъ, гдѣ требовался хозяйскій воеводскій глазъ. Особенное свое вниманіе Хитрово обращалъ на укрѣпленіе и населеніе тамбовскихъ городовъ и селъ и на выкупъ плѣнныхъ. На это послѣднее дѣло сердобольный старикъ не жалѣлъ и своихъ собственныхъ средствъ, отлично понимая полоняничную жизнь и болѣя сердцемъ за всѣхъ полоняниковъ...

Время, въ которое Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово у насъ воеводствовалъ, по извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ, было едва ли не самымъ тяжелымъ во всей мѣстной исторіи. Край нашъ изъ конца въ конецъ былъ разоряемъ татарами и казацко-крестьянскою вольницею... Въ городахъ, монастыряхъ, селахъ и деревняхъ крымцы и мятежники безчетно побивали и въ полонъ имали служилыхъ людей крестьянъ и ихъ дѣтей и братью; а дворы пожигали; и стало много дворовъ пустыхъ... Тутъ-то и проявилась энергія старика-воеводы. Посильно оберегая край военною рукою и лично направляя тамбовскія дружины во всѣ тѣ стороны, гдѣ больше было опасности, онъ особенныя свои заботы посвятилъ дѣлу организаціи именно выкупа плѣнныхъ... При немъ тщательно составлялись у насъ переписныя книги о томъ, сколько церквей Божіихъ разорено и взято въ полонъ русскихъ людей мужеска и женска пола и дѣтей, и сколько побито, и сколько скотины отогнато и дворовъ и гуменъ съ хлѣбомъ пожжено... И все это дѣлалось не ради выслуги или рекламы, а для возможной

и дѣйствительной помощи пострадавшимъ. Помощь эта была или мѣстная или правительственная—царская. Въ обоихъ случаяхъ горячимъ и искреннимъ дѣятелемъ былъ самъ Яковъ Тимоѳеевичъ.

Разинское движеніе разыгралось у насъ во время воеводства Якова Тимоѳеевича не на шутку. Во многихъ селахъ собирались воры и многое разореніе чинили, людей пытали, до смерти били и рубили и въ ямы шибали и животы имали; а крестьяне съ ворами сложились за единъ и церкви Божіи сожгли, а кадомскій воевода Дмитрій Аристовъ, убоявся напрасной смерти, изъ Кадома бѣжалъ невѣдомо куда.

Бѣгство воеводы Аристова вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что бунтовщики, надвигавшіеся къ намъ изъ сосѣдняго Пензенскаго края, не давали пощады именно лицамъ привиллегированнаго званія. «А ѣздятъ воровскіе казаки по уѣздамъ,—говорится въ нашихъ документахъ, — рубятъ они помѣщиковъ и вотчинниковъ, за которыми крестьяне, а черныхъ людей никого не рубятъ и не грабятъ».

И черные люди нашего края массами шли въ Разинскія шайки и искренно вѣрили въ правоту ихъ дѣйствій. Во дни описываемаго лихолѣтья по нашимъ селамъ, майданамъ, бутамъ и уметамъ ходили по рукамъ и громко на мірскихъ сходкахъ прочитывались листы отъ самого Стеньки Разина, а въ тѣхъ воровскихъ листахъ написаны были такія мятежныя рѣчи... «и вы бъ, черные люди, цѣловали крестъ царевичу Алексѣю Алексѣевичу и батюшкѣ нашему Никону патріарху»...

Тогда Тамбовскій воевода Хитрово наспѣхъ выступилъ въ свою провинцію и умѣлою рукою успокоилъ край.

16 октября 1670 г. онъ выступилъ въ Шацкъ, а 17-го воровскіе казаки многимъ собраніемъ приходили къ Шацкому и его слободамъ. Мятежники открыли пушечный огонь по крѣпости. Въ Шацкѣ начался сильный пожаръ. Въ пожарной суматохѣ жители безпорядочно бѣгали по улицамъ, и потому огонь принялъ болѣе обширные размѣры, чѣмъ можно было ожидать по началу. На колокольняхъ ударили въ сполохъ. Паника все увеличивалась: женщины голосили, какъ по умершимъ; кричали дѣти... Въ это время нашъ тамбовскій воевода Я. Т. Хитрово быстро собралъ весь шацкій гарнизонъ и вышелъ съ нимъ въ поле, за слободы, и милостію Божіею и великаго государя счастьемъ побилъ воровскихъ людей и пушки ихъ и знамена и многіе языки поималъ. Къ вечеру побѣдитель вернулся въ Шацкъ. Въ это время пожаръ уже стихалъ, и жители немного успокоились и могли встрѣтить стараго воеводу съ должнымъ почетомъ.

26 октября, когда безопасность города Шацка стала несомнѣнною, Я. Т. Хитрово выступилъ къ селу Княжему унимать его жителей отъ воровства и шатости. Взбунтовавшіеся жители

Княжого стали по чертѣ у моршанскихъ про зжихъ воротъ и чинили всякое дурно. Къ нимъ пристали жители иныхъ селъ, и вскорѣ они заняли села Алгасово и Рыбную Пустошь. Здѣсь-то и настигъ ихъ неутомимый Хитрово и осадилъ, и къ обозу ихъ приступами жестокими приступалъ и изъ пушекъ билъ и побивалъ, и села Алгасово и Рыбное зажегъ и разорилъ; и отъ тое пушечныя стрѣльбы и великія тѣсноты воры съ атаманомъ Тимошкой Мещеряковымъ добили великому государю челомъ... За такую покорливость оставшіеся въ живыхъ алгасовскіе и рыбинскіе измѣнники были помилованы. Помиловалъ ихъ тамбовскій воевода царскимъ именемъ и послѣ того пошелъ на село Сасово на другихъ измѣнниковъ и разбилъ ихъ, разбилъ и тоже помиловалъ... Такое военное милосердіе и въ настоящіе дни—рѣдкость.

Въ томъ же XVII вѣкѣ Тамбовскій край не скуденъ былъ и такими людьми, которые всю свою жизнь полагали на просвѣщеніе темной народной массы. То были свѣточи Тамбовской земли, которые по Христовой заповѣди любили своихъ ближнихъ, какъ самихъ себя. Не ради матеріальныхъ выгодъ и разныхъ служебныхъ прибылей работали они; они работали во имя человѣколюбивой христіанской идеи. Къ такимъ нашимъ дѣятелямъ нельзя не отнести темниковскаго служилаго человѣка Мыльникова.

Внукъ темниковскаго стрѣлецкаго головы и сынъ темниковскаго священника, Иванъ Епифановичъ Мыльниковъ сидѣлъ въ подьячихъ въ темниковской приказной избѣ, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, съ 1660 года и за многія службы, приказную работу и посылки въ другіе города верстанъ былъ денежнымъ окладомъ въ 25 рублей. Когда начался бунтъ Стеньки Разина и темниковскіе городовые и уѣздные жители пошатнулись, Мыльниковъ съ своими родственниками ушолъ изъ Темникова въ Арзамасъ къ боярину князю Юрію Долгорукову, въ полкъ стольника Ивана Лихарева. Среди боевой обстановки и ужасовъ междоусобнаго кровопролитія, скромный и религіозный темниковскій подьячій сразу измѣнился и бился противъ воровскихъ людей въ бояхъ въ Арзамасскихъ, Кадомскихъ и Темниковскихъ мѣстахъ, не щадя головы своей, излиха. Между тѣмъ городской домъ его былъ разоренъ и сожженъ. Дядя его Семенъ Шаня былъ срубленъ. Сестру его воры запытали до смерти. Мать, жену и малыхъ дѣтей тоже пытали и огнемъ жгли. Женѣ его и дѣтямъ какъ-то удалось уйти въ Красную Слободу, а мать не вынесла пытки и умерла... Кончились дикія оргіи казацко-крестьянской смуты. Мыльниковъ вернулся домой, въ родной и совершенно разоренный Темниковъ, и не досчитался многихъ близкихъ родныхъ своихъ, умершихъ лютою смертью. Некуда было ему, преждевременно посѣдѣвшему, преклонить скорбной головы своей,

потому что онъ совершенно оскудалъ и одолжалъ великими долгами. Въ утѣшеніе дали ему, за его скудость, лишняго подьяческаго жалованья 2 рубля въ годъ... Тутъ-то въ его подавленномъ всякою тугою и житейскою скорбью сердцѣ и явилась усиленная вѣра, помирившая его съ житейскимъ лихомъ, осушившая многія и великія его слезы и двинувшая его на дѣло Евангельской проповѣди [1]).

Мыльниковъ былъ великій христіанскій идеалистъ своего времени. Руководимый исключительно любовію къ ближнимъ, онъ скромно и дружелюбно появлялся не разъ въ разныхъ мордовскихъ захолустьяхъ. Тамъ онъ посильно помогалъ мѣстной бѣднотѣ: кому послѣднимъ рублемъ своимъ, кому опытнымъ совѣтомъ и сердечной лаской. И если встрѣчалъ обычную въ то время грубость, то не обижался, а терпѣніемъ и любовію смягчалъ суровыя сердца... Подготовивъ такимъ образомъ благопріятную почву, онъ постепенно входилъ въ полное довѣріе у дикой языческой мордвы и, не имѣя священническаго сана, явился, наконецъ, усерднѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ православнымъ миссіонеромъ.

Миссіонерская дѣятельность Мыльникова сдѣлалась въ Московскомъ государствѣ до того популярною, что въ 1689 году онъ получилъ имянную царскую грамоту, въ которой, между прочимъ, заключались слѣдующія слова: «Темниковскую мордву ты призывалъ ко крещенію, и по твоему призыву многіе крещены...».

XVIII вѣкъ, какъ извѣстно, неособенно блисталъ у насъ на Руси христіанскими добродѣтелями. То было время переходное, подражательное. Русскіе люди того времени слишкомъ рабски относились къ вѣяніямъ Запада и легкомысленно схватывали только формы и увлеченія этого Запада и забывали про то, чѣмъ изстари сильна была Русская земля. Но и въ это переходное время Тамбовскій край не былъ обездоленъ, и были въ немъ вліятельные добрые люди. Во главѣ ихъ стоитъ святитель Тихонъ, епископъ воронежскій и елецкій. Я имѣю дерзновеніе причислить его къ тамбовскимъ дѣятелямъ потому, что въ половинѣ прошлаго вѣка вся западная половина Тамбовскаго края (съ городами Липецкомъ, Лебедянью, Усманью, Романовымъ, Добрымъ и Демшинскомъ) принадлежала къ Воронежской епархіи и была, слѣдовательно, подъ архіерейскимъ руководствомъ св. Тихона... Въ тамбовскомъ уѣздномъ городѣ Лебедяни имъ была основана школа, которой дана была святителемъ подробная руководительная инструкція (напеч. въ V вып. моихъ «Тамбовскихъ Очерковъ», стр. 117).

Жизнь святителя Тихона слишкомъ извѣстна всему православному міру. Но я хочу кратко вспомнить ее по тому документу, ко-

[1]) Выпись 1780 г., данная изъ Темниковскаго уѣзднаго суда канцеляристу Лукѣ Мыльникову о службѣ предковъ. Изъ архива Шацкой провинціи.

торый хранится въ Тамбовской архивной комиссіи, именно по рукописи келейника святителя В. Чеботарева.

Весною 1724 года на Короцкомъ погостѣ, Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда, въ поповской слободкѣ у дьячка Саввы Кирилловича родился сынъ Тимоѳей. Не весело встрѣтила жизнь новорожденнаго мальчика. Обернули его въ грубыя самодѣльныя тряпки и повѣсили его люльку въ душной, тѣсной и дымной избѣ... Кто могъ подумать, что новорожденный убогій мальчикъ современемъ осіяетъ всю Русь славою своей святой и учительной жизни, нетлѣніемъ св. мощей и сильнымъ предстательствомъ у Божьяго престола за прославленную имъ Русскую землю? Скоро послѣ того скромный бѣднякъ Савва Кирилловичъ, къ огорченію всего прихода, скончался, и для его семьи наступили дни ужасающей нищеты. Прошло нѣсколько лѣтъ неисходнаго горя. Маленькаго Тимоѳея, обутаго въ лапти домашней работы и одѣтаго въ ветхую сермяжку, стали посылать въ чужія поля пахать-боронить. Обливаясь пòтомъ и натуживая свои слабыя силы, старательный Тима дѣлалъ свое дѣло исправно и радъ былъ, если на его долю выпадалъ кусокъ чернаго хлѣба и кувшинъ воды. А между дѣлъ онъ учился грамотѣ у старшаго брата Ефима, отцовскаго замѣстителя. Въ воскресные дни и праздники маленькій Тимоѳей, разрядившись въ новенькіе лапотки, раньше всѣхъ являлся въ Короцкую церковь и бывалъ очень счастливъ, если ему удавалось или какъ нибудь услужить священнику въ алтарѣ, или что нибудь прочитать и пропѣть въ церкви. Могли ли подумать короцкіе крестьяне, внимавшіе чтенію и пѣнію убогаго дьячковскаго сына—Тимы, какъ всѣ его звали, что это будущій свѣтильникъ Христовой церкви, свѣтъ котораго просвѣтится передъ всѣми человѣки?

Маленькій Тима сразу сдѣлался любимцемъ короцкаго прихода. Тихій, ласковый, услужливый, не по лѣтамъ начитанный и вдумчивый, онъ обыкновенно избѣгалъ дѣтскихъ игръ и любилъ говорить только о божественномъ, при чемъ его отзывчивая душа горячо воспринимала всякую бѣду людскую: и лихую болѣсть, и нищету неисходную, и всякую неправду... Это болѣзное сердце отличало святителя во всѣ дни его жизни и выразилось и въ его поученіяхъ, полныхъ состраданія къ бѣднотѣ человѣческой, и въ совершенной щедрости и даже раздачѣ всего имущества бѣднякамъ и нищимъ...

Святитель Тихонъ самъ разсказывалъ своему келейнику про свое дѣтство въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «какъ началъ я себя помнить,—говорилъ онъ,—насъ было четыре брата, изъ коихъ средній взятъ въ военную службу, да двѣ сестры; и жили мы въ великой бѣдности, хотя большой братъ Ефимъ и отправлялъ дьячковскую должность, такъ что и дневную пищу не всегда имѣли, и мать наша много о томъ плакала»...

Узнали о ихъ бѣдѣ короцкіе крестьяне, и многіе изъ нихъ жалѣли нищую семью, а иные прихаживали къ нимъ и во имя Христово подавали, кто чѣмъ могъ: кто холстиной, кто хлѣбомъ, кто живностію. Чаще другихъ навѣдывался въ убогую дьячковскую избу одинъ бездѣтный, зажиточный ямщикъ. Маленькій Тимоѳей, смышленый и ласковый, особенно полюбился доброму мужику. И вотъ онъ однажды сказалъ его матери:

— Отдай мнѣ Тимку своего. Я его возьму за мѣсто сына, и все мое имущество его будетъ.

Долго крѣпилась сердобольная мать, но горькая нужда взяла свое, и она, наконецъ, рѣшилась отвести своего Тиму къ ямщику. Помолились Богу, вдосталь наплакались и пошли въ путь-дорогу... Въ это время вернулся домой изъ прихода старшій братъ Ефимъ, узналъ, въ чемъ дѣло, и побѣжалъ догонять мать. Догнавши онъ упалъ передъ нею на колѣни и сталъ умаливать:

— Куда вы ведете брата? Ямщику отдадите, ямщикомъ онъ и будетъ... Но я не хочу, чтобъ братъ ямщикомъ былъ. Я лучше съ сумою по міру пойду, но брата не отдамъ ямщику. Лучше опредѣлимъ его къ какой либо церкви...

Мать послушалась старшаго сына и вернулась съ Тимой домой. Но такъ какъ дома нечего было ѣсть, то малютку снова стали посылать на полевыя работы къ богатымъ крестьянамъ изъ одного хлѣба.

Когда Тимоѳею исполнилось 14 лѣтъ, мать пошла съ нимъ въ Новгородъ для опредѣленія его во вновь учрежденную семинарію. Тамъ она скоро и скончалась къ величайшей скорби сиротки-сына и всей семьи. Сироту приняли въ семинарію на казенный коштъ. Но это не избавило его отъ великой бѣдности.

— Началъ я продолжать ученіе на казенномъ коштѣ,—разсказывалъ святитель,—и терпѣлъ великую нужду... И какъ, бывало, когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго половину оставлю для продовольствія себя, а другую половину продамъ, куплю свѣчку и съ оною сяду за печку и читаю книжку... Тогда богатыхъ отцовъ дѣти, соученики мои, играючи, найдутъ отопки и начнутъ смѣяться надо мною и оными махать на меня, говоря: величаемъ тя... Но какъ я потомъ посвященъ былъ въ викарнаго епископа и пріѣхалъ въ Новгородъ, то оные-жъ и пришли ко мнѣ для принятія благословенія, и я имъ сказалъ:

— Вы, братцы, прежде смѣялись надо мною, какъ мы были въ семинаріи малолѣтними дѣтьми, и истоптанными лаптями махали на меня, а теперь и кадилами будете кадить.

Смущенные новгородскіе іереи стали просить у владыки прощенія, а онъ имъ отвѣтилъ:

— Ничего, я шутечи говорю вамъ, братцы.

Окончивъ курсъ въ Новгородской семинаріи съ особеннымъ отличіемъ, послѣ 15-ти-лѣтняго неутомимаго ученія, Тимоѳей Саввичъ

былъ нѣсколько лѣтъ образцовымъ учителемъ родной семинаріи, а затѣмъ, по принятіи монашества, ректоромъ Тверской духовной семинаріи.

Служебная карьера будущаго святителя шла твердо и быстро. Но не эти успѣхи занимали его. Истинно смиренный, онъ помышлялъ не объ ожидавшемъ его святительствѣ, а о томъ, чтобы скромно поселиться въ какой либо уединенной пустыни и всю жизнь свою отдать Богу... Такую мысль онъ не рѣдко выражалъ и въ Задонскѣ своему келейнику Чеботареву:

— Я и теперь снялъ бы съ себя рясу и клобукъ, — говорилъ онъ,—и укрылся бы въ пустынный монастырь... но этого сдѣлать никакъ невозможно...

Когда святитель Тихонъ, сдѣлавшись викарнымъ епископомъ, съ церемоніей въѣзжалъ въ Новгородъ, его встрѣтило духовенство, власти и народъ. Стеченіе народа было огромное. Всѣмъ очень любопытно было видѣть въ великомъ архіерейскомъ санѣ бывшаго убогаго новгородскаго семинариста. Стояла въ толпѣ и вдова, родная сестра владыки, и неудержимо плакала отъ радости, а подойти къ брату не смѣла, хотя и пользовалась его помощью уже нѣсколько лѣтъ. Святитель увидѣлся съ сестрой на другой день. Объ этомъ свиданіи онъ самъ разсказывалъ такъ:

— Послалъ я за сестрой коляску, а она, бѣдная, пріѣхавши, и не смѣетъ войти въ келью. Я отворилъ дверь и говорю:

— Пожалуй, сестрица!

А она вся слезами залилась. Я и говорю ей:

— Что ты плачешь, сестрица?

— Отъ великой радости, братецъ. Вы помните, въ какой мы бѣдности при матушкѣ воспитывались... но теперь я вижу васъ въ какомъ высокомъ санѣ...

Я и говорю ей:

— Сестрица, ты ко мнѣ ѣзди почаще...

А она сказала:

— Благодарствую, братецъ! Но иногда и наскучу вамъ частымъ пріѣздомъ...

Черезъ мѣсяцъ послѣ того сестра св. Тихона скончалась. Погребалъ ея тѣло самъ святитель. Вступивъ въ храмъ и приложившись къ святымъ иконамъ, святой Тихонъ пошелъ къ гробу, открылъ покрышку и благословилъ тѣло.

— А оно будто и улыбнулось на меня,—разсказывалъ впослѣдствіи святитель,—и одинъ Богъ знаетъ, что это вообразилось ли въ глазахъ моихъ...

Всю службу св. Тихонъ плакалъ и едва могъ отслужить отъ горчайшихъ слезъ, и былъ внѣ себя отъ великой жалости...

Очевидно, передъ его духовнымъ взоромъ отчетливо пронеслись всѣ тяготы ихъ былой нищенской и трудовой жизни и вся глубоко-скорбная житейская доля сестры-горемыки...

Уединившись въ Задонскѣ, святитель весь отдался подвигамъ милосердія и благочестія. Всю свою архіерейскую пенсію (500 р.) раздавалъ нищимъ и убогимъ, розыскивая ихъ самъ. Любовь святителя ко всѣмъ людямъ была такова, что онъ самъ часто говаривалъ:

— Я временемъ въ мысляхъ своихъ чувствую, что всѣхъ бы людей обнималъ и цѣловалъ.

Во время скудныхъ своихъ обѣдовъ св. Тихонъ приказывалъ келейнику Чеботареву читать священное писаніе Ветхаго Завѣта и слушалъ много, а вкушалъ мало. Этотъ самый Чеботаревъ вотъ какъ вспоминаетъ о святителѣ:

— Онъ рѣдко обѣдывалъ безъ умилительныхъ слезъ, а паче когда читали пророка Исаію. Самъ паки прикажетъ читать и, положа ложку на столъ, начнетъ плакать... И еще говаривалъ святитель: «Слава Богу, вотъ какая у меня хорошая пища! А братія моя иной въ темницѣ сидитъ, иной и безъ соли ѣстъ!».

Почти каждую ночь святитель слушалъ Новый Завѣтъ и ложился въ постель уже на разсвѣтѣ. Чтеніе новозавѣтныхъ главъ прерывалось молитвами и поклонами. И то были молитвы воистинну святительскія! Молясь, св. Тихонъ чаще всего гласно вопіялъ: Господи помилуй, Господи пощади, Кормилецъ, помилуй... Самъ же главою ударялся объ полъ... Утомившись отъ колѣнопреклоненій и поклоновъ, святитель выхаживалъ въ переднюю келью и тихо и умилительно пѣлъ псалмы... Это былъ его отдыхъ!

Отдыхалъ онъ немного, съ часъ, и послѣ обѣда. А вставши читывалъ житія святыхъ. Послѣ того, если было лѣто, святитель гулялъ въ монастырскомъ саду или за монастыремъ, причемъ читалъ или пѣлъ псалмы наизусть.

Святитель Тихонъ ежедневно ходилъ къ литургіи и пѣвалъ на клиросѣ. Пѣлъ онъ часто со слезами, такъ какъ мысль его безпрерывно направлена была къ Богу. Улыбался же онъ рѣдко.

Свою келейную жизнь святитель велъ сурово. Въ его кельяхъ никакого убранства и украшенія не было, кромѣ святыхъ иконъ. Спалъ онъ на подержанномъ коврикѣ и безъ одѣяла. Шубу въ зимнюю пору носилъ ветхую овчинную, крытую китайкой. Ряса у него была одна—суконная, гарусная. Обувался онъ въ коты и толстые суконные чулки, кои ремнями подвязывалъ. Въ кельѣ же и въ лаптяхъ ходилъ. Если же къ нему пріѣзжали посѣтители, то онъ поспѣшно снималъ лапти, обувался въ коты, надѣвалъ свою суконную рясу и панагію и только тогда выходилъ въ свою пріемную. Впослѣдствіи воронежскій епископъ Тихонъ 3-й подарилъ свя-

тителю (съ убѣдительнѣйшею просьбою) шелковую штофную рясу и съ тѣхъ поръ, ради братской любви, св. Тихонъ Задонскій являлся въ церковь украшенный братскимъ даромъ.

Былъ при святителѣ Тихонѣ, кромѣ Чеботарева, и еще послушникъ — Өеофанъ. Святитель звалъ его Өеофанушкой и былъ очень доволенъ его простою рѣчью и грубоватымъ обращеніемъ. Въ своихъ обращеніяхъ къ святителю Өеофанъ обыкновенно называлъ его безъ всякой церемоніи и титуловъ: бачька! Өеофанъ былъ уже далеко не молодой человѣкъ и не разъ обращался къ святителю съ просьбой о постриженіи въ монашество, въ мантію. Но владыка всегда отклонялъ его просьбы и говорилъ ему:

— Эхъ, Өеофанушка! Ходи-ка ты, въ чемъ ходишь. Ей, лучше. Я правду говорю... Вѣдь давно когда-сь были монахи, но не нынѣ; а нынѣ ужъ и дрожжей монашескихъ нѣтъ. Вотъ я живу на свѣтѣ около 60 лѣтъ, но не видалъ еще истиннаго монаха... Монастырская жизнь чего требуетъ? Необходимаго для жизни человѣческой: квасъ, да вода, да слезы—вотъ монашеское сладкое пойлицо!.. А нынѣ и міръ въ монастырь вкрался... и уныніе... и праздность... Знай, Өеофанушка, что монастырскія стѣны и монашеское одѣяніе не спасаютъ... И я хвалю тѣхъ монаховъ, которые сами орутъ землю, хлѣбъ сѣютъ и сами пищу себѣ готовятъ, да еще-жъ бѣдныхъ и странныхъ питаютъ и упокоеваютъ... Забыли мы древнихъ нашихъ россійскихъ чудотворцевъ, преподобнаго отца нашего Сергія Радонежскаго и прочихъ, которые въ обителяхъ своихъ не имѣли по 3 дня и хлѣба; а они не пущали братію выходить изъ монастыря для испрашиванія нужной пищи и говорили: терпите, братія, Богъ не оставитъ и утѣшитъ насъ!..

Слава святителя скоро распространилась изъ Задонска по всей Русской землѣ. Многіе благочестивые люди стали присылать владыкѣ, на его усмотрѣніе, значительныя суммы денегъ, но онъ все раздавалъ нищимъ и убожеству. Иные благотворители посылали святителю бѣлье, одежду, провіантъ... Онъ и это раздавалъ окружавшей его и пришлой бѣднотѣ. Когда всѣ эти вещи выходили, онъ покупалъ ихъ самъ и снова безъ остатку отдавалъ нищимъ и бѣднымъ. Если же случались у него деньги въ болѣе значительномъ количествѣ, то онъ покупалъ нуждающимся домашній инвентарь и строилъ имъ избы. Многихъ убогихъ просителей своихъ, особенно стариковъ, святитель Тихонъ принималъ у себя съ особенною ласкою и смиренномудріемъ. Онъ саживалъ ихъ при себѣ и много разговаривалъ объ ихъ жизни. Если же приходили къ нему вдовы и сироты, то онъ со слезами выслушивалъ ихъ и, по возможности, содержалъ ихъ на своемъ коштѣ. А за иныхъ и подушныя и прочія казенныя подати платилъ. Многіе странники, особенно заболѣвшіе на дорогѣ, у него же въ кельѣ и пріютъ себѣ находили...

Особенно полюбили святителя окрестныя малыя дѣти. И когда святитель, послѣ обѣдни, возвращался въ кельи, то они (всегда большою толпою) шли за нимъ. Святитель въ дверь, и они за нимъ въ келью. Тутъ дѣти, по разъ заведенному порядку, клали три земныхъ поклона и проговаривали: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ!...

Тогда начинался какъ бы урокъ по Закону Божію. Святитель Тихонъ спрашивалъ дѣтей: гдѣ Богъ нашъ? А они, повѣствуетъ Чеботаревъ, единогласно и громко скажутъ: Богъ нашъ на небеси и на земли. То онъ, святитель, погладитъ рукою по главамъ всѣхъ и скажетъ: Вотъ хорошія дѣти! И дастъ имъ по копѣйкѣ и по куску бѣлаго хлѣба, лѣтомъ же и по яблоку, и отпуститъ ихъ.

Въ 1768 г. были у насъ пожары. Многіе погорѣльцы остались безъ крова и пищи. Тысячи совершенно разоренныхъ бѣдняковъ были безпомощны. Тогда св. Тихонъ самъ отправился въ Воронежъ и Острогожскъ и сталъ ходить по домамъ зажиточныхъ гражданъ, испрашивая милостыни. Трогательное милосердіе святителя вызвало усиленныя пожертвованія, и всѣмъ бѣднымъ погорѣльцамъ оказана была достаточная помощь...

Бывая въ разныхъ городахъ, святитель непремѣнно посѣщалъ тюрьмы и раздавалъ щедрую милостыню узникамъ, а иныхъ узниковъ содержалъ на своемъ коштѣ. Но главная святительская милостыня заключалась въ томъ, что онъ въ тюремныя стѣны вносилъ свѣтъ, и миръ и радость... Подъ вліяніемъ святительскаго слова грубыя сердца арестантовъ смягчались, унынiе замѣнялось духовною радостью, ожесточеніе—искреннимъ покаяніемъ и совершенною покорностію волѣ Божіей.

Св. Тихонъ никогда не забывалъ своихъ бѣдныхъ Короцкихъ земляковъ и посылалъ имъ, черезъ брата Ефима, деньги. А иногда посылалъ въ Короцкъ своего келейника Чеботарева. Чеботаревъ отправлялся на родину святителя пѣшкомъ. Суммы, которыя онъ носилъ съ собою въ даръ бѣднякамъ, были довольно значительныя и надолго покрывали всѣ нужды ихъ...

Глубоко милосердный и отзывчивый на всякое человѣческое горе, св. Тихонъ отличался также необыкновеннымъ смиреніемъ и терпѣніемъ. Настоятелъ Задонскаго монастыря не любилъ его и часто обижалъ и говаривалъ: Тихонъ у меня въ монастырѣ хуже монаха живетъ. Когда слухи объ этомъ доходили до святителя, то онъ, не обижаясь, призывалъ къ себѣ Чеботарева и наказывалъ ему:

— Возьми голову сахару, либо вина виноградного боченокъ и неси къ архимандриту.

Подражая своему начальнику, святителя не рѣдко обижали монахи и даже монастырскіе служки. Бывали такіе случаи, что св.

Тихонъ гуляетъ по монастырскому двору, а монахи и служки смѣются вслѣдъ его... Но великій святитель на это не обижался. Онъ какъ бы ничего не слышалъ. А послѣ говорилъ Чеботареву:

— Богу такъ угодно, что и служители смѣются надо мною. Но я-жъ и достоинъ этого за грѣхи мои; но еще и мало сего!.. Ну, долго ли мнѣ самому обидѣть ихъ, въ томъ числѣ и начальнику я скоро отомстилъ бы, но не хочу никому мстить!... Прощеніе лучше мщенія...

Вмѣсто мщенія святитель относился къ своимъ неразумнымъ и коснымъ обидчикамъ съ любовію. Онъ милостиво благословлялъ ихъ, помогалъ имъ при случаѣ изъ своихъ средствъ, и если кто изъ нихъ заболѣвалъ, онъ спѣшно, не смотря на собственныя немощи заходилъ къ нимъ и утѣшалъ ихъ...

Истинно смиренный св. Тихонъ не возносился своимъ подвижничествомъ. Ему казалось, что онъ-то и есть грѣшникъ, а праведники другіе...

Съ декабря 1779 г. преосвященный Тихонъ затворился въ кельѣ, почти никого не принималъ и пребывалъ въ глубокомъ молчаніи и прискорбномъ видѣ. Святая душа его, предчувствуя разлученіе съ тѣломъ, болѣла о грѣхахъ людскихъ и ихъ невѣжествіихъ... Въ глубокомъ смиреніи, доступномъ однимъ избранникамъ Божіимъ, св. Тихонъ и самого себя считалъ великимъ грѣшникомъ и говорилъ:

— Епископскій омофоръ очень тяжелъ для меня. Я ни поднять, ни носить не могу онаго. И еслибъ можно было, я и самъ бы сложилъ съ себя, но не только санъ, но и клобукъ и рясу снялъ бы съ себя и пошелъ бы въ самый пустынный и уединенный монастырь въ хлѣбню и сказалъ бы себѣ: я простой мужикъ; и употребилъ бы себя въ работу: дрова рубить, муку сѣять и хлѣбъ печь...

У постели святителя на стѣнѣ висѣла картина, изображающая старца, лежащаго въ гробу. На эту картину св. Тихонъ смотрѣлъ очень часто и говорилъ:

— Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть... А самъ въ это время плакалъ...

Отъ свѣтлаго образа св. Тихона, дѣятеля крайне исключительнаго, я перехожу къ добрымъ дѣятелямъ Тамбовскаго края XVIII вѣка иного типа, которые часто работали въ сферѣ государственно-общественной и своей разумной и гуманной царской службою сумѣли обуздывать дурные элементы своего вѣка и вызывать въ обществѣ стремленіе къ свѣту и правдѣ. Я выскажу здѣсь нѣсколько своихъ замѣчаній о тамбовскихъ правителяхъ: графѣ М. Ѳ. Каменскомъ и Г. Р. Державинѣ. Послѣдній слишкомъ извѣстенъ, какъ гуманистъ; о первомъ же извѣстно много и противополож-

наго. Но я имѣю въ виду не характеристику всей его дѣятельности, а одну только тамбовскую жизнь его...

Графъ М. Ѳ. Каменскій назначенъ былъ къ намъ генералъ-губернаторомъ въ 1781 году и пробылъ въ этомъ почетномъ званіи до конца 1785 года. Въ теченіе всего этого времени, судя по тамбовскимъ архивнымъ документамъ, графъ Каменскій задумалъ и привелъ въ исполненіе нѣсколько такихъ мѣръ, которыя несомнѣнно содѣйствовали гражданственности и порядку въ Тамбовскомъ краѣ.

Графъ Каменскій не ограничивался однимъ высшимъ надзоромъ надъ ввѣренными ему намѣстничествами. Онъ самъ вникалъ во всѣ мелочи правленія и отъ всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ властей требовалъ строгой отчетности. Даже сотскіе обязаны были имъ представлять въ нижніе земскіе суды еженедѣльные рапорты о происшествіяхъ. Въ видахъ строгаго надзора надъ управляемымъ краемъ, М. Ѳ. часто совершалъ поѣздки по уѣздамъ, ревизуя не только города, но и села и деревни.

До какой степени нашъ генералъ-губернаторъ былъ внимателенъ къ различнымъ мѣстнымъ происшествіямъ, видно изъ слѣдующаго. Въ концѣ 1784 года, въ имѣніи помѣщика Сабурова учитель де-ля-Туръ изъ-за чего-то поспорилъ съ капитаномъ Мартыновымъ. Мартыновъ сталъ грубо бранить учителя и прибилъ его палкою. Объ этомъ узналъ графъ Каменскій и немедленно приказалъ взыскать съ обидчика и своевольника по всей строгости законовъ. Для барственнаго XVIII вѣка, когда всѣ не-дворяне нерѣдко именовались подлыми людьми и чернядью, уже и это распоряженіе графа Каменскаго есть значительное выраженіе гуманности.

7-го февраля 1783 года, задонскій врачъ Михайловъ усмотрѣлъ въ имѣніи липецкаго помѣщика Хотяинцева скитающихся унгарцевъ подъ названіемъ лѣкарей съ лѣкарствами. Унгарцы были арестованы и доставлены въ Тамбовъ, гдѣ ихъ признали австрійскими фельдшерами и воспретили имъ практику. Безъ всякихъ рапортовъ графъ Каменскій узналъ и объ этомъ и дозволилъ арестованнымъ медицинскую практику, основываясь на томъ соображеніи: «лучше хоть какая нибудь помощь болѣющему народонаселенію, чѣмъ никакой».

Съ особенною строгостію графъ Каменскій относился къ тѣмъ чиновникамъ, которые притѣсняли простой народъ. Въ 1781 году онъ ревизовалъ Борисоглѣбскій уѣздъ, и въ это время 19-ть новохоперскихъ мѣщанъ подали ему письменную жалобу на уѣздныхъ начальниковъ, которые не платили имъ денегъ за работу у перевоза черезъ рѣку Хоперъ. На этомъ прошеніи графъ Каменскій собственноручно написалъ: «по сей просьбѣ городничій изъяснится письменно на оборотѣ». Испуганный городничій, подполковникъ

Страховъ, чтобы оправдаться, оговорилъ казначея, прапорщика Салькова: я де не получалъ отъ него денегъ. А казначей въ свою очередь отзывался неполученіемъ резолюціи изъ казенной палаты. Словомъ, начались извѣстныя приказныя уловки. Но отъ графа Каменскаго трудно было скрыть суть дѣла, онъ хорошо понялъ борисоглѣбскихъ дѣльцовъ и безъ прошенія удалилъ ихъ отъ службы.

Во время этой же генералъ-губернаторской поѣздки обнаружено было, что тамбовская казенная палата обижаетъ государственныхъ крестьянъ, ихъ собственныя земли отдаетъ въ оброчныя статьи, вмѣсто пустопорожнихъ, получая, конечно, за это извѣстную благодарность отъ заинтересованныхъ лицъ. Раздѣлавшись со всѣми виновниками такого злоупотребленія, графъ Каменскій немедленно разослалъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ тамбовскаго намѣстничества циркуляръ съ строжайшимъ запрещеніемъ обирать простой народъ.

Слѣдующій фактъ еще рельефнѣе представляетъ намъ графа Каменскаго, какъ начальника чрезвычайно гуманнаго относительно темнаго простого народа. Въ 1782 году, проводили границу между тамбовскимъ и пензенскимъ намѣстничествами. Для этого въ нынѣшній Спасскій уѣздъ командирована была комиссія изъ чиновниковъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и землемѣровъ, которые, проводя границу, поставили пограничные вѣхи около села «Красной Дубровы». Краснодубровскимъ крестьянамъ это показалось подозрительнымъ. Они подумали, что ихъ землю перемежевываютъ и притомъ не въ ихъ пользу, составили мірской сходъ и единогласно порѣшили собственноручно расправиться съ комиссіей. Сказано—сдѣлано. Въ то время, какъ комиссія спокойно занималась своимъ дѣломъ, изъ «Красной Дубровы» показалась многолюдная толпа крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало. Съ крикомъ и при звукахъ набата эта толпа крестьянъ бросилась на чиновниковъ и разогнала ихъ. Мѣстныя власти, сильно перепуганныя, дали знать о случившемся въ Тамбовъ, и началось слѣдствіе надъ краснодубровцами, которые послѣ своего необдуманнаго, сгоряча сдѣланнаго дѣла успѣли образумиться и были тише воды, ниже травы. Спасскій острогъ, какъ ближайшій къ «Красной Дубровѣ», былъ переполненъ подсудимыми. Въ это время въ городъ Спасскъ прибылъ самъ графъ Каменскій и повелъ дѣло совершенно посвоему. Заключенныхъ онъ освободилъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе тюремное сидѣнье, а комиссіи сдѣлалъ строгій выговоръ. «Крестьяне,— внушалъ онъ чиновникамъ, — народъ темный, имъ нужно было сначала растолковать дѣло, и тогда они были бы совсѣмъ покорны и не стали бы буйствовать». Такимъ образомъ, благодаря М. Ѳ. Каменскому, десятки крестьянъ были избавлены отъ каторги.

Эта заботливость графа Каменскаго о крестьянствѣ видна изъ слѣдующаго его письма къ князю Вяземскому: «слыша жалобы

коронныхъ крестьянъ и совершенное порабощеніе бѣдныхъ богатыми, а особливо своеволіе старостъ и сотскихъ, которые явно почти торгуютъ людьми и продаютъ своихъ собратій постороннимъ селеніямъ подъ видомъ худого поведенія, и со оныхъ получа деньги пропиваютъ, не отдавая въ міръ, или дѣлятъ по себѣ: и я для пресѣченія сего неустройства положилъ всемѣрно предупреждать лживые приговоры при рекрутской отдачѣ; и для того посулы старостамъ за продажу почти прекратились... А хотя жалобы на меня посему и были, но я ихъ не опасаюсь, ибо тѣ жалобы будутъ приносить одни грабители»...

Поддерживая въ войскахъ подчиненнаго ему края строгую дисциплину, графъ Каменскій въ то же время требовалъ, чтобы офицеры не обижали солдатъ, и виновниковъ наказывалъ. Такъ, въ декабрѣ 1783 года прапорщикъ Лукинъ избилъ солдата Максимова. Вслѣдствіе этого, по личному приказанію генералъ-губернатора, нечистый на руку офицеръ посаженъ былъ подъ арестъ на цѣлый мѣсяцъ.

На первыхъ порахъ по открытіи тамбовскаго намѣстничества мѣстное судопроизводство отличалось крайнею неудовлетворительностью. Многіе просители послѣ многолѣтнихъ тяжбъ узнавали отъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, что они не туда подавали просьбы. И вотъ, чтобы оказать содѣйствіе всѣмъ неопытнымъ просителямъ, графъ Каменскій приказалъ прибить къ дверямъ всѣхъ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ объявленія съ изложеніемъ того, куда подавать просителямъ и по какимъ дѣламъ просьбы. Въ случаѣ ошибки просителей подачею прошеній, судьи и другіе присутствующіе обязаны были немедленно, подъ опасеніемъ строгого взысканія, вразумить ихъ.

Подобными дѣйствіями графъ Каменскій пріобрѣлъ среди тамбовскаго народонаселенія такое довѣріе, что нѣкоторые купцы обратились къ нему съ жалобою на его предмѣстника графа Р. И. Воронцова. «Графъ (слѣдуютъ его титулы) Воронцовъ,—писали они,— забиралъ у насъ товары въ долгъ, а денегъ по сіе время не платитъ».

Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ и того, что графъ Каменскій, бывшій впослѣдствіи въ своихъ имѣніяхъ суровымъ крѣпостникомъ, во время своего генералъ-губернаторства, содѣйствовалъ отчасти ослабленію мѣстнаго крѣпостнаго права. Въ то время многіе тамбовскіе помѣщики, возвратившись изъ Турціи послѣ первой турецкой войны, привезли съ собою плѣнныхъ турокъ, арабовъ, татаръ и болгаръ и сдѣлали ихъ своими крѣпостными. Такъ поступилъ самъ тамбовскій комендантъ, полковникъ Булдаковъ. Но когда графъ Каменскій узналъ объ этомъ, то велѣлъ всѣхъ этихъ плѣнниковъ освободить.

Во время управленія графа Каменскаго заведены были у насъ запасные хлѣбные магазины, въ силу указа 1765 года началась

правильная почтовая гоньба, и по всѣмъ главнымъ трактамъ устроены были каменные и деревянные мосты и перевозы. Въ ноябрѣ 1783 года, всѣ большія тамбовскія дороги были уже совершенно готовы, и весело мчались по нимъ почтовыя тройки, звеня излюбленными поддужными колокольчиками. Такая заботливость о нуждахъ населенія, конечно, рисуетъ намъ незабвеннаго графа М. Ѳ. Каменскаго, въ свѣтлыхъ и добрыхъ чертахъ...

Всѣ эти указанныя нами заслуги графа М. Ѳ. Каменскаго представляются намъ тѣмъ болѣе рельефными, что онъ, прибывъ въ нашъ край, долго не имѣлъ добросовѣстныхъ сотрудниковъ. Это видно изъ слѣдующаго письма его къ князю и генералъ-прокурору А. А. Вяземскому: «У насъ идетъ здѣсь одна форма. Ассесоръ казенной палаты Хлюпинъ почти всегда пьянъ. Такой же и Рязанскій ассесоръ: онъ ко мнѣ въ первый разъ эдакъ пожаловалъ. Вотъ наши помощники! Пришлите мнѣ прокурора верхняго земскаго суда, изберите его сами... Любите меня, я, право, мужикъ изрядный».

Впослѣдствіи графъ Каменскій сумѣлъ справиться съ мѣстными чиновниками и писалъ уже князю Вяземскому на эту тему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «а мои сослуживцы жалованье берутъ не даромъ, ибо я неустройства по Тамбову усмирялъ и укрощалъ».

Были у насъ въ описываемую эпоху и другіе добрые дѣятели, не такіе вліятельные, какъ графъ Каменскій, но не менѣе симпатичные. Ими красилась, просвѣщалась и умиротворялась мѣстная жизнь, ими стоялъ Тамбовскій край.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы здѣсь почтенное имя козловскаго помѣщика И. Г. Рахманинова, извѣстнаго основателя типографіи въ селѣ Казинкѣ; не можемъ не вспомнить также и г-жи Ниловой, усерднѣйшей сотрудницы Державина въ его тамбовскихъ просвѣтительныхъ предпріятіяхъ. Съ любовію передаемъ мы современникамъ дорогое имя козловскаго депутата въ законодательномъ собраніи 1767 года, дворянина Коробьина, который чуть не одинъ возвысилъ свой голосъ въ защиту крѣпостнаго крестьянства. Голосъ его заглушенъ былъ оппозиціею противоположнаго ему направленія, тѣмъ не менѣе высокая иниціатива Коробьина заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ особенности же въ данномъ случаѣ вниманіе наше останавливается на высокогуманной личности елатомскаго помѣщика А. А. Ушакова.

Ушаковъ имѣлъ 600 душъ въ селѣ Изтлеевѣ. Въ 1796 году въ это село пріѣхали изъ разныхъ полковъ на постоянное жительство три сына Андрея Алексѣевича. Отецъ такъ любилъ ихъ, что позволилъ имъ совершенно самостоятельно распоряжаться въ имѣніи. И начали они распоряжаться: стонъ пошелъ по всей деревнѣ отъ ихъ управленія... Андрей Алексѣевичъ не сѣкъ своихъ крѣпостныхъ, а дѣти его то и дѣло препровождали на конюшню и ста-

рыхъ и малыхъ. Не перенесъ этого добрый старикъ и рѣшился всѣхъ своихъ крѣпостныхъ отпустить на волю и написалъ объ этомъ министру В. П. Кочубею. Письмо начинается такъ: «Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленія моего! Не удивись, сіятельный графъ, началу сему; оно слѣдуетъ отъ оскорбленнаго отца».

Далѣе слѣдуетъ изложеніе уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Съ особенною силою Андрей Алексѣевичъ настаивалъ на томъ, что дѣти его не могутъ послужить благу крестьянства, и что въ нихъ слишкомъ много сословнаго эгоизма. «Почему, — заключаетъ онъ свое письмо,—учиня крестьянъ моихъ свободными, утверждаю всѣ мои земли съ угодьями въ вѣчное ихъ владѣніе».

Такимъ образомъ отъ тяжкаго крѣпостнаго ига освобождено было 600 душъ. Дѣтямъ же своимъ Андрей Алексѣевичъ завѣщалъ по нѣсколько тысячъ рублей. А между тѣмъ еще при жизни своей снова опредѣлилъ ихъ на службу. «Пусть,—говорилъ онъ,—узнаютъ они, что такое нужда и что такое долгъ, тогда ко всѣмъ людямъ они лучше относиться будутъ» [1]).

Не могу я не вспомнить здѣсь же добрымъ словомъ и бывшаго тамбовскаго губернатора Г. Р. Державина. О Державинѣ я писалъ въ разныхъ изданіяхъ не мало. По поводу этого дорогаго для нашего края имени я входилъ не разъ въ личныя и письменныя сношенія съ покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ, и на это есть указанія въ его Державинскомъ изданіи. Мое личное мнѣніе о Г. Р. Державинѣ было и есть таково:

Державинъ, прибывшій въ Тамбовъ 4 марта 1786 г., создалъ въ нашемъ краѣ цѣлую историческую эпоху.

При немъ въ нашемъ краѣ начинается новая жизнь. Темная, захолустная сторона пробуждается. Въ общественныхъ дѣлахъ энергично выдвигается принципъ честности. Начинается понемногу просвѣщеніе неграмотнаго края.

Намъ приходилось не разъ читать похвальныя статьи о Державинѣ, и вездѣ выдвигалась преимущественно его литературная дѣятельность. Между тѣмъ, на основаніи тамбовскихъ архивныхъ источниковъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что лучшая эпоха жизни Г. Р. Державина—это его тамбовское губернаторство. Державинъ былъ самымъ неутомимымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ своего времени, и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ только одного современнаго ему соперника: извѣстнаго новгородскаго губернатора Сиверса. Г. Р. Державинъ былъ человѣкъ неподкупной честности, и потому его губернаторство отличалось систематическимъ и неумолимымъ преслѣдованіемъ казнокрадства. Это-то обстоятельство и было едва ли не главною причиною того озлобленія, съ ка-

[1]) Арх. Тамбов. двор. собр., № 14-й.

кимъ напустились на него мѣстные губернскіе бюрократы и помѣщики, потому что честный начальникъ края, карая мелкихъ воровъ, не давалъ пощады и крупнымъ хищникамъ. Державина скоро поняли тамбовскіе обыватели, и потому онъ пользовался совершеннымъ довѣріемъ всего мѣстнаго простонародья. Вслѣдствіе этого крестьяне, однодворцы, мѣщане, церковники и всѣ обездоленные люди, минуя присутственныя мѣста, съ просьбами своими относились большею частію къ нему лично, и онъ уже отъ себя предлагалъ обывательскія прошенія разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, являясь такимъ образомъ ходатаемъ за всю тамбовскую голытьбу.

Но ближе всего къ сердцу своему Г. Р. принималъ интересы народнаго образованія, и въ этомъ главная его заслуга, оказанная нашему краю. Самый домъ Державина былъ лучшею школою для взрослыхъ и малолѣтнихъ тамбовскихъ обывателей. Въ извѣстные дни тамъ были уроки по разнымъ научнымъ предметамъ, танцовальные вечера и спектакли, при чемъ нерѣдко игрались піесы тамбовскихъ авторовъ, напечатанныя въ основанной Державинымъ первой тамбовской типографіи. Г. Р. былъ не только основателемъ мѣстной школы (22 сентября 1786 г.), но и реформаторомъ мѣстной общественной жизни, грубыя формы которой не даромъ смущали лучшихъ представителей XVIII вѣка, напримѣръ, третьяго правителя тамбовскаго намѣстничества П. П. Коновницына.

Тѣмъ не менѣе знаменитый поэтъ очень доволенъ былъ тамбовскою жизнью. Ему нравилась тамбовская дешевизна жизни и выдающаяся его самого дѣятельность. Въ письмѣ къ Капнистамъ Державинъ однажды писалъ такъ: «Гаврилъ, тамбовскій губернаторъ, и Екатерина, тамбовская губернаторша, здравія вамъ желаютъ и нарочнаго курьера о здравіи вашемъ навѣдаться отправляютъ и о себѣ объявляютъ, что они весело и покойно поживаютъ и всю скуку позабываютъ и васъ къ себѣ въ гости приглашаютъ и балъ для васъ дѣлать обѣщаютъ». Игривый тонъ этого письма, безъ всякаго сомнѣнія, весьма ясно указываетъ на пріятное настроеніе поэта-правителя.

Къ сожалѣнію, Державинъ былъ правителемъ Тамбовскаго намѣстничества недолго, до конца декабря 1788 года. Сломили его бюрократически-хищническія продѣлки. Дѣло было такъ. Въ 1788 году князь Потемкинъ отправилъ въ Тамбовскую губернію комиссіонера Гарденина съ предписаніемъ губернскому начальству о содѣйствіи въ покупкѣ и доставкѣ провіанта для арміи. Закупивъ хлѣбъ, Гарденинъ явился въ казенную палату за деньгами, но не получилъ ихъ. Тогда Державинъ, опасаясь бѣдственныхъ для арміи послѣдствій отъ неисполненія операцій Гарденина, далъ предложеніе палатѣ удовлетворить комиссіонера. Однакожъ, тогдашній вице-губернаторъ Ушаковъ наотрѣзъ отказалъ Гарденину и выѣхалъ изъ Тамбова для осмотра Кутлинскаго винокуреннаго завода.

Такимъ образомъ Державинъ оказался въ довольно странномъ положеніи, но онъ былъ не изъ такихъ администраторовъ, чтобы кривить душою и ронять достоинство правителя намѣстничества. Онъ счелъ себя вправѣ дѣйствовать на свой страхъ, чтобы превозмочь упорство палаты и найти скрываемыя деньги. Съ этою цѣлью онъ приказалъ коменданту Булдакову съ совѣтникомъ и секретаремъ намѣстническаго правленія освидѣтельствовать палатскую казну. Неожиданная ревизія обнаружила въ казенной палатѣ 177,600 рублей... Послѣ этого Державинъ приказалъ выдать Гарденину всю сумму въ размѣрѣ исполненнаго имъ подряда, отнеся сію выдачу,—писалъ онъ,—на мой отвѣтъ. Именно съ этого времени Г. Р. Державина возненавидѣли всѣ мѣстныя власти съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ во главѣ. Тогда начали усиленно заботиться о его удаленіи изъ Тамбова. Къ бюрократамъ усердно примкнуло и большинство дворянства, которому не нравилась честная и безкорыстная служба нашего поэта, отличавшагося, кромѣ того, излишнею и рѣзкою откровенностью...

Въ это время положеніе Державина стало до того невыносимымъ, что онъ намѣревался навсегда уѣхать изъ Россіи. «Еслибъ не царствовала Екатерина II-я,—писалъ онъ впослѣдствіи императрицѣ,—то, какъ Богу, вашему величеству исповѣдую, долженъ бы я давно оставить мое отечество». Въ особенности Г. Р. Державину повредила по службѣ извѣстная скандальная исторія, происшедшая между супругою его Екатериною Яковлевной и женой предсѣдателя гражданской палаты В. П. Чичерина. Молва объ этой исторіи дошла до самой государыни и истолкована была не въ пользу Державиныхъ. Въ этомъ случаѣ больше всѣхъ постарался генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

Съ 1788 года много поколѣній смѣнилось въ нашемъ городѣ, но имя Державина и доселѣ хранится въ памяти мѣстнаго населенія. Цѣлы также до настоящаго времени казенныя постройки, исполненныя по распоряженію и подъ наблюденіемъ Гавріила Романовича. Слѣдовательно Державинъ былъ администраторомъ безкорыстнымъ, что̀ въ XVIII столѣтіи было далеко не зауряднымъ явленіемъ...

Въ старости незлобивый поэтъ простилъ всѣхъ своихъ тамбовскихъ враговъ и въ 1810 году вотъ что писалъ онъ о злѣйшемъ изъ нихъ, вице-губернаторѣ Ушаковѣ: «я исполнялъ мой долгъ по моимъ чувствованіямъ, а М. И. Ушаковъ по своимъ, или въ чью либо благоугодность; но когда все это прошло, какъ сонъ, то несправедливъ бы онъ былъ, ежели бы по сіе время злобился на сновидѣнія. Мы всѣ здѣсь на театрѣ, и когда съ него сойдемъ, то всѣмъ объяснится, кто какъ свои роли игралъ». И дѣйствительно, высокая роль Державина, какъ тамбовскаго губернатора, теперь объяснилась. Это былъ образцовый по честности, уму и трудолюбію

администраторъ. Заключаемъ рѣчь о немъ его же собственными правдивыми словами: «къ службѣ я способенъ, неповиненъ руками и чистъ сердцемъ».

Просвѣтительное вліяніе Екатерининской эпохи выразилось у насъ, въ средѣ дворянства, въ постепенно возроставшемъ количествѣ добрыхъ людей. Таковъ былъ шацкій помѣщикъ, дѣйствительный камергеръ, Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ. Въ бурную Пугачевскую эпоху, когда со стороны крестьянства совершалась масса извѣстныхъ злодѣяній относительно дворянъ, а потомъ началось грозное правительственное возмездіе, великодушный нашъ соотечественникъ отнесся къ своимъ замутившимся крестьянамъ съ христіанскимъ всепрощеніемъ. Крестьяне его, по приказанію старосты Ѳедотова, ходили въ лѣса для ловли дворянства и разную добычу денежную въ тѣхъ лѣсахъ дѣлили; слѣдовательно заслуживали тяжкой кары. И дѣйствительно судъ приговаривалъ ихъ кого къ сѣченію плетьми и къ каторгѣ, кого вмѣстѣ со старостой къ повѣшенію... Но добрый помѣщикъ, руководствуясь христіанскими правилами и опираясь на великодушіе всемилосердой монархини, сталъ ходатайствовать за своимъ увлеченныхъ крестьянъ, за своихъ сиротъ... И многіе крестьяне только по его ходатайству спаслись отъ заслуженнаго наказанія.

Просвѣтительныя и гуманныя идеи въ средѣ нашихъ интеллигентныхъ людей развивались и въ слѣдующемъ поколѣніи. Всѣхъ выразителей этихъ идей мы не знаемъ. Память объ нихъ выясняется постепенно. Въ данномъ случаѣ мы останавливаемся на Николаѣ Ивановичѣ Кривцовѣ. При императорѣ Александрѣ I онъ былъ любимымъ царскимъ флигель-адъютантомъ и послѣ Отечественной войны сопровождалъ государя во всѣхъ его походахъ. Во время Лейпцигской битвы у Кривцова была оторвана нога, и онъ вынужденъ былъ оставить военную службу. Въ началѣ царствованія Николая I, Николай Ивановичъ почему-то попалъ въ опалу и навсегда удалился въ свое Кирсановское имѣніе, село Любичи, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города.

Мы обратили особенное вниманіе на Николая Ивановича Кривцова потому, что онъ былъ замѣчательно гуманнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Оба эти свойства выражены были имъ въ обширномъ и обстоятельномъ проектѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Проектъ относится къ 1820 г. и доселѣ нигдѣ еще не напечатанъ. Къ сожалѣнію, Кривцовъ отличался крайнимъ вольтерьянствомъ. Не скрывая своихъ антирелигіозныхъ убѣжденій, онъ еще при жизни своей приказалъ приготовить для себя могильную плиту съ такою оригинальною и самоувѣренною надписью: «non timeo, non credo».

Заключаю свое краткое описаніе былыхъ добрыхъ тамбовскихъ людей указаніемъ на извѣстнаго всей православной Руси старца Серафима.

Кто читалъ братьевъ Карамазовыхъ Достоевскаго, тотъ не могъ не увлечься высоко-симпатичнымъ образомъ старца Зосимы. Многіе могли подумать, что это—идеалъ, существующій внѣ дѣйствительности и въ одной поэтической мысли... А я скажу своимъ читателямъ, что саровскій старецъ Серафимъ былъ отнюдь не ниже, даже выше, идеала Достоевскаго.

Саровскій Серафимъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ глубоко убѣжденнымъ, искреннимъ и неизмѣннымъ христіанскимъ подвижникомъ. Совершенное самоотверженіе было его отличительною чертою, и онъ не считалъ его тяжелымъ игомъ, а радостію. Духовная радость проникала его до такой степени, что его никогда не видали скучающимъ и унылымъ, и ко всѣмъ безчисленнымъ своимъ посѣтителямъ онъ относился съ единственнымъ задушевнымъ обращеніемъ: «радость моя». Въ этомъ привѣтѣ выражалась не поговорка, а искренняя любовь ко всякому безразлично: къ вельможѣ, къ духовному лицу, къ крестьянину, къ богачу и бѣдняку, сильному и слабому, просвѣщенному и темному человѣку и даже къ преступнику... Не рисуясь святостію, Серафимъ смиренно кланялся въ ноги самымъ простымъ людямъ, а у нѣкоторыхъ искренно и любовно цѣловалъ руки...

Чуждый міра и ненуждавшійся въ мірѣ, Серафимъ отлично понималъ этотъ міръ, полный сомнѣній, ошибокъ, нуждъ и всяческаго горя. И когда приходили къ нему многочисленные его почитатели, днемъ или ночью — все равно, всѣмъ имъ онъ открывалъ свою христіанскую душу: сомнѣвавшагося утверждалъ, грѣшника успокоивалъ, огорченнаго лютымъ житейскимъ горемъ утѣшалъ и направлялъ къ вѣчной радости —Богу... Иногда приходилъ къ саровскому старцу какой либо многосемейный крестьянинъ, у котораго пожаръ или иная бѣда отымали все имущество... Бѣдный Серафимъ бесѣдовалъ съ нимъ, давалъ ему нѣсколько сухариковъ и отпускалъ его успокоеннаго съ миромъ и радостію... Чаще всего приходили къ Серафиму родители, потерявшіе дѣтей. Кто испытывалъ это несчастіе, тотъ знаетъ страшную горечь его. Знаю эту лютую горечь и я, авторъ этой замѣтки, и, мнѣ кажется, болѣе горькаго горя нѣтъ на свѣтѣ... Но Серафимъ и такихъ горемыкъ авторитетно и дружелюбно умирялъ вѣрою въ особые пути Божественнаго промысла. Изъ празднаго или самодовольнаго любопытства заходили къ нашему старцу и такіе книжные люди, которые хотѣли поглумиться надъ нимъ и повеличаться передъ нимъ своимъ образованіемъ и отсутствіемъ предразсудковъ. И такихъ собесѣдниковъ онъ принималъ, терпѣливо выслушивалъ ихъ спорныя и задорныя рѣчи, и часто бывало такъ, что легко-

мысленные и суетные люди становились послѣ бесѣды съ нимъ на всю жизнь самыми искренними его почитательми. Случался ли въ какой либо семьѣ раздоръ, и стороны собирались у саровскаго подвижника, и ихъ онъ умиротворялъ силою любви и житейской мудрости. Однимъ словомъ всѣ шли къ Серафиму, каждый съ своимъ горемъ, сомнѣньемъ, нуждою, и всѣмъ имъ былъ привѣтъ и совѣтъ... Къ начальствующимъ лицамъ саровскій старецъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и покорностію, но въ то же время смѣло и откровенно указывалъ имъ на ихъ ошибки, и это такъ просто, искренно и авторитетно, что никто изъ начальниковъ и не думалъ на него обижаться. У Серафима, какъ и у всякаго выдающагося дѣятеля, были недоброжелатели и клеветники, которые старались чѣмъ нибудь досадить ему и даже очернить его, но это имъ не удавалось: старецъ побѣждалъ ихъ любовію и терпѣніемъ... И шли къ нему за совѣтомъ и утѣшеніемъ разные люди не одного Тамбовскаго края, но, можно сказать, со всей Россіи. Убогаго старца, ходившаго въ полотняномъ балахонѣ и лаптяхъ или бахилахъ, украшеннаго не жезломъ пастырскимъ, а рабочимъ топоромъ и мѣднымъ крестомъ материнскимъ, знали и чтили почти всѣ русскіе люди; и было за что. Это былъ не только выдающійся монастырскій подвижникъ, но общественный дѣятель въ самомъ христіанско-гуманномъ значеніи этого слова. Могила саровскаго старца Серафима и теперь привлекаетъ къ нему массы почитателей, а его изображенія разсѣяны чуть ли не по всей Россіи.

Саровскій Серафимъ родился въ Курскѣ въ 1759 году, въ купеческой семьѣ Мошниныхъ. Къ счастію, онъ имѣлъ высоконравственную мать, и она-то своимъ вліяніемъ дала тонъ всей его жизни. Серафима учили не столько книжками, сколько примѣрами доброй жизни. Когда молодому Мошнину исполнилось 17 лѣтъ, онъ твердо, сознательно и съ согласія матери-вдовы рѣшился посвятить сэбя монашескимъ подвигамъ и пошелъ въ Кіевъ къ схимнику Досиѳею. Въ Кіевѣ рѣшилась участь Серафима. Досиѳей указалъ ему на Саровъ, какъ на мѣсто неисходнаго монашескаго его жительства.

20-го ноября 1794 года, Серафимъ удалился въ Саровскую лѣсную глушь въ полное уединеніе. Здѣсь никто ему не прислуживалъ, и онъ самъ кололъ дрова, топилъ печь и велъ весь хозяйственный обиходъ. Лѣтомъ онъ воздѣлывалъ свой огородъ и для удобренія земли ходилъ на болото за мохомъ. Но работа физическая была только малою частію его молитвенныхъ, созерцательныхъ и общественныхъ трудовъ. Питался въ своемъ уединеніи о. Серафимъ сначала черствымъ хлѣбомъ, который онъ дѣлилъ съ лѣсными звѣрями и птицами, а потомъ травою сниткой.

— Ты знаешь,—говорилъ онъ однажды одной своей почитатель-

ницѣ,—траву снитку. Я рвалъ ее да въ горшочекъ клалъ. Немного вольешь, бывало, въ него водицы и поставишь въ печку—выходило славное кушанье!

Такою суровою пищею Серафимъ питался около четырехъ лѣтъ и, не смотря на то, былъ полонъ энергіи и дѣятельной любви ко всякому приходящему.

Любовь Серафима къ ближнимъ не знала предѣловъ. Это видно изъ слѣдующаго.

Осенью 1804 года Серафимъ работалъ въ лѣсу. Въ это время къ нему подошли трое крестьянъ и потребовали денегъ, которыхъ, разумѣется, у него не было. Тогда разбойники кинулись на старца и избили его такъ, что кровь пошла у него изо рта и ушей. Кромѣ того, ему перебили ребра, измяли грудь и покрыли все тѣло синяками. О. Серафимъ былъ очень силенъ и на тотъ разъ вооруженъ былъ топоромъ и могъ бы съ успѣхомъ обороняться, но по смиренію онъ отказался отъ обороны, бросилъ на землю топоръ, сложилъ руки и сказалъ: «дѣлайте со мной, что хотите». Впослѣдствіи крестьяне, избившіе Серафима, были найдены. Это были крѣпостные Татищева. Но нашъ подвижникъ искренно простилъ ихъ и ходатайствовалъ предъ властями въ томъ же смыслѣ и, наконецъ, добился своего и былъ отъ всего сердца радъ, что его ходатайство было уважено. Въ случаѣ несогласія съ его ходатайствомъ онъ готовъ былъ даже совсѣмъ уйти изъ обители...

Приближаясь къ старости, о. Серафимъ сталъ нѣсколько баловать себя. Онъ началъ употреблять въ пищу толокно и рубленую капусту. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ослабилъ свои физическіе труды и посвятилъ себя чтенію священныхъ книгъ. Въ теченіе каждой недѣли онъ прочитывалъ весь Новый Завѣтъ...

За нѣсколько лѣтъ до смерти, въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія и отчасти въ 30-хъ, нашъ подвижникъ особенно усилилъ свою общественную дѣятельность. Двери его кельи были день и ночь отворены для всякаго. Когда отдыхалъ старецъ, никому не было извѣстно. Во всякое праздничное время онъ принималъ посѣтителей въ неизмѣнномъ костюмѣ: въ бѣломъ балахонѣ и полумантіи, въ эпитрахили и поручахъ. А въ простые дни одѣвался попроще: въ одинъ бѣлый балахонъ съ мѣднымъ крестомъ на шеѣ. Въ качествѣ посѣтителей къ нему являлись все чаще и чаще знатные государственные люди. Всѣхъ ихъ Серафимъ принималъ съ честію и любовію, и поучалъ ихъ такъ же авторитетно, какъ и простыхъ смертныхъ... Къ такимъ посѣтителямъ надобно отнести и великаго князя Михаила Павловича, бывшаго въ Саровѣ въ 1826 году.

Заканчивая свою замѣтку объ о. Серафимѣ, я хочу прибавить нѣсколько словъ о его бесѣдахъ съ мірскими людьми. Эти бесѣды отличались глубокою и утѣшительною житейскою мудростію. Одинъ

образованный человѣкъ, пораженный чрезвычайнымъ горемъ, пришелъ къ о. Серафиму на бесѣду. Бесѣда продолжалась часъ, и собесѣдникъ саровскаго подвижника впослѣдствіи отзывался о ней такъ: «много лѣтъ прожилъ я на этомъ свѣтѣ, но свиданья съ о. Серафимомъ не сравню со всею прошедшею моею жизнію. Старецъ первый далъ мнѣ почувствовать Всемогущаго Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердіе»... Бесѣды Серафима отличались тѣмъ свойствомъ, что онѣ утѣшали, укрѣпляли и радовали самаго огорченнаго человѣка и были ему истиннымъ свѣтомъ на всю жизнь...

«Миръ душевный,—говорилъ саровскій старецъ,—пріобрѣтается скорбями и молчаніемъ. Признакъ духовной жизни есть погруженіе человѣка внутрь себя и сокровенное дѣланіе въ сердцѣ своемъ... Когда человѣкъ придетъ въ мирное устроеніе, тогда онъ можетъ отъ себя и на другихъ изливать свѣтъ разума... Оскорбленія отъ другихъ нужно переносить равнодушно, какъ бы они не до васъ касались. Гнѣвъ—врагъ нашъ... Для сохраненія мира душевнаго всячески должно избѣгать осужденія другихъ и быть милостивымъ и добрымъ»...

На памятникѣ о. Серафиму сдѣлана такая надпись: «онъ жилъ во славу Божію». Въ этой надписи заключается самая вѣрная характеристика общественной дѣятельности нашего подвижника [1])...

Этимъ я и заканчиваю свой очеркъ о былыхъ тамбовскихъ добрыхъ людяхъ. Я указалъ далеко не на всѣхъ, а только на нѣкоторыхъ и ограничиваюсь на данную тему пока этимъ трудомъ своимъ.

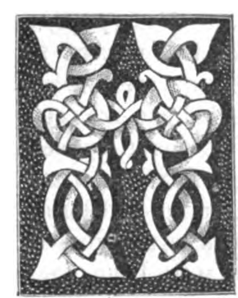
И. Дубасовъ.

[1]) Житіе старца Серафима, Спб., 1863 г.

БАРОНЕССА КРЮДНЕРЪ.

ЕДАВНО въ Лондонѣ появилась книга, по англійскому обычаю прекрасно изданная, но не по англійскому обычаю прекрасно написанная, посвященная немаловажной дѣятельницѣ царствованія Александра I; это сочиненіе Кларенса Форда: «Жизнь и переписка мадамъ де-Крюднеръ» (The Lif and Letters of madame de Kruener by Clarence Ford, London, Adam and Charles Black). Въ предисловіи авторъ утверждаетъ, что въ англійской исторической литературѣ нѣтъ ничего о м-мъ Крюднеръ, если не считать перевода Portraits des Femmes С. Бёва, гдѣ между прочимъ находится и ея характеристика; здѣсь же онъ откровенно заявляетъ, что неанглійскіе читатели не найдутъ въ его книгѣ новыхъ документовъ: онъ только старательно воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который можно найти въ библіотекахъ Парижа и Лондона и особенное вниманіе обратилъ на письма м-мъ Крюднеръ, значительную часть которыхъ онъ помѣщаетъ цѣликомъ въ своей книгѣ. Судя по тѣмъ упрекамъ, которые онъ адресуетъ какъ безусловнымъ панегиристамъ м-мъ Крюднеръ, такъ и ея хулителямъ, онъ, очевидно, желалъ быть вполнѣ объективнымъ и стремился найти истину между двумя крайностями. Но, какъ это часто бываетъ съ біографами, онъ увлекся своей героиней, въ особенности въ послѣдній періодъ ея жизни и заканчиваетъ книгу такими словами: «Если считать м-мъ Крюднеръ, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые изъ ея протестантскихъ біографовъ, возстановительницей христіанства на европейскомъ континентѣ, ей нельзя простить ея слабостей и женской непослѣдовательности характера. Но мы предпо-

читаемъ ставить ее на такой высокій пьедесталъ, чтобы быть въ состояніи выразить ей безъ всякихъ ограниченій нашу глубочайшую симпатію и удивленіе. Допустимъ, что она не была ни св. Екатериной, ни св. Терезой, ни даже м-мъ Гюйонъ [1]), чьи сочиненія ее часто вдохновляли; но, тѣмъ не менѣе, мы будемъ чтить ее, какъ любящую женщину съ нѣжнымъ сердцемъ, которая, пройдя сама сквозь огонь, храбро сошла съ высоты своего общественнаго положенія, чтобы протянуть руку помощи и сочувствія своимъ братьямъ и сестрамъ, шедшимъ ощупью по каменистой тропѣ жизни; которая многое принесла въ жертву своей великой любви къ Божественному Учителю, и которая въ своемъ самоуничиженіи считала себя вознагражденною превыше заслугъ миромъ и радостію, наполнявшими ея сердце въ годы ея апостольской дѣятельности» (стр. 322). Хотя баронесса Крюднеръ была, такъ сказать, международной дѣятельницей, все же она и родилась и умерла въ Россіи и, благодаря русскому императору, получила вѣсъ и значеніе; поэтому ея біографъ волей-неволей долженъ касаться внѣшней и внутренней исторіи Россіи. Кл. Фордъ, безъ сомнѣнія, считалъ себя вполнѣ къ этому подготовленнымъ: онъ читалъ и исторію Россіи Рамбо и рядъ монографій; онъ интересуется и современной Россіей, слѣдитъ за ея политикой, очевидно, читаетъ все, что появляется о ней на доступныхъ ему языкахъ и посвоему любитъ ее. Но все же онъ Россіи не знаетъ и дѣлаетъ невольныя ошибки, тѣмъ болѣе курьезныя, что стремится обобщать своихъ отрывочныя свѣдѣнія и характеризовать русскую жизнь чертами широкими и смѣлыми. Оставляя въ сторонѣ частности, укажемъ на то, что онъ исходитъ изъ положенія, явно невѣрнаго: по его убѣжденію, м-мъ Крюднеръ типичная русская женщина, съ чисто русской наклонностью къ самопожертвованію и русской глубокой религіозностью (то же высокорелигіозное чувство находитъ онъ и въ русскихъ нигилисткахъ; только онѣ, по его словамъ, перенесли любовь свою съ Христа на отечество (стр. 13); она представительница тѣхъ русскихъ аристократокъ, которыя воспитаны въ «невообразимой» (incoceivable) роскоши, умѣряемой утонченностью французской цивилизаціи (стр. 14). Кл. Фордъ, повидимому, убѣжденъ, что м-мъ Крюднеръ вполнѣ владѣла русскимъ языкомъ, и хотя признаетъ возможнымъ, что она была крещена по реформатскому обряду, но много разъ говоритъ объ особенностяхъ «національной русской церкви», проявлявшихся въ характерѣ дѣятельности его героини.

Мы сказали, что книга Форда написана легко и живо; можемъ прибавить—слишкомъ легко для англичанина: авторъ не только очень любитъ реторическо-картинныя выраженія, въ родѣ: «глу-

---

[1]) Jeanne Marie Bouvier de la Motte Guyon (1648 — 1717), основательница квіетизма; Фенелонъ былъ ея горячимъ приверженцемъ.

бокія воды мистическаго піэтизма», «вбилъ первый гвоздь въ гробъ своего семейнаго счастія», но и безъ труда можетъ быть уловленъ на противорѣчіяхъ, происходящихъ отъ недостатка вниманія при окончательной обработкѣ [1]). Но большая публика едва ли замѣтитъ эти мелочи, а красивый языкъ и легкое «на манеръ французскаго» изложеніе, говорятъ, теперь въ модѣ и въ Англіи. А такъ какъ въ той же Англіи въ послѣдніе годы усиленно интересуются всѣмъ русскимъ, то надо полагать, что книга Кл. Форда найдетъ немалочисленныхъ читателей.

По поводу этой книги и по поводу рѣдкаго портрета баронессы Крюднеръ въ старости, любезно сообщеннаго намъ редакціей «Историческаго Вѣстника» [2]), позволяемъ себѣ вкратцѣ напомнить читателямъ главныя перипетіи жизни этой интересной и характерной для своего времени особы.

Передъ нами два изображенія одной и той же женщины, обладавшей не особенно красивою, но далеко не заурядною наружностью. На первомъ мы видимъ даму среднихъ лѣтъ (автору «Валеріи» во время появленія «знаменитаго» романа шелъ 40-й годъ), которая при своей тоненькой фигурѣ и одухотворенной, выразительной физіономіи должна была казаться моложе своего возроста. Она одѣта въ тотъ неудобный и непрактичный для сѣверныхъ странъ классическій костюмъ, который вошелъ повсемѣстно въ моду при директоріи и упорно держался при началѣ имперіи. Ея, вѣроятно, подвитые волосы приведены въ искусственный безпорядокъ тоже по модѣ этой переходной эпохи, когда оба пола стремились всѣми способами протестовать противъ дореволюціонной напыщенности, холодной правильности и, если можно такъ выразиться, прилизанности. Большіе грустные глаза съ усталыми, слегка опущенными вѣками и горькое выраженіе довольно крупныхъ губъ, такъ же какъ и вся худенькая, немного дряблая фигурка съ опущенными плечами, свидѣтельствуютъ о томъ, что дама таки пожила въ свое время, но не вынесла изъ пережитыхъ волненій успокоенія и пріятныхъ воспоминаній, а только утомленіе и раскаяніе, что она или дѣйствительно разочарована жизнью, или представляется разочарованной. Такія дамы подъ старость бываютъ чаще всего глубоко несчастны и въ то же время глубоко эгоистичны и живутъ на отягощеніе себѣ и другимъ.

На другомъ портретѣ мы видимъ ту же даму, но уже благоче-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ предисловіи на стр. VII, возражая библіофилу Жакобу, Фордъ утверждаетъ, что до 1789 г. м-мъ Крюднеръ никогда не бывала въ столицѣ Франціи, а на стр. VIII говоритъ, что зиму 1778 г. она провела вмѣстѣ съ своими родителями въ Парижѣ и брала уроки танцевъ у Вестриса.

[2]) Этотъ портретъ воспроизведенъ и у Форда на стр. 182, но по неполной гравюрѣ, изображающей только лицо и бюстъ м-мъ Крюднеръ, безъ характерной обстановки.

ствивой старушкой. Она одѣта почти помонашески и опоясана веревкой или толстымъ, грубымъ снуркомъ, но чепчикъ съ вышивкой и, кажется, кружевами, застегнутый подъ шеей, и ея нѣсколько аффектированная поза свидѣтельствуютъ о томъ, что она и теперь не совсѣмъ пренебрегаетъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ ея наружность. Характерна окружающая ее обстановка. Простой деревянный или каменный крестъ стоитъ на столикѣ или налоѣ съ готической рѣзьбой; здѣсь же стоитъ довольно, повидимому, дорогая изящная ваза съ оранжерейными цвѣтами, очевидно, предназначенными для украшенія креста. Большіе выразительные глаза дамы остались тѣ же, но въ нихъ вмѣсто утомленія — молитвенный экстазъ, и выраженіе рта изъ горькаго превратилось въ нѣсколько слащавое. Очевидно, дама не остановилась на разочарованности и не впала въ эгоизмъ и апатію, а нашла себѣ новую жизнь, новый міръ увлеченій и сильныхъ ощущеній и не только пользуется имъ для собственнаго обихода, но и стремится увлекать въ него другихъ.

Эта дама—баронесса Крюднеръ, игравшая въ свое время не послѣднюю роль въ политическихъ судьбахъ Европы и Россіи [1]). Она родилась въ Ригѣ, 11-го ноября 1764 г., въ богатомъ семействѣ Фитингофъ-Шеель и была окрещена именами Беаты-Юліаны. Она получила обычное по тому времени свѣтское образованіе, и 18 лѣтъ отъ роду была выдана за дипломата русской службы барона Крюднера, который былъ вдвое старше ея и имѣлъ дочь отъ первой жены. Бракъ не былъ изъ особенно счастливыхъ; молодая женщина скоро начала скучать и томиться, а въ развлеченіяхъ въ томъ кругу, гдѣ жила она, недостатка не могло быть. Въ нее влюбился одинъ молодой человѣкъ, подчиненный ея мужа [2]), но онъ слишкомъ уважалъ и любилъ своего патрона, чтобы начать ухаживать за его женою: онъ ограничился безмолвнымъ поклоненіемъ; однако чувство его не могло укрываться долго отъ глазъ неудовлетворенной жизнью женщины (Фордъ, повидимому, полагаетъ, что баронесса впервые узнала о чувствахъ молодого человѣка изъ его письма къ ея мужу) и, конечно, доставило ей большое удовольствіе. Но платоническій обожатель удалился; на смѣну ему явились люди, болѣе смѣлые, и молодая баронесса начала ту жизнь, полную приключеній, тайныхъ мукъ и тайныхъ наслажденій, которую въ выс-

---

[1]) Изъ прежнихъ работъ о ней см. книгу Эйнара (Charles Eynard): Vie de m-me de Krudener, 2 vl., 1849, Paris; Capefigue: La baronne de K. et l'empereur Alexandre I (Paris, 1886), и P. L. Jacob bibliophile: M-me de K., ses lettres, ses ouvrages inédits, Paris, 1880. Порусски см. статью А. Н. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г., авг. и сент. Ср. остроумную характеристику баронессы Крюднеръ у Брандеса въ Hauptströmungen и пр. III, гл. 6: Eine Prophetin und ihr heiliges Werk.

[2]) Брандесъ и др. называютъ его Stakiew.

шемъ обществѣ умѣли такъ искусно прикрывать приличной внѣшностью. Къ чести баронессы Крюднеръ и ея времени, лицемѣріе тогда не было на столько обязательно, какъ прежде, и ея біографы могутъ, если сочтутъ нужнымъ, раскопать всѣ ея любовныя исторіи; даже мужъ зналъ о важнѣйшихъ изъ нихъ. Между супругами произошелъ открытый разрывъ, но не было ни сценъ, ни даже вражды, и когда жена временами возвращалась подъ кровъ супружескій, ее встрѣчали тамъ довольно привѣтливо. Во время одного изъ такихъ отдыховъ ее впервые охватила манія религіозности,

Баронесса Крюднеръ.
Съ гравированнаго портрета Пфеннигера.

которая у ней носила курьезно-самомнительный характеръ: она была убѣждена, что Господь, о которомъ до сихъ поръ она вовсе не думала, теперь какъ бы въ благодарность за ея обращеніе готовъ все для нея сдѣлать, и когда на ея мужа изливались монаршія милости, она приписывала это своему вліянію въ небесныхъ сферахъ. Но ни сознаніе этого вліянія, ни твердое намѣреніе скрасить своимъ присутствіемъ старость добраго мужа не устояли противъ жажды жизни и наслажденій, и она снова бросила семью и

уѣхала на воды, а оттуда въ Швейцарію и, наконецъ, въ Парижъ. Получивъ тамъ извѣстіе о смерти мужа, она была огорчена очень серьезно и мучилась раскаяніемъ; но по живости натуры не могла долго оставаться подъ давленіемъ одного чувства и скоро утѣшилась успѣхами литературными.

Баронесса Крюднеръ во время своей свѣтской жизни и любовныхъ приключеній находила возможность пополнять свое недостаточное образованіе чтеніемъ и разговорами съ умными людьми и писателями; таковъ былъ тогда духъ эпохи, что литературные интересы занимали все общество. Природная живость ума давала баронессѣ возможность, что называется, съ налету схватывать модныя идеи, и еще при жизни мужа она довольно удачно дебютировала сборникомъ изреченій [1]); теперь же она взялась за повѣсти, а въ 1803 г. издала свой романъ «Валерію» [2]), въ которомъ она въ сентиментальномъ тонѣ и, разумѣется, со многими прикрасами пересказываетъ свою первую любовную драму, не окончившуюся связью. Авторъ употребилъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы сдѣлать свое произведеніе популярнымъ (баронесса уговариваетъ своихъ друзей съ литературными именами привѣтствовать ея романъ стихами и прозой, сама разъѣзжаетъ по магазинамъ, спрашивая шляпокъ и лентъ à la Valerie и пр.), и, добившись цѣли, убѣждается, что Провидѣніе и въ этомъ отношеніи приняло ее подъ свою особую защиту. Курьезное самообольщеніе!

Но природная живость ума не позволяетъ баронессѣ успокоиться на искусственно добытыхъ лаврахъ, а годы берутъ свое, и любовныя интриги становятся неудобными. Тогда-то Крюднеръ окончательно отдаетъ себя на служеніе религіозной идеѣ.

Мы не имѣемъ права заподозрѣть искренность ея обращенія и справедливость ея разсказовъ о томъ, какіе случаи изъ жизни ему способствовали (ее сильно поразила внезапная смерть одного ея знакомаго, который только-что раскланялся съ нею; на моравскихъ братьевъ ея вниманіе обратилъ простой башмачникъ, пріятно удивившій ее своимъ душевнымъ спокойствіемъ и отраднымъ взглядомъ на жизнь); но мы не можемъ не видѣть связи между этимъ обращеніемъ и полнымъ увяданіемъ ея наружности [3]) и не можемъ

---

[1]) Pensées d'une dame etrangère, перепеч. нѣсколько разъ.

[2]) Полное заглавіе романа: «Valérie, ou lettres de Gustave de Linar à Ernest G*», 2 vv., 1804. Романъ былъ переведенъ два раза на нѣмецкій языкъ, и съ перваго нѣмецкаго перевода былъ сдѣланъ русскій, отмѣченный въ Смирдинскомъ каталогѣ подъ № 8586: «Валерія, или письма Густава фонъ-Линара къ Ернесту фонъ-Г.; соч. фонъ-Криденеръ; пер. съ нѣм. М. Б., 3 части, М., 1807 г.». Кл. Фордъ (стр. 80) ставитъ «Валерію», какъ художественное произведеніе, значительно выше современныхъ романовъ, напримѣръ, г-жи Коттенъ и находитъ, что ее можно съ удовольствіемъ читать и въ наше время.

[3]) Случай, аналогичный съ обращеніемъ Гейне, который самъ остритъ надъ собою: «Если бы мнѣ можно было выйти изъ дому, хотя съ костылями, я прямо отправился бы въ церковь. Да и то сказать: куда иначе идти съ костылями?! Будь я здоровъ, я пошелъ бы на бульвары».

не признать, что въ горячности ея пропаганды сильно сказывается желаніе играть роль и баловать свое самолюбіе. M-me Крюднеръ дѣлается проповѣдницей, филантропкой и пророчицей. Она ѣдетъ въ Пруссію, сближается съ королевой Луизой, которая послѣ Іенскаго пораженія очень склонна искать утѣшенія въ религіи отъ земныхъ горестей, посѣщаетъ вмѣстѣ съ нею госпитали и казармы и ищетъ случаевъ сойтись съ извѣстными теософами и піэтистами какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ простого народа. Отъ времени она все больше и больше убѣждается въ высокой роли, къ которой ее предназначило Провидѣніе, и намѣчаетъ себѣ въ прозелиты самаго могучаго послѣ паденія Наполеона и самаго великодушнаго между монархами Европы русскаго императора Александра I.

Александръ Павловичъ, какъ извѣстно, въ дѣтствѣ и ранней юности не получилъ религіознаго направленія и до послѣднихъ лѣтъ жизни къ формальной религіи относился довольно холодно. Но его мягкая, полуженственная натура всегда нуждалась въ духовной поддержкѣ и утѣшеніи, а горькія испытанія первой половины его царствованія и, наконецъ, страшныя бѣдствія Отечественной войны, за которыя онъ считалъ себя отвѣтственнымъ, еще болѣе усилили эту потребность и подготовили его къ воспріятію всевозможныхъ мистическихъ ученій и откровеній. Баронесса Крюднеръ добиралась до него постепенно; сперва она сблизилась съ Роксандрой (Александрой) Стурдзой, а черезъ нее сошлась съ императрицей и вступила съ нею въ переписку. Государь часто слышалъ о ней и охотно помогалъ тѣмъ, въ комъ Крюднеръ принимала особенное участіе. Въ концѣ 1814 г., когда государи и ихъ дипломаты веселились въ Вѣнѣ, пророчица-баронесса возстаетъ противъ этихъ «печальныхъ увеселеній» и грозитъ, что лиліи скоро исчезнутъ [1]. Какъ обыкновенно бываетъ съ подобными пророчествами, они никого не смутили и никому не показались особенно ясными. Но когда Наполеонъ покинулъ Эльбу и былъ встрѣченъ съ восторгомъ арміей, темныя предсказанія Крюднеръ вдругъ подняли ея кредитъ до небывалой высоты; особенно сильно подѣйствовали они на впечатлительнаго и въ данную минуту угнетеннаго событіями Александра. По дорогѣ въ армію, близъ Гейдельберга, Александръ увидѣлся съ пророчицей и съ глубокою вѣрою преклонился передъ ея энтузіазмомъ, тѣмъ болѣе, что она, призывая его къ покаянію въ грѣхахъ, сама преклонялась передъ его величіемъ и благими намѣреніями.

M-me Крюднеръ, по просьбѣ Александра, поселилась около главной квартиры, и государь часто навѣщалъ ее. Во время его вто-

[1]) Кл. Фордъ вполнѣ убѣдительно доказалъ, что баронесса лично въ Вѣнѣ во время конгресса не присутствовала (гл. IX, стр. 148, 157) и, стало быть, увѣщанія свои присылала издали.

ричнаго пребыванія въ Парижѣ, Крюднеръ жила почти рядомъ съ дворцомъ Элизе Бурбонъ и видѣлась съ Александромъ чуть не каждый день; они вмѣстѣ читали Св. Писаніе, вмѣстѣ молились, и пророчица имѣла несомнѣнное и сильное вліяніе на «освободителя Европы». Въ сентябрѣ 1815 г. въ долинѣ Вертю въ Шампани императоръ дѣлалъ торжественный смотръ своей 150,000 арміи; баронесса Крюднеръ пріѣхала сюда въ царскомъ экипажѣ, и государь принималъ ее, по выраженію Брандеса, какъ посланницу небесъ. Съ удивленіемъ смотрѣли русскіе усачи на эту немолодую и уже некрасивую даму въ скромномъ полумонашескомъ одѣяніи, съ развѣвающимися по вѣтру локонами, съ легкой соломенной шляпкой на рукѣ, проѣзжавшую съ такой помпой передъ ихъ стройными рядами.

Въ то время передъ кѣмъ преклонялся русскій императоръ, передъ тѣмъ преклонялся и Парижъ со всѣми своими знатными гостями. Недавніе «философы» и атеисты тѣснились въ скромной, умышленно плохо убранной квартиркѣ баронессы на ея молитвенныхъ собраніяхъ и со вниманіемъ выслушивали ея безконечныя поученія; это, конечно, не мѣшало имъ за угломъ острить надъ проповѣдницей и вспоминать ея прежнюю жизнь въ томъ же Парижѣ, когда она тратила на туалетъ ежегодно десятки тысячъ франковъ и танцовала свой знаменитый танецъ съ шалью, такъ мило описанный въ романѣ г-жи Сталь «Дельфина»; но извѣстно, что въ Парижѣ всякій выдающійся успѣхъ сопровождается остротами изъ-за угла. Вопросъ о томъ, какую роль играла Крюднеръ въ составленіи знаменитаго акта священнаго союза, все еще не вполнѣ уясненъ. Считать ее авторомъ или даже крестной матерью этой политической фикціи, повидимому, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Но, по всей вѣроятности, Александръ, собственноручно написавшій весь актъ, не одинъ разъ бесѣдовалъ съ нею объ его основной идеѣ, причемъ встрѣчалъ съ ея стороны полное сочувствіе, и навѣрно извѣстно, что послѣ подписанія его государь посѣтилъ баронессу, и они вмѣстѣ радовались успѣху святого дѣла. Уѣзжая изъ Парижа, Александръ приглашалъ Крюднеръ въ Петербургъ, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ она немедленно воспользовалась этимъ приглашеніемъ, ея вліяніе на государя не прекратилось бы такъ неожиданно и скоро.

Когда Александръ въ первый разъ замѣтилъ фальшь и аффектацію въ поступкахъ своей духовной руководительницы, мы навѣрно не знаемъ. Весьма вѣроятно, что сейчасъ же послѣ разлуки многіе факты изъ ихъ сношеній получили въ его глазахъ совсѣмъ иную, неблагопріятную для баронессы окраску; онъ называетъ ее ignis fatuus, даетъ понять, что онъ ошибся въ ней, и, очевидно, уже безъ особаго нетерпѣнія ожидаетъ ее въ Петербургъ.

Но баронесса не спѣшила покидать Европу и совершила цѣлый

Баронесса Крюднеръ.
Съ литографіи Гельмерсена.

рядъ дѣяній, окончательно подорвавшихъ ея кредитъ въ глазахъ императора. Во-первыхъ, одинъ изъ ея приближенныхъ, нѣкто Фонтэнь, попалъ въ очень некрасивую исторію и былъ изгнанъ виртембергскимъ правительствомъ. Во-вторыхъ, сама Крюднеръ пустилась разъѣзжать по Бадену и Швейцаріи и проповѣдовать толпамъ бѣдняковъ (которымъ, къ чести ея сказать, она помогала и матеріально) свое вѣроученіе, казавшееся многимъ осторожнымъ людямъ чѣмъ-то въ родѣ христіанскаго соціализма и чуть не призыва къ бунту; а года были голодные, и всякое народное движеніе считалось крайне опаснымъ. Квартиру проповѣдницы окружаютъ полиціей, ея помощниковъ выгоняютъ вонъ или арестуютъ, наконецъ, и съ ней самой перестаютъ церемониться и перегоняютъ ее съ мѣста на мѣсто. Крюднеръ, твердо вѣруя въ свою небесную миссію, не стѣсняется этими преслѣдованіями, а напротивъ гордится ими; она все больше и больше убѣждается, что состоитъ подъ непосредственной защитой Провидѣнія, которое въ нужное время доставитъ ей и деньги и всякія другія пособія. Слава ея ростетъ, но это—не та слава, которая могла поднять ея авторитетъ въ глазахъ русскаго императора. Александръ Павловичъ, какъ и всѣ застѣнчивые и одаренные тонкой душевной организаціей люди, ужасно не любилъ и даже боялся шуму и скандаловъ; все, что выволакивалось на судъ толпы, казалось ему какъ бы оскверненнымъ. Каково ему было слышать, что особа, считающаяся состоящей подъ его покровительствомъ, разъясняла фабричнымъ основную идею священнаго союза, черезъ что сдѣлалась притчей во языцѣхъ и на пути въ Россію сдается полиціей съ рукъ на руки!

Кромѣ того, онъ въ это время уже окончательно перешелъ на сторону меттерниховской политики, и всякія движенія массы казались ему опасными, а ихъ виновники—преступными. Всякое желаніе видѣть m-me Крюднеръ у него пропало безслѣдно.

Въ 1818 году, Крюднеръ, сильно измученная треволненіями послѣднихъ двухъ лѣтъ, водворяется на жительство въ Остзейскомъ краѣ; она и здѣсь занимается филантропіей и проповѣдничествомъ; она и здѣсь имѣетъ поклонниковъ и послѣдователей, имѣетъ многихъ сторонниковъ и въ Петербургѣ, но общественное мнѣніе Европы уже мало занимается ею. Въ 1821 году, въ отсутствіе императора изъ Россіи (онъ былъ въ Тропау) баронесса явилась въ Петербургѣ. Голицынскій кружекъ, въ то время многочисленный и еще сильный, встрѣтилъ ее съ почетомъ, и она снова, вмѣсто безграмотныхъ латышей, стала проповѣдовать сливкамъ общества и стала центромъ тогдашняго мистицизма.

Если-бъ она ограничилась проповѣдью религіозной, императоръ, вѣроятно, не имѣлъ бы ничего противъ ея дѣятельности и, кто знаетъ, можетъ быть, и опять бы сошелся съ нею. Но баронесса все еще была слишкомъ живая особа и не могла оставить въ по-

кое политику. Она еще въ деревнѣ у себя заинтересовалась греческимъ вопросомъ и теперь съ свойственной ей энергіей и настойчивостью стала проповѣдовать въ пользу грековъ и порицать христіанскія правительства, особенно же Александра, за равнодушіе въ судьбѣ угнетенныхъ. Государю это было тѣмъ болѣе непріятно, что въ данномъ случаѣ проповѣдь Крюднеръ встрѣчала сочувствіе во всемъ русскомъ обществѣ, которое инстинктивно понимало роль Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и энергично, хоть и глухо, побуждало правительство вступиться въ дѣло, а глава правительства, какъ на грѣхъ, именно въ это время пришелъ къ убѣжденію, что, какъ основатель священнаго союза, онъ обязанъ поддерживать святость всѣхъ троновъ, не исключая и трона султана.

Александръ, не желая вступать въ личныя сношенія съ своей бывшей руководительницей, написалъ ей письмо, которое, по прочтеніи, должно было быть у нея отобрано: онъ разъяснилъ ей свой взглядъ на дѣло и настойчиво рекомендовалъ ей воздерживаться на будущее время отъ всякаго вмѣшательства въ политику, намекая на возможность другихъ болѣе строгихъ мѣръ. Если m-me Крюднеръ до сихъ поръ питала какія нибудь надежды на возобновленіе своихъ отношеній къ Александру, она теперь должна была рѣшительно отказаться отъ нихъ. Огорченная проповѣдница покинула Петербургъ и уѣхала въ свое имѣніе, гдѣ предалась молитвѣ и аскетическимъ подвигамъ; она добровольно подвергала себя и голоду и холоду. Такой образъ жизни скоро окончательно разстроилъ ея и безъ того расшатанное здоровье. Доктора велѣли ей переѣхать на югъ, а княгиня Голицына предложила ей взять ее съ собою въ Крымъ, гдѣ она думала устроить колонію. Крюднеръ охотно согласилась, и весною 1824 года отправилась туда по Волгѣ вмѣстѣ съ княгиней и переселенцами. Дорогой она оправилась, пробыла нѣкоторое время въ Өеодосіи, а потомъ переѣхала въ Карасубазаръ, гдѣ жила на дачѣ, принадлежавшей генералу Шитцу [1]). Но къ осени ей опять сдѣлалось хуже, и 13-го декабря она скончалась.

Баронесса Крюднеръ не принадлежитъ къ числу безупречныхъ героинь и отрадныхъ своею цѣлостностью историческихъ фигуръ; самый пылкій панегиристъ не въ состояніи скрыть ея недостатковъ и грѣховъ ея молодости, а безпристрастный наблюдатель увидитъ много аффектаціи и проявленій мелочнаго самолюбія и во всей ея проповѣднической дѣятельности. Но всеже нельзя не признать за ней ума незауряднаго и энергіи недюжинной, всеже нельзя не заинтересоваться ею, какъ выдающейся представительницей интересной эпохи, когда женщина въ первый разъ выступаетъ на арену общественной дѣятельности на свой собственный

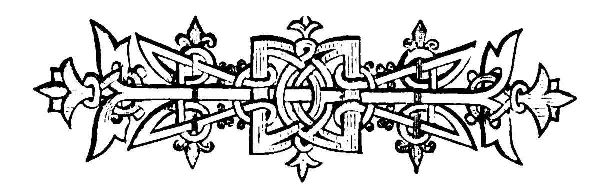

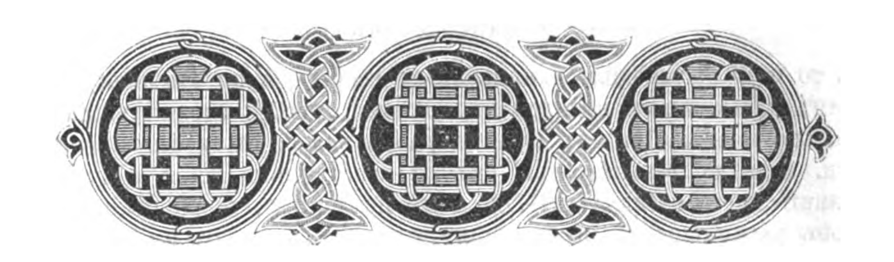
[1]) См. Путеводитель по Крыму, Н. Головкинскаго и Вернера, стр. 233.

страхъ, безъ колебаній и робости, съ полнымъ сознаніемъ своей равноправности съ мужчинами; смѣлость, съ которой она признается въ прежнихъ заблужденіяхъ и ошибкахъ, тоже **признакъ времени**, характерный фактъ для нашего столѣтія, для наступленія начала вѣка истинной и широкой гуманности, когда Маріонъ Делормъ, Жанъ Вальжанъ и Соня Мармеладова внушаютъ больше симпатіи и интереса, нежели безупречные Памелы и Грандисоны. Такой же признакъ времени и проповѣдь аристократки, обращенная къ толпамъ крестьянъ и фабричныхъ, своего рода **хожденіе въ народъ**, подорвавшее ея кредитъ въ глазахъ Александра и европейскихъ правительствъ.

А. К—въ.

ИЗЪ НРАВОВЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ [1]).

I.

Ъ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ и семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, въ селѣ Лопатинѣ, Никольскомъ тожъ, Саранскаго уѣзда, Нижегородской епархіи (до учрежденія въ 1799 году Пензенской епархіи Саранскъ съ его уѣздомъ принадлежалъ къ Нижегородской епархіи), священствовалъ о. Андрей Ивановъ.

Въ 1768 году, 3-го апрѣля, въ четвергъ свѣтлой седьмицы, о. Андрей, отслуживъ обѣдню въ своей приходской церкви, задумалъ отправиться «со причетники своими» въ сосѣднее село Болотниково, Рождественское тожъ, съ цѣлію «исправленія молебнаго пѣнія» въ домѣ помѣщика названнаго села, отставнаго поручика Даніила Ильина Зиновьева [2]).

Даніилъ Ильичъ считался въ уѣздѣ однимъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, но репутаціей пользовался незавидной: онъ слылъ за великаго гордеца, за сутягу, за человѣка сварливаго, неуживчиваго и притомъ жестокаго. Дѣйствительно, Зиновьевъ считалъ себя въ своемъ районѣ царькомъ и знать не хотѣлъ ни уѣзднаго, ни провинціальнаго, ни губернскаго начальства; съ сосѣдями-помѣщиками

---

[1]) Настоящая статья составлена главнымъ образомъ на основаніи дѣла Саранской воеводской канцеляріи (по описи № 210).

[2]) О. Андрей говорилъ впослѣдствіи, что онъ пошелъ къ Зиновьеву не по собственному почину, а по приглашенію названнаго помѣщика, но это на дѣлѣ не подтвердилось.

онъ то и дѣло заводилъ «приказныя ссоры», а по отношенію къ своимъ крестьянамъ являлся въ полномъ смыслѣ тираномъ. Замѣчательно иногда Даніилъ Ильичъ расправлялся съ своими крестьянами. Бывало, разгнѣвается онъ на крестьянина, да и крикнетъ: «разметать его избенку!». И, по волѣ помѣщика, толпа покорныхъ рабовъ раскидываетъ по бревешку избенку опальнаго крестьянина и въ нѣсколько минутъ оставляетъ цѣлое крестьянское семейство подъ открытымъ небомъ [1]).

Но отецъ Андрей не обратилъ вниманія ни на дурную репутацію, ни на дурной нравъ Зиновьева, ни на то, что названный помѣщикъ былъ чужаго прихода, и рѣшилъ-таки исправить молебное пѣніе у болотниковскаго барина. Безъ сомнѣнія, о. Андрей въ данномъ случаѣ руководился исключительно экономическими соображеніями [2]).

Молебное пѣніе въ домѣ Зиновьева о. Андрей пожелалъ обставить полною торжественностію, почему приказалъ взять изъ своего приходскаго храма самыя лучшія ризы, хоругвь, «благословящій серебряный позлащенный крестъ», запрестольный крестъ, евангеліе, «съ серебряными и позлащенными евангелисты», покрытое краснымъ бархатомъ, икону Воскресенія Христова, запрестольный образъ Богоматери и, кромѣ того, ящикъ съ церковными свѣчами и нѣсколькими копейками денегъ. Иконы несли пять богоносцевъ: четверо изъ крестьянъ помѣщиковъ Алферьевыхъ и одинъ изъ крестьянъ прапорщика Куроѣдова.

Зиновьевъ принялъ иконы и священника съ подобающею честію: по заявленію самого о. Андрея, помѣщикъ встрѣтилъ какъ иконы, такъ и его, о. Андрея, «среди двора и просилъ въ свой покой», по отслуженіи же молебна помѣщикъ приказалъ накормить священника и причетниковъ. Зиновьевъ заявилъ впослѣдствіи, что онъ и за молебенъ заплатилъ нескудно, а именно двугривенный, Но далеко не такъ благополучно пришлось выйти священнику изъ помѣщичьяго дома. По окончаніи обѣда, священникъ съ причтомъ сталъ собираться домой и приказалъ одному изъ причетниковъ сказать, чтобы они брали иконы. Но что же оказалось? Богоносцы изъ крестьянъ гг. Алферьевыхъ были забиты Зиновьевымъ въ

---

[1]) Впрочемъ, не одинъ Зиновьевъ такъ расправлялся съ крестьянами. Помѣщикъ деревни Елховки, Саранскаго уѣзда, подпоручикъ Александръ Платоновъ Разстрыгинъ, разсердившись на своего крестьянина Исаію Тихонова, велѣлъ старостѣ Максимову собрать крестьянскій сходъ. Когда сходъ былъ собранъ, Разстрыгинъ приказалъ избу и клѣть Тихонова разметать, корову убить, а остальные пожитки перенести къ нему, Разстрыгину, въ домъ, что̀ немедленно и было исполнено.

[2]) Духовенство описываемаго времени настолько было бѣдно, что иной священникъ на возикъ сѣнца или даже соломы, «пожалованный» помѣщикомъ, смотрѣлъ, какъ на большое благодѣяніе. Къ числу такихъ бѣдняковъ принадлежалъ и лопатинскій сященникъ.

кандалы и посажены въ «колодничью избу» [1]). Узнавъ объ этомъ, о. Андрей сталъ просить Зиновьева объ освобожденіи богоносцевъ, но получилъ отказъ. Священникъ сказалъ, что безъ богоносцевъ не выйдетъ изъ помѣщичьяго дома. Это въ высшей степени разсердило Зиновьева, не любившаго, вообще, чтобы кто нибудь препятствовалъ его «нраву». Разгнѣванный помѣщикъ взялъ о. Андрея за руку и «безчестно изъ покоевъ своихъ, а потомъ и со двора свелъ». Не ограничиваясь этимъ, Зиновьевъ въ воротахъ два раза ударилъ священника: въ голову и по шеѣ. Что касается иконъ, ризъ и свѣчнаго ящика, то все это осталось въ рукахъ Зиновьева.

Поступокъ Даніила Ильича по отношенію къ богоносцамъ объясняется тѣмъ, что Зиновьевъ питалъ непримиримую вражду къ помѣщикамъ села Лопатина, тремъ роднымъ братьямъ, по фамиліи Алферьевымъ, и велъ съ ними нескончаемую тяжбу [2]) изъ-за наслѣдства, въ томъ числѣ изъ-за нѣсколькихъ душъ крестьянъ. Какъ только узналъ Даніилъ Ильичъ, что большая часть богоносцевъ изъ крестьянъ Алферьевыхъ, у него возникла мысль, въ отмщеніе своимъ врагамъ, арестовать этихъ богоносцевъ. Тѣмъ болѣе Зиновьеву запала подобная мысль, что, по его мнѣнію, трое изъ богоносцевъ состояли «въ насильственномъ завладѣніи у Алферьевыхъ», по праву же должны были принадлежать ему.

Потерпѣвъ крушеніе въ домѣ Зиновьева, о. Андрей Ивановъ немедленно явился въ Саранское духовное правленіе съ жалобой на помѣщика. Въ своей жалобѣ священникъ писалъ, что Зиновьевъ иконами и прочею утварью лопатинской церкви завладѣлъ, богоносцевъ забилъ въ кандалы, а его, священника, отъ себя съ безчестіемъ выгналъ. Къ этому о. Андрей присовокупилъ, что «за неотдачею (Зиновьевымъ) святыхъ образовъ, а особливо за неимѣніемъ въ приходской (лопатинской) церкви св. евангелія осталась оная церковь святая безъ священнослуженія».

Провѣривъ жалобу священника черезъ допросъ причетниковъ, Саранское правленіе распорядилось послать въ Болотниково, для отобранія отъ Зиновьева иконъ и прочей утвари лопатинской церкви, священника города Саранска Семена Андреева. При этомъ, въ виду опасенія, какъ бы «помѣщикъ Зиновьевъ въ отдачѣ тѣхъ образовъ не учинилъ тому посланному каковаго недопущенія», духовное правленіе обратилось въ Саранскую воеводскую канцелярію въ просьбой о командированіи въ Болотниково, «для вспоможенія» священнику Андрееву, кого нибудь изъ имѣющейся при канцеляріи воен-

---

[1]) При домѣ Зиновьева имѣлась «колодничья изба», куда обыкновенно заключались крестьяне, имѣвшіе несчастіе прогнѣвать своего господина.

[2]) Тяжба Зиновьева съ братьями Алферьевыми началась въ 1739 году, а въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ была еще въ полномъ разгарѣ.

ной команды, что канцелярія и исполнила, командировавъ капрала Никиту Попова.

Если бы лопатинскій священникъ смиренно попросилъ Зиновьева о возвращеніи задержаннаго послѣднимъ церковнаго имущества, помѣщикъ, можетъ быть, не сталъ бы упорствовать. По крайней мѣрѣ, въ своей запискѣ, посланной впослѣдствіи въ Казанскую губернскую канцелярію, Зиновьевъ говорилъ: «онъ, попъ (лопатинской церкви), тѣхъ образовъ могъ бы отъ меня просить безъ подачи на меня доношенія, и безъ всякаго приказнаго затрудненія тѣ образа отданы-бъ были ему, попу, обратно». Но такъ какъ о. Андрей, оскорбленный до крайности помѣщикомъ, подалъ на него письменную жалобу, то въ Зиновьевѣ заговорила его дворянская спесь. Помимо того, о. Андрей, подавъ на Зиновьева жалобу, затронулъ слабую струнку послѣдняго, именно — страсть къ сутяжничеству. И Зиновьевъ рѣшилъ такъ: «коль попъ захотѣлъ со мной черезъ судъ вѣдаться, да приказную ссору заводить, такъ не видать ему, попу, своихъ образовъ!» Впрочемъ, посланнымъ изъ духовнаго правленія и воеводской канцеляріи, священнику Андрееву и капралу Никитѣ Попову, Зиновьевъ не сказалъ прямо, что не намѣренъ отдавать церковнаго имущества. На этотъ разъ помѣщикъ заявилъ, что онъ иконы и прочую утварь лопатинской церкви сдалъ на храненіе въ свой приходскій храмъ и выдать ихъ не можетъ «токмо за неимѣніемъ въ домѣ священника и ненахожденіемъ церковныхъ ключей». По возвращеніи въ Саранскъ, священникъ Андреевъ и капралъ Поповъ отрапортовали объ этомъ: первый духовному правленію, а второй воеводской канцеляріи.

Послѣ того Саранское духовное правленіе предписало священнику Иванову истребовать иконы и прочую утварь лопатинской церкви отъ священника села Болотникова Максима Данилова, но Даниловъ «въ отдачѣ образовъ учинился противенъ правленію». Болотниковскій священникъ говорилъ лопатинскому: «кто твои образа бралъ, съ того ихъ и проси». Отказываясь отдать иконы, Даниловъ въ то же время не отвергалъ, что онѣ хранятся въ болотниковской церкви.

Въ виду сопротивленія Данилова, правленіе нѣсколько разъ посылало разсыльныхъ въ Болотниково съ наказомъ взять непокорнаго попа и доставить въ правленіе, но каждый изъ разсыльныхъ являлся съ однимъ отвѣтомъ: «попа въ домѣ не получилъ». Дѣйствовавшій по инструкціи помѣщика, о. Максимъ обыкновенно скрывался отъ лицъ, которыя посылались изъ правленія.

Болотниковскій священникъ ясно сознавалъ, что слишкомъ далеко заходитъ въ ослушаніи своему начальству, и что наживаетъ себѣ бѣду. Самъ по себѣ онъ и не прочь бы былъ явиться съ повинной головой въ духовное правленіе; но Зиновьевъ, державшій въ ежовыхъ рукавицахъ и въ полномъ порабощеніи себѣ весь причтъ

церковный, не позволялъ священнику являться въ правленіе. Зиновьевъ говорилъ: «за меня, попъ, крѣпче держись и никого, кромѣ меня, слушать не моги». При этомъ помѣщикъ угрожалъ, что въ противномъ случаѣ сотретъ священника съ лица земли. Поэтому Даниловъ находился въ самомъ критическомъ положеніи: послушаться своего начальства—значило нажить гнѣвъ помѣщика, послушаться помѣщика—значило подвести себя подъ гнѣвъ начальства. И не разъ, вѣроятно, бѣдный Даниловъ задумывался надъ вопросомъ: кого же слушаться? гнѣвъ ли начальства страшнѣе, или гнѣвъ помѣщика? Конечно, немалыя бѣдствія грозили о. Максиму со стороны духовнаго начальства: оно могло запереть о. Максима въ монастырь, послать въ архіерейскій домъ «на тяжелые труды», совсѣмъ отрѣшить отъ должности... Но и за всѣмъ тѣмъ выходило, что гнѣвъ начальства не такъ страшенъ, какъ гнѣвъ помѣщика. Въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя было въ то время ожидать отъ самодура-помѣщика, подобнаго Зиновьеву? Онъ могъ раскидать по бревешку новенькую поповскую избу и моментально оставить о. Максима съ домочадцами безъ крова, могъ потравить весь посѣянный о. Максимомъ на поляхъ хлѣбъ, могъ, наконецъ, истерзать нещадно спину священника плетьми. И, взвѣсивъ все это, Даниловъ рѣшился «крѣпче держаться» за помѣщика, тѣмъ болѣе, что Даніилъ Ильичъ убаюкивалъ его, Данилова, такими словами: «знай меня одного, и никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ; весь отвѣтъ я на себя беру».

Между тѣмъ, Саранское духовное правленіе, послѣ неудачныхъ попытокъ возвратить задержанныя Зиновьевымъ церковныя вещи по принадлежности, вошло съ «донесеніемъ» по этому дѣлу въ Нижегородскую духовную консисторію, а консисторія представила правленское донесеніе преосвященному Ѳеофану, епископу нижегородскому и алатырскому. Преосвященный крайне возмущенъ былъ ослушаніемъ болотниковскаго священника по отношенію къ духовному правленію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая грозная резолюція преосвященнаго: «сыскать села Болотникова попа и за то, что принялъ церковную грабленную утварь и содержалъ у себя въ церкви, а по требованію не отдалъ мѣстному священнику, почему священнослуженію учинилось препятствіе, объявить ему, попу (чрезъ Саранское духовное правленіе), во всемъ священнослуженіи запрещеніе». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ѳеофанъ предписалъ консисторіи войти въ сношеніе съ Саранской воеводской канцеляріей касательно того, чтобы послѣдняя «учинила Зиновьеву строжайшее понужденіе» къ возвращенію утвари въ лопатинскую церковь.

Исполненіе резолюціи Ѳеофана касательно священника Максима Данилова оказалось нелегкою задачею. Вотъ что Саранское духовное правленіе рапортовало по этому поводу Нижегородской консисторіи: «Для сыску села Болотникова попа Данилова посланы были

отъ правленія двоекратно нарочные разсыльщики, кои, возвратясь оттолѣ (изъ Болотникова), репортами въ правленіе объявили: Степанъ Григорьевъ,—что де онаго іерея Максима Данилова въ домѣ не получилъ, а домашніе его объявили, якобъ онъ уѣхалъ въ Пензенскій уѣздъ для покупки хлѣба; Матвѣй Осиповъ объявилъ, что, по пріѣздѣ его въ село Болотниково, случился быть во ономъ селѣ, на улицѣ того села, помѣщикъ Зиновьевъ, который де, выспрося его, разсыльщика, что онъ идетъ для взятья помянутаго попа, сказалъ, что онъ (Зиновьевъ) попа ему не дастъ». Къ этому помѣщикъ присовокупилъ: «ежели еще кто пришлется за попомъ, пересѣку (присланныхъ) плетьми!». Затѣмъ помѣщикъ приказалъ вывести Осипова, не допуская до поповскаго двора, изъ села вонъ... А о. Максимъ какъ будто и не вѣдалъ о запрещеніи ему священнослуженія: онъ продолжалъ и служить въ церкви, и править требы, случавшіяся въ приходѣ.

Саранская воеводская канцелярія, которой поручено было «учинить Зиновьеву строжайшее понужденіе» къ возвращенію, куда слѣдуетъ, церковной утвари, тоже дѣйствовала безуспѣшно. Надо замѣтить, что помѣщики, особенно крупные, принадлежавшіе къ мѣстнымъ магнатамъ, вообще плохо слушались воеводскихъ канцелярій. Такіе помѣщики считали даже унизительнымъ для своего достоинства покориться низшей судебно-административной инстанціи, которую представляли воеводскія канцеляріи. Такихъ же взглядовъ держался и Зиновьевъ. Когда командированный отъ воеводской канцеляріи копіистъ Василій Полянскій явился къ Зиновьеву по дѣлу, касающемуся задержанной церковной утвари, Зиновьевъ сказалъ: «утвари не отдамъ». Понятно, копіистъ и не сталъ спорить съ Даніиломъ Ильичемъ, а былъ радъ подобру-поздорову убраться восвояси.

Имѣя въ виду, съ одной стороны, побѣдить упорство помѣщика, а съ другой — привести къ повиновенію непокорнаго своему начальству попа, преосвященный Ѳеофанъ прибѣгнулъ къ такой рѣшительной мѣрѣ: онъ предписалъ Саранскому правленію запечатать болотниковскую церковь, а попа Данилова, во что бы то ни стало, обязать подпискою не отправлять священно-служенія.

Но Зиновьевъ, по своему обыкновенію, и на этотъ разъ сталъ поперекъ дороги епархіальному архіерею. «Для запечатанія, — рапортовало духовное правленіе консисторіи, — состоящей въ селѣ Болотниковѣ церкви, также и для обязательства іерея Максима о неисправленіи священнослуженія подпискою посланъ былъ изъ правленія подканцеляристъ Петръ Поповъ, который, возвратясь оттолѣ, репортомъ объявилъ, что онъ, по пріѣздѣ въ то село, пришелъ во время исправленія послѣ святыя литургіи молебнаго пѣнія въ церковь Божію, въ коей случился быть и помѣщикъ Зи-

новьевъ... Послѣ онаго (молебнаго пѣнія) помѣщикъ, взявъ его, подканцеляриста, въ домъ къ себѣ и прочтя данную ему, подканцеляристу, инструкцію, при означенномъ же попѣ Даниловѣ, подписалъ на оборотѣ оной своею рукою, что онъ, Зиновьевъ, рѣшеніемъ консисторіи и его преосвященства недоволенъ, и будетъ де бить челомъ въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ. Сверхъ того, онъ, Зиновьевъ, словесно объявилъ, что какъ церковь Божію запечатать, такъ и попа подпискою къ запрещенію священнослуженія обязать не токмо де его, подканцеляриста, не допуститъ; но хотя бы его преосвященство и самъ пріѣхалъ, то де онъ не допуститъ сего». При этомъ помѣщикъ заявилъ Попову, что образа лопатинской церкви находятся у него, помѣщика, въ домѣ. «Потому,—добавилъ Зиновьевъ,—и не допущу ни церковь Божію запечатать, ни попа обязать подпискою».

Епархіальное начальство оказалось въ самомъ обидномъ положеніи. Обиднѣе всего, конечно, было то, что оно не могло справиться съ своимъ подчиненнымъ, съ какимъ нибудь сельскимъ попомъ Максимомъ. Что теперь оставалось дѣлать? Подумавъ, вкупѣ съ консисторіей, надъ этимъ вопросомъ, преосвященный пришелъ къ мысли разъединить «сообщниковъ по ослушанью», т. е. помѣщика и попа, и, оставивъ пока въ сторонѣ перваго, забрать въ свои руки послѣдняго. На этотъ разъ епархіальное начальство держалось, вѣроятно, такого соображенія, что Зиновьевъ, потерявъ въ лицѣ попа союзника, сдѣлается уступчивѣе. Согласно этому плану, Ѳеофанъ далъ Саранскому духовному правленію предписаніе «изловить всячески» попа и выслать подъ карауломъ въ консисторію.

До сихъ поръ духовное правленіе, при исполненіи предписаній высшаго начальства, терпѣло однѣ неудачи; но на этотъ разъ правленію удалось выполнить архіерейское распоряженіе въ точности. При какихъ обстоятельствахъ изловленъ былъ попъ,—въ дѣлѣ, имѣющемся у насъ подъ руками, нѣтъ указаній; но, изловивъ попа, правленіе, приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы попъ «не учинилъ утечки» (т.-е. не бѣжалъ). Съ этою цѣлію оно распорядилось помѣстить о. Максима въ колодничью избу, имѣвшуюся при правленіи для духовныхъ колодниковъ, а затѣмъ, по истребованіи отъ воеводской канцеляріи «пристойнаго караула», препроводило попа въ консисторію.

Въ консисторіи Даниловъ, по поводу его ослушанія духовному начальству, подвергнутъ былъ допросу. Прежде всего попу пришлось отвѣчать на вопросъ, зачѣмъ онъ принялъ въ свою церковь чужую церковную утварь. Даниловъ держалъ отвѣтъ, что чужой утвари «не принимывалъ, точію не объявлялъ сего», иначе говоря, скрывалъ это. Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ, почему Даниловъ по требованію Саранскаго духовнаго правленія не явился въ это правленіе. О. Максимъ отвѣтилъ, что онъ «намѣренъ былъ во оное

правленіе идти, точію помѣщикъ не велѣлъ». Помѣщикъ, по словамъ попа, сказалъ, что «самъ будетъ отвѣчать» за послѣдняго. Наконецъ, Даниловъ спрошенъ былъ о томъ, почему онъ не далъ подканцеляристу Попову подписки «о неисправленіи священнослуженія». Получился отвѣтъ: «помѣщикъ не допустилъ».

Своими показаніями о. Максимъ нисколько не располагалъ епархіальнаго начальства въ свою пользу. Особенно неблагосклонно епархіальное начальство взглянуло на показаніе Данилова, что онъ не явился въ правленіе, за недозволеніемъ со стороны помѣщика. Отсюда слѣдовалъ прямой выводъ: попъ считалъ нужнымъ оказывать послушаніе не своему начальству, а помѣщику. Къ своему несчастію попъ не захотѣлъ или, что вѣроятнѣе, побоялся выяснить на допросѣ, что послушаніе его, попа, помѣщику было вынужденное угрозами или, по тогдашнему выраженію, «пристрастіемъ». Что касается до показанія попа, что онъ чужой церковной утвари «не принимывалъ», то этому показанію совсѣмъ не дано было вѣры. Результатомъ неудачныхъ показаній Данилова была слѣдующая резолюція преосвященнаго: «попа за чинимое имъ съ помѣщикомъ по ослушанію согласіе послать въ монастырское смиреніе безсрочно». А въ то время умѣли въ монастыряхъ смирять непокорныхъ священнослужителей, потому что по отношенію къ нимъ не возбранялось даже наказаніе плетьми [1]).

Расправившись съ попомъ, преосвященный снова принялся за Зиновьева и предписалъ консисторіи послать въ саранское духовное правленіе указъ, чтобы оно опять требовало «возвращенія всего отнятаго помѣщикомъ церковнаго имущества», и о томъ, «что будетъ чинено», рапортовало въ консисторію.

Но если Ѳеофанъ предполагалъ, что Зиновьевъ, лишившись союзника-попа, сдѣлается уступчивѣе, то преосвященному вскорѣ пришлось разочароваться. Саранское духовное правленіе рапортовало консисторіи: «Для истребованія отъ помѣщика Зиновьева св. образовъ и прочаго посылались нарочные по инструкціямъ, но означенный помѣщикъ поданными въ правленіе прошеніями представлялъ, что, по происходимымъ де у него съ помѣщиками села Лопатина Алферьевыми приказнымъ ссорамъ, по подсылкѣ отъ нихъ, Алферьевыхъ, того села попъ Андрей Ивановъ о свѣтлой

---

[1]) «Винныя» лица священнаго сана подвергались наказанію посредствомъ плетей и въ консисторіяхъ, и въ духовныхъ правленіяхъ. Напримѣръ, въ 1764 году въ тамбовской духовной консисторіи состоялось такое опредѣленіе о діаконѣ села «Лысыхъ Горъ» Василіи: «діакону за отдачу имъ однодворцу Синельникову церковнаго ключа, для выноса умершаго младенца въ церковь въ высокоторжественный день, въ противность церковнымъ правиламъ и въ немалый прочимъ тамошнимъ прихожанамъ соблазнъ, въ силу духовнаго регламента, III ч., 1 п., учинить (и учинено) въ консисторіи, при прочихъ священникахъ, плетьми наказаніе» (заимствовано изъ архива краснослободскаго духовнаго правленія).

седьмицѣ вымышленно оставилъ въ домѣ его, Зиновьева, церковные образа, желая его, Зиновьева, якобъ отъемомъ церковныхъ образовъ поклепать напрасно. А хотя, по указамъ изъ консисторіи его преосвященства, тѣ съ умыслу оставленные въ домѣ его образа и велѣно отъ него требовать саранскому духовному правленію, токмо де безъ изслѣдованія о всемъ томъ и безъ учиненія по такому важному дѣлу съ винными по указамъ и безъ взятія причиненныхъ ему по тому дѣлу убытковъ отдать онъ, Зиновьевъ, не долженъ». Такимъ образомъ, ловкій крючковатый Зиновьевъ давалъ дѣлу другой оборотъ: помѣщикъ ставилъ это дѣло въ связь съ вышеупомянутой тяжбой, которая у него велась съ братьями Алферьевыми, и изъ обвиняемаго превращалъ себя въ обвинителя.

По поводу вышеприведеннаго репорта Ѳеофанъ наложилъ такую резолюцію: «Зиновьеву объявить (чрезъ саранское духовное правленіе), дабы онъ всѣ церковные образа и прочую утварь отдалъ въ село Лопатино, въ церковь, неотмѣнно, а по отдачѣ на виноватыхъ, въ чемъ на кого и гдѣ надлежитъ, просилъ бы по порядку». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ѳеофанъ предписалъ правленію разъяснить помѣщику, что дѣло о церковномъ имуществѣ «не должно зачитаемо быть по дѣлу тяжебному» (съ Алферьевыми).

Разумѣется, архіерейская резолюція была объявлена Зиновьеву, и требуемое разъясненіе сдѣлано, но дѣло нисколько не выиграло отъ этого. Вмѣсто того, чтобы возвратить по принадлежности церковное имущество, Зиновьевъ, какъ репортовало правленіе въ консисторію, далъ «сказку» такого содержанія: «по ложному де доносу на него, Зиновьева, отъ попа села Лопатина Андрея, а также по его, помѣщика, правильнымъ де доношеніямъ слѣдствія не произведено сходно съ законами, и затѣмъ де онъ, помѣщикъ, отдать образа и прочую церковную утварь опасенъ».

Въ такой безплодной перепискѣ протекло времени болѣе года.

II.

Братья Алферьевы не могли безучастно относиться къ тому, что ихъ врагъ Зиновьевъ завладѣлъ имуществомъ ихъ приходской церкви, тѣмъ болѣе, что Зиновьевъ задѣвалъ и ихъ, говоря, будто къ нему лопатинскій попъ подосланъ былъ съ иконами умышленно, и подосланъ не кѣмъ другимъ, какъ Алферьевыми. Болѣе горячее участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ средній изъ братьевъ Алферьевыхъ, подпоручикъ Гавріилъ Марковичъ. Онъ отъ 22-го мая 1769 года вошелъ къ преосвященному Ѳеофану съ прошеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Зиновьевъ по злобѣ и явному своему нахальству, церковныхъ образовъ, равно и ничего, не отдаетъ и саранской воеводской канцеляріи, равно и правленія, не слушаетъ,

а посланнымъ изъ присутственныхъ мѣстъ объявляетъ, что онъ не точію саранской канцеляріи, но и пензенской провинціальной канцеляріи не подсуденъ и ни въ чемъ никогда слушать не долженъ». Далѣе Алферьевъ прописывалъ, что Зиновьевъ надѣвалъ ризы лопатинской церкви на крестьянина Абрама Фролова [1]) и «чинилъ въ пьянствѣ посмѣятельство и надругательство святѣй церкви». Въ заключеніе, Гавріилъ Марковичъ просилъ преосвященнаго, чтобы о помѣщикѣ Зиновьевѣ, «съ прописаніемъ явнаго его ослушанія и противности командѣ» (которая посылалась въ Болотниково изъ воеводской канцеляріи), сообщено было въ казанскую губернскую канцелярію.

Преосвященный Ѳеофанъ, видя, что на самомъ дѣлѣ безъ содѣйствія губернской канцеляріи невозможно справиться съ упорнымъ помѣщикомъ, предписалъ консисторіи: «въ губернскую канцелярію послать промеморію (отношеніе), съ прописаніемъ всѣхъ помѣщика Зиновьева дѣяній, съ таковымъ, притомъ, требованіемъ, чтобы повелѣно было отъ оной канцеляріи показанному помѣщику всю отнятую имъ церковную утварь возвратить въ церковь, въ которой прежде была, неотмѣнно».

Если преосвященный былъ увѣренъ, что губернская канцелярія побѣдитъ таки упорство помѣщика, то владыку ожидало новое разочарованіе: Зиновьевъ и губернской канцеляріи «учинился противенъ». Посланному отъ названной канцеляріи въ Болотниково, съ цѣлію отобранія отъ Зиновьева иконъ и прочаго имущества Лопатинской церкви, солдату губернской роты Кудрину Даніилъ Ильичъ сказалъ: «хотя бы кто и лучше тебя посланъ былъ, то бы я образовъ не отдалъ [2])».

---

[1]) Это подтвердилось и слѣдствіемъ, произведеннымъ духовнымъ правленіемъ.

[2]) Съ Кудринымъ Зиновьевъ прислалъ въ губернскую канцелярію широковѣщательную записку, въ которой, между прочимъ, писалъ: «указомъ консисторіи велѣно въ селѣ моемъ церковь Божію запечатать, а попу моему священнослуженіе и исправленіе мірскихъ требъ запретить; но, въ защищеніе святой восточной церкви, чтобъ оная не вдовствовала, и чтобъ христіанскія души не мерли безъ покаянія, я... святую церковь запечатать не далъ, такожъ и до обязательства попа своего къ запрещенію ему священнослуженія не допустилъ... Однакожъ попа моего выслали подъ карауломъ въ консисторію, да и другому по близости жительствующему священнику мірскія требы исправлять запретили. За тѣмъ запрещеніемъ въ селѣ моемъ христіанскихъ душъ померло безъ покаянія и сообщенія св. таинъ 15 человѣкъ, кои оставались немалое время безъ погребенія... А судья духовнаго правленія (правильнѣе: присутствующій) сказалъ: «хотя бы и онъ, Зиновьевъ, безъ покаянія околѣлъ, то бы я и его погребать не велѣлъ». Въ той же запискѣ Зиновьевъ наотрѣзъ отказывался отдать утварь лопатинской церкви безъ слѣдствія, «сходственнаго съ законами», и безъ взятія причиненныхъ этимъ дѣломъ ему, помѣщику, убытковъ. «А если мнѣ, — писалъ Зиновьевъ, — образа такъ отдать, то соперники мои Алферьевы не токмо грабителемъ образовъ, но и святотатцемъ порицать меня могутъ».

Впрочемъ, губернская канцелярія не остановилась на первой своей попыткѣ возвратить, куда слѣдуетъ, церковное имущество и снарядила новое посольство въ Болотниково. На этотъ разъ канцелярія отправила въ Болотниково подпрапорщика Неудачнаго съ двумя солдатами (подпрапорщику предписано было еще взять изъ сосѣднихъ къ Болотникову селъ пять или шесть «стороннихъ людей»). При этомъ по адресу Зиновьева послана была отъ канцеляріи такая угроза: «буде же, въ противность законамъ, помѣщикъ и сей посланной командѣ въ отдачѣ утвари учинится непослушенъ; то во ослушаніи съ нимъ поступлено будетъ безъ всякаго послабленія, не смотря уже ни на какія его оправданія».

Но Даніилъ Ильичъ былъ травленый волкъ, котораго мудрено было напугать подобными угрозами, и который, быть можетъ, въ своей жизни не разъ ихъ слышалъ отъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. И прекрасно онъ зналъ, что, оказывая неповиновеніе губернской канцеляріи, онъ поступаетъ «въ противность законамъ»; но у Даніила Ильича былъ свой взглядъ на законы. Понятно, что и путешествіе подпрапорщика Неудачнаго съ солдатами въ Болотниково окончилось полною неудачею. Зиновьевъ сказалъ: «хотя бы отъ казанской губернской канцеляріи, кромѣ васъ, и капитанъ со всею командою присланъ былъ, то бы я образовъ не отдалъ».

Братья Алферьевы, въ особенности Гавріилъ Марковичъ Алферьевъ, зорко слѣдили за тѣмъ, «явится ли» ихъ врагъ Зиновьевъ «послушенъ губернской канцеляріи». Оказалось: «учинился противенъ». Когда еще первому послу губернской канцеляріи Кудрину Зиновьевъ отказалъ въ отдачѣ церковной утвари, братья Алферьевы уже единогласно рѣшили: «нѣтъ, губернская канцелярія съ этимъ злодѣемъ ничего не подѣлаетъ; надо съ нимъ расправиться своимъ судомъ».

Вскорѣ случилось обстоятельство, еще болѣе подлившее масла въ огонь и утвердившее Алферьевыхъ въ намѣреніи прибѣгнуть къ «своему суду». Осенью 1769 года послѣдовалъ указъ о рекрутскомъ наборѣ. Не желая отдавать въ солдаты собственныхъ, безспорныхъ крестьянъ, Зиновьевъ съ своими дворовыми людьми изловилъ семь человѣкъ крестьянъ, состоявшихъ во владѣніи (по мнѣнію Зиновьева, «въ насильственномъ») Алферьевыхъ, съ намѣреніемъ сдать этихъ крестьянъ на царскую службу, а пока, до сдачи, сковалъ послѣднихъ по рукамъ и ногамъ и содержалъ подъ строгимъ карауломъ въ своей колодничьей избѣ.

Каждый изъ братьевъ Алферьевыхъ былъ, что называется, «не тронь меня». Вполнѣ можно сказать, что въ лицѣ ихъ Зиновьевъ нашелъ себѣ достойныхъ соперниковъ: Алферьевы не менѣе Зиновьева любили постоять за себя, не менѣе его знакомы были съ тайнами канцелярскаго крючкотворства, мало чѣмъ уступали Зиновьеву и по своему состоянію. Поэтому Алферьевы никакъ не

могли спустить Зиновьеву его продѣлку съ ихъ крестьянами (конечно, Алферьевы признавали изловленныхъ крестьянъ своими). «Какъ! нашихъ крестьянъ въ солдаты сдавать!» заволновались братья Алферьевы. И рѣшили они, что «злодѣй Зиновьевъ» повиненъ за это самому жестокому мщенію и даже смерти. «Убьемъ его, злодѣя!» говорили раздраженные помѣщики.

Помѣщики стараго времени чаще всего расправлялись другъ съ другомъ посредствомъ такъ называемыхъ «наѣздовъ», т. е., «собравшись многолюдствомъ», нападали неожиданно на врага въ его собственномъ домѣ. Наѣзды сопровождались обыкновенно избіеніемъ, а иногда и убійствомъ людей, грабежомъ, поджогомъ и вообще мало чѣмъ отличались отъ нападеній разбойничьихъ шаекъ; тѣмъ не менѣе, при грубости помѣщичьихъ нравовъ описываемаго времени, наѣзды въ средѣ дворянъ, повторяемъ, составляли самое заурядное явленіе. Такой способъ расправы съ Зиновьевымъ избрали и братья Алферьевы. Нападеніе на Зиновьева рѣшено было произвести 16 ноября.

Въ этотъ день, по словамъ одного изъ участниковъ наѣзда, помѣщичьяго крестьянина Филиппа Авдѣева [1]), въ селѣ Алферьевѣ, принадлежавшемъ, вмѣстѣ съ селомъ Лопатинымъ, братьямъ Алферьевымъ, на помѣщичьемъ дворѣ было «многолюдственное сборище»: тутъ были Алферьевы съ своими сыновьями, помѣщикъ деревни Матвѣевки Алексѣй Ивановъ Петровъ, поповъ сынъ Димитрій Ивановъ и масса крестьянъ какъ изъ Лопатина, такъ и изъ Алферьева. На этомъ сборищѣ велись разсужденія о замышляемомъ наѣздѣ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ Алферьевы находили нужнымъ произвести предварительно суматоху въ селѣ Болотниковѣ чрезъ поджогъ или зиновьевскаго дома, или помѣщичьяго пчельника, или крестьянскихъ дворовъ, для чего и хотѣли взять четыре дегтярныхъ логуна; но крестьяне стали отговаривать Алферьевыхъ отъ поджога, говоря: «на пчельникѣ ничего (чѣмъ бы можно было поживиться) нѣтъ; а ежели крестьянскіе дворы или домъ Зиновьева зажечь, то погубишь много народу». Алферьевы согласились съ этимъ. Далѣе возникъ вопросъ, днемъ или ночью сдѣлать наѣздъ. Майоръ Алексѣй Алферьевъ говорилъ: «днемъ лучше». Но болѣе осторожный Гавріилъ Алферьевъ стоялъ за ночное время и говорилъ, что чрезъ Болотниково пролегаетъ большая дорога, почему могутъ случиться сторонніе свидѣтели изъ проѣзжающихъ, а ночью никто ничего не увидитъ. При этомъ Гавріилъ Алферьевъ «проговаривалъ» пословицу: «пріѣхалъ пестъ

---

1) Этотъ крестьянинъ былъ спорный: Алферьевы его присвояли себѣ, а Зиновьевъ—себѣ; самъ же Авдѣевъ, имѣвшій въ селѣ Болотниковѣ много родственниковъ, болѣе льнулъ къ Зиновьеву. Впрочемъ, во время наѣзда Авдѣевъ состоялъ во владѣніи Алферьевыхъ.

да отбилъ лѣсъ—и свидѣтелей нѣтъ». Онъ же говорилъ: «если мы и Зиновьева убьемъ (ночью), суда на насъ не сыщутъ. Разбери-ка, кто убилъ». Мнѣніе Гавріила Алферьева одержало верхъ: рѣшено было учинить наѣздъ ночью. Затѣмъ Алферьевы давали такія инструкціи крестьянамъ: «ежели де Зиновьевъ съ людьми своими и со крестьяны будетъ оборониться, и сдѣлается драка, то бъ никто не выдавалъ и, какъ можно, ихъ побить старался; а Зиновьева приказывали бить до смерти и со двора никого не спускать, пока его, Зиновьева, не убьютъ. Если (говорили Алферьевы) кто съ той драки нераненый придетъ, то они, Алферьевы, прибьютъ его до смерти. А буде изъ нихъ кого тамъ убьютъ, то того убитаго взять домой, а въ томъ селѣ Болотниковѣ, для языку (т. е. чтобы не было говора), не оставлять».

Наступила ночь. Бывшіе на помѣщичьемъ дворѣ люди, вооруженные ружьями, копьями, сайдаками, бердышами, палашами и дубьемъ, поѣхали на многихъ саняхъ въ Болотниково. Доѣхавъ до деревни Матвѣевки, находящейся вблизи Болотникова, Алферьевы со всею своею шайкою остановились у своего пріятеля, помѣщика Петрова, и послали въ Болотниково крестьянина Каралихина развѣдать, не узналъ ли Зиновьевъ о предстоящемъ нападеніи на него и не принялъ ли мѣръ предосторожности. Крестьянинъ возвратился съ «вѣдомостью», что онъ подъѣзжалъ ко двору Зиновьева и не замѣтилъ никакой предосторожности со стороны послѣдняго. Тогда Алферьевы съ прочими людьми, бывшими при нихъ, оставивъ большую часть лошадей въ Матвѣевкѣ, на немногихъ подводахъ поѣхали дальше. Дорогой пришло на умъ Алферьевымъ еще провѣдать, не приготовился ли Зиновьевъ къ оборонѣ. По справкѣ оказалось: Зиновьевъ не ждалъ нападенія, и его можно было застать врасплохъ. Относительно жителей Болотникова развѣдчики сообщили: «всѣ спятъ». «Послѣ оной, подъ селомъ Болотниковымъ, вѣдомости Алферьевы со всѣмъ многолюдствомъ пришли [1]) къ помѣщикову двору, къ заднимъ воротамъ. Лучшіе (т. е. болѣе молодые, храбрые и сильные) люди напередъ черезъ городьбу перелѣзли тихо къ Зиновьеву, и потомъ, выломя заднія ворота, и все многолюдство впустили на дворъ».

«Лучшіе люди» изъ шайки Алферьевыхъ устремились къ барскимъ хоромамъ, съ цѣлію ворваться въ нихъ. Около барскихъ покоевъ у нападающихъ произошла схватка съ людьми Зиновьева. Результатъ ея былъ таковъ: изъ людей Зиновьева Степана Александрова убили до смерти, Степана Григорьева «покололи знатно рогатиною», Марка Александрова да Клима Иванова избили «смертно»; остальные же люди Зиновьева, «боясь себѣ смертнаго

---

[1]) Не доѣзжая до помѣщичьяго двора, съ саней они слѣзли и пѣшкомъ пошли къ Зиновьеву, для избѣжанія шума.

убивства», разбѣжались. Послѣ того люди Алферьевыхъ попытались ворваться въ помѣщичьи хоромы; но предусмотрительный, видавшій виды на своемъ вѣку, Даніилъ Ильичъ имѣлъ и хоромы, и двери, и запоры прочные. Убѣдившись, что ворваться въ домъ мудрено, нападающіе стали выманивать самого Зиновьева изъ дома, для чего нѣсколько нѣсколько разъ кричали: «Данила Ильичъ! колодники твои ушли!» Но Даніилъ Ильичъ, конечно, не настолько былъ простъ, чтобы попасться на эту уду: онъ не вышелъ изъ своихъ покоевъ, почему остался цѣлъ и невредимъ.

Въ то время, какъ одни старались проникнуть въ помѣщичій домъ и выманить хозяина, другіе бросились къ колодничьей избѣ, гдѣ содержались «въ цѣпяхъ и стульяхъ» изловленные Зиновьевымъ и приготовленные къ отдачѣ въ рекруты крестьяне. За бѣгствомъ караульныхъ освобожденіе этихъ колодниковъ не представляло никакого затрудненія; только расковать колодниковъ было трудно, особенно второпяхъ, почему они въ цѣпяхъ и увезены были: одни въ Лопатино, другіе въ Алферьево.

Между тѣмъ разбѣжавшіеся, вслѣдствіе нашествія на помѣщичью усадьбу, дворовые люди Зиновьева крикнули: «на господскомъ дворѣ разбой!». Вскорѣ съ колокольни раздался набатъ. Болотниковцы переполошились и стали стекаться къ барскому двору. Алферьевы, принявъ въ соображеніе недостаточность своихъ силъ для борьбы съ цѣлымъ селомъ, ударили отбой, послѣ чего сѣли со всѣмъ своимъ воинствомъ на лошадей и ускакали въ Матвѣевку, а оттуда въ свои вотчины: Лопатино и Алферьево.

Всѣхъ участвовавшихъ въ наѣздѣ на Зиновьева было не менѣе 60 человѣкъ. Вышеупомянутый Авдѣевъ однихъ Алферьевскихъ крестьянъ насчитываетъ, причемъ называетъ ихъ поименно, 43 человѣка; но, помимо ихъ, были при этомъ дѣлѣ крестьяне Мануилова и Петрова, изъ деревни Матвѣевки. «Да и всѣ, по словамъ Авдѣева, той деревни крестьяне вѣдали, что, со всякимъ оружіемъ и многолюдствомъ, Алферьевы ѣдутъ помѣщика Зиновьева разбить и, по согласію съ Алферьевыми, къ защищенію ихъ (въ случаѣ погони) всѣ были въ готовности и стояли на улицѣ до тѣхъ поръ, пока Алферьевы не вернулись» (изъ Болотникова). Самъ помѣщикъ деревни Матвѣевки, Петровъ, такое горячее участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ, что самолично, даже съ двумя своими сыновьями, служившими солдатами въ Преображенскомъ полку, ѣздилъ въ Болотниково и участвовалъ въ нападеніи на Зиновьева [1]).

Однако, результатомъ наѣзда Алферьевы были крайне недовольны; особенно недовольство ихъ вызывалось тѣмъ, что ихъ врагъ

---

[1]) Надо замѣтить, что и съ помѣщикомъ деревни Матвѣевки, Петровымъ, неуживчивый Даніилъ Ильичъ находился далеко не въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ.

Зиновьевъ остался цѣлъ и невредимъ. «Зачѣмъ мы ѣздили, того и не сдѣлали»,—говорили Алферьевы, возвращаясь изъ Болотникова. При этомъ Алферьевы «тужили», что не такъ дѣло повели и не зажгли помѣщичьихъ хоромъ. «Если бы зажгли, — говорили Алферьевы, — то-бъ онъ (Зиновьевъ) самъ выбѣжалъ къ намъ въ руки; тутъ бы ему, грабителю, и конецъ»... Впрочемъ, помѣщики утѣшились надеждою поправить дѣло и рѣшили: «все-таки не жить злодѣю Зиновьеву на бѣлòмъ свѣтѣ!».

Мудрено было Даніилу Ильичу искать суда на Алферьевыхъ. Дѣло въ томъ, что съ саранской воеводской канцеляріей онъ имѣлъ приказную ссору, съ пензенской провинціальной былъ не въ ладахъ, съ казанской губернской спорилъ и здорилъ. Попытался было Даніилъ Ильичъ «пустить доношеніе» о наѣздѣ братьевъ Алферьевыхъ «со крестьяны» въ пензенскую провинціальную канцелярію; но названная канцелярія, какъ впослѣдствіи жаловалась жена Зиновьева Прасковья Гавриловна юстицъ-коллегіи, «слѣдствія и рѣшенія не учинила» и, вдобавокъ, крестьянина, чрезъ котораго подано было доношеніе, продержала «многія числа въ тюрьмѣ, яко сущаго злодѣя». Послѣ того Зиновьевъ подалъ «доношеніе въ таковой же силѣ» въ казанскую губернскую канцелярію чрезъ крестьянина Авдѣева, но и губернская канцелярія поступила подобно провинціальной: подателя доношенія «заклепала въ большіе злодѣйскіе кандалы, слѣдствія-жъ и рѣшенія не учинила»... Однимъ словомъ, въ канцеляріяхъ Даніилъ Ильичъ не встрѣчалъ удачи. Наконецъ, Зиновьевъ подалъ доношеніе (отъ имени своей жены) въ юстицъ-коллегію, причемъ дѣло о наѣздѣ поставилъ въ связь съ тяжбой о наслѣдствѣ. Поэтому доношеніе о наѣздѣ юстицъ-коллегіею пріобщено было къ тежебному дѣлу и тѣмъ самымъ обречено на безконечное странствованіе по разнымъ канцеляріямъ [1]).

Быть можетъ, Даніилъ Ильичъ и самъ отплатилъ бы Алферьевымъ наѣздомъ, но тутъ встрѣчалось препятствіе: со всѣми сосѣдями-помѣщиками Зиновьевъ былъ въ ссорѣ да въ разладѣ и, слѣдовательно, въ лицѣ ихъ не могъ пріобрѣсти себѣ союзниковъ, а безъ союзниковъ такія дѣла, какъ наѣздъ, не дѣлались.

Хотя нельзя было Даніила Ильича упрекнуть въ отсутствіи храбрости, тѣмъ не менѣе нападеніе, которому онъ подвергся 16-го ноября 1769 года, произвело на него очень сильное впечатлѣніе. Послѣ того Зиновьевъ ждалъ себѣ смерти или, по его вы-

---

[1]) Гдѣ только не побывало это тяжебное дѣло! Изъ саранской воеводской канцеляріи оно перешло въ пензенскую провинціальную, изъ пензенской — въ симбирскую, изъ симбирской—въ свіяжскую, изъ свіяжской—опять въ симбирскую и т. д. При этомъ вѣсы Ѳемиды попеременно склонялись то на одну сторону, то на другую. Наконецъ, это тяжебное дѣло такъ было запутано, что лишь судья, обладающій мудростью Соломона, въ состояніи былъ бы рѣшить: кто правъ, кто виноватъ.

раженію, «смертнаго убивства» отъ Алферьевыхъ, почему даже боялся безъ многочисленной свиты ѣздить въ ближайшій городъ (Саранскъ). При открытомъ нападеніи Зиновьевъ, безспорно, сумѣлъ бы постоять за себя (это Даніилъ Ильичъ не разъ имѣлъ случай доказать и на дѣлѣ), но вѣдь отъ Алферьевыхъ нельзя было ожидать такой любезности, чтобы они предупредили: идемъ де на тебя, злодѣй Зиновьевъ! нынѣ, въ такой-то часъ, жди насъ къ себѣ! Правда, Алферьевы не переставали повторять: «не жить злодѣю Зиновьеву! порѣшимъ грабителя Зиновьева!». Но когда, гдѣ и какъ соберутся они «порѣшить», все это было невѣдомо Даніилу Ильичу. Алферьевы могли подстеречь гдѣ нибудь Даніила Ильича и убить его изъ-за угла. Вотъ что смущало Зиновьева.

Боясь погибнуть отъ руки своихъ враговъ, Зиновьевъ рѣшилъ подобру-поздорову убраться отъ такихъ опасныхъ сосѣдей. По собственнымъ словамъ Даніила Ильича, онъ, «оставя помѣщичій домъ въ Саранскомъ уѣздѣ, въ селѣ Болотниковѣ, принужденъ былъ выѣхать въ Пензенскій уѣздъ, въ разнопомѣстное село Покровское, и въ ономъ, у малаго числа крестьянъ и въ маленькомъ домикѣ, поневолѣ, съ великою нуждою, для избавленія себя отъ злодѣйскаго убивства, жительство имѣть».

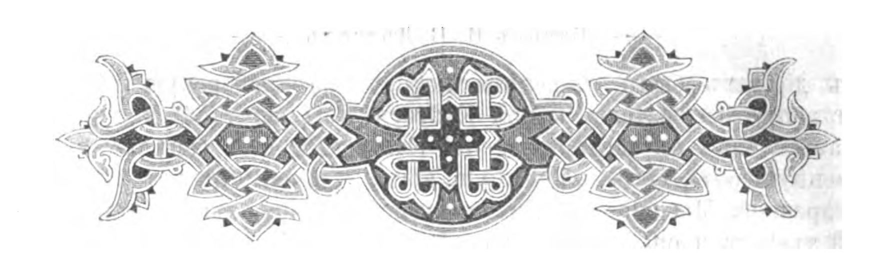
Но и уѣзжая изъ Болотникова въ село Покровское, упорный помѣщикъ не отдалъ въ лопатинскую церковь ни иконъ, ни прочей утвари. Возвратилъ ли ихъ Зиновьевъ когда нибудь послѣ, мы, за неимѣніемъ подъ руками документальныхъ данныхъ (съ переѣздомъ Зиновьева въ Пензенскій уѣздъ, переписка объ иконахъ и утвари лопатинской церкви въ саранскихъ присутственныхъ мѣстахъ прекратилась), не можемъ дать положительнаго отвѣта. Но, судя по тому, что Даніилъ Ильичъ отличался крайнею неуступчивостью и способенъ былъ тянуть всякое судебное дѣло до безконечности, намъ думается, что онъ и дѣло «о неотдачѣ образовъ» дотянулъ до своего смертнаго часа или, по старинному выраженію, «до умертвія» [1])...

Вѣдь судьба многихъ дѣлъ приснопамятнаго стараго времени была такова!

М. Сацердотовъ.

[1]) Въ документахъ саранскаго городническаго правленія за 1794 годъ упоминается, что жена Даніила Ильича Прасковья Гавриловна «лишена живота» въ 1774 г., во время Пугачевскаго бунта; относительно же смерти самого Даніила Ильича намъ не встрѣчалось указаній. Мы полагаемъ, что Зиновьевъ, если и пережилъ свою супругу, то пережилъ ненадолго и, вѣроятно, скончался въ семидесятыхъ же годахъ, потому что въ восьмидесятыхъ годахъ хозяйничалъ какъ въ Болотниковѣ, такъ и Покровскомъ «недоросль Иванъ Даниловъ сынъ Зиновьевъ».

ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ ПРИ ЕЛИЗАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

(1741—1761 гг.).

I.

СНОВАНІЕ русскаго театра въ Петербургѣ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны принадлежитъ къ числу случайныхъ явленій нашей исторіи. Никто не объяснитъ его необычайнымъ пристрастіемъ къ театральнымъ зрѣлищамъ, какъ при Екатеринѣ II, или утилитарными взглядами на театръ, какъ у Петра Великаго. Во-первыхъ, потому, что послѣ-петровскій періодъ вообще отличался отсутствіемъ русскаго элемента въ руководящихъ сферахъ, и на театръ (даже иностранный) смотрѣли, какъ на неизбѣжную необходимость каждаго европейскаго двора. Наконецъ, потому, что та и другая особенность (пристрастіе и утилитарные взгляды) была всегда чужда Елизаветѣ: отчасти по характеру ея, отчасти и по времени, не подчинявшему еще искусство какой нибудь служебной роли. Елизавета Петровна просто любила веселиться, а достигалось ли это путемъ «героическихъ и любовныхъ» комедій французскихъ и нѣмецкихъ комедіантовъ, или помощью русскихъ актеровъ, если не уступавшихъ, то и не превосходившихъ своихъ западныхъ собратовъ, императрицѣ и ея двору было рѣшительно все равно. Замѣтимъ, впрочемъ, что въ эту эпоху театръ, кромѣ общаго значенія, могъ имѣть еще политическое оправданіе. Какъ при Петрѣ,

онъ долженъ былъ объяснять народу реформаторскую дѣятельность преобразователя, а при Екатеринѣ II «шуткой исправлять нравы», такъ въ частной жизни Елизаветы онъ сыгралъ существенную роль, особенно важную, когда будущая императрица была цесаревной. Мы знаемъ, что «молодость она провела въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ за свободу и жизнь свою, въ враждебной средѣ сторонниковъ Евдокіи, при восшествіи на престолъ Петра II, потомъ Бирона, потомъ Анны Леопольдовны, и только своимъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ въ дѣла, своею непосредственностью и страстью къ забавамъ и увеселеніямъ, избѣгла подозрѣнія и преслѣдованія» [1]). По этому поводу біографъ Ѳеофана Прокоповича, г. Чистовичъ, предлагаетъ нѣсколько интересныхъ вопросовъ и самъ разрѣшаетъ ихъ: «знала ли цесаревна Елизавета Петровна,—спрашиваетъ онъ [2]),—что ея именемъ пугаютъ и держатъ въ страхѣ императрицу Анну и что она играетъ такую печальную роль въ тайной канцеляріи? Иное, можетъ быть, знала; но многаго и не могла знать; да и о томъ, что слышала, принуждена была дѣлать видъ, что не слышитъ и не знаетъ, и наполняла свои досуги—а у нея было ихъ много—комедіями». Послѣднія, внося извѣстное оживленіе въ порядки Александровской слободы, временной резиденціи цесаревны, служили большею частью громоотводомъ для молодой женщины, но не всегда проходили ей даромъ. Случалось, вмѣшивался Петербургъ, и возникавшая по этому поводу переписка, вызовъ и допросъ свидѣтелей, вся сложная процедура современнаго сыска, нарушали душевное спокойствіе Елизаветы. Такъ было весною 1735 г. Въ этомъ году, 17-го апрѣля генералъ Ушаковъ объявилъ въ тайной канцеляріи, что ея императорское величество указала «дому ея высочества благовѣрной государыни цесаревны Елизаветы Петровны регента пѣвчаго Ивана Петрова взять въ тайную канцелярію, и какія въ квартирѣ его есть письма и тетради и книги скорописныя и уставныя — для разсмотрѣнія все забрать въ тайную канцелярію». Приказаніе, разумѣется, было тотчасъ исполнено. Петрова арестовали, въ домѣ его учинили тщательный обыскъ, причемъ среди бумагъ, отобранныхъ у придворнаго пѣвчаго, обнаружили два письма и тетрадку, обратившіе сразу общее вниманіе. Первое письмо, писанное полууставомъ, имѣло заголовокъ: «о возведеніи на престолъ россійскія державы»; второе, писанное помалороссійски, заключало въ себѣ «явленіе», въ которомъ упоминалось о принцессѣ Лаврѣ; наконецъ третья тетрадка—«о пощеніи въ нѣкоторыя пятницы и о гаданіи

---

[1]) Записки и воспоминанія графини А. Д. Блудовой («Заря» 1872 г., кн. I, стр. 140).

[2]) «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» (Сборникъ статей, читанныхъ въ отд. русск. языка и словесности Имп. Ак. Наукъ, Спб., 1868, стр. 568—571).

философскомъ». Само собой разумѣется, что документы внушили подозрѣніе. «18-го апрѣля,—говоритъ Чистовичъ,—императрица приказала отослать ихъ къ новгородскому архіепископу, поручивъ ему разсмотрѣть забранныя у Петрова книги». Отзывъ Ѳеофана былъ, однако, весьма остороженъ: «допросить, до котораго лица то написано и пѣніемъ дѣйствовало, и когда и гдѣ? Второе — часть то комедіи: гдѣжъ она была? кто сочинялъ? кто принцесса Лавра и вся исторія или фабула откуда вынята?» Тетрадка показалась не заслуживающей вниманія. Такъ и сдѣлали. Призвали Петрова, пригрозили ему смертною казнью, если утаитъ истину, и заставили отвѣчать по всѣмъ пунктамъ... Между прочимъ, по поводу письма съ «явленіемъ», придворный пѣвчій выразился такъ: «Второе письмо—«явленіе» выписано изъ комедіи, составленной въ Москвѣ въ 1730 или 1731 г. фрейлиною государыни цесаревны, что нынѣ за камеръ-юнкеромъ Петромъ Шуваловымъ, Маврою Егоровною дочерью Шепелевой; а по чьему приказу ту комедію она сочиняла, и въ какой силѣ о принцессѣ Лаврѣ написано, того онъ не вѣдаетъ; токмо признаваетъ онъ, что о принцессѣ Лаврѣ упомянулось въ той комедіи въ образѣ богини. Означенная комедія писалась не малая, а именно въ той комедіи написанныя рѣчи говорены были отъ персонъ около тридцати; а означенное явленіе (Юпитеръ-богъ) было у него одного: какъ во время той комедіи придетъ ему говорить, такъ по тому явленію онъ и говаривалъ. Тѣ комедіи бывали въ домахъ у государыни цесаревны въ Москвѣ въ Покровскомъ и въ С.-Петербургѣ на Смольномъ дворѣ. Дѣйствіе исполняемо было при государынѣ цесаревнѣ имъ, Петровымъ, и другими пѣвчими, такожъ и придворными дѣвицами, для забавы государыни цесаревны; и постороннихъ, кромѣ придворныхъ, никого на оныхъ комедіяхъ не бывало. А откуда оная комедіянская фабула вынята, того онъ не знаетъ». Тѣмъ дѣло и кончилось. Петрова, разумѣется, отпустили, строго-настрого наказавъ ему: «о чемъ въ тайной канцеляріи спрашиванъ и что въ разспросѣ своемъ показалъ, чтобъ о томъ разговора ни съ кѣмъ не имѣлъ, никому не разглашалъ, такожъ и государынѣ цесаревнѣ объономъ ни о чемъ отнюдь не сказывалъ». Допросъ Петрова оставался неизвѣстнымъ Елисаветѣ Петровнѣ, и только 2-го марта 1742 г., когда она сдѣлалась уже императрицей, встрѣтивъ въ одномъ докладѣ указаніе на это дѣло, она полюбопытствовала взглянуть на него и приказала представить его себѣ. Конечно, не веселыя воспоминанія пробудились въ ея душѣ.

25-го ноября 1741 г. цесаревна Елизавета была провозглашена императрицей. Отвыкшій отъ «фестивалей» и «трактованій», русскій дворъ послѣднихъ годовъ царствованія Анны Ивановны, Анны Леопольдовны и регентства Бирона вдругъ необычайно оживился. Куртаги смѣнялись куртагами, маскарады маскарадами, упоеніе забавами дошло до такой степени, что,по замѣчанію Костомарова, «знав-

шіе близко тогдашній дворъ и образъ жизни государыни сообщають согласно, что проходили цѣлые мѣсяцы, какъ министръ (графъ А. П. Бестужевъ) могъ быть допущенъ къ докладу»... Между тѣмъ «каждый вторникъ устраивался во дворцѣ маскарадъ, въ которомъ для забавы мужчины наряжались женщинами, а женщины мужчинами; въ другіе же дни игрались спектакли». Въ эту эпоху, кромѣ труппы французской, управляемой Сереньи, и нѣмецкой, руководимой сначала Аккерманомъ, а потомъ извѣстнымъ актеромъ Гильфердингомъ и Школяріемъ, находилась при дворѣ прекрасная итальянская опера, подобранная за границей капельмейстеромъ Франческо Арайя, одновременно хорошимъ антрепренеромъ и талантливымъ композиторомъ. По крайней мѣрѣ его оперы пользовались большимъ успѣхомъ и для того времени роскошно обставлялись. Любительница театральныхъ зрѣлищъ, рѣдко сама пропускавшая спектакль, Елизавета Петровна «оставалась недовольною, когда замѣчала отсутствіе зрителей во время представленія». «Въ оперномъ домѣ,—записано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—отправлялась французская комедія, въ присутствіи ея императорскаго величества. Того-жъ дня, во время оной комедіи, ея императорское величество изволила усмотрѣть, что смотрителей какъ въ партерѣ, такъ и по этажамъ весьма мало, всемилостивѣйше указать соизволила: въ оперный домъ свободный входъ имѣть во время трагедій, комедій и интермедій обоего пола знатному купечеству, только бы одѣты были не гнусно» [1]). Въ другой разъ: «ея императорское величество собственною своею персоною изволила усмотрѣть, что въ партерѣ статсъ-дамъ ни одной не имѣлось, указала къ нимъ, г-жамъ статсъ-дамамъ, послать отъ высочайшей своей персоны спросить: не забыли онѣ, что сей назначенный день будетъ комедія? И съ онымъ высочайшимъ соизволеніемъ къ статсъ-дамамъ посланъ ѣздовой-конюхъ» [2]). Репертуаръ того времени состоялъ изъ французскихъ «траждедій», итальянскихъ оперъ, комедій, отчасти примѣненныхъ ко вкусамъ публики, отчасти пріуроченныхъ къ разнымъ торжественнымъ случаямъ, въ родѣ тезоименитства высочайшихъ особъ, празднованія дня коронаціи и проч. Для такихъ цѣлей въ распоряженіи каждаго театра (вѣрнѣе, артистической компаніи) находился особый «піита», на обязанности котораго лежало ежегодно, раза два или три, смотря по обстоятельствамъ и условію, поставлять торжественные прологи, эклоги или просто переводы пьесъ, передѣланныхъ въ извѣстномъ направленіи и, вѣроятно, схожихъ съ нынѣшними либретто. Такимъ образомъ, иностранные артисты предшествовали русскимъ, и можно смѣло ска-

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журн., приведено у Горбунова «Первые русскіе придворные комедіанты», «Русск. Вѣстн.», 1892 г., кн. 2, стр. 273.

[2]) Ibid.

зать, что русское общество еще долго довольствовалось бы «итальянскими дѣвками и кастратомъ» мало доступнаго большинству оперна го дома, или сбѣгалось бы смотрѣть на «ученую лошадь» нѣмца Сорге изъ Риги, еслибъ неожиданная затѣя кадетъ сухопутнаго корпуса, а затѣмъ досчатый балаганъ ярославскаго купца Полушкина не обратили на себя общаго вниманія.

II.

Первый спектакль воспитанниковъ сухопутнаго кадетскаго корпуса относится къ концу 1749 года: такъ думаетъ г. Лонгиновъ [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что любительскіе спектакли, такъ называемый «благородный театръ», не были особеннымъ новшествомъ въ жизни русскаго общества первой половины XVIII ст. Кадеты могли дать имъ болѣе живучія, совершенныя формы, а ярославская труппа Волкова, по результатамъ, превысить самыя смѣлыя ожиданія ревнителей русскаго искусства, но любители театра существовали и раньше. Въ этомъ отношеніи, сообщенный нами разсказъ г. Чистовича о злоключеніяхъ пѣвчаго Петрова даетъ очень существенный матеріалъ. Мы узнаемъ, что досуги Елисаветы Петровны наполнялись комедіями, разыгрываемыми обыкновенно «придворными пѣвчими и дѣвицами» самымъ семейнымъ образомъ, что спектакли, составляя личную забаву цесаревны, устроивались то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, причемъ нѣкоторыя изъ представленныхъ пьесъ сочинялись фрейлиной двора Елисаветы Маврою Егоровною Шепелевою. Послѣднее указаніе особенно любопытно. Фамилія Шепелевыхъ, не принимавшая большаго участія въ дѣлахъ государственныхъ послѣ-петровскаго періода, встрѣчается, напротивъ, весьма часто тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о забавахъ двора. Такъ Араповъ, несомнѣнно имѣвшій въ виду легендарную хронику Носова, приписываетъ Дмитрію Андреевичу Шепелеву, оберъ-камергеру двора, сочинительство и участіе въ комедіяхъ «Баба-Яга», «Фениксово, ясное перышко» и проч. Съ другой стороны, какъ мы уже указывали, слѣдствіе по дѣлу Елисаветы рисуетъ Мавру Егоровну Шепелеву авторомъ комедіи о принцессѣ Лаврѣ. Очень можетъ быть, что, при скудости достовѣрныхъ свѣдѣній объ этой эпохѣ, Шепелевъ Арапова и Шепелева Чистовича—одно лицо, тѣмъ болѣе, что время, отмѣченное обоими историками, приблизительно одинаковое: 1731 и 1735 года. Во всякомъ случаѣ, этими данными исчерпывается пока все, что извѣстно объ эпохѣ, когда Елисавета была цесаревной. Впрочемъ, и со вступленіемъ на престолъ этой госу-

[1]) «Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова», «Русск. Архивъ», 1871 г., № 10, стр. 1647.

дарыни, очень долго ничего не слышно о русскомъ театрѣ. По крайней мѣрѣ камеръ-фурьерскій журналъ того времени, знакомя читателя съ куртагами, «обѣденнымъ столомъ» и представленіями извѣстныхъ намъ нѣмецкой и французской труппъ «опернаго дома», молчитъ даже тогда, когда, по афишамъ г. Маркова [1]), на «ѳеатрѣ Зимняго дворца въ 13 день 1743 года придворными дамами и кавалерами представляется въ первый разъ «Роза безъ шиповъ», старинная русская быль съ пѣніемъ и съ танцами, а въ 1749 году (дек. 18) «комедія на музыкѣ», сочиненіе Аркадія Иванова Колычева: «Храбрый и сильный богатырь сила Боберъ». Въ этихъ спектакляхъ, начинавшихся обыкновенно въ шестомъ часу дня, участвовала, если вѣрить Маркову, вся петербургская знать: Строгановы, Долгорукіе, Воронцовы, Шереметевы, Голицыны, Брюсъ, Одоевскіе, а также «городскія дамы», въ родѣ «надворной совѣтницы Полетики и капитанши Очаковской», въ скромныхъ роляхъ «подругъ» героини пьесы. Другой совершенно характеръ и источникъ имѣлъ театръ въ Москвѣ. Здѣсь иниціаторомъ «комедійнаго дѣла» выступалъ безпретенціозный русскій человѣкъ, приказный, разночинецъ, какой нибудь копіистъ государственной бергъ-коллегіи, который при всемъ (понятномъ, впрочемъ) пристрастіи къ обветшалому даже въ тѣ дни псевдо-классическому репертуару являлся, однако, наиболѣе чистымъ выразителемъ самыхъ искреннихъ стремленій къ искусству. И въ этомъ отношеніи преимущество Москвы передъ Петербургомъ огромное, вполнѣ заслуженное,—преимущество, скажемъ кстати, всегда остававшееся за первопрестольной, что касается русскаго театра въ особенности. «Разночинная интеллигенція посадской Москвы въ первой половинѣ XVIII ст.,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—была единственнымъ хранителемъ, представителемъ и производителемъ театральнаго если не искусства, то ремесла, которое недалеко находилось и отъ искусства, распространяя о немъ первыя понятія, развивая въ своей публикѣ вкусъ, охоту, потребность въ увеселеніяхъ этого рода. Канцеляристы, копіисты, даже стряпчіе заодно съ дворовыми людьми съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ и, истрачивая по времени не малую сумму на наемъ помѣщенія, «производили гисторическія всякія приличествующія дѣйствительныя публичныя каммеди для желающихъ благоохотнѣйшихъ смотрителей», съ извѣстною платою за входъ и, конечно, не безъ разрѣшенія и подъ охраною полиціи» [2]). Свѣдѣнія, которыя при этомъ представляетъ Забѣлинъ, чрезвычайно любопытны: по нашему мнѣнію, ихъ не можетъ избѣгнуть историкъ театра Елизаветинской эпохи. Какъ мы уже говорили, устроите-

---

[1]) Прилож. къ «Историческому очерку русской оперы», Спб., 1862 г.

[2]) «Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 г.»: «Изъ хроники общ. жизни въ Москвѣ въ XVIII ст.», стр. 557 и дальше.

лями спектаклей въ Москвѣ являлись разночинцы по преимуществу. Въ одномъ случаѣ то были «канцеляристы государственной бергъ-коллегіи и дворцовой счетной конторы, Василій Хилковскій и Иванъ Глушковъ», стоявшіе во главѣ цѣлой труппы въ 20 человѣкъ, въ другомъ — «собственной ея императорскаго величества вотчинной конторы стряпчій, Казанской семинаріи студентъ обучающійся и происшедшій изъ славяно-греко-латинскихъ наукъ Иванъ Варѳоломѣевъ сынъ Нординскій»; встрѣчался даже «Санктъ-Петербургскаго полку сержантъ Петръ Канищевъ», который вмѣстѣ съ служителемъ Кондратіемъ Байкуловымъ просили разрѣшеніе играть во время святокъ комедіи въ нанятыхъ ими «четырехъ палатахъ» князя Засѣкина. Челобитныя тѣхъ и другихъ, поданныя по обыкновенію на высочайшее имя, направлялись въ главную полицеймейстерскую канцелярію, на обязанности которой лежало съ той минуты не только блюсти за порядкомъ представленій, но быть и цензоромъ играемыхъ пьесъ. Послѣднее обстоятельство, предоставляя много правъ полицейскому начальству, налагало одновременно на него тяжелую отвѣтственность, особенно при господствѣ переводныхъ пьесъ, обращавшихся въ видѣ рукописей за рѣдкостью и дороговизной типографій [1]). Тѣмъ не менѣе, въ числѣ свѣдѣній, доставляемыхъ Забѣлинымъ о московскомъ театрѣ, нѣтъ ни одного случая нарушенія цензурныхъ правилъ. Большею частью полиція, допуская кого нибудь къ «игранію комедіи», словно для проформы приказывала: «смотрѣть накрѣпко, дабы богопротивныхъ игръ не происходило, а чтобъ во время той комедіи шуму, ссоръ и дракъ не было, для того имѣть присмотръ» [2]). Гораздо чаще происходили уклоненія въ сторону безпорядковъ, доходившихъ иногда до крупнаго скандала, вмѣшательства властей, наказанія виновнаго кнутомъ и проч. Однако и такіе случаи были въ рѣдкость [3]); большею частью, публика вела себя чинно, комедіи слушала со вниманіемъ, въ особенности, когда подобные театры посѣщались знатью.

Въ такомъ положеніи находился русскій театръ до 1749 года. Такъ какъ затѣмъ дѣйствіе сосредоточивается надолго въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, то не лишнее, по нашему мнѣнію, въ краткихъ чертахъ охарактеризовать учрежденіе, столь смѣло и оригинально пріютившее «россійскихъ музъ». Конечно, сильно ошибется тотъ, который на Шляхетный корпусъ описываемаго времени станетъ смотрѣть съ точки зрѣнія настоящаго. Ничего общаго

---

[1]) См. у Забѣлина, стр. 564.

[2]) Наконецъ, сами по себѣ комедіи были однѣ и тѣ же, что при Петрѣ Великомъ. Пьесы въ родѣ «О храбромъ Неаполитанскія земли герцогѣ Фридрихѣ», «О Ипполитѣ и Жуліи», «О Леандрѣ и Людвинѣ» игрались еще у царевны Наталіи Алексѣевны, на ея домашнемъ театрѣ (сравни Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ В.», Спб., 1862 г., т. I, «Записки кам.-юнкера Берхгольца», Штелина и проч.).

[3]) Любопытный найдетъ ихъ у того же Забѣлина (ibid., стр. 565 и дальше).

по нравамъ, обычаямъ и организаціи между нимъ и нынѣшними корпусами не было и не могло быть. Шляхетный корпусъ созданъ былъ для приготовленія офицеровъ въ армію, но по недостатку общеобразовательныхъ заведеній носилъ смѣшанный военно-гражданскій характеръ; въ немъ, одновременно съ военными науками, преподавались языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, «ораторія» и т. п. При всемъ томъ корпусъ стоялъ очень высоко въ мнѣніи современниковъ и вполнѣ его оправдывалъ. Въ описываемое время, то-есть отъ 1746 по 1759 гг., директоромъ корпуса былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Н. Б. Юсуповъ, имя котораго, по словамъ г. Висковатова, заслуживаетъ быть незабвеннымъ въ исторіи этого заведенія [1]). При немъ кадеты получили доступъ ко двору, сдѣлались желанными его гостями [2]), приглашались къ куртагамъ, баламъ, бывали и на представленіяхъ придворныхъ труппъ Сереньи и Гильфердинга. Въ самомъ кадетскомъ корпусѣ возникновенію театра предшествовало устройство «общества любителей россійской словесности», гдѣ кадеты по словамъ современниковъ, читали другъ другу опыты своихъ сочиненій, и куда являлся нерѣдко самъ Сумароковъ съ стихотвореніями и переводами [3]). Мудрено ли послѣ этого, что въ подобномъ кружкѣ впервые явилась мысль примѣнить теорію на практикѣ и устроить спектакли, сначала пробуя силы на итальянскихъ интермедіяхъ, а потомъ на псевдо-русской комедіи, когда таковая вышла изъ-подъ пера бывшаго товарища-однокашника, то-есть Сумарокова. М. Н. Лонгиновъ [4]) очень точно устанавливаетъ дату перваго представленія «Хорева» въ корпусѣ. По его словамъ, событіе это относится не къ 1750 г., какъ повторяютъ почти всѣ извѣстія, а къ 1749 году, ибо несомнѣнно, что «спектакли эти были устроены начальникомъ корпуса во время одного изъ долговременныхъ отсутствій Елизаветы и ея двора въ Москву [5])... При этомъ игрались не нѣсколько трагедій Сумарокова, а только «Хоревъ» и «Гамлетъ». По возвращеніи императрицы ихъ сыграли при дворѣ [6]). Потомъ сыграли въ корпусѣ «Синава и Трувора» въ

[1]) Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса, 1832, стр. 23.

[2]) «Можно сказать, что въ царствованіе Елизаветы сухопутный кадетскій корпусъ составлялъ часть двора ея» (Висковатовъ, ibid., стр. 28—29).

[3]) Князь Григ. Орловъ (1734—1783), жизнеописаніе, составл. А. П. Барсуковымъ («Русскій Архивъ», 1873 г., № 2).

[4]) «Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова», «Русскій Архивъ», 1871 г., № 10.

[5]) Mém. de Catherine, II, 149 (прим. Лонгинова).

[6]) Вѣроятно, въ началѣ февраля этого года: «29-го января 1750 г. канцеляристъ графа Ал. Григ. Разумовскаго,—сообщаетъ Соловьевъ,—въ канцеляріи кадетскаго корпуса объявилъ, что ея императорское величество указала приготовиться кадетамъ, о которыхъ генералъ-адъютантъ (то-есть главный адъютантъ Разумовскаго) Сумароковъ реестръ сообщилъ, представить на театрѣ двѣ русскія трагедіи, и чтобъ они для затверженія рѣчей были отъ классовъ и отъ всякихъ въ корпусѣ должностей до великаго поста уволены» («Исторія», т. IV, стр. 350—351, изъ журналовъ сената).

іюлѣ 1750 г. Затѣмъ уже кадеты стали играть постоянно во дворцѣ и представляли опять эти три трагедіи, а потомъ поставили тамъ же на сцену «Аристону» и «Семиру» того же Сумарокова и т. д. Не смотря на отдаленность эпохи (почти полтора вѣка), намъ не трудно вообразить оригинальную фигуру Сумарокова въ эти знаменательные для него дни. Преданіе разсказываетъ, что удачное представленіе «Хорева» кадетами было для него совершенной неожиданностью. Авторъ напечаталъ трагедію въ 1747 году и, судя по значенію, которое онъ уже тогда придавалъ своему первенцу [1]), едва ли могъ даже смотрѣть серьезно на кадетскіе опыты, тѣмъ болѣе разсчитывать на успѣхъ съ этой стороны. Первое представленіе «Хорева» убѣдило его, однако, въ противномъ. «Авторъ, — говоритъ Карабановъ,—ѣхалъ на зовъ, воображая увидѣть дѣтское игрище, простое чтеніе стиховъ; но какъ велико было его изумленіе, въ какое пришелъ онъ восхищеніе, когда въ кругу юношей-воспитанниковъ нашелъ, воображаемый имъ, храмъ россійской Мельпомены. Внѣ себя отъ радости, онъ летѣлъ донести о томъ покровителю своему, оберъ-егермейстеру графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, у котораго исправлялъ тогда должность адъютанта. Графъ почелъ долгомъ извѣстить о такой новости императрицу. Никто не полагалъ, чтобы на русскомъ языкѣ, какъ на французскомъ и итальянскомъ, можно также давать спектакли и еще изъ міра своей отечественной исторіи» [2]). Конечно, новость возбудила общее любопытство. Императрица приказала повторить трагедію въ дворцовыхъ покояхъ [3]), сама наряжала актеровъ къ представленію, наконецъ, присутствуя лично, искренно плакала въ чувствительныхъ мѣстахъ трагедіи.

Чего было еще желать Сумарокову: о произведеніи его и юныхъ исполнителяхъ заговорили, ими восхищались, осыпали похвалами автора и актеровъ. Придворный ли «случай» съ восемнадцатилѣтнимъ Бекетовымъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ его товарищей, или просто увлеченіе предметомъ, неожиданно принесшимъ блестящіе результаты, но тотчасъ въ корпусѣ образовался кружокъ, ревностно преданный театру. Разумѣется, душею всего дѣла сталъ Сумароковъ, одновременно директоръ, режиссеръ и на-

---

[1]) См. Буличъ, «Сумароковъ и современная ему критика», Спб., 1854 г., стр. 24—25.

[2]) «Основаніе 1750 г. русск. театра кад. перваго кадетск. корпуса», А. Карабанова, Спб., 1849, стр. 12—13.

[3]) Въ концѣ 1749 г. оперный театръ сгорѣлъ. Театральныя представленія перенесены были въ парадныя комнаты императрицы, въ которыхъ «поставленъ былъ театръ складной, который временно вносился и выносился»... Въ такомъ театрѣ, до постройки новаго каменнаго, законченнаго къ 25 апрѣля того же года, «высокіе посѣтители, по словамъ И. Ф. Горбунова, впервые увидали русскую трагедію «Хоревъ», впервые услыхали со сцены русскую рѣчь» и т. д. («Первые русскіе придворные комедіанты», «Русскій Вѣстникъ», 1892 г., т. II, 275—276).

чальникъ репертуара маленькой труппы. Вокругъ него сплотились воспитанники: Мелиссино, Свистуновъ, Остервальдъ, Бекетовъ, Рудановскій, Каницъ, Гохъ, Разумовскій, графъ Бутурлинъ и князь Мещерскій, два послѣднихъ—большія дарованія по тому времени. Репертуаръ составленъ былъ изъ пьесъ преимущественно Сумароковскихъ или рекомендованныхъ имъ, что, конечно, встрѣчалось рѣже, при чрезмѣрномъ самолюбіи «россійскаго господина Расина» [1]). При этомъ вся обстановка полагалась казенная, роскошная даже для настоящаго времени. Такъ, если вѣрить Карабанову, императрица по случаю перваго представленія «Хорева» велѣла выдать актерамъ «изъ царской кладовой бархаты, парчи, золотыя ткани, драгоцѣнные каменья», по другимъ извѣстіямъ—брилліантовую діадему для Оснельды. Два документа государственнаго архива лучше всего свидѣтельствуютъ о современныхъ тратахъ на театральныя представленія. Приведемъ ихъ in extenso: «На дѣло о итальянской оперѣ Александръ въ Индіи,—гласитъ документъ 1759 года,—оперныхъ, балетныхъ и кадетскихъ платьевъ и другихъ уборовъ употреблено вещей: мишурныхъ, принятыхъ отъ кабинета вашего императорскаго величества, на 577 рублевъ, на 58 коп.; прочихъ забранныхъ отъ купцовъ на 1.071 рубль, на 5 коп.; казенныхъ на 592 рубля на 11 коп.; мастеровымъ людямъ въ отдачѣ заработанныхъ денегъ 388 рублевъ 30 коп., всего для означенной оперы—сумма денегъ 2.629 рублей 4 копейки» [2]). Въ другомъ случаѣ (за 1750 годъ) «брегадиръ Сумароковъ чрезъ записку на дѣло «Труворъ» римскаго платья требовалъ парчи: на юбку 5 арш. 8 вер., на корсетъ 5 арш., на епанчу парчи жъ другой 9 арш., сѣтки 54 арш., въ томъ числѣ на епанчу отмѣнной 15 аршинъ» [3]). Очевидно, не жалѣли расходовъ, тратили много на аксесуарную часть, такъ называемую mise en scène театральнаго дѣла, подъ стать тому двору, который даже избалованныхъ иностранцевъ удивлялъ своею пышностью и великолѣпіемъ...

---

[1]) По свидѣтельству того же Горбунова (ibid., стр. 276)., «интересъ къ русскимъ спектаклямъ такъ возрасталъ, что 29-го сентября послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы профессорамъ академіи наукъ Ломоносову и Тредьяковскому сочинить по трагедіи. Оба профессора повелѣніе исполнили: Ломоносовъ написалъ трагедію о Мамаѣ (Тамира и Селимъ), которая и была представлена кадетами въ первый разъ перваго декабря того же года, а Тредьяковскій—трагедію «Дейдамія», которая не была играна, вѣроятно, потому, что» сія трагедія есть наипродолжительнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ драматическихъ сочиненій: въ ней находится двѣ тысячи триста тринадцать стиховъ двоестрочныхъ. Кромѣ того, извѣстно, что кадеты играли на французскомъ діалектѣ Вольтеровскаго «Эдипа» и другія пьесы иностранныхъ авторовъ. По этому поводу—забавная ошибка: въ «Хроникѣ Носова», изд. Е. Барсовымъ, упомянуто отъ 1-го ноября 1751 года представленіе кадетами «Ифигеніи въ Тавридѣ», соч. де-Лятуша, родившагося только въ 1785 году (sic).

[2]) Госуд. архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, отд. XVII, 322.

[3]) Ibid.

III.

Однажды, на кадетскомъ спектаклѣ, когда шелъ «Синавъ и Труворъ» Сумарокова, въ числѣ зрителей появилось новое лицо. Пришедшій не могъ по своему званію быть среди публики, допускавшейся въ корпусъ съ большимъ разборомъ, а притаился за кулисами, между двумя единомышленниками въ искусствѣ, столь же страстно преданными театру, какъ онъ, нѣмецкими актерами Гильфердингомъ и Школяріемъ. Этотъ незнакомецъ былъ пасынокъ ярославскаго купца Полушкина, Ѳедоръ Волковъ, тотъ самый Волковъ, который много лѣтъ спустя говорилъ своему другу Дмитревскому: «Увидя Никиту Аѳанасьевича Бекетова въ роли Синава, я пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ былъ: на землѣ или на небесахъ? Тутъ родилась во мнѣ мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ». Уже въ ту пору Волковъ по образованію и взглядамъ выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ. Новиковъ [1]), которому мы имѣемъ основаніе довѣрять, какъ серьезному писателю и современнику Волковыхъ, разсказываетъ, что «прочія дарованія сего остраго человѣка начали оказываться еще въ юности. Онъ не имѣлъ ни малой склонности къ промысламъ своего вотчима, но пристрастно прилежалъ къ познанію наукъ и художествъ. Живописи онъ обучился самъ собою еще въ ребячествѣ, непрестанно рисуя и срисовыя всякіе виды. Такимъ образомъ упражнялся онъ и въ рѣзномъ искусствѣ, чему остались доказательствомъ и понынѣ въ приходской его церкви рѣзныя царскія двери, на которыхъ «Тайная Вечеря» весьма изрядно выработана, а въ разсужденіи живописи оставилъ онъ множество картинъ своей выдумки и работы. Впрочемъ, главная его склонность была къ театру: съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ онъ упражняться въ театральныхъ представленіяхъ съ нѣкоторыми приказными служителями». Пріѣздъ его въ Петербургъ въ концѣ 1740 года могъ только разжечь эту страсть. Не пренебрегая торговыми интересами вотчима, онъ сдружился съ актерами иностранныхъ труппъ, посѣщалъ, какъ мы видѣли, кадетскіе спектакли, присмотрѣлся къ театральнымъ распорядкамъ, ихъ устройству, помѣщенію, срисовывалъ, списывалъ, кое-что самъ придумалъ, наконецъ, по однимъ извѣстіямъ, нѣсколько сомнительнымъ, настолько преуспѣлъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, что перевелъ нѣсколько пьесъ, словомъ исполнилъ всю подготовительную работу для задуманнаго предпріятія. Если теперь предположить, что Волковъ покинулъ Петербургъ послѣ «Синава и Трувора» (то-есть въ 1750 г.), и что пріѣхавшій въ 1751 г. въ Ярославль сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ нашелъ уже вполнѣ благоустроен-

[1]) «Опытъ словаря», 33.

ный театръ, съ прекрасными актерами и обстановкой, то придется изумиться, сколько преданности театральному дѣлу и отзывчивости встрѣтилъ въ родномъ городѣ предпріимчивый ярославецъ. Современники дальше разсказываютъ, что случай, забросившій сенатскаго чиновника въ приволжскій городъ, рѣшилъ судьбу Волковскаго предпріятія. Мнѣ кажется, что это былъ лишь толчекъ къ движенію; рано или поздно о постоянной труппѣ русскихъ актеровъ узнали бы въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, но 3-го февраля 1752 г. генералъ-прокуроръ князь Н. Ю. Трубецкой вошелъ къ государынѣ съ слѣдующимъ рапортомъ: «Минувшаго генваря 3-го ваше императорское величество всемилостивѣйше изустно указать мнѣ соизволили ярославскихъ купцовъ Ѳедора Волкова съ братьями, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи и кто имъ для того еще потребенъ будетъ, привезти въ Санктъ-Петербургъ, и оной вашего императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ мною въ сенатѣ записанъ, и означенные ярославцы Волковъ съ братьями и протчіе, всего двѣнадцать человѣкъ, сюда привезены, и при дворѣ вашего императорскаго величества объявлены, о чемъ вашему императорскому величеству чрезъ сіе всеподданнѣйше доношу» [1]). Документъ этотъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ особенную важность. Во-первыхъ, онъ устанавливаетъ точную дату прибытія ярославцевъ въ Петербургъ не въ 1751 году, какъ утверждаютъ нѣкоторыя извѣстія, а въ 1752 году; во-вторыхъ, согласно генералъ-прокурорскому рапорту, число прибывшихъ всего 12 человѣкъ, а не 14, какъ кажется Карабанову, Серебренникову [2]) и прочимъ вмѣстѣ съ ними. Затѣмъ, совершенно неправдоподобнымъ представляется намъ извѣстіе, что труппа ярославцевъ «тотчасъ была направлена въ Царское Село, гдѣ на слѣдующій день (то-есть 4-го февраля) въ высочайшемъ присутствіи играетъ «Хорева» Сумарокова, заслуживая общее одобреніе». Не говоря уже о томъ, что въ эту пору дворъ всегда находился въ Петербургѣ и только въ лѣтнее время устроивалъ за городомъ театральныя представленія, но 4-го февраля, противно ожиданіямъ, въ оперномъ домѣ отправлялась «французская траждедія» [3]); дебютъ же ярославскихъ актеровъ, по указанію Лонгинова [4]), относится къ 18-му марта, когда вся труппа играетъ «въ присутствіи ея императорскаго величества и нѣкоторыхъ знатныхъ персонъ, и не публично въ комедіи: «О покаяніи грѣшнаго человѣка» [5]). Далѣе преданіе разсказываетъ, что послѣ громаднаго успѣха, сопровождав-

[1]) Государств. архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, отд. XVII.
[2]) «Ярославскій Литер. Сборникъ» за 1850 г., стр. 107.
[3]) Кам.-фур. журналъ 1752 г., стр. 12 и 13.
[4]) Русскій театръ въ Спб. и Москвѣ (1749—1774). Прил. къ XXIII т. Зап. академіи наукъ, Спб., 1873 г., стр. 8.
[5]) Комедія принадлежитъ перу св. Димитрія Ростовскаго (Словарь Евгенія, ч. I, стр. 133) и описана кн. Шаховскимъ (Репертуаръ Песоцкаго, 1842 г., т. I, стр. 2).

шаго игру новоприбывшихъ, бо́льшая часть изъ нихъ была отправлена домой, а четыре человѣка: братья Волковы, Дмитревскій и Поповъ, помѣщены въ кадетскій корпусъ въ первую роту «для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ», что, прибавляетъ со словъ современника кн. Шаховской, «не препятствовало имъ продолжать представленія во дворцѣ». Это не совсѣмъ такъ, или по крайней мѣрѣ подлежитъ очень строгой провѣркѣ. Начать съ того, что фактическое подтвержденіе только что приведенныхъ подробностей встрѣчается лишь у одного Карабанова, а затѣмъ согласно его документальнымъ даннымъ, не внушавшимъ до сихъ поръ подозрѣнія, перепечатывается рѣшительно всѣми безъ исключенія. Однако, поиски въ архивномъ матеріалѣ позволяютъ намъ внести довольно существенную поправку по настоящему вопросу. Оказывается, что два дѣла кадетскаго корпуса: 1) «по предписанію изъ кабинета въ канцелярію корпуса объ опредѣленіи по обученію въ корпусѣ изъ придворныхъ пѣвчихъ, изъ театра и разныхъ людей, объ отпускѣ изъ кабинета для ихъ денегъ и о прочемъ (за время 1753, 1755 и 1756 гг.)» [1]) и 2) «объ отсылкѣ въ кадетскій корпусъ для обученія придворныхъ комедіантовъ Өедора и Григорія Волковыхъ (за 1754 г.)» [2]), ни разу не упоминаютъ именъ Дмитревскаго и Попова. Послѣдніе отсутствуютъ какъ въ обширной перепискѣ кабинета ея величества съ канцеляріей кадетскаго корпуса, такъ равно и въ вѣдомостяхъ расходамъ кадетъ-комедіантовъ и, что особенно важно, въ рапортѣ, сопровождающемъ ихъ во вновь учрежденный въ 1756 году русскій театръ [3])... Остается, такимъ образомъ, предположить: или Карабановъ былъ введенъ въ заблужденіе позднѣйшими вставками въ найденныхъ имъ документахъ, или что Дмитревскій съ Поповымъ воспитывались раньше Волковыхъ, т.-е. до 1753 г., что̀ мало вѣроятно. Итакъ, братья Волковы помѣщены въ корпусъ. Указъ, который при этомъ сообщается князю Юсупову, довольно характеренъ; его подписываетъ баронъ Сиверсъ. «Ея величество указала, пишетъ онъ отъ 8-го февраля 1754 г., находящихся въ Москвѣ россійскихъ комедіантовъ Өедора и Григорія Волковыхъ опредѣлить для обученія въ кадетскій корпусъ и содержать ихъ во всемъ противъ кадетовъ, подучать французскому и нѣмецкому языкамъ, танцовать и рисовать, смотря кто какой наукѣ охоту и понятіе оказывать будетъ, кромѣ экзерцицій воинскихъ. Жалованье и содержаніе имъ производить въ годъ Өедору Волкову по 100 р., Григорію Волкову по 50 р.» [4]). Указаніе здѣсь на Москву очень

---

[1]) Архивъ главнаго штаба, москов. отд., оп. 119, св. 38.

[2]) Ibid., св. 39.

[3]) Ср. по этому поводу докум. № VIII Карабанова (прим., стр. 103) съ нашимъ документомъ, слѣдующимъ далѣе.

[4]) Общ. архивъ главнаго штаба, моск. отд., оп. 119, св. 39.

важно. Мы узнаемъ, что, вопреки увѣреніямъ историковъ театра, въ томъ числѣ Карабанова, будто Волковы въ 1756 г. ѣздили въ Москву для основанія театра, они были тамъ еще до поступленія въ корпусъ, быть можетъ, съ тою же цѣлью. Изъ Москвы во всякомъ случаѣ они выѣзжаютъ 9-го февраля, о чемъ извѣщается на этотъ разъ канцелярія кадетскаго корпуса: «того ради оные комедіанты отправлены отсюда сего 9-го февраля, и отъ Москвы до Санктъ-Петербурга прогоны выданы, а на выдачу жалованья послать при семъ взятый изъ соляной конторы въ санктъ-петербургское комиссаріатство вексель, выдачу (же) производить съ того времени, какъ они въ оную канцелярію явятся, и для того, когда они явятся, прислать въ кабинетъ извѣстіе» [1]. Любопытно, что братья, выѣхавъ вмѣстѣ, въ корпусъ являются порознь: Григорій Волковъ 26-го фераля, а Θедоръ только 22-го марта, и тотчасъ зачисляются въ кадеты подъ начало подполковника фонъ-Зихгейма [2]. О пребываніи ихъ въ корпусѣ свѣдѣнія у насъ довольно скудны. Мы знаемъ, впрочемъ, что отдѣленные отъ прочихъ кадетъ помѣщеніемъ, но не занятіями (учились они вмѣстѣ), Волковы были не совсѣмъ одиноки на своей половинѣ. Еще съ 1752 г. въ корпусъ для обученія поступаютъ 7 человѣкъ придворныхъ пѣвчихъ, «спадшихъ съ голосовъ», и уже съ 1754 г. числятся по бумагамъ одновременно съ братьями, получая однако содержаніе значительно менѣе ихъ. Теперь, конечно, трудно объяснить, къ чему тогда готовили, или что намѣревались сдѣлать изъ этихъ молодыхъ пѣвчихъ, имена которыхъ впослѣдствіи не встрѣчаются болѣе ни на оперной, ни на драматической сценѣ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ артистовъ; несомнѣнно однако, что главное вниманіе было все-таки обращено на Волковыхъ, лицъ, кромѣ того, самостоятельныхъ и талантливыхъ.

О пребываніи же Θ. Волкова въ корпусѣ Новиковъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Онъ (Волковъ), будучи уже обученъ, упражнялся болѣе въ чтеніи полезныхъ книгъ для его искусства, въ рисованьи, музыкѣ и въ просвѣщеніи своего знанья всѣмъ тѣмъ, чего ему не доставало. Тамъ же въ свободное отъ наукъ время сдѣлалъ онъ самъ маленькій театръ, состоящій изъ куколъ, искусно имъ самимъ сдѣланныхъ; но онъ не имѣлъ удовольствія сего своего предпріятія довести до окончанія. Однимъ словомъ, въ бытность свою въ кадетскомъ корпусѣ употреблялъ онъ всѣ старанія выйти изъ онаго просвѣщеннѣйшимъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно». Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе цѣнны, что, кромѣ свидѣтельства Фонвизина [3],

---

[1]) Ibid.

[2]) Инспекторъ корпуса. Ордеръ ему о семъ данъ кн. Юсуповымъ, какъ извѣщаетъ послѣдній барона Сиверса письмомъ отъ 9-го февраля 1754 г. (Общ. арх. главн. шт., моск. отд., оп. 119, св. 39).

[3]) О Волковѣ Фонвизинъ говоритъ, что онъ познакомился «съ мужемъ глубокого разума, наполненнымъ достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ» (Соч., изд. Смирдина, стр. 498).

отчасти находятъ еще интересное дополненіе. Ранѣе было показано, что на расходы обоихъ братьевъ придворное вѣдомство отпускало ежегодно 150 р., деньги по тому времени довольно значительныя. Въ виду этого въ началѣ каждаго года (обыкновенно въ февралѣ мѣсяцѣ), корпусъ считалъ обязанностью посылать въ соляную контору вѣдомость расходамъ, причемъ очень подробно расписывалъ, что, на кого и въ какомъ количествѣ было затрачено.

Судя по этому, напримѣръ, Григорій Волковъ, наименѣе способный и извѣстный изъ братьевъ, любилъ болѣе расходовать, чѣмъ Ѳедоръ. И бѣлья-то у него больше, и чулокъ безконечное множество, и пряжки «томпаковые» на туфли («съ композиціей» и «безъ композиціи»), и «тулупъ мерлушчатый», и епанча, а изъ «серьезныхъ вещей», которыя соотвѣтствовали бы положенію воспитанника, всего: «струны на скрипицу», на сумму 4 рубля 50 коп., изъ 50 рублей, рѣдко ему хватавшихъ [1]). Напротивъ, траты Ѳедора Волкова были самыя ничтожныя, что касается туалета. Бо̀льшая часть расходовъ падала на покупку: «двухъ лексиконовъ французскихъ и грамматики» (4 рубля); «шести печатныхъ траж едій» (4 рубля 80 коп.); «клавикордъ и струнъ» (5 рублей 96 коп.); «зеркала для тражедіи і обученія жестамъ» (10 рублей), а то «на выкупъ имѣющихся въ закладе ево книгъ» (9 рублей) [2]). По странной случайности Новиковъ упоминаетъ лишь о кукольномъ театрѣ въ кадетскомъ обиходѣ Волковыхъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что включеніе шести тражедій и зеркала для нихъ въ вѣдомость корпуса предполагаетъ спектакли въ послѣднемъ. По словамъ Карабанова, «Сумароковъ имѣлъ отличныхъ помощниковъ въ Мелиссино, Остервальдѣ и Свистуновѣ». Всѣ они, когда дошла до нихъ очередь къ производству въ офицеры, оставлены были при корпусѣ и въ свободное отъ службы время, по высочайшему повелѣнію, занимались образованіемъ для русской сцены актеровъ... Спектакли давались по два раза въ недѣлю. Репертуаръ состоялъ изъ трагедій, комедій и оперъ Сумарокова; въ послѣднихъ хоры составлены были изъ придворныхъ пѣвчихъ. Все это, разумѣется, могло быть такъ и, вѣроятно, было, но вотъ что любопытно: 11-го февраля 1751 года состоялось во дворцѣ представленіе «Синава и Трувора», сыгранное въ последній разъ кадетами въ высочайшемъ присутствіи [3]). Можно дога-

[1]) Въ вѣдомости за 1755 годъ 5 рублей 54 коп., по требованію Ѳ. Волкова, издержаны на брата его Григорія Волкова и, кромѣ того, 57 коп. затрачено на того же Волкова комиссаромъ «изъ его собственныхъ денегъ, кои имѣютъ впредь и съ принятой вновь суммы вычтены быть». Впрочемъ, однажды Григорій измѣнилъ своему обыкновенію: въ вѣдомости за 1756 годъ (то-есть въ годъ его выпуска изъ корпуса) за нимъ числится 1 рубль 50 коп. на «дюгреневу грамматику» (Общ. арх. главнаго штаба, оп. 119, св. 39).

[2]) Ibidem.

[3]) Камеръ-фурьерскій журналъ.

дываться, что уже тогда стремленія Сумарокова въ вопросахъ искусства шли немного дальше пустого тщеславія видѣть русскую комедію только забавой двора. «Насадитель русскаго театра», вѣроятно, не разъ подумывалъ, что съ измѣненіемъ моды, перемѣной служебнаго положенія Мелиссино, Остервальда, Бекетова и др., наконецъ со смертью его самого, всѣ его труды сведутся на нѣтъ, едва ли даже переживутъ современниковъ. Приходилось больше, чѣмъ когда либо, думать о будущемъ; упрочивать слишкомъ ненадежное зданіе. Мы уже знаемъ, съ какой поспѣшностью Волковъ съ друзьями были вытребованы изъ провинціи въ столицу. Несомнѣнно также, что за четырехлѣтнее пребываніе ихъ въ Петербургѣ они не выходили изъ-подъ опеки Сумарокова. Послѣдній, пользуясь теперь разрѣшеніемъ не играть больше во дворцѣ, а только въ кадетскомъ корпусѣ, такъ сказать, замкнуться въ его стѣнахъ съ своимъ искусствомъ, вѣроятно, уже подготовлялъ будущихъ дѣятелей постояннаго русскаго театра къ ихъ новому поприщу, училъ ихъ декламаціи, разучивалъ съ ними роли. И дѣйствительно, 30 августа 1756 года, подписанъ указъ объ основаніи русскаго театра, а 14 ноября того же года канцелярія кадетскаго корпуса увѣдомляетъ кабинетъ ея величества, что: «сего ноября 13 дня присланнымъ отъ его сіятельства господина дѣйствительнаго камергера шляхетнаго кадетскаго корпуса и Ладожскаго главнаго канала директора и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера князя Бориса Григорьевича Юсупова ордеромъ предложено по силѣ де правительствующаго сената указа и по требованію господина брегадира Сумарокова, находящіеся пѣвчіе и ярославскіе комедіанты, для употребленія ихъ при новоучрежденномъ нынѣ россійскомъ театрѣ, отосланы всѣ къ показанному господину брегадиру Сумарокову»[1]).

Исключеніе изъ общаго числа составляетъ пѣвчій Петръ Власьевъ, который не отправляется вмѣстѣ съ другими въ театръ по причинѣ, очень важной для него: онъ попался въ кражѣ. Дѣло это такъ любопытно, столь характеризуетъ эпоху и среду, въ которой вращались наши комедіанты, что было бы большимъ упущеніемъ, не познакомить съ нимъ читателя, хотя бы въ самомъ сжатомъ изложеніи. «Сего декабря 2 числа (1755 г.), т. е. въ субботу, по полудни часу во второмъ,—разсказываетъ слѣдствіе по этому дѣлу,—былъ онъ (Власьевъ) во вновь построенномъ ея императорскаго величества Зимнемъ домѣ, въ покояхъ его высоко-графскаго сіятельства господина оберъ-егеръ-мейстера ея императорскаго величества, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, генералъ-аншефа, л.-гв. коннаго полку подполковника дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, у племянника его сіятельства Осипа Ѳедорова сына Мозголовскаго, для просьбы, чтобы

[1]) Архивъ главнаго штаба, московское отдѣленіе, оп. 119.

онъ испросилъ объ немъ, дабы онъ Власьевъ взятъ былъ ко двору ея величества». Очевидно это былъ лишь предлогъ, ибо какъ только Мозголовской «поѣхалъ его сіятельства къ флигель-адъютанту Забережному, а ему, Власьеву, сказалъ: ты де побудь здѣсь и ежели его сіятельство меня изволитъ спросить, то донеси, что я къ оному Забережному поѣхалъ», тотчасъ Власьевъ, оставшись въ кабинетѣ одинъ, «нижній ящикъ отворилъ вилками, которыя были во ономъ же покоѣ на окошкѣ, и изъ онаго ящика взялъ табакерку золотую, осыпанную бриллiантами, коихъ всѣхъ имѣлось семьдесятъ два бриллiанта, а ящикъ задвинулъ попрежнему». Но кража могла сейчасъ обнаружиться и, наконецъ, въ корпусѣ, куда направился кадетъ, могли нѣсколько подозрительно взглянуть на слишкомъ необыкновенныя для воспитанника вещи. Поэтому только черезъ три дня и то въ отсутствіе товарищей, которые въ это время сидятъ въ классахъ, Власьевъ ломаетъ табакерку «полѣномъ», выбираетъ изъ нея бриллiанты ножемъ и, придя въ «камору къ сержанту Сергѣю Наковальнику», показываетъ ему и сожителямъ его по комнатѣ сержанту Ивану Городецкому и «ефрейтору» Андрею Миноровичу три изъ названныхъ бриллiантовъ, увѣряя, что послѣдніе купилъ «за три рубля на рынкѣ у торговки»: «въ томъ мнѣніи, ежели послѣ продавать будетъ, чтобы знали, что они у него куплены».

Затѣмъ, предстояла самая хитрая вещь: сбыть краденое. «А послѣ того, разсказываетъ слѣдствіе, взялъ сорокъ четыре бриллiанта, для прицѣнки ходилъ къ находящемуся на Васильевскомъ острову армянину, который сказалъ, что въ нихъ вѣсомъ три краты безъ четверти, а цѣна де имъ пятьдесятъ пять рублевъ. А отъ того армянина пришелъ въ домъ канцеляріи святѣйшаго правительствующаго синода, къ переводчику Григорію Политикѣ, коему, показавъ тѣ бриллiанты, тоже объявилъ, что купилъ ихъ на рынкѣ у торговки за двадцать рублевъ, и что армянинъ оцѣнилъ ихъ за пятьдесятъ за пять рублевъ, и притомъ спрашивалъ его, Политику, надобны ли ему оные бриллiанты, на что онъ сказалъ, что надобны для сдѣланія перстня: «только де прежде я съѣзжу къ французженину, который ими торгуетъ, и спрошу о цѣнѣ, и для того тѣ бриллiанты оставилъ у него». Разумѣется, на другой день Власьевъ былъ снова у Политики, и отвѣтъ его ждалъ утѣшительный. Оказывается, спрошенный «французженинъ» нашелъ, что хотя названные бриллiанты «не гораздо чисты», и что «пятидесяти пяти рублевъ» они не стоятъ, но «ежели де возьмешь пятьдесятъ рублевъ, то я куплю». Власьевъ, конечно, согласился на 50 р., обусловивъ, однако, продажу простымъ обмѣномъ: вмѣсто всей выговоренной суммы взять клавикорды Политики за 40 р., да къ этому прибавить еще 10 р. деньгами. На этомъ обмѣнъ состоялся. Сорокъ два бриллiанта поступили въ собственность Политики, а отъ него въ «камору» Власьева

перевезены «клавикорды»; деньги же, за отсутствіемъ ихъ въ данную минуту, синодальный переводчикъ обязался отдать впослѣдствіи.

Любопытно, что къ этому протоколъ допроса Власьева прибавляетъ еще слѣдующія подробности: «а про то, что тѣ брилліанты покрадены, онъ, Власьевъ, ему, Политикѣ, не сказывалъ, а достальные брилліанты двадцать восемь и золото имѣлись у него, у Власьева, изъ котораго золота продалъ безъ порукъ на Морскомъ рынкѣ купцу, который платьемъ торгуетъ, а какъ его зовутъ, не знаетъ: шесть золотниковъ за восемь рублевъ за сорокъ копѣекъ, объявляя, что собственное его, а узнать въ лицо того купца можно, а деньги издержалъ: отдалъ долгу два рубли, купилъ двои чулки нитяные, а протчія на булки, на яблоки и на другія тому подобныя покупки». Между тѣмъ кража обнаружилась. Какъ это произошло, случайно ли, или кто донесъ на Власьева, слѣдствіе не говоритъ, но за то передаетъ обстоятельства ареста кадета. «А какъ онъ, Власьевъ, къ переводчику Политикѣ посылалъ человѣка своего за вышеписанными деньгами, десятью рублями, то онъ, Политика, чрезъ того человѣка велѣлъ сказать, чтобы онъ самъ къ нему пришелъ, а по приходѣ его онъ, Политика, сказалъ ему, Власьеву: «оные де отданные отъ него ему брилліанты не его, Власьева, потому что онъ, Политика, увѣдомился чрезъ помянутаго французженина, что у его высокографскаго сіятельства графа А. Г. Разумовскаго пропала послѣ бытности твоей тамо золотая табакерка, осыпанная брилліантами; и тѣхъ десяти рублевъ ему не отдалъ, а требовалъ, чтобъ клавикорды его отдать обратно, кои и возвращены. Но какъ онъ, Власьевъ, о покражѣ имъ оной табакерки ему, Политикѣ, и тогда не сказалъ, то бывшіе тогда въ домѣ его вышереченные его высокографскаго сіятельства племянникъ Мозголовской и флигель-адъютантъ Забережневъ, вышедъ къ нему, Власьеву, изъ другого покоя, сказали: когда де ты не винишься, то мы объ оной въ корпусъ объявимъ и, взявъ его, Власьева, съ собою, привезли въ корпусъ и объявили дежурному господину порутчику Фрейману».

Разумѣется, тотчасъ «учинили» допросъ. Власьевъ сознался въ кражѣ, объяснилъ, какъ было дѣло, причемъ добровольно вернулъ оставшіеся у него двадцать восемь брилліантовъ вмѣстѣ съ изломанной табакеркой, подтвердивъ собственною скрѣпою, «что напередъ сего какъ въ покояхъ его высокографскаго сіятельства, такъ и нигдѣ никакихъ кражъ не чинилъ». На этомъ дѣло и кончилось. Правда, Власьевъ около года (съ 21 дек. 1755 по 14 ноября 1756 г.) просидѣлъ подъ стражей, и канцелярія корпуса, разсуждая, что «за такимъ порокомъ (онъ) далѣе при кадетскомъ корпусѣ съ дворянами сообщенія имѣть, стало быть, не достоинъ», требовала не только резолюціи, «куда онаго Власьева повелѣно будетъ отослать», но даже въ концѣ концовъ самовольно отослала

его въ кабинетъ ея величества, тѣмъ не менѣе на донесеніи, сопровождавшемъ злосчастнаго кадета, была положена слѣдующая резолюція: «подано въ 15 день ноября 1756 г. и представленный при семъ доношеніи пѣвчій Петръ Власьевъ отданъ подателю сего доношенія обратно, для содержанія его попрежнему въ кадетскомъ корпусѣ» [1]). Такимъ образомъ, случай съ Власьевымъ закончился сравнительно ничѣмъ: провинившагося кадета сочли достойнымъ продолжать образованіе въ корпусѣ. Въ подобной средѣ жили, учились и выходили въ люди знаменитые братья Волковы. Намъ остается теперь сказать о новоучрежденномъ театрѣ въ Петербургѣ и университетскомъ театрѣ въ Москвѣ. Но обзоръ дѣятельности вновь образованной и офиціально утвержденной русской труппы не входитъ въ нашу задачу, которая имѣетъ въ виду лишь любительскіе спектакли. Что же касается университетскаго театра въ Москвѣ, то начало его относится къ 1756 году. Въ этомъ году, по свидѣтельству составителя Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго университета [2]), «подъ руководствомъ своего директора, Михаила Матвѣевича Хераскова, студенты и воспитанники университетской гимназіи давали представленія въ стѣнахъ университета, на которыя было приглашаемо высшее московское общество. Императрица повелѣла награждать шпагами тѣхъ актеровъ, которые окажутся достойными одобренія». По другимъ извѣстіямъ, кромѣ студентовъ, «здѣсь играли другія лица, при чемъ входъ въ спектакль былъ безденежный. Представленія давались въ зданіи, принадлежавшемъ антрепренеру, иностранцу Локателли, дававшему тамъ и маскарады, которые были единственнымъ, повидимому, источникомъ его доходовъ. Зданіе это находилось близъ Краснаго Пруда, около нынѣшней станціи Николаевской ж. дороги» [3]). Однако о томъ, кто былъ актерами университетской сцены, и какой репертуаръ тамъ предпочитался, историки вообще умалчиваютъ. Очень вѣроятно, что «играли въ немъ (театрѣ) сочиненія Сумарокова, переводы иностранныхъ оперъ и комедій, изрѣдка и творенія Ломоносова» [4]). Нагляднѣе всего это прослѣдить по Драматическому Словарю, гдѣ въ концѣ каждой пьесы обозначено и мѣсто, гдѣ она печаталась. Такъ за 1758 г. въ типографіи Московскаго университета напечатана «Венеціянская монахиня» [5]), сочин. Хе-

---

[1]) Архивъ главн. штаба, московск. отд., оп. 119, св. 39, № 8.

[2]) 1834 г., т. IV, 353.

[3]) Лонгиновъ, Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова (Русск. Архивъ, 1871, № 10, 1660).

[4]) «Словарь древней и нов. поэзіи», Н. Остолопова, III, 275.

[5]) «Сія трагедія,—объясняетъ издатель Словаря,—взята изъ справедливой исторіи, случившейся въ Венеціи. Г. Авторъ недостачество матеріи причиною полагаетъ сокращенія пьесы» (стр. 31—31).

раскова, въ трехъ дѣйствіяхъ въ 1759 — «Графъ Карамелли», драма на музыкѣ, переведенная съ итальянскаго «учащимся при Московскомъ университетѣ» Александромъ Каринымъ; въ 1761 г.— «Безбожникъ», героическая комедія въ стихахъ того же Хераскова, и т. д., пьесы, весьма вѣроятно, шедшія предварительно и на Московской университетской сценѣ. Что касается до актеровъ, то, не имѣя данныхъ для оцѣнки достоинства ихъ, отмѣтимъ лишь преданность молодой труппы театральному дѣлу, выразившуюся въ очень наглядномъ примѣрѣ. Въ 1761 г., по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ, петербургская придворная труппа съ Волковыми и Дмитревскимъ [1]) во главѣ ощутила недостатокъ въ сценическихъ дарованіяхъ. Съ высочайшаго соизволенія Волковъ сначала отправился въ Москву набирать актеровъ, а потомъ сами университетскіе студенты вмѣстѣ съ нѣкоторыми артистами частнаго Локателевскаго театра переѣхали въ Петербургъ. Такъ это или иначе, но дѣйствительно въ этомъ году, 16-го января, кабинетъ ея величества даетъ сенатской конторѣ слѣдующій ордеръ: «Ея императорское величество указала отправить въ Санктъ-Петербургъ россійскихъ комедіантовъ. Того ради благоволитъ оная контора для отправленія оныхъ комедіантовъ по требованію Московскаго университета дать подорожную на столько почтовыхъ подводъ, сколько оный университетъ требовать будетъ, и на ихъ прогонныя деньги придавъ имъ для препровожденія въ пути надежнаго проводника [2]). Сенатъ съ своей стороны послалъ указъ Московскому университету, отъ котораго 24-го того же января получилъ слѣдующее доношеніе: «въ силу де полученнаго отъ генералъ-поручика генерала-адъютанта дѣйствительнаго камергера императорскаго Московскаго университета куратора и разныхъ орденовъ кавалера Шувалова ордера, велѣно по имянному ея императорскаго величеству указу отправить въ Санктъ-Петербургъ Россійскаго театра ко-

---

[1]) Кстати о немъ: «Въ документахъ архива имп. театровъ, по свидѣтельству г. Горбунова («Русск. Вѣстн.», 1892 г., т. II, стр. 284), встрѣчаются имена только Дмитревскаго и Шумскаго, которые значатся состоящими на службѣ при театрѣ съ 1-го мая 1752 г., о братьяхъ Волковыхъ и о Чулковѣ свѣдѣній никакихъ нѣтъ». Одновременно г. Горбуновъ дѣлаетъ предположеніе, что «Шумскій, Гаврила Волковъ и Чулковъ, не попавъ въ кадетскій корпусъ для обученія, вѣроятно, до основанія русскаго театра въ 1756 г. практиковались подъ руководствомъ кадетъ-артистовъ съ Дмитревскимъ и др. въ домѣ Головкина на Васильевскомъ островѣ, гдѣ былъ устроенъ для практики будущимъ актерамъ небольшой театръ, на которомъ они играли не публично». Ergo: развѣ не возможно, что этимъ и ограничилась вся сценическая подготовка Дмитревскаго къ театру? Въ большемъ онъ не нуждался, по собственному убѣжденію, или, вѣрнѣе, по убѣжденію начальства, сразу зачислившаго артиста на службу. Другое дѣло—братья Волковы: тѣ не числились въ это время въ дирекціи императорскихъ театровъ, но за то дѣйствительно учились въ кадетскомъ корпусѣ.

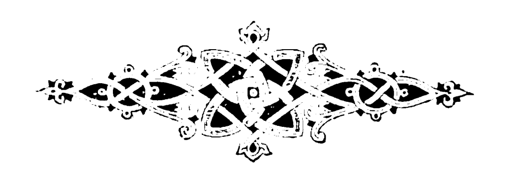
[2]) Госуд. архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, отд. XVII, № 322.

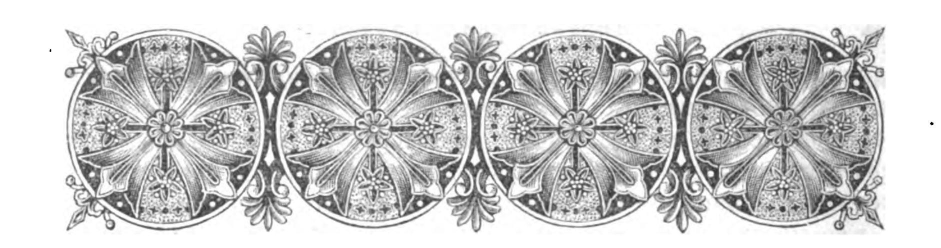
медіантовъ и принадлежащіе имъ въ дорогѣ, какъ-то: сани и протчія на оныхъ издержки деньги требовать и для препровожденія ихъ въ дорогѣ унтеръ-офицера одного и солдатъ отъ оной сенатской конторы». При этомъ «издержки» обусловливались шестью стами рублями; въ качествѣ проводниковъ просили «одного унтеръ-офицера, знающаго грамотѣ и два человѣка солдатъ», а число почтовыхъ подводъ ограничивали тридцатью; одновременно университетъ опредѣлялъ «для покупокъ» прапорщика Кузьму Прыткова, которому довѣрялъ получить требуемыя деньги. Сенатская контора въ тотъ же день 24-го января послала слѣдующее опредѣленіе: «для проѣзду оныхъ комедіантовъ, что принадлежитъ до почтовыхъ подводъ, то подорожную на оныя дать отъ ямской конторы; а что слѣдуетъ до требуемой тѣмъ университетомъ какъ на прогоны, такъ и на протчія издержки денежной суммы шести стахъ рубляхъ, также и до требуемыхъ солдатовъ, то хотя въ выше объявленномъ присланномъ изъ кабинета ея императорскаго величества сообщеніи, кромѣ подлежащихъ прогоновъ и одного проводника, и не упомяпуто; но какъ изъ оного доношенія явствуетъ, что оной университетъ по полученному въ той отъ генералъ-поручика генералъ-адъютанта дѣйствительнаго камергера и кавалера Шувалова ордеру, то дабы въ отправленіи тѣхъ комедіантовъ, которые по высочайшему ея императорскаго величества соизволенію въ Санктпетербургъ отправляются, не послѣдовало какого либо промедленія, оныя деньги отпустить въ университетъ изъ статсъ-конторы и отдать помянутому прапорщику Прыткову съ роспискою; и оное все ямской и статсъ конторамъ исполнить въ самоскорѣйшемъ времени, и о томъ во оныя конторы послать указы, о чемъ и въ правительствующій сенатъ сообщить вѣдѣніе, а для препровожденія оныхъ комедіантовъ до Санктпетербурга нарядить изъ находящейся при сенатской конторѣ сенатской роты писаря Алексѣя Безобразова, солдатъ Луку Костомарова, Евдокима Насакина, которые во оный университетъ отослать при указѣ немедленно, а дабы означенные солдаты по препровожденіи показанныхъ комедіантовъ за малоимѣніемъ здѣсь солдатъ при случившейся оказіи возвращены были въ сенатскую контору попрежнему, о томъ въ означенномъ вѣдѣніи написать» [1]). Однако, въ чемъ выразилась дѣятельность новоприбывшихъ, трудно сказать: ни изъ печатныхъ источниковъ, ни изъ архивныхъ документовъ она не выясняется. Нужно предполагать, впрочемъ, что Петербургъ ими не много пользовался, такъ какъ вскорѣ послѣдовала кончина императрицы. Оба любительскіе кружка распались сами собой. Первый—вызвалъ изъ своей среды таланты, воспиталъ ихъ, образовалъ театръ, другой — примкнулъ къ нему съ

[1]) Госуд. архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, отд. XVII, № 322.

готовыми силами и, кто знаетъ, быть можетъ, явился въ самую критическую минуту его существованія. Но роль того и другого, закончившись относительно данной эпохи, не ограничилась этимъ значеніемъ для будущаго. Царствованіе Елизаветы нужно признать началомъ столь распространенныхъ впослѣдствіи частныхъ любительскихъ сценъ, которымъ императрица Екатерина готовила новое поприще: открытіе провинціальнаго театра.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

ЧЕРЕМИССКОЕ ЯЗЫЧЕСКОЕ ВѢРОУЧЕНІЕ „КУГУ-СОРТА".

СѢМЪ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМЪ людямъ извѣстно, что черемисы—народецъ финскаго племени, и что обитаютъ они среди великорусскаго населенія губерній Нижегородской, Казанской, Симбирской, Уфимской, Вятской и частью Саратовской; также извѣстно и то, что черемисы раздѣляются этнографически на горныхъ и луговыхъ, а по вѣроисповѣданію — на православныхъ и язычниковъ. Послѣдніе, исповѣдуя многобожіе, въ своихъ заповѣдныхъ рощахъ и лѣсахъ, поклоняются, какъ наивысшему существу, злому духу «кереметю» (или «келлеметше»), принося ему кровавыя жертвы. Въ общемъ, черемисы—народъ невѣжественный, не имѣющій обработаннаго, письменнаго языка и живущій довольно грязно, но пьянство распространено между ними менѣе, чѣмъ между окрестнымъ русскимъ населеніемъ; они трудолюбивы и довольно добродушны. О другихъ особенностяхъ этого народца я говорить не буду, потому что не считаю себя достаточно для этого компетентнымъ; желающіе ближе ознакомиться съ нимъ могутъ для этой цѣли обратиться къ спеціальнымъ монографіямъ и статьямъ, изъ коихъ назову замѣчательный трудъ профессора И. Н. Смирнова «Черемисы».

Между православными черемисами, проживающими въ юго-восточной части Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи, соприкасающейся съ Царевококшайскимъ уѣздомъ, Казанской губерніи, гдѣ также много черемисъ, лѣтъ 10—15 тому назадъ возникла антиправославная пропаганда совершенно новаго языческаго вѣроученія, за которымъ укрѣпилось названіе «кугу-сортà». Эта пропа-

ганда, мнѣ думается, имѣетъ право на вниманіе каждаго просвѣщеннаго человѣка и является интересною тѣмъ болѣе, что представляетъ собою новое, никому въ литературѣ до сихъ поръ неизвѣстное, явленіе въ области религіознаго мышленія народа хотя и невѣжественнаго, но составляющаго часть населенія нашей родины и уже по одному этому заслуживающее внимательнаго и серьезнаго къ нему отношенія.

Выше сказано, что вѣроученіе «кугу-сортà» литературѣ нашей неизвѣстно; это вѣрно почти буквально, ибо это ученіе послужило предметомъ содержанія только двухъ брошюръ, напечатанныхъ въ Вяткѣ въ 1893 году. Одна изъ нихъ, называющаяся «Извлеченіе изъ дневника епархіальнаго миссіонера» протоіерея о. Василія Мышкина, составляетъ отдѣльную перепечатку изъ 6-го номера «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» отъ 16-го марта 1893 года, а другая, носящая заглавіе «Секта «кугу-сортà» среди черемисъ Яранскаго уѣзда», издана безъ означенія имени автора. Брошюры эти, особенно вторая, содержащая въ себѣ и изложеніе сущности новаго вѣроученія, будучи напечатаны въ отдаленномъ уголкѣ нашего отечества, само собою разумѣется, могли получить только мѣстное распространеніе, да развѣ между завзятыми спеціалистами религіозныхъ вопросовъ. Однако, должно оговориться, что изъ первой брошюры протоіерея Мышкина были сдѣланы позаимствованія въ 68-й № «Правительственнаго Вѣстника» 1893 года и въ 104-й № «Сына Отечества» (2-го изданія) за тотъ же годъ, но эти буквальныя газетныя перепечатки касаются исключительно внѣшней, обрядовой стороны новой религіи и крайне незначительны по объему. Сверхъ того, въ 208-мъ и 209-мъ №№ «Правительственнаго Вѣстника» 1890 года, въ фельетонахъ, посвященныхъ особенностямъ быта инородцевъ волжско-камскáго края по поводу казанской научно-промышленной выставки 1890 года, есть нѣсколько очень интересныхъ строкъ, касающихся ученія «кугу-сортà»,—строкъ, которыя приведемъ ниже. Другихъ печатныхъ свѣдѣній по занимающему насъ вопросу, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду отчасти руководствоваться поименованными брошюрами, особенно брошюрой неизвѣстнаго автора, но преимущественно буду основываться на имѣющихся въ моихъ рукахъ документахъ неоспоримаго авторитета, именно на подлинныхъ дѣлахъ вятскаго окружнаго суда о послѣдователяхъ новаго вѣроученія, привлекавшихся вятской духовной консисторіей къ суду по 185-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ. Дѣла эти возникли и окончены въ теченіе трехъ лѣтъ, 1890—1892; всего такихъ дѣлъ разсмотрѣно было судомъ, на сессіяхъ въ г. Яранскѣ, 14. Откуда, кѣмъ и какъ занесено было въ Яранскій уѣздъ ученіе, означенное названіемъ «кугу-сортà», нѣтъ у насъ никакихъ указаній. Въ началѣ возникновенія этого ученія, мѣстное духовенство,

повидимому, не обращало на него должнаго вниманія, и секта не встрѣчала никакого нравственнаго противодѣйствія. Лишь тогда, когда уклонившіеся въ язычество послѣдователи «кугу-сортà» подали государю императору, отъ 27-го декабря 1887 года, прошеніе о дозволеніи имъ безпрепятственно исповѣдывать новую вѣру, а затѣмъ стали открыто заявлять о своемъ отпаденіи въ язычество на сходахъ и осаждать мѣстное начальство своими ходатайствами по тому же предмету, начались дознанія и разслѣдованія со стороны духовнаго и свѣтскаго начальства, а потомъ губернская духовная власть обратилась уже и къ содѣйствію суда. Такъ, въ прошеніяхъ, поданныхъ въ яранское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и мировому судьѣ 2-го участка Яранскаго округа 4-го февраля и 31-го и 10-го марта 1890 года, уклонившіеся въ язычество буквально писали: «на церковно-приходскомъ сходѣ села Краснорѣцкаго, Кадамской волости, мы отказались отъ церковныхъ сборовъ и отъ работъ по случаю нашей древне-черемисской языческой вѣры. Несмотря на это, насъ наряжаютъ на таковыя, а потому покорнѣйше просимъ насъ отъ церковныхъ сборовъ и отъ работъ по случаю нашей вѣры освободить». Что можетъ быть прямолинѣйнѣе такого откровеннаго заявленія?

Мало этого. Въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи уголовной наказуемости новаго вѣроученія (см. 185 ст. улож. о нак. угол. и испр.), обратившіеся въ язычество были такъ искренни, что на бывшей въ г. Казани, въ 1890 г., научно-промышленной выставкѣ экспонировали всѣ вещественныя доказательства своего богомоленія. Какъ видно изъ каталога выставки (Казань, 1890 г., 107 стр. 1-го научнаго отдѣла каталога, раздѣлъ историко-этнографическій), ими выставлены были слѣдующіе предметы: столы березовый и липовый, 1 подстольная подстилка, 1 ступа для приготовленія муки, 1 пестъ къ ней, 2 бурака для меда, 2 черпака къ нимъ, 3 двухчленныхъ ковша, 4 одночленныхъ ковша, 1 разливательная ложка, 2 блюда, 2 куска дерева для добыванія огня, березовая губка къ нимъ, деревянныя ружье и сабля для отогнанія злыхъ духовъ, овсяный хлѣбъ, употребляемый при моленіи, два пучка самодѣльныхъ свѣчъ (на липовомъ столѣ 7, на березовомъ 9), двѣ восковыя подставки подъ свѣчи, холщевый колпакъ, употребляемый при моленіи, сумка съ коноплянымъ волокномъ для приготовленія свѣтильни и добыванія огня, барабанъ для приглашенія на моленіе и употребляемыя при моленіи гусли. Мы вдались въ подробное перечисленіе экспонатовъ потому, что каждая изъ поименованныхъ вещей имѣетъ значеніе при изученіи обрядовой стороны новаго черемисскаго ученія. Комитетъ казанской выставки присудилъ одному изъ экспонентовъ, запасному рядовому деревни Яштуроды, Кадамской волости, Ивану Иванову (черемисы въ большинствѣ фамильныхъ прозваній не имѣютъ, а называются только по имени и отчеству), медаль «за трудо-

любб.е», а обществу крестьянъ деревни Упши—похвальный листъ, въ коемъ сказано, что «комитетъ выставки постановилъ выразить благодарность бѣло-черемисскому языческому обществу Вятской губерніи, Яранскаго уѣзда, Великорѣченской волости, деревни Упши, за доставленіе ими коллекціи для изученія языческаго богослуженія черемисъ». Эти поощренія значительно способствовали успѣху и распространенію секты и привлекли къ ней новыхъ прозелитовъ, ибо главари секты сдѣлали изъ медали и листа рекламу: Иванъ Ивановъ, прикрѣпивъ медаль на груди, разсказывалъ всѣмъ, что она дана ему за языческую вѣру, а трое Якмановыхъ, судившіеся потомъ по 185 ст. улож. о наказ., на Пасхѣ 1892 года выставили похвальный листъ на воротахъ своего дома въ селѣ Упшинскомъ. При этомъ сектанты начали утверждать, что на казанской выставкѣ дали похвальный листъ только за ихъ вѣру, и что хотя на выставкѣ было много народа, но начальство признало правою только ихъ вѣру. Такъ именно писалъ священникъ Упшинской Покровской церкви исполняющему должность миссіонера Яранскаго уѣзда.

Но не долго торжествовали послѣдователи «кугу-сортà»; надъ ихъ головами висѣла туча. Духовная консисторія, получая непрерывно акты и дознанія объ особенно вредныхъ или особенно энергичныхъ послѣдователяхъ вѣроученія, обратилась, наконецъ, къ прокурору окружного суда съ ходатайствомъ о преслѣдованіи сектантовъ. Результатомъ было производство слѣдствій и преданіе сектантовъ суду, безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Всѣхъ такихъ дѣлъ, какъ уже сказано, поступило и разсмотрѣно судомъ 14; по дѣламъ этимъ было привлечено къ суду 27 мужчинъ, въ томъ числѣ одинъ бывшій волостной старшина, одинъ служащій сельскій староста и двое состоящихъ на должности полицейскихъ сотскихъ. Предавались суду нерѣдко лица одного семейства, напримѣръ, отецъ съ двумя сыновьями, тесть съ зятемъ, два брата. Въ числѣ другихъ подверглись преслѣдованію и руководители религіознаго движенія, именно черемисинъ Кадамской волости Ѳедоръ Алексѣевъ, котораго духовенство признавало главнымъ сектантомъ въ Люперсольскомъ приходѣ, и отбывшій воинскую повинность въ Казани, запасный фельдшеръ изъ крестьянъ села Упши, Андрей Алексѣевъ Якмановъ, неутомимый, хотя и недостаточно грамотный, писака и авторъ всѣхъ прошеній, подававшихся въ правительственныя и судебныя мѣста и должностнымъ лицамъ черемисами-язычниками новаго ученія.

Изъ числа привлеченныхъ къ суду лицъ осуждено по 185 ст. улож. 23 лица, безусловно оправдано 1 лицо, во время слѣдствія и суда вновь присоединилось къ православію и потому оправдано 1 лицо, оправдано по 185 ст. улож. и осуждено по другому преступленію 1 лицо и присоединилось къ церкви послѣ постановле-

нія обвинительнаго приговора 1 лицо, почему приговоръ надъ нимъ и не приведенъ въ исполненіе.

Въ виду тяжести имущественныхъ послѣдствій, наложенныхъ приговорами суда, всѣ осужденные апеллировали въ казанскую судебную палату, но послѣдняя утвердила восходившіе на ея разсмотрѣніе приговоры суда. При этомъ впослѣдствіи обнаружилось, что сектанты были убѣждены еще и въ томъ, что судъ примѣнилъ къ ихъ дѣянію не настоящіе законы: «окружной судъ, говорили они, судитъ по законамъ консисторіи, а на палату мы надѣялись, что она разсудитъ насъ по царскимъ законамъ».

Какъ видно изъ заявленій авторовъ поименованныхъ выше брошюръ, секта «кугу-сортà» получила наибольшее распространеніе въ приходахъ селъ Люперсольскаго (Кадамской волости), Великопольскаго (Ернурской волости), Упшинскаго (Великорѣченской волости) и Больше-Рудкинскаго (Юкшумской волости), Яранскаго уѣзда. Но мы прибавимъ къ этому перечню еще приходы селъ Краснорѣцкаго или просто Краснаго, Кадамской же волости, и Великорѣченскаго, того же названія волости и тогда получимъ полный списокъ мѣстностей, среди которыхъ существуетъ новая секта. Два послѣдніе прихода дали порядочный процентъ судившихся и осужденныхъ судомъ за отступленіе отъ христіанства въ язычество. Затѣмъ авторъ брошюры «секта кугу-сортà» утверждаетъ, что число послѣдователей новаго ученія не превышало къ 1893 году 89 человѣкъ обоего пола. Можетъ быть, это и справедливо, но только по отношенію къ явнымъ послѣдователямъ ученія; изъ показаній же свидѣтелей по дѣламъ суда видно, что на общественныя моленія собиралось нерѣдко до 300 человѣкъ сектантовъ. Посему процентъ преданныхъ суду и осужденныхъ за отпаденіе въ язычество, сравнительно съ распространеніемъ секты и числомъ послѣдователей, слѣдуетъ признать весьма малымъ.

Будучи привлекаемы слѣдователями къ дѣламъ въ качествѣ обвиняемыхъ, послѣдователи «кугу-сортà», отчасти по недостаточному знанію русскаго языка, а преимущественно по свойственной черемисамъ скрытности характера, не были особенно разговорчивы относительно существа и обрядовой стороны своего вѣроученія. На вопросъ о томъ, какой они вѣры, отступники называли себя «изустно язычествующими бѣлыми черемисами», а ученіе свое—«вѣрованіемъ древне-бѣло-черемисской, потомственно обычной вѣры и обряда кугу-сортà»; они объясняли, что царь не запрещаетъ языческой вѣры, что онъ далъ шесть вѣръ книжныхъ и одну язычную, которую они и признаютъ; что эта вѣра передается словами, изустно отъ предковъ къ потомкамъ и для нихъ нѣтъ письменнаго божественнаго закона, нѣтъ таинствъ, и они знаютъ только одного Бога, сотворившаго міръ, которому и молятся, каждый про себя. Эта «легкая», какъ они называютъ, вѣра дана имъ, по ихъ мнѣ-

нію, потому, что они, черемисы,—люди неграмотные, обязанностей по этой вѣрѣ они никакихъ не несутъ и повинностей за нее не платятъ, не даютъ ни на церкви, ни на духовенство. Они утверждали, что предки ихъ не были христіанами и приняли христіанскую вѣру не по своей охотѣ, всегда оставаясь тайными язычниками; сами они также были записаны христіанами только для счета, а нынѣ желаютъ слѣдовать примѣру предковъ. Какъ на причины отпаденія въ язычество, они указали на денежную притязательность духовенства, особенно при вѣнчаніяхъ и похоронахъ, и на тяжесть платежа руги, а затѣмъ также и на то, что они не могутъ быть хорошими христіанами уже потому одному, что не понимаютъ церковно-славянскаго языка и обрядовъ православной церкви, а духовенство не знаетъ ихъ языка. Они убѣждены, что духовенство возбудило противъ нихъ преслѣдованіе изъ-за отказа ихъ платить ругу, ибо когда они раньше изъ робости исправно отдавали ругу и вносили платежи на церковь и содержаніе причтовъ, то духовенство, хорошо зная, что они язычники, молчало.

О своемъ ученіи они говорили только то, что производятъ моленіе «чистымъ и свѣтлымъ духомъ Высочайшему Богу, безъ сотворенія себѣ кумира, а чернаго духа, кереметя, отвергаютъ». Одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу разъяснилъ, что вѣроученіе, котораго они держатся, называется собственно «кугу-арня», или «ку-горня», что значитъ великій день пятница; сами они такъ и именуютъ свое ученіе, но православные священники и народъ называютъ его «кугу-сортà» собственно потому, что ими при моленіи употребляется большая восковая свѣча, длиною въ $9^1/_2$ вершковъ.

Изъ данныхъ слѣдователямъ свидѣтельскихъ показаній и письменныхъ актовъ слѣдственныхъ производствъ видно, что секта «кугу-сортá» имѣетъ таинственный характеръ: послѣдователи секты объ обрядахъ своего ученія съ православными не говорятъ, во время моленій православныхъ не допускаютъ и запираютъ ворота въ тѣхъ особыхъ домахъ, гдѣ производятся моленія; православнаго духовенства къ себѣ не принимаютъ; но все-таки свидѣтелямъ удалось подмѣтить, что сектанты воскресныхъ и праздничныхъ дней не признаютъ и въ эти дни работаютъ, а празднуютъ пятницу; что молиться въ домахъ они начинаютъ въ среду, а кончаютъ въ пятницу; въ этотъ день они собираются на моленіе и въ рощахъ. Замѣчено, что сектанты дѣлаютъ коровай изъ пчелинаго воска, ставятъ на него три зажженныя свѣчи, и произносящій молитвы машетъ на него руками и имѣетъ въ рукахъ деревянный кинжалъ. Письменные акты подтверждаютъ словесныя показанія и указываютъ на то, что сектанты крестовъ на себѣ не имѣютъ, крестнаго знаменія не полагаютъ, иконамъ не поклоняются и въ домахъ у себя ихъ не имѣютъ, молятся же по-своему день, два, три (журналъ вятской духовной консисторіи 28-го ноября 1890 г.). Въ объяс-

неніяхъ съ духовенствомъ при увѣщаніяхъ, которыя были дѣланы сектантамъ, послѣдніе высказывали, что они и впредь навсегда останутся язычниками и будутъ совершать свои языческія моленія; что увѣщаній не слушали прежде и впредь слушать не будутъ, не будутъ исполнять никакихъ обязанностей православнаго христіанина—ни крестить, ни вѣнчать, ни хоронить своихъ дѣтей въ церкви, ни принимать св. таинствъ покаянія и причащенія; что они согласны служить государству въ выборныхъ должностяхъ и отбывать воинскую повинность, но не согласны принимать при этомъ присягу. Сектанты заявляли также и то, что они не будутъ исполнять царскіе законы, относящіеся къ дѣламъ вѣры, а желаютъ исполнять только одни гражданскіе законы и то по языческой вѣрѣ; они хотѣли, чтобы ихъ «отъ духовнаго вѣдомства отдѣлили на гражданское» (акты и. д. миссіонера Романова отъ 28-го сентября 1890 и 21-го мая 1891 гг.).

Въ засѣданіяхъ суда всѣ преданные суду послѣдователи «кугу-сортà», за малыми исключеніями, признавали себя виновными въ принадлежности къ этой языческой сектѣ и всѣ, за исключеніемъ четырехъ, были осуждены. 185 ст. улож. о наказ., по которой подсудимые привлекались къ отвѣтственности, влечетъ за собою отсылку отпавшаго отъ христіанской вѣры всѣхъ исповѣданій въ вѣру нехристіанскую къ духовному начальству прежняго его исповѣданія для увѣщанія и вразумленія, лишеніе пользованія правами состоянія до возвращенія въ христіанство и взятіе имущества въ опеку до того же момента возвращенія. Первыя два послѣдствія для отступниковъ въ «кугу-сортà» не были, конечно, важны: увѣщаній духовнаго начальства они и раньше не слушали, лишеніе права сходокъ и быть избираемыми въ общественныя должности ихъ тоже не только не безпокоило, но, напротивъ, радовало, ибо оставляло болѣе свободнаго времени и избавляло отъ тягостей никому непріятной и отвѣтственной службы. Но взятіе въ опеку имущества и отдача его въ распоряженіе опекуновъ, иногда лично весьма непріятныхъ и нежелательныхъ опекаемому, и лишеніе власти хозяина, распорядителя семейства, показались сектантамъ очень тяжкими. Одинъ изъ подсудимыхъ, сотскій Ружбѣляевъ, человѣкъ богатый, тутъ же въ судѣ, послѣ объявленія резолюціи, сказалъ окружающей публикѣ ломанымъ русскимъ языкомъ: «у меня пятнадцать тысячъ денегъ и я долженъ отдать опекуну распоряженіе ими? Ни за что!». Говорятъ, онъ уже снова обратился въ православіе.

Когда поступило въ судъ первое по времени дѣло о пяти отступившихъ въ язычество черемисахъ, о крестьянахъ деревни именно Лужебѣляка, Кадамской волости, Филиппѣ, Алексѣѣ и Григоріи Николаевыхъ, Иванѣ Михайловѣ Ружбѣляевѣ (полицейскомъ сотскомъ, принимавшемъ при вступленіи на должность въ Салобѣлякской церкви

присягу, такъ какъ, по его словамъ, «безъ присяги служить нельзя») и деревни Средняго Немдежа Поликарпѣ Михайловѣ Яндыгановѣ, и подсудимымъ были выданы копіи съ обвинительнаго акта, то они, видя, что съ ними на этотъ разъ не шутятъ, подали въ судъ прошеніе, въ коемъ сами, рукою вышеупомянутаго неутомимаго Якманова, изложили свои вѣрованія и обряды. Въ виду несомнѣнной важности этого документа, мы позволяемъ себѣ привести его цѣликомъ, съ сохраненіемъ правописанія и всѣхъ орѳографическихъ ошибокъ подлинника, сожалѣя при этомъ, что не могли найти ни въ Вяткѣ, ни въ Яранскомъ уѣздѣ хорошо знающее черемисское нарѣчіе интеллигентное лицо, которое могло бы совершенно точно перевести имѣющіяся въ немъ черемисскія выраженія и слова. «Мы преданы рѣшенію окружнаго суда»,—писали подсудимые,— «за совершеніе древне-черемисской языческой вѣры и обычая, какъ прежде наши предки вѣровали и держали свои обычайные обряды, но какъ мы потомки предковъ, то-есть родителей нашихъ и по благословенію ихъ мы имѣемъ совершеніе языческаго обряда. Именно моленіе бываетъ въ пятницу. Къ моленію на столъ приготовляемъ слѣдующее. Кладемъ кругъ воска, на который ставимъ шештэсортамъ или саскамъ—восковыя свѣчи высотой $9^1/_2$ вершковъ, свѣтильни изъ коноплянаго пѣнка (пеньки) некрученыя и непряденыя. За неимѣніемъ восковаго круга свѣчи ставятъ на коровай хлѣба; воскъ и медъ отъ умершихъ пчелъ нами не употребляются къ моленію, а считаемъ за грѣхъ поставить богу; медъ (мўм) въ кадкѣ и блюдѣ ставится неквашенный (пўро, то-есть ширэ-шорба); на медовщину ставятся: шобакшахъ (немэр-тэркэм), прѣсныя лепешки изъ овсяной муки на меду (мелна-тэркэм), блины на блюдѣ (кин-деркэш-тычмашъ сукурӧм пыштэна); коровай непочатаго ржанаго хлѣба на блюдѣ (ўм и туварамъ-пыштэна), скоромное масло и творожныя лепешки безъ соли. Все, чтò изъ хлѣба — изготовляется для языческаго моленія посредствомъ толченія въ ступкѣ. По приготовленіи всего этого, огонь для зажиганія восковыхъ свѣчей достаемъ изъ березоваго и липоваго дерева и изъ соломы посредствомъ тренія. Моленіе бываетъ такъ: всѣ стоимъ на ногахъ, не крестясь; одними поклонами всѣ до одного съ усердіемъ просимъ высочайшаго бога, чтобы онъ простилъ намъ грѣхи, далъ здравія намъ и нашему скоту, урожай хлѣбовъ, сохранилъ бы отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій; благодаримъ высочайшаго бога за все прежнее, приносимъ моленіе за Царя и за весь Его Царскій Домъ, за все воинство, начальство и добрыхъ людей, за всѣхъ умершихъ, которые уготовали-бы царствіе небесное. Совершеніе производимъ въ домахъ и лѣсныхъ рощахъ древнихъ временъ. По принятымъ нами обычаямъ исполненіе церковныхъ правилъ не требуется, почему и не можемъ исполнять».

Должны сказать, что въ поданномъ суду прошеніи сектанты

не были искренни относительно обрядовъ своего вѣроученія. Они пропустили и, надо полагать, умышленно, значительную часть своего моленія, часть самую интересную — о нѣкоторомъ подобіи употребляемаго ими при моленіяхъ причастія. Самое полное и обстоятельное описаніе черемисскаго богомоленія содержится въ брошюрѣ протоіерея о. Мышкина «Извлеченіе изъ дневника епархіальнаго миссіонера», на стр. 1 и 2, откуда мы и приводимъ слѣдующія строки, составляющія предметъ перепечатокъ въ названныхъ выше номерахъ «Правительственнаго Вѣстника» и «Сына Отечества».

«Секта «кугу-сортà» появилась, — говоритъ почтенный о. протоіерей,—недавно, 10—15 лѣтъ тому назадъ, среди крещенныхъ черемисъ Яранскаго уѣзда, которые отличаются отъ некрещеныхъ тѣмъ, что не приносятъ кровавыхъ языческихъ жертвъ, а только «кугу-сортà», что значитъ «большая свѣча». Свѣча эта бываетъ 7 или 8 вершковъ въ діаметрѣ съ нѣсколькими конопляными свѣтильнями. Она зажигается по случаю особенныхъ общественныхъ бѣдствій, напримѣръ, голода, моровыхъ повѣтрій, войны и проч. Употребляются также среднія и малыя свѣчи, тоже съ конопляными свѣтильнями. Среднія бываютъ вершка 3 въ діаметрѣ и употребляются тоже при особенныхъ случаяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ вмѣсто свѣтильни имѣютъ солому и зажигаются передъ посѣвомъ ржи, чтобы Богъ далъ хорошій урожай хлѣба. Малыя свѣчи, въ палецъ толщиною, употребляются при каждомъ богослуженіи и ставятся обыкновенно въ деревянныя липовыя чашки, наполненныя овсомъ, а большія свѣчи — въ берестяные бураки, сдѣланные по размѣру свѣчей. При богослуженіи «кугу-сортà» употребляется и свое самочинное причастіе, именно: на обыкновенный большой столъ, покрытый бѣлою конопляною скатертью, ставится маленькій престоликъ (длина его 5 вершковъ, ширина 4 вершка, высота $3^1/_2$ вершка), сплетенный изъ какой-то длинной твердой травы и имѣющій четыре столбика изъ той же травы, снизу переплетенные, а сверху покрытые вмѣсто доски тою же травою. На этомъ престоликѣ поставляется деревянная чашка съ шербой, т.-е. неквашеннымъ медомъ, надъ которою читаются положенныя у нихъ молитвы и которая послѣ того разливается маленькими черпаками каждому. Вмѣсто просфоръ употребляются овсяные хлѣбы, приготовленные особымъ способомъ, именно: овесъ не мелется на мельницѣ, а толчется въ особо приготовленной деревянной ступѣ, потомъ просѣвается и стирается въ муку, изъ которой пекутся хлѣбы, похожіе на наши ржаныя тетерьки (?). Огонь для богослуженія достается черезъ треніе липовой палки о другую палку. Вмѣсто пѣнія при богослуженіи употребляются гусли, звукъ которыхъ весьма похожъ на звукъ извѣстной балалайки. Сектанты, намѣреваясь участвовать при богослуженіи, всѣ одѣваются

въ чистыя бѣлыя конопляныя рубахи и штаны, надѣваютъ такіе же шабуры (кафтаны) и подпоясываются бѣлыми же конопляными поясами, за которые втыкаются деревянные кодочики для плетенія лаптей и деревянныя иглы, а также привѣшиваются ножны съ берестяными ножами. Вмѣсто колокола употребляется барабанъ, въ который бьютъ при началѣ и концѣ богослуженія».

Чтобы покончить съ обрядовой стороной вѣроученія «кугу-сортà», не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать маленькую выдержку изъ статьи «Особенности быта инородцевъ волжско-камскаго края» (см. выше, «Прав. Вѣстникъ» 1890 года, №№ 208 и 209; цитата заимствована изъ № 209). «Своеобразная черемисская секта Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи»,—читаемъ мы тамъ,—заключаетъ въ себѣ пеструю смѣсь христіанскихъ и языческихъ идей. Вещи, относящіяся къ богослуженію этой секты, служатъ образчикомъ вліянія, которое имѣетъ религіозный культъ въ дѣлѣ переживанія обычаевъ и орудій давно минувшихъ культурныхъ эпохъ. Для изготовленія муки, необходимой для жертвенныхъ хлѣбовъ, служитъ ступа, которою дальніе предки этихъ черемисъ, подобно многимъ другимъ народамъ, пользовались вмѣсто неизвѣстныхъ еще жернововъ. Священный огонь добывается треніемъ двухъ сухихъ кусковъ дерева, спеціально для этой цѣли обработанныхъ. Имѣющее мѣсто у другихъ черемисъ стремленіе устранять металлическую утварь изъ богослужебной доходитъ у этой секты до того, что ея послѣдователями изготовляются изъ дерева сабля и ружье, для отогнанія отъ мѣста жертвоприношенія злыхъ духовъ. Гусли служатъ также при богослуженіи; игра на нихъ предшествуетъ общему обращенію молящихся къ божеству и должна «мягчить сердце», по буквальному выраженію одного черемисина-экспонента».

Если теперь мы вновь просмотримъ перечисленные выше предметы, экспонированные черемисами на казанской выставкѣ, то по цитированннымъ описаніямъ богомоленія черемисъ-послѣдователей «кугу-сортà» мы сумѣемъ разобраться въ каждой вещи и опредѣлить ея мѣсто при ихъ религіозныхъ церемоніяхъ.

Переходя къ существу вѣроученія секты «кугу-сортà», мы, вмѣсто разсужденій отъ себя, считаемъ болѣе умѣстнымъ привести сведенныя нами въ одно заключенія мѣстнаго миссіонера, священника села Кугушерги, о. Николая Романова, человѣка въ этомъ дѣлѣ вполнѣ компетентнаго и близко знакомаго съ сущностью вѣрованія сектантовъ. Заключенія эти были даны о. Романовымъ судебнымъ слѣдователямъ при производствѣ послѣдними слѣдствій о приверженцахъ секты «кугу-сортà».

«Вѣра «кугу-сортà»,—говоритъ о. миссіонеръ,—имѣетъ отчасти признаки еврейства или жидовства, потому что послѣдователи ея называютъ свою вѣру Авраамовой и потому что по ней воздается

поклоненіе Единому, Всевышнему Богу, Господу Саваоѳу, Вседержителю міра въ еврейскомъ смыслѣ и почитаются ветхозавѣтные праведники, особенно Авраамъ; по примѣру царя Давида послѣдователи «кугу-сортà» также играютъ при моленіяхъ на гусляхъ.

Іисуса Христа сектанты не признаютъ Богомъ и воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Но, съ другой стороны, они отличаются отъ евреевъ непризнаваніемъ Ветхаго Завѣта, какъ источника богооткровеннаго ученія, и поэтому въ вѣрѣ «кугу-сортà» еще болѣе признаковъ язычества. Послѣдователи этой секты утверждаютъ: 1) одни — что Богомъ создано и старою Библіею установлено 77 вѣръ, по особой вѣрѣ для каждаго человѣческаго племени, и этимъ столько же разъединились народы, какъ разъединены Богомъ различныя древесныя породы: ель, липа, осина, береза и проч.; другіе говорятъ, что старою Библіею установлено шесть вѣръ книжныхъ и одна не книжная, а языческая, язычная. Оба мнѣнія при этомъ сходятся въ томъ, что черемисамъ дана вѣра язычная, заимствованная не изъ книгъ, а изъ преданія ихъ племени и передаваемая язычно (языкомъ, изустно) предками племени своимъ потомкамъ, устною передачею изъ рода въ родъ; по мнѣнію сектантовъ, при раздѣлѣ вѣръ русскому народу досталась вѣра православная. 2) При такомъ пониманіи вѣры, какъ силы для охраненія племенныхъ особенностей каждаго народа, при такомъ основанномъ только на устномъ, темномъ преданіи вѣроученіи, сектанты «кугу-сортà» отвергли и писанное слово Божіе—св. Библію, какъ божественный законъ вѣры и жизни для всѣхъ людей. Сектанты отзываются, что существующая Библія выдумана попами для обрусенія черемисъ, а старая, настоящая Библія, по одному мнѣнію, скрыта попами, по другому—взята на небо, а по третьему—хранится за морями. 3) Признавая для черемисъ совершенно достаточнымъ изустное племенное преданіе въ дѣлѣ вѣры, сектанты «кугу-сортà» отвергли какъ вѣроученіе, правоученіе и обряды письменнаго закона Моисеева, такъ и все православно-христіанское вѣроученіе, правоученіе и богослуженіе, всѣ порядки, основанные на этихъ началахъ, и вообще христіанство. Однако, вѣра «кугу-сортà» есть попреимуществу отреченіе отъ православнаго христіанства, въ видахъ разъединенія черемисъ отъ русскихъ. Христіанская православная вѣра и всѣ порядки, изъ нея истекающіе, по мнѣнію послѣдователей «кугу-сортà», обязательны, какъ уже сказано, только для русскихъ. Съ цѣлью того же племенного разъединенія, сектанты «кугу-сортà», съ одной стороны, отвергли воплощеніе Сына Божія и божественность Спасителя міра, необходимость искупленія и всѣхъ благодатныхъ силъ св. церкви—почитанія иконъ и креста, крестное знаменіе, христіанскую молитву и постъ, отреклись отъ самаго названія христіанина и отвергли, какъ черемисы, для себя обязательность церковно-гражданскихъ постановленій; съ другой

стороны, достаточными средствами для испрошенія у Бога нужныхъ имъ благъ, почти исключительно земныхъ, для благодаренія и очищенія своихъ грѣховъ и умилостивленія за нихъ, сектанты признали приношеніе въ даръ Богу большой восковой свѣчи (называемой почеремисски «кугу сортà») и соблюденіе только внѣшней чистоты въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и проч., и отреченіе отъ питья чаю, вина и куренія табаку, завели частыя и продолжительныя общія сношенія своихъ единомышленниковъ, вѣроятно, по очереди, съ употребленіемъ на моленіяхъ, по слухамъ, не совсѣмъ умѣренно, меда и хмѣльной медовщины, — продуктовъ пчеловодства, которымъ особенно любили заниматься предки черемисъ, жители лѣсовъ, а въ обыденной своей жизни стараются устранить по возможности все, неизвѣстное ихъ предкамъ и заимствованное отъ русскихъ, дали религіозное освященіе черемисскому языку, цвѣту и покрою одежды и т. п. Сектанты «кугу-сортà» называютъ свою вѣру «легкою», потому что не исполняютъ никакихъ христіанскихъ обязанностей и не несутъ никакого расхода на храмы и на православное духовенство. Сектанты считаютъ царя земнымъ Богомъ, но признаютъ обязательными для себя только законы гражданскіе, не имѣющіе никакого отношенія къ вѣрѣ, и общественныя службы по выборамъ соглашаются нести только подъ условіемъ, если они не будутъ при этомъ принимать присягу. Ко всему православному, особенно къ духовенству, сектанты относятся замкнуто, отчужденно, почти враждебно, и держатъ для нихъ свои ворота всегда на запорѣ. Такимъ образомъ вѣра «кугу-сортà» является вредною, какъ противообщественная въ нравственномъ и государственномъ смыслѣ. Въ нравственномъ смыслѣ она вредна потому, что подрываетъ всѣ основанія для человѣческаго общежитія и порядковъ гражданской жизни въ христіанскомъ смыслѣ утвержденіемъ, что Богъ далъ 77 вѣръ по числу племенъ, отрицается, вслѣдствіе противорѣчія вѣръ, истина вообще и даже существованіе Бога, Его премудрость, милосердіе къ міру и людямъ, а также и промыслъ Божій. Въ этой сектѣ, подъ видомъ почтенія къ предкамъ и племенному преданію, какъ единственному источнику вѣры для черемисъ, освящается, религіознымъ образомъ, своеволіе въ частной и семейной жизни черемисъ. Для послѣдователей «кугу-сортà» важно не то, какое поклоненіе отъ людей угодно Богу, а то, какое поклоненіе имъ, послѣдователямъ, угодно воздавать Богу. Съ государственной точки зрѣнія эта секта является вредною для общества потому, что узаконяетъ своеволіе и для общественной жизни черемисъ, ибо, уклоняясь отъ подчиненія существующимъ порядкамъ и царскимъ законамъ церковно-гражданскаго характера, сектанты гласно отрекаются принимать присягу, установленную при вступленіи въ должности по общественнымъ выборамъ, домогаясь, такимъ образомъ, или измѣненія въ угоду

имъ законовъ объ общественной службѣ, или свободы отъ несенія таковой. Окончательной, конечной цѣлью сектантовъ «кугу-сорта» является также вредное для общества желаніе отдѣленія, подъ видомъ вѣры, черемисскаго племени отъ русскихъ и поворотъ его въ какія-то давнія времена, къ дохристіанской жизни, объединеніе черемисскаго племени и укрѣпленіе въ немъ своего языка, особенностей быта и проч. Чтобы заинтересовать своихъ единоплеменниковъ въ этомъ сплоченіи матеріально, распространители секты «кугу-сорта» и ввели въ свое ученіе, какъ догматъ, полное освобожденіе отъ всякихъ расходовъ на православную церковь и ея духовенство. Естественный выходъ,—резюмируетъ свои заключенія о. Романовъ,—изъ этой дикой секты одинъ: къ полному, совершенному безбожію въ душевномъ настроеніи и въ практической жизни»

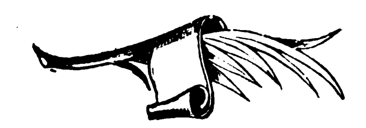
Для желающихъ детально ознакомиться съ вѣроученіемъ секты «кугу-сорта», мы рекомендуемъ обратиться къ названнымъ выше брошюрамъ, написаннымъ лицами духовными, богословами по профессіи.

Такимъ образомъ, дѣлая общій выводъ изъ ученія странной секты, мы должны признать несомнѣннымъ, что черемисы, уклонившіеся изъ православія въ секту «кугу-сорта», отвергаютъ культъ многобожія своихъ предковъ и поклоняются одному, по ихъ словамъ, высочайшему Богу; равно они отвергаютъ и поклоненіе злому началу—кереметю, или, по ихъ правописанію, «келлеметше», и не признаютъ практиковавшихся ихъ предками кровавыхъ жертвъ; равно они отвергаютъ догматы и обряды еврейской и христіанской вѣръ, позаимствовавъ изъ нихъ только нѣкоторыя вѣрованія. Слѣдовательно, черемисы секты «кугу-сорта» совершенно неосновательно утверждаютъ, что они отправляютъ свои языческіе обряды по устному преданію отъ предковъ. Между «кугу-сорта» и прежними языческими ученіями черемисъ нѣтъ ничего общаго, и ученіе «кугу-сорта» представляется совершенно новымъ, по времени возникновенія очень недавнимъ явленіемъ въ духовной жизни черемисъ, не имѣющимъ еще прочно установившихся формъ, а находящимся въ періодѣ дальнѣйшаго развитія. Ясно, что въ духовномъ міросозерцаніи сектантовъ «кугу-сорта», въ сравненіи съ грубыми вѣрованіями ихъ предковъ, виденъ крупный прогрессъ, направленный на реформированіе прежнихъ языческихъ вѣрованій черемисскаго племени. Нельзя не согласиться съ о. Романовымъ, что цѣль и смыслъ этого прогрессивнаго движенія въ дѣлѣ религіознаго вѣрованія заключаются въ томъ, чтобы путемъ религіи сплотить черемисское племя, мало-по-малу, шагъ-за-шагомъ, но неотразимо подчиняющееся колонизаторскому вліянію окрестнаго русскаго населенія, избавить его отъ ассимиляціи съ послѣднимъ путемъ крѣпкаго охраненія его языка, особенностей быта и главное—самостоятельной вѣры. Удастся ли новаторамъ хоть отчасти вы-

полнить свою задачу и насколько эта задача расходится со взглядами правительства—это другой вопросъ, но, конечно, нельзя не сознаться, что вожаками секты, если смотрѣть на дѣло подъ объективнымъ угломъ зрѣнія, преслѣдуются весьма естественныя цѣли. Всякій народъ имѣетъ право на самостоятельное существованіе, и наши законы покровительствуютъ всѣмъ племенамъ и народамъ и всякому вѣроисповѣданію, но въ предѣлахъ тѣхъ законныхъ нормъ, въ какія поставлены отправляемыя ими религіи и ихъ гражданскій бытъ, а черемисы-прогрессисты церковно-общественныхъ законовъ-то и не признаютъ, забывая также и то, что они родились и выросли въ христіанскомъ исповѣданіи.

Кончая наше сообщеніе, мы невольно задаемся вопросомъ, который сами разрѣшить не беремся: поклоненіе единому, высочайшему Богу, безъ сотворенія себѣ кумира (на что̀ черемисы указываютъ и что̀ справедливо), составляетъ ли еще язычество?

С. М. С—въ.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЯ объ общественныхъ нуждахъ выражаются у насъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ видѣ: наиболѣе интеллигентнымъ людямъ рекомендуется примыкать къ рядамъ бюрократіи и высшему культурному классу, внося всюду прогрессивныя начала и памятуя, что личный составъ правящихъ сферъ былъ всегда самымъ дѣятельнымъ элементомъ въ русской исторіи. Съ этой точки зрѣнія, призывъ интеллигентныхъ людей въ деревню къ земледѣльческому труду и «опрощеніе» ихъ по внѣшнему образу жизни, съ высокимъ идеалистическимъ настроеніемъ души и т. д., является (напримѣръ, кн. В. В. Вяземскій, А. Н. Энгельгардтъ и Л. Н. Толстой) положительно вреднымъ направленіемъ, отвлекающимъ самыя даровитыя силы отъ болѣе существеннаго и очереднаго дѣла. Этотъ взглядъ на современныя нужды Россіи наиболѣе талантливо развилъ Вл. С. Соловьевъ (см. «Идолы и идеалы»), говоря, что патріотическая задача нашего образованнаго класса заключается не въ томъ, чтобы искусственно усвоять себѣ первобытное состояніе народной массы; что народъ будетъ нами вполнѣ доволенъ, если мы отнесемся къ нему съ внимательнымъ участіемъ, вникнемъ въ то, что ему дѣйствительно нужно отъ образованныхъ людей, и, нисколько не стараясь уподобиться ему внѣшнимъ образомъ, покажемъ нашу нравственную солидарность съ нимъ, поль-

зуясь въ полной мѣрѣ нашимъ отъ него отличіемъ, нашимъ культурнымъ старшинствомъ, чтобы дать ему то, чего онъ безъ насъ добыть не можетъ. Образованный человѣкъ, не изъ искренняго благочестія и вѣры соблюдающій посты или поклоняющійся иконамъ, а только потому, что такъ дѣлаетъ народъ, былъ бы этимъ послѣднимъ навѣрно сочтенъ за полоумнаго; точно также образованный человѣкъ, пашущій землю безъ нужды, а лишь изъ одного стремленія опроститься и уподобиться народу, возбуждаетъ въ крестьянахъ если не подозрѣнія, то насмѣшки. Но образованный человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, служащій культурнымъ интересамъ страны, можетъ разсчитывать на уваженіе и признательность страны. Дѣло созиданія самой культуры не можетъ принадлежать равномѣрно всѣмъ людямъ. Двигателемъ культурнаго прогресса можетъ быть только избранное меньшинство, а не народныя массы, въ нынѣшнихъ земныхъ условіяхъ слишкомъ занятыя матеріальнымъ обезпеченіемъ и себя, и передового меньшинства. Разумѣется, это послѣднее, чтобы служить общему благу, а не своимъ частнымъ интересамъ, не можетъ представлять замкнутую касту, а должно быть открытымъ для всѣхъ личныхъ дарованій. Дѣло не въ обособленіи классовъ по случайнымъ преимуществамъ, а въ раздѣленіи труда по способностямъ. Вообще раздѣленіе труда есть первый признакъ цивилизаціи, и въ основѣ его лежитъ раздѣленіе исторической работы между большинствомъ, сохраняющимъ жизнь человѣчества посредствомъ физическаго труда, и меньшинствомъ, улучшающимъ эту жизнь и двигающимъ человѣчество впередъ. Этого раздѣленія нѣтъ въ дикомъ состояніи, его не будетъ въ грядущемъ Царствіи Божіемъ, но между этими двумя предѣлами оно всегда было и будетъ. И нѣтъ никакой обиды для народныхъ массъ въ томъ, что онѣ не сами изобрѣли паровую машину,— лишь бы только онѣ имѣли возможность дешево пользоваться желѣзными дорогами и прочими приложеніями паровой силы. Очень цѣнно культурное развлеченіе, благодаря которому въ Россіи, кромѣ земледѣльцевъ, существуетъ еще и Пушкинъ, но, разумѣется, при этомъ желательно, чтобы весь русскій народъ могъ наслаждаться поэзіей Пушкина. А наши народопоклонники-упростители отказываются отвѣчать на дѣйствительныя потребности народа и отнимаютъ у него ту пользу, которую могли бы принести, содѣйствуя общему прогрессу страны въ качествѣ людей культурныхъ — ученыхъ, учителей, техниковъ, лѣкарей и даже хотя бы честныхъ торговцевъ, промышленниковъ и чиновниковъ. На почвѣ раздѣленія труда и уравненія всѣхъ въ пользованіи произведеніями этого труда они увидали бы, что историческимъ развитіемъ культуры обусловливается въ будущемъ и болѣе высокая, соціальная справедливость. Чтобы не ходить далеко—чѣмъ обусловлено было упраздненіе крѣпостного права въ Россіи, какъ не тѣмъ, что съ пре-

образованіями Петра Великаго выдѣлился у насъ изъ народнаго цѣлаго особый культурный классъ, получившій средства къ усвоенію общечеловѣческаго просвѣщенія и его гуманныхъ идей? Величайшій актъ соціальной справедливости въ нашей исторіи, конечно, не могъ бы совершиться, если бы Радищевъ, Тургеневъ, Самаринъ, Милютинъ, Черкасскій прониклись стремленіемъ къ «опрощенію» и вмѣсто своей литературной, общественной и политической дѣятельности предались паханію земли. Ихъ собственные крестьяне при этомъ и были бы, можетъ быть, отпущены на волю, но крѣпостное право вообще осталось бы въ своей силѣ. Не было бы оно уничтожено и въ томъ случаѣ, если бы преобразовательной ломки Петра Великаго вовсе не произошло, и названные дѣятели, подобно ихъ предкамъ, должны были бы засѣдать въ боярской думѣ или въ холопьемъ приказѣ, отличаясь отъ своихъ крѣпостныхъ только болѣе богатыми кафтанами, а не европейскимъ образованіемъ.

Болѣе талантливой аргументаціи, чѣмъ у Вл. Соловьева, въ пользу распространенія культуры сверху трудно представить себѣ. Н. В. Шелгуновъ тоже возставалъ противъ «опрощенія» народопоклонниковъ, сильныхъ личной добродѣтелью, а не общественнымъ своимъ значеніемъ, и задавалъ слѣдующій вопросъ: насколько была бы полезна убыль культурныхъ силъ изъ рядовъ бюрократіи и общества, если бы стремленіе слиться съ народомъ охватило 100 тысячъ лучшей молодежи? Не остались ли бы мы тогда вверху исключительно съ ретроградными силами, и не было ли бы движеніе впередъ пріостановлено?

Развивая послѣдовательно этотъ взглядъ, необходимо спросить себя: если отвлеченіе даровитыхъ людей изъ культурнаго общества въ народъ задерживаетъ поступательное движеніе, то точно такое же отвлеченіе лучшихъ людей изъ правительственныхъ сферъ, наиболѣе у насъ активныхъ, въ частно-общественныя не будетъ ли такъ же тормозить прогрессъ? Вѣдь у насъ общественная иниціатива и жизнь зависятъ отъ государственнаго режима. Нисколько не удивительно, что наиболѣе интеллигентные люди стараются проникнуть въ правящія сферы и именно здѣсь видятъ центръ тяжести современной политики; это, между прочимъ, наглядно развито въ недавно вышедшей брошюрѣ Л. Тихомирова: «Конституціоналисты въ эпоху 1881 года». Стараясь приготовить условія, т.-е. прежде всего расчистить путь къ народу, чтобы интеллигентная личность могла работать среди него безпрепятственно и безъ недоразумѣній, наши государственные дѣятели только этимъ способомъ надѣются поднять культуру и среднихъ классовъ, и народа. А до тѣхъ поръ, съ ихъ точки зрѣнія, послѣдователи князя В. Вяземскаго, А. Н. Энгельгардта и Л. Толстого отвлекаютъ умы отъ болѣе необходимаго дѣла, обращая образованныхъ людей въ чернорабочихъ, съ высокимъ строемъ души и примѣрнымъ поведеніемъ,

но гибнущихъ совершенно безслѣдно для прогресса въ массѣ безграмотнаго и безправнаго народа.

Такова въ общихъ чертахъ философія приверженцевъ «государственности», гордыхъ тѣмъ, что они стоятъ на самой практической почвѣ и пока исключительно одни дѣлаютъ исторію. Между тѣмъ, народники всѣхъ оттѣнковъ и самые крайніе изъ нихъ, народопоклонники-упростители, выступаютъ публично въ борьбу съ ними и громятъ противниковъ совершенно не по адресу. Такъ Ев. Соловьевъ въ книгѣ «Въ раздумьи» приводитъ рѣчь одного интеллигентнаго пахаря слѣдующаго содержанія:

«Все современное намъ общество,—говорилъ, между прочимъ, ораторъ,—ушло цѣликомъ въ служеніе формѣ. Культъ ея мы видимъ повсюду, на какую бы отросль общественной дѣятельности ни обратили мы нашего вниманія. Ясно и очевидно, что положеніе всегда оказывается сильнѣе человѣческаго нутра, и я лишь съ трудомъ представляю себѣ условія, которыя позволили бы проявляться этому самому нутру. Не буду повторять слишкомъ уже старыя жалобы на нашихъ чиновниковъ. Это жрецы формы по-преимуществу, особенно упорные по традиціи, по лѣни, иногда по невѣжеству. Не буду также говорить о нашей торговопромышленной дѣятельности, совершенно подчиняющей себѣ отдѣльнаго человѣка. Спрошу просто-напросто: гдѣ та работа, которая исходила бы изъ нутра, а не была тяжелой, непріятной и даже часто проклинаемой необходимостью? Особенно это вѣрно по отношенію къ нашей интеллигенціи, которая переписываетъ бумаги, выдергиваетъ зубы, обучаетъ «языкамъ и предметамъ» и проч., почти никогда не любя своего дѣла, зачастую даже презирая его и, въ девяноста случаяхъ изъ ста, тяготясь имъ.

«Форма одолѣла человѣка, и самая жизнь становится понемногу простой формальностью. Чтобы выяснить свою мысль, я скажу, что называю формальностью ту брачную жизнь, напримѣръ, которая поддерживается лишь для соблюденія приличія,—ту работу, которая, не удовлетворяя человѣка, совершается во имя денегъ, подъ ежеминутной угрозой голода, ту жизнь, наконецъ, гдѣ человѣкъ не имѣетъ ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго мѣста, гдѣ онъ—случайный дѣятель, котораго всякій другой ежесекундно можетъ замѣнить, безъ вреда и пользы для дѣла».

«Результатъ этого безсмысленнаго, этого языческаго культа формы — на лицо. Мы видимъ почти полную потерю внутренняго смысла жизни, полное отсутствіе равновѣсія, справедливости и любви въ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Иначе оно не можетъ и быть. Представьте себѣ душевное состояніе человѣка, у котораго слово и дѣло, убѣжденіе и дѣйствіе, требованія природы и общественнаго положенія находятся между собой въ постоянномъ непримиримомъ разладѣ. Вѣдь, если мы живемъ для чего нибудь

здѣсь на землѣ, то для того лишь, чтобы работать и осуществлять этой самой работой какой нибудь несомнѣнный нравственный идеалъ».

Очевидно, этотъ юный пахарь совершенно не понимаетъ, чѣмъ воодушевлены его противники въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ, и, кромѣ того, страдаетъ большимъ самомнѣніемъ. «Братья и сестры,—восклицаетъ онъ о себѣ:—я живу убѣжденіемъ, что я, лично я, несмотря на всю свою малость и все ничтожество, нуженъ для чего нибудь, и что безъ меня жизнь обойтись не можетъ».

По его мнѣнію, всѣ другіе дѣятели изъ культурныхъ сферъ—либо «прихвостни капитализма», либо несчастные, чувствующіе, что они не цѣльные, съ опредѣленной программой люди, а какая-то дробь человѣка. Онъ думаетъ о нихъ по своему собственному прошлому, говоря:

«Я работаю вотъ уже нѣсколько лѣтъ самъ за той же конторкой. Я пишу милліонныя цифры и чую вокругъ себя милліонные обороты, гнетущіе мое воображеніе своею громадностью. Но меня нѣтъ въ этомъ дѣлѣ, и, быть можетъ, завтра же изобрѣтутъ машину, которая великолѣпно замѣнитъ меня. Впрочемъ, быть можетъ, машинка уже изобрѣтена, и эта машинка я самъ. И эта дикая мысль начинаетъ представляться мнѣ все болѣе основательной. Вѣдь если на мое мѣсто посадить другого, чуть-чуть грамотнаго человѣка, вложить ему перо въ руки и заставить писать милліонныя цифры, то кто замѣтитъ эту перемѣну? Развѣ не будутъ попрежнему стучать колеса нашихъ фабрикъ, развѣ не будетъ попрежнему жить и дышать и волноваться, переживать кризисы, пріобрѣтать деньги—наше «грандіозное предпріятіе»? У него есть своя физіономія, своя необходимая внутренняя связь съ міромъ, у меня—человѣка—нѣтъ ни своей физіономіи, ни необходимой внутренней связи ни съ чѣмъ!... Есмь я или нѣтъ меня? Просто удивительно, съ какой жестокостью и какой послѣдовательностью жизнь ежеминутно внушаетъ мнѣ мысль о несомнѣнномъ моемъ ничтожествѣ и какъ величественно третируетъ она меня».

Конечно, сторонники культурной работы сверху разсмѣются надъ этимъ словоизверженіемъ нервнаго человѣка и охотно укажутъ ему дорогіе имъ нравственные идеалы, для торжества которыхъ они сдѣлали гораздо болѣе, чѣмъ пахари Л. Н. Толстого и народники г. Юзова для самихъ себя (см. «Основы народничества»). Обратимся дѣйствительно къ практической дѣятельности послѣднихъ и посмотримъ, на сколько она отвѣчаетъ ихъ программѣ.

Вышеупомянутый ораторъ, такъ мало выказавшій пониманья въ вопросѣ объ интеллигенціи, пишетъ о себѣ и своихъ:

«Цѣль наша—осуществить такую общину, въ которой человѣкъ

при содѣйствіи своихъ товарищей-единомышленниковъ могъ бы идти къ нравственному усовершенствованію: каждый человѣкъ въ отдѣльности, а слѣдовательно и вся община вмѣстѣ. Только этимъ путемъ, путемъ воздѣйствія на самого человѣка можно измѣнить господствующій порядокъ вещей, то-есть ту страшную рознь, существующую между людьми, ту страшную дисгармонію и неравенство въ положеніи отдѣльныхъ людей, которыя мы видимъ вокругъ себя. Община наша должна быть такова, чтобы всякій нравственно удрученный, усталый и измученный въ житейской борьбѣ человѣкъ могъ найти въ нашей средѣ пріютъ и отдыхъ; чтобы всякій юный, не установившійся еще человѣкъ, ищущій правды, любви и добра, могъ окрѣпнуть у насъ въ своихъ идеалахъ, пріобрѣсти необходимые нравственные устои на своемъ жизненномъ пути, чтобы каждый изъ насъ и всѣ мы вкупѣ могли оказывать плодотворное вліяніе и внѣ нашей общины въ смыслѣ осуществленія въ мірѣ идеи любви, правды и гармоніи.

«Какими же средствами думаемъ мы приблизиться къ намѣченной нами цѣли?..

«Однимъ изъ главныхъ средствъ мы считаемъ: 1) воспитаніе ребятъ, ибо ничто не исключаетъ въ такой мѣрѣ эгоизма, ничто не заставляетъ такъ серьезно вдумываться въ свои поступки и слова, какъ присутствіе ребятъ и желаніе воздѣйствовать на нихъ благотворнымъ образомъ, затѣмъ, 2) братская помощь участниковъ общины въ дѣлѣ правдиваго указанія на недостатки другаго; 3) артельная организація собственности и труда; 4) личный трудъ составляетъ краеугольный камень нашего общежитія. Наша производительность, въ силу прошлаго нашего воспитанія, крайне ограничена; отсюда уже вытекаетъ для насъ необходимость съ одной стороны уменьшить до крайняго минимума наши матеріальныя потребности. 5) Мы ожидаемъ отъ общины содѣйствія каждому изъ членовъ ея въ умственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ; средствами для достиженія этого являются устройство коллективныхъ чтеній, систематическое сообщеніе другъ другу прочитаннаго или даже правильное сообща изученіе какого нибудь научнаго предмета; коллективныя занятія музыкой, пѣніемъ. 6) Мы безусловно противъ всякаго насилія, противъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, клонящихся къ измѣненію существующаго строя въ обществѣ; а тѣмъ болѣе мы и противъ всякаго насилія личности въ нашей средѣ. Мы считаемъ безусловно необходимымъ ревниво оберегать индивидуальность каждаго члена нашей общины и всячески избѣгать какого бы то ни было посягательства на нее. Намѣченными нами мѣрами въ этомъ отношеніи являются: отдѣльныя индивидуальныя помѣщенія, выдѣленіе, насколько это окажется возможнымъ, въ безотчетное личное пользованіе продуктовъ труда, падающаго на долю каждаго,

возможно большее предоставленіе свободнаго времени на личныя потребности въ теченіе дня и недѣли, періодическія каникулы на болѣе продолжительное время и проч.». Нечего говорить, что намѣренія сочинителей такой общины прекрасны, и въ концѣ 1870-хъ годовъ нѣкоторые изъ нихъ перешли отъ словъ къ дѣлу. Вотъ что читаемъ мы объ одной изъ общинъ. «Одинъ изъ первыхъ основателей колоніи, человѣкъ 1860-хъ годовъ, по выходѣ изъ университета, нѣкоторое время принималъ участіе въ мастерской, организованной на артельныхъ началахъ. Однако, онъ принужденъ былъ переѣхать въ У—скую губернію, гдѣ основывается община въ числѣ 6 человѣкъ, частью изъ старыхъ участниковъ мастерской, частью изъ новыхъ (3 мужч. и 3 женщ.). Они арендуютъ землю, но съ самаго начала, обманутые относительно земли, терпятъ неудачу и рѣшаются переселиться въ П—скую губернію. Оттуда вскорѣ община рѣшила двинуться еще болѣе на югъ. Были посланы ходоки, которые нашли мѣсто, и мысль, смутно бродившая еще въ бытность ихъ въ У—ской губерніи — устроиться на Кавказѣ, послѣ многихъ мытарствъ осуществилась. Мѣсто, гдѣ поселилась интеллигентная земледѣльческая колонія, было выбрано на берегу Чернаго моря. Труды ихъ были вознаграждены, — они добыли теперь себѣ самое главное для существованія и уже въ недалекомъ будущемъ думали они видѣть переходъ отъ «производительной общины къ производительно-накопляющей». Начали вводить культуру табака и садить виноградники, увеличивать постройки и приспособлять ихъ къ новымъ потребностямъ. Все это дѣлалось своими собственными руками, такъ какъ наемный и батрачный трудъ былъ отвергнутъ. Рабочій день распредѣлялся приблизительно такъ: съ восходомъ солнца (лѣтомъ часовъ съ 4-хъ) каждый принимался за работу: мужчины въ полѣ, женщины въ домѣ. Въ восемь часовъ первый отдыхъ за завтракомъ, состоявшимъ изъ чая или ячменнаго кофе. Въ 12 часовъ обѣдъ. Пища состояла изъ овощей, молочныхъ и мучныхъ продуктовъ, яицъ, рыбы, но мяса не употребляли и то только потому, что никто изъ колонистовъ не оказался способнымъ взять на себя обязанность бить скотъ, обращаться же къ постороннимъ «не позволяли принципы колоніи». Впрочемъ, отсутствіе мясной пищи не оказывало вреднаго вліянія, напротивъ всѣ чувствовали себя хорошо, и пріѣзжавшіе люди, часто изнуренные, въ продолженіе 2—3 мѣсяцевъ становились совершенно неузнаваемыми. Однако регламентаціи на счетъ потребленія мясной пищи не было, и если бы кто пожелалъ нарушить это правило, нашелъ бы возможнымъ покупать мясо,— ему никто бы не сталъ въ этомъ препятствовать. Сонъ послѣ обѣда лѣтомъ являлся необходимымъ во время страдныхъ работъ; но зимой этой потребности не существовало.

«Вечеромъ, часовъ въ 5—6, полдничали въ полѣ, а затѣмъ рабо-

тали до конца, то-есть до заката солнца. Таковъ былъ обыкновенный порядокъ лѣтнихъ работъ.

«Надо замѣтить, что физическій трудъ при мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ не былъ очень обременителенъ вообще, а, стало быть, и для интеллигентнаго человѣка. Полевыя работы, которыя въ средней полосѣ Россіи должны заканчиваться въ три мѣсяца, въ данной мѣстности растягиваются мѣсяцевъ на шесть и болѣе, стало быть, времени вдвое болѣе и трудъ вдвое легче. Мужчины пахали, косили, жали, жали и женщины; онѣ участвовали и въ уборкѣ сѣна. Всѣ домашнія работы лежали на послѣднихъ.

«Во время лѣтнихъ работъ нельзя было и думать о какихъ либо умственныхъ занятіяхъ, но за то зимой свободное время посвящалось чтенію и музыкѣ, такъ какъ у колонистовъ были довольно цѣнная библіотека и свой рояль». Не смотря на нѣкоторые успѣхи колоніи, дефицитъ, однако, являлся аккуратно каждый годъ. Колонія получала субсидію, и это всѣхъ мучило. Наконецъ, въ 1887 году, нѣкоторые колонисты заявили, что ихъ хозяйство идетъ по обыкновенному пути остальныхъ хозяйствъ, что самая ихъ жизнь не задается идеальными цѣлями, а довольствуется лишь обиходными интересами. «Открыто и прямо заявляли они объ этомъ, а также о твердой своей рѣшимости начать новую, болѣе строгую и принципіальную жизнь. Отсюда расколъ. Одушевленныхъ высокими стремленіями оказалось только четыре человѣка. Всѣ остальные были уже утомлены упорной борьбой изъ-за куска хлѣба, прежній жаръ ихъ остылъ, и увидѣвъ передъ собой новую, еще болѣе трудную работу, новыя, еще менѣе вѣрныя усилія, они предпочли совершенно удалиться». Такимъ образомъ произошло преобразованіе общины, къ которой, вмѣсто старыхъ участниковъ, примкнуло много новыхъ. Но, спроситъ любознательный и практически настроенный читатель, какъ шло въ это время хозяйство колоніи? Въ общемъ хозяйство шло не весьма успѣшно. Съ 10-го октября 1887 года по 1-е октября 1888 года продукты, произведенные самой общиной, оцѣнивались въ 449 рублей 32 копейки. Куплено было продуктовъ на 535 рублей 51 копейку. Всего на 19 потребителей 984 рубля 83 копейки, а дефициту 535 рублей 51 копейка, то-есть больше половины! На нравственное усовершенствованіе членовъ колоніи направлены были всѣ усилія; большинство мѣръ, а также и вопросовъ относится къ этому. Предложена была коллективная публичная критика личности; это предложеніе, сначала вызвавшее къ себѣ несочувствіе, было впослѣдствіи принято и практиковалось не разъ въ продолженіе года. На первыхъ порахъ по основаніи общины было предложено однимъ изъ членовъ въ память этого событія посадить каждому по дереву и ежегодно праздновать этотъ день, пріурочивши его къ Пасхѣ. Но это предложеніе было встрѣчено враждебно и поднято на смѣхъ. Рѣ-

шено было каждый выдающійся праздникъ освящать чтеніемъ и бесѣдой въ память выдающагося дѣятеля. Передъ Пасхой, на Страстной недѣлѣ, читалось евангеліе и въ день усѣкновенія главы Іоанна Крестителя читали Иродіаду Флобера. «Впечатлѣніе получилось въ оба раза хорошее». Еще въ 1886 г. рѣшили собираться разъ въ недѣлю, но это рѣшеніе было осуществлено только въ 1887 г., когда чтенія и бесѣды происходили аккуратно, и все, происходившее на этихъ собраніяхъ, заносили въ протоколы. Кромѣ того, община установила два праздника: 1-го октября—экономическій праздникъ. Къ этому дню составлялся отчетъ экономическаго положенія колоніи за весь годъ; и второй праздникъ 1-го января, къ которому составляли отчетъ о духовной жизни. Рядомъ съ этими общими праздниками установили частныя празднованія рожденія каждаго члена, на которомъ читалась критическая совмѣстная оцѣнка его, записанная въ отдѣльный журналъ для руководства какъ самому члену, такъ и обществу въ духовномъ развитіи и ростѣ каждаго. Братское единство аскетической общины — таковъ идеалъ четверыхъ, и они дѣйствовали въ этомъ направленіи строго и неустанно. Зима въ 1887 году принесла имъ много радостей. Несомнѣнно, что это было время, когда одушевленіе овладѣло многими. Одинъ изъ братьевъ бросилъ курить, другая сестра перестала наряжаться.

«Мы собрались вечеромъ и послѣ молитвы предложили товарищамъ вопросъ: зачѣмъ держать они при себѣ свои драгоцѣнности? Вмѣсто отвѣта всѣ братья разошлись по своимъ помѣщеніямъ, и черезъ минуту на столѣ лежали часы, кольца, деньги, серьги. Все это было пожертвовано на общую пользу». Новый 1888 годъ начался хорошо; но лѣтомъ, съ пріѣздомъ новыхъ и мало подготовленныхъ членовъ въ колонію, дѣла вдругъ измѣнились. «Вновь пріѣхавшіе находили, что не довольно сдѣлано, даже пожалуй, ничего; были постоянные упреки въ безпорядкѣ и плохомъ веденіи хозяйства, обвиненія въ халатности, потому что есть капиталы за спиной, говорили, что все находится въ области благихъ пожеланій, что не ясно сформированы цѣли, не строго установлены формы жизни. Роптали и на распредѣленіе работъ. Вновь пріѣзжіе сгруппировались вмѣстѣ и составили въ родѣ партіи противъ старыхъ членовъ колоніи. «Вся работа общины,—говорили они,—сосредоточена внутри себя, безъ всякаго отношенія къ внѣшнему міру. Когда кончится такое уединеніе—неизвѣстно. Да и кончится ли когда нибудь? Вмѣсто обѣщаннаго свѣточа жизни получается какой-то монастырь. Сегодня возстають на ѣду и питье, а завтра на веселье, потомъ на одежду и т. д. Но въ этомъ направленіи можно идти безъ конца, и выхода въ дѣйствительности не предвидится». Обращаясь къ старымъ членамъ, эти пріѣзжіе говорили: «Сколько въ васъ гордости и гордости самой незаконной.

Чего добились вы, устроивши свою колонію и предаваясь ежегодно и ежеминутно самоусовершенствованію? Только права презирать другихъ, которые представляются вамъ погрязшими въ грѣхахъ. Но неужели повашему это право законно? Ваши мрачныя фигуры наводятъ уныніе, въ вашихъ рѣчахъ лицемѣрное смиреніе. Богъ съ вами, оставайтесь одни!». Колонія очевидно распадалась. Замѣтимъ лишь для интересующихся, что колонія существуетъ и поднесь, но сохранила лишь имя свое. Въ ней живутъ три-четыре семьи. Даже изъ четверыхъ центральныхъ остался лишь одинъ. На интеллигенцію колонисты совсѣмъ махнули рукой, совершенно прекратили пріемъ новыхъ членовъ, занимаются обученіемъ крестьянскихъ ребятишекъ въ школѣ и ждутъ у моря погоды. По этому образцу строятся и распадаются, кажется, и всѣ прочія колоніи интеллигентныхъ пахарей, столь презрительно всегда отзывающихся о роли интеллигенціи въ привиллегированномъ ея нынѣ положеніи. Въ книгѣ С. Н. Кривенко «На распутьи» приведены исторіи многихъ другихъ колоній по газетнымъ извѣстіямъ и разнымъ журнальнымъ статьямъ.

Такъ о колоніи въ 15—18 верстахъ отъ Харькова газеты сообщали, что члены ея суть послѣдователи Л. Н. Толстого. «Всѣхъ колонистовъ въ 1890 г. было 12 человѣкъ—9 мужчинъ и 3 женщины. Жили и одѣвались они покрестьянски; занимались хлѣбопашествомъ. У колоніи было около 50 десятинъ собственной земли. Внутреннее убранство помѣщеній было въ строго крестьянскомъ вкусѣ. Изъ имѣвшихся въ колоніи сочиненій, по словамъ «Южнаго Края», можно было встрѣтить Ренана, житія святыхъ, Евангеліе и сельскохозяйственныя сочиненія. Беллетристы были изгнаны, какъ предметъ роскоши. Одинъ изъ колонистовъ шилъ на всю колонію обувь. Черезъ два года послѣ того, какъ основалась колонія, между колонистами возникъ уже разладъ: «партія ярыхъ послѣдователей графа Толстого никакъ не могла согласиться съ другой партіей, имѣвшей свои личные взгляды». Но въ то время, къ которому относится это сообщеніе (1890 г.), «дѣло ограничивалось пока однѣми горячими бесѣдами» («Волжскій Вѣстникъ», № 291). Харьковская молодежь очень интересовалась этими спорами; нѣкоторые посѣщали колонію и принимали участіе въ дебатахъ. На практикѣ, когда общинѣ пришлось столкнуться съ заботою о средствахъ къ существованію, колонисты «сознали свое безсиліе», и община распалась. О кіевской общинѣ толстовцевъ разсказано въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ», и г. Кривенко, не смотря на явный вздоръ въ этомъ разсказѣ, «пропустить его считаетъ себя не вправѣ: мало ли есть вещей, кажущихся невѣроятными...». А между тѣмъ о кіевскихъ толстовцахъ сказано: «молодежь приняла, какъ великое, живое дѣло, слѣдующія обязательства: перестать жить личной жизнью и для этого прежде всего вытравить изъ

сердца всѣ личныя привязанности, если онѣ есть, и не допускать ихъ въ будущемъ. Всякая любовь: къ женщинѣ, къ мужчинѣ, къ роднымъ, къ друзьямъ, безусловно воспрещается. Достаточно, чтобы ученикъ приготовительнаго класса пожелалъ съѣздить къ отцу или къ матери, чтобы онъ былъ немедленно исключенъ изъ этого класса... Ученики обязаны исповѣдоваться другъ передъ другомъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, чтобы всегда можно было опредѣлить: не таится ли въ завѣтномъ уголкѣ сердца какая нибудь личная привязанность. Безусловно запрещаются: музыка, театръ и вообще всякое удовольствіе. Всѣ люди, кромѣ учениковъ приготовительнаго класса, считаются пѣшками, стадомъ; общеніе съ ними допускается только «продуктивное», т.-е. съ цѣлью привлеченія кого нибудь въ приготовительный классъ».

Однако же, если эти молодые люди исповѣдуютъ подобные взгляды, то зачѣмъ же ихъ называть «толстовцами»? Никогда и нигдѣ Левъ Николаевичъ не предлагалъ «исключеніе» изъ общины людей, любящихъ своихъ родныхъ, друзей и т. д., но весьма возможно, что онъ цитировалъ неоднократно евангелиста Матѳея: «кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь» (глава 12, § 50). Съ такимъ же точно довѣріемъ къ газетамъ г. Кривенко разсказываетъ, со словъ «Смоленскаго Вѣстника», исторію мѣстной Шавѣевской колоніи, когда «колонисты взяли къ себѣ на воспитаніе въ сосѣднемъ городѣ уличнаго мальчишку, Петьку, лѣтъ 13. Не имѣя близкихъ родныхъ, онъ бродилъ по городу, попрошайничалъ и, къ сожалѣнію, рано познакомился со многими пороками; но былъ мальчикъ впечатлительный, способный и смѣлый.

«Вотъ видитъ онъ, что зипунишка на немъ сталъ разваливаться, а на толстовцахъ пиджаки и поддевки все здоровые; всталъ утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевочку по росту и надѣлъ, а зипунишко свой забросилъ. Проснулись и видятъ этотъ случай. Хозяинъ поддевки обращается къ мальчишкѣ:

— «Ты зачѣмъ надѣлъ мою поддевку?

— «Потому, что моя развалилась, а твоя мнѣ понравилась.

— «Ну, ну, скидавай! Что бобы-то разводить.

— «Зачѣмъ я буду скидавать? Эта поддевка моя.

— «Скидавай, говорятъ тебѣ! А то самъ сниму.

— «Ну-ка, попробуй! Что-жъ, ты вѣру свою хочешь смѣнять? Сказано: злому не противься.

«Впечатлѣніе получилось довольно сильное: нѣкоторые искренно разсмѣялись, другіе серьезно и вдумчиво вперили свои взоры въ оригинальнаго мальчика; хозяинъ поддевки не зналъ, что дѣлать, стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ казусомъ.

— «Ну, ну, Петька, довольно шутить; мнѣ на работу нужно идти,—сказалъ онъ.

— «Какія тутъ шутки! Вотъ еще что выдумалъ! Сказано: не дамъ. А если станешь снимать, такъ и тресну! Что ты мнѣ сдѣлаешь? Драться тебѣ нельзя...

«Женщины возмутились и стали читать мальчику нотаціи:

— «Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя пріютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это ругаешься, да еще и бить хочешь; неужели у тебя стыда нѣтъ никакого.

— «Эка, чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому вѣра ваша такая... То-то! Говорите одно, а дѣлаете другое: поддевки жалко стало. Сказано: не отдамъ»...

Весьма сомнительно, чтобы деревенскій мальчикъ такъ отлично усвоилъ ученіе о непротивленіи злу силой и могъ такъ побѣдоносно эксплуатировать его. Не менѣе подлежитъ сомнѣнію, на нашъ взглядъ, и конецъ Шавѣевской колоніи, разсказанный въ газетѣ и повторенный г. Кривенко. «Крестьяне сосѣдней деревни Машина, какъ только узнали, что хозяинъ Шавѣевскаго хутора ушелъ, бросилъ его, не скоро возвратится, а, можетъ, и совсѣмъ откажется отъ земли («потому у нихъ вѣра такая: ежели что касательно души — ничѣмъ не подорожатъ»), такъ и потянулись въ Шавѣево просить дровъ, лѣсу, старыхъ колесъ, саней, денегъ, одежды. Одна баба просила на похороны дочери, которая и не думала умирать; другіе изобрѣтали другія нужды. Помогать было нечѣмъ, потому что колонисты сами нуждались; приходилось отдавать необходимое. Стали обсуждать вопросъ о благотворительности, т.-е. помогать или нѣтъ, а, пока шло это обсужденіе, число просителей не уменьшалось. Одинъ, выпросивъ, напримѣръ, сѣделку, уходилъ, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же отворялись двери, и опять слышалось: «сдѣлайте божескую милость»... Назойливость этихъ просителей ускорила отъѣздъ еще двухъ колонистовъ. Колонисты положительно не знали, что дѣлать: и помогать-то хотѣлось, и «приводилъ въ смущеніе видимый нападъ просителей». Нѣкоторые стали прятаться, избѣгать встрѣчи съ крестьянами, но тѣ словно охотились на нихъ, какъ на дичь, выслѣживали ихъ, розыскивали въ хатахъ, на гумнѣ и снова запѣвали: «сдѣлайте божескую милость, не откажите»... Что-то недоброе, зловѣщее слышалось въ этомъ систематическомъ хныканьѣ и завываньѣ просителей. Нѣкоторыя просьбы были такъ назойливы, что казались колонистамъ «издѣвательствомъ надъ святымъ принципомъ ученія, и это глубоко огорчало ихъ». Когда же вновь прибывшій въ Шавѣево, нѣкто Б., имѣлъ мужество объявить, что помогать нечѣмъ, и что благотвореніе прекращается, то вышло слѣдующее: машинцы разломали замокъ на дверяхъ въ библіотеку и сдѣлали тщательный обыскъ въ письменномъ столѣ. Искали, по всѣмъ признакамъ, денегъ, такъ какъ среди крестьянъ ходила молва, что въ Шавѣевѣ запрятана неисчислимая казна».

Подобное происшествіе г. Кривенко ставитъ въ причинную связь съ ученіемъ о непротивленіи злу, говоря, что «никто не пробовалъ посмотрѣть, какого рода могли бы быть послѣдствія, когда одна часть человѣчества вполнѣ прониклась бы ученіемъ гр. Толстого, а другая, напротивъ, осталась бы совершенно глухою къ этикѣ «непротивленцевъ» и не обращала бы рѣшительно никакого вниманія на ихъ доводы и мольбы. Не привело ли бы это къ господству Петекъ и зулусовъ, о которыхъ когда-то говорилъ гр. Толстой, къ господству низшихъ расъ и натуръ надъ высшими, къ развитію дурныхъ инстинктовъ и сторонъ человѣческой природы, къ измѣненію въ этомъ смыслѣ естественнаго подбора и истребленію и вымиранію лучшей части человѣчества?»

Въ томъ и дѣло, что самаго подобнаго условія не можетъ быть въ жизни, и, наконецъ, развѣ нѣкоторыя американскія секты и наши молокане, менонниты, штундисты и др. не исповѣдуютъ ученія о борьбѣ со зломъ любовью и прощеніемъ? Однако, они не боятся господства низшихъ расъ и, если претерпѣваютъ за свои убѣжденія, то вѣдь сторонники Бисмарка также пребываютъ не въ меньшей безопасности. Съ ученіемъ о борьбѣ со зломъ лучшими сторонами нашей природы, разумѣется, связанъ блестящій прогрессъ. Одинъ изъ такихъ сторонниковъ писалъ въ общину: «главное же—ведите непрестанно борьбу съ самими собою и не вините никогда брата своего; если я враждую съ ближнимъ своимъ, то всегда я виноватъ, и если бы всѣ люди сознали это, то не было бы мѣста въ мірѣ враждѣ и всякимъ утѣсненіямъ ближняго». Да, если бы, да кабы...

Подобное возраженіе со стороны г. Кривенки ничего собой не представляетъ и его очень странно слышать въ устахъ литератора. Счастье на землѣ, конечно, даромъ не дается, и каждый человѣкъ теряетъ его наиболѣе тогда, когда во враждѣ съ ближними обвиняетъ другихъ, а себя выгораживаетъ. Между тѣмъ всякое несчастіе легче переносится, если человѣкъ обвинитъ въ немъ себя самого. Будетъ васъ чернить любимая женщина изъ-за весьма понятнаго желанія оправдать свою измѣну,—вы виновны тѣмъ, что любили эту женщину и не находили въ себѣ характера во время разстаться съ нею; еще болѣе виновны тѣмъ, что рѣшились защищаться отъ клеветы съ именемъ женщины на устахъ и не пожелали спрятать его отъ суда пошлой толпы. Подрался человѣкъ съ пустымъ пріятелемъ изъ-за пустого разговора и, вмѣсто того, чтобы кричать о дуэли, слѣдуетъ прежде всего винить себя и за пустой разговоръ, и за пустого пріятеля. Удивительно помогаетъ человѣку въ горѣ самоосужденіе и отсюда снисходительность къ врагамъ. Разумѣется, подобные взгляды отлично воспитываютъ человѣка и возражать на нихъ рѣшительно нечего. Это ученіе нисколько не исключаетъ значенія благодѣтельныхъ реформъ и обще-

ственныхъ учрежденій. Слабая сторона всѣхъ колонистовъ иная, и г. Кривенко подробно объ этомъ говоритъ. «Много было словъ и мало дѣла въ Шавѣевѣ. Живой, плодотворной и одушевляющей дѣятельности не замѣчалось. По странной ироніи судьбы, чѣмъ больше было толковъ о духѣ, тѣмъ животная и растительная жизнь выдвигалась сильнѣе на первый планъ: ѣли, сидѣли, бродили, спали, немного работали или «много суетились по поводу работы». Затѣмъ возникъ вопросъ о бракѣ.

«Странныя создавались положенія: одинъ изъ «самыхъ убѣжденныхъ» толстовцевъ по части безбрачія рѣшилъ жениться; другой, разошедшійся съ женой ради общины, опять съ нею сошелся и уѣхалъ изъ Шавѣева; даже самъ основатель колоніи, не смотря на то, что держалъ себя «съ выдающимся тактомъ», внушалъ подозрѣнія, тогда какъ послѣднія не должны были бы имѣть мѣста въ большей еще степени, чѣмъ относительно жены Цезаря. Женщины увлекались духовными качествами своего учителя, его вдохновенной рѣчью, умомъ и т. п.; въ началѣ онѣ, повидимому, ухаживали за нимъ, какъ сестры за любимымъ братомъ; но когда между ними установились натянутыя отношенія, когда среди сестеръ этихъ заговорила ревность, и пошли капризы и перебранки, тогда стало ясно, что «эпизодъ этотъ не можетъ быть отнесенъ къ области духовной».

«Къ этому присоединился еще вопросъ о хлѣбѣ насущномъ: цѣлое лѣто въ колоніи жило около 20 толстовцевъ, которые работали, но хлѣба было наработано такъ мало, что къ октябрю весь урожай новаго года былъ почти уже съѣденъ; оставался только одинъ мѣшокъ муки да часть необмолоченнаго еще хлѣба, который надо было молотить, а работа не шла на умъ».

Вотъ этихъ причинъ совершенно достаточно для того, чтобы такіе люди бѣжали изъ колоніи на службу, и достигали почетнаго гражданства болѣе примѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Теоретическое ихъ ученіе о земледѣльческомъ трудѣ, о личной праведности, объ уничтоженіи вражды и насилія и т. д. тѣмъ устойчивѣе, чѣмъ болѣе напоминаетъ Л. Н. Толстаго, и, конечно, его нельзя опровергнуть презрительными кличками: «культурные скиты», «замкнутое общежитіе съ мистическимъ характеромъ», «самоистязатели съ логикой скопцевъ» и т. д. Какъ ни сильна аргументація интеллигентовъ, стремящихся для общественнаго блага въ правящія сферы и смотрящихъ на народъ, какъ на безпомощную и неподвижную массу, однако и «толстовцы» имѣютъ не мало данныхъ сказать: дѣлаясь чернорабочимъ, интеллигентный человѣкъ не погибаетъ для исторіи. Правящія сферы обыкновенно выражаютъ собою внутреннія культурныя силы страны, т. е. ея настроеніе и характеръ; интеллигентный землепашецъ и рабочій — наилучшая изъ культурныхъ силъ, и нѣтъ никакого мистицизма

въ стремленіи къ такому положенію. Одни хотятъ сидѣть въ числѣ рыцарей за круглымъ столомъ у Карла Великаго, а другіе находятъ удовольствіе и видятъ пользу въ томъ, чтобы жить съ простыми людьми, внося въ простую среду свое высокое настроеніе и истинно христіанскій духъ. По крайней мѣрѣ намѣренія у послѣднихъ должны быть таковы.

Посмотримъ на дѣло еще проще: если интеллигентный человѣкъ идетъ миссіонеромъ къ дикарямъ, хочетъ жить съ ними, не раздѣляя только ихъ суевѣрія, то охотно вѣрится, что такой миссіонеръ сообщитъ окружающей его средѣ свое настроеніе и найдетъ себѣ послѣдователей. Никто его не упрекаетъ существующимъ въ мірѣ «раздѣленіемъ труда», дѣленіемъ самого человѣчества на «большинство», сохраняющее жизнь, и «меньшинство», улучшающее эту жизнь и пользующееся своимъ отличіемъ въ полной мѣрѣ и т. д. Толстовцы въ нашемъ крестьянствѣ—тѣ же миссіонеры по своимъ намѣреніямъ и ученію. Ихъ несостоятельность чисто практическаго свойства, и съ этой стороны они достойны полнаго осужденія. Но критиковать ихъ ученіе по существу едва ли возможно. Множество людей желаютъ играть роль въ судьбахъ Россіи и стремятся для этого на ступени общественной лѣстницы, а между тѣмъ нигдѣ личность не лишена значенія въ такой степени, какъ въ бюрократической странѣ, и нигдѣ люди такъ сильно не заражены мечтами о государственной карьерѣ, какъ у насъ. Вотъ почему желаніе нѣкоторыхъ лицъ сохранить свою душу въ чистотѣ независимо отъ служебнаго и общественнаго положенія и привлечь къ себѣ темную и также неслужебную массу—слѣдуетъ признать благороднымъ желаніемъ и вполнѣ осуществимымъ, если имъ проникнутся зрѣлые, практически умѣлые и пригодные къ экономической жизни народа люди. Вѣдь въ жизни этихъ людей среди народа бросается только ихъ практическая неумѣлость, отсутствіе характера и сельско-хозяйственныхъ познаній, а г. Кривенко, и болѣе талантливо и глубоко, Вл. Соловьевъ возражаютъ противъ ихъ умственнаго идеала, совершенно христіанскаго и всѣми чтимаго, именно потому, что этотъ идеалъ нуженъ и «большинству», и «меньшинству». Толстовцы хотятъ внести его въ среду народа черезъ непосредственную съ нимъ близость по образу жизни, и слѣдуетъ только желать, чтобы они были годны къ этому образу жизни. Самъ по себѣ этотъ образъ жизни не менѣе почтененъ, чѣмъ и жизнь «меньшинства»; но до сихъ поръ тѣ и другіе между собой отличались чувствами и міросозерцаніемъ. Христіанство можетъ объединить ихъ и само по себѣ выдержать любую критику. А несомнѣнно, что наши колонисты проникнуты имъ и хотятъ внести въ народъ именно это ученіе. Вл. Соловьевъ неоднократно жаловался въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ на недостатокъ проникновенія чистаго христіанства въ государственную жизнь и учрежденія;

что оно является отвлеченнымъ догматомъ, лишеннымъ общественности. Но въ то же время Соловьевъ, кажется, не допускаетъ мысли, чтобы частные люди могли внести это ученіе въ народную среду при нынѣшнихъ ея условіяхъ, поселяясь въ ней, а не воздѣйствуя на нее изъ культурныхъ и правящихъ сферъ. Христіанство, по его мнѣнію, придетъ сверху, изъ «меньшинства», а не совмѣстно съ народомъ за одной и той же съ нимъ работой и отдыхомъ. Съ своей стороны, мы будемъ желать и перваго, и втораго. Интеллигентный чернорабочій, а тѣмъ болѣе колонія ихъ, найдутъ общеніе съ міромъ не въ кулачныхъ бояхъ, орлянкѣ и картахъ, но исключительно въ желаніи свѣтить своимъ внутреннимъ свѣтомъ тѣмъ, у кого на душѣ темно и кто идетъ на этотъ свѣтъ. Толстовцы (и народопоклонники-упростители) не долго выносятъ высокій строй своей души, и силы покидаютъ ихъ; но называть ихъ стремленіе къ новымъ основамъ будущаго строя мистицизмомъ и скопчествомъ значитъ разсуждать объ этомъ, какъ Л. Тихомировъ въ брошюрѣ «Борьба вѣка», гдѣ онъ называетъ «толстоизмъ»—психологическимъ заблужденіемъ, болѣе вреднымъ, чѣмъ всякое иное отрицаніе «стараго міра». Конечно, многимъ «толстоизмъ» оказался не по силамъ, и люди съ наслѣдіемъ прошлаго скоро отъ него отказываются; но ихъ до сихъ поръ практическія неудачи нисколько не роняютъ значеніе идеала. Можетъ быть, эти «неудачники» одни только и являются проводниками въ жизнь новаго идеала. Они освѣщаютъ своими неудачами путь, которымъ сами шли и заставляютъ постороннихъ зрителей видѣть ихъ ошибки, и избѣгать ихъ.

II.

Гораздо легче работать въ народѣ интеллигентнымъ людямъ въ привиллегированномъ положеніи: учителямъ, врачамъ, адвокатамъ, агрономамъ, фельдшерицамъ и просвѣщенному помѣщику. Тѣмъ не менѣе, исторія этихъ въ сущности ординарныхъ и не отличающихся отъ остальнаго общества по міросозерцанію людей также любопытна для характеристики разныхъ направленій. Начнемъ съ А. Н. Энгельгардта. Что такое былъ у себя въ имѣніи этотъ профессоръ химіи въ красной рубахѣ, вѣчно навеселѣ, съ циническими анекдотами передъ молодежью о женщинахъ, съ презрѣніемъ къ Л. Н. Толстому и огромнымъ умѣньемъ пользоваться въ хозяйствѣ наукой «по времени и по мѣсту»? Что такое его призывъ молодежи въ деревню «работать, ѣсть и спать», чтобы, пріучивъ себя къ этому режиму, образовать изъ себя интеллигентный поселокъ на артельныхъ началахъ (см. о «Буковскомъ поселкѣ» близъ Энгельгардта у А. Мертваго: «Не по торному пути», стр. 185—192), и, наконецъ, его собственная дѣятельность, по вопросу о разработкѣ

пустошей и примѣненіи фосфоритовъ въ сѣверной Россіи? Трудно себѣ представить болѣе легальную дѣятельность, и однако отъ постояннаго колокольчика становыхъ и урядниковъ Энгельгардтъ окончательно запилъ и спился, въ чемъ признается самъ въ «Письмахъ изъ деревни». Подозрительность къ культурному человѣку, живущему въ деревнѣ не по обычному шаблону, такъ велика, что постоянно отравляетъ жизнь послѣднему. Въ книгѣ г. Кривенки мы найдемъ массу тому примѣровъ. Прежній издатель-редакторъ «Биржевого Листка» А. И. Миропольскій купилъ около Казани землю и устроилъ хуторъ, желая быть полезнымъ окрестному населенію. Ни съ того—ни съ сего, а просто вслѣдствіе новизны работающаго на землѣ интеллигента, пріѣхала къ Миропольскому полиція, и послѣ обыска между крестьянами онъ прослылъ фальшивымъ монетчикомъ. Самыя существенныя отношенія земледѣльца къ его сосѣдямъ нарушились.

Образовался въ одномъ городѣ кружокъ лицъ сначала для самообразованія, а затѣмъ зашла рѣчь объ устройствѣ общаго хутора и, какъ говоритъ Кривенко, сейчасъ же было рѣшено, что кружокъ составляетъ какую-то шайку, какое-то развѣтвленіе, и онъ долженъ былъ распасться. Гораздо болѣе трагична судьба валдайскаго помѣщика В. П. Гецевича, ходатая по крестьянскимъ дѣламъ, жизнь котораго, по словамъ «Недѣли», — «цѣлая эпопея страданій». Его ложно обвиняли, сажали въ тюрьму, били, судили и всякій разъ оправдывали, а онъ все-таки продолжалъ составлять протоколы о фальшивыхъ вѣсахъ у мѣстныхъ воротилъ, о захватѣ ими крестьянской земли и т. д. Учителя тоже претерпѣвали. Три года тому назадъ въ Старицкомъ уѣздѣ волостной старшина устроилъ такъ, что волостной судъ приговорилъ одного учителя грамотности къ наказанію 5 розгами.

«Въ с. Воротынцевѣ, Новосильскаго уѣзда, сельскій староста, предсѣдатель волостного суда и другія должностныя лица, будучи въ нетрезвомъ видѣ, идутъ въ часъ ночи прогуляться въ сельское училище, гдѣ находится и квартира учителя. На вопросъ проснувшагося учителя, что имъ надо, отвѣчаютъ, что они хозяева училища и могутъ во всякое время туда ходить, что если онъ добровольно не впуститъ ихъ, то они выломаютъ дверь и побьютъ его. Просьба учителя не пугать его семьи остается тщетной, дверь трещитъ, а когда онъ подчиняется требованіямъ и впускаетъ ихъ, то бьютъ его и окровавленнаго втаскиваютъ въ комнату къ рыдающей женѣ и дѣтямъ. Въ с. Крестахъ, Черноярскаго уѣзда, урядникъ Ероѳеевъ, подъ вліяніемъ чувства ревности, придирается къ сельскому учителю Исакову за папироску и приказываетъ десятскимъ взять его и посадить въ арестантскую, что̀ и было исполнено. Хотя астраханская судебная палата и приговорила Ероѳеева къ трехнедѣльному аресту съ отрѣшеніемъ отъ должности, но учитель въ

арестантской все-таки посидѣлъ, а затѣмъ также былъ отрѣшенъ отъ должности». Въ одномъ изъ селъ занимается въ школѣ г-жа Симонова. «Живетъ она уединенно, къ кулакамъ на поклонъ не ходитъ, а знается лишь съ семействами двухъ батюшекъ, которые даютъ о дѣвушкѣ лучшія аттестаціи. Г-жа Симонова хороша собою, и вотъ за ней начинаетъ пріударять писарь. Когда дѣвушка «осадила деревенскаго льва», онъ сталъ ей мстить разными путями и хвастаться, что «выживетъ» ее изъ села. Однажды учительница приходитъ за полученіемъ жалованья. Въ волостномъ правленіи засѣдаетъ весь сельскій олимпъ: старшина, писарь, помощникъ его и урядникъ.—На что вамъ деньги?—галантно спрашиваетъ писарь.—«Платокъ купить».—А развѣ въ городѣ мало молоденькихъ офицеровъ?.. Симонова ушла. Тогда писарь и урядникъ задумываютъ вѣрное средство выжить гордячку: послать на нее доносъ въ политической неблагонадежности».

Такіе примѣры можно найти почти въ каждомъ номерѣ газетъ, а г. Линевъ (Далинъ) собралъ ихъ между прочимъ даже въ одну книгу и издалъ подъ заглавіемъ «Не сказки». Во всякомъ случаѣ эти примѣры съ внѣшней стороны характеризуютъ положеніе культурныхъ людей въ деревнѣ; но они болѣе или менѣе исключительны, и на самоуправство есть все-таки судъ. Гораздо интереснѣе положеніе культурныхъ людей въ деревнѣ по существу, когда никто не самоуправствуетъ, и жаловаться можно только на самого себя. Мы говоримъ объ интеллигентныхъ людяхъ, борющихся въ деревнѣ съ невѣжествомъ и побѣждающихъ это невѣжество. Но является вопросъ, и въ немъ все дѣло: при какихъ условіяхъ эти люди жили и побѣдоносно боролись; многіе ли въ силахъ вынести подобную жизнь, и въ правѣ ли мы требовать непремѣнно отъ сельскихъ учительницъ и фельдшерицъ благороднаго фанатизма и аскетизма, когда всѣ другіе дѣятели живутъ во всю и первые же смѣются надъ «личной праведностью» этихъ «подвижниковъ»?

«Я,—говоритъ г. Кривенко,—видѣлъ, напримѣръ, на Кавказѣ одного такого учителя, который лѣтомъ ходилъ на заработки и работалъ, какъ чернорабочій, а на зиму уходилъ въ станицы, жилъ на заработанныя деньги и училъ дѣтей даромъ. О подобныхъ же двухъ учительницахъ писали въ «Недѣлю» изъ Смоленской губерніи. Въ статьѣ «Интеллигентная женщина въ деревнѣ» читаемъ: «Въ деревнѣ Приселье, Духовщинскаго уѣзда, вотъ уже 7 лѣтъ безвозмездно обучаетъ крестьянскихъ дѣтей интеллигентная женщина. Ея любовь къ дѣлу и энергія по распространенію грамотности представляетъ собою нѣчто выдающееся... Она нанимаетъ для школы грамотности хату, за которую ежегодно платитъ изъ своихъ средствъ по 30 рублей, покупаетъ для дѣтей книги, бумагу, грифельныя доски и проч., а средства и на этотъ предметъ, и на прокормленіе себя даетъ ей урокъ у сосѣдняго помѣщика Н. З—ло. Ежедневно, по

окончаніи занятій съ крестьянскими дѣтьми, она ѣдетъ на своей наемной лошади (платитъ 5 рублей въ мѣсяцъ) къ помѣщику давать урокъ его дѣтямъ. Ни дожди, ни метели не останавливаютъ этой поѣздки. Все, что она зарабатываетъ у помѣщика, за вычетомъ на свое болѣе чѣмъ скромное содержаніе, отдается ею школѣ грамотности» (№ 47, 1890 г.). Школа поставлена прекрасно. Инспекторъ народныхъ училищъ далъ о ней слѣдующій отзывъ: «я рѣдко встрѣчалъ такое осмысленное и успѣшное занятіе съ дѣтьми, но болѣе всего меня пріятно удивило отношеніе дѣтей къ учительницѣ: они ее любятъ, какъ мать родную, каждый изъ нихъ старается угодить ей, не раздосадовать ее». Авторъ статьи читалъ дѣтскія письма къ этой учительницѣ, когда она лѣтомъ уѣзжала изъ деревни къ своимъ роднымъ, и приводитъ изъ нихъ выдержки: «Скоро ли ты пріѣдешь къ намъ, дорогая В. Н—а? Мы безъ тебя соскучились»,—пишетъ, напримѣръ, одинъ мальчуганъ. Затѣмъ, онъ приводитъ факты, какъ уважительно относятся къ этой учительницѣ и взрослые крестьяне, и указываетъ еще на другую такую же дѣвушку, которая неподалеку въ той же мѣстности уже четыре года живетъ въ одной деревушкѣ близъ Днѣпра и обучаетъ дѣтей буквально за одинъ кусокъ хлѣба: «дочь почтеннаго смоленскаго помѣщика К—ва, она получила хорошее образованіе и имѣла полную возможность жить обезпеченною жизнью и выйти замужъ, но разсудила иначе: сняла съ себя дорогіе наряды и пошла въ деревню учить дѣтей грамотѣ. Живетъ она въ курной хатѣ, питается обыкновенной крестьянской пищей, нерѣдко угораетъ, переноситъ не мало лишеній, и все это для того, чтобы внести свѣтъ знанія и правды въ темную деревенскую среду». Авторъ добавляетъ, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей называютъ дѣятельность этой дѣвушки «нравственнымъ юродствомъ», а мужики, наоборотъ, говорятъ: «пошли ей Богъ здоровья». Въ той же «Недѣлѣ» въ статьѣ «Высокоцѣнные труженики» говорится о 17-ти-лѣтней дѣвушкѣ, пріѣхавшей учительницей въ одну изъ деревенскихъ школъ Полтавской губерніи на жалованье 16 р. 66³/₄ коп. въ мѣсяцъ. У мѣстнаго земскаго врача она подучилась элементарнымъ познаніямъ въ медицинѣ и очень скоро сдѣлалась дорогà и старымъ, и малымъ.

«Съ первыхъ же лѣтъ учительской дѣятельности молодая дѣвушка, по общимъ отзывамъ официіальныхъ и неофиціальныхъ лицъ, стала рядомъ съ лучшими учителями уѣзда, по успѣху своихъ учениковъ; но, не довольствуясь обыкновенными занятіями, она ежегодно находила среди учениковъ такихъ, которыхъ можно было подвинуть дальше, и вмѣсто лѣтняго отдыха посвящала каникулы имъ, не беря, разумѣется, за это ничего. Къ дѣтямъ учительница относилась очень хорошо. «Нерѣдко въ суровые осенніе дни можно было видѣть въ открытомъ полѣ какого нибудь сиротку или бѣдняка-ребенка, заботливо закутаннаго въ женскую

теплую шапку и кофту—это было дѣломъ учительницы. Стоило зимою прійти въ школу какому нибудь ребенку легко одѣтымъ,—и онъ отпускался закутаннымъ въ платокъ... Заболѣвалъ внезапно кто нибудь изъ учениковъ—она клала его въ свою комнату, ухаживала за нимъ и отпускала только при явной безопасности. Сотни разъ рисковала она заразиться отъ больныхъ дѣтей разными сыпями, оспою, дифтеритомъ, тифами, трахомою, но это ее нисколько не страшило, и она храбро шла къ больному, лѣзла къ нему на печь, смазывала его, чѣмъ нужно, обмывала, ободряла, утѣшала», и, только придя въ свои четыре стѣны, чувствовала себя разбитою отъ физической невозможности однѣми своими силами удовлетворять всю массу деревенскихъ нуждъ и потребностей. За то и крестьяне любили и почитали свою учительшу: затѣвалась ли свадьба, устраивались ли поминки, праздновалось ли новоселье,—отовсюду шли приглашенія. Шла она ко всѣмъ, «не различая богатыхъ отъ бѣдныхъ». Вездѣ она была желаннымъ гостемъ. Вездѣ ей повѣрялись семейныя тайны; всѣ спрашивали ея совѣтовъ. Всѣ возрасты были къ ней привязаны, но особенно льнули дѣвушки: «видѣть учительницу свѣтилкою у себя на свадьбѣ считалось самою большою честью». Мало-по-малу за семь лѣтъ крестьяне такъ привыкли къ своей учительницѣ, что стали считать ее какою-то непремѣнною принадлежностью своей жизни. Не менѣе интересенъ и учитель-офеня, разносящій въ каникулярное время книги, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ учителей Шептовской волости, Бѣльскаго уѣзда. Задумавъ распространять между крестьянами дѣльныя книги тѣмъ же путемъ, какъ это дѣлаютъ офени, онъ, запасшись книжками и картинами, ничего общаго съ изданіями Никольскаго рынка не имѣющими, выхлопоталъ разрѣшеніе и ходитъ лѣтомъ въ свободное отъ занятій время съ коробомъ на плечахъ изъ села въ село, особенно, гдѣ бываютъ храмовые праздники, и распродаетъ свой товаръ. «Смоленскій Вѣстникъ» говоритъ, что торговля идетъ бойко, и что раскупаются не только мелкія изданія, но и такія, напримѣръ, которыя стоятъ 60 коп. Мы слышали о другомъ такомъ же учителѣ въ Оренбургской губерніи».

Въ книгѣ г. Кривенки не мало проходитъ передъ читателемъ подобныхъ народолюбцевъ; но что же они собою свидѣтельствуютъ? Правда, между ними и низшей мѣстной администраціей не возникаетъ никакихъ недоразумѣній, а, напротивъ, они пользуются всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Но каковы другія условія ихъ дѣятельности? Много ли найдется любящихъ отцовъ, которые благословятъ дочь или сына на подобное подвижничество, требующее положительно миссіонерскаго характера и такихъ же лишеній. Это вѣдь, право, немногимъ легче жизни интеллигентныхъ пахарей въ колоніяхъ, по ученію Л. Н. Толстого. Либо урядникъ и пораженіе, либо черный хлѣбъ и побѣда!

Остается еще третій разрядъ людей обыкновеннаго міросозерцанія, но также близкихъ къ народу и преуспѣвающихъ среди него безъ политическихъ недоразумѣній, матеріально обезпеченныхъ и не прерывающихъ связи съ правящими классами въ городахъ и столицѣ. Эти люди, кажется, только одни и въ состояніи жить въ народѣ и разливать вокругъ него свѣтъ, не причисляя себя къ мученикамъ и героямъ по призванію. Они тѣмъ-то и интересны! Не всѣмъ же быть героями по призванію, но многіе хотѣли бы жить среди темнаго народа и быть ему полезными. При какихъ же условіяхъ это было до сихъ поръ осуществимо?

«Покойный Энгельгардтъ указывалъ еще корреспонденту «Новаго Времени», г. Шарапову, на дѣятельность своего племянника, В. П. Энгельгардта, хозяйничающаго на границѣ Духовщинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ.

«Если вы хотите посмотрѣть русскую культуру, — говорилъ онъ, — совѣтую съѣздить къ нему. Это замѣчательно энергичный человѣкъ и горячо преслѣдуетъ одну цѣль: поднять благосостояніе окружающихъ крестьянъ. И дѣйствительно результаты поразительные. Въ прошломъ (1893) году изъ его околотка было отправлено въ голодающія губерніи что-то двадцать или тридцать вагоновъ хлѣба. Это изъ Духовщинскаго-то уѣзда, гдѣ при крѣпостномъ правѣ была вопіющая бѣдность! Вотъ какъ онъ дѣйствуетъ: чуть услышитъ, что продается гдѣ нибудь имѣніе или земля изъ-подъ лѣса, сейчасъ же онъ покупаетъ. Затѣмъ идутъ соображенія: какимъ крестьянамъ изъ окружающихъ деревень нужна земля, и какъ они съ ней могутъ устроиться? В. П. Энгельгардтъ разбиваетъ имѣніе на участки, иногда часть оставляетъ за собой и распредѣляетъ между крестьянами. Онъ предводитель дворянства, слѣдовательно, ему легко устроить дѣло въ крестьянскомъ банкѣ; за доплату ему работаютъ тѣ же крестьяне, онъ же помогаетъ имъ и устроиться, и начать хозяйство. Клеверъ, плуги могутъ покупать у него, хлѣбъ продать ему и т. д. И при этомъ онъ дѣйствуетъ безъ всякой филантропіи, а строго-экономически, оставляя себѣ небольшой заработокъ. Помѣстье его — это цѣлый городъ. Все продается, все покупается. Дѣятельность его простирается на огромный районъ, и во всемъ районѣ замѣчательно поднялось и хозяйство, и благосостояніе».

Въ этомъ же родѣ и помѣщикъ Корчевскаго уѣзда, Тверской губерніи, И. Н. Мамонтовъ, который, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «поставилъ свое хозяйство такимъ образомъ, что оно является и школою, и подспорьемъ для сосѣдняго крестьянства. Усадьба г. Мамонтова представляетъ собой нѣчто въ родѣ «промышленнаго городка». Кромѣ дома и хозяйственныхъ службъ, тамъ есть обширное механическое учрежденіе, называемое крестьянами «заводомъ», гдѣ, помимо паровика и маслобоекъ, работаютъ

еще, при помощи пара, слѣдующія машины: сортировка, вѣялка, съ приспособленнымъ къ ней элеваторомъ, трещотки для очистки льняного сѣмени, зерносушилка, костоломка для приготовленія костяного удобренія, лѣсопилка (круглая пила), аппаратъ для вытяжки мучной пыли изъ мельницы, паровой котелъ для распариванія костей и выдѣленія изъ нихъ жира, паровой насосъ, сверло для слесарей, разные элеваторы, точила и проч. Пользованіе всѣми этими приспособленіями доступно крестьянамъ за самую ничтожную плату. Особое зданіе занято мастерскими: слесарною, кузнечною, бондарною и колесною. Заказы крестьянъ исполняются старательно и дешево. Тутъ же помѣщаются двѣ лавки и чайная. Поставивъ себѣ задачею не отказывать крестьянамъ ни въ чемъ, оказывая имъ даже всевозможныя льготы по пріобрѣтенію породистаго скота, доброкачественныхъ сѣмянъ, усовершенствованныхъ орудій, удобреній и проч., помѣстье имѣетъ баснословно обширную кліентуру; поэтому, пользуясь въ отдѣльности ничтожнымъ барышомъ, оно имѣетъ въ общемъ «очень солидный заработокъ». Мѣстное крестьянство оцѣнило заботливость о немъ г. Мамонтова и называетъ его помѣстье «крестьянской утѣхой».

Всѣмъ извѣстна также и педагогическая дѣятельность Л. Н. Толстого въ «Ясной Полянѣ» Тульской губерніи и по продовольственному дѣлу (устройство столовыхъ) въ голодные годы; такая же дѣятельность барона Корфа въ Екатеринославской губерніи, Ровинскаго—въ Смоленской; Верещагина (по сыроваренію) въ Тверской; княгини М. А. Урусовой (школа пряденья и тканья) въ Сычевскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; графини Капнистъ (по гончарному кустарничеству) въ Лебедянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи; княгини Шаховской (ткачество) въ Пензенской губерніи; С. А. Давыдовой (по кустарнымъ промысламъ); В. А. Долгово-Добровольской (тканье) и А. А. Штевенъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, по устройству ею многочисленныхъ школъ грамотности исключительно по ея иниціативѣ и т. д. Никто не отниметъ у этихъ лицъ ихъ огромныхъ услугъ народу, но положеніе ихъ исключительное.

Въ книгѣ г. Кривенки подробно говорится о каждомъ изъ нихъ и, право, ихъ нельзя смѣшивать съ первыми двумя категоріями лицъ, идущихъ въ народъ съ общими всѣмъ имъ задачами. Къ этому роду дѣятельности слѣдуетъ отнести и устройство народныхъ театровъ въ деревняхъ и пригородахъ. Въ селѣ Рождественно, Царскосельскаго уѣзда, недалеко отъ ст. Сиверской, по Варшавской жел. дорогѣ женщина-врачъ Витте-Фавицкая устроила крестьянскій театръ, всегда переполненный посѣтителями, въ которомъ играютъ актеры изъ самихъ крестьянъ. Этотъ театръ представляетъ собою простую двухъ-этажную дачку, снятую въ аренду у крестьянина за 75 рубл. въ годъ. Крохотная сценка отдѣлена простой

занавѣсью отъ залы, съ весьма низкимъ потолкомъ, уставленной тѣсными рядами деревянныхъ скамеекъ и стульями впереди. Цѣны мѣстамъ отъ 5 до 50 коп. Много остается желать лучшаго въ обстановкѣ крестьянскаго театра, а главное—въ его размѣрѣ. Онъ никогда не вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ попасть въ него лицъ, и объ этомъ стоитъ пожалѣть. Ранѣе въ театрѣ играли любители изъ образованныхъ классовъ, но крестьяне всегда охотно ходили смотрѣть ихъ. Сборы были полные, и расходы по гримировкѣ, декоративнымъ принадлежностямъ и содержанію театра всегда окупались, а въ голодный годъ театръ собралъ лишнихъ сто рублей и послалъ ихъ самарцамъ на пропитаніе. Въ 1893 году въ здѣшнее театральное дѣло введена любопытная новинка, заключающаяся въ томъ, что актерами на сценѣ являются мѣстные крестьяне. Мнѣ удалось присутствовать на генеральной репетиціи комедіи Островскаго: «Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ». Труппа изъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣвушекъ, рѣшившихся выступить на судъ своихъ односельчанъ, состояла изъ молодыхъ и поголовно грамотныхъ людей, тщательно загримированныхъ и недурно подготовленныхъ къ своимъ ролямъ. Новизна дѣла и, быть можетъ, недостаточная опытность самого режиссера вполнѣ извиняютъ недостатокъ игры актеровъ-новичковъ, напоминающей болѣе хорошо выученный урокъ, чѣмъ жизнь съ ея свободными страстями и движеніемъ. Крестьяне-актеры недостаточно усвоили себѣ то, что на сценѣ надо играть роль такъ же непринужденно и естественно, какъ это бываетъ и въ дѣйствительной жизни. Между тѣмъ, они стараются передѣлать свою роль для сцены и все выходитъ крайне «заученнымъ» и «поблагородному». Гнѣвъ отца на распутнаго Петра не производитъ впечатлѣнія гнѣва; то же самое надо сказать и о страданіяхъ Дарьи, жены Петра, и сочувствующей ей тетки. Очевидно, актеры не склонны къ сильнымъ чувствамъ или боятся драматизировать свои положенія, умѣряя свои чувства вмѣсто того, чтобы художественно изобразить ихъ въ той силѣ, съ какою они проявляются въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе крестьяне привыкаютъ къ оцѣнкѣ человѣческихъ характеровъ и уносятъ къ себѣ въ избы массу разговоровъ и даже споровъ о жизни. Въ Петербургѣ, за Невской заставой, по Шлиссельбургскому участку уже болѣе десяти лѣтъ народными гуляніями завѣдуетъ «Невское общество». Изъ «Отчета» Евт. Карпова объ этомъ обществѣ видно, что десять лѣтъ тому назадъ, въ апрѣлѣ 1885 года, по предложенію М. С. Агаѳонова и при дѣятельномъ содѣйствіи В. П. Варгунина, образовался изъ фабрикантовъ и обывателей мѣстности по Шлиссельбургскому тракту особый кружокъ, задумавшій устраивать въ праздничные дни гулянья для рабочихъ. Собравъ по подпискѣ тысячу съ чѣмъ-то рублей, кружокъ открылъ, въ видѣ опыта, народныя гулянья въ селѣ Александровскомъ. Опытъ сразу же оказался удачнымъ, превзо-

шедшимъ всѣ ожиданія. Трактиръ и кабакъ, кулачные бои, игра въ орлянку и въ карты въ праздничные дни были заброшены, и рабочіе цѣлыми тысячами стали посѣщать гулянье. Отсутствіе крѣпкихъ напитковъ въ буфетѣ дѣлало эти гулянья совершенно приличными. Ни скандаловъ, ни дракъ, ни ругани. Рабочіе приходили на гулянья съ женами и дѣтьми. Послушавъ музыки, посмѣявшись выходкамъ клоуновъ, посмотрѣвъ комедію и попивъ семейно чайку, они, довольные, уходили домой. На эстрадѣ гулянья подвизались куплетисты, разсказчики и гимнасты, ставились пантомимы, водевили и небольшія комедіи.

Лѣтомъ 1891 года кружокъ преобразовался въ Невское общество устройства народныхъ развлеченій, поставившее себѣ цѣлью: «содѣйствовать доставленію мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ и дешевыхъ развлеченій, какъ-то: народныхъ гуляній, чтеній, концертовъ, спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ. Общество, отнюдь не преслѣдуя цѣлей коммерческихъ, стремится къ удешевленію и большей доступности устраиваемыхъ имъ развлеченій». Развлеченія эти съ каждымъ годомъ все развивались. Въ 1893 г. открыта была народная читальня, театръ изъ временного сдѣлался постояннымъ, при безвозмездномъ содѣйствіи кружковъ любителей З. А. Никитиной, А. В. Красиковой и В. М. Сидорова. Мѣсто, отведенное для гуляній, было расширено, причемъ было приспособлено новое мѣсто для народныхъ скачекъ и разныхъ бѣговъ, устроена галерея передъ открытой сценой и американскія горы. Въ дѣтскомъ отдѣлѣ расширено мѣсто гулянья, устроенъ навѣсъ отъ дождя, увеличено число игръ.

Въ результатѣ за 10 лѣтъ, съ 1885 г. по 1895 г., въ учрежденіяхъ общества перебывало взрослыхъ посѣтителей 767,944, дѣтей 84,402, а всего 852,346 человѣкъ. Свидѣтельствуя объ этомъ, общество съ гордостью заявляетъ, что, «несмотря на такое громадное количество посѣтителей, въ продолженіе 10 лѣтъ ни разу не было никакихъ происшествій, требовавшихъ энергичнаго вмѣшательства полиціи». Два года назадъ, въ мѣстечкѣ Вознесенскѣ, прозываемомъ русскимъ Манчестеромъ, выстроенъ былъ театръ спеціально для рабочихъ съ заводовъ, которыхъ насчитываются десятки въ этомъ фабричномъ уголкѣ Россіи. Въ прошломъ году богатая помѣщица, г-жа Л. устроила въ своемъ имѣніи въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, театръ, въ который допускались крестьяне въ качествѣ зрителей. Любители изъ сосѣдей г-жи Л. съ большимъ успѣхомъ исполняютъ всѣ современныя пьесы, доставляя невзыскательнымъ зрителямъ истинное удовольствіе. За послѣднія десять лѣтъ народныя театры открывались въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Сумахъ, Саратовѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ нынѣшнемъ году богатый помѣщикъ Черниговской губерніи, г. К., рѣшился обратить свой хорошенькій театръ, гдѣ по настоящее

время давались изрѣдка благородные спектакли, въ театръ народный, въ который предполагается допускать, спеціально, въ качествѣ зрителей, мѣстное крестьянское населеніе и притомъ, разумѣется, безплатно. Для устройства этихъ спектаклей, будущимъ лѣтнимъ сезономъ, уже приглашена одна изъ артистокъ нашей казенной драматической труппы. Репертуаръ предложенъ современный, въ виду того, что труппа будетъ состоять изъ случайныхъ любителей.

Трудно перечислять всѣ виды дѣятельности, полезной темной массѣ; но и собраннаго по этому предмету матеріала достаточно, чтобы видѣть, какъ немногимъ счастливцамъ удается это служеніе народу безъ тяжкихъ лишеній и жертвъ. Такимъ образомъ, правы дѣятели, придающіе преобладающее значеніе общему режиму и убѣжденные въ необходимости прежде всего расчистить путь къ народу, чтобы послѣдній не былъ исключительно занятъ матеріальнымъ обезпеченіемъ себя и передоваго меньшинства, но имѣлъ бы досугъ учиться безъ всякихъ подозрѣній у культурныхъ людей, поселившихся среди него. Что касается прекрасныхъ теорій на бумагѣ объ идеальной общинѣ «толстовцевъ», то при столкновеніи съ дѣйствительной жизнью онѣ разбиваются и профанируются ихъ сторонниками, благодаря полной ихъ практической неподготовленности трудиться среди народа. Въ общемъ получается очень печальный выводъ о нашей интеллигенціи въ рядахъ простого народа, при чемъ ярко выступаетъ необходимость улучшить положеніе послѣдняго, и тогда общеніе съ нимъ культурныхъ людей сдѣлается и возможнымъ и полезнымъ.

А. Фаресовъ.

ПЕРВЫЙ ТИТУЛОВАННЫЙ АКТЕРЪ.

Ъ НАСТОЯЩЕМЪ году, 19-го іюля, происходила въ Виндзорскомъ замкѣ инвеститура королевой Викторіей вновь пожалованныхъ ею рыцарей. Хотя въ настоящее время новые рыцари только получаютъ титулъ баронета и присоединяютъ къ своему христіанскому имени, какъ выражаются англичане, «ручку», то-есть кличку сэръ или господинъ, но эта церемонія сохранила свой средневѣковой характеръ, и, какъ въ старое доброе время, рыцарь преклоняетъ колѣна, а королева ударяетъ его по плечу мечемъ среди торжественнаго, гробоваго молчанія. На этотъ разъ такой, столь желанной для разжившейся буржуазіи, чести удостоилось девятнадцать человѣкъ, и съ своимъ обычнымъ достоинствомъ, съ требуемымъ этикетомъ безмолвіемъ, Викторія посвящала въ рыцаря одного за другимъ и разбогатѣвшаго лавочника, и ловко проложившаго себѣ дорогу общественнаго дѣятеля, и младшаго сына какого нибудь лорда, и романиста Вальтера Безанта, и поэта Люса Морнса, и ветерана газетныхъ корреспондентовъ, Вильяма Росселя, но вдругъ улыбка показалась на ея лицѣ, и прикасаясь мечемъ къ плечу преклонившаго передъ нею колѣна человѣка, высокаго роста, худощаваго, съ очень подвижнымъ, выразительнымъ лицомъ, громко сказала:

— Сэръ Генри, это доставляетъ мнѣ очень большое удовольствіе.

Кто же былъ новый рыцарь, удостоившійся со стороны Викторіи нарушенія офиціальнаго этикета? Что было «это», доставлявшее очень большое удовольствіе королевѣ? Новый рыцарь былъ первый актеръ Англіи, если не всего свѣта, Генри Ирвингъ, а «это» было

признаніе въ его лицѣ гражданской равноправности драматическихъ артистовъ, которые по странному общественному предразсудку пользовались до послѣдняго времени такимъ безсмысленнымъ презрѣніемъ на родинѣ «божественнаго Вильяма», что сто лѣтъ тому назадъ Горасъ Вальполь говорилъ по случаю брака дочери одного лорда съ актеромъ: «лучше бы она вышла за лакея, униженіе не было бы такъ велико», а еще недавно сынъ этого самаго Ирвинга, выйдя изъ адвокатовъ и поступивъ въ актеры по слѣдамъ отца, лишился права пріѣзда ко двору. Этотъ послѣдній фактъ выставилъ во всемъ его безобразіи сэръ Генри Ирвингъ вечеромъ въ памятный не только для него, но и для всего англійскаго театра день, отвѣчая въ своемъ театрѣ Lyceum депутаціи, поднесшей ему адресъ, подписанный четырьмя тысячами актерами и актрисами Англіи, въ томъ числѣ ихъ ветераномъ Джономъ Дэлемъ, Еленой Фоситъ, по замужеству лэди Мартинъ, и мистриссъ Стерлингъ, по замужеству лэди Грегори. При этомъ всѣ представители того сословія, за которымъ съ очень большимъ удовольствіемъ королева признала право гражданства послѣ вѣковаго униженія, выяснили въ глубоко прочувствованныхъ словахъ адреса и въ произнесенныхъ по этому случаю рѣчахъ, что они чествуютъ не только великаго актера, но досточтимаго главу ихъ сословія и благороднаго, хорошаго человѣка, который столько потрудился для возрожденія англійскаго театра, доставленія актерамъ общаго уваженія, не смотря на старинные предразсудки, и того сліянія театра съ обществомъ, которое составляло любимую мечту Диккенса и Теккерея.

Дѣйствительно Генри Ирвингъ, или, какъ его теперь слѣдуетъ называть, сэръ Генри Ирвингъ, до тѣхъ поръ, когда королева съ еще бóльшимъ удовольствіемъ произведетъ его въ лорды по примѣру поэта Тенисона, романиста Бульвера и историка Маколея, такъ какъ Англія, вступивъ на новый путь, никогда на немъ не останавливается, а все идетъ впередъ,—вполнѣ достоинъ тѣхъ почестей, которыми вся страна въ лицѣ своего главы и вся театральная профессія въ лицѣ почти всѣхъ своихъ представителей увѣнчали его тридцатидевятилѣтніе труды, какъ актера, директора театра, публициста и оратора на славу англійской сцены, на пользу ея служителей. Поэтому первый титулованный актеръ, такъ какъ и въ другихъ странахъ ни одинъ актеръ не получалъ еще титула, кромѣ Италіи, гдѣ впрочемъ актеры, принадлежа въ старину къ придворному штату, пользовались наградами наравнѣ съ другими придворными чинами, составляетъ выдающееся явленіе современной общественной жизни Европы, и не лишне въ настоящую минуту его торжества познакомить читателей съ его характеристикой, основанной на отзывахъ англійской критики, посвятившей Ирвингу много обстоятельныхъ статей, его біографіяхъ, составленныхъ Перси Фиджеральдомъ и Чарльсомъ Паско, любопытномъ очеркѣ современнаго англійскаго театра, который теперь пе-

чатается въ «Revue de Deux Mondes» Огюстеномъ Филономъ, и личныхъ воспоминаніяхъ пишущаго эти строки, которому удалось видѣть великаго актера въ его лучшихъ роляхъ на его собственной образцовой сценѣ въ Лондонѣ.

I.

Чтобъ понять все значенье Ирвинга и громадныя услуги, оказанныя имъ англійскому театру, необходимо бросить взглядъ на то жалкое положеніе, въ которомъ находилась эта сцена во время начала его дѣятельности, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ нашего вѣка. Хоть еще Байронъ жестоко клеймилъ выродившихся британцевъ за упадокъ театра, гдѣ «царили вмѣсто драмы фарсъ и вмѣсто ума гримаса, гдѣ любовались балаганными буфонами и обожали панталоны Каталани», но тогда еще была цвѣтущая театральная эпоха въ сравненіи съ послѣдующей. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, правда, сошло со сцены поколѣніе артистовъ, воспитавшихся въ школѣ Гарика, и уже болѣе не играли Джонъ Кембль и мистрисъ Сидонсъ, голосъ у которой, по словамъ одного современника, былъ «музыкальнѣе музыки», но зато имъ наслѣдовали Эдмундъ Кинъ и Макриди, представлявшіе различные типы великаго актера, олицетворяя первый вдохновенье, огонь, а второй искусство, художественную отдѣлку. Благодаря имъ, Шекспиръ держался на сценѣ двухъ лондонскихъ театровъ Дрюри-Лэнъ и Ковенъ-Гарденъ, которые одни имѣли привиллегію играть классическія пьесы національнаго репертуара, тогда какъ другіе девять театровъ довольствовались нелѣпыми фарсами, пантомимами и грубыми, площадными мелодрамами. Отъ времени до времени Макриди, который былъ директоромъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и того и другого изъ этихъ привилегированныхъ театровъ, находилъ какую нибудь новую пьесу, которой его игра придавала успѣхъ, какъ, напримѣръ, «Виргиній» Шеридана Нольса и «Ришелье» Бульвера, но это были рѣдкія исключенія, и окончательно прощаясь въ 1851 г. съ англійской сценой въ знаменитомъ прощальномъ представленіи, столь блестяще описанномъ Джономъ-Генри Люисомъ, онъ прямо указалъ въ своей рѣчи, что его единственная заслуга — возстановленіе Шекспира на англійской сценѣ. Но какъ ни справедливы были права Макриди на признаніе за нимъ подобной заслуги, но мрачно, печально звучали тогда слова великаго старика, такъ какъ уже въ послѣдніе годы его сценической дѣятельности Шекспиръ былъ сначала стѣсненъ на своихъ двухъ театрахъ, а потомъ и совершенно изгнанъ оттуда оперой, балетомъ и циркомъ. «Ковенъ-Гарденъ, — говорилъ Диккенсъ въ апрѣлѣ 1846 г. на банкетѣ театральнаго фонда,—только тѣнь прошлаго. Его драматическую труппу можно эскамотировать въ бу-

тылку фокусника, и человѣческій голосъ рѣдко слышится въ немъ, развѣ только въ устахъ конюховъ. То же происходитъ и въ Дрюри-Лэнъ, гдѣ царятъ опера и балетъ такъ, что статуя Шекспира надъ его дверью такъ же краснорѣчиво указываетъ на его могилу, какъ бюстъ въ церкви Стратфорда-на-Эвонѣ». Спустя пять лѣтъ на такомъ же банкетѣ, тотъ же ораторъ съ убійственнымъ сарказмомъ замѣчалъ: «На сценѣ первыхъ лондонскихъ театровъ не слышно англійскаго языка, и среди порхающихъ тамъ пѣвчихъ птицъ никогда не допускаютъ Авонскаго лебедя». Этому бѣдному лебедю пришлось вскорѣ удалиться въ маленькій театрикъ одного изъ лондонскихъ предмѣстій, Ислингтона Sadler's Well, и тамъ второстепенный актеръ Фельпсъ съ достойнымъ всякаго уваженія упорствомъ поддерживалъ пламя истиннаго сценическаго искусства передъ малочисленной мѣстной публикой и рѣдкими восторженными поклонниками божественнаго Вильяма, которые собирались туда, чтобъ поплакать объ упадкѣ того, что англичане называютъ «законной драмой». Этому упадку не помѣшали установленіе свободы театровъ въ злополучную эпоху пятидесятыхъ годовъ и увеличеніе ихъ числа до двадцати; вездѣ царили грубыя, безсмысленныя незаконныя отродья Мельпомены, преимущественно фарсы какого-то актера Байрона, святотатственно осквернившаго великое имя поэта, уже не говоря о клоунахъ, гимнастахъ, оперѣ и балетѣ. Если по временамъ и появлялся Шекспиръ на сценѣ большихъ театровъ, то въ самомъ недостойномъ видѣ, который тогда только и могъ привлечь развращенный вкусъ публики; его давали или дѣти, какъ впослѣдствіи извѣстныя актрисы сестры Бэтманъ, игравшія 6 и 8 лѣтъ «Ричарда III», или французы на ломанномъ англійскомъ языкѣ, какъ знаменитая Арну-Плесси, изображавшая лэди Макбетъ, Стелла Коласъ, уныло кривлявшаяся подъ маской Джульеты, и Фехтеръ, который, однако, отвратительно играя Отелло и Макбета, сумѣлъ найти новую человѣчную сторону въ Гамлетѣ, что̀ заставило сказать видѣвшаго его Макриди: «Мнѣ кажется, что только теперь я понимаю, сколько нѣжности, человѣчности и поэзіи скрывается въ этой роли». Послѣ этой счастливой попытки, привлекавшей публику въ продолженіе семидесяти представленій, снова и надолго померкло солнце Авона. Но мало-по-малу англійской публикѣ надоѣло смотрѣть на красивыхъ актрисъ или клоуновъ, надоѣло считать приличнымъ посѣщенье лишь оперы или балета, и вотъ пошли эпохи приторныхъ трогательныхъ мелодрамъ преимущественно изъ ирландской жизни, Тома Тэлора и Діана Бусико, слащавыхъ свѣтскихъ комедій Робертсона, съ узкой буржуазной моралью, прозванныхъ пьесами «тайной чашки и блюдечка», безконечныхъ передѣлокъ французскихъ пьесъ и нелѣпыхъ оперетокъ Джильберта съ стихами на современные вопросы. Отъ всего этого до настоящаго театра, до

«законной драмы», было далеко, и неожиданнымъ лучемъ свѣта среди окружающаго мрака было первое появленіе Генри Ирвинга въ роли Гамлета, на театрѣ Лицеумъ, 31-го октября 1874 года, памятнаго дня, съ котораго начинается возрожденіе Шекспира на англійской сценѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возникновеніе современнаго англійскаго театра.

Вотъ какъ описываетъ это знаменитое, историческое представленіе авторъ статьи объ Ирвингѣ въ «Dublin University Magazine« (september 1877): «Гамлетъ Ирвинга не былъ попыткой невѣдомаго лицедѣя, но апогеемъ извѣстной артистической карьеры, каждая ступень которой ознаменовалась талантомъ и неусыпнымъ трудомъ. Съ трехъ часовъ дня толпы стали собираться передъ дверью театра Лицеума на Страндѣ и образовали длинную, живую ленту. Въ этотъ вечеръ партеръ этого театра представилъ замѣчательное зрѣлище, и никогда, можетъ быть, зрительная зала не отличалась такимъ нетерпѣніемъ, безпокойствомъ и энтузіазмомъ. Тотъ фактъ, что не только Ирвингъ бросалъ на карту свою репутацію, какъ даровитаго актера, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшался и великій вопросъ, было ли дѣйствительно настоящее поколѣніе неспособно на возрожденье популярности Шекспира, собралъ всѣхъ представителей литературы и искусства. Первое появленіе актера было привѣтствовано взрывомъ энтузіазма, который возбуждала его смѣлость выступить въ самой трудной шекспировской роли. Сначала новизна типа и полное отсутствіе традиціонной рутины привели втупикъ зрителей. Передъ ними былъ грустный, сомнѣвающійся въ себѣ Гамлетъ, просто, естественно выражавшій свои мысли, по мѣрѣ того, какъ онѣ входили ему въ голову, а не актеръ, который забрасываетъ зрителей неестественными эффектами, словно каменьями изъ стѣнобитной машины; такая игра заинтересовала всѣхъ, но прошло два акта, прежде чѣмъ зрители начали понимать ее. Онъ самъ послѣ сцены съ призракомъ отца впалъ въ уныніе не отъ безмолвной холодности публики, но отъ опасенія, что не достигъ своего идеала. Но когда нѣжная, симпатичная натура Гамлета вполнѣ выяснилась, то всѣ сердца были побѣждены. Это былъ самый человѣчный Гамлетъ, когда либо появлявшійся на сценѣ. Послѣдующее представленіе было однимъ, безконечнымъ тріумфомъ, а когда занавѣсъ упалъ въ концѣ трагдіи, то зрители оставались въ театрѣ почти до часу ночи, громко выражая свой восторгъ».

Дѣйствительно такой сцены англійскій театръ не видывалъ со времени Кина, преемникомъ котораго привѣтствовали Ирвинга всѣ зрители, вставъ съ своихъ мѣстъ и оглашая воздухъ восторженными «ура». Двѣсти разъ къ ряду вплоть до 29 іюля 1875 г. сыгралъ онъ Гамлета, чтò составляетъ фактъ безпримѣрный въ исторіи возобновленій Шекспировскихъ піесъ, а затѣмъ каждый годъ сталъ по-

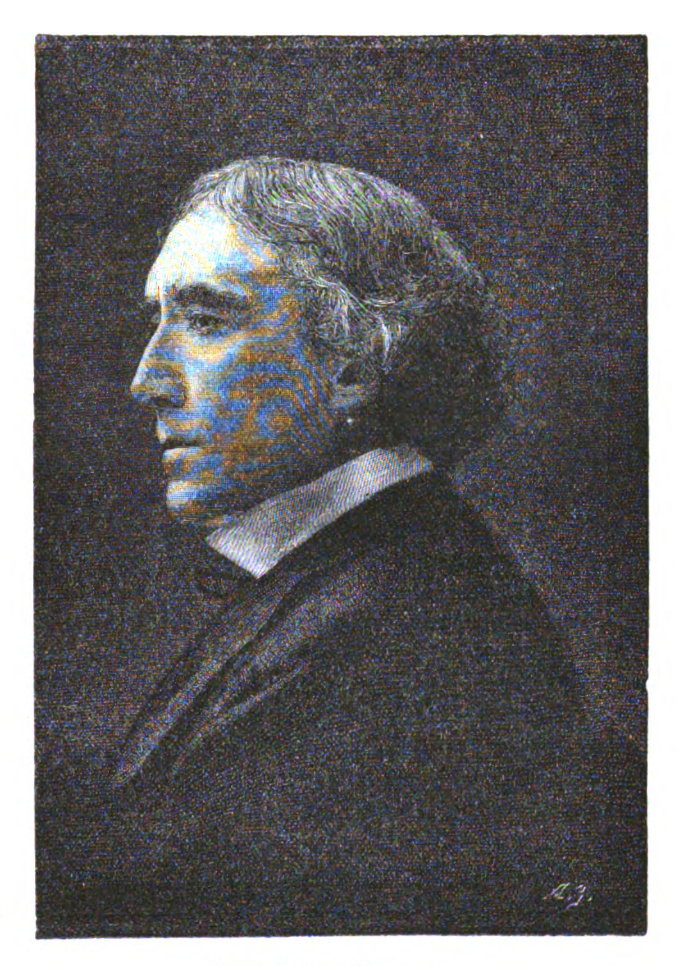
являться въ новой Шекспировской роли, въ 1876 г.—въ Макбетѣ, въ 1877 году въ Отелло и наконецъ въ 1877 году въ Ричардѣ III, возбуждая одинаковый энтузіазмъ. Играя герцога Глостерскаго, онъ имѣлъ на себѣ шпагу Кина, а на рукѣ у него блестѣлъ перстень Гарика, подаренные ему актеромъ Клипенделемъ и лэди Кутсъ; эти знаки царственнаго величія, по справедливому замѣчанію Филона, посвящали его въ цари англійской сцены. Цѣль всей его жизни была достигнута: Шекспиръ снова царилъ на театральныхъ подмосткахъ своей родины, и современный англійскій театръ возродился изъ своего долгаго упадка.

Но кто совершилъ это чудо? Бросимъ взглядъ на предыдущую жизнь и сценическую карьеру Ирвинга. Онъ не вдругъ достигъ славы и уже давно игралъ въ различныхъ театрахъ Лондона и провинціи сначала невѣдомымъ, а потомъ все болѣе и болѣе извѣстнымъ актеромъ. Въ самую мрачную эпоху англійскаго театра онъ мало-помалу пробивалъ себѣ дорогу и когда наступила минута блестящаго возрожденія, то уже вся театральная критика признавала его даровитѣйшимъ изъ современныхъ актеровъ, а публика восторженно рукоплескала ему въ популярнѣйшихъ изъ тогдашнихъ его ролей: въ Ришелье, Карлѣ I и Матьясѣ, въ передѣлкѣ піесы Эркмана—Шатріана «Польскій еврей». Самаго скромнаго происхожденія, Джонъ Генри Бродрибъ, только на сценѣ принявшій имя Ирвинга, родился въ Кинтонѣ близъ Гладстонбюри, въ Сомерсетширѣ, 6 февраля 1838 года, и провелъ свое дѣтство среди рудокоповъ, имѣя единственными книгами для чтенія библію, Донъ Кихота и сборникъ старинныхъ балладъ. Одиннадцати лѣтъ онъ перебрался изъ уединеннаго сельскаго уголка въ шумный Лондонъ и, проведя два года въ частной школѣ пастора Пинча, въ Сити, поступилъ въ контору одной Остъ-Индской фирмы. Случайно посѣтивъ маленькій театръ, гдѣ Фельпсъ старался акклиматизировать Шекспира, онъ такъ пристрастился къ театру, что не только ходилъ смотрѣть Фельпса во всѣхъ его Шекспировскихъ роляхъ, но познакомился съ однимъ актеромъ этой труппы Давидомъ Госкинсомъ и бралъ у него уроки артистическаго искусства, а затѣмъ сталъ посѣщать маленькую школу декламаціи, которую содержалъ въ Сити Генри Томасъ, подъ названіемъ: «Курсъ елокуціи Лондонскаго Сити». Въ этой школѣ любители учились артистическому искусству по методѣ взаимнаго обученія; каждый ученикъ декламировалъ заданную роль, затѣмъ товарищи критиковали его исполненіе, а учитель въ концѣ концовъ оцѣнивалъ всѣ выраженныя мнѣнія и постановлялъ приговоръ; по временамъ тамъ давались представленія, на которыхъ и дебютировалъ въ 1853 г. симпатичный мальчикъ четырнадцати лѣтъ въ короткой курткѣ, съ большимъ бѣлымъ откиднымъ воротникомъ рубашки, длинными черными волосами, опускавшимися на

плечи, тонкими почти женскими чертами и большими, умными огненными глазами. Это и былъ первый титулованный актеръ въ зародышѣ. О вліяніи на развитіе его таланта декламаціонной школы Томаса мы не находимъ свѣдѣній ни въ одной изъ многочисленныхъ статей и публичныхъ лекцій Ирвинга о различныхъ вопросахъ драматическаго искусства, но о Фельпсѣ и его попыткѣ Шекспировскаго возрожденія онъ часто упоминаетъ самымъ сочувственнымъ образомъ. Такъ въ рѣчи, произнесенной въ Гарвардскомъ университетѣ, въ Америкѣ, въ 1885 г. и потомъ напечатанной въ «English Illustrated Magazine» въ іюльскомъ номерѣ того же года, подъ заглавіемъ «Искусство играть на сценѣ», онъ разсказываетъ, что, идя юношей смотрѣть шекспировскія піесы на театрѣ Фельпса, онъ всегда сначала самъ составлялъ себѣ планъ исполненія всѣхъ ролей, а потомъ повѣрялъ свои идеи игрой актеровъ; хотя эти идеи оказывались почти всегда никуда негодными, но, по словамъ Ирвинга, такая метода практическаго изученія Шекспира—самая полезная школа для начинающаго актера. Что касается до самого Фельпса и его опыта создать классическую сцену тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ царили одни клоуны, то вотъ отзывъ Ирвинга въ другой его рѣчи, произнесенной въ Бирмингамѣ въ 1878 г. и напечатанной отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Театръ»: «трудно было подумать, что грубые жители Клеркенвеля и Ислингтона когда нибудь найдутъ вкусъ въ Шекспирѣ и серьезной игрѣ; часто въ первыя времена его смѣлой попытки, Фельпсу приходилось надѣвать плащъ на свой сценическій костюмъ и отправляться въ раекъ, чтобъ тамъ водворять порядокъ среди бушевавшей публики. Но онъ упорно стремился къ своей цѣли и давалъ Шекспира въ наивозможной чистотѣ; конечно, онъ старался обставить знаменитыя піесы какъ можно эффектнѣе насчетъ постановки, но сохранялъ какъ можно ближе текстъ Шекспира и не дѣлалъ ни малѣйшей уступки въ дикціи и игрѣ актеровъ нелѣпымъ вкусамъ публики. Всѣмъ извѣстно, какъ быстро, сравнительно говоря, онъ достигъ успѣха, и какъ тотъ же раекъ, который съ начала піесы оралъ во все горло, приходилъ мало-помалу въ восторгъ и, безмолвно выслушавъ каждый актъ до конца, обсуждалъ въ антрактахъ съ необыкновеннымъ пыломъ какъ самую піесу, такъ и игру актеровъ. Слава этого удивительнаго успѣха распространилась по всей Англіи, и маленькій народный театрикъ сдѣлался національной классической сценой, какой не былъ никогда ни одинъ театръ подъ королевскимъ покровительствомъ и съ правительственной субсидіей. Примѣръ Фельпса не только дѣлаетъ ему великую честь, но послужилъ поддержкой для всѣхъ работающихъ въ этомъ направленіи». Почувствовавъ свое призваніе и положивъ основу своего сценическаго обученія испытаніями въ декламаціонной школѣ, уроками актера Госкинса и по-

сѣщеніями театра Фельпса, юный Ирвингъ рѣшился покинуть контору Остъ-Индской фирмы и посвятить себя всецѣло сценической дѣятельности.

Во всѣхъ странахъ практической школой для актера служатъ провинціальные театры, и вотъ 29-го сентября 1856 года Генри

Сэръ Генри Ирвингъ.

Ирвингъ дебютировалъ впервые въ театрѣ Лицеумъ въ Сундерландѣ въ роли герцога Орлеанскаго въ «Ришелье», Бульвера, а затѣмъ попыталъ счастья на томъ же театрѣ въ маленькой роли Клеомена въ «Зимней Сказкѣ» Шекспира, но эти обѣ попытки не удались и возбудили очень неблагопріятные отзывы въ мѣстныхъ газетахъ. Ирвингъ, однако, не пришелъ въ уныніе, а поступилъ въ труппу, игравшую тогда въ Эдинбургѣ, и въ продолженіе двухъ съ поло-

виной лѣтъ переигралъ четыреста двадцать восемь ролей, конечно, все второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ. Но это была для него самая лучшая школа, такъ какъ въ его труппѣ находились опытные актеры, какъ Чарльсъ Матью и Робсонъ, а главное такія даровитыя, классическія актрисы, какъ миссъ Елена Фаситъ и мистриссъ Кушманъ. Послѣдняя въ особенности обратила вниманіе на юнаго, начинающаго артиста и снабжала его не разъ полезными совѣтами. Такъ онъ самъ разсказываетъ въ своей рѣчи «Искусство играть на сценѣ», что однажды она играла Мегъ-Мерилисъ въ драматической передѣлкѣ «Гай Маннеринга» Вальтера Скотта, а онъ Генри Бертрама и, передавая ей монету, онъ по сценической традиціи подалъ ей большой кошелекъ съ золотомъ, которое изображалось битыми черепками, громко звенѣвшими, какъ деньги, при паденіи на полъ; по окончаніи пьесы мистриссъ Кушманъ сказала Иргвингу: «а вѣдь, еслибъ вы мнѣ дали одну маленькую монету, то это было бы естественнѣе; такъ всегда подаютъ милостыню въ дѣйствительной жизни, и реализмъ сцены много бы выигралъ отъ этого». «Я никогда не забылъ этого урока,—говоритъ Ирвингъ,— замѣчанье мистриссъ Кушманъ было мелочное, но въ немъ заключалось много элементовъ сценической правды, и каждый актеръ долженъ всегда помнить, что онъ лишь черта въ общей картинѣ, что всякое преувеличеніе уничтожаетъ гармонію цѣлаго». Послѣ Эдинбурга Ирвингъ игралъ въ Глазго, Манчестерѣ и Ливерпулѣ, появляясь иногда и на лондонскихъ театрахъ Принцессы и Сентъ-Джемсъ, но все еще въ второстепенныхъ роляхъ и преимущественно въ безсмысленныхъ пьесахъ Байрона, Діана Бусико и французскихъ передѣлкахъ, тогда царившихъ безраздѣльно на англійской сценѣ. Большій успѣхъ, чѣмъ его игра, имѣли два его драматическія чтенія въ Кросби-Голль о пьесахъ «Lady of Lyons» Бульвера и «Virgenius» Шеридана Нольса, о которыхъ всѣ газеты отозвались самымъ лестнымъ образомъ, предсказывая ему блестящую драматическую карьеру. Наконецъ, послѣ неустанной четырнадцатилѣтней сценической дѣятельности, онъ одержалъ первый громкій успѣхъ на лондонскомъ театрѣ Водевиль въ 1870 г. въ пьесѣ Ольбери «Двѣ розы», въ которой онъ игралъ самолюбиваго, лицемѣрнаго, разорившагося аристократа, Денби Гранта, такъ типично, что лондонская критика признала его однимъ изъ лучшихъ лондонскихъ актеровъ. Послѣ трехсотъ представленій этой пьесы онъ перешелъ на театръ своихъ будущихъ торжествъ, Лицеумъ и создалъ тамъ одна за другой четыре блестящія роли, оставшіяся до сихъ поръ въ его репертуарѣ: Матіаса въ «The Bells», передѣлкѣ «Польскаго еврея», Эркмана-Шатріана, Карла I въ пьесѣ Вильса того же имени, Юджена Арама въ драматической передѣлкѣ знаменитаго романа Бульвера подъ заглавіемъ «Судьба Ю[illegible]на Арама» и Ришелье въ знаменитой драмѣ того же Бульвера.

Какъ публика, такъ и критика осыпали его одинаково лаврами, а когда онъ достигъ окончательнаго торжества въ Гамлетѣ, то уже всѣ единогласно признали въ немъ достойнаго преемника Кина и Макриди.

II.

Достигнувъ своей цѣли и водворивъ «законную драму» на англійской сценѣ, Ирвингъ послѣ «Ричарда III» сыгралъ нѣсколько ролей самаго разнообразнаго характера, чтобъ доказать всю эластичность своего таланта; онъ появился въ двойной роли Лезюрка и Дюбоска въ знаменитой мелодрамѣ «Ліонская Почта», Людовика XI въ пьесѣ Делавиня, Вандердекена въ передѣлкѣ «Der Fliegende Holländer», Джингля въ передѣлкѣ Пиквика, Диккенса и Филиппа II въ драмѣ Тениссона « Королева Марія». Наконецъ въ 1878 году онъ сдѣлался директоромъ Лицеума и съ тѣхъ поръ въ продолженіе семнадцати лѣтъ ежегодно ставилъ съ невиданной дотолѣ блестящей обстановкой Шекспира, или новую пьесу, въ которой выведена знаменитая историческая или литературная личность. Такъ онъ игралъ постепенно цѣлые сезоны Шейлока въ «Венеціанскомъ купцѣ», Яго въ «Отелло», чередуясь съ заглавной ролью, Бенедикта въ «Много шума изъ пустяковъ», Ромео и Лира, затѣмъ кардинала Вульсэ, Томаса Бэкета, въ пьесѣ Тенисона, Мефистофеля въ «Фаустѣ» Гете, Равеневуда въ передѣлкѣ «Ламермурской невѣсты» Вальтера Скотта, Вэкфильдскаго пастора, въ передѣлкѣ знаменитаго романа Гольдсмита. Наконецъ, нимало не утомившись и не выказывая никакихъ слѣдовъ упадка въ своемъ талантѣ или энергіи, этотъ удивительный актеръ и директоръ театра въ настоящемъ году поставилъ три новыя пьесы «Короля Артура», Коминса Карра, «Донъ-Кихота», Вильса, и маленькій монологъ «Разсказъ о Ватерло», въ которыхъ съ одинаковымъ успѣхомъ игралъ поэтическаго, легендарнаго главу рыцарей круглаго стола, классическаго героя Сервантеса и стараго военнаго служаку. Наконецъ, чтобъ доказать его рѣшимость не опочить на лаврахъ съ своимъ новымъ титуломъ, Ирвингъ объяснилъ въ своей рѣчи къ публикѣ въ послѣднее представленіе нынѣшняго сезона, что онъ въ будущемъ году послѣ возвращенія изъ Америки, куда отправляется со всей своей труппой, поставитъ «Коріолана». Шекспира и передѣлку «Madame Sans-Gêne», Сарду, въ которой самъ будетъ играть Наполеона. Рѣчи къ публикѣ въ началѣ и концѣ каждаго сезона, а также періодическія поѣздки въ Америку, гдѣ онъ имѣетъ громадный успѣхъ, составляютъ выдающіяся черты сценической дѣятельности перваго титулованнаго актера, придавая ей оригинальный и болѣе общій, болѣе широкій характеръ. Если онъ еще не достигъ европейской славы, какъ единственные два современные

актера, съ которыми его можно сравнить, Сальвини и Росси, то это зависитъ отъ того, что онъ не играетъ одинъ въ чужой трупѣ, а выѣзжаетъ изъ Англіи не только со всѣмъ персоналомъ, но и со всей сценической обстановкой своего театра, а это стоитъ такъ дорого, что ни одинъ европейскій театръ не можетъ оплатить подобныхъ расходовъ. Вотъ почему, не смотря на всѣ лестныя приглашенія, Вѣна, Берлинъ, Петербургъ и Парижъ не видали Ирвинга, а только Америка дозволяетъ себѣ это дорогое удовольствіе.

Бросивъ такимъ образомъ взглядъ на внѣшнюю сторону сценической дѣятельности перваго титулованнаго актера, мы можемъ теперь обратиться и къ ея внутренней сторонѣ, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что онъ не только талантливый актеръ, но и образцовый директоръ театра. Благодаря соединенію этихъ качествъ, онъ сумѣлъ придать сценѣ Лицеума такой художественный характеръ, какого не имѣетъ ни одна европейская сцена. Посѣщая его маленькій, кокетливый, изящный театръ, вы выносите самое полное, самое разностороннее артистическое впечатлѣніе: васъ одинаково поражаютъ и выдающаяся игра перваго актера, и замѣчательный ensemble всей трупы, и художественная реальная обстановка, вѣрная исторіи, когда пьеса историческая, или классическая, и наконецъ сохраненіе Шекспировскаго текста, когда даютъ его безсмертныя произведенія при ловкомъ примѣненіи ихъ къ современнымъ требованіямъ сценическаго искусства. Какъ актеръ, Ирвингъ соединяетъ въ себѣ и такъ называемую умную игру и игру нутромъ, вдохновенье съ художественной отдѣлкой, достоинства Кина и Макриди, или по нашему Мочалова и Самойлова, хотя осмысленная, художественная игра у него беретъ верхъ надъ вдохновеннымъ огнемъ, проявляющимся только по временамъ въ отдѣльныхъ сценахъ, а потому онъ идеаленъ въ «Гамлетѣ», прекрасенъ въ «Ричардѣ III», Яго и Шейлокѣ, а неровенъ и менѣе хорошъ въ «Макбетѣ», «Отелло», «Ромео» и «Лирѣ». Но, кромѣ Гамлета, его лучшей роли, онъ достигаетъ апогея своего таланта и искусства въ изображеніи историческихъ личностей, которыя какъ будто выходятъ изъ рамокъ старинныхъ портретовъ и живутъ передъ зрителями во всемъ ореолѣ исторической и реальной правды. Первый долгъ актера, по его собственному опредѣленію, заключается въ томъ, чтобъ быть человѣкомъ своей роли, чтобъ вполнѣ выражать ту личность, которую изображаешь. Поэтому, не смотря на все свое уваженіе къ великимъ его предшественникамъ по сценѣ, онъ не обращаетъ никакого вниманія на сценическія традиціи, на всю театральную рутину. Его метода игры вполнѣ личная и состоитъ изъ трехъ фазъ: прежде всего онъ считаетъ необходимымъ усидчивое, терпѣливое и сознательное изученіе текста и идеи автора, затѣмъ, когда понятъ изображаемый образъ, то слѣдуетъ совершенно отдаться своему инстинкту

и вдохновенію для опредѣленія всѣхъ различныхъ чертъ этого образа, а, наконецъ, теоретическое представленіе о роли уже надо облечь въ практическую оболочку, что достигается тяжелымъ трудомъ, многолѣтней опытностью и главное интеллектуально-художественной подготовкой. Этой системы, предлагаемой имъ молодымъ актерамъ, Ирвингъ самъ всегда держался и держится до сихъ поръ.

Ирвингъ въ роли Гамлета.

Доведя мимику, пластику и гримировку до совершенства, онъ прежде всего ищетъ въ игрѣ правды, а потомъ уже эту правду онъ облекаетъ въ формы художественной красоты. Поэтому, смотря на его реальную, правдивую, художественную и мѣстами страстную игру, вы видите живое лицо, настоящаго человѣка, а не актера. Особенно это поражаетъ васъ въ Гамлетѣ, котораго никто такъ жизненно не игралъ, какъ Ирвингъ. Вы просто забываете, что сидите въ

театрѣ, вы переноситесь въ Эльсиноръ, и самъ Гамлетъ живетъ, страдаетъ, умираетъ передъ вами. Задумавъ роль вполнѣ оригинально и строго вѣрно съ идеей Шекспира, Ирвингъ ведетъ ее до конца съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ и вмѣстѣ съ такой тонкой художественной отдѣлкой каждой мелочной подробности, а главное съ такой удивительной, жизненной правдой, что вы съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдите за каждымъ его словомъ, за каждымъ его движеніемъ, что вы вмѣстѣ съ нимъ положительно переживаете всю сложную гамму человѣческихъ чувствъ, дѣлающую Гамлета самымъ человѣчнымъ, самымъ жизненнымъ изъ драматическихъ образовъ.

Гамлетъ-Ирвингъ—не рутинный, напыщенный резонеръ, а живой, нѣжный, мыслящій, любящій человѣкъ. Онъ не слабый, безхарактерный юноша, которому суждено совершить нѣчто сверхъ его силъ, а добрый, мягкій человѣкъ, признающій справедливость кроваваго возмездія, но чувствующій вмѣстѣ съ тѣмъ, что это жестоко. Онъ глубоко страдаетъ отъ внутренней борьбы, увлекается мыслью покарать преступленіе и исправить совершенное зло, но вмѣстѣ съ тѣмъ проклинаетъ судьбу, что она избрала его въ мстители. Конечно, Гамлетъ не сумасшедшій, но нервы его напряжены до высшей степени, и Ирвингъ выражаетъ это съ удивительной правдой въ сценѣ съ Офеліей, гдѣ пламенная любовь, жажда высказывать горькія истины и чувство долга борются въ немъ между собою. Наконецъ, рѣшившись принести свою любовь въ жертву тому, что считаетъ своимъ долгомъ, онъ говоритъ, что не любитъ Офеліи, а въ то же время, бросаясь передъ ней на колѣни, цѣлуетъ ея руки. Столь же оригинально, страстно и художественно ведетъ Ирвингъ и знаменитую сцену во время представленія актеровъ. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ слѣдитъ онъ за всѣми перемѣнами на лицѣ короля, подтверждающими его подозрѣнія, подвигается все ближе и ближе къ трону, нервно повторяетъ слова актера, наконецъ громко прерываетъ его, объясняя смыслъ пьесы, и когда король въ ужасѣ убѣгаетъ, то опьяненный торжествомъ Гамлетъ прыгаетъ въ дикомъ, неудержимомъ порывѣ страсти и падаетъ въ изнеможеніи на тронъ. Невозможно описать всей реальности, жизненности и осязательности этой сцены. Также идеально хорошъ Ирвингъ и въ сценѣ съ матерью: онъ то поражаетъ ее горькими упреками, то, видя ея раскаяніе, обнаруживаетъ глубокое сожалѣнье; онъ ненавидитъ ее, какъ преступницу, а любитъ, какъ мать. Наконецъ сцены на кладбищѣ, фехтованія и смерти признаются всѣми, даже врагами великаго актера, безукоризненными созданіями сценическаго искусства. Самъ Ирвингъ, представляющій впервые въ такомъ совершенствѣ человѣчнаго Гамлета, грустнаго, мыслящаго, борющагося съ собой и выражающаго просто, естественно, безъ грубыхъ эффектовъ свои

мысли, понимаетъ, что онъ достигаетъ въ этой роли идеала, и причисляетъ ее вмѣстѣ съ Ричардомъ, Лиромъ и Яго къ своимъ наиболѣе любимымъ ролямъ. «Моя любовь къ Гамлету,—говоритъ онъ въ своей статьѣ «Мои любимыя четыре роли», помѣщенной въ въ сентябрскомъ номерѣ English Illustrated Magazine 1893 года,— вполнѣ объясняется тѣмъ, что это самое человѣчное созданіе Шекспира. Еслибъ желаніе Газлита исполнилось, и было бы запрещено играть на сценѣ Гамлета, такъ какъ, по его словамъ, едва ли кто нибудь способенъ изобразить этотъ великій типъ, то актеры не испытали бы одной изъ самыхъ возвышенныхъ радостей, доставляемыхъ имъ искусствомъ. Въ характерѣ Гамлета такъ чудно смѣшаны всѣ лучшія стремленія и самыя привлекательныя слабости человѣческой натуры, всѣ ея нѣжнѣйшіе атрибуты и всѣ глубочайшія чувства, вызываемыя въ ней любовью, смертью, свободной волей, судьбой, что онъ затрогиваетъ всѣ стороны того страннаго соединенія матеріи и души, которое называется человѣкомъ. Вполнѣ и совершенно осуществить идеальную амальгаму всѣхъ этихъ элементовъ не дано никому изъ насъ. Но представить въ Гамлетѣ олицетвореніе сыновней любви, освѣтить его лучемъ сверхъестественной области, завѣса которой приподнята всесвѣтнымъ геніемъ, и придать его лицу выраженіе человѣка, вѣчно видящаго передъ собою явившійся ему призракъ, очистить отъ всѣхъ традицій, затмевающихъ искусственными наслоеніями самый живой, самый реальный изъ созданныхъ искусствомъ типовъ, произвесть на своихъ современниковъ впечатлѣніе Гамлета, какъ человѣка, а не какъ сценической роли — это, быть можетъ, самая высшая цѣль, которую можетъ имѣть актеръ. Вотъ почему одинъ или два Гамлета, напримѣръ, Эдвинъ Бутъ никогда не изгладятся изъ памяти видѣвшей ихъ публики. Невольно умъ сохраняетъ слѣдъ отъ этого рыцарскаго, восторженнаго и меланхолично граціознаго образа, когда суровое величіе другихъ созданій великаго поэта уже теряетъ свою чарующую силу». Конечно, если какой нибудь Гамлетъ производитъ такое впечатлѣніе на зрителей, то именно Гамлетъ-Ирвингъ.

Въ другихъ Шекспировскихъ роляхъ онъ точно также отличается оригинальностью и умѣніемъ оттѣнить человѣчную сторону изображаеммаго типа, а если Макбетъ и Отелло не имѣли такого успѣха, какъ Гамлетъ, то, быть можетъ, именно потому, что онъ слишкомъ оттѣнилъ человѣческую сторону такихъ типовъ, которымъ присущи жестокое честолюбіе и звѣрская страсть. Что касается до малаго успѣха Ромео и Лира, то за первую роль онъ взялся уже въ очень зрѣломъ возрастѣ, помѣшавшемъ ему вполнѣ выразить страстный пылъ влюбленнаго юноши, а относительно Лира онъ самъ говоритъ, что это — самая труднѣйшая изъ Шекспировскихъ ролей, такъ какъ въ ней надо изобразить борьбу

ослабѣвшаго ума и дряхлой старости съ могучей силой воли, на что просто у актера не хватаетъ техническихъ средствъ. За то въ Ричардѣ III, изъ котораго онъ сдѣлалъ не типическаго злодѣя, а хитраго, разсчетливаго, двуличнаго человѣка съ тонкимъ умомъ, царственной гордостью и мужественной отвагой, въ Яго, которому онъ придалъ образъ не чудовища, а глубоко разсчетливаго, хладнокровнаго интригана Макіавелевскаго типа, въ Шейлокѣ, принявшемъ въ его игрѣ невиданный дотолѣ образъ отвратительнаго, но все-таки сохранившаго слѣды человѣчности, типа загнаннаго вѣками еврея, въ изящномъ, дерзкомъ Бенедиктѣ — онъ воочію доказалъ, далѣе чего искусство идти не можетъ. То же впечатлѣніе выноситъ зритель, и смотря на Ирвинга, когда онъ въ Матіасѣ изображаетъ съ тонкой психологической точностью борьбу между спокойной внѣшностью и внутренними укорами совѣсти убійцы, или въ Карлѣ I прощается съ дѣтьми передъ казнью, или въ Ришелье рельефно выставляетъ сложную фигуру великаго министра, или въ Юдженѣ Арамѣ заставляетъ содрогаться публику отъ ужаса при интелектуальныхъ стараніяхъ убійцы-философа стушевать укоры совѣсти силой ума, или въ Мефистофелѣ, Донъ-Кихотѣ, Векфильдекомъ пасторѣ и Ривенсвудѣ осуществляетъ воочію тѣ знаменитые литературные типы, съ которыми всѣ образованные люди знакомы съ дѣтства, или наконецъ въ кардиналѣ Вульсэ, Томасѣ Бекетѣ и королѣ Артурѣ оживляетъ вѣками спавшіе историческіе образы. Конечно, всякій талантъ имѣетъ свои слабыя стороны, и никто не подвергался такимъ злобнымъ критикамъ, никто не былъ предметомъ такихъ многочисленныхъ каррикатуръ, какъ Ирвингъ. Его главнымъ образомъ обвиняютъ въ странныхъ, конвульсивныхъ жестахъ, въ искусственной, непріятной дикціи и въ переигрываніи; дѣйствительно Ирвингъ иногда прибѣгаетъ къ излишней жестикуляціи, говоритъ по временамъ стихи такъ протяжно или такъ скоро и съ такими произвольными удареніями, что даже англичане его не понимаютъ, наконецъ въ минуты пламеннаго одушевленія онъ захлебывается или хрипитъ. Но все это такіе мелочные недостатки, что, увидавъ два или три раза Ирвинга, уже не обращаешь на нихъ никакого вниманія; что касается до упрека въ переигрываніи, то это обычный пріемъ сторонниковъ рутины противъ настоящаго талантливаго артиста, который такъ сживается съ изображаемымъ лицемъ, что забываетъ все, увлекается самъ и не играетъ, а чувствуетъ, страдаетъ, волнуется, однимъ словомъ живетъ на сценѣ.

Чтобы имѣть полное понятіе о значеніи Ирвинга для англійскаго театра, недостаточно цѣнить его игру, какъ великаго актера, но слѣдуетъ принять въ соображенье его дѣятельность, какъ директора театра. Дѣйствительно, смотря на ту, или другую пьесу изъ громаднаго репертуара Лицеума, гдѣ принято во время сезона

рядомъ съ новыми произведеніями повторять иногда и тѣ изъ старыхъ пьесъ, которыя имѣли наибольшій успѣхъ во время всей директорской его карьеры,—невольно чувствуешь, что Ирвингъ не только исполняетъ главную въ ней роль, но что онъ душа всего представленія, что онъ руководитъ всей труппой и вдохновляетъ какъ актеровъ и актрисъ, такъ и декораторовъ, костюмеровъ и тѣхъ безконечныхъ лицъ, общими усиліями которыхъ создается это гармоничное цѣлое. Не успѣете вы войти въ театръ Ирвинга, какъ вы тотчасъ видите по всему, по общему впечатлѣнію и по самымъ мелочамъ, что это не лавочка, а храмъ искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что ни въ одномъ театрѣ на свѣтѣ нельзя встрѣтить такой изящной, художественной и осмысленной постановки, какъ въ Лицеумѣ; Ирвингъ не жалѣетъ ни средствъ, ни трудовъ, и все въ его театрѣ: декораціи, костюмы, аксесуары, поражаетъ блескомъ, картинностью, богатствомъ и вѣрностью жизни или исторической правдѣ. Труппа у Ирвинга, старательно подобранная, лично имъ обучаемая и постоянно пополняемая, не отличается выдающимися талантами, кромѣ Елены Терри, идеальной Офеліи, Дездемоны и Порціи, лучшей изъ современныхъ ingenue, не смотря на ея уже зрѣлый возрастъ, но зато всѣ играютъ добросовѣстно, прекрасно читаютъ Шекспира, не портятъ ни одной самой мелкой роли и составляютъ всѣ вмѣстѣ образцовое цѣлое, или ensemble. Наконецъ, Ирвингъ принимаетъ руководящее участье и въ самыхъ пьесахъ, дающихся на его театрѣ. Какъ мы видѣли, его репертуаръ состоитъ изъ Шекспира и историческихъ пьесъ; новыя пьесы исключительно историческаго или литературнаго содержанія, какъ передѣлки Фауста, Донъ-Кихота и т. д. заказываются имъ авторамъ и пишутся спеціально для его театра, при чемъ имѣются въ виду его сценическія и художественныя силы. Что касается до Шекспира, то Ирвингъ относительно его не только актеръ и режисеръ, но также издатель; онъ не только самъ играетъ его, какъ никто, и ставитъ его съ невиданнымъ доселѣ блескомъ и умѣніемъ, но напечаталъ такъ называемое театральное изданье Шекспира, при чемъ текстъ Шекспира возстановленъ въ его чистотѣ, но сдѣланы необходимыя сценическія измѣненія, безъ чего въ настоящее время Шекспира играть нельзя. Основою для этой работы Ирвингъ себѣ поставилъ слѣдующее правило: «пропускать часто, переставлять иногда, прибавлять никогда». Этого принципа онъ свято держался и, чтобъ понять, какую заслугу онъ оказалъ Шекспиру и англійскому театру, достаточно сравнить текстъ теперешнихъ пьесъ Шекспира съ безсмысленнымъ текстомъ передѣланнаго Колли Сибберомъ Шекспира, котораго играли Кинъ и Макриди. Это день и ночь, настоящій Шекспиръ и геній, изуродованный идіотскими наслоеніями. Что касается до самой постановки Шекспира, то Ирвингъ также строго держался слѣдующаго правила: «постановка не должна давать зрителю

никакого особаго впечатлѣнія, а лишь содѣйствовать общему впечатлѣнію пьесы, она окружаетъ актеровъ атмосферой, въ которой они могли бы дышать свободно, ставить ихъ въ подходящую среду, подъ тѣмъ свѣтомъ, который долженъ ихъ освѣщать. Роль постановки отрицательная. Она должна устранить всѣ препятствія и очистить путь актерамъ. Вотъ и все. Если она стремится къ чему нибудь большему, то это будетъ напрасно и вредно». Достаточно заглянуть въ театръ Ирвинга, чтобъ убѣдиться въ томъ, какъ точно исполняется тамъ эта программа. По мѣткому выраженію Филона: «Ирвингъ вставилъ великаго поэта въ такую рамку, какой бы онъ самъ пожелалъ для себя, еслибъ жилъ въ наше время».

III.

Для полноты нашей характеристики перваго титулованнаго актера, остается прибавить къ очерку внѣшней и внутренней стороны его сценической дѣятельности еще нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое онъ имѣлъ своимъ личнымъ примѣромъ, литературными произведеніями и публичными рѣчами на возрожденіе англійскаго театра, и, наконецъ, бросить хоть бѣглый взглядъ на теперешнее положеніе этого возрожденнаго театра.

Начавъ свою дѣятельность въ самую мрачную эпоху англійской сцены, когда съ одной стороны театръ находился въ упадкѣ, а съ другой—общество относилось презрительно къ актерамъ и актрисамъ, Ирвингъ поставилъ себѣ двойную цѣль: возстановить Шекспира и театръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ примирить общество съ актерами и поставить отношенія между ними на здравую, справедливую, равноправную ногу. Для достиженія послѣдней цѣли онъ постоянно писалъ статьи въ журналахъ и газетахъ, читалъ лекціи, произносилъ публичныя рѣчи, устраивалъ въ своемъ театрѣ ежегодные ужины, на которыхъ собиралъ избранное лондонское общество, при открытіи и закрытіи своего театра въ каждый сезонъ давалъ отчетъ публикѣ о своей дѣятельности, приходя, такъ сказать, въ прямое общеніе съ ней и своей личной популярностью, какъ высокообразованный и эстетически развитый человѣкъ, въ лучшемъ обществѣ, въ первыхъ лондонскихъ клубахъ, онъ содѣйствовалъ сближенію театра съ обществомъ. Никто краснорѣчивѣе и логичнѣе его не доказывалъ, что упадокъ театра и несправедливое отношеніе общества къ актерамъ въ странѣ, прославленной болѣе всего драматургомъ-актеромъ, было позорнымъ, недостойнымъ явленіемъ; никто такъ благородно не отстаивалъ чести и достоинства театра и его представителей, никто такъ разумно не выставлялъ значенія театра, какъ школы, и актера, какъ существа, представляющаго, по выраженію Шекспира, «зеркало природы, для того,

чтобъ показать добродѣтели ея черты, злу его образъ и времени его морщины». Съ горячимъ негодованіемъ и блестящей аргументаціей возставалъ онъ, напримѣръ, въ указанной уже выше статьѣ «Мои любимыя четыре роли» противъ мнѣнія нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ объ унизительномъ характерѣ сценическаго искусства. «Мы всѣ знаемъ,—говоритъ онъ,—что Макриди, спустя нѣсколько часовъ послѣ похоронъ своей дочери, игралъ роль Виргинія и никогда такъ хорошо не изображалъ отчаянія римскаго отца, какъ подъ впечатлѣніемъ собственнаго горя, но когда занавѣсъ опустился, то онъ почувствовалъ, что его искусство унижаетъ человѣческое достоинство. Надняхъ я читалъ, что актриса Фанни Кембль говорила, что игра на сценѣ имѣетъ нѣчто отталкивающее, такъ какъ она изсушаетъ источникъ естественныхъ ощущеній. Я рѣшительно не могу понять, почему въ этомъ отношеніи долженъ страдать одинъ актеръ, а не вмѣстѣ съ нимъ и романистъ; напримѣръ, Диккенсъ переживалъ радость и горе избранныхъ имъ типовъ и по цѣлымъ ночамъ ходилъ по улицамъ въ нервномъ возбужденіи отъ только что описанной имъ смерти воображаемаго героя. Отчего же онъ продолжалъ писать романы, не считая унизительнымъ сочувствіе къ несуществующему горю? Непостижимо для меня, почему униженіе для актера, оплакивающаго потерю своего ребенка, изобразить то же чувство на сценѣ, а не униженіе для автора разсказать на страницахъ своего романа ту самую раздирающую драму, которую онъ испыталъ въ своей жизни? Подобную идею я считаю столь же ложной, какъ предположеніе, что актеръ, хорошо играющій злодѣя, не можетъ быть нравственнымъ человѣкомъ. Я полагаю, что предразсудокъ, поддерживаемый въ многихъ умахъ мнѣніемъ Фанни Кембль, осуждающей искусство, которое прославило ея семью, происходитъ отъ убѣжденія, что актеръ не что иное, какъ живой фонографъ, передающій впечатлѣніе человѣческаго горя зрителямъ и внѣ сцены не принимающій никакого участія въ окружающей его жизни. Но это совершенно несправедливо; актеръ остается человѣкомъ, которому доступны всѣ человѣческія чувства, а эффектовъ въ своей игрѣ онъ достигаетъ психологическимъ единеніемъ съ изображаемымъ имъ лицемъ, что не только не унизительно, но доставляетъ ему моменты самаго возвышеннаго ощущенія. Каждая роль имѣетъ свою собственную атмосферу, и актеръ, отрѣшаясь отъ своей индивидуальной личности и вполнѣ усвоивая себѣ не только внѣшность, но и душу изображаемаго лица, совершаетъ интеллектуальный метемпсихозисъ далеко не унизительнаго характера. Часто играя старыя роли, которыхъ я давно не исполнялъ, я передъ выходомъ на сцену долго сижу въ своей уборной и стараюсь вызвать въ своемъ умѣ и сердцѣ тѣ впечатлѣнія и ощущенія, которыя соотвѣтствуютъ данной роли; откровенно сознаюсь, что я не нахожу ничего унизительнаго въ этомъ процессѣ, а, напротивъ, онъ дѣй-

ствуетъ на меня вдохновляющимъ образомъ». Въ доказательство ложности мнѣнія, господствовавшаго въ началѣ его сценической дѣятельности, что лучше читать Шекспира, чѣмъ его видѣть на сценѣ, онъ приводилъ въ своей рѣчи въ Гарвардскомъ университетѣ свидѣтельство знаменитой романистки Джорджа Эліота, говорившей: «Противно большинству, любящему читать Шекспира, я люблю смотрѣть его пьесы, и его великія трагедіи производятъ на человѣка громадное впечатлѣніе, какъ бы онѣ ни были сыграны». Эту же рѣчь онъ окончилъ слѣдующими замѣчательными словами: «Я былъ тридцать лѣтъ актеромъ и чистосердечно убѣжденъ, что профессія, къ которой я горжусь принадлежать, достойна сочувствія и поддержки всѣхъ интеллигентныхъ людей». Къ этой теоретической и практической пропагандѣ въ пользу театра и актеровъ, Ирвингъ, какъ истый англичанинъ, прибавлялъ еще очень вѣскій личный аргументъ: онъ доказывалъ своимъ примѣромъ, что можно разбогатѣть, будучи актеромъ и директоромъ театра. «Необходимо, чтобъ театръ былъ успѣшной спекуляціей, театръ иначе не будетъ имѣть, говорилъ онъ, успѣха и въ художественномъ отношеніи». Дѣйствительно Шекспиръ какъ бы пріобрѣлъ еще большую цѣну въ глазахъ англичанъ, когда въ рукахъ Ирвинга онъ оказался золотой рудой. А что дѣйствительно Ирвингъ сумѣлъ сдѣлать выгоднымъ коммерческимъ предпріятіемъ художественный театръ, доказывается, напримѣръ, фактомъ полученія 4,000 ф. стерлинговъ за послѣднія десять представленій «Короля Артура» въ нынѣшнемъ сезонѣ.

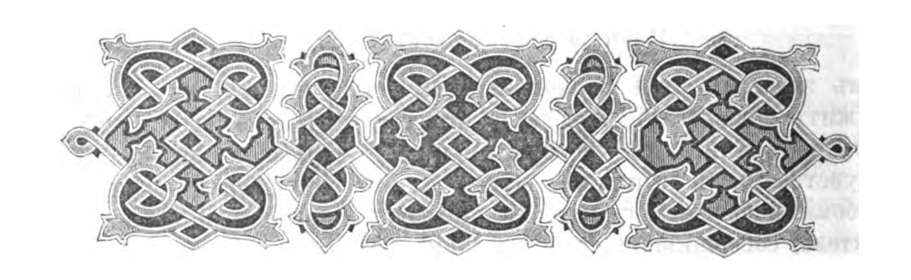
Какого же результата добился Ирвингъ? Въ настоящее время Шекспиръ царитъ въ лондонскихъ театрахъ: такъ, имѣютъ значительный успѣхъ на театрѣ Далли «Два Веронскихъ джентельмена» и «Сонъ въ лѣтнюю ночь», и на Лицеумѣ даже въ отсутствіе Ирвинга временный арендаторъ ставитъ «Ромео и Джульету». Литературная драма и комедія теперь господствуютъ на всѣхъ главныхъ лондонскихъ театрахъ, и хотя еще не явилось ни одного новаго геніальнаго произведенія, но цѣлая плеяда писателей съ Пинеро и Джонсомъ во главѣ стремится создать національный англійскій театръ. Во всякомъ случаѣ прошло время царства нелѣпыхъ фарсовъ, безсмысленныхъ мелодрамъ, идіотскихъ оперетокъ. Рядомъ съ авторами, заботящимися о возрожденіи англійской сцены, явились актеры и актрисы, которымъ дорого искусство. Наконецъ, съ одной стороны цѣлый рядъ способныхъ театральныхъ критиковъ, преимущественно Арчеръ и Клементъ Скоттъ, поддерживаютъ это движеніе, а съ другой—общество въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе интересуется театромъ и въ значительной мѣрѣ освободилось отъ своихъ старыхъ предубѣжденій противъ актеровъ. Теперь актеры и актрисы быстро завоевываютъ себѣ равноправность со всѣми другими членами общества. Внѣш-

нимъ залогомъ этой равноправности, такъ сказать, ея санкціей служитъ пожалованіе королевой Ирвингу титула боронета, что̀ до сихъ поръ считалось не мыслимымъ, а теперь принято самымъ сочувственнымъ образомъ всѣми слоями англійскаго общества, глубокимъ уваженіемъ котораго пользуется почтенный сценическій дѣятель, совершившій если не одинъ великую реформу современнаго англійскаго театра, то во всякомъ случаѣ игравшій первую и главную въ ней роль.

«Ирвингъ,—говоритъ Филонъ съ замѣчательнымъ для француза безпристрастіемъ, и его мѣткими, справедливыми словами мы окончимъ нашу статью,—теперь первый по свѣту актеръ; онъ вожакъ и царь своей профессіи. Онъ достоинъ этого господствующаго положенія красотой и единствомъ своей жизни, удивительной энергіей, выказанной имъ во всей своей дѣятельности, необыкновеннымъ разнообразіемъ его таланта и разумнымъ сочувствіемъ ко всѣмъ отраслямъ искусства, къ тѣмъ идеямъ, которыя составляютъ отличительный характеръ его времени».

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XIX и XX.—Указатель къ I—XX выпускамъ «Сборника». Тифлисъ. 1895.

Уже тринадцать лѣтъ управленіе Кавказскаго учебнаго округа, по мысли попечителя округа, К. П. Яновскаго, издаетъ свой этнографическій сборникъ, котораго вышло до сихъ поръ 20 томовъ, и такого рода дѣло нельзя не признать въ высшей степени полезнымъ. Сборникъ даетъ массу разнообразнаго этнографическаго и географическаго матеріала, и научное его значеніе давно уже оцѣнено спеціалистами: матеріалъ этотъ, касаясь Кавказа и населяющихъ его племенъ, важенъ не для одного кавказовѣдѣнія, но безъ него не могутъ обойтись вообще всякіе этнографы, фольклористы, посвящающіе свои труды изученію болѣе общихъ вопросовъ. Научное значеніе сборника побудило нашу академію принять его инициатора въ число своихъ членовъ, но, помимо этого, «Сборникъ» является могущественнымъ средствомъ къ подъему духа и умственныхъ интересовъ среди педагогическаго персонала Кавказа. Сколько мы слышимъ постоянно жалобъ на то, что въ провинціи люди опускаются, что всякая интеллектуальная работа очень скоро уступаетъ мѣсто зелену вину, зеленому столу и мелочнымъ сплетнямъ. Хотя такого рода жалобы и сѣтованія часто бываютъ преувеличены, хотя на нихъ можно отвѣчать, что отъ интеллигентныхъ людей, попадающихъ въ провинцію, отъ самихъ зависитъ поддержаніе въ себѣ умственныхъ интересовъ, отпоръ заѣдающей рутинѣ и окружающему застою,—но все-таки не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ очень слабъ и часто под-

дается одной инерціи, а потому необходимы внѣшнія средства, не дающія ему окончательно заснуть. Особенно все это примѣнимо къ педагогической средѣ, которая, какъ это ни ненормально, является въ провинціи самымъ отсталымъ и коснымъ элементомъ, а поэтому «Сборникъ», о которомъ мы говоримъ, оказываетъ огромную услугу именно участвующимъ въ немъ учителямъ сельскимъ и гимназическимъ, заставляя ихъ изучать тѣ уголки, куда ихъ забросила судьба. Указатель къ «Сборнику», очень обстоятельно составленный г. Козубскимъ, даетъ возможность обозрѣть вообще все его содержаніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаетъ данныя объ авторахъ, и оказывается, что въ 20 выпускахъ сборника принимало участіе до 400 человѣкъ, при чемъ иные помѣстили въ немъ по нѣскольку статей различнаго содержанія, какъ, напримѣръ, гг. Калашевъ, Лопатинскій, Мажниковъ, Семеновъ, Степановъ, Горбаневъ, Живилло, Захаровъ и др. Очень часто въ статьяхъ попадается много неважнаго, авторы открываютъ такія вещи, которыя давно извѣстны, но все же самый фактъ работы стольких лицъ не можетъ не быть симпатичнымъ, спасая ихъ отъ застоя и увлеченія тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ увлекаться людямъ интеллигентнымъ.

Позволивъ себѣ это длинное вступленіе по поводу указателя г. Козубскаго, обратимся къ содержанію послѣднихъ вышедшихъ томовъ «Сборника», выпусковъ XIX и XX. Первый изъ этихъ выпусковъ редактированъ г. Богоявленскимъ и почти цѣликомъ состоитъ изъ статей этнографическаго содержанія, и хотя первый отдѣлъ выпуска посвященъ статьямъ историко-географическимъ, но и въ этихъ статьяхъ этнографическій элементъ, т.-е. описаніе нравовъ и обычаевъ, преобладаетъ, и только двѣ статьи: «Очерки исторіи города Темиръ-Ханъ-Шуры» и «Изъ древностей селенія Ченахчи», представляютъ интересъ исключительно историко-археологическій. Первая статья, принадлежащая г. Козубскому, не заключаетъ въ себѣ какихъ либо новыхъ историческихъ данныхъ, но является очень хорошо составленнымъ сводомъ свѣдѣній, которыя имѣются въ кавказской литературѣ о Темиръ-Ханъ-Шурѣ, этой важнѣйшей изъ русскихъ военныхъ колоній на Кавказѣ Замѣтка учителя Меликъ-Шахназарова о древностяхъ селенія Ченахчи снабжена 12 снимками съ ченахчинскихъ надгробныхъ памятниковъ, которые было бы интересно сопоставить съ другими памятниками, встрѣчающимися на Кавказѣ и описанными В. Ѳ. Миллеромъ. Второй отдѣлъ XIX выпуска начинается рядомъ имеретинскихъ сказокъ, изъ которыхъ большинство имѣетъ параллели среди русскихъ сказокъ: сходство замѣчается, какъ въ миѳологическихъ сказочныхъ мотивахъ (напримѣръ, въ имеретинской сказкѣ «Леванъ-Дарвисъ-Швили» съ русской «Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри», или въ имеретинской сказкѣ «о десятиглавомъ орлѣ и охотникѣ» съ русской—«о морскомъ царѣ и Василисѣ Премудрой»),—такъ и въ житейскихъ, нравоучительныхъ подробностяхъ, хотя, конечно, можно указать много различій, объясняющихся различіемъ народнаго міросозерцанія и быта имеретинъ и русскихъ. Далѣе идутъ сказки грузинскія, но особенный интересъ представляютъ картвельскія легенды, въ которыхъ мы находимъ самыя удивительныя искаженія христіанскихъ религіозныхъ представленій. Конечно, источникъ такихъ легендъ слѣдуетъ искать въ апокрифической литературѣ, и нѣчто подобное этимъ сказаніямъ мы находимъ и у русскихъ. Особенно курьезной среди этихъ разсказовъ является легенда «Объ Іисусѣ Христѣ, пророкѣ Иліи и св. Георгіи»: св. Георгій перехитрилъ по легендѣ Іисуса Христа и пророка Илію и этой хитростью сумѣлъ расположить въ

свою пользу крестьянина, такъ что у грузинъ этотъ святой почитается выше всѣхъ. То, что сказано о грузинскихъ сказкахъ, вполнѣ примѣнимо къ сказкамъ армянскимъ и татарскимъ, напечатаннымъ въ XIX выпускѣ «Сборника»: и тѣ и другія одинаково даютъ богатый матеріалъ для сравненія съ русскимъ сказочнымъ эпосомъ.

Такимъ образомъ XIX выпускъ отличается преимущественно богатствомъ этнографическихъ данныхъ, и то же самое мы находимъ въ XX выпускѣ, редактированномъ Л. Г. Лопатинскимъ, хотя главное его содержаніе лингвистическое. Въ этомъ томѣ наше вниманіе останавливаетъ прежде всего статья смотрителя камарлинскаго училища, Хачатурова, о курдахъ. Въ послѣднее время столько писалось о звѣрствахъ курдовъ въ турецкой Арменіи, столько говорилось объ отрицательныхъ качествахъ этого бродячаго народца, что положительно очень пріятно поражаетъ то довольно безпристрастное описаніе быта этого племени, которое мы находимъ у г. Хачатурова. По словамъ армянъ, курды представляются какимъ-то чудовищнымъ явленіемъ, и уничтоженіе ихъ необходимо для распространенія цивилизаціи. Въ описаніи г. Хачатурова, который, какъ армянинъ, порой несвободенъ отъ враждебнаго отношенія къ курдамъ, этотъ народъ является совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи, и, какъ намъ кажется, такое изображеніе курдовъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ огульное ихъ порицаніе. Послѣ статьи г. Хачатурова очень интересной является статья г. Захарова: «Домашній и соціальный бытъ женщины у закавказскихъ татаръ». Хотя многое изъ того, что говорится въ этой статьѣ, извѣстно изъ другихъ сочиненій о бытѣ вообще мусульманской женщины, но, тѣмъ не менѣе, отдѣльныя жизненныя черты, подмѣченныя г. Захаровымъ, въ значительной степени дополняютъ наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Какъ уже сказано, главный интересъ XX выпуска заключается въ лингвистическомъ его матеріалѣ, и въ этой части особенно важными являются словарь айсорскаго языка, а также тексты курдскіе, талышинскіе, армянско-ташскіе, еврейско-арамейскіе и айсорскіе. При этихъ текстахъ приложенъ переводъ и даны грамматическія характеристики самыхъ языковъ. Хотя тексты очень помогаютъ изслѣдователямъ, но все-таки, намъ кажется, было бы нелишнимъ грамматическія примѣчанія, въ общемъ весьма цѣнныя, нѣсколько расширить, не ограничиваясь почти одной фонетикой; полезны были бы также и сравненія съ родственными языками, на что редакція нѣсколько поскупилась. Но, несмотря на это, лингвистическій матеріалъ, напечатанный въ XX выпускѣ «Сборника», представляется очень важнымъ, и было бы желательно въ дальнѣйшихъ выпускахъ помѣщеніе данныхъ для характеристики другихъ кавказскихъ нарѣчій.

А. Бороздинъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга девятая. Москва. 1894.

Книжки «Описанія документовъ и дѣлъ», издаваемыя архивомъ министерства юстиціи, какъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ цѣнный матеріалъ и обстоятельныя изслѣдованія, написанныя почти исключительно на основаніи сырого, архивнаго матеріала. Девятая книжка почти вся занята любопытнымъ изслѣдованіемъ г. Шимко «Патріаршій казенный приказъ». Несмотря на то, что этимъ вопросомъ занимался уже о. Горчаковъ, издавшій книгу о «Монастырскомъ приказѣ», г. Шимко удалось внести много

новаго въ изученіе этого предмета, главнымъ образомъ благодаря массѣ новаго матеріала, собраннаго въ архивѣ министерства юстиціи, а т кже и благодаря болѣе широкой постановкѣ вопроса. Первую часть своего труда г. Шимко посвятилъ внѣшней исторіи и устройству приказа. Выяснивъ вопросъ о его происхожденіи, авторъ разсматриваетъ отношеніе къ приказу патріарховъ, выясняетъ обязанности казначея, дьяка, и подьячихъ, отношенія приказа къ другимъ патріаршимъ центральнымъ и мѣстнымъ установленіямъ. Такимъ же точно образомъ излагаетъ г. Шимко исторію приказа въ XVIII вѣкѣ, когда послѣ смерти патріарха Адріана онъ поставленъ былъ сначала въ зависимость отъ монастырскаго приказа, а съ 1721 г. отъ святѣйшаго синода. Вторая часть изслѣдованія г. Шимко заключаетъ въ себѣ исторію архива этого приказа, а третья, наиболѣе обстоятельная, знакомитъ съ финансовой, административной и судебной дѣятельностью этого учрежденія. Кромѣ изслѣдованія г. Шимко, девятая книга заключаетъ въ себѣ начало описанія документовъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, заключающее въ себѣ описаніе документовъ разряднаго приказа. Описаніе это дѣлается вполнѣ научно, даетъ ясное представленіе о каждомъ изъ описываемыхъ документовъ и несомнѣнно, когда закончится, будетъ имѣть громадное значеніе для изслѣдователей, которымъ придется работать въ этомъ архивѣ.

В. Б.

О положеніи православія и русской народности въ Пинскомъ удѣльномъ княжествѣ и городѣ Пинскѣ до 1793 года. А. Миловидова. Москва. 1895.

Въ послѣднее время исторія уніи начинаетъ все болѣе и болѣе привлекать вниманіе изслѣдователей. Новые труды интересны главнымъ образомъ потому, что вводятъ въ обращеніе новый матеріалъ, добытый изъ разнаго рода архивовъ, даютъ возможность нарисовать болѣе полную и правдоподобную картину взаимныхъ отношеній между православными и католиками, до сихъ поръ не выясненныхъ вполнѣ точно. Г. Миловидовъ въ своей книжкѣ собралъ не мало данныхъ такого рода. Данныя эти интересны тѣмъ болѣе, что они извлечены изъ такихъ мѣстъ, какъ архивъ пинской духовной консисторіи, архивъ Лещинскаго монастыря и др., которыя могутъ считаться почти недоступными для изслѣдователя. На основаніи этихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно новыхъ, г. Миловидовъ набросалъ очень обстоятельную картину борьбы католиковъ съ православными въ Пинскѣ, но, къ сожалѣнію, довелъ свою исторію только до 1793 года. Такимъ образомъ, дальнѣйшая судьба уніи, т. е. обращеніе уніатовъ въ православіе, осталась пока невыясненной, хотя, вѣроятно, въ тѣхъ же архивахъ нашелся бы матеріалъ и для этого времени. Впрочемъ, кое-что для этого періода въ Пинскѣ можно найти въ изслѣдованіи г. Рункевича «Исторія Минской архіепископіи», которое, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ г. Миловидову. Напрасно также авторъ ввелъ въ свое изложеніе лирическій элементъ, заставляющій его скорбѣть по поводу «двускатныхъ крышъ съ готическими башенками по угламъ, католическихъ фронтоновъ, итальянскихъ пилястръ, заложенныхъ неправославною рукою». Пора бы, кажется, понять, что говорить нужно фактами, а не такого рода выраженіями собственныхъ чувствъ...

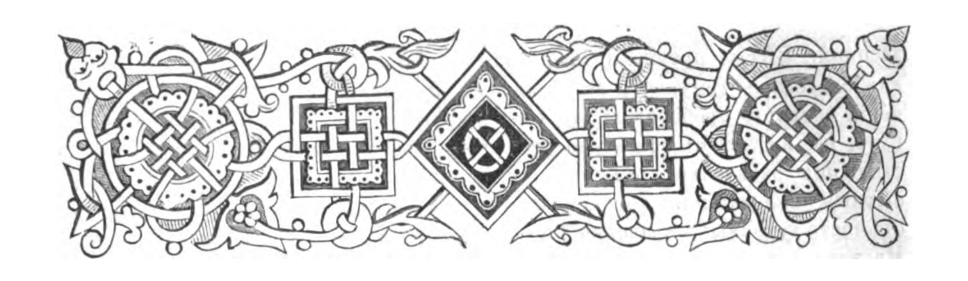
В. Б.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый комиссіею для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ, Волынскомъ и Подольскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Т. IX. Кіевъ. 1895.

Составленный по порученію Петра Могилы въ отвѣтъ на памфлетъ Саковича, «Лиѳосъ» является очень важнымъ памятникомъ южно-русской полемики XVII вѣка. По своему содержанію онъ представляетъ интересъ не только литургическій, но также историческій. Историкъ найдетъ въ немъ не мало матеріала для исторіи взаимныхъ отношеній между православными и уніатами, для изображенія быта, внутренняго состоянія, образованности и нравственности современнаго южно-русскаго духовенства, какъ православнаго, такъ и уніатскаго. Въ виду этого, Кіевская археографическая комиссія оказала большую услугу интересующимся этими вопросами, издавъ въ настоящемъ томѣ «Архива» этотъ важный памятникъ, представляющій собой теперь большую рѣдкость. Значеніе изданія увеличивается еще тѣмъ, что памятникъ переизданъ по экземпляру съ собственноручными замѣчаніями Касьяна Саковича, представляющими большой интересъ, особенно для характеристики Саковича. Какъ и всѣ изданія Кіевской комиссіи, и настоящее сопровождается предисловіемъ-изслѣдованіемъ. Авторъ этого изслѣдованія, г. Голубевъ, извѣстный своими трудами о Петрѣ Могилѣ и Кіевской духовной академіи, даетъ очень обстоятельную біографію и характеристику Саковича, характеристику его «Перспективы», а также и самого «Лиѳоса». Послѣдній, по мнѣнію профессора Голубева, составленъ по иниціативѣ Петра Могилы и при активномъ его участіи однимъ или нѣсколькими лицами, принадлежавшими къ ученому Могилянскому кружку, находившемуся въ Кіевѣ, но это коллективное участіе въ означенной ученолитературной работѣ могло быть не замѣчаемо въ виду выдающейся роли въ данномъ случаѣ самого митрополита.

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ [1].

ОКТОРА СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ И ДО НАШИХЪ ДНЕЙ. Знаменитый англійскій соціологъ, Гербертъ Спенсеръ, печатаетъ съ іюльскихъ книжекъ англійскаго журнала «Contemporary Review» и американскаго «Popular Science Monthly» [2]) новый свой трудъ объ эволюціи, или постепенномъ измѣненіи человѣческихъ профессій. Первый его очеркъ посвященъ докторамъ и хирургамъ. Съ самыхъ древнихъ временъ и до настоящей минуты, по его словамъ, среди дикихъ племенъ, напримѣръ, караибовъ, дакотовъ и монголовъ, медики и духовныя лица сосредоточивались и сосредоточиваются въ однихъ лицахъ. Происхожденіе этого сочетанія первобытнаго священника и врача объясняется тѣмъ, что первобытные врачи имѣли всегда дѣло съ предполагаемыми сверхъестественными явленіями: изгнаніемъ злыхъ духовъ, умилостивленіемъ оскорбленнаго божества и т. д. Поэтому первобытными врачами всегда и были или жрецы, или ку-

---

[1]) Опытъ убѣдилъ редакцію «Историческаго Вѣстника», что неудобно въ двухъ различныхъ отдѣлахъ говорить объ историческихъ новостяхъ иностранной литературы и журналистики, тѣмъ болѣе, что часто тѣ и другія относятся къ одному предмету; поэтому съ настоящей сентябрьской книжки отдѣлы «Историческія мелочи» и «Заграничныя историческія новости» будутъ соединены подъ заглавіемъ «Заграничныя историческія новости и мелочи» въ одну общую лѣтопись всего, что касается исторіи въ новѣйшихъ явленіяхъ заграничной жизни по части новыхъ историческихъ книгъ и журнальныхъ статей и историческихъ юбилеевъ и некрологовъ выдающихся дѣятелей, историческихъ справокъ по поводу современныхъ событій и т. д.

[2]) Physicians and Surgeons, by H. Spencer: Contemporary Review, Popular Science Monthly, july.

десники. Вѣчно предполагалось, что болѣзнь приходитъ по гнѣву боговъ, или благодаря тому, что въ больномъ поселился злой духъ, а для излѣченія больного требовалась въ томъ и другомъ случаѣ чудесная милость боговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ употреблялись жрецами-врачами и средства, дѣйствующія физически или химически, что и было началомъ медицины. Первобытныя цивилизаціи ясно показываютъ, какъ постепенно совершался переходъ отъ чисто духовныхъ врачеваній къ физическимъ, или химическимъ. По словамъ Масперо, «въ древнемъ Египтѣ исцѣлители принадлежали къ различнымъ категоріямъ: одни предавались колдовству и вѣрили только въ талисманы и заговоръ; другіе употребляли различныя снадобья, для чего изучали свойство растеній и минераловъ, но лучшіе врачи, обыкновенно жрецы, старательно избѣгали спеціальнаго примѣненія того или другого способа, а прибѣгали одинаково и къ заговорамъ, и къ снадобьямъ». Въ Вавилонѣ и Ассиріи эти три разряда первобытныхъ докторовъ не существовали такъ опредѣленно, но у халдеевъ мы видимъ тѣ же три разряда, подъ названіемъ заклинателей, теозофовъ и собственно врачей. «Врачъ, по словамъ профессора Сейса, былъ учрежденіемъ, присущимъ Ассиріи и Вавилону; хотя большинство народныхъ массъ, въ случаѣ болѣзни, обращалось къ жрецамъ и ихъ сверхъестественнымъ духовнымъ врачеваніямъ, но болѣе развитые люди вѣрили снадобьямъ врачей». Такимъ образомъ можно заключить, что медики мало-по-малу сдѣлались особымъ подраздѣленіемъ класса жрецовъ. Естественно и у евреевъ было то же: долго у нихъ такъ же, какъ у индусовъ и персовъ, искусство врачеванія принадлежало духовнымъ лицамъ, но потомъ связь между врачами и духовными лицами стала ослабѣвать, и между ними произошелъ разрывъ. Въ Эклезіастѣ прямо говорится: «сынъ мой, не запускай болѣзни, но обратись съ молитвой къ Господу, и Онъ тебя исцѣлитъ... а затѣмъ позови врача, Господь его создалъ, и ты въ немъ нуждаешься, а потому не прогоняй его». Въ талмудистской литературѣ мы находимъ относительно медицины ясное доказательство, что она находилась тогда въ переходной эпохѣ: сверхъестественное примѣшивалось къ физическимъ средствамъ; такъ раввинъ исцѣляетъ болѣзни возложеніемъ рукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ правильно объясняется происхожденіе нѣкоторыхъ недуговъ. Что касается первобытныхъ врачей у индусовъ, то имѣются свѣдѣнія въ туземныхъ сочиненіяхъ о томъ, что медицина предполагалась божественнаго происхожденія, и что Брама передалъ это искусство Индрѣ. Та же связь между медициной и національнымъ культомъ замѣчается и среди буддистовъ, которые изучали медицинскую науку въ центрахъ своей цивилизаціи, какъ, напримѣръ, въ монашескомъ университетѣ близъ Гайи. Точно такъ же и у грековъ медицина считалась божественнаго происхожденія, а въ врачахъ видѣли потомковъ бога Асклепія. «Многочисленныя семьи племенъ, называемыхъ асклепіадами,—говоритъ Гротъ,—посвящали себя изученію медицины и практическому ея примѣненію; они жили преимущественно вокругъ храма Асклепія и признавали въ этомъ богѣ не только предметъ своего культа, но и прямого своего предка. Съ теченіемъ времени эта профессія сдѣлалась совершенно свѣтской, и врачи отдѣлились отъ жрецовъ; тогда явились и новыя подраздѣленія: хирурги, фармацевты и т. д.». Существуетъ много доказательствъ, что въ первыя времена римской республики, когда не было особаго класса докторовъ, считалось, что болѣзни навѣяны сверхъестественной силой, и что отъ нихъ можно излѣчиться лишь

жертвоприношеніями извѣстнымъ богамъ. Одинъ изъ острововъ Тибра сдѣлался мѣстомъ культа бога Эскулапа, который спасъ народъ отъ какой-то эпидеміи. Очевидно, что и въ Римѣ, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ, сначала жрецы занимались врачеваніемъ, но нормальный ходъ эволюціи медицинской профессіи видоизмѣнялся, согласно различнымъ условіямъ. Доктора и хирурги въ Римѣ, отдѣлившись отъ жрецовъ, были преимущественно рабы и вольноотпущенники. «Въ 535 году,—говоритъ Момзенъ,—поселился въ Римѣ первый великій греческій врачъ, пелопонезецъ Архагатъ, и пріобрѣлъ своими успѣшными хирургическими операціями такую славу, что сенатъ даровалъ ему права римскаго гражданина. Съ тѣхъ поръ его товарищи наводнили Римъ, и медицинская профессія сдѣлалась монополіей чужестранцевъ». Въ виду противоположнаго язычеству характера христіанства можно было бы думать, что въ первые христіанскіе вѣка не будетъ ничего общаго между священниками и врачами, но такова сила человѣческихъ инстинктовъ, что и при распространеніи христіанства сохранилась народная вѣра въ сверхъестественное исцѣленіе болѣзни, и священники стали заниматься врачеваніемъ. Обыкновенно священники стояли во главѣ больницъ: такъ, въ Александріи устроилъ больницы святой Исидоръ, а въ Константинополѣ святой Самсонъ. Даже послѣ XVI вѣка медициной занимались почти исключительно монахи. Ихъ врачеваніе главнымъ образомъ было основано на молитвѣ, святой водѣ, мощахъ и т. д. Въ XII вѣкѣ священники повсемѣстно были врачами, такъ что вообще медикамъ не дозволялось жениться, и на это требовались особыя папскія буллы; напримѣръ, доктора парижскаго университета получили подобное разрѣшеніе только въ 1452 году. Въ Англіи связь между духовенствомъ и медициной была такъ сильна, что указомъ Генриха VIII было запрещено практиковать въ Лондонѣ и въ семи миляхъ вокругъ него докторамъ или хирургамъ, которые не выдержали экзамена и не получили патента отъ лондонскаго епископа, или декана св. Павла, при содѣйствіи факультета, а внѣ этихъ предѣловъ подобный патентъ выдавался мѣстнымъ епископомъ. Говорятъ, что до XIX столѣтія епископъ Кантербюрійскій сохранялъ свое право выдавать медицинскій дипломъ. Вмѣстѣ съ общей эволюціей въ медицинской профессіи стало опредѣляться и внутреннее измѣненіе въ составѣ врачей: такъ хирурги стали отдѣляться отъ докторовъ, а фармацевты отъ тѣхъ и другихъ. Впрочемъ, это подраздѣленіе замѣчалось въ Египтѣ до христіанской эпохи, но у грековъ врачъ былъ и докторомъ по внутреннимъ болѣзнямъ, и хирургомъ, и фельдшеромъ, и аптекаремъ. Въ древней Индіи подраздѣленія были до того въ модѣ, что существовали особые ушные врачи. Такимъ образомъ оказывается, что современная спеціализація въ медицинѣ не представляетъ ничего новаго, и, по словамъ Геродота, еще въ древнемъ Египтѣ одни доктора лѣчили голову, другіе—зубы, третьи—внутренность тѣла и т. д. Хотя у грековъ хирурги не отдѣлялись отъ докторовъ, но существовали окулисты, зубные врачи и т. д. Естественно, что съ подраздѣленіемъ медицины начали образовываться и ассоціаціи тѣхъ или другихъ врачей. Въ Александріи храмъ Сераписа былъ центромъ врачей, а въ Римѣ—храмъ Эскулапа. Въ средніе вѣка эти храмы замѣнились монастырями. Въ Италіи впослѣдствіи образовались особыя медицинскія учрежденія, какъ, напримѣръ, Салернская школа. Во Франціи въ концѣ XIII вѣка образовалась хирургическая коллегія по примѣру медицинскаго факультета. Въ Англіи, при Эдуардѣ IV, образована корпорація

брадобрѣевъ-фельдшеровъ; въ XV вѣкѣ основана коллегія медиковъ, которая получила право выдавать дипломы вмѣсто епископовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространились по всей Англіи медицинскія школы и больницы съ клиническими отдѣленіями. Потомъ явились медицинскіе журналы и газеты, которые служили связующимъ звеномъ между всей медицинской профессіей. Послѣдней ступенью въ этомъ длинномъ рядѣ видоизмѣненій во врачебной медицинѣ служитъ тотъ фактъ, что доктора стали вмѣстѣ съ тѣмъ профессорами анатоміи и физіологіи, даже біологіи, что, конечно, только принесетъ пользу медицинѣ, расширяя ея кругозоръ.

Также о докторахъ, но не съ общей, исторической и философской точекъ зрѣнія, а спеціально о врачахъ одной національности и одной эпохи говорится въ недавно вышедшей въ Парижѣ книгѣ Мориса Альбера: «Греческіе доктора въ Римѣ» [1]. Серьезная ученая подкладка этого интереснаго труда такъ ловко скрыта подъ анекдотической его стороной, что онъ читается очень легко и представляетъ занимательную картину завоеванія Рима греческими врачами. Эти люди, столь ненавидимые Катономъ, который не находилъ словъ для ихъ проклятья, принесли съ собою въ будущую столицу свѣта если не науку, то хоть научный духъ. Они вырвали больныхъ у знахарей, кудесниковъ и оракуловъ, стараясь замѣнить заговоры и заклинанія радикальными врачебными средствами; они спасали болѣе народа отъ различныхъ недуговъ и въ особенности отъ наводившихъ такую панику на Римъ эпидемій, чѣмъ всѣ боги вмѣстѣ. Со времени Архагата, который первый сталъ практиковать медицину и хирургію въ Римѣ, до его преемниковъ въ V столѣтіи христіанской эры, греки пользовались монополіей въ медицинѣ, а сами римляне только создали ея исторіографа, Цельзія. Если немногіе римляне, соблазненные большими доходами, которые получались греческими докторами, и рѣшались идти въ доктора, то имѣли успѣхъ и практику только подъ условіемъ выдавать себя за грековъ и писать, даже говорить, только погречески. Замѣчательной чертой греческихъ докторовъ въ Римѣ было близкое сочетаніе медицины того времени съ философіей; такъ, во время республики, они всѣ преклонялись передъ Епикуромъ, и его теорія впервые введена въ Римѣ однимъ изъ нихъ, Асклейсадомъ. При имперіи ихъ одушевлялъ стоицизмъ, и никогда они не покидали философіи въ той или другой ея формѣ. Галіенъ оставался всю свою жизнь вѣрнымъ ученію Платона и въ своихъ филологическихъ трудахъ а также въ спеціальномъ трудѣ доказывалъ, что докторъ долженъ быть философомъ.

— Увеселенія въ европейскихъ курортахъ въ XVIII в. Фернанъ Енжеранъ продолжаетъ въ «Revue Nouvelle» свои интересные очерки о томъ, какъ жилось въ старину въ модныхъ курортахъ, и въ первомъ августовскомъ номерѣ этого журнала [2]) знакомитъ читателей съ ежедневной жизнью въ Спа, Швальбахѣ, Шинцнахѣ и Баденѣ (швейцарскомъ). Эти четыре мѣстечка соперничали между собой по блеску своихъ удовольствій, но мало-по-малу больные бѣжали оттуда, напуганные вѣчнымъ шумомъ и непрерывными праздниками, такъ что тамъ царили безгранично свѣтскія красавицы, роскошь и игра. До половины XVIII столѣтія Спа въ Бельгіи былъ просто средоточіемъ свѣт-

---

[1]) «Les medecins grecs à Rome», par M. Albert, Paris, 1895.

[2]) Les amusements des villes d'eaux etrangères au XVIII siècle, par F. Engerand. «Nouvelle Revue», 1 août.

скаго общества всей Европы, и его посѣтители проводили весь день съ 4-хъ часовъ утра, когда начиналось питье водъ, въ прогулкахъ, ѣдѣ, всевозможныхъ увеселеніяхъ, танцахъ, слушаніи музыки и ухаживаніи за дамами со стороны мужчинъ и въ частой перемѣнѣ туалета и въ кокетничаніи со стороны женщинъ. Но съ пятидесятыхъ годовъ, когда наводнили Спа англичане, онъ совершенно преобразился и сдѣлался большимъ игорнымъ домомъ, такъ что изъ 2-хъ и 3-хъ тысячъ иностранцевъ, посѣщавшихъ его въ продолженіе сезона, не болѣе 200 серьезно пило воды. Играли цѣлый день; съ утра располагали зеленые столы въ галлереяхъ подлѣ источника и рѣзались въ фараонъ, бириби и крепсъ, тогдашнія модныя игры въ карты, а затѣмъ днемъ и вечеромъ игра продолжалась все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ бѣшенствомъ въ знаменитыхъ Редутѣ и Вокзалѣ, которые долго соперничали между собою, а потомъ слились въ одно учрежденіе. Одинъ Редутъ приносилъ въ сезонъ картами, балами, театральными представленіями, буфетомъ, бильярдомъ и т. д. болѣе 100.000 флориновъ своимъ счастливымъ акціонерамъ. Въ 1780 г. содержатель игры въ бириби выручилъ 9.000 луидоровъ, а Делейтенъ, бывшій лакей, нажилъ устройствомъ игры въ тридцать-сорокъ 14,000 луидоровъ въ 1781 г. Вообще же иностранцы проигрывали отъ 18.000 до 24.000 луидоровъ въ сезонъ, и этими картежными проигрышами не только обогащались содержатели игорныхъ домовъ, но самый городъ и даже принцъ-епископъ Литихскій. Швальбахъ въ Нассау не уступалъ Спа по своимъ удовольствіямъ и картежнымъ домамъ, гдѣ, однако, было очень много шуллеровъ, но отличительной его чертой было гостепріимство нѣсколькихъ крупныхъ нѣмецкихъ аристократовъ, которые ежедневно угощали за своимъ роскошнымъ столомъ до полусотни и болѣе знатныхъ иностранцевъ. Первое мѣсто среди этихъ щедрыхъ вельможъ занимали: мѣстный владѣтель ландграфъ Гессенъ-Рейнфельдскій, принцъ Нассау-Вейльбургскій, имѣвшій лучшую кухню во всей Германіи, и принцъ Туръ и Таксисъ, содержавшій на свой счетъ итальянскую оперу. Вблизи отъ Швальбаха находились Шлингенбадъ и Висбаденъ, гдѣ дѣйствительно пили минеральную воду и отдыхали отъ шумныхъ удовольствій Швальбаха, но за то и порядочно скучали. Швейцарскіе модные курорты Шинцнахъ и Баденъ далеко не походили другъ на друга; первый кичился своей простотой и патріархальностью, представляя въ видѣ удовольствій только прогулки, пикники и танцы на чистомъ воздухѣ, а послѣдній, хотя и пересталъ быть въ XVIII вѣкѣ «садомъ сладострастія всей Европы», какъ въ средніе вѣка, но все-таки привлекалъ массу иностранцевъ своей жизнью, а главное легкими нравами. Швейцарскія дамы и молодыя дѣвушки славились тогда ужаснымъ пуританствомъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль въ Баденѣ они забывали всѣ свои строгія правила и бѣшено веселились, не зная удержу. Онѣ купались вмѣстѣ съ мужчинами въ публичныхъ купальняхъ, гдѣ возобновлялись сатурналіи, столь прославившія Баденъ среднихъ вѣковъ, но одна только странная черта была у этихъ соблазнительныхъ красавицъ; по словамъ одного современника, «во время танцевъ часто изъ-подъ ихъ прекрасныхъ волосъ показывалось нѣчто постороннее, но ихъ кожа была такъ прелестна, что кавалеры съ удовольствіемъ освобождали ихъ отъ этихъ послѣдствій неопрятности».

— Неизданные мемуары князя Станислава Понятовскаго. Іосифъ Корженевскій, директоръ польской библіотеки въ Парижѣ, читалъ недавно, на годичномъ собраніи «общества дипломатической исторіи», состоя-

щаго подъ предсѣдательствомъ графа Габріака, любопытные отрывки изъ доселѣ неизданныхъ мемуаровъ князя Станислава Понятовскаго, племянника польскаго короля Станислава-Августа и современника Людовика XV, Фридриха II, императора Іосифа и императрицы Екатерины II, съ которыми онъ находился въ болѣе, или менѣе близкихъ отношеніяхъ. Объ этихъ мемуарахъ до сихъ поръ ничего не было извѣстно и только впервые упомянуто объ нихъ въ книгѣ графа Муи о перепискѣ между королемъ Станиславомъ-Августомъ и госпожею Жофренъ; теперь они подготовляются къ печати и выйдутъ въ журналѣ Общества дипломатической исторіи (Revue d'histoire diplomatique). Но первая августовская книжка Revue des Revues[1]) уже заранѣе знакомитъ читателей съ нѣкоторыми страницами изъ воспоминаній этого очевидца стольkихъ крупныхъ историческихъ событій конца прошедшаго столѣтія. Такъ какъ большая часть этихъ воспоминаній касается Россіи, то мемуары Понятовскаго получаютъ для насъ наибольшое значеніе, хотя, судя по приведеннымъ Корженевскимъ во французскомъ журналѣ отрывкамъ, они имѣютъ болѣе анекдотическій характеръ, чѣмъ историческую важность. Сынъ старшаго брата короля Станислава-Августа, князь Станиславъ Понятовткій родился въ 1754 году и получилъ поверхностное образовані тогдашнихъ аристократовъ, но пятнадцати лѣтъ король послалъ его въ Вѣну, въ Парижъ и Лондонъ для того, чтобы схватить вершки образованія. Дѣйствительно юноша занимался нѣсколько времени въ Кембриджскомъ университетѣ, а въ вѣнскомъ и парижскомъ обществахъ онъ заимствовалъ внѣшній свѣтскій лоскъ. Находясь при дворѣ императора Іосифа II, онъ впервые увидалъ прусскаго короля Фридриха II, и вотъ какъ онъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ во Флоренціи, когда ему было 67 лѣтъ, объ этой встрѣчѣ съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ своихъ современниковъ: «это было въ лагерѣ подъ Ольхау, и дождь шелъ нѣсколько дней ливмя. Фридрихъ изъ любезности хотѣлъ представиться императору въ бѣломъ мундирѣ, но таковой нашелся одинъ во всей его арміи, а когда этотъ мундиръ промокъ, то королю пришлось лечь въ постель, пока онъ высохнетъ, такъ какъ онъ долженъ былъ снова явиться въ немъ на обѣдъ къ императору. На этомъ обѣдѣ онъ посадилъ рядомъ съ собой фельдмаршала Лаудона, говоря: «я лучше люблю васъ имѣть рядомъ съ собой, чѣмъ противъ себя». Послѣ обѣда, въ театрѣ, который не былъ затопленъ дождемъ, давали оперу-буффъ и балетъ. Фридрихъ постоянно разыгрывалъ роль маленькаго курфюрста и, разговаривая съ императоромъ, почтительно сидѣлъ на кончикѣ своего стула. Я вмѣстѣ съ принцемъ де-Линемъ помѣщался за ними, и послѣдній, отличаясь удивительною легкостью сочинять стихи, говорилъ вполголоса экспромтомъ сотню строфъ, предметомъ которыхъ были любовныя приключенія прусскаго короля. Все это, конечно, было бы о ень забавно, если бы до меня не долетали слова императора и Фридриха, которые тогда совѣщались о первомъ раздѣлѣ Польши». Въ Парижѣ Понятовскій имѣлъ много друзей, между прочимъ, извѣстную г-жу Жофренъ, но, по его словамъ, велъ себя, особенно для юноши, очень самостоятельно; такъ, когда оберъ-церемоніймейстеръ, послѣ представленія его королю, объявилъ, что повезетъ его къ королевской фавориткѣ Дю-Бари,—гордый полякъ молча отвернулся и не поѣхалъ, что сни-

---

[1]) Memoires inedits du prince Stanislas Poniatowski, Revue des Revues, 15 août.

скало ему большую популярность при маленькомъ дворѣ дофина и его жены. Посѣтивъ еще разъ Римъ, Понятовскій вернулся въ Варшаву въ 1776 году и принялъ участіе въ политической дѣятельности, въ качествѣ предсѣдателя постояннаго совѣта, нѣчто въ родѣ совѣта министровъ, канцлера великаго княжества Литовскаго и администратора королевскихъ экономій, т.-е. государственныхъ имуществъ. Хотя онъ увѣряетъ, что былъ тогда самымъ богатымъ человѣкомъ въ Европѣ, владѣя помѣстьями въ 500 тысячъ душъ, но врядъ ли его богатства могли сравниться съ колоссальными богатствами Потоцкихъ, Радзивилловъ и Чарторійскихъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень богатый человѣкъ и, по свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ въ то время Польшу, напримѣръ, Вильяма Кокса, Бернули и Шульца, онъ много дѣлалъ добра и заботился о процвѣтаніи ввѣреннаго ему судьбой населенія. Кромѣ своихъ постоянныхъ оффиціальныхъ обязанностей, онъ исполнялъ дипломатическія порученія короля и въ качествѣ его представителя являлся на различныхъ конгрессахъ и при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ. «Вслѣдствіе Макроновскаго сейма, принявшаго нѣсколько новыхъ полезныхъ законовъ для Польши,—разсказываетъ онъ:—я былъ посланъ королемъ въ Петербургъ, чтобы поблагодарить императрицу Екатерину II за то, что Россія на этотъ разъ не оказала никакого противодѣйствія. Она приняла меня тогда также, какъ и во всѣ послѣдующія мои посѣщенія Россіи, такъ любезно, что я навсегда сохранилъ объ этомъ благодарную память. При дворѣ говорили, что въ ея пріемѣ было нѣчто больше обыкновенной милости, но я не хотѣлъ обратить на это вниманія, такъ какъ боялся оскорбить гордость женщины, еще вполнѣ сохранявшей свою красоту и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшей великой государыней. Ея поведеніе относительно меня только увеличило мое уваженіе къ ней. Любезное обращеніе со мной императрицы возбудило противъ меня неудовольствіе великаго князя Павла, который всегда осуждалъ всѣ ея дѣйствія. Его враждебность ко мнѣ усилилась еще наговорами на меня со стороны князя Репнина, бывшаго посломъ въ Варшавѣ и который отличался рыцарскимъ характеромъ, но относительно Польши питалъ архирусскіе принципы. Однажды, оставшись наединѣ, мы долго разговаривали съ нимъ о Польшѣ: съ откровенностью двадцатилѣтняго юноши я высказалъ ему, что русская политика въ Польшѣ обязательно приведетъ къ самымъ роковымъ послѣдствіямъ, а онъ отвѣчалъ также искренно, что благоденствіе Польши не могло соотвѣтствовать благоденствію Россіи». Въ 1779 году Понятовскій сопровождалъ императрицу Екатерину и императора Іосифа II во время ихъ путешествія въ Могилевъ, причемъ онъ дозволилъ себѣ написать Екатеринѣ письмо, въ которомъ прямо спрашивалъ, какія были ея намѣренія относительно Польши, но, конечно, эта смѣлая выходка молодого человѣка осталась безъ отвѣта. Впрочемъ, Екатерина на него не разсердилась, и во время ея знаменитаго путешествія въ Крымъ въ 1787 году онъ принималъ участіе въ ея свиданіи съ королемъ польскимъ и императоромъ Іосифомъ II. По его словамъ, онъ встрѣтился съ императоромъ въ Херсонѣ и имѣлъ съ нимъ нѣсколько очень важныхъ бесѣдъ, въ продолженіе которыхъ Іосифъ заявилъ ему, что согласился съ императрицей насчетъ возведенія на польскій престолъ князя Станислава послѣ смерти его дяди, и что онъ, императоръ, вполнѣ согласился бы на возстановленіе Польши въ прежнихъ ея границахъ и отдать ей Галицію, еслибъ то же сдѣлали бы другія европейскія державы. «Императрица,—разсказываетъ

Понятовскій, — въѣхала въ Херсонъ подъ тріумфальной аркой въ золотой каретѣ съ ея шифромъ изъ крупныхъ брилліантовъ. На аркѣ была греческая надпись, которую никто не могъ мнѣ прочесть, но наконецъ архіепископъ объяснилъ мнѣ, что надпись гласила: «это — дорога въ Константинополь». Турки въ Очаковѣ нашли подобную выходку не очень любезной и подготовили флотъ, который возбудилъ панику въ Херсонѣ. Тогда князь Потемкинъ, бывшій главнымъ начальникомъ этой страны и, можно сказать, вице-императоромъ, вскочилъ въ карету, въ халатѣ безъ панталонъ, и поскакалъ съ принцами де-Линемъ и Нассау въ Кинбурнъ, чтобы принять мѣры для отраженія турокъ». Далѣе мемуары Понятовскаго представляютъ много любопытныхъ подробностей о послѣднихъ годахъ царствованія Станислава-Августа, о второмъ и третьемъ раздѣлахъ Польши, а также о пребываніи свергнутаго короля въ Гродно. Лишившись, вслѣдствіе этихъ событій, всѣхъ своихъ помѣстій, которыя были секвестрованы, Понятовскій отправился въ Петербургъ и былъ принятъ, по обыкновенію, Екатериной чрезвычайно милостиво, даже онъ увѣряетъ, что она предлагала ему поселиться въ Россіи и жениться на великой княжнѣ Александрѣ, отчего онъ будто бы отказался, желая сохранить свою независимость. Но во всякомъ случаѣ, за нѣсколько дней до смерти императрицы, ему были возвращены его владѣнія. «Я часто видалъ императрицу,—говоритъ онъ по поводу этого послѣдняго своего пребыванія въ Петербургѣ: — на ея прекрасной дачѣ въ Царскомъ Селѣ; мы предпринимали съ ней длинныя прогулки, а потомъ, усѣвшись на скамейкѣ, разговаривали объ очень интересныхъ предметахъ. Конечно, мы говорили обо всемъ, кромѣ Польши, а преимущественно предметомъ нашихъ разговоровъ были сосѣднія съ Россіей страны на югъ и на востокъ, которыя ей были извѣстны лучше кого либо. Часто эти прогулки и разговоры происходили въ то время, когда во дворцѣ приглашенные танцовали на балу. Вообще объ императрицѣ не имѣютъ правильнаго понятія. Кромѣ оффиціальныхъ аудіенцій, когда она разговаривала съ европейскими дипломатами, Екатерина говорила просто и естественно, ея разговоръ былъ всегда поучителенъ. Если бы ее въ эти минуты увидалъ человѣкъ, не знавшій ея положенія, то онъ принялъ бы ее за очень богатую и очень образованную жену негоціанта. Только въ тѣ моменты, когда она говорила о своей имперіи, она какъ бы выростала и упоминала о томъ, что весь востокъ принадлежалъ Россіи и составлялъ пятую часть свѣта. Чтобы придать болѣе естественный характеръ ея разговору, стоило только собесѣднику распространиться о чемъ либо, еще болѣе колосальномъ, но, по счастію, подобные случаи были рѣдки... Императрица Екатерина умерла во вторникъ 17 ноября 1796 года, въ 9 часовъ утра, отъ апоплексическаго удара. Она, повидимому, никогда лучше себя не чувствовала, какъ въ послѣдніе дни; но ея докторъ Роджерсонъ имѣлъ кое-какія опасенія и хотѣлъ пустить ей кровь. «Дайте мнѣ покончить одно маленькое дѣльце, а потомъ я въ вашемъ распоряженіи». Это маленькое дѣльце было подписаніе четвернаго союза и отправка противъ Франціи перваго русскаго отряда въ 80 тысячъ человѣкъ». Какъ только воцарился императоръ Павелъ I, Понятовскій продалъ всѣ свои помѣстья въ Россіи и удалился въ Италію, гдѣ прожилъ, всѣми забытый, тридцать лѣтъ и умеръ во Флоренціи въ 1833 году.

— Воспоминанія генерала и солдата о походѣ 1812 года. Ежедневно возростающая литература мемуаровъ о войнахъ Наполеона обогати-

лась надняхъ еще двумя новыми книгами: «Воспоминаніями генерала барона Пуже» [1]) и «Маршевымъ журналомъ» гренадера Пильса [2]). Хотя оба эти сочиненія не представляютъ особаго историческаго интереса, и ихъ авторы не играли выдающейся роли въ той блестящей эпохѣ, къ которой относится ихъ военная дѣятельность, но для насъ любопытны тѣ страницы воспоминаній какъ генерала, такъ и солдата наполеоновской арміи, которыя относятся до похода въ Россію въ 1812 году, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ, именно генералъ Пуже, былъ въ плѣну и находился нѣсколько времени въ Петербургѣ. Кромѣ этой стороны, разсказъ о военныхъ похожденіяхъ генерала Пуже отличается большей живостью и картинностью, чѣмъ «Маршевый журналъ» гренадера Пильса, который былъ ординарцемъ у маршала Удино и только акуратно записывалъ каждый день всѣ переходы той части французской арміи, которою командовалъ его начальникъ. Конечно, тотъ фактъ, что этотъ дневникъ велъ простой солдатъ, представляется необыкновеннымъ и заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что его сочиненіе снабжено очень оригинальными, хотя грубоватыми рисунками этого художника-самоучки, но для общаго читателя мало интересны и даже скучны мелочныя подробности о томъ, куда пошелъ такой-то полкъ, откуда двинулась такая-то дивизія, въ какомъ именно мѣстѣ находился тогда-то Удино, въ которомъ часу онъ всталъ, когда легъ, что ѣлъ и т. д. Но за то значеніе этого дневника велико для историка, и издатель его Ситернъ во многихъ мѣстахъ опровергаетъ простыми, безхитростными, но достовѣрными фактами, которые приводятся солдатомъ Пильсомъ, эфектные разсказы знаменитаго генерала Марбо объ его фантастическихъ подвигахъ. Оба они, и генералъ и солдатъ, находились въ той части французской арміи, которая была направлена на Петербургъ и имѣла дѣло съ русскими войсками князя Витгенштейна. Но Пуже имѣлъ еще и ранѣе столкновенія съ русскими. Такъ, послѣ Тильзитскаго мира онъ стоялъ со своимъ полкомъ въ г. Браунебергѣ и устроилъ дружественную встрѣчу проѣзжавшему мимо русскому послу графу Толстому, который въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау командовалъ однимъ изъ русскихъ отрядовъ. По словамъ Пуже, Толстой во время обѣда откровенно признавался, что за два дня до названнаго сраженія онъ понесъ большой уронъ при стычкѣ съ французами, которые, къ его стыду, были малочисленнѣе, а когда онъ узналъ, что имѣлъ тогда дѣло именно съ полкомъ Пуже, то дружески пожалъ ему руку, говоря: «какъ ни увѣряютъ, что мы дикари, но мы умѣемъ уважать храбрость и достоинство въ своихъ врагахъ; Французскія войска отличаются не только храбростью, но и большимъ знаніемъ, чѣмъ мы, такъ что нашимъ генераламъ нужно по крайней мѣрѣ два похода, чтобы сдѣлаться достойными соперниками такого непріятеля». Вскорѣ послѣ этого Пуже принималъ въ другомъ нѣмецкомъ городкѣ, Маріенверденѣ великаго князя Константина Павловича и императора Александра во время ихъ проѣзда въ Эрфуртъ. Первый проѣзжалъ одинъ и съ видимымъ удовольствіемъ, остановившись, по предложенію Пуже, сдѣлалъ смотръ его полку, а потомъ обѣдалъ съ офицерами. Что касается импе-

[1]) Souvenirs de guerre du général baron Pouget, publiés par madame de Boideffre, Paris, 1895.

[2]) Journal de marche du grenadier Pils (1804 — 1814), recueilli et annoté par Rooul de Cisternes, Paris, 1895.

ратора Александра, то онъ поразилъ французовъ своей удивительной памятью, такъ какъ узналъ нѣсколькихъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну у русскихъ послѣ аустерлицкой битвы. Онъ былъ такъ любезенъ со всѣми, что не дозволилъ офицерамъ стоять передъ нимъ съ обнаженной головой, а прямо сказалъ: «если вы не хотите надѣть своихъ шляпъ, то я самъ сниму шляпу». Потомъ онъ принялъ предложенный ему завтракъ, выпилъ чашку чая и наговорилъ много интереснаго для французовъ, именно, что считаетъ за счастіе свою дружбу съ Наполеономъ, что обѣ великія націи французская и русская созданы для сохраненія спокойствія Европы, что онъ считаетъ однимъ изъ лучшихъ дней своей жизни тотъ, когда впервые увидалъ Наполеона на Нѣманѣ, и что надѣется въ Эрфуртѣ утвердить ихъ доброе соглашеніе. На возвратномъ пути Александра, Пуже снова приготовилъ ему радушный пріемъ, но императоръ, при проѣздѣ, спалъ, а сопровождавшій его графъ Толстой не совѣтовалъ его будить, такъ что онъ проснулся только, когда пришлось переправляться черезъ Вислу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. Французскіе офицеры все-таки представились ему, но онъ не былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, какъ прежде, и, распространяясь объ удовольствіяхъ, которыми окружилъ его Наполеонъ въ Эрфуртѣ, ни слова не сказалъ о результатѣ свиданія, что французы тотчасъ признали за дурное предзнаменованіе. Но, несмотря на это, французы такъ мало ожидали войны съ дружественной тогда русской державой, что когда въ 1812 году подвинули французскія войска къ русской границѣ, то всѣ полагали, что французская армія идетъ чрезъ русскія степи въ Индію, чтобы тамъ нанести окончательный ударъ Англіи. По крайней мѣрѣ такъ увѣряетъ Пуже, и, по его словамъ, повязка со всѣхъ глазъ свалилась только въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда императорская прокламація указала удивленнымъ французамъ на настоящую цѣль новаго похода. Пуже командовалъ бригадой въ корпусѣ Удино и, перейдя Нѣманъ близъ Ковно, направился прямо на Вилькомиръ, откуда русскіе, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, удалились въ Динабургъ, гдѣ были возведены ими значительные ретраншементы. Пуже занялъ Полоцкъ послѣ битвы, въ которой получилъ рану штыкомъ; хотя съ первой минуты въ Россіи ему не посчастливилось, но онъ отдаетъ справедливость русскимъ офицерамъ, что во время пріостановки военныхъ дѣйствій для уборки убитыхъ и раненыхъ они чрезвычайно любезно обращались съ французами, угощали ихъ водкою и дружески жали имъ руки. Рана его оказалась на столько тяжелой, что онъ вынужденъ былъ поѣхать для излѣченія въ Вильну, гдѣ находился также раненый Удино. Не успѣлъ онъ немного поправиться, какъ 21 сентября ему поручили управленіе, военное и административное, Витебской губерніи. «Витебскъ,—разсказываетъ онъ:—самый большой городъ того, что называютъ Бѣлой Россіей. Раздѣленный Двиною на двѣ неравныя части, онъ почти исключительно населенъ евреями. Открытый со всѣхъ сторонъ, какъ деревня, онъ не представлялъ никакихъ средствъ къ защитѣ, даже не было каменныхъ оградъ у садовъ, которыя могли бы быть хоть какими нибудь ретраншаментами. Такимъ образомъ необходимо было около семи тысячъ солдатъ съ кавалеріей и артиллеріей для его защиты, тѣмъ болѣе, что это былъ важный стратегическій пунктъ на дорогѣ изъ Вильно въ Петербургъ. Къ тому же въ немъ, какъ въ губернскомъ городѣ, были сосредоточены всѣ административныя учрежденія. Находясь на аванпостахъ французской арміи, Витебскъ могъ только получать подкрѣпленія изъ Полоцка, отстоявшаго на двадцать четыре мили,

и Смоленска—на тридцать. Съ другой же стороны русскіе отстояли только въ пяти миляхъ. Они занимали уѣздный городъ Городокъ, а ихъ разъѣзды часто достигали Витебска, такъ что мы постоянно и днемъ и ночью должны были быть наготовѣ. Весь нашъ гарнизонъ состоялъ изъ девятисотъ разношерстныхъ французскихъ солдатъ, въ числѣ которыхъ находились мародеры, больные, вышедшіе изъ госпиталей, и отсталые; кромѣ того, было триста гессенцевъ, шестнадцать жандармовъ, двѣ четырехъ-фунтовыя пушки и больше ничего. Трудно себѣ представить болѣе скверныхъ солдатъ, чѣмъ тѣ, которыми мнѣ пришлось командовать. Это были просто отрепья арміи. И съ такими-то средствами я долженъ былъ охранять такой важный стратегическій пунктъ». Лучшимъ доказательствомъ, какъ мало разсчитывалъ на своихъ солдатъ Пуже, служитъ то обстоятельство, что онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы отправить четыреста изъ нихъ на Москву, для присоединенія къ тѣмъ полкамъ, отъ которыхъ они отстали. Не только съ остатками подобнаго войска новому начальнику приходилось защищаться отъ русскихъ, но и исполнять приказанія императора объ устройствѣ тридцати шести пекаренъ въ Витебскѣ, для заготовки хлѣба и сухарей на армію. Наконецъ явилась въ Витебскъ цѣлая французская дивизія, и Пуже вздохнулъ свободнѣе, но она оставалась недолго, и онъ снова былъ вынужденъ довольствоваться четырьмя сотнями самыхъ неудовлетворвтельныхъ солдатъ. 4 ноября онъ получилъ приказаніе покинуть Витебскъ и идти на Смоленскъ навстрѣчу наполеоновской арміи, вышедшей изъ Москвы. Онъ повиновался, но не успѣлъ пройти далеко, какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ русскими. Несмотря на его приказаніе, французскіе солдаты пришли въ такой ужасъ отъ нападеній русскихъ эскадроновъ, что не встрѣтили ихъ, какъ бы слѣдовало, въ штыки, а разсыпались между деревьями. «Я былъ внѣ себя отъ гнѣва,—говоритъ Пуже:—и рѣшился хоть себя защитить энергично. Я сунулъ свою шпагу подъ себя и, взявъ въ обѣ руки по пистолету, бросился на русскихъ всадниковъ. Я убилъ одного драгуна, выстрѣлилъ въ другого и, выхвативъ шпагу, пришпорилъ свою лошадь. Но въ одну минуту меня окружили тридцать драгунъ. Я почувствовалъ сабельный ударъ на лѣвомъ плечѣ, и одинъ русскій солдатъ дернулъ меня такъ крѣпко за кисть руки, что вывихнулъ руку въ плечѣ, а нѣсколько другихъ стали хватать меня за горло и рвать на мнѣ шинель. Они очевидно были взбѣшены тѣмъ, что я убилъ ихъ двухъ товарищей, и я понялъ, что все погибло. Тогда я раскрылъ свою шинель и назвалъ себя. Мой генеральскій мундиръ подѣйствовалъ на солдатъ, и они отстали отъ меня. Я понѣмецки спросилъ, нѣтъ ли вблизи офицера, но таковаго не оказалось, а явился вахмистръ ливонецъ, говорившій понѣмецки. Онъ взялъ меня подъ свое покровительство и отправилъ въ Витебскъ». Такимъ образомъ Пуже было суждено вернуться плѣннымъ въ тотъ городъ, гдѣ онъ только-что былъ начальникомъ. Тамъ распоряжался кавалергардскій полковникъ, баронъ Паленъ, и онъ очень любезно обращался съ плѣннымъ генераломъ, даже препроводилъ императору Александру письмо Пуже съ просьбой отпустить его, какъ раненаго, на родину, подъ честнымъ словомъ, въ воспоминаніе того, что онъ имѣлъ честь принимать въ своемъ полку какъ императора, такъ и великаго князя Константина Павловича. Однако, несмотря на всѣ любезности Палена, онъ не могъ дозволить Пуже ждать въ Витебскѣ отвѣта отъ Александра и отправилъ его въ Полоцкъ, снабдивъ на дорогу всѣмъ, что было нужно, и даже

деньгами. Въ Полоцкѣ мѣстный начальникъ, графъ Сиверсъ, принялъ его также очень радушно и объявилъ, что императору Александру было извѣстно о благородномъ и человѣчномъ управленіи генераломъ Пуже Витебской губерніей. Спустя двѣ недѣли, ему было объявлено отъ имени князя Витгенштейна, что императоръ Александръ не можетъ дозволить ему вернуться на родину, такъ какъ онъ не дѣлалъ этого еще ни для одного изъ французовъ, но что онъ, помня о встрѣчѣ съ нимъ при другихъ обстоятельствахъ, приказалъ оказать Пуже всякое вниманіе, и назначить ему мѣстопребываніемъ Петербургъ. По дорогѣ въ Псковъ губернаторъ объявилъ ему, что по особой милости императора ему приказано выдать двѣ тысячи рублей, изъ которыхъ Пуже взялъ только тысячу. Какъ только пріѣхалъ плѣнный генералъ въ Петербургъ, то его тотчасъ доставили къ губернатору, генералу Вязмитинову, который встрѣтилъ его очень любезно и сказалъ: «генералъ, васъ знаетъ императоръ, его величество особенно рекомендовалъ васъ мнѣ и какъ въ исполненіе его державной воли, такъ и чтобы доказать вамъ все уваженіе, которое вы заслужили своимъ управленіемъ Витебска, я готовъ всячески содѣйствовать, чтобы вамъ жилось хорошо въ нашемъ городѣ». Затѣмъ онъ отправилъ Пуже къ оберъ-полицеймейстеру Горголи, который обошелся съ нимъ очень холодно и, если вѣрить Пуже, а нѣтъ основанія заподозрѣть вѣрность его разсказа, обошелся съ нимъ болѣе чѣмъ странно. Ему отвели гдѣ-то на чердакѣ комнату, совершенно пустую, безъ всякой мебели и не топленную, а когда французъ случайно нашелъ своихъ соотечественниковъ и перебрался въ Европейскій Отель, который содержался французомъ Тардифомъ на углу Невскаго и Адмиралтейской площади, то Горголи явился къ нему, заявилъ, что ему тутъ вовсе не мѣсто, и отвелъ ему квартиру въ какомъ-то казенномъ домѣ на Мойкѣ, а насчетъ продовольствія посовѣтовалъ обращаться не въ дорогой французскій отель, а къ болѣе дешевому русскому трактирщику. Эти распоряженія очень не понравились бѣдному генералу, но ему приходилось повиноваться. Этимъ, однако, не ограничились его непріятности, и ему не позволяли выходить изъ дому безъ оффиціальнаго и тайнаго полицейскаго провожатаго, а по распоряженію Горголи онъ не могъ принимать у себя никого. Впрочемъ, спустя нѣсколько дней, явился къ нему князь Борисъ Куракинъ, сынъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, и объявилъ, что его прислала находившаяся тогда въ Петербургѣ знаменитая французская актриса Жоржъ. Не смотря на всѣ запрещенія, онъ повелъ Пуже къ актрисѣ, которая приняла его съ распростертыми объятіями. «Сегодня, — сказала она своему соотечественнику: — у меня нѣтъ ни гроша, а завтра я пришлю вамъ своего Меркурія съ кошелькомъ, полнымъ золота». Дѣйствительно, на другой день снова явился къ Пуже Куракинъ и принесъ цѣлую груду бумажныхъ денегъ, изъ которыхъ генералъ взялъ только 1,500 франковъ, выдавъ долговое обязательство. Такъ какъ непріятности домашняго ареста все усиливались, то онъ наконецъ обратился съ просьбой къ Вязмитинову выпустить его на свободу, обѣщая не злоупотреблять ею. Его желаніе было исполнено, и онъ перебрался на частную квартиру на Невскомъ проспектѣ, но Горголи все-таки продолжалъ окружать каждый его шагъ тайной полиціей. Вязмитиновъ простеръ еще далѣе свою любезность и познакомилъ Пуже съ нѣсколькими представителями тогдашняго свѣтскаго петербургскаго общества, между прочимъ съ сенаторомъ Поповымъ, богачемъ Демидовымъ, княземъ Горчаковымъ, княземъ

Лопухинымъ и флигель-адъютантомъ Потоцкимъ. Всѣ они радушно его принимали въ своихъ домахъ, и Пуже въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ отзывается объ ихъ гостепріимствѣ. Описывая свое пребываніе въ Петербургѣ, онъ отзывается очень сочувственно о городѣ и его жителяхъ, дѣлая при этомъ мало ошибокъ въ своихъ отзывахъ, при чемъ, по какому-то странному случаю, одна изъ этихъ немногихъ ошибокъ относится до работы его же соотечественника. Такъ онъ говоритъ, что памятникъ Петра I сдѣланъ французскимъ артистомъ Пюже, а не Фальконетомъ. Во время лѣта французскій генералъ со своими соотечественниками, жившими въ Петербургѣ, преимущественно актерами, посѣщалъ окрестныя дачныя мѣста, изъ которыхъ ему болѣе всего понравился Петергофъ. Наконецъ 20 мая 1814 года, послѣ полученія въ Петербургѣ извѣстія о взятіи Парижа, всѣмъ плѣннымъ французамъ была возвращена свобода, и генералъ Пуже выѣхалъ изъ Петербурга 4 іюня, унося съ собою очень пріятное воспоминаніе о своемъ почти двухгодовомъ пребываніи въ русскомъ плѣну.

— **Отголоски франко-прусской войны.** Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи продолжаютъ отъ времени до времени появляться книги, брошюры и журнальныя статьи о великой борьбѣ между Пруссіей и Франціей въ 1870—1871 годахъ. Въ Revue Bleue, отъ 17 августа, полковникъ Патри [1]) подробно, при содѣйствіи плановъ, доказываетъ, шагъ за шагомъ, измѣну маршала Базена, который, по его словамъ, не только въ Мецѣ, но и съ самаго начала своихъ военныхъ дѣйствій въ эту злополучную кампанію преднамѣренно измѣнялъ своей родинѣ и безжалостно отдавалъ на съѣденіе нѣмцамъ несчастную французскую армію. Дѣйствительно иначе невозможно объяснить непонятнаго факта, что съ двухсотъ-тысячной арміей, онъ не пошелъ въ Верденъ, какъ ему было предписано императоромъ, а послѣ цѣлаго ряда пораженій со стороны малочисленнаго врага заперся въ Мецѣ до постыдной капитуляціи, но чѣмъ же руководствовался онъ, совершая такое позорное преступленіе? По словамъ полковника Патри, Базенъ могъ нанести пораженіе выставленнымъ противъ него нѣмецкимъ отрядамъ и придать войнѣ совершенно иной оборотъ. Но у него не хватило на это ни храбрости, ни умѣнья. Онъ чувствовалъ свою неспособность къ командованію двухсотъ-тысячною арміею, особенно противъ нѣмцевъ, упоенныхъ первыми успѣхами, а потому рѣшился не рисковать пораженіемъ въ открытомъ бою, а укрыться въ Мецѣ, до той поры, когда побѣжденная Франція заключитъ миръ, и тогда онъ со своей арміей явился рѣшителемъ ея судебъ. Для этой цѣли онъ промедлилъ нѣсколько дней и далъ возможность нѣмцамъ отрѣзать себѣ движеніе на Верденъ, такъ что въ сущности не пятьдесятъ тысячъ нѣмцевъ побѣдили двухсотъ-тысячную французскую армію при Борни и тридцать тысячъ — при Гравелотѣ, а измѣна Базена. Въ этомъ всякій, даже не спеціалистъ, можетъ вполнѣ убѣдиться, прочитавъ ясный, графическій разсказъ полковника Патри. Совершенно иной эпизодъ франко-прусской войны, невѣдомый и чисто личный, разсказываетъ прежде на страницахъ новаго французскаго журнала, спеціально предназначеннаго для молодыхъ дѣвушекъ, «Revue pour les jeunes filles» а, потомъ и въ отдѣльной брошюрѣ [2]) Огюстъ Бюрдо, бывшій во время войны унтеръ-офицеромъ, а по-

[1]) Bazaine et les journées de Metz, 13 — 18 août 1870, par le colonel Patry Revue Bleue, 17 août.

[2]) Une évasion, souvenirs de la guerre, par Auguste Burdeau, Paris, 1895.

томъ два раза первымъ министромъ и предсѣдателемъ палаты депутатовъ. Это простое, но живое и любопытное описаніе его бѣгства изъ нѣмецкаго плѣна. Когда началась война, Бюрдо былъ профессоромъ, но, поступивъ на военную службу, принялъ участіе въ отступленіи западной арміи и, взятый въ плѣнъ, былъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, въ Лихфильдъ въ Баварію. Тамъ положеніе французовъ было такое тяжелое, что они стали искать спасенія въ бѣгствѣ не только по одиночкѣ, но цѣлыми группами, при чемъ нѣмцы ихъ безжалостно стрѣляли, почти въ упоръ. Неудачный результатъ большинства подобныхъ попытокъ не помѣшалъ Бюрдо съ тремя товарищами попытать счастія. Въ темную, дождливую ночь они ползкомъ выбрались изъ-за укрѣпленнаго лагеря чрезъ брешь, которую заранѣе продѣлали въ оградѣ. Сначала счастіе имъ повезло, и они удачно пробрались почти через всю Баварію по направленію къ австрійской границѣ. Ночью они быстро шли и даже бѣжали, избѣгая большихъ дорогъ, городовъ и селеній, а днемъ скрывались въ лѣсу, отдѣльно стоявшихъ въ полѣ сараяхъ, оврагахъ и т. д. Изъ осторожности они обходили всякое жилье, хотя въ сущности имъ слѣдовало бояться только солдатъ, а баварцы, въ особенности поселяне, далеко не отличались франкофобствомъ; напротивъ однажды бѣглецы, уничтоживъ всѣ припасы, взятые съ собою изъ Лихфельда, съ голода вошли въ уединенную хижину, и жившій тамъ старикъ со старухой не только накормили ихъ, но не взяли денегъ; при этомъ, по выраженію ихъ лицъ, ясно было видно, что они отгадали, что подъ бродягами скрывались бѣдные французскіе плѣнные. Наконецъ они достигли Митенвальда, послѣдняго города въ Баваріи, и черезъ нѣсколько часовъ они были бы въ Австріи, т. е. для нихъ въ странѣ свободы; но одинъ изъ бѣглецовъ, также бывшій профессоръ, по имени Пуаше, такъ обезсилѣлъ отъ голода, что отказался идти далѣе, не подкрѣпивъ своихъ силъ въ гостинницѣ. Какъ ни уговаривали его остальные товарищи бросить этотъ опасный планъ, но онъ настоялъ, на своемъ, и эта минутная слабость погубила все дѣло. Конечно, трое товарищей не оставили бѣдняка одного, и они всѣ вошли въ гостинницу. Тамъ ихъ признали и послѣ упорной схватки арестовали. Снова имъ пришлось влачить свое жалкое существованіе въ Лихфельдѣ, куда ихъ немедленно возвратили, однако Бюрдо рѣшился вторично сдѣлать попытку бѣгства, но уже одинъ. Къ этому его въ особенности побуждали слухи о томъ, что французскихъ солдатъ отправляли на родину большими партіями. На этотъ разъ онъ удачно добрался до одной изъ сосѣднихъ съ Лихфельдомъ станцій и ночью незамѣтно вскочилъ въ вагонъ съ французскими солдатами. Тѣ, конечно, его скрыли, и такимъ образомъ булущій первый министръ достигъ благополучно родины.

Въ новыхъ главахъ своихъ мемуаровъ, генералъ Верди-дю-Вернуа описываетъ, въ іюльской и августовской книжкахъ «Deutsche Rundschau» свои впечатлѣнія отъ битвы подъ Вертомъ до первой эпохи осады Парижа, окончившейся водвореніемъ Вильгельма въ Версалѣ. Разсказъ прусскаго генерала можно раздѣлить на двѣ категоріи: анекдотическую и чисто военную. Въ первомъ отношеніи онъ разсказываетъ не мало любопытнаго о Мольтке: между прочимъ оказывается, что великій стратегъ очень любилъ играть въ карты и постоянно въ свободныя минуты рѣзался въ вистъ съ своими подчиненными, при чемъ очень забавно старался по лицу партнера отгадать его карты, и когда это ему не удавалось, то онъ восклицалъ, поднимая руки

къ небу: «ай, ай! какъ этотъ человѣкъ умѣетъ скрывать то, что у него есть». Довольно комичная сцена разыгралась въ ту ночь, когда была получена въ главномъ штабѣ телеграмма о битвѣ подъ Вертомъ: офицеры гурьбой пошли къ Мольтке и разбудили старика, который, вскочивъ съ постели безъ парика, никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, и только повторялъ: «чего нужно этимъ людямъ отъ меня?» Въ другой разъ штабные офицеры восторгались солнечнымъ закатомъ, но Мольтке, качая головой, сказалъ: «все относительно въ жизни: мы одержали сегодня побѣду, и потому вамъ кажется такимъ красивымъ этотъ закатъ; но если бы насъ побили, то это зрѣлище показалось бы вамъ отвратительнымъ». Что касается военной стороны мемуаровъ Верди-дю-Вернуа, то въ нихъ мало новаго, и особаго вниманія заслуживаетъ только беспристрастное свидѣтельство его о томъ, что нѣмцы очень мрачно смотрѣли на положеніе дѣлъ въ началѣ осады Парижа. Подходя къ французской столицѣ, они, а въ томъ числѣ и Мольтке, разсчитывали, что она сдастся на капитуляцію черезъ двѣ недѣли, а когда дѣло затянулось и съ одной стороны у нихъ не было чѣмъ бомбардировать городъ, а съ другой Парижъ грозилъ сдѣлаться новымъ Севастополемъ, всѣ пришли въ значительное уныніе, чувствуя себя, по откровеннымъ словамъ Верди-дю-Вернуа, слишкомъ слабыми, чтобы предпринять правильную осаду и бомбардировку Парижа. Свои воспоминанія бывшій германскій военный министръ доводитъ еще только до 4 октября. Гораздо болѣе шума, чѣмъ эти воспоминанія одного изъ видныхъ дѣятелей войны 1870—1871 гг. со стороны нѣмцевъ, надѣлала недавно вышедшая книга о томъ же предметѣ присяжнаго историка современнаго возвышенія Германіи, Генриха Зибеля, подъ заглавіемъ «Новыя свѣдѣнія и размышленія по поводу основанія Германской имперіи Вильгельмомъ I»[1]). Сначала этотъ любопытный трудъ появился въ іюльскомъ номерѣ Historische Zeitschrift, а затѣмъ отдѣльной книгой, или, лучше сказать, брошюрой, которой вышло въ нѣсколько недѣль восемь изданій. Этотъ необыкновенный успѣхъ объясняется тѣмъ, что Зибель чрезвычайно оригинально, чтобы не сказать болѣе, отнесся къ Наполеону III и Евгеніи, которыхъ принято обыкновенно считать виновниками войны со стороны Франціи, какъ Бисмаркъ былъ — со стороны Германіи. Теперь же впервые глубокомысленный маститый историкъ старается доказать, что французскій императоръ и императрица нисколько неповинны въ бѣдствіяхъ, навлеченныхъ на Францію не ихъ личной династической политикой, а безумнымъ самолюбіемъ всей французской націи, составляющимъ историческое наслѣдіе славнаго вѣка Людовика XIV. Чтобы доказать свой тезисъ, Зибель увѣряетъ, что Наполеонъ III до послѣдней минуты сопротивлялся объявленію войны, что имератрица никогда не говорила пресловутой фразы, что эта война—«ея маленькая собственная война», и нимало не подбивала къ ней мужа, а если они оба подъ конецъ и уступили общему желанію французовъ отомстить Пруссіи за ея неожиданное возвышеніе среди европейскихъ державъ, послѣ побѣдъ надъ Даніей и Австріей, то сдѣлали это противъ воли и съ самыми грустными предчувствіями. По словамъ Зибеля, основаннымъ на достовѣрныхъ въ его глазахъ свѣдѣніяхъ, 14 іюля за обѣдомъ императоръ объявилъ окружавшимъ его офицерамъ: «слава Богу,

[1]) «Mittheilungen und Betrachtungen zur Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I», Berlin, 1895.

войны не будетъ, миръ обезпеченъ, вы можете распаковывать свои чемоданы», и онъ сталъ весело болтать съ дамами. Но вечеромъ явился къ нему въ кабинетъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Грамонъ, котораго Зибель считаетъ главою военной партіи, побудившей Францію воевать, и вмѣстѣ съ привезеннымъ имъ барономъ Жеромомъ Давидомъ, однимъ изъ вожаковъ его партіи, убѣдилъ прежде Наполеона, а потомъ и вызванную въ кабинетъ императрицу, что война была неизбѣжна. Послѣ этого совѣщанія Наполеонъ III вышелъ въ залу, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ и, упавъ въ кресло, закрылъ себѣ лицо руками. Война была рѣшена. Императрица, разсказываетъ Зибель, была чрезвычайно мрачна и уныла въ то самое время, какъ весь Парижъ на слѣдующій день безумно ликовалъ, а на вопросъ полицейскаго префекта, почему она не раздѣляла общей радости, она отвѣчала: «какъ не быть мнѣ взволнованной при мысли, что эта прекрасная страна, среди благоденствія и мира, вдругъ подвергнется неизбѣжнымъ грустнымъ послѣдствіямъ войны. Я знаю, что дѣло идетъ о чести Франціи, но если счастіе намъ измѣнитъ, то мы подвергнемся страшной катастрофѣ. Мы поставили все на карту, и если не окажемся побѣдителями, то будемъ ввергнуты въ бездну самой ужасной, когда либо видѣнной на свѣтѣ, революціи». Какъ ни кажется странной подъ перомъ Зибеля, оффиціальнаго историографа единенія Германіи Бисмаркомъ, защита французскаго императора и императрицы, но это съ его стороны вполнѣ логичная уловка для того, чтобы доказать, что вся Франція желала войны, и что Германія побѣдила не выжившаго изъ ума разслабленнаго, развратнаго декабрьскаго героя, который довелъ всю страну до полнаго разстройства, а цѣлую націю, полную энергіи, энтузіазма и военнаго пыла. Въ этомъ новомъ фортелѣ стараго профессора, автора многотомной исторіи основанія Германской имперіи, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, нѣмцы тотчасъ поняли, въ чемъ дѣло, и съ восторгомъ стали зачитываться новыми, ловкими аргументами въ честь германскихъ побѣдъ и ихъ героевъ. Но, къ удивленію, нѣкоторые французы, по своему обычному легкомыслію, попались въ ловушку и вообразили, что Зибель, а за нимъ и его читатели, сантиментально тронуты будто бы незаслуженными несчастіями императорской четы; такъ, въ первомъ августовскомъ номерѣ Revue des Revues неизвѣстный авторъ, приводя отрывки изъ брошюры Зибеля, распространяется о непонятномъ, по его мнѣнію, трогательномъ фактѣ оффиціальной защиты германскимъ историографомъ Наполеона III и его супруги.

— Смерть Зибеля. Въ то самое время, какъ вся Европа съ любопытствомъ читала послѣдній трудъ Генриха Зибеля, распространилось извѣстіе объ его смерти. Этотъ первый изъ современныхъ нѣмецкихъ историковъ умеръ на 76 году своей жизни, которая всецѣло была посвящена той наукѣ, которую онъ столько лѣтъ излагалъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ прежде въ Марбургскомъ, потомъ въ Бонскомъ и наконецъ въ Мюнхенскомъ университетахъ, уже не говоря о многочисленныхъ его литературныхъ трудахъ, также исключительно имѣвшихъ предметомъ исторію. По странной случайности, Генрихъ-Карлъ-Рудольфъ фонъ-Зибель родился въ Дюсельдорфѣ 2 декабря 1817 года, въ томъ самомъ году, когда впервые явилась идея о созданія общества для распространенія германской исторіи. Происходя изъ почтенной семьи, представители которой служили съ достоинствомъ въ рядахъ прусской администраціи и протестантской церкви, онъ воспитывался

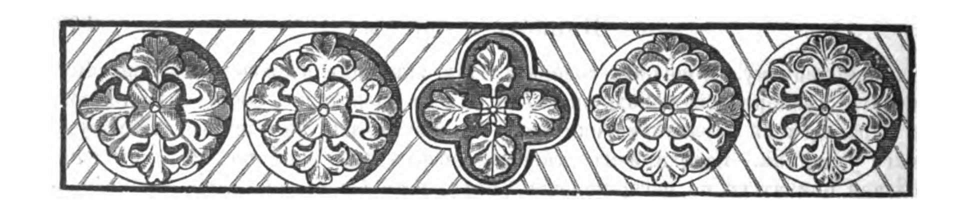
въ школѣ своего родного города, а потомъ въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи знаменитаго Ранке. Первымъ его ученымъ трудомъ была диссертація о готахъ, а затѣмъ онъ написалъ, возбудившее громадную полемику, сочиненіе «О происхожденіи королевской власти въ Германіи». Затѣмъ, рядомъ съ его профессорской дѣятельностью, которая достигла своего апогея въ Мюнхенѣ, куда рекомендовалъ молодого ученаго его учитель Ранке, стали появляться одинъ за другимъ историческіе труды, составившіе его славу: «Исторія перваго крестоваго похода», «Исторія французской революціи», переведенная почти на всѣ европейскіе языки, «Подъемъ Европы противъ Наполеона I», «Мелкіе историческіе опыты» и «Основаніе Германской имперіи». Послѣднее сочиненіе, которое особенно цѣнится нѣмцами, какъ литературное олицетвореніе ихъ политическаго торжества послѣднихъ лѣтъ, представляетъ во всякомъ случаѣ, если и отбросить его предвзятый, пристрастный, патріотическій, прусскій характеръ,—капитальный историческій трудъ. Его вышло семь томовъ и, начиная свою исторію съ Фридриха-Вильгельма IV и мартовской революціи, Зибель успѣлъ довести его только до объявленія войны Франціи въ 1870 году, такъ что его послѣдняя брошюра составляетъ какъ бы дополненіе къ этому неоконченному труду. Судьбѣ было угодно доказать почтенному историку еще при его жизни, что вноситъ въ капитальные историческіе труды политическій азартъ не только недостойно историка, но и можетъ навлечь на него незаслуженныя непріятности. Такъ въ прошедшемъ году, во время холодныхъ отношеній между Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ, юный императоръ отмѣнилъ присужденіе такъ называемой Верденской академической преміи, въ честь Фридриха Великаго, за лучшее историческое сочиненіе—Зибелю, на томъ основаніи, что премированный трудъ слишкомъ восхвалялъ желѣзнаго канцлера. Старый профессоръ былъ до того оскорбленъ этимъ дѣйствительно страннымъ, чтобы не сказать болѣе, поступкомъ императора, что подалъ въ отставку изъ директоровъ Прусскаго государственнаго архива, которымъ онъ состоялъ съ 1875 года. Хотя впослѣдствіи это столкновеніе было улажено, и онъ остался на своемъ мѣстѣ, но все-таки рьяный защитникъ Германской имперіи въ литературѣ и наукѣ не могъ до конца своихъ дней переварить поднесенную ему пилюлю главой прославляемой имъ въ столькихъ трудахъ имперіи.

— **Младшій изъ французскихъ безсмертныхъ.** Недавно французская академія съ обычнымъ торжествомъ приняла въ свою среду новаго безсмертнаго, романиста Поля Бурже, который по своему возрасту, ему только что минуло 42 года, самый младшій не только изъ безсмертныхъ, но также изъ всѣхъ членовъ французскаго института. Какъ всегда, французская пресса по этому случаю посвятила большое число очерковъ, характеристикъ и воспоминаній о новомъ академикѣ, но въ этомъ отношеніи журналъ «Nouvelle Revue Internationale» перещеголялъ всѣхъ и посвятилъ цѣлый номеръ Бурже, помѣстивъ его біографію, отрывки изъ его сочиненій и отзывы о немъ двадцати четырехъ выдающихся современныхъ французскихъ писателей, въ томъ числѣ Зола, Коппэ, Лоти, Кларти и Леметра. Самый замѣчательный изъ этихъ отзывовъ принадлежитъ Эмилю Зола и, кромѣ заключающейся въ немъ блестящей, остроумной и вполнѣ справедливой, хотя ядовитой, характеристики Бурже, какъ романиста, этотъ очеркъ еще возбуждаетъ интересъ, такъ сказать, анекдотическій, въ виду соперничества между ними относительно академической кандидатуры. По этому

случаю разсказывають, со словъ самого Зола, что когда возникъ вопросъ о томъ, чтобы избрать, на зло главѣ реалистическаго романа, въ академики Мопассана, то послѣдній наотрѣзъ отказался, а когда, послѣ избранія по той же причинѣ Лоти, выставлено было на очередь имя Бурже, то и онъ заявилъ, что, будучи моложе Зола, согласится на свое избраніе только послѣ него. Но потомъ дѣло о кандидатурѣ Зола приняло такой острый характеръ, что онъ самъ заявилъ Бурже желаніе, чтобы тотъ баллотировался. Такимъ образомъ выборъ Бурже не составилъ ни въ какомъ случаѣ пораженія для Зола, шансы котораго еще очень слабы, и онъ, по его собственному выраженію, рукоплескалъ безсмертію своего стараго товарища, съ которымъ онъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ 1876 года, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ попалъ въ академію мастерской писатель и его личный другъ. Однако, въ художественной и рельефной характеристикѣ молодого писателя, которую Зола помѣстилъ въ «Nouvelle Revue Internationale», замѣтны слѣды оскорбленнаго самолюбія, что придаетъ особую пикантность этой новой блестящей страницѣ знаменитаго романиста. Признавая въ Бурже крупный оригинальный талантъ, онъ указываетъ прежде всего на тотъ фактъ, что онъ сумѣлъ въ области романа, перетоптанной тремя поколѣніями романистовъ, отвоевать себѣ особое царство. «Не много романистовъ его поколѣнія,—говоритъ Зола,—освободились отъ чужихъ формулъ и могутъ указать рядомъ съ владѣніями своихъ старшихъ собратьевъ по роману кусокъ земли, исключительно имъ принадлежащій. Я считаю, что ихъ только трое: Бурже, Гисмансъ, соорудившій одинокую часовенку изъ чистаго золота, и Мопассанъ, этотъ ясный, твердый умъ, но, къ несчастію, слишкомъ рано погибшій. Такимъ образомъ Бурже является теперь одинъ полнымъ властелиномъ созданнаго имъ уголка міра и побѣжденной имъ публики. Я не могу здѣсь опредѣлить границъ этого міра Бурже. Принято его называть главой психологическаго романа; но этотъ терминъ слишкомъ смутный, такъ какъ нѣтъ ни одного романа безъ психологіи. Онъ самъ въ недавнемъ предисловіи къ «Terre Promise» высказалъ все, что имѣлъ сказать по вопросу о психологіи въ романѣ. Но достаточно признать, что его область, дѣйствительно ему принадлежащая, хотя и не имъ впервые открытая, составляетъ интимный анализъ внутренней жизни человѣка, такъ сказать, анатомическій разрѣзъ человѣческой страсти съ точки зрѣнія индивидуальнаго счастья и нравственности, но безъ изученія того отблеска, который эта страсть бросаетъ на человѣческую массу и соціальный строй цивилизаціи. Всѣ его романы и даже книга объ Америкѣ (Outremer) ставятъ и разрѣшаютъ ту или другую задачу казуистики человѣческой страсти, той или другой фазы чувства любви, созданной подъ вліяніемъ расы и среды. Оригинальность Бурже именно заключается въ томъ, что онъ изучаетъ свою область по всѣмъ направленіямъ съ удивительнымъ чутьемъ и необыкновеннымъ искусствомъ дедукціи». Отдавъ такимъ образомъ справедливость литературному значенію таланта Бурже и назвавъ его царемъ избранной имъ области, Зола осторожно, деликатно, но съ ядовитымъ остроуміемъ, указываетъ, что, несмотря на всѣ свои достоинства, авторъ «Cruelle enigme» въ сущности только утонченный диллетантъ, кончившій тѣмъ, что, выступивъ на путь чисто интеллектуальный, дошелъ до сомнѣнія въ интеллектуальной силѣ и въ удовольствіяхъ одного сознательнаго чувства. Въ этой эволюціи своего собственнаго ума Бурже, по словамъ его критика, явно стремится въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, особенно въ «Cosmopolis»

къ католицизму. «Конечно,—говоритъ Зола, заканчивая свою характеристику новаго безсмертнаго, и положительно нельзя вообразить себѣ болѣе тонкой и справедливой характеристики этого талантливаго, но ловкаго литературнаго удачника,—католицизмъ—твердый посохъ для странника, когда имѣешь случай опираться на него; конечно, вѣра, хотя бы въ католицизмъ, удачно разрѣшаетъ вопросъ о счастьѣ; но, говоря вообще, счастье заключается въ природѣ, въ жизни. Наши страданія всегда происходятъ отъ того, что мы не живемъ такъ, какъ слѣдуетъ жить по природѣ. Посмотрите, напримѣръ у Бурже, такъ какъ мы говоримъ о немъ, всѣ его дѣйствующія лица—праздные тунеядцы, не ударяющіе пальцемъ о палецъ. Это красивыя дамы и господа, выведенные на свѣтъ въ теплицѣ и ведущіе самое глупое, самое искусственное существованіе. Поэтому малѣйшій пустякъ, не имѣющій ничего общаго съ великой работой человѣчества, возбуждаетъ въ нихъ необыкновенныя страданія. Я полагаю, что если бы имъ самимъ пришлось добывать себѣ кусокъ хлѣба, то они не плакали бы о своихъ мелкихъ бобо среди лѣни и праздности. Возьмите также вопросъ о любви. Какъ онъ простъ! Въ результатѣ долженъ быть ребенокъ, или это одна только грязь, а въ свѣтской любви нѣтъ и слѣда идеи о ребенкѣ. Свѣтскіе герои и героини Бурже любятъ другъ друга, живутъ вмѣстѣ, расходятся, плачутъ, убиваютъ другъ друга и никогда не думаютъ о единственной, естественной чистой идеѣ, лежащей въ основѣ любви. Тѣмъ хуже для нихъ, если они страдаютъ. Имъ стоитъ только вернуться къ природѣ, а въ природѣ любовь не что иное, какъ хорошій мужъ, хорошая жена и прекрасный ребенокъ. Пусть Бурже позволитъ мнѣ сказать ему, что внѣ природы нѣтъ ни правды, ни счастія. Онъ дѣйствительно великій писатель, но ему не достаетъ одного—быть простымъ человѣкомъ».

СМѢСЬ.

ЕСЯТИЛѢТІЕ костромской губернской ученой архивной комиссіи. Дѣятельность костромской комиссіи, открытой первоначально Н. В. Калачовымъ, въ началѣ довольно слабая, за послѣдніе годы, начиная съ 1891 г., особенно усилилась. Число членовъ ея увеличилось до ста слишкомъ, появилось нѣсколько цѣнныхъ научныхъ трудовъ, издано три историческихъ сборника, подъ названіемъ «Костромской Старины», выпущено въ свѣтъ 4 тома описаній частныхъ архивовъ, напечатано членами довольно много самостоятельныхъ археологическихъ трудовъ, отмѣченныхъ по ихъ важному значенію какъ археологическимъ институтомъ, такъ и академіей наукъ. Раскопано болѣе 400 кургановъ, собрано до 7,000 старинныхъ актовъ, разобрано до 15 тыс. архивныхъ дѣлъ. Въ настоящее время выработанъ уже планъ, по которому производятся научныя работы, и довольно много (до 3,000) памятниковъ старины сохранены и сохраняются въ особомъ, заведенномъ комиссіею, музеѣ и въ довольно обширной уже библіотекѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ являются и знаки сочувствія мѣстнаго общества цѣлямъ и самой дѣятельности комиссіи. Такъ мѣстное земство на труды комиссіи ассигнуетъ до 500 р.; дворянство отвело помѣщеніе для библіотеки и музея комиссіи; частныя лица оказываютъ воспособленія не только предметами и научными пособіями (покойный Н. Х. Бунге пожертвовалъ въ библіотеку 180 томовъ), но и денежными средствами на работы и изданія комиссіи. Наконецъ съ этого года полагается по предложенію предсѣдателя начало особому отдѣлу памятниковъ старины, касающихся предковъ и родителей избраннаго на царство въ 1612 году Михаила Ѳеодоровича Романова,— въ виду наступающаго 300-лѣтія со времени воцаренія дома Романовыхъ,—предки коего были вотчинниками въ Костромской области. Это предпріятіе получило одобреніе академіи наукъ и ея августѣйшаго президента, а также встрѣтило и сочувствіе мѣстнаго общества, выразившееся, между прочимъ, въ пожертвованіи на этотъ предметъ со стороны костромского землевладѣльца Н. Н. Коптева 400 р.

Столѣтіе со дня рожденія А. П. Глинки исполнилось 19-го іюля текущаго года. Авдотья Павловна Глинка родилась 19-го іюля 1795 года и была до-

черью полковника-кавалериста Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, женатаго на княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ Долгоруковой. Ея отецъ, позже перешедшій въ гражданскую службу и занимавшій должности сначала куратора университета, а потомъ попечителя Московскаго учебнаго округа, съ молодыхъ лѣтъ полюбилъ литературныя занятія и, кромѣ переводовъ, напечаталъ отдѣльною книгой свои стихотворенія (М., 1803 г., три части). Изъ-подъ пера А. П. Глинки, въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, появлялись то оригинальныя произведенія (стихотворенія и повѣсти), то многочисленные переводы сочиненій Шиллера, изъ которыхъ, напримѣръ, «Военная пѣснь въ Валленштейновомъ лагерѣ», «Идеалы», «Рыцари», «Пѣвцы» и «Сраженіе съ дракономъ» отличались сравнительно удачной передачей. Всѣ свои переводы, сначала разсѣянные по журналамъ, она собрала въ одну книгу и издала подъ заглавіемъ: «Стихотворенія Шиллера».—«Zum Dichters 100-jährigem Geburtsfeste» (Спб., 1859 года), за что была избрана въ почетные члены Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ (6-го мая 1859 года).

Столѣтіе со дня кончины Г. И. Шелехова. 20-го іюля въ г. Рыльскѣ состоялось торжественное празднованіе столѣтія со дня кончины именитаго рыльскаго гражданина, путешественника, основателя Россійско-Американской компаніи, Григорія Ивановича Шелехова, одного изъ первыхъ изслѣдователей береговъ Курильскихъ острововъ и Аляски, организовавшаго тамъ русскія поселенія. Городское управленіе г. Рыльска рѣшилось достойнымъ образомъ чествовать память своего именитаго гражданина. 20-го іюля празднованіе началось заупокойною литургіею, а затѣмъ мѣстная городская дума въ экстренномъ засѣданіи постановила соорудить памятникъ Шелехову, на что отъ себя ассигновала 3,000 р. На томъ же засѣданіи былъ прочитанъ очеркъ дѣятельности Шелехова, и постановлено повѣсить въ думской залѣ портретъ Шелехова и доску съ перечисленіемъ его подвиговъ. Кромѣ того, думой возбужденъ вопросъ о разрѣшеніи открыть всероссійскую подписку на сооруженіе памятника Шелехову. Въ настоящее время вопросъ этотъ находится на разсмотрѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, при чемъ заключеніе о дѣятельности Шелехова, черезъ директора археологическаго института, въ особой запискѣ было дано дѣйствительнымъ членомъ института подполковникомъ Николаевымъ. Городъ былъ разукрашенъ съ утра флагами, вечеромъ состоялось гулянье въ саду, гдѣ были показаны туманныя картины, изображающія географическія и этнографическія особенности той мѣстности, въ которой сосредоточивалась дѣятельность Шелехова. Приводимъ краткій обзоръ жизни и дѣятельности Г. И. Шелехова, руководясь очеркомъ г. Николаева («Новости», № 208). Шелеховъ родился въ 1747 г. въ Рыльскѣ (Курск. губ.) въ зажиточной купеческой семьѣ. Смышленый, бойкій и энергичный, онъ еще въ ранней молодости завязалъ торговыя сношенія съ Сибирью, занимаясь промысломъ морскихъ бобровъ; когда же, на 28-мъ году его, родители умерли, Григорій Ивановичъ рѣшилъ самъ переселиться на дальній, тогда еще мало извѣстный, востокъ. Но тутъ сразу онъ отодвинулъ свои коммерческія выгоды на второй планъ, а поставилъ себѣ цѣлью—тѣсно соединить новый край съ остальной имперіей. Дѣйствительно, прибывъ въ 1776 г. въ Охотскъ, Шелеховъ вступилъ въ сношенія съ мѣстными промышленниками и обратилъ особое вниманіе на Курильскіе и Алеутскіе острова. Не имѣя достаточныхъ средствъ, онъ вступалъ въ компаніи съ мѣстными купцами, снаряжалъ суда и отправлялъ ихъ за «мягкою рухлядью». Между прочимъ, онъ въ 1777—1778 годахъ снарядилъ судно съ штурманомъ Прибыловымъ, который открылъ въ Беринговомъ проливѣ цѣлую группу острововъ; въ память открывшаго, они получили названіе Прибыловыхъ. Съ новооткрытыхъ острововъ Прибыловъ, имѣя у себя въ распоряженіи сорокъ человѣкъ, вывезъ 2 тыс. бобровъ, 40 тыс. котиковъ, 6 тыс. голубыхъ песцовъ, тысячу пудовъ мор-

жевыхъ клыковъ и 500 пуд. китоваго уса. Составивъ затѣмъ новое товарищество, въ которое вступили М. С. и И. Л. Голиковы, Шелеховъ при рѣкѣ Урокѣ заложилъ 3 галіота и 16-го августа 1783 г. самъ отправился съ ними въ море. Но въ этотъ годъ онъ съ двумя судами доплылъ лишь до Берингова о., гдѣ и остался зимовать. Только въ августѣ слѣдующаго года онъ достигъ до о. Кадьякъ; занятая же тутъ судами гавань получила названіе, по имени одного изъ галіотовъ, Трехсвятительской. Хорошимъ обращеніемъ и разумною системою подарковъ мѣстные жители, привыкшіе къ насиліямъ и обманамъ прежнихъ промышленниковъ, были успокоены, перестали бояться пришельцевъ и явились даже помощниками въ работѣ, причемъ многіе коняги добровольно передали Шелехову своихъ дѣтей, въ качествѣ аманатовъ. Для послѣднихъ была устроена школа, въ которой впервые для дикихъ раздалась проповѣдь объ истинахъ вѣры христіанской. Но этимъ Шелеховъ не ограничилъ свое пребываніе на о. Кадьякѣ, а сталъ принимать мѣры для изслѣдованія края. Такъ, имъ были посланы четыре байдарки къ востоку до Кенойскаго залива; отрядъ этотъ зазимовалъ въ карлукскомъ «заселеніи», а затѣмъ былъ изслѣдованъ даже и берегъ Аляски до Камышакской губы. Особыя партіи осмотрѣли южную и восточную стороны о. Кадьяка, а также и близъ лежащіе острова. Въ 1786 г. былъ изслѣдованъ и занятъ о. Афогнотъ, на которомъ (также и въ Кенойскомъ заливѣ) были заложены укрѣпленія. Въ томъ же году были отправлены партіи и къ мысу Св. Иліи. Вездѣ съ жителями обращались хорошо, что̀ способствовало сохраненію мира. Въ изслѣдованныхъ же мѣстахъ ставились кресты и другіе знаки русскаго православнаго владычества. Теперь Шелехову оставалось закрѣпить всѣ свои операціи и права у сибирской администраціи, что̀ и побудило его 22-го мая 1786 года выйти въ море, захвативъ съ собою нѣсколько десятковъ туземцевъ. Въ августѣ того же года Шелеховъ прибылъ въ Большерѣцкъ, оттуда сухимъ путемъ—въ Охотскъ, а въ началѣ января 1787 г. ему пришлось выдержать при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ тяжелое путешествіе въ Иркутскъ, мѣсто пребыванія генералъ-губернатора, которымъ въ то время былъ Якоби. Послѣднему Г. И. представилъ описаніе сдѣланнаго путешествія, карту изслѣдованныхъ земель и планы возведенныхъ укрѣпленій. Въ своемъ донесеніи, между прочимъ, Шелеховъ въ слѣдующихъ словахъ, полныхъ личной скромности, говоритъ о своихъ цѣляхъ: «Безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой, поелику и къ дѣлу сему приступалъ и приступаю единственно съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ морѣ землямъ и островамъ сдѣлать собою обозрѣніе и угодьямъ оныхъ учинить замѣчанія, а въ пристойныхъ мѣстахъ въ отвращеніе другихъ державъ расположить надежнѣйшія наши, служащія къ славѣ премудрой нашей государыни въ пользу свою и нашихъ соотечественниковъ, занятія». Вскорѣ энергичный колонизаторъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и представилъ лично императрицѣ карту своихъ путешествій. Императрица Екатерина благосклонно отнеслась къ дѣлу Шелехова. Предположено было на дальній востокъ снарядить двѣ экспедиціи, но изъ нихъ осуществилась въ 1790 г. лишь одна, капитана Биллингса, которая и посѣтила острова Уналашку, Кадьякъ и другіе. Генералъ-губернаторъ Якоби, съ своей стороны, хотѣлъ помочь дѣлу Шелехова и въ особомъ представленіи ходатайствовалъ объ открытіи порта у р. Уды. Для отклоненія же домогательствъ иностранныхъ державъ имъ было послано 30 гербовъ и столько же досокъ съ надписью: «Земля россійскаго владѣнія». Кромѣ того, онъ ходатайствовалъ о награжденіи Григорія Ивановича правомъ исключительнаго промысла въ открытыхъ имъ мѣстахъ (отъ 40 до 60 град. широты и отъ 59 до 69 град. долготы), причемъ вполнѣ справедливо было упомянуто, «что изъ всего сдѣланнаго Шелеховымъ видно гораздо болѣе радѣнія о пользахъ отечества, чѣмъ о собственныхъ выгодахъ». Необходимость же испрашиваемой приви-

легіи подкрѣплялась тѣмъ, что Шелеховъ успѣлъ привлечь къ себѣ жителей, водворить среди нихъ начала христіанства, грамотности и гражданскаго устройства, а слѣдовательно, «нельзя не убѣдиться,—говорилось въ докладѣ,— что лучше ввѣрить обращеніе съ туземцами одному человѣку, извѣстному уже по трудамъ своимъ, чѣмъ многимъ, руководимымъ большею частью корыстолюбіемъ». Коммерцъ-коллегія не только вполнѣ согласилась со сдѣланными предложеніями, но еще возбудила ходатайство о безпроцентной ссудѣ въ 200 тыс. рублей, такъ какъ открытія Шелехова, по мнѣнію коллегіи, могутъ способствовать оживленію сибирской торговли, значительно въ это время упавшей по случаю прекращенія торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Императрица Екатерина, хотя и отказала въ снабженіи Шелехова «по надобности» деньгами, пожаловала тѣмъ не менѣе ему и его компаніону Голикову шпаги и золотыя медали, причемъ въ грамотѣ первому, между прочимъ, было сказано: «Построивъ мореходныя суда собственнымъ коштомъ, отправились въ Восточное море и къ берегамъ Сѣверной Америки, гдѣ, преодолѣвъ многія опасности и затрудненія, наконецъ, достигли до предпріятаго намѣренія и нѣсколько сыскали неизвѣстныхъ земель и народовъ, и завели съ ними къ пользѣ государственной торговые промыслы, и привели жителей въ подданство наше». Однако, Шелехова достигнутые результаты не удовлетворили, и въ 1787 году имъ были снаряжены два судна: одно—къ Курильскимъ островамъ, другое—къ Алеутскимъ и американскому берегу, гдѣ предположено было основать, по возможности южнѣе, новое поселеніе. Въ слѣдующемъ году галіотъ «Три Святителя» исполнилъ послѣднюю задачу, основавшись въ одной изъ бухтъ (названной именами «свв. Константина и Елены») залива Нугекъ; затѣмъ галіотъ перешелъ въ заливъ Якутатъ и Льтуа. Хотя во всѣхъ дальнѣйшихъ плаваніяхъ судовъ компаніи Шелехова онъ лично уже не участвовалъ, однако твердо выработанныя имъ начала сохранились: такъ, въ это время въ Кенойскомъ заливѣ было положено начало Александровскому укрѣпленію; стала посѣщаться и Аляска. Въ 1790 году Шелеховъ образовалъ нѣсколько новыхъ компаній («Сѣверо-Восточную», «Предтеченскую» и «Уналашкинскую») и сдѣлалъ весьма удачный выборъ, взявъ въ исполнители своихъ намѣреній на о. Кадьякѣ купца Баранова, который, по полученнымъ отъ Шелехова указаніямъ, обратилъ особенное вниманіе на изслѣдованіе береговъ Аляски. Скоро было исполнено и завѣтное желаніе Шелехова: въ колоніяхъ началось кораблестроеніе. Для этого была избрана одна изъ гаваней Чугацкаго залива: въ ней постройка перваго судна, названнаго «Фениксомъ», была окончена въ 1784 году. «Фениксъ» былъ трехмачтовый, двухпалубный, длина 73 фута, глубина—$13^1/_2$ фут.; вмѣстимость—180 тоннъ. При постройкѣ пришлось преодолѣть много трудностей. Все необходимое Шелеховъ высылалъ изъ Охотска, причемъ предусмотрительно указывалъ Баранову «къ спуску снастей, къ шитью парусовъ и къ кузницѣ пріучать американцевъ». Еще при первомъ посѣщеніи о. Кадьяка, какъ было уже сказано, Шелеховымъ была основана школа и положено начало христіанской проповѣди. Затѣмъ, чтобы еще прочнѣе закрѣпить открытые острова за Россіей, возбуждено было имъ настойчивое ходатайство о посылкѣ на о. Кадьякъ духовной миссіи, которую онъ обязывался содержать на свой счетъ. Это ходатайство 4-го мая 1793 года императрицей Екатериной было удовлетворено; попеченіе о новомъ дѣлѣ было возложено на митрополита Гавріила. Въ концѣ того же года миссія была уже организована, и въ составѣ 10 чел., подъ начальствомъ архимандрита Іосифа Болотова, отправлена въ 1794 г. на о. Кадьякъ. Было исполнено и другое ходатайство Шелехова, а именно: разрѣшено основать колонію изъ ссыльныхъ. Много труда и средствъ потратилъ Шелеховъ на организацію упомянутой колоніи, и лишь въ 1794 г., наконецъ, удалось ему отправить на двухъ судахъ колонистовъ (10 духовныхъ особъ, 126 поселенцевъ, 4 приказчика, 121 промышленникъ и

5 алеутовъ) и все необходимое для нихъ, какъ-то: птицу, скотъ, сѣмена, земледѣльческіе инструменты и т. п. Насколько радъ былъ Шелеховъ исполненію своего завѣтнаго желанія и насколько онъ былъ далекъ отъ исключительныхъ коммерческихъ интересовъ, можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его письма Баранову: «Поздравляю васъ съ гостьми; сіи гости священно-архимандритъ Іосифъ съ братіей, избранные по волѣ государыни для проповѣди слова Божія въ Америкѣ. Увѣренный остаюсь, что вы не менѣе моего почувствуете удовольствіе, что тотъ край, въ которомъ я до васъ трудился, а нынѣ вы трудитесь во славу нашего отечества, увидитъ теперь въ пріѣхавшихъ къ вамъ гостяхъ надежную подпору своего будущаго благополучія. Дай Богъ, чтобы сіе благо дѣйствительно совершилось и не позже, пока мы имѣемъ счастіе быть въ состояніи, дозволяющемъ намъ выполнить нѣкоторыя высокія намѣренія мудрой нашей обладательницы». Шелеховъ, еще стремясь расширить владѣнія и сферу внѣшнихъ сношеній, изъ числа ссыльныхъ четыре семьи и двадцать промышленниковъ въ 1794 году отправилъ на о. Урупъ, близость котораго къ Японіи давала возможность, по мнѣнію Шелехова, современемъ вступить въ торговыя сношенія съ этимъ государствомъ. Въ 1794 году была учреждена новая компанія «Сѣверо-Американская», имѣвшая цѣлью обезпечить за Россіей промыслы въ районѣ отъ о. Уналашки до предѣловъ Ледовитаго моря. Въ томъ же году была организована контора въ Иркутскѣ и возобновлена торговля съ Кяхтой. И въ этомъ дѣлѣ Шелеховъ принесъ много пользы, такъ какъ, по словамъ иркутскаго генералъ-губернатора, «способствовалъ развитію кяхтинской торговли и поддержалъ полученныя отъ нея выгоды, несмотря на всѣ ухищренія со стороны китайцевъ, и тѣмъ поднялъ курсъ на наши товары». Надо еще замѣтить, что въ своемъ взглядѣ на нашъ дальній востокъ, вообще, Шелеховъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Такъ, незадолго до смерти онъ просилъ разрѣшенія на собственныя средства отправить экспедицію для отысканія болѣе удобнаго пути отъ Иркутска къ Охотску, по направленію рр. Амура и Уды. Но онъ получилъ отказъ, обусловленный тѣмъ же соображеніемъ, которое было высказано много лѣтъ спустя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ по тому же предложенію Муравьева, впослѣдствіи графа Амурскаго. Въ обоихъ случаяхъ боялись, что производство изслѣдованія пути по Амуру вызоветъ столкновеніе съ Китаемъ. Г. И. было возбуждено также ходатайство о разрѣшеніи вести торговлю съ Японіей, Китаемъ, Индіей и Филиппинскими островами, причемъ имъ указывалась разумная мѣра о назначеніи на консульскія мѣста «людей свѣдущихъ и важнаго духа». Необходимость такой мѣры была признана лишь теперь. Замѣчательно, что отказы не уменьшали энергіи Шелехова, направленной почти исключительно на пользу государства. Такъ, когда пришлось отказаться отъ торговли съ Кантономъ, онъ написалъ: «Это дѣло современемъ не оставимъ выполнить, такъ какъ имѣемъ въ томъ нужду и для Охотска». Но этому не суждено было исполниться. Онъ скончался 20-го іюля 1795 года, въ Иркутскѣ; могила его находится въ тамошнемъ дѣвичьемъ монастырѣ. По смерти его, государыня даровала женѣ и потомству права наслѣдственнаго дворянства, не лишая ихъ притомъ права вести торговлю. Шелеховъ умеръ, оставивъ большинство своихъ смѣлыхъ для того времени предпріятій невыполненными. Однако, и то, что имъ было сдѣлано при жизни, даетъ ему право на память потомства, а выразиться ей теперь, по истеченіи ста лѣтъ со дня кончины, будетъ, конечно, всего приличнѣе сооруженіемъ ему памятника.

Пятидесятилѣтіе дипломатической службы чрезвычайнаго и полномочнаго посла при французскомъ правительствѣ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Артура Павловича Моренгейма исполнилось 1 августа. Баронъ А. П. Моренгеймъ происходитъ изъ дворянъ Гродненской губерніи, родился 27-го мая 1824 г. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ,

гдѣ окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1845 году. 1-го августа 1845 года онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ третьимъ переводчикомъ, а черезъ три года былъ переведенъ въ канцелярію министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова младшимъ секретаремъ. Въ 1850 году онъ былъ отправленъ курьеромъ изъ Петербурга черезъ Штетинъ въ Берлинъ; въ слѣдующемъ году былъ назначенъ младшимъ секретаремъ нашего посольства въ Вѣнѣ; въ 1856 году переведенъ въ Петербургъ и назначенъ младшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ; произведенный черезъ годъ въ коллежскіе совѣтники, онъ въ 1858 году былъ назначенъ совѣтникомъ нашей дипломатической миссіи въ Германіи и черезъ два года произведенъ былъ въ статскіе совѣтники, причемъ по случаю отъѣзда посланника тайнаго совѣтника барона Будберга исполнялъ его должность въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ; въ 1865 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а черезъ два года 2-го октября 1867 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ его величества короля датскаго. Въ 1872 году произведенъ въ тайные совѣтники, а черезъ десять лѣтъ получилъ назначеніе чрезвычайнаго посла и полномоченнаго министра въ Лондонѣ. Въ 1884 году былъ переведенъ въ Парижъ, гдѣ и продолжаетъ понынѣ свою дѣятельность, будучи произведенъ въ 1886—въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а въ 1890—награжденъ бриллiантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго. По случаю исполнившагося пятидесятилѣтія дипломатическаго служенія барону Моренгейму всемилостивѣйше пожалованъ орденъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 1-й степени при Высочайшемъ рескриптѣ слѣдующаго содержанія: «Баронъ Артуръ Павловичъ. Вступивъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ при прадѣдѣ Моемъ блаженныя памяти императорѣ Николаѣ I, вы въ молодыхъ еще лѣтахъ успѣли своими способностями обратить на себя вниманіе вашего начальства. Во время пребыванія вашего съ 1867 по 1882 годъ посланникомъ при дворѣ его величества короля датскаго, Незабвенный Родитель Мой имѣлъ возможность близко ознакомиться съ вашими дарованіями, побудившими Его довѣрить вамъ важные посольскіе посты сначала въ 1882 году при великобританскомъ дворѣ, а два года спустя при французскомъ правительствѣ. Настоящая дѣятельность ваша, направленная къ охраненію дружескихъ отношеній между Россійскою имперіею и французскою республикою, способствуетъ успѣшному разрѣшенію дорогой Моему сердцу задачи упроченія всеобщаго мира. Мнѣ пріятно поэтому въ день исполнившагося пятидесятилѣтія вашей дипломатической службы выразить вамъ Мою благодарность, въ ознаменованіе коей жалую васъ кавалеромъ ордена святаго равноапостальнаго князя Владиміра первой степени. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ». На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано: «НИКОЛАЙ». Въ Петергофѣ, 26-го іюля 1895 года.

Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго географическаго общества исполнилось 6-го августа текущаго года. Въ этотъ день въ 1845 году послѣдовало высочайшее утвержденіе положенія комитета министровъ объ учрежденіи Русскаго географическаго общества, на основаніяхъ, изложенныхъ во временномъ уставѣ, и о дарованіи обществу по 10.000 рублей ежегоднаго пособія изъ государственнаго казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало всемилостивѣйшее Государя Императора соизволеніе на просьбу, съ которою учредители обратились къ государю великому князю Константину Николаевичу о принятіи его высочествомъ званія предсѣдателя географическаго общества. Еще въ началѣ мая 1845 года генералъ-адъютантъ Литке, по порученію прочихъ учредителей, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ обстоятельную записку объ учрежденіи Русскаго географическаго общества. Учредители обратились съ ходатайствомъ по предмету основанія общества чрезъ министерство

внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ къ вѣдѣнію этого министерства принадлежитъ статистика государства. По времени учрежденія наше географическое общество—второе въ Европѣ; первымъ считается королевское лондонское общество, учрежденное на 20 лѣтъ ранѣе русскаго. Празднованіе 50-лѣтія своего основанія общество переноситъ на январь 1896 г.; къ этому же времени будетъ напечатанъ біографическій словарь главнѣйшихъ его дѣятелей.

Столѣтіе со дня перваго опыта оспопрививанія Дженнеромъ исполнится 2-го мая 1896 года. Общество охраненія народнаго здравія постановило особенно ознаменовать это событіе учеными работами и составленіемъ историческаго обзора развитія оспопрививанія въ Россіи. Совѣтъ общества чрезъ своего почетнаго предсѣдателя его императорское высочество великаго князя Павла Александровича ходатайствовалъ предъ его императорскимъ величествомъ о разрѣшеніи празднованія упомянутаго юбилея. 27 апрѣля послѣдовало высочайшее соизволеніе на ходатайство общества: 1) назначить четыре преміи за лучшія сочиненія по оспопрививанію; 2) собрать и издать при участіи правительственныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ, матеріалы по исторіи развитія оспопрививанія въ Россіи въ связи съ краткою исторіей этого дѣла въ Западной Европѣ; 3) издать въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія Дженнера (съ его біографіей, портретомъ, рисунками оспы); 4) устроить выставку относящихся къ оспопрививанію предметовъ: 5) созвать торжественное общее собраніе въ самый день столѣтія открытія Дженнеромъ. Нынѣ общество охраненія народнаго здравія объявляетъ условія конкурса на сочиненія по оспѣ и оспопрививанію. Условія конкурса слѣдующія: I. Сочиненія по общимъ вопросамъ по оспѣ и оспопрививанію: a) руководство къ предохранительному оспопрививанію; b) работы историческія, медико-географическія и медико-статистическія по оспѣ и оспопрививанію; c) изслѣдованія клиническія, патолого-анатомическія, бактеріологическія, химическія и т. п. по вопросамъ предохранительнаго оспопрививанія; d) популярныя сочиненія о пользѣ оспопрививанія. II. По техникѣ оспопрививанія: a) статьи и работы объ усовершенствованіи въ техникѣ приготовленія предохранительной оспы, въ способѣ ея сохраненія, пересылки и т. п.; b) новое предложеніе или усовершенствованіе инструментовъ, приборовъ и различныхъ принадлежностей, употребляемыхъ при оспопрививаніи людей и животныхъ; c) проектъ образцоваго устройства оспопрививательнаго заведенія (института). Означенная программа не обнимаетъ собою всѣхъ могущихъ быть представленныхъ сочиненій или усовершенствованій техническихъ по оспопрививанію; авторамъ разрѣшается соединять отдѣльные параграфы вмѣстѣ, включать темы не перечисленныя, расширять отдѣльныя частности. III. Сочиненія на конкурсъ допускаются на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ въ рукописи или напечатанными, но въ послѣднемъ случаѣ не ранѣе 2-го мая 1894 г. Срокъ доставленія сочиненій на конкурсъ назначается не позже 2-го марта 1896 года по адресу: въ «Совѣтъ Русскаго общества охраненія народнаго здравія, Петербургъ, Дмитровскій пер., 15». IV. Разсмотрѣніе и оцѣнка представляемыхъ на конкурсъ сочиненій будетъ возложена на особую экспертную коммиссію, избранную совѣтомъ общества. О присужденныхъ преміяхъ будетъ объявлено въ самый день празднованія столѣтняго юбилея на торжественномъ общемъ собраніи общества 2-го мая 1896 г. V. Сочиненія на конкурсъ можно присылать за подписью авторовъ или подъ избраннымъ девизомъ на запечатанныхъ конвертахъ, въ которые вложены адресъ и фамилія автора. VI. Назначены четыре премія. Первая премія—золотая медаль имени Русскаго общества охраненія народнаго здравія и тысяча рублей. Вторая премія—золотая медаль. Третья премія—малая золотая медаль. Четвертая премія—серебряная медаль. VII. Имена и фамиліи лицъ, удостоенныхъ преміи, будутъ напечатаны въ газетахъ.

Юбилей города Рязани. Въ настоящемъ году истекаетъ 800 лѣтъ со времени основанія Рязани и 600-лѣтіе со дня кончины св. Василія, перваго епископа рязанскаго, мощи котораго почиваютъ въ рязанскомъ кремлѣ. Наканунѣ юбилейнаго дня—15 сентября—торжество начнется заупокойною литургіей въ Борисоглѣбскомъ соборѣ съ торжественною панихидой по усопшимъ дѣятелямъ, рязанскимъ князьямъ, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, военноначальникамъ и градоначальникамъ. Въ тотъ же день въ церкви Бориса и Глѣба, въ первоначальномъ соборномъ храмѣ Рязани и мѣстѣ погребенія св. Василія Рязанскаго, въ два часа по полудни торжественно совершится малая вечерня. Къ началу вечерни въ церкви соберутся святыни Рязани, которыя будутъ несомы крестными ходами изъ каждой городской церкви со всѣмъ духовенствомъ. Послѣ вечерни предъ могилой св. Василія будетъ совершено торжественное молебствіе, по окончаніи котораго общій крестный ходъ направится къ собору при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ города. Вечеромъ этого же дня въ соборѣ и во всѣхъ городскихъ храмахъ будетъ совершено всенощное бдѣніе, во время котораго будетъ читаться: «Сказаніе о св. Василіи Рязанскомъ» и акафистъ ему. Въ самый день юбилейнаго празднованія, по окончаніи молебствія изъ собора, при звонѣ колоколовъ всѣхъ городскихъ храмовъ, будетъ совершенъ торжественный крестный ходъ съ иконами и хоругвями отъ всѣхъ церквей съ архіереемъ во главѣ и въ сопутствіи городскаго духовенства на площадь присутственныхъ мѣстъ. Ко времени прибытія крестнаго хода на площади выстраиваются квартирующія въ Рязани войска съ музыкой, причемъ двѣ батареи въ конномъ строю наряжаются для салютаціонной стрѣльбы, располагаясь на углу Соборной площади, обращенной къ рѣкѣ Трубежу. По совершеніи молебствія на площади всѣ иконы въ крестномъ ходу возвращаются въ свои храмы; на площади же устраивается парадъ. По окончаніи церемоніи на площади, въ дворянскомъ собраніи состоится торжественное засѣданіе Рязанской ученой архивной комиссіи, въ которомъ будутъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: послѣ привѣтственнаго слова Д. И. Иловайскаго, будутъ прочтены отцомъ протоіереемъ І. К. Смирновымъ—О святыняхъ Рязани; А. И. Черепнинымъ—О доисторическомъ періодѣ Рязанскаго края по мѣстнымъ археологическимъ даннымъ; В. С. Буймистровымъ—О великомъ князѣ рязанскомъ Олегѣ Ивановичѣ. Въ промежуткахъ между чтеніемъ хоромъ будутъ исполнены духовныя пѣснопѣнія. Послѣ чтеній въ залѣ дворянскаго собранія состоится обѣдъ. На площади присутственныхъ мѣстъ будетъ устроено народное гулянье съ музыкой, пѣсенниками, играми, состязаніями на призы и другими увеселеніями. На другой день юбилейнаго празднованія предполагается устроить для воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ залѣ дворянскаго собранія литературно-музыкальный вечеръ съ туманными картинами по соотвѣтствующей юбилею программѣ. Ко дню празднуемаго событія предполагается изготовить серебряные жетоны, на которыхъ съ лицевой стороны будетъ отчеканенъ гербъ города Рязани, годъ основанія ея и настоящій 1895 годъ.

Памятникъ на Шведской могилѣ. 11-го сентября, какъ извѣстно, предполагается открытіе памятника на шведской могилѣ вблизи города Полтавы. По распоряженію военнаго начальства, въ церемоніалѣ открытія памятника примутъ участіе войска, воспитатели и воспитанники кадетскаго корпуса. Епископъ полтавскій и переяславскій Иларіонъ поручилъ составить брошюру съ описаніемъ битвы подъ Полтавой и изложеніемъ исторіи устройства памятника на могилѣ воиновъ, павшихъ въ этой битвѣ. Брошюру предполагается раздать участвующимъ въ церемоніалѣ. Работы по сооруженію памятника на такъ называемой полтавцами «Шведской» могилѣ уже заканчиваются, такъ что могила имѣетъ теперь совсѣмъ не тотъ видъ, который имѣла годъ два тому назадъ. Перестройка церкви окончена уже давно,

остается только выбѣлить стѣны снаружи. На самой могилѣ, т.-е. надъ большимъ холмомъ, подъ которымъ погребены павшіе въ сраженіи воины, былъ прежде, какъ извѣстно, простой деревянный крестъ, къ которому вела очень ветхая деревянная лѣстница. Теперь къ вершинѣ холма ведутъ съ двухъ сторонъ ступени изъ красноватаго гранита. Между этими двумя рядами ступеней, у подножія холма, обращеннаго къ алтарю церкви, заключена большая гранитная плита, на которой высѣчена надпись: «Сооруженъ въ 1894 году при державѣ Государя Императора Александра III распоряженіемъ правительствующаго сената при святительствѣ епископа полтавскаго и переяславскаго Иларіона иждивеніемъ тайнаго совѣтника Іосифа Степанова Судіенко, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской побѣды. Исполненъ въ С.-Петербургѣ, по проекту и наблюденіемъ архитектора Н. Никонова мастеромъ А. Бариновымъ». А на вершинѣ холма мощно возвышается тысячепудовый, восьмиконечный крестъ изъ чуднаго сѣраго гранита, поставленный на гранитную массу формы усѣченной пирамиды. На ней двѣ высѣченныя надписи; съ одной стороны—противъ алтаря церкви начертано: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога слова 1709, іюня 27 дня», и немного ниже: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія»; съ другой стороны—имена павшихъ и погребенныхъ здѣсь: «Погребены: бригадиръ Феленгеймъ, полковники: Нечаевъ и Ловъ, подполковникъ: Козловъ, майоры: Кропотовъ, Ерстъ и Гельтъ, оберъ-офицеровъ сорокъ пять, капраловъ и рядовыхъ тысяча двѣсти девяносто три, всего погребено тысяча триста сорокъ пять человѣкъ». Могила будетъ окружена гранитной оградой съ чугунными цѣпями, самый холмъ будетъ засѣянъ какою либо травою.

Императоръ Александръ III въ современныхъ ему иллюстраціяхъ. Это заглавіе носитъ альбомъ, составленный Г. П. Анненковымъ, картографомъ центральнаго статистическаго комитета, фотографомъ-любителемъ. Г. Анненковъ, задавшись цѣлью собрать всѣ иллюстраціи, относящіяся къ царствованію императора Александра III, пріобрѣталъ русскіе и иностранные иллюстрированные журналы и вырѣзалъ изъ нихъ нужные для этой цѣли рисунки. Эти послѣдніе тщательно вырѣзались по контуру и наклеивались на листы бѣлаго бристольскаго картона большого формата. Разложивъ затѣмъ эти листы въ хронологическомъ порядкѣ, пронумеровавъ и составивъ къ нимъ указатель, г. Анненковъ оказался обладателемъ альбома, состоящаго изъ 15 томовъ in-folio, заключающихъ въ себѣ 1,500 листовъ картона съ 1,946 отдѣльными рисунками, изъ которыхъ 67 иллюстрируютъ важнѣйшія событія тѣхъ лѣтъ, когда императоръ Александръ III былъ наслѣдникомъ престола, 138 относятся къ восшествію на престолъ, 311 къ коронованію, 446 къ кончинѣ и погребенію, а 984 распредѣляются между остальными 11 годами царствованія. Альбомъ этотъ въ историческомъ и художественномъ отношеніяхъ представляетъ цѣнный матеріалъ, и было бы очень желательно, чтобъ онъ попалъ въ такое учрежденіе, гдѣ бы могъ быть доступенъ интересующимся, какъ, напримѣръ, въ публичную библіотеку или во вновь учрежденный музей императора Александра III. Г. Анненковъ не ограничился составленіемъ альбома, а предпринялъ также и фотографированіе каждой иллюстраціи въ отдѣльности. Фотографіи исполнены въ кабинетномъ размѣрѣ и передаютъ всѣ детали подлинника, но en beau, такъ какъ большинство иллюстрацій уменьшено, и все отпечатано способомъ, дѣлающимъ фотографіи вполнѣ схожими съ хорошо исполненными гравюрами, наклейка же ихъ на бланки съ оттиснутымъ фономъ дополняетъ еще болѣе это сходство. Свои альбомы г. Анненковъ печатаетъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и въ продажу ихъ вовсе не пуститъ, а готовитъ къ подношенію ихъ императорскимъ величествамъ и нѣкоторымъ изъ особъ

императорской фамиліи. Изготовленіе каждаго полнаго экземпляра такого фотографическаго альбома обходится составителю около 200 р. Интересующіеся альбомомъ могутъ осмотрѣть его въ 1896 году въ Москвѣ, на фотографической, и въ Нижнемъ Новгородѣ—на всероссійской выставкахъ.

Гдѣ жилъ Суворовъ въ Варшавѣ? Этотъ вопросъ былъ недавно возбужденъ «Варшавскимъ Дневникомъ». Нынѣ «Варшавскій Курьеръ» приводитъ любопытный по этому предмету документъ, хранящійся въ архивѣ варшавскаго магистрата. «9 ноября (н. ст.) 1794 г. магистратъ, собравшись въ ратушѣ въ 9 часовъ утра, отправился къ мѣсту встрѣчать е. п. генерала Суворова. По прибытіи нѣсколькихъ региментовъ съ пушками, назначенныхъ для занятія постовъ въ городѣ, е. п. генералъ Потемкинъ съ большою свитою опередилъ е. п. генерала Суворова съ порученіемъ рапортовать его величеству королю. Онъ поѣхалъ прямо въ замокъ, затѣмъ прошло нѣсколько региментовъ съ пушками и багажами, а за ними самъ генералъ-аншефъ Суворовъ, окруженный многими генералами и офицерами, ѣхалъ верхомъ. Когда онъ подъѣхалъ къ концу моста, магистратъ вышелъ ему на встрѣчу и вице-президентъ Е. Б. Лукашевичъ, сказавъ нѣсколько словъ попольски, передалъ ему ключи, Е. Б. Макаревичъ соль, а Е. Б. Рафаловичъ хлѣбъ. Е. П. генералъ Суворовъ принялъ сіе отъ города, сидя на конѣ; и, принявъ съ выраженіемъ радости и удовольствія всѣхъ лицъ какъ магистрацкихъ, такъ и другихъ присутствующихъ, одарилъ своимъ поцѣлуемъ, обѣщалъ громко безопасность лицъ и имуществъ, а также сказалъ, что войско не будетъ квартировать въ городѣ. Все сіе продолжалось около двухъ часовъ времени». Затѣмъ Суворовъ отправился на избранную имъ самимъ квартиру въ домикѣ Тогневскаго при Лавенкахъ, а войска велѣлъ размѣстить за городскимъ валомъ. Такимъ образомъ, первая квартира Суворова въ Варшавѣ опредѣлена съ точностью на основаніи оффиціальнаго документа. Выборъ квартиры за городомъ объясняется желаніемъ полководца находиться вблизи главнаго корпуса своей арміи.

Маска Пушкина. Въ теченіе іюля мѣсяца всѣми газетами оживленно обсуждался вопросъ о посмертной маскѣ Пушкина. Въ основу этой полемики легло сообщеніе «Рижскаго Вѣстника». «Въ одной изъ маленькихъ комнатъ юрьевской университетской библіотеки, въ третьемъ или четвертомъ этажѣ, совершенно вдали отъ всѣхъ и всего,—сообщаетъ корреспондентъ этой газеты,—на черномъ столикѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ лежитъ «маска». И чья же? Нашего великаго Пушкина. Маска (гипсовая) повидимому снята сейчасъ же послѣ смерти, такъ какъ черты прекрасно сохранились, судя по портретамъ. Нѣсколько полуоткрытый ротъ, рядъ зубовъ, характерный типъ лица и впалые мертвые глаза подтверждаютъ это». «Московскія Вѣдомости», принявъ вслѣдствіе сжатаго описанія юрьевскую маску за подлинную, ту, которая была снята съ поэта Жуковскимъ (Соч. Жуковскаго, Спб., 1878, т. VI, стр. 20), высказали слѣдующія предположенія о томъ, какъ могла эта маска попасть въ Юрьевъ. «Эта маска находилась у Жуковскаго до отъѣзда его за границу, а по выѣздѣ его изъ Россіи, въ 1843 году, хранилась въ Мраморномъ дворцѣ вмѣстѣ съ коллекціей его картинъ, гипсовъ, гравюръ и книгъ. Послѣ же кончины Жуковскаго и недолгой жизни его жены Е. А. Жуковской оставшееся художественное собраніе въ 1856 году было пріобрѣтено душеприказчикомъ и вѣрнымъ другомъ покойнаго поэта К. К. Зейдлицемъ, который, проживая то въ Юрьевѣ, то въ его окрестностяхъ—въ Мейерсгофѣ (имѣніи, купленномъ также у Жуковскаго), и пожертвовалъ маску Пушкина въ Юрьевскій университетъ». Догадка эта вызвала однако же проверженіе со стороны «Рижскаго Вѣстника». «Свѣдѣнія эти,—писалъ онъ,—противорѣчатъ сообщенію «Нов. Дерпт. Газ.», что маска эта находится въ университетской библіотекѣ уже около 50 лѣтъ и подарена ей профессоромъ Моргенштерномъ. Или сообщенія «Нов. Дерпт. Газ.» невѣрны? Но вмѣстѣ

съ тѣмъ подтверждается предположеніе, что это — «маска» оригинальная и попала въ библіотеку при посредствѣ Жуковскаго». Въ возникшей такимъ образомъ полемикѣ приняли участіе почти всѣ столичныя газеты, что побудило одного изъ сотрудниковъ «Прибалтійскаго Листка» сдѣлать подробный осмотръ самой маски и навести справки о ея происхожденіи. По его словамъ, «маска находится на видномъ мѣстѣ въ верхнемъ, свѣтломъ и просторномъ этажѣ библіотеки, какъ извѣстно, помѣщающейся въ реставрированной части руинъ. Она дѣйствительно удачно воспроизводитъ, согласно портретамъ, черты лица поэта и довольно близко подходитъ къ изображеніямъ гипсовой маски, находящимся, какъ сказано выше, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Маска снята, повидимому, тотчасъ послѣ смерти. Черты лица хорошо сохранились, ротъ полуоткрытъ, а мертвые закрытые глаза впалы. Маска покоится на тяжелой каменной подставкѣ-пьедесталѣ, врѣзанномъ въ деревянныя доски, а сверху все это закрывается стеклянныиъ колпакомъ. На темномъ пьедесталѣ, подъ маской находится надпись порусски золотыми буквами «А. С. Пушкинъ». Гипсъ, изъ котораго сдѣлана маска, хорошо сохранился и лишь немного потемнѣлъ отъ времени. Внутри маски нѣтъ никакихъ надписей. Принесена въ даръ университетской библіотекѣ маска въ шестидесятыхъ годахъ профессоромъ императорскаго Дерптскаго университета М. П. Розбергомъ. Въ 1856 году проф. Розбергъ посѣтилъ с. Михайловское и Святогорскій Успенскій монастырь; здѣсь П. А. Осипова подарила ему хранящуюся нынѣ въ университетской библіотекѣ маску. П. А. Осипова была ближайшая сосѣдка А. С. Пушкина (ей принадлежало с. Тригорское въ двухъ верстахъ отъ с. Михайловскаго), и съ ея семействомъ поэтъ былъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ». Наконецъ въ № 6975 «Новаго Времени» появилось слѣдующее письмо въ редакцію г. С. Либровича, повидимому, вполнѣ разъясняющее всѣ недоразумѣнія, возникшія по настоящему предмету: «Посмертная маска Пушкина, находящаяся теперь въ библіотекѣ Юрьевскаго университета, извѣстіе о которой со словъ «Рижскаго Вѣстника» появилось надняхъ во всѣхъ почти русскихъ газетахъ, не могла, конечно, не заинтересовать поклонниковъ поэта, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которые собираютъ портреты творца «Онѣгина». Къ сожалѣнію, появившіяся покуда разъясненія, какимъ образомъ эта, можетъ быть, единственная маска Пушкина попала въ Юрьевскій университетъ, крайне разнорѣчивы. Я полагаю, что интересующимся происхожденіемъ маски Пушкина, неожиданно «открытой» въ Юрьевскомъ университетѣ, не безполезно будетъ припомнить, что на Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ была выставлена маска великаго поэта, снятая, какъ значилось и въ каталогѣ, и въ запискѣ, приклеенной къ стеклу, на другой день послѣ смерти Пушкина. Маска эта помѣщалась въ особой витринѣ чернаго дерева, при чемъ отмѣчено было, что она составляетъ собственность Т. Б. Сѣмечкиной. Въ письмѣ Жуковскаго къ С. Л. Пушкину говорится, что онъ, къ счастью, во время вспомнилъ, что надобно снять маску съ умершаго Пушкина, и что это было исполнено немедленно: черты еще не успѣли измѣниться. «Конечно, прибавляетъ Жуковскій, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось, но все-таки мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ». Очевидно, слова Жуковскаго относятся къ маскѣ, снятой на другой день послѣ смерти поэта,— и другой маски, кромѣ этой, снято не было. По крайней мѣрѣ, очевидцы смерти Пушкина и слѣдовавшихъ за тѣмъ дней до погребенія поэта ничего о такой маскѣ не упоминаютъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ полагать, что маска, бывшая на Пушкинской выставкѣ, и та, о которой пишетъ Жуковскій, есть одна и та же маска, и что если имѣются еще какія либо маски Пушкина, то это лишь снимки съ подлинной маски. Въ книгѣ моей «Пушкинъ въ портретахъ» я замѣтилъ уже, что вскорѣ послѣ смерти Пушкина были

пущены въ продажу гипсовые снимки съ посмертной маски поэта, съ придѣланными къ нимъ волосами до половины головы, работы Палацци, которые продавались по 15 рублей, и подобныя же маски-копіи, тоже гипсовыя, въ рамкѣ подъ стекломъ, на голубомъ фонѣ. Объ этихъ маскахъ-копіяхъ упоминаетъ неизвѣстный авторъ «Письма въ Парижъ», помѣщеннаго въ годъ смерти Пушкина въ «Художественной Газетѣ» (1837 г., № 10), а также и составитель перваго списка портретовъ Пушкина («Художественный Листокъ», 1860 г., № 32). Съ одной изъ такихъ именно масокъ-копій и былъ, вѣроятно, срисованъ Элеонорой Жуковской портретъ Пушкина, воспроизведенный въ свое время при «Литературной Газетѣ», издаваемой Кони, и повторенный въ 1887 г. въ гравюрѣ на деревѣ при изданіи сочиненій Пушкина, выпущенномъ А. С. Суворинымъ, при біографіи Пушкина, составленной А. П. Скабичевскимъ, изданной Павленковымъ, въ моей книгѣ «Пушкинъ въ портретахъ» и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Сходство рисунка Жуковской съ маской Юрьевскаго университета невольно наводитъ на мысль, что маска Пушкина, находящаяся въ Юрьевскомъ университетѣ, не есть подлинная посмертная маска, но лишь одна изъ тѣхъ копій, которыя въ свое время выпустилъ въ продажу Палацци». Доводы г. Либровича, повидимому, вполнѣ убѣдительны и едва ли могутъ быть поколеблены появившимся въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» письмѣ г. М. А—на слѣдующаго содержанія: «Въ «Новомъ Времени» высказано предположеніе, что маска Пушкина, найденная мною въ юрьевской университетской библіотекѣ, вѣроятно, одна изъ копій съ тѣхъ масокъ, которыя заготовлялъ г. Палацци, пустивъ «въ продажу гипсовые снимки съ посмертной маски поэта, съ придѣланными къ нимъ волосами до половины головы». Однако, это предположеніе невѣрно: маска, находящаяся въ университетской библіотекѣ,—только «лицо», безъ волосъ. Эта маска скорѣе уже подходитъ къ той, которая принадлежитъ г-жѣ Сѣмечкиной и была снята на другой день послѣ смерти Пушкина. Весьма возможно также, что были выполнены двѣ маски».

Историческая справка о землетрясеніи въ Астрахани. «Астраханскій Листокъ» приводитъ любопытную справку изъ каталога землетрясеній, составленнаго И. Мушкетовымъ и А. Орловымъ, относительно наиболѣе сильнаго землетрясенія изъ всѣхъ бывшихъ въ Астрахани легкихъ колебаній почвы. Въ немъ указано, что Астрахань подвергалась землетрясенію 4 января 1670 г., при чемъ сдѣлана ссылка на классическій каталогъ R. Mallet. Указаніе это нельзя считать вѣрнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ рукописи Петра Золотарева, современника событія, напечатанной въ прошлогодней «Памятной Книжкѣ» астраханскаго статистическаго комитета, сказано слѣдующее: «Въ Астрахани отъ сотворенія міра въ 7176 году, а отъ Рождества Спасителя міра 1668 году, генваря въ 4 день, въ субботу, за часъ до свѣту, было трясеніе земли; все строеніе потряслося во всемъ градѣ, и въ то время куры съ нашестей попадали». Что въ 1670 году не было землетрясенія въ Астрахани, можно еще убѣдиться изъ того, что Стрюйсъ, прибывшій въ Астрахань въ 1669, а уѣхавшій 12 іюня 1670, въ своихъ запискахъ ничего о немъ не упоминаетъ, хотя онъ исправно заносилъ о всѣхъ случаяхъ землетрясеній за время пребыванія въ Россіи, и его указаніями воспользовались составители иностранныхъ каталоговъ землетрясеній. Такъ, случай 4 января 1668 г. совпалъ съ грознымъ землетрясеніемъ, разрушившимъ много городовъ и селеній по западному берегу Каспійскаго моря.

Старое зданіе Московской Консисторіи. 31-го іюня состоялась въ Москвѣ, на Мясницкой улицѣ, закладка новаго зданія консисторіи на пустопорожней землѣ, рядомъ съ прежнимъ. По этому поводу «Русское Слово» (№ 207) даетъ слѣдующую историческую справку о старомъ зданіи. Постройку дома, гдѣ съ 1833 года помѣщается московская духовная консисторія, относятъ къ началу XVI столѣтія. Нѣтъ сомнѣнія, что зданіе это за время своего суще-

ствованія неоднократно перестраивалось, но и до настоящаго времени въ немъ сохранились древніе, со сводами, потолки и необыкновенно толстыя каменныя стѣны. Какъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся на одной изъ плитъ зданія надпись, теперешній домъ консисторіи былъ каменными архіерейскими палатами, принадлежавшими рязанскимъ преосвященнымъ, гдѣ послѣдніе подолгу проживали; между прочимъ, здѣсь также долго пребывалъ блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, здѣсь же скончавшійся въ въ 1772 году. Съ начала построенія этого зданія, какъ гласятъ лѣтописи, въ немъ, кромѣ рязанскихъ архіереевъ, проживали стряпчій и при немъ нѣсколько писцовъ. Въ 1767 году, рязанское архіерейское подворье на время войны съ турками было обращено въ военный госпиталь для раненныхъ. Но прошло семь лѣтъ, и человѣколюбивый пріютъ обратился въ страшное мѣсто пытокъ и суда. Съ 1774 на рязанскомъ архіерейскомъ подворьѣ была помѣщена тайная экспедиція, преобразованная изъ прежней тайной канцеляріи розыскныхъ тайныхъ дѣлъ, начальникомъ которой долгое время состоялъ наводившій страхъ только своимъ именемъ извѣстный Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Между прочимъ, здѣсь былъ заключенъ Пугачевъ, здѣсь же содержался одно время Новиковъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла Петровича изъ тайной экспедиціи были освобождены всѣ заключенные, кромѣ страдавшихъ разстройствомъ умственныхъ способностей, которыхъ по Высочайшему повелѣнію приказано было лѣчить и призрѣвать. Нѣкоторые изъ такихъ несчастныхъ оставались здѣсь до 1810 года, то-есть, далѣе по воцареніи императора Александра I, окончательно уничтожившаго тайную экспедицію. Въ 1802 по высочайшему повелѣнію въ зданіи были уничтожены всѣ пыточныя орудія; каменные мѣшки, сдѣланные въ стѣнахъ его, были обращены въ шкафы для посуды; глубокіе погреба, въ которыхъ часто по нѣскольку лѣтъ томились заключенные,—обращены для хозяйственныхъ цѣлей, а въ домѣ поселены сенатскіе сторожа и солдаты и лишившіеся разсудка бывшіе подсудимые. Въ 1812 г. пожаръ не коснулся рязанскаго архіерейскаго подворья, и въ немъ жили непріятельскіе солдаты. По выходѣ наполеоновской арміи изъ Москвы, въ теперешнемъ зданіи консисторіи помѣщались сначала горное правленіе, а потомъ управа благочинія. Въ 1819, по распоряженію правительства, рязанское архіерейское подворье было передано Библейскому обществу, которое имѣло здѣсь контору и книжную лавку для продажи книгъ духовнаго содержанія, доколѣ (1826) общество это не было закрыто. Послѣ этого бывшее подворье было первоначально отдано московской сvнодальной типографіи, а потомъ, въ 1833 г., сюда и была переведена духовная консисторія, ранѣе помѣщавшаяся въ зданіи каѳедральнаго Чудова монастыря въ Кремлѣ.

Отчетъ о дѣятельности Театральнаго общества въ 1894 году. Общество это, называвшееся прежде обществомъ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, замѣтно развиваетъ свою дѣятельность. Въ приходѣ въ 1894 году было 18,499 руб. (въ 1893 г.—13,306 руб.), израсходовано 11,190 руб. (въ 1893 г.—6,195), капиталъ въ концѣ года составлялъ 58,612 руб., на пособіе употреблено 5,136 руб. (въ 1893—5,009 руб.). Пособіемъ отъ Общества воспользовалось 124 лица; въ предыдущемъ году пособія были выданы 172 лицамъ. Ежемѣсячными пособіями пользовались 20 лицъ; 14 дѣтей воспитывалось на средства или при помощи общества. Число членовъ въ обществѣ уменьшилось съ 324 до 222, такъ какъ 140 лицъ исключено изъ состава общества за невзносъ членскихъ платежей. Вновь поступили въ члены 42 лица. Обществомъ пріобрѣтенъ домъ по Кирочной улицѣ. На сооруженіе иконы св. Николая Чудотворца, въ память восшествія на престолъ Его Величества Государя Императора Николая Александровича, собрано 231 руб., на сооруженіе памятника артисту П. М. Свободину—188 рублей.

VI съѣздъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова состоится въ Кіевѣ съ 21 по 28 апрѣля будущаго года. Завѣдующими секціями избраны слѣдующія лица: М. А. Тихомировъ, А. Н. Якимовичъ, С. И. Чирьевъ и А. А Садовень—секціей анатоміи, гистологіи, эмбріологіи, физіологіи и антропологіи; Г. Н. Минхъ и В. В. Подвысоцкій—секціей патологической анатоміи и общей патологіи; Е. И. Аѳанасьевъ, К. Г. Тритшель и В. Е. Черновъ—секціей внутреннихъ и дѣтскихъ болѣзней; Э. Г. Гейбель и Ф. А. Лешъ—секціей фармакологіи, общей терапіи, бальнеологіи, фармаціи и фармакогнозіи; В. П. Образцовъ и А. Д. Павловскій—секціей инфекціонныхъ болѣзней и бактеріологіи; И. А. Сикорскій—секціей нервныхъ и душевныхъ болѣзней съ электротерапіей; Ф. К. Борнгауптъ—секціей хирургіи съ горловыми, ушными и зубными болѣзнями; Г. Е. Рейнъ—секціей акушерства и гинекологіи; А. В. Ходинъ—секціей глазныхъ болѣзней; М. И. Стуковенковъ—секціей болѣзней кожи; В. Д. Орловъ и Н. А. Оболонскій—секціей гигіены, медицинской статистики и судебной медицины; В. И. Долженковъ и С. П. Томашевскій—секціей общественной медицины, земской и городской; Н. А. Хржонщевскій, I. А. Гельтовскій, В. Н. Сахновскій и Я. А. Ѳедотовъ-Чеховскій—секціей врачебнаго быта, военной, морской, фабричной и желѣзнодорожной медицины.

Археологическая карта Крыма. По порученію Императорской археологической коммиссіи, профессоромъ Кіевскаго университета Св. Владиміра, Ю. А. Кулаковскимъ, собираются въ настоящее время въ окрестностяхъ Симферополя и Бахчисарая свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи мѣстностяхъ, для составленія археологической карты Крыма.

Раскопки близъ Бѣлаго озера. Въ мѣстности, примыкающей къ Бѣлому озеру, какъ сообщаютъ «Новгородскія Губернскія Вѣдомости», до сихъ поръ не производилось никакихъ раскопокъ. Въ недавнее время въ одномъ имѣніи раскопаны четыре кургана, и этимъ положенъ починъ къ археологическому изслѣдованію Новгородскаго края, который со временемъ долженъ дать богатѣйшій матеріалъ. Предметы, добытые при раскопкахъ, представляютъ глубокій интересъ, такъ какъ они относятся къ XI вѣку, что указывается тѣми монетами, которыя найдены вмѣстѣ съ предметами, и, слѣдовательно принадлежатъ къ мерянской культурѣ—названіе, установленное покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ для предметовъ XI вѣка на основаніи раскопокъ, произведенныхъ въ Ярославской и Владимірской губерніяхъ. По поводу новыхъ Бѣлозерскихъ раскопокъ былъ сдѣланъ въ текущемъ году весьма любопытный докладъ въ засѣданіи Русскаго археологическаго общества. Всѣхъ предметовъ найдено 300.

Замѣчательный кладъ. Надняхъ въ балашовское полицейское управленіе крестьянами села Ольшанки, Завьяловской волости, Саратовской губерніи, представлено болѣе двухъ тысячъ мѣдныхъ пятикопеечныхъ монетъ (вѣсомъ пять пудовъ), чекана съ 1759 по 1791 г. Монеты найдены въ полѣ во время уборки ржи. Во время косьбы, коса одного крестьянина обо что-то стукнулась и воткнулась, при чемъ послышался глухой трескъ; крестьянинъ, высвободивъ косу, на концѣ ея увидѣлъ кусокъ дерева отъ деревянной посуды, что и обратило на себя особенное вниманіе крестьянина. Потомъ онъ замѣтилъ края деревянной кадушки и началъ пробовать ее вытащить, но это не удавалось. Тогда онъ сказалъ о своей находкѣ другимъ крестьянамъ, работавшимъ неподалеку. Всѣ принялись дружно раскапывать землю около кадки. На глубинѣ около двухъ четвертей вмѣстѣ съ землей, въ пригоршняхъ, крестьянамъ стали попадаться пятикопеечныя монеты. Выкинувъ еще нѣсколько пригоршней земли, крестьяне увидѣли цѣлую груду мѣдныхъ монетъ. Выбравъ всѣ монеты изъ кадки, они вытащили искрошившуюся въ куски сгнившую кадку и продолжали копать глубже землю, надѣясь найти

еще болѣе монетъ, но старанія эти не увѣнчались успѣхомъ. Кладъ представленъ въ полицію.

Присужденіе преміи императора Петра Великаго. Министромъ народнаго просвѣщенія утверждено постановленіе особой комиссіи, избранной для присужденія премій императора Петра Великаго, находящихся въ распоряженіи ученаго комитета. Преміи присуждены: профессору П. Г. Виноградову за рукопись, подъ заглавіемъ: «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ»—полная премія въ 2.000 рублей, такая же премія присуждена вдовѣ Краевичъ за 12-е изданіе учебника физики ея мужа, полная премія—профессору Николаевской академіи генеральнаго штаба К. Шарнгорсту за «Математическую географію для среднихъ учебныхъ заведеній» и за «Введеніе въ астрономію», и малая премія въ 500 рублей преподавателю тамбовской гимназіи И. Александрову за «Методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе».

† П. И. Савваитовъ. Въ среду, 12-го іюля, скончался членъ археографической комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Савваитовъ, извѣстный своими многочисленными, разнообразными и цѣнными трудами по русской археологіи, исторіи и этнографіи. Онъ родился въ 1815 г., въ городѣ Вологдѣ, и первоначальное образованіе получилъ въ вологодской духовной семинаріи, а затѣмъ въ с.-петербугской духовной академіи, гдѣ и кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ и получилъ степень магистра. Покойный началъ свою учено-литературную дѣятельность въ 1837 году, когда былъ назначенъ наставникомъ философіи въ вологодскую семинарію. Свои педагогическія занятія онъ соединилъ съ трудами научнаго характера, сперва наблюдая и изслѣдуя народный бытъ и народное слово сѣверо-восточнаго края, затѣмъ постепенно расширяя кругъ своихъ изученій въ области богословскихъ наукъ, церковной исторіи, отечественныхъ древностей и письменности. Въ Вологдѣ П. И. познакомился съ М. П. Погодинымъ и съ извѣстнымъ собирателемъ «Сказаній русскаго народа» И. П. Сахаровымъ. Это знакомство было благотворно для молодого педагога-ученаго. Онъ занялся собираніемъ вологодскихъ пѣсенъ, изученіемъ самобытности строя и состава нарѣчій зырянскаго языка и описаніемъ замѣчательнѣйшихъ древнихъ монастырей Вологодской губерніи. Переведенный въ 1842 году въ с.-петербургскую духовную семинарію профессоромъ патристики, св. писанія, герменевтики и чтенія отцовъ церкви и приглашенный вскорѣ преподавать русскій языкъ и словесность въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, Коммерческомъ училищѣ и Школѣ гвардейскихъ юнкеровъ, П. И. съ еще большею энергіей сталъ собирать и разрабатывать памятники русской древности и старины. Пользуясь по мѣрѣ возможности тѣмъ, что хранилось въ библіотекахъ общественныхъ и частныхъ и что доставлялось со стороны, съ его родины и изъ другихъ мѣстъ, онъ не упускалъ случая и самъ ѣздить. Такъ, въ 1846 и 1853 гг. онъ былъ командированъ для научныхъ изслѣдованій и обозрѣнія замѣчательнѣйшихъ книгохранилищъ въ губерніяхъ: Вологодской, Ярославской Костромской и Владимірской, въ 1858 г. въ Москву для изслѣдованій въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и вотчинномъ архивѣ. Кромѣ того, нѣсколько разъ выѣзжалъ въ разныя мѣста по своему выбору и по порученіямъ археологическаго общества. Болѣе правильно пошли его работы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1858 г. онъ былъ выбранъ членомъ археологической комиссіи, и позже, съ того времени, какъ онъ вышелъ въ отставку изъ семинаріи и предался исключительно научнымъ занятіямъ. Многочисленныя статьи покойнаго были посвящены преимущественно подробнымъ наблюденіямъ и объясненіямъ народности, старины и русскихъ древностей, выясненію современнаго положенія разныхъ монастырей и характеристикѣ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей. Въ «Москвитянинѣ», въ «Географическихъ Извѣстіяхъ», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», въ «Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ», въ альманахѣ «Утро», «Русскомъ Ар-

хивѣ», «Русской Старинѣ» и другихъ изданіяхъ помѣщено имъ многое важное по богатству и интересу содержанія и по тщательности ученой обработки. Цѣлый рядъ изданій археографической комиссіи исполненъ при ближайшемъ участіи покойнаго. Подъ его наблюденіемъ было положено начало изданію «Великихъ Миней-Четіихъ», собранныхъ митрополитомъ Макаріемъ, и новгородскихъ писцовыхъ книгъ, воспроизведенъ свѣтопечатью харатейный списокъ новгородской лѣтописи и приготовленъ къ изданію старѣйшій изъ памятниковъ новгородскихъ лѣтописей — именно лѣтописи 6362 года: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописаніе князей земля русския». Наиболѣе цѣннымъ трудомъ покойнаго является «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора». Этотъ драгоцѣнный вкладъ въ русскую археологію служитъ настольной справочной книгой для всѣхъ, кто занимается нашею бытовою стариною московскаго періода. Въ послѣднее время П. И. подготовлялъ второе изданіе «Описанія», заново имъ переработаннаго, и ему оставалось всего нѣсколько страницъ до окончанія этой замѣчательной по обилію и цѣнности свѣдѣній работы. Среди множества трудовъ покойнаго, по отзыву покойнаго профессора И. И. Срезневскаго, не послѣднее мѣсто занимаютъ слѣдующія сочиненія: «Объясненіе книгъ св. писанія», «Изданіе Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ съ греческимъ текстомъ, подобраннымъ изъ разныхъ изданій», «Грамматика вырянскаго языка», вырянско-русскій и русско-вырянскій словари и нѣсколько сочиненій для народа на этомъ языкѣ. За словари П. И. удостоенъ Демидовской преміи. П. И. Саввантовъ выдѣлялся удивительнымъ трудолюбіемъ. До послѣднихъ дней въ своихъ научныхъ занятіяхъ онъ сохранилъ энергію молодости, ту энергію, которую покойный академикъ П. И. Срезневскій охарактеризовалъ въ немъ слѣдующими словами: «Какъ ученый труженикъ, онъ приготовленъ къ труду очень разнообразными знаніями и между прочимъ знаніемъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовностью трудиться—съ увлеченіемъ, безъ устали, денно и нощно. При работѣ имъ овладѣваетъ не желаніе скорѣе добраться до конца начатаго дѣла, а стараніе дойти до полнаго разрѣшенія каждаго частнаго вопроса, до объясненія каждой мелочи. Время для него при этихъ развѣдкахъ какъ будто не существуетъ: онъ не въ силахъ спѣшить и разсчитывать ни недѣли, ни мѣсяцы, ни годы. Не существуетъ для него при этомъ и усталости отъ хлопотъ: занятый какою нибудь трудностью, представившеюся ему въ работѣ, онъ не полѣнится перебывать въ разныхъ библіотекахъ, архивахъ, кабинетахъ и у разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и написать нѣсколько писемъ; онъ успокоится тогда только, когда дѣло покажется ему яснымъ, разрѣшеніе трудности удовлетворительнымъ или же невозможнымъ. Черта завидная, встрѣчающаяся въ труженикахъ всякаго рода не очень часто». Какъ человѣкъ П. И. пользовался общимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто когда либо обращался къ нему за совѣтомъ и содѣйствіемъ въ ученыхъ и историческихъ трудахъ. До конца своей жизни онъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, чуждымъ самомнѣнія, и полнымъ привѣтливости, добродушія и остроумія подвижникомъ науки. Научные труды доставили покойному званіе члена многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а именно: археологическаго, вольно-экономическаго, географическаго, Сѣвернаго общества антикваріевъ въ Копенгагенѣ, археографической комиссіи и др. Кромѣ того, покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ открытіи и организаціи «Императорскаго общества любителей древней письменности», членомъ-учредителемъ котораго онъ состоялъ Съ 1873 года покойный состоялъ также членомъ-корреспондентомъ императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности.

† Н. Н. Буличъ. Въ ночь съ 24 на 25 мая скончался въ своемъ имѣніи с. Юрткуляхъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, Николай Никитичъ Буличъ. Потомокъ сербскихъ выходцевъ, южно-русскихъ дворянъ, онъ ро-

дился 5 февраля 1824 г. въ гор. Курганѣ, Тобольской губерніи, гдѣ отецъ его находился тогда на службѣ. Воспитывался во 2-й казанской гимназіи и въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ по историко-филологическому факультету въ 1845 г. Въ Казани же получилъ въ 1849 г. степень магистра философіи и въ 1850 г. занялъ въ тамошнемъ университетѣ адъюнктуру по этой каѳедрѣ, перемѣнивъ ее впрочемъ уже въ концѣ того же 1850 г. на адъюнктуру по каѳедрѣ русской словесности, профессоромъ которой въ то время былъ К. К. Фойгтъ. Въ 1854 г. защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацію на степень доктора славяно-русской филологіи подъ заглавіемъ «Сумароковъ и современная ему критика», напечатанную въ С.-Петербургѣ въ 1854 г. и вызвавшую замѣчательныя рецензіи Галахова, Гаевскаго и академика Бестужева-Рюмина. Съ 1854 по 1885 гг. включительно состоялъ въ Казанскомъ университетѣ профессоромъ исторіи русскаго языка и словесности, до 1857 г. экстраординарнымъ, а затѣмъ ординарнымъ и заслуженнымъ. Кромѣ исторіи русской литературы, преподавалъ тамъ же въ шестидесятыхъ годахъ исторію философіи и исторію всеобщей (западно-европейской) литературы, занимая послѣдовательно съ 1862—1864 г. должность декана историко-филологическаго факультета, съ 1864—1871 г.—проректора, въ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ снова декана, а съ 1882—1885 г. ректора университета. Особенно замѣчательна его дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ, когда онъ явился организаторомъ своего факультета, привлекши къ преподаванію въ немъ Н. А. Ѳирсова, Н. А. Осокина, В. И. Модестова на мѣсто ушедшихъ почти одновременно профессоровъ Ведрова, Шарбе, Струве, Щапова и Григоровича. При участіи Н. Н. Булича были также командированы за границу для приготовленія къ новымъ каѳедрамъ, вводимымъ университетскимъ уставомъ 1863 г., исторіи искусствъ и церковной исторіи, кандидатъ Казанскаго университета Н. Е. Михайловъ и баккалавръ Казанской духрвной академіи И. М. Добротворскій. По университетской службѣ Н. Н. Буличъ достигъ чина тайнаго совѣтника и имѣлъ ордена св. Анны и св. Станислава первыхъ степеней. Академія Наукъ выбрала его членомъ корреспондентомъ, а совѣтъ Казанскаго университета—почетнымъ своимъ членомъ по выходѣ Н. Н. въ отставку, въ которой онъ былъ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, живя попеременно то въ Казани, то въ с. Юрткуляхъ, гдѣ и скончался. Сверхъ университетской дѣятельности, покойный находилъ время какъ для исправленія обязанностей земскаго и городского гласнаго, такъ и для чтенія въ Казани публичныхъ лекцій, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли успѣхъ. Таковы были чтенія о Державинѣ въ 1857 г., о Ломоносовѣ въ 1865 г. и рядъ лекцій по исторіи западно-европейскаго искусства въ исходѣ 1860-хъ годовъ. Собранную покойнымъ замѣчательную въ научномъ отношеніи и обширную библіотеку онъ пожертвовалъ въ 1893 г. Казанскому университету; равнымъ образомъ казанская библіотека всецѣло обязана ему своей организаціей. Изъ научныхъ трудовъ покойнаго наиболѣе замѣчательна его упомянутая выше докторская диссертація, не утратившая и по настоящее время своего значенія. Кромѣ того, имъ изданы два тома исторіи Казанскаго университета—«Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819 гг.)», Казань, 1887 и 1891, и отдѣльными брошюрами рѣчи: 1) Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы (актовая рѣчь 1855 г.); 2) къ столѣтней памяти Ломоносова (1865 г.); 3) Литература и общество въ Россіи въ послѣднее время (актовая рѣчь въ 1865 г.); 4) Біографическій очеркъ Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности (читано въ Симбирскѣ 1 и 2 декабря 1866 г.); 5) О миѳическомъ преданіи, какъ главномъ содержаніи народной поэзіи (актовая рѣчь 1870 г.); 6) Первая литературная дѣятельность Ѳ. М. Достоевскаго съ 1845 по 1850 г. (актовая рѣчь 1881 г.); 7) Характеристика Жуковскаго (1883 г.); 8) Характеристика Пушкина (1887 г.). Боль-

шая часть этихъ рѣчей помѣщена въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета», которыхъ редакторомъ Н. Н. Буличъ состоялъ съ 1865—1868 г. и затѣмъ въ 1880 годахъ. Кромѣ «Ученыхъ Записокъ», подъ его главной редакціей изданы «Труды IV Казанскаго Археологическаго съѣзда» въ 2 томахъ съ атласомъ, Казань, 1884 и 1891 гг. Сверхъ того, статьи покойнаго помѣщались въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Справочномъ Листкѣ г. Казани», «Камско-Волжской Газетѣ», «Волжскомъ Вѣстникѣ», «Атенеѣ» 1858 г., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1859—1862) и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1863 г.). Имъ помѣщено также въ изданіяхъ академіи наукъ нѣсколько разборовъ сочиненій, представлявшихся на полученіе Демидовскихъ, Уваровскихъ и Пушкинскихъ премій; наконецъ, по свидѣтельству проф. Д. А. Корсакова, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», изд. въ С.-Петербургѣ въ 1861 г. подъ редакціей Краевскаго, перу Н. Н. Булича принадлежитъ нѣсколько біографій русскихъ писателей.

† **А. А. Дьяковъ** (Житель). 16-го іюля на Хаджибейскомъ лиманѣ около Одессы скончался Александръ Александровичъ Дьяковъ, преимущественно извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Жителя. Покойный родился въ городѣ Ржевѣ, Тверской губерніи, 2-го ноября, 1845 года. Сынъ купца, онъ получилъ начальное образованіе въ уѣздномъ училищѣ, а дальнѣйшее у частнаго гувернера Геринга. Въ 1857 году былъ отвезенъ вотчимомъ въ Москву въ Строгановское рисовальное училище, изъ котораго, впрочемъ бѣжалъ отъ жестокости одного изъ педагоговъ и въ 1859 г. опредѣлился въ Технологическій институтъ. Курса здѣсь онъ не кончилъ, но получилъ охоту къ литературѣ, благодаря А. А. Потѣхину, который прекрасно читалъ въ институтѣ словесность. Возвратясь на родину, проторговалъ отцовское состояніе и въ 1867 году прибылъ въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ. Два года велъ онъ крайне бѣдственное скитальчество по редакціямъ мелкихъ изданій, гдѣ писалъ много, а получалъ грошевое вознагражденіе. Запасшись рекомендаціей отъ двухъ литераторовъ, онъ уѣхалъ на югъ Россіи и поступилъ учителемъ въ село Благодатное, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Школа эта состояла подъ руководствомъ барона Н. А. Корфа. Онъ проработалъ здѣсь годъ и разошелся съ барономъ, хотя тотъ назначалъ его секретаремъ училищнаго совѣта. Затѣмъ, пробывъ годъ нотаріусомъ въ г. Александровскѣ, онъ уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ вступилъ въ нигилистическій кружокъ и учительствовалъ въ селѣ Ольшанахъ. Потомъ онъ снова появился въ Петербургѣ, гдѣ напечаталъ въ «Новомъ Времени», которое въ то время издавалъ г. Нотовичъ, романъ «Степные миссіонеры», не поправившій его крайне стѣсненныхъ средствъ. Замѣшанный вслѣдъ затѣмъ въ одномъ политическомъ дѣлѣ, онъ принужденъ былъ уѣхать за границу и одно время вращался въ душной сферѣ эмиграціонныхъ кружковъ, глубоко страдая отъ своего ложнаго положенія и отъ невозможности вернуться на родину. Сверхъ того, безотрадное впечатлѣніе отъ близкаго знакомства съ тѣми лицами, которыя стояли во главѣ нашихъ заграничныхъ дѣятелей, окончательно раскрыло ему глаза на его прискорбное заблужденіе. Принадлежа къ числу умственно твердыхъ и смѣлыхъ людей, онъ не колебался въ борьбѣ съ самимъ собою и отважно выступилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова подъ псевдонимомъ Незлобина съ правдивыми, но тѣмъ болѣе потрясающими описаніями въ беллетристической формѣ быта заграничныхъ нигилистовъ. Изъ Цюриха, куда онъ бѣжалъ первоначально, онъ перебрался вслѣдъ затѣмъ въ Дрезденъ, гдѣ жилъ уроками, и получилъ отъ академіи золотую медаль за акварель. Въ 1875 году нѣсколько разъ, рискуя ссылкой, пріѣзжалъ въ Россію подъ чужими именами и отправился корреспондентомъ отъ «Московскихъ Вѣдомомостей» въ Сербію и Черногорію. Въ 1880 г. былъ арестованъ на границѣ, въ Волочискѣ, но по ходатайству Каткова былъ прощенъ и съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ свои

силы литературѣ. Когда профессоръ Цитовичъ предпринялъ изданіе антинигилистической газеты «Берегъ», то А. А. Дьяковъ состоялъ въ ней однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ и работалъ до закрытія этой газеты. Затѣмъ онъ снова ѣздилъ за границу, жилъ нѣсколько времени въ Лондонѣ и опять вернулся въ Петербургъ. Послѣ этого начинается его сотрудничество въ «Новомъ Времени» изданія А. С. Суворина, гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ писалъ подъ псевдонимомъ Жителя воскресные фельетоны. Написалъ онъ, кромѣ длиннаго ряда статей и фельетоновъ, также нѣсколько крупныхъ произведеній, а именно: «Книга раздора», «Сусальныя звѣзды», «Наши дамы», «Чужая жена», «Лѣсной царь», «Денежная оргія», «Этюды и картинки», «Головка красавицы», «Рублевая деревня», «На отдыхѣ» и нѣкоторыя другія. Послѣднее произведеніе его, помѣщенное въ фельетонахъ «Новаго Времени», носитъ названіе «Ангелъ мой». Покойный, помимо литературнаго дарованія, обладалъ еще способностью къ живописи: онъ недурно рисовалъ акварелью, былъ страстный любитель картинъ и, несмотря на свои скромныя средства, собралъ очень порядочную колекцію произведеній русскихъ и иностранныхъ мастеровъ. Художествомъ и художниками онъ интересовался постоянно и былъ въ этомъ отношеніи типическимъ любителемъ, явленіемъ очень рѣдкимъ у насъ. Смерть настигла его въ цвѣтѣ лѣтъ и совершенно внезапно. Поселившись для лѣтняго отдыха въ 22-хъ верстахъ отъ Одессы и въ 3-хъ верстахъ отъ станціи Гниляково юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ въ мѣстности, называемой «Холодная Балка», онъ слишкомъ злоупотреблялъ чрезмѣрно частыми купаньями въ лиманѣ. 16-го іюля, въ 45° жары, онъ выкупался четыре раза и, едва воротившись домой, мгновенно скончался, не успѣвъ сказать ни слова. Тѣло покойнаго было 18-го іюля отправлено въ Петербургъ, гдѣ и погребено на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища. Для характеристики покойнаго приведемъ нѣсколько отзывовъ о немъ изъ повременной печати. «Наши читатели, — пишетъ «Новое Время» (№ 6961), — хорошо знакомы съ выдающимся и оригинальнымъ талантомъ покойнаго: въ продолженіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ онъ почти каждую недѣлю давалъ свои бойкіе и проникнутые сатирической желчью очерки современной русской дѣйствительности, черпая для нихъ матеріалъ иногда прямо изъ судебной и общественной хроники, иногда изъ своихъ личныхъ наблюденій. Его талантъ былъ нѣсколько монотоненъ, и юморъ подчасъ немного тяжелъ и рѣзокъ, но, тѣмъ не менѣе, очень своеобразенъ и въ своемъ родѣ неподражаемъ. Его фельетоны отличались всегда живостью и интересомъ; несмотря на пессимистическое и отрицательное міросозерцаніе автора, они привлекали къ нему симпатіи многихъ читателей, очень часто присылавшихъ ему благодарственныя письма за безпощадную критику разныхъ неурядицъ и безобразій нашего общественнаго строя. Онъ работалъ много, живо и съ увлеченіемъ, отдавая литературѣ всего себя. По силѣ и оригинальности таланта, онъ, безъ сомнѣнія, не уступаетъ никому изъ тѣхъ своихъ сверстниковъ, которые вступили одновременно съ нимъ на белетристическое поприще. Несмотря на то, что извѣстная часть нашей критики или замалчивала, или бранила произведенія покойнаго, они имѣли значительный успѣхъ. Срочная газетная работа, конечно, отнимала у А. А. возможность обработывать свои вещи съ полной законченностью. Но все же, говоря безпристрастно, такихъ вещей, какъ его «Кружковщина» и «Сусальныя звѣзды», въ нашей современной беллетристикѣ сыщется немного». «Никто не станетъ отрицать, — говоритъ критикъ «Гражданина» г. Южный («Гражданинъ», №206), — что покойный былъ писатель съ немалымъ и притомъ вполнѣ оригинальнымъ талантомъ, который давалъ ему читателей даже въ средѣ ненавидѣвшихъ и ругавшихъ его. У него была совершенно особенная манера письма, по которой его строчку можно было всегда отличить изъ сотни другихъ. Какъ всякій журналистъ, привыкшій всякое свое слово

выносить на показъ, въ публику, онъ склоненъ былъ къ нѣкоторому преувеличенію; картины, которыя онъ рисовалъ на основаніи своихъ наблюденій, всегда облиты были какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ, который производилъ тяжелое впечатлѣніе, но, тѣмъ не менѣе, эта склонность къ эффектамъ не мѣшала ему ни видѣть, ни изображать предъ другими настоящую дѣйствительность, въ общемъ вѣрно и правильно понимаемую. Въ немъ, можно сказать, журналистъ убилъ художника. Дьяковъ недурно рисовалъ акварелью, былъ хорошій знатокъ картинъ, и по немногимъ его чисто-беллетристическимъ произведеніямъ можно думать, что при иныхъ условіяхъ, если бы жизнь для него сложилась не такъ трагически въ полномъ смыслѣ этого слова, изъ него выработался бы хорошій беллетристъ. Но бурнымъ потокомъ разныхъ несчастныхъ для него случайностей его отнесло далеко въ сторону отъ дороги чисто-художественной. Онъ весь ушелъ въ публицистику, хотя и дѣлалъ слабыя попытки свернуть на прежнюю дорогу. Но слѣды художественнаго дарованія сказывались, конечно, и въ публицистѣ. И если его очерки не представляли собою художественныхъ картинъ, въ которыхъ натура включена въ строгія и правильныя линіи, то ихъ можно сравнить съ прекрасными декораціями, предназначенными для колоссальной сцены съ огромной толпой зрителей. Декорація, конечно, не картина, не тонкое произведеніе искусства, но это тоже въ своемъ родѣ художественное произведеніе. Во всякомъ случаѣ, повторяю, Дьяковъ обладалъ несомнѣннымъ талантомъ и могъ бы не безъ основанія сказать про себя словами Мюссе: «mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre». Но, кромѣ пятнадцатилѣтняго служенія публицистикѣ, за Дьяковымъ есть одна еще очень крупная заслуга, которой необходимо коснуться именно теперь, когда его ужъ нѣтъ въ живыхъ. Вѣроятно, еще многіе помнятъ, какое впечатлѣніе произвели первые обличительные разсказы его за подписью Незлобина. Разсказы эти имѣли одну цѣль — обнаружить возмутительныя похожденія нашихъ заграничныхъ бунтарей, похожденія, дотолѣ никому неизвѣстныя, ловко замаскированныя показною стороною, красиво задрапированныя въ пестрыя ткани разныхъ модныхъ теорій. Разсказы эти появились въ семидесятыхъ годахъ, т. е. именно во время разгара нашего нигилизма. Всѣ обличенія, съ которыми выступилъ молодой писатель, представляли собою не измышленія досужаго человѣка, а самые свѣжіе, такъ сказать, вчерашніе факты, которыхъ ни отрицать, ни прикрывать не было никакой возможности. Не имѣя ничего возразить на эти обличенія по существу, противъ Дьякова стали говорить, что онъ «продалъ идею», «измѣнилъ знамени» и сталъ обличителемъ единственно изъ-за своекорыстныхъ видовъ. Нѣтъ, можно имъ отвѣтить теперь, когда передъ нами уже вся жизнь этого писателя: тутъ не было измѣны, отступничества отъ убѣжденій, тутъ было только отвращеніе отъ лжи, какъ только ложь обнаружилась тамъ, гдѣ предполагалась одна правда. И такое отступленіе можетъ и должно быть поставлено писателю въ прямую заслугу. Для того, чтобы выступить съ обличеніями тогда, когда это сдѣлалъ покойный Дьяковъ, надо было имѣть и очень твердыя убѣжденія, и очень много безстрашія для пропаганды этихъ убѣжденій». «Фельетоны Жителя, — пишетъ фельетонистъ «Русскаго Слова», г. А. Скопинскій, — злобные, желчные, бичующіе, обращали на себя вниманіе. Ихъ читали, ихъ комментировали, на нихъ негодовали, ими восхищались. Вспоминая темы его послѣднихъ произведеній и ужасаясь предъ тою страшною нравственною грязью, которую онъ въ нихъ изображаетъ, убѣждаешься, что, оставаясь человѣкомъ, трудно было Дьякову сохранить здѣсь хладнокровіе. Онъ изображалъ дѣйствительную жизнь, но при освѣщеніи краснымъ бенгальскимъ огнемъ, какъ выразился кто-то въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ памяти покойнаго Дьякова». Переходя далѣе къ «слову правды», сказанному Дьяковымъ о заграничныхъ нашихъ нигилистахъ,

г. Скопинскій продолжаетъ: «Въ свое время за это слово правды много словъ укоризны, много низкой брани пришлось ему выслушать отъ тѣхъ, кого это слово задѣло не въ бровь, а прямо въ глазъ. Но онъ не обращалъ на это вниманія, ибо зналъ, что поступилъ такъ, какъ должно было поступить всякому порядочному человѣку, имѣвшему возможность сказать хотя бы и грубое, но отрезвляющее слово. Въ послѣдующей своей дѣятельности Дьяковъ-Житель не измѣнилъ себѣ и постоянно говорилъ грубое, но вѣрное слово о темныхъ сторонахъ современной жизни. За неизбѣжныя же увлеченія и преувеличенія да проститъ ему безпристрастная критика, которая сумѣетъ въ его сатирахъ отличить истину отъ окутывающей ее иногда (впрочемъ, довольно рѣдко) гиперболы». «Покойный А. А. Дьяковъ,—пишетъ «Одессій Листокъ» на слѣдующій день послѣ его кончины, — умѣлъ всегда попадать въ самое больное мѣсто. Стрѣлы его сатиры были великолѣпно заостренныя стрѣлы, и онъ пускалъ ихъ мѣткою рукою. Это были стрѣлы, отравленныя желчью, и тѣ, въ кого онѣ попадали, чувствовали жгучую боль. У А. А. Дьякова не было друзей: лучшая похвала для журналиста вообще, а для сатирика въ особенности. Журналисту, мало-мальски съ именемъ и положеніемъ, вовсе не трудно пріобрѣсти себѣ друзей. Стоитъ назвать каждаго дурака печатно умнымъ человѣкоаъ и каждаго подлеца честнымъ— и у васъ будетъ друзей масса. Гораздо почетнѣе для журналистовъ пріобрѣтать себѣ враговъ. И А. А. Дьяковъ имѣлъ ихъ массу. Это былъ человѣкъ не знавшій пощады. Онъ клеймилъ безпощадно всѣ темныя стороны жизни Онъ былъ мрачнымъ и озлобленнымъ пессимистомъ во взглядахъ на все. Въ деревнѣ онъ видѣлъ владычество кулака, безпросвѣтную тьму, вѣковое невѣжество, пьянство, разнузданность инстинктовъ. Въ интеллигенціи онъ видѣлъ азіатскую дикость подъ маской европейской цивилизованности. Въ семейной жизни жены казались ему «содержанками своихъ мужей», которыя только тѣмъ и заняты, чтобъ тянуть съ мужей какъ можно больше на содержаніе. Въ театрѣ онъ видѣлъ не жрецовъ искусства, а людей, готовыхъ какою угодно цѣною добиться грошеваго успѣха. Въ прессѣ онъ видѣлъ все больше и больше разростающуюся продажность. Въ общественныхъ дѣятеляхъ—фигляровъ и рекламеровъ». «Новороссійскій Телеграфъ» характеризуетъ слѣдующимъ образомъ главнѣйшую, по его словамъ, заслугу покойнаго: «Зная будничную деревню, весь этотъ скучный, ни во что еще вполнѣ опредѣленное не уложившійся пореформенный деревенскій строй, А. А. Дьяковъ много труда посвятилъ деревнѣ, освѣщая различные вопросы деревенскаго быта, — и въ разработкѣ этихъ вопросовъ, въ установленіи яснаго взгляда на эту современную деревню многаго достигъ. Изображая нравы распущеннаго населенія, онъ чрезвычайно искусно схватывалъ и отрицательныя черты всего вообще деревенскаго міра, глубоко-безпомощнаго въ своей независимости отъ помѣщика, разоряемаго кулакомъ и кабакомъ, безправіемъ слабаго, задавленностью труда и труженика... Но Дьяковъ не впадалъ въ крайность, не былъ сторонникомъ старыхъ порядковъ, не проповѣдывалъ возвращенія къ крѣпостничеству: онъ даже жестоко полемизировалъ по этому вопросу съ княземъ Мещерскимъ. Картины деревни въ изображеніи Дьякова выходили всегда яркими, цѣльными, вызывающими на размышленіе, и какъ бы хорошо ни подмѣчалъ онъ извѣстныя теченія въ жизни городского общества, какъ бы тонко ни изображалъ интимную жизнь средняго круга, разъѣдаемую тѣми или другими невзгодами, но несомнѣнно, что наибольшую заслугу А. А. составляютъ его деревенскія наблюденія, полныя характерныхъ деталей, своеобразно и сильно переданныя». Какъ весьма характерное для выясненія отношенія читателей къ покойному, приводимъ еще слѣдующее письмо безъ подписи, полученное въ редакціи «Новаго Времени» въ числѣ прочихъ писемъ и депешъ съ выраженіемъ соболѣзнованія: «Покорнѣйше просимъ редакцію принять эти 50 рублей для возложенія металлическаго

вѣнка на могилу А. А. Дьякова, въ знакъ глубокой скорби и вниманія многочисленныхъ почитателей талантливаго писателя по вопросу противъ вивисекцій». («Новое Время», 29 іюля 1895 г.). Это пожертвованіе нашло себѣ сочувственный откликъ въ печати. Такъ «Русское Слово» (№ 207) говоритъ по поводу его: «Вѣнокъ, который будетъ возложенъ на могилу Дьякова, явится однимъ изъ лучшихъ воздаяній ему. Это вѣнокъ за гражданское мужество и за любовь къ наукѣ. Да, за любовь къ наукѣ, ибо истинная наука въ безсмысленныхъ жестокостяхъ не нуждается». Другое проявленіе общественной симпатіи выразилось еще болѣе характернымъ способомъ: 24-го іюля, въ девятый день по кончинѣ А. А. Дьякова въ старой церкви Волковскаго кладбища была отслужена заупокойная литургія. О. архимандритъ Ефремъ, начальникъ духовной православной миссіи въ Абиссиніи, священникъ Покровской церкви, что на Боровой, о. Николай Рукинъ и священникъ кладбищенскаго собора о. Николай Оранскій, которые и отслужили соборне литургію и панихиду въ церкви и литію на могилѣ, явились по собственной иниціативѣ и служили безвозмездно, желая выразить вниманіе къ памяти писателя, произведенія котораго они всегда читали («Новое Время», № 6969).

† **В. Д. Сиповскій.** 21-го іюля, въ 11 часовъ утра, въ деревнѣ Лисино, близъ станціи Тосно, скончался послѣ непродолжительной и тяжкой болѣзни одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ педагоговъ, директоръ с.-петербургскаго училища глухонѣмыхъ и редакторъ педагогическаго журнала «Образованіе», Василій Дмитріевичъ Сиповскій. Покойный родился 26-го апрѣля 1844 года въ гор. Умани Кіевской губерніи. Окончивъ курсъ въ с.-петербургской Ларинской гимназіи съ золотою медалью, В. Д. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по историко-филологическому факультету, въ которомъ блестяще окончилъ курсъ въ 1868 г. со степенью кандидата. Несмотря на то, что извѣстный профессоръ М. С. Куторга предлагалъ В. Д. остаться при университетѣ для подготовленія къ профессорской кафедрѣ, Сиповскій предпочелъ ученому поприщу скромную дѣятельность педагога. Свою службу В. Д. началъ въ томъ же 1868 г. въ Петербургѣ преподавателемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и словесности во второй прогимназіи (нынѣ седьмая гимназія); одновременно онъ преподавалъ всеобщую и русскую исторію въ Маріинской женской гимназіи. Съ 1871 по 1874 г. В. Д. состоялъ на службѣ въ Кіевѣ воспитателемъ и преподавателемъ русскаго и церковнославянскаго языковъ и исторіи въ коллегіи Павла Галагана и преподавателемъ исторіи въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ коллегіи В. Д. состоялъ также библіотекаремъ и секретаремъ совѣта и правленія. Въ своей сферѣ онъ всегда являлся живымъ и даровитымъ педагогомъ-учителемъ, чуждымъ рутинныхъ пріемовъ и умѣвшимъ вызвать у учащихся интересъ и любовь къ русской словесности и къ русской исторіи. Успѣху преподаванія много способствовали серьезная научная подготовка покойнаго, простое, а вмѣстѣ съ тѣмъ живое изложеніе уроковъ и гуманное, чуждое формализма, обращеніе съ учащимися. Вездѣ, гдѣ В. Д. ни преподавалъ въ разное время, онъ пользовался симпатіями своихъ многочисленныхъ ученицъ и учениковъ. Даровитость и дѣльность преподаванія не являлись единственной характерной особенностью покойнаго. Въ 1874 г. В. Д. Сиповскій перешелъ на службу по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Возвратившись въ Петербургъ, онъ въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ словесности и исторіи въ Василеостровской женской гимназіи; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ инспекторомъ той же гимназіи. Здѣсь В. Д. нашелъ отчасти тотъ просторъ, о которомъ онъ мечталъ еще въ то время, когда отправлялся въ Кіевъ. Назначеніе его состоялось въ то время, когда въ обществѣ и печати шло усиленное движеніе въ пользу женскаго образованія. В. Д. явился однимъ изъ наиболѣе горячихъ поборниковъ женскаго образованія, необхо-

димость котораго онъ съ рѣдкою настойчивостью проповѣдывалъ всю свою жизнь. Кромѣ уроковъ въ гимназіи, онъ давалъ также уроки въ патріотическомъ институтѣ, пажескомъ корпусѣ, маріинскомъ институтѣ и земской учительской школѣ, а съ 1878 г. читалъ лекціи по русской исторіи на педагогическихъ женскихъ курсахъ. Въ 1885 г. В. Д. Сиповскому было предложено взять на себя управленіе с.-петербургскимъ училищемъ глухонѣмыхъ. В. Д. предстояла нелегкая задача, такъ какъ въ институтѣ предполагалось произвести рядъ коренныхъ реформъ какъ въ отношеніи способовъ обученія и воспитанія, такъ и въ дѣлѣ усиленія ремесленныхъ занятій. Десятилѣтніе труды В. Д. въ этомъ направленіи увѣнчались успѣхомъ: въ настоящее время с.-петербургское училище глухонѣмыхъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду однородныхъ учрежденій Европы. Воспитаніе и обученіе глухонѣмыхъ поставлено на раціональную почву; ученики, оканчивающіе курсъ, умѣютъ объясняться устно и понимаютъ говорящихъ по движенію ихъ губъ; учебный курсъ повышенъ; мастерскія при училищѣ (столярная, слесарная и переплетная) и типографія отлично поставлены; принимая частные заказы (годовой оборотъ мастерскихъ и типографіи—болѣе 15.000 рублей въ годъ), онѣ даютъ возможность учащимся лучше изучить то или другое ремесло. Кромѣ педагогической и административной дѣятельности, покойный былъ извѣстенъ и въ литературѣ. Съ 1871 г. онъ издавалъ журналъ «Женское Образованіе», въ которомъ помѣстилъ рядъ крупныхъ статей по интересовавшимъ его вопросамъ («О высшихъ женскихъ курсахъ», «Чему учить и какъ учить», «Экзамены и репетиціи», «Къ вопросу о женскомъ образованіи и трудѣ» и др.). Въ 1892 г. журналъ былъ преобразованъ и сталъ выходить подъ названіемъ «Образованіе», программа его была значительно расширена, въ немъ приняли участіе лучшія педагогическія силы. В. Д. сумѣлъ высоко поставить это изданіе, въ которомъ на первомъ планѣ проводилась мысль о настоятельной необходимости широкаго народнаго образованія. Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои статьи въ «Семьѣ и Школѣ» (когда этотъ журналъ редактировался нынѣ также покойнымъ Симашко), въ журналѣ «Міръ Божій» и др. Кромѣ многочисленныхъ отдѣльныхъ статей по педагогическимъ вопросамъ, изъ-подъ пера В. Д. вышли и болѣе крупные труды. Такъ, цѣннымъ вкладомъ въ нашу учебную историческую литературу является трудъ покойнаго «Родная Старина» (въ трехъ томахъ), представляющій правдивое и талантливое изложеніе событій и культурнаго развитія Россіи до эпохи Петра Великаго. Книга эта впервые вышла въ 1879 г. и выдержала 4 изданія. Капитальнымъ трудомъ является также предпринятое покойнымъ изданіе «Исторической библіотеки для учащихся». Наконецъ покойному принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія, вышедшія отдѣльными изданіями: «О жизни и трудахъ педагога В. Я. Стоюнина», «Самостоятельное чтеніе учащихся», «Значеніе Петра Великаго въ исторіи русскихъ школъ» и др. Покойный никогда не переставалъ интересоваться вопросами обученія и воспитанія. Будучи членомъ Историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ методовъ преподаванія исторіи; въ засѣданіяхъ Педагогическаго музея онъ участвовалъ въ разсмотрѣніи вопросовъ о переводныхъ испытаніяхъ, о воспитаніи воли и другихъ. Какъ опытный педагогъ, В. Д. преподавалъ исторію ихъ императорскимъ высочествамъ великой княгинѣ Ксеніи Александровнѣ (до 1893 года) и великому князю Михаилу Александровичу. Похороны происходили 23-го іюля на Смоленскомъ кладбищѣ. На гробъ возложено было нѣсколько вѣнковъ отъ сослуживцевъ покойнаго, отъ родныхъ и др. На отпѣваніи тѣла присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи генералъ-лейтенантъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, а также педагогическій персоналъ училища глухонѣмыхъ и учащіеся, которые провожали своего директора до могилы.

† **М. И. Бочаровъ.** 13-го іюля, въ 7 час. вечера, въ Стрѣльнѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался извѣстный декораторъ императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ, академикъ декоративной живописи, Михаилъ Ильичъ Бочаровъ. Покойный родился въ 1830 году, въ купеческой семьѣ, и уже съ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ большую склонность къ рисованію. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, М. И. поступилъ въ академію художествъ, курсъ которой окончилъ въ 1858 году, со званіемъ класснаго художника. Еще въ бытность свою въ академіи художествъ М. И. получилъ медали: въ 1853 г.—2-ю серебряную за «Видъ съ Воробьевыхъ горъ въ Москвѣ», въ 1855 г.—1-ю серебряную за «Пейзажъ съ натуры», въ 1857 г.—малую золотую за «Видъ изъ окрестностей Москвы» и въ 1858 году—большую золотую за «Ай-Петри на южномъ берегу Крыма, близъ Алупки». Въ 1859 году покойный отправился пенсіонеромъ академіи художествъ за границу, гдѣ пробылъ четыре года. Въ 1863 году, по возвращеніи изъ-за границы, М. И. былъ признанъ академикомъ живописи. Въ слѣдующемъ году покойный поступилъ на службу при дирекціи императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ сперва декораторомъ, а затѣмъ въ качествѣ завѣдующаго декоративной мастерской, гдѣ и оставался до послѣднихъ дней. Первой работой его по декоративной части были декораціи къ драмѣ «Гибель фрегата Медузы». Покойнымъ написанъ цѣлый рядъ декорацій для оперъ и балетовъ императорскихъ сценъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны декораціи для оперъ «Африканка», «Іоаннъ Лейденскій», «Млада», балета «Спящая красавица» и др. Въ декабрѣ 1888 г., по случаю исполнившагося 25-ти-лѣтія художественной дѣятельности покойнаго, въ бенефисъ М. И. была поставлена въ Маріинскомъ театрѣ опера «Вильгельмъ Тель», всѣ декораціи для которой были написаны покойнымъ. Въ 1883 году М. И. былъ вторично командированъ за границу, посѣтилъ Германію, Австрію и Францію, гдѣ ознакомился съ устройствомъ сценъ и съ постановкой декоративнаго искусства. Въ 1885 г. М. И. было поручено, по представленному имъ проекту, исполненіе работъ по разрисовкѣ наружныхъ стѣнъ зданій собственнаго его величества Аничкова дворца, выходящихъ въ садъ. За удачное исполненіе работъ покойный удостоился высочайшей благодарности въ бозѣ почившаго императора Александра III. Кромѣ того, М. И. работалъ въ кронштадтскомъ театрѣ и др. Покойный оставилъ по себѣ хорошую память, какъ добрый и отзывчивый на горе ближняго человѣкъ. Какъ декораторъ, М. И. Бочаровъ обладалъ широкимъ пріемомъ письма и въ совершенствѣ зналъ правила линейной и воздушной перспективы. Всѣ написанныя имъ декораціи прекрасно приспособлены къ освѣщенію и отличаются живописной обстановкой. Въ особенную заслугу покойнаго нужно поставить то, что, благодаря его даровитому мастерству, декораціонная живопись, находившаяся прежде въ рукахъ иностранцевъ-декораторовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, за послѣднее десятилѣтіе вступила на путь самостоятельности.

† **Е. А. Сорокинъ.** 21-го іюля скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни главный врачъ клиническаго военнаго госпиталя Ефимъ Алексѣевичъ Сорокинъ, котораго хорошо знали и долго будутъ помнить многія поколѣнія военныхъ врачей, получившихъ и потомъ закончившихъ свое медицинское образованіе въ бывшей медико-хирургической, теперь военно-медицинской академіи. Покойный родился въ Вологдѣ 13-го мая 1838 г. По окончаніи курса въ медицинской академіи въ 1859 г., онъ былъ назначенъ военнымъ врачемъ на одну изъ окраинъ имперіи. Прямо почти со школьной скамьи и безъ всякаго опыта онъ очутился въ Орской крѣпости единственнымъ врачемъ, гдѣ ему пришлось нести не только чисто-врачебныя, но врачебно-административныя и санитарныя обязанности. Въ то время Орская крѣпость была переходнымъ пунктомъ для войскъ, двигавшихся въ Закаспійскій край и обратно. Покойному приходилось работать безъ перерыва

съ утра до ночи, осматривая двигающіяся команды, при чемъ онъ принужденъ былъ, кромѣ того, исполнять обязанности и ветеринара, такъ какъ таковою въ крѣпости не было. Онъ быстро освоился и прекрасно справлялся со всѣмъ этимъ обширнымъ и самостоятельнымъ дѣломъ, и находилъ еще время составлять научные военно-санитарные отчеты. Это сразу его выдвинуло среди другихъ его товарищей, и онъ былъ сдѣланъ секретаремъ изъ медиковъ оренбургскаго окружнаго военно-медицинскаго управленія. Въ 1868 г. Ефимъ Алексѣевичъ для усовершенствованія медицинскаго образованія былъ прикомандированъ къ военно-медицинской академіи. Это было время, когда прогрессъ медицины сосредоточивался въ той ея области, которая извѣстна подъ именемъ патологической анатоміи. Поддаваясь общему увлеченію, онъ работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго патолого-анатома Руднева и, по свидѣтельству послѣдняго, диссертація покойнаго («Къ патологической гистологіи желудка») на степень доктора медицины, заключала массу новыхъ данныхъ и вообще представляла совершенно новую и вполнѣ законченную обработку даннаго предмета. Вскорѣ по защитѣ диссертаціи ему было предложено мѣсто помощника главнаго врача клиническаго госпиталя, которое онъ занялъ въ 1870 г. Въ этой должности проявилась его административная опытность, и въ 1884 г. онъ былъ назначенъ главнымъ врачемъ того же госпиталя. Здѣсь обнаружились лучшія стороны его характера. Въ клиническомъ военномъ госпиталѣ, съ его громаднымъ личнымъ персоналомъ (въ составъ котораго входятъ весьма разнообразные, постоянно мѣняющіеся элементы), требовалось много умѣнія и такта, чтобы сглаживать неровности и мирить самолюбія, предотвращать столкновенія, вполнѣ согласовать и направлять ходъ сложной административной машины. Замѣчательная простота, необычайная доброта, величайшая скромность, громадная административная опытность, точность и акуратность и другія симпатичныя стороны его характера помогли ему заслужить всеобщую любовь и уваженіе. Снисходительный къ подчиненнымъ, строгій къ себѣ, онъ часто предпочиталъ дѣлать самъ чужую работу, вмѣсто того, чтобы потребовать ея исполненія отъ другихъ. Такимъ онъ былъ не только въ своемъ госпиталѣ, но и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, работая во многихъ сложныхъ и разнообразныхъ коммиссіяхъ. Долгое время онъ состоялъ вице-предсѣдателемъ и нѣкоторое время предсѣдателемъ главной медицинской кассы. Во время послѣдней войны онъ завѣдовалъ подготовкою санитаровъ для дѣйствующей арміи. При всемъ этомъ онъ никогда не страшился черной работы и всегда старался оставаться въ тѣни. Вообще покойный былъ добрый человѣкъ и скромный труженикъ съ дѣтски-наивнымъ, всепрощающимъ сердцемъ. Это былъ товарищъ въ лучшемъ смыслѣ слова, готовый всегда оказать всякую услугу и помощь не только каждому врачу, но и всякому, кому только могъ. Подчиненные ему врачи всегда видѣли въ немъ только добраго старшаго товарища. Состоя преподавателемъ въ с.-петербургской военно-фельдшерской школѣ, Ефимъ Алексѣевичъ относился съ крайней гуманностью и отеческой нѣжностью къ воспитанникамъ школы, каковое отношеніе продолжалось и тогда, когда они уже покидали школу и поступали на службу; во всемъ, что касалось улучшенія быта и положенія фельдшерскихъ учениковъ, онъ принималъ горячее участіе. Онъ былъ постояннымъ печальникомъ этой низшей медицинской братіи.

† **И. И. Домонтовичъ.** 23-го іюля, на дачѣ въ Стрѣльнѣ, скончался на 81-мъ году отъ роду, одинъ изъ старѣйшихъ гласныхъ с.-петербургской городской думы и старѣйшій питомецъ С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Домонтовичъ. И. И. принадлежалъ къ потомкамъ генеральнаго судьи войска запорожскаго И. М. Домонтовича, бывшаго при присоединеніи Малороссіи. Родился онъ 3-го января 1815 г., образованіе получилъ въ с.-петербургскомъ высшемъ училищѣ, затѣмъ, въ 1833 г., кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ,

со степенью кандидата. Съ 1833 по 1866 г.—служилъ по духовному вѣдомству православнаго исповѣданія и былъ, между прочимъ, вице-директоромъ духовно-учебнаго управленія и управляющимъ дѣлами высочайше учрежденнаго присутствія по улучшенію быта православнаго духовенства. Съ 1866 г., выйдя въ отставку, И. И. Домонтовичъ былъ избранъ въ гласные петербургской думы и тамъ впродолженіе почти тридцати лѣтъ всегда, въ особенности же въ годы своей молодости, являлся энергичнымъ защитникомъ обывательскихъ интересовъ, заботясь о городскомъ благоустройствѣ и порядкахъ. При разсмотрѣніи разнообразныхъ вопросовъ въ засѣданіяхъ Думы и думскихъ коммиссій, И. И. всегда старался освѣтить каждый вопросъ всесторонне. Въ 1874 году онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи по устройству мостовыхъ и подземныхъ трубъ для отвода нечистотъ и напечаталъ по этому дѣлу объемистую книгу съ разнаго рода весьма цѣнными справками и соображеніями («Записки по проектамъ объ отводѣ городскихъ нечистотъ», Спб., 1874). Затѣмъ покойный предсѣдательствовалъ въ той комиссіи по изысканію системъ для отвода городскихъ нечистотъ, которая заказала инженеру Линдлею планъ на устройство канализаціи въ Петербургѣ, принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи по народному образованію и др. С.-Петербургскій университетъ избралъ его, какъ старѣйшаго своего питомца, въ свои почетные члены. Похороны покойнаго состоялись 25 іюля на Смоленскомъ кладбищѣ. Въ 9 часовъ утра гробъ съ останками покойнаго былъ перевезенъ изъ Стрѣльны на Балтійскій вокзалъ и здѣсь встрѣченъ представителями с.-петербургскаго городского управленія. Городской голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ возложилъ на гробъ И. И. Домонтовича громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ с.-петербургскаго управленія; другой роскошный вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ на бархатной подушкѣ съ надписью: «Маститому ревнителю профессіональнаго образованія», возложенъ женской профессіональной школой г-жи Коробовой, гдѣ покойный состоялъ попечителемъ. Ученицы этой школы провожали своего попечителя до могилы. На вокзалъ собрались и многіе изъ гласныхъ думы. Вслѣдъ затѣмъ въ ближайшемъ своемъ засѣданіи, 26 іюля, дума почтила память почившаго вставаніемъ и постановила выразить соболѣзнованіе его семейству, а также внести городской управѣ въ думу докладъ къ сентябрю, какимъ способомъ увѣковѣчить его память.

† **Гр. П. Д. Бутурлинъ.** 24-го іюля, въ своемъ родовомъ имѣніи Таганчи, Кіевской губерніи, скончался на 37 году гр. Петръ Дмитріевичъ Бутурлинъ. Любители русской поэзіи, вѣроятно, знакомы съ симпатичнымъ талантомъ покойнаго. Онъ помѣщалъ свои стихотворенія преимущественно въ журналѣ «Наблюдатель», и, кромѣ того, имъ были выпущены въ свѣтъ отдѣльный томикъ стихотвореній и брошюра съ двадцатью сонетами; въ нихъ отразился изящный вкусъ П. Д. и пониманіе имъ истинно прекраснаго и художественнаго. Гр. П. Д. получилъ образованіе въ Англіи (Ascot college) и жилъ вообще до шестнадцати-лѣтняго возраста за границей. Вернувшись въ Россію, не зная ни слова порусски, онъ однако же вскорѣ увлекся всѣмъ русскимъ и въ особенности русской литературой; съ свойственной ему энергіею и настойчивостью, онъ сталъ изучать русскій языкъ, русскую жизнь и народъ и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Таганчи. Смерть неожиданно вырвала его изъ круга семьи и друзей, среди полнаго расцвѣта таланта и силъ. Въ Кіевѣ, гдѣ покойный жилъ по зимамъ послѣдніе годы, хорошо извѣстна его широкая благотворительность и отзывчивость на все полезное и доброе. Стихотворенія покойнаго отличались изысканностью формы и разнообразіемъ техническихъ пріемовъ, причемъ особенно замѣчательно пристрастіе автора къ сжатымъ и строгимъ лирическимъ формамъ, особенно къ сонету. Въ цѣломъ эти стихотворенія до такой степени примыкаютъ къ современнымъ французскимъ парнассцамъ, что какъ будто лишь по недоразумѣнію писаны порусски, тѣмъ болѣе, что неправильный языкъ и нерусскіе

обороты рѣчи довольно часто въ нихъ останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя. Во всякомъ случаѣ дарованіе автора, хотя небольшое и неглубокое, не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя не пожелать поэтому скорѣйшаго выпуска въ свѣтъ полнаго собранія стихотвореній покойнаго.

† **А. Д. Медвѣдева.** Въ маѣ текущаго года скончалась старѣйшая представительница далекаго прошлаго русской сцены и въ частности московскаго театра, Акулина Дмитріевна Медвѣдева, мать заслуженной артистки Малаго театра Н. М. Медвѣдевой. На долю покойной выпала долгая жизнь. Дочь театральнаго капельдинера, она родилась 31-го іюля 1796 года и до столѣтія не дожила всего десяти мѣсяцевъ. Ея сценическая карьера закончилась больше 70-ти лѣтъ тому назадъ. Во время бѣдствій двѣнадцатаго года А. Д. Медвѣдева воспитывалась въ театральной школѣ при московскихъ театрахъ, и когда школа была переведена въ гор. Плесъ, а затѣмъ въ Кострому, участвовала въ домашнихъ спектакляхъ. «Здѣсь,—говоритъ тогдашній театральный лѣтописецъ г. Араповъ, — заронилась искра сценическаго призванія въ двухъ въ то время юныхъ талантахъ, впослѣдствіи извѣстныхъ актрисахъ Окуневой (Сабуровой) и Медвѣдевой». Изъ театральной школы покойная была выпущена въ 1816 году, но черезъ восемь лѣтъ «по слабости здоровья» была уволена отъ службы. Будучи на сценѣ, А. Д., по обычаю того времени, участвовала и въ драмахъ (играла съ С. Ѳ. Мочаловымъ), и въ операхъ (пѣла съ В. М. Самойловымъ), и въ балетныхъ дивертисментахъ. Дарованіе артистки было отмѣчено еще императоромъ Александромъ I, который зналъ Медвѣдеву и Окуневу, хвалилъ ихъ службу и желалъ имъ успѣха. Отъ Александра I А. Д. Медвѣдева имѣла подарокъ—драгоцѣнный фермуаръ. Родившись въ царствованіе Екатерины II, А. Д. жила втеченіе послѣдующихъ шести царствованій. Всю свою долгую жизнь А. Д. прожила съ дочерью. Съ дѣтства она слѣдила за развитіемъ ея дарованія, до 75 лѣтъ своей жизни она всегда сопровождала дочь свою въ театръ и одѣвала ее къ спектаклю, всегда любила сцену и чуть не наизусть знала весь репертуаръ московскаго театра. Послѣдніе годы А. Д. потеряла зрѣніе, но сознаніе сохраняла до послѣдней минуты.

† **Н. Е. Хлѣбникова.** Въ ночь на 30-е іюля скончалась послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни артистка императорскихъ театровъ Наталія Егоровна Хлѣбникова 1-я. Покойная родилась въ 1850 году. По окончаніи курса въ театральномъ училищѣ, была принята въ составъ драматической труппы Александринскаго театра. Дебютировала Н. Е. въ роли Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ» въ 1869 году. Затѣмъ до 1883 г., въ продолженіе 14 лѣтъ, появлялась на сценѣ въ качествѣ исполнительницы второстепенныхъ ролей, изъ которыхъ особенно удавались ей бытовыя. Одновременно она принимала участіе во многихъ спектакляхъ частныхъ сценъ, такъ какъ въ былое время это участіе артистамъ императорскихъ театровъ разрѣшалось.

† **А. Залѣскій.** Въ послѣднихъ числахъ іюля скончался въ Варшавѣ на 37 году жизни Антонъ Залѣскій, издатель газеты «Слово», одинъ изъ талантливѣйшихъ польскихъ публицистовъ. Покойный родился въ Подольской губ., образованіе получилъ въ Краковѣ и Чешской Прагѣ, откуда, будучи 19 лѣтнимъ юношей, писалъ уже корреспонденціи въ варшавскую «Газету Польскую». Затѣмъ нѣкоторое время онъ помѣщалъ политическія статьи въ краковскомъ «Часѣ» и, переѣхавъ въ Варшаву, сотрудничалъ въ журналѣ «Эхо»; наконецъ, 14 лѣтъ тому назадъ, основалъ «Слово», самое серьезное и наилучше редактируемое варшавское изданіе. Въ прошломъ году покойный Залѣскій пріѣзжалъ въ Петербургъ въ качествѣ члена польской депутаціи, прибывшей къ бракосочетанію Ихъ Величествъ. Кромѣ статей публицистическаго содержанія, покойный издалъ нѣсколько книгъ, имѣвшихъ успѣхъ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1895 года).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
A 000 275 532 0

